

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

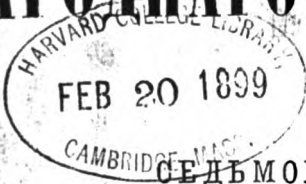

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІ.

321
1899

1899.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.

1899.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія	3
В. К. Сергѣевичъ. Русская Правда и ея списки	1
Ф. А. Витбергъ. Реснителн русскаго слова	42
И. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (продолженіе)	123
О. Д. Оскаръ Тегеръ, его педагогическая и литературная дѣятельность	199
А. А. Шахматовъ. Законъ Логоветъ и хронографъ	200

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Латышевъ. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr.) hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonnell. 2 Band. St. Petersburg. 1897	208
Н. А. Рожковъ. М. Дьяковъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб. 1898	232
Ш. С. Смирновъ, Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. А. К. Бородинъ	249
— Книжныя новости	276
— Наша учебная литература (разборъ 4 книгъ)	1

ОБРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Наши учебныя заведенія: Среднія и высшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1897 году	1
---	---

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. К. Мальбергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ	1
А. Панандонуло-Кераменсъ. Алексій Макрепволитъ	19
С. А. Жебелевъ. Въ аеинской надписи Ath. Mitt. XXIII, 26	24
Ф. Ф. Видеманъ. О началѣ греческой письменности	26

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

— Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1897 года по 1891 годъ (л. 21)	321
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІ.

1899.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

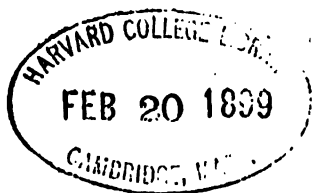
1899.

~~Slav 20.6~~

~~P Slav 210.10~~

PSlav 318.10.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ, ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(6-го декабря 1898 года). „Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Бюлютову*—Всеимлостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (10-го іюня 1898 года). *О возложеніи правъ и обязанностей попечительнаго совѣта Эриванской женской гимназій Св. Рипсиміи на правленіе Эриванскаго отдѣленія женскаго благотворительнаго общества Св. Нины.*

Попечитель Кавказскаго учебнаго округа вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о преобразованіи женской прогимназій Св. Рипсиміи, содержимой въ городѣ Эривани женскимъ благотворительнымъ обществомъ св. Нины, въ женскую гимназію по положенію 24-го мая 1870 года, съ возложеніемъ правъ и обязанностей попечительнаго совѣта сей гимназій на правленіе Эриванскаго отдѣленія названнаго общества, съ тѣмъ, чтобы въ засѣданіяхъ означеннаго правленія по дѣламъ, касающимся гимназій св. Рипсиміи, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, участвовали предсѣдатель педагогическаго совѣта и начальница гимназій.

Разрѣшивъ преобразовать Эриванскую женскую прогимназію св. Рипсиміи, содержимую женскимъ благотворительнымъ обществомъ св. Нины, въ женскую гимназію на точномъ основаніи положенія 24-го мая 1870 года, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на возложеніе правъ и обязанностей попечительнаго совѣта сей гимназіи на правленіе Эриванскаго отдѣленія женскаго благотворительнаго общества св. Нины, съ тѣмъ, чтобы въ засѣданіяхъ сего правленія по дѣламъ, касающимся гимназіи св. Рипсиміи, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, участвовали предсѣдатель попечительнаго совѣта и начальника гимназіи.

Государь Императоръ, въ 10-й день іюня 1898 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

2. (10-го іюня 1898 года). *Объ измѣненіи рисунка крестовъ для награжденія воспитанницъ учебныхъ заведеній благотворительнаго общества св. Нины ¹⁾*.

Высочайшимъ повелѣніемъ 28-го ноября 1885 года разрѣшено награждать отличнѣйшихъ воспитанницъ Тифлискаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины при окончаніи курса золотыми и серебряными крестами Высочайше утвержденаго тогда же образца, взаимнъ золотыхъ и серебряныхъ медалей, выдаваемыхъ оканчивающимъ курсъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, согласно § 80 положенія о сихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Нынѣ начальство Кавказскаго учебнаго округа представило министерству народнаго просвѣщенія ходатайство предсѣдательницы совѣта, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, женскаго благотворительнаго общества св. Нины о замѣнѣ прежняго рисунка означенныхъ крестовъ новымъ, болѣе подходящимъ по очертаніямъ къ кресту св. Нины съ тѣмъ, чтобы ими награждались отличнѣйшія ученицы, оканчивающія курсъ 7-ми классовъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній благотворительнаго общества св. Нины, пользующихся правами женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія по положенію 24-го мая 1870 года.

Признавая такое ходатайство заслуживающимъ уваженія, управ-

¹⁾ Рисунокъ опубликованъ въ № 146, „Сборникъ узак. и распор. правит.“ за 1898 г.

ляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на приведеніе онаго въ исполненіе и на утвержденіе представляемаго при семъ рисунка означеннаго креста.

Государь Императоръ, въ 10-й день іюня 1898 года, Высочайшее на сіе соизволилъ.

На подлинномъ написано: „*Высочайше утверждено*“.

Подписалъ: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія *Болятковъ*.

3. (11-го августа 1898 года). *Объ учрежденіи при Клинскомъ городскомъ училищѣ стипендіи имени Государя Императора Николая II.*

Начальство Московскаго учебнаго округа обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи при Клинскомъ городскомъ училищѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества на проценты съ капитала въ двѣсти рублей, пожертвованнаго Клинскимъ городскимъ обществомъ.

Вслѣдствіе сего управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе.

Государь Императоръ, въ 11-й день августа 1898 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

4. (16-го сентября 1898 года). *О преобразованіи Одесской прогимназіи въ полную гимназію.*

Высочайше утвержденнымъ въ 4-й день іюня 1898 года мѣніемъ Государственнаго совѣта положено преобразовать Одесскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1899 года былъ открытъ при ней VII классъ и съ 1-го іюля 1900 г.—VIII классъ.

Въ виду ходатайства попечителя Одесскаго учебнаго округа, о преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію съ начала текущаго учебнаго года безъ замѣщенія на время этого преобразованія должности инспектора, и съ объясненіемъ, что необходимый расходъ для открытія и содержанія въ семъ году VII класса и VIII класса въ будущемъ учебномъ году можетъ быть отпущенъ полностью на мѣстныя средства безъ всякаго участія казны,

управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на открытіе нынѣ же при Одесской прогимназіи VII класса, съ отнесеніемъ расходовъ по содержанію, его въ семь году на мѣстныхъ средства.

Государь Императоръ, въ 16-й день сентября 1898 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

5. (16-го сентября 1898 года). *О присвоеніи учреждаемому въ Охтенскомъ пригородѣ четырехклассному городскому училищу Имени въ Божѣ почившаго Императора Петра Великаго.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату, для распубликованія, что Государь Императоръ, въ 16-й день сентября 1898 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемому въ Охтенскомъ пригородѣ четырехклассному городскому училищу по положенію 31-го мая 1872 года Имени въ Божѣ почившаго Императора Петра Великаго.

6. (16-го сентября 1898 года). *О принятіи Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ и учреждаемаго при ней попечительства подъ Августѣйшее Покровительство Ею Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на принятіе Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ и учреждаемаго при ней попечительства подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича.

Государь Императоръ, въ 16-й день сентября 1898 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

7. (15-го октября 1898 года). *О присвоеніи Тифлисской 2 гимназіи наименованія: „Тифлисская 2 мужская Ею Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназія“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 15-й день октября 1898 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Тифлисской 2 гимназіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

8. (16-го сентября 1898 года). *Объ утвержденіи правилъ о вознагражденіи лицъ, нашедшихъ метеориты, за доставленіе таковыхъ въ правительственные естественно-историческіе музеи.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія, утвержденныя имъ 16-го сентября 1898 г., по соглашенію съ министрами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, правила о вознагражденіи лицъ, нашедшихъ метеориты, за доставленіе таковыхъ въ правительственные естественно-историческіе музеи.

На подлинныхъ написано: „*На основаніи Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1898 года мнѣнія государственнаго совѣта утверждаю*“.

Подписаль: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *И. Запревъ*.

Правила о вознагражденіи лицъ, нашедшихъ метеориты, за доставленіе таковыхъ въ правительственные естественно-историческіе музеи.

1) Въ силу Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1898 г. мнѣнія государственнаго совѣта, метеориты (метеорные камни, аэролиты, камни, падающіе съ неба), составляютъ государственную собственность и подлежатъ передачѣ въ правительственные естественно-историческіе музеи, какъ то: минералогическій музей Императорской Академіи Наукъ, минералогическія и геологическія собранія Императорскихъ университетовъ, музей Горнаго института, собраніе Геологическаго комитета, минеральныя собранія Сельско-хозяйственнаго института въ Москвѣ и института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, провинціальныя существующіе или имѣющіе открыться впоследствии правительственные музеи, при которыхъ существуютъ геологическіе или минералогическія собранія, напримѣръ Тифлисскій музей и проч.

2) Лицо, нашедшее метеоритъ, обязано или само препроводить его въ музей (ст. 1) по своему выбору, или сдать метеоритъ кому нибудь изъ чиновъ учебнаго вѣдомства, либо мѣстной администраціи, или заявить музею, либо одному изъ указанныхъ должностныхъ лицъ о мѣстѣ находженія метеорита, для зависящихъ съ ихъ стороны распоряженій относительно доставки его въ музей. Нашедшему метеоритъ, въ случаѣ неуказанія избраннаго имъ музея, объявляется, въ какой музей переданъ метеоритъ.

3) Представившему метеоритъ выдается вознагражденіе въ размѣръ 5% стоимости метеорита, опредѣляемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣмъ учрежденіемъ, въ которое метеоритъ поступилъ на храненіе.

4) Цѣна метеоритовъ, вѣсомъ свыше 50 граммъ, опредѣляется отъ 10 коп. до 1 рубля за граммъ, смотря по свойствамъ метеорита и его размѣрамъ, причѣмъ цѣна эта возрастаетъ при маломъ количествѣ выпавшаго матеріала. (Нѣсколько метеорныхъ камней одинаковаго состава, выпавшихъ одновременно, разсматриваются въ отношеніи опредѣленія ихъ стоимости за одинъ метеоритъ). Стоимость метеоритовъ, вѣсящихъ менѣе 50 граммъ, опредѣляется особо, не придерживаясь указанныхъ правилъ оцѣнки. Цѣна метеоритовъ вѣсомъ свыше 10.000 граммъ и до 100.000 граммъ можетъ быть исчислена, уменьшая пропорціонально стоимость 1 грамма отъ 10 до 5 коп.

5) 5%-ное вознагражденіе уплачивается изъ средствъ учрежденія, приобрѣвшаго метеоритъ.

6) Какъ объ этомъ приобрѣтеніи, такъ и о сдѣланной метеориту оцѣнкѣ публикуется во всеобщее свѣдѣніе въ изданіи помянутаго учрежденія и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

8) Нашедшему метеоритъ предоставляется право перваго его научнаго изслѣдованія (химическій, микроскопическій анализы и проч.). на которое при вѣсѣ метеорита въ 50—100 граммъ можетъ быть израсходовано не болѣе $\frac{1}{3}$ его части. Для болѣе значительныхъ метеоритовъ количество это опредѣляется въ 20 граммъ. Матеріалъ для изслѣдованія отдѣляется по соглашенію съ учрежденіемъ, въ которое метеоритъ поступилъ на храненіе. Оставшійся отъ обработки матеріалъ, со включеніемъ микроскопическихъ препаратовъ, долженъ быть возвращенъ учрежденію.

8) Въ случаѣ, если учрежденіе, куда доставленъ метеоритъ, не найдетъ возможнымъ приобрѣсти его на указанныхъ условіяхъ, то уведомляетъ о томъ другія вышеупомянутыя въ п. 1 учрежденія. Если нѣсколько такихъ учрежденій пожелаютъ сдѣлать это приобрѣтеніе, то назначеніе метеориту дается министромъ народнаго просвѣщенія.

9) Если на приобрѣтеніе метеорита, вслѣдствіе высокаго размѣра, причитающагося за его находку вознагражденія, потребуется отпустить особой суммы, то назначеніе мѣста храненія метеорита дается тѣмъ министерствомъ, по ходатайству или съ разрѣшенія котораго сумма эта ассигнуется.

10) Всѣ дальнѣйшія распоряженія относительно поступившихъ въ

правительственныя учрежденія метеоритовъ, отдѣленіе частей для обмѣна, для новаго научнаго изслѣдованія и т. д., предоставляются усмотрѣнію этихъ учреждений. Принимаемыя послѣдними мѣры должны быть опубликованы въ упомянутыхъ въ п. 6 изданіяхъ во всеобщее свѣдѣніе, что будетъ служить лучшею гарантіею относительно правильнаго и осторожнаго обращенія съ метеоритами, составляющими общее государственное достояніе.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(11-го ноября 1898 года). *Назначаются:* инспекторы: С.-Петербургской Ларинской гимназій, статскій совѣтникъ *Блумбергъ*, Вознесенской прогимназій, статскій совѣтникъ *Стрижевскій*, Асхабадской прогимназій, коллежскій совѣтникъ *Мельниковъ-Разведенковъ* и преподаватель Астраханской гимназій, статскій совѣтникъ *Малиновскій*, — директорами: *Блумбергъ* — С.-Петербургской Введенской гимназій, *Стрижевскій* — Измайловской прогимназій, *Мельниковъ-Разведенковъ* — Кубанской учительской семинаріи и *Малиновскій* — Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, изъ нихъ *Мельниковъ-Разведенковъ* — съ 1-го ноября.

Уволяется: отъ службы, согласно прошенію, директоръ Кубанской учительской семинаріи. дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крицковъ* — съ 1-го ноября, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: въ коллежскіе регистраторы: по Кавказскому учебному округу: писмоводители: Владикавказской гимназій, *Кравецъ* — съ 29-го апрѣля 1896 года и Владикавказскаго реальнаго училища, *Козловъ* — съ 10 сентября 1896 г.; учителя-завѣдывающіе сельскими двухклассными училищами: Келермесскимъ, *Терентьевъ* — съ 1-го августа 1894 г. и тенгинскимъ, *Рязанцевъ* — съ 1-го августа 1896 г.; бывший учитель Устьлабинскаго свободскаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Староверовъ* — съ 18-го іюля 1884 г.

(19-го ноября 1898 года). *Назначаются:* директоръ народныхъ училищъ области Войска Донскаго, магистръ богословія, статскій совѣтникъ *Остроумовъ* — окружнымъ инспекторомъ Харьковскаго учеб-

наго округа, директоры: Вѣлочеерковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Переселенковъ* и Черкасской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Самойловичъ*, наставникъ Тамбовскаго Елатерининскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Дьячковъ* и инспекторъ Павловскаго ремесленнаго училища, инженеръ-механикъ *Головинскій*—директоры: *Переселенковъ*—Черкасской прогимназіи, *Самойловичъ*—Вѣлочеерковской гимназіи, *Дьячковъ*—Волчанской учительской семинаріи и *Головинскій*—Вязниковскаго низшаго технического училища имени вотоответственнаго почетнаго гражданина *Базилевъ*, изъ нихъ послѣдній, съ 5-го октября; преподаватель Рижскаго политехническаго института *Озмидовъ*—адъюнкты-профессоромъ того же института по электротехникѣ, съ 1-го сентября.

Утверждается, въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голлеринъ*—вновь почетный почетелецъ Саратовскаго Александро-Марининскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его въ придворной должности.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоры: Костромскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бумаковъ* и Петроковской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Розановъ*, съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

(1-го декабря 1898 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: по Одесскому учебному округу: исполняющій обязанности инспектора Спиферопольскаго реальнаго училища *Бракетмеймеръ*—съ 16-го августа 1898 г.; учителя гимназій: Маріупольской, *Новотамментъ*—съ 14-го августа 1898 г.; Николаевской, *Токмаковъ*, Одесской 4-й *Тананаки*, Павлоградской, *Благодѣежинъ*, Ршпельевской, *Знойко*, Спиферопольской, *Смолицъ*, всѣ пятеро—съ 1-го августа 1898 г.; Екатеринославскаго реальнаго училища, *Базилевичъ*—съ 3-го сентября 1898 г., женскихъ гимназій: Маріупольской, *Сергеевъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Одесской 2-й, *Плтинцкій*—съ 23-го сентября 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: исполняющіе обязанности инспекторовъ: Кіевскаго реальнаго училища, *Турчаниновъ*—съ 20-го августа 1898 г. и Уманской гимназіи, *Тарановичъ*—съ 16-го августа 1898 г.; воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана *Архимовичъ*—съ 1-го августа 1898 г.; преподаватель гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя *Безбородко* въ Нѣжинѣ, *Фогель*—

съ 14-го августа 1898 г.; учителя гимназій: Немировской, *Климуновскій*—съ 6-го сентября 1898 г.; Нѣжинской женской Кушакевичъ, *Коптиловъ*—съ 17-го апрѣля 1898 г.: Прилукской, *Александровъ*—съ 11-го февраля 1898 г.; Уманской, *Гриффенъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Киевской 4-й *Славинскій*—съ 1-го іюля 1898 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе советники: по Одесскому учебному округу учителя: Мелитопольскаго реального училища, *Сухиновъ*—съ 20-го іюля 1898 г.; женскихъ гимназій: Николаевской, *Чернышевъ*, Симферопольской, *Селивановъ*, оба—съ 1-го августа 1898 г.; наставники учительскихъ семинарій: Байрамчской, *Лисовскій*—съ 17-го августа 1898 г. и Преславльской, *Матвеевскій*—съ 26-го апрѣля 1898 г.; по Киевскому учебному округу: преподаватель Глуховскаго учительскаго института *Тростниковъ*—съ 23-го марта 1898 г.; учителя: Черкасской мужской прогимназій *Дашкевичъ*—съ 1-го іюля 1898 г., гимназій: Острожской, *Аверьяновъ*—съ 15-го января 1898 г., Полтавской *Метевъ*—съ 19-го ноября 1896 г. и Уманской, *Гуринъ*—съ 4-го сентября 1898 г.; наставникъ историко-филологическаго князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Кадлубовскій*—съ 26-го сентября 1898 г.; врачъ Уманской гимназій *Стаховскій*—съ 4-го декабря 1897 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Одесской 3-й: *Терновскій*—съ 21-го сентября 1897 г. и (сверхштатный) *Лучинскій*—съ 8-го іюня 1897 г., Симферопольской: *Гусевъ*—съ 15-го февраля 1896 г. и *Съницкій*—съ 1-го апрѣля 1896 г., Херсонской, *Феллеръ*—съ 15 августа 1897 г., Ятинской, *Монтевичъ*—съ 1-го августа 1896 г., Севастопольскаго реального училища: *Гримне*—съ 29-го октября 1897 г. и *Куклинъ*—съ 20-го октября 1897 г., Екатеринославской женской гимназій *Муратовъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Феодосійскаго учительскаго института, *Соколовъ*—съ 15-го августа 1897 г., городскихъ училищъ: Симферопольскаго четырехкласснаго, *Жельзнякъ*—съ 15-го августа 1898 г., Бахмутскаго трехкласснаго: *Прохватилловъ*—съ 1-го февраля 1898 г. и *Копонченко*—съ 16-го октября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринославскаго реального училища *Сытенко*—съ 11-го сентября 1898 г.; по Киевскому учебному округу: учителя: ровенскаго реального училища, *Съсаревскій*—съ 1-го іюля 1897 г., Черкасской прогимназій, *Лаурентьевъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; врачи: Новозыбковскаго реального училища, *Клюковскій*—съ 23-го августа 1898 г., Прилукской женской гимназій: *Кисловскій*—съ 4-го апрѣля 1898 г., и Ровенскаго однокласснаго начальнаго еврейскаго училища *Ауер-*

баша—съ 25-го октября 1897 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Клопотоскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ровенскаго реальнаго училища *Отетковичъ*—съ 16-го августа 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Одесскому учебному округу: учитель городского двухкласснаго при Θεодосійскомъ учительскомъ институтѣ училища *Путиминъ*—съ 15-го іюня 1894 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Кишеневской 2-й гимназій, *Ламбуцкій*—съ 1-го сентября 1898 г. и Николаевской Александровской гимназій, *Тереховъ*—съ 6-го іюня 1897 г.; по Кіевскому учебному округу: экономъ пансіона при Черниговской гимназій *Яворскій*—съ 22-го іюля 1898 г.; учитель Сквирскаго двухкласснаго городского училища *Рыжковъ*—съ 1-го января 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Симферопольскаго четырехкласснаго, *Калениченко*—съ 1-го сентября 1896 г. и Новомосковскаго трехкласснаго, *Вячшовъ*—съ 1-го августа 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Павлоградской гимназій *Лозаноскій*—съ 1-го февраля 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель коллегіи Павла Галагана *Барашъ*—съ 9-го января 1896 г.; исправляющій должность письмоводителя Кіевской 4-й гимназій, нынѣ въ отставкѣ *Яновскій*—съ 27-го октября 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Одесскому учебному округу: исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя *Руваневичъ*—съ 1-го октября 1898 г.; учитель Славяносербскаго городского двухкласснаго училища *Петровскій*—съ 13-го апрѣля 1896 г.; бывшій домашній учитель *Попель*—съ 13-го апрѣля 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Проценко*—съ 30-го марта 1898 г.; учитель Уманскаго двухкласснаго городского училища *Овстенко*—съ 1-го іюля 1895 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Одесскому учебному округу, почетный смотритель Новомосковскаго городского трехкласснаго училища *Волоцкой*—съ 18-го февраля 1897 г.; по Кіевскому учебному округу: экономъ и экзекуторъ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Жила*—съ 13-го февраля 1868 г.; учителя: Уманскаго двухкласснаго городского училища, *Стефановскій*—съ 12-го октября 1894 г., Волочискаго приходскаго фундаментальнаго училища, *Сусъ*—съ 1-го августа 1897 г.; помощникъ учителя городского образцоваго училища при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ *Сень*.

ко—съ 1-го сентября 1896 г.; канцелярскій служитель канцеляріи почечтителя *Подмысоцкій* — съ 12-го августа 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Одесскому учебному округу: почетный смотритель Евпаторійскаго уѣзднаго училища *Бендебери*—съ 1-го января 1898 г.; учитель Мелитопольскаго однокласснаго городского приходскаго училища *Дармошукъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Киевскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Васильковскаго городского двухкласснаго училища *Паліенко*—съ 22-го ноября 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго советника*: по Киевскому учебному округу, прозекторъ при кафедрѣ физиологіи Императорскаго университета св. Владимира, докторъ-медицины *Лауденбахъ* — съ 31-го января 1896 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: прозекторы при кафедрахъ Императорскаго Московскаго университета: оперативной хирургіи, *Рейнъ*—съ 30-го апрѣля 1894 г. и судебной медицины, *Минаковъ*—съ 17-го декабря 1894 г.; штатные ассистенты при клиникахъ того же университета: глазной, *Головинъ*, и хирургической, *Федоровъ*, оба — съ 31-го мая 1895 г., врачъ реального училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ *Вильямъ*—съ 18-го августа 1896 г., всѣ пятеро по степени доктора медицины; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Екатеринославской: *Маньковскій* и *Погорьловскій*, оба—съ 1-го августа 1894 г., Керченской, *Ковальскій*—съ 26-го августа 1894 г., Одесской 2-й, *Селивановъ*—съ 1-го августа 1894 г., Одесской 4-й, *Дмитріевъ* — со 2-го сентября 1898 г., женскихъ прогимназій: Бендерской, *Саличко*—съ 30-го марта 1894 г. и Тираспольской, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; по Киевскому учебному округу: учителя гимназій: Уманской, *Зайкевичъ*—съ 9-го августа 1892 г., Киевской женской *Дучинской*, *Мишке*—съ 5-го апрѣля 1898 г., гимназій при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Мишель*—со 2-го мая 1894 г., Черниговской, *Серебрянниковъ* — съ 1-го іюля 1894 г.; воспитатель пансіона при Черниговской гимназій *Циркумъ* — съ 1-го сентября 1894 г.; учитель Киевскаго реального училища *Добровольскій* — съ 11-го сентября 1894 г.; *титულлярнаго советника*: по Одесскому учебному округу: врачи еврейскихъ начальныхъ училищъ: Одесскаго 2-го двухкласснаго: *Маруліесъ* — съ 25-го іюля 1894 г. и Елисаветградскаго 2-го однокласснаго, *Гольденбергъ* — съ 23-го мая 1894 г., оба по степени лѣкаря; по Киевскому учебному округу: бывший сверхштатный ординаторъ, нынѣ приватъ-доцентъ Императорскаго универ-

ситета св. Владимира *Никольскій*—съ 24-го августа 1885 г., сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ фармакологія того же университета *Гуринъ*—съ 1-го іюня 1890 г., помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи того же университета *Качковскій*—съ 27-го мая 1892 г., ординаторъ терапевтической факультетской клиники того же университета *Ковальскій*—съ 7-го апрѣля 1894 г., помощникъ прозектора при кафедрѣ анатоміи того же университета *Стефанисъ*—съ 26-го мая 1898 г., всѣ пятеро по степени лѣкаря; *коллежскую секретаря*: по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго *Ефруссия*, *Тищенко*, Симферопольскаго четырехкласснаго, *Запорожецъ*, оба—съ 1-го сентября 1894 г.; Екатеринославскаго 1-го трехкласснаго, *Амищенко*—съ 18-го сентября 1894 г., Одесскаго 1-го еврейскаго двухкласснаго начальнаго училища, *Моринъ*—съ 24-го мая 1894 г.; бывший учитель Новомосковскаго трехкласснаго городского училища, нынѣ помощникъ учителя Измаильскаго городского четырехкласснаго училища *Поляковъ* (онъ же *Борисовъ*)—съ 1-го августа 1890 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Керченской Александровской гимназій, коллежскій регистраторъ *Плакида*—съ 16-го августа 1894 г. и Комратскаго реальнаго училища, *Старжинскій*—съ 10-го іюня 1894 г.; по Кіевскому учебному округу: лаборантъ фармацевтической лабораторіи Императорскаго университета св. Владимира *Галоуцкій*—съ 26-го мая 1898 г., по степени провизора; лаборантъ физическаго кабинета того же университета *Роше*—съ 7-го ноября 1895 г., сверхштатный хранитель (консерваторъ) ботаническаго сада того же университета *Цингеръ*—съ 27-го февраля 1896 г., оба по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ Полтавской гимназій *Алекстевъ*—съ 20-го августа 1893 г.; *губернскую секретаря*, по Одесскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Херсонской гимназій *Мякенько*—съ 30-го іюня 1894 г.; *коллежскую регистратора*: по Одесскому учебному округу: учитель Евпаторійскаго уѣзднаго училища *Строевъ*—съ 1-го августа 1890 г.; помощникъ учителя Екатеринославскаго 1-го городского трехкласснаго училища *Костунъ*—съ 26-го августа 1894 г.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, нижепоименованныя лица, за труды ихъ по народному образованію, Всемилостивѣйше пожалованы 6-го декабря сего года *серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ*: учитель Вологодскаго 5-го мужскаго городского училища, губернской секретарь Алексѣй *Алешинцевъ* и немѣющіе чиновъ: учитель-завѣдывающій первымъ Ташкентскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ Михаилъ *Ушаровъ*; учителя приходскихъ училищъ: Вольскаго 1-го Николай *Скворцовъ* и Хвалынскаго 1-го Федоръ *Ктаровъ*; городскихъ приходскихъ: Мелитопольскаго однокласснаго Василій *Шитиковъ*, Кишиневскаго 8-го Матвѣй *Костунъ* и Гниляковского, одесскаго градоначальства, Александръ *Штамбургъ*; учителя Вормскаго 8-го для глухонѣмыхъ церковно-приходскаго училища, Одесскаго уѣзда, Георгъ *Вейнъ* и Карлъ *Аболитъ*, завѣдывающій Каменскимъ двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ, Камышовскаго уѣзда Дмитрій *Якубовичъ*; учителя-завѣдывающіе двухклассными сельскими министерства народнаго просвѣщенія училищами: Больше-Лепатихскимъ, Мелитопольскаго уѣзда, Федоръ *Тенета* и Фалештскимъ, Бѣлецкаго уѣзда, Константинъ *Бушило*; учителя сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ: Окуловскаго, Крестецкаго уѣзда, Алексѣй *Жуковъ*, Петропавловскаго, Кирилловскаго уѣзда, Валеріанъ *Ивановъ*, русско-каметкирскаго начальнаго, Кузнецкаго уѣзда, Михаилъ *Поддусевъ*, Россошанскаго, Острогужскаго уѣзда, Дмитрій *Барбаринъ*, Головиницкаго, Нижне-Ломовскаго уѣзда, Илья *Кузьминъ*, Бѣлавинскаго, Боровичскаго уѣзда, Дмитрій *Абрамовъ*, Омбаловскаго, Кирилловскаго уѣзда, Иванъ *Ивановъ*, Липногорскаго, Тихвинскаго уѣзда, Михаилъ *Мясниковъ*, Чембарскаго уѣзда: Карсаевскаго Николай *Тазтаровъ* и Владыкинскаго Андрей *Ганцевъ*, Драсличенскаго, Кишиневскаго уѣзда, Владиміръ *Делинскій* и Валенскаго для дѣтей обоего пола, Измаильскаго уѣзда, Дмитрій *Щирбу*; учителя училищъ: Ревдинскаго мужскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, Николай *Елиствевъ*; Ново-Александровскаго начальнаго, Феодосійскаго уѣзда, Николай *Заяччикъ*; городскихъ начальныхъ: Александровскаго, Андрей *Гаериковъ* и Пензенскаго 4-го мужскаго Александръ *Трошкій*; народныхъ: Мелитопольскаго уѣзда: Давидовскаго Николай *Муравскій*, Родіоновскаго Георгій *Солтановскій*, Нижне-Сероговскаго

1-го, Константинъ *Лесницкій* и Кирилловскаго Михаилъ *Рымаренко*; Дибироваго уѣзда: Каирскаго 2-го Николай *Чулковъ*, Рождественскаго Петръ *Павлюкъ* и Ново-Троицкаго Павелъ *Пузановъ*, Александровскаго уѣзда: Басанскаго Гавріиль *Головоко*, Григорьевскаго (въ Кривомъ Рогѣ) Иванъ *Герасимовъ*, Павловскаго Теофилактъ *Карбанъ*, Туркеновскаго Сергій *Вербицкій*, Камышевскаго Стефанъ *Абрамовъ*, Бѣлогорьевскаго Вадимъ *Чульскій* и Вознесенскаго Константинъ *Андоневъ*, Мироновскаго, Верхотурскаго уѣзда, Ефимъ *Демининъ* и Екатеринбургскаго уѣзда: Абрамовскаго Дмитрій *Бабинъ*, Глинскаго Михаилъ *Глинскій* и Верхне-Уфалейскаго Егоръ *Захаровъ*; начальныхъ народныхъ: Авдѣевскаго, при станціи желѣзной дороги, Бахмутскаго уѣзда, Константинъ *Гординокій* и Александровскаго городского мужскаго Василій *Нейковскій*; сельскихъ начальныхъ: Лозовскаго желѣзнодорожнаго, Павлоградскаго уѣзда, Спиридонъ *Морозъ*, Колоярскаго, Наровчатскаго уѣзда, Иванъ *Ионовъ*, Старо-Синдоровскаго, Краснослободскаго уѣзда, Иванъ *Кечинъ*, Керенскаго уѣзда: Выборновскаго Александръ *Соколовъ* и Салтыковскаго Гавріиль *Васильевъ*; Нижне-Ломовскаго уѣзда: Верхне-Ломовскаго соборнаго Василій *Косматовъ*, Вирго-Ивановскаго Григорій *Левинъ* и Мичкаско-Выселскаго Петръ *Кутасовъ*, Аришкинскаго, Городищенскаго уѣзда; Василій *Бкляевъ*, Липчинскаго, Инсарскаго уѣзда, Евлампій *Толузановъ*, Пендельскаго, Кузнецкаго уѣзда, Владиміръ *Кириковъ*, Саратовскаго уѣзда: Базарно-Карбулакскаго Петръ *Маловъ*, Адоевщинскаго Николай *Князевскій*, Каменскаго Степанъ *Борисовъ*, Сокурскаго Степанъ *Петровъ*, Ягодно-Полянскаго Русскаго Михаилъ *Савельевъ*, Оркинскаго Яковъ *Ложкинъ*, Широкинскаго Иванъ *Вендеровъ* и Старо-Бурасовскаго Василій *Константиновъ*, Лубянскаго сельскаго начальнаго народнаго, Павлоградскаго уѣзда, Тимофей *Середа*; земскихъ: Больше-Буялыкскскаго мужскаго Спиридонъ *Восколовичъ*, Антоно-Кодинцовскаго народнаго, Одесскаго уѣзда, Теодоръ *Картоковъ*; сельскихъ земскихъ: Новгородскаго уѣзда: Грузинскаго Александръ *Крутяковъ*, Мшагскаго Михаилъ *Матвеевъ*, Водскаго Порфирій *Рождественскій*, Хрепельскаго Андрей *Сокковъ* и Тигодскаго Теодоръ *Ефимовъ*, Крестьскаго уѣзда: Оксочскаго Николай *Городецкій* и Любецкаго Иванъ *Лаврентьевъ* и Зимогорскаго, Валдайскаго уѣзда, Яковъ *Лифановъ*; начальныхъ сельскихъ земскихъ: Вологодскаго уѣзда: Боровецкаго Григорій *Маймистовъ* и Высоковскаго Александръ *Востровъ*, Чернецкаго, Грязовецкаго уѣзда, Александръ *Соколовъ*, Вельскаго уѣзда: Угронскаго Александръ *Баракшинъ*, Липецкаго Егоръ *Шабловъ* и

Шелотскаго Василій *Куклима* и Паяницкаго, Повѣнецкаго уѣзда, Иванъ *Петровъ* и общественныхъ: Гличенскаго, Бѣлецкаго уѣзда, Петръ *Скоробогачъ* и Лозовскаго еврейскаго, Павлоградскаго уѣзда, Павелъ *Лосіевскій*, бывшій учитель Крючковскаго двухласснаго сельскаго министерства народнаго просвѣщенія училища, Тихвинскаго уѣзда, Николай *Онозерскій*; учительницы женскихъ гимназій: Мариупольской: Елена *Пантелъева*, Елена *Чентукова* и Вѣра *Ножникова*, Одесской 2-й Леонида *Бродецкая* и Владикавказской Ольгинской Екатерина *Зотова*; учительницы приготовительнаго класса Кутаисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, Елисавета *Петропавлова* и Марія *Гризо*; содержательницы и учительницы частныхъ женскихъ четырехлассныхъ училищъ 2-го разряда: въ городѣ Бобровѣ, Наталія *Степаненко* и въ городѣ Воронежѣ Анна *Ивановская*; учительницы-завѣдывающія женскими приходскими училищами: Бендерскимъ городскимъ Анна *Немировичъ-Данченко* и Ташкентскимъ 2-мъ Екатерина *Муравьева*; учительницы приходскихъ училищъ: Саратовскаго уѣзда: Вольскаго Лидія *Глыбова*, Хвалынскаго 1-го Марія *Жуковская* и Ольга *Чернышевская* и Кузнецкаго 1-го Евгенія *Поздюнина*, и городскихъ приходскихъ: Пушкинскаго Одесскаго Юлія *Соколовская*, Пересыпскаго Одесскаго Наталія *Масленикова* и Бендерскаго 1-го Наталія *Вольшевская*; учительницы-завѣдывающія училищами: Комратскимъ женскимъ сельскимъ двухласснымъ министерства народнаго просвѣщенія Пелагея *Тарнавская*, Хабаровскимъ Алексѣевскимъ городскимъ женскимъ Наталія *Черныаская* и Сабунчинскимъ заводскимъ, бакинскаго нефтепромышленнаго общества, Елисавета *Меліоранская*, учительницы училищъ: сельскихъ одноклассныхъ министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда: Александровскаго Евдокія *Кульчицкая* и Николаевскаго Евдокія *Теодорова*; начальныхъ женскихъ: Саратовскаго уѣзда: Вольскаго 2-го Наталія *Поздюнина*, Кузнецкаго 2-го Анна *Купріянова*, Петровскаго Евгенія *Тихомирова* и Ямбургскаго городскаго Прасковья *Мальмъ*; народныхъ: Одесскихъ: Старопортофранковскихъ: перваго Вѣра *Бодаревская* и втораго Наталія *Десятская*, Прохоровскаго 2-го Екатерина *Бѣлецкая*, Ново-Слободскаго 1-го Екатерина *Хорошилова*, Разумовскаго Надежда *Манатова*, Трехугольнаго Марія *Маевская* и Кузнецкаго Зинаида *Нарчинская*, Александровскаго уѣзда: Ново-Николаевскаго 1-го Александра *Котлярская*, Воскресенскаго Марія *Колмуценко* и Преображенскаго Александра *Тарасова*, Дмитріевскаго, Мелітопольскаго уѣзда, Елена *Колмацкая*, Верхотурскаго уѣзда: Кышкискаго Елена *Третьякова* и Петрокамеп-

скаго Марія *Смольникова* и Екатеринбургскаго уѣзда, Вилимбаевскаго женскаго Екатерина *Яанова* и Верхъ-Нейвинскаго Александра *Чеснокова*, Александровскаго городскаго женскаго начальнаго народнаго Анастасія *Теплостанская*, Варзарештскаго сельскаго для дѣтей обоого пола, Кишиневскаго уѣзда, Анна *Соллярская*; сельскихъ начальныхъ: Гандрабурскаго, Анапьевскаго уѣзда, Елисавета *Михайловская*, Саратовскаго уѣзда: Елшанскаго Раиса *Кримова*, Карбулако-Вибиковскаго Антонина *Малова*, Широко-Буеранскаго Александра *Головина*, Всеволодчино-Столыпинскаго Надежда *Бялева*, Каменскаго Софья *Бялева*, Тепловскаго Варвара *Дьяконова* и Полицынскаго 2-го Анна *Осипова*, Планскаго женскаго, Кузнецкаго уѣзда, Екатерина *Мухина* и Кондольскаго, Петровскаго уѣзда, Антонина *Прелатова*; земскихъ народныхъ: Одесскаго уѣзда: Ясековскаго Параскева *Зеленковичъ*, Петровскаго Юлія *Сафронова* и Больше-Буялыкскаго женскаго Екатерина *Господинова*; земскихъ сельскихъ: Чудовскаго, Новгородскаго уѣзда, Надежда *Карлова* и Горскаго, Крестецкаго уѣзда, Ольга *Зетринская*; начальныхъ сельскихъ земскихъ: Грязовецкаго уѣзда: Пловсковскаго Марія *Смирнова* и Слободскаго Варвара *Лавдовская* и Кефтеницкаго, Повѣнецкаго уѣзда, Елисавета *Петропавловская* и помощница учительницы Александровскаго городскаго женскаго начальнаго училища Варвара *Герасимова*.

У. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го октября 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Ею Императорскаю Величества Государя Императора Николая Александровича при Клинскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го августа 1898 года, на проценты съ капитала въ *двѣсти* рублей, пожертвованнаго клинскимъ городскимъ обществомъ, учреждается при Клинскомъ трехклассномъ училищѣ одна стипендія Имени Ею Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Клинскомъ уѣздномъ казна-

чействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Клинскаго городского училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5%, сбора по закону 2-го мая 1885 года, употребляются, по истеченіи полугодія, на взносъ платы за ученіе одного стипендіата, а остальные деньги выдаются родителямъ стипендіата или заступающимъ ихъ мѣсто на пріобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ книгъ и пособій.

§ 4. Означенной стипендіей могутъ пользоваться дѣти бѣднѣйшихъ жителей города Клина, обучающіяся въ Клинскомъ городскомъ училищѣ и отличающіяся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ безъ различія сословія и вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Клинскаго городского училища съ утвержденія директора народныхъ училищъ Московской губерніи.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіею во все время обученія своего въ училищѣ, но въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія можетъ быть лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Клинскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

2. (9-го ноябля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Екатеринославской Маріинской женской гимназій имени умершей вдовы купца 2-й гильдіи Франциски Ивановны Петровой.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждаются при Екатеринославской Маріинской женской гимназій стипендіи имени вдовы купца 2-й гильдіи Франциски Ивановны Петровой на проценты съ капитала въ девять тысячъ рублей, завѣщаннаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4%, ренты, хранится въ Екатеринославскомъ казна-

чействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неотъемлемую собственность ея и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ попечительному совѣту гимназій, при чемъ стипендіатки, согласно волѣ завѣщательницы, избираются изъ числа недостаточныхъ ученицъ Марининской женской гимназій, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія, отличающихся благопріемъ и хорошими успѣхами.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіатокъ, остатокъ же отъ процентовъ выдается имъ на книги и другія учебныя пособія.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею прекращается по случаю: 1) окончанія стипендіаткою курса гимназій, 2) увольненія изъ гимназій и 3) неодобрительнаго поведенія и малоуспѣшности въ наукахъ.

§ 8. Если неуспѣшность стипендіатки произошла отъ болѣзни или другой уважительной причины, то оставленіе ея на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ не лишаетъ ея стипендій.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Екатеринославской Марининской женской гимназій въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для расходованія по назначенію.

3. (19-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Владиміра Рѣшетовскаго при Новочеркасской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§. На проценты съ пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. П. Рѣшетовскимъ капитала въ *девять тысячъ пятьсотъ* рублей, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, учреждаются при Новочеркасской гимназій двѣ стипендіи имени бывшаго ученика Новочеркасской гимназій Владиміра Рѣшетовскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% бумагахъ государственнаго банка, хранится въ мѣстномъ областномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, составляя неотъемле-

ную собственность этой гимназін и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ вышеозначеннаго капитала употребляются для уплаты за право ученія двухъ бѣднѣйшихъ и достойныхъ по успѣхамъ и поведенію учениковъ Новочеркасской гимназін.

§ 4. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ капитала употребляются на нужды гимназическаго храма и на его украшеніе.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ, а равно и употребленіе остатковъ отъ процентовъ съ капитала на нужды гимназическаго храма, предоставляется педагогическому совѣту гимназін.

§ 6. Стипендіаты могутъ быть лишены стипендіи не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, за лѣность и дурное поведеніе.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ особыхъ обязательствъ.

4. (20-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени покойнаго потомственнаго почетнаго гражданина юрода Елабуги Василя Григорьевича Стахѣва при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ семь тысячъ рублей, пожертвованнаго наследниками В. Г. Стахѣва, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, учреждаются при Елабужскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени „Василя Григорьевича Стахѣва“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Елабужскаго реального училища и составляетъ неотъемлемую его собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ училища изъ бѣдныхъ учениковъ безъ различія сословія, отличающихся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 4. Разъ избранные стипендіаты сохраняютъ право на стипендію во все продолженіе своего ученія въ семь училищъ и могутъ лишиться стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта, только въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ или за неодобрительное поведеніе.

§ 5. За стипендіатами, оставшимися на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендіи могутъ быть сохранены только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Могущіе образоваться, по какимъ-либо причинамъ, остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала приобщаются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіатамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

5. (23-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы штабсъ-капитана Елизаветы Ивановны Ижицкой при Житомирской 1-й мужской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго вдовой штабсъ-капитана Елизаветой Ивановной Ижицкой, учреждается при Житомирской 1-ой гимназій одна стипендія имени завѣщательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназій и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназій.

§ 3. Выдача стипендіи производится, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, по полугодіямъ, въ размѣрѣ получаемыхъ съ капитала процентовъ.

§ 4. Въ стипендіаты могутъ быть назначаемы лишь лица римско-католическаго исповѣданія.

§ 5. Стипендіаты назначаются епископомъ Луцко-Житомирской римско-католической епархіи, первымъ же стипендіатомъ долженъ быть, согласно волѣ завѣщательницы, ученикъ IV-го класса названной гимназій Антонъ Людвигъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ обучаться въ Житомирской 1-ой гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

6. (24-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Александровича Федосева при Валуйской Миринской женской прогимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года

и 26-го мая 1897 года, при Валульской Маріинской женской прогимназіи учреждается одна стипендія имени потомственного почетнаго гражданина Василя Александровича Федосѣева на счетъ процентовъ съ капитала въ *шестьсотъ* рублей, пожертвованнаго слѣдующими лицами: Александрю Васильевною Воюцкою, Антониною, Ольгою, Марією и Юлією Васильевными Федосѣевыми и Василюемъ Васильевичемъ Федосѣевымъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ шести билетахъ 4% государственной ренты въ 100 руб. каждый, хранится въ Валульскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ названнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, отчисленію въ казну выдаются одной бѣдной ученицѣ прогимназіи безъ различія сословія, если она отличается успѣхами въ наукахъ и благопріемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатки принадлежитъ учредителямъ стипендіи, а за непредставленіемъ кандидатки съ ихъ стороны, таковая можетъ быть назначена попечительнымъ совѣтомъ прогимназіи, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ оной.

§ 5. Проценты, могущіе оказаться свободными въ случаѣ незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 6. При преобразованіи Валульской Маріинской женской прогимназіи въ другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее для того же назначенія.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

7. (25-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Теодоровны Ушаковой при Казанской 2-й гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *дѣть тысячъ пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Марією Теодоровною Ушаковой, учреждаются при Казанской 2-й гимназіи двѣ стипендіи имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 3¹/₂% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хра-

нися въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названной гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность заведенія, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на плату за ученіе двухъ стипендіатовъ; могущіе же образоваться, по какимъ либо причинамъ, остаткомъ отъ процентныхъ денегъ обращаются на покрытие расходовъ по обмѣну закладныхъ листовъ, въ случаѣ выхода ихъ въ тиражъ, на новыя процентныя бумаги или при обмѣнѣ купонныхъ листовъ. За отсутствіемъ такихъ расходовъ остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 4. Въ стипендіаты избираются недостаточные ученики названной гимназіи, преимущественно изъ дворянъ Казанской губерніи, достойнѣйшіе по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 5. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ учредительницѣ сихъ стипендій, а по смерти ея право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіаты, въ случаѣ неперехода ихъ въ слѣдующій классъ по лѣности или другимъ какимъ либо неуважительнымъ причинамъ, лишаются права на дальнѣйшее полученіе стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

8. (30-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіи при С.-Петербургской 2-й гимназіи имени тайнаго совѣтника Якова Исаковича Утина.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, собраннаго служащими общества Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги, учреждается при С.-Петербургской 2-й гимназіи одна стипендія имени тайнаго совѣтника Якова Исаковича Утина.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, составляетъ неотъемлемую собственность названной гимназіи и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ ея, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ выросшихъ процентовъ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора, ежегодно вносится плата за ученіе приходящаго ученика недостаточныхъ родителей, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію, а остальная

часть процентовъ выдается его родителямъ или опекунамъ на учебныя пособия, платье и прочее.

§ 4. Право выбора стипендіата изъ учениковъ 2-й гимназіи принадлежитъ тайному совѣтнику Я. И. Утину, а послѣ него—сыну его Сергѣю Яковлевичу Утину; въ случаѣ неизбѣнна кандидата со стороны Я. И. и С. Я. Утиныхъ, таковой избирается педагогическимъ совѣтомъ, по соглашенію съ ними.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія своего въ гимназіи и лишается ея только въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности.

§ 6. Въ случаѣ выбытія стипендіата изъ С.-Петербургской 2-й гимназіи, онъ лишается права на дальнѣйшее пользованіе стипендіею и вакансія замѣщается новымъ лицомъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (30-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Степановича Крутикова при Новгородской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу сто рублей, пожертвованнаго статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Степановичемъ Крутиковымъ, учреждается при Новгородской мужской гимназіи одна стипендія имени жертвователя, въ память его тридцатилѣтней службы по контрольному вѣдомству.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за ученіе одного изъ учениковъ Новгородской гимназіи.

Примѣчаніе. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ по отсутствію стипендіата, причисляются къ основному капиталу; излишки же, образующіеся за время пользованія извѣстнымъ ученикомъ означенной стипендіей, остаются въ казначей-

ствѣ до окончанія стипендіатомъ курса и выдаются по окончаніи курса ему на руки.

§ 4. Выборъ стипендіата изъ учениковъ гимназій зависитъ отъ жертвователя или его супруга, а послѣ ихъ кончины право это переходитъ къ управляющему контрольною палатою. Стипендіаты избираются изъ дѣтей лицъ, служащихъ при контрольной палатѣ, по преимуществу, бѣдныхъ, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Жертвователь, а послѣ него управляющій контрольною палатою обязательно получаютъ отъ педагогическаго совѣта гимназій свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата. Въ случаѣ плохихъ успѣховъ стипендіата, или несовѣтмъ одобрительнаго поведенія, онъ въ концѣ учебнаго года можетъ быть лишень стипендіи или самимъ жертвователемъ или управляющимъ контрольною палатою.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (1-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Федоровны Ушаковой при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго Императорскому Казанскому университету вдовою статскаго совѣтника Маріей Федоровною Ушаковой и заключающагося въ $3\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, учреждается стипендія имени жертвовательницы для студентовъ юридическаго факультета.

§ 2. Пожертвованный капиталъ долженъ храниться въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета и оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, по желанію жертвовательницы, предназначаются для взноса платы въ университетъ за право слушанія лекцій за одного изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридическаго факультета, преимущественно изъ дворянскаго сословія и отличающагося благопріеміемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 4. Остающаеся за взносомъ платы въ университетъ и въ гонораръ профессоровъ сумма процентовъ должна быть каждый годъ выдаваема на руки студенту, получающему настоящую стипендію.

§ 5. Выборъ лицъ, которымъ имѣетъ быть выдаваема стипендія,

принадлежитъ правленію университета по представленію юридическаго факультета.

§ 6. Полученіе стипендіи не сопряжено ни съ какими обязательствами.

11. (2-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіахъ имени потомственной почетнаго гражданина Василія Ивановича Θεолога при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *семьдесятъ пять тысячъ девятьсотъ* рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Василюмъ Ивановичемъ Θεологомъ, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, учреждаются при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ пять стипендій имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ сорока одномъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты, хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Избраннымъ стипендіатамъ назначаются стипендіи каждому въ теченіе четырехъ лѣтъ по 400 руб. въ годъ, а по окончаніи курса, на пятый годъ назначаются пособія этимъ стипендіатамъ тоже по 400 руб. каждому, съ выдачею таковыхъ въ два срока, а именно: на проѣздъ по окончаніи курса, для присканія мѣста по 200 руб. каждому и на обзаведеніе по опредѣленіи на мѣсто, по 200 руб. каждому, не ранѣе, впрочемъ, какъ черезъ полгода по выдачѣ первыхъ двухсотъ рублей. Каждая стипендія ежегодно разсчитывается въ пятьсотъ рублей, на содержаніе стипендіатовъ выдается въ годъ по четыреста рублей каждому, остатокъ отъ каждаго года въ сто рублей оставляется на выдачу пособій по окончаніи курса, что и составляетъ потребную для сего сумму по четыреста рублей для каждаго.

§ 4. Стипендіями могутъ пользоваться студенты всѣхъ факультетовъ Харьковскаго университета, православнаго исповѣданія, всѣхъ сословій изъ грековъ, великороссовъ и малороссовъ, обучавшіеся и окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Таврической губерніи, преимущественно же въ Симферопольской и Керченской гимназіяхъ, удовлетворяющіе требованіямъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ студентамъ университетовъ.

§ 5. Избраніе стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію правленія университета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщеніе стипендій остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для образованія, съ теченіемъ времени, новыхъ стипендій, на счетъ процентовъ съ возростаго капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ уменьшенія процентовъ на стипендіальный капиталъ отъ могущихъ быть конверсій, уменьшается соотвѣтственно и число стипендій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*T. Рибо. Эволюція общихъ идей. (L'évolution des idées générales).* Переводъ съ французскаго *Н. Н. Стиридонова.* М. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. Стр. XX+388. Цѣна 80 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Систематическій сборникъ разказовъ для пересказа и перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. I часть *Ө. К. Андерсона.* Пятое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 181. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ классовъ гимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Латинская грамматика примѣнительно къ русской. Систематическій курсъ гимназій. Составилъ *Ив. Центковъ.* Харьковъ. 1898. Стр. VI+222. Цѣна 1 рубль“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и прогимназій.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Cours complet de langue française par *A. Challandes.* Полный курсъ французскаго языка составилъ *A. Шалландъ*“: 1) „Cours préparatoire. Deuxième édition. Приготовительный курсъ. Изданіе второе. St.-Petersbourg. 1899. Стр. 64. Цѣна 30 коп.“—2) „Première année. Sixième édition. Первый

годъ. Изданіе шестое. St.-Pétersbourg. 1898. Стр. 80. Цѣна 35 коп.“—
3) „Deuxième année. Cinquième édition“. Второй годъ. Изданіе пя-
тое. St.-Pétersbourg. 1899. Стр. 100. Цѣна 50 коп.“—4) „Troisième
année. Quatrième édition. IV-e classe des gymnases de garçons. Тре-
тій годъ. Изданіе четвертое. IV классъ мужскихъ гимназій. St.-Pé-
tersbourg. 1899. Стр. 122. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ
учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній министр-
ства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Grammaire française élémentaire à l'usage des classes
inférieures et moyennes des établissements d'éducation par A. Challan-
des. Première partie. Septième édition. Французская элементарная грам-
матика для низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній соста-
вилъ А. Шалландъ. Часть первая. Изданіе седьмое. St.-Pétersbourg.
1898. Стр. 96. Цѣна 40 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго ру-
ководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго
просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „И. Коростовецъ, Китайцы и ихъ цивилизація. Съ при-
ложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Изданіе второе. С.-Пб. Из-
даніе книжнаго магазина Н. Аскарханова. 1898. Стр. VIII+625+III.
Цѣна 3 руб. 75 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и учениче-
скихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній,
мужскихъ и женскихъ, и допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ
низшихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и
библіотеки.

— Книгу: „Елена Иоанновна, великая княгиня Литовская, Рус-
ская, королева Польская. Біографическій очеркъ въ связи съ исто-
ріей того времени. Е. Церетели. Въ пользу общества вспоможенія
окончившимъ курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ кур-
сахъ. С.-Пб. 1898. Стр. II+356. Цѣна 1 руб. 50 коп.“—рекомендовать
для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библио-
текъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрить для учитель-
скихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народ-
ныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Э. Кошвицъ. Профессоръ университета въ Марбургѣ.
Руководство къ изученію французской филологіи (для студентовъ,
учителей и учительницъ). Переводъ по тексту, просмотрѣнному и до-
полненному авторомъ, Н. Б. Струве, подъ редакціей и съ предисло-
віемъ О. Д. Батюшкова, приватъ-доцента по французскому языку и
литературѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, и

съ приложеніемъ статьи „О лѣтнихъ вакаціонныхъ курсахъ въ Парижѣ и Марбургѣ“ В. Б. Струве, инспектора классовъ С.-Петербургскаго Сиротскаго Института Императора Николая I. С.-Пб. 1899. Стр. XVI+174. Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 рубль—рекомендовать для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: „Кв. Гораций Флаккъ. Оды. Книга первая. Переводъ въ стихахъ съ примѣчаніями П. Порфирова. С.-Пб. 1898. Стр. 61. Цѣна 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Cours de correspondance commerciale française à l'usage des Ecoles de Commerce et des classes commerciales des Ecoles Réales par P. Discotтин, Maître de langue française à l'École Réale de Moscou et à l'École de Commerce de Mг. Masing. Курсъ французской торговой корреспонденціи для коммерческихъ училищъ и для коммерческихъ классовъ реальныхъ училищъ. Составилъ П. Дюкоммюнь, учитель французскаго языка въ Московскомъ Реальномъ училищѣ и въ Коммерческомъ училищѣ К. К. Мазингъ. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники Бр. Салаевыхъ“. 1898. Стр. IV+133+124. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Deutsches Lesebuch für mittlere und obere Klassen der mittleren Lehranstalten. Mit Anmerkungen und Wörterbuch von I. Grosspietsch. Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ I. Гроспичъ. М. 1898. Стр. VII—356. Цѣна 1 рубль 16 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: подъ общимъ заглавіемъ „Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей“: 1) „Выпускъ V. Поэма и избранные романы о Сидѣ въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. IV+157. Цѣна 50 коп.“—2) „Выпускъ XI. Франческо Петрарка. (1304—1374).

Избранныя советы и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV советовъ.—I—III канцоны.—Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1898. Стр. VIII+42. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Л. Г. Лопатинскій*. Краткая латинская грамматика. Изданіе седьмое. Тифлисъ. 1898. Стр. VIII+118. Цѣна 50 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Рельефную карту Карпато-Балканскихъ странъ, составленную майоромъ румынской арміи *Бовереску*—допустить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ учебныхъ пособій, приобретаемыхъ на спеціальныя средства названныхъ заведеній.

— Книгу: „Пособіе при изученія исторіи русской литературы. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Составилъ *Аркадій Сосницкій*. М. 1898. Стр. II+79. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжки, изданныя книжнымъ магазиномъ В. Думнова: 1) „*Одиссея Гомера*. Пѣснь XI. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназій. М. 1897. Стр. IV+66. Цѣна 40 коп.“—2) „*Одиссея Гомера*. Пѣснь XII. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназій. М. 1898. Стр. IV+47. Цѣна 30 коп.“—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Свящ. *Вл. Амельскій*. Разказы изъ исторіи западно-русской церкви. Вильна. 1898. Стр. IV+152. 60 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ нѣмецкаго языка. Составилъ *И. Смигъ*. Часть I. Курсъ младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. 4-е изданіе Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. М. 1898. Стр. XXV+468. Цѣна 1 р. 20 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Grammaire française à l'usage des écoles russes*. Школьная грамматика французскаго языка, составленная *Е. Конофъ*, преподавательницей французскаго языка 3-й Московской женской гим-

назв. М. 1898. Изд. маг. „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залѣской. Стр. XVIII+166—88. Цѣна 90 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Красноводскій отрядъ. Его жизнь и служба со дня высадки на восточный берегъ Каспійскаго моря по 1878 г. включительно. Изданіе 2-е, дополненное. Съ картою театра дѣйствій. В. Маркозовъ. С.-Пб. 1898. стр. 309. Цѣна не обозначена“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Первая помощь при внезапныхъ несчастныхъ случаяхъ. Составилъ д-ръ В. М. Зыковъ, ассистентъ госпитальной хирургической клиники, по сочиненію проф. Мозетиль-Мооргофа, подъ редакціей проф. Л. Л. Левшина. Съ 30 рис. въ текстѣ. М. 1898. Стр. IV+144+VIII въ 16-ю долю листа. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ учительскія библиотеки всѣхъ низшихъ училищъ, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ Ѳ. Ѳ. Клау, преподаватель физики и математики реальнаго отдѣленія училища св. Анны въ С.-Петербургѣ. Съ 84 политипажамъ въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1898. VIII+111. Цѣна 70 коп.“ — рекомендовать для приобрѣтенія, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, въ ученическія библиотеки мужскихъ и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Н. А. Бартаховскій. Определитель прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи. Съ 102 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1898. Стр. VIII+240. Цѣна не обозначена“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ преподается естествознаніе, а также и для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Платонъ. Апологія Сократа и діалогъ Критонъ. Переводъ съ греческаго съ объяснительными примѣчаніями. Дмитрія Лебедева. С.-Пб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1898. Стр. 124. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій.

— Книгу: „Проф. д-ръ Э. Бокъ. Книга о здоровомъ и больномъ

человѣкъ. Переводъ съ шестнадцатаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра мед. *В. И. Рамма*. Со многими рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изд. М. В. Попова. 1898. Стр. 1159+27+VII. Цѣна не обозначена—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки для выдачи взрослымъ читателямъ.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія“: 1) „*Schiller. Wilhelm Tell. Ein Schauspiel in fünf Aufzügen.* („Вильгельмъ Телль“ *Шиллера*). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ и двумя географическими картами. Объяснилъ *Г. Ю. Ирмеръ*, лекторъ нѣмецкаго языка при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Изданіе С. А. Манштейна (второе, исправленное и дополненное). С.-Пб. 1898. Стр. 204+45. Цѣна со словаремъ 40 коп.“—2) *G. E. Lessing. Emilia Galotti. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen.* (*Лессинга*. „Эмилія Галотти“). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Г. К. Корнъ*. Изданіе С. А. Манштейна (второе, заново переработанное). С.-Пб. 1898. Стр. 142+21. Цѣна со словаремъ 40 коп.“ — рекомендовать, какъ весьма полезныя пособія при изученіи нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Учебникъ: „*В. Н. Сатаровъ*. Систематическій диктантъ. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ. М. Изданіе К. И. Тихомирова. 1898. Стр. 117. Цѣна 30 коп.“—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, въ начальныя народныя училища.

— Книжку: „*Цвѣткова-Катенкамъ*. Пѣвунья Паша. Разказъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. С.-Пб. 1896. Стр. 84.

Цѣна 20 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: „Солдатская бібліотека. Изданіе В. А. Березовскаго. 8-й комплектъ:“ 1) № 143. св. Нина. Просвѣтительница Грузія. Стр. 12. Цѣна 3 коп.“—2) „№ 144. Персидскій походъ Зубова. Стр. 16. Цѣна 4 коп.“—3) „№ 145. Князь Циціановъ. Стр. 17. Цѣна 5 коп.“—4) „№ 146. Взятіе крѣпости Ганжи. Стр. 22. Цѣна 6 коп.“—5) № 152. Покореніе Кабарды. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“—6) „№ 153. Крѣпости Чхери и Мухури. Стр. 12. Цѣна 3 коп.“—7) „№ 154. Генераль Симановичъ. Стр. 22. Цѣна 6 коп.“—8) „№ 155. Котляревскій. Стр. 35. Цѣна 9 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ ученическія бібліотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Искусства и промыслы въ животномъ царствѣ. А. Николаева. (по Houzau). Кіевъ. 1898. (Кіевское Общество Грамотности. № 5). Стр. 71. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книги, составленныя С. Граменицкимъ: 1) „Первая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Ташкентъ. 1898. Стр. II+30+48+12. Цѣна 30 коп.“—2) „Вторая книга для чтенія. Пособіе для обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ. Ташкентъ. 1898. Стр. 78. Цѣна 30 коп.“—первую одобрить, а вторую допустить для класснаго употребленія въ инородческихъ начальныхъ народныхъ училищахъ Туркестанскаго Края и вообще Восточной Россіи.

— Книжки изданія О. Н. Поповой: 1) „Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ Фритъофъ Хансенъ. О. Н. Поповъ. Съ 38 рисунками. С.-Пб. 1898. Стр. 178. Цѣна 50 коп.“—2) „Разказы о разныхъ странахъ и народахъ. III. Великая пустыня. Описаніе Сахары. Составила С. Круковская. Съ 22 рисунками. С.-Пб. 1899. Стр. 94.—Цѣна 40 коп.“—3) „Матросы корабля Надежда. Разказъ В. Сьрошевскаго. Съ 10 рисунками. С.-Пб. 1899. Стр. 80. Цѣна 35 коп.“—первую одобрить для ученическихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ, вторую одобрить для ученическихъ бібліотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ читателей

и народныхъ чтеній, а третью допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Г. Дьяченко и А. Преображенскій. Доброе слово. Книга первая. Для класснаго чтенія въ сельскихъ народныхъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и въ церковно-приходскихъ школахъ. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное. Иллюстрировано. М. 1898. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. VIII+174+1 табл. „Образцы рисованія по клѣткамъ“. Цѣна 35 коп.—Книга вторая. Изданіе 5-е, дополненное. Стр. X+229. Цѣна 45 коп.—Книга третья: Изданіе 4-е, исправленное. Стр. IX+306. Цѣна 60 коп.“—одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книжку: „А. Погескій. Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ: Н. А. Полеваго и графа Д. А. Милютина. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1898. Стр. 79. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: „Паломникъ во Святой Землѣ (подарокъ родинѣ). Сочиненіе К. И. Конева. Изданіе 3-е. Астрахань. 1898. Стр. 48. Цѣна 25 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: „Чтенія о Святой Землѣ. Выпуски IX—XVI (Ветхій Заветъ (I—VIII) Протоіерея В. С. Соловьева).—Выпуски XLI и XLV (Русскіе паломники Святой Земли. В. Н. Хитрово). С.-Пб. 1898. Цѣна каждаго выпуска 15 коп.“—2) „Палестинскій патерикъ. 2-е изданіе. Выпуски 2 и 3. Стр. 108 и 26. Цѣна 20 и 10 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ таковыя же, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія: 1) „Музыка и пѣніе. Ежемѣсячный музыкальный журналъ для пѣнія, одиноголоснаго и хороваго, фортепіано и другихъ инструментовъ. С.-Пб. 4-й годъ изданія: 15-го ноября 1897—15-го октября 1898. №№ 1—12. Цѣна безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 руб.“—2) „Нотная грамота. Опытъ самообученія пѣнію. Составилъ А. Н. Карасевъ. (Приложеніе къ журналу „Музыка и пѣніе“). С.-Пб. 1898. Стр. 157. Цѣна 1 руб.“—первое одобрить, а

второе допустить въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Брошюру: „Къ рабочему человѣку. I. Беседа о трудѣ. *Ивана Л.* Москва. 1898. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (складъ изданія у книгопродавца Н. Н. Морева въ С.-Пб.)—допустить въ ученическія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Двѣ брошюры доктора *Симонова*, подъ заглавіями „первая—Домашнее отопленіе. Съ 80-ю рисунками, подъ редакціей профессора инженеръ-генералъ-лейтенанта Войницкаго. С.-Пб. 1890. 132 стр. Цѣна 1 руб.; вторая — *Способы домашняго освѣщенія*. Съ 44-ми рисунками въ текстѣ, при содѣйствіи М. Алибегова, для освѣщенія разными маслами, Г. С. Ламанскаго—для газоваго освѣщенія и С. Чиколева—для электрическаго освѣщенія. С.-Пб. 1889. 110 стр. Цѣна 1 р. 25 к.“ — одобрить означенныя брошюры для промышленныхъ училищъ всѣхъ типовъ и для бібліотекъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 1-го сентября сего года открыто въ мѣстечкѣ Яблоновѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 76 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 2-го сентября сего года открыто въ селѣ Суходолѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, по инструкторіи 4-го іюня 1875 года, при 95 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 26-го сентября сего года Шумское одноклассное народное училище, Кременецкаго уѣзда, Волинской губерніи, преобразовано въ двухклассное, при 93 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, 27-го сентября сего года состоялось открытіе Лонаскаго однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія на островѣ Эзелѣ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 8-го октября сего года открыта въ Тургайской области Бердянская аульная школа, при 16 учащихся, и 15-го того же октября Тамарь-Уткульская школа, при 15 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 10-го октября сего года открыта, при 16 учащихся киргизскихъ мальчикахъ, Сандыбековская аульная школа въ Уйсылкаринской волости, Актюбинскаго уѣзда, Тургайской области.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го октября состоялось открытіе Аманъ-Карагайской аульной школы, Тургайской области.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, 28-го октября открыто, въ преобразованномъ видѣ, при 94 учащихся, Талмазское сельское двухклассное училище. Бессарабской губерніи.

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, 1-го ноября состоялось открытіе въ деревни Красныхъ Горяхъ, Юрьевскаго уѣзда, Лифляндской губерніи, однокласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, при 70-ти учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 10-го ноября открыто въ городѣ Уфѣ 10-ое одноклассное приходское для дѣтей обоего пола училище, при 117 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го ноября состоялось открытіе VIII Оренбургскаго мужскаго приходскаго училища, при 70 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, 21-го ноября состоялось открытіе Велико-Кармельскаго однокласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія на островѣ Эзелѣ, при 16 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ текущемъ году открыты ипородческія училища въ слѣдующихъ деревняхъ Бирскаго уѣзда. Уфимской губерніи:

- 1) Курманаевск. 1-го сентября, при 50 учащихся, 2) Ново-Аса-

фовой 7-го сентября, при 32 учащихся, 3) Тибилевой 10-го сентября, при 25 учащихся, 4) Кутлисовой 10-го сентября, при 44 учащихся, 5) Кассіарѣ 11-го сентября, при 38 учащихся, 6) Нижне-Иванаевой 15-го сентября, при 33 учащихся, 7) Черлакѣ 15-го сентября, при 44 учащихся, 8) Бурѣ 18-го сентября, при 31 учащемся, 9) Старо-Яшевой 18-го сентября, при 44 учащихся, 10) Актугановой 24-го сентября, при 45 учащихся, 11) Байшадахъ 2-го октября, при 36 учащихся, 12) Ярминной 7-го сентября, при 40 учащихся, 13) Верхнихъ-Татышлахъ 15-го сентября, при 43 учащихся, 14) Бураевой 21-го сентября, при 48 учащихся, 15) Можгѣ 24-го сентября, при 36 учащихся, 16) Чемаевой 24-го сентября, при 28 учащихся, и 17) Богдановой 28-го сентября, при 15 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ текущемъ году открыты новѣрческія училища въ слѣдующихъ деревняхъ Велебеевского уѣзда, Уфимской губерніи:

1) Старыхъ-Каръявахъ 16-го сентября, при 30 учащихся, 2) Старой Дюмеевой 6-го октября, при 26 учащихся, 3) Старо-Калмашевой 7-го октября, при 25 учащихся, 4) Тузлукушевой, Иманлыкулевской волости, 5-го октября, при 25 учащихся, 5) Токтагуловой 10-го октября, при 20 учащихся, 6) Тайнашевой 21 сентября, при 25 учащихся, 7) Тузлукушевой, Чукадытамакской волости, 18-го октября, при 28 учащихся и 8) Чекагушевой 20-го сентября, при 25 учащихся.

— По сообщенію военнаго министерства, 1-го октября въ городѣ Чарджуѣ торжественно открыто, въ присутствіи Эмира Бухарскаго и управляющаго политическимъ агентствомъ въ Бухарѣ, русское приходское училище Императора Николая II-го.

РУССКАЯ ПРАВДА И ЕЯ СПИСКИ.

Этотъ памятникъ древнѣйшаго русскаго права былъ открытъ Татищевымъ въ Новгородской лѣтописи письма исхода XV вѣка. Татищевъ оцѣнилъ его важность, выписалъ изъ лѣтописи, перевелъ, снабдилъ примѣчаніями и представилъ въ 1738 г. въ Академію Наукъ. Тамъ Русская Правда оставалась безъ движенія почти въ теченіи 80-ти лѣтъ, и только Шлёцеръ отдалъ ей должное и впервые напечаталъ въ 1767 году. Съ этого времени она сдѣлалась предметомъ изученія.

Списки Русской Правды находятся въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, въ коричихъ книгахъ и въ сборникахъ разнаго рода статей, которые содержатъ въ себѣ, между прочимъ, и цѣлый рядъ юридическихъ памятниковъ, напримѣръ: судебникъ царя Константина, извлечение изъ книгъ Моисеевыхъ, договоръ смоленскаго князя Мстислава съ нѣмцами, уставъ о мостовыхъ и пр., а между ними и Русскую Правду. Нѣкоторые изъ сборниковъ этого рода носятъ наименованіе „Мѣрило Праведное“.

Въ настоящее время извѣстно болѣе 50 списковъ Русской Правды. Перечислимъ важнѣйшія изъ напечатанныхъ въ порядкѣ древности письма тѣхъ рукописей, въ которыхъ эти списки были найдены.

Списокъ Синодальный находится въ кормчей, принадлежащей московской Синодальной библиотекѣ. Изъ предисловія кормчей видно, что она написана въ концѣ XIII вѣка повелѣніемъ новгородскаго князя Дмитрія и „стяжаніемъ боголюбиваго архіепископа новгородскаго Климента“ и положена въ Софійской новгородской церкви „на почитаніе священникомъ и на послушаніе крестьяномъ и собѣ на спасеніе души“. Въ этой кормчей, послѣ уставовъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, находятся статьи, относящіяся до Россіи; среди

нихъ помѣщена в Русская Правда подъ заглавіемъ: Судъ Ярославль-Володимиріца. За Русскою Правдой идутъ: уставъ св. Владиміра о церковныхъ судахъ и уставъ новгородскаго князя Святослава о десятинахъ. Рукопись Синодальной коричей по письму относятъ къ исходу XIII вѣка, но находятъ, что конецъ ея, статьи, слѣдующія за Русскою Правдой, написанъ нѣсколько позднѣе. Профессоръ Суворовъ полагаетъ, что и письмо Правды принадлежитъ началу XIV вѣка.

Этотъ списокъ напечатанъ въ I томѣ *Русскихъ Достопамятностей* за 1815 г., перепечатанъ проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ въ его „Исслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ“, вып. II 1835 г., и принятъ въ основаніе систематическаго изданія Калачова въ его изслѣдованіе о Русской Правдѣ 1846 г. Это древнѣйшій списокъ Правды по письму. Онъ можетъ служить однимъ изъ образцовъ средней по времени ея редакцій, но далеко не лучшимъ. Переписчикъ этого экземпляра имѣлъ подъ руками оригиналъ съ значительными описками и присоединилъ къ нимъ новыя.

Гораздо лучше этого списка нѣкоторые позднѣйшіе. Изъ нихъ относятся къ тому-же роду списковъ: Троицкій; онъ находится въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Мѣрила Праведнаго“ и принадлежащемъ бібліотекѣ Троицко-Сергіевской лавры. Сборникъ писанъ уставомъ конца XIV вѣка. Русская Правда помѣщена здѣсь вслѣдъ за статью „о церковныхъ людѣхъ и судѣхъ“. Списокъ этотъ напечатанъ Калачовымъ въ изданіи 1847 года.

Списокъ Пушкинскій; онъ находится въ сборникѣ разныхъ юридическихъ статей, принадлежавшемъ графу Мусину-Пушкину, и помѣщенъ здѣсь подъ заглавіемъ: „Судъ Ярослава князя и уставъ о всякихъ пошлинахъ и о уроцѣхъ“; конецъ его непосредственно сливается съ такъ называемымъ судебникомъ царя Константина. Рукопись этого сборника, по мнѣнію Калайдовича, принадлежитъ XIII вѣку, а по мнѣнію Строева, къ которому присоединился и Калачовъ, къ концу XIV. Она напечатана въ Русскихъ Достопамятностяхъ т. II 1848 г. Дубенскимъ, который приложилъ къ своему изданію и объяснительный словарь реченій Правды. Этотъ списокъ относится къ одной редакціи съ двумя предшествующими. Онъ замѣчательнъ многими вариантами, изъ которыхъ особенно важенъ вариантъ къ ст. 86 ¹⁾, который одинъ даетъ возможность правильно ее истолковать.

¹⁾ Нумерацію статей мы указываемъ по Троицкому списку, если не называемъ списка

Весьма близокъ къ этому списку, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исправленъ его и ближе къ первоначальному оригиналу списокъ Археологической комиссіи, написанный въ половинѣ XV вѣка. Онъ находится въ рукописи, содержащей въ себѣ родословія русскихъ князей, списки новгородскихъ посадниковъ и тысяцкихъ, списки русскихъ митрополитовъ, лѣтопись Акима, епископа новгородскаго, и нѣсколько юридическихъ статей, среди которыхъ и Русскую Правду, которая помѣщена между церковнымъ уставомъ Всеволода и судебникомъ царя Константина. Списокъ этотъ напечатанъ въ приложеніи къ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку.

Карамзинскій списокъ, принадлежащій къ тому же разряду, но содержащій въ себѣ много добавочныхъ статей. Онъ находится въ Новгородской лѣтописи, писанъ почеркомъ XV вѣка и напечатанъ въ изданіи Калачова 1847 года.

Въ упомянутомъ сборникѣ Археологической комиссіи находится еще другой списокъ Русской Правды, болѣе древней ея редакціи. Онъ помѣщенъ въ самомъ текстѣ лѣтописи подъ 1016 г. послѣ описанія войны Ярослава Владиміровича со Святополкомъ, за словами: „Ярославъ иде Къеву и сѣде на столѣ отца своего Володимира и нача вое свое дѣляти: старостаѣ по 10 гривенѣ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородьцемъ по 10 веѣмъ; и отпусти я домовъ вся, и даѣи имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите“.

Къ этому-же второму роду списковъ относятся: списокъ впервые открытій Татищевымъ и такъ называемый Академическій, находящійся въ Новгородской лѣтописи, принадлежащей Академіи Наукъ. Рукопись этой лѣтописи по письму относится къ концу XV вѣка, а потому она немного моложе Археологической. Первое изданіе Шлёцера сдѣлано по этой рукописи. Академическій списокъ Правды былъ вновь напечатанъ Калачовымъ въ изданіи 1847 г. Татищевъ имѣлъ подъ руками еще какой-то другой списокъ этой Правды, до насъ подошедшій, изъ котораго и привелъ два крупныхъ варианта. Они воспроизведены у Калачова.

Въ заключеніе укажемъ на списокъ князя Оболенскаго; онъ взятъ изъ коричневъ письма половины XVII вѣка. Русская Правда помѣщена здѣсь подъ заглавіемъ: „Судъ Ярославъ Володимерича указъ“. Этотъ списокъ служить образцомъ самой поздней редакціи Правды; онъ напечатанъ Калачовымъ въ изд. 1847 г.

Изданія Синодальнаго, Пушкинскаго и Археологическаго списковъ

представляютъ точное воспроизведеніе подлежащихъ рукописей. Таково-же изданіе Русской Правды и проф. Мрочекъ-Дроздовскаго по спискамъ Синодальному, Чудовскому и нѣкоторымъ другимъ. Издатель приложилъ къ своему труду и объяснительный словарь, дополняющій словарь Дубенскаго.

Кромѣ такихъ изданій, точно воспроизводящихъ памятники, мы имѣемъ еще цѣлый рядъ изданій, приспособленныхъ для учебныхъ цѣлей. Въ такихъ изданіяхъ Русская Правда дѣлится на статьи съ нумераціей. Наибольше доступны и удобны для пользованія изданія Калачова и Владимірскаго-Буданова. Калачовъ еще въ 1847 г. напечаталъ Правду по четыремъ характернымъ спискамъ: Академическому, Троицкому, Карамзинскому и по списку кн. Оболенскаго. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своей хрестоматіи воспроизводитъ изъ этого изданія Русскую Правду по спискамъ Академическому и Карамзинскому, а въ примѣчаніяхъ подѣлъ текстомъ даетъ опытъ „хрестоматіи историко-юридической литературы, относящейся къ памятнику“. Въ этомъ изданіи можно найти, такимъ образомъ, не только текстъ Русской Правды, но и высказанныя въ литературѣ мнѣнія въ цѣляхъ ея толкованія.

Всего болѣе отстываетъ отъ текста рукописей изданіе Калачова, сдѣланное имъ въ 1846 г., въ его „Исслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ“. Русская Правда не только дѣлится здѣсь на статьи съ нумераціей, но содержаніе ея приводится въ систематическій порядокъ и печатается въ искусственной послѣдовательности, а не въ той, какая соблюдается въ рукописяхъ. Издатель даетъ сперва статьи, относящіяся къ государственному праву, потомъ къ гражданскому, затѣмъ къ уголовному и наконецъ къ процессу. Дѣленіе права на государственное, гражданское, уголовное и процессуальное было совершенно неизвѣстно составителямъ Правды. Примѣненіе нашей современной системы къ изданію древняго памятника лишаетъ его своеобразнаго колорита и ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ подражанія. Достоинство этого изданія не въ его системѣ, а во множествѣ приводимыхъ авторомъ вариантовъ. Въ основаніе изданія положена рукопись Синодальнаго списка, а въ примѣчаніяхъ съ величайшимъ трудолюбіемъ и вниманіемъ собраны варианты изъ 50 списковъ, бывшихъ въ распоряженіи автора. Безъ пользованія этимъ изданіемъ невозможно изученіе Правды.

Первое дѣленіе Русской Правды на статьи было сдѣлано еще Татищевымъ. Открытый имъ списокъ древнѣйшей Правды онъ раздѣ-

лилъ на 35 статей; въ этомъ видѣ списокъ этотъ и былъ напечатанъ Академіей Наукъ въ 1786 г. въ I т. „Продолженій Древней Россійской Вивлюеики“. Списки средней по времени редакціи впервые были раздѣлены на статьи въ изданіи дерптскаго проф. Тобина. Этотъ опытъ древнѣйшаго дѣленія Правды на статьи въ нашей литературѣ не удержался; онъ былъ вытѣсненъ дѣленіемъ, предложеннымъ Калачовымъ въ его систематическомъ изданіи Правды, которое потомъ перешло и въ его изданіе Правды по четыремъ спискамъ 1847 г. Это дѣленіе принято въ изданіяхъ Утина и Лазаревскаго, Владимірскаго-Буданова и другихъ.

Дѣленіе такого памятника, какъ Русская Правда, на статьи есть дѣло большой трудности и большой важности. Въ дѣленіи на статьи выражается пониманіе смысла памятника. Чтѣ издатель соединилъ въ одну статью, то, значить, относится къ одному предмету; чтѣ онъ раздѣлялъ—то къ разнымъ. Но этимъ еще не исчерпывается возможное зло ошибочнаго дѣленія. Принятое дѣленіе можетъ оказывать давленіе на позднѣйшія изслѣдованія. Изслѣдователь можетъ принять существующее дѣленіе не какъ выраженіе пониманія издателя, а какъ нѣчто, принадлежащее самому памятнику, и толковать статьи именно въ той совокунности и раздѣльности, въ какой они явились у издателя. Правильное дѣленіе можетъ явиться только въ результатѣ полнаго объясненія Русской Правды, а ни какъ не предшествовать ему. Вотъ почему къ существующимъ дѣленіямъ надо относиться съ большою осторожностью. Они допускаютъ измѣненія.

Зверсъ въ своемъ изслѣдованіи о древнѣйшемъ русскомъ правѣ слѣдовалъ дѣленію Татищева; новые издатели предпочли Калачовское, но никакъ нельзя сказать, чтобы всѣ Калачовскія отступленія отъ стараго дѣленія были шагомъ впередъ. Статья 1 Академическаго списка у Татищева раздѣлена на двѣ; 21 и 22—слиты въ одну; 31 и 32—опять слиты; эти особенности стараго дѣленія слѣдовало-бы удержать.

Дѣленіе Тобина очень сложно. Онъ, во-первыхъ, дѣлитъ по заголовкамъ. Такихъ статей у него 88. Затѣмъ каждую изъ такихъ нерѣдко очень большихъ статей онъ подраздѣляетъ на мелкія. Такихъ мелкихъ у него выходитъ до 214. Дѣленіе по заголовкамъ, конечно, совершенно лишнее и позднѣйшіе издатели хорошо сдѣлали, что его оставили. Но въ дѣленіи на мелкія статьи у Тобина есть многое, что слѣдовало-бы возстановить. Имъ было предложено весьма основательное дѣленіе статей: 1, 15, 17, 28, 85, 87, 88, 93, 95 и нѣкоторыхъ

другихъ, на которое позднѣйшіе издатели совсѣмъ не обратили вниманія.

Въ своемъ систематическомъ изданіи Правды Калачовъ пользовался 50 списками. Въ дѣйствительности ихъ сохранилось гораздо болѣе. По словамъ Строева число списковъ Правды доходитъ до 300. Калачовъ, этотъ величайшій знатокъ рукописей Правды, выражаетъ, однако, сомнѣніе, чтобы можно было еще найти списки съ важными и намъ неизвѣстными особенностями.

Для того, чтобы изучать Правду, необходимо классифицировать ея списки. На вопросѣ о классификаціи первый остановился дерптскій проф. Тобинъ въ его „Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. B. I. Die Prawda Russkaia“ 1844. Всѣ списки Правды онъ дѣлитъ на двѣ фамиліи по различію ихъ объема и содержанія. Первую фамилію составляютъ краткіе списки, находящіяся въ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ; вторую — всѣ остальные, пространные. Калачовъ въ своемъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ значительно отступилъ отъ этой классификаціи и предложилъ новое основаніе дѣленія. Онъ дѣлитъ списки Русской Правды на 4 фамиліи, но не по различію списковъ, а по различію тѣхъ памятниконъ, въ которыхъ они находятся. Къ 1-й фамиліи онъ относитъ списки, находящіяся въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, Новгородской и Ростовской. Это будутъ краткіе списки. Первая фамилія Калачова случайно совпадаетъ съ первой фамиліей Тобина. Ко второй онъ относитъ списки коричныхъ такъ называемаго Кирилловскаго разряда и близко подходящихъ къ нимъ древнихъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Мѣрила Праведнаго; къ третьей — списки позднѣйшихъ (софійскихъ) временниковъ; къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей весьма различнаго содержанія. Раздѣливъ всѣ списки Русской Правды на четыре фамиліи, авторъ указываетъ затѣмъ сходства и различія между ними. Списки первой фамиліи существенно отличаются по объему и содержанію отъ списковъ трехъ послѣднихъ. Спрашивается, такъ-ли велики различія между списками трехъ послѣднихъ фамилій, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать разныя фамиліи? Въ отвѣтъ на это вотъ что читаемъ у Калачова: „Текстъ списковъ второй фамиліи, отличающійся довольно ясно отъ текста списковъ первой фамиліи, не представляетъ никакихъ существенныхъ различій отъ текста двухъ послѣднихъ фамилій. Слѣдовательно, за исключеніемъ списковъ первой фамиліи, текстъ рукописей второй фамиліи, можно признать за общій всѣмъ

спискамъ Русской Правды". Если нѣтъ существенныхъ различій между списками трехъ послѣднихъ фамилій, если текстъ рукописей второй фамилии можно признать за общій всѣмъ спискамъ Русской Правды, то нѣтъ основанія дѣлить эти списки на три фамилии. Они составляютъ одну фамилию, а существующія между ними различія могутъ дать поводъ лишь къ подраздѣленію этой фамилии на нѣкоторыя под-фамилии. Итакъ, когда дѣло дошло до подробностей, автору самому пришлось признать, что его 2-я, 3-я и 4-я фамилии, по отношенію къ первой, представляютъ только одну. Это есть необходимое слѣдствіе того, что онъ избралъ неправильное основаніе дѣленія. Списки должны дѣлиться на фамилии по различіямъ, которыя свойственны имъ, а не по различію памятниковъ, въ которыхъ они находятся. Въ разныхъ памятникахъ могутъ находиться однородные списки, какъ и оказалось въ дѣйствительности. Классификація Калачова считается однако правильной и до нашихъ дней. Ея придерживается, напримеръ, проф. Мрочекъ-Дроздовскій.

Основаніе дѣленія, указанное Тобиномъ, совершенно правильно. Его надо принять; но, въ виду дѣйствительнаго различія рукописей, къ двумъ его фамиліямъ надо прибавить третью. Самъ Тобинъ этого не сдѣлалъ, конечно, только потому, что въ его время списки третьей фамилии не были извѣстны.

Всѣ списки Русской Правды будутъ такимъ образомъ дѣлиться на три фамилии, различныя по объему, содержанію и времени составленія.

Первую фамилию составляютъ краткіе списки, образцомъ которыхъ можетъ служить списокъ Академическій. Это самая короткая Правда. При раздѣленіи на статьи (у Калачова) ея списки дали только 43 статьи. Съ внѣшней стороны особенность списковъ этой фамилии состоитъ въ томъ, что они писаны безъ красныхъ строкъ и не раздѣляются на отдѣлы особыми заголовками; хотя въ среднѣхъ и есть заголовокъ, но въ рукописи онъ не выдѣляется и написанъ въ строку. Даже общій заголовокъ памятника „Правда росская“ написанъ въ строку. По содержанію, списки этой фамилии не говорятъ о многихъ предметахъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ спискахъ другихъ фамилій; въ нихъ нѣтъ статей о наследственномъ правѣ, объ опекахъ, о закупкахъ и пр.; статьи же о предметахъ общихъ спискамъ другихъ фамилій наложены съ нѣкоторымъ различіемъ. Наконецъ, есть статьи, не встрѣчающіяся въ спискахъ другихъ фамилій.

Что касается времени составленія списковъ этой фамилии, то есть

основаніе думать, что они принадлежатъ болѣе древнему времени, чѣмъ списки другихъ фамилій. Въ нихъ упоминается только князь Ярославъ и сѣздъ его сыновей: Изяслава, Святослава и Всеволода. О Ярославѣ упоминается въ концѣ 42 статьи, перечисляющей поконы вирные. Послѣ перечисленія этихъ поконовъ, статья говоритъ: „то ти урокъ Ярославъ“. Можно думать, что Ярославъ былъ еще живъ, когда была написана эта статья, и пошлины, въ ней упоминаемыя, составляли еще дѣйствующее право, установленное этимъ княземъ. Списки второй фамилии говорятъ о тѣхъ же пошлинахъ, но въ другомъ тонѣ. Послѣ ихъ перечисленія, Троицкій списокъ замѣчаетъ: „А се поконы вирни были при Ярославѣ“. Изъ сопоставленія этихъ двухъ выраженій, кажется, можно вывести, что 42 статья краткой редакціи написана при Ярославѣ, а соответствующая ей—пространной—послѣ его смерти. Сѣздъ сыновей Ярослава, о которомъ говорятъ списки краткой Правды, былъ первый сѣздъ этихъ князей; спискамъ второй фамилии извѣстенъ второй ихъ сѣздъ. Это новое указаніе на большую древность списковъ первой фамилии. Кромѣ этихъ внѣшнихъ признаковъ большей древности, есть и внутренніе. Списки первой фамилій содержатъ въ себѣ болѣе слѣдовъ архаическаго права. Въ статьѣ I не выдѣлены еще княжје мужи отъ мужей вообще; о мести рѣчь идетъ въ четырехъ статьяхъ, тогда какъ въ спискахъ второй фамилии только въ двухъ, третьей—въ одной; вмѣсто денегъ употребляется выраженіе „скоть“.

Списки первой фамилии, представляя древнѣйшую редакцію Правды, написаны, однако, не съ разу, не за одинъ пріемъ. Передъ 18-й ст. стоитъ такой заголовокъ: „Правда оуоставлена Роуской земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣтъ, Микыфоръ, Кмынинъ, Чюдинъ Микула“. Сколько статей принадлежитъ законодательству перечисленныхъ здѣсь сыновей Ярослава, это не ясно; но несомнѣнно, что ихъ законодательству принадлежатъ далеко не всѣ слѣдующія за приведеннымъ заголовкомъ статьи. Не только перечисляемыя въ 42 статьѣ судныя пошлины (поконы вирные) установлены самимъ Ярославомъ, а не его сыновьями; но и правило 21 ст. принадлежитъ только одному изъ его сыновей, а не тремъ. Тѣмъ не менѣе приведенный заголовокъ, находясь въ срединѣ списка, даетъ основаніе считать все, ему предшествующее, трудомъ болѣе раннимъ. Во сколько пріемовъ писались списки первой фамилии и когда началось ихъ составленіе, этого мы не можемъ опредѣлять; но есть основаніе думать, что окончательная редакція списковъ этой фамилии за-

вершилась около времени первого съезда сыновей Ярослава, такъ какъ это послѣдній историческій фактъ, извѣстный составителю, ничего не знающему о второмъ съездѣ тѣхъ же князей. Когда же произошелъ этотъ съездъ? Съездъ этотъ могъ произойти въ теченіи небольшого промежутка времени отъ года смерти Ярослава (1054) до изгнанія старшаго его сына, Изяслава, изъ Кіева въ 1078 году и въ первой половинѣ этого срока, такъ какъ въ это время было два съезда. Это Правда первой половины XI вѣка, окончательная редакция которой не можетъ быть древнѣе 1054 и моложе 1065—70 года. Но первая ея половина могла быть составлена ранѣе, еще при жизни Ярослава.

Мѣсто составленія этой Правды опредѣляется ея названіемъ — русская. Такъ называлась въ это время Кіевская волость. Краткая редакция Правды составлена въ Кіевѣ.

Списки этой Правды дошли до насъ въ очень не многихъ экземплярахъ. Калачовъ упоминаетъ только три подлинныхъ списка. Съ тѣхъ поръ къ этому числу прибавился лишь одинъ—Археографическій. Всѣ они находятся въ Новгородской лѣтописи древнѣйшаго состава и не представляютъ никакихъ различій. Два добавленія къ статьямъ 30 и 38 (по счету Калачова) принадлежатъ списку, до насъ недошедшему.

Списки второй фамиліи по объему болѣе чѣмъ вдвое превосходятъ списки первой фамиліи, въ нихъ насчитывается отъ 115 статей до 118.

Съ внѣшней стороны списки этой Правды тѣмъ отличаются отъ списковъ Правды древнѣйшей, что имѣютъ въ срединѣ заголовки, написанные то въ строку, то отдѣльной строкой. Сама Правда въ цѣломъ также имѣетъ особый заголовокъ, который пишется надъ текстомъ. Заголовки эти различны. Въ Синодальномъ и Троицкомъ спискахъ: „Соудъ Ярославль Володимирица“, въ Карамзинскомъ: „Оуставъ великаго князя Ярослава Владимерича о судѣхъ. Соудъ о дусегубствѣ“ и т. д. За этимъ заголовкомъ, но уже въ строку, идетъ другой: „Правда роусская“.

Заголовки, которые встрѣчаются въ срединѣ памятника, не имѣютъ ничего общаго съ заголовками, которые дѣлаются въ наше время. Въ наше время наличность заголовка обуславливается раздѣленіемъ законодательнаго матеріала на отдѣлы. Не то въ эпоху составленія Правды. Законодательный матеріалъ того времени вовсе не систематизировался и не сподился въ отдѣлы по различію содержанія. То, что идетъ за заголовкомъ, не есть особый отдѣлъ, соответствующій заго-

ловку. Заголовку соотвѣтствуетъ нерѣдко только нѣсколько первыхъ строкъ; а затѣмъ рѣчь идетъ о предметахъ другаго содержанія. Напримѣръ, передъ ст. 79 Троицкаго списка стоитъ заголовокъ „о гумнѣ“; но только три первыхъ строки относятся къ этому заголовку. Въ концѣ же третьей строки рѣчь идетъ о поврежденіи скота, а затѣмъ съ новой строки, но безъ новаго заголовка, помѣщена процессуальная статья о послухахъ, которая безъ красной строки переходитъ въ перечисленіе пошлинъ съ желѣзнаго. Въ Троицкомъ списокѣ за заголовкомъ „о гумнѣ“ и слѣдующими за нимъ статьями разнаго содержанія слѣдуетъ заголовокъ „о женѣ“, но и къ нему относятся только двѣ строки; а въ слѣдующихъ рѣчь идетъ уже о послѣдствіяхъ убійства холопа и рабы. Заголовки Русской Правды представляютъ, такимъ образомъ, нѣчто совершенно случайное и относятся къ одной слѣдующей статьѣ, а не къ отдѣлу. Составитель Правды то дѣлаетъ заголовокъ, то нѣтъ. Когда дѣлаетъ, то, обыкновенно, обращаетъ въ заголовокъ первыя слова слѣдующей статьи. Напримѣръ, 16-я ст. Троицкаго списка начинается такъ: „А иже свержетъ виру“ и т. д. Передъ ней заголовокъ: „Аже свержетъ виру“; 52-я „Аже закупъ бѣжитъ отъ господы“, передъ ней заголовокъ: „Аже закупъ бѣжитъ“. Иногда заголовокъ выражаетъ нѣкоторое обобщеніе мысли первой строки слѣдующей за нимъ статьи. Напримѣръ, статья 51-я по Троицкому списку начинается такъ: „Аже кто многимъ долженъ будетъ“ и т. д., а заголовокъ: „О долзѣ“.

Возникаетъ вопросъ, какъ возникли эти заголовки: до составленія текста, вмѣстѣ съ нимъ или послѣ? Изъ трехъ возможныхъ предположеній можно допустить только послѣднее. Чтобы сдѣлать такіе заголовки, примѣры которыхъ мы только что привели, надо имѣть передъ собой уже готовыя статьи.

Заголовки, представляющіе обобщеніе, свидѣтельствуютъ о большей работѣ мысли писателя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находимъ простое повтореніе первыхъ словъ слѣдующей за ними статьи. Списокъ, въ которомъ заголовки обобщены, надо считать по написанію позднѣйшимъ. Сперва, конечно, въ заглавіи обращали подлинныя слова статьи, а при дальнѣйшемъ переписываніи стали вдумываться въ это повтореніе первыхъ словъ и замѣнять его обобщеніемъ.

По содержанію списки второй фамиліи превосходятъ списки всѣхъ другихъ; въ нихъ рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, о которыхъ не говорятъ ни списки первой, ни третьей фамиліи.

По времени составленія эта Правда моложе первой. Въ началѣ ея

находимъ матеріалъ современный второму съѣзду сыновей Ярослава Мудраго. Во второй статьѣ читаемъ: „По Ярославу же пакы совкупившеся сынове его“ и т. д. Для этихъ двухъ съѣздовъ, какъ мы уже знаемъ, можно отвести небольшой промежутокъ времени въ 20 лѣтъ. Второй съѣздъ могъ произойти не позднѣе 1073 года. Начавшись во второй половинѣ XI вѣка, накопленіе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ этого памятника, продолжалось довольно долго. Въ среднѣ помѣщенъ уставъ о процентахъ Владиміра Мономаха, который былъ составленъ „по Святополцѣ“, то-есть послѣ смерти Святополка. Если время составленія Мономахомъ устава о процентахъ редакторъ обозначаетъ временемъ смерти кн. Святополка, то, надо думать, смерть эта была у всѣхъ еще въ памяти, а потому время этой записи надо отнести ко второму десятилѣтію (Святополкъ † 1112) XII вѣка. Вотъ и всѣ данныя, которыя мы имѣемъ для опредѣленія времени накопленія матеріаловъ для списковъ этой фамиліи.

Статья 2-я, говорящая о второмъ, по смерти Ярослава, съѣздѣ его сыновей, и 48-я, опредѣляющая время составленія устава Владиміра Мономаха о процентахъ—смертію князя Святополка, наводятъ на мысль, что составители этихъ статей были современниками упоминаемыхъ въ нихъ событій. Возникаетъ вопросъ, это разные лица или одно и то же? Одинаковое опредѣленіе времени событія смертію князя предшественника во 2-й и въ 48-й статьѣ даетъ основаніе думать, что обѣ статьи написаны одною рукой. Но возможно ли это допустить? Крайній срокъ, когда могъ состояться второй съѣздъ Ярославичей, будетъ 1072 — 1073-й годъ; первый годъ, когда, по смерти Святополка, Владиміръ могъ составить свой уставъ о процентахъ, будетъ 1113-й. Оба событія, на которыя ссылается Правда, разделены промежуткомъ времени въ 40 лѣтъ. Это такое время, которое легко можетъ обнимать память одного человѣка. Если составителю Правды въ 1073 г. было 25 лѣтъ, въ 1113 ему было только 65; онъ могъ быть свидѣтелемъ обонхъ событій и самъ записать свои воспоминанія. Не представляется, такимъ образомъ, ни малѣйшей несообразности приписать составленіе пространной Правды труду одного и того же человѣка. Нѣтъ, однако, необходимости думать, что онъ работалъ надъ нею въ теченіи всей своей жизни, съ 25 лѣтъ и до глубокой старости. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что онъ приступилъ къ своему труду уже въ почтенномъ возрастѣ, послѣ смерти Святополка. Онъ захотѣлъ пополнить старую Правду, умудренный опытомъ многихъ лѣтъ. Въ этомъ трудѣ ему не разъ приходи-

лось обращаться къ событіямъ своей молодости. Статья 2-я не единственный примѣръ такихъ воспоминаній. Воспоминаніе о старинѣ находимъ и въ статьѣ 58-й. Авторъ воспроизводитъ въ ней 16-ю статью краткой редакціи о послѣдствіяхъ удара, нанесеннаго холопомъ свободному мужу, но дополняетъ ее замѣчаніемъ, что убійство холопа, о которомъ говоритъ статья, установлено Ярославомъ, а сыновьями его оно было отиѣнено. Да и весь конецъ пространной Правды никакъ нельзя разсматривать какъ новое право, возникшее въ XII вѣкѣ. Мы находимъ, напримѣръ, тамъ статью о томъ, что сестры при братьяхъ не наслѣдницы. Это, конечно, исконный народный обычай. Таковы же и многія правила о рабахъ, помѣщенные въ самомъ концѣ Правды. Статьи о наслѣдствѣ, заимствованныя изъ Эклоги, тоже не новость XII вѣка; византійское право сдѣлалось предметомъ заимствованія съ Владиміра Св. и занесенная въ Правду практика есть, конечно, практика XI вѣка.

Составленіе пространной Правды должно быть отнесено къ самому началу XII вѣка; новый же матеріалъ въ нее вошедшій, за не большими исключеніями, никакъ не моложе XI-го вѣка. Въ 20—30-хъ годахъ двѣнадцатаго вѣка оригиналъ Правды могъ уже поступить въ оборотъ и сдѣлаться предметомъ списыванія.

Свидѣтель смерти кіевскаго князя Святополка, хорошо знающій участниковъ втораго съѣзда сыновей Ярослава и совѣщанія Мономаха въ Берестовѣ, жилъ, надо думать, въ Кіевѣ, гдѣ и составилъ свою Правду. Вторая редакція Правды также должна принадлежать матери городовъ русскихъ, какъ и первая.

Нѣкоторые списки этой Правды имѣютъ добавочныя статьи, число которыхъ не велико; эти статьи приписаны позднѣе; можетъ быть даже въ XIII вѣкѣ.

Правда XI—XII вѣка дошла къ намъ въ очень многихъ спискахъ. Калачову было извѣстно болѣе 40. Они находятся въ кормчихъ, въ мѣрилахъ праведныхъ и подобныхъ имъ сборникахъ и въ позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ. Существенныхъ отличій между разными списками нѣтъ ни въ содержаніи статей, ни въ ихъ послѣдовательности. Всѣ различія суть описки переписчиковъ. Нѣкоторые списки имѣютъ лишнія противъ другихъ статьи, но число лишннихъ статей невелико и не даетъ повода предполагать особую редакцію. Это дополненія къ той же основной редакціи. Такъ же не существенны и перемѣны въ послѣдовательности статей. Это небольшія перестановки, объясняемыя невниманіемъ переписчика. Только въ Сино-

дальномъ спискѣ эти перестановки достигаютъ значительнаго размѣра. Они начинаются послѣ 49 статьи и обнимаютъ собою дѣльныя ряды ихъ до 102-й, съ которой восстанавливается общій порядокъ съ другими списками. Но и эти отступленія надо относить къ невниманію переписчика, а не къ наличности памятника особой редакціи. Переписчикъ Синодальнаго списка имѣлъ подъ руками оригиналъ совершенно того же типа, какъ и тотъ, съ котораго списанъ Троицкій списокъ, но перепуталъ послѣдовательность статей. Что первоначальная послѣдовательность статей искажена въ Синодальномъ спискѣ, а не въ другихъ, это слѣдуетъ изъ того, что послѣдовательность Синодальнаго списка составляетъ его особенность и нигдѣ не повторяется. Наоборотъ, послѣдовательность Троицкаго списка повторяется во всѣхъ спискахъ этой обширной фамилии съ небольшими лишь иногда отступленіями. Это и даетъ право послѣдовательность Синодальнаго списка считать искаженіемъ первоначальнаго порядка.

Самое большее различіе въ содержаніи представляетъ Карамзинскій и однородные съ нимъ списки. Послѣ 48 ст. тамъ помѣщено 17 статей, представляющихъ расчетъ прибыли, которая должна получиться по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ отъ даннаго количества самокъ извѣстнаго рода скота. Напримѣръ: „А отъ 20 овецъ и отъ двою приплода на 12 лѣтъ. 90.000 овецъ и 100 овецъ и 12 овецъ, а борановъ 90.000 и 100 и 12 борановъ, а всего борановъ и овецъ на 12 лѣтъ 180.000 и 200 и 23. А овца метана по 6 погаты, а боранъ по 10 рѣзанъ. А за то за все коунами 40.000 гривенъ и 5.000 гривенъ и 50 гривенъ и 5 гривенъ и 40 рѣзанъ. А на тѣхъ овцахъ и на боранѣхъ роунъ 300.000 и 60.000 и 400 и 40 и 6 роунъ; а на тѣхъ роунехъ коунами 7.000 гривенъ и 200 гривенъ и 8 гривенъ и 40 рѣзанъ и 6 рѣзанъ. А роуно чтено по рѣзанъ“. Оканчивается эта вставка статьей „О сиротьемъ вырядкѣ“ такого содержанія: „А жонка съ дочерью, тѣмъ страда на 12 лѣтъ по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны коунами“. Статьи эти, представляя какой то хозяйственный расчетъ, практическое значеніе котораго совершенно ускользаетъ отъ нашего пониманія, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ праву, а потому и не подлежали включенію въ Русскую Правду. Переписчикъ, вставившій ихъ въ Русскую Правду, очевидно, не зналъ, что дѣлалъ. Вставка эта находится въ спискахъ не старѣе XV вѣка и отсутствуетъ въ болѣе древнихъ. Она важна для насъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о возможности вставокъ въ срединѣ памятника послѣ того, какъ редакція его уже установи-

лась. Такую же другую вставку находимъ въ томъ же спискѣ между 17 и 19 статьей. Въ этомъ второмъ десяткѣ статей, какъ и въ первомъ, рѣчь идетъ о платѣ за убійство. Статьи 15, 16 и 17—содержать процессуальныя правила о взысканіи штрафовъ, примѣнимыя и къ другимъ искамъ. За тѣмъ въ Синодальномъ и однородныхъ съ нимъ спискахъ идутъ статьи объ ударѣ мечемъ и другихъ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ. Хотя строгой системы въ этомъ и нѣтъ и статьи матеріальнаго права прерываются статьями права процессуальнаго; но все же всѣ эти статьи трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, хотя и съ разныхъ сторонъ: о преступленіяхъ противъ жизни, рангахъ и побояхъ и о порядкѣ взысканія штрафовъ. Въ Карамзинскомъ же спискѣ послѣ 17 статьи вставлена такая: „А соуднымъ кунамъ росту нѣтъ“. Это совсѣмъ изъ другой сферы понятій. Эта статья, надо полагать, прибавлена послѣ того, какъ текстъ второй фамиліи уже установился.

Вставку о хозяйственномъ расчетѣ приплода скота, переходящую въ расчетъ прибыли сѣяной ржи, овса и сѣна, мы не относимъ къ содержанію Русской Правды, а потому и не включили ее въ счетъ статей, когда говорили объ объемѣ самыхъ полныхъ списковъ второй фамиліи. Но такъ поступаютъ не всѣ изслѣдователи. Примѣръ стараго переписчика нашелъ подражателей и среди новыхъ ученыхъ. Калачовъ относитъ статьи о приплодѣ къ понятіямъ гражданскаго права. Печатавъ ихъ въ своемъ систематическомъ изданіи Правды, онъ предпосылаетъ имъ такое толкованіе: „Къ договору найма должно также отнести цѣлый рядъ статей, которыя указываютъ на отдачу хозяинномъ въ чужія руки земли, хлѣба, скота и пчелъ на 12 или 9 лѣтъ, съ вычисленіемъ приплода или прибытка, происходящаго отъ нихъ по истеченіи опредѣленнаго времени“. Итакъ, это правила найма земли, скота и т. д. Едва ли нужно доказывать, что эти статьи не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ договору найма.

Возникаетъ вопросъ объ отношеніи списковъ второй фамиліи къ спискамъ первой. Списки второй фамиліи составляютъ самостоятельную редакцію. Но есть основаніе думать, что составитель списковъ второй фамиліи имѣлъ передъ собой списокъ первой фамиліи. На это наводитъ 2-я ст. по Троицкому списку: „По Ярославѣ же *наим* совкупившеся сынове его“ и т. д. Какой новый сѣздъ сыновей Ярослава имѣетъ здѣсь въ виду составитель Правды? Онъ говоритъ о сѣздѣ трехъ старшихъ сыновей Ярослава съ цѣлью опредѣленія порядка суда. О такомъ же сѣздѣ идетъ рѣчь и въ древнѣйшей Правдѣ.

Надо думать, что составитель списковъ второй фамилии зналъ это, а потому свой създъ и называетъ новымъ създомъ. Въ ст. 7-й Троицкаго списка онъ перечисляетъ „поконъ вирный“, о которомъ рѣчь идетъ и въ 42-й ст. Академическаго списка. Тамъ, въ концѣ статьи, сказано, что эти сборы опредѣлены Ярославомъ. Можно думать, что составитель 7-й ст. пространной Правды читалъ это, а потому своему перечисленію тѣхъ же сборовъ предпослалъ такое замѣчаніе: „А се поконн вирни *были* при Ярославі“ . Онъ воспроизводитъ здѣсь статью болѣе древней Правды и только.

Но составитель не только имѣлъ передъ собою списокъ первой фамилии, онъ имъ пользовался. Первая статья пространной редакціи и предшествующій ей заголовокъ несомнѣнно списаны со списка краткой редакціи, и статья только дополнена на основаніи приведеннаго въ краткой же редакціи постановленія сыновей Ярослава овзысканіи 80 гривенъ за намѣренное убійство боярина и княжескаго тиуна ¹⁾). Такъ какъ составитель въ своей первой статьѣ воспользовался тремя статьями древнѣйшей редакціи: 1-й, 18-й и началомъ 21-й, то къ 18-й и 21-й онъ болѣе и не возвращается.

Прочитавъ въ первой редакціи извѣстіе о первомъ създѣ сыновей Ярослава и воспользовавшись постановленіемъ этого създа для дополненія статьи 1-й, онъ вслѣдъ за ней, по весьма естественной связи мыслей, сообщаетъ объ извѣстномъ ему второмъ създѣ тѣхъ же князей (Тр. 2), а за тѣмъ приводитъ второе постановленіе перваго създа (ст. 3-я). Такимъ образомъ, послѣдовательность статей первой редакціи нарушается; въ новой редакціи мѣсто 3-й ст. занимаетъ 19-я старой. Въ этой 3-й статьѣ, соответствующей 19-й старой, упоминается о верви и вирѣ, значеніе которыхъ вовсе не разъяснено въ древней редакціи; это даетъ поводъ составителю новой редакціи написать нѣсколько правилъ о вирѣ и верви. Такъ возникли у него 4, 5, 6 статьи, которыхъ вовсе нѣтъ въ спискахъ первой фамилии.

¹⁾ Краткая Правда въ 1 ст. говоритъ только о платѣ за голову въ 40 гривенъ; пространная оставляетъ 40 гривенъ въ примѣненіи къ лицамъ, перечисленнымъ въ краткой Правдѣ, за убійство которыхъ и тамъ положено 40 гривенъ, но прибавляетъ къ нимъ княжихъ мужей и тивуновъ и за ихъ голову назначаетъ 80 гривенъ. Это дополненіе взято редакторомъ пространной Правды изъ 18-й и начала 21-й ст. краткой. Но статья 18 говоритъ не о княжомъ мужѣ, а объ огнищанинѣ; для редактора пространной Правды эти слова однозначущи, и онъ еще разъ передаетъ терминъ огнищанинъ, употребленный въ ст. 19 краткой редакціи, терминомъ княжь мужъ. Ср. Ав. 19, Тр. 8.

Далѣе мы не имѣемъ возможности слѣдить за порядкомъ составленія списка второй редакціи. За исключеніемъ четырехъ статей (17, 20, 21 и 41) онъ включаетъ въ себѣ всѣ статьи списковъ первой фамиліи, но въ крайне перебитомъ порядкѣ¹⁾, и чѣмъ онъ тутъ руководствовался, это остается для насъ совершенно неяснымъ. За исключеніемъ четырехъ статей, всѣ остальные переходятъ въ пространную Правду и многія по существу въ столь близкой редакціи, что можно думать, что онѣ списаны и, иногда, совершенно въ томъ же порядкѣ, напримѣръ, 22—24 Ак. и 11—14 Тр., 9—13 Ак. и 25—29 Тр., 31—32 Ак. и 71—72 Тр. Кромѣ статей, перешедшихъ изъ краткой Правды въ пространную съ измѣненіями или безъ всякихъ измѣненій, послѣдняя содержитъ много правилъ совершенно неизвѣстныхъ древнѣйшей Правдѣ.

Кадачовъ, рассматривая подлинныя рукописи Правды, замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ кормчихъ Правда составляетъ не одну главу, а двѣ, то-есть является не въ видѣ одного памятника, а двухъ. Вторая глава начинается уставомъ князя Владиміра Всеволодовича о процентахъ. Начало этой второй главы украшается киноварью, а иногда переносится на слѣдующую страницу, съ оставленіемъ пробѣла на страницѣ предшествующей. Это наводитъ автора на мысль, что вторая половина Русской Правды (съ устава Владиміра), можетъ быть, присоединена къ первой не во время составленія ея первоначальнаго текста, а гораздо позже, и что обѣ онѣ сами по себѣ составляли сперва нѣчто другъ отъ друга отдѣльное“. Твердыхъ основъ пред-

¹⁾ Соответствіе статей списковъ обонхъ редакцій такое:

Ак.	Тр.	Ак.	Тр.	Ак.	Тр.
1	— 1	16	— 58	30	— 68
2	— 23	17	— нѣтъ, но въ Пумлинскомъ и лодобинскъ есть.	31	— 71
3	— 20	18	— 1	32	— 72
4	— 18	19	— 3	33	— 66
5	— 21	20	— нѣтъ.	34	— 73
6	— 22	21	— начало владимиро въ 1-ю статью, а конца нѣтъ.	35	— 76
7	— 60	22	— 11	36	— 77
8	— 19	23	— 13	37	— 75
9	— 25	24	— 14	38	— 86
10	— 26	25	— 40	39	— 78
11	— 27	26	— 41	40	— 38
12	— 28	27	— 34	41	— нѣтъ.
13	— 29	28	— 37	42	— 7
14	— 43			43	— 91
15	— 33				

положеніе это не имѣть. Раздѣленіе на двѣ главы свидѣтельствуетъ только о томъ, что лѣца, вносившія Правду въ коричую, были знакомы съ византійскими юридическими памятниками, которые дѣлились на главы. Они и примѣнили это раздѣленіе къ Правдѣ. Украшеніе кивоварью и переносъ на другую страницу начала новой главы ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ второй главы въ нѣкоторыхъ спискахъ написано: „до сдѣ слово и Правдѣ Русской“. Итакъ, и эти переписчики считали обѣ главы Правды однимъ памятникомъ. Правда въ спискѣ Карамзинскомъ оканчивается такъ: „По си мѣсто Соудебникъ Ярославль“.

Думать, что первоначально возникла не одна пространная Правда, а два разныхъ памятника и подъ разными заглавіями, не допускаетъ и самое содержаніе Правды. Во второй ея половинѣ, слѣдующей за уставомъ Владиміра, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, которыя входили уже въ древнѣйшую Правду XI вѣка. Трудно объяснить, почему потомъ понадобилось внести ихъ въ уставъ Владиміра, а не въ Русскую Правду, которая существовала ранѣе этого устава. Заголовокъ: „Уставъ Владиміра“, какъ всѣ заголовки, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ слѣдующая за нимъ статья, и относится то-онъ только къ этой одной статьѣ. Выдѣленіе устава Владиміра есть дѣло списателей коричихъ, а не первоначальныхъ составителей Правды.

До какой степени переписчики исказили первоначальный текстъ списываемаго памятника видно изъ коричей, хранящейся въ библиотекѣ Московскаго Успенскаго собора подъ № 178, нисыма конца XVI вѣка (Калачовъ, 63). Русская Правда раздѣлена тамъ на двѣ главы по двумъ отдѣламъ, намъ уже извѣстнымъ. Но впереди помѣщена вторая глава подъ заглавіемъ: „Уставъ великаго князя Владиміра“, а потомъ уже первая, Судъ Ярослава, Правда Русская. Почему? Передъ этимъ уставомъ въ коричей написанъ церковный уставъ Св. Владиміра. Переписчикъ, надо полагать, былъ человекъ къ своему дѣлу внимательный и перечитывалъ прежде то, что потомъ переписывалъ. Списавъ церковный уставъ Св. Владиміра, онъ сталъ читать далѣе. Прочелъ I главу „Судъ Ярославль Владиміровичъ“, затѣмъ II-ю „Уставъ великаго князя Владиміра“ и нашелъ неправильность разстановки памятниковъ. Великаго князя Владиміра онъ принялъ за Владиміра Святаго, давшаго церковный уставъ, который онъ только что переписалъ. Ясно, этотъ другой уставъ Владиміра надо помѣстить вслѣдъ за первымъ; а судъ Ярослава надо помѣстить послѣ, такъ какъ Ярославъ княжилъ послѣ Владиміра. Никакой имѣть

даже надобности соединять ихъ вмѣстѣ; вотъ почему за уставомъ Владиміра (то-есть второй главой Русской Правды) онъ помѣстилъ нѣсколько статей другаго содержанія, а потомъ уже принялся переписывать Судъ Ярослава, то-есть первую главу Русской Правды. Такимъ образомъ, изъ Русской Правды получилось два совершенно отдѣльныхъ памятника. А причина въ томъ, что переписчикъ, знакомый съ порядкомъ дѣленія на главы юридическихъ памятниковъ Византіи, передъ Уставомъ Владиміра о процентахъ поставилъ: II глава. Слѣдующій переписчикъ украсилъ это надписаніе киноварью; а совершенно добросовѣстный и внимательный къ своему дѣлу переписчикъ Успенской кормчей сдѣлалъ изъ этого устава совершенно отдѣльный памятникъ ¹⁾).

Третью фамилію Правды составляютъ списки по объему и содержанию средніе между двумя первыми, по времени составленія—самые поздніе. Образцомъ ихъ можетъ служить списокъ князя Оболенскаго, напечатанный у Калачова въ изданіи Русской Правды 1847 года. Онъ взятъ изъ кормчей письма второй половины XVII вѣка и носить

---

¹⁾ Такого рода работа надъ Русской Правдой продолжается и въ наши дни въ изданіяхъ Археографической комиссіи. Почтенный издатель Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку имѣлъ подъ руками и списокъ, принадлежащій Археографической комиссіи. Въ этомъ списокѣ кромѣ лѣтописи былъ еще цѣлый рядъ статей разнообразнаго содержанія и между ними Русская Правда. Спискомъ лѣтописи издатель воспользовался для пополненія харатейнаго списка; добавочныя же статьи напечаталъ въ концѣ тома въ видѣ особаго приложенія. Онъ напечаталъ эти добавочныя статьи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ находились въ рукописи, и съ тѣми заглавіями, какія тамъ были, прибавивъ отъ себя нумерацію этихъ статей по рукописнымъ заголовкамъ. Уставъ великаго князя Ярослава, имѣющій и второе заглавіе „Правда Русьская“, оказался подъ № XVII, а „Уставъ Владиміра Всеволодовича“, то-есть тоже Русская Правда, подъ № XVIII. Въ этому послѣднему номеру почтенный редакторъ припечаталъ весь судебникъ царя Константина по той причинѣ, что въ оригиналѣ ему не доставало начала и особаго заголовка. Такимъ образомъ, получилось въ печати два совершенно новыхъ памятника: подъ № XVII Русская Правда Ярослава, оканчивающаяся 47-й статьей, а подъ № XVIII уставъ Владиміра Всеволодовича, включающій въ себя статьи Русской Правды съ 49-й до конца и весь судебникъ царя Константина. Полагаемъ, что такое изданіе можетъ привести въ нѣкоторое затрудненіе лишь неопытнаго читателя.

Нельзя не пожалѣть, что изданія Новгородскихъ лѣтописей 1879 и 1888 года вышли безъ оглавленій. Хорошо составленное оглавленіе вовсе не лишняя вещь. Если бы почтенный издатель двухъ новыхъ уставовъ приступилъ къ составленію оглавленія, онъ, можно надѣяться, усмотрѣлъ бы, что онъ въ самомъ дѣлѣ напечаталъ.

такой заголовок: „Судъ Ярославль Владимерича указъ“, за которымъ слѣдуетъ, какъ и во всѣхъ спискахъ: „Правда Русская“. По объему—это средняя Правда: она дѣлится на 55 статей. По внѣшнему виду она подходитъ къ спискамъ второй фамиліи, такъ какъ имѣетъ заголовки. По содержанію она превосходитъ списки первой фамиліи, но далеко не исчерпываетъ списковъ второй. Списки этой фамиліи не представляютъ самостоятельной редакціи, это извлеченіе изъ двухъ первыхъ, въ которомъ нѣтъ ни одной новой статьи; все новое заключается здѣсь лишь въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ старыхъ статей. Первые три статьи по содержанію и послѣдовательности соответствуютъ тремъ первымъ статьямъ списковъ первой фамиліи, но измѣнены. Все остальное взято изъ списковъ второй фамиліи съ сохраненіемъ послѣдовательности, но съ измѣненіями и большими пропусками. Эти пропуски не случайны, они обнимаютъ цѣлыя отдѣлы (по единству содержанія), а потому представляютъ большой интересъ, возбуждая вопросъ о причинѣ пропуска. На вопросъ этотъ можно отвѣчать только гадательно и то не всегда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ составителемъ, который опускалъ все арханческое, потерявшее для него значеніе и смыслъ.

Какъ и всѣ его предшественники, онъ начинаетъ правду со статьи, допускающей мечь и замѣну ея выкупомъ. Первая статья первой редакціи знаетъ одинъ выкупъ—40 гривенъ; первая статья второй, по различію убитыхъ, упоминаетъ выкупъ въ 40 и 80 гривенъ. Весьма вѣроятно, что практика, примѣняясь къ безконечному различію лицъ, знала и другіе размѣры выкуповъ. Это и выражаетъ составитель сокращенной Правды. Сказавъ, что за голову берутъ 80 гривенъ, онъ прибавляетъ: „Любо разсудити по мужи смотря“. Кромѣ 1 статьи, говорящей о размѣрахъ виры, въ пространной Правдѣ есть рядъ статей (9—14), озаглавленныхъ „о княжи мужи“, въ которыхъ опредѣляется плата за убійство разныхъ лицъ. Сказавъ въ первой статьѣ, что плата берется „по-мужи смотря“, редакторъ средней Правды нашелъ послѣдовательнымъ выпустить это детальное перечисленіе платъ, какъ излишнее.

За тѣмъ онъ, выпустилъ: всѣ статьи, въ которыхъ идетъ рѣчь объ испытаніи желѣзомъ, 17, 81 и 82; статьи о процентахъ, 48, 49; статью 59, недопускающую раба къ свидѣтельству; статьи объ огнищанинѣ и смердѣ, 71—72; статью 85 „о задницѣ смерда“; статью 90 и 91 объ урокахъ городнику и мостнику; всѣ статьи о судебныхъ пошлинахъ: 7, 8, 99 и 101.

Можно допустить, что статьи эти, за послѣдовавшимъ измѣненіемъ нашего права, представляли для составителя совершенно непонятный матеріалъ, а потому и были имъ опущены.

Но такой же остракизмъ постигъ статьи о закупѣ, 52—58, статью 95 о наслѣдствѣ послѣ смерти мужа, статьи 96—99 о наслѣдствѣ послѣ смерти матери, и, наконецъ, статью 100 о подсудности князю споровъ о наслѣдствѣ. Трудно думать, чтобы совершенно разумныя статьи о личномъ наймѣ (озаглавлены въ Правдѣ—„о закупѣ“), не заключающія съ собою ничего архаическаго, не имѣли уже практическаго значенія въ періодъ составленія третьей редакціи; что касается статей о наслѣдствѣ послѣ смерти супруговъ, то отголосокъ статей Правды раздается еще въ наказахъ депутатовъ екатерининской комиссіи. Точно также не подлежитъ сомнѣнію и проходящее черезъ всю нашу исторію право князя производить судъ въ дѣлахъ по наслѣдству. Опущеніе этихъ статей составляетъ загадку. Предположеніе, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ сокращеніемъ пространной Правды, а съ болѣе древнею ея редакціей, въ которую еще не были внесены статьи, считаемыя нами выпущенными,—недопустимо потому, что статья 1-я этой редакціи несомнѣнно имѣетъ болѣе новый характеръ, чѣмъ редакція той же статьи въ спискахъ первой и второй фамиліи.

Время составленія списковъ третьей фамиліи опредѣляются тѣмъ, что они представляютъ сокращеніе списковъ уже извѣстныхъ фамилій. Поэтому едва-ли можно думать, что третья редакція возникла ранѣе конца XII или начала XIII вѣка.

Списки третьей редакціи находятся въ кормчихъ. Калачову извѣстны 2 такихъ списка. Нѣкоторыя статьи напечатаннаго имъ списка князя Оболенскаго очень искажены. Начало 7-й статьи, соответствующей ст. 15 пространной редакціи, неузнаваемо.

Списки этой третьей фамиліи, такъ существенно отличающіеся отъ Синодальнаго, Троицкаго и другихъ съ ними однородныхъ, Калачовъ причисляетъ къ одной съ ними фамиліи, второй, на томъ основаніи, что и тѣ и другіе находятся въ кормчихъ. Къ счастью, почтенный авторъ въ слѣдующемъ уже году отступилъ отъ своего мнѣнія. Печатаемая текстъ Правды по списку князя Оболенскаго, въ предисловіи онъ говоритъ, что этотъ списокъ, по справедливости, можетъ быть признавъ представителемъ особой редакціи, что совершенно справедливо.

Три различаемыя нами фамиліи списковъ представляютъ три разныхъ ихъ редакціи. Каждая фамилія предполагаетъ одинъ первоначальный

оригиналъ, съ котораго дѣлались списки съ перемѣнами и небольшими дополненіями. Для слѣдующихъ переписчиковъ оригиналами служили эти списки и т. д.

Правда 1-й и 3-й фамиліи сохранилась въ немногихъ спискахъ: первой фамиліи Калачову было извѣстно три списка, третьей—только два. Различія между ними очень незначительны, а потому и вопросъ объ относительной древности списковъ не имѣетъ важности. Списковъ второй фамиліи извѣстно болѣе сорока, и они болѣе различаются между собой, чѣмъ списки 1-й и 3-й фамиліи, а потому получаетъ большое значеніе и вопросъ объ относительной ихъ древности и близости къ первоначальному оригиналу.

Для рѣшенія его необходимо имѣть подъ руками самыя списки. Къ сожалѣнію, ихъ напечатано очень немного. Только относительно напечатанныхъ уже списковъ мы можемъ представить нѣкоторыя по этому предмету соображенія.

Сравнивая разные списки 2-й фамиліи, мы должны придти къ заключенію, что всѣ они идутъ отъ одного первоначальнаго текста, но различаются отъ него ошибками въ отдѣльныхъ словахъ, пропусками, измѣненіемъ послѣдовательности статей и вставками. Описки и пропуски—суть случайныя искаженія первоначальнаго оригинала; въ спискахъ этой редакціи нѣтъ намѣренныхъ пропусковъ; всѣ они произошли отъ невниманія переписчиковъ. Намѣренные пропуски составляютъ характерную черту списковъ 3-й фамиліи. Если заполнить эти ненамѣренные пропуски, мы получимъ — полный текстъ первоначальнаго оригинала. То же надо сказать и объ измѣненіи послѣдовательности статей. Вставокъ немного. Онѣ, конечно, внесены съ намѣреніемъ пополнить Правду и свидѣтельствуютъ о позднѣйшей надъ нею работѣ.

Пропуски и вставки даютъ матеріалъ для сужденія объ относительной близости списковъ къ первоначальному тексту. Древность рукописи не имѣетъ въ этомъ отношеніи рѣшающаго значенія. Списокъ, по письму болѣе древній, можетъ болѣе удаляться отъ оригинала, чѣмъ списокъ по письму болѣе молодой.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія напечатанные списки.

Троицкій списокъ имѣетъ пропускъ начала статьи 113-й. Совершенно такой же пропускъ есть и въ списокѣ Чудовскомъ ¹⁾. Ясно,

¹⁾ Этотъ списокъ напечатанъ въ изслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ П. М. Мрочекъ-Дроздовскаго. Онъ находится въ кормчей книгѣ, писанной полууставомъ

что оба эти списка списаны съ одного оригинала, въ которомъ уже была эта описка; или Чудовскій списанъ съ Троицкаго, но не на оборотъ. Троицкій не могъ быть списанъ съ Чудовскаго (или его болѣе древняго оригинала) потому, что въ послѣднемъ есть искаженіе, не перешедшее въ Троицкій. Статья 59-я Чудовскаго списка до конца не дописана, а прерывается заголовкомъ слѣдующей статьи: „о бороудѣ“, написанномъ въ строку. За этимъ заголовкомъ слѣдуетъ пропущенное окончаніе предшествующей статьи, а затѣмъ уже рѣчь идетъ и о бороудѣ. Итакъ, Троицкій списокъ ближе къ оригиналу, чѣмъ Чудовскій.

Объ указанныя описки Чудовскаго списка принадлежать еще Крестининскому¹⁾ и Синодальному спискамъ. Но эти списки прибавили къ нимъ и свои описки, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся. Крестининскій списокъ, однако, лучше Синодальнаго. У него къ опискамъ Чудовскаго прибавился только пропускъ конца 60-й статьи и начала 61-й, который очевиденъ и не можетъ смутить изслѣдователя. Синодальному же недостаетъ цѣлой 16-й статьи да кромя того перепутана послѣдовательность очень многихъ статей. Такъ какъ порядокъ статей Синодальнаго списка нигдѣ болѣе не повторяется и не можетъ быть сведенъ къ какому либо опредѣленному намѣренію, то и надо думать, что это вина разсѣянности переписчика. Что отступленіе отъ порядка Троицкаго списка есть результатъ разсѣянности писца, а не сознательной мысли, это видно изъ слѣдующаго. До 49 статьи Синодальный списокъ слѣдуетъ порядку Троицкаго; за 49-ю же въ немъ идетъ не 50-я, а 52-я, за которой не 53-я, а 59-я. Статьи 49-я и предшествующія до 43-й говорятъ объ обязательствахъ изъ договоровъ, о займѣ, поклажѣ, о размѣрѣ процентовъ, 50-я о несостоятельности, 51-я о порядкѣ уплаты долговъ, въ случаѣ конкуренціи кредиторовъ. Всѣ статьи съ 43 по 51-ю относятся, такимъ

въ концѣ XV вѣка, какъ видно изъ послѣсловія. Русская Правда помѣщена здѣсь за статьями „О послушествѣ“, а послѣ нея написано „Слово Сирахово на немилостивые цари и князи“.

¹⁾ Крестининскій списокъ напечатанъ въ III т. продолженій „Древней Россійской Визлѣенки“. Авторъ выискалъ его изъ кормчей, написанной „стариннымъ хорошимъ уставнымъ письмомъ“. Ближе времени написанія кормчей онъ неопредѣляетъ. Эта кормчая была положена въ церковь Благовѣщенія въ Сольвычегодскѣ Семеномъ, Максимомъ и Никитой Строгановыми. По изслѣдованію Тобина, это могло случиться только между 1590 и 1616 годомъ, но рукопись могла быть написана гдѣ на сто ранѣе.

образомъ, къ одному предмету. Синодальный списокъ не только нарушаетъ эту однородность юридической матеріи вставкой 52-й статьи о закупѣ, въ которой рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ дозволеннаго и недозволеннаго ухода закупа отъ господина; но статьи 50-ю и 51-ю отдѣляетъ отъ предшествующихъ вставкой 23-хъ статьей (59—67, 83—89, 95—101), въ которыхъ рѣчь идетъ совершенно о другихъ предметахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ обязательствамъ изъ договоровъ. О закупѣ Русская Правда говоритъ въ пяти статьяхъ: 52, 53, 54, 55, 57. Приводя первую статью (52), Синодальный списокъ и здѣсь только портитъ порядокъ Троицкаго списка, такъ какъ послѣ 52-й статьи перескакиваетъ къ 59—67, которыя ничего не имѣютъ общаго съ закупомъ; къ закупу же возвращается послѣ 25-ти статей разнообразнаго содержанія. Переписчикъ Синодальнаго списка, или его оригинала, былъ чрезвычайно невнимательный человѣкъ.

Синодальный списокъ, древнѣйшій по рукописи,—не есть, слѣдовательно, ближайшій къ первоначальному оригиналу. Ближе его Чудовскій и Крестининскій, а еще ближе Троицкій. Среди этихъ четырехъ списковъ оригиналъ Троицкаго будетъ древнѣйшій; съ него списанъ оригиналъ Чудовскаго, но съ новою ошибкой; съ оригинала Чудовскаго списаны Крестининскій и Синодальный и опять съ новыми ошибками. Оригиналы, о которыхъ мы говоримъ, до насъ не дошли, дошли только позднѣйшіе списки съ нихъ, содержащіе, конечно, и новыя противъ оригиналовъ описки.

Но могутъ быть списки еще болѣе близкіе къ первоначальному тексту, чѣмъ Троицкій. Это — всѣ тѣ, въ которыхъ не будетъ не только что указанныхъ пропусковъ, но и никакихъ другихъ. Къ сожалѣнію такихъ списковъ мы не имѣемъ. Всѣ напечатанные списки имѣютъ свои пропуски; между ними нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что онъ стоитъ къ первоначальному тексту ближе Троицкаго. О лучшемъ изъ нихъ можно только сказать, что онъ находится на той же ступени отдаленія отъ оригинала, какъ и Троицкій.

Среди такихъ списковъ первое мѣсто принадлежитъ списку Археологической комиссіи. Онъ не имѣетъ ни одной изъ указанныхъ нами описокъ, какъ и всѣ тѣ списки, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; но у него есть свои дефекты. Ему недостаетъ конца 5-й статьи, начала 6-й и 14-й; 13-я опущена цѣликомъ, попорчено начало 70-й, а въ 77-й недостаетъ лебедя и журавля; не говоримъ о болѣе мелкихъ опискахъ, отъ которыхъ не свободенъ ни одинъ списокъ. Но этотъ

списокъ имѣть и выдающіяся достоинства. Онъ сохранилъ единственно правильное чтеніе статей 83-й и 86-й, представляющихъ камень преткновешія въ толкованіи Правды и совершенно искаженныхъ въ четырехъ нами рассмотрѣнныхъ уже спискахъ ¹⁾. Списокъ этотъ, далѣе, не имѣетъ ни одной позднѣйшей вставки; послѣдовательность статей его соотвѣтствуетъ послѣдовательности большинства списковъ, за единственной перестановкой 99-й статьи на мѣсто 100-й и обратно.

Ближайшимъ къ нему является списокъ Пушкинскій. Онъ находится въ болѣе древней рукописи, чѣмъ Археографическій, а потому и не могъ быть съ него списанъ; но онъ списанъ съ общаго имъ обоемъ оригинала. Это доказывается общимъ пропускомъ статьи 13-й, одинакою опиской въ началѣ статьи 14-й и совершенно одинакою редакціей статей 83 и 86. Къ этимъ общимъ признакамъ Пушкинскій списокъ присоединилъ свои особенности, изъ которыхъ важнѣйшія: пропускъ 99 и 104 статьи и двѣ вставки новыхъ статей: послѣ 82-й „о конѣ“ и 115-й—„о конѣ“. Послѣдняя взята изъ краткой редакціи Правды, гдѣ она занимаетъ мѣсто подъ № 17; въ другіе списки пространной редакціи эта статья не вошла.

Эти два списка представляютъ вторую вѣтвь списковъ, пошедшихъ отъ первоначальнаго текста Правды. Въ нихъ оригиналъ уже были встрѣчающіяся въ нихъ описки, а потому они ни коимъ образомъ не могутъ быть ближе Троицкаго къ первоначальному тексту. Пушкинскій же списокъ, хотя и находится въ болѣе древней рукописи, болѣе удаленъ отъ оригинала, чѣмъ Археографическій, ибо имѣетъ лишнія противъ него вставки.

Третью вѣтвь представляютъ списки Карамзинскій, Софійскій, Бѣляевскій ²⁾. Эти три списка тоже имѣютъ общіе имъ всѣмъ при-

¹⁾ Ст. 83 по Арх. сл.: „Аще убить кто жену, то тѣмже судомъ судити, якоже и мужа. Аще будетъ виновата то погъ вирь“ и т. д. Ст. 86: „Аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задица не идетъ“.

²⁾ Софійскій списокъ напечатанъ Строевымъ въ редактированномъ имъ Софійскомъ времяникѣ. Для этого изданія онъ воспользовался двумя списками Русской Правды письма XVI вѣка: одинъ взятъ изъ Воскресенской рукописи, другой изъ Толетовской. Русская Правда помѣщена подъ 1019 г. послѣ описанія побѣды Ярослава надъ Святополкомъ. За нею слѣдуетъ уставъ Ярослава о мостѣхъ, а потомъ судебникъ царя Константина.

Бѣляевскій текстъ напечатанъ въ изслѣдованіяхъ П. Н. Мрочекъ-Дрогдовскаго со списка, найденнаго въ рукописяхъ Н. Д. Бѣяева. По описанію этихъ рукописей, сдѣланному Викторовымъ, это новый списокъ, приготовленный покой-

знаки, что позволяет думать, что и они пошли от одного оригинала. Общие признаки состоятъ въ одинакой редакціи статей 83-й и 86-й ¹⁾ и въ одинакихъ вставкахъ. Они имѣютъ лишнюю статью послѣ 17-й „о ссудныхъ кунахъ“, цѣлый рядъ лишнихъ статей о прибыли скота и, наконецъ, три общихъ добавочныхъ статьи въ концѣ. Оригиналъ, отъ котораго пошли эти списки, судя по редакціи 83-й статьи, родственъ оригиналу списковъ второй вѣтви, но отстываетъ отъ него въ редакціи ст. 86-й. Изъ опискамъ оригинала каждый списокъ прибавилъ свои: Караманскій пропустилъ 101-ю статью, Софійскій—100-ю Вѣляевскій перенесъ на другое мѣсто четыре статьи (88—86).

Оригиналъ списковъ третьей вѣтви, въ виду искаженія статьи 86-й и многочисленныхъ вставокъ, надо считать болѣе удалившимся отъ первоначальнаго текста, чѣмъ оригиналъ списковъ второй вѣтви. А потому изъ всѣхъ до сего времени напечатанныхъ списковъ наиболѣе близкимъ къ первоначальному тексту надо считать Троицкій и Археографическій.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что прежде чѣмъ Русская Правда была занесена на страницы одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности, списки ея имѣли уже свою долгую исторію и въ Синодальную кормичу попалъ далеко не первый и не лучший изъ этихъ списковъ. Тогда уже были на лицо не только оригиналы Троицкаго и Чудовскаго списковъ, но и оригиналы Археографическаго списка и, можетъ быть, Карамзинскаго и ему подобныхъ.

Сличая разные списки Русской Правды пространный редакціи, надо придти къ заключенію, что послѣ того, какъ ихъ текстъ сложился въ самомъ началѣ XII вѣка, надъ нимъ не происходило болѣе никакой серьезной работы; онъ только переписывался въ разъ установившейся формѣ и ничего болѣе. Вставки новыхъ статей большаго значенія не имѣютъ, потому что онѣ очень незначительны и представляются чѣмъ то случайнымъ. Вставка 17 статей о приплодѣ скота есть плодъ непони-

---

нимъ профессоромъ для заданія. Ни на немъ, ни при немъ не оказалось, однако, никакихъ замѣтокъ о томъ, откуда онъ списанъ. Такимъ образомъ, происхожденіе списка остается совершенно неизвѣстнымъ; что же касается его текста, то зная уваженіе и великую любовь, которыя питалъ покойный ко всѣмъ остаткамъ старины, мы можемъ утверждать, что списокъ сдѣланъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей оригинала и безъ малѣйшихъ измѣненій его или дополненій.

¹⁾ Редакція статьи 83-й общая со списками второй вѣтви, статья же 86-я читается такъ: „А иже въ боярехъ или же въ боярствѣхъ дружинѣхъ, то за князя задница не идетъ“.

манія смысла этихъ статей. Прибавка трехъ статей въ концѣ списковъ третьей вѣтви—есть чисто внѣшняя пришивка. За этимъ остаются только двѣ дополнительныхъ статьи, внесенныхъ въ текстъ Правды: одна въ списокъ Пушкинскомъ, другая въ спискахъ третьей вѣтви. Вотъ и все. На этомъ основаніи можно сказать, что текстъ пространной Правды, сложившись въ XII вѣкѣ, затѣмъ не подвергался никакой переработкѣ. Несомнѣнный опытъ переработки Правды представляетъ ее третья редація. Къ сожалѣнію, дѣла этой переработки готового уже матеріала представляютъ темную историческую загадку.

За много вѣковъ, въ теченіи которыхъ переписывались списки пространной Правды въ разнаго рода памятникѣхъ, работа списателей сосредоточивалась единственно на заголовкахъ; они дѣлаютъ новые заголовки и обобщаютъ уже существующіе. Чѣмъ болѣе списокъ переписывался, тѣмъ болѣе въ немъ новыхъ заголовковъ и ихъ обобщеній. Любопытно въ этомъ отношеніи сравненіе Синодальнаго списка съ Карамзинскимъ. Ихъ раздѣляетъ промежутокъ времени болѣе ста лѣтъ. Списокъ Карамзинскій прошелъ, конечно, чрезъ большее число рукъ, чѣмъ Синодальный. Благодаря этому онъ имѣетъ девять лишнихъ заголовковъ ¹⁾. На этомъ примѣрѣ мы можемъ наблюдать возникновеніе заголовковъ послѣ того, какъ статьи были уже написаны. Но отсюда не слѣдуетъ, что первоначальный текстъ вовсе не имѣлъ заголовковъ и всѣ они возникли въ копіяхъ съ него. Составитель первоначальнаго текста имѣлъ уже передъ собой готовыя

¹⁾ Девять лишнихъ заголовковъ находятся передъ статьями: 2, 13, 18, 24, 28, 30, 44, 66 и 88 (нумерація всегда по Троицк. списку). Это значительная прибавка къ 52-мъ заголовкамъ Синод. списка.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ надъ старымъ заголовкомъ надписывается новый. Примѣръ этому даетъ Археографическій списокъ. Въ оригиналѣ ст. 48-я имѣла уже заголовокъ: „А се уставъ Володимѣрь Всеволодовича“, который, съ нѣкоторыми вариантами, встрѣчается во всѣхъ спискахъ. Но переписчикъ Археографическаго списка этимъ не удовольствовался, а написалъ надъ нимъ новый „Уставъ Володимѣрь Всеволодовича“. Такимъ образомъ, получился двойной заголовокъ, что и ввело въ заблужденіе почтеннаго издателя этого списка.

Примѣръ такого же втораго заголовка представляетъ, конечно, и общій заголовокъ списковъ второй редакціи: „Судъ Ярославъ Володимѣричъ“ или въ болѣе распространенной формѣ: „Уставъ великаго князя Ярослава Володимѣрича о судѣхъ. Соудъ о душегубствѣхъ“. Онъ вездѣ написанъ надъ краткимъ заголовкомъ: „Правда Русская“, списаннымъ съ краткой редакціи, конечно.

статьи краткой Правды. Составляя свою пространную редакцію,— онъ могъ уже начало готовыхъ статей выписывать въ заголовки ¹⁾).

Среди большого числа заголовковъ встрѣчаемъ и болѣе обобщенныхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Синодальномъ спискѣ заголовокъ 23 статьи только повторяетъ первыя слова статьи: „Оже придетъ кровавъ мужъ“, въ Карамзинскомъ же читаемъ: „О мужѣ кровавѣ“; то же въ ст. 43: по Синодальному „а оже кто скота выщеть“, по Карамзинскому: „о запрѣнія купъ“, и т. д. Особенно любопытно замѣненіе заголовковъ въ статьѣ 52, 53, 54 и 57. Всѣ эти статьи говорятъ о закупѣ, а потому каждой изъ нихъ Синодальный списокъ далъ особый заголовокъ: „о закупѣ“, который повторяется четыре раза. Списатель Карамзинскаго списка нашелъ это совершенно излишнимъ и оставилъ заголовокъ только передъ 52-й статьей, а передъ остальными опустилъ. Совершенно также поступилъ онъ, опустивъ заголовокъ 41 статьи, удовольствовавшись заголовкомъ къ статье 38-й. Изъ всѣхъ переписчиковъ Правды, переписчикъ Карамзинскаго списка (или его оригинала) представляется намъ самымъ разсудительнымъ и вдумчивымъ. Но и его умственная работа шла не далеко. Онъ нашелъ нужнымъ опустить лишніе заголовки и хорошо сдѣлалъ; но написать подрядъ всѣ статьи о закупѣхъ, перенеся на другое, болѣе приличное мѣсто, статью о холопѣ, которая попала въ средину статей о закупѣ и нарушила ихъ цѣльность, это было выше его средствъ.

Ни древность списковъ, ни предполагаемая близость ихъ къ первоначальному тексту еще не рѣшаютъ вопроса о лучшей редакціи отдѣльныхъ словъ и реченій Правды. Для выбора настоящаго чтенія, нужно особое изслѣдованіе по каждому отдѣльному слову. При этомъ лучшія чтенія могутъ оказаться сохранившимися въ разныхъ спискахъ. Статья 13-я, на примѣръ, лучше сохранилась въ спискахъ первой вѣтви, статья 88-я въ спискахъ второй и третьей, 86-я только въ спискахъ второй и т. д.

Перехожу къ обзору содержанія Правды. Сдѣлать это, однако, труднѣе, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Всего легче было-бы указать, что такія-то статьи относятся къ уголовному праву, такія-то къ гражданскому, такія-то къ процессу и т. д. При этомъ

¹⁾ Изъ статей краткой редакціи, перешедшихъ въ пространную, имѣютъ заголовки: 10 (26), 19 (3), 26 (41), 30 (68), и 31 (71), въ скобкахъ ст. Троицкаго списка.

пришлось-бы одну и ту-же статью отнести въ двѣ, а иногда и въ три разныхъ рубрики, такъ какъ случается, что одна и та-же статья говоритъ объ уголовномъ матеріальномъ правѣ, о процессѣ и проч. Это, конечно, не бѣда, но бѣда въ томъ, что такое указаніе, по его общности, дало-бы очень слабое понятіе объ особенностяхъ содержанія древняго юридическаго памятника. Необходимо, поэтому, обозначить содержаніе нѣсколько подробнѣе. А здѣсь и встрѣчается затрудненіе въ выборѣ рубрикъ. Куда, наиримѣръ, отнести такую статью: „А въ сельскомъ тивунѣ княжѣ, или въ ратайиѣмъ, то 12 гривенъ; а за рядовича пять гривенъ, тако же и за боярескъ“?

Здѣсь рѣчь идетъ о вознагражденіи хозяина за убійство раба; куда-же это отнести, къ убійствамъ? Полагаемъ, что нѣтъ. Убійство раба въ это время рассматривалось только какъ поврежденіе имущества, а потому мы и отнесемъ такія статьи объ убійствѣ въ рубрику нарушеній имущественныхъ правъ; въ эту-же рубрику мы отнесемъ статьи объ укрывательствѣ раба и неплатежѣ долга, который тоже наказывался. Нѣкоторыя статьи, по двойственности содержанія, придется показать въ двухъ рубрикахъ.

Древнѣйшая Правда объ убійствахъ говоритъ въ пяти статьяхъ (1, 18—20, 38), объ отнятіи членовъ въ двухъ (5, 6), о ранахъ въ одной (2), объ обидахъ дѣйствіемъ въ пяти (3, 7, 8, 9, 16), о кражахъ въ девяти (12, 29, 30, 34—37, 39, 40), о разныхъ иныхъ нарушеніяхъ имущественныхъ правъ въ одиннадцати (10, 11, 14, 17, 21—27), о порчѣ межевыхъ знаковъ въ одной (38); къ запрещенному самоуправству относятся двѣ статьи (31, 32); къ процессу—четыре (2, 13, 14, 15); судебныя пошлины опредѣлены въ двухъ (41, 42). Одна статья, послѣдняя, опредѣляетъ плату мостовщикамъ. Юридическій характеръ ея сомнителенъ. Едва-ли она содержитъ въ себѣ общее правило, то-есть таксу мостовыхъ работъ вообще. Не есть-ли это обобщеніе одного опредѣленнаго подряда на мостовыя работы, сдѣланное составителемъ? Статья 28-я повторяетъ начало 2-й. Древнѣйшая Правда имѣетъ, такимъ образомъ, своимъ предметомъ исключительно уголовное право, хотя и въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ мы его понимаемъ; изъ 42 статей только шесть посвящены другимъ предметамъ, процессу и суднымъ пошлинамъ; но и эти статьи, кромѣ двухъ (13, 17), стоятъ въ связи съ уголовными матеріями. Изъ статей краткой Правды можно, однако, дѣлать заключенія къ состоянію людей, то-есть по вопросамъ государственнаго права; но этихъ вопросовъ Правда касается случайно, говоря о правонарушеніяхъ.

Несравненно богаче содержаніемъ пространная Правда. Убіиству въ ней посвящено десять статей (1—6, 24, 86, 83, 87), отнятію членовъ—двѣ (21, 22), ранамъ — двѣ (23, 24), оскорбленію дѣйствіемъ семь (18, 19, 20, 25, 58, 60, 61), кражамъ — двадцать (28, 30, 34, 37—40, 42, 56, 57, 62, 63, 68, 69, 73, 75—78, 115), поджогу одна (72), инымъ нарушеніямъ имущественныхъ правъ—восемнадцать (9—14, 26, 27, 43, 74, 80, 84, 106, 107, 110, 111, 113, 114), порчѣ межевыхъ знаковъ—три (64—66), запрещенному самоуправству двѣ (71, 72); одна статья (41) даетъ оцѣнку домашняго скота и молока, по которой должны опредѣляться убытки въ случаѣ кражи; къ договорамъ—девятнадцать (45, 46—55, 102—105, 110—118); къ наслѣдству — двѣнадцать (85—89, 92, 94, 95—98, 100); къ опекамъ—двѣ (93, 94); къ процессу — четырнадцать (15, 17, 23, 29, 31, 32, 33, 35, 43, 44, 59, 70, 81, 109); судебныя пошлины опредѣлены въ девяти статьяхъ (7, 8, 16, 67, 82, 99, 101, 107, 108); кромѣ того есть еще двѣ статьи объ урокахъ городнику и мостянику (90, 91). О дѣйствительной принадлежности ихъ къ составу Правды можно высказать то же сомнѣніе, какое мы высказали относительно 43-й ст. краткой редакціи ¹⁾.

Такимъ образомъ, пространная Правда, кромѣ статей права уголовнаго, содержитъ въ себѣ еще цѣлый рядъ статей по матеріямъ гражданскимъ. Изъ нея мы узнаемъ о покладахъ, процентахъ, послѣдствіяхъ несостоятельности, объ отношеніяхъ нанимателей къ работникамъ, о способахъ установленія рабства, о наслѣдствѣ, опекамъ и т. д.

Правда средняя не представляетъ ни одной новой статьи; это выборъ изъ статей двухъ болѣе древнихъ редакцій. Она замѣчательна своими измѣненіями старыхъ статей и особенно своими пропусками, на что мы уже обратили вниманіе.

Переходимъ къ вопросу о характерѣ содержанія разбираемаго нами памятника съ точки зрѣнія его происхожденія. Здѣсь надо рассмотреть во-первыхъ, какое право содержится въ нашемъ памятникѣ—

¹⁾ Въ спискахъ третьей вѣтви есть еще статья (184 Карамзина.), озаглавленная: „О городскихъ мостехъ осменными поплата“. Она представляетъ раскладку повинности мостить Новгородъ и есть, собственно, полицейское мѣропріятіе, возникшее, вѣроятно, по соглашенію отдѣльныхъ улицъ и концовъ Новгорода. Эту статью, конечно, нельзя относить къ содержанію Правды. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта статья встрѣчается въ видѣ отдѣльнаго устава совершенно внѣ связи съ Правдой.

туземное, или пришлое со стороны; во-вторыхъ, если это право туземное, — то какое именно, обычное или уставное княжеское, и, наконецъ, третье, какъ это право было собрано въ одинъ памятникъ, официальнымъ путемъ или частнымъ.

Первые изслѣдователи Правды, замѣтивъ сходство многихъ институтовъ этого памятника съ такими-же институтами западныхъ народовъ, думали, что Правда содержитъ въ себѣ заимствованное право. Шлецеръ полагалъ, что содержаніе Правды заимствовано у датчанъ и шведовъ. Ему возражалъ Эверсъ, указывая на то, что сборники датскіе и шведскіе составлены позднѣе Правды, а потому и не могли служить ей источникомъ. Но и Эверсъ не считалъ содержанія Правды мѣстнымъ продуктомъ; онъ полагалъ, что оно извлечено изъ сборниковъ саллическаго и рипуарскаго права. Того-же мнѣнія держался и Погодинъ: мечь, выкупъ, судъ двѣнадцати гражданъ — все это не славянской, а скандинавской законъ, утверждалъ онъ. Современная наука оставила взглядъ, въ силу котораго всякое сходство предполагаетъ заимствованіе. Она знаетъ, что сходные институты встрѣчаются у народовъ, которые никогда не были ни въ какихъ между собой сношеніяхъ и ничего не могли, поэтому, другъ у друга заимствовать. Сходные институты права возникаютъ въ силу единства условій быта, которыя могутъ имѣть мѣсто у весьма многихъ народовъ, особенно на первыхъ ступеняхъ ихъ историческаго развитія. Вслѣдствіе этого такіе институты, какъ мечь и выкупъ, наблюдаются у всѣхъ неразбывныхъ народовъ, не будучи ни кѣмъ изъ нихъ у кого-либо заимствованы. Современная наука не отрицаетъ, однако, и заимствованій; они появились у насъ не съ Петра Великаго, а встрѣчаются въ очень отдаленной древности; но наличность ихъ должна быть всякій разъ доказана; должны быть указаны взаимныя сношенія двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ заимствовалъ у другаго, и путь, которымъ шелъ заимствованіе.

Туземное право, занесенное въ Русскую Правду, по происхожденію своему является главнымъ образомъ обычнымъ; а потому содержаніе Правды далеко заходитъ въ глубь вѣковъ и гораздо древнѣе того времени, когда было записано. Мечь, выкупы, институтъ рабства, устраненіе сестеръ при братьяхъ отъ наслѣдованія — все это исконные народные обычаи, которые соблюдались за долго до призыва Рюриковичей. Въ Русскую Правду внесены и княжескіе уставы, но уставной дѣятельности князей принадлежитъ въ ней, сравнительно, немного. Законодательная дѣятельность развивается поздно, на гла-

захъ исторія, первоначально-же всѣ народы живутъ по обычному праву. Таково содержаніе и такъ называемыхъ варварскихъ законовъ; въ нихъ нерѣдко встрѣчаются королевскіе уставы, но и они не всегда содержатъ въ себѣ новое право, а въ очень многихъ случаяхъ только формулируютъ обычное (Brunner, *Deutsche Rechtsgeschichte*, I, 286). То же надо сказать и о содержаніи Русской Правды. Для распознаванія княжескихъ уставовъ имѣется только одинъ твердый признакъ. Упомянутіе въ самомъ текстѣ Правды о томъ, что такая-то статья составляетъ уставъ такого-то князя.

Содержаніе Русской Правды, такимъ образомъ, не выписано изъ какого-либо иностраннаго сборника; оно представляетъ отраженіе современной составителю русской обычной и уставной практики. Но такъ какъ эта практика руководилась не мѣстными только обычаями, но и иноземными уставами, то на ряду съ русскимъ правомъ въ Русской Правдѣ отразилось и иноземное. Вліяніе иноземнаго права замѣтно въ двухъ направленіяхъ: съ сѣвера и съ юга. Призваніе варяговъ открыло къ намъ доступъ скандинавскому праву. Варяжскіе князья, какъ судьи, не могли не примѣнять началъ привычнаго имъ права. Съ принятіемъ христіанства духовенство получило право суда въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Оно совершало свой судъ по византійскимъ сборникамъ. Такимъ образомъ, открылся путь для проникновенія въ сознаніе русскихъ людей началъ скандинавскаго и византійскаго права.

Источники, которыми пользовался составитель Правды, сводятся къ двумъ: къ судебной практикѣ и княжескимъ уставамъ.

Въ виду преобладанія въ древнее время обычнаго права надъ уставнымъ, и княжескіе суды руководствовались обычаями. Эти обычаи, проявившіеся чрезъ посредство судебной практики, составитель и записывалъ: первая статья всѣхъ редакцій Правды говоритъ о мести и альтернативно съ ней о выкупѣ. Историки, которые видятъ въ Правдѣ, официальное изданіе, въ поясненіи этой статьи говорятъ: Ярославъ дозволялъ этою статьею мечь. Что-бы это значило? Ярославъ княжилъ отъ 1015 до 1054 г. До него, значить, мечь не была дозволена? Невозможное предположеніе. До начала XI вѣка у насъ не было мести; а въ первой половинѣ этого вѣка Ярославъ, второй христіанскій князь, любившій до излиха книжное просвѣщеніе (то-есть христіанское) и монашескую жизнь, дозволяетъ мечь! Мечь была правомъ искони и, конечно, не была заимствована, а жила въ нравахъ. О мести, какъ о дѣйствующемъ правѣ, говорятъ даже редакторъ списковъ третьей фамиліи, которая едва-ли можетъ быть моложе

XIII вѣка. Откуда взялась эта первая статья, утверждающая, что въ случаѣ убійства братъ мститъ за брата, сынъ за отца, отецъ за сына, дядя за племянника? Составитель записалъ то, что происходило въ окружавшемъ его обществѣ, но далеко не исчерпалъ существа дѣла. Формулировать явленія окружающей жизни дѣло очень трудное и далеко не подъ силу автора, а потому онъ частью переговаривалъ, а частью недоговаривалъ. Что эта статья есть отзвукъ судебной практики того времени, на это указалъ еще Калачовъ. Таковы всѣ статьи о мести и многія другія.

Иногда авторъ вноситъ въ свой сборникъ отдѣльныя судебныя рѣшенія по частнымъ случаямъ. Такова вторая половина статьи 21 Академическаго списка: „А конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилъ Дорогободци“. Здѣсь мы имѣемъ стараго конюха, который пасъ стадо; дорогобужцевъ, которые его убили; и князя Изяслава, который судилъ это дѣло. Это отдѣльный случай княжескаго суда, который вовсе не имѣетъ значенія общей нормы. Старый пастухъ лошадей, конечно, былъ рабъ; князь взыскалъ за него 80 гривенъ потому, что былъ очень раздраженъ этимъ убійствомъ, а не потому, чтобы такое взысканіе обыкновенно налагалось за убійство людей этого рода. Указаніе на отдѣльный случай судебного рѣшенія находится и въ 29 ст. того-же списка. Говоря о кражѣ, она приводитъ случай кражи, въ которомъ участвовало 18 воровъ.

Широко черпая изъ судебной практики, составитель не могъ обойти и примѣнявшихся у насъ началъ чуждаго права.

Наказаніе возникаетъ сперва въ формѣ частнаго вознагражденія лица пострадавшаго. Съ теченіемъ времени начинаетъ карать и государство. Наказанія, налагаемыя на преступниковъ представителями государственной власти, сперва имѣютъ характеръ частныхъ каръ, то-есть выражаются въ выкупѣ. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ объ опредѣленіи мѣры выкупа. Единицы выкупа, встрѣчаемыя въ Правдѣ, совпадаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ таковыми же германскихъ народовъ. Такъ какъ платежи въ пользу князя возникли при первыхъ князьяхъ, то можно допустить, что они были опредѣлены согласно скандинавскому праву.

Уже въ Правдѣ древнѣйшей редакціи находимъ статью, объясняемую на основаніи Моисеевыхъ законовъ, сдѣлавшихся извѣстными изъ византийскихъ сборниковъ; такова 38 статья объ убійствѣ вора, котораго связали и продержали до свѣта. Въ пространной-же Правдѣ

находимъ цѣлый рядъ статей, заимствованныхъ изъ византійскаго права. Таковы статьи о наследствѣ и опека (85, 88, 98, 94, 95, 97 и др.). Но надо думать, что авторъ познакомился съ византійскимъ правомъ не въ его сборникахъ, а въ его примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Какъ онъ былъ знакомъ съ практикой свѣтскихъ судовъ, такъ онъ зналъ кое что и изъ практики духовныхъ. Эту практику онъ и занесъ въ Правду. Византійское право было ему извѣстно не изъ первыхъ рукъ; онъ не списывалъ Эклогу и, можетъ быть, никогда ее не видалъ; онъ зналъ только судебную практику, основанную на Эклогѣ. Этимъ и объясняется неясность и спутанность его статей.

Кромѣ судебной практики составитель Правды пользовался еще княжескими уставами и заносилъ содержаніе ихъ своими словами въ свой сборникъ. Такъ составлены въ древнѣйшей редакціи статьи: 18, 19, 20 и 42; въ средней: 2, 48 и 58 (по Троицкому).

Таковы источники Правды. Приурочивая ихъ къ судебной практикѣ и княжескимъ уставамъ, мы, однако, не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указать происхожденіе статьи. Къ княжескимъ уставамъ мы относимъ статьи, въ которыхъ прямо указанъ этотъ ихъ источникъ. Но могутъ быть статьи того-же происхожденія безъ указанія ихъ источника. Статья 58 пространной Правды говоритъ, что Ярославъ уставилъ убить раба, ударившаго свободнаго мужа. Въ Правдѣ краткой есть статья (16) объ убійствѣ раба за ударъ свободному мужу, но безъ ссылки на уставъ Ярослава. Очень, однако, вѣроятно, что она взята изъ устава этого князя, на который ссылается пространная Правда.

Переходимъ къ послѣднему вопросу о происхожденіи Русской Правды. Первые изслѣдователи этого памятника думали, что онъ представляетъ officialный сборникъ. Такого мнѣнія держались: Татищевъ, Шлецеръ, Болтинъ, Карамзинъ. Мнѣніе это дожило и до нашихъ дней. Въ его пользу высказываются: Тобинъ, Погодинъ, Бѣляевъ, Ланге. Разница между старыми и болѣе новыми изслѣдователями состоитъ только въ томъ, что первые всю Правду приписывали законодательству Ярослава; послѣдніе обратили вниманіе на то, что Правда знаетъ не одного Ярослава, но сыновей его и Владиміра Мономаха. Это привело ихъ къ мысли, что она есть результатъ послѣдовательной законодательной дѣятельности цѣлаго ряда упоминаемыхъ въ ней князей. Г. Иловайскій нисколько не сомнѣвается, что это Ярославъ въ 1 ст. Правды дозволяетъ мечь, то-есть, узаконяетъ, что сыновья его пересмотрѣли Правду, измѣнили и дополнили ее, и что Владиміръ Мономахъ

предпринялъ новый законодательный пересмотръ Правды. Но съ начала текущаго столѣтія стало высказываться и противоположное мнѣніе о Правдѣ, какъ частномъ сборникѣ. Такой взглядъ встрѣчаемъ у Розенкампа, Полеваго, Морошкина, Калачова. Изъ двухъ приведенныхъ мнѣній мы считаемъ правильнымъ—второе. Вопросъ этотъ далеко не праздный. Рѣшеніе его имѣетъ существенное значеніе для пониманія Правды. Если она плодъ законодательнаго труда цѣлаго ряда князей, послѣдовательно дополнявшихъ и исправлявшихъ законодательство своихъ предшественниковъ, то этимъ уже опредѣляется и время происхожденія ея статей, и взаимное ихъ отношеніе. Если это частный сборникъ, то онъ не даетъ намъ ни того, ни другаго, ибо частное лицо могло записывать извѣстныя ему нормы и не въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія.

Разсмотримъ основанія, приводимыя въ пользу перваго мнѣнія. Оно покоится на заголовкахъ памятника, упоминающихъ имена князей, и на свидѣтельствѣ лѣтописи о томъ, что Правда дана новгородцамъ великимъ княземъ Ярославомъ.

Мы уже знаемъ, что заголовки нельзя считать принадлежащими первому составу Правды. Списки первой фамиліи не приписываются никакому князю. Ихъ заголовокъ „Правда Русская“ и только. Ярослава въ заголовкѣ нѣтъ. Имя этого князя упоминается только въ концѣ 42-й статьи. Ему приписываются поконы вирные. Если составитель, приводя поконы вирные, нашелъ нужнымъ сказать, что они установлены Ярославомъ, то отсюда, конечно, слѣдуетъ, что все остальное содержаніе Правды не представляется ему дѣломъ рукъ Ярослава. Текстъ памятника не даетъ, слѣдовательно, никакого основанія говорить, что Ярославъ издалъ краткую Русскую Правду.

Но новгородская лѣтопись приписываетъ эту редакцію Ярославу и указываетъ годъ и случай, когда и почему она была имъ написана. Татищевъ далъ полную вѣру этому извѣстію и заключительныя слова Ярослава предпослалъ своему изданію Правды. Разсмотримъ это свидѣтельство. Ярославъ, возвратившись изъ похода, въ которомъ онъ при помощи новгородцевъ побѣдилъ брата, одарить новгородцевъ деньгами и въ награду за содѣйствіе даетъ имъ Уставъ (Правду). Таковъ разказъ лѣтописца. Онъ сочиненъ и обстоятельствамъ дѣла не соответствуетъ. Что Ярославъ награждалъ новгородцевъ деньгами, это понятно; но что въ награду онъ далъ имъ Русскую Правду, это не понятно, такъ какъ Правда не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ награды, пожалованія. Есть и другая

еще болѣ крупная несообразность. Относя написаніе Правды къ 1016 г., лѣтописецъ не замѣтилъ, что въ этой Правдѣ рѣчь идетъ о законодательствѣ сыновей Ярослава: Изяслава, Святослава и Всеволода, которыхъ тогда еще и на свѣтѣ не было; Изяславъ родился въ 1024, Святославъ въ 1027, Всеволодъ въ 1030 году. Итакъ, мѣсто лѣтониси подъ 1016 годомъ свидѣтельствуеетъ только о томъ, что лѣтописецъ былъ въ такомъ же затрудненіи, какъ и мы. Онъ имѣлъ въ рукахъ списокъ Русской Правды и не зналъ, кто его написалъ. Но онъ сочинялъ лѣтопись и считалъ себя обязаннымъ, приводя Правду, сказать, кто, когда и почему ее издалъ. Онъ приписалъ ее Ярославу не потому, чтобы этого требовалъ текстъ Правды, а потому, что, можетъ быть, въ его время такъ думали. Къ тексту же онъ отнесся очень невнимательно. Онъ даже не прочиталъ его хорошенько, а потому и не замѣтилъ, что нѣкоторая часть его приписана сыновьямъ Ярослава.

Хотя списки второй фамилии начинаются видоизмѣненнымъ повтореніемъ 1-й статьи списковъ первой редакціи, ничего незнающей о редакторствѣ Ярослава, хотя за этой первой слѣдуетъ вторая статья, свидѣтельствующая о смерти Ярослава, тѣмъ не менѣ эти списки приписываются въ заголовкѣ князю Ярославу. Заголовокъ этотъ, конечно, не можетъ принадлежать первому составителю, который отправляется отъ текста Правды, не приписанной Ярославу, и сейчасъ же начинаетъ говорить объ измѣненіяхъ, произведенныхъ въ судѣ Ярослава его сыновьями. Онъ также дѣло вторыхъ рукъ. Съ нимъ надо сопоставить заключательное слово нѣкоторыхъ списковъ: „По си мѣсто судебникъ Ярославъ“. Такимъ образомъ, вся пространная Правда, отъ начала до конца, приписывается законодательству Ярослава. Какъ новгородскій лѣтописецъ чувствовалъ потребность приписать краткую Правду опредѣленному лицу и приписалъ ее Ярославу, такъ такую же потребность чувствуютъ и позднѣйшіе списатели пространной Правды и приписываютъ ее всю Ярославу, также не обращая ни малѣйшаго вниманія на текстъ, въ которомъ Ярославъ нѣтъ, и упоминаются только его сыновья да Владиміръ Мономахъ; о законодательной же дѣятельности Ярослава говорится только съ цѣлью указать на нововведенія его сыновей.

Итакъ, имя Ярослава, которому въ Правдѣ первой редакціи приписана только одна статья, и о которомъ вторая упоминаетъ лишь по случаю указаній на перемѣны, произведенныя его сыновьями въ порядкѣ его суда, ничего не доказываетъ.

Также ничего не доказываютъ и имена другихъ князей, приводимыя Правдой. Въ спискахъ первой фамиліи есть извѣстный уже намъ заголовокъ: „Правда оуставлена Роуськой землѣ, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“ и т. д. Но еще Калачовъ высказалъ сомнѣніе, чтобы сыновьямъ Ярослава можно было приписать весь конецъ Правды, слѣдующій за этимъ заголовкомъ. Имъ можно приписать только первыя три статьи, трактующія объ одномъ и томъ же предметѣ: о послѣдствіяхъ убійства огнищанина. Слѣдующая за ними четвертая статья—есть судебное рѣшеніе, постановленное однимъ изъ сыновей Ярослава, Изяславомъ. Статья 42-я приписана самому Ярославу.

Упомянутыя тѣ же сыновья Ярослава и въ пространной Правдѣ, но здѣсь имена ихъ приводятся не въ заголовкѣ нѣкотораго отдѣла или части Правды, а въ отдѣльной статьѣ, которая говоритъ, что они, по смерти отца, отложили убіеніе за голову, а во всемъ остальномъ опредѣлили судить такъ, какъ судилъ Ярославъ. Это есть извѣстіе о томъ, что произошло на второмъ съѣздѣ сыновей Ярослава и только. Излѣдователи, которые видятъ въ Правдѣ официальную работу, ставятъ эту статью въ связь съ послѣдующими статьями. Чего же съ этой точки зрѣнія мы должны ожидать въ послѣдующихъ статьяхъ? Такъ какъ приведенная статья говоритъ, что за исключеніемъ убіенія за голову, замѣненного кунами, во всемъ остальномъ сыновья Ярослава судили согласно правиламъ отца, то въ послѣдующихъ статьяхъ мы должны были бы ожидать изложенія правилъ суда Ярославова. А въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ. Слѣдующая статья есть повтореніе 19-й статьи краткой Правды, представляющей нововведеніе сыновей Ярослава: они стали взыскивать 80 гривенъ за убійство княжихъ мужей. Итакъ, статья 2-я ни по формѣ, ни въ дѣйствительности не есть заголовокъ слѣдующихъ за нею статей и не стоитъ съ ними въ связи.

Сыновья Ярослава упоминаются еще въ статьѣ 58-й. Имъ здѣсь приписывается извѣстное измѣненіе правилъ Ярослава, которое тутъ и приводится. Такимъ образомъ, и здѣсь сыновья Ярослава имѣютъ отношеніе только къ этой одной статьѣ.

Кромѣ сыновей Ярослава пространная Правда упоминаетъ еще Владиміра Мономаха, и это опять даетъ поводъ утверждать, что Владиміръ Мономахъ пересмотрѣлъ Правду Ярослава и его сыновей и дополнилъ ее. Изъ текста Правды этого вовсе не слѣдуетъ. Статья 48-я говоритъ, что, по смерти Святополка, Володиміръ Всеволодовичъ

созвалъ дружину свою и сдѣлалъ постановленіе о процентахъ и только. Мономахъ является здѣсь не редакторомъ новой Правды, а издателемъ спеціального указа о процентахъ. Переписчики дали этой статьѣ заголовокъ: одни—„А се оустави Володимиръ“, другіе—„Оуставъ Володимѣрь Всеволодича“, третьи, по примѣру византійскихъ юридическихъ памятниковъ, поставили: „II глава. Уставъ великаго князя Владиміра“ и наконецъ—совсѣмъ отдѣлили все слѣдующее за этимъ заголовкомъ отъ начала Ярославовой Правды. Такимъ образомъ, у старыхъ переписчиковъ уже былъ готовъ матеріалъ для мнѣнія, что Ярославъ началъ издавать Правду, а Мономахъ пересмотрѣлъ ее и сдѣлалъ къ ней дополненіе. Но съ дѣйствительнымъ ходомъ составленія Правды это мнѣніе не имѣетъ ничего общаго.

Итакъ, мнѣніе историковъ объ официальномъ происхожденіи Правды есть только повтореніе того, что говорили объ этомъ предметѣ старыя составители лѣтописей и переписчики кормчихъ и Мѣрилъ Праведныхъ, и не имѣетъ въ свою пользу никакихъ научныхъ основаній. Правда и по формѣ своей и по содержанію должна быть приписана труду частнаго составителя. Мы хорошо знаемъ, какъ писались древніе княжескіе уставы. Они писались отъ имени князя и приводили это имя не въ заголовкѣ, а въ текстѣ: „Се азъ, князь такой то, далъ. пожаловалъ, уставилъ“ и проч. Такъ начинаются и церковныя уставы Владиміра и Ярослава. Въ дошедшемъ до насъ видѣ, они, конечно, не подлинныя, но ихъ составители хорошо знали, какъ сочиняются подобные документы, а потому въ ихъ внѣшней формѣ и надо видѣть сохраненіе традиціонныхъ порядковъ. Ничего подобнаго не представляетъ ни одинъ списокъ Правды; она не княжескій уставъ, а памятникъ своего рода: Русская Правда.

По содержанію труднѣе распознать частное собраніе отъ официального изданія, такъ какъ и то и другое одинаково содержитъ нормы права; но и въ этомъ отношеніи текстъ Русской Правды носитъ явные слѣды частной работы. Составитель сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи княжескихъ уставовъ, но изъ того, какъ онъ это дѣлаетъ, ясно видно, что текстъ сообщаемого принадлежитъ не самому законодателю, а частному лицу, сообщающему о законѣ то, что ему извѣстно. Напримѣръ, въ статьѣ 2-й Троицкаго списка читаемъ: „По Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша“. Это не уставъ сыновой Ярослава,

а сообщеніе о немъ знающаго человѣка. Или статья 58: „А се иже холопъ оударитъ свободна мужа ..... то Ярославъ оуставилъ оубити ѿ; но сынове его, по отци, оуставиша на кунѣ“..... Здѣсь, въ одной статьѣ, знающій человѣкъ соединилъ новое и старое право.

Помимо разсмотрѣнныхъ вопросовъ нѣкоторые изслѣдователи возбуждаютъ еще вопросъ о системѣ распредѣленія юридическаго матеріала въ Правдѣ. Вопросъ о системѣ едва ли возможенъ; составитель, конечно, не расчленялъ права на какіе-либо виды, а потому и не могъ положить какую либо систему въ основаніе распредѣленія своего матеріала. Все, что можно замѣтить въ порядкѣ расположенія статей, заключается въ томъ, что всѣ редакціи Правды начинаются съ убійства, а потомъ переходятъ къ болѣе мелкимъ правонарушеніямъ. Это, конечно, потому, что убійство, какъ самое крупное преступленіе, прежде всего привлекало къ себѣ вниманіе наблюдателя. Въ древнѣйшей части краткой редакціи ему посвящена одна статья; въ пространной редакціи — шесть. Но здѣсь и останавливается нѣкоторый опредѣленный порядокъ, который можно возвести къ началу важности преступленій. Въ краткой редакціи Правды 2-я статья начинается съ процессуальнаго правила о порядкѣ доказательства причиненія кровавыхъ или синихъ ранъ, а оканчивается опредѣленіемъ штрафа за такую рану. Слѣдующія статьи говорятъ о послѣдствіяхъ обиды дѣйствиємъ и тѣлесныхъ поврежденій. Итакъ, со второй статьи авторъ переходитъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и обидамъ дѣйствиємъ, но не только не располагаетъ ихъ въ порядкѣ нисходящей важности, но даже не исчерпываетъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, а переходитъ къ другимъ предметамъ и возвращается къ нимъ только въ концѣ, въ статьѣ 16-й. Если бы онъ началъ съ убійства въ сознательномъ намѣреніи говорить о преступленіяхъ въ нисходящемъ по ихъ важности порядкѣ, то за убійствомъ слѣдовало бы говорить о такихъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, которыя имѣютъ послѣдствіемъ потерю члена: руки, ноги, пальца и прочее, затѣмъ слѣдовало бы говорить о ранахъ кровавыхъ или синихъ и, наконецъ, объ обидахъ дѣйствиємъ. У него же порядокъ совершенно случайный. Статья 2-я — соединяетъ въ себѣ процессуальное правило съ опредѣленіемъ послѣдствій за раны;—3-я и 4-я говорятъ объ обидѣ дѣйствиємъ и только 5-я о такомъ поврежденіи, которое имѣло послѣдствіемъ потерю члена. Отнятіе члена и съ точки зрѣнія людей XI вѣка болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ обида дѣйствиємъ, ибо карается полувирьемъ, а обида дѣйствиємъ только 12 гривнами, тѣмъ не менѣе обида дѣйствиємъ

идеть впереди потери члена. Ясно, что начавъ съ убійства, составитель вовсе не имѣлъ въ виду идти въ нисходящемъ порядкѣ. Убійство поражаетъ воображеніе сильнѣе всѣхъ другихъ преступленій, а потому составитель съ него и началъ. Такъ же поступилъ и составитель пространной редакціи. За статьями объ убійствѣ онъ приводитъ Ярославовъ уставъ о судныхъ пошлинахъ; за нимъ идетъ опредѣленіе частнаго вознагражденія за убійство не свободныхъ людей, потомъ одна процессуальная статья, одна о судебныхъ пошлинахъ, еще одна процессуальная, и, наконецъ, объ обидѣ дѣйствиємъ, отнятіи члена и т. д., въ порядкѣ первой редакціи. Вопросъ о системѣ не представляется намъ существеннымъ и нуждающимся въ какихъ либо изысканіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Мысль о наличности нѣкоторой системы въ расположеніи статей Правды имѣетъ много сторонниковъ въ нашей литературѣ, но самымъ горячимъ ее приверженцемъ является московскій профессоръ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Онъ находитъ систему не только въ первой части краткой Правды, на что многие и давно указываютъ, но и во второй и во всей пространной. Вотъ его мнѣніе. Основная система Правды прежде всего выразилась въ древнѣйшей части краткихъ списковъ, въ первыхъ 17 статьяхъ, которыя онъ называетъ Правдой Ярослава. Вторую половину этой Правды онъ считаетъ „дополненіями“, сдѣланными сыновьями Ярослава. Эти дополненія расположены въ той же системѣ, но чтобы ее открыть, оказалось нужнымъ раздѣлить конецъ краткой Правды на три отдѣльныхъ дополненія: первое отъ 18 до 27 статьи, второе отъ 28 до 30, третье отъ 31 до 41. Въ каждомъ изъ этихъ дополненій, утверждаетъ авторъ, статьи расположены въ порядкѣ первыхъ 17-ти. Ту же систему находитъ онъ и въ пространной Правдѣ, которую, для доказательства этой мысли, оказалось тоже нужнымъ раздѣлить на „собственно распространенную Правду“, ст. 1—94 и два къ ней дополненія: первое отъ 92 до 101 и второе отъ 102 до 115. Каждая изъ этихъ трехъ частей составлена также по системѣ первыхъ 17-ти статей. Подробное изложеніе этого чрезвычайно сложнаго построенія Правды съ нѣткою дополненіями занимаетъ 23 страницы въ предисловіи ко II выпуску изслѣдованій о Русской Правдѣ.

Что бы принять результатъ изслѣдованій почтеннаго автора, надо, прежде, допустить, что краткая Правда была написана въ четыре пріема, а пространная въ три. Къ сожалѣнію для такого допущенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Можно только допустить, что краткая Правда была написана въ два пріема и только. Въ высочайшей степени невѣроятно, что бы отъ семи послѣдовательныхъ работъ по составленію Правды, которыя должны были непременно выразиться въ отдѣльныхъ памятикахъ на письмѣ, не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Каждое изъ пяти дополненій Правды, появившихся разновременно, должно было имѣть свой особый заголовокъ, который и должно было сохранить при соединеніи въ одинъ памятникъ. Сохранился же только одинъ заголовокъ, да и тотъ отно-

Послѣдній вопросъ, на которомъ намъ надо остановиться, есть вопросъ о практическомъ значеніи Русской Правды. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что она имѣла въ свое время важное практическое значеніе, то-есть, что она служила руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ; подтвержденіе этому мнѣнію находятъ въ томъ, что Правда усердно вписывается въ лѣтописи, коричія, мѣрила праведныя. А такъ какъ списки Русской Правды весьма часто встрѣчаются въ такихъ памятникахъ, то отсюда и заключаютъ къ большому ея практическому значенію въ древности. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. До насъ не дошло ни одного указація на то, чтобы кто нибудь пользовался Русскою Правдою при рѣшеніи практическихъ вопросовъ права, о пользованіи же византійскими сборниками мы имѣемъ нѣсколько указаній. Повторяющееся переписываніе Правды въ разныхъ сборникахъ ничего не доказываетъ. Ее переписываютъ не только въ XIV и XV вѣкахъ, но даже XVI и XVII. А кто же рѣшится утверждать, что Русская Правда имѣла практическое значеніе въ XVI или XVII вѣкѣ! Практическое значеніе Правды въ свое время, то-есть въ XI—XIV вѣкахъ, предполагаетъ рѣшеніе судныхъ дѣлъ на основаніи писанаго права и соответствующее распространеніе среди судей грамотности. Ни то, ни другое предположеніе не допустимо. Дѣла рѣшались на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, глашатаями которыхъ были судные мужи, присутствовавшіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ. Епископы, при рѣшеніи подлежащихъ ихъ суду дѣлъ, раскрывали коричю и отыскивали въ византійскихъ сборникахъ подходящее правило. Княжескіе же судья—не Русскую Правду раскрывали, которую они и прочесть то не умѣли, а обращались къ

сится только къ тремъ статьямъ, а не къ 10, какъ нужно автору. Отдѣльныхъ же документовъ не сохранилось ни одного изъ 7-ми, а они должны были существовать, и даже въ большомъ числѣ, и полное ихъ уничтоженіе безъ малѣйшаго слѣда наводитъ на мысли, что такихъ отдѣльныхъ памятниковъ никогда и не было. Авторъ совершенно произвольно предположилъ ихъ существованіе, что бы найдти вездѣ свою систему. Да и при такомъ предположеніи статьи Правды все же не укладываются въ систему. Даже первыя 17-ть статей имѣютъ свою дополнительную, послѣднюю, которая оказалась не на мѣстѣ. Послѣдняя статья краткой Правды, 48-я, тоже не на мѣстѣ. Это статья Ярослава, а помѣщена въ самомъ послѣднемъ дополненіи его сыновей. Статья 58-я пространной Правды несомнѣнно составляетъ дополненіе сыновей Ярослава къ Правдѣ ихъ отца, а между тѣмъ не находится ни въ одномъ изъ трехъ сдѣланныхъ къ ней дополненій.

присутствующимъ на судѣ старостамъ, цѣловальникамъ и добрымъ людямъ, безъ которыхъ они и суда производить не могли. Итакъ, гораздо болѣе есть основанийъ для отрицанія какого-либо практическаго значенія Правды.

Но такое рѣшеніе вопроса не лишаетъ ли Правду значенія для науки? Нисколько. Въ Правдѣ отразилось современное ей право, и она составляетъ почти единственный источникъ для его изученія.

В. Сергѣевичъ.

РЕВНИТЕЛИ РУССКАГО СЛОВА.

(Рѣчь, сказанная въ открытомъ обществѣ собраніи „Союза ревнителѣй русскаго слова“, 25-го марта 1898 г.) ¹⁾.

27-го января 1897 года господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ „Союза ревнителѣй русскаго слова“. Цѣли его такъ опредѣлены въ §§ 1, 2 и 3 устава:

„Союзъ ревнителѣй русскаго слова ставитъ себѣ цѣлью пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи, поддерживать и развивать любовь къ ней, способствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ и тѣмъ содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго русскаго языка, какъ главнѣйшаго орудія распространенія просвѣщенія во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

„Ближайшая задача Союза состоитъ въ изысканіи мѣръ къ освобожденію нашего современнаго языка отъ *излишнихъ* иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, въ усиленной разработкѣ богатствъ русскаго народнаго языка и въ усиленіи этимъ путемъ его образовательнаго значенія въ семьѣ и школѣ.

„Для исполненія этой задачи Союзъ заботится о выясненіи, въ какомъ именно значеніи употребляются иностранныя слова въ нашей книжной рѣчи; о замѣнѣ ихъ равнозначущими русскими, о составленіи соответствующихъ цѣлямъ Союза словарей; а также оказываетъ содѣйствіе къ соблюденію чистоты русскаго языка въ народныхъ книгахъ и учебникахъ“.

Невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ понадобился такой Союзъ? Неужели въ настоящее время можно серьезно говорить о необходи-

---

¹⁾ Приготовляя эту рѣчь къ печати, я значительно ее распространилъ и дополнилъ.

мости пробуждать въ русскомъ обществѣ „уваженіе къ самобытнымъ и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи?“ Неужели надо въ настоящее время „поддерживать и развивать любовь къ ней?“ Неужели и въ настоящее время приходится еще „содѣйствовать выработкѣ общепонятнаго русскаго языка?“ И это послѣ цѣлаго ряда такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Майковъ, Островскій, графъ Л. Н. Толстой, въ произведеніяхъ которыхъ русскій языкъ именно и достигъ своего полного развитія и является во всей силѣ своей красоты и выразительности, во всемъ разнообразіи своихъ природныхъ свойствъ!

Но что же тутъ страннаго?! Въ сочиненіяхъ нашихъ писателей русскій языкъ дѣйствительно является во всемъ своемъ блескѣ, но онъ въ нихъ и остался и, къ сожалѣнію, далеко еще не перешелъ въ общее употребленіе, не сдѣлался общимъ достояніемъ.

Такъ было восемьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, почти такъ это и теперь. Въ 1812 году одинъ изъ членовъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, извѣстный профессоръ Московскаго университета А. Ѳ. Мерзляковъ, говорилъ въ Обществѣ рѣчь, въ которой, между прочимъ, провелъ такую параллель:

„Можно сравнить въ настоящее время свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ російскомъ съ свѣдѣніями о пространной Россійской имперіи. По сию пору различныя ея климаты, ея безчисленныя произведенія, самыя народы, ея населяющіе, нравы ихъ и обычаи знакомы намъ только поверхностно. Лепехины, Крашевинниковы, Паласы, Мусины-Пушкины протекли только по общимъ путямъ сего обширнаго океана; ихъ открытія, сколько ни важны,—по собственному признанію наблюдателей,—только начатки открытій...

...Такъ и въ словесной области,—говорилъ Мерзляковъ,—Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы, Державины, Петровы то же въ литературѣ, что Лепехины и его товарищи въ испытаніи природы. Они открываютъ намъ чудесное великолѣпіе языка; но они всѣ испытали токмо одинъ рудникъ: стихотворство; мы не знаемъ его въ другихъ отношеніяхъ. У насъ нѣтъ Локковъ, Невтоновъ, Монтеスキе, Дюмарсе, Каптовъ, Лавуазьеровъ“.

Это указаніе Мерзлякова на узкость и ограниченность той области, въ которой совершенствуется нашъ языкъ, не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. Наши великіе писатели говорятъ прекраснымъ, чистымъ, изящнымъ, выразительнымъ русскимъ языкомъ, но мы-то всѣ говоримъ далеко не такимъ языкомъ; мы только наслаж-

даемъ имъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей, а сами продолжаемъ довольствоваться языкомъ, насквозь наполненнымъ нерусскими словами, оборотами и выраженіями, различными „выдуманными“ словами, темными, малопонятными фразами. Не даромъ же раздаются безпрестанно жалобы на языкъ нашихъ газетъ и журналовъ, на языкъ нашихъ учебниковъ и ученыхъ сочиненій и даже на языкъ произведеній литературныхъ. А сколько жалобъ слышится по поводу нашего до сихъ поръ не установившагося правописанія?! Неудовлетворительность и неопредѣленность нашихъ грамматическихъ правилъ стали общимъ мѣстомъ, признаются чѣмъ-то роковымъ и неустранимымъ. А наша научная терминологія, почти сплошь составленная изъ иностранныхъ словъ!

И опять скажу: удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Нашъ языкъ и по признанію великихъ нашихъ писателей, и по нашему собственному внутреннему сознанію богатъ и обилёнъ, но это богатство до сихъ поръ продолжаетъ существовать въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, и его научная обработка не только не закончена, но почти можно сказать—только, только что начата.

И хотя давно уже считается общепризнанною истиною, что языкъ человѣка есть своего рода организмъ, живущій своею собственною, органическою жизнью и развивающійся по законамъ всякаго организма, но этой жизни и этому развитію можно и должно помогать путемъ научнаго изученія языка и его научной обработки. Если языкъ есть организмъ, то въ немъ, какъ во всякомъ организмѣ, могутъ возникать, и дѣйствительно возникаютъ, всякія явленія, какъ правильныя, такъ и уродливыя, болѣзненныя, являющіяся слѣдствіемъ случайностей, личнаго произвола и неумѣнья, личнаго вкуса. Во всемъ этомъ надо разобраться, а это дѣло науки.

Но давно ли существуетъ у насъ наука русскаго языка? Давно ли началась у насъ научная его обработка? Сравнительно очень недавно, не болѣе 160—170 лѣтъ тому назадъ, хотя мысль о необходимости такой обработки возникла гораздо ранѣе.

Извѣстно, что въ до-петровскій періодъ литературнымъ языкомъ или, собственно, языкомъ книги былъ у насъ языкъ церковно-славянскій. Тогда существовало само собою установившееся убѣжденіе, что говорить и писать обыкновенныя дѣловыя бумаги, письма и т. п. можно и должно языкомъ русскимъ, но писать книги, въ которыхъ чаще всего говорится о предметахъ важныхъ и серьезныхъ, надо языкомъ церковно-славянскимъ.

„У русскихъ,—говорить филологъ *Генрихъ Лудольфъ*, бывший въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія и знавшій по-русски,—не только священное писаніе и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, но безъ его пособія нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учепости и познаній. Поэтому, чѣмъ ученіе кто желаетъ прослыть передъ другими, тѣмъ болѣе наполняетъ свою рѣчь и писанія славянизмами, хотя иныя и посмѣиваются надъ злоупотребляющими славянскою рѣчью въ обыкновенномъ разговорѣ“¹⁾).

Поэтому, и научная обработка примѣнена была прежде всего къ языку церковно-славянскому.

Первая церковно-славянская грамматика Лаврентія Зизанія явилась еще въ концѣ XVI вѣка (1596 г.) въ Вильнѣ. Слѣпо составленная по образцу грамматикъ греческой, по памятникамъ обезображеннаго церковно-славянскаго языка и наполненная полонизмами, она и по приему, употребленному сочинителемъ, и по исполненію не можетъ считаться серьезнымъ грамматическимъ трудомъ²⁾.

Черезъ двадцать пять лѣтъ, въ 1619 году, вышло въ Эвю, близъ Вильны же, первое изданіе знаменитой грамматикъ Мелетія Смотрицкаго, повторенное потомъ въ Москвѣ, въ 1648 году, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича.

Но и Смотрицкій не достигъ своей цѣли и научное изученіе церковно-славянскаго языка мало подвинулось впередъ съ появленіемъ его книгъ. Считаая славянскій языкъ чуть не діалектомъ греческаго, онъ слѣпо слѣдовалъ греческой грамматикѣ Ласкариса, такъ что удерживаетъ часто и его греческую терминологию: *парадигма*, *итероклима* и т. п. Но многіе терминны очень удачно переданы у него по-русски: *буква*, *слово*, *междометіе* и т. п., и это несомнѣнно составляетъ его заслугу. Другая заслуга этой грамматикъ состоитъ въ томъ, что, при всѣхъ ея недостаткахъ, она, вплоть до появленія Ломоносовской грамматикъ, была единственнымъ источникомъ грамматическихъ свѣдѣній по славянскому языку не только въ Россіи, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ: въ Сербіи, Далмаціи, Румыніи³⁾.

¹⁾ *Л. Н. Майковъ*: Симеонъ Полоцкій. Древняя и Новая Россія, 1875, № 9, стр. 12.

²⁾ *Н. Вышнградскій*: О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго нарѣчія. Магистерская диссертація. С.-Пб. 1847, стр. 24—25.

³⁾ *Н. Вышнградскій*: О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго нарѣчія. Магистерская диссертація. С.-Пб. 1847; также предисловіе къ грамматикѣ Ломоносова, изданіе Академіи Наукъ въ 1855 г.

Въ исторіи же развитія собственно русскаго языка за грамматикой Смотрицкаго должно признать безусловно отрицательное значеніе, такъ какъ она задержала обнаруживавшееся уже во второй половинѣ XVII вѣка стремленіе къ замѣнѣ славянской книжной рѣчи живымъ, народнымъ русскимъ языкомъ. Послѣ перепечатки грамматики Смотрицкаго въ Москвѣ въ 1648 году, „московскіе книжники получили возможность искусственно возвратиться къ той чистой славянской рѣчи, отъ которой ихъ удалялъ всендневный обычай; вслѣдствіе чего, такъ называемая „славянщина“, несмотря на всю свою недостаточность въ образовательномъ отношеніи, сознаваемую отчасти даже въ то время, снова укрѣпилась въ письменной и печатной словесности русской и оставалась въ ней господствующею до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка“¹⁾.

Вотъ причина, почему передовые люди конца XVII и начала XVIII вѣка не переставали указывать на необходимость грамматическаго изученія нашего языка.

Извѣстный славянскій публицистъ *Юрій Крижаничъ* во второй половинѣ XVII вѣка жаловался, что „языкъ нашъ словенскій отъ лныхъ языковъ прехудо есть оскверенъ, смятенъ, извращенъ и мало не весь до конца изгубленъ“. Чтобы его исправить и очистить, необходимо, по его мнѣнію, имѣть *хорошую грамматику и лексиконъ*, чтобы мы могли правильно писать и говорить и имѣли обиліе словъ²⁾.

Другой общественный дѣятель, слѣдующей уже эпохи, первой четверти XVIII вѣка, извѣстный *И. Т. Посошковъ*, въ своей книгѣ: „О скудости и богатствѣ“, писалъ:

„Его Императорскому Величеству надлежитъ постараться о *грамматикѣ*, чтобы принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобы всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако исправя оную, напечатать бы ихъ тысячь пять, шесть или десять“³⁾.

Такимъ образомъ, очевидно, что отвлеченная мысль о необходимости грамматическаго изученія языка существовала уже въ умахъ выдающихся людей того времени. Но до осуществленія этой мысли было

¹⁾ *Л. Н. Майковъ*: Синодъ Полоцкій, Древняя и Новая Россія, 1876, № 9, стр. 11—12.

²⁾ Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, II, 2.

³⁾ Соч. I, 11.

еще далеко, а потому и самый книжный языкъ продолжалъ оставаться грубымъ, необработаннымъ, темнымъ и малопонятнымъ. Причинами этого были, съ одной стороны, механическая смѣсь языковъ церковно-славянскаго и русскаго, при чемъ границы и случаи употребленія того и другаго не были опредѣлены; съ другой—преобладаніе въ книжной рѣчи языка церковно-славянскаго надъ русскимъ.

Тредьяковскій въ предисловіи къ переводу „Вѣды на островъ любви“ говоритъ, что во время его молодости церковно-славянскій языкъ употреблялся не только въ книгахъ, но и въ разговорѣ, и самъ Тредьяковскій „не только имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми“.

Первымъ шагомъ къ отдѣленію русскаго языка отъ церковно-славянскаго было введеніе гражданскаго шрифта при Петрѣ Великомъ, который первый же сталъ писать не по-церковно-славянски, а по-русски, а первая попытка опредѣлить грамматическія формы *русскаго* языка сдѣланы были, какъ и должно было ожидать, Академіей Наукъ. Большая часть правилъ нынѣ принимаемаго русскаго правописанія, говоритъ историкъ Академіи Наукъ, П. Пекарскій, придуманы и утверждены въ Академіи Наукъ въ первые же годы ея существованія, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ прошломъ столѣтіи для всей Россіи имѣлась только одна академическая типографія, въ которой и печатались книги гражданскимъ шрифтомъ. Извѣстно, что, напримѣръ, нынѣшнее правописаніе именъ прилагательныхъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа впервые введено было въ академической типографіи съ 1733 года и долго оставалось спорнымъ: Тредьяковскій наставлялъ на принятіи славянскихъ окончаній (мужскаго рода—іе, женскаго рода—е, средняго рода—я); Ломоносовъ принялъ правописаніе академическое, а Сумароковъ для всѣхъ родовъ предлагалъ писать я, потому что такъ слышится при произношеніи.

Вскорѣ по открытіи Академія занялась и научными работами по русскому языку. Президентъ ея, баронъ (впоследствии графъ) Кейзерлингъ, отъѣзжая, въ 1733 году, посланникомъ за границу, оставилъ Академіи наставленіе, какъ вести дѣла. Въ этомъ наставленіи въ числѣ настоятельныхъ потребностей, объ удовлетвореніи которыхъ должна была заботиться Академія, указано было *составленіе русскаго грамматики*, за что взялся адъюнктъ Ададуровъ.

Для него это было не новостью. Онъ занимался въ это время корректуру русскихъ словъ въ печатавшемся тогда нѣмецко-русскомъ

словарѣ Вейсмана; занимался грамматическими вопросами и долженъ былъ четыре раза въ недѣлю „публично въ Академіи показывать *надлежащія до россійскаго языка правила* и по совершеніи оныхъ толковать на россійскомъ языкѣ реторику“, для чего, по его собственнымъ словамъ, принужденъ былъ „самъ вновь сочинять и на то употреблять тѣмъ больше времени, что въ семъ, какъ весьма новомъ дѣлѣ, по сіе время еще никакого предводителя не имѣю, которому бы въ томъ можно было послѣдовать“.

На эти занятія русскимъ языкомъ натолкнуло его сознание своей собственной безграмотности. Онъ самъ писалъ, что въ Академіи онъ „учился языкамъ латинскому, нѣмецкому и французскому, и притомъ имѣлъ случай собственныя мои недостатки въ правильномъ употребленіи природнаго нашего языка нѣсколько усмотрѣть и оныя въ себѣ по возможности исправить“.

Плодомъ этихъ занятій Ададунова русскимъ языкомъ были: его *Русская грамматика*, помѣщенная при изданномъ въ 1735 году нѣмецкомъ словарѣ Вейсмана, и его же *Правила россійской орфографіи*, изданныя имъ въ 1768 году.

Грамматическія занятія Ададунова вскорѣ получили твердую точку опоры: въ 1735 году учреждено было при Академіи *Россійское Собраніе*. Это была первая, организованная и вполне научная попытка, имѣющая значеніе не только въ исторіи нашего языка, но и въ исторіи нашего самосознанія, какъ первая же правильно поставленная попытка оказать противодѣйствіе начинавшей уже одолевать насъ иноземщинѣ.

Россійское собраніе, называвшееся также академіей, возникло по мысли тогдашняго президента барона І. А. Корфа. Въ составъ его вошли: Тредьяковскій, Ададуновъ, Таубертъ и академическіе переводчики: Лебедевъ, Теплоуъ и Фрейгангъ. Цѣлю его, по свидѣтельству одного изъ главныхъ дѣятелей его, В. К. Тредьяковскаго, было: *усовершенствованіе русскаго языка*; изданіе переводовъ образцовыхъ иностранныхъ писателей, древнихъ и новыхъ; *составленіе грамматики, словаря, реторики и піитики*.

Необходимость словаря и грамматики ясна сама собою. Что же касается до реторики и піитики, то въ ихъ важности и необходимости можетъ возникнуть сомнѣніе, такъ какъ эти науки признаны въ настоящее время искусственными и для словеснаго творчества вредными. Имѣя Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и другихъ великихъ писателей, мы, какъ многіе думаютъ въ

настоящее время, имѣемъ теперь возможность учиться виѣшнимъ формамъ поэтическихъ словесныхъ произведеній не по риторикамъ и пѣвкамъ, а по произведеніямъ этихъ писателей.

Но тогда для выработки формъ словесныхъ произведеній ничего еще не было сдѣлано. А между тѣмъ вопросъ о формахъ имѣеть для словесныхъ произведеній такое же значеніе, какъ вопросъ о техникахъ въ другихъ искусствахъ.

14-го марта 1735 года состоялось первое засѣданіе Россійскаго собранія, къ которому Тредьяковскій обратился съ рѣчью и въ ней, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

„При благословенной державѣ величайшія монархини Анны, *сею дождались мы счастья*, мой господа, *что и о совершенствѣ Россійскаго языка попеченіе воспріимается*. Сіе дѣло не меньше полезное, коль трудное, главный въ сей Императоровой Академіи командиръ. остроумный, искусный и мудрый мужъ, на васъ полагаетъ, вамъ ввѣряетъ и всего къ тому возможнаго прилежанія, къ вѣщему прославленію Россійскаго народа и его слова, отъ васъ ожидаетъ...

„Однако сіе коль ни полезно есть Россійскому народу, то-есть, возможное дополненіе языка, чистота, красота и желаемое потомъ его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшить, уповаю, и васъ, мой господа, трудностію и тягостию своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и едино и само собою колико проливаетъ пота, навѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь; *но и о грамматикѣ доброй и исправной*, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть пужды, толь много есть и трудности; *но и о дикціонарѣ полномъ и довольномъ*, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Свизифѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самага почятай верьха внизъ его не хотя опускаетъ; *но и о риторикѣ и стихотворной наукѣ*, что все чрезъ мѣру утрудитъ васъ можетъ....

„Чувствуя сіе толь тяжкое бремя и видя въ Собраніи нашемъ толь малое насъ число, сомнѣваюсь, отпустите моему малодушію, чтобъ чрезъ насъ однихъ толякое дѣло могло совершиться. Впредь, твердо уповаю, когда малый, узкій и мелкій нашъ источникъ, наполнился нестороннимъ струями, возрастетъ въ превеликую, пространную и глубокую рѣку, то-есть, когда число наше искусными людьми

умножится и прибавится, тогда можно будетъ благополучнаго сему ожидать совершенія и вновь къ старому приумноженію. Довольно съ насъ нынѣ и сея единыя славы, что мы начинаемъ...

„Знаю, что трудно будетъ начало, но своя есть честь и начатію. Вѣдаю, что скучно будетъ продолженіе; но и съ тѣмъ громадная сопряжена слава. А изъ полезнаго окончанія колікая похвала, колікія благодаренія, колікія прославленія произойдти могутъ, кто сего не чувствуетъ? кто сего уразумѣть не можетъ? Одно-бъ развѣ сіе токмо отвратить отъ предпріятія насъ могло, что не надѣемся мы быть счастливы въ окончаніи, и что другимъ сей преславный жребій готовится, а не намъ....“

„Но, мой господа, для себя-ль единыя пчела сладкій медъ собираетъ, а и не для насъ? для себя-ль единого соболя драгоцѣнную носитъ одежду, а и не для насъ? не для себя и прекрасныя цвѣты благовоны, но для насъ. На что намъ завидовать счастію и славѣ другихъ въ окончаніи, когда довольно онаго и оныя съ насъ будетъ въ начатіи и въ продолженіи? Но хотя насъ и трудности устрашаютъ; однако начнемъ, а начавъ изъ того, вѣчто быть имѣетъ, по крайней мѣрѣ, поощреніе другимъ къ таковому дѣлу; не начиная же ничего, ничего и не будетъ....“

„Трудъ, мой господа, трудъ прилежный все побѣждаетъ... Вѣрите мнѣ, когда о трудѣ памятовать не станемъ, когда не для того будемъ жить, чтобъ не трудиться, но для того станемъ трудиться, чтобъ и по смерти не умереть; тогда нечувствительно пристрастимся къ тщанію, ревности и неусыпности“¹⁾.

Мы видимъ, какъ смѣло, рѣшительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромно приглашалъ Тредьяковскій своихъ сотрудниковъ приступить къ порученному имъ, важному и необходимому труду, отъ котораго ожидали очень важныхъ послѣдствій. Учреждая при Академіи Россійское Собраніе, баронъ Корфъ писалъ Академіи: „Полезныя оныя плоды, которые я отъ учрежденнаго Россійскаго Собранія въ исправленіи и въ приведеніи въ совершенство природнаго здѣшняго языка себѣ представляю, произведутъ первый свой корень въ обучающемся при здѣшней гимназій юношествѣ, а отъ онаго потомъ и во всемъ народѣ распространятся“.

Но указанныя Тредьяковскимъ трудности дѣйствительно оказались

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ, А. Куника, ч. 1, стр. 9—15.

для этих первых ревнителей русскаго слова непреодолимыми. Отъ Россійскаго Собранія не осталось никакихъ печатныхъ трудовъ.

Занявшись составленіемъ „весьма пространнаго *россійскаго лексикона*, съ толкованіемъ на трехъ другихъ языкахъ“, они довели его до буквы Р, но словарь не былъ оконченъ и остался въ рукописи. При участіи переводчика Андрея Богданова, Россійское Собраніе составило *другой словарь*, заключавшій въ себѣ болѣе 60.000 словъ, но и онъ напечатанъ не былъ.

А вскорѣ, какъ видно изъ донесенія Академіи Сенату въ 1743 году. „*Россійское Собраніе разрушилось*“, и члены его получили другое назначеніе. Мѣсто его заступилъ *переводческій департаментъ*, просуществовавшій тоже недолго и возобновленный впоследствии уже при императрицѣ Екатеринѣ II.

Существуютъ различныя мнѣнія о причинахъ „разрушенія“ этого собранія. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что оно погибло вслѣдствіе новости дѣла и недостатка способныхъ членовъ. Но существуетъ и другое мнѣніе, по которому причиною неудачи этихъ первыхъ ревнителей русскаго слова приходится считать интриги иноземной партіи, погубившей въ самомъ началѣ и другое важное учрежденіе — Академію ремеслъ.

Несмотря на постигнушую его неудачу, нельзя сказать, чтобы это первое, по времени, учрежденіе для научной обработки русскаго языка прошло совершенно безслѣдно. Съ одной стороны, въ числѣ заслугъ Россійскаго Собранія надо поставить пересмотръ и исправленіе русской азбуки, при чемъ нѣкоторыя лишнія буквы были исключены (зѣло, жица, кси); прибавлена ѣ, „въ несказанную исправность выговора“, какъ замѣтилъ Тредьяковскій, и надъ словами двоякаго значенія (напримѣръ, замокъ и замѣкъ) рѣшено ставить удареніе. „О сей прямому чтенію услугъ я уже не знаю, какъ сказать: велика она и выше моихъ похвалъ“, съ восторгомъ говорилъ Тредьяковскій (въ „Разговорѣ объ ороографіи“).

Съ другой стороны, участіе въ Россійскомъ Собраніи несомнѣнно отразилось на ученой дѣятельности одного изъ усерднѣйшихъ членовъ его — *В. К. Тредьяковскаго*. Известно, что ему принадлежать первые научные труды по *русской* грамматикѣ и теоріи поэзіи.

Онъ и принятъ былъ на службу въ Академію „въ достоинствѣ секретаря“, въ 1733 г., съ тѣмъ, „1) чтобы ему по возможности стараться о *чистотѣ словъ російскаго языка* какъ простымъ слогомъ, такъ и стихами; 2) давать лекціи, ежели то отъ него потребуется;

3) трудиться совокунно съ другими надъ лексикономъ; 4) окончить грамматику, которую онъ началъ дѣлать, также и переводить съ французскаго и латинскаго на російскій языкъ все, что ему дано будетъ¹⁾.

Заявившись грамматическими вопросами, онъ счелъ необходимымъ привести (въ Разговорѣ о правописаніи) мнѣніе Квинтиліана о важности грамматики: „Несносны по всему такіе люди, которые сію науку безчестяютъ, порицая, что будто есть изъ самыхъ мелкихъ и тонкихъ съ природы. Но ежели она не положитъ сперва твердаго основанія, то все прочее огромное учевій строеніе принуждено будетъ обрушиться и въ трески распасться... Того ради не должно презирать грамматическихъ первыхъ основаній и гнушаться ими: сіе-жъ не для того, что не великое и не важное дѣло согласныя буквы отличать отъ гласныхъ, и тѣ еще на полугласныя и безгласныя раздѣлять; но для того, что кто войдетъ во внутренность какъ бы священнаго ея храма, тотъ увидитъ тамъ премногія тонкости, которыя не токмо отроцескій разумъ изощрять могутъ, но и важнѣйшей мудрости и наукъ упражненіе дать находятся въ состояніи“.

Начавъ свои разсужденія о правописаніи съ разсмотрѣнія нашей азбуки, онъ прежде всего настаивалъ на необходимости освободить ее отъ излишнихъ буквъ и предлагалъ исключить, какъ ненужныя, буквы: ѵ, ѱ, ѿ, ѳ, ѵ, ѳ. И это не по пренебреженію къ буквамъ, а, напротивъ, изъ сознанія чрезвычайной важности хорошо и осмотрительно составленной азбуки.

„Въ буквахъ, въ буквахъ токмо вся состоитъ человѣческая вѣчность!“—съ восторженною увѣренностью восклицалъ онъ: „Самъ Вседержитель, изъявляя свою превѣчность, не единократно себя въ откровеніи Альфою и Омегою называетъ“.

Въ этомъ излишнемъ увлеченіи буквами, то-есть, мелочвою вѣщностью, нельзя не видѣть одного изъ доказательствъ того хаотическаго состоянія, въ какомъ находился тогда русскій языкъ и научное объ немъ понятіе въ умахъ даже передовыхъ и дѣйствительно знающихъ дѣло людей того времени. Съ другой стороны, не даромъ же Сумароковъ изобразилъ Тредьяковскаго педантомъ въ своемъ знаменитомъ Трисотиніусѣ. Педантизмъ, увлеченіе мелочами много вредили этому почтенному труженнику русской науки. Въ третьемъ номерѣ *Ежемислчныхъ сочиненій* 1755 г. помѣщены были двѣ статьи Тре-

¹⁾ *Москвитиникъ*, 1853, XV, 27.

дьяковского, въ которыхъ онъ въ первый разъ употребилъ придуманные имъ *черточки*, которыми онъ соединялъ слова, связанные общимъ смысломъ, отиѣчая главное по смыслу слово удареніемъ. Черточки эти онъ называлъ *единицами палочками* и говорилъ про нихъ: „*Сей есть секретъ новый и при томъ превесьма важный* для опредѣленія точности въ разумѣ“, или: „*Таинство сіе есть новое, но превесьма и нужное*“.

Переходя отъ буквъ къ вопросамъ правописанія, Тредьяковскій, желая показать важность ихъ, говорить: „Дѣдъ мой, пишучи буквы, отъ незнанія погрѣшалъ, а я, внукъ его, знаячи, погрѣшать не хочу“. И потому утверждалъ, что *русская орфографія должна быть русскою, а не чужою*, то-есть, не церковно-славянскою и не греческою. Исключаемыя имъ буквы потому и не нравились ему, что взяты съ греческаго и соотвѣтствовали звукамъ греческаго, а не русскаго языка. Напримѣръ, онъ говорилъ, что надо писать не по-церковно-славянски: *символь, евангеліе*, а по-русски: *символъ, евангеліе*, ибо таково произношеніе этихъ словъ. Въ правописаніи словъ производныхъ онъ также предлагалъ слѣдовать произношенію, а не происхожденію слова, и потому писалъ: *мерскій*, а не *мерзкій*, *унатка*, а не *упадка*, и т. п. На возраженіе же, что въ такомъ случаѣ корень слова не будетъ виденъ, онъ отвѣчалъ: „Что мнѣ нужды, что произведенія корень виденъ не будетъ? Старается ли о корняхъ все общество пишущихъ, которымъ невозможно писать безъ правилъ орфографическихъ?“ Впрочемъ, онъ самъ признавалъ, что это былъ вопросъ еще не рѣшенный; „Преважная сія задача—говорить онъ въ предисловіи къ Телемахидѣ,—правѣль орфографіи быть по кореню или по произношенію, и нынѣ еще не рѣшена, а можетъ быть, и во вѣки разрѣшена не будетъ. Разумъ побораеъ по выговору, и доказательства его всѣ превесьма тверды; по мудрованіе грамматиковъ стоитъ такъ-сякъ за корень“. Другимъ руководствомъ въ правописаніи Тредьяковскій ставилъ *употребленіе*.

„Употребленію (*usus*'у) да будетъ всегда повиновеніе“, говоритъ онъ; власть его надъ языкомъ „есть превеликая и, такъ сказать, не имѣющая предѣловъ“. Поэтому его надо предпочитать всѣмъ грамматическимъ правиламъ, ибо „не отъ правилъ произошло употребленіе, а отъ употребленія правила“. Но, говоря это, Тредьяковскій разумѣлъ не всякое употребленіе, а только такое, которое свойственно людямъ образованнымъ. Употребленіе же, существующее у людей не-

образованныхъ, есть не употребленіе, а заблужденіе, „которому родной отецъ есть незнаніе“.

Таковъ былъ и вообще взглядъ теоретиковъ XVIII вѣка, которые думали, что употребленіемъ можно пользоваться, какъ ходячею монетою. Руководствуясь такими ненадежными основаніями, Тредьяковский писалъ: *рассуждаю, нискій, праздника, непорядки, легкій, вообще, сообщеніе*. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ произношеніе приводило его и къ правильному написанію: боюсь, надѣюсь, вмѣсто боюся, надѣюся.

Въ оправданіе Тредьяковского надо сказать, что ему трудно было не ошибаться, ибо ему нечѣмъ было руководствоваться. Того богатого и твердаго основанія, какое даетъ намъ теперь сравнительное языкознаніе, въ его время еще не было. Самый вопросъ о церковнославянскомъ языкѣ, о его происхожденіи, особенностяхъ и объ отношеніи его къ русскому языку не только не былъ рѣшенъ, но даже не былъ еще и поставленъ.

И тотъ же Тредьяковский одинъ изъ первыхъ даетъ намъ какое-то смутное предчувствіе того пути, по которому пошло потомъ сравнительное языкознаніе. Въ разсужденіи *о первенствѣ славянскаго языка* онъ уже дѣлаетъ попытку, правда, до поразительности наивную, объяснить собственныя имена разныхъ иноплеменихъ народовъ изъ славянскихъ корней, и съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаетъ, что имя *Кельты*, происходитъ отъ слова *желты* (по цвѣту волосъ), *Иберы* — отъ уперы (упирающіеся въ моря, омывающія Испанію), *Германія* — отъ холманія (холмистая) или корманія (обилующая кормомъ), *амазонки* (то-есть, амазонки) — отъ омужены (мужественныя жены), *Италія* — отъ удалія (удаленная отъ сѣвера) или отъ выданія (выдающаяся), *Гетруски* — хитрушки, „ибо сіи люди въ наукахъ упражнялись“, и т. п. Сдѣлано было кое-что Тредьяковскимъ и по составленію русскаго словаря. Такъ, онъ пытался передавать иностранныя слова русскими терминами, и если мы встрѣчаемъ у него иногда и неудачныя и смѣшныя (напримѣръ, слово *скульпторъ* онъ передавалъ словомъ *болванщикъ*, въ баснѣ: „Лисица въ болванщикомъ сараѣ“), то гораздо больше находимъ у него удачныхъ русскихъ терминовъ и при томъ въ самой трудной философской области.

Въ „*Словѣ о премудрости, благоразуміи и добродѣтели*“ онъ сдѣлалъ первую попытку передачи русскими словами философскихъ терминовъ:

existentia—бытность.

substantia	—существо.
essentia	—сущность, естественность, сущность сущаго.
intelligentia	—разумность.
sensatio	—чувственность.
idea	—понятіе.
judicium	—разсужденіе.
ratiocinatio	—умствованіе.
combinatio idearum	—сочетаніе мыслей.
ens	—сущее вообще и т. п.

Насколько шатки еще были эти термины въ тогдашнемъ русскомъ языкѣ, показываетъ, съ одной стороны, двойкость русскихъ объясненій (напримѣръ, объясненіе слова *essentia*), а съ другой—то, что Тредьяковскій, сомнѣваясь въ точности и вѣрности своей передачи, присоединилъ къ своему „слову“ французскій переводъ латинскихъ и греческихъ терминовъ, „сдѣланный нарочно въ пользу умѣющихъ изъ нашихъ по-французски, для лучшаго имъ понятія оныхъ званій“.

Другой *словарный* трудъ Тредьяковского мы находимъ въ его знаменитой *Телемахидѣ*, въ примѣчаніяхъ къ которой онъ помѣстилъ *объясненія иностранныхъ и устарѣлыхъ словъ*. Изъ иностранныхъ онъ объяснялъ исключительно названія мнѳологическія (напримѣръ, зефиры, гиганты, эгиды, сатиры, мороей и т. п.). Примѣромъ же объясненій словъ устарѣлыхъ могутъ служить слѣдующія:

вина	—причина.
рѣяться	—порываться.
щегла	—мачта.
кормило	—руль.
рясны	—ризы.
багрець	—пурпуръ.
зографныхъ	—живописныхъ.
врѣя	—кипя.
вага	—тягость.
чванцы	—стаканы.
пѣстунъ	—дядька.
влаясь	—волнуясь.
ощадны	—скуповаты.
ощадство	—скупость, бережливость.

рамо	—плечо.
тулъ	—колчанъ.
выя	—шея.
треба	—жертва.
наляцали	—напрягали.
углѣбаешъ	—взянешъ.
угобзить	—дать изобиліе.
спѣдь	—пища.
рубъ	—холстина, полотно.
рожцы	—жолуди.
камо	—куда.
пробавить	—продолжать и т. п.

Сдѣлано было кое-что Тредьяковскимъ и для третьей задачи Россійскаго Собранія—для теоріи словесности. Онъ первый далъ теоретическое опредѣленіе героической поэмы, оды, комедіи; онъ же первый занялся вопросомъ о русскомъ стихосложеніи.

Наконецъ, ему же принадлежитъ и еще одна, весьма крупная заслуга въ исторіи *русскаго языка*, какъ языка литературнаго: *онъ первый высказалъ мысль объ употребленіи въ литературныхъ произведеніяхъ русскаго языка, а не церковно-славянскаго и первый осуществилъ эту мысль въ своемъ переводѣ французской повѣсти Тальмана: „Взда на островъ любви“.* Въ предисловіи къ этому переводу онъ говоритъ: „На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокомысленныя держитесь словенщины), что я оную не словенскимъ языкомъ перевелъ, *но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то-есть каковымъ мы межъ собою говоримъ.* Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ словенской у насъ есть языкъ церковный, а сія книга мирская. Другая: *языкъ словенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе ея наши читая не разумѣютъ;* а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третіе, которая вамъ покажется, можетъ быть, самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то-есть, *что языкъ словенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится,* хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми; но за то у всѣхъ я прошу прощенья, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ словенскимъ особымъ рѣчоточцемъ хотѣлъ себя показывать“.

Такимъ образомъ, задачи Россійскаго Собранія, хотя и въ очень

малой степени, но все-таки были осуществлены трудами одного изъ его членовъ.

Такъ началось изученіе *русскаго* языка. Дальнѣйшій, очень крупный и рѣшительный шагъ впередъ оно сдѣлало трудами другаго. болѣе, чѣмъ Тредьяковскій, даровитаго человѣка, *М. В. Ломоносова*.

Мы уже говорили, что до Ломоносова книжнымъ языкомъ былъ у насъ языкъ церковно-славянскій, или, лучше сказать, языкъ, представлявшій механическую смѣсь мертваго церковно-славянскаго языка съ живымъ русскимъ. Держась вѣками установившагося мнѣнія, что всякая *книга*, всякое *сочиненіе* должны быть написаны языкомъ церковно-славянскимъ, тогдашніе писатели не могли, однако, сохранять въ своихъ сочиненіяхъ всей чистоты и правильности церковно-славянскаго языка, ибо это былъ для нихъ языкъ мертвый, овладѣть которымъ можно было только путемъ теоретическаго его изученія. Но для такого изученія не было научныхъ средствъ, такъ какъ не было ни правильно составленной грамматики, ни хорошаго и полнаго словаря: „не изслѣдованное филологически, не опредѣленное строго законами грамматики, церковно-славянское нарѣчіе изучалось единственно *навыкомъ*: *начитавшись* ею, всякій почиталъ себя вправѣ писать на немъ или переводить на него“¹⁾.

Съ другой стороны, въ эту искусственную книжную церковно-славянскую рѣчь невольнo и неизбежно безпрестанно вторгался болѣе сильный, потому что живой, элементъ русскій, и образовалась механическая смѣсь, до того неудобопонятная, что люди XVII вѣка принимали написанныя такимъ слогомъ книги и проповѣди за сочиненныя на иностранномъ языкѣ.

Начавшееся въ первой половинѣ XVIII вѣка стремленіе замѣнить церковно-славянскій языкъ языкомъ русскимъ само собою поставило на очередь вопросъ: что же дѣлать съ языкомъ церковно-славянскимъ? Совеѣмъ ли отъ него отказаться или сохранить его, какъ неустранимую составную часть русскаго литературнаго языка? Вопросъ важный, ибо продолжительное, многовѣковое господство въ книгахъ языка церковно-славянскаго такъ сроднило съ нимъ книжную рѣчь, что совѣмъ обходиться безъ языка церковно-славянскаго, какъ въ произведеніяхъ литературныхъ, такъ и въ произведеніяхъ научныхъ было прямо невозможно. Но и сохранять за этимъ языкомъ его первен-

¹⁾ *Николай Вышеславскій*: О филологическомъ изслѣдованіи церковно-славянскихъ нарѣчій. С.-Иль. 1847, стр. 7—8.

стующее значеніе тоже оказывалось уже противнымъ потребностямъ живаго литературнаго языка, въ которомъ, съ появленіемъ наукъ и съ возникновеніемъ литературнаго творчества, все живѣе и живѣе ощущалось стремленіе освободиться отъ искусственныхъ рамокъ мертваго книжнаго церковно-славянскаго языка.

Ломоносовъ, съ гениальною чуткостью отзывавшійся на все запросы общественной мысли того времени, поразительно мѣтко разрѣшилъ этотъ вопросъ и въ своихъ филологическихъ сочиненіяхъ опредѣлилъ значеніе и достоинство обоихъ составныхъ элементовъ нашего литературнаго языка—церковно-славянскаго и русскаго.

Церковно-славянскій языкъ важенъ и даже прямо необходимъ для насъ по многимъ, весьма серьезнымъ причинамъ. Богатый отъ природы, онъ еще болѣе обогатился переводами съ греческаго. „Ясно сіе видѣть можно, говорить Ломоносовъ въ разсужденіи „О пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“, „выпнувшимъ въ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ и ѳисной Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ канонѣвъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и отсюда умножаемъ довольство російскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно“. „Сколько въ высокой поэзіи служить однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ російскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы. Сія польза наша, что мы приобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, какъ-выхъ лишены многіе языки“.

И дѣйствительно, выгоды эти очень мѣтко указаны Ломоносовымъ. Первая состоитъ въ томъ, что „народъ російскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя все того-жъ нѣмецкаго народа. Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо, хотя раздѣлены отъ насъ иноплемненными языками, однако для употребленія (то-есть, по причинѣ употребленія)

славянскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, россиянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашими нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взвѣвая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность" (потому что языкомъ церкви у поляковъ сдѣлался языкъ латинскій, а не славянскій).

Такимъ образомъ одна изъ важнѣйшихъ заслугъ церковно-славянскаго языка состоитъ въ томъ, что онъ содѣйствуетъ поддержанію единства и духовной, неразрывной связи какъ въ самомъ русскомъ народѣ, такъ и во всѣхъ славянскихъ племенахъ православнаго вѣроисповѣданія.

Такою же прочною связъ представляетъ церковно-славянскій языкъ и въ историческомъ отношеніи, потому что, именно благодаря принятому нашей церковью для богослуженія и для богослужебныхъ книгъ церковно-славянскому языку, „Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отиѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся чрезъ то время“.

Указавъ на такія важныя заслуги церковно-славянскаго языка. Ломоносовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же разсужденіи своемъ „О пользѣ книгъ церковныхъ“, окончательно, разъ навсегда, опредѣлилъ границы его употребленія, признавъ основнымъ языкомъ литературы живой языкъ русскій, но сохранивъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ обильный источникъ обогащенія этого живаго литературнаго языка, и языкъ церковно-славянскій, точно опредѣливъ, однако, предѣлы и случая его употребленія.

Воспользовавшись господствовавшею въ его время ложно-классическою теоріей о трехъ слогахъ, онъ предоставилъ, какъ и подобало, роль высокаго слога языку церковно-славянскому, но съ необходимыми оговорками: употреблять только такія церковно-славянскія слова, которыя „россиянамъ вразумительны и не весьма обветшала“; неупотребительныя же и обветшавшія церковно-славянскія слова прямо были исключены изъ языка литературнаго. Въ слогѣ среднемъ, который долженъ былъ состоять „изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ“, допускались имъ также и нѣкоторыя реченія славянскія, но опять „съ всею осторожностію, чтобы слогъ не казался *надутымъ*“.

Такіе же предѣлы положены имъ и живому народному русскому

языку, при употребленіи котораго должно остерегаться, „чтобы не опуститься въ подлость“, то-есть, не вводить въ литературныя сочиненія выраженій простонародныхъ, площадныхъ.

Такимъ образомъ, Ломоносовъ впервые ясно опредѣлялъ признаки хорошаго литературнаго слога. въ которомъ церковно-славянскій языкъ по необходимости долженъ занимать важное мѣсто, хотя его опредѣленіе и имѣетъ исключительно отрицательный характеръ: въ хорошемъ литературномъ слогѣ не должно употреблять, съ одной стороны, надутыхъ, обветшалыхъ и никому не понятныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій; съ другой — словъ простонародныхъ и площадныхъ. Въ этихъ предѣлахъ русскому литературному слогу предоставлялась полная и широкая свобода развитія.

Рѣшивъ такъ удачно вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ составныхъ элементовъ нашего литературнаго языка, Ломоносовъ, съ искреннимъ и горячимъ чувствомъ истиннаго патріота и поэта говорить:

„Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрять собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали естъ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особенное почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ, по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ смарательнымъ и остроумнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ Россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова неясности, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвѣргаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долю церковь Россійская славословіемъ Божиимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ“. Это твердое и непоколебимое убѣжденіе свое въ пользѣ и важности церковно-славянскаго языка

Ломоносовъ не разъ высказываетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ по языку—въ грамматикѣ и риторикѣ.

Коснувшись въ грамматикѣ вопроса объ ошибочномъ правописаніи нѣкоторыхъ словъ, онъ говоритъ: „сожалѣтельно, что для избѣжанія сихъ погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилежнаго ученія Россійской грамматикѣ и чтенія книгъ церковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быти не можетъ“ (§ 112).—Въ Риторикѣ главу 7-ю: „Объ изобрѣтеніи витиеватыхъ рѣчей“, онъ заканчиваетъ такими словами: „Для подражанія въ витиеватомъ родѣ слова тѣмъ, которые другихъ языковъ не разумѣютъ, довольно можно смекать примѣровъ въ славянскихъ церковныхъ книгахъ и въ писаніяхъ отеческихъ, съ греческаго языка переведенныхъ, а особливо въ прекрасныхъ стихахъ и канонахъ преподобнаго Іоанна Дамаскина и святаго Андрея Критскаго, также и въ словахъ святаго Григорія Назіанзина, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводъ съ греческаго не темень“ (§ 147).

Эта настойчивая и горячая защита Ломоносовымъ церковно-славянскаго языка очевидно вызвана была тѣми попытками навсегда изгнать его изъ нашего литературнаго языка, которыя обнаруживаются, напримѣръ, у Тредьяковскаго, признававшагося, какъ мы видѣли, что „языкъ славянскій его ушамъ жестоко слышится“. И, по всей вѣроятности, подъ влияніемъ именно этой горячей защиты, Тредьяковскій измѣнилъ свое мнѣніе о славянскомъ языкѣ и изъ гонителя сдѣлался его защитникомъ.

Вышучивая грамматическія нововведенія Тредьяковскаго, Сумароковъ написалъ на него сатиру, въ которой отмѣтилъ совершавшуюся въ языкѣ перемѣну отъ церковно-славянскихъ словъ и формъ къ русскимъ:

„Въ языкѣ что расиѣвъ, то надъ словами сила
(то-есть, удареніе);

Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы берези, но съ силой берёга,
И слыи съ онаго мы говоримъ слыи,—
Довольно кажутъ намъ толь ясныя доводи,
Что нашъ языкъ отъ и всегда ищѣтъ свободы;
Нашъ ужъ стало иль, коли ужъ стало колъ,
Изоли нынѣ всѣ вездѣ твердятъ изооль,
За слыи—слыи и слыи мы говоримъ за слыи,
На что-же, Трессотинъ, намъ тянешъ и не кстаети?“

Тредьяковскій отвѣтилъ своему литературному противнику тоже

стихотворною сатирой, въ которой обвинялъ Сумарокова въ томъ, что онъ смѣшиваетъ книжный языкъ съ разговорнымъ:

„Не знаю, кто нѣвцовъ въ стихъ вкинулъ сумасбродный,
 Но видно, что дуракъ и вертопрахъ негодный.
 Онъ красотой зоветъ, что есть языку вредъ:
 Или ямщицей вздоръ, или мужицкой бредъ.—
Пусть откинемъ онъ съ языкъ славянской намъ степенный,
 Престанетъ злобно врать и глушествомъ быть надменный;
 Увидить, что тамъ колъ не за колъ, но только
 Кладется—какъ и долгъ—въ количествѣ за сколько.
 Не юлосъ чтется тамъ, но сладостивѣйшій мазъ;
 Читають око всѣ, хотъ говорятъ всѣ мазъ;
 Не лобъ тамъ, но чело; не щекъ, но ланиты;
 Не зубы и не ротъ, уста тамъ багряниты;
 Не нмы тамъ и не салъ, но нмы и еолма
 Священна книга вся сихъ нѣжностей полна.
 Но гдѣ ему-то знать? онъ только что зѣваетъ,
Слѣжмъ онъ книгъ отнюдь, какъ видно, не читаетъ.
 За образецъ ему въ писемъ пирожный рядъ,
 На площади беретъ прегнусой свой нарядъ,
Не зналъ, что писать у насъ слѣдуетъ—иное,
 А просто говорить по-дружески—другое;
Славянской намъ языкъ есть правило не ложно,
Какъ книги чинно намъ писать, коли возможно.
 Въ гражданскомъ и доднесъ, однако не съ площадномъ,
 Съ славянскимъ по всему составу въ насъ одномъ,
Кто ближе подойдетъ къ сему съ словагъ избраннымъ,
 Тотъ и любѣе всѣмъ писецъ есть, и не въ страшныхъ.
 У нмншеъ то не такъ, ни у французовъ такъ;
 Имъ правенъ тотъ языкъ, кой съ общимъ самымъ схожъ.
Но нашей чистотъ вся мѣра есть славянской,
 Не щегольковъ, ниже и грубый деревенскій“¹⁾.

Въ этомъ своемъ отвѣтѣ Тредьяковскій, очевидно, переложилъ въ стихи всѣ основныя мысли Ломоносова, высказанныя имъ въ статьѣ о пользѣ книгъ церковныхъ; но, какъ человекъ, говорящій съ чужаго голоса, не могъ, въ сношеніи возродившемся усердіи къ славянскому языку, не впасть въ ошибки, которыхъ нѣтъ у его руководителя—Ломоносова: Тредьяковскій говоритъ, что „нашей чистотъ вся мѣра есть славянской“, тогда какъ Ломоносовъ именно чистоты-то и не признавалъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Въ своей Риторикѣ, коснувшись вопроса объ украшеніи слога „пристойными и избранными ре-

¹⁾ *Библиографическія Записки* 1859, столб. 517—519.

ченіями“ . онъ совѣтуетъ выбирать ихъ изъ хорошихъ книгъ, при чемъ прибавляетъ: „Что до чтенія книгъ надлежитъ, то передъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, *не для чистоты*“) (§ 165).

Но, защищая церковно-славянскій языкъ отъ несправедливыхъ попытокъ изгнать его совсѣмъ изъ употребленія, Ломоносовъ, все-таки, не призналъ возможнымъ сохранить за нимъ того первенствующаго значенія, какое онъ до тѣхъ поръ занималъ въ книжномъ языкѣ. *Основною* русскаго литературнаго языка Ломоносовъ справедливо призналъ живой народный языкъ, во всемъ его объемѣ и во всей разнообразности его нарѣчій и говоровъ ¹⁾, средоточіемъ котораго является нарѣчіе *московское*, какъ главное, при дворѣ и въ дворянствѣ употребительное, которое „не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отиѣнной красоты прочимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія, какъ А, много пріятнѣе“ ²⁾.

Признавъ первенство московскаго нарѣчія передъ остальными (то-есть, сѣвернымъ и украинскимъ), Ломоносовъ не вналъ, однако, въ крайность, и считалъ необходимымъ пользоваться, по мѣрѣ надобности, всѣми. Въ томъ же 111-мъ параграфѣ своей грамматики онъ указалъ и тѣ ошибки въ правописаніи, къ которымъ приводитъ московскій говоръ. Произнося О, какъ А, „московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи А вмѣсто О): *зачу* вмѣсто *хочу*, *завари* вмѣсто *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору *всѣмъ писать и печатать, то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно*“.

Въ § 114-мъ, по поводу попытокъ изгнать изъ азбуки букву ѣ, Ломоносовъ приводитъ тѣ основанія, по которымъ онъ считалъ это невозможнымъ; въ числѣ этихъ основаній было и то, что „*малороссія намъ*, которые и въ просторѣчій Е отъ Ъ явственно различаютъ, *будеть противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія*“. Вообще же онъ совѣтовалъ въ правописаніи держаться правила, чтобы оно „*не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ*, которые суть три: Московской, Сѣверной, Украинской“ (§ 108).

О свойствахъ и достоинствахъ *Русскаго языка* Ломоносовъ много

¹⁾ А. Будиловичъ, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

²⁾ Грамматика, § 111.

разъ говоритъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ. Такъ, еще въ 1739 г. онъ писалъ: „Я не могу довольно нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ“¹⁾).

Болѣе же подробно и обстоятельно онъ высказалъ свой взглядъ на русскій языкъ въ посвященіи своей Грамматики Наслѣднику, Великому Князю Павлу Петровичу: „Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій, не токмо обширностію имѣеть, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностранцамъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему, трудовъ прилагали. Но кто неупрежденный великими о другихъ мнѣніями простреть въ него разумъ и съ прилежаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Карлъ пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятельми, Италианскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если-бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашель бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италианскаго, сверхъ того, богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Точайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣють у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. *И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ.* Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море“.

¹⁾ А. Будиловичъ, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

Опредѣливъ свойства и составъ прозаическаго слога, Ломоносовъ рѣшилъ окончательно вопросъ и о нашемъ стихотворномъ слогѣ. Руководствуясь правилами, что 1) „Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить“, и 2) „чѣмъ Россійскій языкъ изобиленъ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того... не отнимать, но какъ собственное и природное, употреблять надлежитъ“, онъ утверждалъ, что „въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила (то-есть, удареніе), а прочіе всѣ коротки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показывается“.

На этомъ онъ и основалъ тоническое стихосложеніе. Такъ какъ, по свойству русскаго языка, одно и то же слово иногда имѣетъ удареніе, иногда же, въ ряду другихъ словъ, терлетъ его, то, по словамъ Ломоносова, „въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство, такъ что въ наши стихи безъ всякаго нужды (то-есть, не встрѣчая препятствій) двосложныя и троесложныя стопы внести, и въ томъ грекамъ, римлянамъ, нѣмцамъ и другимъ народамъ, въ версификаціи правильно поступающимъ, послѣдовать можемъ“.

Указавъ на коренное свойство русскаго стихосложенія, основаннаго на высотѣ и низкости, а не на долготѣ и краткости слоговъ, Ломоносовъ говоритъ: „Того ради совсѣмъ худо, и свойству славянскаго языка, который съ пышнѣшимъ нашимъ не много разнится, противно учинилъ Смотрицкій, когда онъ е, о за короткіе, а, і, у—за общія, ш, ѣ, ѡ, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ“.

Столь же неосновательнымъ призналъ Ломоносовъ существовавшее тогда правило, по которому въ русскихъ стихахъ допускались только однѣ женскія (то-есть, двусложныя) рѣзмы. „Россійскіе стихи, говоритъ онъ, красно и свойственно на *мужескія, женскія и три литеры мласныя въ себѣ имѣющія рѣзмы*, подобныя италіянскимъ, могутъ кончиться“. „Хотя до сего времени только однѣ женскія рѣзмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескія и отъ третьяго слога начинающіяся, заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуда, пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному

обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ польскимъ рѣмамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ польскія слова, выключая нѣкоторыя односложныя, силу надъ предкончаемомъ слогѣ имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третьемъ, коль надъ предкончаемомъ слогѣ имѣющихъ словъ находится: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣть, и только одними женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, тригласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія рѣмы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣ сія женскія рѣмы: *красовулять, ходулять*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ, смсокъ*, были? по моему мнѣнію, подлость рѣмы не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значать“.

Признавъ разнообразіе рѣмъ, Ломоносовъ достигъ чрезвычайнаго разнообразія стиха. „Понеже мы *мужескія, женскія и тригласныя* рѣмы имѣть можемъ; то улаждающая всегда человѣческія чувства переимѣна, оныя межъ собою переимѣнивать пристойно велить, что я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно. что всякому, кто одиѣ женскія рѣмы употребляетъ, сочетаніе и переимѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская рѣма передъ женской не показалася, какъ дряхлой, черной и девяносто лѣтъ старой арапъ передъ наклоняемою, нанѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сияющею Европейскою красавицею“.

Труды Ломоносова по усовершенствованію русскаго слова прекрасно заканчиваются (конечно, не въ хронологическомъ смыслѣ) его „*Краткимъ руководствомъ къ краснорѣчію*, книга 1-ая, въ которой содержится *риторика*. С.-Пб. 1748“. Источниками при составленіи этого руководства послужили Ломоносову риторики Клауссина, Помея и Готшеда. Слѣдовательно, по содержанію, это — сочиненіе не самостоятельное. Но громадное значеніе его въ развитіи русскаго литературнаго слога обусловливалось тѣмъ, во-первыхъ, что это была первая риторика на русскомъ языкѣ, ибо всѣ предшествовавшія ей писаны на латинскомъ языкѣ; а, во-вторыхъ, обиліе примѣровъ въ стихахъ и прозѣ, переводныхъ и оригинальныхъ, сдѣлали эту книгу

сборникомъ всего лучшаго въ тогдашней русской литературѣ и потому пригодною для чтенія книгой ¹⁾). Эти достоинства риторики Ломоносова тогда же были оцѣнены русскимъ обществомъ, и книга эта довольно быстро была раскуплена. Въ 1756 году Ломоносовъ просилъ Академію напечатать вновь его риторику, потому что „многіе де охотники почти ежедневно спрашиваютъ и желаютъ имѣть у себя... а въ книжной де лавкѣ за употребленіемъ оной въ продажу *ни одного экземпляра давно не имѣется*“. Къ сожалѣнію, Академія *не нашла возможнымъ* исполнить эту просьбу Ломоносова: подъ предлогомъ, что типографія завалена наборомъ новыхъ книгъ, рѣшено было „печатаніемъ той риторики обождать“.

Отличительную особенность всѣхъ сочиненій Ломоносова по языку составляетъ удивительная широта и многосторонность взгляда—признакъ истинно-научнаго отношенія къ предмету,—и, въ зависимости отъ этого, постоянное стремленіе избѣгать уродливыхъ крайностей.

По поводу изложенныхъ имъ въ риторикѣ правилъ о избрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей онъ говоритъ, напримѣръ: „Ни въ чемъ краснорѣчіе не утверждается на примѣрахъ и на чтеніи и подражаніи славныхъ авторовъ, какъ въ витіеватомъ родѣ слова; и нигдѣ больше не служитъ остроуміе и поворотливость разума, какъ въ семъ случаѣ; ибо не токмо сіе требуется, чтобы замыслы были нечаянны и пріятны, но, сверхъ того, *весьма остерегаться должно, чтобы за ними излишне знаясь не завратись*, которой погрѣшности часто себѣ подвергаютъ нынѣшніе писатели, для того, что они меньше стараются о важныхъ и зрѣлыхъ предложеніяхъ, о увеличеніи слова чрезъ распространенія или о движеніи сильныхъ страстей, нежели о витійствѣ“ (§ 146).

Видѣть съ тѣмъ, все, что онъ говоритъ, изложено кратко, но ясно, просто и полно. Вотъ, напримѣръ, какъ кратко и точно объясняетъ онъ, что такое *украшеніе рѣчи*: „Украшеніе есть избрѣтвенныхъ идей пристойными и избранными реченіями изображеніе. Состоитъ въ чистотѣ штиля, въ теченіи слова, въ великолѣпнн и силѣ онаго“ (§ 164).

„Первое зависить отъ основательнаго знанія языка, отъ частаго чтенія хорошихъ книгъ и отъ обхожденія съ людьми, которые говорятъ чисто. Въ первомъ способствуетъ прилежное изученіе правилъ грамматическихъ, во-второмъ выбирать изъ книгъ хорошихъ реченій, пословій и пословицъ; въ третьемъ стараніе о чистомъ выговорѣ при людяхъ, которые красоту языка знаютъ и наблюдаютъ. Что до чтенія

¹⁾ *Искаревскій*, Исторія Императорской Академіи Наукъ.

книгъ надлежить, то передъ прочими совѣтую держаться книгъ церковныхъ (для изобилія реченій, не для чистоты), отъ которыхъ чувствую себѣ немалую пользу. Сіе все каждому за необходимое дѣло почитать должно: ибо кто хочетъ говорить красно, тому надлежить сперва говорить чисто и имѣть довольство пристойныхъ реченій къ изображенію своихъ мыслей" (§ 165).

Наконецъ, еще одну и самую важную, особенность сочиненій Ломоносова, касающихся русскаго языка, преимущественно же его Риторикѣ и Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ, составляетъ серьезность и идеальная возвышенность взглядовъ, пронестекавшая изъ его искренней и глубокой вѣры, которая, какъ извѣстно, была однимъ изъ главныхъ источниковъ и его поэтическаго вдохновенія. Это обнаруживается какъ въ его любви къ чтенію церковныхъ книгъ, въ языкѣ и содержаніи которыхъ онъ признавалъ богатый запасъ поэтическихъ формъ рѣчи и высокихъ, облагораживающихъ идей и образовъ, такъ и въ его высокомъ понятіи о нравственныхъ обязанностяхъ писателя и объ облагораживающемъ значеніи литературныхъ произведеній.

Въ своей Риторикѣ, въ главѣ „О вымыслахъ“, онъ высказываетъ, напримѣръ, такой взглядъ на тогдашніе французскіе романы, въ такомъ изобиліи переводившіеся на русскій языкъ:

„Вымыслы раздѣляются на *чистые* и *смѣшанные*. Чистые состоятъ въ дѣлныхъ повѣствованіяхъ о дѣйствіяхъ, которыхъ на свѣтѣ не бывало, составленныхъ для нравоученія. Сюда надлежатъ изъ древнихъ авторовъ Езоповы притчи, Апулейева басня о золотомъ ослѣ, Петроніевъ сатириконъ, Лукіановы разговоры; изъ новыхъ Барклаева Аргенида, Гулливерова путешествіе по неизвѣстнымъ государствамъ и большая часть Еразмовыхъ разговоровъ. *Французскихъ сказокъ, которая у нихъ романами называются, въ числѣ сихъ вымысловъ положить не должно: ибо они никакого нравоученія въ себѣ не заключаютъ и отъ російскихъ сказокъ, какова о Бовѣ составлены, иногда только украшеніемъ штиля разнятся, и въ самой же вещи такая же пустошь вымышленная отъ людей, время свое тщетно препровождающихъ; и служатъ только къ развращенію нравовъ человеческихъ и въ вѣншему законнѣннѣ въ роскоши и плотскихъ страстяхъ“ (§ 151).*

Благодаря указаннымъ выше достоинствамъ своимъ, Риторика Ломоносова болѣе пятидесяти лѣтъ была главнымъ руководствомъ по теоретическому изученію словесныхъ произведеній, и еще въ 1806 году Севергинъ въ „Похвальномъ словѣ Ломоносову“ говорилъ о его

Риторикъ: „Правда, что правила изобрѣтенія идей, украшенія и расположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя. Но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семь поприщѣ лучшія проложилъ стези на руссiйскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ; и не взирая на оныя, любители словесности не престають донынѣ читать его *Риторику* и образовывать себя по оной. Ибо никто почти не былъ столь счастливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ, и вообще въ украшеніи и расположеніи. Здѣсь должны мы наипаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые неподражаемы“.

Кромѣ напечатанныхъ трудовъ по языку, въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова мы находимъ указанія, что онъ занимался разработкою и нѣкоторыхъ, хотя частныхъ, но важныхъ вопросовъ въ области тогдашняго литературнаго языка нашего. Мы видѣли, что не малой заслугой церковно-славянскаго языка онъ считалъ то, что при его помощи „отвратятся дикія и странныя слова нечѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ“.

Каковы же были *нечѣпости*, порождавшіяся входившими въ нашъ языкъ и для большинства малопонятными иностранными словами, показываютъ слѣдующіе случаи, разказанные В. Н. Татищевымъ.

По поводу рѣчи Тредьяковскаго при открытіи руссiйскаго собранія, Татищевъ написалъ ему письмо, въ которомъ возставалъ противъ многихъ лишнихъ буквъ въ азбукѣ (зело, щ, кси) и противъ иноязычныхъ словъ. Чтобы показать вредъ отъ употребленія непонятныхъ иностранныхъ словъ, онъ разказываетъ такіе случаи:

Во время Прутскаго похода 1711 года одинъ капитанъ, посланный съ отрядомъ драгунъ на р. Днѣстръ, съ приказаніемъ „стать ему ниже Каменца и выше Конецъ Поля въ *авантажномъ мѣстѣ*“, шелъ болѣе шестидесяти миль, поморилъ болѣе половины лошадей, но аванажнаго мѣста (то-есть, по-польски — города) не нашелъ, о чемъ и донесъ своему начальству.

Другой случай еще смѣшнѣе. Въ томъ же 1711 году на р. Прутѣ одному отряду войска данъ былъ приказъ о фуражировкѣ, въ которомъ сказано было, „перво маршируетъ подполковникъ *с'бедекенъ*, за нимъ фуражиры, а маршъ заключаютъ драгуны“. Сборъ назначенъ былъ въ 5 часовъ утра. Къ назначенному часу всѣ собрались и стали

ждать подполковника Сбедекена, которому надо было, по приказу, открывать шествіе. Продали этого Сбедекена до полудня, искали его въ другихъ частяхъ войска и наконецъ узнали, что никакого подполковника Сбедекена нѣтъ, и что самое это слово вовсе не фамилія, а означаетъ прикрытіе.

Вопросъ о наполнявшихъ въ то время нашъ языкъ иностранныхъ словахъ сильно занималъ Ломоносова, и онъ готовилъ особую статью „О чистотѣ языка“ (сохранившуюся въ его черновыхъ бумагахъ), въ которой онъ хотѣлъ затронуть вопросъ *объ употребленіи иностранныхъ словъ*, обиліе которыхъ въ русскомъ языкѣ онъ считалъ злоупотребленіемъ. Онъ даже указалъ и путь, какимъ проникали въ нашъ языкъ иностранныя слова. По его мнѣнію, совершалось это семью способами:

- 1) Съ первыми варяжскими князьями (напримѣръ, берлога).
- 2) Съ православною греческою вѣрою (попъ, пономарь, риза).
- 3) Отъ татаръ (карауль, базарь).
- 4) Путемъ торговыхъ сношеній съ персами, китайцами, англичанами, голландцами и проч.
- 5) Отъ введенія наукъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ (галлицизмы, германизмы).
- 6) Черезъ сообщество съ поляками (напримѣръ, превосходная степень на *пѣтій, айшій*, „которая русскому слуху непріятна“).
- 7) Отъ пограничныхъ народовъ.

Въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносовъ, заботясь о чистотѣ русскаго языка и о его обогащеніи новыми понятіями, старался передавать иностранныя техническіе термины русскими словами, которыхъ много можно найти въ его *Металлургіи* и въ его переводахъ физики Вольфа и астрономической статьи Гейзіуса, напримѣръ:

theoria	— размышленіе.
praxis	— дѣйствіе.
theoreticus	— мысленный.
(У Тредьяковскаго: умозрительный).	
practicus	— дѣйственный.
(У Тредьяковскаго: дѣятельный).	
imaginatio	— мечтаніе.
(У Тредьяковскаго: образованіе).	
planta	— изращеніе.
belles lettres	— словесныя науки.

Какъ въ оправданіе этихъ нововведеній, онъ, въ предисловіи къ переводу сокращенной экспериментальной физики Вольфа, вышедшему въ 1746 году, говорить:

„Принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которыя хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они современемъ чрезъ употребленіе знакомѣе будутъ“.

Подводя итогъ тому, что сдѣлано Ломоносовымъ для русскаго литературнаго языка, мы можемъ сказать, что, не будучи языковѣдомъ по всегдашнимъ своимъ занятіямъ, онъ, тѣмъ не менѣе, и въ этой области является настоящимъ *начало положникомъ*, потому что его *Письмо о правилахъ російскаго стихотворства, Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ, Риторика и Грамматика* — окончательно рѣшили вопросъ о русскомъ литературномъ слогѣ.

Ясно различая церковно-славянскій языкъ не только отъ современнаго ему русскаго языка, но и отъ древне-русскаго, который онъ называлъ гражданскимъ и который сохранился въ „печатныхъ и рукописныхъ гражданскихъ книгахъ, великороссіянами сочиненныхъ, каковы суть уложеніе, указыныя книги, и тому подобныя“, Ломоносовъ окончательно опредѣлилъ границы употребленія церковно-славянскаго языка, признавъ основой русскаго литературнаго языка *живой русскій народный языкъ*, съ московскимъ нарѣчіемъ во главѣ. Церковно-славянскій же языкъ остался, какъ неисчерпаемая сокровищница, завѣщанная намъ предками для постоянного обогащенія живой народной рѣчи, съ одной стороны, и какъ неизбежная опора русскаго правописанія—съ другой, ибо, говоритъ Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, „тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ“.

Вспоминая благодарною памятью нашихъ ревнителей русскаго слова, нельзя пройти молчаніемъ знаменитаго А. П. Сумарокова, писателя, хотя и не занимавшагося научно русскимъ языкомъ, но высказавшагося, какъ умѣлъ, по разнымъ волновавшимъ тогдашній ученый кругъ нашъ грамматическимъ вопросамъ.

Какъ одинъ изъ крупныхъ представителей русскаго слова того времени, онъ съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ относился къ родной рѣчи и постоянно настаивалъ на необходимости беречь ея чистоту и самобытность.

Не рѣшаясь, среди тогдашнихъ споровъ по разнымъ грамматическимъ вопросамъ, стать окончательно на чью либо сторону, онъ пред-

почиталъ держаться выжидательнаго образа дѣйствій и потому писалъ (въ статьѣ: „Къ типографскимъ наборщикамъ“ въ *Трудолюбивой Пчелѣ*):

„Я, по одному только собственному моему произволенію никакихъ себѣ правилъ не предписываю, и не только другимъ, но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ“.

Въ оправданіе такой его осторожности и нерѣшительности, надо вспомнить, что онъ разказываетъ о своемъ писательскомъ поприщѣ въ *Трудолюбивой Пчелѣ* (въ статьѣ: „Къ бессмысленнымъ рѣшотворцамъ“):

„Я будто сквозь дремучій лѣсъ, скрывающій отъ очей жилище Музъ, безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину, но его увидѣлъ я уже тогда, когда вышелъ изъ сего лѣса, и когда Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ французъ и въ русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленіе не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою того склада ни стиховъ, ни прозы не долженъ я никому, кромѣ себя; да долженъ я за первыя основанія въ русскомъ языкѣ отцу моему, а онъ тѣмъ долженъ Зейкему, который выписанъ былъ отъ Государя Императора Петра Великаго въ учителя къ господамъ Нарышкинымъ и который послѣ былъ учителемъ Государя Императора Петра II-го“.

При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ страннаго, что Сумароковъ писалъ безграмотно: чево, моево, етова, севодни; въ словахъ: дверь, бредъ, брежу, вредъ, ревновать, ревнивый, чей—писалъ ѣ, и тому подобное. Мы видѣли, что онъ связывать себя неопредѣленными и еще не установившимися грамматическими правилами не желалъ, и потому писалъ по слуху, перековеркивая даже иностранныя слова, правописаніе которыхъ должно было быть ему извѣстно; напримѣръ. слово корреспонденція онъ писалъ каришпаденція.

Вопросы правописанія были въ то время главнѣйшими; ими занималась и здѣшняя Академія Наукъ, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ. Высказался по этимъ вопросамъ и Сумароковъ въ статьѣ: „О правописаніи“, въ которой встрѣчаемъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній, напримѣръ, о правописаніи приставокъ воз— и раз—, о не правильности сокращенія слова *нынѣ* въ *нынѣ*, ибо *н* въ *ѣ* не превращается, о необходимости не смѣшивать частицы *не* и *ни*. Говори объ окончаніяхъ степеней сравненія, онъ утверждалъ, что счетъ и мѣра степеней не имѣютъ, и потому если говорить *первейшій*, по-

слѣднѣйшій, главнѣйшій, то можно говорить и *трезвуднѣйшій, трехаршиннѣйшій*. Введенныхъ Тредьяковскимъ удареній надъ словами Сумароковъ не признавалъ и въ своей *Трудолюбивой Пчелѣ*, по совѣту сотрудниковъ своихъ Казницкаго и Мотониса, ихъ исключилъ. Ударенія эти Тредьяковскій называлъ *силой*. Возражая ему и доказывая ненужность удареній, Сумароковъ (въ статьѣ: „Къ типографскимъ наборщикамъ“) ссылаясь на иностранные языки, въ которыхъ удареній не ставится.

„Лучше ставить силу надъ словами *чужестранными*“, говоритъ онъ, „въ которыхъ намъ нѣтъ нужды и которыя присвоены быть не могутъ, и для того изъ силою почтять, что они силою въехали въ языкъ нашъ и которыя трудно выжить, потому что десять человекъ выталкиваютъ, а многія ихъ тысячи вводятъ. Это мнѣ смѣшно, что мы *отаскиваемъ чужія слова*, а то еще и смѣшнѣе, что тому немногіе смѣются, хотя языкъ народа и не послѣднее дѣло въ народѣ“.

Въ дополненіе къ этимъ словамъ Сумарокова можно припомнить сказанное извѣстнымъ писателемъ—историкомъ Болтиннымъ: „Въ царствованіе императрицы Елизаветы *введено было въ языкъ русскій множество словъ французскихъ не по нуждѣ*, о по буйственному пристрастію ко всему, что называется французскимъ; но... чуждыя тѣ слова въ писаніе не были введены, понеже употребляли ихъ по большей части люди *безграмотные*“¹⁾.

Сумароковъ вообще былъ противъ безполезнаго заимствованія чужихъ словъ и даже написалъ особую статью: „*О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка*“, въ которой утверждалъ, что „воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка.... Какая нужда говорить вмѣсто плоды—фрукты, вмѣсто опахало—вѣеръ, вмѣсто епанечка—мантилья, и т. д. „Сказывано мнѣ, что нѣкогда нѣмка Московской нѣмецкой слободы говорила: Mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Это смѣшно, да и это смѣшно: Я въ дистракція и въ дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я пурсюръ противъ ривалья своего буду реванжироваться“²⁾.

На эту же тему написана Сумароковымъ и басня: „*Порча языка*“, въ которой онъ даетъ такой совѣтъ:

¹⁾ *Будилосичъ*, Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ.

²⁾ *Трудолюбивая Пчела* 1759, январь.

„Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не глумайся
И не вводи въ него
Чужаго ничего,
Но собственной своей красою украмайся“.

Въ статьѣ „Сонъ“, въ „Челобитной Мельпоменѣ на иноплеменниковъ, утѣсняющихъ Россійскихъ Музъ“, Сумароковъ говоритъ:

„Прекрасный и вѣхъ европейскихъ языковъ ко исполненію нашей (то-есть, писателей) должности способнѣйшій языкъ Россійскій *отъ иноплеменническихъ нарѣчій и отъ иноплеменническаго склада часть отъ часу въ худшее приходитъ состояніе*“.

Ревнуя о русскомъ языкѣ, мечтая возвести его на высшую степень совершенства, Сумароковъ, въ „*Эпистола о русскомъ языкѣ*“ говоритъ:

„Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у грековъ,
Какой у римлянъ былъ, и, слѣдуя въ томъ нѣтъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италия и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французской,
Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ русской.
Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ“.

Про тогдашнихъ любителей говорить на иностранныхъ языкахъ и влетать въ русскую рѣчь иностранныя слова, Сумароковъ, въ томъ же стихотвореніи, говоритъ:

„Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По-русски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только смѣчь“.

Въ статьѣ „Къ типографскимъ наборщикамъ“ онъ жалуется, „что мы свой выговоръ и языкъ портимъ намъ рени, и во всякихъ обстоятельствахъ пѣмецкой и французской языкъ прекрасному своему языку предпочитаемъ, котораго красоты многіе и не знаютъ“.

Такія жалобы неоднократно встрѣчаются у Сумарокова. Въ статьѣ: „*О коренныхъ свойствахъ Русскаго языка*“ онъ говоритъ:

„На что-жъ намъ чужія слова вводить, когда мы, по естеству и по примѣру предковъ нашихъ, своихъ изъ первоначальныхъ словъ довольно произвести можемъ? Чужія слова всегда странны будутъ, и знаменованія ихъ не такъ изъяснительны, и слѣдственно введутъ слабость и безобразіе въ сильный и прекрасный языкъ нашъ. А то еще и страннѣе, когда мы то называемъ или и пишемъ иностранными словами, чему у насъ есть точныя свои названія, и имѣя древ-

ній и не смѣшанный языкъ, портя его, слова изъ новыхъ и смѣшанныхъ вводимъ... Французскій языкъ всею своею красотою остроумнымъ писателямъ долженъ, а нашъ самъ собою прекрасенъ; и ежели умножатся у насъ стихотворцы и риторы, а при томъ по времени такое же, какъ у французовъ, учредится для исправленія и распространенія языка собраніе, счастливы будутъ писатели потомковъ нашихъ" ¹⁾).

Такимъ образомъ, Сумароковъ пришелъ къ совершенно вѣрной мысли, что для сохраненія, очищенія и усовершенствованія родной рѣчи нашей необходимо учредить особое общество, которое соединенными силами гораздо успѣшнѣе можетъ бороться съ встрѣчавшимися на каждомъ шагѣ въ данномъ вопросѣ затрудненіями.

Ту же мысль онъ повторилъ потомъ въ челобитной Мельпоменѣ: „О заведеніи ученаго словесныхъ наукъ собранія, въ которомъ бы старались искусные писатели о чистотѣ русскаго языка и о возвращеніи русскаго краснорѣчія, иноплеменики, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ русскому парнасу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны; ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣть не могутъ; да и подъ игомъ иноплемениковъ науки успѣховъ имѣти не могутъ“.

Здѣсь, очевидно, Сумароковъ имѣеть въ виду тѣхъ иноплемениковъ, которые, въ качествѣ академикомъ и профессоромъ, разрабатывали въ Россіи науку и просвѣщали русское юношество на всевозможныхъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ только одного русскаго. За исключеніемъ нѣсколькихъ, весьма немногихъ почтенныхъ именъ, иноземцы эти составляли тѣсно сплоченное сообщество, которое, какъ чужеродное растеніе, высасывало изъ нашего общественнаго тѣла лучшіе соки. Противодѣйствіе отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ одиноко, безъ поддержки сочувствующаго имъ общества, не только такихъ, какъ Тредьяковскій и Сумароковъ, но даже и такихъ самоотверженныхъ, твердыхъ и рѣшительныхъ, какъ Ломоносовъ, посвятившій всю жизнь свою на борьбу „съ непріятелями наукъ русскаго“, не могло привести къ сколько нибудь опредѣленнымъ и окончательнымъ послѣдствіямъ. Очевидно, дѣлу недоставало твердой почвы; ревнителямъ русскаго слова не на что было опереться.

Наконецъ, основанъ былъ Московскій университетъ, и съ нимъ

¹⁾ Трудодлюбилал Пчела, 1759, февраль.

явилась, наконецъ, и та твердая почва, на которой усилія сторонниковъ русской самобытности вообще и свободнаго, естественнаго развитія родной нашей рѣчи въ частности должны были найти точку опоры, пустить корни и дать роскошные плоды. Что тогдашніе русскіе люди, руководствуясь чувствомъ народнаго самоуваженія, такъ именно и поняли значеніе вновь основаннаго образовательнаго учрежденія, обнаружилось тотчасъ же, въ самый годъ открытія университета. Хотя въ Высочайше утвержденномъ проектѣ Шувалова объ учрежденіи Московскаго университета и было сказано (§ 9): „Всѣ публичныя лекціи должны предлагаемы быть либо на *латинскомъ*, либо на *русскомъ* языкѣ, смотря какъ по приличеству матерій, такъ и потому, иностранннй ли будетъ профессоръ или природный русскій“ (Поля. Собр. Зак. т. XIV), но вслѣдствіе того, что первые профессора Московскаго университета были почти всѣ иностранцы, въ преподаваніи употреблялись языки иностранныя, — латинскій, французскій, нѣмецкій, — что, конечно, весьма затрудняло слушателей.

Въ 1757 году поступилъ, напимѣръ, въ Московскій университетъ профессоръ математики и физики, Иванъ Акимовичъ Ростъ, который зналъ восемь языковъ: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій и испанскій, но не зналъ русскаго. Когда австрійскій императоръ Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, бывши въ Москвѣ, посѣтилъ университетъ и былъ, между прочимъ, на лекціи Роста, то послѣдній спросилъ его: *на какомъ языкѣ его величеству угодно слушать лекцію?* Императоръ избралъ языкъ итальянскій и остался весьма доволенъ краснорѣчивымъ изложеніемъ профессора (Слов. профес. Моск. унив., II, 367).

Къ счастью, въ самый годъ основанія университета (1755) вступилъ въ него профессоромъ философіи *ученикъ Ломоносова* Николай Никитичъ *Поповскій*, извѣстный переводчикъ „Опыта о человѣкѣ“ Поппа.

Передъ началомъ лекцій онъ произнесъ *вступительную рѣчь* (напечатанную въ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ*, 1755, авг.). Въ ней онъ возставалъ противъ исключительнаго употребленія въ философіи латинскаго языка и утверждалъ, что ее, какъ самую главную науку, надо читать на языкѣ отечественномъ.

„Кто хочетъ научиться философіи, говорилъ онъ, тотъ долженъ искать стараго Рима, или, яснѣе сказать, долженъ пять или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелый до ступъ! Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь много латинскій

языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ обратившихся уже Римлянъ разговоръ довольно наскучилъ. Она весьма соболъзнуеть, что при первомъ свиданіи никто полезнѣйшими ея совѣтами наслаждаться не можетъ. Дѣти ея, ариметика, геометрія, механика, астрономія и прочія, съ народами разныхъ языковъ разговариваютъ, а мать, страствовавши чрезъ толикое множество лѣтъ по толь многимъ странамъ, ни одного языка не научилась! Наука, которая рассуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ, который, можетъ быть, и десятой части ея разумѣнія не вмѣщаетъ? Коль далеко простирается ея понятіе, въ коль многихъ странахъ обрѣтаются тѣ вещи, которыя ея подвержены разсужденіямъ, толь многіе языки ей приличны. Въ семъ случаѣ, всего досаднѣе то, что многимъ наукамъ, изъ которыхъ нныя и не всякому могутъ быть полезны, всякій человѣкъ на своемъ языкѣ обучаться можетъ: напротивъ того, у философіи, которая предписываетъ общія пути и средства всему человѣческому благополучію, никто не можетъ истребовать совѣта, когда не научится по латынѣ“.

Поэтому, Поповскій, уже совершившій свой переводъ „Опыта о человѣкѣ“, въ которомъ удачно передалъ по русски многія отвлеченныя понятія, *настаивалъ на необходимости преподавать философію по русски*. „Вѣкъ философіи не кончился съ Римомъ,— говоритъ онъ въ той же вступительной рѣчи, „она со всѣми народами послѣдующихъ вѣковъ на ихъ языкѣ разговаривать не отречется; мы причиняемъ ей великій стыдъ и обиду, когда думаемъ, будто она своихъ мыслей ни на какомъ языкѣ истолковать, кромѣ латинскаго, не можетъ. Прежде она говорила съ греками; изъ Греціи переманили ее римляне; она римскій языкъ переняла весьма въ короткое время, и несмѣтною красотой разсуждала по римски, какъ не задолго прежде по гречески. Не можемъ ли и мы ожидать подобнаго успѣха въ философіи, какой получили римляне?... Что же касается до изобилія русскаго языка, въ томъ предъ нами римляне похвалиться не могутъ. *Нѣтъ такой мысли, кою бы по русскаму изъяснить было невозможно*. Что-жъ до особенныхъ надлежащихъ къ философіи словъ, называемыхъ терминами, въ тѣхъ намъ печего сомнѣваться. Римляне по своей силѣ слова греческія, у конхъ взяли философію, переводили по римски, а конхъ не могли, тѣ просто оставляли. По примѣру ихъ то-жъ и мы учинить можемъ... Итакъ, съ Божиимъ споспѣшествованіемъ начнемъ философскіе не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ изъ всей Россіи, или нѣскольکو

человѣкъ, но такъ, чтобы каждый, россійскій языкъ разумѣющій, могъ удобно ею пользоваться“¹⁾).

Эти ясныя и основательныя разсужденія Поповскаго мало помогли, однако, дѣлу и повлекли даже для самого автора много непріятныхъ столкновеній съ его товарищами—иностранными: Дильтеемъ, Фроманомъ, Керштенсомъ и Шаденомъ. Споръ этотъ тянулся болѣе десяти лѣтъ и только въ 1767 году рѣшенъ вмѣшательствомъ самой императрицы Екатерины II. Прибывъ въ Москву на открытіе комиссіи о сочиненіи новаго уложенія, она, по докладѣ ей этого дѣла, приказала читать въ университетѣ лекціи на рускомъ языкѣ, о чемъ и было тогда объявлено въ газетахъ. Но этимъ высочайшимъ указомъ окончень былъ только споръ между профессорами. На дѣлѣ же долго еще и послѣ этого преподаваніе и публичныя лекціи въ университетѣ происходили на иностранныхъ языкахъ—латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ.

Но взгляды Поповскаго все-таки не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Они нашли горячую поддержку въ одномъ изъ кураторовъ Московскаго университета, Иванѣ Ивановичѣ Меллессино, по мысли котораго осуществилось, наконецъ, страстное желаніе всѣхъ тогдашнихъ почитателей самобытной русской мысли и самобытной русской рѣчи, и при Московскомъ университетѣ образовалось общество, на необходимость котораго указывалъ, какъ мы видѣли, Сумароковъ, общество, имѣвшее цѣлью научную обработку русскаго языка.

Въ іюнѣ 1771 года было напечатано и разослано слѣдующее объявленіе: „Императорскій Московскій университетъ, почитая распространеніе наукъ между прочимъ за главный свой предметъ и за дѣло не меньше благоугодное ея императорскому величеству, августѣйшей россійскихъ музъ покровительницѣ, какъ и полезное всему отечеству, вознамѣрился для исправленія и обогащенія россійскаго языка, чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою, учредить въ Москвѣ *Вдѣльное Россійское Собраніе*“. Далѣе члены приглашались сообщать въ собраніе свои сочиненія на россійскомъ или на иностранномъ какомъ языкѣ, также и переводы съ иностранныхъ языковъ на россійскій, для помѣщенія въ повременномъ изданіи собранія (статьи на иностранныхъ языкахъ, конечно, въ переводѣ). Матеріаломъ для статей и для повременнаго изданія могли быть историческіе акты и бумаги,

¹⁾ Слов. проф. Моск. ун-въ., II, 309—310.

хранившіеся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ. Это будетъ содѣйствовать приведенію въ совершенство русской исторіи, а также исторіи законоискусства русскаго. *„Исправленіе оне и совершеніе русскаго языка имѣетъ составлять особый предметъ сего собранія; а сочиненіе правильнаго русскаго словаря по азбукѣ будетъ первый присутствующихъ трудъ“*.

„Побудитель къ заведенію вольнаго сего русскаго собранія“ былъ кураторъ Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино. Директоръ университета М. Б. Приклонскій назначенъ былъ постояннымъ членомъ, а университетская библіотека „для употребленія сему собранію отворена будетъ“.

Любители наукъ, „а особливо русскаго слова“, желающіе вступить членами въ это собраніе, приглашались заявить объ этомъ директору университета. Доставлять собранію статьи для помѣщенія въ повременномъ изданіи могли и постороннія лица ¹⁾.

Первое засѣданіе собранія назначено было 2-го августа 1777 г. въ университетской библіотекѣ.

Въ немъ было рѣшено, что засѣданія будутъ происходить ежедневно по субботамъ, отъ 3—6 или отъ 4 до 7 час. вечера. Всѣ профессора университета признаны вмѣстѣ съ тѣмъ и членами собранія. Предсѣдателемъ назначенъ одинъ изъ кураторовъ университета, и первымъ избранъ былъ, конечно, основатель собранія, Ив. Ив. Мелиссино. Помощникомъ или намѣстникомъ собранія назначенъ директоръ университета. Оба — для доставленія „необходимой всякаго рода помощи сему собранію отъ университета“.

Разразившаяся въ этотъ годъ надъ Москвою чума прервала дѣятельность собранія въ самомъ началѣ, но по прекращеніи эпидеміи засѣданія возобновились, „при чемъ дѣлами различныя опыты къ сочиненію Русскаго словаря“, и рассматривался *церковный словарь* П. Алексѣева, который, по напечатаніи, поднесенъ былъ императрицѣ.

Къ архіереямъ и другимъ духовнымъ особамъ обратились письменно съ просьбой *о сообщеніи собранію рѣдкихъ словъ, въ ихъ вѣдомствахъ употребительныхъ, а въ Москвѣ малозвѣстныхъ*, также лѣтописей и другихъ извѣстій историческихъ. Отъ многихъ лицъ дѣйствительно получены были сообщенія, разныя сочиненія и не

¹⁾ „Опытъ трудовъ Вольнаго русскаго собранія“, ч. 1-я, 1774 г. Предупрежденіе о началѣ, распоряженіяхъ и нынѣшнемъ состояніи Вольнаго русскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

мало книгъ, и все это хранилось для помѣщенія въ повременномъ изданіи собранія. Собраніе и приведеніе въ азбучный порядокъ реченій для *общаго словаря* поручено было одному изъ членовъ, а собраніе его работу обсуждало.

Собраніе задумало также издать и *географическій словарь*, для чего напечатало и разослало архіереямъ и губернаторамъ окружное письмо, съ просьбой приложенный къ письму экземпляръ Географическаго словаря *Θ. Полунина* просмотрѣть и дополнить. На это отъ многихъ особъ собраніе получило „весьма благосклонныя отвѣтствія и снабженія“¹⁾.

Въ числѣ членовъ этого собранія, кромѣ профессоровъ университета, мы встрѣчаемъ имена многихъ высокопоставленныхъ лицъ и писателей: гр. П. Б. Шереметева, кн. П. И. Репнина, кн. С. М. Голицына, кн. С. Б. Мещерскаго, кн. Н. С. Долгорукова, кн. Н. И. Одоевскаго, кн. М. М. Щербатова, кн. Г. А. Потемкина, кн. Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова, М. И. Веревкина, Гер. Миллера, протоіерея П. А. Алексѣева, Н. И. Новикова, В. Г. Рубана, М. М. Хераскова, В. И. Майкова, Д. И. Фонъ-Визина, гр. Д. И. Хвостова, *Θ. О. Туманскаго*, И. П. Тургенева, И. В. Лопухина, С. И. Гамален, А. П. Сумарокова и многихъ другихъ.

При открытіи собранія, 2-го августа 1771 г., предсѣдатель его, *Ив. Ив. Мелиссино* сказалъ рѣчь, напечатанную въ 1-мъ томѣ „Трудовъ“.

Упомянувъ о собраніяхъ ученыхъ людей у древнихъ народовъ, авторъ говоритъ о паденіи наукъ въ средніе вѣка, когда „языкомъ науки были языки греческій и латинскій“. „Сіе долговременное ученіе чужестранныхъ и мертвыхъ языковъ, по точному изслѣдованію, единственнымъ было препятствіемъ, *что науки въ Европѣ не могли заблаговременно распространяться*. Усмотрѣли сіе наконецъ нѣкоторые народы; и хотя они думали, что природный языкъ удобнымъ быть можетъ для ученія средствомъ, однако въ семъ мѣстѣ были они осторожны: ибо не оставляли совсѣмъ ученыхъ языковъ, зная, сколь оны нужны къ достиженію наукъ на природномъ языкѣ“.

Въ этихъ словахъ нельзя не признать искусной попытки примирить двѣ враждовавшія въ то время партіи профессоровъ: русскую и

¹⁾ Всѣ свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности вольнаго русскаго собранія извлечены изъ его протоколовъ, напечатанныхъ въ его повременномъ изданіи: „Оныя трудовъ Вольн. Росс. Собр.“.

иноземную, о которыхъ сказано было выше. Противники Поповскаго, возражая ему, именно и защищали латинскій языкъ, какъ языкъ науки, и высказывали опасенія, „чтобы удобство слушать философскія лекціи по-русски не увлекло всѣхъ другихъ учениковъ и не отклонило ихъ отъ латинскаго языка, изученіе котораго есть главная цѣль (?) учрежденія университета и основаніе всѣхъ наукъ, а большая часть не имѣетъ къ нему охоты“¹⁾).

Высказанный Меллсину взглядъ не былъ новостью въ нашей тогдашней ученой литературѣ. За нѣсколько лѣтъ до открытія Вольнаго русскаго собранія подобный же взглядъ высказанъ былъ въ издававшихся здѣшней академіей наукъ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ*. Въ библиографической замѣткѣ по поводу вышедшаго въ 1763 году „Словаря на шести языкахъ: русскаго, греческаго, латинскаго, французскаго, немецкаго и англійскаго, заданнаго въ пользу учащагося русскаго юношества“, въ январскомъ номерѣ *Ежемесячныхъ Сочиненій* 1764 г. сказано было:

„Къ познанію вещей ученіе многихъ языковъ столь нужнымъ быть стало въ нынѣшнія времена, сколь нужно было въ древнія греческаго, а въ новѣйшія латинскаго языка. Должно признаться, что сіе не малаго времени и труда стоитъ охотникамъ къ наукамъ; но напротивъ того награждаются они многоразличнымъ знаніемъ о вещахъ, обогащаютъ мысли, просвѣщаютъ разумъ. Не сіѣли прежде римляне и за невозможность почитали учиться наукамъ и художествамъ на своемъ языкѣ, упражняясь въ оныхъ на одномъ греческомъ. Но когда Цицеронъ и ему подобные, всѣ трудности преодолевъ, употребили раченіе, чтобы прославить природный свой языкъ, то на послѣдокъ и ихъ языкъ столько же славенъ и ко снисканію наукъ способенъ сталъ, сколько и греческій. Въ сіе похвальное соперничество въ недавнія времена вступили многіе европейскіе народы, и трудами ученыхъ людей доведены ихъ языки до такого совершенства, что мало въ чемъ уступаютъ греческому и латинскому. Можно на оныхъ почти всѣмъ наукамъ учиться, можно читать совершенныя и во многомъ отъ древнихъ превосходнѣйшія сочиненія, а о художествахъ еще лучшее понятіе получать можно изъ книгъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ. нежели греческаго и латинскаго. *Таковое стараніе должно употреблять о прославленіи и способности къ наукамъ нашего русскаго языка, которое уже отъ нѣкоторыхъ рачитель-*

¹⁾ Слов. проф. Моск. унив., II, 319.

нѣтъ людей и употребляется, но я смѣло утверить могу, что мы къ самому стѣню достигнуть не можемъ, ежели не пойдемъ тѣмъ же путемъ, которымъ шли другіе европейскіе народы. Упражнялись они сперва въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, читали славнѣйшихъ людей на оныхъ языкахъ сочиненія, переводили оныя на свои языки, а потомъ уже, узнавъ превосходный разумъ и красоту оныхъ, начали писать сами и столь тѣмъ прославились, что мы имъ не меньше подражать можемъ, какъ греческимъ и латинскимъ писателямъ“ (стр. 77—79).

Послѣ приведенной нами оговорки на счетъ классическихъ языковъ, Мелиссино далѣе говорить, что европейскіе народы въ средніе вѣка, „очищая грубость своихъ языковъ, прилагали свое стараніе о приведеніи оныхъ въ правила; исправляли правописаніе, прилежно старались о изясненіи и истолкованіи всѣхъ до художествъ и наукъ принадлежащихъ словъ, писали книги съ великимъ исправности наблюдениемъ о каждой части наукъ, которыя по новости своей привлекали многихъ любопытныхъ и слѣдовательно для подлежащаго намѣренія нужными и полезными учинились. И такимъ образомъ чрезъ сообщеніе многихъ искусныхъ мужей, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ, не токмо языки многихъ народовъ были исправлены, но чрезъ исправленіе оныхъ и *самый путь къ достиженію наукъ облегченъ былъ“.*

Такимъ образомъ, съ вопросомъ объ усовершенствованіи языка связывался, что вполнѣ понятно, вопросъ объ облегченіи средствъ къ просвѣщенію. Прежде всѣхъ принялись за исправленіе своего языка итальянцы, за ними нѣмцы, потомъ французы.

„Франція въ то же самое почти время весьма довольно доказала, какую пользу науки и художества отъ исправленія природнаго языка получить могутъ, что и побудило Европу къ прилежнѣйшему старанію о исправленіи своихъ языковъ, учрежденіемъ таковыхъ (то-есть, какъ французская академія) обществъ“.

Переходя отъ этого обзора того, что сдѣлано было для усовершенствованія туземныхъ языковъ въ различныхъ государствахъ Европы, къ тому, что предстояло дѣлать въ той же области Вольному российскому собранію, Мелиссино говорить:

„Излишнее было бы дѣло, почтеннѣйшее собраніе, если бы я пространно разсуждать хотѣлъ о достоинствѣ нашего природнаго языка, о древности и изобиліи онаго, какъ въ изображеніи, такъ и

въ соединеніи словъ, о превосходной способности къ изложенію ученыхъ истинъ; или бы о надобности старанія въ прилежнѣйшемъ исправленіи и очищеніи онаго пространно вамъ представлять вознамѣрился....

„Мы должны соединить наши силы и стремиться, сколько отъ насъ зависѣть можетъ, ко исполненію Августѣйшаго Ея (то-есть, Императрицы Екатерины II) изволенія. Мы должны наконецъ своимъ примѣромъ другихъ побуждать къ подражанію. Если должность наша состоятъ имѣть въ томъ, чтобы распространеніе истиннаго ученія облегчать и оному споспѣшествовать, а любителей наукъ возбуждать: то *надлежитъ намъ пецился, чтобъ изъ всякъ частей ученія наши соображана полезнѣйшее на природномъ своемъ языкѣ читать могли; то-есть, намъ должно о исправленіи нашего природнаго языка нужное и съ благоразуміемъ соединенное имѣть стараніе.* Не всякому обстоятельства дозволяютъ учиться чужестраннымъ языкамъ; но всякому полезно о ученыхъ истиннахъ приобрѣтать понятіе. Сіе приобрѣтеніе тогда легкимъ и возможнымъ будетъ, когда такіа сочиненія на природномъ языкѣ всякъ передъ глазами имѣть будетъ.

„*Надобность съ томъ состоитъ,* и для кратчайшаго изъясненія многихъ наукъ великая удобность, *чтобъ художественныя слова, или такъ называемыя техническія реченія, вразумительно истолкованы были.* Не малая и то заслуга, когда сіи реченія на своемъ природномъ языкѣ внятно и ясно изобразить, и чрезъ то людямъ различнаго понятія точный способъ къ познанію истины показать можно.

„Польза такого старанія какъ для языка, такъ и въ разсужденіи вещей, есть очевидна. Языкъ хорошими сочиненіями понравится наконецъ и такимъ людямъ, которые, привыкнувъ къ чужестранной важности и красотѣ, къ ясному предложенію и хорошему слогу, несправно на своемъ природномъ языкѣ писанныхъ сочиненій читать не хотятъ. Вещь же, изрядно предложенная, новостію своею, рѣдкостію, пріятностію и пользою, привлекаетъ къ чтенію и такихъ, которые на суетныя, низкія, бесполезныя, или еще и вредныя матеріи ни времени, ни денегъ тратить не хотятъ. Ясно видимо изъ сего, сколь пространное для нашихъ трудовъ открывается поле“.

Изъ помѣщенныхъ въ „Опытъ Трудовъ“ Общества статей интересно напечатанное въ III части: „Предложеніе о исправленіи, расширеніи и установленіи Англійскаго языка“. Статья эта напечатана съ примѣчаніями сообщившаго ее „Англомана“ М. И. Плев

щеева ¹⁾), въ которыхъ, между прочимъ, такъ опредѣлялось то, чего недоставало въ то время русскому языку.

По поводу слѣдующихъ словъ статьи: „всѣ согласились, что ничто не можетъ больше способствовать къ совершенству знанія и вкуса, какъ дѣйствительный способъ для исправленія, распространенія и установленія нашего (англійскаго) языка“, въ примѣчаніи Англомана сказано: „Ни который языкъ въ семь столько нужды не имѣетъ, какъ Россійской. Онъ требуетъ многихъ исправленій, и хотя онъ изобилуетъ, однако онъ долженъ быть распространенъ; много словъ ему недостаетъ; но всего больше нужно оной установить. Мы еще колеблемся въ разныхъ грамматическихъ правилахъ, и есть множество словъ въ нашемъ языкѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Мы не имѣемъ метафизическаго языка, безъ котораго о многихъ матеріяхъ писать невозможно. Смиъ предметамъ можетъ слѣдовать всякой, кто для Россійскаго языка предпріять захочетъ то, что авторъ сего письма для англійскаго предлагаетъ. *Чтобъ исправить нашъ языкъ, надлежитъ утвердить грамматическія правила, кои не утверждены, или отъ коихъ многіе удалены, и исключить изъ оного все то, что ему не свойственно; чтобъ распространить оной, должно изобрѣсть многія слова или занять ихъ изъ чужестранныхъ языковъ; чтобъ оной установить, должно имѣть лексиконы, опредѣляющіе смыслъ словъ, и другія сочиненія, гдѣ сила ихъ должна необходимо быть съ точностію означена*“.

Особенно интересно мнѣніе Англомана о томъ, какъ относиться къ присутствію въ языкѣ иностранныхъ словъ, о чемъ, какъ мы видѣли, много говорилось въ то время.

„Весьма противенъ распространенію, а нѣкоторымъ образомъ и установленію нашего языка, говоритъ онъ въ томъ же примѣчаніи, *обычай, введенный съ нѣкотораго времени, откидываетъ все чужестранныя слова, кои уже въ общемъ употребленіи и, если такъ осмѣлюсь сказать, натурализованы были, и изображать оныя Россійскими словами, которыхъ никто не разумѣетъ, или по крайней мѣрѣ не столь ясное понятіе съ ними сопрягаетъ, какъ съ первыми. Мы видимъ, что цѣтъ народа, у коего науки и художества сколько нибудь цвѣтутъ, который бы не заимствовалъ отъ другихъ языковъ. Англійскій и французскій языкъ ни малаго сходства съ греческимъ не имѣ-*

¹⁾ В. С. Карцовъ и М. Н. Мазеевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей“, стр. 9.

ють: однако въ нихъ нѣсколько тысячъ греческихъ словъ, кои въ языкъ ихъ приняты, и коихъ они переводить не стараются. Почти всѣ слова, употребляемая въ наукахъ и художествахъ, которыя у грековъ и римлянъ пачало имѣли, всѣ греческія или латинскія, и въ земляхъ, гдѣ сія науки и художества цвѣтуть, въ общемъ употребленіи. Англичане хотя изобильный языкъ имѣють, однако многіе техническіе термины, кои у другихъ народовъ въ употребленіи, безъ всякой перемены принимаютъ. Въ Англии человекъ, говоря о соединеніи свѣта и тѣни въ живописи, скорѣе употребить *clair oscuro*, нежели *light and shade*, то-есть, свѣтъ и тѣнь“.

По поводу жалобы автора, что англійскій языкъ утратилъ *простоту*, въ примѣчаніи сказано: „Мнѣ кажется, что мы мало стараемся до сего совершенства (то-есть, до простоты) достигнуть; мы думаемъ, что нельзя хорошо писать, не употребляя отчужденныхъ, надутыхъ и долгихъ словъ и не возвышая свой штиль, отъ чего онъ часто весьма принужденъ бываетъ“.

Въ этомъ Плещеевъ виолнѣ сошелся съ Сумароковымъ, который тоже, какъ извѣстно, не одобрялъ напыщенности, надутости и высокопарности тогдашняго поэтическаго слога. Въ статьѣ „Къ несмысленнымъ речотворцамъ“ ¹⁾ онъ говоритъ имъ: „Всего болѣе совѣтую вамъ въ великолѣпныхъ упражненіяхъ одахъ; ибо многіе читатели, да и сами нѣкоторые лирическіе стихотворцы разсуждаютъ тако, что никакъ невозможно, чтобъ была ода и великолѣпна и ясна: *по моему мнѣнію, пропади такое великолѣпіе, въ которомъ нѣтъ ясности*. Многіе говорили о архіепископѣ Теофанѣ (Прокоповичѣ), что проповѣди его не очень хороши, потому что они просты; *что похвальнѣе естественная простота, искусствомъ очищенной, и что глупѣе сихъ людей, которые въ естества хитрости ищутъ?* Но когда такихъ людей много, слагайте, несмысленные виршесплетатели, оды, лишь только темнѣе пишете“.

Но тогдашніе ревнители русскаго слова могли, сколько хотѣли, вопіять противъ бросавшихся въ глаза недостатковъ современнаго имъ литературнаго слога, а дѣлу помочь было пока трудно. Раздававшіяся со всѣхъ сторонъ жалобы показываютъ только, что поэтическое чутье даровитыхъ людей влекло ихъ въ ту сторону, куда и нужно было, но немедленно удовлетворить сознанную уже потребность въ простотѣ и виѣстѣ съ тѣмъ образности поэтической рѣчи было не-

¹⁾ *Трудолюбивая Пчела*, 1769, декабрь, 2-е изданіе, стр. 764.

чѣмъ, ибо въ тогдашнемъ литературномъ языкѣ нашемъ почти вполнѣ отсутствовали тѣ привычныя поэтическія обороты рѣчи, которые во вполнѣ литературно развитомъ языкѣ такъ облегчаютъ дѣло даже для писателей мало даровитыхъ. Отсюда и проистекали пресловутыя недостатки тогдашней литературной рѣчи: напыщенностью, до рѣзкости и часто до бессмысленности преувеличенными и громкими словами и выраженіями тогдашніе *мины* (конечно, тѣ, кто были подаровитѣе и не лишены были хоть нѣкоторой доли поэтическаго таланта) именно и старались выразить то, что въ языкѣ, уже обогащенномъ поэтическими оборотами рѣчи, выражается метафорами, эпитетами, олицетвореніями, сравненіями и т. п.

Указаніе на это мы находимъ въ другой статьѣ Плещеева, помѣщенной во II части „Опыта трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“ подѣ заглавіемъ: „Письмо англомана къ одному изъ членовъ Вольнаго Россійскаго Собранія“. Письмо это написано по поводу приложеннаго къ нему перевода монолога Гамлета: „Быть или не быть“. Упомянувъ о томъ, что Вольтеръ неудачно перевелъ этотъ монологъ на французскій языкъ, Плещеевъ говоритъ:

... „Я еще нашелъ, что говорить на французскомъ языкѣ такъ, какъ Шекспиръ говорилъ на аглинскомъ, почти невозможно, а на русскомъ можно: ему по крайней мѣрѣ подражать, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранять. Я, однако, только встрѣтилъ затрудненіе, которое однако больше отъ свойства нашего воображенія, нежели отъ свойства нашего языка происходитъ. Мы даемъ больше узъ слогу нашему, нежели сходно съ вольностію нашего языка. Кажется, что метафорическія тѣ выраженія, кои слогъ и оживляютъ и украшаютъ, не довольно нами приняты; и ежели я не обманываюсь, то я примѣтилъ, что и въ тѣхъ изъ нашихъ писателей, кои самое живое и юрччее воображеніе имѣли, неодушевленныя вещи меньше оживотворены и умственныя бытія рѣже подѣ чувственнымъ видомъ изображаются, нежели въ чужестранныхъ писателяхъ, а особливо въ Атлинскихъ... я не знаю, до конхъ поръ мы имъ подражать можемъ. Сіе никому столько не извѣстно, какъ Вамъ, и никто столько не въ состояніи подать примѣръ тѣхъ вольностей, кои нашъ языкъ столь же свободнымъ сдѣлають, сколько онъ изобилень, и тѣмъ богатство его умножать. Я увѣренъ, что сіе составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ, кои Вольное Россійское Общество имѣеть“.

Въ отвѣтѣ редакція на письмо Плещеева (въ той же II части „Трудовъ“) сказано, что онъ *первый* изъ постороннихъ откликнулся

на призвъ Собранія (за что онъ вскорѣ и былъ избранъ въ дѣйствительные члены). Это показываетъ, что Собраніе встрѣтило сочувствіе въ обществѣ. Но раздавались и протестующіе голоса, и, что всего страннѣе, изъ устъ такихъ лицъ, отъ которыхъ всего менѣе можно было этого ожидать. Мы видѣли, что еще до учрежденія Вольнаго Россійскаго Собранія Сумароковъ высказывалъ мысль о необходимости подобнаго общества. Но когда его мысль осуществилась, онъ отнесся къ учрежденному при университетѣ обществу недобѣрчиво и брюзгливо. „Сіе намѣреніе (то-есть, учрежденіе Собранія) произошло отъ усердія, говорилъ онъ, *но сіе усердіе языку въ науку превратится*, ибо сіе Общество состоитъ частію изъ ученыхъ, но не изъ ученыхъ въ словесности, а частію изъ неученыхъ; такъ, ни медикъ, ни господичъ пользы языку принести не можетъ, хотя бы медикъ тысячи людей освободилъ отъ чахотки, юристъ отъ разоренія невиннаго отвѣтчика, физикъ постигъ бы первоначальныя частицы вещества, математикъ описалъ бы разстояніе дальнѣйшихъ неподвижныхъ нашему зрѣнію звѣздъ; но ко словесности потребенъ Овидій, Виргилій, Гораций, а не Локъ, Невтонъ и Буржавень; частію же сіе Общество изъ дворянъ состоитъ, мало свѣдущихъ о словесныхъ наукахъ; а въ экипажахъ ихъ Парнасу нѣтъ нужды, ибо на сію гору въ каретахъ никто не вѣзжалъ; а Пегасъ и въ одноколку никогда еще впрягаемъ не былъ. *Опасно сіе собраніе словесности Россійской нашего вѣка и особливо ради того, что худо видящіе писцы, опираясь на цѣлое Общество, и совсѣмъ ослѣплятся и въ несклонимую упадутъ бездну. И можно ли, не имѣя почти авторовъ, и не авторамъ сочинять уже къ ужасной погибели языка Лексиконъ*“...

Главнымъ плодомъ дѣятельности Вольнаго Россійскаго Собранія были:

1) *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, 1774 — 1783, 6-ть частей.*

Въ нихъ помѣщены, кромѣ статей по языку, образцы которыхъ приведены выше, очень интересные и важные *историческіе документы*, сообщенные Герардомъ Миллеромъ, П. Алексѣевымъ, Антономъ Барсовымъ, кн. М. М. Щербатовымъ, М. М. Херасковымъ и др., напримѣръ: Чинъ поставленія Царя Алексѣя Михайловича.

Послужной списокъ бояръ, окольничихъ и другихъ придворныхъ чиновъ, съ 1462 по 1676 г.

Чинъ поставленія на царство царя Федора Алексѣевича.

Свадьба великаго князя Василя Ивановича.

Разрядъ свадьбы князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго и другихъ.

2) *Церковный словарь*, или истолкованіе реченій словенскихъ древнихъ, составленный протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора *Петромъ Алексеевымъ*. Москва, 1773—1776. 5-ть частей.

До 1818 года онъ выдержалъ четыре изданія, что одно уже доказываетъ его важность, и притомъ не для одной только Россіи, но, подобно грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, и для другихъ славянскихъ племенъ. Протоіерей К. Кустодіевъ, въ статьѣ: „Церковь угорскихъ русскихъ и сербовъ въ ихъ взаимоотношеніи“ (Москва, 1873), сообщаетъ, что въ Австріи, въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи сильно были распространены рукописныя сочиненія по богословскимъ предметамъ, даже такія, которыя давно были напечатаны. Въ числѣ этихъ сочиненій, говоритъ протоіерей Кустодіевъ, „мы видѣли не одинъ рукописный экземпляръ церковнаго словаря московскаго протоіеря *Петра Алексеева*“ (стр. 12).

Этотъ трудъ по своимъ достоинствамъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ предшествовавшихъ подобныхъ трудовъ.

Составленіе словарей, какъ необходимыхъ справочныхъ пособій, началось у насъ издавна. Въ нашей рукописной литературѣ они встрѣчаются съ XIII вѣка (съ 1282 г.) и назывались алфавитами, или сказаніями о неудобъ понимаемыхъ рѣчахъ. Но до первой половины нынѣшняго столѣтія всѣ они оставались въ рукописяхъ, а многіе и до сихъ поръ не напечатаны. Слѣдовательно, они интересны, какъ рукописные памятники тогдашнихъ трудолюбивыхъ ученыхъ, практическаго же значенія для послѣдующихъ поколѣній они почти не имѣли. Первыми печатными словарями были: „Славяно-россійскій словарь“ *Зизанія*, 1596 г., и „Лексиконъ словено-русскій“ *Памела Беринды*, 1627 г. Но оба они носятъ весьма замѣтный мѣстный отпечатокъ: первый—литовско-русскій, а второй—южно-русскій, малороссійскій.

За сими, въ 1704 г., вышелъ въ свѣтъ лексиконъ трехъязычный *Федора Поликартова*, и, наконецъ, въ 1722 г. изъ типографіи Супрасльскаго монастыря выпущенъ былъ *лексиконъ, сиречь словесникъ славянскій*.

Но всѣ эти труды стоить гораздо ниже труда П. Алексѣева и пособіемъ ему служить не могли. Только объ одномъ изъ предшествовавшихъ ему старинныхъ словарей мы знаемъ, что онъ имъ пользовался, да и то по неисправному списку. К. Ѳ. Калайдовичъ, въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцеву, отъ 15-го марта 1819 г., сообщая,

что онъ нашелъ: „Алфавитъ сказующи толкованіе иностранныхъ рѣчей, обрѣтаемыхъ въ святыхъ книгахъ русскаго языка“, говоритъ: „Петръ Алексѣевъ, почтенный сочинитель Церковнаго Словаря, пользовался симъ алфавитомъ, но списокъ, извѣстный сему ученому мужу, вѣроятно, былъ недостаточенъ, ибо много любопытныхъ статей, въ первомъ находящихся, не внесено въ словарь послѣдняго“¹⁾.

Предсѣдатель Вольнаго Россійскаго Собранія, кураторъ Московскаго университета Иванъ Ивановичъ Мелиссино поспѣшилъ представить отъ имени собранія этотъ трудъ одного изъ его членовъ императрицѣ при слѣдующемъ письмѣ (11-го ноября 1778 г.):

„Всеимлостивѣйшая Государыня. Подносимаго всеподданнѣйше Вашему Величеству сего церковнаго словаря произведеніемъ было *Высочайшее Ваше о надобности истолкованія церковныхъ реченій напомианіе*, учиненное словесно по снисхожденію нѣкогда мнѣ еще какъ бывшему вашему всеподданнѣйшему оберъ-прокурору синода. Сохраняя въ незабвенной памяти Вашего Величества слова, которымъ не меньше, какъ и дѣламъ Вашимъ, вѣчность долженствуется, предложилъ я сіе Высочайшее Ваше желаніе потрудившемуся въ семъ предпріятіи собранію, которое въ сходственность и въ поревнованіе Высочайшей Вашей къ руссійскому слову любви, общественно со мною изданіе сего книжки приняло за первой къ пользѣ отечества трудъ. Исправленіе руссійскаго языка есть главный предметъ трудящагося общества и на какомъ основаніи оное при императорскомъ Вашемъ Московскомъ университетѣ учреждается, о томъ краткое извѣстіе кунно съ приносимою книгою повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

„Счастливъ я буду несказанно и сіе вновь учреждающееся собраніе, если сіе *первое* низкаго его труда приношеніе удостоится высочайшаго Вашего императорскаго величества благопріятія и всеимлостивѣйшаго покровительства, которому, оное и себя всеподданнѣйше препоручая, остаюсь всеимлостивѣйшая государыня, Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Иванъ Мелиссино“²⁾.

Научная оцѣнка словаря П. Алексѣева сдѣлана двумя нашими учеными: И. И. Срезневскимъ и М. И. Сухомлиновымъ, и оба признають за Алексѣевымъ крупную заслугу.

И. И. Срезневскій, разсматривая трудъ П. Алексѣева, говоритъ:

¹⁾ Читанія въ Общ. Ист. и Дрвин. Росс., 1862, кн. III, отд. 1, стр. 154.

²⁾ Дѣт. русск. лит. и дрвин., т. IV, отд. III, стр. 38—39.

„Кто его досталъ, тотъ дорожитъ имъ, хотя бы и зналъ его недостатки, неполноту и ошибки. Неполнота его впрочемъ не безотнositельна, потому что на 80 печатныхъ листахъ онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 20.000 объясненныхъ словъ, постоянно съ ссылками на книги св. писанія, церковныя, учительныя, историческія и проч., изъ которыхъ эти слова извлечены. Недостатки его простибельны тѣмъ болѣе, что матеріала, прежде подготовленнаго, было у него не много... Для того, кто не владѣетъ ни однимъ изъ языковъ иностранныхъ, словарь Алексѣева тѣмъ важнѣе, что въ него вошло много энциклопедическихъ объясненій о предметахъ древностей ветхозавѣтныхъ и христіанскихъ, судьбахъ церкви, особенно православной, о предметахъ разныхъ наукъ и художествъ. Все это теперь отстало, кое-что и просто невѣрно, но замѣнить словарь Алексѣева и въ этомъ отношеніи для большинства русскихъ читателей нечѣмъ“¹⁾.

Столь же благоприятный отзывъ даетъ объ этомъ словарѣ и М. И. Сухомлиновъ:

„Для своего времени, говорить онъ, трудъ этотъ былъ явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ; онъ и доселѣ не потерялъ своей цѣны и пригодности при изученіи многихъ памятниковъ русскаго языка и словесности. Писатели XVIII столѣтія привѣтствовали трудъ Алексѣева хвалебными стихотвореніями“²⁾.

Изданіемъ шести частей „Трудовъ“ и словаря П. Алексѣева и ограничиваются всѣ печатные плоды дѣятельности Вольнаго Россійскаго Собранія. Этого, конечно, мало для дѣлага ученаго общества, но должно принять во вниманіе, во-первыхъ, непродолжительность его существованія, а, во-вторыхъ, то, что значеніе подобныхъ обществъ зависѣло въ то время не столько отъ количества совершенныхъ ими ученыхъ трудовъ, сколько отъ самаго факта ихъ существованія. Своими собраніями, повременнымъ изданіемъ и печатавшимися въ немъ протоколами, разсужденіями по разнымъ вопросамъ языкознанія Вольное Россійское Собраніе пробуждало и поддерживало въ образованныхъ людяхъ того времени интересъ къ главному предмету своихъ заботъ и занятій, къ русскому литературному языку, и заставляло многихъ невольно быть болѣе внимательными и осторожными въ употребленіи литературной рѣчи. Доказательствомъ того интереса, какой возбуждала въ то время дѣятельность Вольнаго Россійскаго Собранія, служить

¹⁾ Учен. Зап. II отд. Императорской Академіи Наукъ, кн. IV.

²⁾ Истор. Росс. Акад., вып. 1-й, стр. 384—385.

назначеніе, напримѣръ, премій за рѣшеніе наиболѣе насущныхъ вопросовъ языка. Такъ, въ 1777 году почетный членъ собранія, князь П. И. Репнинъ, назначилъ двѣ преміи, одну въ 100 руб. и другую— въ 50 руб. сер. за рѣшеніе слѣдующихъ задачъ:

1) Указать ближайшія и лучшія средства и правила къ усовершенствованію и обогащенію языка, въ особенности російскаго.

2) Латинскіе *техническіе термины* по приложенному списку или совершенно удобнымъ для постояннаго употребленія способомъ перевести по-русски равнозначительными словами, или по крайней мѣрѣ достаточно объяснить. За исключеніемъ нѣкоторыхъ названій наукъ, всѣ эти слова, числомъ отъ 300 до 400, были заимствованы изъ логики и метафизики. Срокомъ представленія сочиненій назначено было 1-е марта 1778 года¹⁾.

Были ли представлены какія либо работы на эти преміи, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но если даже эти темы остались и безъ всякаго отвѣта, значеніе самаго факта отъ этого не уменьшится. Получить готовый научный отвѣтъ на ту или другую теоретически придуманную тему не только тогда было трудно, но и въ настоящее время сколько научныхъ темъ, предлагаемыхъ на преміи разными учеными обществами и учрежденіями, остаются безъ отвѣта. Для того времени самая уже публичная постановка научныхъ вопросовъ имѣла большое значеніе, побуждая общество хоть просто „задумываться“ надъ ними. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣла тогда здѣшняя Академія Наукъ. Съ 1768 года въ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ* она стала предлагать на разрѣшеніе разныя научныя задачи. Это возбудило толки; можетъ быть, даже не всегда одобрявшіе такую мѣру, но Академія на нихъ отвѣтила слѣдующее:

„Какъ мы разсуждаетъ публика о заданныхъ нами въ прошломъ году задачахъ, и коль мало ни нашлось отвѣтствовавшихъ на оныя присланными къ намъ сочиненіями: однако же мы увѣрены о пользѣ наукамъ и отечеству, отъ смелъ трудовъ нашихъ происходящей; чего ради, уповавъ, что число любопытствующихъ и въ наукахъ упражняющихся согражданъ нашихъ современемъ умножится можетъ, а паче взирая на потомство, коему вопросы наши подадутъ поводъ къ дальнѣмъ размысливаніямъ, приняли намѣреніе и въ нынѣшнемъ году сообщить такія же задачи, какъ и прежде“²⁾. Съ другой стороны, можетъ

¹⁾ *Исторія*, Исторія Московскаго университета, 203.

²⁾ *Ежемесячные Сочиненія*, 1764, январь, стр. 93—94.

быть, и не совсѣмъ справедливо будетъ думать, что предложенныя кн. Репнинныя темы совсѣмъ остались безъ отвѣта. Черезъ девять лѣтъ, въ 1786 г. появилось въ Москвѣ сочиненіе, прямо отвѣчающее на первую тему, написанное учителемъ философіи и префектомъ Московской духовной академіи *Моисеемъ Гумилевскимъ*, впоследствии епископомъ Феодосійскимъ. Сочиненіе это озаглавлено: „*Разсужденіе о вычищеніи, удобреніи и обогащеніи Россійскаго языка*“, читанное въ Публичн. собр. Москов. 1786 году студентомъ *Василіемъ Протопоповымъ*. Москва. Въ типогр. кампаніи типографической. 1786. 8^{оо} ¹⁾). Написано ли оно именно съ цѣлію представить его Вольному Россійскому собранію на премію, или оно только вызвано предложенною отъ собранія темой— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, оно не могло быть представлено на премію, такъ какъ оно появилось уже послѣ закрытія Вольнаго Россійскаго собранія.

Небольшое по объему, оно очень интересно по исполнѣ научному, почти философскому своему характеру.

„Богъ далъ человѣку разумъ, говоритъ сочинитель, чтобы въ ту же минуту дать ему способность слова. Ибо что есть разумъ безъ слова? Есть одна возможность быть разумнымъ безъ исполненія сел разумности“. Оттого по-гречески, на примѣръ, λόγος значить и слово и разумъ.

„Итакъ, мы безошибочно познаемъ изъ богатства слова богатство разума и изъ богатства разума богатство слова. Кто изобилень въ словахъ, тотъ изобилень и въ мысляхъ, и кто изобилень въ мысляхъ, тотъ старается всенепремѣнно произвести въ отечественномъ языкѣ столько же и словъ, сколько въ его разумѣ мыслей“. Прилагая эти общія разсужденія къ состоянію тогдашняго русскаго литературнаго языка, авторъ объясняетъ, почему мы должны были принять въ свой языкъ такъ много иностранныхъ словъ. „Великій Петръ своими неунынными о просвѣщеніи подданныхъ попеченіями довольно возродилъ въ своемъ народѣ новыхъ мыслей и понятій, но не успѣлъ онъ столько же родить и выраженій, Россійскому языку собственнакъ; и потому книги тогдашняго времени, хотя исполнены высокими и просвѣщенными мыслями, но вмѣстѣ обезображены обветшалыми, грубыми и чувствительными словами, по недостатку чистыхъ Россійскихъ“.

¹⁾ Вслѣдствіе того, что на заглавномъ листѣ оставлено имя *Василія Протопопова*, сочиненіе это я приписывается ему (*Смирдинъ*, стр. 500, Ж 6400). Но митрополитъ *Евгеній* въ „Словарѣ историч. о писател. духовнаго чина“ (стр. 80) авторомъ этого „Разсужденія“ называетъ *Моисея Гумилевскаго*.

При Екатеринѣ II наступилъ золотой вѣкъ для языка, потому что даны для этого способы: учреждены училища и университетъ, въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ „воскрешенъ“ греческій языкъ, учреждена Россійская Академія.

Первый шагъ къ очищенію, улучшенію и развитію языка составляетъ *грамматика*, которая бываетъ двухъ родовъ: *опредѣлительная*, то-есть, практическая, создающая правила языка, и *критическая*, которая одна только очищаетъ, удобряетъ и обогащаетъ языкъ, и потому ее то и надо призвать на помощь.

Начало русскаго языка кроется въ языкѣ церковно-славянскомъ или въ языкахъ другихъ славянскихъ народовъ. Поэтому необходимо *собрать все слова обветшавшія, вышедшія изъ употребленія*, и найти ихъ прямой смыслъ и начало, и по нимъ судить о словахъ нынѣшнихъ. Напримѣръ, слова: *совокупляю, скутаю, купецъ, скупой* происходятъ вѣроятно, отъ слова *куна*, то-есть, *куча*.

Если нельзя объяснить слово изъ языка церковно-славянскаго, тогда надо прибѣгнуть къ *другимъ славянскимъ языкамъ, а также къ областнымъ нарѣчіямъ*. Если и это не удастся, то искать корня слова въ *языкахъ иностранныхъ*, напримѣръ, въ татарскомъ (туманъ, кушакъ, базаръ, кафтанъ и т. п.), греческомъ (евхаристія, литургія, каеэдра). „*Все таковыя чужестранныя слова должно стараться перемѣнить на русскія* помощію совершеннаго понятія вещей, подъ тѣми словами разумѣемыхъ“... „*Все оныя повидному трудныя для переводу на русскій языкъ слова явятся удобными, ежели благо-разумное и тщательное къ тому приложено будетъ попеченіе и частое вниманіе къ русскому чистословію*“.

Можно напримѣръ перевести:

Литургія—служба

λειτουργία—служебникъ.

Каеэдра—проповѣдалище.

Флотъ—морская сила.

Генераль—верховный начальникъ.

Капитанъ—главный.

Полиція—благочиніе, благоучрежденіе.

Ордеръ—приказъ, повелѣніе.

„*Такія слова на первомъ случаѣ покажутся нѣсколько общими и вещь неограниченно означающими; но для сего потребно только пяти или десяти или уже много двадцати лѣтъ, чтобы пріучить къ нимъ слухъ и придавать ограниченный смыслъ. При томъ же много и нынѣ*

имѣемъ словъ, по словопроизведенію общихъ, но значащихъ по нашей къ нимъ привычкѣ вещь нераздѣлиму, на примѣръ: ризы, соборъ, уставъ, храмъ, село и проч. “.

Но всего этого еще мало. Дальнѣйшее обогащеніе языка не можетъ совершаться простымъ введеніемъ въ него новыхъ словъ. „Сіе обогащеніе языка словами не можетъ быть безъ обогащенія и мысли; ибо слово безъ мысли родиться не можетъ“. Но чтобы родились мысли, необходимо заняться логикой и метафизикой (то-есть, вообще философій). Еще большее богатство „снискать можно отъ переводовъ хорошихъ писателей“. Нашъ языкъ остался бы бѣднымъ, если бы не обогатился переводами съ греческаго. „Кто бы отъ себя избрѣсти могъ мысль и слово *созначальный, матеродѣственный, златоустный, воскресеніе, Троица* и проч... Не только вѣроятно, но заподлинно утвердить можно, что ежели бы хорошимъ переводчикамъ предложить всѣхъ греческихъ отцовъ на чистый языкъ російскій, то бы онъ вдругъ нѣсколькими тысячами словъ обогатился“.

Обогатить нашъ языкъ посредствомъ переводовъ тѣмъ удобнѣе, что онъ имѣетъ ту способность, чтобы въ переводѣ приближаться къ свойству всякаго языка, не теряя притомъ собственнаго свойства“. Несмотря на это, отъ небрежности переводчиковъ въ переводахъ нашихъ встрѣчаются нелѣпныя и неправильныя слова и выраженія, на примѣръ:

„Армія, стоявши подъ городомъ десять дней, городъ сдался“.

„На такой вогъ“ вмѣсто—въ такомъ состояніи. Для устраненія подобныхъ неправильностей и вообще для исправленія нашего языка потребны:

1) Ученныя собранія, „которыя бы о всякомъ сочиненіи и переводѣ полагали здравую критику, какъ въ разсужденіи слога, такъ и самыхъ словъ“.

2) Критическія грамматики.

3) Толковыя словари.

Возвращаясь къ обзорѣню плодовъ дѣятельности Вольнаго Російскаго Собранія, мы должны сказать, что еще одною и весьма важною заслугой Вольнаго Російскаго собранія было то, что, будучи органически связано съ Московскимъ университетомъ, оно сумѣло привлечь къ своимъ занятіямъ университетскую молодежь. Задумавъ издать *русскій словарь*, оно пригласило къ участию въ этомъ трудѣ и студентовъ университета, и хотя словарь этотъ не былъ доведенъ до конца, но по учрежденіи Російской Академіи онъ вмѣстѣ со сло-

варемъ П. Алексѣева послужилъ уже готовымъ матеріаломъ для словаря нашей Академіи.

О безкорыстномъ усердіи московскихъ студентовъ на пользу отечественнаго слова мы узнаемъ изъ писемъ основателя Вольнаго Россійскаго Собранія, куратора Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино.

Хлопоча передъ Россійскою Академіей о награжденіи студентовъ за ихъ труды, которые они продолжали и для Академіи, Мелиссино писалъ ей:

„По справедливости они (то-есть, студенты) за отиѣнную свою прилежность къ сей работѣ достойны вниманія Академіи, тѣмъ болѣе, что, сами будучи заняты лекціями и приуготовленіями къ онымъ, не пропускаютъ ни часа лишняго, чтобъ не пожертвовать онымъ пользѣ Академіи“.

„Какъ студенты, трудящіеся къ пополненію словаря, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, единственно дѣлаютъ сіе изъ чести быть участниками столь полезнаго дѣла, не желая за то никакого интереса, то я думаю и награжденіе имъ надобно сдѣлать такое, которое бы соотвѣтствовало благородному ихъ побужденію“.

Поэтому онъ ходатайствовалъ дать имъ какое нибудь академическое званіе: сотрудниковъ, корреспондентовъ и т. п. ¹⁾.

Полезная дѣятельность Вольнаго Россійскаго Собранія продолжалась, къ сожалѣнію, недолго—всего 12 лѣтъ (1771—1783). Основанное въ 1771 году, оно прекратило свое существованіе въ 1783 году, по учрежденіи Россійской Академіи, въ которую и вступили многіе члены этого общества: кн. Е. Р. Дашкова, Херасковъ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Княжнинъ, Барсовъ, Десницкій и многіе другіе, и даже самъ основатель Вольнаго Россійскаго Собранія Ив. Ив. Мелиссино.

Исторія Россійской Академіи тѣсно связана съ исторіей другаго важнаго событія—съ изданіемъ „Собесѣдника Любителей Россійскаго слова“. Это былъ первый журналъ, задавшійся цѣлью служить на пользу родной рѣчи, и современники встрѣтили этотъ журналъ, какъ залогъ процвѣтанія нашего языка.

О возникновеніи этого журнала въ послѣдней XVI его части разсказывается слѣдующее:

„Жившій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый татарскій

¹⁾ Истор. Росс. Акад., т. I.

мурза, знающій весьма хорошо російскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 года оду къ премудрой киргизкайсаккой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому россиянину, который также, какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ царей, а, сверхъ того, и благодарностію за изліянія Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя россияниномъ, но служа при ея дворѣ съ осьми лѣтъ своего возраста, приобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица послала его учиться за тридевять земель въ десятое царство. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ произведеніи татарскаго пера, восхитила его до слезъ, и онъ, будучи знакомъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нея копіи; но она довольно долгое время пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ, и не доходила до ушей Фелицы за немѣніемъ, можетъ быть, курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто. Въ началѣ 1788 года помянутый россиянинъ опредѣлился въ какую-то должность при російскомъ Парнасѣ. Сіе подало ему случай показать сіе сочиненіе начальницѣ Парнаса, которая красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ почувствовавъ, рѣшилася приказати ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: Собесѣдникъ Любителей Російскаго Слова. Для исполненія предпріятія своего пригласила она Мурзу, помянутаго Россиянина и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей¹⁾.

Хотя въ „Предувѣдомленіи“, напечатанномъ въ I части *Собесѣдника*, и сказано, что онъ „издается по желанію нынѣшняго Академіи Наукъ директора ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой“, но въ сущности журналъ издавался цѣлымъ обществомъ лучшихъ тогдашнихъ писателей, что обозначено даже и въ заглавіи: „Собесѣдникъ Любителей Російскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ *нѣкоторыхъ* російскихъ писателей“. Кромѣ самой кн. Е. Р. Дашковой, въ журналѣ принимали участіе: императрица Екатерина II, О. П. Козодавлевъ, Богдановичъ, Державинъ, Княжнинъ, Капнистъ, Е. Костровъ, Фонъ Визинъ, Херасковъ и нѣкоторые другіе. Что журналъ издавался не однимъ лицомъ,

¹⁾ *Современникъ Любителей Російскаго слова*, ч. XVI, 1784, стр. 8—13.

было ясно для всѣхъ, и присылавшіяся для журнала статьи случайныхъ сотрудниковъ постоянно начинались обращеніемъ: „Господа издателя Собесѣдника“ или просто: „Господа Собесѣдники“. Издавался этотъ журналъ только два года: 1783—1784, и прекратился внезапно, не окончивъ даже начатыхъ статей; причиною прекращенія журнала былъ разладъ въ средѣ редакціи, о чемъ подробно разказано Я. К. Гротомъ въ біографіи Державина. Журналъ этотъ несомнѣнно былъ очень крупнымъ явленіемъ того времени. „Можно сказать, что въ продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ совмѣщалъ въ себѣ почти всю литературную дѣятельность русскихъ писателей того времени. Жизнь общества тогдашняго отражалась въ немъ болѣе, нежели въ какомъ либо изъ другихъ изданій“¹⁾.

Главнымъ и самымъ существеннымъ достоинствомъ „Собесѣдника“ было просиѣщенное чувство народнаго самоуваженія, чуждое, съ одной стороны, рабскаго преклоненія передъ всѣмъ иноземнымъ, только потому, что оно „иноземное“; съ другой—всякаго безъосновательнаго самовосхваленія и преклоненія передъ всѣмъ русскимъ только потому, что оно „русское“. Общій тонъ журнала—благородное сознаніе своего народнаго достоинства и увѣренность въ силахъ и нравственныхъ качествахъ русскаго народа. Въ „Предувѣдомленіи“ сказано было, что „сіе собраніе издаваться будетъ по частямъ, заключаая въ себѣ только одни *подлинныя* Россійскія сочиненія... а *переводы*, какою бы они рода ни были, помпущены здѣсь не будутъ“.

Чтобы оцѣнить такое смѣлое намѣреніе, надо вспомнить, что не задолго передъ тѣмъ почти вся наша печатная литература, какъ ученая, такъ и беллетристическая, состояла изъ переводовъ; что при Академіи Наукъ существовалъ даже особый „переводческій департаментъ“.

Почти вся дѣятельность Академіи Наукъ въ первые годы ея существованія состояла въ переводахъ, для чего при ней постоянно находились переводчики, на обязанности которыхъ и лежалъ весь трудъ передачи на русскомъ языкѣ иностранныхъ сочиненій. Да и это было въ то время дѣломъ труднымъ, доставлявшимъ Академіи много хлопотъ.

Въ 1728 году при Академіи издано было краткое описаніе комментаріевъ ея, и въ немъ мы находимъ такое обращеніе къ читателю:

¹⁾ *Доброутбовъ*, Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова, *Современникъ*, 1886, № 7, стр. 37 и слѣд.

„Не сѣтуй же на переводъ, яко бы оный былъ не вразумителенъ или не весьма красенъ; вѣдати бо подобаетъ, что *весьма трудна есть вещь добръ переводити*, ибо не точію оба оныя языки съ котораго и на который переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя переводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе. Здѣ же по послѣдней мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы оный яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилежаніемъ и опасностію въ семъ дѣлѣ поступала, и всякому переводчику такія диссертаціи переводить давали, о немъ же извѣстно знали, что онъ вещь оную наилучше разумѣть, къ тому же и самый переводъ въ присутствіи всѣхъ переводниковъ читанъ и свидѣтельствованъ былъ. Аще ли же предприятия опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прибѣжище осталось, да тебе умолимъ, дабы слабости нашей до того потерпѣти изволилъ, *дондеже же языкъ самъ исправитъ будетъ*, и переводницы лучше обучатся“¹⁾.

Но какъ долго приходилось „терпѣть“ тогдашнимъ читателямъ и какъ медленно „обучались“ наши переводчики, показываетъ фактъ, что въ 1745 году, то-есть, спустя семнадцать лѣтъ, Академія жаловалась, что „по отбытіи профессора Тредіаковского“ трудно найти хорошаго переводчика, „чему причиною то, что оныя люди (то-есть, другіе переводчики) въ иностранныхъ языкахъ и наукахъ не довольно искусны, ... и отчасти отъ того, что они сами въ русскомъ языкѣ силы столько не имѣютъ, чтобы мысли свои съ надлежащею красотою выразить“²⁾.

Какого труда стоило тогда простое составленіе газетныхъ извѣстій, показываетъ *инструкція вѣдомостной экспедиціи* (то-есть, экспедиціи, завѣдывавшей изданіемъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*) 1748 года:

„Г. надворному совѣтнику и профессору Штелину вѣдомости изъ иностранныхъ нѣмецкихъ и французскихъ письменныхъ и печатныхъ извѣстій, по понедѣльникамъ и четвергамъ въ вѣдомостной экспедиціи писать, и Лебедеву, Фрейгангу, Барсову и студенту Теплому оныя попрежнему переводить, а профессору г. Ломоносову оныя ихъ переводы править и послѣднюю оныхъ ревизію отправлять“³⁾.

Несмотря на всѣ эти трудности, даже передовые люди того вре-

¹⁾ *Лексарскій*, Исторія Академіи Наукъ, т. I.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

мнѣ сознавали, что безъ переводовъ намъ обойтись нельзя, и утѣшали читателей только тѣмъ, что таковъ естественный и неизбежный путь образованія для всѣхъ народовъ. Извѣстный воспитатель цесаревича Павла Петровича, С. Порошинъ. въ статьѣ своей „Письмо о порядкахъ въ обученіи наукъ“, писалъ:

„Когда жъ и о нынѣшнихъ временахъ помыслимъ, то не счастливы ль англичане, нѣмцы, французы? Снѣ, усмотрѣвъ сперва неоцѣненную наукъ пользу, избрали ихъ себѣ упражненіемъ, и особливо вѣдая, что въ греческихъ и латинскихъ книгахъ оныя обитають, ударились въ переводы и заматали ими, такъ сказать, публику. Коль великое благодареніе должны имъ воздавать потомки за такое разумное и съ дальновиднымъ намѣреніемъ оказанное благодѣаніе? Отворенъ сталъ и имъ прямой путь, какъ онымъ древнимъ, къ художеству и наукамъ. Пустились въ оной съ похвальною смѣлостію и желаемаго предпріятія, наполнивъ громомъ славы вселенную, достигли“.

Основываясь на этомъ примѣрѣ западно-европейскихъ народовъ, Порошинъ и у насъ ожидалъ тѣхъ же послѣдствій отъ переводовъ.

„Для чего не быть у насъ Картезіямъ, говорить онъ въ той же статьѣ, для чего не быть Локамъ, для чего не быть Невтонамъ? Россійскія ли острыя головы къ тому неспособны? Путь ли намъ къ достиженію сего неизвѣстенъ? Воспаленные усердными таковыми желаніями тщатся сбытію оныхъ поспѣшествовать и самымъ дѣломъ. Увидимъ и мы Темпейскія Россійскихъ музъ долины прозращеніями, плодомъ обремененными, покрыты! Возвеселимся пріятнымъ ихъ обоняніемъ и наслаженіемъ! Къ сему требуется только время и наше терпѣніе“¹⁾.

Очевидно, во времена „Собесѣдника“ роль переводовъ уже кончалась, и русскіе люди почувствовали возможность самобытной и самостоятельной дѣятельности на словесномъ поприщѣ.

Этотъ же духъ самостоятельности и самоуваженія обнаружился и въ области исторіи. Еще въ 1757 году напечатано было въ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ* „Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о Россійскомъ государствѣ“, въ которомъ впервые высказано было возраженіе противъ всякой лжи и клеветы, распространявшихся иностранцами о нашемъ отечествѣ.

„Всякой, читая со вниманіемъ печатныя въ чужестранныхъ зе-

¹⁾ *Ежемесячные Сочиненія*, 1757, февраль, стр. 139—140.

мляхъ о Россійской имперіи книги, сказано въ этой статьѣ, и самъ имѣя нѣкоторое знаніе въ Россійской исторіи и географіи, не можетъ спорить, что оныя книги наполнены премногими погрѣшностями; что очень много въ нихъ недостаетъ того, что потребно къ обстоятельному знанію о Россіи, и что повторяются въ нихъ разныя извѣстія, писанныя лѣтъ тому назадъ за сто и за двѣсти, къ безславію Россійскаго народа, равнообразно какъ бы оныя времена еще не миновались, въ коихъ предки наши болѣе къ войнѣ, нежели къ наукамъ склонны будучи, имѣвши съ иностранными народами весьма малое сообщеніе, конечно, отъ насъ, ихъ потомковъ, нравами и обхожденіемъ (въ чемъ признаться намъ не стыдно) нѣсколько были отличны. Но за что насъ попрекать всегда тѣми же пороками, когда оныя при возсіявшемъ наукъ свѣтѣ, обстоятельнымъ познаніемъ должностей, коими мы Богу, ближнему и самимъ себѣ обязаны, коротко сказать, изученіемъ правоучительной науки, и разумнымъ подражаніемъ всему тому, что у другихъ благонравныхъ народовъ похвалы достойное примѣчается, хотя не у всѣхъ, однако у лучшей части Россійскаго народа благополучно прекратились“.

Далѣе совершенно вѣрно указываются и причины невѣрныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ иностранцами о нашемъ отечествѣ.

„Причину сему увидѣть не трудно. Никто еще изъ насъ на свѣтъ не издавалъ исторіи о Россійскомъ народѣ и о состояніи сего государства на какомъ нибудь языкѣ иностранномъ. Все, что иностранные о Россіи знаютъ, то предано имъ отъ иностранцевъ же. А большая часть изъ нихъ не знали сами довольно о томъ, что писали. Никто не могъ имѣть довольныхъ способовъ къ полученію нужныхъ къ своему намѣренію извѣстій. Почти всѣ слѣдовали старымъ предувѣреніямъ, а нѣкоторые, повидимому, и хотѣли Россіи отомстить за то, что, будучи въ ея предѣлахъ, не сыскали себѣ счастья по ихъ желанію. Однако такія сочиненія приняты за самыя справедливыя, паче тогда, когда сочинители въ Россіи нѣсколько лѣтъ обрѣтались, другіе въ чинахъ состояли, или находились въ такихъ обстоятельствахъ, что посчастливилось имъ получить болѣе извѣстій, нежели другимъ, или и ѣздили внутрь государства, чѣмъ достали себѣ похвалу, что будто извѣстія, ими записанныя, обстоятельныѣе и достоверныѣе всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ одинъ у другаго выписываетъ погрѣшности, не зная, что то погрѣшности, потому наипаче, что онымъ съ Россійской стороны публичнаго въ книгахъ прекословія и исправленія не бывало.

„Правда, что великодушное презираеіе неосновательныхъ попреканій больше похвалы, нежели порицанія достойно. Неправда оказывается по большей части сама собою, и немногіе писатели умѣютъ искусно закрывать свои пристрастія, чтобъ благоразумные читатели не могли разсудить по онымъ о ихъ нравахъ. Однакожъ кажется, что также потребно, какъ для чести Россійскаго народа, такъ и для удовольствованія иностранныхъ, Россійскую исторію и географію отъ погрѣшностей, которыми искажена она у иностранныхъ писателей, очистить, и находящіеся у нихъ недостатки исправить. *Самое наше Россійское юношество чувствуетъ отъ того немалой вредъ.* Нѣтъ у нихъ печатныхъ на Россійскомъ языкѣ книгъ, изъ которыхъ бы могли получить основательное знаніе своего отечества и достаточное объ исторіи онаго увѣдомленіе. Въмѣсто сего тщатся они удовольствовать свое любопытство описаніями иностранныхъ авторовъ, изъ коихъ собираютъ токмо несправедливыя, и всегда несовершенныя извѣстія, которыя исправлены быть инако не могутъ, какъ долговременнымъ искусствомъ, многотруднымъ чтеніемъ рукописныхъ исторій и воспріятымъ во внутреннія Россійскія страны путешествіемъ... Но когда есть нужда всей Европѣ въ исправныхъ и достаточныхъ описаніяхъ о исторіи и географіи Россійской; *когда честь Россійскія Имперіи того требуетъ, чтобъ находящіеся въ иностранныхъ книгахъ несправедливыя и предосудительныя извѣстія поправлены были; когда необходимо нужно Россійскому юношеству имѣть исправныя книги къ изученію по онымъ исторіи и географіи ихъ отечества: то надлежитъ приступить къ самому дѣлу и потщиться съ прилежаніемъ наградить находящіеся въ семъ помнныя недостатки“*¹⁾.

Эти справедливыя разсужденія академическаго журнала, безъ сомнѣнія, были извѣстны Императрицѣ Екатеринѣ II и не остались безъ вліянія на ея собственные взгляды и сужденія о нашемъ историческомъ прошломъ. Это совершенно ясно обнаруживается въ ея извѣстныхъ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“, помѣщенныхъ въ *Собесѣдникъ*.

Она даже прямо говоритъ въ предисловіи къ „Запискамъ“, что при составленіи ихъ именно имѣла въ виду предохранить русскаго юношество отъ превратныхъ мнѣній и взглядовъ, распространяемыхъ иностранцами о Россіи.

„Сія записка касательно Россійской Исторіи, говоритъ она, сочи-

¹⁾ *Ежемесячныя Сочиненія*, 1757, мартъ, стр. 224—227.

нены для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ Исторіи Россійской, *ком скорѣе именованы можно соображеніями пристрастными*; ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служить, съ какою ненавистью писать, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не только представлено, но къ онымъ не стыдился прибавить злобные толки. Писатели тѣ хотя сказываются, что имѣли Россійскихъ лѣтописцевъ и историковъ предъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же неро ихъ слѣпою страстію водимо было. Безпристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи со исторіями современниковъ великихъ князей Россійскихъ каждаго вѣка, усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка, и что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинакіе способы. Всѣ Европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе Евангельское, получили правила, дотога имъ неизвѣстныя, кои не иначе могли переимѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей, старинной занятые, какъ мало-по-малу¹⁾.

Какъ бы сознавая, что и ея „Записки касательно Русской исторіи“ могутъ быть заподозрѣны читателями въ пристрастномъ искаженіи фактовъ, такъ какъ она и сама была иностранка, она въ выноскѣ къ своему предисловію съ законною гордостію говоритъ о себѣ:

„Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской исторіи не въ числѣ змѣи *вскормленныхъ за назухой*, онъ *вмѣхъ своей чинился вытолнить долѣ благодарнаго сердца*. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы; непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту, или порочнаго умножать дурноту, и тѣмъ подобиться немскусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его“.

Ясно, такимъ образомъ, что Императрица поставила себѣ въ своемъ историческомъ трудѣ благородную и достойную полнаго сочувствія задачу: историческимъ обозрѣніемъ прошлой судьбы русскаго народа и сравненіемъ ея съ историческимъ прошлымъ другихъ народовъ, съ одной стороны—поколебать неблагоприятное для насъ мнѣніе о насъ иностранцевъ, а съ другой — ободрить духъ русскаго общества, поддержать въ немъ чувство самоуваженія, потрясенное продолжительнымъ умственнымъ и нравственнымъ приниженіемъ нашимъ

¹⁾ *Собесѣдникъ*, ч. I, стр. 104—105.

передъ иностранцами. Какъ она исполнила эту нелегкую въ то время задачу, я говорить не буду: интересующіеся этимъ найдутъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ статьѣ Добролюбова о „Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова“, помѣщенной въ *Современникъ*, 1856, № 7 и 8 (также въ соч. Добролюбова, т. I). Конечно, въ то время нельзя было достигнуть такой цѣли безъ натяжекъ, на чтò и было указано тогдашней же историческою критикой. Но императрица, признавая справедливость многихъ замѣчаній на ея историческій трудъ, все-таки, въ концѣ концовъ, выразилась: „что написано, то написано: *по крайней мѣрѣ ни нація, ни юсударство въ оныхъ (то-есть, въ „Запискахъ“)* не умижено“. А это и было въ то время главное, ибо для научно-безпристрастнаго историческаго изложенія тогда не наступило еще время.

Это смѣлое, лишенное всякаго колебанія, чувство народнаго самоуваженія, эта благородная вѣра въ себя и въ свои силы составляютъ главное достоинство *Собесѣдника* и главную его заслугу передъ русскимъ обществомъ. Имѣя въ виду только пользу общества, издатели не боялись критики и смѣло призывали ее на страницы своего журнала. Въ первой же части *Собесѣдника* (стр. 160—161) помѣщено обращеніе къ публикѣ „отъ издателей“, въ которомъ выражена такая просьба:

„Издатели сего *Собесѣдника* просятъ всѣхъ любителей Россійскаго слова и всю публку, *если кто захочетъ написать критику на какое либо сочиненіе, находящееся въ семъ собраніи, не искать другихъ типографій къ напечатанію таковыхъ критикъ или сатиръ, но присылать оныя прямо къ издателямъ сего Собесѣдника или на имя ея сятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, конечно, прикажетъ оныя безъ наималышней перемѣны напечатать въ семъ же Собесѣдникѣ: ибо желаніе ея есть, чтобъ Россійское слово вычищалось, процвѣтало и сколь возможно служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, а критика, безъ сомнѣнія, есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли*“.

И редакція *Собесѣдника* твердо держалась этого обѣщанія и охотно помѣшала на страницахъ своего журнала иногда довольно рѣзкія сужденія о появлявшихся въ журналѣ статьяxъ. Такъ, напри- мѣръ, по поводу напечатаннаго въ VII ч. *Собесѣдника* „Письма къ сочинителю Былей и Небылицъ, съ приобщеніемъ предисловія къ исторіи Государя Императора Петра Великаго“, въ слѣдующей VIII части появилось „Прошеніе къ господамъ издателямъ *Собесѣдника*, въ которомъ рѣзко осуждается не русскій языкъ „Письма“.

„Прочитавъ помянутое письмо къ сочинителю Былей и Дебылицъ, говорить авторъ возраженія, а прежде всего (по самой модной склонности выѣшнихъ читателей) началъ отгадывать сочинителя. Преждеподумалъ я, что сей сочинитель Французъ. — Никакой Французъ не смѣетъ прикрывать вѣнчанную главу Квакерскою шляпою. — Конечно, Англичанинъ? — Англичане предлагаютъ мысли свои ясно и пишутъ, не запутываясь въ нескладныхъ шуткахъ. — Ну, такъ нѣмецъ? — Въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ больше *пустомыслія* и *полномыслія*. *Русскому-же писателю не возможно сочинить такого сочиненія, въ которомъ едва есть ли единая строка, написанная русскимъ слоюзомъ.* И такъ покорно прошу отгадать, кто онъ таковъ?... Скучно бы вамъ было, господа издатели, а болѣе еще читателямъ вашимъ, ежели бы я... написалъ здѣсь всѣ ошибки господина сочинителя;... онѣ столько каждому читателю примѣтны, что и нужды нѣтъ ихъ выписывать: *съ щету, такъ, частыя про, винительные надежи послѣ не, вмѣсто родительныхъ, и прочія ошибки попадаются на каждой строкѣ*“.

Вопросы языка вообще занимаютъ видное мѣсто въ журналѣ книжки Дашковой.

Такъ, въ 1-й части помѣщена статья „О правописаніи слова драма“, въ которой доказывается, что надо писать *драма*, а не *драмма*. Въ VII-й части Старый служивой, въ письмѣ изъ Карасбазара, выражалъ сожалѣніе, что „къ руководству такой сложной и многочисленной, какъ армія, машины, *нѣтъ точною и сильнаю на Русскомъ языкѣ слова, весь смыслъ онаю выражающию, и на которомъ вся живая и движущаяся войскъ громада, какъ на стержнѣ обращается, и извѣстными пружинами движется, а именно слово дисциплина*“.

По мнѣнію автора, военная дисциплина получила особенное развитіе у древнихъ грековъ и римлянъ, которые „названіе оной на природномъ своемъ языкѣ изображали, чего мы, къ несчастію, въ войскѣ нашемъ, такъ достойно прославляющемся, еще не имѣемъ; а потому и принуждены употреблять иностранное слово, которое хотя чрезъ частое онаго во многихъ случаяхъ повтореніе кажется будто и обрусьло, но не всякому такъ выразительно сила и смыслъ его внятны, какъ бы для пользы службы надлежало“. Опредѣливъ далѣе, что такое военная дисциплина, авторъ письма заканчиваетъ его такими словами: „И такъ, объявляя мое о дисциплинѣ разумѣніе, уповаю я, что вы о важности и пользѣ оной не усумнитесь, а потому и прошу васъ, милостивые государи, какъ любителей Россійскаго слова, и о распространеніи онаго столь славно пекущихся, опредѣлить точное на слово

дисциплина Россійское названіе, дабы дисциплина въ войскахъ Ея Императорскаго Величества не всегда въ одномъ literalномъ только смыслѣ принята была; но водворилась бы она въ сердцахъ военныхъ людей во всемъ свойствѣ ея пространствѣ, душу военную составляющихъ,.... ибо я увѣреннымъ остаюсь, что опредѣленіе дисциплинѣ Россійскаго слова съ объятіемъ всего обширнаго важнаго сей части смысла, подаетъ военнымъ людямъ лучшее и вѣрнѣйшее о дисциплинѣ понятіе; слѣдовательно и къ наблюденію оной возбудитъ отличное въ нихъ стремленіе" (стр. 8—15).

Въ XVI-й части (стр. 81—87) напечатано, безъ подписи имени автора, „Мнѣніе о раздѣленіи Россійскихъ согласныхъ буквъ, въ разсужденіи произношенія предъ ними З и С и о правописаніи по сему раздѣленію“.

Вызвана эта замѣтка тѣмъ, что, по словамъ автора, „многіе изъ новыхъ писателей пишутъ слова по самопроизвольному производству:.... иной пишетъ *сданіе* отъ *созидая*; другой пишетъ *зданіе* отъ *зидуду*, а *прозѣба* и не знаетъ, какъ писать, потому что глаголь *прошу* въ неопредѣленномъ времени *просить*, а не *прозить*. Нѣкоторые говорятъ, что глаголь *здвинуть*, когда онъ значить *здвинуть съ мѣста*, должно писать *здвинуть*; а *здвинуть вмѣстѣ* писать подлежатъ *сдвинуть*, забывая, что сей глаголь происходитъ отъ *содвинуть*, и въ первомъ смыслѣ выпускается только *съ мѣста*, а въ другомъ *вмѣстѣ*; ибо можно сказать *содвинуть съ мѣста* и *содвинуть вмѣстѣ*“.

И хотя авторъ замѣтки не даетъ правильнаго рѣшенія поставленнаго имъ вопроса (почему я и не вижу необходимости останавливаться на его мнѣніи), но его статья интересна, какъ доказательство, какіе грамматическіе вопросы возбуждала тогдашняя, еще не установившаяся, орфографія.—Съ этой орфографической точки зрѣнія можно сказать, что тогдашніе писатели почти всѣ были безграмотны. Въ Крыловскомъ *Зрителѣ* (1792) мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу такое, напримѣръ, правописаніе: *мѣжевать*, *мѣжевицики*, *стмья*, *счадитъ* вмѣсто *щадить*, *нетерпеливость*, *красморечіе*, *речь*, *общитаютъ*, *встѣй*, *облѣкается*, *къ статъ*, *ради* вмѣсто *рады*, *мѣлочъ*, *притеснить*, *ротцатъ*, *шлю* вмѣсто *шею*, *мошенникамъ*, *петерки* вмѣсто *пятерки*, я вошелъ въ *алю*, *нынѣшнее* вмѣсто *нынѣшнее*, *роскошъ*, *забѣнно*, *дараванія*, *знамянуеть*, *малинькій*, *мѣнее*, на всемъ *лице*, *въ душе*, *ханжѣ*, *посвѣщаетъ*, вмѣсто *посвящаетъ*, *двенадцатую*, *ремѣсло*, *первои*, *они* вмѣсто *онѣ*, *клячтъся*, *въ ея* вмѣсто *въ ея*, *хорошею*,

мъчательнымъ, королевствъ, исполню, сво, твою, непремениа, пороженю, пьчаталъ, обезпъчить, колесо, вьщъ, мудреней, и т. д.

Въ *Собесѣдникѣ* же помѣщенъ и „*Отытъ Россійскаго сословника*“ Фонъ Визина (см. части 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю)—первый опытъ словаря синонимовъ.

Наконецъ, въ VII-й части *Собесѣдника* помѣщено интересное „*Начертаніе о Россійскихъ сочиненіяхъ и Россійскомъ языкѣ*“ нѣкогого Любослова.

Въ статьѣ этой послѣ общихъ разсужденій о качествахъ хорошаго литературнаго слога, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію свойствъ русскаго языка и по этому поводу говоритъ:

„Что-жъ касается до преимуществъ Россійскаго языка, то не обинуясь утвердиться можно, что оный изобиліемъ, красотою и важностію превосходить всѣ новѣйшіе языки. Входя въ подробное о семъ изслѣдованіе, всякъ усмотрѣть можетъ ясно, что нѣкоторые неосновательно жалуются на скудость Россійскаго языка. Никакого знанія не должно разсуждать и мѣрять по своимъ силамъ; но надлежитъ сперва о немъ быть совершенну и послѣ о томъ смѣло разговаривать и полагать его предѣлы. Ежели, напримѣръ, Россіянинъ, выѣхавшій изъ своего отечества въ малолѣтствѣ, едва букварь читать умѣи и въ чужихъ краяхъ прожившій до совершеннаго возраста, наполнился чрезъ обхожденіе и чрезъ чтеніе книгъ знаніемъ и любленіемъ иностранныхъ языковъ; ежели оный о Россійскомъ словѣ по своему въ немъ искусству разсуждать будетъ, то едва подумаетъ о немъ лучше, нежели о нѣкоторыхъ скудныхъ языкахъ кочующихъ и непросвѣщенныхъ народовъ, не имѣющихъ словъ къ изображенію правды, совѣсти и всѣхъ дѣйствій, чуждыхъ употребленія ихъ.

„Таковыхъ Россійскихъ путешественниковъ описать я лучше не умѣю, какъ только сравнить съ такимъ Нѣмцемъ, который, бывъ долгое время въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ насторожъ, среди Россія, и чрезъ половину своего вѣка столько по Россійски говорить научился, что могъ имъ за нужду и хлѣба выпросить, и возвратясь въ свое отечество задумалъ разсуждать о языкѣ, нравахъ, обычаяхъ и склонностяхъ Россійскаго народа съ пристрастіемъ и ядовитымъ оужденіемъ. Сіе возбуждаетъ смѣхъ и несносную досаду въ томъ, кто довольно устремляя силу раченія къ испытанію такихъ вещей. Однако то еще несноснѣе кажется, когда не иностранные, но свои Россійской языкъ предъ другими унижаютъ, и вмѣсто того, чтобы прилѣжаніемъ своимъ выбрать изъ книгъ и разговоровъ, что есть сильно, пріятно и

великолѣпно, сокровищемъ онаго обогатиться, и тѣмъ обогащать сочиненія свои, отнимаютъ неосновательными разсужденіями своими и у другихъ къ тому охоту. Что невѣжды въ семъ погрѣшаютъ, и что Россійской языкъ не токмо не единому Европейскому достоинствами не уступаетъ, но и многіе превосходить, подобаясь и равняясь съ древними языцкими Греческимъ и Латинскимъ, въ томъ можно имъ засвидѣтельствовать ясными доводами и многими примѣрами“.

Далѣе авторъ старается доказать, съ одной стороны, богатство русскаго языка, унаслѣдованное имъ отъ языковъ славянскаго и греческаго, съ другой—его древность. „Что надлежитъ до его древности, говоритъ авторъ, то превосходить онъ тоу всѣ нынѣшніе Европейскіе языки; сверхъ того, по многимъ признакамъ равенъ времени Латинскому, ежели еще и не старѣе“.

Чтобы оправдать такое мнѣніе о древности русскаго языка, авторъ выставляетъ слѣдующія положенія, на основаніи которыхъ можно, по его мнѣнію, рѣшить вопросъ, который изъ двухъ сходныхъ языковъ древнѣе:

„1) Ежели оба не малое число оныхъ (то-есть, однихъ) и тѣхъ же коренныхъ словъ имѣютъ; сіе показываетъ, что они оба произошли изъ одного источника; но долгою времени и многими народовъ перемѣнами различились: слѣдовательно оба почти одной древности.“

„2) Ежели сходствующія коренныя слова въ одномъ языкѣ имѣютъ нѣкоторое знаменованіе, съ натурою вещей знаменуемыхъ сходное, чего въ другомъ не находится; и ежели притомъ отъ перваго есть больше сложныхъ и производныхъ: по сему будутъ онѣ въ первомъ прямо коренныя, а въ другомъ ближе къ производнымъ.“

„3) Ежели въ одномъ языкѣ слова, считаема за коренныя, имѣютъ по окончаніямъ и по многимъ слогамъ подобіе производныхъ, и корень въ другомъ сыщется; то весьма вѣроятно, что оныя отъ сего происходятъ.“

„4) Когда въ одномъ языкѣ за коренное считаемое слово можно раздѣлять на два, которыя суть въ другомъ языкѣ, и сложеніе ихъ будетъ съ натурою вещи сходно; то нельзя сомнѣваться, что сіи суть простыя, а оныя сложенныя реченія“.

Основываясь на этихъ положеніяхъ, авторъ сопоставляетъ русскія слова съ латинскими и приводитъ 106 сходныхъ по корнямъ словъ, каковы, напримѣръ:

Aser — остръ.

Agnus — агнецъ.

Ago	—орю.
Avena	—овесь.
Collis	—холмъ.
Collumbus	—голубь.
Flamma	—пламя.
Frater	—братъ.
Frutex	—пруть.
Hortus	—огородъ.
Ignis	—огонь.
Laevus	—лѣвый.
Mater	—мать.
Mens	—мысль.
Molo	—мелю.
Mors	—смерть.
Mus	—мышь.
Nasus	—носъ.
Ovis	—овца.
Plenus	—полонъ.
Sal	—соль.
Scamnum	—скамья.
Semen	—сѣмя.
Vesper	—вечерь.
Video	—вижу.
Unda	—вода.
Volo	—волю.

Всѣ эти слова „должны были начаться купно съ началомъ Славянскаго и Латинскаго народа, для того что они значать вещи, необходимо нужныя въ человѣческой жизни и относящіяся къ нравственному и физическому употребленію“.

Другое доказательство древности Славянскаго языка авторъ видитъ въ его географической распространенности. „Отъ горъ Альпійскихъ до Восточнаго океана; отъ Дуная до Ледовитаго моря распространяется ихъ голосъ, Россіяне, Поляки, Болгары, Сербы, Моравы, Кроаты, Чехи, Славяне, Литва, Венды и многіе другіе суть какъ бы потомки, отъ него происшедшіе, всѣ показующіе ясно, сколь надобно долгое къ тому было время, чтобъ имъ толь обширно распространиться, и коль силенъ и великъ былъ народъ Словенскій, толкіи произведшій поколѣнія. Сіе все разсуждая, какъ возможно спорить противъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ, за долгое время до Рождества

Христова полагающихъ обитаніе Славянъ отъ Чернаго моря до Ильмена и до Бѣла озера“.

Всѣ эти соображенія послужили автору основаніемъ для слѣдующихъ заключительныхъ словъ:

„По снмъ обстоятельствамъ Россійскій языкъ красотою, изобиліемъ, важностію и разнообразными родами мѣръ въ стихотворствѣ, какихъ нѣтъ въ другихъ, превосходитъ многіе Европейскіе языки, а потому и сожальтельно, что Россіяне, пренебрегая столь сильный и выразительный языкъ, ревностно домогаются говорить или писать не совершенно языкомъ весьма нязкимъ для твердости нашего духа и обильныхъ чувствованій сердца. Въ столичныхъ городахъ дамы стыдятся въ большихъ собраніяхъ говорить по Россійски, а писать рѣдкія умѣютъ. Сія зараза распространяется и въ провинціи. О образованіи разсудка, о чтеніи полезной Россійской книги, о писаніи на собственномъ языкѣ думаютъ очень мало. Примѣрные писатели всѣхъ народовъ писали на отечественномъ языкѣ, и нѣтъ ни одного заслуживающаго названія примѣрнаго на двухъ языкахъ. Не можно удивляться тому, что греки и римляне писали съ толь неподражаемою и непрстижимою истиною, силою, достоинствомъ и красотою; ибо они разсуждали, говорили и писали только на отечественномъ языкѣ. До какого бы цвѣтущаго состоянія довели Россіяне свою литературу, если бы познали цѣну языка своего и старались бы на ономъ изображать свои мысли“.

Указанное здѣсь пренебреженіе къ отечественному языку въ тогдашнемъ свѣтскомъ кругу происходило отъ господствовавшаго тогда въ этой средѣ презрительнаго отношенія вообще ко всему русскому и предпочтенія ему всего иностраннаго, преимущественно французскаго. *Собесѣдникъ*, такъ горячо ратовавшій за все русское, не могъ не отмѣтить и этой черты въ жизни современнаго ему общества и помѣстилъ на своихъ страницахъ написанное прекраснымъ, необыкновенно легкимъ для того времени языкомъ стихотвореніе Александра Лабзина:

Французская лавка:

Разерата обошла
Ряды всѣхъ русскихъ лавокъ,
Нигдѣ по мысли не наша
Ни лентъ, ни шпилекъ, ни булавокъ.
Все было не по ней,
Ей не встало Русскихъ.

На что дешевыхъ ей?
 Ей надобно Французскихъ.
 Французское добро годится ко всему,
 Хоть дорого, да мило;
 А Русское всегда негодно ни къ чему;
 Что дешево, то гнило.
 Россійскій мрутъ народъ,
 Не смыслитъ вымыслить различныя дамскія моды.

Зайдя въ русскую лавку, она спросила лентъ. Купецъ подалъ ей лучшія, но не дорогія. Но Разврата, основываясь на недорогой цѣнѣ, приняла ихъ за русскія и потребовала французскихъ.

„Въ Французскихъ лавкахъ гдѣ-жъ изволите купить,
 Отвѣтствуетъ купецъ, лишь только подороже.—
 „Ахъ, Русская сеница! тебѣ-ль меня учить?
 „И вкусъ въ нарядахъ знать твоей ли мерзкой рожѣ?
 „Какъ смѣлъ противъ меня разинуть ты свой ротъ?
 „Le pauvre diable! ты, ты мрутъ, ты Русской скотъ“ .

И разгнѣванная Разврата отправляется къ французенкѣ, у которой товаръ изъ Парижа.

„Парижская въ дрянца получи Русской дрянцъ,
 „Достойна налагать на дамъ Россійскихъ дань“ .

И вотъ, накупивъ за дорогую цѣну этой „парижской дрянцы“, Разврата, вполне довольная, поѣхала домой съ такими мыслями:

„Безмысленныя ест скоты вы Россіане,
 „Французы вамъ ли, ахъ, чета!“

Изъ этого краткаго обзора содержанія и судьбы *Собесѣдника* можно убѣдиться, насколько правъ былъ неизвѣстный корреспондентъ этого журнала, приславшій изъ Звенигорода письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

„Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я ваше изданіе, кое пріятель мой, будучи въ Москвѣ, купилъ и привезъ мнѣ въ гостинецъ. Онъ мнѣ сказывалъ, что только въ Москвѣ и рѣчей, что о сей книгѣ. Говорятъ, что языкъ Россійскій способомъ оной вычистится, слова прямыя опредѣлятся и установятся; что сочиненія русскія размножатся; что сіе изданіе общааетъ и о Исторіи нашей лучшія свѣдѣнія намъ подать, нежели мы до сей поры имѣли; наконецъ, будто и пороки въ посмѣшищество придуть; обычаи, у другихъ народовъ занятые, а намъ несвойственные, откинутся; что нечувствительно число читателей такъ умножится, что и женщины виѣсто, чтобъ въ карты

загадывать или по рядамъ безъ нужды ходить, за чтеніе *Собесѣдника* примутся. Я того отъ сердца желаю; но крѣпко уповать не смѣю, потому что съ тѣхъ поръ, какъ начали молодые наши господа ѣздить въ Парижъ, вкрались въ наши нравы непостоянство, охота къ новостямъ и скучливость къ предпріятному. Что же молодымъ нашимъ путешественникамъ я сіе приписываю, въ томъ вы со мною согласитесь, когда вспомните, что у высшихъ перенимаютъ нижніе. Вотъ для чего я боюсь, что скоро *Собесѣдника* вашего въ число забвенныхъ древностей отложатъ, ни покупать, ни читать не станутъ; да къ тому же въ сочиненіяхъ вашихъ узнавать себя, а потомъ сердиться и придираться къ намъ будутъ¹⁾.

Но если журналъ княгини Дашковой и ея литературнаго кружка просуществовалъ дѣйствительно недолго и отчасти именно отъ тѣхъ причинъ, на которыя указалъ его звенигородскій корреспондентъ, то дѣятельность этого кружка отъ этого мало пострадала, потому что въ томъ же 1783 году, когда положено было начало *Собесѣднику*, кружку этому представилось другое, болѣе обширное поприще, на которомъ онъ могъ съ большимъ усердіемъ и съ большею пользою осуществить свои патриотическія заботы о чистотѣ и литературномъ усовершенствованіи русскаго языка.

Съ тою же цѣлію, какъ и ея журналъ, основана была въ 1783 году княгиней Дашковой и *Россійская Академія*. Поводомъ къ ея учрежденію послужилъ разговоръ княгини Дашковой съ императрицей Екатериной II въ царскосельскомъ паркѣ въ 1783 году. Предметомъ разговора были красота и богатство русскаго языка.

„Я замѣтила“, разказываетъ княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, „что ничего болѣе не нужно, кромѣ правилъ и хорошаго словаря, чтобы нашъ языкъ вполнѣ освободить отъ иностранныхъ словъ и фразъ, которыя такъ много уступаютъ нашимъ собственнымъ въ выразительности и силѣ и которыя такъ нелѣпо въ него введены“. Послѣдствіемъ этого разговора былъ наскоро набросанный княгиней Дашковой, по приказанію императрицы, планъ образованія Россійской Академіи, который и былъ утвержденъ императрицей. а 30-го сентября 1783 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской Академіи, предсѣдателемъ которой была назначена княгиня Дашкова.

По уставу Академіи, она должна была имѣть предметомъ своимъ

¹⁾ *Собесѣдникъ*, ч. II, стр. 8—9.

очищеніе и обогащеніе русскаго языка; установленіе употребленія словъ; свойственное русскому языку витійство и стихотворство. Для достиженія этихъ цѣлей должно: *составить русскую грамматику, русскій словарь, риторіку и правила стихотворства.*

Членами Академіи избраны были:

Выдающіеся тогдашніе писатели: Фонъ Визинъ, Херасковъ, Державинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Хемпицеръ, Капнисть и другіе. Названные писатели всѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, Хемницера) были членами литературнаго кружка княгини Дашковой и сотрудниками „Собесѣдника“. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились, какъ члены Академіи, Дмитріевъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ.

Ученые, преимущественно члены *С.-Петербургской Академіи Наукъ*: Лепехинъ, Озерецковскій, Севергинъ, Котельниковъ, Протасовъ, Румовскій и другіе; также *профессора Московскаго университета*: Барсовъ, Десницкій и друг.

Наконецъ, *представители высшаго круга*, заявившіе такъ или иначе свое сочувствіе къ литературѣ: И. И. Шуваловъ, Олсуфьевъ, Болтинъ, Козодавлевъ, протоіерей П. Алексѣевъ, епископъ Дамаскинъ Рудневъ, архимандритъ Аполлосъ Байбаковъ и другіе.

Нельзя при этомъ не отмѣтить слѣдующаго выдающагося обстоятельства: самое дѣятельное участіе въ трудахъ Академіи принимали лица духовныя, составлявшія четвертую долю всего числа членовъ. Они усерднѣе всего посѣщали собранія Академіи, составляя въ нихъ нерѣдко большинство; они же принимали постоянное и видное участіе въ главномъ трудѣ Академіи—составленіи словаря.

При императрицѣ Екатеринѣ II Академія существовала, главнымъ образомъ, на суммы кабинета Ея Величества. При Императорѣ Павлѣ I президентъ Академіи, кн. Дашкова, была сослана, и члены съ минуты на минуту ожидали закрытія самой Академіи. И когда сообщено было имъ извѣстіе, что отпускъ изъ кабинета суммъ на поддержаніе Академіи прекращается, академики почувствовали радость, ибо этимъ косвенно признавалось за Академіей право на существованіе, но только уже собственными средствами. Императоръ Александръ I возвратилъ Академіи все отнятое у нея и притомъ за все время, протекшее со смерти Императрицы Екатерины II.

Преемниками перваго президента Академіи, княгини Дашковой, были сначала Нартовъ, а потомъ адмиралъ А. С. Шишковъ, сдѣлавшійся полнымъ ея властелиномъ. При немъ совершенно исчезъ въ

Академіи тотъ привлекательный, благородный характеръ, какой съумѣли сообщить ей княгини Дашикова и ея сотрудники. Несмотря на предвзвѣдки вѣка и свое высокое общественное положеніе, *основой академической жизни княгиня Дашикова признавала начало равноправности*. Точно такъ же думали и остальные первоначальные члены Академіи. Въ одномъ изъ протоколовъ ея сказано: „Крѣпчайшій союзъ, связующій общій господъ членовъ трудъ, состоитъ въ ихъ *равенствѣ*“.

Но въ президентство Шишкова все это измѣнилось. Общество, съ такимъ сочувствіемъ относившееся къ Академіи въ первую половину ея дѣятельности, гордившееся этимъ учрежденіемъ, постепенно стало относиться къ Академіи все равнодушнѣе, холоднѣе и, наконецъ, перешло къ явному нерасположенію. Мало-по-малу съ именемъ Россійской Академіи стало соединяться понятіе застоя, нетерпимости, отсталости.

„Одною изъ причинъ этого, говоритъ историкъ Академіи, М. И. Сухомлиновъ, изъ обширнаго труда котораго заимствованы эти краткія свѣдѣнія объ исторіи Академіи, „было преобладаніе (при А. С. Шишковѣ) *канцелярскаго начала* въ устройствѣ и духѣ Академіи. Эта бюрократическая заплата въѣдалась все глубже и глубже и превратила ученое учрежденіе въ мертвую канцелярію, проникнутую духомъ казенщины и нетерпимости“.

Подобно своему престарѣлому президенту, Академія съ старческимъ безсиліемъ доживала свои послѣдніе дни. 10-го апрѣля 1841 года скончался ея маститый президентъ А. С. Шишковъ. На докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, Императоръ Николай I написалъ: „Представьте мнѣ прозкъ соединенія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ“. А 19-го октября, 1841 года послѣдовалъ на имя министра народнаго просвѣщенія Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано:

„Обращая непрерывное вниманіе на успѣхи отечественной словесности и имѣя въ виду споспѣшествовать ея развитію приведеніемъ занятій учрежденія, которому ввѣрено попеченіе о русскомъ словѣ, въ единство и совокупность съ трудами первенствующаго ученаго сословія въ Имперіи, я призналъ за благо, на основаніи утвержденного сегодня положенія и штата, присоединить Императорскую Россійскую Академію къ Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности“¹⁾.

¹⁾ Словарь церк.-слав. и русск. языка, составлен. II отд. Ак. Н., стр. 1.

Подобно тому, какъ предшествовавшее Россійской Академіи Вольное Россійское Собраніе передало своей преемницѣ продолженіе своей дѣятельности и многихъ своихъ членовъ, такъ и Россійская Академія передала второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ какъ свои цѣли и задачи, такъ и многихъ своихъ членовъ: по преобразованіи Россійской Академіи во второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ 14 членовъ Россійской Академіи утверждены были академиками Академіи Наукъ, а 35 членовъ сдѣланы были почетными членами ея Второго отдѣленія.

Проеуществовавъ 58 лѣтъ (съ 1783 по 1841), значить—гораздо долѣе всѣхъ предшествовавшихъ ей учреждений, Россійская Академія, состоявшая, особенно въ первую половину своей дѣятельности, изъ передовыхъ людей своего времени какъ въ области литературы, такъ и въ области науки, не могла не дать хорошихъ и обильныхъ плодовъ.

Въ первую, меньшую, но важнѣйшую половину своей жизни, Россійская Академія ознаменовала свое существованіе крупнымъ трудомъ: въ 1789—1794 годахъ появился *Словотпроизводный словарь*, изданный Академіей въ шести частяхъ.

Этимъ осуществилась завѣтная мысль, долго желѣнная многими русскими людьми еще до учрежденія Академіи. Извѣстно, что объ изданіи словаря русскаго языка, кромѣ существовавшего при Академіи Наукъ Россійскаго Собранія и Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ университетѣ, помышлялъ и Ломоносовъ. И хотя ему не удалось этого исполнить, но за то духъ его незримо носился надъ трудомъ Россійской Академіи, и, по словамъ ея историка, М. И. Сухомянова, вліяніе Ломоносова, особенно при составленіи словаря, видно во всемъ: въ выборѣ словъ, примѣровъ, въ способѣ ихъ объясненія, въ указаніи особенностей слога, во взглядѣ на литературный языкъ вообще. Въ основу понятій и взглядовъ академиковъ положено разсужденіе Ломоносова „О пользѣ чтенія книгъ церковныхъ“. Изъ сочиненій Ломоносова приведено болѣе всего примѣровъ: изъ всѣхъ помѣщенныхъ въ Словарѣ примѣровъ изъ произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія, болѣе девяти десятыхъ взято изъ сочиненій Ломоносова.

Что касается научнаго значенія изданнаго Академіей Словаря, то оно давно оцѣнено такими выдающимися учеными, какъ Шлецеръ, Карамзинъ, Добровскій и И. И. Срезневскій.

Шлецеръ называетъ Словарь Академіи предпріятіемъ патристическимъ, потребовавшимъ много работы, усиленной и напряженной, но за то и увѣнчавшейся успѣхомъ.

Карамзинъ, въ своей благодарственной рѣчи въ день избранія своего въ члены Академіи (5-го декабря 1818 года), такъ отозвался объ академическомъ словарѣ: „Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіей, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иностранцевъ“¹⁾.

Добровский говоритъ, что изданіемъ своего словаря Академія соорудила себѣ прочный памятникъ, дѣлающій ей великую честь. Словарь ея есть произведеніе, во многихъ отношеніяхъ превосходное.

И. И. Срезневскій въ своемъ замѣчательно безпристрастномъ отзывѣ о Словарѣ Академіи, такъ опредѣляетъ его научное достоинство:

„Въ Словарѣ словопроизводномъ опредѣленія и словопроизводство произвольны, иныя совершенно неправильны; нерѣдко выказывается нетвердое знаніе русскаго языка, еще болѣе незнаніе общихъ началъ языкознанія,—и между тѣмъ въ немъ господствуетъ тонъ диктаторскій такъ, какъ въ словарѣ академіи французской. Но съ другой стороны нельзя не удивляться, какъ много сдѣлала Академія въ одинъ разъ—Академія, не сильная въ своемъ составѣ опытностію филологическою, не предупрежденная въ своей дѣятельности никакими важными подготовительными трудами. Теперь, когда уже нѣтъ надобности пользоваться этимъ словаремъ, можно только съ благодарностію вспомнить о благородной рѣшимости членовъ Академіи и, забывая о несовершенствахъ ихъ труда, глядѣть на него, какъ на начало словарной разработки русскаго языка..... Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими“.

Наконецъ, Второе отдѣленіе Академіи Наукъ, въ предисловіи къ изданному имъ Словарю церковно-славянскаго и русскаго языковъ, про Словарь Россійской Академіи выразилось:

„Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребленія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областного быта, кромѣ самаго истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ,

¹⁾ Чтеніе въ торжествен. собр. Импер. Росс. Акад. 5-го дек. 1818. С. 116. 1818, стр. 28.

увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства“.

Въ этомъ отзывѣ Второго отдѣленія о словопроизводномъ словарѣ Россійской Академіи, въ числѣ достоинствъ этого Словаря указаны: приведеніе реченій изъ простонароднаго и областного быта и истолкованіе ихъ. Но откуда же она взяла ихъ? Легко сравнительно сдѣлать это теперь, когда у насъ есть областные словари Академіи Наукъ, Даля и другихъ собирателей, когда въ библиотекахъ Академіи Наукъ, Географическаго общества и его отдѣловъ накоплено громадное количество доставляемыхъ со всѣхъ концовъ Россіи областныхъ словъ и выраженій. Но въ XVIII столѣтіи ничего еще не было сдѣлано, хотя мысль о необходимости собирать эти слова существовала. Первымъ, обратившимъ вниманіе на этотъ неисчерпаемый живой источникъ русской рѣчи, было, какъ мы видѣли, Вольное Россійское Собраніе при Московскомъ университетѣ.

Кромѣ него, мы должны съ глубокою и радостною благодарностью вспомнить почти всѣхъ первыхъ нашихъ русскихъ ученыхъ: Магницкаго, Тредьяковскаго, Ададунова, Ломоносова, Румовскаго, Лепехина, Севергина, Озерецковскаго, Котельникова, Протасова, Соколова, Иноходцева, Захарова, Кононова. Всѣ они, каждый по своей специальности, стремились въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ замѣнять иностранные научные термины русскими и находили въ живой народной рѣчи или готовое уже слово или наглядное указаніе для образованія новаго потребнаго слова. Только благодаря ихъ трудамъ въ этой области, Россійская Академія нашла возможность исполнить, хотя бы только отчасти, плодотворную мысль Императрицы Екатерины II. Въ 1792 г. княгиня Дашкова сообщила Академіи, что Ея Императорскому Величеству благоугодно, чтобы „въ сочиняемомъ Академіею словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а наипаче реченій, замѣняя оныя словами или древними, или вновь составленными“. Постановивъ: стараться „по крайней возможности“ объ исполненіи воли Государыни, Академія нашла богатый матеріалъ въ сочиненіяхъ только что названныхъ мною ученыхъ.

Русская *математическая* терминологія встрѣчается впервые въ трудахъ Магницкаго, Ададунова, Румовскаго, Никитина, Суворова.

Русская *грамматическая* терминологія—въ сочиненіяхъ Смотрицкаго, Тредьяковскаго, Ломоносова, Ант. Барскаго.

Русскіе термины въ области *естествознанія*—въ сочиненіяхъ Лепехина, Севергина, Озерецковскаго, Соколова.

Русская медицинская терминологія—въ трудахъ Протасова, Ыбелина.

Благодаря усиленію и горячему чувству любви ко всему родному вообще и къ родной рѣчи въ особенности всѣхъ этихъ ученыхъ, русская наука заговорила наконецъ русскимъ, для всѣхъ понятнымъ языкомъ, и одно это должно было содѣйствовать распространенію научныхъ знаній въ нашемъ обществѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ внѣшнія мѣропріятія.

Въ 1794-мъ году Россійская Академія приступила къ составленію *Алфавитнаго словаря*, съ переводомъ словъ на латинскій, французскій и нѣмецкій языки. Словарь этотъ оконченъ въ 1822 году. По числу словъ онъ гораздо богаче Словопроизводнаго словаря: въ последнемъ было 43.257 словъ, а въ азбучномъ—81.388 словъ. Объ этомъ трудѣ Академіи И. И. Срезневскій даетъ такой отзывъ:

„Азбучный словарь Академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій Россійской Академіи. Издавши этотъ словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала“.

Такимъ образомъ, съ появленіемъ обонхъ словарей, осуществилась одна изъ главнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ себѣ Академіей,—*изданіе русскаго словаря*.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ этихъ словарей, особенно словопроизводнаго, одно ихъ появленіе было уже крупною заслугой, сильно подвинувшею впередъ отечественное языкознаніе. При тогдшнемъ состояніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи недостатки въ подобномъ трудѣ были неизбѣжны. Извѣстный профессоръ Московскаго университета А. Θ. Мерзляковъ въ одной изъ своихъ статей писалъ: „Хорошій *словарь* въ глазахъ обыкновенныхъ людей есть обыкновенное собраніе реченій; но въ глазахъ истиннаго философа это есть дѣло великое, требующее предварительныхъ глубокихъ познаній во всѣхъ наукахъ; ибо разбирать слова по ихъ началамъ, производству, измѣненіямъ и взаимному отношенію, есть то же, что разсматривать всю природу въ ея частяхъ, связяхъ и дѣйствіяхъ, непостижимо безчисленныхъ. Языкъ есть изображеніе всего, что существовало, существуетъ и будетъ существовать—всего, что только можетъ обнять и постигнуть мысленное око человѣка. *Потому-то хорошій словарь всегда бываетъ только плодомъ наукъ позднѣйшихъ въ ходъ образованности народной, плодомъ усовершенствовавшейся уже грамматики и логики*“¹⁾.

¹⁾ Труды Общества Люб. Росс. Слов., ч. 16-я, стр. 234.

Достоинства же и важность изданныхъ Россійскою Академіей словарей, кромѣ указанныхъ въ вышеприведенныхъ отзывахъ нашихъ ученыхъ, состояли еще и въ томъ, что они послужили родоначальниками для множества иноязычныхъ словарей, въ которыхъ мы тоже сильно нуждались: для „Русско-французско-нѣмецкаго словаря“ Ивана Гейма (1799—1802), для „Новаго и полнаго Россійско-французско-нѣмецкаго словаря“ 1813 года (неизвѣстнаго составителя), для „Ручного Россійско-нѣмецкаго и Нѣмецко-россійскаго словаря“ Шмидта (1815), для „Русско-англійскаго и Англійско-русскаго словаря“ Паренаго 1817, для „Карманныхъ словарей“ (Россійско-нѣмецкаго, 1824—1825, и Русско-французскаго, 1838) Е. Ольдекопа, для „Ручного Россійско-Польскаго словаря“ Станеевича, 1826, и, наконецъ, для „Параллельныхъ словарей“ Рейфа.

Одно это перечисленіе иноязычныхъ словарей, составленныхъ разными лицами и въ разное время по словопроизводному словарю Россійской Академіи, показываетъ, что изданіе этого словаря было заслугой не только передъ русскими, но и передъ иностранцами: нѣмцами, французами, англичанами и поляками, какъ справедливо замѣтилъ А. Красовскій въ статьѣ: „Опытъ исторіи Императорской Академіи“¹⁾.

Въ 1794 году Россійская Академія приступила къ исполненію второй своей задачи—составленію *русской грамматики*, для чего образованъ былъ при Академіи грамматическій отдѣлъ. Три раза разсмотрѣвъ и обсудивъ этотъ трудъ, Академія издала наконецъ свою грамматику въ 1802 году. Нѣсколько разъ потомъ переизданная, она представляетъ въ сущности передѣлку грамматики Ломоносова.

Третья мысль Академіи—издать *риторику и пиитику*—не осуществилась, хотя попытки и были дѣлаемы нѣкоторыми ея членами. Правда, въ 1811 году Академія издала „*Науку стихотворства*“, составленную профессоромъ Харьковскаго университета И. Рижскимъ, но это былъ личный трудъ Рижскаго, и Академія участвовала въ немъ только, какъ издательница.

Кромѣ изданія азбучнаго словаря и русской грамматики, къ заслугамъ Академіи во второй періодъ ея существованія должно отнести еще одну, тоже весьма крупную и важную, именно: *починъ въ сближеніи съ славянскимъ міромъ*.

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1848, № 12, отд. III, стр. 75—76.

Россійская Академія первая заговорила у насъ о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятникъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ. Принимая въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ, она завела постоянныя сношенія съ славянскими учеными обществами и замѣчательными славянскими дѣятелями: Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ. Благодаря ея щедрнымъ пособіямъ, появилось немало научныхъ трудовъ на пользу славянства; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра и т. п.

Чтобы закончить нашъ, хотя и длинный, но, въ сущности, бѣглый обзоръ дѣятельности прежнихъ ревнителей русскаго слова, намъ необходимо остановиться на трудахъ еще одного, много потрудившагося на пользу русскаго слова, учрежденія.

Въ 1811 году основано было при Московскомъ университетѣ *Общество Любителей Россійской Словесности*, первое засѣданіе котораго состоялось въ послѣднихъ числахъ сентября этого года.

„Оно учреждается, сказано было въ 3-мъ параграфѣ его устава, для того, чтобы распространить свѣдѣніе о правилахъ и образцахъ здоровой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на русскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи“. На основаніи этого параграфа, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому „Трудовъ“ его, въ виду Общества „будутъ, съ одной стороны, *наблюденія и правила, касающіяся вообще до языка и словесности*, а съ другой—собственные опыты“. Поэтому, въ *Трудахъ* Общества помѣщено, между прочимъ, много статей *по исторіи* русскаго языка и по разнымъ, тогда еще не рѣшеннымъ грамматическимъ вопросамъ.

Главнѣйшимъ вопросомъ, обсуждавшимся въ *Трудахъ* Общества, былъ вопросъ о *церковно-славянскомъ языкѣ*, о его происхожденіи, свойствахъ, особенностяхъ, отличіи отъ русскаго и т. п. Въ статьѣ своей: „О славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ“, помѣщенной въ VII части *Трудовъ* Общества, Каченовскій спрашивалъ:

„Я хочу знать, какой именно народъ говоритъ или говорилъ на этомъ славянскомъ языкѣ, гдѣ онъ обитаетъ, или обиталъ; коренной ли, главный ли языкъ сей, или онъ есть только нарѣчіе другаго? вотъ обширный смыслъ моего вопроса. Ищу отвѣта въ велерѣчивыхъ

писаніяхъ славянолюбцовъ (то-есть, главнымъ образомъ, А. С. Шишкова): нахожу похвалы необъятному богатству, усладительному благозвучію, отдаленнѣйшей древности сего знаменитаго языка; но нигдѣ не вижу его достовѣрной исторіи“.

Но пока Каченовскій недоумѣвалъ и тщетно искалъ отвѣта на свои вопросы въ многочисленныхъ разсужденіяхъ о славянскомъ языкѣ маститаго президента Россійской Академіи, скромный и малозвѣстный въ то время труженикъ подготовлялъ уже сочиненіе, сразу порѣшившее всѣ вопросы. Статья Каченовскаго напечатана въ 1817 году, а черезъ три года, въ XVII части *Трудовъ* Общества, вышедшей въ 1820 году, появилось знаменитое „*Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ*“ А. Х. Востокова, которое, вмѣстѣ съ „Грамматикой церковно-славянскаго языка“ Добровскаго, положило главное основаніе славянскому языкознанію.

Между прочимъ, оно вызвало замѣчательную статью извѣстнаго тогдашняго археолога К. Ѡ. Калайдовича: „О древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ“, помѣщенную во II части „Сочиненій въ прозѣ и стихахъ“, издававшихся Обществомъ вмѣсто его *Трудовъ*.

Другимъ важнымъ вопросомъ, обсужденіе котораго встрѣчается на страницахъ *Трудовъ* Общества, былъ вопросъ о *русскихъ мазолахъ*, грамматическій строй которыхъ совершенно неправильно излагался въ существовавшихъ въ то время грамматикахъ. Главная ошибка состояла въ смѣшеніи прошедшаго времени съ видами глаголовъ.

Первый, кто указалъ и доказалъ эту ошибку, былъ *Алексій Болдыревъ*, помѣстившій въ первыхъ же книжкахъ *Трудовъ* Общества (1812 г.) двѣ статьи: „Разсужденіе о глаголахъ“ и „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголахъ“. Статьи эти вызвали, съ одной стороны, цѣлую полемику на страницахъ *Трудовъ* Общества, съ другой—новыя попытки исправить этотъ отдѣлъ грамматикъ. Изъ этихъ попытокъ надо указать на статьи *Калайдовича*: „О залогахъ глаголовъ русскихъ (въ *Трудахъ* 1824 г.) и „Новая теорія спряженій русскихъ“ (въ *Трудахъ* 1826 г.).

Изъ остальныхъ статей по разнымъ вопросамъ русской грамматикъ, помѣщенныхъ въ *Трудахъ* Общества, нельзя не припомнить статей тѣхъ же Болдырева и Калайдовича о *степеняхъ сравненія*; статью Калайдовича о *родахъ грамматическихъ* въ русскомъ языкѣ; *Погодина*: „Объ употребленіи *нарѣчій*“; *Саларева*: „О *предлогахъ*“; *Прокоповича*—

Антонскаго: „Мысли объ удареніяхъ въ русскомъ языкѣ“; статей Ив. Давыдова и Кошанскаго о русскомъ синтаксисѣ; статей Петра Калайдовича, Саларева и Коха о синонимахъ; краткаго словаря омонимовъ Снегирева, и, наконецъ, статьи Филомафитскаго: „О знакахъ препинанія“.

Послѣдняя интересна тѣмъ, что это чуть ли не первая попытка поднять вопросъ о знакахъ препинанія.

„Если вникнуть подробнѣе въ этотъ вопросъ, говоритъ Филомафитскій, то явится уму наблюдателя едва ли разрешимый хаосъ, едва ли сообразное разногласіе. Большая часть пишущихъ ставятъ первый понавѣсившійся подъ перо ихъ знакъ, и притомъ нимало не заботясь, будетъ ли онъ у мѣста, или нѣтъ. Нѣкоторые, хотя и ставятъ знаки не безъ разбору, но постигнуть правила, коими они руководствуются при поставленіи знаковъ, невозможно. А многіе столь хитро утончили: свои познанія въ словесности, что знаки препинанія считаютъ почти тѣмъ-то лишнимъ въ оной, или по крайней мѣрѣ нестоющимъ того, чтобы обращать на нихъ вниманіе... На что, — не зная цѣли, не чувствуя пользы, — и употребляютъ уже знаки препинанія? Когда же скольконибудь извѣстна цѣль, ощутительна польза: почему не заняться симъ предметомъ внимательно, не объяснить, не опредѣлить его?.. Я знаю людей, еще называющихся литераторами, кои утверждаютъ, что въ разсудительномъ употребленіи знаковъ препинанія не заключается никакой важности. И обыкновенное возраженіе сихъ людей вотъ какое: „ниши хорошо, и всякій пойметъ тебя, всякъ прочтаетъ тобой написанное, хотя бы ты употреблялъ только малую и большую точку“.

Обо всѣхъ этихъ статьяхъ по разнымъ вопросамъ русской грамматики, помѣщенныхъ въ *Трудахъ* общества любителей россійской словесности, авторъ изданнаго Академіей Наукъ „Опыта общесравнительной грамматики русскаго языка“, Ив. Давыдовъ, тоже нѣкогда членъ этого общества, въ предисловіи къ третьему изданію „Опыта“, справедливо сказалъ, что статьи о русскихъ глаголахъ Болдырева, о залогахъ и степеняхъ сравненія И. Калайдовича, разныя статьи Саларева, Филомафитскаго, Кошанскаго и другихъ, „придали грамматикѣ *гораздо высшее значеніе въ сравненіи съ предыдущимъ направленіемъ*“.

Вотъ краткій очеркъ плодотворной для русскаго языка дѣятельности учреждений, предшествовавшихъ второму отдѣленію Императорской Академіи Наукъ.

Задача, поставленная этому отдѣленію при самомъ его учрежде-

ніи въ 1841 году, была та же, какую преслѣдовала и Россійская академія: *хранить и утверждать языкъ*.

По объясненію самого втораго отдѣленія, „*хранить языкъ* — не значить ли приводить въ стройную совокупность всё его сокровища, разрозненные временемъ и мѣстомъ, для приличнаго и отчетливаго по мѣрѣ надобности употребленія? *Утверждать языкъ* — не есть ли выяснять сокровенные законы языка и подчинять единообразію правилъ многостороннюю его знаменательность?“¹⁾

Но о дѣятельности втораго отдѣленія Академіи Наукъ я распространяться не буду: это не входитъ въ мою задачу, да она и не нуждается ни въ какихъ припоминаніяхъ. Его плодотворная и руководящая дѣятельность у всѣхъ на виду. Изданные имъ десятки томовъ его записокъ, сравнительная грамматика, опытъ областного великорусскаго словаря, словарь церковно-славянскій, матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, издаваемый въ настоящее время Русскій словарь—будутъ вѣчными и незабвенными памятниками его громаднаго значенія въ исторіи русскаго и славянскаго языкознанія.

Точно также навсегда останется неизблемымъ значеніе въ области языкознанія трудовъ такихъ ученыхъ, какъ А. Х. Востоковъ, Г. Павскій, И. И. Срезневскій, Я. К. Гротъ, О. И. Вуслаевъ, В. И. Даль, Потемкинъ и многіе другіе.

Но, какъ ни велики и ни плодотворны были для науки труды предшествовавшихъ поколѣній, научная разработка богатствъ русскаго языка, конечно, не можетъ считаться дошедшею до своего предѣла, дальше котораго ей некуда было бы идти. Все, что сдѣлано до сихъ поръ, имѣетъ исключительно теоретическій характеръ. Пора воспользоваться накопленнымъ богатствомъ научныхъ фактовъ и выводовъ для того, чтобы ввести ихъ въ живой организмъ роднаго литературнаго языка и превратить эти богатые запасы въ его плоть и кровь.

Ф. Штбергъ.

¹⁾ Словарь церк.-слав. и рус. яз., т. I, предисловіе, стр. 1.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Старый порядокъ, какъ предметъ историческаго изученія.

I.

Что такое „старый порядокъ“?

Подъ терминомъ „ancien régime“,—который сдѣлался ходячимъ въ исторической литературѣ въ особенности со времени Токвиля,—разумѣютъ обыкновенно періодъ, обнимаемый послѣдними тремя царствованіями, до 1789 года. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей стараго порядка высказывается, правда, въ пользу ограниченія его двумя лишь послѣдними царствованіями ²⁾. Доводы его, однако, не достаточно убѣдительны, для того, чтобы исключить изъ стараго порядка эпоху Людовика XIV, то-есть ту эпоху, когда этотъ порядокъ окончательно сложился въ своихъ главныхъ чертахъ ³⁾.

---

¹⁾ *Продолженіе*. См. польбскую вѣд. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ *Librest*. „La chute de l'ancien régime“, t. I, l'Introduction, p. XVI.

³⁾ Любопытно, что терминъ „ancien régime“ былъ въ ходу еще до 1789 года, равно какъ и терминъ „révolution“, но тотъ и другой, разумѣется, связывался съ совершенно другими понятіями, чѣмъ тѣ, что владычаютъ въ нихъ нынѣ. Въ 1778—1789 годахъ, „старый порядокъ“ означалъ положеніе вещей до введенія административной реформы, провинціальныхъ собраній. Напримѣръ: „Comme l'ancien régime de M. l'intendant peut revenir, quand la cour le voudra, la province pourra être alors taxée au dixième“, etc. „Lettre d'un habitant de C. à M. de L. L., maire de la ville de B. Amsterdam“, 1779. *Bibliothèque nationale*, LF 95/19. Въ томъ же смыслѣ употребляетъ этотъ терминъ эльзасская исполнительная коммиссія, въ 1788 году. *Archives nationales*, série H 1602.

Важно, впрочемъ, не установленіе начальной даты стараго порядка—всякая попытка приурочить его начало къ определенной хронологической датѣ можетъ имѣть лишь условное значеніе,—важно различеніе хронологическихъ элементовъ внутри этого періода, называемаго старымъ порядкомъ. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, крупною ошибкой трактовать старыи порядокъ en bloc, „огуломъ“, какъ одну, съ начала до конца однородную массу. Дѣло въ томъ, что въ старомъ порядкѣ мы, въ сущности, имѣемъ дѣло не съ одною каксю-либо эпохою, а съ цѣлымъ рядомъ эпохъ, каждая изъ которыхъ имѣетъ свою опредѣленную физиономію.

Если можно сказать, что внутренній строй Франціи, въ томъ видѣ какъ онъ сложился къ половинѣ семнадцатаго вѣка, просуществовалъ въ общихъ чертахъ вплоть до послѣднихъ лѣтъ стараго порядка, то это не значитъ, чтобы весь этотъ полуторавѣковой періодъ былъ временемъ застоя и неподвижности. Былъ ли то прогрессъ, или же, наоборотъ, движеніе назадъ, это другой вопросъ—вопросъ, сейчасъ къ дѣлу не относящійся,—для насъ важно отмѣтить самый фактъ движенія. Въ самомъ дѣлѣ, внутри этого „установившагося въ общихъ чертахъ“ строя происходила постоянная, хотя и медленная работа,—непрерывная, хотя и не бросающаяся въ глаза, эволюція, гораздо менѣ замѣтная въ своемъ процессѣ, чѣмъ въ своихъ результатахъ.

Если искать движенія лишь въ реформахъ, если искать эволюціи лишь въ законодательныхъ актахъ эпохи, то старыи порядокъ, дѣйствительно, долженъ производить впечатлѣніе застоя и неподвижности. Если же всмотрѣться непосредственно въ конкретную историческую дѣйствительность, то мы прямо будемъ поражены тою глубокою переменной, которая произошла въ физиономіи стараго порядка, напримеръ, съ половины семнадцатаго вѣка до второй половины восемнадцатаго.

Мы замѣтимъ, что старыи порядокъ 1789 года вовсе уже не то, что старыи порядокъ 1650 года, и что первый даже отличается болѣе или менѣ существеннымъ образомъ отъ „стараго порядка“ пятидесятихъ годовъ восемнадцатаго столѣтія.

Въ чемъ же дѣло?

Дѣло въ томъ, что совершавшаяся въ старомъ порядкѣ внутренняя эволюціонная работа происходила гораздо менѣ путемъ видимыхъ реформъ, путемъ законодательнаго измѣненія учреждений, чѣмъ путемъ независимыхъ отъ воли и усмотрѣнія законодателя—а вмѣстѣ съ тѣмъ и легко ускользающихъ отъ посторонняго наблюдателя—фак-

тическихъ измѣненій въ самомъ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, если мы бросимъ взглядъ на старый порядокъ второй половины восемнадцатаго столѣтія, то мы не замѣтимъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ ни въ учрежденіяхъ, ни въ законахъ, сравнительно съ серединою предшествующаго столѣтія. Да, законы были все тѣ же, но не тѣ порядки; тѣ же учрежденія, да люди другіе; другіе люди—другія понятія, другія идеи, чувства другія, другіе идеалы.

„La constitution du gouaume“—займствуемъ это выраженіе у самихъ представителей стараго порядка—„конституція королевства“ оставалась все та же при Людовикѣ XVI, чѣмъ она была и при Людовикѣ XIV, и однако-жъ—какая огромная разница между военно-феодальнымъ „королевствомъ“ одного и государственно-административнымъ „королевствомъ“ другаго,—насколько „абсолютизмъ“ Людовика XVI отличенъ отъ „абсолютизма“ его „великаго“ предшественника,—насколько отношеніе власти къ народу при послѣднемъ не похоже на таковое же отношеніе при первомъ, и т. д. По вѣрному замѣчанію одного наблюдательнаго современника, все, что, въ послѣднюю пору стараго порядка, не подверглось законодательному „смягченію“,—все это испытало такое смягченіе благодаря происшедшей перемѣнѣ въ нравахъ и привычкахъ повседневной жизни ¹⁾. Болѣе наглядно, хотя и не безъ нѣкоторой вычурности, въ духѣ своего времени, формулируетъ аналогичное наблюденіе и другой современникъ-наблюдатель стараго порядка. „Сто лѣтъ тому назадъ, говорятъ Сулави ²⁾,—Ламуаньонъ-де-Бавилль тиранизировалъ мою родину (Лангдокъ), гдѣ онъ былъ интендантомъ,—и посмотрите на эту перемѣну во взглядахъ и настроеніи общества: Ламуаньонъ де-Бавилль былъ орудіемъ фанатизма, а сегодня Ламуаньонъ де-Мальзербъ—другъ философіи. Ламуаньонъ де-Бавилль былъ гонителемъ протестантовъ, а Ламуаньонъ-де-Мальзербъ—ихъ покровитель, соболѣзующій ихъ бѣдственному положенію; Ламуаньонъ-де-Бавилль наполнялъ протестантами башни Эгморта и фортъ Бреску,—Ламуаньонъ-де-Мальзербъ началъ свое министерство тѣмъ, что заклеилъ позоромъ государственныя тюрьмы“.

¹⁾ *Pasquier*. „Mémoires“, t. I, p. 43—46: „Tout ce qui, dans le droit, n'était pas tempéré par les lois, l'était de fait, par les usages et les moeurs“. Выраженіе Токивиля—„une règle rigide, une pratique molle“—безусловно вѣрно лишь относительно позднѣйшей эпохи стараго порядка, отнюдь не относительно всего стараго порядка вообще. *Tocqueville*. „L'ancien régime et la Révolution“. Paris, 1856, p. 108.

²⁾ *Soulavie*. „Mémoires du règne de Louis XVI“, t. II, pp. 318—320.

Прини́ръ Мальзербъ, министерство котораго было къ тому же мнимо-летнымъ, самъ по себѣ, конечно, ничего еще не доказываетъ. Не въ качествѣ доказательства мы его и цитируемъ, а въ качествѣ лишь частичной иллюстраціи нѣкотораго общаго явленія. Мальзербъ—лишь единица, какъ и Бавилль; но первый изъ нихъ былъ бы такъ же немислимъ въ качествѣ министра Людовика XIV, какъ послѣдній въ качествѣ провинціального интенданта Людовика XVI. Эти двѣ личности, Бавилль и Мальзербъ, дѣйствительно, могутъ служить иллюстраціей той глубокой метаморфозы, которую пережилъ старый порядокъ за послѣднее столѣтіе своего существованія; въ лицѣ этихъ двухъ людей мы, дѣйствительно, имѣемъ дѣло съ представителями какъ бы двухъ различныхъ режимовъ.

Если изъ центральныхъ правительственныхъ сферъ спуститься ниже, въ область провинціальной администраціи,—если взять интендантство, какъ учрежденіе, то *de jure*, по буквѣ законодательнаго текста, мы не найдемъ никакого существеннаго измѣненія въ немъ за послѣдніе полтора столѣтія его существованія; и однако жъ—какая огромная разница *de facto*, въ конкретной дѣйствительности. Неумолимый представитель центральной власти, безпощадный агентъ фиска, интендантъ первой половины семнадцатаго вѣка, хозяйничающій въ своей провинціи на манеръ непріятели въ завоеванной странѣ¹⁾, и интендантъ „экономистъ“ и „филантропъ“ второй половины восемнадцатаго столѣтія, организующій благотворительныя работы для голодающаго населенія, изыскивающій способы „облегченія страждущаго человѣчества“, ведущій себя въ своей провинціи, какъ попечительный хозяинъ въ своемъ имѣніи, принимающій мѣры къ усовершенствованію способовъ земледѣлія, къ развитію мѣстной промышленности, къ улучшенію путей сообщенія,—интенданты этихъ двухъ эпохъ до такой степени не похожи другъ на друга, что ихъ можно было бы принять за представителей двухъ совершенно различныхъ учрежденій. Замѣтимъ, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ своего существованія интендантство испытало еще болѣе глубокую метаморфозу, чѣмъ за предшествующее полустолѣтіе.

¹⁾ Бордосскій парламентъ протестуетъ, въ 1650 году, противъ поведенія интенданта Фулле (Foullé), который, по его словамъ, „a porté le flambeau de la désolation dans plusieurs paroisses, ruyné et bruslé tous les villages et converty une partie du Bas-Limousin et la mieux peuplée en un désert effroyable“. *Leroux*. „La généralité de Limoges“. „Inventaire des archives depart. de la Haute-Vienne“, série C. Limoges, 1891, p. LXVIII.

Что же слѣдуетъ изъ всего этого?

Слѣдуетъ отсюда, именно то, что было замѣчено выше: старый порядокъ не есть нѣчто однородное на всемъ своемъ хронологическомъ протяженіи, а представляетъ, наоборотъ, болѣе или менѣе глубокія измѣненія соответственно различнымъ эпохамъ; другими словами—старый порядокъ слѣдуетъ разсматривать не какъ одну сплошную эпоху, а какъ рядъ эпохъ, имѣющихъ каждая свою физиономію. Старый порядокъ не есть нѣкоторое *sостояніе*, которое можно было бы представить въ одной картинѣ; онъ представляетъ собою нѣкоторую *эволюцію*, послѣдовательный рядъ различныхъ состояній, изъ которыхъ каждое требуетъ specialнаго изученія. Старый порядокъ нельзя, поэтому, изучать *en bloc*, а необходимо расчленивъ его предварительно на его хронологическіе элементы. Всякая попытка представить изображеніе исторической дѣйствительности стараго порядка разомъ, во всемъ его хронологическомъ объемѣ, должна неизбѣжно привести къ смѣшенію чертъ и красокъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ и къ ложнымъ обобщеніямъ, къ распространенію на весь старый порядокъ различныхъ specialныхъ чертъ, принадлежащихъ той или другой отдѣльной эпохѣ его.

Въ исторической литературѣ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, могущихъ иллюстрировать это наблюденіе. Мы видѣли выше, къ какимъ результатамъ привела Бабо попытка трактовать старый порядокъ *en bloc*, и представить въ одной картинѣ провинціальную администрацію стараго порядка на всемъ его хронологическомъ протяженіи. На томъ же ложномъ приемѣ основаны болѣею частью встрѣчающіеся въ исторической литературѣ—либо упреки по адресу предреволюціонной эпохи за прегрѣшенія прежнихъ вѣковъ, либо восхваленія ея—за добродѣтели, которыя, быть можетъ, и были дѣйствительностью въ прежніе вѣка, но которыя отошли въ область преданій въ концѣ стараго порядка. Нѣтъ ничего легче, какъ при помощи такого приема создать изъ стараго порядка, смотря по желанію, либо свѣтлую, идиллическую картину, либо самую мрачную, даже мелодраматическую,—въ обоихъ случаяхъ, не сходя на видъ съ почвы исторической дѣйствительности: стоитъ только соединить въ одну картину свѣтлыя черты всѣхъ эпохъ въ одномъ случаѣ, темныя—въ другомъ. Приемъ практикуемый, конечно, лишь писателями, для которыхъ историческая истина стоитъ, если не на последнемъ, то во всякомъ случаѣ, не на первомъ планѣ; къ сожалѣнію, подобныя писатели не рѣдко въ исторической литературѣ о старомъ порядкѣ и революціи.

Но и помимо подобныхъ, такъ сказать, массовыхъ искаженій— сознательныхъ или безсознательныхъ,—къ сколькимъ частнымъ промахамъ, къ сколькимъ ошибочнымъ сужденіямъ приводитъ „огульное“ трактованіе стараго порядка безъ различія эпохъ. Не рѣдкость встрѣтить, напримѣръ, въ литературѣ, что интендантство конца стараго порядка расписывается красками, почеркнутыми изъ глубины семнадцатаго столѣтія¹⁾.

Подобнымъ же образомъ, сплошь да рядомъ провинціальнымъ генералъ-губернаторамъ, въ концѣ XVIII вѣка, приписываются функція и значеніе, которыя въ эту эпоху отошли уже въ область преданій и воспоминаній²⁾.

¹⁾ Напримѣръ: *La Case*. „Les libertés provinciales en Béarn“, Paris 1865, p. 49: „Nous avons de la peine, avec nos idées actuelles... à nous représenter un intendant, c'est-à-dire un fonctionnaire ayant droit de vie et de mort, présidant le parlement, commandant l'armée, seul juge de la circonscription“, etc. Въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, что касается восемнадцатаго вѣка, 1) интендантъ никогда не имѣлъ „права жизни и смерти“, какъ интендантъ, 2) никогда не председательствовалъ въ парламентѣ, 3) никогда не былъ „единственнымъ судьей въ своей области“.—*Baudouin*. „Notice sur la subdélégation de Toulouse“ („Mémoires de l'Acad. de Toulouse“, 1892): „Ces administrateurs furent surtout des grands prévôts et des intendants militaires“. Опять невѣрно относительно восемнадцатаго, а отчасти даже семнадцатаго вѣковъ.—*Triger*. „L'année 1789 au Mans et dans le Haut-Maine“. Mamers, 1899, p. 47: „(L'intendant) possède, jusqu' en 1789, un pouvoir discrétionnaire et sans limites dans la généralité“. Опять—воиниціи анахронизмъ.

²⁾ Напримѣръ: *Vadeau*. „La province sous l'ancien régime“. Paris, 1894, t. I, p. 178: „En 1764, le gouverneur de Flandre fait faire le denombrement de la population“ (1). Приписывать подобный шагъ генералъ-губернатору во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія—значить совершенно забывать, что генералъ-губернаторъ семнадцатаго вѣка совсѣмъ не то, что генералъ-губернаторъ шестнадцатаго. Совершенно напрасно авторъ ссылается на словарь Экснелли: тамъ идетъ рѣчь не о генералъ-губернаторѣ, а о „главнокомандующемъ“ въ провинціи,—что, какъ увидимъ ниже, было далеко не одно и то же. Подобную же ошибку дѣлаетъ также: *Mége*. „Les premières années de la révolution dans la Basse-Auvergne“. Clermont-Ferrand, 1897, p. 38, 32: „Ces édits (de mai 1788) furent transcrits à peu près le même jour dans toutes les cours par les soins des gouverneurs des provinces“. Въ дѣйствительности, провинціальныя генералъ-губернаторы не только не играли никакой роли въ дѣлѣ майскихъ эдиктовъ 1788 года, но по свойству своей роли въ концѣ восемнадцатаго вѣка, даже и не могли принимать какого-бы то ни было участія въ подобномъ дѣлѣ. Вообще, относительно провинціального генералъ-губернаторства въ концѣ стараго порядка историческая литература изобилуетъ многочисленными недоразумѣніями, большинство которыхъ коренится именно въ недостаточномъ различеніи эпохъ.

Нѣтъ также недостатка въ примѣрахъ, что общая окраска одной эпохи переносится на другую ¹⁾. Вообще, историческая литература стараго порядка загромождена массой недоразумѣній и неточностей какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ смѣшенію различныхъ эпохъ. Въ настоящую минуту, можно сказать, не пришло еще время для общей исторической реконструкціи стараго порядка во всемъ его хронологическомъ объемѣ: подобная реконструкція сдѣлается возможною лишь послѣ того, какъ старыя порядки будутъ подвергнуты детальному изученію по отдѣльнымъ эпохамъ. Такимъ только путемъ можно будетъ установить правильную историческую перспективу въ его изображеніи.

Какъ и на какія именно эпохи было бы всего удобнѣе расчленивъ старыя порядки, въ видахъ его историческаго изученія, это— другой вопросъ, рѣшеніе котораго выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что періодъ 1774—1789 годовъ можетъ быть и даже долженъ быть выдѣленъ изъ общей хронологической массы стараго порядка, въ качествѣ особой эпохи. Не смотря на свою хронологическую краткость, этотъ періодъ носитъ совершенно опредѣленную физиономію, существеннымъ образомъ отличающую отъ періода предшествующаго. Выше мы сдѣлали бѣглый набросокъ параллели между правительствомъ и администраціей конца восемнадцатаго вѣка и первой половины семнадцатаго. Контрастъ вышелъ бы, конечно, гораздо менѣе рѣзокъ, при сопоставленіи періода 1774—1789 годовъ съ предшествующимъ періодомъ; тѣмъ не менѣе контрастъ все-таки существуетъ, во многихъ отношеніяхъ, въ особенности, если взять въ одномъ случаѣ первую половину восемнадцатаго вѣка. Контрастъ этотъ былъ замѣченъ и отмѣченъ еще Токвилемъ, хотя это цѣнное наблюденіе далеко не всегда обращало на себя должное вниманіе со стороны его преемниковъ по изученію стараго порядка. „Генераль-контролеръ и интендантъ 1740 года, замѣчаетъ Токвиль ²⁾, совсѣмъ не походятъ на интенданта и генераль-контролера 1780 года. Адми-

¹⁾ Напримѣръ: *Melin*. „Histoire des Etats de Lille“. „Mémoires de la Société des Sciences, etc. de Lille“, 1869, p. 9: „Pendant les dernières années (de l'ancien régime), qui semblaient consacrées aux intrigues et aux plaisirs, où le calme apparent était à peine troublé par les luttes du Parlement (sic), et où l'apparition d'une pièce de théâtre ou d'un roman littéraire était un événement, les Etats de Lille participèrent au conseil général“ (!!). Не значить ли это рисовать эпоху Людовика XIV красками, заимствованными изъ предшествующаго царствованія?.

²⁾ *Tocqueville*. „L'ancien régime et la révolution“. Paris, 1856, p. 262.

инстративная переписка обнаруживаетъ въ деталяхъ эту истину. Интендантъ 1780 года имѣетъ, правда, тѣ же полномочія, тѣхъ же агентовъ, тотъ же произволъ, что и его предшественникъ, но не тѣ же виды: одинъ былъ занятъ почти исключительно поддержаніемъ провинціи въ повиновеніи, наборомъ въ ней милиціи и въ особенности сборомъ талей; у другаго уже совсѣмъ иныя заботы: его голова наполнена тысячами проектовъ въ видахъ увеличенія развитія общественнаго богатства. Шоссейныя дороги, каналы, фабрика, торговля, вотъ—главные предметы его думъ; земледѣіе въ особенности привлекаетъ къ себѣ его вниманіе“.

Эта характеристика „интенданта 1780 года“ вполне приложима, какъ увидимъ въ послѣдствіи, вообще къ интендантамъ эпохи Людовика XVI, и отчасти даже къ интендантамъ второй половины предыдущаго царствованія: достаточно назвать имена Тюрго—интенданта лиможскаго генеральства, Монтиона—интенданта ріонскаго а потомъ эсскаго и ларошелльскаго генеральствъ, Дю-Клюзеля — турскаго интенданта, и многихъ изъ ихъ коллегъ, для того, чтобы видѣть, что „главные предметы думъ“ интенданта 1780 года далеко не были чужды и многимъ изъ интендантовъ шестидесятихъ годовъ. Шестидесятые годы восемнадцатаго столѣтія можно считать переходною эпохой отъ предшествующаго періода къ времени Людовика XVI, въ особенности въ области провинціальной администраціи; тѣмъ не менѣе, мы считаемъ возможнымъ настаивать на значеніи даты 1774 года, какъ хронологической грани, отъ которой слѣдуетъ начинать послѣднюю эпоху стараго порядка, въ виду коренной перемѣны въ направленіи внутренней политики, происшедшей съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI. Перемѣна эта, наложившая особый отпечатокъ на послѣднія полтора десятилѣтія стараго порядка, въ особенности сильно отразилась, какъ ниже увидимъ, на провинціальной администраціи.

II.

Не менѣе, быть можетъ, важно, при изученіи стараго порядка, не упускать изъ вида того, что, по аналогіи съ историческою перспективою, можно было бы назвать перспективою географической. Если вообще важно различать хронологическіе элементы стараго порядка, то, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, не менѣе важно различать элементы территориальныя. Какъ ни значителенъ былъ прогрессъ, сдѣланный Франціей къ концу стараго порядка, въ направленіи къ

объединенію политическому и культурному,—наканунѣ 1789 года ей было все-таки еще далеко до того единства, картину котораго она представляетъ въ наши дни. Тѣ многочисленные и разнородные территоріальные и этнографическіе элементы, изъ которыхъ постепенно, въ теченіе долгихъ вѣковъ, „собиралась“ Франція вокругъ своего центрального ядра, королевскаго домена, путемъ завоеваній, конфискацій, купли, наследованія, договоровъ съ свѣтскими и духовными сеньорами, съ городскими коммунами, провинціальными штатами и иностранными государями,—каждый изъ этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ территоріальныхъ элементовъ сохранялъ долгое время послѣ своего соединенія съ французскою короной свою первоначальную окраску—культурную, политическую, административную. Францію стараго порядка можно сравнить съ одѣяломъ, сшитымъ изъ множества разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Подъ конецъ краски, конечно, повывѣбли, поблекли, утратили свою былую свѣжесть и яркость, но первоначальная пестрота, хотя и поблекшая, все-таки сохранилась въ извѣстной степени вплоть до 1789 года. Она сохранилась настолько, что еще накануне 1789 года Рабо-Сонть-Этьеннь могъ серьезно задаваться вопросомъ, не будетъ ли химерою—помышлять, что придетъ время, когда всѣ многочисленныя области, изъ которыхъ состоитъ Франція, сольются въ единое цѣлое, подъ однимъ общимъ законодательствомъ, подъ единымъ управленіемъ, основаннымъ на однихъ и тѣхъ же началахъ для всей страны ¹⁾). Одновременно съ нимъ Порталисъ говорилъ, что, конечно, нечего и мечтать о подобномъ объединеніи страны, въ составъ которой входитъ столько различныхъ народностей, управляемыхъ столькими различными мѣстными режимами ²⁾).

Поражающая насъ крайняя калейдоскопичность и разнокалиберность учрежденій до-революціонной Франціи представляетъ собою въ значительной степени лишь отраженіе пестроты ея территоріального состава.

Въ различныхъ областяхъ мы встрѣчаемъ аналогичныя учрежденія подъ совершенно различными именами, и, наоборотъ, нерѣдко одинъ и тотъ же терминъ скрываетъ подъ собою совершенно различныя реальности, смотря по тому о какой провинціи идетъ рѣчь; наконецъ, учрежденія одной и той же категоріи мѣняютъ свою фязіо-

¹⁾ *Champion*. „L'unité nationale et la Révolution“. „Révolution française“, t. XIX, pp. 19—20.

²⁾ *Ibidem*.

номію, часто до неузнаваемости, въ зависимости отъ географической широты и долготы. „Державные совѣты“ (*Conseils souverains*) Руссильона, Артуа, Эльзаса—родные братья любому изъ современныхъ французскихъ парламентовъ; „маръ“, „майоръ“, „бэль“, „прево“, „ревартъ“, „вьергъ“, „первый консулъ“, „королевскій преторъ“, „купеческій старшина“, „лейтенантъ обывателей“: подъ всѣми этими различными наименованіями скрывается въ сущности одно и то же учрежденіе, соответствующее нинѣшнему мѣру (городской голова)¹⁾. „Бальяжъ“, „сенешальство“, „гувернансъ“—опять аналогичныя реальности подъ различными наименованіями, смотря по области²⁾. Наоборотъ, „діоцезъ“ обозначаетъ совершенно различныя вещи, смотря по области, о которой идетъ рѣчь³⁾. Городское управленіе въ одной области часто очень мало походило на муниципальную организацію другой, и даже, случалось, что въ предѣлахъ одной и той же провинціи имѣли силу нѣсколько различныхъ муниципальных режимовъ, основанныхъ на специальныхъ грамотахъ, на частныхъ регламентахъ, а то и вовсе ни на чемъ не основанныхъ, кромѣ давности и незапамятнаго обычая. „Въ Бретани, пишетъ въ 1784 году мѣстный интендантъ Бертранъ-де-Молевиль, насчитывается сорокъ два города; почти всѣ они имѣютъ различную организацію“⁴⁾, такъ что въ названной провинціи оказы-

¹⁾ *Maire*—въ большей части Франціи, преимущественно въ центрѣ и на западѣ; *mayeur*—въ сѣверныхъ областяхъ (*Legrand*. „*Sénac de Meilhan et l'intendance de Hainaut*“, p. 106.—*Babeau*. „*La ville sous l'ancien régime*“, t., p. 164); *bayle*—въ Руссильонѣ (*Brutails*. „*L'économie rurale du Roussillon*“ p. 401), *prévôt*—въ Валансьеннѣ (*Legrand*. „*Sénac de Meilhan*“ etc., p. 107), *revart*—въ Лиллѣ (*Van Hende*. „*L'état de la ville et de la châteltenie de Lille en 1789*“ p. 10), *viery* въ Отенѣ (*Babeau*. „*La ville sous l'ancien régime*, t. I. p. 164), *premier consul*—въ большинствѣ южныхъ областей; *préteur royal*—въ Эльзасѣ („*Almanach d'Alsace*“, 1782—1787. *Bibliothèque nationale*, Lc. „1,111), *prévôt des marchands*—въ Парижѣ, Лионѣ, и Анжерѣ (*Brillon*. „*Dictionnaire des arrêts*“, t. V, p. 206 495—494.); *lieutenant des habitants* въ Реймсѣ (*Babeau*. „*La ville sous l'ancien régime*“, t. I. p. 164).

²⁾ *Gouvernance*—въ Артуа и Фландріи, *sénéchaussée*—на югѣ, *bailliage*—въ большей части Франціи.

³⁾ *Diocèse*, въ большей части Франціи, имѣлъ исключительно церковное значеніе; но въ Бретани діоцезъ былъ не только церковнымъ, но и административнымъ дѣленіемъ; въ Лангедокѣ было два рода діоцезовъ: одни церковныя, другіе административныя, при чемъ границы діоцезовъ этихъ двухъ категорій не совпадали.

⁴⁾ *Archives nationales*, série H 648: „*Mémoire sur l'administration des villes en Bretagne*“, par M. Bertrand de Moleville, intendant de Bretagne, 1784: „Il y a

дается „почти столько же различных муниципальных режимов, сколько отдельных городов“¹⁾).

Юридическая карта до-революционной Франции, если таковая когда-нибудь будет составлена, будет, несомненно, одною из наиболее любопытных, и поучительных иллюстраций территориальной пестроты старого порядка. Но дело в томъ, что вряд ли подобная карта выполнима: пестрота, представляемая историческою действительностью, едва ли не превосходитъ въ данномъ случаѣ средства самой усовершенствованной картографической техники. Въ самомъ дѣлѣ, „кутюмы“ (*coutumes*), то-есть гражданскіе кодексы обычнаго права—а въ до-революционной Франціи насчитывалось до трехсотъ различныхъ „кутюмовъ“²⁾,—разпились не только между различными областями, но иногда между двумя сосѣдними городами или селеніями одной и той же области; мало того, различные кварталы одного и того же города или селенія не всегда жили подъ однимъ и тѣмъ же юридическимъ режимомъ³⁾. Выраженіе Вольтера, что, при путешествіи по извѣст-

---

en Bretagne quarante deux villes qui ont le droit de députer aux Etats. Ces villes ont presque toutes des constitutions différentes.. Dans la plupart des villes de Bretagne la composition du corps municipal n'est fondée sur aucun règlement, mais uniquement sur l'usage immémorial“.

¹⁾ Ibidem, série H 534: „Mémoire au Contrôleur général“, 1788.

²⁾ *Chéruel*. „Dictionnaire des institutions“. Paris, 1884 (6-е édition), p. 300: „La publication des coutumes ne fut terminée que sous le règne de Henri III; il y avait à cette époque 285 coutumes“. Ничто не заставляетъ предполагать, чтобы число это уменьшилось къ концу старого порядка. Наказъ третьяго сословія г. Намура, въ 1789 г., очевидно, ошибается, насчитывая всего 128 „кутюмовъ“. „Archives parlementaires“, t. IV, p. 179. Шампионъ принимаетъ эту цифру безъ возраженія (*Champion*. „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 126). Лоранъ и Мавидалъ, издатели „Archives parlementaires“, имѣютъ въ виду, очевидно, цифру кутюмовъ времени Генриха III, говоря о существованіи „трехсотъ кутюмовъ“. Замѣтимъ, что „писаное право“, *droit écrit*, господствовало не во всѣхъ южныхъ областяхъ, какъ это принято думать. Напримѣръ, область Суль въ Шренеляхъ имѣла свое обычное право, записанное въ 1520 году (*Champion*. „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 126); область Лабуръ—точно также имѣла свое обычное право, записанное въ 1514 году (*Archives départementales des Basses-Pyrénées (Pau)* série C 453); провинція Беарнъ—тоже (*ibidem*, série C passim).

³⁾ Наказъ духовенства г. Сень-Кантена, въ 1789 г., жалуется на то, что въ некоторыхъ селеніяхъ дѣйствуютъ одновременно нѣсколько различныхъ „кутюмовъ“. „Archives parlementaires“, t. V, p. 652. Замыкаетъ эту цитату у Шампиона: „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 122.

нымъ областямъ Франціи, путешественнику въ его время приходилось мѣнять юридическій режимъ почти при каждой переѣздѣ лошадей ¹⁾),— не есть преувеличеніе. Подобный порядокъ вещей представляется намъ столь же необычайнымъ, сколько для людей стараго порядка былъ необычаенъ, даже въ идеѣ, тотъ порядокъ, который въ настоящее время существуетъ какъ фактъ. Единство гражданского кодекса для каждой отдѣльной провинціи представлялось имъ едва достижимымъ идеаломъ ²⁾), подобное же единство для всей Франціи—утопическою мечтой ³⁾).

Если заглянуть въ область государственнаго хозяйства, если взять, для примѣра, податной режимъ стараго порядка, передъ нами новая иллюстрація территориальной пестроты до-революціонной Франціи. Въ сущности мы не находимъ въ старомъ порядкѣ ни одной изъ существовавшихъ многочисленныхъ податей и повинностей, ни одной, которая бы была общею для всей территоріи государства. Исключенія не составляютъ даже „таля“, *taille*, главная и самая тяжелая изъ податей; есть цѣлыя области, не знающія этой тяжести, подъ которою, однако, называютъ ихъ сосѣди,—не говоря уже о томъ, что самый терминъ „таля“ можетъ означать въ трехъ различныхъ областяхъ — три совершенно существенно различныхъ налога: налогъ поземельный въ одной, подоходный въ другой, смѣшанный въ третьей. Житель области Франшъ-Конте не платитъ налоговъ на вино, на табакъ, на желѣзо; ему неизвѣстны ни такъ называемыя городскія заставныя пошлины, *ostrois* *shicipiraux*, въ пользу казны, ни гербовый налогъ; за то все эти налоги платитъ его сосѣдъ, житель Шампани ⁴⁾). Житель области

¹⁾ *Champion*. „L'unité nationale et la Révolution“,—„*Révolution française*“, t. XIX.

²⁾ Легранъ Д'Осси выражаетъ *pium desiderium*, чтобы провинціи Оверни была дана „une loi uniforme, claire, précise, une loi qu' on pût substituer à ce mélange gothique de lois romaines et de coutumes locales, qui formait un chaos dont la France n'offrait point d'autre exemple“ (*Legrand Aussy*. „Voyage dans la ci-devant province d'Auvergne“. Paris, l'an III). Противъ послѣдняго выраженія можно возразить: Овернь, во всякомъ случаѣ, не представляла исключенія въ данномъ отношеніи; были даже провинціи, въ родѣ Эльзаса, которыя могли еще поспорить съ Овернью на счетъ „готической смѣси“ и „хаоса“, юридическихъ режимовъ.

³⁾ „Mirabeau venait d'écrire que les Français ne jouiraient probablement jamais d'une loi uniforme“ („Lettres de cachet“, II, 149). *Champion*. „L'unité nationale et la Révolution“, *ibidem*, pp. 19—20.

⁴⁾ *Archives nationales*, série H 1588⁴⁷.

Артуа несет лишь половину податной тяжести, лежащей на его сосѣдѣ, жителѣ Пикардіи ¹⁾). Житель Шампани платитъ вдвое болѣе жителя сосѣдней области Франшь-Конте, житель парижскаго генеральства внятеро болѣе, чѣмъ житель Бретани ²⁾). Этотъ послѣдній не знаетъ соляной монополіи, „gabelle“, и платитъ за свою соль отъ двухъ до девяти ливровъ квинталь, въ то время, какъ его сосѣдъ, житель Анжу, провинціи, принадлежащей къ числу *paus de grandes gabelles*, обязанъ платить за ту же соль до шестидесяти ливровъ ³⁾).

Если сказать, что въ до-революціонной Франціи было столько же податныхъ режимовъ, сколько административныхъ округовъ, генеральствъ, то это будетъ не вполне точно, потому что въ дѣйствительности податныхъ режимовъ было еще болѣе; въ самомъ дѣлѣ, сплошь да рядомъ въ предѣлахъ одного и того же генеральства были въ дѣйствіи одновременно нѣсколько различныхъ режимовъ. Небольшая область Булоннэ, входившая въ составъ амьенскаго генеральства, была свободна отъ соляной монополіи и отъ налога на вино, хотя остальная часть генеральства несла на себѣ обѣ эти фискальныя тяжести; Мулэнское генеральство принадлежитъ къ числу провинцій съ усиленною соляною монополіей, *paus de grandes gabelles*, но за исключеніемъ части области Маршъ, пользующейся привилегированнымъ положеніемъ „выкупленной области“, *paus rédimé* ⁴⁾); маленькая область Франс-Люппаисъ совсѣмъ не платитъ талія, которой, однако, подлежитъ остальная часть ліонскаго генеральства ⁵⁾); въ подобномъ же отношеніи къ остальной области стоятъ лабурекій городокъ *Saint-Jean-de-Lozpe* ⁶⁾ и шампанская сельская община *Villefranche* ⁷⁾; мецское генеральство подвержено соляной монополіи, но за исключеніемъ Седана съ его округомъ, — и табачному налогу, но за исключеніемъ городковъ Лонгви, Саарлуи, Фальсбурга и Саарбурга ⁸⁾). Часть

¹⁾ *Calonne*. „La vie agricole sous l'ancien régime“, p. 86.

²⁾ *Necker*. „De l'administration des finances“, t. I, p. 306.

³⁾ *Ibidem*, t. II, pp. 1—100. По вычисленію Каллеры, цѣна соли въ *paus de grandes gabelles* была въ XVIII вѣкѣ разъ въ двадцать выше нынѣшней, принимая при этомъ во вниманіе происшедшую съ тѣхъ поръ перемену въ относительной цѣности денегъ. *Callery*. „La fraude des gabelles au XVIII s.“. „La France judiciaire“, 1881—1882, p. 403.

⁴⁾ *Necker*. „De l'administration des finances“, t. I, p. 268.

⁵⁾ *Archives nationales*, série H 1588⁸⁷.

⁶⁾ *Ibidem*, série H 200².

⁷⁾ *Ibidem*, série D IV bis 44 (178 i).

⁸⁾ *Ibidem*, série H 1588⁸⁷.

лиможскаго генеральства, принадлежащая къ округу парижскаго парламента, платитъ налогъ на желѣзо, другая часть, принадлежащая къ округу бордосскаго парламента, свободна отъ этого налога ¹⁾). Въ Эльзасѣ есть цѣлыя округа, а также отдѣльные города и селенія, не платящія рѣшительно никакихъ податей и налоговъ въ казну ²⁾). Жители одного кастелянства въ Лангдокѣ, просятъ, въ 1776 году, „оградить“ ихъ привилегію — не платить никакихъ податей, — „привилегію, которая ведетъ свое начало отъ Кловиса“ ³⁾). Съ аналогичными явленіями приходится встрѣчаться и въ различныхъ другихъ областяхъ.

Впослѣдствіи мы увидимъ, до какой степени эта территоріальная пестрота до-революціонной Франціи отразилась и на провинціальной администраціи стараго порядка, съ одной стороны—въ крайней причудливости ея географическихъ элементовъ, съ другой—въ разнокалиберности провинціальныхъ учреждений. Одно и то же учрежденіе провинціальной администраціи принимаетъ совершенно различный обликъ, смотря по территоріи, на которой дѣйствуетъ. Провинціальные штаты Бретани такъ же мало походятъ на провинціальные штаты Лангдока, какъ штаты Бургони на штаты Прованса, штаты Беарна на штаты Артуа, и т. д. Въ провинціальныхъ штатахъ мы имѣемъ, можно сказать, столько же различныхъ учреждений, сколько имѣется отдѣльныхъ областей со штатами, *paus d'états*.

Относительно штатовъ—учрежденія, выросшаго изъ почвы каждой данной мѣстности, — подобное разнообразіе, конечно, менѣе неожиданно, чѣмъ относительно такого учрежденія, какъ интендантство, — учрежденія, созданнаго центральною властью, по одной идеѣ, по одному общему плану, и имѣющаго всюду одно и то же назначеніе—служить органомъ централизаціи и орудіемъ объединенія провинціального управленія, подведенія его подъ общія нормы и однообразныя формы. Ниже мы увидимъ, однако, что назначеніе это — какъ было вначалѣ, такъ и до конца, осталось—лишь идеаломъ, — въ концѣ, конечно, болѣе близкимъ къ своему осуществленію, чѣмъ вначалѣ, но, въ конечномъ итогѣ, все-таки не осуществленнымъ. Мы увидимъ,

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Procès-verbaux de l'assemblée provinciale d'Alsace, p. 56. *Bibliothèque nationale*, Lc¹⁵/4.

³⁾ *Archives nationales*, série H 1098. Les syndics, consuls, habitants et mortepayes de la châtellenie de Tours-de-Cabarès et ses annexes (sénéchaussée de Carcassonne, Languedoc), etc. („privilège qui date depuis Clovis“).

что роль интендантовъ, ихъ атрибуты и функція различилась болѣе или менѣе существеннымъ образомъ, не только соответственно двумъ главнымъ группамъ, на которыя распадалась Франція въ административномъ отношеніи—*rays d'élection* и *rays d'états*,—но что эти различія шли гораздо глубже, проникая внутрь каждой изъ этихъ группъ. Разумѣется, что административная организація первой изъ названныхъ группъ была—въ особенности къ концу стараго порядка—гораздо ближе къ идеалу единообразія, но все-таки болѣе или менѣе значительныя различія между административными режимами отдѣльныхъ провинцій, принадлежавшихъ къ этой группѣ, продолжали существовать вплоть до окончательной ликвидаціи стараго порядка. Не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что, до 1788 года, во Франціи было столько же административныхъ режимовъ, сколько административныхъ округовъ. Да и могло ли быть иначе? Интендантскій режимъ, какъ бы онъ ни былъ проникнутъ идеей единообразія, долженъ былъ волею-неволею приспособляться, въ каждомъ данномъ случаѣ, къ средѣ, въ которую онъ попадалъ; среда же эта—мы разумѣемъ совокупность мѣстныхъ учрежденій и порядковъ—была различна въ большей или меньшей степени въ каждой изъ административныхъ областей; приспособляясь къ средѣ, интендантство неизбежно должно было измѣнять до извѣстной степени свою природу и свою физиономію.

Изъ всего сказаннаго съ достаточною ясностью обнаруживается вся важность соблюденія „географической перспективы“ при изученіи и изображеніи стараго порядка, — необходимость строгаго различенія отдѣльныхъ территориальныхъ элементовъ, и крайней осмотрительности при всякой попыткѣ обобщенія по схемѣ: *здесь*, слѣдовательно и *тамъ*; *здесь* и *тамъ*, слѣдовательно и *всюду*.

Нельзя не замѣтить, что задача соблюденія географической перспективы при изученіи и воспроизведеніи стараго порядка усложняется тѣмъ, что къ трудностямъ объективнаго характера, лежащимъ въ изучаемомъ „объектѣ“, здѣсь присоединяются еще трудности субъективнаго свойства, таящіяся въ изучающемъ „субъектѣ“. Человѣку нашего времени, въ особенности современному французу, взрослому въ атмосферѣ правоваго единства и единообразія, проникающихъ унитарно-централистическій строй современной Франціи, не легко отрѣшиться отъ привычныхъ представленій, изолировать себя нѣкоторымъ образомъ отъ окружающей культурной и идейной среды.

Въ этой двойной трудности выполненія требованій географической

перспективы слѣдуетъ, конечно, искать объясненія столь распространенному въ исторической литературѣ о старомъ порядкѣ приему—рисовать до-революціонную Францію, какъ нѣчто цѣлое во всѣхъ отношеніяхъ, нѣчто однородное во всѣхъ своихъ частяхъ, не принимая въ расчетъ кроющихся въ ней многообразныхъ внутреннихъ противоположностей, выросшихъ на почвѣ территоріальныхъ различій и контрастовъ. Какъ часто, говоря, въ примѣненіи къ старому порядку, о „Франціи“, о „французской націи“, о „странѣ“, о „народѣ“, вкладываютъ невольно въ эти термины привычный нашему времени смыслъ, забывая, что это значитъ переносить въ историческую дѣйствительность прошлаго идеи и образы, ей совершенно чуждые. Какъ результатъ перенесенія въ историческую дѣйствительность прошлаго представлений, вынесенныхъ изъ современной дѣйствительности, нарушение „географической перспективы“ будетъ, въ данномъ случаѣ, осложнено нарушеніемъ перспективы исторической, такъ какъ перенесеніе современныхъ идей и образовъ въ прошлое представляетъ лишь частный случай смѣшенія эпохъ, или, другими словами, частный случай нарушенія исторической перспективы.

Здѣсь мы касаемся одного изъ наиболѣе слабыхъ пунктовъ исторической литературы о старомъ порядкѣ. Отъ внимательнаго читателя—если такового посчастливится найти настоящей работѣ—конечно не ускользнетъ, что здѣсь же находится и одинъ изъ наиболѣе слабыхъ пунктовъ послѣдней. Онъ замѣтитъ, безъ сомнѣнія, что, если мы старались, по мѣрѣ возможности, *соблюдать* географическую перспективу въ воспроизведеніи интересующей насъ стороны стараго порядка, то намъ далеко не удалось *возсоздать* эту перспективу во всей ей цѣлости. *Соблюдать* географическую перспективу: мы хотимъ сказать—избѣгать смѣшенія территоріальныхъ элементовъ и обобщенія мѣстныхъ красокъ; *возсоздать*—то-есть заполнить, безъ пробѣловъ, схематическій остовъ этой отвлеченной „перспективы“ живымъ, конкретнымъ содержаніемъ. Послѣдняя задача, при настоящемъ состояніи исторической разработки стараго порядка, превышаетъ средства одного человѣка. Для выполненія ея необходимо предварительное детальное изученіе *всѣхъ* территоріальныхъ элементовъ стараго порядка, между тѣмъ, до сихъ поръ разработаны до извѣстной степени лишь *нѣкоторые* и сравнительно немногіе изъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, мы предпочитали оставлять пробѣлы въ схемѣ „географической перспективы“, чѣмъ пытаться заполнить ихъ цѣною нарушенія послѣдней. Палеонтологъ, нашедшій нѣсколько костей допотопнаго животнаго

довольствуется тѣмъ, что располагаетъ найденныя кости въ томъ порядкѣ, какой онѣ должны были занимать въ живомъ скелетѣ; ему не приходится въ голову „заполнить“ остающіеся пробѣлы подходящими на глазомѣръ костями другихъ животныхъ. Историческая дѣйствительность имѣетъ, думается намъ, право по крайней мѣрѣ на такое же деликатное обращеніе со стороны историка, какимъ пользуется скелетъ какого-нибудь ископаемаго со стороны палеонтолога.

III.

Итакъ, при историческомъ изученіи стараго порядка должно строго различать различные хронологическіе и территоріальные элементы предмета: эпохи, съ одной стороны, области—съ другой. Но, этотъ хронологическій и географическій методъ долженъ быть, сверхъ того, еще и строго конкретнымъ. Мы хотимъ сказать, что старыи порядокъ слѣдуетъ изучать не по его законодательнымъ нормамъ, а по его конкретнымъ проявленіямъ. Здѣсь мы возвращаемся къ ранѣе сдѣланному нами мимоходомъ замѣчанію относительно того, почему административная переписка, какъ историческій источникъ, имѣетъ несравненно болѣшую цѣнность для изученія стараго порядка, чѣмъ законодательные тексты эпохи: она позволяетъ изслѣдователю проникнуть, такъ сказать, непосредственно въ историческую дѣйствительность, придти въ непосредственное соприкосновеніе съ нею въ ея конкретныхъ проявленіяхъ. Если вообще отвлеченный, юридическій методъ не можетъ считаться достаточнымъ для историческаго изученія какого угодно учрежденія, какой угодно эпохи, то относительно стараго порядка существуютъ, кромѣ того, извѣстныя спеціальныя причины, лежація въ самыхъ свойствахъ предмета и обуславливающія необходимость примѣненія къ его изученію строго конкретнаго метода.

Одна изъ характерныхъ особенностей стараго порядка заключается въ томъ, что различныя учрежденія въ немъ сплошь да рядомъ возникаютъ и развиваются независимо отъ какихъ бы то ни было учредительныхъ или преобразовательныхъ актовъ законодателя. Извѣстно, какую выдающуюся роль играло провинціальное интенданство во внутренней жизни стараго порядка. Попробуйте, однако, отыскать начало этого учрежденія въ законодательныхъ текстахъ, попробуйте найти его учредительный актъ. Напрасный трудъ: такого акта не существуетъ, и не существовало. Попытайтесь теперь прослѣдить послѣдовательное развитіе, историческую „эволюцію“ этого учрежде-

нія по законодательнымъ памятникамъ. Опять—напрасный трудъ: вы не найдете въ нихъ ничего, кромѣ отрывочныхъ указаній, случайныхъ намековъ, совершенно недостаточныхъ для исторической реконструкціи. Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что интенданство—какъ и множество другихъ учрежденій стараго порядка—и возникло и развивалось путемъ административной практики и частныхъ правительственныхъ мѣръ, а не путемъ какихъ-либо учредительныхъ или преобразовательныхъ актовъ и общихъ регламентовъ.

Другой примѣръ. Натуральная дорожная повинность, такъ называемая *corvée de grandes routes*, была въ восемнадцатомъ вѣкѣ—и почти вплоть до самаго конца стараго порядка—одною изъ наиболѣе тяжелыхъ повинностей, лежавшихъ на сельскомъ населеніи. И что же? *Первымъ* законодательнымъ актомъ, въ которомъ идетъ рѣчь объ этомъ учрежденіи, является февральскій эдиктъ 1776 года, провозглашающій *отмену* этой повинности ¹⁾. Какимъ образомъ возникло и выросло это колоссальное фискальное учрежденіе, для уничтоженія котораго потребовался торжественный законодательный актъ? Опять—таки путемъ частныхъ мѣропріятій повседневной административной практики ²⁾.

Полагаясь на авторитетъ законодательнаго текста, мы рискуемъ, такимъ образомъ, совершенно просмотрѣть извѣстныя учрежденія или, по крайней мѣрѣ, ихъ эволюцію; съ другой стороны, нѣтъ ничего легче, какъ, слѣдуя этому методу, приписать старому порядку многое такое, чего въ немъ не было въ дѣйствительности. И это—потому, что между законодательною нормою и конкретною дѣйствительностью, между текстомъ регламента и административною практикой, при старомъ порядкѣ, лежитъ цѣлая пропасть. Случай несоответствія между

¹⁾ Однѣ изъ шести знаменитыхъ „эдиктовъ Тюрго“, вызвавшихъ ожесточенную агитацію противъ министра-реформатора со стороны приверженцевъ *status quo*, съ парламентами во главѣ. Текстъ упомянутого эдикта можно найти въ „Recueil général des anciennes lois françaises“, t. XXIV, и въ „Encyclopédie méthodique“ Economie politique, t. I, p. 703 suiv. См. также *Archives nationales*, série H 1444.

²⁾ *Saint-Maur*. „Mémoire sur l'administration des corvées dans la généralité de Guyenne“, 1784. (*Bib. nat.*, Lf 98/21): „Il y a environ cinquante ans... quelques deux ou trois intendants prirent sur eux d'exiger des communautés d'habitants, qui leur étaient plus particulièrement subordonnées, le sacrifice de quelques journées de travail pour travailler à la confection ou entretien de ces routes (royales)... „... cet établissement, qui ne paraissait même autorisé que d'une manière indirecte...“.

закономъ и практикой нерѣдки и въ наше время, но они не могутъ пойти въ сравненіе съ отмѣченною чертою стараго порядка, которая представляетъ собою явленіе *suī generis*, не имѣющее себѣ полной аналогіи въ современной намъ дѣйствительности, ни по своему характеру, ни по своему происхожденію.

Передъ нами текстъ королевской деклараціи 3-го января 1775 года, отмѣняющей круговую поруку между односельчанами относительно уплаты податей ¹⁾. Если отъ этого текста мы сдѣлаемъ заключеніе о дѣйствительномъ прекращеніи круговой поруки, начиная съ указанной даты, то мы сдѣлаемъ ту, довольно обычную, ошибку, которая заключается въ перенесеніи привычныхъ намъ идей въ историческую дѣйствительность отжившаго прошлаго. Посмотримъ лучше, что пишетъ къ Тюрго, автору упомянутой реформы, одинъ изъ провинціальныхъ интендантовъ, 17-го апрѣля 1775 года, то-есть три съ половиною мѣсяца спустя послѣ изданія упомянутой деклараціи. „Я получалъ письмо, отъ 16-го февраля, которымъ вы меня почтили, касательно круговой поруки, отмѣненной эдиктомъ 3-го января. Вы желаете знать, можетъ ли быть полезенъ этотъ законъ въ Провансѣ, нуженъ ли онъ, и какія правила существуютъ въ этой провинціи для сбора податей, и какія переиѣны въ нихъ были бы желательны въ интересахъ народонаселенія“ ²⁾.

Итакъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія закона, министръ и администраторъ преспокойно, академически обсуждаютъ вопросъ о томъ, можетъ ли быть полезенъ подобный законъ въ такой-то провинціи, нуженъ ли онъ и стоить ли производить какія-либо измѣненія въ существующемъ порядкѣ. Законъ для нихъ, значить, не болѣе, какъ провозглашеніе извѣстнаго принципа, никоимъ образомъ не предрѣшающее его практическаго осуществленія въ дѣйствительности. Законъ, это—мертвая буква, если за нимъ не слѣдуетъ соответствующаго административнаго акта, поставленія королевскаго совѣта (*agrêt du Conseil*) или министерскаго предписанія (*lettre ministérielle*), которыя бы *предписали* исполненіе даннаго эдикта или деклараціи. Недостаточно издать законъ, надо еще предписать его исполненіе. Подобное предписаніе сплошь да рядомъ заставляеть себя ждать многіе мѣсяцы, иногда цѣлыя годы. Приказъ объ исполненіи деклараціи 3-го августа 1764 года касательно борьбы съ нищен-

¹⁾ *Archives nationales*, série H 1587.

²⁾ *Ibidem*, série H 645.

ствомъ, послѣдовалъ, въ турецкомъ генеральствѣ, лишь три года спустя ¹⁾). Иногда подобное предписаніе касается одной провинціи, но оставляетъ въ сторонѣ другую; иногда же та или другая провинція прямо исключается позднѣйшимъ предписаніемъ изъ дѣйствія извѣстнаго общаго закона. Такъ, министерскимъ предписаніемъ 1786 года провинція Бургонь была исключена изъ дѣйствія изданнаго въ предыдущемъ году закона о гербовомъ сборѣ ²⁾). Итакъ мы видимъ, что, по волѣ самого же законодателя, исполненіе извѣстнаго закона или отсрочивается на болѣе или менѣе продолжительное время, или же вовсе не имѣетъ мѣста относительно извѣстныхъ областей. Наконецъ, даже тамъ, гдѣ извѣстный законъ имѣетъ дѣйствительное примѣненіе, онъ испытываетъ на практикѣ множество „смягченій“ и исключеній, согласно „обстоятельствамъ“ и „усмотрѣнію“ отдѣльныхъ администраторовъ ³⁾). Гораздо чаще законъ не имѣетъ практическаго осуществленія помимо и даже противъ воли законодателя. Не забудемъ, что между законодателемъ и исполнителемъ закона, въ до-революціонной Франціи, стоитъ нѣкотораго рода цензоръ, отъ котораго зависитъ „пропустить“, или же задержать извѣстный законъ. Цензоръ этотъ—вышія судебныя учрежденія стараго порядка: парламенты (*parlements*), „верховные“ или „вышіе совѣты“ (*conseils souverains, conseils supérieurs*), „счетныя палаты“ (*chambres des comptes*), „палаты косвенныхъ налоговъ“ (*cours des aides*). Для того чтобы данный эдиктъ, данная декларация получили силу закона, они должны были предварительно быть занесены въ регистры парламентовъ или другихъ соответствующихъ трибуналовъ. Послѣдніе же, съ своей стороны, обыкновенно не спѣшили выполненіемъ этой операціи; между изданіемъ закона и его регистраціей проходятъ обыкновенно мѣсяцы, иногда цѣлыя годы. Январскій эдиктъ 1774 года о раздѣлѣ общественныхъ земель въ Бургонии былъ занесенъ въ регистры бургонскаго парламента лишь 8-го іюля 1782 года ⁴⁾). Случалось также нерѣдко, что тотъ или другой изъ парламентовъ или другихъ высшихъ судовъ и вовсе отказывались внести въ свои списки почему-нибудь

¹⁾ *Dumas*, „La généralité de Tours au XVIII siècle“, p. 326—327.

²⁾ *Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 3533.

³⁾ Это было очень тонко подмѣчено еще Токилемъ. *Toqueville*. „L'ancien régime et la Révolution“. Paris, 1856, p. 103: „Il n'y a pas en effet d'édit, de déclaration du roi, de lettres patentes solennellement enregistrées, qui ne souffrent mille tempéraments dans la pratique“.

⁴⁾ *Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 3695.

не полюбоившись имъ законодательный актъ, либо сопровождали его регистрацію такого рода оговорками, добавленіями и толкованіями, которыя совершенно измѣняли смыслъ закона; наконецъ, они всегда находили способы затормозить примѣненіе на практикѣ законодательныхъ мѣръ, зарегистрированныхъ ими нехотя ¹⁾. Такъ какъ каждый изъ названныхъ трибуналовъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ независимо отъ другихъ, то сплошь да рядомъ случалось, что въ различныхъ областяхъ одинъ и тотъ же законъ вступалъ въ силу въ разное время, при чемъ—въ однихъ вступалъ въ силу, въ другихъ—нѣтъ.

Послѣ всего сказаннаго насъ не должно удивлять, что девять лѣтъ спустя послѣ изданія цитированнаго уже нами выше закона 3-го января 1775 года, предписавшаго отиѣну круговой поруки *во всемъ королевствѣ*, бургонскій интендантъ Амело, въ письмѣ къ генераль-контролеру, въ 1784 году, жалуется на то, что „этотъ законъ не извѣстенъ въ Бургони“ ²⁾. Изъ писемъ безансонскаго интенданта къ тому же генераль-контролеру видно, что мѣстный парламентъ продолжалъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ практиковать принципъ круговой поруки; изъ писемъ другихъ интендантовъ видно также, что послѣдній продолжалъ оставаться въ силѣ и въ округахъ нѣкоторыхъ другихъ парламентовъ, точно закона 3-го января 1775 года и не существовало ³⁾.

То же самое имѣло мѣсто съ реформаторскимъ эдиктомъ 1765 года касательно преобразования городского управленія на однообразныхъ для всей территоріи государства началахъ. Бретанскій интендантъ

¹⁾ „La déclaration de 1768, пишетъ одинъ изъ интендантовъ въ 1772 году, a formé, pour ainsi dire, un code nouveau pour la répartition des impositions. La sagesse de cette loi a éffrayé les Cours des aides, et elles ont senti que son exécution complète rendrait presque inutile leur existence, en conséquence elles ont apporté la plus grande résistance à son enregistrement, elles l'ont chargée de modifications destructives de l'esprit de la loi et ont mis toutes les entraves à son exécution. Elles ont gêné de telle sorte les administrateurs que non seulement la loi n'a eu nulle exécution dans un grand nombre de généralités, mais que dans celles où on était à peine sorti du désordre de l'ancienne forme des répartitions, on a été obligé de laisser échapper le fruit des travaux qu'on avait faits et retomber dans le chaos de l'ignorance“. *Archives nationales*, série H 1468 (correspondance entre le contrôleur général et les intendants au sujet des vingtièmes et du projet d' un impôt territorial).

²⁾ *Archives nationales*, série H 200°.

³⁾ *Ibidem*, série H 1537—1540 (административная переписка восьмидесятихъ годовъ касательно круговой поруки въ сельскихъ общинахъ).

Вергранъ-де-Мольвилль пишетъ въ 1784 г. къ генералъ-контролеру: „Ни одинъ изъ эдиктовъ, изданныхъ касательно муниципальной администраціи королевства, не занесенъ въ регистры въ Бретани, такъ что въ большинствѣ бретанскихъ городовъ организація городского управленія не основана ни на какомъ регламентѣ, а исключительно лишь на незапамятномъ обычаѣ“¹⁾.

„Постановленія“ королевскаго совѣта (*arrêts du Conseil*) и министерскія предписанія (*lettres ministérielles*) ускользали отъ прямого контроля парламентовъ, тѣмъ не менѣе послѣдніе находили часто средства парализовать ихъ дѣйствіе, запугивая ихъ исполнителей перспективой судебнаго преслѣдованія²⁾.

Въ областяхъ со штатами (*paus d'états*) законы сплошь да рядомъ оставались безъ исполненія вслѣдствіе сопротивленія мѣстныхъ штатовъ. „Постановленіе королевскаго совѣта отъ 4-го ноября 1780 года, пишетъ бретанскій интендантъ въ 1784 году,—вовсе не имѣло исполненія“. Изъ другихъ мѣстъ письма видно, что причиною неисполненія было именно сопротивленіе бретанскихъ штатовъ³⁾. По подобной же причинѣ, надо думать, остался безъ исполненія въ нѣкоторыхъ изъ „областей со штатами“ и законъ 1787 о замѣнѣ натуральной дорожной повинности денежнымъ сборомъ⁴⁾. Въ инструкціи, данной бретанскими штатами своимъ депутатамъ въ Парижѣ, въ восьмидесятихъ годахъ, значится, между прочимъ: „они будутъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы постановленія (королевскаго) совѣта отъ 20-го августа и 30-го сентября 1767 года не имѣли своего исполненія въ Бретани“⁵⁾. Вообще, можно сказать, что при старомъ порядкѣ врядъ ли не болѣе было такихъ учрежденій, которыя „зорко слѣдили“ за неисполненіемъ законовъ, чѣмъ учрежденій, которыя бы наблюдали за ихъ исполненіемъ⁶⁾.

¹⁾ *Ibidem*, série II 643.

²⁾ Вотъ, для образца, выдержка изъ постановленія бордосскаго парламента отъ 12-го марта 1784 года: (*En conséquence la cour*) „ordonne que, sous le bon plaisir du roi, il sera sursis à l'exécution de l'arrêt (du Conseil) du 17 juillet 1782 . . . ; fait défense à toutes personnes de se pourvoir ailleurs que devant ce siège (la maîtrise des eaux et forêts de Guyenne), en toutes matières concernant les eaux et forêts. . . , à peine d'être poursuivi extraordinairement“. *Guyot*. „*Traité des droits*“, etc., t. III.

³⁾ *Archives nationales*, série II 643.

⁴⁾ Напримѣръ, въ Беарнѣ. *Archives nat.*, série H 1444 („Записки“ 1790 г.).

⁵⁾ *Archives départementales d'Ille-et-Vilaine* (Rennes), série C 2853.

⁶⁾ Эта сторона стараго порядка не ускользнула отъ наблюдательности Артура

Не надо также забывать о силѣ традиціи и обычая въ жизни различныхъ учреждений стараго порядка,—учрежденій, отличавшихся въ ту эпоху особенно живучимъ и сильнымъ корпоративнымъ духомъ. „А извѣстно, замѣчаетъ авторъ доклада исполнительной комисіи бретанскихъ штатовъ въ 1783 году,—извѣстно, до какой степени корпоративныя учрежденія привержены ко всему, что называется обычаемъ; въ тысячѣ случаевъ обычай заступаетъ мѣсто закона и и часто даже сильнѣе послѣдняго“¹⁾.

Но замѣчательно, что именно учрежденія и лица, на которыхъ лежала задача слѣдить за исполненіемъ закона, нерѣдко оказываются на практикѣ первыми нарушителями его предписаній. Такова, напримеръ, была судьба эдикта 1695 года, отдававшего, между прочимъ, въ исключительное вѣдѣніе провинціальныхъ интендантовъ всѣ дѣла по постройкѣ и ремонту церквей и церковныхъ домовъ. Постоянными нарушителями этого закона, занесеннаго въ парламентскіе регистры, были прежде всего королевскіе судьи, которые, вопреки категорическимъ предписаніямъ названнаго закона, продолжали упорно вмѣшиваться въ этотъ запретный для нихъ кругъ дѣлъ. Отсюда—масса позднѣйшихъ законодательныхъ актовъ и постановленій королевскаго совѣта, которые „напоминаютъ“, „подтверждаютъ“, „строжайше предписываютъ“ исполнять упомянутый эдиктъ²⁾. „Нѣтъ почти ни одного постановленія королевскаго совѣта — замѣчаетъ очень вѣрно Токвиль,—который бы не напоминалъ прежнихъ законовъ, часто очень недавнихъ по времени“³⁾. Все это, въ конеч-

---

Юнга. „Par un vice de constitution des cours de justice, замѣчаетъ онъ,—il n'y avait pas alors de pouvoir exécutif pour appliquer les lois“. *Yomig. „Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789“*. Paris, 1860, t. I, p. 194.

¹⁾ *Archives nationales*, série II 534: „Mémoire présenté par la Commission intermédiaire aux Etats“, 1788.

²⁾ Постановленіе королевскаго совѣта, 9-го іюня 1719, относительно отчетности сельскихъ старостъ (*syndics des communautés d'habitants*) „напоминаетъ“ постановленія 9-го февраля 1665, 15-го іюля 1669, королевскія деклараціи 1683 (апрѣль) и 2-го августа 1682, и постановленіе 14-го іюня 1689. Что, не смотря на эти „напоминанія“, постановленія эти плохо исполнялись, видно изъ того, что потребовались новыя постановленія совѣта: 1-го апрѣля 1755, 11-го марта 1768, 20-го сентября 1771, 16-го августа 1773, 31-го іюля 1776, изъ которыхъ каждый „напоминаетъ“ предшествующія постановленія. *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 515. Ср. *Tocqueville. „L'ancien régime et la Révolution“*. Paris, 1856, p. 108.

³⁾ *Tocqueville. „L'ancien régime et la Révolution“*. Paris, 1856, p. 103.

номъ результатѣ, лишь увеличивало массу законовъ ¹⁾, никѣмъ не исполняемыхъ, да подѣ часъ и никѣмъ не знаемыхъ, потому что тѣмъ больше увеличивалось количество законовъ, тѣмъ труднѣе становилось знать ихъ, тѣмъ труднѣе было разобраться въ этомъ законодательномъ лабиринтѣ, тѣмъ труднѣе становилась и задача практическаго примѣненія различныхъ законодательныхъ предписаній.

Одною изъ причинъ крайней сложности и запутанности законодательства при старомъ порядкѣ была, между прочимъ, господствовавшая въ до-революціонной Франціи система частныхъ узаконеній и специальныхъ регламентовъ, вмѣсто общихъ законодательныхъ мѣръ для всего государства ²⁾. Исключенія не составляютъ и эдикты, которые многими ошибочно принимаются за законодательныя мѣры исключительно общаго характера. Достаточно указать, для примѣра, что даже такія крупныя реформы общаго характера, какъ уничтоженіе парламентовъ въ 1771 году ³⁾, или ихъ возстановленіе въ 1774 году ⁴⁾ были проведены путемъ не общихъ, а частныхъ эдиктовъ; общій эдиктъ 1787 года, учреждавшій провинціальныя собранія въ областяхъ, не имѣвшихъ штатовъ, сопровождался цѣлою вереницей

¹⁾ Подѣ конецъ стараго порядка, движеніе въ этомъ направленіи значительно усилилось. *Sémas de Meilhan*. „Des principes et des causes de la Révolution en France“. Londres, 1790: „Le règne entier de Louis XIV n'offre par la dixième partie des ordonnances et des arrêts, promulgués pendant le règne actuel“.

²⁾ Въ значительной степени это объясняется, конечно, крайнимъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій въ различныхъ областяхъ,—разнообразіемъ, которое во многихъ случаяхъ дѣлало практически неосуществимымъ общіе законы и единообразные регламенты.

³⁾ Въ февралѣ 1771 года—эдиктъ объ уничтоженіи парижскаго парламента, въ августѣ—объ уничтоженіи фландрскаго парламента, въ сентябрѣ—руанскаго, въ октябрѣ—дофинейскаго и мецскаго, и т. д. *Archive du ministère des affaires étrangères*, fonds France, № 153 (parlements de Paris, de Flandre, de Rouen, de Metz).—*Archives départementales de l'Ain* (Bourg-en-Bresse), série C 517 (Dauphiné).

⁴⁾ Въ ноябрѣ 1774 года — эдиктъ о возстановленіи парижскаго парламента („Recueil des anciennes lois françaises“, р. XXIII), въ февралѣ 1775 года—эдиктъ о возстановленіи тулузскаго департамента („Procès-verbaux de la séance tenue au parlement de Toulouse par M. le comte de Périgord“, etc. *Bibliothèque nationale*, Lb 39/167), въ апрѣлѣ 1775 года — эдиктъ о возстановленіи дофинейскаго парламента („Procès-verbaux de la séance tenue au parlement de Grenoble, le 2 mai, par M. le maréchal duc de Clermont-Tonnerre“, etc. *Bib. nat.*, Lb 39/171); въ сентябрѣ того же года — о возстановленіи мецскаго парламента („Procès-verbaux de la séance de M. le maréchal duc de Broglie“, etc. *Bib. nat.*, Lb 39/198); въ октябрѣ — парламента въ Ило „Procès-verbal de la séance de M. Le Noir“, etc. *Bib. nat.*, Eb 39/199), и т. д.

частных регламентовъ для каждаго изъ провинціальныхъ собраній въ отдѣльности ¹⁾). Раздѣлъ общественныхъ земель въ шестидесятихъ, семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, точно также, совершался путемъ специальныхъ эдиктовъ для каждой провинціи въ отдѣльности ²⁾).

Если бы при этомъ была, по крайней мѣрѣ, какая-либо послѣдовательность въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ; но послѣдовательности-то, быть можетъ, всего болѣе и не доставало законодательству, особенно въ послѣднюю пору стараго порядка. По вѣрному наблюденію Токвиля, правительство этой эпохи „почти не предпринимаетъ, либо оставляетъ безъ осуществленія самыя необходимыя реформы, которыя требуютъ, для своего успѣха, настойчивой энергій; за то оно безпрестанно мѣняетъ отдѣльные регламенты и законы. Ничто не остается въ покоѣ ни одной минуты въ обитаемой имъ сферѣ. Новыя правила смѣняются съ необыкновенною быстротой“ ³⁾).

Въ этой многосложности, калейдоскопичности и запутанности законодательства лежала еще одна изъ причинъ глубокаго разлада между регламентирующею нормою и регламентируемою дѣйствительностью. Въ 1780 году одному изъ фабричныхъ инспекторовъ было поручено Неккеромъ составить краткое извлеченіе изъ общихъ и частныхъ регламентовъ касательно вязальнаго производства. Фабричный инспекторъ оказался самъ не болѣе свѣдущимъ въ этомъ отдѣлѣ законодательства, чѣмъ министръ; когда онъ принялся за „изученіе“ регламентовъ, исполненіе которыхъ было, однако, его главною обязанностью, онъ пришелъ въ ужасъ при видѣ того хаоса, въ который ему пришлось погрузиться. „Да какой же администраторъ — восклицаетъ онъ — нашелъ бы достаточно времени, чтобы ихъ перечесть,

¹⁾ Регламентъ 8-го іюля 1787 года для амьенскаго провинціального собранія, 10-го августа — для муэнскаго, 15-го августа — для руссийонскаго, и т. д. *Archives nationales*, série H 1600.

²⁾ Въ 1789 году—эдиктъ о раздѣлѣ общественныхъ земель въ интендантствѣ трехъ епископовъ (Trois-Evêchés), въ январѣ 1775 — подобный же эдиктъ для Бургоніи (*Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 3695); въ 1779 году — королевская грамота о раздѣлѣ общественныхъ земель въ Артуа (*Filon*. „Histoire des Etats d'Artois“. Paris, 1861, p. 95), въ 1780 году—аналогичное постановленіе королевскаго совѣта относительно области Камбрези (Cambresis) (*Le grand*. „Séanc de Meilhan et l'intendance du Hainaut et du Cambresis“. Valenciennes, 1868, p. 179), и т. д.

³⁾ *Tocqueville*. „L'ancien régime“ etc., p. 102.

чтобы вынести такое чтеніе!...“¹⁾). И дѣйствительно, по заявленію одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, „во Франціи не исполняется ни одинъ изъ регламентовъ касательно вязальнаго производства“²⁾). „Знаніе законодательства о косвенныхъ налогахъ, замѣчаетъ синдикъ провинціального собранія Лотарингіи, сдѣлалось почти недоступнымъ для ума человѣческаго...“³⁾). Дѣйствительно, говоритъ Неккеръ, „нельзя не придти въ ужасъ при видѣ многочисленности и разнообразія регламентовъ касательно косвенныхъ налоговъ; законодательство относительно этой части представляетъ такую путаницу, что врядъ ли два-три человѣка въ теченіе одного поколѣнія въ состояніи достигнуть полнаго знанія его“⁴⁾). „Измѣнчивость однихъ лишь финансовыхъ регламентовъ—жалуются муниципальныя власти въ концѣ стараго порядка,— до такой степени велика, что не позволяетъ муниципальному чиновнику заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ изученія новыхъ регламентовъ, по мѣрѣ ихъ появленія...“⁵⁾).

Мудрено ли, что при такой системѣ законодательства въ концѣ концовъ само правительство терялось и не могло подѣ часъ разобратъ въ накопившейся массѣ общихъ и въ особенности специальныхъ законодательныхъ мѣръ, эдиктовъ, королевскихъ грамотъ, регламентовъ, постановленій королевскаго совѣта и т. д. Сплошь да рядомъ, королевскій совѣтъ признается въ своемъ недостаточномъ знакомствѣ съ своимъ же собственнымъ законодательствомъ. „Если только поименованныя привилегіи не были отиѣнены никакими эдиктами, декларациями, постановленіями совѣта“: такова обычная заключительная формула всякаго законодательнаго акта, подтверждающаго привилегіи какой-либо области, города, корпораціи⁶⁾).

Не смотря, однако, на подобную предосторожность, правительству не всегда удавалось не попасть въ просакъ. Шатодѣнскій баль-

¹⁾ *Levasseur*. „La France industrielle en 1789“. Paris, 1866, p. 92. Авторъ дѣлаетъ ссылку на „Encyclopédie méthodique, Arts et Manufactures“, au mot *Bonneterie*, p. 7.

²⁾ *Ibidem*, p. 93. Ссылка туда же, p. 11.

³⁾ *Mathieu*. „L'ancien régime dans la province de Lorraine et de Barrois“. Paris, 1878, p. 185.

⁴⁾ *Necker*. „De l'administration des finances de la France“. Paris, 1784, т. II, p. 174.

⁵⁾ *Тооquerville*. „L'ancien régime“ etc., p. 102.

⁶⁾ „Pourvu que les dits privilèges n'aient été révoqués par aucuns édits, déclarations et arrêts“... Науримѣръ: *Archives nationales*, série II 1436.

яжъ былъ упраздненъ августовскимъ эдиктомъ 1779 года, а въ 1789 году, въ эпоху созыва генеральныхъ штатовъ, правительство предписываетъ монтаржисскому „генераль-лейтенанту“ (lieutenant-général) не считать названный бальяжъ вторичнымъ (secondaire) ¹⁾.

Отвѣчая разладъ между закономъ и практикою стараго порядка, мы имѣли въ виду указать преимущественно на тѣ причины этого явленія, которыя представляютъ, въ большей или меньшей степени, специальную принадлежность стараго порядка, его характерную черту; мы оставляемъ поэтому въ сторонѣ тѣ изъ относящихся сюда причины, которыя свойственны болѣе или менѣе „всѣмъ временамъ и народамъ“, и которыя характеризуютъ скорѣе человѣческую природу вообще, чѣмъ извѣстный строй и извѣстную эпоху: нерадѣніе или неспособность, небрежность или злой умыселъ играли, конечно, роль и при „старомъ“ порядкѣ, какъ продолжаютъ играть и при „новомъ“; но не онѣ играютъ главную роль при старомъ порядкѣ, а именно тѣ специально ему присущія черты, которыя мы пытались выяснитъ.

Каковы бы, однако, ни были причины, во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что въ старомъ порядкѣ лежитъ цѣлая пропасть между законодательною нормою и конкретною дѣйствительностью ²⁾.

¹⁾ Brette. „Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux de 1789“, t. I, p. XXI.

²⁾ Къ числу законодательныхъ мѣръ, оставшихся цѣликомъ или отчасти мертвою буквою, можемъ присоединить еще слѣдующія, изъ болѣе крупныхъ законодательныхъ актовъ, неосуществленіе которыхъ на дѣлѣ мы имѣли возможность констатировать на основаніи документальныхъ данныхъ. Въ 1763 году были изданы законодательные акты первостепенной важности: апрѣльскій эдиктъ и королевская декларация 21-го ноября того же года предписали „la confection d'un cadastre général de tous les biens-fonds du royaume, afin d'exclure tout arbitraire et toute inégalité dans la répartition des impôts“ (*Archives nationales*, série K 879). Эта мѣра, отвѣчавшая одной изъ настоятельнѣйшихъ потребностей податной организаціи стараго порядка, такъ и осталась безъ выполненія; въ большинствѣ областей не было сдѣлано даже никакихъ подготовительныхъ работъ къ выполненію этой грандіозной мѣры, какъ это видно изъ административной переписки послѣднихъ двухъ десятилѣтій стараго порядка, а также изъ „наказовъ“ 1789 года, переполненныхъ требованіями общаго кадастра (*Archives nationales*, série H et B, passim. — *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 2804: un projet de cadastre en Champagne, 1788). Задача эта была выполнена лишь въ нынѣшнемъ столѣтїи: начатыя при Наполеонѣ I, работы по составленію всеобщаго кадастра для Франціи были окончены лишь въ 1850 году. („Révolution française“, t. II, p. 583).—Другая, не менѣе крупная законодатель-

Изъ всего сказаннаго видно, до какой степени рискованно до-
вѣряться законодательнымъ источникамъ, когда дѣло идетъ о вос-
произведеніи исторической дѣйствительности стараго порядка. Если
мы сочли нужнымъ удѣлять столько вниманія этой сторонѣ дѣла,
то, именно, въ виду большой распространенности въ исторической
литературѣ о старомъ порядкѣ приѣма—заключать отъ законодатель-

ная мѣра, августовскій эдиктъ 1764 года касательно преобразования городского
управленія на однихъ и тѣхъ же началахъ для всего королевства, оказалась бо-
лѣе, чѣмъ наполовину, мертвою буквой, какъ это видно изъ административной
переписки восьмидесятыхъ годовъ. Лангдокъ принадлежалъ къ числу немногихъ
областей, гдѣ эта реформа имѣла хотя нѣкоторое практическое осуществленіе
въ большинствѣ же провинцій все осталось по прежнему, какъ было и до эдикта
1763 года. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ въ Бретани и Бургони, эдиктъ
этотъ остался даже вовсе неизвѣстнымъ, такъ какъ не былъ занесенъ въ ре-
гистры парламентовъ этихъ провинцій (*Archives nationales, série II 584: Mé-
moire de la Commission intermédiaire des Etats de Bretagne, 1783. — Ibidem,
série II 648: lettre de l'intendant de Bretagne, Bertrand de Moleville, au Contrô-
leur général, 1784. — Archives départementales de la Côte d'Or (Dijon), série
C 3382: l'édit de 1764 „n'a pas été envoyé au parlement de Dijon“*). До какой
степени мало исполнялись постановленіе королевскаго совѣта 18-го октября 1778
и декларация 17-го октября 1779, касательно финансовой отчетности, можно судить
по тому, что одинъ изъ королевскихъ казначеевъ еще въ 1788 году не пред-
ставилъ своихъ отчетовъ за 1778 годъ, и что казначей морскаго министерства
представилъ наконецъ свой отчетъ за 1771 годъ лишь въ 1787 году (*Gomet., — Les
Causes financières de la Révolution, t. I, pp. 385 — 340*). — Королевскій ордон-
нансъ 14-го августа 1623 года о постройкѣ казармъ для провинціальной мили-
ціи, въ видахъ избавленія жителей отъ тягости военнаго ностоя, оставался, за
немногими исключеніями, мертвою буквой до самаго конца стараго порядка.
Д'Арбуа-де-Жюбанвилль не нашелъ въ архивахъ шалонскаго интендантства (въ
г. Труа) „никакихъ слѣдовъ исполненія этого предписанія“ (*D'Arbois de Ju-
bainville. „L'administration des intendants d'après les archives de l'Aube“, p. 80*). —
Изъ письма бургонскаго интенданта Амело къ генералъ-контролеру Калонну, въ
1784 году, видно, что предписанія деклараций 1703 года и многихъ позднѣйшихъ
законодательныхъ актовъ, изданныхъ въ ея „подтверженіе“ и „разъясненіе“ ка-
сательно процессовъ сельскихъ общинъ, не соблюдалось въ Бургони, какъ, впро-
чемъ не соблюдалось и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ (*Archives nation-
ales, série II 200/2*). — То же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно многочислен-
ныхъ законодательныхъ ограниченій касательно замѣщенія различныхъ должно-
стей одного и того же учрежденія лицами, находящимися въ близкомъ родствѣ
между собою. Поучительный образецъ представляетъ въ этомъ отношеніи Бре-
тани, гдѣ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія всѣ важнѣйшія должно-
сти въ брестскихъ судахъ были подѣлены между членами одной и той же семьи
(*Archives nationales, série II 614: „Requête présentée au roi par la municipalité
de Brest“, 1777*).

наго текста къ конкретнымъ отношеніямъ. Напримѣръ, начиная съ конца XVII столѣтія мы видимъ цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, устанавливающихъ обязательное обученіе дѣтей и предписывающихъ устройство начальныхъ школъ „во всѣхъ приходдахъ, гдѣ таковыхъ еще не имѣется“ ¹⁾. Отсюда нѣкоторые авторы дѣлаютъ заключеніе, что при старомъ порядкѣ „Франція была покрыта начальными школами“ ²⁾, что „въ XVIII вѣкѣ существовалъ школьный учитель въ каждомъ приходѣ“ ³⁾; а одинъ авторъ, въ 1847 году, находитъ даже возможнымъ констатировать, что „учащаяся молодежь была въ до-революціонной Франціи вдвое многочисленнѣе, чѣмъ теперь“ ⁴⁾.

Такимъ-то путемъ, на почвѣ законодательнаго текста вырастаетъ историческая легенда, рисующая намъ въ идиллическихъ краскахъ дѣйствительность, несравненно болѣе богатую сѣрыми и темными тонами, чѣмъ свѣтлыми и розовыми. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ въ 1788 году, исполнительное присутствіе (Bureau Intermédiaire) Реймса къ шалонской исполнительной комиссіи (Commission Intermédiaire): „Изъ 372 общинъ входящихъ въ составъ нашего округа, 308 не имѣютъ ни школъ, ни больницъ; можно сказать, почти всѣ онѣ ли-

¹⁾ Королевскій ордоннансъ 1695 года предписываетъ устройство школъ во всѣхъ приходдахъ (*Champion*. „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 205: „Ordonnance royale citée par des cahiers...“). Предписание это было многократно подтверждено и возобновлено: декларация 1698 года (*Calonne*. „La vie agricole sous l'ancien régime dans le Nord de la France“, p. 261.—*Babeau*. „Le village sous l'ancien régime“, p. 302),—1724 года (*Champion*. „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 205. — *D'Arbois de Jubainville*. „L'administration des intendants d'après les archives de l'Aube“, p. 109. — *Babeau*. „Le village sous l'ancien régime“, p. 303), — 1734 г. (*Calonne*. „La vie agricole“, p. 261) и др. Калоннъ цитируетъ, между прочимъ, полицейскій регламентъ (дата?) виконтства Эшье, наказывающій „штрафомъ въ десять су всякаго мальчика или дѣвочки мѣнѣ четырнадцати лѣтъ за всякій пропущенный урокъ катихизиса, исключая случая болѣзни или недомоганія“ (*Calonne*. „La vie agricole“, p. 261—262).

²⁾ *Calonne*. „La vie agricole sous l'ancien régime dans le Nord de la France“, p. 262—263: „La France était donc couverte d'écoles créés par l'action traditionnelle du clergé dans l'oeuvre de l'enseignement“.

³⁾ *D'Arbois de Jubainville*. „L'administration des intendants“, p. 109: „Mais il est évident (?) qu' au XVIII siècle il existait un maître d'école dans chaque paroisse“.

⁴⁾ *Baudot*. „La France avant la Révolution“. Paris. 1847 (2 édition), p. 456: „Avant la Révolution, l'instruction publique était presque partout gratuite... La jeunesse... s'y pressait deux fois plus nombreuse qu' aujourd'hui“ (!).

шiemъ средствѣ для воспитанія юношества; лишь немногія изъ общинъ имѣютъ специальное помѣщеніе для школы" ¹⁾. „Нельзя видѣть безъ грусти, до какой степени запущено воспитаніе юношества въ деревняхъ“, говоритъ аббатъ Ла-Шарнуа въ своемъ докладѣ той же дополнительной комиссіи, въ 1788 году ²⁾. Духовенство маленькой области Жаксъ жалуется въ своемъ наказѣ 1789 года, что „въ деревняхъ нѣтъ маленькихъ школъ, которыя не встрѣчаются почти нигдѣ“ ³⁾. „Школы не хватаютъ всюду“, жалуется третье сословіе; „въ деревняхъ совершенно отсутствуютъ всякія средства для воспитанія юношества; съ давнихъ поръ мы добываемся нѣтъ школьнаго учителя для юношества, которое погрязаетъ въ невѣжествѣ... Депутаты потребуютъ исполненія эдикта 1695 года касательно учрежденія школъ въ деревняхъ“ ⁴⁾. Забѣлгать, что эта послѣдняя жалоба походитъ не изъ какого-нибудь захолустья, а изъ окрестностей столицы. Наказы 1789 года, въ особенности указы духовенства, полны подобными жалобами ⁵⁾. По вычисленію одного статистика, во второй половинѣ XVIII вѣка, на территоріи, образующей въ настоящее время департаментъ Лоа-е-Гаронна (съ главными городами Аген), существовала всего шестьдесятъ одна школа, въ то время какъ теперь ихъ насчитывается, на той же территоріи, болѣе трехсотъ ⁶⁾.

¹⁾ *Archives départementales de la Marne* (Châlons, série C 2882. Lettre adressée par le Bureau départemental de Reims à la Commission départementale de Châlons, le 26 juillet 1788. Sur 573 communes dont notre élection est composée, 405 ont sans aucun moyen, ce qui réduit à 36 écoles qui participent à quelque-une des avantages de ces fondations c'est-à-dire des écoles et des hospices. Plusieurs autres, pour avoir été, sans aucun moyen pour l'éducation de la jeunesse, par le département ont en leur lieu pour cette importante partie. Le département s'occupe de constater, constater lequel aura de même être améliorées, ce qui sera fait à Brie, et de Шампанне, même école, et d'arrêter les autres dans quelques villages. Le village sans aucun moyen, p. 200. De Шампанне, le 26 juillet que tout ce rapport dans le rapport à vous."

²⁾ *Archives départementales de la Marne* (Châlons) „Sur une liste des communes de tout le pays, nous avons remarqué de la jeunesse en nombre dans le département."

³⁾ *Archives de la Marne* à Paris, no 2000, p. 205.

⁴⁾ *Archives de la Marne* à Paris, no 2000, p. 206.

⁵⁾ *Archives départementales de la Marne* (Châlons), no 2000, p. 206.

⁶⁾ *Archives de la Marne* à Paris, no 2000, p. 206. *Archives de la Marne* à Paris, no 2000, p. 206. *Archives de la Marne* à Paris, no 2000, p. 206.

Вообще, имѣть ничего легче, какъ впасть въ идеалистическій оптимизмъ относительно стараго порядка, если, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, придавать законодательнымъ текстамъ эпохи значеніе историческихъ свидѣтельствъ. Наглядною иллюстраціей этого наблюденія можетъ служить, напримѣръ, авторъ „Реформъ при Людовикѣ XVI“¹⁾, желающій изобразить состояніе Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка исключительно на основаніи законодательнаго матеріала, и, въ результатъ, впадшій bona fide и, повидимому, безъ всякой предвзятой тенденціи, въ полнѣйшую идеализацію стараго порядка. Съ наименьшею bona fides, но въ не менѣе далекую отъ исторической правды идеализацію впадаетъ и Токвиль — относительно одной изъ сторонъ стараго порядка, — единственной, для изученія которой онъ счелъ возможнымъ воспользоваться исключительно законодательнымъ матеріаломъ, не провѣривъ его данными конкретнаго характера. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, конкретная дѣйствительность имѣетъ очень мало общаго съ нарисованной Токвилемъ розовой картиной администраціи провинціальныхъ штатовъ Лангдока²⁾. Но и помимо этого рода идеализаціи исторической дѣйствительности, значительная доля недоразумѣній — мелкихъ и крупныхъ, — встрѣчающихся въ исторической литературѣ стараго порядка, имѣютъ своимъ источникомъ, именно, примѣненіе къ изученію стараго порядка юридическаго метода, основаннаго на довѣрїи къ свидѣтельству законодательныхъ текстовъ и юридическихъ формулъ³⁾.

¹⁾ *Semichon*. „Les réformes sous Louis XVI“. Paris, 1876.

²⁾ *Tocqueville*. „L'ancien régime et la Révolution“. Paris, 1856, pp. 325—242: „Des pays d'états et en particulier du Languedoc“.

³⁾ Напримѣръ, приписываютъ старому порядку неподвижность, основываясь на отсутствіи крупныхъ законодательныхъ реформъ; съ другой стороны, часто видятъ реформу тамъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, былъ лишь законодательный актъ, оставшійся мертвою буквой. — Примѣры детальныя ошибокъ: *Dareste*. „Histoire de la justice administrative en France“, p. 150: „Dans les Evêchés et en Bourgogne, où les communaux avaient été partagés par les édits de 1769 et 1774...“ Въ дѣйствительности, эдиктъ 1774 года остался даже неизвѣстнымъ въ Бургонии вплоть до 1782 года, когда онъ былъ, наконецъ, зарегистрированъ джонскимъ парламентомъ (*Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 3695. *Guyot*. „Traité des droits“, t. III, pp. 304—305). — Другой примѣръ: Parizet, разбирая сочиненіе Рея о наказахъ Сентъ-При (*Rey*. „Les cahiers de Saint-Prix et la subdélégation d'Enghien en 1789“. Paris, 1892; замѣтка Паризе въ „Révolution française“, t. XXVII (1894), p. 93), замѣчаетъ, между прочимъ: „Quant aux pouvoirs des subdélégués, M. Rey a également été induit en erreur. Ainsi, il semble croire que ceux-ci allaient jusqu'à disposer arbitrairement de la liberté des gens.“

Основываясь на нихъ, легко, съ одной стороны, открыть въ старомъ порядкѣ много такого, чего въ немъ въ дѣйствительности не было, съ другой — просмотрѣть многія изъ существенныхъ сторонъ конкретной исторической дѣйствительности, и въ результатѣ — создать картину, которая будетъ имѣть очень мало сходства съ историческою „натурой“. Законодательный матеріалъ—это такой источникъ, который вмѣсто того, чтобы *вводитъ* насъ въ историческую дѣйствительность, часто лишь *отводитъ* отъ нея. Историкъ, ввѣряющійся этому источнику, обрекаетъ себя, роковымъ образомъ, на безнадежное блужданіе вокругъ да около послѣдней, никогда не имѣя возможности подойти къ ней. Чтобы подойти къ исторической дѣйствительности стараго порядка, для этого нужно обращаться не къ законодательнымъ текстамъ и юридическимъ формуламъ, а къ конкретнымъ проявленіямъ живой исторической дѣйствительности. Административная переписка представляетъ собою одно изъ такихъ конкретныхъ проявленій, которыя вводятъ насъ непосредственно въ живую историческую дѣйствительность стараго порядка. Если старый порядокъ требуетъ, для своего историческаго изученія, строго конкретнаго метода, то административная переписка является, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе могучихъ орудій послѣдняго.

Въ числѣ причинъ, обусловливавшихъ при старомъ порядкѣ разладъ между законодательною нормою и конкретною дѣйствительностью, мы отмѣтили крайнюю многосложность, измѣнчивость и запутанность законодательства эпохи, — обстоятельства, дѣлавшія часто невозможнымъ исполненіе предписаній законовъ, за невозможностью знать ихъ въ точности со стороны исполнителей.

Это наблюденіе подсказываетъ намъ еще одинъ новый вы-

Leurs fonctions étaient clairement définies par l'édit d'avril 1704", etc. Въ дѣйствительности, критикъ самъ сдѣлался жертвою своего довѣрія къ авторитету законодательнаго акта, который, на самомъ дѣлѣ, столь же мало исполнился на практикѣ, какъ и множество другихъ подобныхъ ему эдиктовъ, деклараций и т. п. Еще болѣе типичнымъ примѣромъ, такъ сказать, принципиальной ошибки можетъ служить, въ данномъ случаѣ, Э. Лабуль, который, въ своемъ курсѣ, посвященномъ администраціи Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, прямо ставитъ себѣ задачу—дать, на основаніи законодательныхъ актовъ эпохи, „le tableau le plus complet de ce qu'était l'ancienne France dans les derniers temps de la monarchie“ („Revue des cours littéraires“, t. II, p. 417). На основаніи законодательнаго матеріала, какъ мы видѣли, немислимо реконструировать ни одной изъ сторонъ стараго порядка, не говоря уже о „полной картинѣ“, которую ставитъ себѣ задачей Э. Лабуль.

воду. До сихъ поръ рѣчь шла о тѣхъ свойствахъ стараго порядка, которыя дѣлають неудобнымъ приложеніе къ его изученію юридическаго метода; въ настоящемъ случаѣ мы находимъ новое подтвержденіе этому наблюденію—въ свойствахъ самаго законодательства эпохи. Раньше шла рѣчь о томъ, что старый порядокъ не поддается изученію на основаніи законодательнаго матеріала; теперь оказывается, что самъ-то этотъ матеріалъ, въ сущности, не поддается основательному и всестороннему изученію, невозможность котораго, какъ мы видѣли, признають—и въ принципѣ и на практикѣ—сами же представители стараго порядка.

IV.

Здѣсь мы подходимъ къ старому порядку еще съ одной, новой стороны, которую также важно не упускать изъ вида, когда дѣло идетъ объ историческомъ изученіи его. Это—крайняя сложность и вмѣстѣ крайняя запутанность его составныхъ элементовъ. Сложность и запутанность законодательства—не болѣе, какъ частичное изображеніе той общей сложности и путаницы, которая проникаетъ естество стараго порядка во всѣхъ его элементахъ. Кромѣ законодательства, мы имѣли уже случай имѣть дѣло съ нѣкоторыми наглядными образцами подобной путаницы въ территоріальныхъ элементахъ до-революціонной Франціи. Тамъ мы имѣли въ виду отиѣтитъ лишь крайнюю пестроту этихъ послѣднихъ. Ясно, что эта пестрота уже сама по себѣ представляетъ нѣкоторый элементъ сложности, которая, въ свою очередь, содержитъ въ себѣ задатки путаницы, дѣлающей крайне затруднительнымъ, а часто и прямо невозможнымъ точное воспроизведеніе извѣстныхъ сторонъ стараго порядка. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разобраться, напримѣръ, въ муниципальномъ режимѣ стараго порядка, когда онъ имѣлъ чуть не столько же различныхъ формъ, сколько было муниципальных территорій? Какимъ образомъ, при подобныхъ условіяхъ, возсоздать точную и всестороннюю картину муниципальнаго управленія въ до-революціонной Франціи? Подобная задача превосходитъ средства историка, какъ она превосходила, впрочемъ, и средства современниковъ и даже самого правительства. Какимъ образомъ составить себѣ точныя и всестороннія представленія о частно-правовыхъ отношеніяхъ эпохи, когда одновременно существовало около трехсотъ гражданскихъ кодексовъ,—когда гражданскій режимъ разнился между двумя сосѣдними селеніями, между двумя кварталами одного и того же города, между двумя сосѣдними домами одного и того же селенія?..

Мы хотимъ сказать, что старый порядокъ представляетъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, такую путаницу, изъ которой не въ состояніи дать выхода самое строгое примѣненіе „географическаго“ метода, такъ какъ путаница эта не сводится безъ остатка на территориальные элементы, хотя послѣдніе, несомнѣнно, играютъ въ ней выдающуюся роль. Поясняющимъ примѣромъ можетъ служить „запутанность“ законодательства, о которой только что шла рѣчь. Болѣе детальную картинную иллюстрацію этой стороны стараго порядка представляетъ судебная организація, въ которой, по картинному выраженію Луазо, было „не менѣе путаницы, чѣмъ въ вавилонскомъ смѣшеніи языковъ“¹⁾. Это характерное выраженіе, относящееся къ XVII столѣтію, оказывается далеко не устарѣвшимъ еще въ концѣ стараго порядка. „Изумительная причудливость состава бальяжей“, на которую жалуются многіе изъ наказовъ 1789 года²⁾, не есть пустая фраза. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь бросить взглядъ на опубликованный недавно А. Бреттомъ отрывокъ составляемой имъ въ настоящее время судебной карты до-революціонной Франціи. Здѣсь мы имѣемъ предъ собою типичный образецъ территориальнаго состава бальяжа: территория бальяжа Маршъ, изображенная на этой картѣ, представляетъ пятнадцать отдѣльных, разобщенныхъ отрезковъ, разбросанныхъ, въ видѣ enclaves, по территориямъ восьми другихъ, сосѣднихъ бальяжей³⁾.

Путаница, „confusion“, этимъ не ограничивается. Что такое бальяжъ, какъ учрежденіе? Это извѣстнаго рода трибуналъ. Что такое амьенскій бальяжъ? Трибуналъ, находящійся въ Амьенѣ, не ясно-ли? Ясно, только не для стараго порядка, для котораго ясность и опредѣленность понятія совершенно чужды. „Не слѣдуетъ смѣшивать амьенскій бальяжъ, находящійся въ г. Амьенѣ, съ амьенскимъ бальяжемъ въ г.

¹⁾ *Louveau*. „Traité des offices“: „En France la confusion des justices n'est pas moindre que celle des langues lors de la tour de Babel“. Замѣствуемъ цитату у Бретта (*Brette*. „Recueil de documents relatifs à la convocation des Etats généraux“, t. I, p. XXXI).

²⁾ *Brette*. „Recueil de documents“, etc., t. I, p. XXXI.

³⁾ *Brette*. „Huot de Goncourt, représentant du Bassigny-Barrois à la Constituante“ („Révolution française“, novembre 1896). Къ этой статьѣ приложена карта бальяжей Маршъ и Бурмонъ. Подробная карта бальяжей, надъ составленіемъ которой А. Бреттъ работаетъ уже нѣсколько лѣтъ, должна появиться въ приложеніи къ третьему тому „Собранія документовъ, относящихся къ созыву генеральныхъ штатовъ 1789 года“, находящемуся въ настоящее время въ печати. Не любознательно ли, что первая судебная карта до-революціонной Франціи является болѣе ста лѣтъ спустя послѣ ликвидаціи стараго порядка?..

Монтрейль" ¹⁾). Жеводанскій бальяжъ въ 1780, 1782, 1784 и т. д. году совѣтъ не то, что въ 1781, 1783, 1785 и т. д. Въ самоѣ дѣлѣ, подъ именемъ жеводанскаго бальяжа извѣстны два совершенно различныхъ трибунала: одинъ королевскій въ *Marvéjols*, другой—епископскій въ г. *Mende*,—которые функционируютъ поочередно, одинъ годъ—одинъ, слѣдующій годъ — другой и т. д. ²⁾). Не слѣдуетъ также искать въ г. *Arques* бальяжа, который носятъ это имя: онъ находится въ *Дьеппѣ*, подобно тому, какъ клермонскій бальяжъ находится не въ *Клермонѣ*, а въ *Вареннѣ*, *Вуванскій* въ *Шатэньерѣ*, *Серенскій* въ *Перье*, и т. д. ³⁾).

Въ различныхъ официальныхъ документахъ эпохи мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „Половина этого селенія принадлежитъ къ кассельскому кастелянству — и находится въ вѣдомствѣ фландрскаго парламента, другая половина принадлежитъ къ бурбургскому кастелянству и находится въ вѣдомствѣ совѣта *Артуа*" ⁴⁾). „Одна улица этого селенія относится къ вѣдомству бальяжа *Villers-Coterets*, остальная часть — къ бальяжу *Crespu*" ⁵⁾). „Большая часть этой сельской общины находится въ вѣдомствѣ кастелянства *Saint-Maurice*, остальная часть — въ вѣдомствѣ *Лионскаго президіала*" ⁶⁾). Селеніе *Airaines-la-Ferme* подѣлено между тремя различными судебными округами: бальяжами *Амьепскимъ* и *Эрэнскимъ* и сенешальствомъ *Аббевильскимъ* ⁷⁾); селеніе *Vougecourt*—между окру-

¹⁾ „Il ne faut pas confondre le bailliage d'Amiens à Amiens avec celui d'Amiens à Montreuil". Lettre des officiers du bailliage de Montreuil au garde des sceaux, 9 octobre 1788. *Brette*, „Recueil de documents", etc., I, p. XXXI.

²⁾ Жеводанскіе комиссары, въ письмѣ къ хранителю печати, 18-го марта 1789, обращаютъ его вниманіе на „bizarre composition du bailliage de Gévaudan divisé en deux séances alternatives, l'une royale à Marvéjols, où la justice est administrée par les officiers de Sa Majesté, l'autre baguette à Mende, siège des officiers commis par l'évêque". *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Archives nationales*, série B^a 45: „Etat, par ordre alphabétique, des villes, bourgs, villages et hameaux composant le département du Hainaut et pays y réunis",—документъ, составленный мѣстнымъ интендантомъ (*валансенскимъ*), по всей вѣроятности около 1788 или 1789 г. Имя селенія, о которомъ идетъ рѣчь, *Merckeghem*.

⁵⁾ *Ibidem*, série D IV bis 46: *Etats de population, 1787*. Имя селенія — *Boursonne*, въ суссонскомъ генеральствѣ.

⁶⁾ „*Almanach de Lyon*", 1790. *Bibliothèque nationale*, Le 1/245. Имя селенія *Saint-Cyr-de-Faviers*, въ *лионскомъ генеральствѣ*.

⁷⁾ *Archives nationales*, série D IV bis 48: *Etats de population, 1787*.

гами трехъ парламентовъ: парижскаго, дижонскаго и мецскаго. Въ маленькой области Монтагю жители жалуются, въ 1789 году, на то, что у нихъ случается, что „одно и то же селеніе зависить отъ двухъ или трехъ различныхъ юрисдикцій: часто они не знаютъ, къ какому трибуналу имъ слѣдуетъ обращаться“¹⁾. Въ бальяжѣ Эврѣ есть сельскія общины, зависяція сразу отъ четырехъ или пяти различныхъ юрисдикцій²⁾. Въ Бургони дѣло доходитъ до того, что мѣстами одинъ и тотъ же домъ принадлежитъ — одной комнатою къ округу парижскаго парламента, другой комнатою — къ округу дижонскаго³⁾.

Удивительно-ли послѣ этого, что сами современники терялись въ этомъ лабиринтѣ, само правительство не могло толкомъ разобраться, сами представители судебныхъ учреждений подъ часъ путались. Когда въ 1789 году пришла пора организовать выборныя собранія по бальяжамъ, то оказалось, что правительство не имѣло точныхъ свѣдѣній не только о компетенціяхъ различныхъ бальяжей⁴⁾, но даже о наименованіи⁵⁾ и о числѣ⁶⁾ этихъ учреждений съ подвѣдомственными имъ округами.

¹⁾ „Archives parlementaires“, t. V, p. 577. *Champion*, p. 122.

²⁾ *Ibidem*, t. III, p. 320. *Champion*, p. 122.

³⁾ *Archives départementales de la Côte d'Or* (Dijon), série C 2987: „Il y avait même des maisons dont une chambre était sur Paris, et l'autre sur Dijon“.

⁴⁾ Хранитель печатей (garde des sceaux), министръ юстиціи по-нашему, пишетъ 4-го марта 1789 г. одному изъ судебныхъ генералъ-лейтенантовъ: „on n'a point porté (la prévôté bailliagère de Montmédy) sur l'état comme bailliage secondaire, parce qu'on a ignoré qu'elle eût la connaissance des cas royaux. On assure aujourd'hui qu'elle jouit de cette prérogative“. (*Brette*, „Recueil de documents“, etc., t. I, p. 224). Въ другомъ министерскомъ письмѣ, отъ 17-го марта 1789, читаемъ, между прочимъ: „C'était, en effet, l'intention de Sa Majesté, lorsqu'elle a fait ce règlement, parce qu'elle croyait que Varennes était un bailliage royal. Elle a reconnu depuis que cette ville n'avait qu'une justice seigneuriale“ (*Ibidem*, t. III, Avertissement (корректирные листы)). Въ регламентѣ 1-го апрѣля 1789, для Наварры, находимъ слѣдующія строка: „Le Roi étant informé que le sénéchal de Saint-Palais... n'est pas le seul sénéchal de son royaume de Navarre ressortissant nûment au parlement de Pau, comme on l'avait supposé“, etc. (*Ibidem*, t. III, p. 213).

⁵⁾ Такъ, созывая грамота была адресована, между прочимъ, „генералъ-лейтенанту Коммэнжскаго бальяжа въ Коммэнжѣ“. Въ дѣйствительности, въ графствѣ Коммингесъ не было ни генералъ-лейтенанта, ни самого бальяжа, ни города этого имени. Бреттъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ примѣръ, замѣчаетъ, что „естъ и другіе подобныя промахи“. *Ibidem*, t. I, pp. XXII—XXIII.

⁶⁾ Регламентъ 24-го января 1789 г., регулирующій выборныя операціи въ

Какъ это ни странно, но это фактъ, что судебныя учрежденія, бальяжи и парламенты, сами не знали въ точности границъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Въ 1789 году генераль-лейтенантъ мулэнскаго бальяжа сознается, въ письмѣ къ хранителю печатей, что онъ не ручается за точность и полноту списка населенныхъ мѣстъ, входящихъ въ составъ названнаго бальяжа ¹⁾. Генераль-лейтенантъ Шато-Гонтье, въ унисонъ своему мулэнскому коллегѣ, заявляетъ, что „судьи сами не имѣютъ точныхъ свѣдѣній о предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ“ ²⁾. „Въ виду отсутствія точнаго разграниченія судебныхъ округовъ, жалуются, въ своемъ наказѣ 1789 года, третье сословіе Сапписа,—случается перѣдко, что различныя королевскіе трибуналы виѣшнваются одинъ въ область другаго“... ³⁾ Официальные списки населенныхъ мѣстъ по нѣкоторымъ изъ судебныхъ округовъ, составленные въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія двумя различными вѣдомствами, расходятся въ опредѣленія границъ однихъ и тѣхъ же округовъ ⁴⁾.

Ближайшее ознакомленіе съ провинціальною администраціей стараго порядка вскроетъ передъ нами, вмѣстѣ съ новыми элементами путаницы, и нѣкоторыя изъ причинъ послѣдней.

Если мы заглянемъ въ область государственнаго и народнаго хозяйства, то передъ нами—новая картина путаницы и хаоса, въ которыхъ опять-таки сами современники терялись. Въ самъ дѣлѣ, само правительство, самъ министръ финансовъ, или генераль-контролеръ,

---

генеральные штаты, между прочимъ даетъ ближайшему сенешалу или бальяжу право созывать „бальяжи, сенешальства или другіе трибуналы, имѣющіе въ своей компетенціи королевскія дѣла (cas royaux), которые могли бытъ опущены съ настоящемъ смыслъ“. Ibidem, p. XXII.

¹⁾ „Il peut se trouver quelque communauté de campagne ayant un rôle séparé; dès lors, il est presque impossible que quelques-unes de ces communautés ne soient oubliées. La première raison est que nous ne connaissons que le nom des paroisses; encore cette connaissance est-elle très imparfaite, attendu que nous n'avons jamais eu le tableau des différentes paroisses“. *Archives nationales*, série B III 36. Заимствуемъ цитату у Бретта: *Brette*. „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789“, t. I, p. XXIV.

²⁾ *Archives nationales*, serie B III 8. Ссылка у Бретта, тамъ же.

³⁾ „Archives parlementaires“, t. V, p. 540. Заимствуемъ цитату у Шампона: „La France d'après les cahiers de 1789“, p. 121.

⁴⁾ *Brette*. „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux“, t. III, Avertissement (въ печати). Цитируемъ по корректурнымъ листамъ, которые были любезно сообщены намъ А. Бреттомъ.

употребляя терминъ эпохи, никогда не зналъ въ точности финансовыхъ средствъ, которыми могло располагать правительство въ данный моментъ, какъ равно не имѣлъ точныхъ данныхъ ни о доходахъ, ни о расходахъ государства ¹⁾, не говоря уже о такихъ тонкостяхъ, какъ распредѣленіе податной тяжести соответственно облагаемымъ предметамъ ²⁾, платежныя силы населенія, размѣры земледѣльческаго и промышленнаго производства государства, торговый балансъ ³⁾, и т. н.

Все это такія вещи, которыя получаютъ свое освѣщеніе лишь при статистическомъ изученіи; а какова была статистика при старомъ порядкѣ?

Начать съ того, что правительству была неизвѣстна даже цифра народонаселенія государства, и это по той простой причинѣ, что, собственно говоря, никакой статистики населенія при старомъ порядкѣ не существовало, да, по убѣжденію современниковъ, точной статистики этой части даже и быть не могло. „Человѣчскій родъ не допускаетъ точнаго исчисленія“, по выраженію одного современнаго статистика ⁴⁾. „Немыслимо было, разумѣется, произвести все-народную перепись столь обширной страны“, говоритъ Неккеръ въ 1784 году ⁵⁾. Единственный способъ опредѣлить, болѣе или менѣе приблизительно, цифру населенія, находившійся въ распоряженіи современнаго статистика, это — вычисленіе на основаніи средней цифры рожденій. Такъ поступаетъ и Неккеръ. Помножая среднее

¹⁾ Дало въ томъ, что доходы и расходы казны не были централизованы въ генеральномъ контролѣ; значительная часть казенныхъ поступленій и расходовъ совершенно ускользала отъ наблюденія генераль-контролера, такъ какъ значительная часть казенныхъ платежей производилась мѣстными кассами (генеральствъ) въ счетъ мѣстныхъ же поступленій; такимъ образомъ значительная часть финансовыхъ операций совершалась внѣ поля зрѣнія генераль-контролера. См., напримѣръ, *Archives nationales, série K 883*.

²⁾ *Necker*. „De l'administration des finances“, t. I, p. 161: „Il n'est donc pas possible de désigner avec précision, quelle est la partie de la taille qui, dans tout le royaume, affecte directement le produit des terres“.

³⁾ *Necker*. „De l'administration des finances“, t. II, p. 127: „La bizarrerie de la législation française sur les traites,—l'établissement des douanes, les unes aux frontières, les autres sur la ligne qui sépare certaines provinces du reste du royaume, et d'autres disparités encore, sont autant d'obstacles qui s'opposent, en France, à la connaissance exacte de la balance du commerce“.

⁴⁾ *Brion de la Tour*. „Tableau de la population de la France“. Paris, 1789, p. V: „L'espèce humaine ne saurait se calculer que par approximation“.

⁵⁾ *Necker*. „De l'administration des finances de la France“, t. I, p. 202.

арифметическое рождений за послѣднія десять лѣтъ на среднее отношеніе численности населенія къ числу роженій (вычисленное на основаніи нѣсколькихъ частичныхъ переписей), онъ получаетъ цифру около 26 милліоновъ, которую и принимаетъ за приблизительную цифру населенія Франціи въ 1784 году ¹⁾). Вотъ—„наименѣе ненадежный“ по выраженію Неккера, способъ узнать цифру народонаселенія государства. Насколько, однако, былъ мало надеженъ этотъ „наименѣе ненадежный“ методъ, можно судить уже потому, что самая статистика рождаемости, служившая ему базой, оставяла желать многого. Въ самомъ дѣлѣ, изъ свѣдѣній, доставленныхъ интендантамъ субделегатами, въ восьмидесятихъ годахъ ²⁾, видно, что не только списки роженій велись часто очень неисправно ³⁾, но что во многихъ приходяхъ такихъ списковъ вовсе не велось ⁴⁾, не говоря уже о множествѣ другихъ обстоятельствъ, лежавшихъ въ самыхъ свойствахъ стараго порядка, которыя дѣлали невозможною точность въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, если не во всѣхъ вообще ⁵⁾.

¹⁾ *Ibidem*, p. 202, et suiv. Тому же методу слѣдуютъ и провинціальныя интенданты въ своихъ статистическихъ разчетахъ. Нѣкоторые изъ нихъ добываютъ искомыя итоги, „множая среднее число роженій на 27 въ епископскихъ городахъ, на 28 въ прочихъ городахъ, и на 25 въ деревняхъ“. Въ извѣстныхъ областяхъ принимали за базу вычисленій цифру 26 (среднее отношеніе количества населенія къ количеству роженій), основываясь „на благопратореніи воздуха“ („salubrité de l'air“). *Archives nationales*, série D IV bis 46; série B III 187. *Brette*. „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789“, t. I, p. XVII—XVIII.

²⁾ *Archives nationales*, séries D IV bis 43—46: États de population de 1783—1787: Berry, Bourgogne, généralité d'Auch, Picardie, Alsace (D IV bis 43); Champagne, Franche-Comté, Hainaut et Cambésis, généralité de Caen, Flandre et Artois, Languedoc, Dauphiné (D IV bis 44); généralité de Metz,—de Nancy,—de Lyon,—de Montauban,—de Moulins,—de Roussillon,—de Poitiers,—d'Orléans (D IV bis 45); généralité de Rouen,—de Riom,—de Soissons,—de Provence,—de la Rochelle (D IV bis 46). Эти „состоянія населенія“ заключаютъ въ себѣ лишь цифры роженій и смертей,—списки, оставляющіе многого желать въ смыслѣ точности, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣчаній.

³⁾ *Archives nationales*, série D IV bis 45. Parioisse de Montricoux (généralité de Montauban): „Les registres de cette paroissee n'ont point été déposés au greffe et le curé qui a quitté le pays, n'en a point tenu ou les a emportés“.

⁴⁾ *Ibidem*, D IV bis 44. Parioisse de Bellay (Champagne): „Il n'y a point eu d'actes cette année dans cette paroissee“. Parioisse de Seloncourt (Franche-Comté) „est habitée par des luthériens qui ne tiennent point de registres“. Очень много приходовъ, не ведущихъ списковъ роженій, въ Провансѣ (*Ibidem*, D IV bis 46).

⁵⁾ Для примѣра: *Ibidem*, D IV bis 45: „Les registres de (huit) paroissee ci-

Удивительно-ли, поэтому, что, пользуясь этимъ „наименѣе надежнымъ“ способомъ вычисленія, различные статистики второй половины прошлаго вѣка приходятъ къ результатамъ, варьирующимся въ предѣлахъ отъ двадцати милліоновъ (minimum) до тридцати (maximum), въ качествѣ цифры населенія Франціи въ ту пору ¹⁾.

Населеніе Лангдока, не задолго до 1789 года, вычисляется различными современными статистиками въ цифрахъ, варьирующихся отъ

contre étant déposés aux greffes de juridictions étrangères à la généralité de Lyon, on n'a nulle connaissance du nombre des naissances et des morts“.—Ibidem, D IV bis 46: P paroisse de Colainer (Auvergne)—„relève de Riom et de Saint-Flour; on a pris une moitié de la population“. Подобныя замѣчанія встрѣчаются на каждомъ шагѣ.

¹⁾ Наименьшую цифру даетъ маркизъ Мирабо, въ 1754 году: 18.107.000 (*Boiteau*. „Etat de la France en 1789“, p. 4); на цифрѣ 20.000.000 сходятся, по словамъ Брионъ-де-ла-Туръ, „большинство авторовъ“ (*Brion de la Tour*. „Tableau de la population de la France“. Paris, 1789, pp. 84—80); аббатъ Эксиньяи, въ 1772 году: 21.014.857 (*Boiteau*. „Etat de la France en 1789“, p. 4); Бюффонъ, около того же времени: 21.672.677 (тамъ же); Robert de Hessel: 22.150.000 (*Hesseln*. „Dictionnaire universel de la France“. Paris, 1771); одна официальная статистика восьмидесятыхъ годовъ: 23.052.000 (*Archives nationales, série H 1444*); Мезансе, для 1789 года, даетъ какъ minimum, цифру 23.065.000 (*Boiteau*, p. 7); Молеау, въ 1778: 23.500.000 (*Moheau*. „Recherches et considérations sur la population de la France“. Paris, 1778); одна официальная статистика 1770-хъ годовъ: 24.088.856 (*Archives nationales, série H 1588¹⁾*); Неккеръ, въ 1784 году, даетъ приблизительно цифру около 26 милліоновъ (*Necker*. „De l'administration des finances“, t. I, p. 208); Брионъ-де-ла-Туръ, въ 1789 году: 25.000.000 (*Brion de la Tour*. „Tableau de la population“. Paris, 1789); Де-Поммель, въ 1789 году, тоже (*Des Pommeles*. „Tableau de la population de toutes les provinces“. Paris, 1789); на той же цифрѣ останавливается Лавуазье (*Boiteau*. „Etat de la France“, p. 6); Национальное собраніе, въ 1790 году, вычисляетъ народонаселеніе королевства, не считая города Парижа и Корсики, въ 26.288.887 („Procès-verbal de l'assemblée des communes“, etc., t. LXXV); Bonvalet-Desbrosses даетъ для 1789 года цифру 27.957.167 (*Boiteau*. „Etat de la France“, p. 5—6); Монтекионъ, въ 1791: 27.199.973 (тамъ же, стр. 7—8); одинъ изъ цѣлируемыхъ Брионъ-де-ла-Туромъ анонимныхъ статистиковъ даетъ, для 1789 года, цифру 30.000.000, въ которой приходятъ также и некоторые изъ позднѣйшихъ статистиковъ, пользуясь тѣмъ же методомъ, что и Неккеръ въ 1784 году (*Fayet*, см. „Moniteur“, du 21 janvier 1846, p. 155); *Randeaun*. „La France avant la Révolution“. Paris, 1847, p. 417). После всего этого, мы рѣшительно затрудняемся понять увѣренность и категоричность нѣкихъ изъ современныхъ авторовъ, считающихъ возможнымъ говорить рѣшительнымъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній тономъ, что „en 1698, la population de la France était de 19.000.000; vers 1715, elle était tombée à 16.000.000; en 1753, elle est à 17.000.000“. *Mondénard*. „Cahiers de l'Agenais en 1789“. Villeneuve-sur-Lot, 1889, pp. 73—74.

1.251.195 до 2.852.400 ¹⁾), население страсбургскаго генеральства (Эльзаса)—отъ 278.028 до 629.725 ²⁾); население Парижа—отъ 500.000 до 1.000.000 ³⁾); население Бордо—отъ 84.000 до 200.000 ⁴⁾); население города Реннъ, столицы Бретани, Неккеръ вычисляетъ, въ 1784 году, въ 35.000 ⁵⁾, а одна официальная статистика 1786 года даетъ для этого города цифру 60.000 ⁶⁾, и т. д.

Не лучше обстояло дѣло относительно статистики народнаго хозяйства. „Совершенно неизвѣстно—такъ начинается Неккеръ двадцатую главу третьяго тома своего трактата о „финансовой администраціи“—количество обрабатываемыхъ земель на всемъ протяженіи королевства; различныя предположительныя данныя, которыя я могъ собрать по этой части, до такой степени смутны, что я не рѣшусь представить ихъ въ своемъ сочиненіи“ ⁷⁾).

Собственно говоря, статистики въ этой области не существовало вовсе, если не считать единичныхъ попытокъ отдѣльных провинціальныхъ администраторовъ,—попытокъ, которыя не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; что же касается общей статистики для всего королевства, то, за недостаткомъ данныхъ, въ этой области все дѣло сводилось къ различнымъ комбинаціямъ и вычисленіямъ, основаннымъ на болѣе или менѣе произвольныхъ предположеніяхъ и догадкахъ ⁸⁾). Одно изъ почти неодолимыхъ препятствій

¹⁾ „Etrennes nantaises“: 2.852.400; Necker: 1.699.000; „Etrennes universelles“: 1.251.195. *Brion de la Tour*. „Tableau de la population de la France“. Paris, 1789.

²⁾ Expilly: 629.725; Necker: 626.400; Robert: 500.000; „Etrennes nationales“: 400.000; Robert de Hessel: 810.000; „Etrennes universelles“: 278.028. Тамъ же.

³⁾ 1.000.000 (Pluche, Nicole de la Croix); 900.000 (Mercier); 800.000 (de Réal, de Percieux); de 750 à 800.000 „selon les saisons“ (Brion de la Tour); 750.000 („Etrennes universelles“); 720.000 („Etrennes nationales“); 671.000 (Dupain-Triel); 610.000 (Moheau) de 640 à 680.000 (Necker); 600.000 (Expilly, Lavoisier, comte de Mirabeau, Hessel). Тамъ же.

⁴⁾ 200.000 („Etrennes nationales“); 150.000 (La Roche Tilbac); 130.000 (Robert de Hessel); 120.000 (Brion de la Tour); 84.000 (Necker). Тамъ же.

⁵⁾ Necker. „De l'administration des finances“, t. I, p. 238.

⁶⁾ *Archives nationales*, série H 591.

⁷⁾ Necker. „De l'administration des finances“, t. III, p. 231.

⁸⁾ Вотъ авторитетный отзывъ о попыткѣ Дюпонъ-де-Немура, на которой основывается отчасти и болѣе поздняя аналогичная попытка Лавуазье. *Pigeonneau de Foville*. „L'administration de l'agriculture au Contrôle général des finances“. Paris, 1882, p. XXII: „Dupont de Némours rédigea, en 1786, un assez long mémoire, *Aperçu de la valeur des récoltes du royaume*, qui serait un document pré-

заключалось въ безконечномъ разнообразіи мѣръ, которое, между прочимъ, такъ поразило Артура Юнга. „Безконечное разнообразіе мѣръ во Франціи превосходить всякую идею; онѣ разнятся не только для каждой провинціи, но для каждого округа, чуть что не для каждого города,—и это какъ для земли, такъ и для хлѣба“¹⁾. „Количество различныхъ названій мѣръ просто невѣроятно, при чемъ не существуетъ общей единицы, къ которой бы можно было ихъ всё свести“²⁾. *Arpent* въ Артуа и Пикардіи, *journal* въ окрестностяхъ Амьена и въ Булоннѣ, *mesure* въ Булоннѣ и Понтѣ, *setier* въ Нормандіи и въ Ла-Бѣгѣ, *setérée* въ Камбрези и Шони, *mine* въ Бовези и Компьенѣ, *aissain* въ Куси и Сень-Гобенѣ, *jallois* въ Лаоннѣ, *bois-selet* въ Артуа и Вермандуа, *bonnier* въ Эно и Фландріи, *mancauds* въ Артуа и Фландріи,—каждая изъ этихъ земельныхъ мѣръ содержитъ въ себѣ извѣстное количество квадратныхъ *mancauds*, *mines*, *verges*, и, слѣдовательно, извѣстное количество квадратныхъ футовъ, *pieds*. Если бы да этотъ футъ, по крайней мѣрѣ, былъ всюду одинаковъ. Но нѣтъ: здѣсь—онъ имѣетъ двѣнадцать дюймовъ, тутъ—одинадцать, тамъ—десять или десять съ дробью. Подобная же исторія съ хлѣбными мѣрами. *Muid* содержитъ въ себѣ различное количество *setiers*, смотря по провинціи или мѣстности; „сетъ“ въ различныхъ мѣстностяхъ тоже содержитъ въ себѣ различное количество *minots*, *piquets*, *mancauds*; „минно“ и „манко“, въ свою очередь, то или другое количество *boisseaux*, *pintes*, и т. д.³⁾. Въ этомъ хаосѣ не могли подъ часъ разобраться даже наиболѣе свѣдущіе изъ современниковъ⁴⁾.

Къ этому надо присоединить невѣжество крестьянъ, которые, по словамъ Юнга, говорящаго въ данномъ случаѣ на основаніи личнаго наблюденія и опыта, „не знаютъ часто своихъ собственныхъ мѣръ и

---

ci eux, si les données statistiques qu'il renferme pouvaient inspirer confiance. Malheureusement, il ne dit pas toujours sur quelle base reposent ses calculs, et quand il indique ses procédés d'évaluation, on s'aperçoit bien vite qu'ils ne peuvent aboutir qu'à des résultats très approximatifs.... Une partie des éléments de ce rapport se trouvent dans le rapport de Lavoisier sur la *Richesse territoriale de la France*, 1791“.

¹⁾ Young. „Voyages en France“. Paris, 1860, t. II, p. 37.

²⁾ Ibidem, p. 40.

³⁾ Calonne. „La vie agricole sous l'ancien régime dans le Nord de la France“. Paris, 1887, p. 106—108.

⁴⁾ Young. „Voyages en France“, t. II, p. 38: „L'arpent de Paris et l'arpent de France.... sont souvent confondus par les écrivains d'agriculture français“.

даютъ совершенно неправильныя свѣдѣнія¹⁾. Представителямъ администраціи приходилось считаться, кромѣ невѣжества, еще и съ недовѣрчивостію крестьянина. „Мнѣ вспоминается, разсказываетъ Неккеръ въ своемъ трактатѣ о „финансовой администраціи“²⁾, что лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ интендантъ, движимый похвальнымъ желаніемъ поощрить пчеловодство, началъ съ того, что потребовалъ заявленій о количествѣ ульевъ, имѣющихся на лицо въ провинціи; его добрыя намѣренія совершенно не были поняты; явилось, быть можетъ, недовѣріе, и въ нѣсколько дней всѣ ульи были преданы уничтоженію“ — ихъ собственниками, очевидно, изъ боязни какого-нибудь новаго налога.

Когда, въ началѣ 1789 года, Неккеръ захотѣлъ было воспользоваться избирательными собраніями бальяжей, для того чтобы добыть болѣе точныя данныя относительно народонаселенія королевства, его попытка разбилась о всеобщее недовѣріе, которымъ она была встрѣчена со стороны населенія, привыкшаго видѣть во всякой попыткѣ подобнаго рода со стороны правительства предисловіе къ какой-нибудь новой фискальной мѣрѣ. „Не зная, для чего правительство хочетъ имѣть эти свѣдѣнія, одни увеличатъ число очаговъ (*feux* = семействъ³⁾), другіе, напротивъ, уменьшатъ“, пишетъ генераль-лейтенантъ сомюрскаго бальяжа. Другой генераль-лейтенантъ прямо за-

¹⁾ Уоллг. „*Voyages en France*“, t. II, p. 89.

²⁾ *Necker*. „*De l'administration des finances*“, t. III, pp. 282—283.

³⁾ Въ этомъ, по крайнемъ смыслѣ, принималъ этотъ терминъ *feu* Неккеръ. На практикѣ вышло не мало путаницы вслѣдствіе того, что подъ этимъ терминомъ въ различныхъ областяхъ Франціи понимались вещи совершенно несоизвѣрными. Въ нѣкихъ мѣстностяхъ *feu* обозначалъ *домъ*, въ другихъ *семейство*, въ третьихъ — известную *поземельную единицу*, какъ основу податнаго обложенія (*taille réelle*). Последнее, напримѣръ, въ Провансѣ; въ Дофинѣ (*Archives nationales*, série K 888). Въ нѣкихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ области Фуа, въ Пиренеяхъ, было два рода *feu*: *feu allumant* и *feu de comptois* (*Hesseln*. „*Dictionnaire universel de la France*“. Paris, 1771). Относительно Бретани, въ одной „запискѣ“, составленной, повидимому, въ генеральномъ контролѣ, въ 1782 году, читаемъ, между прочимъ: „Personne n'a pu définir encore ce que c'est qu'un *feu en Bretagne*. Est ce une *habitation*? Est-ce une certaine *étendue de terrain*?.. (*Archives nationales*, série H 546). Это недоумѣніе такъ и осталось неразрѣшеннымъ вплоть до самой ликвидаціи стараго порядка, какъ это видно изъ приводимаго Бретонь („*Recueil de documents*“, etc., t. I, p. XIX) отрывка изъ письма генераль-лейтенанта реинскаго бальяжа къ хранителю печатей, въ 1789 году, — въ которомъ, между прочимъ, значится: „En Bretagne, on ne connaît pas la vraie signification du mot *feu*“.

являеть хранителю печатей (*garde des sceaux* — министр юстиціи), что онъ „боятся бунта и не рѣшается отправиться лично для опроса населенія“¹⁾).

Можно сказать, что изученіе стараго порядка прежде всего открываетъ намъ всю глубину нашего невѣдѣнія. Но оно открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту утѣшительную для нашего самолюбія истину, что старый порядокъ и самъ-то плохо себя зналъ, — что сами представители его подъ часъ чувствуютъ себѣ въ потемкахъ, бродятъ на ощупь и спотыкаются чуть не на каждомъ шагу. Но, съ другой стороны, въ этомъ мало впрочемъ почтенномъ утѣшеніи для нашего самолюбія кроется и нѣкоторая доза горечи — для нашей любознательности. Въ самомъ дѣлѣ, намъ приходится признать, что не можемъ же мы знать старый порядокъ лучше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ. Мы должны поэтому примириться съ необходимостью отказаться разъ навсегда отъ совершенной полноты и безусловной точности нашихъ свѣдѣній о немъ. Стремиться къ достиженію возможной полноты и точности изслѣдователь, конечно, и можетъ, и долженъ: въ этомъ отношеніи передъ нимъ открывается широкое еще поле для воздѣлыванія; пусть только не упускаетъ онъ при этомъ изъ вида, что, въ погонѣ за точностью но чтобы то ни стало, онъ рискуетъ не только потратить непроизводительно время и трудъ, но, что еще хуже, и въ самомъ дѣлѣ „открыть“ точность и отчетливость тамъ, гдѣ въ дѣйствительности была лишь неопредѣленность и путаница, лежавшія въ самомъ предметѣ. Если, напримѣръ, различныя судебныя учрежденія стараго порядка сплошь да рядомъ путались относительно границъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ, это не всегда оттого, что имъ не хватало свѣдѣній относительно предмета, но нерѣдко также оттого, что въ дѣйствительности я не существовало точныхъ границъ. Точность и опредѣленность въ области общественныхъ отношеній, понятія въ значительной степени чуждыя старому порядку, вся атмосфера котораго была, можно сказать, пропята спорностью, сомнительностью, неопредѣленностью. Искать всюду точности и опредѣленности въ старомъ порядкѣ значило бы переносить въ историческую дѣйствительность прошлаго представленія и идеи, почерпнутыя изъ нашей современности, — подобно тому какъ искать точныхъ границъ между „государствами“ центральной Африки значило бы переносить въ афри-

¹⁾ *Brette*. „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789“, t. I, p. XIX.

канскія добри представленія и понятія, взятыя изъ европейской дѣйствительности. Очень мѣтко сравниваетъ А. Бреттъ „историковъ-географовъ, поучающихъ, что Франція, въ концѣ стараго порядка, была раздѣлена на точное и неизмѣнное количество методически рассортированныхъ провинцій“.—съ картографами XVIII вѣка, которые издавали карты Африки съ точнѣйшими подраздѣленіями на „королевства“, безъ малѣйшаго пробѣла ¹⁾).

Резюмируемъ вкратцѣ главные пункты, намѣченные въ настоящей главѣ.

Старый порядокъ представляетъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, существенныя различія между различными эпохами, входящими въ его хронологическій составъ. Поэтому, для его изученія, его необходимо разлечить предварительно на его хронологическіе элементы, а для его реконструкціи прежде всего — не упускать изъ вида исторической перспективы.

Далѣе, въ виду значительной территоріальной пестроты до-революціонной Франціи, равнымъ образомъ важно, при ея изученіи, различать отдѣльные территоріальные элементы, а при ея реконструкціи, принимать во вниманіе перспективу „географическую“. Полная историческая реконструкція стараго порядка сдѣлается возможною лишь послѣ того, какъ онъ будетъ подвергнутъ детальному изученію во всѣхъ своихъ хронологическихъ и территоріальныхъ элементахъ.

Затѣмъ, въ виду нѣкоторыхъ особенностей стараго порядка, къ нему оказывается совершенно неприложимымъ отвлеченно-юридическій методъ изученія; послѣдній долженъ быть строго конкретнымъ, основаннымъ на разработкѣ источниковъ конкретнаго характера.

Наконецъ, стремясь къ возможной точности и отчетливости въ воссозданіи тѣхъ или другихъ сторонъ стараго порядка, исследователь долженъ, однако, остерегаться объективировать эти представленія по отношенію къ конкретной дѣйствительности стараго порядка, которая часто въ самой себѣ содержитъ элементы неясности и неопредѣленности.

Подводя общій итогъ всему предшествующему изложенію, замѣтимъ, что ознакомленіе съ *литературою* предмета намъ показало существующіе въ исторической литературѣ стараго порядка болѣе или менѣе существенныя пробѣлы въ его исторической реконструкціи,

¹⁾ Brette. „Huot de Goncourt, représentant du Bassigny-Barrois à la Constituante“. „Révolution française“, novembre 1896, p. 467.

при чемъ одинъ изъ наиболѣе оцутительныхъ пробѣловъ касается провинціальной администраціи въ особенности за позднѣйшій періодъ стараго порядка; далѣе, ознакомленіе съ *источниками* привело насъ къ заключенію, что одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи источниковъ принадлежитъ къ числу наименѣе изученныхъ и наиболѣе трудныхъ для изученія. при чемъ всего менѣе изслѣдованною оказывается та часть его, которая относится къ послѣдней порѣ стараго порядка; наконецъ, обследованіе стараго порядка, какъ *предмета* историческаго изученія, обнаружило въ немъ такія свойства, которыя къ трудностямъ, лежащимъ въ источникахъ, присоединяютъ другаго рода трудности, заключающіяся въ нѣкоторыхъ особенностяхъ самаго предмета изученія, отмѣченныхъ нами въ послѣдней главѣ. Въ этихъ трудностяхъ находятъ себѣ объясненіе и извѣненіе многія изъ отмѣченныхъ нами ранѣе недочетовъ въ исторической литературѣ; въ подобномъ объясненіи, а слѣдовательно и извѣненіи, не будетъ, надѣемся, отказано и настоящей работѣ, недочеты которой, конечно, не замедлятъ быть отмѣчены людьми свѣдущими.

III. Ардашевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОСКАРЪ ІЕГЕРЪ,

его педагогическая и литературная дѣятельность.

Жизнь нѣмецкаго педагога протекаетъ и въ настоящее время вообще въ довольно узкихъ рамкахъ, хотя все же не до такой степени, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Возрастаніе общаго благосостоянія страны и удобства сообщеній отозвались благопріятно и на его жизни, облегчивъ ему возможность выхода изъ узкаго круга своей родины: онъ посѣщаетъ, съ цѣлью научныхъ изслѣдованій, земли бывшихъ или настоящихъ представителей культуры или изучаетъ, для расширенія своего общаго образованія, страны и людей въ путешествіяхъ и поѣздкахъ по своему отечеству или за границей. Однако и теперь рѣдко случается, чтобы его жизнь наполнилась болѣе широкими интересами; въ большинствѣ случаевъ къ нему примѣнимы слова Шиллера объ актерѣ: „Ihm flieht die Nachwelt keine Kränze“; онъ трудится главнымъ образомъ для внутренняго удовлетворенія, не рассчитывая на внѣшній успѣхъ, почести и славу. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ пріобрѣтаетъ извѣстность за границами своего отечества: это случается лишь при стеченіи особенно счастливыхъ условій, какъ это случилось и съ Оскаромъ Іегеромъ, который составилъ себѣ имя, какъ педагогъ и какъ историкъ. Поэтому при оцѣнкѣ его дѣятельности не лишнимъ будетъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни, выясняющія его развитіе.

Оскаръ Іегеръ родился въ Штутгартѣ 26-го октября 1830 года, въ семьѣ, члены которой въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ находились на службѣ при вюртембергскомъ дворѣ—его дѣдъ и прадѣдъ были вюртембергскими лейбъ-медиками. Его отецъ, оберъ-мединаларъ Георгъ-Фридрихъ фонъ-Іегеръ, былъ популярнымъ врачомъ въ

Штутгартъ и, какъ естествоиспытатель, пользовался широкою извѣстностью; онъ былъ членомъ Мюнхенской академіи наукъ и предсѣдательствовалъ въ 1834 году на съѣздѣ естествоиспытателей въ Штутгартѣ, при чемъ оказался такимъ достойнымъ представителемъ своего роднаго города, что въ благодарность былъ избранъ имъ въ почетные граждане. Его мать, Шарлотта, была сестрой поэта Густава Шваба, домъ котораго представлялъ одинъ изъ умственныхъ очаговъ Швабіи; она не уступала по уму своему брату и своему мужу, была религіозна, обладала тонкимъ чувствомъ и поэтическимъ дарованіемъ. Такимъ образомъ молодой Оскаръ росъ, вмѣстѣ со своими братьями и сестрами, въ весьма благоприятной духовной средѣ, созданной семейными связями его родителей. Пробывъ въ Штутгартской гимназіи до терціи, онъ сдалъ въ 1844 г. такъ называемый Landexamen, дававшій право поступить въ одну изъ четырехъ низшихъ семинарій страны. Каждый годъ одна изъ семинарій принимала по 40 учениковъ, проходившихъ затѣмъ четырехлѣтній курсъ, такъ что учебная программа семинарій соответствовала программѣ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи. Въ томъ году очередь была за Шьбиталевской семинаріей, въ которую и поступилъ молодой Іегеръ. Она находится въ полномъ уединеніи на разстояніи часа ходьбы отъ Нитгаузена, извѣстнаго по гетевскому Гецу фонъ-Берлихингену, и образъ жизни въ ней можно было бы назвать монастырскимъ, если бы она не заключала въ своихъ стѣнахъ молодыхъ, полныхъ жизни юношей. Зимой въ 5¹/₂, а лѣтомъ въ 5 часовъ, колоколъ подымалъ учениковъ съ постели; послѣ молитвы до 7 часовъ занимались, затѣмъ завтракали, затѣмъ четыре часа уроковъ, съ перерывомъ для урока музыки или гимнастики, послѣ полудня снова уроки и занятія, въ 9 часовъ вечерняя молитва, послѣ чего каждый могъ по желанію или идти спать или еще заниматься до 10 часовъ. Монастырскія ворота были открыты съ 12 до 2-хъ часовъ, а лѣтомъ еще и подъ вечеръ для прогулки. Этотъ строгій порядокъ нарушался только по воскресеньямъ, когда кромѣ церковной службы былъ еще только урокъ по Закону Божию. Эфоромъ, то-есть, директоромъ Шьбиталевской семинаріи былъ Карлъ-Людвигъ Ротъ, прекрасный учитель, особенно латыни, знаніемъ которой онъ вполне обладалъ, который со своими сорока учениками „такъ прекрасно справлялся, не прибѣгая ни къ какому иному наказанію кромѣ выговора, что вообще никому изъ нихъ и на умъ не приходило болтать или какъ-либо мѣшать во время его урока“, который, благодаря своему личному обаянію, приобрѣталъ продолжительное вліяніе на своихъ

учениковъ; Легеръ неоднократно вспоминаетъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ о достойномъ подражаніи примѣрѣ. Черезъ три года Легеръ вышелъ изъ семинаріи и еще годъ посѣщалъ Штутгартскую гимназію, въ которой его симпатіей пользовался только одинъ учитель, Евгений Борель, высоко образованный преподаватель новыхъ языковъ, для котораго французскій былъ роднымъ языкомъ. Потомъ Легеръ поступилъ въ университетъ. Швабы съ полнымъ правомъ гордятся своимъ Тюбингеномъ. Университетъ почтенной старины и исторической извѣстности—въ немъ вѣдь слушала лекціи основатель нѣмецкаго гуманизма Іоганнъ Рейхлинъ, — онъ отличается кромѣ того живописнымъ мѣстоположеніемъ. Тюбингенъ расположенъ на возвышенностяхъ по берегу Неккара, противъ него возвышается старый замокъ; его живописныя окрестности представляютъ прекрасныя прогулки по горамъ и долинамъ, съ разнообразными обширными видами до замка Гогенцоллернъ и до Шварцвальда; на доступномъ для пѣшехода разстояніи находятся замки и города съ историческимъ прошлымъ, какъ напримѣръ бывший свободный имперскій городъ Рейтлингенъ, извѣстный изъ исторіи среднихъ вѣковъ, а еще болѣе изъ стихотвореній Уланда. Туда-то направился Легеръ и поступилъ въ тамошній теологическій институтъ: въ то время въ Вюртембергѣ лица, желавшія посвятить себя педагогической дѣятельности, должны были пройти курсъ теологіи. Хотя здѣсь и не было строгой дисциплины низшей семинаріи, все же не было недостатка въ побужденіи, хотя и выраженномъ въ мягкой формѣ, къ соблюденію предписаннаго порядка для приученія къ правильному труду. Въ рабочихъ комнатахъ и спальныхъ помѣщались 6—10 студентовъ; между каждымъ двумя рабочими комнатами находился кабинетъ репетитора. Репетиторами были молодые ученые, на обязанности которыхъ лежали занятія съ порученными имъ воспитанниками, исправленіе и разборъ ихъ письменныхъ работъ. Здѣсь Легеръ встрѣтилъ своихъ старыхъ товарищей по семинаріи, подружился съ новыми и вступилъ въ студенческую корпорацію, такъ какъ ученики института пользовались свободой настолько, что могли чувствовать себя настоящими студентами и принимать участіе въ студенческой жизни. Среди университетскихъ профессоровъ, лекціи которыхъ Легеръ посѣщалъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ Фердинандъ Бауръ, основатель Тюбингенской теологической школы, ученый, у котораго, благодаря строгому характеру его научныхъ трудовъ, можно было вообще научиться методу въ области историко-филологическихъ наукъ; а это было тѣмъ важнѣе, что въ Тюбингенскомъ университетѣ въ сущности

не было въ то время крупныхъ научныхъ силъ въ этой области. Людвигъ Уландъ, который, какъ извѣстно, былъ не только поэтомъ, но занималъ, какъ ученый, выдающееся мѣсто въ германской наукѣ, уже не находился въ числѣ учителей академія, и только благодаря его личному знакомству съ отцомъ Іегера, юношѣ былъ открытъ его домъ. Первый семестръ Іегера совпалъ съ революціоннымъ движеніемъ 1848 года; и въ Тюбингенѣ образовались студенческіе кружки, принимавшіе участіе въ борьбѣ, но это были единичные случаи, вызванные въ Баденскомъ государствѣ опьяненіемъ свободой той эпохи. За исключеніемъ этого бурнаго періода жизнь въ Тюбингенѣ протекала мирно. На четвертомъ году своего студенчества Іегеръ работалъ на премію надъ сочиненіемъ о Виклифѣ и его значеніи для реформации и имѣлъ счастье получить премію. Экзаменомъ по теологич., за которымъ вскорѣ послѣдовало испытаніе на званіе учителя гимназій, закончилось его студенчество.

Въ то время въ Вюртембергѣ имѣлъ мѣсто похвальный обычай: молодой человекъ, закончивши образованіе, отправлялся въ продолжительное путешествіе, чтобы пополнить свою научную подготовку и въ то же время осмотрѣться на чужбинѣ. Другъ Іегера, теперешній тюбингенскій профессоръ Зигвартъ, нашелъ подходящее для себя мѣсто въ частномъ институтѣ близъ Галле на Заалѣ, директоромъ котораго былъ бывший тайный совѣтникъ прусскаго министерства вѣроисповѣданій, Эйлерсъ, покинувшій въ 1848 году свой государственный постъ; Зигвартъ звалъ туда и Іегера. Такимъ образомъ Іегеръ попалъ въ самое сердце Германіи, то-есть, въ окрестности Галле, представлявшаго интересъ благодаря своему старому университету и своимъ религіознымъ условіямъ; Іегеръ могъ тамъ осмотрѣться и легко съѣздить въ Берлинъ, прежде чѣмъ начать свое большое путешествіе черезъ Померанію и Гамбургъ, гдѣ одинъ изъ его братьевъ велъ книжную торговлю, въ Шотландію. Эту страну онъ объѣздилъ, начавъ съ Единбурга; затѣмъ отправился въ Лондонъ, гдѣ оставался довольно продолжительное время, увлекшись сокровищами Британскаго Музея и гдѣ онъ, благодаря рекомендаціи своего отца, пользовался гостепримствомъ многихъ семей и наконецъ поѣхалъ въ Парижъ, который и его отецъ посѣтилъ въ молодости, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ во времена Наполеона.

Іегеръ вернулся домой, обогащенный житейскомъ опытомъ, и поступилъ на службу въ Вюртембергѣ. Онъ занималъ должность помощника учителя гимназій въ Штутгартѣ и въ Ульмѣ, гдѣ въ то

время ректоромъ былъ Шмидъ, издатель обширной педагогической энциклопедіи; одно время Іегеръ замѣщалъ одного профессора штутгартскаго политехникума, но у него было мало шансовъ занять въ ближайшемъ будущемъ прочное положеніе: мѣстъ свободныхъ было мало, а много было претендентовъ на нихъ, пользовавшихся преимуществомъ, такъ какъ они были старше по службѣ; такимъ образомъ картина будущаго была печальной; поэтому ему пришлось искать мѣста въ Пруссіи, преимущества которой онъ узналъ и оцѣнилъ въ Галле, и къ которой его влекли и семейныя отношенія вслѣдствіе его помолвки съ одной изъ дочерей тайнаго совѣтника Эйлерса; въ 1859 году онъ получилъ мѣсто ординарнаго учителя въ Вецларской гимназіи. Здѣсь онъ вскорѣ близко сошелся съ Дитрихомъ Ландферманномъ, рейнскимъ провинціаль-шультратомъ въ Кобленцѣ; это былъ выдающійся по уму человекъ, который своею личностью придавалъ значеніе занимаемой имъ должности и въ дѣйствительности былъ главою рейнскаго учебнаго міра. Онъ оцѣнилъ способности молодаго учителя, такъ что Іегеръ уже послѣ семилѣтней дѣятельности въ рейнскихъ провинціяхъ (съ 1859—1862 г. въ Вецларѣ, съ 1862—1865 въ Мбрсѣ, главномъ городѣ стараго графства Нидергейма),—получилъ повышеніе, занявъ должность директора гимназіи короля Фридриха-Вильгельма въ Кѣльнѣ, самомъ большомъ городѣ рейнскихъ провинцій. Ему было всего 35 лѣтъ, когда онъ занялъ это положеніе, которое занимаетъ и по сіе время.

Мѣняя маленькіе города на большой, незначительныя учебныя заведенія на значительно большее, въ которомъ онъ являлся преемникомъ пользовавшагося обширною извѣстностью педагога, онъ бралъ на себя серьезную отвѣтственность, но онъ приступилъ къ ней спокойно и увѣренно. „Меня успокаиваетъ“, сказалъ онъ въ своей вступительной рѣчи, „мысль, что юношество нашего отечества одинаково всюду: какъ въ большихъ, такъ и въ маленькихъ городахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ; что эта должность, хотя и великая, въ то же время скромная, ибо эта должность педагогическая, и что никакая должность не можетъ быть выполнена разомъ, а только при постоянномъ, скромномъ трудѣ изо дня въ день, изъ часа въ часъ; и гораздо менѣе важно описать эту должность въ первый же часъ вступленія въ нее полными и вдохновенными словами, чѣмъ выполнять ее вѣрно и неуклонно во всѣхъ ея частностяхъ и мелочахъ“. Особенность этой гимназіи, съ которой Іегеру не приходилось еще сталкиваться, состояла въ томъ, что эта первоначально евангелическая гимназія сдѣлалась

въ силу обстоятельствъ смѣшанною, то-есть посѣщалась учениками и евангелическаго и католическаго и еврейскаго исповѣданія. Отсюда возникла серьезная обязанность не допускать среди учениковъ религиозныхъ споровъ, а это далѣе приводило къ прекрасной задачѣ способствовать, при посредствѣ пріученія учениковъ различныхъ вѣроисповѣданій къ вѣротерпимости и мирному сожителству, къ сохраненію конфессіональнаго миролюбія среди гражданъ, а тѣмъ и въ самомъ государствѣ. Іегеръ смотрѣлъ на школу какъ на храмъ мира, въ которомъ долженъ царить божественный миръ. „Я глубоко и вполне убѣжденъ“, говорилъ онъ тогда же, „въ томъ, что мнѣ придется отдать отчетъ—и не только передъ людьми—въ этой части моего служенія: съумѣлъ ли я сохранить этотъ миръ, внутри и внѣ, безъ проявленія суровости или слабости, съумѣлъ ли я свято чтить въ другихъ то, что мнѣ самому свято, и выказывалъ ли я всѣмъ моимъ ученикамъ равно ту любовь, о которой высокое слово апостола говорить, что она долго терпѣть, милосердствуетъ, что она не ищетъ своего и не раздражается“. Онъ старался стать съ служебнымъ персоналомъ и учениками въ простыя, искреннія отношенія. „Бываютъ директора, влачащіе за собой свой титулъ какъ тяжелую цѣпь и думающіе, что они только тогда выполняютъ свою обязанность, когда каждую минуту даютъ чувствовать свое директорское положеніе, и бываютъ можетъ быть учителя, которые держатъ себя сдержанно съ директоромъ, чтобы заявить тѣмъ свою самостоятельность. Пусть не будетъ этого между нами; будемъ просто смотрѣть на наши отношенія какъ на взаимную поддержку въ области національной жизни, въ извѣстномъ смыслѣ самой серьезной и святой. Я никогда не стремился составить себѣ иной славы или инаго имени, кромѣ славы и имени хорошаго учителя, въ которыхъ для меня заключается высшее удовлетвореніе и глубочайшее счастье. Я не скрываю отъ себя, что добрая часть моихъ служебныхъ обязанностей будетъ заключаться въ отреченіи отъ многого; но отъ одного мнѣ не зачѣмъ будетъ отказываться: отъ того, чтобы чувствовать себя въ вашей средѣ учителемъ среди учителей“. А ученикамъ онъ сказалъ: „Два принципа облегчали мнѣ постоянно отношенія къ юношамъ и, могу сказать, съ каждымъ годомъ дѣлали ихъ все болѣе и болѣе богатымъ источникомъ радости для меня, и я надѣюсь, что и впредь они не обманутъ меня. Одинъ изъ нихъ: дѣлай самъ то, чего требуешь отъ своихъ учениковъ и исполняй какъ мужъ то, что они должны исполнять, какъ юноши; второй — будучи учителемъ, помни непре-

станно и живо о томъ времени, когда былъ ученикомъ. Я думаю, что когда слѣдуютъ этимъ принципамъ, тогда въ сношеніяхъ съ юношествомъ появляется та искренность, безъ которой немислимы никакой дѣйствительный успѣхъ, и безъ которыхъ учитель не можетъ достигнуть бодрости духа и постоянного стремленія къ нравственному усовершенствованію, которыя, — если меня не вводитъ въ заблужденіе мое пристрастіе къ нашему призванію — въ нашемъ положеніи достигается легче, чѣмъ во всякомъ другомъ“.

Вотъ идеи и принципы, которые были тогда высказаны Іегеромъ и которыми онъ, какъ директоръ, руководится по сіе время; они оправдали себя втеченіи его продолжительной дѣятельности. Совмѣстная жизнь учениковъ различныхъ вѣроисповѣданій не представляла ни разу особыхъ затрудненій и привела, насколько это можно прослѣдить, къ чисто христіанскому смиренію и истинной терпимости. Тотъ же духъ царилъ и среди учебнаго персонала, оба вѣроисповѣданія, даже во время бурнаго времени политико-конфессіональных распрій, вызваннаго прусскимъ культуркамфомъ, не внесли серьезнаго омраченія во взаимныя отношенія въ гимназій. Іегеру въ то время было бы очень легко вернуть гимназій характеръ чисто евангелическаго заведенія. Такъ какъ вблизи отъ гимназій короля Фридриха-Вильгельма возникла новая католическая гимназія императора Вильгельма, то онъ могъ бы, если бы пожелалъ, отсылать туда учениковъ — католиковъ, и не мало было голосовъ, подымавшихся въ пользу этого. Но Іегеръ полагалъ, что именно смѣшанный характеръ его заведенія и возлагаетъ на него особенныя обязанности, отъ которыхъ онъ не желалъ отказаться, ибо считалъ исполненіе ихъ полезнымъ въ интересахъ цѣлаго.

У него лично установились къ коллегіи добрыя отношенія, которыя годъ отъ году становились дружественнѣе. Впослѣдствіи онъ однажды сказалъ, что, пріѣхавъ въ Кельнъ, онъ вспомнилъ сказанное дельфійскимъ оракуломъ Сократу, что онъ, Сократъ, умнѣйшій изъ эллиновъ; Сократъ оказался достаточно умнымъ для того, чтобы сказать, что онъ только тѣмъ умнѣе большинства эллиновъ, что по крайней мѣрѣ знаетъ, что ничего не знаетъ, тогда какъ большинство другихъ людей постоянно думаютъ, что они знаютъ, когда они ничего не знаютъ. Это Іегеръ принялъ къ сердцу и подумалъ, что его послали сюда не потому, что онъ умнѣе, чѣмъ другіе, а потому, что въ немъ предполагаютъ способность учиться у другихъ. И вотъ онъ учился у своихъ товарищей по дѣлу, учился также у

своихъ учениковъ, у ихъ родителей, у всякаго, и такимъ образомъ сталъ по крайней мѣрѣ умнѣе, чѣмъ былъ ранѣе. Его манера и способъ вести школу основывались на личныхъ сношеніяхъ съ сотрудниками по дѣлу воспитанія. „Управлять“, читаемъ мы въ его педагогическомъ завѣщаніи, „управлять значитъ во первыхъ быть на мѣстѣ. Не давай много приказаній, но давай хорошій примѣръ; самъ работай очень, очень много. Бери на себя не лучшіе уроки, но самыя важныя, тѣ которые требуютъ наибольшаго труда“. „Управлять“, говорится дальше, „значитъ умѣть отличать главное отъ второстепеннаго; видѣть возможность извлечь изъ человѣка хорошее, положительное. И можно управлять двоякимъ способомъ; по восточному, именно: съ чрезвычайно служебнымъ видомъ, посредствомъ приказаній, циркуляровъ, протоколовъ, конференцій по отдѣльнымъ предметамъ, общихъ конференцій, рефератовъ, коррефератовъ, фоліантовъ учебныхъ плановъ. При этомъ можно сидѣть у себя въ комнатѣ, завернувшись въ халатъ, а сторожъ будетъ тебѣ обо всемъ доносить, пока не придетъ время идти на урокъ. Ты показываешься рѣдко, какъ когда-то персидскіе цари, чтобы твои подданные не потеряли къ тебѣ уваженія; за то тѣмъ большой эффектъ ты производишь своимъ появленіемъ. Есть и другой способъ, который можно назвать западнымъ, германскимъ, человѣческимъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы быть на мѣстѣ, все видѣть, весело принимать участіе въ разговорѣ коллегъ, быть доступнымъ желаніямъ всѣхъ; этотъ способъ имѣетъ то преимущество, что можно очень многое заглушить въ зародышѣ, спокойно сгладить раньше, чѣмъ оно станетъ всѣмъ извѣстно. Если и будетъ сказано что либо глупое—тобой или твоими сотрудниками, вѣдь это по моему возможно—то это по крайней мѣрѣ не будетъ занесено въ протоколъ. Ибо замѣть, какъ часть забытой мудрости, что можно очень серьезно обсуждать дѣло, не устраивая конференціи и не составляя протокола“. По какому изъ этихъ способовъ Іегеръ управлялъ своею школою, очевидно само собою. Онъ никогда не желалъ отличатся внѣшнимъ образомъ отъ своихъ коллегъ; онъ держалъ себя съ ними какъ учитель среди учителей; большой авторитетъ, которымъ онъ долженъ былъ пользоваться какъ директоръ, достался ему самъ собой благодаря мощи его личности, проявляющейся совершенно независимо отъ него.

И относительно учениковъ онъ также не игралъ роли строгаго школьнаго монарха, но былъ опытнымъ другомъ и совѣтникомъ. И тутъ онъ стремился къ безыскусственнымъ и естественнымъ отноше-

нѣямъ; ему казалось не естественнымъ говорить съ учениками старшихъ классовъ на ты. Вѣдь никому бы не пришло на умъ говорить съ молодыми людьми того же возраста въ практической жизни иначе, какъ на вы; отчего же въ школѣ должно быть иначе? И онъ ввелъ должное обращеніе къ молодымъ людямъ, находившимся въ примѣ, чѣмъ тотчасъ же поставилъ себя въ добрыя съ ними отношенія. Но не на такомъ внѣшнемъ средствѣ основывался его авторитетъ; фундаментъ его былъ заложенъ глубже. „Не знаніе или умъ“, сказалъ однажды Іегеръ, „дѣлаютъ учителя; вѣдь говорятъ, что отъ сердца глаголятъ уста; сердце же дѣлаетъ и директора прусской гимназій“. И такъ онъ стремился всѣмъ сердцемъ исполнять свою обязанность и въ сношеніяхъ со своими учениками думалъ только о томъ, что онъ имѣетъ передъ собой людей, и что обязанность и сила учителя заключается въ томъ, чтобы онъ, опытный человѣкъ, помогалъ бы ошибающемуся, молодому, порывистому, что дѣло не въ томъ, чтобы выказать особенное искусство и недоступность, но что если какія уже отношенія должны быть естественны и просты, то это именно отношенія учителя къ ученикамъ. Когда сердце говоритъ сердцу, то слово доходитъ по назначенію; и Іегеръ не только приобрѣлъ большое вліяніе на учениковъ, но пользовался также ихъ уваженіемъ и привязанностью.

Итакъ, сердце образовало учителя, но тутъ помогло, какъ и во всякомъ дѣятельномъ учителѣ, еще и нѣчто другое, чего не слѣдуетъ забывать—его собственное обширное образованіе.

Многіе, окончивши университетъ и сдавши экзамены, считаютъ, что покончили не только со своимъ университетскимъ обученіемъ, но и вообще со всякимъ ученіемъ; но крайней мѣрѣ весьма немногіе продолжаютъ работать больше, чѣмъ того требуютъ настоянія даннаго дня. Не такъ было съ Іегеромъ. Онъ получилъ въ Тюбингенѣ основательное образованіе; однако онъ продолжалъ работать съ неутомимымъ и правильнымъ прилежаніемъ—*nulla dies sine linea*.—Такимъ способомъ онъ приобрѣлъ широкое и глубокое образованіе, усвоивъ не только сокровище ума древнихъ, но также и новѣйшихъ писателей—для него было и осталось до сего дня потребностью чтеніе французскихъ и англійскихъ произведеній; Данте онъ любилъ читать въ подлинникъ; но особенно хорошо онъ былъ знакомъ съ историческою литературой древнихъ и новыхъ культурныхъ народовъ. Такое образованіе или ученость — я хотѣлъ бы избѣжать этого слова, ибо оно представляется мнѣ слишкомъ сухимъ для обозначенія жи-

ваго соединенія въ Іегерѣ научности съ творческимъ духомъ и свѣжимъ юморомъ,—должно было оживлять его преподаваніе и дѣлать его особенно плодотворнымъ. Такъ какъ онъ работалъ легко и аккуратно и благодаря этому находилъ на то время, даже будучи очень занятъ по службѣ, то въ результатѣ появилась его авторская дѣятельность, принесшая послѣ сорокалѣтняго періода, протекшаго съ его перваго произведенія, многочисленныя плоды.

Разсматривая сочиненія Іегера,—при чемъ мы, конечно, остановимся только на важнѣйшихъ,—мы можемъ ихъ раздѣлить на три группы: 1) историческія произведенія; 2) педагогическія и дидактическія и 3) школьно-политическія, ибо и эти образуютъ отдѣльную группу.

Послѣ своего перваго произведенія объ англійскомъ реформаторѣ Виклифѣ, награжденнаго медалью отъ Тюбингенскаго университета, и напечатаннаго въ Галле въ 1854 г., Іегеръ обратился къ изученію древней исторіи.

Критическія работы въ области римской исторіи, появившіяся послѣ Нибура и особенно произведеніе Теодора Момсена, открывшее новую эпоху въ историографіи, подали Іегеру мысль дать возможность болѣе широкому кругу читателей воспользоваться плодами этихъ изслѣдованій. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду такихъ читателей, которые уже знакомы съ римскою исторіей, чувствуютъ потребность обстоятельнѣе ознакомиться съ этою областью, но не обладаютъ ни достаточнымъ свободнымъ временемъ, ни подготовкой, необходимою для изученія ученыхъ произведеній, то-есть, юношество средне-учебныхъ школъ и образованныхъ лицъ, интересующихся и понимающихъ исторію. Слѣдовательно онъ съ самаго начала долженъ былъ отказаться отъ изложенія новѣйшихъ результатовъ научныхъ изслѣдованій. Съ точки зрѣнія науки его задача состояла въ томъ, чтобы воспользоваться работами своихъ предшественниковъ, провѣряя ихъ попутно по источникамъ. Но дѣйствительною его цѣлью было—придать своему изложенію то, чего не хватало распространеннымъ популярнымъ изложеніямъ римской исторіи, именно, по словамъ Полювія, тотъ духъ и ту форму, которые бы соотвѣтствовали общественной жизни, подобно тому какъ Нибуръ снова написалъ исторію для того, чтобы вызвать ощущеніе, что имѣешь передъ глазами дѣйствительную, реальную, а не сочиненную исторію; чтобы въ такое время, когда никому не позволяется уклоняться отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, выставить идеалы дѣйствительности и тѣмъ вызвать въ читателей любовь къ исторіи римскаго народа. Такимъ образомъ появи-

лась въ 1861 г., написанная еще въ Ветцларѣ, для юношества тамошней гимназіи и посвященная ему, Іегеровская исторія римлянъ. Впечатлѣніе произведенное ею показало, что Іегеръ достигъ своей цѣли.

Вскорѣ, въ 1865 г. въ видѣ добавленія къ этой книгѣ, появилась его исторія грековъ. Іегеру особенно хотѣлось изобразить судьбы этого народа, произведенія ума котораго являются и по настоящее время основой образованія не только въ Германіи; при этомъ его не покидала мысль о глубоко проникающемъ сходствѣ между ходомъ развитія греческаго и нѣмецкаго народа. Ему казалось, что эта исторія точно специально написана для нѣмецкаго народа: „здѣсь какъ и тамъ изобиліе индивидуальныхъ силъ, которыя не могутъ вылиться въ какую-либо единую политическую форму; борьба между двумя силами и упорный ревнивый страхъ низшаго и средняго классовъ за свою автономію, большія, принципиальныя противорѣчія въ связи съ неизглядными племенными антипатіями; и рядомъ съ безчисленными ссорами, и какъ бы надъ ними — сознаніе болѣе глубокаго единенія въ высшихъ и самыхъ духовныхъ благахъ“. Давно прошедшее постоянно напоминало горячему патриоту о бурной борьбѣ за возрожденіе его собственнаго отечества; поэтому онъ могъ чувствовать какъ непосредственную жизнь и передавать какъ таковую въ своемъ изложеніи то, что было оставлено древними на пергаментѣ и камнѣ.

Въ сужденіи о предметѣ Іегеръ держался здраваго реализма Грота, онъ хвалитъ англійскаго историка за то, что онъ не видѣлъ безпутной охлократіи въ достойномъ восхищенія народѣ афинскомъ, который послѣ сицилійскаго несчастія еще девять лѣтъ боролся за свои идеи и свое политическое существованіе, собранію котораго Демосѣенъ говорилъ свои политическія рѣчи и который, послѣ извинительнаго колебанія, все же оказался въ состояніи поодушевиться благородною политикой этого великаго мужа. Съ другой стороны Іегеръ отдастъ справедливость дѣламъ и личности Александра Великаго, великаго сѣятеля сѣмянъ греческой культуры по всей землѣ.

Этими двумя произведеніями Іегеръ приобрѣлъ и упрочилъ за собой кругъ друзей и горячихъ поклонниковъ преимущественно среди молодежи; оба произведенія вышли теперь шестымъ, даже седьмымъ изданіемъ; оба переведены и на русскій языкъ. Врядъ-ли найдется человекъ, читавшій въ молодости эти книги и не вспоминавшій впоследствии съ удовольствіемъ о впечатлѣніи, которое на него производили его любимые герои исторій въ Іегеровскомъ изображеніи; такъ у меня, на-

примѣръ, на всю жизнь ясно остался образъ Демосеена въ изображеніи Іегера.

Слѣдующее большое историческое произведеніе Іегера вышло только спустя десять лѣтъ. Въ новомъ изданіи Шлоссеровской всеобщей исторіи для нѣмецкаго народа онъ принялъ на себя часть труда. Изложеніе Шлоссера заканчивается 1815 годомъ; новое изданіе, вышедшее 60 лѣтъ спустя послѣ Вѣнскаго конгресса, не достигло бы своей цѣли, если бы оно не было продолжено до настоящаго времени. Въ томъ, что осталось отъ Шлоссера, не находилось матеріала для продолженія, слѣдовательно требовался самостоятельный трудъ, и Іегеръ взялся за него. Его научныя занятія уже ввели его въ область новой исторіи; большую часть этого періода онъ пережилъ, частью слѣдя за политикой, частью принимая въ ней дѣятельное участіе, а предыдущія работы научили его писать исторію; поэтому онъ былъ человѣкомъ вполне подходящимъ для этого дѣла.

Онъ хотѣлъ писать для образованнаго круга своей націи; его намѣреніемъ было создать такое произведеніе, которое было бы достаточно обширно, чтобы дать мѣсто дѣйствительному и живому разказу; и въ тоже время не слишкомъ обширно, такъ чтобы читатели могли его осмыслить. Ибо съ одной стороны требованія, предъявляемыя времени и способности къ чтенію образованныхъ людей, какъ теперь, такъ уже и въ то время, были достаточно значительны; съ другой стороны право, предоставляемое государствомъ отдѣльному гражданину, налагало на него въ то же время обязанность изучать не только данное положеніе вопросовъ дня, но и ихъ связь съ прошлымъ, чтобы имѣть возможность составить свободное отъ предубѣжденій сужденіе.

Іегеръ не скрывалъ отъ себя трудности, которая потому была велика, что дѣло шло объ изображеніи эпохи бурныхъ переворотовъ въ политической области и такихъ же великихъ перемѣнъ въ матеріальной и духовной областяхъ, и къ тому же эта эпоха представляла недавнее или даже самое недавнее прошлое, распри котораго отзывались еще и въ настоящемъ; съ непотухшими ненавистью и пристрастіемъ партій спокойная оцѣнка руководившихъ личностей и ихъ мотивовъ была еще чрезвычайно трудна, даже не принимая въ расчетъ того, что матеріалъ былъ неизмѣримо великъ, ибо въ сущности вся земля стала сценой всемірной исторіи. Тѣмъ не менѣе Іегеръ, когда ему была предложена эта задача, ни минуты не сомнѣвался, что ея разрѣшеніе является для него долгомъ чести.

И его работа удалась. Одушевлявшими автора истиннымъ патриотизмомъ, неподкупною искренностью и благороднымъ свободомыслиемъ проникнуто и его изложеніе, которое поэтому и встрѣтило противниковъ тамъ, гдѣ имѣть таковыхъ дѣлаетъ только честь, именно въ газетныхъ листкахъ ультрамонтанъ, социальна-демократической и партикуляристической тенденціи. Какое сильное одобреніе нашло его историческое произведеніе въ образованныхъ кругахъ народа доказываетъ тотъ фактъ, что послѣ 3-го изданія въ нѣмецкомъ читающемъ мірѣ разошлось 60.000 экземпляровъ его. Чтобы сдѣлать его доступнымъ возможно большому кругу читателей предполагается дешевое народное изданіе.

Приблизительно черезъ такой же промежутокъ времени послѣ „новѣйшей исторіи“ появилось новое историческое произведеніе Іегера, благодаря которому Іегеръ сталъ настоящимъ учителемъ нѣмецкаго народа: его всеобщая исторія въ 4-хъ томахъ.

Прежнія всеобщія исторіи представляли или многотомныя сочиненія, могущія поэтому рассчитывать только на сравнительно небольшую публику, или тощія сокращенія изъ большихъ сочиненій; Іегеръ же въ своемъ трудѣ сдѣлалъ попытку приобрести новый, обширнѣйшій кругъ читателей для этой научной области. Для различныхъ цѣлей имѣлись краткія обзоры всей исторіи человѣчества, но это были въ большинствѣ случаевъ сухіе перечни, въ которыхъ отсутствовалъ настоящій разказъ, а передавались только факты, и которые не стремились пробудить настоящаго историческаго пониманія. Въ противоположность этому Іегеръ даетъ вѣрное описаніе историческихъ событій, излагаетъ свой взглядъ на событія, лица и учрежденія, который сложился у него многолѣтнимъ изученіемъ, и старается вызвать въ читателѣ историческое, смѣемъ даже сказать, политическое пониманіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что чувствовалась потребность въ такомъ произведеніи—безъ этого публика не встрѣтила бы его съ такимъ интересомъ, какъ случилось въ дѣйствительности. Ибо если ужъ относительно научнаго сочиненія успѣшная продажа книги является признакомъ того значенія, которое ему придаетъ публика, для которой она написана, то тѣмъ болѣе это справедливо относительно произведенія, рассчитаннаго на массу образованныхъ людей націи. Успѣхъ именно этой всеобщей исторіи доставилъ Іегеру заслуженную радость; и здѣсь на его долю выпала возможность вліять внѣ круга его нѣмецкихъ соотечественниковъ, такъ какъ это произведеніе было переведено на русскій и испанскій языки.

Въ связи съ этими болѣе крупными произведеніями мы должны упомянуть о маленькой книжкѣ, приобрѣтшей особенное значеніе. Іегеръ въ дополненіе къ своимъ историческимъ произведеніямъ написалъ нѣсколько учебниковъ исторіи для среднихъ школъ; среди нихъ нашелъ особенно большое распространеніе первый, учебникъ древней исторіи.

Составленіе подходящаго для преподаванія учебника совсѣмъ не такая простая и легкая вещь, какъ можетъ показаться человѣку, незнакому съ дѣломъ; это серьезная и тяжелая задача. Іегеръ говоритъ, что онъ и не взялся бы за нее, если бы, благодаря своимъ подробнымъ изложеніямъ греческой и римской исторіи, не приобрѣлъ основательнаго знакомства съ матеріаломъ и не сдѣлалъ уже попытки къ обработкѣ его. Благодаря этому онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторое преимущество передъ большинствомъ нишущихъ такіе учебники.

Онъ справедливо полагалъ, что въ учебникѣ древней исторіи слѣдуетъ отказаться отъ полноты изложенія; онъ ограничился областью греческой и римской исторіи, а изъ восточной взялъ только то, что находится съ первыми въ непосредственной связи, и выпустилъ все, что не можетъ еще быть предметомъ знанія для ученика четвертаго класса: эпоху Діадоховъ и большую часть исторіи императоровъ. Онъ выпустилъ также все, что не можетъ быть доступно общему уровню учениковъ кварты, то-есть, 12—18-лѣтнимъ мальчикамъ. Затѣмъ онъ отказался отъ единообразія обработки: тамъ гдѣ предметъ допускалъ изложеніе матеріала преимущественно въ формѣ біографіи, онъ пользуется этою формой; въ другихъ случаяхъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на связь и теченіе событій, въ третьемъ случаѣ разказъ заключается въ географическія рамки и т. д. — короче сказать онъ раздѣлялъ исторію на рядъ исторій, чтобы приспособить такимъ образомъ учебный матеріалъ къ умственнымъ способностямъ юныхъ учениковъ.

Книга должна была служить для повторенія пройденнаго въ классѣ и приготовленія заданнаго. Для облегченія приготовленія къ школьной репетиціи къ концу' каждаго отдѣла приложены хронологическіе конспекты. Товѣ книги чисто учебный, неповѣствовательный, оставляющій за учителемъ принадлежащую по праву ему, а не учебнику, свободу придать уроку желаемый характеръ. Кое-гдѣ, гдѣ это можно было сдѣлать безъ натяжки, вставлены вопросы для развитія учениковъ, на которые они должны отвѣчать съ помощью учителя; а также есть указанія въ отдѣльныхъ мѣстахъ, что здѣсь можно подробнѣе разказать сагу или вставить анекдотическую подробность.

Заслуга Іегера въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ удержаться отъ всякихъ преувеличеній и строго держался того, чего можно достигнуть при сознаніи долга, прилежанія и знанія дѣла въ школѣ, какова она была и есть въ дѣйствительности, а не какою она могла бы быть въ предполагаемомъ лучшемъ школьномъ мірѣ. А чтобы проложить дорогу этому взгляду на задачу своего учебника исторіи, а вмѣстѣ и на задачу преподаванія исторіи вообще, а также и методу, которымъ эта задача достигается, онъ написалъ свои „Примѣчанія о преподаваніи исторіи“, вышедшія сначала въ видѣ программы для гимназій Фридриха-Вильгельма въ 1866 году, затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ; это его первая дидактическая попытка.

Онъ не полагаетъ цѣли преподаванія исторіи въ громкихъ фразахъ, способствующихъ будто бы пробужденію любви къ отечеству, религіознаго и христіанскаго настроенія, развитію ума и сердца, любви къ добру, истинѣ и прекрасному; онъ находитъ, что онѣ, только тогда имѣютъ вліяніе на ученика, кагда учитель самъ обладаетъ этими качествами, а не выказываетъ намѣренія вызвать ихъ посредствомъ дидактическихъ пріемовъ. Цѣлью преподаванія исторіи онъ ставитъ: 1) сообщеніе и запечатлѣніе извѣстнаго количества историческихъ знаній; 2) развитіе способности оперировать съ этими знаніями. Преподаваніе должно просто стремиться къ этой цѣли. Учитель долженъ въ простыхъ выраженіяхъ разказывать своимъ ученикамъ историческія событія, учиться на примѣрѣ Геродота, Ксенофонта или Ливія какъ слѣдуетъ разказывать, безъ романическихъ и стилистическихъ прикрасъ, какъ въ учебникѣ Вельтера, гдѣ, на примѣръ, говорится: „Киръ росъ красивымъ ребенкомъ въ хижинѣ пастуха. Весело, словно ягненокъ на лугу, прыгалъ онъ вокругъ и игралъ съ другими дѣтьми. Конечно, никто и не подозрѣвалъ, что веселый мальчуганъ въ бараньемъ платьицѣ станетъ могущественнѣйшимъ царемъ Азіи“. Пусть учитель прочтетъ хорошую книгу по своему предмету и, не смущаясь громкими фразами о значеніи преподаванія въ формѣ лекцій, имѣетъ подъ рукой, если чувствуетъ въ томъ необходимость, собственныя замѣтки на помощь своей памяти.

Ходъ преподаванія Іегеръ представляетъ таковымъ: учитель заставляетъ сначала ученика прочесть отчетливо и не слишкомъ быстро тотъ новый отдѣлъ, который онъ желаетъ пройти, а затѣмъ уже самъ, не отклоняясь очень отъ порядка учебника, разказываетъ нѣсколько подробнѣе и объясняетъ съ помощью карты, при чемъ сами собой являются вопросы, возбуждающіе и контролирующіе вниманіе уче-

ника; послѣ этого еще разъ спрашивается или разказывается самое главное, а затѣмъ уже пройденное задается для изученія на дому. Репетиціи пройденныхъ эпохъ происходятъ при помощи вышеупомянутыхъ хронологическихъ таблицъ; числа и года въ нихъ должны быть твердо выучены. Если они и будутъ частью забыты въ слѣдующемъ году, все же однажды ученикъ вполнѣ владѣлъ ими и ихъ будетъ не очень трудно освѣжить въ памяти въ курсѣ исторіи старшихъ классовъ.

Во время репетицій представляется случай развить способность оперировать съ пройденнымъ матеріаломъ, то-есть, сопоставить и вновь изложить его съ иныхъ болѣе свободныхъ точекъ зрѣнія, чѣмъ тѣ, которыя господствовали во время урока. Такъ, напримѣръ, если повторяются событія римской исторіи отъ 264 до 146 г. до Р. Хр., то можно этотъ періодъ повторить съ точки зрѣнія біографіи Ганнибала: Когда родился? Чей сынъ? Дѣла отца въ первую пуническую войну? Заслуги его послѣ нея? Пребываніе въ Испаніи? Что извѣстно о дѣтствѣ Ганнибала? Каково его отношеніе къ Гасдрубалу? Когда и какъ достигъ онъ власти? Какая была задача его жизни? Какая цѣль сраженій великой войны и ихъ годы? Мѣсто дѣйствія войны? Кто были главные полководцы у римлянъ? Какова была конечная цѣль Ганнибала? Когда онъ былъ ближе всего къ своей цѣли? Его обвиняютъ въ жестокости, вѣроломствѣ — есть-ли тому доказательства? А противнаго? Кто были его союзники въ Италіи? Въ Италіи? Когда онъ вернулся въ Каррагенъ? Какъ долго тамъ оставался? Какое занялъ положеніе и чѣмъ занимался? При какомъ случаѣ мы вновь слышимъ о немъ? Каковъ былъ его планъ при началѣ сирійской войны? Что помѣшало его успѣху при дворѣ Антиоха? Какъ онъ умеръ? Когда и какъ умеръ его главный противникъ? Каково было положеніе Рима въ началѣ карьеры Ганнибала, каково въ годъ его смерти? Какъ долго еще держался Каррагенъ послѣ его смерти?—Для репетицій Іегеръ особенно рекомендуетъ біографическую точку зрѣнія, не исключая однако и другія, какъ, напримѣръ: исторія Фивъ въ концѣ греческой исторіи. Такими элементарными приемами должна начаться переработка матеріала, переходя постепенно къ болѣе труднымъ задачамъ, тогда въ примѣ, напримѣръ, можно съ наиболѣе зрѣлыми и опытными учениками прослѣдить весь восточный вопросъ въ теченіи тысячелѣтій.

Во второй части статьи Іегеръ изложилъ въ общихъ чертахъ свои мысли о преподаваніи исторіи. Позднѣе, когда стала появляться

Баумейстеровская „Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Schulen“, Іегеру представилась возможность написать въ этой энциклопедіи о дидактикѣ и методикѣ преподаванія исторіи (1895), поэтому мы лучше всего прослѣдимъ въ общей связи его идеи о преподаваніи этого предмета, на сколько онѣ нами еще не изложены.

При преподаваніи исторіи въ средних школахъ, также какъ въ научныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ и историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ излагать какъ происшедшее только то, *что дѣйствительно* происходило и—мы должны прибавить: по мѣрѣ силъ—*такъ, какъ* оно происходило. Ибо, если принимаютъ за идеалъ изложеніе, состоящее въ совершенной объективности, когда разказываются событія, описываются личности, развиваются мотивы такъ, что на изложеніе совершенно не вліяютъ расположеніе или нерасположеніе, политическое или религіозное положеніе или какія-либо иныя личныя особенности излагающаго индивидуума, то стремленіе къ такому идеалу конечно хорошо, но воплоти его достячь невозможно; ибо излагающій остается всегда отдѣльною личностью, сыномъ своего времени и своего народа; его взглядъ на событія и его изложеніе будутъ всегда носить примѣсь субъективности.

Легенды не представляютъ матерьяла, который необходимо исключить изъ исторіи; напримѣръ, дошедшая до насъ по преданію исторія римскихъ царей составляетъ очень важную часть исторіи римскаго народа, хотя бы въ ней было и мало исторически вѣрнаго. Изложеніе ихъ не будетъ въ противорѣчій съ истиной.

Пусть учитель продолжаетъ всю свою жизнь изучать исторію—изучать ее, чтобы учить ей. Но на какой бы ступени ему ни пришлось начать преподаваніе, онъ долженъ быть въ состояніи обозрѣть весь путь, пройденный его учениками. Іегеръ дѣлаетъ обзоръ этого пути черезъ всю гимназію и черезъ родственные предметы, но мы не послѣдуемъ здѣсь за нимъ. Онъ нигдѣ не останавливается на границахъ своей области, но слѣдуетъ во всѣ стороны по путямъ, ведущимъ въ другія области, съ цѣлью показать, что тамъ находятся объекты знанія, которыя частью могутъ служить подспорьемъ для историческаго знанія, частью могутъ быть сдѣланы плодотворными для него. Іегеръ является такимъ опытнымъ путеводителемъ въ этихъ своихъ странствіяхъ, что слѣдить за нимъ представляетъ особенную привлекательность.

Нѣмецкія гимназіи принимаютъ обыкновенно своихъ учениковъ на десятомъ году ихъ жизни и выпускаютъ ихъ восемнадцати, двадцати

лѣтъ. Слѣдовательно школъ приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, мальчиками и юношами, и это должно быть принимаемо въ расчетъ и при преподаваніи исторіи. Исторія различно отражается въ головѣ ребенка или мальчика, въ головѣ юноши, въ душѣ мужа или старика. Это не могло быть упущено изъ вида и потому всѣ нѣмецкія гимназіи установили двойное прохожденіе исторіи.

Для двухъ низшихъ классовъ, то-есть, учениковъ 10—12 лѣтъ, настоящее преподаваніе исторіи еще неумѣстно. Не то чтобы въ нихъ не должна вовсе преподаваться исторія; на учениковъ должны вліять разказы учителя о великихъ личностяхъ прошлаго, своей-ли націи или другихъ культурныхъ народовъ; но это не есть преподаваніе исторіи въ собственномъ смыслѣ, уже потому нѣтъ, что ученики этого возраста не имѣютъ настоящаго представленія о времени; такъ что напрасно было бы говорить имъ, что Фридрихъ Великій правилъ отъ 1740—1760, Карлъ Великій отъ 768—814. Только съ кварты, съ учениковъ 12 лѣтъ, начинается настоящее прохожденіе мировой исторіи, которое заканчивается въ четыре курса до унтерсекунды включительно, а затѣмъ повторяется въ старшихъ классахъ въ трехгодичный курсъ. Съ году на годъ растетъ зрѣлость учениковъ, и изложеніе учителя можетъ становиться подробнѣе, такъ какъ въ то же время возрастаетъ матеріалъ, притекающій изъ другихъ предметовъ преподаванія, расширяющій пониманіе исторіи, и если подъ конецъ бросить взглядъ на ходъ всего преподаванія, то окажется, что Законъ Божій, то-есть, его историческая часть, нѣмецкіе, латинскіе, греческіе уроки, короче сказать, всѣ уроки изъ области наукъ о духѣ способствуютъ усиленію историческаго знанія. Если при этомъ достаточно было обращено вниманія на умѣнье анализировать, то-есть, оперированіе, тогда ученикъ примы можетъ, на примѣръ, если и не разрѣшить восточнаго вопроса, то все же прослѣдить и изложить его въ его возникновеніи и развитіи, прослѣдивъ все столкновеніе востока съ западомъ, начиная съ персидскихъ войнъ и ранѣе черезъ всю всемірную исторію вплоть до русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ. При этомъ онъ выкажетъ способность къ анализу и знаніе, дѣлающія его образованнымъ человѣкомъ, способнымъ разумно слѣдить за развитіемъ событій въ настоящемъ.

Иегеръ поздно выступилъ передъ публикой съ первымъ сочиненіемъ по педагогикѣ, только въ 1883 году. Оно озаглавлено „Aus der Praxis“; вторымъ заглавіемъ эта статья названа авторомъ „Педагогическое завѣщаніе“. Оно состоитъ изъ двухъ частей: 1) наблюденія

и совѣты; 2) дидактической и педагогической матеріалъ. Въ первой части Іегеръ даетъ правила домашняго воспитанія—какъ онъ ихъ называетъ—извлеченныя имъ изъ опыта. Они были набросаны по случаю, подъ вліяніемъ минуты, и не предназначались первоначально для печати и только позднѣе были слегка приведены въ связь. Это афоризмы, возникшіе подъ вліяніемъ полемическаго настроенія по поводу преувеличеній современныхъ педагогическихъ теорій, въ которыхъ сквозитъ нѣкоторый натурализмъ; они указывали начинающимъ учителямъ, которымъ грозила опасность изъ за лѣса не видать деревьевъ, простую истину, что и въ признаніи учителя главное—обладать честною волей, серьезнымъ прилежаніемъ и нѣкоторымъ здравымъ умомъ; они должны были показать, какъ *можно* вести дѣло, между тѣмъ какъ то направленіе требовало указанія, какъ *должно* вести дѣло; какъ будто въ Римъ ведетъ только одна дорога.

Такимъ образомъ обсуждаются разнообразнѣйшіе вопросы изъ области практической педагогики, вопросы объ отдѣльныхъ предметахъ преподаванія, а также вопросы общаго характера, какъ то: обязанности учителя, школьные законы, совѣты касательно службы и обязанностей директора, школьныя наказанія и тому подобное. Увлечательными словами, проникнутыми юморомъ, излагается здоровая жизненная и школьная мудрость, которая согрѣваетъ сердце и питаетъ духъ. Чтобы охарактеризировать тонъ и манеру этой книжки, приведемъ изъ нее отрывокъ:

„Прежде всего обладай оригинальнымъ умомъ (Geist),—сказалъ нѣкто, обладавшій большимъ умомъ и знаніями, но помимо этого не обладавшій ничѣмъ, заслуживающимъ похвалы и подражанія, молодому учителю-филологу. Прекрасно, неправда-ли?

„Но ты и я, мы не можемъ послѣдовать этому совѣту. Можно было бы въ духѣ нашего времени и не безъ основанія отвѣтить молодому учителю: прежде всего имѣй 100,000 талеровъ, тогда тебѣ не зачѣмъ давать частіиныхъ уроковъ, можешь отдавать службѣ все свое время и силу—остальное ты знаешь.

„Однако вѣрно, что оригинальный умъ (Geist) хорошее дѣло, и хорошо, когда въ каждой гимназій, какъ бы это сказать?—на каждое 6 или 12 учителей приходился одинъ человѣкъ оригинальнаго ума, котораго можно дѣйствительно назвать таковымъ, ибо тогда разумный директоръ, который такимъ умомъ можетъ быть не обладаетъ, долженъ предоставить первому нѣкоторую инициативу.

„Но нѣтъ необходимости, чтобы ты былъ этимъ единственнымъ

человѣкомъ, одареннымъ оригинальнымъ умомъ. Ты все же можешь быть очень хорошимъ, очень дѣльнымъ, очень любимымъ учителемъ, *amor et deliciae generis humani*.

„И вовсе не слѣдуетъ, чтобы тотъ, о комъ нельзя сказать, что у него оригинальный умъ, былъ бы не уменъ. Умъ можно найти у другихъ, напримеръ, у Гёте, Шиллера, Данте, Шекспира, Ранке и другихъ, у которыхъ ты можешь приобрести его даромъ.

„Прежде всего имѣй характеръ—такъ я слышалъ давно уже отъ человѣка, обладавшаго чрезвычайно честной наружностью; этотъ честный человѣкъ пошелъ и донесъ на своихъ товарищей. Прежде всего имѣй характеръ, повторялъ онъ и выпрашивалъ прибавки жалованья.

„Прежде всего строго исполняй свои обязанности—это ужъ лучше, этому совѣту мы оба можемъ слѣдовать. А еще проще, если мы скажемъ: исправляй свои тетрадки безъ воркотни, вставай во время, не забалтывайся по дорогѣ, вообще не мудруй лукаво....

„Прежде всего будь молодъ, желалъ бы я, народируя Фр. А. Вольфа, воскликнуть, и оставайся молодымъ.

„Ты также услышишь въ настоящее время много разговоровъ о національномъ воспитаніи и національной точкѣ зрѣнія. Ты вѣдь тоже националенъ? Можешь ты мнѣ сказать, какъ за него принимаются, за национальное образование? Должно быть, объ этомъ написаны толстыя книги.

„Въ мое время этотъ свѣтъ не такъ еще ярко сіялъ. Въ глубинѣ души горѣлъ святой огонь, любовь къ своему народу, прошлое и будущее котораго идеализировали, а настоящее представлялось болѣе мрачнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Въ трудные часы, какихъ тебѣ, молодой человѣкъ, не пришлось переживать, въ дни Ольмица и Идстедта, въ дни прусской и нѣмецкой смуты, эта любовь сохранила насъ отъ пессимистическаго упадка духа.

„Теперь все это проще и стало легче быть националистомъ или говорить въ національномъ духѣ. Но, молодой мой другъ, если ты дѣйствительно любишь свою страну, то люби юношей, которыхъ тебѣ приходится воспитывать, даже того неприятнаго, вихрастаго мальчишку, который тебѣ такъ отравляетъ жизнь. Это потруднѣе звучаго тоста на праздничномъ обѣдѣ, и это совсѣмъ невозможно безъ христіанскаго духа“.

Вторая часть педагогическаго завѣщанія содержитъ, какъ было уже сказано, матеріалъ, касающійся преподаванія. Въ одной изъ главъ

подъ заглавіемъ: урокъ нѣмецкаго языка въ квинтѣ, находятся указанія для разбора прочитаннаго разказа, легенды о св. Христофорѣ; въ другихъ обсуждается нѣмецкое чтеніе въ среднемъ и старшемъ классахъ. Больше всего указаній Іегеръ даетъ для преподаванія латыни.

Темы для сочиненій и письменныхъ работъ въ примѣненіи къ этимъ сочиненіямъ, а также отдѣльныя подробныя темы для различныхъ классовъ, которыя должны быть диктуемы въ опредѣленное время, для того чтобы ученики ихъ затѣмъ переводили; онѣ позволяютъ директору заведенія знакомиться со свѣдѣніями учениковъ отдѣльныхъ классовъ. Прекрасныя замѣчанія къ чтенію Горація указываютъ, какъ при чтеніи этого писателя, одной изъ интереснѣйшихъ и остроумнѣйшихъ личностей Рима, можетъ быть разработана его біографія, что придастъ этому уроку интересъ. Въ рѣчи по случаю рожденія императора Вильгельма I научная тема школьнаго преподаванія изложена въ праздничномъ освѣщеніи; сборникомъ библейскихъ текстовъ для ученическихъ молитвъ заканчивается это сочиненіе.

Дополненіемъ къ Іегеровскому завѣщанію является его новѣйшее произведеніе: „Lehrkunst und Lehrhandwerk“. Когда въ 1890 году въ Пруссіи, въ дополненіе къ немногимъ имѣвшимся, открыто было нѣсколько новыхъ педагогическихъ семинарій, то одна изъ нихъ была поставлена въ связь съ гимназіей Фридриха-Вильгельма въ Кельнѣ. Книга возникла изъ разговоровъ, которые Іегеръ, въ качествѣ руководителя этой семинаріи, велъ съ молодыми людьми два раза въ недѣлю, чтобы ввести ихъ въ область преподаванія; она была сначала написана имъ для поднесенія кельнскому собранію филологовъ 1895. Онъ удержалъ въ ней форму лекцій членамъ педагогической семинаріи, хотя въ дѣйствительности многого совсѣмъ не было говорено, многое было говорено не такъ, какъ передаетъ книга; но ему казалось, что онъ лучше всего можетъ высказать въ этой формѣ то, чему онъ научился въ продолженіи своей 45 лѣтней дѣятельности и особенно своей 33 лѣтней дѣятельности въ Кельнѣ, и что, какъ онъ полагалъ, будетъ полезно для его молодыхъ товарищей по дѣлу. Онъ не желалъ дать системы, но познакомить съ жизнью, съ организмомъ гимназіи; онъ въ то же время хотѣлъ быть вполнѣ субъективнымъ: излагать только испробованное имъ самимъ и свои личныя убѣжденія, чтобы имѣть возможность высказаться откровенно.

Порядокъ книги такой: сначала разбираются классы, начиная съ сексты до унтерсекулды со всѣми предметами преподаванія, затѣмъ

выводятся нѣкоторыя важныя педагогическія понятія и подъ конецъ старшее отдѣленіе трактуется не по классамъ, а по предметамъ. Изъ семинарской практики для него выяснилось, что начинающіе свое поприще преподаватели должны сначала оглядѣться, чтобы затѣмъ извлечь настоящую пользу изъ разъясненій основныхъ понятій.

Лекціи объ отдѣльныхъ учебныхъ предметахъ весьма различны по объему. Авторъ очень мало распространяется о счисленіи, математикѣ, естественныхъ наукахъ, рисованіи и нѣмцѣ, ибо, какъ онъ сознается, у него нѣтъ опыта въ этой области. Но онъ совершенно опредѣленно высказывается противъ того, чтобы преподаванію естественной исторіи отводилось излишне выдающееся мѣсто и число часовъ, какъ этого многіе требуютъ. И это не изъ презрѣнія къ естественной исторіи, а изъ хорошо обоснованнаго убѣжденія, что наши ученики могутъ и при данномъ числѣ часовъ дѣйствительно выучиться тому, что соответствуетъ ихъ возрасту. Напримѣръ, не имѣетъ никакого значенія, если они выучатъ большое количество нѣмецкихъ и латинскихъ названій растений, и неразумно знакомить ихъ раньше времени съ законами физиологій; если же ограничить матеріалъ, то легко можно достигнуть того, что они научатся *видѣть* природу и въ тоже время полюбить ее.

Подробно и основательно разобрано преподаваніе древнихъ и нѣмецкаго языковъ, исторіи и Закона Божьяго. Значеніе отдѣльныхъ предметовъ въ организмѣ гимназій, методъ обращенія съ ними, спорные вопросы, возникающіе по этому поводу въ настоящее время, подробно разъясняются. Естественно, что особенное вниманіе обращено на латынь, ибо этотъ предметъ составляетъ какъ бы скелетъ въ гимназическомъ организмѣ и къ тому же подвергается въ настоящее время сильнымъ нападкамъ. Іегеръ выставляетъ образовательное значеніе этого языка; настаиваетъ на необходимости начинать этотъ языкъ въ секстѣ и на трудности начинать съ французскаго вмѣсто латыни, вытекающія изъ правописанія этого языка, отличнаго отъ произношенія, и противится слишкомъ большому ограниченію требованій отъ учениковъ въ этомъ предметѣ. Ученики пріемы должны понимать Цицерона, Горация и Тацита. Изъ чтенія этихъ авторовъ точно также, какъ изъ изученія нѣмецкихъ и греческихъ писателей, почерпается прочный, цѣнный капиталъ образованія; Іегеръ это убѣдительно доказываетъ, но мы не можемъ слѣдовать за нимъ въ его изложеніи, будучи ограничены объемомъ статьи.

Здѣсь важнѣе указать на значеніе общихъ отдѣловъ. Въ одномъ

изъ нихъ, напริมѣръ, рѣчь идетъ о дисциплинѣ. Каждый учитель долженъ бы обладать умѣньемъ поддерживать во время урока внѣшнюю тишину и подавлять помѣхи или даже попытки къ нимъ. Средство добиться этого заключается для начинающаго учителя въ томъ, что онъ съ самого начала знакомится съ именами учениковъ, что онъ требуетъ чистоты въ классной комнатѣ и твердо знаетъ, чего онъ хочетъ достигнуть въ свой урокъ, значить прежде всего самъ хорошо знакомъ съ матеріаломъ. Но существуетъ еще высшая дисциплина, болѣе глубокой или обширный смыслъ этого понятія, когда учитель такъ владѣетъ своимъ классомъ, что внушаетъ ему должное настроеніе и вниманіе, чтобы слѣдить за его урокомъ, то-есть желать учиться; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что при всей виртуозности учителя часть его воли все же пропадаетъ. Такого рода дисциплина указываетъ на хорошаго учителя, конимъ можетъ быть всякій, кто вообще серьезно относится къ своему дальнѣйшему образованію и самовоспитанію. Чрезвычайно важнымъ факторомъ является здѣсь личность учителя; но воплѣ она выступаетъ лишь тогда, когда сама становится настоящей побудительной силой для поведенія ученика; тогда эта личность получаетъ значеніе, способное вліять на всю жизнь: она и впоследствии осѣняетъ еще человѣка какъ добрый геній и продолжаетъ воспитывать его, когда онъ уже давно переросъ школу. Однако это только идеаль; такія личности рѣдки. „Но одной добродѣтелью долженъ обладать всякій учитель, если даже онъ имѣетъ самыя скромныя притязанія быть чѣмъ нибудь для своихъ учениковъ, а не только давать имъ уроки—онъ долженъ быть выше пошлаго эгоизма карьериста и пріобрѣтателя“. „Содержаніе и плодотворность лица опредѣляются смотря по тому, въ какой степени оно является представителемъ на землѣ хорошаго и достойнаго дѣла. Если я такъ проникнутъ благородствомъ своего призванія, что эта мысль и это сознаніе дѣйствительно проникаетъ мою жизнь и такъ проникаетъ, что эта мысль уничтожаетъ все чисто внѣшнее или обращаетъ на него вниманіе только по столько, по сколько оно само можетъ быть средствомъ къ выполненію призванія, то-есть тоже внутреннимъ,—то тогда наоборотъ я своею личностью буду сообщать значеніе моему служенію и тѣмъ большее, чѣмъ я буду зрѣлѣе, старѣе, опытнѣе въ жизни, испытаннѣе судьбою“.

Въ дополненіе къ этому разъясненію дисциплины Іегеръ даетъ указанія на внѣшнія средства къ поддержанію ея, наказанія, начиная съ простаго выговора до тѣлеснаго наказанія, ареста и карцера,

при чемъ онъ совершенно правильно настаиваетъ на томъ, что дѣло учителя придать должное значеніе низшимъ степенямъ наказанія и сдѣлать ихъ дѣйствительными путемъ рѣдкаго ихъ примѣненія. Онъ указываетъ на значеніе тона, въ которомъ ведется преподаваніе, при чемъ предостерегаетъ относительно двухъ крайностей: тона псевдо-отеческаго и унтерофицерскаго, и совѣтуетъ вспоминать слова апостола Павла: Возлюбленные братья, если упадетъ какой-нибудь человекъ въ прегрѣшеніе, то вы исправляйте его въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собой, чтобы самому не упасть въ искушеніе.

Въ этомъ общемъ отдѣлѣ обсуждается цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ о родѣ дисциплины. Мы желали бы еще указать для характеристики на главу о школѣ и родительскомъ домѣ, ибо въ ней изслѣдуется возможность индивидуальнаго воспитанія въ высшихъ школахъ и часто обсуждавшійся законъ о ресторанахъ. Іегеръ не придаетъ значенія ни тому, ни другому. Іегеръ предоставляет родительскому дому благотвительное вліяніе обращенія, сообразнаго индивидуальности каждаго; силу же школы онъ видитъ скорѣе въ томъ, что она предъявляетъ свое требованіе ко всѣмъ одинаково, не принимая во вниманіе такъ называемой индивидуальности, что одинакій законъ, одинакій порядокъ, одинаковая грамматика, царятъ надъ богатымъ и бѣднымъ, сыномъ графа и сыномъ башмачника, умнымъ и глупымъ. Что касается посѣщенія ресторановъ, то онъ полагаетъ, что его можно позволить ученикамъ примы, лишь бы только оно не переступало границъ приличія; онъ желаетъ, чтобы школа была избавлена отъ полицейскихъ обязанностей; обѣихъ невозможно выполнить, и этимъ родители освобождаются отъ обязанности, которую они только и могутъ выполнять. Последняя глава трактуетъ о самовоспитаніи учителей. Въ ней ясно выступаетъ высокое пониманіе Іегеромъ своего и нашего призванія, которое онъ уже въ первыхъ словахъ своей книги называетъ прекраснѣйшимъ и пріятнѣйшимъ, какое только существуетъ среди людей, ибо оно принуждаетъ каждаго, слѣдующаго ему, слѣдить за самимъ собою, такъ какъ онъ долженъ быть примѣромъ для юношества; ибо оно заставляетъ стремиться къ совершенствованію, такъ какъ эту цѣль онъ ставитъ ученикамъ; ибо оно сохраняетъ человека молодымъ до самой старости путемъ общенія съ молодежью и дѣлаетъ свободнымъ, ибо свободнымъ дѣлаетъ истина, которой служить также учитель своимъ преподаваніемъ и воспитаніемъ.

Это послѣдняя книга Іегера. Она произвела большую сенсацію при своемъ появленіи и была встрѣчена одобреніемъ всѣхъ сторонниковъ

гимназіи и гуманитическаго образованія. Одинъ нѣмецкій учитель назвалъ ее вѣнцомъ всѣхъ современныхъ педагогическихъ и дидактическихъ сочиненій.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о дѣятельности Іегера въ защиту гуманитической гимназіи въ Германіи.

Болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ появилась, рядомъ со старой латинской школой или гимназіей, новая такъ называемая реальная школа, цѣлью которой было дать ученикамъ полезныя свѣдѣнія для практической дѣятельности; частью вначалѣ, частью по мѣрѣ развитія центръ тяжести ея перешелъ на новые языки и естественныя науки. Чѣмъ шире развивались въ Германіи въ нашемъ вѣкѣ торговля и промышленность, дѣятели въ области которыхъ набирались главнымъ образомъ изъ этихъ школъ, тѣмъ больше росли требованія первоначальнаго образованія отъ молодыхъ купцовъ и фабрикантовъ. Латынь и греческій языкъ имѣли для нихъ только косвенное значеніе, поэтому реальная школа принуждена была углубить свои учебныя задачи, чтобы дать своимъ воспитанникамъ большее духовное развитіе. Она выросла изъ рамокъ специальной школы: ея цѣлью стало высшее общее образованіе. Цѣль реальной школы перваго разряда, какъ она была организована въ Пруссіи въ 1859, была ясно выражена: ученая подготовка для высшихъ родовъ дѣятельности, для которой не требуется университетскихъ факультетскихъ занятій. Но скоро учителя и сторонники реальной школы перестали этимъ удовлетворяться. Реальные школы выпускали окончившихъ курсъ въ высшія техническія школы; эти высшія учебныя заведенія стали требовать одинаковыхъ правъ съ университетами, чувствовали себя по меньшей мѣрѣ имъ равноправными; отсюда подготовка къ одного рода высшимъ учебнымъ заведеніямъ должна была быть тою же, что и для другаго: возникло требованіе чтобы абитуриенты реального училища I разряда были допускаемы на университетскіе факультеты на одинаковыхъ правахъ съ абитуриентами гимназій.

Еще и теперь продолжается эта борьба, за права абитуриентовъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, но только еще въ болѣе широкихъ границахъ, чѣмъ раньше. Не смотря на школьныя преобразованія втеченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій реальная гимназія, какъ теперь называется реальная школа I разряда, добилась безусловнаго принятія своихъ абитуриентовъ только на нефилологическій и математико-естественный факультеты; для допущенія на другіе факультеты долженъ быть сданъ дополнительный экзаменъ при гимназіи по

гуманистическимъ предметамъ; но высшая реальная школа, школа безъ латыни, а ужъ тѣмъ болѣе греческаго языка, поднимаетъ теперь ужъ голосъ за то, чтобы образованіе, даваемое ею своимъ ученикамъ, считалось бы вполнѣ равнымъ гимназическому, и чтобы ея ученики принимались бы на всѣ факультеты.

Эта борьба привела, можно сказать почти съ необходимостью закона природы, къ тому, что учителя реального училища и ихъ сторонники стали сомнѣваться въ значеніи гимназій для настоящаго времени; они старались изобразить ея организацію старѣющею и пережившею самое себя и требовали, для достиженія своей цѣли, реорганизаціи всѣхъ высшихъ школъ. Иегеръ дважды выступалъ на защиту гуманистической гимназій: въ первый разъ въ 1871 г. со статьёю „Gymnasium und Realschule I Ordnung“, затѣмъ въ 1889 г. съ брошюрой „Das humanistische Gymnasium und die Petition um durchgreifende Schulreform“.

Положеніе было благоприятнымъ для защиты гимназій. Послѣ побѣдосной національной войны и медленной работы великой, мирной революціи, именно политическаго возрожденія Германіи, среди могучаго движенія впередъ по всѣмъ отраслямъ знанія и производства, среди дѣятельности, оказавшейся плодотворной благодаря не имѣющей прѣграды въ человѣческой культурѣ доступности всѣхъ интеллектуальныхъ средствъ, — было легко доказать, что радикальная реформа оправдывалась бы только коренными недостатками старой системы. Такіе недостатки видѣлъ и Иегеръ: поверхностная и торопливая манера чтенія, вызванная злостью дня и служителями ихъ — газетамъ; искушеніе вслѣдствіе возможности въ официальной жизни говорить обо всемъ съ поверхностнымъ знаніемъ предмета; хвастливый шовинизмъ по отношенію къ общему и притирчивый ниссизмъ въ частностяхъ; могущество партійныхъ фразъ, придаваніе слишкомъ большаго значенія матеріальнымъ благамъ, внѣшнему положенію, притворство и лесть. Однако съ этими недостатками приходится бороться всѣмъ временамъ, всѣмъ народамъ, и никто еще не указалъ, какъ тутъ можетъ помочь школьная реформа и можно съ полными правомъ сомнѣваться, чтобы твердость характера могла бы быть достигнута большимъ знаніемъ естественныхъ наукъ или французскаго языка или вообще какой либо перемѣной въ организаціи школьной жизни.

Въ особенности гимназія всегда подвергалась критикѣ публики. Она получаетъ учениковъ изъ классовъ народа, особенно склонныхъ къ критикѣ, ибо у нихъ имѣются въ достаточномъ количествѣ разнообраз-

ныя знанія и извѣстные критическіе приемы и шаблоны. Народная школа слишкомъ проста для критической болтовни, университеты стоятъ слишкомъ высоко, или вѣрнѣе студентъ черезъ очень простое средство избѣгаетъ того, что въ университетѣ не по немъ — именно черезъ отлыниванія отъ лекцій, тогда какъ гимназистъ не располагаетъ такимъ средствомъ. Многие изъ посѣщавшихъ гимназію или посылающихъ туда своихъ дѣтей считаютъ себя уже знатоками школьнаго дѣла; такъ какъ естественно дѣлается много ошибокъ на пути прищѣ воспитанія, воспитывающаго для науки и посредствомъ науки, то они поэтому берутъ на себя роль судей. „Врачу, судья, священнику прощаются величайшія ошибки, учителю и прежде всего гимназическому учителю не прощаются самыя извинительныя“.

Къ этому присоединяется еще то, что въ его дальнѣйшей жизни приходится испытать, что ему полезно было бы знать то или другое, чему онъ не учился ни въ школѣ, ни въ университетѣ. Когда затѣмъ ему попадаетъ на глаза сочиненіе, въ которомъ съ большимъ звономъ указывается, какъ на необходимый для гимназіи именно этотъ предметъ, то радикальная школьная реформа приобретаетъ новаго адепта.

Задача гимназіи научить своихъ учениковъ учиться. Поэтому она центральнымъ пунктомъ занятій выдвигаетъ *одинъ* научный предметъ, классическіе языки и прошлое, представителями котораго они являются, и посвящаетъ ему свои лучшія силы. Сила гимназіи въ томъ, что она имѣетъ одинъ ясный и опредѣленный фокусъ: эту научную область ученикъ — въ объемѣ соответственномъ его развитію — можетъ обнять, здѣсь онъ можетъ достигнуть сознанія, что онъ овладѣлъ наукою. Значеніе этого сознанія заключается въ томъ, что тутъ рѣчь идетъ о такой научной области, которая не имѣетъ непосредственной связи съ житейскими потребностями. „Наука стремится къ послѣдней поддающейся изслѣдованію причинѣ вещей: что бы подготовить человека къ наукѣ, я долженъ дать его уму именно это направленіе, а этого я никакъ не могу достигъ иначе, какъ направивъ его противъ теченія времени въ полное значенія прошлое“. Для этого, съ полнымъ основаніемъ, выбрана классическая древность, ибо современная европейская культура опирается на нее; если при этомъ на первомъ планѣ стоитъ латинскій языкъ, то и это основано на историческихъ причинахъ: онъ не только связующее звено между нами и поколѣніями прошлыхъ вѣковъ или вѣрнѣе тысячелѣтій, но также между нами и окружающими насъ сосѣдними на-

родами: французами, англичанами, италянцами. Грамматическое изученіе этого языка необходимо, ибо онъ основной языкъ; когда онъ систематически пройденъ, и ученикъ освоился съ нимъ понемногу при посредствѣ упражненій, тогда въ ученикѣ возникаетъ понятіе о томъ, что такое научное цѣлое, система, организмъ языка. Упражнение въ переводахъ на иностранный языкъ должно продолжаться до поступления въ университетъ, ибо оно заставляетъ искать вѣрное выраженіе, заставляетъ вникать въ чужой образъ мысля, правильно продумывать мысли другихъ людей, въ чемъ заключаются три четверти всей науки. Учиться латыни значитъ учиться научно работать, приучаться къ средствамъ и рычагамъ, неудобствамъ, лишениямъ, неудачамъ и удачамъ научнаго труда, усвоить все это; научиться способу научной работы можно только на предметѣ, который самъ носитъ научный характеръ, какъ на примѣръ латинскій языкъ. Греческій стоитъ съ нимъ въ тѣсной связи: нельзя понять сущности римской исторіи, если не знать ничего изъ греческой исторіи — то-есть ничего не знать по первымъ источникамъ. „Греческая литература и искусство представляютъ первый плодъ на той совершенно еще новой почвѣ, на которой затѣмъ возрасло все наше европейское гуманистическое образованіе; оно выросло изъ той духовной силы, которую сами греки называли своей элевтеріей и которая составляла предметъ зависти для современныхъ имъ очень образованныхъ варваровъ. Эта новая сила свободы проявляется во всемъ, что оставлено намъ этимъ народомъ: она бросается въ глаза намъ, когда мы переходимъ изъ египетскихъ и ассирійскихъ залъ музея въ греческія; она живетъ въ ихъ поэтахъ и мыслителяхъ, и она трогаетъ душу мальчика и юноши даже когда безсмертное содержаніе преподносится ему въ глинянныхъ и деревянныхъ сосудахъ. Зато эту область въ воспитаніи тѣхъ, кто долженъ стать руководителями націи, ея учителей, докторовъ, священниковъ, юристовъ, управляющихъ, крупныхъ промышленниковъ, мы не можемъ замѣнить ничѣмъ изъ иной области“. Это гимназическое образованіе, приучающее ученика во всемъ докапываться до причины вещей, учащее *читать* книги, не просто глотать ихъ, учить изучать книги, то-есть проникать въ духъ и волю писателя.

Теперешней реальной гимназіи, бывшей реальной школѣ перваго разряда, не достаетъ такого учебнаго средоточія, какое имѣетъ гимназія въ изученіи классической древности. Вмѣсто латыни и греческаго, которые вмѣстѣ господствуютъ въ гимназическомъ преподаваніи,—до реформы 10 + 6, но и теперь еще 7 + 6 или 6 + 6 часовъ въ не-

дѣлю,—въ реальной гимназіи нѣтъся цѣлый рядъ учебныхъ предметовъ, на которые полагается почти одинаковое число часовъ, но въ нихъ невозможно найти единого учебнаго центра. Эта школа сообщаетъ много прекрасныхъ, весьма полезныхъ знаній, но она не можетъ достигнуть наввозможно большаго проявленія энергіи, вытекающаго изъ сосредоточенія на одной научной области. Ахиллесовой пятой реальной гимназіи является именно латинскій языкъ, который, начинаясь въ младшихъ классахъ съ 8, 8, 7 часовъ въ недѣлю, падаетъ уже въ среднихъ классахъ до 4, 4, 3 часовъ и держится на этомъ числѣ въ старшихъ классахъ. Предметъ, для болѣе серьезныхъ занятій которымъ уже не хватаетъ силъ у учениковъ старшихъ классовъ, такъ какъ они не упражняются въ немъ, долженъ стать балластомъ, ибо ученики примы не достигаютъ въ немъ никакой увѣренности и легкости, которая можетъ вытекать только изъ увѣренности. Относиться къ этому предмету, носящему научный характеръ въ наиболѣе чистомъ видѣ, ибо онъ является представителемъ знанія ради знанія,—такимъ образомъ, что съ каждымъ классомъ понижать требованія относительно его, значитъ притуплять строгое научное пониманіе, которое при подготовкѣ къ университетскимъ занятіямъ слѣдуетъ усиливать и изощрять.

Такъ защищаетъ Іегеръ гимназію и нападаетъ на реальную гимназію въ болѣе длинныхъ и подробныхъ разъясненіяхъ, прослѣдить за которыми здѣсь мы не можемъ, утверждая что организація этого заведенія совершенно не приспособлена къ подготовленію къ университетскимъ занятіямъ. Ему и послѣ того еще представлялся случай защищать этотъ взглядъ, который онъ раздѣляетъ и теперь, что онъ и дѣлалъ во всеоружіи опыта, остроумія и краспорѣчія; именно благодаря этому онъ сталъ популярнымъ лицомъ въ кружкахъ учителей гимназій въ Германіи. До нѣкоторой степени для защиты же этой школы онъ собралъ свои рѣчи и сочиненія и выпустилъ ихъ подъ заглавіемъ *Pro domo*. Противники, правда, обзывали защитниковъ гуманистической гимназіи *Stockphilologen*, утверждая, что они совершенно лишены пониманія настоящаго времени и его духа. Но тутъ именно Іегеръ былъ какъ разъ человѣкомъ, способнымъ перенести это обвиненіе на самого противника, такъ какъ онъ всегда, какъ никто другой, ставилъ свои учебныя обязанности въ связь съ національными задачами 19-го вѣка; его сборникъ могъ претендовать на возбужденіе интереса и въ болѣе широкомъ кругу читателей, ибо въ немъ изображаются значительныя событія въ ихъ отраженіи и ихъ вліяніи на жизнь одной изъ крупныхъ гимназій. Онъ

состоитъ изъ трехъ частей. Первая, *Schule und Vaterland*, заключаетъ къ себѣ двѣнадцать рѣчей, сказанныхъ по случаю патриотическихъ празднествъ. Въ нихъ обсуждаются не одя только славныя дѣла князей и народа въ борьбѣ противъ внѣшняго врага, но также обсуждаются и внутреннія политическія затрудненія слогомъ, понятнымъ и легкимъ и для ученика. Напримѣръ намъ вспоминаются слова о „рабской демагогин, выставляющей любую часть народа, которую она питаетъ надежду одурачить, господствующей“, и о „легкомысленной попыткѣ нѣкоторыхъ бесполезныхъ бездѣльниковъ выдумать рабочую партію, какъ будто весь остальной міръ пребываетъ въ ничего недѣланія“. Напечатанные здѣсь документы, свидѣлствуютъ о стремленіи школы предохранить своихъ воспитанниковъ отъ вліянія политическихъ заблужденій, стремленіе, которое можно бы провести не только на урокахъ исторіи и нѣмецкаго языка, но также и на урокахъ латыни и греческаго. Вторая часть состоитъ изъ статей историческаго и филологическаго содержанія, чрезвычайно популярныхъ по формѣ; напримѣръ *Alexander der Grosse als Regent*; *M. Asilius Regulus, ein Beitrag zur Geschichte des Völkerrechts*. *Homericische Aphorismen, realistische Bemerkungen zu Horaz*; *die Apotheose des Augustus*; *Oliver Cromwell*; *Ludwig Uhland*. Третья часть озаглавлена: *Pädagogische Gelegenheitsreden*. Въ ней мы находимъ его кѣльнскую вступительную рѣчь; юбилейныя рѣчи: *über das Verhältniss der Schule zum öffentlichen Leben, über das Verhältniss des Gymnasiums zu Staat und Haus*; *eine Gedächtnissrede auf Dietrich Landfermann*; двѣ рѣчи *über die Lage des preussischen Gymnasiums nach den Reformen von 1882 und 1892* и рѣчь на Мюнхенскомъ съѣздѣ филологовъ *über Vergängliches und Bleibendes am humanistischen Gymnasium*. Это въ большинствѣ случаевъ соображенія, возникшія изъ жизни и борьбы настоящаго времени и именно нѣмецкаго настоящаго, желающія вліять на него, но она благодаря своему идейному содержанію и сжатой формѣ призваны къ болѣе широкому вліянію.

Сочиненія Іегера завоевывали все болѣй и болѣй кругъ читателей. Среди рейнскихъ учителей онъ рано выступилъ. Когда въ 1862, по предложенію Отто Фрика, впоследствии директора *der Frankeschen Stiftungen* въ Галлѣ, были основаны съѣзды рейнскихъ педагоговъ, обыкновенно называемые *Osterdienstagsversammlung*, то Іегеръ оказался въ числѣ ихъ учредителей. Эти съѣзды просуществовали 36 лѣтъ; какъ часто онъ самъ предсѣдательствовалъ въ нихъ! сколько тезисовъ на горячіе вопросы гимназической педагогики были имъ предложены

и защищаемы! Непринужденная форма дебатовъ, когда всякій, не смотря на присутствіе начальника кобленцкаго провинціалъ-шкульколлегіума, могъ свободно и открыто высказывать свое мнѣніе, не въ малой степени заслуга Легера, который самъ никогда и нигдѣ не скрывалъ своихъ взглядовъ и убѣжденій.

Когда прусскій министръ просвѣщенія Фалькъ созвалъ въ Берлинѣ въ 1873 конференцію для ознакомленія съ нѣкоторыми назрѣвшими вопросами, Легеръ оказался тоже въ числѣ приглашенныхъ; а также и на послѣдней большой школьной конференціи, такъ называемой декабрьской конференціи 1891 года; его совѣта спрашивали кромѣ того во многихъ другихъ вопросахъ. Онъ и по порученію русскаго министерства народнаго просвѣщенія подалъ мнѣніе касательно организаціи университетскаго преподаванія. Онъ не имѣлъ недостатка въ отличіяхъ, хотя и не искалъ ихъ; такъ въ послѣднее пребываніе императора въ рейнскихъ провинціяхъ онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; русскій императоръ наградилъ его много лѣтъ тому назадъ орденомъ Станислава. Благодаря тому, что нѣкоторыя его сочиненія переведены на русскій, румынскій, испанскій и голландскій языки, онъ могъ вліять и за предѣлами своего отечества, а въ этомъ великомъ и обширномъ успѣхѣ лежатъ лучшая награда за трудъ для всякаго, кто душой и тѣломъ преданъ обученію юнаго и стараго, какъ Оскаръ Легеръ.

(Переводъ съ рукописи)

Ф. Д.

ПАХОМІЙ ЛОГОВЕТЪ И ХРОНОГРАФЪ.

Въ настоящей краткой замѣткѣ останавлиюсь на одномъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ русскаго хронографа,—на вопросъ о томъ, когда и гдѣ именно составлена эта любопытная компиляція изъ византійскихъ хроникъ, южнославянскихъ историческихъ памятниковъ и русскихъ лѣтописей¹⁾). Исслѣдователи хронографа—Поповъ, Ягичъ, Истринъ, Сперанскій и др. уже давно поставили эти вопросы и намѣтили путь къ ихъ разрѣшенію. Опредѣленіе *источниковъ*, по которымъ составленъ хронографъ, уже показало, что хронографъ—памятникъ непереводный, что это славянская компиляція, относящаяся ко времени не ранѣе XV вѣка. Дальнѣйшая работа въ томъ же направленіи должна показать, въ какой именно славянской странѣ могъ возникнуть хронографъ, а также опредѣлить точнѣе время его составленія.

Господствующимъ въ настоящее время, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ неопровергнутымъ, мнѣніемъ оказывается высказанное въ видѣ догадки А. Н. Поповымъ предположеніе, что хронографъ составленъ у южныхъ славянъ. Поповъ основывался на томъ обстоятельстве, что изъ двухъ извѣстныхъ ему редакцій древняго хронографа—редакціи 1512 года и редакціи списка Толстовскаго, конца XVI вѣка, эта послѣдняя содержитъ очень мало *русскихъ* статей и лѣтописныхъ извѣстій; между тѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ она передаетъ первоначальный текстъ южнославянскихъ статей точнѣе, чѣмъ редакція 1512 года. Предположеніе Попова повторено Истринымъ: въ своей Александріи русскихъ хронографовъ Истринъ совершенно пра-

¹⁾ Авторъ настоящей замѣтки надѣется помѣстить въ скоромъ времени болѣе обстоятельное изслѣдованіе о происхожденіи хронографа въ Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. Императорской Академіи Наукъ.

вильно поставилъ вопросъ о взаимномъ отношеніи обѣихъ названныхъ редакцій хронографа и доказалъ, что обѣ онѣ восходятъ къ одной общей, не дошедшей до насъ редакціи; эту редакцію онъ призналъ южнославянской, несмотря на нѣкоторыя встрѣченныя при этомъ затрудненія, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ толкованіе имени Александра: „Александръ по гречески речеса, по *русски* же глаголется избранъ“. Въ виду того, что Истрия ничѣмъ не подтвердилъ предположенія Попова о южнославянскомъ происхожденіи хронографа, главнымъ же или почти единственнымъ основаніемъ этого предположенія оказывается отсутствіе въ хронографѣ по редакціи Толстовскаго списка русскихъ лѣтописныхъ статей и извѣстій, останавлиуюсь нѣсколько подробнѣе именно на этой особенности указанной редакціи.

Замѣчательно, что всѣ извѣстные намъ списки этой редакціи (ихъ въ настоящее время открыто пять) дошли въ соединеніи съ выписками изъ польской хроники Мартина Бѣльскаго, помѣщенными вслѣдъ за статьей о взятіи Константинополя турками. Соединеніе съ указанными выписками не можетъ быть признано только внѣшнимъ и случайнымъ. Оно стоитъ въ тѣсной связи съ другой особенностью разсматриваемой редакціи: въ ней опущена вся та часть хронографа, которая основана на библейскихъ книгахъ, а именно весь текстъ до Александріи. Редакторъ задался очевидно цѣлью сосредоточить вниманіе читателя на судьбѣ европейскихъ народовъ; выпустивъ изъ своей компиляціи русскія статьи и извѣстія, онъ думалъ удовлетворить той же цѣли. Впрочемъ, мы можемъ удостовѣриться въ томъ, что устраненіе русскихъ статей и извѣстій сдѣлано редакторомъ умышленно. Что они были въ его оригиналѣ, видно изъ того, что кое-что по ошибкѣ или разсѣянности редактора осталось и въ новой компиляціи. При этомъ получается объясненіе цѣлому ряду несообразностей: съ одной стороны разсматриваемая редакція не упоминаетъ о крещеніи Руси или о нашествіи Батыея, а съ другой содержитъ извѣстія, что въ 1340 году Симеонъ Ивановичъ прибылъ изъ орды отъ царя „Изблса“ и сѣлъ на великомъ княженіи или о томъ, что въ 1355 году на великое княженъ сѣлъ Иванъ Ивановичъ. Эти русскіе лѣтописные обрывки по содержанію и языку тождественны съ соответствующими имъ извѣстіями редакціи 1512 года. Слѣдовательно, они были и въ основной редакціи хронографа, которая, разумѣется не въ обрывкахъ, а приблизительно въ томъ же объемѣ, какъ редакція 1512 года, содержала связанный разказъ о русскихъ событіяхъ.

Я не стану останавливаться здѣсь на подробныхъ доказательствахъ того, что въ спискахъ Толстовскомъ и сходныхъ имѣется не мало еще другихъ данныхъ для утвержденія, что въ хронографѣ, лежащемъ въ основаніи редакціи Толстовскаго списка, читались не только отрывочныя извѣстія изъ русскихъ лѣтописей, но также обширныя, историческаго содержанія статьи, какъ наприимѣръ повѣсть о нашествіи Батыя, Пименово хожденіе, разказъ о нападеніи на Москву Тамерлана и др. Но не могу не указать, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, на связь этой редакціи съ другимъ русскимъ памятникомъ—съ такъ называемою Костромскою лѣтописью или Русскимъ Временникомъ. Изученіе этого памятника показываетъ, что онъ въ ббльшей части своей представляется собраніемъ русскихъ статей, извлеченныхъ изъ хронографа: извлеченіе это сдѣлано довольно систематично, но не искусно, вслѣдствіе чего среди русскихъ извѣстій попадаются фразы, связанныя съ греческими статьями хронографа, какъ то: „При сего царствіи въ 16 лѣто царства его въ лѣто 6780-е сѣде на великое княжніе... Василій Ярославичъ“, или „при цари греческомъ Иванѣ Ватацѣ, обладающу въ Руси великому князю Георгію Всеволодовичу“ и т. д. Русскія извѣстія Русскаго Временника въ большинствѣ случаевъ оказываются тождественными съ извѣстіями хронографа редакціи 1512 года, но при этомъ открывается и ближайшая связь ихъ съ хронографомъ редакціи Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ: такъ здѣсь, какъ и въ указанной редакціи, находимъ извлеченіе изъ проложнаго житія Кирилла, первоучителя славянскаго, такъ здѣсь читается Пименово хожденіе, изъ котораго отдѣльныя фразы сохранились въ редакціи Толстовскаго списка. Отсюда неминуемо слѣдуетъ выводъ, что въ основаніи какъ Русскаго Временника, такъ и Толстовскаго и сходныхъ списковъ лежитъ одинъ общій оригиналъ—хронографъ съ собой редакціи, не тождественной съ редакціей 1512 года. Составитель редакціи Толстовскаго и сходныхъ списковъ, работавшій въ концѣ XVI вѣка на югѣ Россіи, а всего вѣроятнѣе въ Кіевѣ, исключилъ изъ этого хронографа почти всѣ русскія лѣтописныя статьи. Составитель Русскаго Временника, или протографа этого памятника, опустилъ въ своей компіляціи всѣ тѣ статьи хронографа, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ русской исторіи.

Итакъ съ редакціей хронографа 1512 года должна быть сопоставлена не дошедшая до насъ редакція Толстовскаго и сходныхъ списковъ, а другая, болѣе древняя редакція: она возстановляется при сравнительномъ изученіи Толстовскаго и сходныхъ списковъ съ

одной стороны, Русскаго Временника съ другой. При такой постановкѣ, рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ составленъ хронографъ—въ Россіи или у южныхъ славянъ—принимаетъ совершенно иной оборотъ: русскія статьи и извѣстія находятся въ обиліи не только въ дошедшей до насъ редакціи 1512 года, но также и въ той древней редакціи, которая лежитъ въ основаніи редакціи Толстовскаго и сходныхъ списковъ. Слѣдовательно, и основная редакція хронографа уже содержала русскія лѣтописныя извѣстія, пользовалась русскими историческими памятниками. Это обстоятельство само по себѣ не могло бы имѣть рѣшающаго значенія при отвѣтѣ на вопросъ о мѣстѣ происхожденія хронографа, такъ какъ русскія статьи могли быть вставлены при переходѣ его отъ южныхъ славянъ въ Россію и появиться, слѣдовательно, въ *основной* для дошедшихъ до насъ, а не въ *первоначальной* редакціи хронографа. Но это предположеніе наше о присутствіи русскихъ статей уже въ первоначальной редакціи хронографа должно сопоставить съ слѣдующимъ выводомъ, ближайшее доказательство котораго не можетъ быть предметомъ настоящаго краткаго сообщенія: въ основаніи хронографа лежитъ русская, такъ называемая 2-я редакція Еллинскаго лѣтописца. Выводъ этотъ бросается въ глаза всякому, кто начнетъ сравнивать хронографъ съ указаннымъ памятникомъ: онъ несомнѣнно былъ бы сдѣланъ и Поповымъ, если бы его не ввела въ заблужденіе мысль о болѣе позднемъ, чѣмъ хронографъ, происхожденіи Еллинскаго лѣтописца. Но послѣдующія открытія, сдѣланныя частью имъ самимъ, а частью другими изслѣдователями, обнаружили существованіе Еллинскаго лѣтописца 2-й редакціи въ спискахъ уже XV вѣка. Вотъ почему Истринъ, не колеблясь, выводитъ Александрію русскаго хронографа именно изъ этой редакціи Еллинскаго лѣтописца. Если же выводы: 1-й) о томъ, что уже въ первоначальной редакціи хронографа читались русскія статьи и извѣстія; 2-й) о томъ, что въ основаніи его лежитъ русская редакція Еллинскаго лѣтописца—если связать эти выводы во-первыхъ съ указаніемъ Ягича на то, что отсутствіе въ хронографѣ заимствованій изъ болгарскихъ и сербскихъ лѣтописей исключаетъ возможность допустить возникновеніе его въ Сербіи или Болгаріи, и во-вторыхъ съ еще ранѣе доказаннымъ въ изслѣдованіи Попова положеніемъ, что всѣ источники хронографа, не исключая и южнославянскихъ статей, извѣстны по русскимъ спискамъ, восходящимъ къ XV вѣку—если, говорю я, связать всѣ эти выводы и указанія, мы получимъ рядъ доказательствъ того, что хронографъ составленъ именно въ Россіи.

Но прежде чѣмъ окончательно принять это положеніе, надо взвѣснить и тѣ данныя, которыя говорятъ за южнославянское происхожденіе хронографа; отношу сюда во-первыхъ умѣлое пользованіе со стороны составителя хронографа обильнымъ количествомъ южнославянскихъ памятниковъ, какъ то житіемъ Саввы, житіемъ Стефана Дечанскаго, житіемъ Стефана Лазаревича, сербской Александріей и др., во-вторыхъ многочисленныя сербизмы, сохранившіеся въ древнѣйшихъ спискахъ хронографа: такъ въ житіи Иларіона Меглянскаго по одному списку хронографа XVI вѣка читаемъ путь вмѣсто плоть; такъ въ русскихъ извѣстіяхъ Святославъ и Святополкъ называются не только въ спискахъ редакціи 1512 года, но также и въ Русскомъ Временникѣ Цвѣтославъ, Цвѣтополкъ; такъ въ русскомъ извѣстии 1407 года во всѣхъ спискахъ хронографа, вмѣсто „а Москвичи были (или какъ въ Новгородской 4-й: быша) подъ Вязмою“, читаемъ „а Москвичи (или Москвичь) были подъ Вязмою“; такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти о Темирѣ Аксакѣ читалось елечаскій, турчаскій съ сербскимъ а вмѣсто русскаго е. Сообразивъ эти два обстоятельства: 1) начитанность въ сербской литературѣ, 2) сербизмы, проникшіе и въ русскія статьи хронографа, сообразивъ эти обстоятельства съ сдѣланнымъ выше выводомъ о томъ, что хронографъ составленъ въ Россіи, я нахожу возможнымъ согласовать ихъ при предположеніи, что хронографъ составленъ въ Россіи не русскимъ, а сербомъ. Такое предположеніе объяснить намъ во-первыхъ замѣчательное явленіе въ языкѣ, точнѣе письмѣ, хронографа, явленіе, которое правильнѣе всего назвать анти-сербизмами: оно состоитъ въ придачѣ русскимъ буквамъ сербскаго произношенія; такъ русскія буквы ол произносятся сербомъ какъ у (напримѣръ солнце—сунце, волк—вук); вотъ почему въ хронографѣ буквы ол изображаютъ звукъ у; напримѣръ, въ одномъ спискѣ XVI вѣка читаемъ: „оскорбляше игумена, и братію молчаше сухую въ монастырѣ“ вмѣсто мучаше; равнымъ образомъ русская буква а произносилась сербомъ какъ е; вотъ почему а служить въ хронографѣ для выраженія звука е: паче кедра сватаса, высокоывавъ и т. д.—читаемъ мы въ спискахъ XVI вѣка. Антисербизмы могутъ появиться только подъ перомъ серба, пишущаго въ Россіи, для русскихъ. Это же предположеніе объяснить намъ во-вторыхъ появленіе въ хронографѣ извѣстій, подобныхъ слѣдующему: царь Мануилъ прислалъ къ Василию Дмитріевичу, прося у него за себя дочь Анну. Василий Дмитріевичъ отпустилъ ее и царь Мануилъ совершилъ бракъ любочестенъ и всенароденъ въ Царствующемъ градѣ, а посланнымъ пиршество велико и

многоголотным трапезы; царствовалъ же Мануилъ 33 года и родилъ отъ Анны 6 сыновъ: Калуяна, Андроника, Феодора, Константина, Дмитрія и Оому. Въ этомъ извѣстїи все обличаетъ иноземца, пишущаго въ Россїи: употребляя выраженїе „многоголотны трапезы“, онъ подражаетъ только что внесенной въ хронографъ лѣтописи Манассїа, а говоря о бракѣ Мануила съ Анною, онъ *смѣшиваетъ* этотъ не существовавшій бракъ съ бракомъ его сына Іоанна, женатымъ на Аннѣ Васильевнѣ, умершей, какъ извѣстно, бездѣтною.

Рѣшенїе вопроса, кто же былъ тотъ ученый сербъ, который составилъ въ Россїи хронографъ, мы найдемъ прежде всего въ отвѣтѣ на другой вопросъ: когда именно составленъ хронографъ? Сравнительное изученїе редакціи 1512 года и редакціи не раздѣленной на главы показываетъ, что въ основной, первоначальной редакціи не было ни повѣсти, ни даже простаго упоминанїа о взятїи Царяграда. Дѣйстви-тельно, только этимъ можно себѣ объяснить, почему редакція 1512 года, содержащая подъ 1453 годомъ довольно обширный Плачъ о паденїи Царяграда, не сообщаетъ никакихъ данныхъ объ осадѣ и штурмѣ его. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть указанїе на то, что хронографъ составленъ до 1453 года. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе опредѣлить годъ его составленїа. Въ обѣихъ редакціяхъ хронографа приводится число лѣтъ, сколько царствовалъ тотъ или другой византїйскїй императоръ; при этомъ оказывается, что въ редакціи 1512 года русскїя событїа располагаются по числу лѣтъ этихъ царствованїй; такъ въ царствованїи Михаїла Палеолога, продолжавшемся 24 года, разказываются русскїя событїа 24 соотвѣтствующихъ лѣтъ, въ царствованїи Андроника Палеолога, продолжавшемся, по хронографу, 44 года, наложены русскїя событїа 44 лѣтъ. Относительно Іоанна Палеолога объ редакціи свидѣлствуютъ, что въ первоначальной основной редакціи число лѣтъ его царствованїа опредѣлялось 17-ю: въ Толстовскомъ и сходныхъ спискахъ прямо указывается, что онъ царствовалъ 17 лѣтъ, а въ спискахъ редакціи 1512 года въ его царствованїи наложены русскїя событїа семнадцатилѣтняго періода, отъ 1425 до 1441 года; между тѣмъ извѣстно, что Іоаннъ VIII Палеологъ царствовалъ 23 года и 3 мѣсяца. Число 17 лѣтъ вмѣсто 23 л. и 3 м. (хронографъ точно означаетъ и число мѣсяцевъ при царствованїяхъ византїйскихъ императоровъ) нельзя объяснить простою ошибкой. Очевидно, составитель хронографа свидѣлствовалъ о томъ, что работалъ надъ нимъ на 18-й годъ царствованїа Іоанна, то-есть въ 1442 году. Итакъ ученый сербъ составилъ хронографъ въ Россїи въ 1442 году. Мнѣ ка-

жется очевиднымъ, что этимъ сербомъ могъ быть Пахомій Логоетъ, священноинокъ Деонскаго монастыря, прибывшій въ Россію въ великое княженіе Василя Васильевича. Что Пахомій уже въ 1442 году могъ быть въ Россіи, объ этомъ свидѣлствуютъ двѣ его записи на одной рукописи Троице-Сергіевой Лавры: изъ нихъ одна относится къ 1443, а другая къ 1445 году.

Но помимо этой внѣшней связи, между хронографомъ и Пахомиемъ открывается еще болѣе тѣсная, внутренняя связь. Существенною принадлежностью хронографа, которую находимъ какъ въ редакціи 1512 года, такъ и въ Русскомъ Временникѣ, оказывается обширная статья о нашествіи татаръ; она начинается плачемъ, составленнымъ не безъ вліянія одной изъ сербскихъ статей хронографа, и содержитъ данныя, извлеченныя изъ русскихъ лѣтописей. Но въ концѣ ея находимъ неизвѣстную изъ древнихъ лѣтописей повѣсть объ убіеніи Батыя. Содержаніе повѣсти слѣдующее—Батый нападаетъ на Угорскую землю, но терпитъ здѣсь пораженіе и получаетъ смерть отъ короля Власлова, котораго крестилъ Савва Сербскій; Власлову, переименованному при крещеніи Владиславомъ, поставленъ за этотъ подвигъ памятникъ въ Вараждинѣ.

Эта же повѣсть сопровождаетъ Пахомиеву передѣлку Сказанія о мученіи Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳедора. Ключевскій слѣдующимъ образомъ отзывается объ этой повѣсти: „сухое и книжное изложеніе поощадило въ ней нѣкоторые поэтическіе мотивы, но которымъ легко заключить, что это—народная южнославянская пѣсня о Батыѣ, въ книжной обработкѣ пущенная пришлымъ сербомъ въ древнюю нашу письменность“. Дѣйствительно, самый языкъ повѣсти обличаетъ южнаго славянина; сравните употребленіе въ ней слова планина въ смыслѣ горы, покрытой лѣсомъ: „Батыю же бѣжащу ко угорскимъ планинамъ“. Но конечно, южнославянская пѣсня или преданіе ничего не знали о Батыѣ: они говорили только о подвигѣ Владислава, отразившаго татаръ и поразившаго ихъ военачальника. Приуроченіе этого преданія къ Батыю совершилось, очевидно, въ Россіи и именно, какъ указалъ Ключевскій, сербомъ Пахомиемъ. При этомъ связь повѣсти съ хронографомъ, со всей статьей о нашествіи на Россію татаръ, тѣснѣе, чѣмъ связь ея съ Сказаніемъ объ убіеніи Михаила Черниговскаго: допустивъ, что авторомъ повѣсти былъ Пахомій, мы должны приписать ему же составленіе и всей повѣсти умилной о нашествіи злочестиваго царя Батыя на русскую землю, а это равносильно признанію его составителемъ хронографа.

Связь Пахомія съ хронографомъ подтверждается и съ другой стороны. Во-первыхъ, повидимому, именно ему принадлежалъ тотъ сборникъ XV вѣка нѣкогда Волоколамскаго монастыря, а нынѣ Московской Духовной Академіи, гдѣ содержатся почти всѣ сербскіе источники хронографа, какъ-то Паралипоменъ Зонаринъ, житіе Стефана Лазаревича, житіе Стефана Дечанскаго, житіе Иларіона Медлинскаго и сербская Александрія; сборникъ этотъ писанъ различными почерками, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ внесли въ текстъ не мало руссизмовъ, а другіе точно сохранили особенности сербскаго письма; ясно, что надъ перепиской или составленіемъ сборника трудились не только русскіе, но и сербы, при чемъ опять таки мы должны вспомнить о Пахоміи. Во-вторыхъ, языкъ той самой рукописи Троице-Сергіевой Лавры, гдѣ находятся записи Пахомія, сходенъ съ языкомъ первоначальной редакціи хронографа, представляя такіе же поразительные антисербизмы, какъ указанные выше молчаше вмѣсто мучаше, высоковыявъ вмѣсто высоковыевъ и т. д.: ср. въ этой рукописи написанія, какъ трепащущаго, принесате, начнать съ А, написанія свидѣтельствующія о томъ, что рукопись вышла изъ подъ пера серба, работавшаго въ Россіи.

Вспомнивъ обширную литературную дѣятельность Пахомія, его начитанность и поразительное трудолюбіе, его умѣніе обрабатывать чужія произведенія, мы съ полной увѣренностью, даже безъ представленныхъ выше доказательствъ, могли бы остановиться на предположеніи о томъ, что составителемъ хронографа былъ именно этотъ ученый сербъ, занимающій столь видное и заслуженное мѣсто въ исторіи нашей словесности.

А. Шахматовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Beiträge zur Alterthumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr.) hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonniell. 2 Band (IV+506—1104 стр.). St. Petersburg 1897.

Покойный нынѣ авторъ объемистаго двухтомнаго труда подъ приведеннымъ заглавіемъ такъ опредѣлялъ его задачу въ началѣ предисловія къ первому тому, вышедшему въ 1882 году: „Хотя нѣкоторые выдающіеся историки считаютъ исторію степныхъ народовъ мало заслуживающею вниманія, такъ какъ образъ ихъ жизни остается неизмѣннымъ въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій, однако ученый міръ съ постоянно возрастающимъ рвеніемъ занимается изслѣдованіями о понтійскихъ скимаехъ и сарматахъ. Ибо они разнообразными способами связываются отчасти съ ближайшимъ интересомъ къ отдѣльнымъ народностямъ (именно къ славянамъ, литовцамъ, германцамъ, кельтамъ, чуди), отчасти съ болѣе отдаленнымъ по времени и пространству интересомъ къ классической или восточной древности. Но всѣ эти изслѣдованія въ концѣ концовъ ведутъ къ трудно разрѣшимой общей задачѣ—точно изслѣдовать теченіе многихъ народныхъ переселеній изъ Азіи въ Европу или по Европѣ, а также переходы европейскихъ народностей отъ ихъ доисторическаго первоначальнаго быта въ собственно историческое состояніе. Такъ какъ при этихъ полуисторическихъ событіяхъ главные роли играли именно тѣ народы, которые въ теченіе многихъ столѣтій бродили какъ кочевники или жили осѣдло въ восточной Европѣ, западной Сибири и центральной Азіи, то-есть въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, то они должны быть главнымъ предметомъ именно русскаго археологическаго

ислѣдованія. Вкладомъ къ разрѣшенію многихъ возникающихъ для него вопросовъ должно служить начатое въ подлежащемъ трудѣ сопоставленіе всего того, что сообщаютъ намъ древніе греческіе и римскіе писатели о земляхъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго Русскаго государства и о нѣкоторыхъ пограничныхъ съ нимъ“.

Въ первомъ томѣ труда, посвященнаго разрѣшенію поставленной авторомъ задачи, съ частнымъ заглавіемъ „Herodot, seine Vorgänger und einige spätere Schriftsteller“, преимущественное вниманіе автора сосредоточивалось на разборѣ извѣстій Иродота о Скиѣи и на разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ этимъ разборомъ.

Этотъ томъ раздѣленъ на 12 параграфовъ, изъ коихъ нѣкоторые сопровождаются еще дополненіями въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ примѣчаній о литературѣ предмета и нѣкоторыхъ детальныя данныхъ. Въ § 1 изложены извѣстія о Скиѣи и сосѣднихъ съ нею земляхъ, встрѣчающіяся у греческихъ писателей, жившихъ раньше Иродота: у Омира, Исіода, кикляковъ, Аристея Прокопниискаго, Пиндара, логографовъ и др. Второй параграфъ представляетъ общую характеристику Иродота, преимущественно какъ повѣствователя о Скиѣи и сосѣднихъ съ нею странахъ. Въ § 3 изложены и разсмотрѣны свидѣтельства Иродота о величинѣ и границахъ Европы, а также о Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ и о рѣкѣ Араксъ. Разбору свидѣтельствъ о размѣрахъ и орошеніи Скиѣи и омѣстахъ жительства народовъ между Истромъ (Дунаемъ) и Танандомъ (Донемъ) посвященъ § 4-й. Въ слѣдующемъ § разсматриваются извѣстія Иродота о народахъ, жившихъ къ востоку отъ Танаида, о торговыхъ путяхъ въ центральную Азію, о климатѣ Скиѣи и объ Иперборейяхъ; въ § 6—извѣстія о покореніи скиеовъ и еракійцевъ египетскимъ царемъ Сесострисомъ, а затѣмъ скиескія и олинскія преданія о происхожденіи скиеовъ. Параграфъ 7-й посвященъ разсмотрѣнію извѣстій Иродота и другихъ писателей о вытѣсненіи киммерійцевъ скиеями и о временномъ господствѣ обоихъ этихъ народовъ въ Азіи. Затѣмъ въ § 8 авторъ разбираетъ извѣстія Иродота и другихъ писателей о походѣ персидскаго царя Кира I на массагетовъ и о родственныя съ послѣдними племенахъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, а въ § 9 — о походѣ Даріи I на европейскіхъ скиеовъ. Параграфъ 10-й заключаетъ въ себѣ извѣстія о религіозныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ скиеовъ-сарматовъ и нѣкоторыхъ родственныя съ ними народовъ. Въ § 11 авторъ заканчиваетъ обзорніе труда Иродота из-

вѣстіями его о скивахъ Скилѣ и Октамасадѣ, затѣмъ сопоставляетъ извѣстія Иродота, Фукидида, Ксенофонта и др. писателей о Фракіи. Послѣдній (12-й) параграфъ посвященъ изложенію соображеній автора объ языкѣ скивовъ-сарматовъ и заключительнымъ выводамъ.

Изъ этого краткаго перечня содержанія перваго тома труда Боннеля очевидно, что авторъ всесторонне разсмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ извѣстія Иродота, а также предшествующихъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ греческихъ писателей о Скиіи и сосѣднихъ съ нею странахъ. Нельзя, однако, сказать, что этотъ нелегкій и весьма кропотливый трудъ исполненъ авторомъ во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Авторы трехъ появившихся въ свое время рецензій этого тома¹⁾, которымъ нельзя отказать въ полной компетентности и безпристрастїи, въ своихъ приговорахъ указали не мало такихъ фактовъ, которые не могутъ не вредить достоинству книги. Такъ, наприимѣръ, г. В. А., особенно сочувственно привѣтствовавшій трудъ Боннеля, отзываясь объ его выводахъ такъ: „Выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленныхъ какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими приемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Иродота объ этнографіи и исторіи Скиіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе установить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько-нибудь достовѣрный“.

Рецензентъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ своемъ пространномъ отзывѣ нѣсколько разъ выразивъ принципиальное

¹⁾ В. А. въ *Кіевской Старинѣ* за июль 1882 г., стр. 167 — 171; 2) О. Г. Мищенко въ (Кіевскихъ) „Унив. извѣстіяхъ“ 1882 г., № 11, стр. 459 — 485 и 1883, № 9, стр. 500—517, подъ заглавіемъ „Къ вопросу объ этнографіи и географіи Геродотовой Скиіи“ (изъ сожалеяю статья не окончена); 3) В. Ш. въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за июль 1883 г., стр. 67—105.

несогласіе съ тѣми или другими взглядами и выводами автора, въ заключительномъ резюме говорить слѣдующее: „Расходясь съ г. Боннелемъ въ окончательныхъ выводахъ о народности скивоуъ и сарматовъ, мы не можемъ не высказаться съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ его изслѣдованію. Его работа, по обилію матеріала, составляетъ весьма полезную справочную книгу. Мы сожалѣемъ, что онъ слишкомъ упорно, подѣ конецъ, придерживался своего преждевременнаго вывода о скинизмѣ предковъ великаго германскаго народа и слишкомъ часто повторялъ свою, конечно, не безспорно доказанную гипотезу“ и т. д. Кромѣ того В. III., подобно рецензенту *Кіевской Старины*, сожалѣетъ о томъ, что Боннель совершенно исключалъ изъ рамокъ своего изслѣдованія матеріалъ собственно археологической.

Еще строже отнесся къ труду Боннеля проф. О. Г. Мищенко, переводившій въ то время на русскій языкъ исторію Иродота и доказавшій свой живой интересъ къ сообщаемымъ „отцомъ исторіи“ и другими авторами извѣстіямъ о Скиѣи въ цѣломъ рядѣ специальныхъ монографій¹⁾. Въ самомъ началѣ своей рецензіи онъ заявилъ, что „несмотря на весьма значительный объемъ книги и видимую полноту содержанія, настоящій трудъ во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ“. Разсматривая, далѣе, шагъ за шагомъ содержаніе книги Боннеля и нерѣдко сопровождая это разсмотрѣніе изложеніемъ собственныхъ соображеній или результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій въ данной области, проф. Мищенко во многихъ случаяхъ высказываетъ заключенія, мало говорящія въ пользу разсматриваемаго труда. Мы не будемъ приводить здѣсь эти заключенія, такъ какъ полагаемъ, что и указанныхъ нами отзывовъ достаточно для характеристики перваго тома труда Боннеля.

Обратимся къ вышедшему въ 1897 г. второму тому. Онъ представ-

¹⁾ Укажемъ слѣдующія статьи г. Мищенка: 1) Торговля сношенія Аѣнискіи республики съ царями Веспора (*Кіевскія Унив. Извѣстія* 1878, № 7); 2) Опыты этнологіи съ помощью этимологіи (*тамъ-же*, 1888, № 6); 3) Къ вопросу о царскихъ скивахъ (*Кіевскія Старина* 1884, № 5); 4) Къ вопросу о Геродотовыхъ скивахъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1884, № 7); 5) Бытъ ли Геродотъ въ предѣлахъ южной Россіи (*Кіевскія Старина* 1886, № 6); 6) Легенды о царскихъ скивахъ у Геродота (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1886, № 1); 7) Рецензія на соч. А. С. Лапо-Данилевскаго „Скискія древности“ (*тамъ-же*, 1888, № 9); 8) Этнографія Россіи у Геродота (*тамъ-же*, 1896, № 5); 9) Извѣстія Геродота о вѣ-скиевскихъ земляхъ Россіи (*тамъ-же*, 1896, № 11).

ляетъ собою *opus postumum*, такъ какъ появился въ свѣтъ черезъ 4 года послѣ смерти автора, скончавшагося 17-го мая 1893 года. Печатаніе труда закончено, по просьбѣ семьи покойнаго, однимъ изъ почтенныхъ нашихъ историковъ, докторомъ А. О. Эрманомъ. Въ краткомъ „Nachwort“ на стр. 1098 г. Эрманъ сообщаетъ, что покойный авторъ приступилъ къ печатанію II-го тома вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ I-го тома, въ 1882 г. Послѣ отпечатанія 49-го листа въ 1887 г. другія работы принудили автора отложить окончаніе печатанія (которое, по видимому, и не возобновлялось до его кончины). Собранныя авторомъ извѣстія древнихъ писателей о Скиѣи и пограничныхъ съ нею земляхъ въ рукописи доходили до географіи Птолемэя. Для того, чтобы приблизиться къ обозначенному въ заглавіи конечному термину, 400 г. по Р. Хр., г. Эрманъ счелъ своею обязанностию прибавить важную рѣчь Діона о Борисеевитахъ по концепту автора и нѣсколько извлеченій изъ Амміана Марцеллина уже прямо отъ себя, а также присоединилъ указатель важнѣйшихъ собственныхъ именъ.

По пагинаціи и дѣленію на параграфы второй томъ представляетъ собою непосредственное продолженіе перваго. Онъ дѣлится на 17 параграфовъ (13 — 29), изъ коихъ два послѣдніе, содержащіе въ себѣ извлеченія изъ Борисеевитской рѣчи Діона Хрисостома и изъ Амміана Марцеллина, прибавлены А. О. Эрманомъ, а изъ остальныхъ пятнадцати, принадлежащихъ покойному автору, одиннадцать заключаютъ въ себѣ (въ нѣмецкомъ переводѣ) извлеченія извѣстій о Скиѣи изъ длиннаго ряда писателей греческихъ и латинскихъ, начиная отъ современниковъ Иродота и кончая географіей Кл. Птолемэя, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ по времени жизни писателей, одинъ (§ 14, стр. 540—586) посвященъ описанію борьбы Александра Великаго и діадоховъ со скиоскими и нѣкоторыми соседними имъ племенами по извѣстіямъ Птолемэя, Аристовула и другихъ писателей, остальные же три представляютъ собою болѣе или менѣе обработанныя историческія или этнографическія изслѣдованія, основанныя на сопоставленіи всѣхъ историко-литературныхъ, ешиграфическихъ, нумизматическихъ и другихъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ разсматриваемымъ вопросамъ. Такъ, въ § 16 (стр. 629 — 691) мы находимъ подробную монографію по исторіи Воспорскаго царства съ V вѣка до временъ Мверидата VI; къ этому параграфу непосредственно примыкаетъ (§ 17, стр. 691 — 785) такая же монографія о жизни и дѣятельности Мверидата VI съ прибавленіемъ нѣсколькихъ страницъ о сынѣ его Фарнакѣ, шестнадцать лѣтъ сидѣвшемъ на

престолѣ Воспорскаго царства. Наконецъ § 22 (стр. 980—996) трактуетъ „о племенномъ родствѣ Даковъ-Гетовъ съ нынѣшними европейскими народностями и о такъ называемыхъ дакійскихъ названіяхъ растеній у Діоскоріда“.

Такая двойственность состава книги, какъ намъ представляется, принадлежитъ къ числу ея недостатковъ: на нашъ взглядъ было бы гораздо лучше, если бы авторъ далъ намъ или полное собраніе извлеченій изъ авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ по времени ихъ жизни, предоставляя читателямъ самимъ выбирать то, что имъ нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, или систематизировалъ эти извлечения подъ отдѣльными рубриками, или, наконецъ, давъ сначала полный сводъ извлеченій, потомъ присоединилъ бы къ нему монографическую разработку отдѣльныхъ вопросовъ, въ которой ему пришлось бы уже только цитировать данныя, помѣщенные въ сводѣ, а не воспроизводить ихъ цѣликомъ, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, прерывая, на примѣръ, связанный разказъ объ историческихъ событіяхъ въ Воспорскомъ царствѣ цѣлыми страницами выдержекъ изъ рѣчей Исократы и Димосеена.

Обращаясь, послѣ этого краткаго предварительнаго замѣчанія, къ ближайшему ознакомленію съ богатымъ содержаніемъ второго тома труда Боннеля, мы начнемъ именно съ указанныхъ четырехъ параграфовъ, обработанныхъ монографически. Первый изъ нихъ (§ 14), какъ уже замѣчено, содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ выдѣленные изъ общей хронологической послѣдовательности писателей извлечения изъ Арріана о тѣхъ походахъ Александра Великаго, которые такъ или иначе соприкасались съ народами, входившими въ предѣлы изслѣдованій нашего автора. Свой взглядъ на трудъ Арріана авторъ высказываетъ въ началѣ параграфа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Извѣстія о борьбѣ Александра Великаго со скинскими и сосѣдними имъ народами лучше всего переданы намъ въ трудѣ Арріана Ἀνάβασις; Ἀλεξάνδρου (De expeditione Alexandri). Въ предисловіи къ нему Арріанъ говоритъ, что онъ признаетъ вполне достовернымъ и разказываетъ то, въ чемъ извѣстія спутниковъ Александра—Птолемѣя сына Лагова и Аристовула сына Аристовулова согласны между собою, а изъ того, въ чемъ они расходятся, выбираетъ болѣе вѣроятное и примѣчательное. При этомъ онъ ссылается и на другихъ, менѣе достоверныхъ писателей. Поэтому мы имѣемъ право принять, что трудъ Арріана о походахъ Александра Великаго [почти?] вполне составленъ изъ достоверныхъ извѣстій современниковъ Александра

[и быть можетъ тамъ и самъ изъ болѣе или менѣе критически разсмотрѣнныхъ позднѣйшихъ историческихъ источниковъ?]¹⁾ Въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ прибавляетъ, что онъ приводитъ предисловіе Арріана, какъ достаточное основаніе къ тому, что онъ пользовался только его трудомъ для своихъ извлеченій, и указываетъ для другихъ источниковъ объ Александрѣ Великомъ „превосходно написанную“ исторію Дройзена.

Затѣмъ авторъ переводитъ разказъ Арріана о борьбѣ Александра съ трибаллами и гетами (I, 1—3) и представляетъ длинный рядъ выписокъ о походахъ Александра въ Азію, начиная съ битвы при Гавгамелахъ (III, 7 сл.) и кончая возвращеніемъ Александра въ Вавилонъ (VII, 15—16) и его смертью (VII, 28). Всѣ переводы даны почти безъ всякихъ объяснительныхъ примѣчаній. Только на стр. 570 авторъ приводитъ изъ Ae. XIII p. 575a переводъ разказа Харита Митилинскаго о любви Заріадры и Одатиды, предполагая, что этотъ разказъ могъ быть написанъ Харитомъ съ намекомъ на бракъ Александра съ Роксаною, и на стр. 573 дѣлаетъ маленькій критическій экскурсъ по вопросу о свиданіи Александра съ амазонскою царицею Фалистрией. Количество приведенныхъ авторомъ выписокъ, какъ намъ кажется, можно было бы значительно сократить, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ никакого прямого отношенія къ Скиѣи, взятой даже въ самомъ широкомъ смыслѣ, или заключаютъ въ себѣ лишь совершенно случайныя упоминанія о скивоухъ. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ еще нѣсколько выписокъ изъ Фотіева изложенія содержанія потеряннаго труда Арріана τὰ μετὰ Ἀλέξανδρονъ и отмѣчаетъ въ подстрочномъ примѣчаніи данныя о Скиѣи и сосѣднихъ странахъ, заключавшіяся въ недодешедшихъ до насъ сочиненіяхъ современныхъ Александру и діадохамъ писателей: Онискрита, Аристовула, Ираклида Понтійскаго, Дикзарха, Палэфата, Андрона, Екатэя Авдирскаго, Нимфодора Сиракусскаго, Мегасеена, Патрокла и друг.

Конецъ параграфа, послѣ краткаго упоминанія о походѣ Зоупріона въ Скиѣю (въ достовѣрности котораго авторъ сомнѣвается, „weil sie mehrere Jahrhunderte später überliefert ist“), занятъ разказомъ о дѣятельности Лисимаха во Фракіи, при чемъ авторъ въ изложеніи этой дѣятельности и объясненіи относящихся къ ней свѣдѣтельствъ древнихъ близко слѣдуетъ за Дройзеномъ.

Разсмотрѣнный параграфъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ

¹⁾ Вопросы, заключенные въ прямые скобки, принадлежатъ автору.

Скпеин. Для всякаго изслѣдователя отдаленнаго прошлаго земель, входящихъ нынѣ въ составъ Россійскаго государства, и въ особенности судебъ еллинской культуры на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, несравненно болѣе важенъ § 16, въ которомъ изложена исторія Воспорскаго царства съ V вѣка до 100 г. до Р. Хр. Къ сожалѣнію, этотъ параграфъ входитъ еще въ ту часть книги, которая, по сообщенію А. Θ. Эммана, окончена печатаніемъ уже въ 1887 году. На основаніи приводимыхъ авторомъ цитатъ можно утверждать даже, что она написана значительно раньше и при печатаніи ея авторъ не могъ или не желалъ обращать вниманіе на новыя изслѣдованія, относящіяся къ данной области. А между тѣмъ именно по исторіи Воспорскаго царства въ послѣднія 15 лѣтъ сдѣлано довольно много новаго, особенно по части сигграфіки и нумизматики, не говоря уже объ археологическомъ матеріалѣ, которымъ нашъ авторъ такъ же мало интересовался во 2-мъ томѣ, какъ и въ первомъ.

Бывшій въ Одессѣ въ августѣ 1884 года шестой археологическій съѣздъ послужилъ поводомъ къ изданію цѣлаго ряда трудовъ по воспорской нумизматикѣ: объемистый сборникъ покойнаго П. О. Бурачкова¹⁾ и труды А. М. Подшивалова, А. В. Орѣшникова, X. X. Гиля, Имгофъ-Блюмера и др.²⁾ являются необходимыми настольными пособіями для всякаго интересующагося воспорскою нумизматикой вообще и въ частности монетами Спартокидовъ (на которыя не могъ не обра-

¹⁾ П. О. Бурачковъ, Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ, жившихъ въ древности на югѣ Россіи. Ч. I: Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ сѣвернаго берега Чернаго моря. Одесса, 1884.

²⁾ Podschivalow, Beschreibung der unedierten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica u. Bosporus Cimmerius. Moskau, 1882 (то же на русскомъ языкѣ).—*Юно-же*, Monnaies des rois du Bosphore Cimmerien. Dynasties des Spartocides et des Achemenides. M. 1887 (то же на русскомъ языкѣ въ *Зам. Од. Общ. ист. и древн.* т. XV).—*Юно-же*, Нумизмат. кабинетъ Моск. Публ. и Румянцовскаго музеевъ. Вып. I. М. 1884.—*Орѣшниковъ*, Босфоръ Киммер. въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. М. 1884 (перенес. въ *Труды VI арх. съезда*, т. II, стр. 80—108).—*Юно-же*, Каталогъ собранія древностей графа А. С. Уварова, вып. VII: Монеты Воспорскаго царства и древне-греч. городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. М. 1887.—*Chr. Giel*, Ueber die Bospor. Münzen mit den Monogrammen etc., St.-Petersb. 1884 (то же на русскомъ яз. въ *Труды VI арх. съезда*, т. II, стр. 104—113).—*Юно-же*, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, M. 1886.—*Юно-же*, Новыя пріобрѣтенія моего собранія въ *Зам. И. Русскаго Арх. Общ.* н. с. т. V (1891).—*Imhoof-Blumer*, Porträtköpfe auf ant. Münzen, Leipzig. 1885.

тять вниманія и Боннель) и отодвигаютъ далеко на задній планъ работы нумизматовъ предшествующихъ поколѣній. Что касается до эпиграфики, то вышедшій въ 1890 году полный сборникъ надписей Воспорскаго царства ¹⁾ представляетъ большинство эпиграфическихкихъ памятниковъ въ новыхъ копіяхъ и устраняетъ не мало ложныхъ или неточныхъ чтеній и толкованій; въ введеніи къ этому сборнику пишущимъ настоящія строки данъ очеркъ всей исторіи Воспорскаго царства. Въ послѣдніе годы появились въ западной наукѣ еще два такихъ же очерка ²⁾. Наконецъ и относительно литературныхъ источниковъ исторіи Воспорскаго царства послѣднее 15-лѣтіе не осталось вполне бесплоднымъ: обрабатываемое Фр. Фогелемъ новое изданіе Діодора принесло съ собою важную новость относительно преемства первыхъ Спартокидовъ ³⁾. Очевидно, что обзоръ исторіи Воспорскаго царства, въ которомъ не могли быть приняты во вниманіе указанные труды и который появляется въ свѣтъ десять лѣтъ спустя послѣ напечатанія, не можетъ не быть признанъ устарѣвшимъ для настоящаго времени и не только не можетъ замѣнить собою новые обзоры, но и стать рядомъ съ ними.

Авторъ знакомъ со всѣми источниками исторіи Воспорскаго царства, какъ литературными, такъ и эпиграфическими и нумизматическими, но способъ его пользованія ими не всегда можетъ быть одобренъ. Особенно въ пользованіи надписями чувствуется непривычка автора къ обращенію съ этого рода документами: иногда онъ цитируетъ надписи по плохимъ изданіямъ вмѣсто авторитетныхъ (напримѣръ, на стр. 678 надписи, относящіяся къ Пэрисаду, сыну Спартока, цитируются по Ашику, а изданія Бека въ *C. I. Gr.* pp° 2007, 2107 b, 2120 b указываются только въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ), въ другихъ случаяхъ обнаруживаетъ незнакомство съ новѣйшими изданіями надписей, болѣе полными и точными, нежели цитируемыя имъ (напримѣръ, извѣстный аонскій докретъ въ честь царя Спартока, сына Евмила, обязательно было цитировать не по *C. I. Gr.* I, n° 107, а по *C. I. Att.* II, n° 311, гдѣ къ фрагменту, изданному Бекомъ, прибавленъ отрывокъ начала декрета съ именемъ архонта-

¹⁾ *Inscriptiones ant. orae septentr. Ponti Euxini graecae et latinae.* Vol. II: *inscriptiones regni Bosporani.* Ed. *B. Latyschev.* Petrop. 1890.

²⁾ *K. Ortman,* *De regno Bosporano Spartocidarum.* Diss. Hal. 1894.—*Bran-dis* въ *Pauhy-Wissowa,* *Real-Encyclop. d. class. Altertumswissensch. s. v. Bosporos* (34—35 Lief.).

³⁾ Объ этомъ мы скажемъ ниже.

эпонима). Что касается до источниковъ литературныхъ, то, какъ уже было нами мимоходомъ замѣчено, авторъ неоднократно вставляетъ въ свой связный историческій разказъ цѣлыя страницы переводовъ изъ древнихъ авторовъ, крайне затрудняющія усвоеніе его разказа. Такъ, напримѣръ, на стр. 624 — 633 чуть не цѣликомъ переведена „банкирская рѣчь“ Исократы, на стр. 643 — 646 приводятся большія выдержки изъ рѣчи Димосеена противъ Лептина и на стр. 656—663 изъ его же рѣчи пр. Форміона, на стр. 657—8 въ подстрочномъ примѣчаніи данъ переводъ нѣсколькихъ параграфовъ изъ рѣчи противъ Лакрита. Всѣ эти рѣчи, хотя и весьма интересныя въ общемъ для исторіи Веспора, заключаютъ въ себѣ такія мелкія частности, которыми вовсе не мѣсто въ связномъ историческомъ разказѣ, а только въ приложеніи къ нему; въ текстѣ же разказа слѣдовало помѣстить только тѣ выводы и заключенія, которыя можно извлечь изъ нихъ для исторіи Веспорскаго царства.

Степень самостоятельности автора въ разработкѣ различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ веспорской исторіи весьма различна. Во многихъ случаяхъ онъ принимаетъ на вѣру мнѣнія и выводы своихъ предшественниковъ, иногда просто приводитъ ихъ мнѣнія, хотя бы они рѣзко противорѣчили одно другому ¹⁾, но нерѣдко также самостоятельно разбираетъ тѣ или другіе вопросы и высказываетъ заключенія, отличныя отъ мнѣній другихъ писателей. Считаемо полезнымъ остановиться на нѣсколькихъ пунктахъ такого рода, такъ какъ они представляютъ наиболѣе вѣскія данныя для сужденія о разсматриваемомъ нами трудѣ.

На стр. 623 авторъ говоритъ, что онъ не можетъ согласиться съ предположеніемъ Де-Боза, Каря, Бека и др. о томъ, что Спартокъ, отецъ Сатира, былъ сыномъ Селевка и, стало быть, вторымъ властителемъ съ этимъ именемъ. Аргументація автора противъ этого предположенія такова: „Вѣдь Селевкъ не называется сыномъ Спартока I, а напротивъ пѣкій Спартокъ (ein Spartokos) — отцомъ Сатира; почему же этотъ Спартокъ не можетъ быть тождественъ съ Спартокомъ I? Почему Сатиръ, если онъ при смерти своего отца (именно Спартока I)

¹⁾ Такъ, напримѣръ, на стр. 620 въ примѣчаніи онъ приводитъ безъ всякаго съ своей стороны отзыва мнѣнія Бека, Кёне и Григорьева о времени основанія Пантикалея, на стр. 623 въ примѣчаніи — мнѣнія Григорьева и князя Сибирскаго о чеданкѣ монетъ при Археанактидахъ, на стр. 622—623 въ текстѣ — предположенія Бека объ Археанактидахъ съ замѣчаніемъ, что не имѣетъ ничего противъ нихъ, и т. д.

былъ несовершеннѣйшимъ, не могъ быть въ теченіе нѣкотораго времени устраненъ отъ правленія? Не выступили ли, можетъ быть, послѣ Археанактидовъ нѣкоторые оптиматы, которые домогались верховной власти и отъ которыхъ получили ее сначала Спартокъ I и затѣмъ Селевкъ? И въ то же время вѣдь и аеиняне имѣли еще известную силу на Воспорѣ, какъ владѣтели Νόμφαιον'а, который аеинянинъ Гиловъ передалъ (вѣроятно Сатиру).²⁾ На основаніи этихъ соображеній авторъ вмѣсто правленія Спартока II принимаетъ „междоцарствіе“ между Селевкомъ и Сатиромъ I въ теченіе 21 года. Но, спрашивается, чѣмъ же это предположеніе о междоцарствіи вѣроятнѣе предположенія о Спартокѣ II? Не проще ли было сказать, что время между Спартокомъ I и Сатиромъ I остается для насъ пелеными?³⁾

На стр. 641—2, приведя известный разказъ о передачѣ дѣдомъ оратора Демосеена, Гилономъ, мѣстечка Нимфэя владѣтелю Воспора, о женитьбѣ его на богатой скиеянкѣ и о замужествѣ дочерей его, авторъ заключаетъ: „Aus dem Gesagten geht hervor, dass Leukon und jeder von seinen Söhnen leicht mit Demosthenes in Verbindung treten, und dass dieser deren Agent (fast möchte ich sagen: deren diplomatischer ²⁾ Agent) in Athen werden konnte“, Это предположеніе на стр. 665 уже выставляется авторомъ какъ положительный фактъ и изъ него дѣлается новый выводъ: „Aus dem Freundschaftsverhältniss der bosphoranischer Herrscher mit Athen und mit Demosthenes, *der gleichsam ihr Procurator oder ihr politischer Agent war* ³⁾, folgere ich noch, dass jene eher Gegner als Freunde der makedonischen Könige Philipp und Alexander waren.“ Нельзя не замѣтить, что здѣсь нашъ авторъ, какъ говорится, хватилъ черезъ край и приписалъ знаменитому оратору то, въ чемъ прямо не обвинялъ его даже заклятый врагъ его

¹⁾ Въ настоящее время, на основаніи новыхъ цифровыхъ данныхъ изъ сод. Patm. въ Фогелевомъ изданіи Діодора, можно принять, что Сатиръ I властвовалъ съ 488 г. и что не было ни Селевка, ни Спартока II, ни междоцарствія. Ср. объ этомъ нашу ст. „Къ исторіи Веспорскаго царства“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за июнь 1894 г., стд. кл. фм. стр. 81—85. Одновременно съ нами нѣмце высказываетъ *Brandis* въ *Pauky-Wissowa, Real-Encyclop.* v. v. Воврого, ст. 758 сл. Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что если у Diod. XIV, 93, 1 оставить чтеніе сод. P. теттарихонта теттара, то-есть не исключать вмѣстѣ съ Фогелемъ теттара, а напротивъ прибавить теттара и въ XII, 36, 1, то мы получимъ почти точную, выходящую по всѣмъ расчетамъ, продолжительность царствованія Сатира (44 г., а выходитъ по расчетамъ 45).

²⁾ Разрядка автора.

³⁾ Курсивъ рецензента.

Эскинъ. Правда, Динархъ въ § 43 рѣчи пр. Демосеена (на которую также ссылается Боннель на стр. 652) обвиняетъ его въ полученіи взятокъ отъ воспорскихъ тиранновъ, но и изъ его словъ нельзя заключить, чтобы Демосеенъ былъ постояннымъ агентомъ ихъ въ Аенахъ¹⁾. Во всякомъ случаѣ приведенныя положенія слѣдовало выставлять не голословно, а съ доказательствами.

На стр. 649 авторъ переходитъ къ Пэрисаду I. Какъ извѣстно, по свидѣтельству Діодора (XVI, 31 и 52) Левкону I, умершему въ 354—353 г. до Р. Х., наследовалъ сынъ его Спартокъ, царствовавшій 5 лѣтъ, а за нимъ слѣдовалъ другой сынъ Пэрисадъ, царствовавшій 38 лѣтъ. Но въ 1877 г. въ Пирѣѣ найденъ декретъ въ честь сыновей Левкона²⁾, относящійся къ апрѣлю мѣсяцу 846 г. и свидѣтельствующій о томъ, что въ это время Спартокъ и Пэрисадъ правили вмѣстѣ. Противорѣчіе надписи съ Діодоромъ А. Шеферъ объяснилъ предположеніемъ, что послѣ смерти Левкона въ теченіе 5 лѣтъ сыновья его Спартокъ и Пэрисадъ правили вмѣстѣ, а затѣмъ Спартокъ умеръ и Пэрисадъ сталъ править одинъ. Это предположеніе, какъ весьма правдоподобное, принято Диттенбергеромъ, затѣмъ мною и въ послѣднее время Ортманомъ и Брандисомъ (въ вышеуказанныхъ трудахъ). Но Боннелю это предположеніе не нравится: на стр. 649 внизу онъ замѣчаетъ, что „на основаніи этого декрета Спартокъ II правилъ 353—346 и Пэрисадъ I съ 348 вмѣстѣ съ нимъ.“ Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту, приведя объясненіе Шефера и упомянувъ о согласіи съ нимъ Диттенбергера, онъ говоритъ, что это объясненіе кажется ему недостаточно доказательнымъ для того, чтобы считать ложными нѣсколько показаній Діодора, и выводитъ изъ декрета только то, что Спартокъ II и Пэрисадъ I съ 848 по 846 г. правили вмѣстѣ. При этомъ почтенный авторъ страннымъ образомъ

¹⁾ Ср. объ этомъ А. *Schaefer*, *Demosthenes u. seine Zeit*, 2 Aufl. (Leipzig, 1885—1887), т. I, стр. 263 и т. III, стр. 296.

²⁾ С. I. Att. IV, 2, n° 109 b. (Изданъ впервые Куманудисомъ въ 'Αθήναιον т. VI, стр. 152 сл., затѣмъ А. Шеферомъ въ *Rhein. Mus.* т. 38, стр. 418 сл., повторенъ Диттенбергеромъ въ *Syll. inscr. Graec.* n° 101). Замѣтить мимоходомъ, что въ подстрочномъ прим. на стр. 658 Боннель, цитируя одну надпись, изданную въ *Compte-rendu de la Comm. Imp. archéolog. pour l'année 1876*, прибавляетъ: „Hier wird auch noch auf eine Inschrift hingewiesen, die im 'Αθήναιον T. VI. 1877 p. 152 abgedruckt ist.“ Онъ совсѣмъ не замѣтилъ, что ссылка сдѣлана на тотъ самый декретъ, который былъ имъ рассмотрѣнъ четырьмя страницами раньше. Нельзя не заключить отсюда, что онъ совсѣмъ не видалъ журнала Куманудиса.

не замѣтилъ того, что и при его предположеніи свидѣтельства Діодора всетаки оказываются ложными (вѣдь по словамъ Діодора Спартокъ правилъ 5 лѣтъ съ 354—353, то-есть до 349—348 г., а не до 346, и Пѣрисадъ правилъ послѣ него, а не вмѣстѣ съ нимъ), а кромѣ того ограниченіе совѣстной власти братьевъ 346 годомъ совершенно произвольно. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, соображенія Боннеля нисколько не подрываютъ вѣроятности мнѣнія Шефера и не заслуживаютъ предпочтенія передъ нимъ.

На стр. 636 и 652 въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ авторъ относится съ полнымъ недоумѣніемъ къ разказу Полиэна (VIII, 55) о мѣотіянкѣ Тиргатао, при чемъ въ первомъ случаѣ приводитъ основаніемъ то, что Діодоръ упоминаетъ только *одною* сына Сатира I — Левкона, не называя Горгиппа и Митродора, а во второмъ, какъ бы забывъ о самомъ существованіи Сатира I, считаетъ Сатира, упоминаемаго у Полиэна, сыномъ Пѣрисада I и внукомъ Горгиппа. Такая путаница, очевидно, не можетъ внушить довѣрія къ высказываемымъ авторомъ мнѣніямъ.

На стр. 666—671 авторъ переводитъ извѣстный разказъ Діодора (XX, 22) о борьбѣ сыновей Пѣрисада I и затѣмъ посвящаетъ 4 страницы разсмотрѣнію вопроса о томъ, на которой сторонѣ Веспора происходила эта борьба. По результатъ этого разбора оказался довольно скуднымъ, какъ видно изъ слѣдующаго признанія автора на стр. 675: „Mit Allem, was ich bisher über Diodor's Erzählung gesagt habe, will ich nur die Wahrscheinlichkeit hervorheben, dass der Kriegsschauplatz nicht auf der östlichen Seite des kimmerischen Bosporos lag, ich vermag aber keineswegs evident meine Ansicht zu beweisen, dass derselbe sich nicht weit von der Landenge von Perekop ausserhalb der Krim befunden habe.“ Позволимъ себѣ отмѣтить въ этихъ страницахъ маленькую, но очень характеристичную для автора подробность. На стр. 667, въ подстрочномъ примѣчаніи къ переводу авторъ отмѣчаетъ принятую Диндорфомъ въ текстъ Діодора конъектуру Бека „Θατάων“ вмѣсто „Θραχῶν“ и ставитъ вопросъ, „nach welcher Handschrift“ она принята, какъ будто всякая конъектура непременно должна быть основана на чтеніи рукописей; далѣе на стр. 678 онъ повторяетъ, что могъ бы согласиться съ мнѣніемъ Бека, „wenn die Lesarten Θάτης für Θάφης und Θατάων für Θραχῶν durch zuverlässige Handschriften bezeugt wären.“ Но на слѣдующей же страницѣ, забывая свои строгія требованія, онъ заявляетъ: „Wäre es gewiss, dass der Schauplatz des Krieges auf die Ostseite des kimmerischen Bos-

poros zu verlegen ist, so würde ich die Veränderung von Ἐραχῶν in Ἐραχῶν vorschlagen.“ Эта конъектура также не основана на рукописном чтении. Почему же авторъ не считаетъ для нея обязательнымъ то условіе, которое онъ предъявилъ къ поправкѣ Бѣка? И почему сираки въ данномъ случаѣ должны быть предпочтены оаейцамъ? На эти невозможныя возникающіе вопросы у нашего автора нѣтъ никакихъ отвѣтовъ.

На стр. 682 сл. выставленъ рядъ предположеній о позднѣйшихъ Спартокидахъ (съ 284 по 100 г. до Р. Хр.), но всѣ они настолько бездоказательны, что не заслуживаютъ даже разбора и во всякомъ случаѣ ни мало не способствуютъ уясненію этого темнаго періода воспорской исторіи.

Количество примѣровъ, иллюстрирующихъ съ невыгодной стороны манеры историческаго изложенія автора и способы его пользованія источниками, могло бы быть значительно увеличено; но мы полагаемъ, что и приведенныхъ образчиковъ вполне достаточно для оправданія высказаннаго нами мнѣнія, что Боннелевъ очеркъ воспорской исторіи и помимо своей устарѣлости не можетъ считаться цѣннымъ приобретениемъ для науки.

За этимъ очеркомъ слѣдуетъ длинный (стр. 691—785) параграфъ 17-й, носящій заглавіе: „Понтійско-воспорскіе цари Мнорадатъ VI (I) Евнаторъ съ 120 (113?) до 63 и Фарнакъ II (I) съ 63 до 47 до Р. Хр.; ихъ господство на Таврическомъ полуостровѣ и ихъ войны съ римлянами.“ Большая часть этого параграфа (до стр. 777) принадлежитъ къ той части книги, которая, по заявленію А. Θ. Эммана, закончена печатаніемъ въ 1887 г. Одна маленькая подробность на стр. 707 даетъ намъ право заключить, что обработка этого параграфа относится еще къ 1880 или 1881 г.¹⁾, а нѣкоторыя другія данныя позволяютъ думать, что при печатаніи его авторъ уже не обращалъ

¹⁾ Именно, разсматривая извѣстный херсонисскій декретъ въ честь Мноридатова воеводы Діофанта синапскаго, авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи говорить: „Die hinter ἐπεβίητο gedruckten Worte der Inschrift sic ελα (τότε) habe ich in „Παλά(χου)“ verändert, wie es nach der citierten Stelle Strabons nothwendig ist; und ich habe dann auch später gefunden, dass dieselbe Verbesserung nach Nauck's Empfehlung am Ende von T. XII der Zap. Od. Общ. gedruckt ist.“ Статья В. Н. Юргевича о декретѣ въ честь Діофанта помѣщена въ началѣ XII тома Зап. Од. Общ., вышедшаго въ 1881 г., но въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ выпущена еще осенью 1880 г. Поэтому изъ приведенныхъ словъ Боннеля слѣдуетъ заключить, что онъ писалъ свой § о Мноридатѣ ранѣе выхода XII тома Записокъ, пользуясь отдѣльнымъ оттискомъ статьи Юргевича.

вниманія на труды, вышедшіе въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Такимъ образомъ и этотъ параграфъ, подобно предыдущему, оказывается въ настоящее время устарѣвшимъ, особенно въ виду того, что мы имѣемъ теперь цѣнную монографію Т. Ренака о Миеридатѣ, вышедшую въ 1890 г. и стоящую на уровнѣ современнаго положенія нашихъ знаній о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго царя ¹⁾, не говоря уже объ отдѣльныхъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію относящихся къ нему частныхъ вопросовъ ²⁾.

Изложивъ въ началѣ параграфа свѣдѣнія о происхожденіи Миеридата, его воспитаніи и первыхъ дѣяніяхъ по вступленіи на престолъ, авторъ переходитъ прямо къ распространенію его владѣчества на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Здѣсь онъ сообщаетъ намъ существующія извѣстія объ основаніи и мѣстоположеніи города Херсониса Таврическаго и объ отношеніяхъ его къ сосѣднимъ скиеамъ, при чемъ останавливается на Скилурѣ, Палакѣ и—въ подстрочномъ примѣчаніи—на другихъ скиескихъ царяхъ, имена которыхъ извѣстны изъ монетныхъ легендъ. Перейдя, далѣе, къ разказу о дѣятельности въ Крыму Миеридатова воеводы Діофанта Синопскаго, авторъ подробно излагаетъ ее, комбинируя извѣстія Стравона съ подробностями, заключающимися въ декретѣ херсонисцевъ въ честь Діофанта. Изъ всей литературы объ этой замѣчательной надписи автору извѣстны только изданія покойныхъ нынѣ Egger'a ³⁾ и В. Н. Юргевича, да статья П. О. Бурачкова, помѣщенная въ томъ же XII томѣ „Записокъ Одесскаго Общества,“ въ которомъ напечатано и изданіе Юргевича. Отъ вниманія автора ускользнуло даже сдѣланное Фукарюмъ въ 1881 г. ⁴⁾ новое изданіе надписи, въ которомъ исправлено чтеніе нѣсколькихъ пассажей документа, не говоря уже о нашомъ изданіи ея въ 1885 г. ⁵⁾, которымъ авторъ, вѣроятно, могъ бы еще воспользоваться при печатаніи книги. Болѣе широкое зна-

¹⁾ Th. Reinach, Mithridate Eupator roi de Pont. Paris, 1890. Въ 1895 г. вышелъ нѣмецкій переводъ А. Goetz'a (Mithridates Eupator, König von Pontus. Leipz., Teubner) съ поправками и дополненіями автора.

²⁾ Изъ такихъ трудовъ отмѣтимъ особенно статью В. Niese, Straboniana VI, въ Rhein. Mus. 42 (1887), стр. 559—574, посвященную тщательному разсмотрѣнію историческихъ данныхъ, сообщаемыхъ надписью въ честь Діофанта, и сопоставленію ихъ съ свидѣтельствами авторовъ, особенно Стравона.

³⁾ Journal des savants, Novembre 1880.

⁴⁾ Bulletin de corresp. Hell. V (1881), стр. 70—87. Отсюда въ 1888 г. перепечаталъ надпись Dittenberger, Syll. inscr. Graec. n° 252.

⁵⁾ Inscr. orae sept. P. Euxini v. I, n° 185.

комство съ литературою надписи, безъ сомнѣнiя, побудило бы автора осмотнительнѣе отнестись и къ вопросу о хронологiи войнъ Дiофанта въ Крыму, при чемъ онъ, вѣроятно, предпочелъ бы хронологическимъ соображенiямъ В. Н. Юргевича согласное мнѣнiе всѣхъ остальныхъ изслѣдователей, относящихъ описанныя въ надписи событiя къ первымъ годамъ самовластиа Миридата, до начала войнъ его съ римлянами.

Какъ извѣстно, въ декретѣ въ честь Дiофанта упоминаются *Ῥεοσιβάλοι*, помогавшие скиескому царю Палаку въ борьбѣ его противъ Дiофанта и отождествляемые съ роксоланами, которыхъ называетъ въ качествѣ союзниковъ Палака Стравонъ (VII, 3, 17). Пристрастiе автора къ этнологическимъ изслѣдованiямъ, отмѣченное уже рецензентами I тома, побудило его вставить въ изложенiе Миридатовыхъ войнъ пространнiй экскурсъ (стр. 713—727) о народности роксолановъ и, попутно, разныхъ другихъ племенъ. Въ конечномъ выводѣ оказывается, что роксоланы тождественны съ царскими скиеами Иродота и принадлежать къ германскому племени. Отсюда мы видимъ, что авторъ продолжалъ упорно держаться своего мнѣнiя о германствѣ скиеовъ, хотя противъ него были выставлены основательные доводы рецензентами I тома ¹⁾.

Начиная со стр. 272, авторъ излагаетъ въ связномъ разказѣ исторiю войнъ Миридата съ римлянами, замѣтивъ предварительно, что онъ изложитъ ихъ „nicht mit vollständiger Ausführlichkeit“. Намъ кажется, что здѣсь, какъ и при изложенiи походовъ Александра Македонскаго, авторъ слишкомъ раздвинулъ рамки своей специальной задачи, такъ какъ весьма многiя событiя и перипетiи этихъ войнъ не имѣли ровню никакого отношенiя ни къ Скиоии, ни къ Воспору или Кавказу. Мы думаемъ, что слѣдовало бы изложить подробно лишь тѣ факты, которые такъ или иначе соприкасались съ этими странами, а остальные упомянуть лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ, единственно для уясненiя связи событiй. Такъ какъ этотъ отдѣлъ, начиная съ стр. 727-й, входитъ скорѣе въ область общей римской исторiи и такъ какъ нашъ отзывъ уже и безъ того принялъ довольно большiе раз-

¹⁾ Впрочемъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ Боннель, повидимому, отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ мнѣнiй уже во время печатанiя разбираемыхъ страницъ. По крайней мѣрѣ въ подстрочномъ примѣчанiи на стр. 726 онъ замѣчаетъ: „Ich werde in einem neuen Verzeichniss der Verbesserungen und Nachträge genauer angeben, welche von meinen Behauptungen über die Urkelten, Kimmerier, Chita, Maeoten u. w. v. ich zurücknehme oder irgendwie modificire“. Но это обѣщанiе осталось не исполненнымъ.

мѣры, то мы позволимъ себѣ не вдаваться въ ближайшее разсмотрѣніе и оцѣнку этого отдѣла, а также и § 22, гдѣ авторъ извлекаетъ на свѣтъ Божій извѣстную теорію Як. Гримма о тожествѣ готовъ съ гетами и этихъ послѣднихъ съ литовцами. Разборъ этой теоріи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы отзыва о трудѣ одного Боннеля; впрочемъ, она была обстоятельно опровергнута въ свое время А. А. Куникомъ ¹⁾ и др. учеными.

Остальные параграфы второго тома, какъ уже упомянуто выше, заключаютъ въ себѣ нѣмецкіе переводы извѣстій древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей о Скиѣи и сосѣднихъ съ нею странахъ, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ по времени жизни писателей, начиная отъ современниковъ Иродота и кончая Аммианомъ Марцелиномъ или, точнѣе говоря, Птоломеемъ, такъ какъ выдержки изъ Діона-Хрисостома и Ам. Марцеллина принадлежать уже не автору, а издателю книги А. Э. Эману. Пишущій эти строки, конечно, менѣе всякаго другаго будетъ спорить противъ пользы подобнаго собранія источниковъ древней исторіи, географіи и этнографіи странъ, входящихъ нынѣ въ предѣлы Россійской державы: свое убѣжденіе въ важности и необходимости такого собранія онъ наглядно доказываетъ тѣмъ, что по настоящее время продолжаетъ работу надъ составленіемъ подобнаго же сборника „Извѣстій древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѣи и Кавказѣ“, издаваемого въ приложеніи къ „Запискамъ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества“ ²⁾. Главное отличіе этого сборника отъ разсматриваемаго нынѣ труда Боннеля заключается въ томъ, что въ первомъ даны не только переводы (русскіе), но и *подлинныя тексты*. Еще 13 лѣтъ тому назадъ я въ рецензійной книжкѣ г. Гана „Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“ ³⁾ выразилъ свое убѣжденіе въ необходимости давать въ изданіяхъ подобнаго рода подлинныя тексты авторовъ и продолжаю держаться этого убѣжденія по настоящее время, такъ что отсутствіе текстовъ въ книгѣ Боннеля также считаю однимъ изъ важнѣйшихъ ея недостатковъ. Правда, иногда Боннель приводилъ и подлинныя тексты въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ,

¹⁾ *Bull. hist.-philol. de l'Acad. de St. Pétersbourg* VII, № 18—23. Ср. его же статью „О Запискѣ Готскаго товарища“ въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, т. 24 (особенно прим. на стр. 180).

Отдѣльно вышли два выпуска I тома въ 1893 и 1896 годахъ.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, май, крѣт.-библ. отд. стр. 96—119.

но дѣлалъ это въ крайне рѣдкихъ, можно сказать исключительныхъ случаяхъ.

Если разсматривать сборникъ Боннеля съ точки зрѣнія главныхъ требованій, могущихъ быть предъявленными къ подобному труду, именно *полноты* и *исправности*, то придется по всей справедливости сказать, что покойный авторъ весьма добросовѣстно и старательно работалъ надъ собираніемъ извѣстій писателей, но что ему не удалось достигнуть совершенства въ этомъ отношеніи. Онъ включалъ въ свое собраніе не только выдержки изъ сохранившихся сочиненій древнихъ писателей, но и отрывки изъ недошедшихъ до насъ произведеній литературы, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ почему-то помѣстилъ не въ текстѣ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ ¹⁾. Въ девяти параграфахъ книги экцерпировано до 60 авторовъ ²⁾, а если къ нимъ прибавить до 20 лицъ, произведенія которыхъ цитированы или приведены въ выдержкахъ въ тѣхъ 4-хъ параграфахъ, которые уже рассмотрѣны нами выше ³⁾, то получится почтенная цифра (около 80) писа-

¹⁾ Причиной исключенія нѣкоторыхъ писателей изъ текста авторъ не объясняетъ и изъ сопоставленія начала § 13-го съ началомъ 15-го можно заключить, что онъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно произвольно. Назвавъ въ заголовкѣ § 13-го Елланника, Платона, Ефора и др. писателей, онъ въ первыхъ же строкахъ параграфа говоритъ: „In diesem Paragraphen sollen nun die respectiven Nachrichten der oben bezeichneten Schriftsteller mitgetheilt werden, und zwar die der oben nicht namentlich genannten in den Anmerkungen“. Между тѣмъ далѣе, точно такъ же назвавъ въ заголовкѣ § 15-го нѣсколькихъ писателей (Ератосеена, Иннарха, Поливія и др.), авторъ начинаетъ текстъ параграфа словами: „Dem ersten in der Ueberschrift genannten Autor mögen einige der dort nicht genannten vorangeschickt werden, nämlich folgende“. Отсюда, мнѣ кажется, совершенно ясно произволъ автора.

²⁾ Вотъ перечень ихъ по параграфамъ: § 13 (въ текстѣ): Елланникъ, Платонъ, Ефоръ, [Скилакъ], Эсхилъ, Аристотель, Теофрастъ, Теономъ и Клеархъ; (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) Софокль, Еврипидъ, Клидмъ, Иродоръ, Дамастъ, Иннократъ, Евдоксъ, Антифонъ, Лисій, Исократъ, Иперидъ, Динархъ, Димосеенъ; § 15: Стратонъ, Неанъ, Нимфисъ, Каллимахъ, Филостефанъ, Ерминъ, Ератосеенъ, Филархъ, Полемонъ, Мнасей, Аполлодоръ, Иннархъ, Поливія, [Скимъ], Митродоръ, Александръ Полисторъ, Посидоній Анамейскій, Теофанъ; § 18: Николай Дамасскій, Дюдоръ, Исидоръ Харакскій, Трогъ Помпей, Ими. Августъ (топш. Апсуганш), Виргилій, Проперцій, Гораций и Овидій; § 19—Стравонъ; § 20—Полновій Мела и Кв. Курцій; § 21—Плліній Старшій; § 23—Дионисій Перигитъ; § 24—Тадитъ; § 25—Аррианъ (Перинъ и Диспозиція противъ алаи); § 26—Лукианъ; § 27—Птоломей.

³⁾ Вотъ эти авторы (кромя вошедшихъ въ предыдущее перечисленіе): Опискритъ, Аристоуль, Поликлитъ, Ираклдъ Понтійскій, Дикзархъ, Палафатъ, Ан-

телей, давшихъ нашему автору матеріалы для его труда. Само собою разумѣется, что размѣры извлеченій изъ отдѣльныхъ авторовъ весьма различны: въ то время, какъ нѣкоторые писатели занимаютъ десятки и даже сотни страницъ (напримѣръ Стравонъ занялъ 129 страницъ, Птоломей — 39, Плиніи — 20), свидѣтельства другихъ умѣщаются въ нѣсколькихъ строкахъ. Но уже изъ самаго перечня писателей ясно, какую массу труда долженъ былъ положить авторъ на то, чтобы овладѣть всею этою литературою и изъ каждаго сочиненія извлечь то, что было пригодно для его цѣлей. Не слѣдуетъ еще забывать, что при этомъ необходимо бываетъ просматривать многихъ писателей безъ всякаго результата, то-есть не находя у нихъ ничего подходящаго для данной цѣли, и что просматривать приходится по самимъ текстамъ, а никакъ не по указателямъ, какъ бы хороши они ни были. Такъ работалъ, безъ сомнѣнія, и Боннель. Всю тяжесть и кропотливость такой работы можетъ понять и оцѣнить только тотъ, кто самъ знакомъ съ нею практически. Одному лицу сразу, безъ подготовительныхъ работъ, почти не мыслимо исполнить ее вполне безукоризненно. Болѣе или менѣе крупныя промахи здѣсь вполне возможны и вполне извинительны, лишь бы они не подрывали вкорень довѣрія читателей къ добросовѣстности работы и къ тому, что она можетъ служить вполне надежнымъ пособіемъ для справокъ.

Къ сожалѣнію, недостатки труда Боннеля въ рассматриваемыхъ теперь параграфахъ таковы, что не могутъ внушить къ нему полного довѣрія. Происходятъ они главнымъ образомъ отъ неодинаковости отношенія собирателя къ экцерпирваемымъ имъ писателямъ и отъ крайней субъективности его воззрѣній на степень значенія и важности отдѣльныхъ свидѣтельствъ.

Обыкновенно Боннель ставилъ очень широкія границы изслѣдуемой имъ области, такъ что онъ захватывалъ, кромѣ собственной Скѣіи, и придунайскія страны, и Кавказъ съ Закавказьемъ, Армѣіей и прилегающими къ ней областями, и Закаспійскія земли, и Туркестанъ. Поэтому изъ многихъ сохранившихся произведеній древней литературы онъ приводитъ обширныя извлечения, при чемъ нѣкоторыя частности изъ имѣютъ лишь косвенное или весьма отдаленное отношеніе

дронъ, Екатѣй Андирскій, Нимфодоръ, Мегасеонъ, Патролъ, Димодмантъ, Юстинъ, Макробій, Меміонъ, Діонъ Кассій, Аппіанъ, Поллѣкъ, Аеліей, Плутархъ и др.

къ интересующей его области, или съ недантическою аккуратностью отмѣчаетъ самыя мелкія и случайныя упоминанія о лицахъ, предметахъ или мѣстностяхъ, входящихъ въ эту область. Но на ряду съ этимъ онъ изъ нѣкоторыхъ авторовъ приводитъ „*sur einige Notizen*“, безъ объясненія причинъ своего выбора, или оставляетъ безъ вниманія цѣлыя сочиненія, или, наконецъ, прямо говоритъ, что онъ „не хочетъ“ приводить извлеченія изъ какого нибудь автора. Такой — смѣю сказать — капризъ проявилъ онъ, напримѣръ, по отношенію къ Аполлонію Родосскому. На стр. 589 онъ прямо говоритъ: „*Ἀπολλώνιος aus Rhodos, ein Zeitgenosse des Kallimachos, schrieb ein Epos Ἀρϋοναυτικά, aus dessen Inhalt will ich aber nichts mittheilen*“. Но если автора не интересовала собственно миеологическая сторона произведенія Аполлонія (хотя въ другихъ случаяхъ Боннель неоднократно приводитъ и миеологическія сказанія, относящіяся къ Скиеи и сосѣднимъ съ нею странамъ), то во всякомъ случаѣ въ немъ имѣется много географическихъ и этнографическихъ свидѣтельствъ, безъ сомнѣнія, отражающихъ въ себѣ современное писателю состояніе знаній объ описываемыхъ имъ странахъ, лежавшихъ на пути Аргонавтовъ; такія свидѣтельства, на нашъ взглядъ, вполне заслуживали включенія въ сборникъ ¹⁾.

Изъ Плутарха неоднократно цитируются свидѣтельства въ монографически обработанныхъ отдѣлахъ книги (напримѣръ, объ Александрѣ Македонскомъ и о Миеридатѣ), но полного свода его извѣстій мы не находимъ въ книгѣ, хотя и этотъ писатель вполне заслуживалъ бы такого вниманія. Въ посвященномъ Лукіану Самогатскому параграфѣ 26-мъ приведены выдержки только изъ трехъ сочиненій (*Σχόδιος ἢ πρόξενος*, *Ἀνάχαρσις ἢ περί ὑρνασιῶν* и *Τόξαις ἢ φίλια*), но глубоко ошибся бы тотъ, кто, довѣряя Боннелю, сталъ бы думать, что въ другихъ произведеніяхъ этого плодовитаго писателя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, относящихся къ интересующей насъ области ²⁾. Изъ Арріана не приведены данныя, заключающіяся въ „Описаніи Индіи“, сочиненіи „Объ охотѣ“ и „Тактикѣ“ ³⁾, а изъ

¹⁾ Позволимъ себѣ сослаться на наши „Извѣстія древнихъ писателей о Скиеи и Кавказѣ“, гдѣ извлеченія изъ Аполлонія приведены въ вып. 2-мъ на стр. 412—424.

²⁾ Въ нашихъ „Извѣстіяхъ др. пис.“ (вып. 2, стр. 539 сл.) приведены изъ Лукіана еще слѣдующія мѣста: *Nigr.* § 1; *Prom.* 1—4; *Dial. deor.* 1, 16, 23; *Dial. mort.* 12 и 14; *De sacrif.* 6 и 13; *Alex.* 57; *Iupp. trag.* 42; *Icaromen.* 16; *De lactis* 21; *Longaevi* 10 и 17; *Lapith.* 18; *Deor. conc.* 9.

³⁾ См. наши „Изв. др. пис.“, вып. 2, стр. 519 сл.

Аполлодора сообщены только собственные имена (стр. 598). Наконецъ, мы можемъ указать цѣлый рядъ авторовъ, извѣстія которыхъ, иногда довольно важныя, совершенно не приведены въ книгѣ Боннеля. Ограничиваясь, конечно, только тѣмъ періодомъ времени (отъ Продота до Птолемѣя), который успѣлъ обработать покойный авторъ, мы можемъ указать: Симмія Родосскаго, Ликофрона, Антигона Каристійскаго, Артемидора Ефесскаго, Дидима Халкентера, Исигона Никейскаго, Діонисія Аликарнасскаго, Филона Іудея, Флавія Іосифа, Аннѣя Корнута, Діона Хрисостома (другія рѣчи, кромѣ Борисоенитской), Клеонида, Антонія Діогена, Филона Вивлійскаго, Сорана, Флегонта, Артемидора Далдіанскаго, Никанора Александрійскаго, Элія Аристиды, Павсанія и др. Извлечения изъ этихъ писателей, безъ сомнѣнія, много способствовали бы полнотѣ сборника.

Что касается до самыхъ переводовъ, то, насколько мы можемъ судить по нѣсколькимъ сдѣланнымъ наугадъ сличеніямъ, они отличаются большою добросовѣтностью, точностью и близостью къ подлинникамъ. Жаль, что, приводя фрагменты изъ потерянныхъ трудовъ, авторъ указываетъ обыкновенно только сборники этихъ фрагментовъ (главнымъ образомъ *Fragmenta historicorum Graecorum*), а не даетъ точныхъ указаній, у какихъ авторовъ и въ какихъ произведеніяхъ сохранились отрывки. Это послужило бы къ значительному упрощенію и облегченію справокъ по подлинникамъ, такъ какъ эти справки можно было бы дѣлать не чрезъ посредство сборниковъ фрагментовъ, а прямо по авторамъ.

Извлечения нерѣдко сопровождаются объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ Боннель обыкновенно близко слѣдуетъ за новыми издателями авторовъ или сборниковъ фрагментовъ. Исслѣдователями древней географіи и т. п. Примѣчанія эти, довольно обильныя въ первой половинѣ книги, напечатанной до 1887 г., во второй половинѣ становятся все болѣе и болѣе скудными и наконецъ совсѣмъ прекращаются, такъ что, напримѣръ, къ Помпонію Мелѣ дано всего семь маленькихъ примѣчаній, а къ Плинію, Діонисію Перигиту, Тациту, Лукіану и Птолемѣю ихъ совсѣмъ уже нѣтъ. Отсюда можно заключить, что покойному автору не удалось довести до конца обработку извлеченій изъ этихъ писателей и что если бы судьба продлила его дни, то онъ, вѣроятно, не выпустилъ бы въ свѣтъ свою книгу въ настоящемъ полуобработанномъ видѣ.

Въ заключеніе нашего отзыва, который, несмотря на все наше стремленіе къ краткости (мы всячески сокращали количество примѣ-

ровъ, подтверждающихъ наши отдѣльныя положенія), принялъ значительные размѣры благодаря богатству содержанія разсматриваемой книги, позволимъ себѣ одѣлать еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

1) Въ концѣ предисловія къ I тому авторъ обѣщалъ дать въ указателѣ къ II тому сопоставленіе собственныхъ именъ, могущихъ служить матеріалами для дальнѣйшихъ этнологическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. По всей вѣроятности, въ качествѣ подготовительнаго матеріала къ такому сопоставленію въ нѣсколькихъ мѣстахъ второго тома даны сборники собственныхъ именъ по отдѣльнымъ писателямъ или группамъ ихъ. Такъ, на стр. 519 въ подстрочномъ примѣчаніи сопоставлены „meistens thrakische Namen“, встрѣчающіяся у аттическихъ ораторовъ; въ примѣчаніи на стр. 539 мы находимъ „thrak., kleinasiat. u. a. Namen“ изъ Оеофраста; на стр. 586 — „einige Eigennamen, grössern Theils makedonische“ изъ писателей, которыми пользовался Арріанъ, и вообще изъ современныхъ Александру Великому и діадохамъ; на стр. 589 — собственные имена изъ Каллимаха безъ ближайшаго опредѣленія, какія именно; наконецъ, на стр. 613 — „einige der von Polybius genannten Eigennamen“. Изъ приведенныхъ цитатъ можно, мнѣ кажется, заключить, что авторъ или ставилъ слишкомъ широкія рамки для такого сборника именъ, или просто не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какія имена слѣдовало вносить въ него, и отмѣчалъ всѣ имена, показавшіяся ему въ какомъ-либо отношеніи интересными. Имена приведены безъ опредѣленнаго порядка (напримѣръ, алфавитнаго) или раздѣленія на группы (напримѣръ, по личнымъ и географическимъ именамъ), безъ точныхъ цитатъ, и между ними попадаются не мало именъ чисто греческихъ. Мы, конечно, лишены возможности судить, какъ воспользовался бы авторъ этимъ сырымъ матеріаломъ при составленіи указателя по окончаніи II тома, но смѣемъ думать, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти безпорядочныя кучки именъ, разбросанныя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на нѣсколькихъ страницахъ, не могутъ имѣть никакого научнаго значенія и даже служить для справокъ. Жаль, что г. Энманъ не сопоставилъ ихъ вѣстѣ въ какомъ-нибудь порядкѣ (напримѣръ, алфавитномъ) въ концѣ тома.

2) Что касается до внѣшнихъ сторонъ книги, то намъ уже случилось мимоходомъ указать на неудобства, пронстекающія отъ того, что въ монографически обработанныхъ параграфахъ составитель иногда прерываетъ свое связанное изложеніе длинными вставками переводовъ изъ писателей, или произвольно выдѣляетъ нѣкоторыхъ писателей въ

подстрочныя примѣчанія. Еще одно неудобство, значительно затрудняющее пользованіе книгой, заключается въ томъ, что кромѣ дѣленія на длинныя параграфы (которые правильнѣе было бы назвать главами) въ ней нѣтъ никакихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій и что авторъ не любитъ пользоваться даже красною строкой. Во многихъ мѣстахъ книги вслѣдъ за переводами изъ древнихъ авторовъ идутъ въ строку собственныя объясненія составителя книги или извлеченія изъ разныхъ писателей ничѣмъ не отдѣляющіяся одно отъ другаго. При этомъ слѣдуетъ еще припомнить, что многіе писатели не названы и въ заголовкахъ параграфовъ и для облегченія отыскиванія извлеченій изъ нихъ ровно ничего не сдѣлано (например, въ §§ 13 и 15). Г. Эрманъ почему-то не счелъ пужнымъ даже внести ихъ въ составленный имъ указатель „der wichtigeren Eigennamen“, хотя было бы еще лучше дать отдѣльный алфавитный указатель всѣхъ авторовъ, извлеченія изъ которыхъ вошли въ книгу, съ указаніемъ страницъ, на которыхъ они помѣщаются.

3) Мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ топографическихъ примѣчаній къ тексту Страбона, въ которыхъ Бонпель подвергаетъ критикѣ мои указанія мѣстоположенія древнихъ городовъ и селеній на Воспорѣ Киммерійскомъ, заключающіяся въ введеніи ко II тому „Inscriptionum orae septentr. Ponti Euxini“ или на приложенныхъ къ нему картахъ. Такъ, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 856 ¹⁾, указавъ на то, что я помѣщаю древній Нимфэй въ мѣстности нынѣшняго Эльтегена, Бонпель замѣчаетъ, что покойный Дюбрюксъ „nimmt die Lage von Nymphäon nahe südlich von Kertsch bei der Pawlow'schen Batterie an, und in dem Falle wohl richtig, wenn die Angabe des Anonymus, dass Nymphaeon von Pantikapaeon nur 25 Stadien entfernt gewesen sei, eine (ungefähr) wahre ist“. Но дѣло въ томъ, что 25 стадій отдѣляли Нимфэй не отъ Пантикапэя, а отъ Тиристаки или Тиритаки, лежавшей въ 60 стадіяхъ отъ этого города. Такимъ образомъ получается 85 стадій,—разстояніе, близко соответствующее тому, которое отдѣляетъ Эльтегенъ отъ Керчи. Мѣстоположеніе Нимфэя въ мѣстности Эльтегена въ настоящее время счи-

¹⁾ Нельзя не отметить здѣсь слѣдующаго курьеза. *Впервые* цитируя на указанной страницѣ нашъ сборникъ, авторъ говоритъ: „Latuschew hat in seinem wiederholt citirten Werke“ и т. д. Онъ, очевидно, забылъ, что раньше ни разу не упоминалъ о нашей книгѣ, и этотъ lapsus memoriae не былъ исправленъ при корректурѣ.

тается безспорнымъ ¹⁾). Далѣе, въ примѣчаніи 2 на стр. 867 Боннель, отвергая возможность отождествленія Корокондамитскаго озера съ Таманскимъ заливомъ, отождествляетъ его съ Кизильташскимъ (или Кубанскимъ) лиманомъ и въ связи съ этимъ переносятъ деревню Корокондаму въ окрестности нынѣшняго Бугаза. Патраей и памятникъ Сатира — въ восточный уголъ Таманскаго залива, а затѣмъ (примѣчаніе на стр. 868) Фанагорію и Кяпы на сѣверный берегъ Кизильташа и Ермонассу — на южный или восточный берегъ того же лимана. Мои карты составлялись, однако, не наобумъ, а на основаніи результатовъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ археологическихъ и топографическихъ изслѣдованій, тогда какъ Боннель, столь рѣшительно отвергая эти результаты, не потрудился даже справиться хотя бы съ извѣстной ему ²⁾ диссертацией покойнаго К. К. Герца „Археологическая топографія Таманскаго полуострова“ (М. 1870), въ которой именно доказывается, между прочимъ, тождество Корокондамитскаго озера съ Таманскимъ заливомъ и опредѣляется мѣстоположеніе Фанагоріи въ глубинѣ этого залива, на юго-восточномъ берегу, въ мѣстности нынѣшнихъ хуторовъ Боровика и Семеняки ³⁾. Что Фанагорія находилась именно здѣсь, это можно считать вполне правдоподобнымъ (хотя и долго было бы приводить доказательства); а если это такъ, то сразу рассыпается весь карточный домикъ, построенный Боннелемъ только на буквальномъ толкованіи словъ Стравона, безъ всякаго соображенія съ извѣстіями другихъ писателей и съ археологическими данными.

Пора, однако, кончить. Читатели, которые прослѣдили вѣстѣ съ нами содержаніе II тома труда Боннеля, надѣюсь, согласятся съ тѣмъ, что представляемое имъ богатое собраніе excerptовъ изъ древнихъ писателей является весьма полезнымъ, хотя и не абсолютно полнымъ и потому не безусловно надежнымъ пособіемъ для всякаго, кто интересуется древней исторіей, географіей и этнографіей Скиоин и сосѣднихъ съ нею странъ и пожелаетъ по возможности скорѣе ориентироваться въ сокровищницѣ данныхъ, сообщаемыхъ объ этихъ странахъ древними греческими и латинскими писателями. Что же касается до собственныхъ изслѣдованій автора въ §§ 16 и 17, то они вслѣд-

¹⁾ Ср. объ этомъ статью В. В. Шкорпила: „Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ“ въ *Зап. Од. Общ.*, т. XX, стр. 16 сл., а также Ф. К. Бруна *Черноморье*, т. II, стр. 307.

²⁾ По крайней мѣрѣ книга Герца цитируется въ I томѣ труда Боннеля.

³⁾ Ср. также Ф. К. Бруна *Черноморье*, т. II, стр. 265 сл.

ствіе своей устарѣлости, значительнаго количества разнаго рода промаховъ и неосновательности многихъ соображеній и выводовъ не могутъ претендовать на серьезное научное значеніе.

В. Латышевъ.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб. 1898.

Исторія сельскаго населенія въ Московской Руси — съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали ее разсматривать, съ точки зрѣнія юридической, или бытовой — является предметомъ очень мало разработаннымъ въ русской исторической литературѣ. Самые важные вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права на крестьянъ, до сихъ поръ остаются спорными; мало того: совершенно неясною, по крайней мѣрѣ недостаточно разъясненною остается и самая древнерусская терминологія, которою обозначались различные элементы, входившіе въ составъ сельскаго населенія. Понятно, что при такомъ состояніи нашихъ знаній о незыблемыхъ, прочно установленныхъ общихъ выводахъ не можетъ быть рѣчи: самое лучшее, чего можно ожидать отъ изслѣдователя, — это болѣе или менѣе смѣлая догадка, болѣе или менѣе проблематическая теорія, полезная именно потому, что она способна обратить на себя общее вниманіе, вызвать всестороннее объясненіе затронутыхъ вопросовъ и тѣмъ содѣйствовать достиженію научной истины. Такой путь гипотетическаго, такъ сказать, изслѣдованія исторіи сельскаго населенія древней Руси избралъ проф. В. О. Ключевскій, главнымъ образомъ въ двухъ своихъ замѣчательныхъ трудахъ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ и „Подушная подать и отиѣна холопства въ Россіи“. Надо впрочемъ замѣтить, что авторъ этихъ изслѣдованій ввелъ въ ученый оборотъ и много новаго рукописнаго матеріала и тѣмъ, наряду съ общою теоретическою постановкою ряда вопросовъ первостепенной важности, содѣйствовалъ появленію другихъ работъ, задающихся болѣе скромною, но быть можетъ, не менѣе полезною цѣлью провѣрить самыя основы нашихъ знаній въ данной области при помощи по возможности всего наличнаго изданнаго и неизданнаго матеріала, доступнаго въ настоящее время изученію. Такую именно цѣль ставитъ себѣ г. Дьяконовъ въ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше.

Книга г. Дьяконова дѣлится на шесть очерковъ, почти не имѣю-

щихъ непосредственной связи одинъ съ другимъ, что значительно затрудняетъ изложеніе ея содержанія: приходится имѣть дѣло лишь съ отдѣльными очерками, а не съ книгой какъ цѣлымъ, необходимо уяснить себѣ сначала рядъ частныхъ выводовъ, чтобы потомъ изъ нихъ отвлечь общую идею, отъ формулированія которой авторъ устранился сознательно¹⁾, но которая тѣмъ не менѣе должна существовать, если только въ частныхъ выводахъ есть хоть зерно истины, если они отражаютъ дѣйствительную историческую жизнь русскаго общества въ московскій періодъ: вѣдь какъ бы ни были сложны и непонятны на первый взглядъ жизненные явленія, въ нихъ всегда есть смыслъ, всегда отражается какой-либо процессъ, открытіе котораго и составляетъ цѣль научной работы.

Въ первомъ очеркѣ идетъ рѣчь о крестьянахъ старожильцахъ или старинныхъ. Первая мысль, которая здѣсь проводится, заключается въ томъ, что, за сравнительно немногочисленными исключениями, „тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются“, хотя въ законодательствѣ это правило и не было формулировано²⁾. Это положеніе обосновывается цѣлымъ рядомъ фактовъ: 91-й статьей царскаго Судебника, гдѣ торговымъ посадскимъ тяглымъ людямъ запрещается селиться за монастырями, 98-й статьей Стоглава, въ которой формулировано это же правило, только обращенное къ монастырскимъ властямъ и архіерейскимъ кафедрамъ: и тѣ и другія безусловно лишены права перезывать въ свои слободы тяглыхъ городскихъ людей; далѣе то же подтверждается отдѣльными частными запрещеніями; если такимъ образомъ по отношенію къ тяглымъ посадскимъ людямъ встрѣчаются—въ Судебникѣ и Стоглавѣ—попытки создать общую правовую норму, то этого незамѣтно совсѣмъ въ отношеніи къ волостнымъ тяглымъ людямъ: здѣсь, кромѣ частныхъ, мѣстныхъ запрещеній принимать и селить тяглыхъ и письменныхъ людей, не встрѣчается ничего; такія частныя запрещенія имѣли мѣсто и въ удѣльное время, но тогда они и сохраняли только частное значеніе, теперь же, съ объединеніемъ Руси, по мнѣнію г. Дьяконова, они содѣйствовали выработкѣ мысли о прикрѣпленіи тяглыхъ людей къ тяглу³⁾. Прикрѣпленіе это не было впрочемъ безусловнымъ: переходъ тяглыхъ людей счи-

¹⁾ См. предисловіе къ „Очеркамъ изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 2.

²⁾ Дьяконовъ, Очеркъ изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, 2—4, 8—9.

тался законнымъ, если переходившій садилъ на свое мѣсто другаго жильца ¹⁾).

Но на ряду съ вообще тяглыми людьми во второй половинѣ XVI вѣка являются прикрѣпленными къ мѣсту своего жительства еще крестьяне-старожильцы; опять таки законодательство отстало здѣсь отъ жизни, не оформило общемою нормою крѣпости крестьянъ-старожильцевъ. На дѣлѣ однако старожильцы обыкновенно считались крѣпостными уже въ XVI вѣкѣ; при чемъ основаніемъ, по которому опредѣлялось старожильство, судебная практика того времени выставила запись въ писцовыя книги и другіе официальные документы, санкціонированные правительствомъ. Кто записанъ былъ за извѣстнымъ землевладѣльцемъ въ писцовую книгу, безъ отиѣтки „приходецъ“, — тотъ и признавался его крѣпостнымъ старожильцемъ. Въ XVII вѣкѣ старожильцами стали считаться еще дѣти крестьянъ, родившіеся въ предѣлахъ даннаго имѣнія, и крестьяне и бобыли, приобретенные ихъ владѣльцами по купчимъ, даннымъ, закладнымъ, ряднымъ и пр. Два послѣднихъ основанія явились уже тогда, когда „выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской“, и признаки утвержденія этой идеи можно найти уже въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVI вѣка ²⁾). Въ заключеніе перваго очерка г. Дьяконовъ останавливается на вопросѣ первостепенной важности: каковы были причины возникновенія крестьянской старины? Онъ склоняется, повидимому, къ рѣшенію этого вопроса въ эклектическомъ направленіи: крестьянская старина была создана вслѣдствіе соединенія крестьянской задолженности землевладѣльцамъ съ вліяніемъ потребностей государственнаго хозяйства; основаніемъ для такого заключенія авторъ служить *одновременность* прикрѣпленія къ тяглу и крѣпости по старинѣ ³⁾).

Отъ крестьянъ-старожильцевъ слѣдуетъ отличить крестьянъ-новопорядчиковъ, отношенія которыхъ къ землевладѣльцамъ опредѣлялись порядками или рядными записями. Крестьянамъ-новопорядчикамъ посвященъ второй очеркъ книги г. Дьяконова. Основаніе прикрѣпленія этого разряда крестьянъ — ихъ задолженность землевладѣльцамъ. Извѣстно, что крестьянинъ, поряжаясь на извѣстный земельный участокъ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ займу у землевладѣльца, займу, не-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, 16, 28, 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

обходимому ему для хозяйственного обзаведенія и приведенія участка въ состояніе, годное для хозяйственной эксплуатаціи. Порядныя постоянно говорятъ о „ссудѣ“ и „подмогѣ“, выдаваемыхъ крестьянамъ землевладѣльцами. Между изслѣдователями существуетъ разногласіе въ пониманіи смысла этихъ терминовъ и вліянія самихъ явленій, ими обозначаемыхъ, на ходъ крестьянскаго прикрѣпленія и характеръ крестьянской крѣпости: одни (гг. Ключевскій и Владимірскій-Будановъ) отождествляютъ ссуду съ подмогой, другіе (гг. Чичеринъ и Сергѣевичъ) отличаютъ ссуду, или заемъ съ возвратомъ, и подмогу, или пособіе, погашаемое выполненіемъ работъ—вотъ первый пунктъ разногласія; едва ли не важнѣе второй его пунктъ: г. Ключевскій признаетъ два вида „крестьянскаго серебра“: 1) серебро ростовое, или ссуду подъ проценты, 2) серебро издѣльное, то-есть заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ; по мнѣнію г. Сергѣевича, издѣльное серебро—неуплаченный своевременно крестьяниномъ денежный оброкъ; на основаніи этого г. Сергѣевичъ считаетъ невѣрнымъ утвержденіе г. Ключевскаго, что „издѣльное серебро повлекло крестьянина въ сторону кабальнаго холопа“.

Г. Дьяконовъ останавливается на этихъ разногласіяхъ, но нельзя сказать, чтобы ему удалось разрѣшить ихъ вполне. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ его изслѣдованія получается нѣсколько чрезвычайно важныхъ выводовъ: первый изъ нихъ нельзя признать особенно новымъ, но онъ важенъ, какъ результатъ изученія такой массы матеріала, какою до г. Дьяконова не пользовался ни одинъ изслѣдователь: онъ заключается въ томъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ крестьяне XVII вѣка поряжаются уже жить вѣчно или безвыходно ¹⁾ за землевладѣльцами; слѣдовательно, не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что крѣпостное право на крестьянъ фактически и даже отчасти юридически — путемъ частныхъ юридическихъ сдѣлокъ — уже установилось прочно; второй выводъ г. Дьяконова касается вопроса о томъ, различалась ли ссуда отъ подмоги? Авторъ убѣдительно доказываетъ, что въ XVII вѣкъ никакого различія между ссудой и подмогой не проводилось ²⁾; но наибольшую цѣнность имѣютъ два другихъ положенія, доказываемыя во второмъ очеркѣ; наблюденія надъ порядными и ссудными показываютъ, что безъ помощи отъ землевладѣльца крестьянинъ не могъ за-

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 100.

²⁾ Тамъ же, стр. 118.

вести хозяйство, при чемъ возвратъ ссуды выговаривался только въ томъ случаѣ, если крестьянинъ покидалъ участокъ; подѣ впечатлѣніемъ такой фактической безвозвратности ссуды и невозможности для крестьянина обойтись безъ послѣдней утвердилась мысль, что крестьянское имущество въ значительной степени принадлежитъ землевладѣльцу, что крестьянинъ „имѣетъ только право владѣнія и пользованія безъ нарушенія хозяйственныхъ интересовъ землевладѣльца“; это положеніе въ значительной мѣрѣ уясняетъ юридическую природу имущественныхъ отношеній между крѣпостными и ихъ господами ¹⁾. Наконецъ послѣдній выводъ втораго очерка состоитъ въ томъ, что крестьяне и кабальные холопы XVI и XVII вѣковъ были, дѣйствительно, состояніями чрезвычайно близкими между собою; это видно изъ того, что, во-первыхъ, кабала послѣ указовъ 1586 и 1597 годовъ, какъ и крестьянская ссуда, вовсе не была уже процентнымъ долгомъ; во-вторыхъ, „невѣрно, будто служилая кабала *всегда* соединяется со службою *во дворѣ* господина“: уже въ XVI вѣкѣ были деревенскіе кабальные люди, а въ XVII вѣкѣ, въ составѣ задворныхъ людей было много кабальныхъ холоповъ; въ-третьихъ, наконецъ, ошибочно мнѣніе, будто крестьянина нельзя было судомъ возвратитъ на старое мѣсто на основаніи порядной, тогда какъ кабальнаго холопа было можно возвратитъ по служилой кабалѣ: есть много случаевъ, когда крестьяне возвращаются по поряднымъ ²⁾. Этими соображеніями наносятся очень тяжелые удары сторонникамъ стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостнаго права крестьянъ, отрицающимъ всякое вліяніе кабальнаго холопства на процессъ прикрѣпленія.

Среди другихъ областей древней Руси крайній сѣверъ выдѣлялся своими особенностями во многихъ отношеніяхъ: сюда слабѣе проникало нивелирующее вліяніе центрального московскаго правительства, здѣсь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ сохранились черныя земли, не было совершенно помѣстныхъ земель, уцѣлѣли многіе архаическіе порядки въ землевладѣніи и въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами и, наконецъ, несравненно позднѣе сложилось крѣпостное право. Особенностямъ въ положеніи сельскаго населенія этого своеобразнаго края г. Дьяконовъ посвящаетъ свой третій очеркъ. Авторъ различаетъ на сѣверѣ два разряда крестьянъ, половниковъ и порядчиковъ, и справедливо устанавливаетъ тотъ фактъ, что между

¹⁾ Тамъ же, стр. 130.

²⁾ Тамъ же, стр. 136.

этими разрядами не было никакого юридического различія. Существовало лишь различіе фактическое: половничество было несравненно тяжелѣе для крестьянина, нежели работа въ качествѣ порядчика ¹⁾). Затѣмъ отмѣчаются особенности въ условіяхъ сѣверныхъ порядныхъ, указывающія на болѣе легкое положеніе сѣверныхъ крестьянъ, сравнительно съ крестьянами другихъ русскихъ областей, на болѣе позднее возникновеніе крѣпостнаго права на сѣверѣ ²⁾).

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать автору одинъ немаловажный упрекъ: вѣрно опредѣляя нѣкоторыя важныя особенности въ положеніи половниковъ, онъ не заинтересовался, однако, вопросомъ: не имѣло-ли половничество нѣкогда болѣе общаго значенія и не было-ли оно архаическимъ остаткомъ отношеній, когда то господствовавшихъ на всемъ пространствѣ страны? Половникъ отличался отъ порядчика главнымъ образомъ тѣмъ, что первый уплачивалъ оброкъ натурой, опредѣленной долей урожая, а второй—деньгами. Думаемъ, что аренда владѣльческой земли изъ натурального оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату: это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятнахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкъ денежная аренда пріобрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе. Оставляя болѣе подробное обоснованіе этой мысли до другаго болѣе удобнаго времени и мѣста, позволимъ себѣ привести примѣръ, касающійся Вотской пятины. По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта—чаще всего встрѣчается норма „изъ хлѣба треть“ ³⁾); въ 1568 году такой порядокъ уплаты натурального оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, хотя и рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка: онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба „поспогѣ“, то-есть, въ точно-опредѣленныхъ размѣрахъ, независящихъ отъ урожая, напримѣръ, съ каждой обжа платятъ по 1 коробѣ ржи, 1 четверткѣ жита (= ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $\frac{1}{2}$ коробѣ овса, не считая нѣдѣля и небольшого денежнаго сбора ⁴⁾), или прямо

¹⁾ Тамъ же, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 180—200.

³⁾ См. Писцовыя книги Новгородскія, т. III; *Временникъ*, книги XI и XII.

⁴⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду книги № 7, л. 59 и др.

денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи ¹⁾. Еще ближе къ концу XVI вѣка—въ 90-хъ годахъ—нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества ²⁾.

Есть признаки и того, что въ центральной Русѣ, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по поземельному спору между Троицкимъ-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца Костромскаго уѣзда. Это было въ 1522—23 г. Одинъ изъ свидѣтелей-старожильцевъ, по словамъ грамоты далъ слѣдующее показаніе: „отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблинскую, а язь с своимъ отцомъ, на того Степаново отца мѣсто на Понафидино *половничество*; а ужъ тому полпядесять лѣтъ, а *половничая*, господине, на монастырь“ ³⁾.

Писцовая книга Торонецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ годовъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половниковъ, но рѣдкія: очевидно, это были только пережившія, случайно уцѣлѣвшія остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской переварѣ въ д. Гололковѣ, напримѣръ, жилъ „Сидарко Кузминъ *половникъ*“ ⁴⁾. Еще долѣе сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники ⁵⁾.

Если всѣ эти соображенія о половникахъ вѣрны, то, очевидно, что изученіе ихъ положенія можетъ повести къ ряду важныхъ выводовъ,—о томъ, напримѣръ, какъ измѣнились отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами въ смыслѣ тяжести оброковъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но въ такомъ случаѣ придется признать, что тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Вѣрный своему плану—дать рядъ очерковъ, связанныхъ лишь

¹⁾ Тамъ же, лл. 148 об., 78, 78 об.—9, 80 об., 82 об., 83 об., 84, 85, 86, 87, 88 об., 89 и пр. и пр.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 958; ср. *Временникъ*, VI.

³⁾ Акты Федотова-Чеховскаго, т. I, № 34, стр. 86.

⁴⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Торонду кн. № 1, л. 128 об.

⁵⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грамоты Кол. эк., Хлыновскій у., № 14169.

внѣшнимъ образомъ.—г. Дьяконовъ не пытается сблизить выводы, полученные имъ при изученіи положенія половниковъ и порядчиковъ, съ заключеніями, неизбежно слѣдующими изъ двухъ предыдущихъ очерковъ. Между тѣмъ такое сближеніе—возможно, оно даже необходимо напрашивается само собою: наблюденія надъ крестьянами старожильцами и новопорядчиками показали, что ихъ закрѣпощеніе совершилось раньше правительственной санкціи и внѣ непосредственнаго воздѣйствія государственной власти; познакомившись съ положеніемъ сѣвернаго крестьянства, можно замѣтить, что его свободное состояніе сохранялось позднѣе законодательнаго утвержденія крѣпостнаго права на крестьянъ и, слѣдовательно, вопреки ему. И здѣсь и тамъ социальныя явленія не были слѣдствіемъ политическихъ вліяній, правительственной дѣятельности.

Четвертый очеркъ посвященъ бобылямъ. Здѣсь прежде всего устанавливается понятіе бобыльства: бобыль въ XVI вѣкѣ есть, по-первыхъ, „непашенный, безземельный человекъ“, во-вторыхъ, человекъ нетяглый. Что онъ непашенный—это превосходно доказано г. Дьяконовымъ, но едва-ли вѣрно, что бобыли были нетяглыми людьми. Г. Дьяконовъ указываетъ, что бобыли „платятъ только оброкъ“ и „не положены ни въ выти ни въ сохи“¹⁾, что „изъ сборовъ, падающихъ на бобылей, упоминается лишь поземъ, то-есть, плата за усадебную землю“²⁾. Но въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ смѣшеніемъ понятій, вообще очень рѣдкимъ у автора. Прежде всего слово „оброкъ“ употреблялось въ древней Руси въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, этимъ словомъ обозначалась арендная плата, уплачивавшаяся крестьяниномъ землевладѣльцу за пользованіе земельнымъ участкомъ, на которомъ сидѣлъ крестьянинъ; это—рента, частно-владѣльческой доходъ; во-вторыхъ, правительство нерѣдко опредѣляло общую сумму всѣхъ податей, которую должна была уплачивать въ государственную казну извѣстная мѣстность или опредѣленное земельное владѣніе, и эта сумма налагалась на эту мѣстность или это владѣніе за всѣ подати; въ такомъ случаѣ она также носила названіе оброка; но, очевидно, что это второе словоупотребленіе не тождественно съ первымъ: здѣсь рѣчь идетъ уже объ оброкѣ за „государевы подати“—тамъ слово „оброкъ“ употреблялось въ значеніи частнаго земледѣльческаго дохода. Если бы можно было доказать, что бобыли платили оброкъ

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 213.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

только въ смыслѣ позема, то-есть, платы за усадебную землю, то г. Дьяконовъ былъ бы правъ, называя бобылей нетяглыми людьми. Но этого доказать нельзя: нѣтъ сомнѣнія, что бобыли платили оброкъ въ государеву казну за всѣ подати, подобно тому, какъ это было и въ посадахъ ¹⁾, что однакоже не мѣшаетъ намъ считать посадскихъ людей—тягловымъ классомъ. Правда, въ выти и сохи бобыли не клались, но это вполне понятно: выть и соха въ XVI вѣкѣ имѣла еще чисто-поземельный и притомъ земледѣльческій характеръ, обозначала собою болѣе или менѣе опредѣленное пространство распахиваемой земли, а бобыли не пахали земли. Доказать, что слово „оброкъ“ по отношенію къ бобылямъ употреблялось не только въ смыслѣ арендной платы за усадьбу, частновладѣльческаго дохода, но также и въ смыслѣ суммы, замѣнявшей всѣ подати, которымъ бобыли подлежали какъ люди тяглые, довольно легко. Вотъ особенно яркое наблюденіе: въ сотной по волости Керети, относящейся къ 1562—63 г., упоминаются „дворы великаго князя непашенные“ и затѣмъ указано, что съ нихъ идетъ оброкъ въ царскую казну по 8 алтынъ 2 деньги въ годъ съ двора, „а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ дворовъ и зъ животовъ и съ промысловъ за сошной окладъ“ ²⁾. Не подлежали этому государеву оброку за всѣ подати или за сошный окладъ бобыли только въ томъ случаѣ, повидимому, когда они служили по найму въ чужихъ дворахъ или на чужихъ промыслахъ ³⁾.

Опредѣливъ основной смыслъ бобыльства, какъ соціального класса, г. Дьяконовъ пытается объяснить и происхожденіе бобылей; по его мнѣнію, бобыли—объединившіе пашенные люди: „бобыль непашенный человекъ не въ силу того, что онъ земедѣлію предпочелъ какой-либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ непашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земедѣліе, „отбылъ пашни“, какъ тогда говорили, или по немнѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню „порядиться во крестьяне“ ⁴⁾. Это положеніе авторъ доказываетъ по преимуществу фактами, относящимися къ XVII вѣку ⁵⁾; единственный приводимый имъ фактъ XVI столѣтія—выпись изъ писцовыхъ книгъ 90-хъ годовъ на вотчины Кирилло-

¹⁾ Ср. *Чечуминъ*, Города Московскаго государства въ XVI вѣка, стр. 120.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, гр. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4147.

³⁾ Тамъ же, № 4183.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 208.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 216.

Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: здѣсь въ одной деревнѣ упоминается „дворъ пустъ“, изъ котораго жалецъ „вышелъ въ ипую деревню на подворье, живетъ бобылемъ, старъ, пахати не можетъ“¹⁾). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось бобыльство, были обѣднѣвшіе и бросившіе по той или другой причинѣ земледѣльческій трудъ крестьяне, и что въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе потрясенія, произведеннаго смутнымъ временемъ, этотъ источникъ бобыльства сдѣлался обильнѣе, чѣмъ то было раньше, однако, г. Дьяконовъ ошибается, сводя происхожденіе бобылей исключительно на процессъ отдѣленія крестьянства отъ земледѣлія. Прежде всего вовсе не слѣдуетъ считать бобыльство такимъ позднимъ явленіемъ, какъ это кажется г. Дьяконову: онъ думаетъ, что бобыли появились только съ XVI вѣка²⁾; между тѣмъ еще въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ довольно часто попадаются поземщники, которые тоже самое, что бобыли, какъ видно по ихъ занятіямъ—это не земледѣльцы, а промышленники или ремесленники—а также и по тому, что и позднѣйшіе бобыли, какъ и поземщники, платили „поземъ“³⁾). Очевидно, что если бы до насъ дошли писцовыя книги болѣе ранняго времени, мы и тамъ встрѣтились бы съ тѣмъ же бобыльствомъ, хотя, быть можетъ, и подъ другимъ названіемъ. Единственно, что можетъ считаться съ извѣстной степенью вѣроятности новымъ въ XVI вѣкѣ,—это самый терминъ „бобыль“. А затѣмъ очень вѣроятно, что не всѣ бобыли были бѣднѣе крестьянъ: новгородскіе поземщники, напримѣръ, едва ли всегда уступали послѣднимъ по степени состоятельности, тѣмъ болѣе, что земледѣліе въ Новгородской области вслѣдствіе крайней скудости почвы не могло быть прибыльнымъ занятіемъ. Извѣстно также, что были бобыли, имѣвшіе собственныя лавки, занимавшіеся торговлей⁴⁾). При наличности такихъ фактовъ едва ли не слѣдуетъ измѣнить вышеприведен-

1) Тамъ же, стр. 217.

2) Тамъ же, стр. 207.

3) См. во многихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, напримѣръ, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ, по Новгороду № 10, л. 476 об., кн. № 7, лл. 8, 352 об. и др.

4) Что между бобылями были люди различной состоятельности, это видно изъ цифръ оброка: такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Кирилова монастыря въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580—81 г. 2 бобыля платили 7 денегъ позему, а 13 только 4 денги новгородскихъ (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностраннхъ Дѣлъ, по Новгороду, кн. № 10, л. 476 об.).

ное положеніе г. Дьяконова о происхожденіи бобыльства въ томъ смыслѣ, что бобыль нѣрѣдко бывалъ непашеннымъ человѣкомъ именно потому, что земледѣлію предпочелъ другой промыселъ, казавшійся ему болѣе выгоднымъ или удобнымъ.

Замѣтимъ еще, что авторъ черезчуръ рѣзко отдѣляетъ бобылей въ собственномъ смыслѣ отъ тѣхъ, кого онъ называетъ „бобыльми-захребетниками“, „не имѣвшими“, по его словамъ, „собственной усадьбыной осѣдлости“¹⁾ и жившими на чужихъ дворахъ. Дѣло въ томъ, что эти бобыли-захребетники не кто иные, какъ наемные работники; но не слѣдуетъ думать, будто эти наемные бобыли всегда жили на чужихъ дворахъ: нѣрѣдко у нихъ была собственная осѣдлость; такъ въ сотной по Керети 1574—75 г. говорится о бобыляхъ, которые „промышляли въ варницахъ; дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море на судѣхъ наимуючис“²⁾; эти бобыли имѣли однако собственные дворы; по дозорной книгѣ Бѣжецкой пятины 1593—94 г., чуть не въ каждомъ имѣніи встрѣчаются бобыли, живущіе на своихъ дворахъ, причемъ книга обыкновенно сопровождаетъ описаніе такихъ бобыльскихъ дворовъ замѣчаніемъ: „кормятца межъ крестьянъ работою“³⁾. Этимъ уничтожается совершенно грань между бобыльми съ одной стороны и захребетниками съ другой.

Свой очеркъ о бобыляхъ г. Дьяконовъ заканчиваетъ любопытными указаніями на пункты сходства бобылей съ крестьянами: 1) „начала крестьянской крѣпости одновременно и въ равной силѣ распространяются и на бобылей“; 2) „указы о живущей четверти сближаютъ крестьянъ и бобылей и въ тягломъ отношеніи“; 3) „указы 1649 и 1679 годовъ о подворной подати окончательно приравнивали бобыльскій дворъ въ окладномъ отношеніи къ крестьянскому“⁴⁾.

Первостепенную важность имѣетъ тема пятаго очерка книги г. Дьяконова, озаглавленнаго „Задворные и дѣловые люди“. Пересмотръ вопроса о задворныхъ людяхъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что объ этомъ словѣ несвободнаго населенія мы имѣли до сихъ поръ только одно изслѣдованіе, принадлежащее проф. Ключевскому⁵⁾. Главные

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 221, 219.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грам. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4183.

³⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 972, лл. 41 и об., 43, 45, 56 и др.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 240.

⁵⁾ Подушная подать и отиѣна холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. Русская Мысль, за 1886 г., № 10.

выводы, къ которымъ пришелъ г. Ключевскій, сводятся къ слѣдующему: задворные люди, появившіеся въ XVII вѣкѣ, были особымъ юридическимъ состояніемъ, крѣпкимъ землевладѣльцу на основаніи особаго договора, называвшагося, подобно крестьянской крѣпости. ссудною записью или ссудною жилою записью. Этотъ послѣдній документъ, эта специальная задворная крѣпость явилась результатомъ измѣненія условій служилой кабалы примѣнительно къ хозяйственному положенію задворныхъ людей и по образцу крестьянской ссудной записи. Задворная крѣпость потому произошла изъ служилой кабалы, что кабальные холопы были первымъ и самымъ главнымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ задворнаго холопства. Особенность же хозяйственнаго положенія задворныхъ людей заключалась въ томъ, что они сидѣли на пашиѣ, на особыхъ земельныхъ участкахъ, тогда какъ кабальные холопы обыкновенно служили на дворѣ господина. Г. Дьяконовъ подробно разбираетъ эту теорію, исходя изъ двухъ наблюденій, сдѣланныхъ г. Милюковымъ: во-первыхъ, „задворные люди и къ концу XVII вѣка не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія“, во-вторыхъ, „въ составъ задворныхъ людей входятъ не только другіе виды холопства, кромѣ кабальнаго, но также и не холопы“. Г. Дьяконовъ подбираетъ цѣлый рядъ фактовъ, которыми подтверждается, что, хотя кабальные люди въ значительномъ количествѣ вошли въ составъ задворныхъ людей, но на ряду съ ними въ задворномъ холопствѣ встрѣчаются и старинные люди, и притомъ старинные *полные* холопы, а также выходцы изъ чужихъ краевъ и полоняники. При этомъ характерно, что очень часто эти выходцы попадали въ задворные люди „своею волею“ и безъ всякихъ документовъ, „безкабально“, какъ тогда говорили, или на основаніи не специальной задворной крѣпости, а служилой кабалы, жилой записи и пр. „Задворная крѣпость, какъ специальная крѣпостной документъ на задворную службу, представляется большою рѣдкостью“: известно всего только два такихъ акта, притомъ различныхъ между собою, хотя г. Дьяконовъ изучилъ много неизданнаго матеріала.

Притомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дьяконовъ, хозяйственное положеніе задворныхъ людей вовсе не обусловливало необходимости особой задворной крѣпости: землевладѣльцы безъ всякаго затрудненія и безъ всякихъ неудобствъ сажали на отдѣльные земельные участки и холоповъ *полныхъ* и докладныхъ и кабальныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ и бобылей ¹⁾). Вообще нельзя не признать,

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 254—256, 260.

что г. Дьяконовъ убѣдительно доказалъ юридическую необособленность задворныхъ людей, если подъ этою необособленностью разумѣть тотъ фактъ, что задворные люди не были состояніемъ юридически цѣльными и однороднымъ. Но помимо этого изслѣдованія задворнаго холопства, взятаго отдѣльно отъ другихъ слоевъ сельскаго населенія, важно еще опредѣлить отношенія задворныхъ людей къ другимъ видамъ холопства. съ одной стороны, и къ крестьянству, съ другой. По мнѣнію г. Дьяконова, между задворными людьми и остальными холопами или такъ называемыми дѣловыми людьми не было никакого различія: источники безразлично говорятъ о людскихъ дворахъ, о дворахъ дѣловыхъ людей и задворныхъ; въ переписныхъ книгахъ иногда упоминается даже о „дѣловыхъ задворныхъ людяхъ“¹⁾. Относительно XVII вѣка мы не будемъ спорить съ авторомъ, но въ XVI несомнѣнно существовало если не юридическое то, по крайней мѣрѣ, фактическое различіе между „людьми“ вообще и „дѣловыми людьми“, хотя бы тѣ и другіе и сидѣли на особыхъ дворахъ. Отмѣчу слѣдующій характерный фактъ. извѣстный и г. Дьяконову, но недостаточно оцѣненный имъ. Въ 1571 г. въ вотчинѣ Агафьи Зубаревой, с. Талызинѣ, муромскаго уѣзда, было между прочимъ „луцскихъ (то-есть людскихъ) три двора, да деловыхъ три ж двора“²⁾. Быть можетъ, между дѣловыми людьми и другими холопами, сидящими за дворомъ землевладѣльца, и существовало именно то различіе, которое указываетъ г. Ключевскій: дѣловые люди получали мѣсячину и отбывали только барщину, не платя оброка, между тѣмъ какъ задворные холопы обязаны были и оброкомъ. Замѣтимъ еще, что терминъ „задворные люди“ смѣло можетъ быть отнесенъ и къ тѣмъ холопамъ, которые еще въ XVI вѣкѣ сидѣли на особыхъ земельныхъ участкахъ и имѣли свои отдѣльные двора: это доказывается одною неизданною писцовою книгой Шелонской пятины Великаго Новгорода, составленною въ 1571—72 г.: у множества помѣщиковъ здѣсь упоминаются „за дворомъ люди“³⁾, а при описаніи помѣстья Аванасья Еремѣева читаемъ: „а задворныхъ людей Аванасьевыхъ (д) Оишко Яковлевъ, (д) Оетко Ивановъ, (д) Яшко Немчинъ“⁴⁾. Это наблюденіе имѣетъ большую цѣнность: вопреки установившемуся взгляду терминъ „задвор-

¹⁾ Тамъ же, стр. 288.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грам. Кол. эк., муромс. у., № 7753.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду № 8, лл. 74 об., 78 и об., 82 об.—88, 84 об., 89 об., 91 и об., 98 и об. и др.

⁴⁾ Тамъ же, л. 118 об.—119.

ные люди⁴ существовалъ и до XVII вѣка, въ 70-хъ XVI, такъ что не можетъ быть и рѣчи о происхожденіи задворнаго холопства изъ кабальнаго, форма котораго, принимавшаяся за исходную точку задворной певолы, сложилась только въ самомъ концѣ XVI столѣтія, по указамъ 1586 и 1597 гг.; нельзя, слѣдовательно, говорить и о задворныхъ людяхъ, какъ юридическомъ состояніи: они—то-же, что страдники или страдные люди, то-есть обыкновенные земледѣльческіе холопы.

Переходимъ къ другой сторонѣ дѣла: къ отношеніямъ между задворными холопами и крестьянами. Въ изображеніе этихъ отношеній г. Дьяконовъ внесъ нѣчто новое: согласно съ общепринятымъ взглядомъ онъ полагаетъ, что въ XVI вѣкѣ и въ теченіе большей части XVII холопы и задворные люди отличались рѣзко отъ крѣпостныхъ крестьянъ тѣмъ, что считались людьми нетяглыми, не платили государственныхъ податей; отличіемъ отъ общепринятаго является только мнѣніе автора о времени, когда холопы и крестьяне слились въ одно крѣпостное сословіе, обязанное уплатой податей, подъ отвѣтственностью землевладѣльцевъ: г. Ключевскій относилъ это сліяніе ко времени первой ревизіи; г. Милюковъ высказалъ мнѣніе, что оно случилось раньше, въ 1678 году, путемъ особаго указа, закрѣпленнаго еще и внесеніемъ задворныхъ людей въ переписныя книги того времени ¹⁾. Это послѣднее мнѣніе принято и авторомъ разбираемой книги. Но въ той же книгѣ г. Дьяконова есть еще указанія на необходимость ограничить мнѣніе, что землевладѣльцы еще въ первой половинѣ XVII вѣка, переводя задворныхъ людей на тяглые участки, не превращали ихъ въ государственныхъ тягловцовъ. Вопросъ, какъ кажется, нуждается еще во внимательномъ новомъ пересмотрѣ. Думаютъ, что обыкновенно землевладѣльцы путемъ частныхъ хозяйственныхъ распоряженій сажали холоповъ на отдѣльные земельные участки, государство же не знало этихъ холоповъ, не считало ихъ тяглыми. Въ какомъ смыслѣ нужно понимать этотъ нетяглый характеръ холоповъ, сидѣвшихъ на тяглыхъ земельныхъ участкахъ? Его нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что земля, распахиваемая холопами, не облагалась государствомъ: земля эта всегда платила подати; это признаютъ всѣ изслѣдователи. Если холоповъ этихъ считать нетяглыми по той причинѣ, что съ земли, обрабатываемой ими, налоги плати-

---

¹⁾ Труды рязанской ученой архивной комиссіи за 1897 годъ, т. XII, вып. 1. стр. 98.

лись не ими, а ихъ господами, то это еще не основаніе для того, чтобы признавать такихъ холоповъ нетяглыми: въ такомъ случаѣ очень многіе крестьяне—напримѣръ, большинство крестьянъ-половниковъ—тоже были бы нетяглыми, такъ какъ и за нихъ, на основаніи условія, вносимаго въ порядныя записи, налоги платились землевладѣльцами. Не вѣрнѣе ли признать, что все различіе между положеніемъ холоповъ по отношенію къ государственному тяглу до и послѣ 1678 г. сводилось къ чисто-формальному признаку, къ тому, кто—землевладѣлецъ или холопъ—вносилъ подати къ казнѣ. Впрочемъ и это формальное различіе было очень ничтожно, такъ какъ и послѣ указа 1678 года отвѣтственными лицами по взносу податей оставались всетаки землевладѣльцы.

Въ изложеніи содержанія пятаго очерка книги г. Дьяконова мы вездѣ употребляли выраженіе „задворные люди“ въ значеніи холоповъ, сидѣвшихъ на земледѣльческихъ участкахъ и особыхъ дворахъ. Такое употребленіе этого слова при изслѣдованіи исторіи задворныхъ людей единственно вѣрно. Г. Дьяконовъ начинаетъ свой очеркъ указаніями на то, что эпитетъ „задворный“ прилагался и къ не холопамъ, что были, напримѣръ, задворные конюхи, задворные бобыли, монастырскіе задворные служки¹⁾. Все это, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ задворнымъ людямъ въ собственномъ смыслѣ и только обременяетъ книгу излишнимъ балластомъ.

Постановка и разработка вопроса о монастырскихъ дѣтенышахъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ шестомъ очеркѣ книги, составляетъ несомнѣнную заслугу г. Дьяконова, тѣмъ болѣе, что до него этотъ вопросъ даже и не затрогивался въ литературѣ. Дѣтенышами назывался довольно многочисленный слой населенія монастырскихъ вотчинъ. Этотъ слой сложился изъ нѣсколькихъ элементовъ: во-первыхъ, въ число дѣтенышей вошли осиротѣвшія крестьянскія и бобыльскія дѣти, во-вторыхъ, обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли, въ-третьихъ, наемные люди. Первые два разряда, о которыхъ и слѣдуетъ говорить какъ о собственно-дѣтенышахъ, были монастырскими крѣпостными людьми. Занятія дѣтенышей были довольно разнообразны: дѣтеныши пахали монастырскую пашню, были епанечниками, кожевниками, конюхами, пастухами, мельниками, муковозами, поваренными дѣтенышами, трапезными, застольными дѣтенышами. Общимъ правиломъ было то, что дѣтеныши жили на монастырскомъ иждивеніи, получали мѣсячину хлѣ-

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 244—246.

бомъ и деньгами. Вообще въ хозяйственномъ отношеніи дѣтеныши играли ту же роль, какая принадлежала въ частно-владѣльческихъ свѣтскихъ владѣніяхъ холопамъ. Въ 70-хъ годахъ дѣтеныши были обложены государственными податями, какъ и холопы, но раньше, по мнѣнію г. Дьяконова, они не были тяглыми. Впрочемъ, едва ли это мнѣніе можетъ быть принято безъ ограниченій, такъ какъ, повидимому, монастырская запашка освобождалась отъ податей только по особымъ жалованнымъ грамотамъ ¹⁾).

Таково содержаніе книги г. Дьяконова. Повторяемъ, авторъ устранился сознательно отъ общаго вывода, но, думаемъ, выводъ этотъ напрашивается самъ собой, если сопоставить отдѣльныя заключенія каждаго изъ шести очерковъ. Изъ такого сопоставленія можно заключить, что и крестьянство, и бобыльство, и задворное холопство, и, наконецъ, состояніе монастырскихъ дѣтенышей не были созданы государственной властью, а появились какъ результатъ общественныхъ условій, не направляемыхъ правительствомъ и независимыхъ отъ него. Этотъ выводъ имѣетъ первостепенное значеніе: въ русской исторической литературѣ, особенно благодаря изслѣдованіямъ Градовскаго и г. Сергѣевича, утвердилось мнѣніе, что русскія сословія образовались подъ влияніемъ государства, были созданы правительственной властью. Эта мысль пустила довольно глубокіе корни, даже такой выдающійся изслѣдователь, какъ г. Милюковъ, положилъ ее въ основу изображенія процесса развитія русскаго общества въ московскій періодъ ²⁾. Между тѣмъ въ этой мысли заключается много неясностей. Въ какомъ смыслѣ можно понимать созидательную роль государства въ исторіи социальнаго строя? Если въ томъ, что сословія, какъ расчлененіе общества на политической основѣ, на основѣ правъ и обязанностей, формулированныхъ болѣе или менѣе точно въ законѣ, появились именно вслѣдствіе опредѣленія размѣра этихъ правъ въ законѣ, созданномъ государствомъ, то это значить всегда и вездѣ признавать сословія плодомъ государственнаго вліянія, такъ какъ всегда и вездѣ политическія сословія опираются на прочно установившіяся принципы обычнаго или писаннаго права. Съ другой стороны, никогда права и обязанности не создаются—по крайней мѣрѣ, надолго—искусственно правительствомъ, и такое искусственное созданіе социальнаго строя всего менѣе имѣло мѣсто въ русской исторіи, какъ это превосходно дока-

¹⁾ Тамъ же, стр. 296, 303, 307, 800—812, 914.

²⁾ „Очерки по исторіи русской культуры“, т. I, стр. 127 и сл.

зывается книгой г. Дьяконова. Въ этомъ и состоитъ главная цѣнность разбираемаго изслѣдованія. Жаль только, что авторъ, увлекшись разработкой ряда детальнѣхъ подробностей, не сформулировалъ главнаго вывода, который было можно и должно сдѣлать изъ его книги. Можно вообще признать общимъ социологическимъ закономъ, что политическія явленія опредѣляются вліяніемъ социальныхъ, а не наоборотъ. И едва ли можетъ существовать сомнѣніе, что исторія Россіи въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Чѣмъ дальше пойдетъ разработка социальной исторіи Россіи, тѣмъ больше будетъ выясняться самостоятельное значеніе процесса развитія русскихъ словій.

Представленный здѣсь краткій разборъ „Очерковъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“ заключаетъ въ себѣ немало частныхъ возраженій, касающихся отдѣльныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ книгѣ. Возможность этихъ замѣчаній объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что ни одинъ изслѣдователь не въ состояніи въ настоящее время охватить всю массу матеріала, остающагося неизданнымъ въ нашихъ архивахъ. Несомнѣнно, что дальнѣйшее детальное изученіе того моря документовъ, которое сохранилось для насъ отъ XVII вѣка, во многомъ еще дополнить и исправить выводы г. Дьяконова. Но и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ не признать выдающихся достоинствъ книги: богатства собраннаго матеріала, ясности мысли и изложенія, укрѣпленія основныхъ началъ теоріи Погодина и г. Ключевского о происхожденіи крѣпостнаго права, выясненія многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ въ исторіи бобыльства, за дворнаго холопства, монастырскихъ дѣтенышей, наконецъ, того чутія исторической дѣйствительности, которое, вообще говоря, не особенно часто встрѣчается у юристовъ, принимающихъ за разработку вопросовъ исторіи русскаго права: авторъ умѣетъ за отвлеченными юридическими схемами схватить сложныя явленія дѣйствительной жизни, и потому его книга въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно выясняетъ связь и взаимодѣйствіе жизненныхъ явленій съ юридическимъ сознаніемъ.

Въ общемъ книга г. Дьяконова представляетъ, несомнѣнно, очень цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу.

И. Рюминовъ.

Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. А. К. Бороздина. Стр. XIII + 348 + 171, въ 8-ку Цѣна 4 рубля.

I.

Приступая къ своему изслѣдованію, А. К. Бороздинъ, конечно, долженъ былъ изучать свои такъ называемые первоисточники. Въ этомъ отношеніи основное значеніе имѣли сочиненія самого Аввакума, не только для изображенія всѣхъ періодовъ жизни протопопа, но и какъ самостоятельный предметъ для изслѣдованія. Это—прежде всего примѣчательнѣйшіе литературные памятники, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ не только обрисована жизнь самого Аввакума, какъ дѣятеля на различныхъ поприщахъ, но и съ безпримѣрною полнотою, прямо какъ въ зеркалѣ, отразилась первоначальная жизнь раскола съ ея главными и второстепенными внутренними вопросами. Въ большей своей части сочиненія Аввакума ранѣе были изданы, частію же оставались еще въ рукописяхъ. Честь отысканія и напечатанія этихъ рукописей принадлежитъ, между прочимъ, и самому г. Бороздину. Но на немъ же лежала обязанность и обследовать данные памятники, такъ какъ работы его предшественниковъ въ этомъ отношеніи можно почти не считать. Прежде всего ему слѣдовало указать, сколько это возможно: когда, для кого и по какому поводу было составлено то или другое писаніе Аввакума, то-есть рѣшить обычные въ библиографическомъ обзорѣ вопросы, включая сюда, конечно, и всѣ другія примѣчанія, вызываемыя историческими данными памятника. А такъ какъ, затѣмъ, писанія Аввакума не сохранились въ ихъ оригиналѣ или подлинникахъ, а существующіе списки, какъ болѣе древніе, такъ и болѣе поздніе, имѣютъ разночтенія, иногда существенно важныя, то для автора возникалъ вопросъ не только о подлинности или неподлинности этихъ частныхъ разночтеній, но и о составѣ того или другаго памятника вообще, чтобы рѣшить, не представляетъ ли извѣстный списокъ какой-либо передѣлки противъ подлинника, въ видѣ ли сокращенія, или же въ видѣ дополненія и распространенія. Въ заключеніе предстояло рѣшить еще одинъ первостепенной важности вопросъ: не вошло ли въ изданіе сочиненій Аввакума такихъ памятниковъ, которые въ дѣйствительности ему не принадлежать?

Что же мы паходимъ въ разсматриваемомъ изслѣдованіи объ Аввакумѣ? Сколько можно видѣть, всѣ изложенные вопросы въ нѣкоторой

мѣрѣ предносилъ г. Бороздину, но только не всегда и не въ соответствующей полнотѣ, а если когда онъ и касался ихъ, то изслѣдовалъ по большей части поверхностно, бѣгло и наскоро. Напримѣръ, иногда онъ прямо отмѣчаетъ, что посланіе писано въ Москву, но *почему* такъ надо думать, объ этомъ умалчиваетъ, въ большинствѣ же случаевъ и совсѣмъ не затрогиваетъ вопроса о томъ, куда было или могло быть направлено извѣстное писаніе Аввакума. Затѣмъ, очень многія мѣста въ этихъ писаніяхъ, имѣющія большой историческій интересъ, совсѣмъ не комментированы, равно какъ не подвергнуты критикѣ и существующіе въ литературѣ возраженія противъ подлинности обзорѣваемыхъ авторомъ памятниковъ¹⁾. Рѣшенію вопроса о разночтеніяхъ почти совсѣмъ не удѣлено мѣста, а сравненіе печатнаго матеріала съ рукописнымъ произведено и не въ возможной полнотѣ, и безъ надлежащей тщательности. Цѣли изслѣдованія г. Бороздина требовали обратить вниманіе и на источники, которыми пользовался Аввакумъ для своихъ писаній, и попытку на это авторъ, дѣйствительно, сдѣлалъ, но, какъ самъ о томъ заявляетъ въ предисловіи, „вдаваться въ детальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи онъ счелъ излишнимъ, такъ какъ убѣдился, что въ способѣ пользованія источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность.“ Однако этого убѣжденія, по нашему мнѣнію, недостаточно, такъ какъ конечною цѣлью изслѣдованія должно быть не одно только оно, но главнымъ образомъ обработка сочиненій Аввакума какъ матеріала для составленія исторіи раскола. Въ этомъ отношеніи авторъ допустилъ въ своей работѣ громаднѣйшій пробѣлъ. Языкъ сочиненій Аввакума, этотъ примѣчательнѣйшій и едва ли не безпримѣрный въ современной ему средѣ по красотамъ и оригинальности языкъ, въ диссертациі на степень магистра русской словесности, остался, приходится отмѣтить, безъ характеристики, если не считать замѣчаній въ двухъ-трехъ словахъ или фразахъ, сказанныхъ притомъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія. „Замѣчанія относительно стили Аввакума, — читаемъ объясненія автора въ предисловіи, — я не нашелъ нужнымъ выдѣлять въ особую главу, чтобы не нарушать цѣльности своей работы.“ Странная отговорка, тѣмъ болѣе, что ни о какой „цѣльности“ въ отношеніи плана сочиненія г. Бороздина совсѣмъ не можетъ быть рѣчи.

Итакъ, въ обзорѣ главныхъ источниковъ сочиненія мы не находимъ той полноты, какая безусловно требовалась бы отъ него.

¹⁾ *Библиографъ*, 1884, I, 7—9.

А послѣ этого трудно ожидать отъ разсматриваемаго очерка и полноты въ изображеніи личности Аввакума и его дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ здѣсь портретъ этого протопопа—богатыря, гдѣ цѣлостная характеристика этого замѣчательнѣйшаго человѣка, владѣвшаго несокрушимымъ здоровьемъ, желѣзною волей и рѣдкими душевными дарованіями? Читая автобіографію Аввакума и многочисленныя его писанія, все это видишь ясно, видишь именно цѣлостный и живой образъ. А въ очеркѣ г. Бороздина предъ вами мелькаютъ только смутныя очертанія, движется тѣнь, и притомъ при фальшивомъ свѣтѣ. Вотъ и весь съ этой стороны результатъ переведенія страницъ источника на страницы „изслѣдованія.“ Обозрѣвая жизнь Аввакума того періода, когда онъ состоялъ еще членомъ церкви и былъ сначала діакономъ, потомъ попомъ и протопопомъ, г. Бороздинъ лишь вскользь дѣлаетъ замѣчанія объ Аввакумѣ какъ пастырѣ и совсѣмъ ничего не говоритъ о немъ какъ проповѣдникѣ. Между тѣмъ, это былъ незаурядный человѣкъ своего времени, и въ его сочиненіяхъ немало можно найти данныхъ, чтобы ярко очертить картину пастырской жизни и проповѣднической дѣятельности бывшаго протопопа Юрьевца-Повольскаго. А вѣдь по признанію самого автора „Протопопа Аввакума,“ выраженному въ предисловіи съ сочиненію, именно *эта* сторона дѣятельности протопопа—богатыря дала г. Бороздину основаніе писать подъ названнымъ заглавіемъ: „Очеркъ изъ исторіи умственной жизни,“ такъ какъ онъ, по авторскому выраженію, „представляетъ не малый интересъ,“ между прочимъ, и „для исторіи вообще умственнаго движенія русскаго общества въ XVII вѣкѣ.“ Не говоримъ уже о томъ, что для полноты и цѣлостности очерка слѣдовало бы бросить взглядъ на Аввакума, какъ на отца и главу семейства.

Обозрѣвая, затѣмъ, жизнь Аввакума пустозерскаго періода, г. Бороздинъ долженъ былъ охарактеризовать своего героя, какъ расколу учителя. Если бы онъ шелъ послѣдовательно, ему предстояло бы изложить взглядъ Аввакума на переживаемое время и на одно чрезвычайное явленіе въ расколѣ, стоявшее въ связи съ этимъ взглядомъ, именно на возникшее тогда въ расколѣ самоистребленіе. Послѣ этого должны были слѣдовать отвѣты Аввакума по тѣмъ внутреннимъ вопросамъ въ расколѣ, которые были вызваны положеніемъ раскола въ православномъ государствѣ, гдѣ ему приходилось жить въ средѣ членовъ отрицаемой имъ церкви и гдѣ относительно его дѣйствовалъ особый законъ. Далѣе, центръ внутренняго движенія въ расколѣ заключался въ тѣхъ вопросахъ, которые были вызваны положеніемъ раскола внѣ

церкви: слѣдовательно, автору надлежало охарактеризовать Аввакума, какъ руководителя и въ этихъ вопросахъ. Наконецъ, сужденія Аввакума по вопросамъ обрядовымъ, истекавшимъ изъ основной доктрины раскола, и по вопросамъ случайнаго происхожденія, а также полемика расколоучителя противъ православія, — все это безусловно входило въ задачу рассматриваемаго очерка. Только путемъ тщательнаго и систематическаго свода сужденій Аввакума по вышеназваннымъ вопросамъ можно бы было достигнуть того, чтобы личность Аввакума, какъ расколоучителя, обрисовалась съ достаточною полнотою и ясностью. Между тѣмъ, кромѣ разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ замѣчаній на этотъ счетъ въ трудѣ г. Бороздина мы ничего не находимъ. Не преслѣдуя ни полноты и цѣлости, ни плана и системы, авторъ излагаетъ содержаніе того или другаго памятника пера Аввакума, попутно дѣлаетъ на него краткій комментарий, а въ заключеніе главы подводитъ итогъ, но не всегда и не по всѣмъ пунктамъ. Нѣкоторое исключеніе составляютъ споры Аввакума по догматическимъ вопросамъ, изложеніе которыхъ имѣетъ довольно полноты и обстоятельности, но и это не безъ причины, а потому, что у автора былъ предшественникъ, изслѣдованіе котораго имѣло для него, г. Бороздина, по собственному признанію послѣдняго въ предисловіи, „весьма большое значеніе“. И если мы обратимъ вниманіе на основное условіе, при которомъ производилось рассматриваемое изслѣдованіе, то еще болѣе поймемъ, почему отрывочныя поясненія къ тексту писаній Аввакума, какъ приемъ изображенія дѣятельности расколоучителя, оказались не имѣющими надлежащей цѣны. Имѣя своею цѣлью дать „литературную біографію“ Аввакума, г. Бороздинъ, по собственному его объясненію въ предисловіи, считалъ „необходимымъ указать связи, соединявшія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ“. А между тѣмъ основное мировоззрѣніе сторонниковъ этого движенія авторъ изобразилъ недостаточно полно и рельефно, больше того: нѣкоторыя стороны онъ совсѣмъ обошелъ молчаніемъ, хотя весьма подробно останавливался на такихъ ненужныхъ для дѣла предметахъ, какъ злоупотребленіе проживавшими въ Россіи иноземцами торговою монополіею. Вслѣдствіе этого читатель очерка г. Бороздина остается въ недоумѣніи, почему Аввакумъ, какъ расколоучитель, былъ сторонникомъ тѣхъ, а не другихъ воззрѣній, или: гдѣ начинались и какъ далеко шли тѣ „связи“, указать которыя имѣлъ авторъ. А съ другой стороны, была ли возможность изображать Аввакума, какъ расколоучителя, безъ связи съ об-

щимъ состояніемъ раскола того времени, когда протопопъ жилъ въ Пустозерскѣ,—безъ указанія тѣхъ теченій въ жизни раскола, которыя исходили изъ другихъ его центровъ и отъ другихъ расколоучителей? Безспорно, что ни нить происхожденія внутреннихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда расколъ, ни значеніе для раскола рѣшеній Аввакума, при такомъ способѣ изслѣдованія не могли быть выяснены съ историческою безошибочностью. И намъ кажется, что при другой постановкѣ своего изслѣдованія г. Бороздинъ не пришелъ бы къ тому выводу, которымъ онъ начинаетъ свою книгу,—что въ исторіи раскола за первое время его существованія Аввакумъ занимаетъ *центральное* положеніе. Иное дѣло сказать, что Аввакумъ выдѣлялся среди всѣхъ другихъ расколоучителей, что это былъ расколоучитель—богатырь...

II.

Сказавъ преимущественно о томъ, чего *нѣтъ* въ разсматриваемомъ сочиненіи г. Бороздина, хотя и должно бы непремѣнно имѣть здѣсь мѣсто, обратимся теперь къ обзору и оцѣнкѣ того, что *есть* у нашего автора. Надѣмся, что при этомъ еще болѣе получатъ подтвержденіе тѣ положенія и замѣчанія, которыя были высказаны нами выше.

Жизнь Аввакума распадается на два періода, гранью для которыхъ служить фактъ его ссылки въ Пустозерскъ, какъ упорнаго расколоучителя, съ предварительнымъ лишеніемъ сана и отлученіемъ отъ церкви, послѣдованнымъ по опредѣленію собора 1666—1667 годовъ. Такое дѣленіе мы находимъ, конечно, и въ разсматриваемомъ сочиненіи, но въ дальнѣйшихъ частностяхъ планъ послѣдняго не можетъ заслуживать одобренія. Первому періоду посвящено четыре главы и въ расположеніи ихъ замѣтна стройность и послѣдовательность; но три слѣдующія главы, удѣленные пустозерскому періоду, представляютъ механическое и чисто случайное построеніе. Правда, г. Бороздинъ въ предисловіи объясняетъ, что и „при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума онъ старался, пасколько это возможно, приурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни“. Но такъ какъ хронологическій порядокъ сочиненій Аввакума возстановить невозможно, да и при розысканіи возможныхъ датъ авторъ допустилъ пробѣлы и ошибки, то исходная его точка вслѣдствіе этого потеряла всякій смыслъ. Оказывается, что о произведеніяхъ болѣе ранняго времени

онъ говорить въ дальнѣйшей главѣ, въ другихъ случаяхъ—прямо наоборотъ, далѣе—приурочиваетъ къ извѣстной главѣ такія произведенія, о времени написанія которыхъ или совѣтъмъ ничего нельзя сказать, или можно сказать крайне неопредѣленно, и наконецъ—объ однихъ и тѣхъ же памятникахъ ведетъ рѣчь въ различныхъ главахъ. И этого еще мало: неудачный планъ второй части сочиненія повелъ автора къ неудобному методу изложенія. Вѣдь вести біографическій разказъ совмѣстно съ критическою работою, имѣющею цѣлью дать только выводы для этого разказа, это значитъ безъ нужды утомлять вниманіе читателя и даже прямо отталкивать его нѣкоторою, такъ сказать, запутанностью рѣчи. А у г. Бороздина это такъ именно и есть: излагая факты изъ жизни Аввакума, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ попутно и прямо въ текстѣ дѣлаетъ обзоръ его сочиненій. Въ виду этого неудобства, критическій перечень произведеній Аввакума слѣдовало бы выдѣлнить въ особый отдѣлъ и вообще дать другой планъ изложенію пустозерской жизни протопопа. Чтобы, однако, дать читателю болѣе ясное представленіе о разсматриваемомъ трудѣ, мы послѣдуемъ за его авторомъ, дѣлая обзоръ въ порядкѣ указанныхъ имъ главъ, и только характеристику Аввакума какъ расколоучителя, въ виду особой важности предмета, отнесемъ на конецъ ¹⁾).

Первая глава сочиненія г. Бороздина обнимаетъ начальный періодъ жизни Аввакума, окончившійся переселеніемъ послѣдняго въ Москву. Сначала здѣсь говорится о дѣтствѣ Аввакума, затѣмъ о его службѣ попомъ въ селѣ Лопатицахъ и о путешествіяхъ отсюда въ Москву, наконецъ указываются обстоятельства, побудившія протопопа окончательно уйти въ столицу. Все это изложено менѣе чѣмъ на тринадцати страницахъ, но уже и здѣсь мы находимъ нѣсколько мѣстъ подлежащихъ оговоркѣ или исправленію. Таково прежде всего утвержденіе г. Бороздина, что Аввакумъ родился „въ 1619 или 1620 году“ (стр. 1): по нашему мнѣнію, оно должно быть измѣнено въ такое: „въ 1620 или 1621 году“. Исходною точкой въ данномъ случаѣ можетъ служить время переселенія Аввакума въ Москву. Въ

¹⁾ Такъ какъ сочиненія протопопа Аввакума изданы въ V и VIII томахъ „Матеріаловъ для исторіи раскола“, то мы для краткости прямо въ текстѣ обозначаемъ только томъ и страницю этого изданія (напримѣръ V, 113). Цитацию сочиненія А. К. Бороздина ведемъ такъ: смр. 00. А чтобы сократить размѣры настоящей статьи, въ нужныхъ случаяхъ отсылаемъ читателя за подробностями къ нашему изслѣдованію: „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“. С.-Пб. 1898.

своимъ житіи Аввакумъ передаетъ, что онъ поселился въ Москвѣ по возвращеніи съ протопопскаго мѣста изъ Юрьевца-Повольскаго. Когда же это было? Аввакумъ говоритъ, что возвращеніе Никона изъ поѣздки въ Соловки состоялось уже въ бытность его Аввакума, въ Москвѣ (V, 17): значить, онъ прибылъ туда ранѣе 9-го іюля 1652 года. Но съ другой стороны, ведя послѣдовательный разказъ, Аввакумъ совсѣмъ не упоминаетъ о смерти патріарха Іосифа, умершаго 15-го апрѣля 1652 года: очевидно, смерть и погребеніе патріарха послѣдовали еще въ то время, когда Аввакумъ не успѣлъ „прибести къ Москвѣ“. Это соображеніе вполне подтверждается и документальными данными, изъ которыхъ видно, что Аввакумъ прибылъ въ Москву въ 160, то-есть, въ 1652 году и уже послѣ смерти патріарха Іосифа¹⁾. Но Аввакумъ поселился въ Москвѣ уже въ санѣ *протопопа*. „Государь велѣлъ въ протопопы поставить его въ Юрьевецъ-Повольскій“. А такъ какъ въ Юрьевѣ-Повольскомъ Аввакумъ „пожилъ только восемь недѣль“ (V, 16), то ясно, что протопопство онъ получалъ не ранѣе, какъ въ началѣ 1652 года. А такъ какъ, далѣе, „въ протопопы онъ совершеть былъ“ 31 юда отъ рожденія (V, 10), то послѣднее надо относить къ 1620 или 1621 году. Затѣмъ, относительно столкновенія Аввакума съ „начальникомъ“ Иваномъ Родіоновичемъ г. Бороздинъ утверждаетъ, что оно произошло „по неизвѣстному поводу“ (стр. 4—5); между тѣмъ Аввакумъ объ этомъ прямо говоритъ: „сердитовалъ на меня за церковную службу,—ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борю, такъ ему было досадно“ (V, 13). Точно также, первую причину возстанія противъ Аввакума его прихожанъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ г. Бороздинъ считаетъ *единогласное пѣніе*, введеніе котораго Аввакумъ предпринялъ, по мысли автора, въ силу опредѣленія *собора 1651 юда* (стр. 11; ср. 7—9); между тѣмъ въ разказѣ самого Аввакума объ этой причинѣ не упоминается ни единымъ словомъ (V, 16). Правда, г. Бороздинъ ссылается, въ качествѣ доказательства, на слова Аввакума въ посланіи къ неизвѣстному (V, 223), но изъ сопоставленія этихъ словъ съ разказомъ житія (V, 12—13) выходитъ, что въ посланіи къ неизвѣстному Аввакумъ разумѣетъ случаи изъ своей жизни въ Лопатицахъ, то-есть бывшіе ранѣе 1651 и даже 1645 года.

Помимо изложеннаго, въ рассматриваемой главѣ встрѣчается нѣсколько частныхъ погрѣшностей въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ и стран-

¹⁾ Христ. Чт. 1891, I, 150—51.

ностей въ аргументаціи. Такъ при опредѣленіи года рожденія Аввакума г. Бороздинъ ссылается на показаніе сына протопона — Ивана (стр. 1), но далѣе самъ же справедливо указываетъ, что это показаніе должно быть исправлено (стр. 12). Точно также, говоря о знакомствѣ Аввакума съ Иларіономъ, впоследствии архіепископомъ рязанскимъ, г. Бороздинъ легко могъ бы догадаться, что ранѣе Иларіонъ былъ игуменомъ въ *Макаріевомъ-Желтоводскомъ* монастырѣ (V, 95; ср. 342) ¹⁾ и не ограничиваться замѣчаніемъ: „въ какомъ-то монастырѣ“ (стр. 3). Или еще: въ извѣстіи о послѣднемъ бѣгствѣ Аввакума въ Москву г. Бороздинъ сообщаетъ, что протоподу пришлось при этомъ оставить въ Юрьевцѣ-Повольскомъ „тещу и дѣтей“ (стр. 12); между тѣмъ изъ словъ самого Аввакума видно, что онъ „покинулъ жену и дѣтей“ (V, 16), тещи же у него и совѣмъ, кажется, не было (V, 10).

Во *второй главѣ* сочиненія г. Бороздина (стр. 14 — 65) сначала говорится объ извѣстномъ кружкѣ Стефана Вонифатіева, его составѣ и характерѣ дѣятельности; затѣмъ идетъ рѣчь о зарожденіи того взгляда на грековъ и малороссовъ, рѣшительнымъ выразителемъ котораго явился патріархъ Никонъ; исходомъ перваго протеста противъ извѣстныхъ мѣръ Никона глава заканчивается. О характерѣ общаго содержанія этой части сочиненія мы уже говорили: здѣсь-то авторъ и хотѣлъ „указать связи, соединяющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ“. Прибавимъ только, что глава составлена преимущественно при посредствѣ готовыхъ пособій. Что касается частныхъ, то достаточно указать лишь примѣры этого рода. Авторъ не только утверждаетъ, что точное наставленіе о двуерстїи впервые было внесено въ Іосифовскую Псалтырь 1642 года (стр. 22), но и пишетъ, что патріархъ Никонъ былъ „сынъ бѣднаго нижегородскаго священника“ (стр. 48).

Третья глава разсматриваемаго сочиненія (стр. 66—87) посвящена описанію жизни Аввакума въ Тобольскѣ, куда онъ былъ сосланъ въ 1653 году, и въ Даурїи. По сравнительной обстоятельности и по отсутствію историческихъ и хронологическихъ ошибокъ, эта глава производитъ на читателя наиболѣе благопріятное впечатлѣніе.

Въ *четвертой главѣ* очерка г. Бороздина (стр. 88—154) сначала говорится о развитіи раздорнической пропаганды противъ дѣла Никона въ періодъ времени съ 1653 года до 1664, когда Аввакума не

¹⁾ *Строевъ*, Списки іерарховъ. С.-Ив. 1877, стр. 618.

было въ Москвѣ; затѣмъ здѣсь описывается пропагаторская дѣятельность самого Аввакума — въ Москвѣ и на Мезени; осужденіемъ раскола на соборѣ 1666—1667 года и ссылкой Аввакума съ сообщниками въ Пустозерскъ рѣчь оканчивается. По повизнѣ данныхъ эта часть очерка даетъ не многое ¹⁾, но за то въ выводахъ авторъ идетъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ. Не ограничиваясь общепринятымъ мнѣніемъ, что до 1666—1667 года раздорническое движеніе выразилось частію въ теоретическихъ сужденіяхъ на почвѣ ходячихъ эсхатологическихъ чаяній, частію практически — въ нехожденіи въ церкви, гдѣ служили по новоисправленнымъ книгамъ, — г. Бородинъ, какъ видно изъ заключительныхъ „итоговъ“ его сочиненія, повторенныхъ и въ „положеніяхъ“ къ диссертации, утверждаетъ, что еще до собора 1666 года выработалась безпоповщинская доктрина съ ея пунктами о духовномъ антихристѣ и перекрещиваніи (стр. 348). Пунктъ о *перекрещиваніи* онъ основываетъ на записанномъ въ житіи инока Корнилія преданіи о соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ и разсуждавшемъ о приемѣ приходящихъ въ расколъ отъ никоніанства (стр. 133—134); а ученіе о *духовномъ* антихристѣ авторъ находитъ въ писаніи неизвѣстнаго по имени расколоучителя „объ антихристѣ и тайномъ царствѣ его“ (стр. 112—116). Но на это надо замѣтить, что ни писаніе объ антихристѣ, ни этотъ соборъ относятся ко времени до 1666 года нѣтъ основаній и, наоборотъ, есть основанія видѣть въ нихъ памятникъ и фактъ болѣе поздняго времени ²⁾. Такимъ образомъ, основное положеніе, приводимое авторомъ въ данной главѣ, должно быть отвергнуто.

Что же касается частныхъ, то здѣсь прежде всего нѣкоторыя страницы должны быть совсѣмъ зачеркнуты. Къ таковымъ мы относимъ тѣ, гдѣ рѣчь идетъ о вышеназванномъ писаніи „объ антихристѣ“, такъ какъ библиографическія свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ здѣсь основаны на вполне ошибочныхъ данныхъ, а содержаніе его передано по крайне неисправнымъ спискамъ (стр. 112—116). Кромѣ того въ разсматриваемой главѣ подлежатъ исправленію слѣдующія мѣста. Относительно извѣстнаго протопопа Логгина г. Бородинъ

¹⁾ Именно: въ рукахъ автора были двѣ, еще необсѣдѣнныя до него, рукописи — „Слова“ Спиридона Потемкина и „Повѣсть“ о Никонѣ. Впрочемъ, о послѣдней г. Бородинъ не даетъ никакихъ библиографическихъ замѣчаній.

²⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. С. 116. 1898, стр. LXXXI—VI. CXV—XVI.

выражаетъ предположеніе, не былъ ли онъ высланъ изъ Москвы въ Вологду (стр. 96): между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Логгинъ былъ сосланъ на родину—близъ Мурома (I, 25). Относительно „словъ“ Спиридона Потемкина г. Бороздинъ справедливо утверждаетъ, что они писаны ранѣе 1658 года (стр. 105), но въ то же время о выше-названномъ писаніи „объ антихристѣ“ онъ выражается такъ: „писано уже послѣ 1658—1659 годовъ, или *одновременно*, или немного позже книги Спиридона Потемкина“ (стр. 113). Игуменъ Златоустовскаго монастыря Θεоктистъ, по несомнѣннымъ даннымъ, умеръ или въ концѣ 1666 года или въ началѣ 1667, послѣ того, какъ принесъ раскаяніе на соборѣ 1666 года (I, 366; см. II, 9); по утверженію же г. Бороздина, Θεоктистъ умеръ до собора 1666 года (стр. 113), открывшаго свои засѣданія, какъ извѣстно, въ февралѣ. Свидѣтельство о Никонѣ его келейника Кирика раскольниковское сказаніе относитъ ко времени патриаршества Никона (VI, 299), а г. Бороздинъ говорить, что Никонъ тогда былъ новгородскимъ митрополитомъ (стр. 117). Показаніе записки Аввакума о дѣѣ суда надъ нимъ на соборѣ 1667 года г. Бороздинъ исправляетъ другою записью (стр. 148), но далѣе въ томъ же самомъ счетѣ онъ опять слѣдуетъ за запиской Аввакума (стр. 151), которая, по нашему мнѣнію, передаетъ хронологію событій вѣрнѣе (V, 115). Иноку Епифанію предъ ссылкой его въ Пустозерскъ, по словамъ г. Бороздина, отсѣкли руку (стр. 154), тогда какъ въ дѣйствительности это было уже во *вторую* казнь, въ Пустозерскѣ (V, 86).

Въ заключеніе можно указать на сужденія г. Бороздина по вопросу о вышеупомянутомъ соборѣ, установившемъ перекрещиваніе, какъ на болѣе характерный примѣръ, достаточно обрисовывающій работу автора со стороны ея приемовъ (стр. 133—134). Прежде всего непонятно, почему изъ двухъ списковъ житія Корнилія г. Бороздинъ пользуется *меньше* исправнымъ? Затѣмъ, возможно ли было для автора трактовать запись этого житія въ качествѣ данныхъ изъ *подлиннаго* документа? Вѣдь сюда занесено только *преданіе* и самое житіе написано уже въ XVIII вѣкѣ! И вотъ выраженія этой-то записи г. Бороздинъ комментируетъ такъ, какъ можно бы было комментировать только выраженія *подлиннаго* опредѣленія собора. Безпоповецъ XVIII вѣка въ туманныхъ выраженіяхъ намекаетъ, что мысль о вопареніи духовнаго антихриста будто бы была провозглашена еще участниками описываемаго имъ собора: и г. Бороздинъ утверждаетъ, что перекрещиваніе было узаконено въ силу признанія, что приходъ

антихриста уже совершился. Мало этого, даже и фразы безповоца г. Бороздинъ понимаетъ не всегда правильно. Не зная, на основаніи какихъ правилъ соборъ опредѣлялъ перекрещиваніе и не умѣя подвести эти послѣднія отъ себя лично, составитель житія влагааетъ въ уста участниковъ собора слѣдующія слова: „нынѣ намъ невозможно божественныхъ правилъ изыскати ради гоненія“. Между тѣмъ г. Бороздинъ на основаніи этого выраженія заключаетъ, что соборъ „хотя смутно, но высказываетъ мысль, что, въ виду стѣснительныхъ обстоятельствъ, можно и *не перекрещивать* православныхъ“. Накопецъ, трудно даже понять, какимъ образомъ г. Бороздинъ могъ не замѣтить всѣхъ другихъ несообразностей доказываемаго имъ положенія. Признавая, что данный соборъ состоялся при участіи Аввакума, по возвращеніи послѣдняго изъ Сибири, г. Бороздинъ долженъ согласиться, что соборъ могъ быть только въ 1664 году, такъ какъ въ началѣ этого года протопопъ возвратился въ Москву (стр. 86), а 29-го августа снова былъ высланъ на Мезень (V, 114). А въ такомъ случаѣ какимъ же путемъ зашли на соборъ протопопъ Даниилъ, еще въ 1653 году сосланный въ Астрахань и тамъ умершій (V, 19), и попъ Лазарь, еще не возвращенный тогда изъ Сибири (I, 433—440¹⁾? И еще: какимъ образомъ могъ дать согласіе на перекрещиваніе протопопъ Аввакумъ, *противникъ* перекрещиванія? Наконецъ, какъ это можно, на основаніи преданія объ *одномъ* соборѣ, предполагать, что „въ то время раскольническіе соборы бывали, вѣроятно, не одинъ разъ?“

Вотъ и все, о чемъ въ разсматриваемой части труда г. Бороздина можно сказать какъ о самостоятельномъ. Все прочее изложено имъ при руководствѣ пособій и отличается достоинствами лишь въ мѣрѣ достоинствъ этихъ послѣднихъ.

Пятая глава (стр. 155—183) описываетъ первое время пустозерской жизни, окончившееся для пустозерскихъ союзниковъ новою казнью. Главнымъ предметомъ здѣсь является обзоръ относящихся къ этому періоду сочиненій Аввакума, но при этомъ въ связи съ комментариемъ на текстъ послѣднихъ авторъ дѣлаетъ замѣчанія и объ общемъ состояніи раскола. Чтобы, однако, не преувеличивать дѣла, мы должны оговориться, что эти замѣчанія даже и по своему коли-

¹⁾ Не задается г. Бороздинъ вопросомъ и о томъ, *могли ли* быть въ 1664 г. въ Москвѣ игумень Досмеей, попъ Феодосій и инокъ Корнилій, а равно — существовалъ ли тогда инокъ Авраамій (I, 397)?

честву только единичны. А вотъ примѣръ и качества ихъ. Приведа слова изъ посланія діакона Θεодора къ нѣкому москвичу Іоанну о рускомъ царѣ: „единъ бысть православный царь на земли остался, да и того, невнимающаго себѣ, западніи еретицы, яко облацы темніи, угасили христіанское солнце“,—г. Бороздинъ дѣлаеть на основаніи ихъ заключеніе: „съ *этого*-то момента расколъ и получаетъ окраску *соціально* протеста, хотя основаніе протеста всегда остается чисто церковнымъ“ (стр. 159). Не требуется, конечно, комментарий, чтобы назвать это положеніе страннымъ.

Что касается библиографическихъ розысканій, то тутъ ошибки встрѣчаются почти на каждомъ шагу, да такъ, что кромѣ этихъ ошибокъ ничего и не остается. Такъ, посланіе діакона Θεодора къ москвичу Іоанну (стр. 156—163) г. Бороздинъ безусловно ошибочно считаетъ тою „книгою—отвѣтъ православныхъ“, о которой говоритъ Аввакумъ въ своемъ житіи¹⁾. Точно также и рѣчь о *трехъ редакціяхъ* этого посланія есть сплошная невѣрность: VI, 310, есть простое сокращеніе посланія, какъ видно изъ надписи „отъ епистолин діакона Θεодора“ и неоднократной помѣты въ текстѣ: *ниже*,—а V, 224—230, есть спайка изъ двухъ памятниковъ: изъ посланія къ Іоанну діакона Θεодора и изъ неизвѣстнаго пылѣ сочиненія Аввакума²⁾. Посланіе къ московскому попу Стефану (стр. 163—164) г. Бороздинъ относитъ, на основаніи приведеннаго въ немъ свидѣтельства Аввакума о себѣ самомъ: „единогласно пѣлъ лѣтъ съ двадцать“,—къ 1670 году, допуская, что протопопъ „могъ склониться къ единогласію и *ранѣе* соборнаго постановленія 1651 года“, но почему это „ранѣе“ нельзя относить далѣе, чѣмъ 1650 годъ, этого авторъ не объясняетъ³⁾. Относительно личности попа Стефана г. Бороздинъ предполагаетъ, что именно онъ въ 70-хъ годахъ XVII вѣка поселился въ Стародубѣ и притомъ вмѣстѣ съ московскимъ попомъ Космою, пріятелемъ Аввакума, въ посланіяхъ котораго этотъ Косма обыкновенно упоминается рядомъ съ именемъ попа Стефана. Между тѣмъ извѣстно, что посе-

¹⁾ „Книга—отвѣтъ православныхъ“, писанная діаконѣмъ Θεодорѣмъ по порученію его пустозерскихъ союзниковъ, въ цѣломъ видѣ хранится въ рукописи бібліотеки А. И. Хлудова подъ № 282. См. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“. С.-Пб. 1898, стр. LXIV—XV.

²⁾ Тамъ же, стр. LXIII—XIV, пр. 94.

³⁾ Припомнимъ, что въ первой главѣ начало дѣятельности Аввакума по введенію единогласія авторъ относитъ ко времени служенія въ Юрьевцѣ-Повольскомъ, куда протопопъ прибылъ въ 1652 году.

лившія въ Стародубѣ попу Стефанъ пришелъ туда изъ *Бѣлева*, гдѣ служилъ попомъ; скорѣе можно думать, что упоминаемый въ посланіяхъ Аввакума есть тотъ московскій попу Стефанъ, который въ 7 часовъ утра 23-го іюня 1682 года служилъ молебень въ напутствіе шествию раскольниковъ къ Красному крыльцу подъ предводительствомъ Никиты Пустосвята. Что же касается попа Космы, пріятеля Аввакума, то трудно рѣшить, онъ ли бѣжалъ въ Стародубе¹⁾. Относительно посланія къ неизвѣстному (стр. 164—169) г. Бороздинъ утверждаетъ, что оно „*почти совпадаетъ* по своему содержанію“ съ посланіемъ къ попу Стефану, и на этомъ основаніи предполагаетъ, что „оба посланія написаны *почти одновременно*“. Предположеніе—довольно странное, какъ видить это всякій, да, кромѣ того, о разсматриваемыхъ посланіяхъ скорѣе нужно сказать, что они по содержанію *почти не совпадаютъ*. О „посланіи утѣшительномъ“ (V, 250), которое мы назвали бы такъ: „письмо привѣтственное ищущему покаянія послѣ временнаго уклоненія изъ раскола“,—г. Бороздинъ говоритъ, что время написанія его „*весьма возможно*“ относить къ періоду не позже 1670 года (стр. 169), но основаній для этого онъ не указываетъ, да нельзя и указать ихъ. Относительно посланія Аввакума къ царю Алексію Михайловичу г. Бороздинъ утверждаетъ, что оно было „отправлено съ сотникомъ въ 178 или 1670 году“ (стр. 174—180). Между тѣмъ 178 годъ, какъ, конечно, не безызвѣстно автору, начинался съ 1-го сентября, и значить посланіе *могло* быть отправлено еще въ 1669 году. А если принять во вниманіе, что посланіе писано не въ 178, а въ 177 году, то этотъ выводъ получить характеръ *положительности*; болѣе того: надпись посланія, судя по ея характеру, говоритъ даже о томъ, что она сдѣлана уже *въ Москвѣ* (V, 142), то-есть по полученіи здѣсь посланія осенью 1669 года. О посланіи Аввакума на Мезень, къ женѣ и дѣтямъ, г. Бороздинъ говоритъ, что оно „*послано вскорѣ послѣ*“ пустозерской казни (стр. 182—183). Что оно писано *послѣ* даннаго событія, это вѣрно, но нѣтъ основаній утверждать, что писано *вскорѣ*.

Встрѣчаются въ данной главѣ также попытки автора *исправить* печатный текстъ произведеній Аввакума. Такъ, напримѣръ, въ посланія къ неизвѣстному протопопу писалъ: „а которые люди иконамъ старописаннымъ въ подобіи не поклоняются, кромѣ еретическаго никоніанскаго собранія, и то творять нехорошо“ (V, 218). Г. Бороздинъ

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. X, XXI, пр. 13, 32.

на это замѣчаетъ: „мы полагаемъ, что здѣсь слѣдуетъ вмѣсто *старописаннымъ* исправить *новописаннымъ*,—такъ можно заключать по выраженію *въ подобіи*, которое было бы излишне, если бы рѣчь шла о старописанныхъ иконахъ; а кромѣ того нѣтъ другихъ основаній предполагать, чтобы возбуждался вопросъ о поклоненіи старописаннымъ иконамъ“ (стр. 165, пр. 6). Но всѣ эти соображенія не имѣютъ ровно никакого значенія. 1) Слово „старописаннымъ“ читается во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ посланія, не исключая и древнѣйшаго архангельскаго ¹⁾). 2) Почему возбуждался вопросъ о поклоненіи старописаннымъ иконамъ, это ясно видно изъ вышеприведенныхъ словъ Аввакума: „кромѣ еретическаго никоніанскаго собранія“. Именно, въ Москвѣ очень рано объявились такіе ревнители раскола, которые не хотѣли поклоняться старописаннымъ иконамъ, если послѣднія находились въ православныхъ храмахъ или въ православномъ домѣ. Поэтому Аввакумъ и даетъ далѣе наставленіе: „подобаетъ поклоняться святымъ иконамъ; развѣ въ службу никоніанскую, то не подобаетъ поклоняться; но послѣ мольбы ихъ и собора принади и поклонися, аще и *въ никоніанской церкви* въ подобіи узришь образъ Христовъ и прочихъ святыхъ; а неподобному и я не велю кланяться“ (V, 218—219). 3) Выраженіе у Аввакума „въ подобіи“ при словѣ „старописанныя“ объясняется тѣмъ, что „изуграфы неподобнаго иконнаго письма“, какъ выражается о нихъ самъ протопопъ въ другомъ мѣстѣ, „устройства все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому“ (V, 291—292),—явились, какъ извѣстно, еще ранѣе патріарха Никона.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну ошибку: вопреки неоднократному заявленію Аввакума (V, 84, 195), г. Вороздинъ утверждаетъ, что въ розыски на Мезени въ земляной срубъ посадили не Марковну только и ея сыновей Ивана и Прокопія, но и *другихъ* ихъ братьевъ (стр. 181).

Шестая глава, по объему самая обширная (стр. 184—321), описываетъ пустозерскіе споры Аввакума по догматическимъ вопросамъ и даетъ обзоръ его сочиненій истолковательныхъ и нѣкоторыхъ дру-

¹⁾ Такого же текста списокъ былъ въ рукахъ извѣстнаго раскольническаго бібліографа Павла Любимтнаго, который въ своей исторіи „Хронологическое ядро“ вполне вѣрно передаетъ смыслъ разсматриваемаго наставленія Аввакума, — именно въ слѣдующемъ какъ бы вопросѣ и отвѣтѣ: *вопросъ*: „суть многіе, кои не почитаютъ и не поклоняются древнимъ образамъ, стоящимъ въ никоніанскихъ церквахъ или домахъ“, *отвѣтъ*: „заблуждаются весьма“ (Рис. Публ. библ. F. I, 485, подъ 1669 годомъ).

гихъ. Самостоятельнаго труда требовала только эта вторая часть, поэтому въ первой части, то-есть при изложеніи догматическихъ споровъ мы почти не встрѣчаемъ погрѣшностей съ фактической стороны. Что же касается обзора Аввакумовскихъ сочиненій, то тутъ можно говорить почти о любомъ изъ нихъ, на выборъ. Такъ бесѣду объ иконномъ писаніи г. Бороздинъ относитъ къ 1673 — 1674 гг., на томъ основаніи, что въ ней упоминается „въ Боровскѣ пещь халдейская“ (стр. 218); между тѣмъ эта „пещь“ погасла только 1-го декабря 1675 года¹⁾. Къ тому же времени и по тѣмъ же мотивамъ г. Бороздинъ относитъ толкованія на псалмы, пареміи и на пророка Исаію (стр. 218); однако же потомъ онъ дѣлаетъ оговорку: „соглашаясь съ г. Субботиннымъ, мы относимъ ихъ (то-есть эти толкованія) къ 1673 — 1674 гг., однако въ толкованіи главы 55 пророчества Исаи мы находимъ такое указаніе“, на основаніи котораго требуется установить другую дату (стр. 233 — 234). Хотя эту свою „оговорку“ г. Бороздинъ называетъ только „небольшою“, но всякій согласится, что ее скорѣе можно назвать *странною* и тѣмъ болѣе, что ссылка на Н. И. Субботина искажаетъ мнѣніе послѣдняго²⁾. Что же касается рѣшенія вопроса по существу, то заключающіяся въ разсматриваемыхъ напечатаніяхъ данныя показываютъ, что толкованія на пророка Исаію писаны около 1675 года, толкованія на псалмы—еще до полученія извѣстія о смерти извѣстныхъ боровскихъ соузницъ, хотя и не ранѣе 1675 года, толкованія на пареміи — вѣроятно не позднѣе 1675 года³⁾. Время написанія житія Аввакума г. Бороздинъ относитъ къ 1675 году и доказываетъ это слѣдующимъ. „Въ житіи, говоритъ онъ, — упоминается о смерти Ивана Морозова, послѣдовавшей при патриархѣ Питиримѣ, то-есть не раньше 1673 года; кромѣ этого Аввакумъ указываетъ, что его проповѣдничество продолжается 25 лѣтъ, а какъ мы знаемъ, устная проповѣдь является съ 1649 года; наконецъ въ Казанскомъ спискѣ житія Аввакумъ считаетъ себя 55 лѣтъ отъ роду“ (стр. 218—219). На эти соображенія г. Бороздина должно замѣтить слѣдующее. 1) Питиримъ хиротонисанъ въ патриарха 7-го іюля 1672 года: почему же г. Бороздинъ выражается „не раньше 1673 года“? И притомъ, малолѣтній Иванъ Морозовъ умеръ *скорѣе* послѣ взятія его матери, боярыни Θεодосіи Мо-

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. XLII.

²⁾ Мат. для ист. раск., т. VIII, стр. IX.

³⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. XLIII—XLVI.

розовой, подъ стражу (VIII, 172; ср. V, 184), когда она находилась на подворьѣ Печерскаго монастыря (VIII, 169); а такъ какъ Морозова была взята подъ стражу въ ночь на 16-е ноября 1671 года¹⁾, то извѣстіе о смерти сына ея Ивана могло придти въ Пустозерскъ въ первую половину 1672 года, хотя и не ранѣе. 2) Замѣчаніе Аввакума, что онъ, когда былъ попомъ и протопопомъ, всегда и вездѣ былъ готовъ къ „проповѣданію и ученію слову Божію“ (V, 10) г. Бороздинъ почему-то понимаетъ въ смыслѣ указанія только на устную проповѣдь съ кафедръ и въ виду словъ Аввакума „годовъ будетъ тому назадъ съ полтретьядцать“ (V, 10), начало этой устной проповѣди Аввакума, по непонятной причинѣ, какъ и начало устной проповѣди вообще, относить къ 1649 году. 3) Въ Казанскомъ спискѣ житія, именно въ предисловіи къ житію, гдѣ дѣлается обращеніе къ нѣкой Маріи Пименовой и ея мужу, которымъ житіе посылалось,—дѣйствительно есть выраженіе: „предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ“ (стр. 86). Поэтому, считая годомъ рожденія Аввакума 1620 или 1621-й, мы должны бы были признать, что житіе писано въ 1675 или 1676 годахъ. Между тѣмъ, въ томъ же спискѣ житія Аввакумъ о времени своего „совершенія въ протопопы“ говоритъ: „тому двадцать лѣтъ минуло“ (стр. 90—91). Если вспомнить, что протопопство Аввакумъ получилъ не позже какъ въ началѣ 1652 года, то получится, что житіе писано въ 1672 году. Откуда же такое противорѣчіе? Какимъ образомъ могъ допустить его самъ Аввакумъ? Чтобы разрѣшить это недоумѣніе, слѣдуетъ указать, что это выраженіе „тому двадцать лѣтъ минуло“ есть и въ томъ спискѣ житія (V, 10), который и по другимъ даннымъ писанъ не позже 1673 года: „прошло,—говоритъ Аввакумъ,—уже двадцать лѣтъ“, какъ его начали „мучить“ за „старыя книги“ (V, 54). Эту разность—1672 и 1673 годы—можно примирить въ предположеніи, что житіе было написано не сразу. Судя по одному списку, слѣдуетъ считать даже не далѣе первой половины 1673 года, потому что о боярынь Морозовой, по поводу ея стоянія за расколъ, Аввакумъ говоритъ: „а боярыню Θεодосью Морозову, дочь мою духовную, и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили, а она *въ монастырь* подъ началомъ“ (V, 72, пр. 1). Ясное дѣло, что житіе даже въ позднѣйшей своей половинѣ писано еще до ссылки Морозовой въ Боровскъ. Повидимому, и Казанскій списокъ житія былъ составленъ около того же 1672—

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. LXI, пр. 89.

1678 года, потому что послѣ вышеприведенныхъ словъ о полученіи сана протопопа „тому двадцать лѣтъ минуло“ съ добавленіемъ „всего тридцать лѣтъ какъ священство имѣю“, Аввакумъ добавляетъ: „а отъ роду *на* шестой десятокъ идетъ“ (стр. 91); между тѣмъ въ 1675—1676 году Аввакуму миновала уже цѣлая *половина* шестаго десятка, и слѣдовательно это выраженіе не было бы употреблено имъ, если бы житіе изготавлялось не ранѣе этого времени. Что же касается предисловія къ этому списку житія, то оно, безспорно, писано въ 1675 или 1676 году, когда потребовалось послать житіе Марьѣ Пименовой и ея мужу (стр. 85—86).—„Бесѣду объ Авраамѣ“. въ изданіи объединенную въ видѣ двухъ толкованій на посланія къ галатамъ и римлянамъ (V, 337—375), г. Бороздинъ справедливо считаетъ по ея составу „смѣшанною“ (стр. 255—256, ср. 271), но онъ убѣдился бы въ этомъ еще болѣе, если бы замѣтилъ, что къ 1675 году можетъ быть отнесена только вторая часть этой бесѣды, считая по печатному изданію¹⁾, но ни какъ не вся цѣлкою, какъ онъ думаетъ (стр. 219). Въ посланіи ко всѣмъ ученикамъ, Аввакумъ говорить, что онъ переноситъ невзгоды за расколъ „лѣтъ сполтретьдцать“ (VIII, 86), слѣдовательно можно утверждать, что посланіе писано *около* 1678 года; г. Бороздинъ выражается такъ: „относится къ 1678 году“ (стр. 219), хотя въ другихъ мѣстахъ выраженіе „полтретьдцать“ онъ считаетъ за *пятнадцатъ* (стр. 80, 181). Посланіе къ нѣкоему брату писано не ранѣе 1679 года²⁾, а г. Бороздинъ утверждаетъ съ положительностію: „писано въ 1680 году“ (стр. 219). Посланіе къ царю Феодору Алексѣевичу даты не имѣетъ, но судя по образу его выраженій, оно было написано прямо по полученіи въ Пустозерскѣ извѣстія о возшествіи на престолъ этого государя, то есть въ 1676 году (V, 155—158); между тѣмъ г. Бороздинъ относитъ его, впрочемъ предположительно, къ 1680 году, и даже считаетъ это посланіе причиною казни Аввакума, то безусловно (стр. 219), то съ оговоркой (стр. 346). Второе посланіе къ боярынь Морозовой, писанное, по всѣмъ соображеніямъ, въ первой половинѣ 1672 года³⁾, г. Бороздинъ относитъ то къ 1673 году (стр. 220), то „приблизительно“ къ 1672-му (стр. 192). О посланіяхъ къ Симеону г. Бороздинъ говорить: „всѣ три посланія могутъ быть отнесены къ *проме-*

¹⁾ Тамъ же, стр. XLIII.

²⁾ Тамъ же, стр. LIII, пр. 80.

³⁾ Тамъ же, стр. LXI.

осужду между 1675 — 1677 гг.“ (стр. 220). Но есть основаніе думать, что второе посланіе писано очень рано, хотя и не ранѣе второй половины 1669 года¹⁾. При этомъ страннымъ представляется замѣчаніе г. Бороздина: „во второмъ посланіи, обращаясь къ царю Максиміану, подъ которымъ, вѣроятно, разумѣется царь Алексѣй Михайловичъ, Аввакумъ говоритъ: „Ну, сквозь землю пропадай, б..... сынъ! Полно христіанъ — те мучить“. Судя по этой фразѣ можно думать, что или Аввакумъ писалъ свое посланіе при жизни царя Алексѣя Михайловича, или только получивъ извѣстіе о его смерти“ (стр. 220). Но, замѣтимъ мы, если подъ Максиміаномъ разумѣть Алексѣя Михайловича, то уже надо будетъ признать за безусловное что посланіе писано *послѣ* смерти послѣдняго; и во-вторыхъ, требованіе разумѣть такъ изъ словъ Аввакума совсѣмъ *не вытекаетъ*. Что касается третьяго посланія, то оно писано не только при жизни царя Алексѣя Михайловича, но и при жизни боярыни Морозовой (V, 213); а изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что оно *не могло* быть писано ранѣе 1675 года. О посланіи къ Маремьянѣ Феодоровнѣ г. Бороздинъ разсуждаетъ, что оно писано ранѣе житія Аввакума, потому что оно будто-бы „вошло въ составъ Казанскаго списка житія“ (стр. 221); между тѣмъ въ житіе вошелъ только разказъ о просфорѣ, передаваемый въ посланіи къ Маремьянѣ, а не все это посланіе, и вошелъ онъ въ житіе въ *иномъ* изложеніи (стр. 128 — 129); ясное дѣло что разказавъ о случаѣ одному лицу, Аввакумъ разказалъ о немъ потомъ и другому, могъ разказывать о томъ же и третьему, — въ иное. быть можетъ, время и при иныхъ обстоятельствахъ, — и никакого заключенія о времени происхожденія двухъ памятниковъ отсюда дѣлать, конечно, нельзя. Если же рѣшать вопросъ по существу, то посланіе могло быть писано около 1676 года и позднѣе²⁾ Изъ заключительныхъ словъ „бесѣды о наятыхъ дѣятеляхъ“ ясно видно, что она писана еще *при жизни* царя Алексѣя Михайловича (V, 387—388); и все-таки на основаніи именно этихъ словъ, имъ самимъ приводимыхъ и правильно понимаемыхъ въ томъ отношеніи, кого надо разумѣть въ этой рѣчи Аввакума, — г. Бороздинъ выводитъ заключеніе, что бесѣда написана уже *послѣ смерти* царя (стр. 222). Опредѣлить время и мѣсто написанія „посланія ко всѣмъ вѣрнымъ“ (стр. 294—299) у г. Бороздина не было даже попытки, а его перфидность отно-

¹⁾ Тамъ же, стр. LII—LIII.

²⁾ Тамъ же, стр. LXII.

сительно признанія изданнаго текста за первоначальный является безъ достаточныхъ оснований. И въ самомъ дѣлѣ, выраженія Аввакума о себѣ самомъ, что онъ „съ молодя голубей держалъ, поповичъ голубятникъ былъ“, что „нынѣча уже не плачетъ самъ“, или о никоніанахъ: „и онѣ махи все говорятъ“, далѣе—о Марковнѣ: „у меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божією благодатію снабждаема“, а также о своемъ „правѣ“ (V, 241—244): развѣ это не безспорные признаки Аввакумовскаго подлинника и стіля? А почему послѣдній отдѣлъ этого посланія можно считать „позднѣйшею прибавкой“? Если онъ сдѣланъ въ видѣ приписки, то вѣдь это не основаніе.

Изъ этой же шестой главы можно указать примѣры сравненія печатнаго текста памятниковъ съ рукописными, не бывшими подъ руками издателя. Относительно посланія къ Маремьянѣ въ рукописи Публичной бібліотеки Q. I. 1075 г. Бороздинъ говоритъ, что оно „почти ничѣмъ не отличается отъ печатнаго текста“ (стр. 317); между тѣмъ эта рукопись представляетъ сокращеніе на цѣлую половину. Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ авторъ сравниваетъ съ рукописью Румянцевскаго музея № 592 и замѣчаетъ, что въ этомъ спискѣ „переработка текста выразилась въ стилистическихъ распространеніяхъ отдѣльныхъ его частей и внесеніемъ въ него большаго количества славянизмовъ“ (стр. 294); между тѣмъ рукопись Румянцевскаго музея представляетъ не только вставки противъ подлинника, но и пропуски. Особенно характерно изобличаетъ поддѣлку то мѣсто рукописи, гдѣ говорится, что на никоніанствѣ исполнилось—будто бы книги о вѣрѣ прореченіе—„о духовномъ антихристовѣ приходѣ“ (л. 18): ясная вещь, что передѣлку произвелъ *безпоповецъ*, прямо *вопреки* ученію Аввакума, и чтобы *скрыть* это, опустилъ тотъ послѣдній отдѣлъ (V, 250), по поводу котораго недоумѣваетъ нашъ авторъ.

Излагая содержаніе произведеній Аввакума, г. Бороздинъ долженъ бы былъ дѣлать поясненія къ тексту послѣднихъ. Между тѣмъ достаточно указать нѣсколько примѣровъ, чтобы видѣть, какъ ведется эта сторона изслѣдованія у нашего автора. Такъ, излагая содержаніе посланія къ Іонѣ, г. Бороздинъ, между прочимъ, говоритъ: „возникалъ между старолюбцами также споръ и о молитвѣ за царя, но Аввакумъ отъказывается объ этомъ спорѣ, какъ о суетномъ словопреніи“ (стр. 303). Но спрашивается: о *какой* молитвѣ за царя спорили раскольники? и затѣмъ, почему это словопреніе Аввакумъ называлъ *суетнымъ*, не смотря на то, что онъ, хотя и не запрещалъ молиться

за царя, но все же не совершалъ этой молитвы такъ, какъ совершаютъ ее православные ¹⁾). Или: поясненіе къ тексту изъ сочиненія „о вѣшней мудрости“, что здѣсь нѣтъ призыва къ самоожоженію,— является излишнимъ, такъ какъ смыслъ словъ Аввакума ясенъ до очевидности (стр. 307); но изъ чего вытекало наставленіе Аввакума полагать кости „сожженныхъ братій“ въ освящаемую воду. поясненія этого у автора нѣтъ, не смотря на всю важность вопроса (стр. 309). Еще: упоминая о посланіи Аввакума „къ отцамъ въ Поморье“ и о посланіи къ нѣкому Аванасію (стр. 319—320), авторъ могъ бы привести справку о раскольникахъ XVII вѣка съ именемъ Аванасія ²⁾, а также поставить вопросъ и о личности „поморскихъ отцевъ“, такъ какъ Аввакумъ прямо называетъ ихъ по имени (VIII, 88). Характерны также и выводы автора, дѣлаемые имъ на основаніи комментарий къ тексту памятника. Допуская для мірянъ возможность лично причащаться запасными дарами, Аввакумъ прямо и съ рѣшительностію отрицалъ возможность *взаимною* для мірянъ причащенія, ибо, конечно, онъ зналъ, что мірянинъ можетъ причастить другаго только въ случаѣ смерти, когда умирающій не можетъ самъ сдѣлать этого. „Аще,—писалъ Аввакумъ,—отъ православнаго *нопа* получиши истиннаго таинства, самъ ся причасти. Причащаетъ же ся и *жена* и *отроча*, само своими руками, а не *другъ друга*, — развѣ отецъ младенца да причастить“ (VII, 69). И всетаки г. Бороздинъ говорить— по отношенію именно къ мнѣнію Аввакума: „если можно (мірянину) причащаться самому, то отсюда не особенно затруднителенъ переходъ къ причащенію другихъ“ (стр. 302). Впрочемъ, иногда авторъ, дѣйствительно, подвергаетъ критической провѣркѣ, и повидимому строгой, встрѣчаемыя имъ въ обозрѣваемыхъ памятникахъ историческія извѣстія, но дѣлаетъ это, оказывается, на основаніяхъ не только шаткихъ, но и прямо ошибочныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ подозрѣваетъ „много преувеличеній“ въ перечнѣ казней раскольниковъ, изложенномъ въ книгѣ на крестоборную ересь (V. 263—264).— „Хотя,—разсуждаетъ г. Бороздинъ,—по уложенію царя, Алексія Михайловича смертная казнь могла примѣняться къ раскольникамъ, однако представляется нѣсколько страннымъ, почему были казнены второстепенные представители партіи, стоявшей за старину, главные же коноводы, а въ томъ числѣ и самъ Аввакумъ, подверглись только ссылкѣ

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ изъ XVII вѣка, стр. 102—107.

²⁾ Тамъ же, стр. LX, пр. 87.

и заточенію" (стр. 286). Но 1) г. Бороздину, очевидно, не извѣстно, что въ силу не только указываемого имъ уложенія, но и на основаніи опредѣленія собора 1667 года о градскихъ казняхъ для раскольниковъ,—въ виду усиленія раскола и открытой его пропаганды, еще при жизни царя Алексѣя Михайловича и ранѣе чѣмъ написана была книга на крестоборную ересь, стали появляться особые царскіе указы о разыскиваніи раскольниковъ и о сожиганіи ихъ въ срубѣ, если „по трикратному вопросу“ у казни они не желали отказаться отъ раскола ¹⁾. 2) Ужели г. Бороздинъ сомнѣвается въ дѣйствительности казни, напримѣръ, на Мезени—юродиваго Феодора и москвича Луки, въ Москвѣ—Исаи, дворецкаго боярина Салтыкова, и инока Авраамія, въ Пустозерскѣ—юродиваго Кипріяна? А если не сомнѣвается, если есть безспорныя данныя, показывающіе, что эти казни имѣли мѣсто частію ранѣе 1675 года, частію въ этомъ году,—то на какомъ же основаніи онъ предполагаетъ „преувеличеніе“ относительно двухъ-трехъ случаевъ, упоминаемыхъ въ разсматриваемой Аввакумовской „книгѣ“? И оказывается, что соображеніе о „странности“ извѣстія о казни *второстепенныхъ* дѣятелей раскола, когда главные „подверглись только ссылкѣ и заточенію“,—само имѣетъ отпечатокъ соображенія страннаго. Да и ссылкѣ ли только и заточенію подверглись тогда и *главные* расколоучители, то-есть пустозерскіе узники? Извѣстно, что всѣ они на прострaнствѣ не болѣе двухъ лѣтъ подверглись двукратной казни—рѣзанію языковъ и сѣченію руки, впрочемъ кромѣ Аввакума, хотя Аввакумъ былъ самый главный изъ нихъ. 3) „Совсѣмъ,—говоритъ еще г. Бороздинъ,—невѣроятными являются массовыя сожженія людей неизвѣстныхъ: „въ Боровскѣ Полевкта священника сожгли и съ нимъ 14 человекъ, въ Казани 30 человекъ“ (стр. 286). Судя по примѣрамъ послѣдующаго времени, ничего не вѣроятнаго въ этомъ извѣстіи, но нашему мнѣнію, нѣтъ, да кромѣ того ему можно привести подтвержденіе частію Винограда Россійскаго, частію изъ „Синодика“. 4) Преувеличеніе въ словахъ о „тысящахъ тысящъ, положенныхъ подъ мечъ“ въ городахъ и деревняхъ по Волгѣ, очевидно само собою, но за то и говорить можно только о немъ.

Седьмая глава (стр. 324—347) представляетъ ни что иное, какъ обзоръ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ литературныхъ произведеній Аввакума, рѣчь о которыхъ уже была въ шестой главѣ. Таковы: житіе Авва-

¹⁾ *Е. В. Барсова*. Нов. мат. для ист. старообр., стр. 44, 55. М. 1890.

кума, посланія къ Симеону, къ попу Исидору, къ Борису, къ нѣкоему брату, ко всѣмъ ученикамъ и къ царю Феодору Алексѣевичу. Казнь Аввакума глава и весь очеркъ заканчивается. Относя главнѣйшія погрѣшности этой части сочиненія къ заключенію нашей рецензій, укажемъ здѣсь на болѣе мелкія частности. Въ житіи Аввакума упоминается о солнечномъ затменіи 1654 года: „солнце затмилось во 162-мъ году, предъ моромъ за мѣсяць, или меньше“ (V, 4); указаніе—ясное, и всетаки г. Бороздинъ переводитъ его на дату „1653—1654 г.“ (стр. 327). Или: откуда г. Бороздину извѣстно, что въ отвѣтъ Аввакума на вопросъ Сергія по вопросу о самоожженіи „упоминалось о смерти мученицы Домнины“ (стр. 334)? Еще: извѣстнаго инока Ефросіана, творца „Отразительнаго писанія противъ самоубійственныхъ смертей“ г. Бороздинъ называетъ пропагандистомъ самоожженія (стр. 342). Смерть Аввакума и его союзниковъ слѣдуетъ относить, по нашему мнѣнію, къ 14-му апрѣля 1682 года ¹⁾, а не къ 1-му апрѣля 1681 года (стр. 346). Приведемъ также примѣры поясненій автора на текстъ обозрѣваемыхъ имъ писаній Аввакума. О посланіи къ Борису онъ говоритъ: „здѣсь мы встрѣчаемся съ конкретнымъ примѣромъ, показывающимъ, какъ далеко шли отрицатели брака: старица Елена разлучила нѣкую Ксенію Гавриловну съ ея мужемъ“ (стр. 345). Не говоря уже о томъ, что можно бы было указать, кто это такая Ксенія Гавриловна ²⁾, для историка necessarily вытекаетъ вопросъ о томъ, почему Елена рѣшилась разлучить Ксенію съ мужемъ: потому ли, что вѣнчаніе было совершено въ православной церкви, потому ли, что мужъ Ксеніи не принадлежалъ къ расколу, или же потому, что брачное сопряженіе было признано не отвѣчающимъ переживаемому времени? Ясное дѣло, что къ сообщенію источника нашъ авторъ ничего не прибавилъ, то-есть не далъ никакихъ поясненій.

III.

Изложеннымъ мы заканчиваемъ обзоръ сочиненія г. Бороздина по главамъ и переходимъ къ заключительной части нашей статьи—къ замѣчаніямъ на общую характеристику возрѣвній Аввакума по важнѣйшимъ внутреннимъ вопросамъ, волновавшимъ современныи ему

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. VIII, пр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. LVIII; ср. XL, пр. 52.

раскольнический миръ. Выше было уже сказано, что съ этой стороны въ разсматриваемомъ трудѣ мы находимъ только краткія замѣчанія, отрывочныя и разбросанныя по разнымъ главамъ. Однако это не помѣшало автору установить нѣкоторые общіе выводы, повторенные имъ и въ „положеніяхъ“ къ диссертации. Такъ, одно изъ этихъ положеній гласитъ: „Аввакумъ разработалъ основы безпоповщины, исходя изъ безразличнаго отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ“ (стр. 348). По нашему мнѣнію, въ этихъ словахъ допущена вопіющая погрѣшность противъ исторіи. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключаются основы безпоповщины? Онѣ заключаются въ ученіи о наступленіи царствованія такъ называемаго духовнаго антихриста, затѣмъ въ ученіи о прекращеніи іерархіи и о духовномъ причащеніи, и наконецъ—въ требованіи перекрещиванія приходящихъ въ безпоповщину отъ никоніанства. По безпоповщинской доктринѣ въ грекороссійской церкви нынѣ царствуетъ антихристъ; онъ истребилъ священство и уничтожилъ таинство евхаристіи; члены грекороссійской церкви, въ силу этого, при переходѣ ихъ въ безпоповщину подлежатъ перекрещиванію. Между тѣмъ Аввакумъ былъ противникомъ такого мудрованія и полемизировалъ противъ всѣхъ этихъ пунктовъ такъ не мало и съ такою рѣшительностью, что всякій, кто дастъ себѣ трудъ хоть разъ со вниманіемъ прочесть его произведенія, хорошо запомнить содержаніе относящихся сюда страницъ ¹⁾). Какимъ же образомъ могло случиться, что г. Бороздинъ сталъ утверждать противное вытекающимъ отсюда выводамъ? На какомъ основаніи онъ пришелъ къ заключенію, что Аввакумъ выходилъ будто бы изъ *безразличнаго* отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ? По нашему мнѣнію, это произошло частью отъ того, что авторъ не имѣлъ точнаго понятія объ основахъ безпоповщины, частью отъ неправильнаго пониманія наставленій самого Аввакума. Такъ, прежде всего, Аввакумъ дозволяетъ „простолюдину крестить по нуждѣ“ (VIII, 69), какъ дозволяютъ и безпоповцы. Но это не характерный признакъ безпоповщины, каковымъ его считаетъ г. Бороздинъ (стр. 134), такъ какъ крещеніе простолюдина не только практикуется въ поповщинѣ, но на случай нужды оправдывается и правилами Номоканона. А кромѣ того, Аввакумъ имѣлъ въ виду именно только этотъ частный случай нужды,

¹⁾ Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. 41, 42, 43, 137—142, 166—169.

въ безпоповщинѣ же крещеніе простолюдина употребляется, выражаясь ея терминомъ, всеобдержно. Г. Бороздинъ указываетъ еще на наставленіе причащаться запасными дарами: но развѣ въ этомъ есть нѣчто безпоповщинское? Правда, авторъ приписываетъ словамъ Аввакума тотъ смыслъ, что будто бы въ нихъ дается „разрѣшеніе простецамъ совершать таинство причащенія“ (стр. 302), но нужно ли говорить о крайней несообразности этого вывода. „Мощно,—писалъ Аввакумъ,—иноку просцу и простолюдину истиннымъ таинствомъ причащаться; есть Григорія Богослова правила о семъ, повелѣваетъ въ нужду причащать себя“. Гдѣ же здѣсь рѣчь, хотя бы и „не совѣтъ ясная“, какъ это признаетъ авторъ, о совершеніи таинства причащенія? Аввакумъ говоритъ, и притомъ очень ясно, только о причащеніи запасными дарами самого себя (стр. 302). Прибавимъ еще, что ни безпоповцы не допускаютъ мысли о совершеніи евхаристіи простецами, ни Аввакумъ не проводилъ безпоповщинскаго ученія о духовномъ причащеніи. Однимъ словомъ, въ разсужденіяхъ Аввакума о таинствѣ причащенія нѣтъ ни малѣйшаго безпоповщинскаго отбѣнка. Точно также совершенно произвольно г. Бороздинъ сближаетъ Аввакума съ безпоповщиной въ вопросѣ о бракѣ. Безпоповцы учатъ о прекращеніи таинства брака по причинѣ прекращенія священства; въ XVII вѣкѣ они проповѣдывали, что въ ведущихъ брачную жизнь „живетъ антихристъ“; затѣмъ въ концѣ XVIII вѣка *нѣкоторые* изъ безпоповцевъ ввели такъ называемый безсвященнословный бракъ, заключаемый миряниномъ по особому чину. Протопопъ же Аввакумъ стоялъ въ вопросѣ о бракѣ на почвѣ *церковнаго* ученія: онъ признавалъ, что христіанскій бракъ пребудетъ до скончанія вѣка, не исключая и времени антихриста, и возможность брачной жизни представлялъ не иначе, какъ при условіи благословенія отъ руки священника. Ясное дѣло, что объ упомянутомъ сближеніи здѣсь совѣтъ не можетъ быть и рѣчи, и однако же г. Бороздинъ прямо высказываетъ ту мысль, которая служитъ основаніемъ для разсматриваемаго его тезиса. Аввакумъ писалъ московскому *пому* Исидору о бракѣ: „а обвѣнчалъ *идѣ* *ни буди* православно, ино и добро: коли ужъ нужда стала, изба по нуждѣ церковь... А буде невозможно обрѣсти церкви, а опоганено православное *священіе*: ино молитву проговорилъ, да водою кропилъ, да и ладно,—дѣйствуй“ (VIII, 101). Всякій видитъ, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ, *идѣ* вѣнчать брачующихся, такъ какъ *церквей* у раскольниковъ нѣтъ, а хотя въ иной церкви и можно бы повѣнчать, да она „опоганена“ никоніанскимъ служеніемъ по новымъ

книгамъ. Между тѣмъ г. Бороздинъ примѣняетъ выраженіе „опоганено православное священіе“ къ состоянію *іерархіи* и приведенныя слова Аввакума поясняетъ такъ: „въ этихъ словахъ обнаруживается *безразличное* отношеніе Аввакума къ вопросу о томъ, кто совершаетъ бракъ, престоць, или священникъ“ (стр. 344). Ясное дѣло, что и здѣсь выводъ автора основанъ на ошибкахъ и явномъ недоразумѣніи. А если мы припомнимъ основное ученіе Аввакума—о томъ, что міру безъ поповъ быть нельзя, что священство Христово пребудетъ до скончанія вѣка, то еще болѣе убѣдимся, какую великую неправду мы возведемъ на протопопа, если будемъ приписывать ему „разработку основъ“ *безпоповщины*¹⁾. По существу дѣла, какъ отвергавшій перекрещиваніе никоніанъ и признававшій хиротонію бѣглыхъ новаго ставленія поповъ, Аввакумъ былъ проповѣдникомъ бѣглопоповщины, которая преимущественно ея энергіей и авторитетомъ и была вынесена на свѣтъ²⁾. Правда, Аввакумъ позволялъ мірянамъ отправлять еще нѣкоторыя службы и требы церковныя, но это уже не основы *безпоповщины*.

Подобно вышеназложенному въ разсматриваемомъ сочиненіи недостаточно выясненными, или же неправильно освѣщенными, оказываются и другіе пункты воззрѣній Аввакума. Такъ, по вопросу о томъ, какъ смотрѣлъ Аввакумъ на переживаемое время, г. Бороздинъ говоритъ: „ученіе объ антихристѣ довольно опредѣленно выражено въ томъ смыслѣ, что антихристъ еще не пришелъ, но близокъ, и есть его предтеча“ (стр. 321). Взглядъ въ существѣ дѣла вѣрный, но въ текстѣ книги г. Бороздина мы находимъ также и опроверженіе этого положенія, ибо по комментарію автора на нѣкоторыя писанія Аввакума—антихристъ уже *пришелъ* въ міръ (стр. 161). При этомъ у автора осталось невыясненнымъ, какое Аввакумъ имѣлъ представленіе о совершившемся на его глазахъ „отступленіи“ отъ вѣры, и какое

¹⁾ Только въ пониманіи исповѣди предъ міряниномъ Аввакумъ дѣйствительно приближался къ *безпоповщинѣ*, но и здѣсь онъ отличался отъ послѣдней тѣмъ, что не имѣлъ въ виду такого порядка, гдѣ бы вообще исповѣдью у престоца замѣнялась исповѣдь у пона, а разумѣлъ лишь частные случаи, когда нѣтъ возможности получить послѣдняго рода исповѣдь. (Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, стр. 157).

²⁾ Вопреки заключительному своему выводу, г. Бороздинъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, будто у Аввакума „являются *раскопраными* объ теоріи“, какъ *безпоповства*, такъ и бѣглопоповства (стр. 301), что, конечно, опять ошибочно, да къ тому же и о бѣглопоповствѣ у автора представленіе смутное (стр. 162).

значение имѣли всё вообще относящіяся сюда разсужденія протонова для развитія и укрѣпленія раскольнической доктрины на почвѣ апокалиптическихъ чаяній. Точно также относительно взгляда Аввакума на самоистребленіе въ тезисахъ диссертациі читаемъ: „самоожженіе одобрялось Аввакумомъ не какъ средство *думасемаго* спасенія, но какъ единственный въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ *избавленія* рукъ противниковъ“ (ср. стр. 348). Между тѣмъ комментарий автора на слова Аввакума о самосожигателяхъ гласитъ: „въ приведенной похвалѣ самосожигающимися не указывается мотивъ *преслѣдованія*, а скорѣе рекомендуется въ самоожженіи средство *избѣжать* *збѣлы думасемой*“ (стр. 287). Этихъ объясненіемъ вышеприведенный тезисъ, какъ каждый легко можетъ видѣть это, прямо уничтожается. А дальѣйшія слова автора мы и совсѣмъ отказываемся понять: „быть можетъ, на практикѣ всё случаи самоожженія объяснялись исключительно страхомъ отдаться въ руки еретической власти, но въ теоріи могло быть самоистребленіе и безъ этого внѣшняго побужденія“ (стр. 287). Вся эта путаница, видимо, произошла отъ того, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ, въ чемъ заключалась сущность доктрины самосожигателей *крайней* партіи (стр. 342), а равно и смыслъ существующаго въ литературѣ взгляда, что причиной самоистребленій были *преслѣдованія* раскольниковъ со стороны власти; вслѣдствіе этого онъ и не могъ отгнѣнить характерныя особенности Аввакумовскаго ученія.

Еще въ одномъ изъ выводовъ читаемъ объ Аввакумѣ: „отношеніе къ противникамъ отличается большею частью нетерпимостью, которая однако не вездѣ выдержана“ (стр. 321). Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще рѣзче отгнѣяетъ эту, по его мнѣнію, „непоследовательность отношенія къ никоніанамъ“ со стороны Аввакума. „Покорность,—говоритъ онъ,—в безропотное перенесеніе преслѣдованій за вѣру и даже наставленіе не гнѣваться на еретиковъ парализуется наставленіемъ противоположнаго свойства, въ силу котораго еретиковъ надо чуждаться, а также и яркой картиной будущаго возмездія“ (стр. 296, ср. 289). Между тѣмъ, если мы выйдемъ въ дѣло глубже, то увидимъ, что въ сужденіяхъ Аввакума въ дѣйствительности нѣтъ указываемой авторомъ неоследовательности. Дѣло въ томъ, что Аввакумъ имѣетъ *два* точки отправленія и смѣшивать ихъ никоніи образомъ нельзя. Общею основою для отношеній къ противнику послужила для раскольника мысль о никоніанинѣ, какъ отступникѣ отъ вѣры. Врагъ Божій, еретикъ, слуга антихриста: вотъ о чемъ долженъ былъ думать раскольникъ, смотря въ лицо члену церкви. И руково-

дясъ этимъ, онъ долженъ былъ не питать къ нему другаго чувства, кромѣ чувства вражды. Онъ могъ прощать никоніанну личныя обиды, не долженъ былъ гнѣваться на него за преслѣдованіе, но онъ долженъ былъ ненавидѣть его, какъ отступника отъ вѣры. Общее правило для этого Аввакумъ характерно выразилъ въ одной изъ бесѣдъ отъ писанія. „Своего врага люби, а не Божія,—писалъ онъ около 1675 года,—еретика и навѣтника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душою и тѣломъ... Съ еретикомъ какой миръ? Бранись съ нимъ и до смерти“ (VIII, 60). Мало этого, въ надеждѣ на возстановленіе „древняго благочестія“ Аввакумъ ставилъ обязанностью своимъ ученикамъ даже *молиться* о никоніанахъ. „Молись объ обращеніи никоніанъ—не согрѣшишь“ (88, I, 747). „Молись за противнаго“ (V, 241). За то въ другомъ случаѣ онъ повелѣвалъ: „егда умереть въ нечестіи, тогда не стужати о такомъ Божеству: пускай его къ чертямъ пойдетъ“ (88, I, 748). Ясное дѣло, что въ этихъ наставленіяхъ нѣтъ противорѣчія, нѣтъ замѣны страстною нетерпимостью мягкаго тона.

Читатель въ заключеніе спроситъ насъ: что же, имѣеть ли какое-нибудь значеніе разсматриваемый очеркъ А. К. Бороздина о протопопѣ Аввакумѣ? Отвѣчаемъ: для справокъ и извлеченія свѣдѣній по вопросамъ изъ исторіи раскола этотъ очеркъ совсѣмъ не можетъ служить, такъ какъ далеко не свободенъ отъ ошибокъ противъ исторіи и хронологіи, чаще же даже изобилуетъ ими и представляетъ предметъ въ неправильномъ освѣщеніи, вводящемъ читателя прямо въ заблужденіе. Что же касается будущаго біографа протопопа Аввакума, котораго (то-есть біографа) приходится желать и ждать и послѣ очерка А. К. Бороздина, то, правда, онъ найдетъ въ разсматриваемой книгѣ нѣсколько *частныхъ* полезныхъ для себя свѣдѣній, но опять лишь послѣ осторожныхъ поисковъ спеціальнаго изслѣдователя. Правда, услугу изслѣдователямъ могли бы оказать еще приложенія, занимающія 164 страницы плотнаго корпуса, но приходится и тутъ сдѣлать особую оговорку. Изъ всѣхъ напечатанныхъ здѣсь рукописей только 15 являются *особыми* произведеніями Аввакума. Изъ нихъ нѣкоторые теперь увидѣли свѣтъ только въ первый разъ, другія авторомъ переизданы, но, къ сожалѣнію, не вездѣ исправно и съ повтореніемъ большинства прежнихъ ошибокъ, такъ что изслѣдователь и здѣсь не можетъ вполне положиться на нашего автора. Изъ другихъ памятниковъ, вошедшихъ въ настоящее изданіе, нѣкоторые случайны (№№ 1, 8, 25, 26) и притомъ напечатаны по крайне неисправнымъ спискамъ

(№ 3), нѣкоторые сомнительны по происхожденію (№ 2), нѣкоторые же совсѣмъ излишни (№ 31). Въ остальныхъ статьяхъ нужное не отдѣлено отъ ненужнаго: есть здѣсь спайки изъ разныхъ произведеній Аввакума (№№ 5, 24, 29), и изъ произведеній разныхъ лицъ (№ 15), есть передѣлки сочиненій Аввакума (№ 23), отрывки (№№ 13, 22, 27, 28, 30) и прямо поддѣлки (№ 12); все это напечатано безъ всякой группировки, безъ пояснительныхъ подстрочныхъ примѣчаній и не вездѣ исправно въ текстѣ.

Истръ Смирновъ.

Книжныя новости.

ARCHIV FÜR RELIGIONSWISSENSCHAFT... HERAUSGEGEBEN VON DR. THIL. THIE. ACHELIS. Bd. I, Heft 1—4, Freiburg i. B. 1893. 378 стр.—Новый нѣмецкій журналъ, посвященный научному изученію религій, миеологій а также фольклору, издается Д-омъ Т. Ахелисомъ въ Промонѣ въ сотрудничествѣ съ извѣстными антропологами, этнологами и филологами какъ Фиркандтъ, Зелеръ, Поливка, Сике, Штейнталь Рошеръ, Гиллебрантъ и др. Въ первыхъ четырехъ выпускахъ мы отмѣтили по методологій новой специальности статьи издателя и въ особенности проф. Гарди (Hardy) въ Фрейбургѣ „Was ist Religionswissenschaft“; по вопросу о современномъ состояніи греческой миеологій Рошера „О значеніи бога Панъ“; по индійской миеологій статьи Э. Сике „Богъ Рудра въ Ригъ-Ведѣ“ (кн. 2—3); по сравнительной и сказковѣдннхъ статью Поливки „Nachträge zur Polyphem Sage“. Не менѣе разнообразнымъ является отдѣлъ II-ой новаго журнала „Miscellen“. Краусъ въ Вѣнѣ реферировать о психологическихъ проблемахъ сербской гусларной поэзіи въ статьѣ „Yoga-schlaf“ у южныхъ славянъ (стр. 275 сл.), Штейнталь о жабѣ въ мнѣѣ, Бранкія (Branku) о рутахъ и значеніи рутянаго вѣнка и растенія руты въ нѣмецкихъ народныхъ повѣртіяхъ. Къ сожалѣнію послѣдній не обращаетъ никакого вниманія на славянскія соответствія. Еще въ 1879 году Примусъ Собошка въ соч. „Rostlinstvo a jeho vuznam w národních písních, pověstech, bájích, obradech a pověrah Slovanských“ стр. 231—236 разбираетъ руту (Ruta graveolus), какъ символъ народной поэзіи малороссовъ, лужичанъ, поляковъ и литовцевъ. Есть объ этомъ и у Костомарова. Дѣвичье растеніе считается главнымъ украшеніемъ и символомъ невинности въ свадебномъ ритуалѣ, руту ломать и рутяной садикъ топтать есть дѣло жениха. Зеленую руту пускаютъ на воду, чтобы угадать, за кого суждено выйти замужъ; Собошка отмѣтилъ еще и то, что въ Чехіи руту едва по именованію знаютъ какъ растеніе, и что напротивъ у малороссовъ, литовцевъ и лужичанъ она считается самымъ популярнымъ цвѣткомъ. По изслѣдованію Бранкія уже въ 16 вѣкѣ въ германскихъ народныхъ вѣрованіяхъ рута играла важную роль. Д-ръ Г'бфлеръ („Обоняніе съ точки зрѣнія народовѣднія—въ Zts. d. Vereins für Volkskunde. III. 1893 стр. 488), соглашаясь съ мнѣніемъ Ф. Клюге (Wörterbuch d. deutschen Spr.) считатьъ

древне-гѣм. *gūta* какъ мать всѣхъ травъ, прародственнымъ съ *urverwandt* и латинскимъ *guta*. Спрашивается, у литовцевъ, это слово заимствовано-ли отъ славянъ и германцевъ или также остатокъ древняго родства языковъ. Известно, что въ литовскомъ языкѣ большинство названій для цвѣтовъ заимствовано. Самое слово *kvietkas*,—цвѣтъ—взято изъ славянскаго, чисто литовское названіе цвѣтка *gela* (въ *gugingela* ржакой цвѣтокъ *Roggenblume*) не прилагается къ рутѣ. Обычай заводить при домахъ огороды цвѣтовъ и цѣлебныхъ травъ перешелъ въ Литву отъ средневѣковой Германіи и чѣмъ далѣе на сѣверѣ, тѣмъ менѣе распространены обычной устройства дѣвичьего или рутанаго садика. Руты до сихъ поръ нѣтъ у Балтійскихъ латышей, ближайшихъ родственниковъ литовцевъ. Въмѣстѣ съ распространеніемъ цѣлебныхъ травъ, пахучихъ подушекъ изъ благоухающихъ зельевъ и цвѣтовъ у литовцевъ явилась и рута и ея символика. Но на всѣ эти вопросы не даетъ никакого отвѣта статья Гранкія, который не только игнорируетъ изслѣдованія Гефлера, не знаетъ никакихъ славянскихъ соотвѣтствій, но и не заглянулъ даже въ средневѣковые лѣчебники. А писать о символическомъ значеніи руты возможно только при сравнительномъ методѣ и въ виду всѣхъ данныхъ, собранныхъ изъ фольклора близкихъ и родственныхъ нѣмцамъ (съ точки зрѣнія лянгвистики) литовцевъ, лужичанъ и малороссовъ. Замѣчательно, что руты не знаютъ и латыши; только въ католической полосѣ ихъ территоріи (въ Динабургскомъ уѣздѣ) рута отчасти распространилась вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе поздними свадебными обрядами. Изъ другихъ мелкихъ сообщеній важно краткое описаніе *Фиркадима* о его-же сочиненіи „Объ основной причинѣ возникновенія новыхъ обычаевъ“. Статья эта уже отмѣчена въ русской литературѣ въ № 3. Этногр. Обзор. за 1898, стр. 187. Общія его точки зрѣнія такая, что для сужденія объ общественныхъ и религіозныхъ установленіяхъ такъ называемыхъ дикарей необходимо быть хорошо и точно освѣдомленнымъ въ психологию некультурныхъ расъ и что не мало важныхъ ошибокъ произошло отъ того, что дикарямъ приписывали взгляды и ощущенія, доступныя лишь болѣе цивилизованнымъ людямъ. Заслуга статьи Крауса о Уога-сиѣ въ Южнославянскомъ народномъ вѣрованіи состоитъ въ томъ, что она обращаетъ вниманіе читателя на шаткость границъ между культурными и некультурными расами и нѣкоторую общность известныхъ психологическихъ явленій у тѣхъ и другихъ. По его мнѣнію искусство индійскихъ факировъ впадать въ состояніе сомнамбулизма и симулировать глубокой сонъ и безчувственность встрѣчается еще и теперь у сербовъ.

Нужно пожелать, чтобы новый спеціальныи органъ, занимающійся вопросами о миеологии, происхожденіи религіозныхъ вѣрованій и установленій, нашелъ сочувствія у русскихъ этнологовъ, въ особенности въ областяхъ сибирскихъ и приволжскихъ, въ которыхъ, какъ показываютъ изслѣдованія казанскихъ любителей этнологіи, сохраняется еще немало языческихъ обычаевъ, крайне любопытныхъ для изслѣдователя малокультурныхъ и дикихъ расъ и ихъ религіозныхъ воззрѣній.

Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими указами, законодательными мотивами и разъясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго касціоннаго департамента, общаго собранія и соединеннаго присутствія 1-го

и кассационнаго департаментовъ правительствующаго сената и циркулярамъ министерства юстиціи. С.-Пб. 1899. Изданіе неофіціальное. Составилъ *Владиміръ Гордонъ*, магистрантъ гражданскаго права.—Настоящее изданіе Устава гражданскаго судопроизводства представляется самымъ полнымъ изъ существующихъ неофіціальныхъ комментированныхъ изданій. Достоинство этого изданія, кромѣ его полноты и новости вошедшаго въ его составъ матеріала, составляетъ несомнѣнно то, что г. Гордонъ включилъ въ него законодательные мотивы, безъ коихъ является часто затруднительнымъ открыть истинный смыслъ статьи закона. Для примѣра укажемъ, что безъ соответственнаго разъясненія издателей устава гражданскаго судопроизводства, изложенныхъ въ законодательныхъ мотивахъ къ ст. 366, трудно волюнъ уяснить себѣ характеръ общей теоріи доказательствъ, весьма критко изложенной въ этой статьѣ и т. и. Нѣтъ, конечно, никакой надобности здѣсь указывать на всю пользу и необходимость подобныхъ изданій для цѣлей судебной практики и даже повседневной жизни, часто заставляющей касаться вопросовъ гражданского процесса, если только изданіе свободно отъ ошибокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. Гордонъ заслуживаетъ полной похвалы, за точность, аккуратность и совершенную достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Но независимо отъ указанной пользы настоящаго изданія, оно должно сослужить и другую немаловажную услугу. Какъ извѣстно, по дѣйствующему уставу, въ университетахъ обращается вообще большое вниманіе на изученіе на юридическихъ факультетахъ дѣйствующаго законодательства и на сообщеніе студентамъ практическихъ свѣдѣній въ этой области. Никогда никакой учебникъ гражданскаго права или процесса не можетъ сообщить изучающимъ его такимъ свѣдѣній, безъ ихъ самостоятельныхъ, подъ руководствомъ профессора, практическихъ занятій. Да и не въ этомъ цѣль учебника и лекцій: профессоръ долженъ ввести своихъ слушателей въ кругъ извѣстной дисциплины, указать основанія науки, познакомить съ методомъ научнаго изслѣдованія. Поэтому лучшими и поучительнѣйшими для студентовъ учебниками до сихъ поръ считается учебникъ гражданскаго права Мейера или, изъ новыхъ, курсъ профессора Дювернуа, учебникъ же Побѣдоносцева, несмотря на всю его необходимость для изслѣдователя и практика, весьма мало пригоденъ для учебныхъ цѣлей, такъ какъ, не сообщая основныхъ понятій, дробитъ вниманіе учащагося на мелочахъ, очень легко забываемыхъ и часто совершенно не поучительныхъ. Вотъ для цѣлей то практическаго изученія гражданского процесса и оказывается очень пригоднымъ изданіе, подобное разбираемому. И должно замѣтить, что изъ всѣхъ существующихъ комментированныхъ изданій, настоящее наиболѣе пригодно для сего. Это объясняется тѣмъ, что составитель расположилъ свой матеріалъ такъ, что онъ представляетъ собою одно цѣлое. Онъ часто начинаетъ отдѣлъ съ законодательныхъ мотивовъ, если это уясняетъ понятіе послѣдующихъ статей (см. напримѣръ, стр. 217), комментарий располагаетъ по параграфамъ соответственно требованиямъ теоретической науки, сообщаетъ свѣдѣнія изъ иностраннаго законодательства. Студентъ, внимательно потрудившійся надъ извѣстнымъ отдѣломъ гражданскаго судопроизводства по изданію г. Гордона, окажется введеннымъ не только въ кругъ судебной практики, но и современной теоретической разработки давнаго вопроса (см. напримѣръ, прекрасные комментарии къ

ст. 29, п. 4 о посессорномъ искѣ—стр. 50—55). Съ внѣшней стороны настоящее изданіе очень хорошо. Должно отмѣтить, что составителю пришла мысль цитировать сенатскія рѣшенія съ показаніемъ жирнымъ прифтомъ года ихъ и обыкновеннымъ—номера. Это гораздо рельефнѣе, чѣмъ обыкновенное обозначеніе въ видѣ дробя.

Г. А. Эзовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ московскаго главнаго и с.-петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учреждений. С.-Пб. 1898 г. — Названная книга Г. А. Эзова начинается довольно обширнымъ введеніемъ, въ которомъ авторъ сообщаетъ „историческій обзоръ отношеній русскаго правительства къ армянскому народу,“ начавъ его съ 1701 г. и доведя до самыхъ послѣднихъ временъ. Наиболее интересною является та часть введенія, которая говоритъ о сношеніяхъ при Петрѣ I, такъ какъ она основана, главнымъ образомъ, на документахъ, теперь только печатаемыхъ г. Эзовымъ. Въ сношеніяхъ же при Екатеринѣ II и послѣ оныя рассказываетъ, основываясь по преимуществу на актахъ, изданныхъ кавказскою археографическою комиссіей, въ теченіе 1866—1888 гг. Въ 1701 г. въ Москву прибылъ армянскій патриотъ Израель Орій Прошъ съ варданетомъ Минасомъ, во главѣ посольства, съ посланіемъ къ царю отъ армянскихъ меликовъ и рекомендательными письмами отъ императора Леопольда и баварскаго курфюрста. Сущность посланія и писемъ заключались въ просьбѣ принять Орія и помочь армянамъ. Орій пробылъ два года въ Москвѣ и добился обещанія отъ царя—прийти на помощь армянамъ по окончаніи шведской войны. Любопытны документы—разнаго рода письма, отписки, просьбы, донесенія, указы и т. п., относящіеся къ этимъ годамъ и подробно рисующіе тогдашнее положеніе Арменіи и Персіи (первая составляла провинцію послѣдней и хотѣла избавиться отъ ея владычества), характеръ тогдашней дипломатіи и самихъ переговаривающихся. Въ 1706 г. Орій вторично появился въ Москвѣ и здѣсь снискалъ такое довѣріе Петра I, что оныя отправилъ его во главѣ большаго московскаго посольства въ Персію (1707 г.). Въ своихъ донесеніяхъ оттуда, относящихся лишь къ 1709—1710 гг., Орій подробно описывалъ состояніе Персіи и указывалъ даже наибогѣе удобные средства и пути къ войнѣ съ ней. То же продолжалъ дѣлать послѣ смерти Орія (1711 г.) и его спутникъ Минасъ и окончательно побудилъ Петра Великаго выступить въ персидскій походъ тотчасъ же по заключеніи ништадскаго мира. Къ этому походу, то-есть къ 1722—1724 годамъ, относится также довольно значительная переписка между царемъ, Минасомъ, армянскими іерархами, астраханскимъ губернаторомъ и т. д., которая, несомнѣнно, должна дать новый и небезынтересный матеріалъ для будущаго историка персидскаго похода. Послѣ смерти Петра московское правительство по отношенію къ армянамъ ограничивалось одними обещаніями помочь имъ, а въ 1732 г., какъ извѣстно, даже отказалось отъ прикаспійскихъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ; поэтому и число документовъ значительно сокращается и содержаніе ихъ становится менѣе интереснымъ. Документы, большинство которыхъ заимствовано г. Эзовымъ изъ московскаго главнаго ар-

жива министерства иностранныхъ дѣлъ, начинаются съ письма пфальцскаго курфюрста Іоанна Вильгельма къ грузинскому принцу Георгію, отъ 8-го мая, 1698 г., и заканчиваются „дополненіемъ“ варданета Минаса графу С. А. Салтыкову, отъ марта 1786 г., содержащимъ съ собою краткое обзоріе предидущей его переписки. Число всѣхъ документовъ простирается до 305. Напечатаны они на русскомъ, армянскомъ, латинскомъ и др. яз., съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ. За документами идутъ два приложения: 1) „Выписка изъ книги Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roi de Perse etc... par le P. Fr. Antoine de Gouven,“ и 2) нигдѣ еще не напечатанная „записка французскаго академика Сень-Мартена объ изученіи Арменіи, составленная для Александра Гумбольдта“ (1831 г.). Для удобства пользованія, матеріалами помѣщены два указателя именъ на армянскомъ и европейскяхъ языкахъ.

Древнерусская картографія. Вып. I.—Планы города Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898. Лежащій передъ нами первый выпускъ „Древне-русской картографіи“, „исполненный“ г. Бѣлокуровымъ, представляетъ собою обзоръ 69 плановъ г. Москвы за 60-е и 70-е годы XVII столѣтія, съ подробными описаніемъ рисунками, большею частью въ уменьшенномъ размѣрѣ. Часть этихъ плановъ, сохранившихся въ дѣлахъ приказа Тайныхъ дѣлъ, а также хранимыхъ въ государственномъ архивѣ, была уже напечатана въ приложеніи ко II тому „Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“; теперь же впервые напечатанными являются 35 плановъ, бывшихъ неизвѣстными. „Когда и по какому случаю“, говоритъ г. Бѣлокуровъ, „были составлены всѣ эти планы, въ одно-ли время всѣ или по частямъ, — указаній пока никакихъ неизвѣстно“. Судя по нѣкоторымъ отміткамъ на томъ или другомъ планѣ, мы можемъ относить появленіе ихъ къ 60—70 годамъ XVII столѣтія“. Хотя издаваемые планы и обнимаютъ лишь небольшую часть Москвы, но они весьма важны для болѣе яснаго представленія о ней въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Укажемъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ нихъ. По отношенію къ Кремлю значительный интересъ представляетъ планъ, изображающій ту мѣстность, на которой теперь поставленъ памятникъ Александру II. На немъ изображены всѣ тѣ зданія, какія находились въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія почти на всей мѣстности нынѣшняго плаца-парада. Тутъ были подворья Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Крутицкаго митрополита, приказъ, имѣющее особый планъ, дворы бояръ (Черкаскаго, Сицкаго и др.), церкви и проч. Любопытенъ также планъ приказовъ, расположенныхъ въ особомъ двухъ-этажномъ зданіи, въ видѣ буквы П. Изъ другихъ зданій Кремля сохранились на планахъ зданія, бывшія около Никольскихъ воротъ (Въ томъ числѣ обширное подворье Спасо-Симонова монастыря, имѣющее особый планъ и Патріаршій, домъ на двухъ планахъ). Изъ плановъ Китай-города помѣщены: планъ двора у нынѣшнихъ Иверскихъ (Воскресенскихъ) воротъ и Казанскаго собора, построенъ отъ Спасскихъ воротъ до Москвы рѣки, и зданій по Ильинкѣ и за Ильинскими воротами по Маросейкѣ, вплоть до Малороссійскаго подворья, гдѣ

жили прїѣзжавшіе въ Москву послы. Изъ числа плановъ Бѣлаго города болѣе всего сохранилось касающихся мѣстности, обнимаемой нынѣшними улицами Знаменкой, Воздвиженкой и Никитской. Здѣсь были „Оптекарскаго сада“, дворцовъ чудотворца Николая (сломана въ 1848 г.), аптекарскій дворъ, обширный дворъ боярина Стрѣшнева (на мѣстѣ его теперь Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ), „Мессодіевскій“ дворъ и др. Влѣдъ за планами землянаго города помѣщены два плана Замоскворѣчья, затѣмъ „чертежъ Воробьевскій“ и планъ царскихъ жилищъ, находившихся около городской стѣны. За этимъ обзоромъ г. Бѣлокуровъ сообщаетъ перечень всѣхъ плановъ, съ указаніемъ, гдѣ какіе изданы, и въ самомъ концѣ приводитъ нѣсколько сохранившихся отрывковъ изъ старинныхъ описей московскихъ дворовъ и церквей. Рисунки, и вообще все изданіе исполнено довольно тщательно и, несомнѣнно послужитъ хорошимъ пособіемъ для исторіи г. Москвы, особенно когда оно будетъ доведено до конца.

Въ теченіе декабра мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— Сочиненія *Н. С. Тихомирова*. — Томъ третій. Часть вторая. Русская литература XVIII и XIX вѣковъ. Приложение. М.—Изданіе *М. С. Сабашниковыхъ*. 1898.

— *А. Павловъ*. Сборникъ неизданныхъ памятниковъ Византійскаго церковнаго права. (Оттиски изъ Византійскаго Временника за 1894 — 1897 гг.). С.-Пб., 1898.

— Χροσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς μόνης τοῦ Βατοπαδίου ἐκδοθέντα ὑπὸ *W. Regel*. Εν Πετροπόλει. 1898.

— Βραχία τινὰ περὶ Θεολογίας ὡς ἐπιστήμης, ὑπὸ ἀρχιεπισκόπου Ἰακώβου Βατοπαδίου. Москва 1898.

— *Н. Суворовъ*. Учебникъ церковнаго права. Ярославль. 1898.

— *Влашинъ, А. С.* — Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ. (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). С.-Пб. 1898.

— *Харламповичъ, К.* — Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань. 1898.

— *Трусманъ, Ю. Ю.* — Чудско-литовскіе элементы въ Новгородскихъ пятнахъ. — Часть первая. Пятини Водьская, Доревская и Шаловская. Ревель. 1898.

— *Кульбакинъ, С. М.* — Хиландарскіе листки, отрывки Кирилловской письменности XI вѣка. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1898.

— *Ласковский, Валерій*. Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ. С.-Пб. 1899. (Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ III).

— *Павловичъ, М. Г.* Ученіи къ теоріи словесности. Теоретическія положенія, историческія свѣдѣнія, разборы образцовъ. Выпускъ I. Общая теорія словесности.—Теорія прозы.—Предварительныя свѣдѣнія о поэзи. С.-Пб. 1899.

— *В. И. Модестовъ*, О томъ, откуда пришли и кто были латиняне. Съ таблицей въ концѣ. С.-Пб. 1892. (Оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*).

— *Тышченко, Е.* Русско-малороссійскій словарь. Томъ первый А—О. Киевъ. 1897. Томъ второй П—Ф. Киевъ. 1899.

— *П. А. Ваднаевъ*, О системѣ врачебной науки Тибета. Выпускъ I. С.-Пб. 1898.

— *Бойко, М.* Общество для распространенія коммерческихъ знаній-ли или незнаній? М. 1898.

— Sonder-Abdruck aus FORSCHUNGEN ZUR DEUTSCHEN-LITTERATURGESCHICHTE. FORTSETZUNG VON *Richard Heinsel*. Weimar. 1898.

— *Грибодовъ, С. Д.* Предказаніе погоды для отдѣльныхъ мѣстъ съ точки зрѣнія синоптической метеорологіи, (Записки Императорской Академіи Наукъ. По физико-математическому отдѣлу, т. VI. № 12. — Mémoires, VIII série). С.-Пб. 1896.

— TENTAMEN FLORAE RossIAE ORIENTALIS, id est provinciarum Kazan, Witatka, Perm, Ufa, Orenburg, Samara partis borealis atque Simbirak, auctore *S. Koroginsky*. (То-же, т. VII, № 1. Mémoires, VIII série). С.-Пб. 1898.

— ZWEI GRIECHISCHE TEXTE ÜBER DIE HL. THEOPHANO, DIE GEMAHLIN KAISERS LEO VI, herausgegeben von *Eduard Kurtz*. (То-же, по историко-филологическому отдѣлу, т. III. № 2, Mémoires VIII série). С.-Пб. 1898.

— Читенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1898. Книга IV. 187-я. Издана подъ заглавіемъ *Е. В. Барсова*. М. — Содержаніе: Русскія лѣтонисы, съ предисловіемъ *О. А. Вильхурова*; Акты XIII — XVII вѣковъ, съ предисловіемъ *А. И. Южкова*. (Окончаніе). — Путешествіе, антиох. патріарха Макарія въ Россію, переводъ съ арабскаго *Г. А. Муркоса*. — Научнообразовательныя сношенія Россіи съ Западной въ началѣ XVII вѣка, историческій очеркъ кн. *Н. В. Глинича*. — О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, *В. Эйфорни*; глава 6-я. Смѣсь.

— Отчетъ по кассационнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената за № 1897. С.-Пб. 1898.

— Отчетъ по вѣдомству дѣтокныхъ приютовъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ за 1896 годъ. С.-Пб. 1898.

— Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. (Виды архива и списки хранящихся въ немъ документовъ рукописей и печатей) (23 фототипическія таблицы). Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1898.

— Archives principales de Moscou du Ministère des Affaires Étrangères. Portraits et tableaux, appartenant aux archives. Avec 18 planches phototypiques. Ouvrage édité par les soins de la Commission instituée pour la publication des chartes et traites. Moscou. 1898.

— Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание Императорскаго Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. № 8. Декабрь. 1898. Содержание: В. М. Васнецовъ и его работы В. П. Стасова. Дятьковская хрустальная фабрика г. Малюкова и изготовленные на ней эмальрованные сосуды по рисунку Е. Бѣль.—Искусство в археологія, лекція Н. К. Рериха — Гончарное производство туземцевъ Средней Азии, Н. К. Щербини-Крамаренко.—Замѣтки о переворотѣ въ бельгійской художественной школѣ, Ф. Кюста.—Художественная критика.—Библиографія.

Въ Книжномъ Складѣ Императорской Академіи Наукъ, поступили въ продажу слѣдующія книги:

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ IX, № 3, (октябрь и ноябрь). 1898 по 1 руб.

Рыкачевъ, М. Отчетъ по главной физической обсерваторіи за 1897 годъ— 2 рубля,

Kurtz, Eduard. Zwei Griechische Texte über die Hl. Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI. 1898. 80 коп.

Словарь русскаго языка. Второго тома выпускъ 2-й. Желѣзный—за С.-Пб. 1898 годъ. 75 коп.

Византийскій Временникъ. Подъ редакціей В. Г. Васильевскаго и В. 9. Ресал. Томъ V, выпускъ 4-й. Годовая цѣна 5 руб.

Рыкачевъ, М. Новый испаритель для наблюдений надъ испареніемъ травы и первыя наблюденія по немъ въ Константиновской обсерваторіи въ 1896 году. 1 руб. 20 коп.

Грибондовъ С. Д. Предсказаніе погоды для отдѣльных мѣстъ съ точкой зрѣнія синоптической метеорологіи. Съ 13-ю картами. 1898. 1 руб.

Backlund, O. Calculs et recherches sur la comété D'Encke. VI. Perturbations produites par la terre, Venus et Mercure dans la partie supérieur de l'orbite de la comété. 1898. 1 ppб.

Korshinsky. S. Tentamen florae Rossiae Orientalis, id est provinciarum Kazan, Wiatka, Perm, Ufa, Orenburg, Samara partis borealis autque Simbirsk. 1898. 8 ppб.

Въ статьѣ г. Пискорскаго „Отчетъ о заграничной командировкѣ“—*Журн. Мин. Нар. Просв.*, декабрь 1898, слѣдуетъ сдѣлать слѣдующія исправленія:

На стр. 24-й (10 строка сверху) напечатано:

Целла и Форгасъ (Historia del Ampurdan. El feudalismo en Cataluña).

надо исправить: Пелла и Форгасъ (Historia del' Ampurdan), Королеу (El feudalismo en Cataluña).

На стр. 25-й (14 строка снизу) напечатано:

5) Argia—право сеньора требовать и т. д.

надо исправить:

5) Argia—право сеньора, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, требовать и т. д.

На стр. 25-й (13 строка снизу) напечатано:

6) Forma d'espozada forzada—jus primae noctis.

надо исправить:

6) Forma d'espoli forzada—обычай, отождествляемый многими историками съ jus primae noctis.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

А. Торсое. История нашего столѣтія 1815—1890 гг. Томъ I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго *М. В. Лучинской*, подъ редакціей проф. И. В. Лучинскаго. Изданіе С. Кульженко. Кіевъ. 1898. II+512+XIV. 1 руб. 75 коп.

Переводъ съ датскаго!.. Утверждаютъ—правда это, или нѣтъ, а теперь не могу рѣшить безъ справокъ,—будто одна изъ самыхъ важныхъ мѣръ Петра Великаго, принятыхъ въ разгарѣ и увлеченіи реформъ, сопровождалась указомъ такого приблизительно содержанія: переложить со свейскаго положенія о коллегіяхъ и ввести ихъ въ Московскомъ государствѣ, понеже по шведскому маніру мы еще не управлялись... Долго мы учились исторіи по нѣмецкимъ и французскимъ книгамъ, затѣмъ прибавили къ нимъ еще англійскія, теперь намъ рекомендуютъ и даютъ въ руки датскія и на первый разъ приглашаютъ ознакомиться съ сочиненіемъ г-на А. Торсое, посвященномъ общей исторіи новѣйшаго времени, въ которомъ вовсе не Данія играетъ главную роль. Въ краткомъ предисловіи нѣтъ прямого и яснаго объясненія о причинахъ такого выбора. Тамъ перечислены важнѣйшія событія и явленія XIX-го столѣтія, въ числѣ которыхъ на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ культуръ-кампфъ между Бисмаркомъ и римскою куріею и социалистическое движеніе, двѣ шлезвигскія войны и борьба за конституцію въ Даніи и Норвегіи, а затѣмъ слѣдуетъ такое разсужденіе: „Изученіе всѣхъ этихъ выдающихся событій нашей жизни въ ихъ внутренней связи и развитіи представляетъ не только историческій, но и современный интересъ, и потребность въ этомъ изученіи высказывается съ каждымъ годомъ все сильнѣе и

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

силнѣе. Удовлетворенію этой потребности и предназначается изданіе настоящей книги, поставившей себѣ цѣлью представить изложеніе въ существенныхъ чертахъ главнѣйшихъ политическихъ событій и ихъ внутренней связи, особенно для послѣднихъ временъ“. Но есть и другія сочиненія, посвященныя той же цѣли, французскія и нѣмецкія, и не всѣ они уже переведены на русскій языкъ (изъ французскихъ переведена книга Сенюбоса). Датскихъ, правда, пока совсѣмъ не переводили. Пробѣлъ теперь восполнѣть...

Мы вовсе не намѣрены отрицать большихъ достоинствъ книги Торсое, хотя признаемся, что совсѣмъ не знали объ ея существованіи, пока не поставила намъ въ обязанность знакомство съ нею русская переводчица вмѣстѣ съ своимъ супругомъ, г-жа М. В. Лучинская. Книга Торсое написана хорошо: соразмѣрно во всѣхъ частяхъ, ясно, сжато и сильно. Прочитавъ главы, посвященныя эпохѣ реставраціи до июльской революціи, выносишь самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе объ этомъ реакціонномъ періодѣ: вѣроломство правителей, обѣщавшихъ своимъ народамъ свободныя учрежденія въ минуту опасности и нужды и не исполнившихъ даннаго слова, слонихъ громкихъ заявленій въ манифестахъ, ихъ почти поголовная ограниченность, тупость и упрямство, соединенныя часто съ возмутительною жестокостію,—особенно рѣзко проявлявшейся послѣ усмиренія нѣрѣдкихъ возстаній (въ Италіи, въ Испаніи), постыдное преклоненіе предъ совершенно безправственными и циничными принципами Меттерниха—все это изображено весьма эффектно, хотя авторъ не любитъ лишнихъ и пышныхъ фразъ, а говорить больше сопоставленіемъ фактовъ. Рождается желаніе сколько-нибудь освободиться отъ тяжелого ощущенія, и начинаешь думать, не слишкомъ ли много авторъ придаетъ значенія личному элементу, не напрасно ли все сваливаетъ на неспособность правителей. У него мы можемъ найти данныя, намекающія на отвѣтъ, хотя и не такъ сильно выставляемыя на первый планъ. Когда итальянскіе и особенно испанскіе патріоты достигли временно цѣли своихъ стремленій, то-есть, восстановленія конституціи, сейчасъ же начинается печальная и бессмысленная борьба между *модератосами* и *прогрессистами*, сопровождающаяся опять не малымъ ожесточеніемъ и даже кровопролитіемъ: значить, и народы, на сколько они воплощались въ своихъ парламентарныхъ представителяхъ, не отличались большею мудростію, чѣмъ ихъ государи... Это многое объясняетъ, но мало утѣшаетъ. Нѣкоторый просвѣтъ, начало новаго живаго движенія приносить—кто? июльская ре-

волюція 1830 года. Затѣмъ такую же роль играетъ революціонное движеніе 1848 года. Такъ представляется въ книгѣ, и въ этомъ нѣтъ какого-либо извращенія исторической истины. Однако, все это уроки такого рода, что назидательность ихъ для русскаго юношества весьма подлежитъ сомнѣнію. Нужна какая-нибудь другая высшая философія, во всякомъ случаѣ требуется вниманіе и осторожность, когда подобныя книги предлагаются для школьниковъ, для гимназическихъ учебныхъ библиотекъ.

Что касается русскаго перевода книги Торсое, то онъ, очевидно, отдѣланъ лицомъ, знающимъ датскій языкъ основательно; сверхъ того, переводчица, г-жа Луцицкая, хорошо владѣетъ и русскою рѣчью. Есть, однако, промахи разнаго рода, встрѣчаются излишне вычурныя фразы и неловкіе обороты. Стр. 31: „вернулась эпоха Аугсбургскаго *междуцарствія*“. Аугсбургскій *interim* времени реформаци, который здѣсь разумѣется, означалъ только временное упорядоченіе религиозныхъ отношеній, но не сопровождался никакимъ перерывомъ въ правительственной области (здѣсь кардиналъ Консалви, хотя вѣрнѣе—Гонзалви). Стр. 96—98. Герцогъ Уеллингтонъ назвалъ побѣду при Наваринѣ „блестящимъ событіемъ“. Англійское выраженіе, употребленное лордомъ-министромъ въ тронной рѣчи, имѣетъ, кажется, совсѣмъ другое значеніе... Русская исторія въ книгѣ Торсое, по крайней мѣрѣ, въ русскомъ ея переводѣ, не возбуждаетъ никакого особеннаго соблазна. Нѣсколько удивительно то, что Паскевичъ, усмиритель польскаго возстанія, именуется здѣсь постоянно Пашкевичемъ. Это уже вина переводчицы,—впрочемъ, можетъ быть, и корректора, такъ какъ онъ не былъ мастеромъ своего дѣла. Опечатокъ въ книгѣ довольно.

Янъ Гусъ, его жизнь и реформаторская дѣятельность. Биографическій очеркъ М. М. Филиппова. Цѣна 25 коп. С.-Пб. 1891.

Г-нъ Филипповъ въ V главахъ, съ предисловіемъ и заключеніемъ, всего на 78 страницахъ, рассказываетъ исторію жизни и дѣятельности знаменитаго чешскаго мученика Гуса. Авторъ приводитъ довольно значительный перечень тѣхъ трудовъ, которыми онъ руководился при своей работѣ: Палацкій, Томекъ, Крюмель, Новиковъ, Надлеръ, Гильфердингъ, Бергеръ, Гёфлеръ, Вецольдъ, Неандеръ, Дени и Лехлеръ,—онъ знаетъ даже первоисточники: „*Documenta*“ Палацкаго и „*Historia*“ Пикколомини. Впрочемъ, авторъ не совсѣмъ тщательно изучилъ литературу вопроса: напримѣръ, говоря о вліяніи Виклефа

на Гуса, онъ считаетъ представителями крайнихъ взглядовъ Лехлера и Берингера, совсѣмъ не зная книги Лозерта: „Hus und Wiclif“, 1884 года, съ которою и нужно считаться при рѣшеніи вопроса. О чемъ еще болѣе слѣдуетъ жалѣть, такъ это то, что г. Филипповъ совсѣмъ не изучилъ собственныхъ сочиненій Гуса и мало обратилъ вниманія на его письма. Общій взглядъ г. Филиппова на личность Гуса и его значеніе въ исторіи нѣсколько неустойчивъ: онъ говоритъ, съ одной стороны, что „не въ ученіи заключается главная причина обаянія личности Гуса, а въ нравственномъ мужествѣ, въ стойкости защиты своихъ убѣжденій, не въ ученіи, а въ жизни и еще болѣе героической смерти“; съ другой стороны утверждаетъ, что „Гусъ стоитъ въ одномъ разрядѣ съ такими дѣателями и мучениками идеи, какъ Сократъ и Джордано Бруно, а не съ восточными и западными богословами“ (стр. 6). Первое утвержденіе, говоря словами автора— „совершенно справедливо“; второе же неудачно: по существу дѣла, Гусъ имѣлъ не особенно много общаго съ двумя указанными философами; уже если сравнивать Гуса съ кѣмъ-нибудь, такъ это съ христіанскими мучениками. Не совсѣмъ счастливо справляется авторъ и съ другими спорными вопросами, связанными съ Гусомъ: онъ, на-примѣръ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій замѣчаетъ, что „вопросъ объ отношеніи гуситства къ преданіямъ восточной церкви и протестантизму не только не рѣшенъ, но и совершенно празденъ“ (стр. 6), косвенно высказывается отрицательно объ національной сторонѣ дѣятельности Гуса, то-есть, не признаетъ ея (стр. 5); выражаетъ очень простое—до наивности—„собственное“ мнѣніе о вліяніи Вилкелфа на Гуса („Вилкелфъ много помогъ развитію идей Гуса, но послѣдній не во всемъ слѣдовалъ англичанину“, примѣчаніе стр. 16) и т. д.

Переходя къ самому разказу, мы должны отмѣтить, что онъ довольно обстоятеленъ, живъ, а въ послѣдней главѣ—судъ и кончина Гуса—немного и драматиченъ. Крупныхъ ошибокъ и непониманій нигдѣ не встрѣчается. Однако можно сдѣлать и здѣсь кое-какія замѣчанія. Во-первыхъ, всякая біографія хороша тогда, когда она изложена на общемъ фонѣ исторіи народа и страны: этого требуютъ и болѣе ясное пониманіе изображаемаго героя и интересы историческаго образованія читателей. Г. Филипповъ долженъ былъ бы дать общую картину чешской жизни наканунѣ гуситства: значительное оцѣмеченіе, социальную рознь, связи съ нѣмецкой имперіей, положеніе чешской церкви и духовенства, дѣятельность чешскихъ (и вообще европейскихъ) предшественниковъ Гуса. Такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ,

то многое остается непонятнымъ для непосвященнаго въ дѣло читателя: столкновение Вацлава съ пражскимъ архіепископомъ изъ-за „учрежденія королевъ новой епархіи и отнятія ея (или другой?) у архіепископа“ (стр. 11), изложеніе Вацлава курфюрстами (стр. 13), ученіе Виклефа („ученіе Виклефа извѣстно“, стр. 15. Кому?), отношеніе церкви и духовенства къ университетамъ (стр. 20); отношеніе арх. Збынка къ папѣ Александру V (стр. 36); терминъ „официалъ“ (стр. 20), „земскій инквизиторъ“ (стр. 49) и т. п. Нѣкоторыя поясненія и мнѣнія автора нельзя назвать удачными: онъ думаетъ, что на Матвѣѣ Яновскомъ Гусъ „развилъ свой ораторскій вкусъ“ (стр. 14); что Виклофъ никогда не былъ серьезно преслѣдуемъ (стр. 15); что „для Гуса не существовало авторитетовъ“ (стр. 17); что „Гусъ относился *только критически* къ католицизму“ (стр. 18); онъ забываетъ, что всѣ средневѣковые университеты были по духу учреждениями интернаціональными (стр. 19); полагаетъ, что „въ ученіи объ евхаристіи Гусъ не сходится съ католической догмой“ (стр. 25).

Непріятную черту книжки составляетъ „своеобразная“ модернизация излагаемыхъ фактовъ: авторъ видитъ въ исповѣди Гуса на Вышеградѣ „рѣзкое проявленіе предрасудковъ“ (стр. 10); говоря о роли латини въ XIV и XV вѣкахъ, замѣчаетъ, что „она не была еще мертвечиной, какой стала въ наше время“ (стр. 16); говоритъ, что „Гусъ не идеализировалъ официальнаго византійскаго (?) благочестія“ (стр. 24), „понималъ, что корыстолюбивое духовенство и невѣжественный народъ — это два элемента, постоянно идущіе рука объ руку (ibid.). Въ одномъ мѣстѣ (стр. 52) г. Филипповъ дѣлаетъ некстати вылазку противъ „архивныхъ“ историковъ, а на стр. 71 замѣчаетъ: „новѣйшія изслѣдованія вопроса показали, что императоръ Сигизмундъ былъ неспособенъ даже краснѣть...“ Эта немного развязная шутовскость и иронія побуждаетъ автора назвать отцовъ Констанцкаго собора „святыми“ (стр. 61), замѣтить объ арх. Збынкѣ, „что онъ вошелъ во вкусъ религіознаго преслѣдованія“ (стр. 28), назвать архіепископа „отчаяннымъ ханжой“ (стр. 11). Лучше бы было, если бы все это въ книжкѣ отсутствовало.

О книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленной кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго. Выпускъ второй. Москва. 1897. IV + 967. 3 р. 30 коп.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, обязана своимъ происхожденіемъ въ значительной степени почину

ученаго комитета, предложившаго въ видѣ очередной задачи для соисканія преміи Петра Великаго, составленіе исторической хрестоматіи въ предѣлахъ означеннаго періода. Благодаря тому, что за дѣло взялся проф. (Московского университета) П. Г. Виноградовъ, занимающій лично такое видное положеніе въ наукѣ и сьумѣвшій сгруппировать подъ своимъ руководствомъ довольно обширный кружокъ своихъ учениковъ и почитателей—послѣдніе находятся не только въ Москвѣ (см. въ первомъ выпускѣ статьи Гревса и Панченка, петербургскихъ молодыхъ ученыхъ), задача была выполнена — можно сказать,—налучшимъ образомъ. Представленная ученому комитету въ рукописи, или точнѣе въ рукописяхъ, хрестоматія была удостоена большой преміи имени Петра Великаго (2.000 р.) на основаніи подробнаго отзыва, который въ свое время былъ напечатанъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Вслѣдствіе своей обширности, книга для чтенія въ печати стала выходить выпусками. Въ предлежащемъ *второмъ* выпускѣ соединены статьи по наиболѣе характернымъ явленіемъ средневѣковой жизни; въ немъ разсматриваются феодализмъ, папство и имперія, крестовые походы, рыцарство и духовная культура періода; есть статьи—и весьма значительныя не только по достоинству, но и по вѣдшему объему,—посвященныя Византіи и славянской исторіи. Разнообразіемъ и важностью затронутыхъ предметовъ оправдываетъ составитель значительный объемъ этого выпуска, заключающаго въ себѣ 956 страницъ (шестьдесятъ листовъ) основнаго текста; вмѣстѣ съ первымъ выпускомъ, на половину меньшимъ, это—будетъ около девяноста листовъ, около 1.400 страницъ. Хотя въ предисловіи ко второму выпуску ничего не сказано о продолженіи, но, припоминая составъ оригинала, бывшаго на разсмотрѣніи ученаго комитета, мы должны ожидать еще третьяго выпуска, чѣмъ и завершится изданіе. Если авторъ предисловія, вмѣсто того, чтобы хвалиться обиліемъ и обширностью предлагаемаго матеріала, старается только оправдать и извинить объемъ книги, то это объясняется соображеніями о педагогической пригодности столь обширнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ высокаго по денежной цѣнѣ изданія для учениковъ гимназій. (Цѣна перваго выпуска 1 р. 50 коп.; втораго 3 р. 30 коп.). Въ этомъ отношеніи уже по поводу перваго выпуска мы замѣтили, что „книга для чтенія по средней исторіи“ по своему объему, а также и по характеру многихъ статей, никакъ не можетъ быть помѣщена въ разрядѣ учебныхъ пособій, обязательныхъ для приобрѣтенія учениками; но что тѣмъ не менѣе она принесетъ вели-

ликую пользу и удовлетворить имѣвшимся въ виду запросамъ школы, если будетъ находиться въ рукахъ преподавателя, если преподаватель прочтетъ самъ въ классѣ нѣсколько статей или нѣсколько отрывковъ изъ статей, если другія онъ укажетъ для внѣкласснаго чтенія ученикамъ и т. д., которые въ случаѣ нужды должны будутъ обращаться въ ученическую бібліотеку гимназіи. Второй выпускъ отличается отъ перваго кромѣ обширности еще появленіемъ иллюстрацій при статьяхъ, посвященныхъ искусству. Предисловіе опять въ извѣстительномъ тонѣ замѣчаетъ, что, вѣроятно, читатели не *посѣтуютъ* на изображенія памятниковъ искусства, безъ которыхъ ихъ описанія сказали бы очень мало, хотя это *немногу* удорожило изданіе. Какъ скоро мы отказались отъ мысли разсматривать *книгу для чтенія* какъ обязательное для учениковъ пособіе, для насъ уже нѣтъ повода сожалѣть о небольшомъ удороженіи его, тѣмъ болѣе, что мы считаемъ вполне заслуженною благодарность, воздаваемую въ предисловіи, типографіи Мамонтова, которая приложила всѣ старанія исполнить цинкографіи какъ можно лучше и какъ можно дешевле. Въ книгѣ 8 фототипій и 54 рисунка въ текстѣ.

Г. К. Дорофеевъ. Кавказскія сказки и преданія для юношества. Первый выпускъ. Тифлисъ. 1897. Стр. 290. Цѣна 1 рубль.

Попечитель Кавказскаго учебнаго округа, какъ извѣстно, издалъ 23 выпуска „Сборника матеріаловъ по описанію мѣстностей и племенъ Кавказа“. Въ это прекрасное изданіе входятъ, конечно, и мѣстные сказанія, преданія...

Изъ этой-то сокровищницы и почерпнулъ г. Дорофеевъ матеріалъ для своей книжки. Изъ 26 сказокъ только три заимствованы изъ другихъ источниковъ.

Въ предисловіи г. Дорофеевъ объясняетъ, что заимствовалъ изъ „Сборника“ сказки, „въ которыхъ отразились черты *общечеловѣческаго идеализма кавказскихъ народовъ*: любовь къ родителямъ, вѣрность данному слову, возвеличеніе альтруистическихъ движеній челоуѣческаго сердца, апогеозъ религіозности, трудолюбія, честности, храбрости“... „Юные читатели“—прибавляетъ г. Дорофеевъ—„найдутъ въ нихъ указанія на превосходство ума надъ грубою физической силою, но, видѣтъ съ тѣмъ, они должны вынести убѣжденіе, что и умъ приноситъ людямъ прочное счастье лишь тогда, когда его силы направлены на общее благо“.

Далѣе авторъ указываетъ еще, что *при обработкѣ* заимствованнаго матеріала, грубое, жестокое стремился изъ сказокъ устранить;

идею каждой сказки старался выразить ярче... старался придать, гдѣ нужно, драматизмъ изложенію, 'ввелъ описанія кавказской природы...

Содержаніе и художественная обработка сказокъ, однако, оправдываетъ столь заманчивое предисловіе въ довольно малой долгѣ.

Въ герояхъ несомнѣнно есть нѣкоторыя симпатичныя черты, но, благодаря уродливой силѣ этихъ героевъ, вмѣшательству въ жизнь ихъ всякихъ великановъ, фей, чудодѣевъ-звѣрей, вѣрно служащихъ счастливымъ избранныкамъ, какъ „сѣрый волкъ“ нашихъ сказокъ, — психологическіе мотивы въ дѣйствіяхъ людей сглаживаются. Къ человѣку, поставленному въ совершенно исключительныя условія, нельзя питать живаго сочувствія или несочувствія. Оно замѣняется удивленіемъ передъ негнѣпностью случая. Къ тому же, фантазія кавказцевъ, судя по сказкамъ г. Дорофеева, вообще мало изящна, нерѣдко прямо груба...

Въ добавокъ г. Дорофеевъ *обработывалъ* преданія горцевъ... И—на сколько можно судить по впечатлѣнію, которое они оставляютъ въ читателѣ—при обработкѣ внесъ въ нихъ не мало субъективнаго, своего. Врядъ ли, напримѣръ, горскія преданія такъ упорно подчеркиваютъ „благодѣянія русскаго завоеванія“.

Кромѣ субъективныхъ чертъ, внесенныхъ въ обработку преданій г. Дорофеевымъ, характерности ихъ очень мѣшаетъ и то, что при чтеніи книги г. Дорофеева сливаются съ *нѣчто общее* не только преданія разныхъ горскихъ племенъ (что уже само по себѣ было бы недостаткомъ довольно крупнымъ), но еще и мотивы армянскіе, грузинскіе, татарскіе... языческіе, мусульманскіе и христіанскіе (напримѣръ въ имеретинской сказкѣ о девятиглавомъ орлѣ рѣчь идетъ о построеніи церкви съ колокольнею, о трезвонѣ колоколовъ)... Объ одной сказкѣ г. Дорофеевъ самъ говоритъ, что она одна сложена „изъ мотивовъ грузинскихъ, армянскихъ и татарскихъ“. Необходимость держаться мѣстнаго колорита г. Дорофеевъ понимаетъ такъ мало, что, передавая, напримѣръ, горное преданіе о борьбѣ Шатъ-горы съ Баштау за красавицу Машукъ-гору, говоритъ:

„Вскипѣлъ могучій Шатъ, выше тучъ поднялъ палецу, — (sic) и съ свистомъ, бурей и громомъ рухнула она на юнаго красавца, — (sic) (отчего юнаго? врядъ ли это есть въ преданіи) *точно залпъ изъ тысячи орудій грянулъ!*.. (стр. 10).

Далѣе г. Дорофеевъ рассказываетъ: „Много тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ *неслышно* (?) пронеслось надъ землей. *Красавица Машукъ потолстѣла*“ (!)... (стр. 11).

Врядъ ли такія черты очень невысокаго антропоморфизма заимствованы изъ „горскаго преданія?“

А вотъ и конецъ разказа:

„Бештау и Машукъ изъ нѣдръ своихъ произвели цѣлебныя, холодныя и теплыя ключи; (sic) узнавъ объ этомъ, Шатъ прислалъ сюда же свой богатырскій ключъ—Нарзанъ: (sic) ¹⁾ кипитъ, бурлитъ питье богатырей. какъ будто бы *подъ нимъ юритъ огонь неунасимый*. И съ давнихъ поръ сюда, со всѣхъ концовъ пространной Руси, съѣзжаются больныя, лѣчатся въ цѣлебныхъ водахъ отъ болѣзней и получаютъ облегченіе, а укрѣпляются ѣдутъ ужъ къ Нарзану: (sic) купаются въ его *ледяныхъ струяхъ*. пьютъ его и получаютъ крѣпость силъ, бодрость и веселье“ (стр. 12).

Короче—книга г. Дорофеева отнюдь не удовлетворяетъ важнѣйшему изъ условій, которыя требуются отъ „Сборника *народныхъ преданій*“. При чтеніи его сборника читатель не ощущаетъ вѣянія извѣстной своеобразной атмосферы, не чувствуетъ духовнаго общенія съ индивидуальностью извѣстнаго края, извѣстныхъ племенъ, эпохи...

При этомъ г. Дорофеевъ, если и пишетъ языкомъ довольно правильнымъ (нынче и это цѣнить приходится), то талантливымъ, маломальски художественнымъ языкъ его никакъ назвать нельзя.

Намъ кажется (если даже признать сказки потребностью дѣтей до школьнаго возраста) въ бібліотекахъ школьнаго возраста, и уже въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, могутъ быть пригодны только сказки или очень характерныя въ бытовомъ отношеніи, или художественныя, или же сказки съ опредѣленнымъ идейнымъ содержаніемъ (доступнымъ и умѣстнымъ въ данномъ возрастѣ)...

Ни одному изъ этихъ условій—по крайнему нашему разумѣнію—сказки г. Дорофеева не удовлетворяютъ. Потому, полагаемъ, приобрѣтенія онѣ для школъ не представляютъ; онѣ школѣ не нужны.

---

¹⁾ Знаки препинанія въ выпискахъ разставлены по книгѣ г. Дорофеева. Разстановка ихъ мѣстами вызываетъ недоумѣніе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ ШКОЛЫ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА ВЪ 1897 ГОДУ.

Всѣхъ классическихъ среднеучебныхъ заведеній въ Кіевскомъ округѣ въ первомъ полугодіи 1897 года было 23, въ томъ числѣ 18 гимназій, 2 шестиклассныхъ и 3 четырехклассныхъ прогимназій. Во время года преобразованы Житомирская и Острожская прогимназіи— въ полныя гимназіи. Такимъ образомъ во второй половинѣ 1897 года всѣхъ классическихъ среднеучебныхъ заведеній въ Кіевскомъ округѣ было тоже 23, но въ томъ числѣ 20 гимназій, 1 шестиклассная, и 2 четырехклассныхъ прогимназій. Общее число нормальныхъ классовъ было, слѣдовательно, 170. Параллельныхъ классовъ къ концу отчетнаго года было 44, то-есть, на два класса болѣе, нежели въ 1896 году. Между отдѣльными гимназіями число параллельныхъ классовъ распредѣлялось такъ: Кіевская 1-я и Кіевская 2-я гимназіи имѣли по 8 параллельныхъ классовъ, Житомирская 1-я—9, Кіевская 3-я—6, Каменецъ-Подольская—5, Немировская и Кіевская 4-я—по 3, Полтавская—2. Приготовительныхъ классовъ было 19. Безъ приготовительныхъ классовъ остаются попрежнему гимназіи Нѣжинская, Лубянская и Острожская, и прогимназія Луцкая. Такимъ образомъ общее число нормальныхъ, параллельныхъ и приготовительныхъ классовъ къ концу отчетнаго года было 233, на 3 болѣе, чѣмъ въ 1896 году. Такъ какъ всѣхъ учащихся къ 1-му января 1897 года было 8.090,

то на каждый классъ среднимъ числомъ приходится почти 36 учениковъ.

Въ фундаментальныхъ бібліотекахъ всѣхъ гимназій и прогимназій къ концу отчетнаго года состояло 91.651 названій книгъ въ 219.591 томѣ, въ томъ числѣ въ отчетномъ году было приобрѣтено 1.646 названій въ 4.940 томахъ на сумму 8.110 руб. (на 8.074 руб. меньше прошлагодняго). Число названій книгъ въ фундаментальныхъ бібліотекахъ гимназій колеблется отъ 1.285 (Острожская) до 7.771 (Житомирская 1-я); въ прогимназіяхъ отъ 1.811 (Черкасская) до 2.579 (Стародубская).

Въ бібліотекахъ ученическихъ числилось 24.417 названій въ 50.091 томѣ, въ числѣ коихъ въ 1897 году приобрѣтено 1.454 названій книгъ въ 2.581 томѣ на сумму 3.217 руб. 7 коп. (на 271 руб. 75 коп. меньше предыдущаго года). Число названій книгъ въ ученическихъ бібліотекахъ гимназій колеблется отъ 609 (Бѣлоцерковская гимназія) до 2.090 названій (Кіевская 2-я); въ прогимназіяхъ— отъ 452 (Луцкая) до 738 (Черкасская). На пополненіе ученическихъ бібліотекъ наибольшіе расходы произведены были Кіевскою 1-ю гимназіею, именно 720 руб. и затѣмъ Черкаскою (814 руб. 22 коп.). Не пополняли ученическихъ бібліотекъ въ теченіе отчетнаго года гимназіи: Кіево-Печерская и Острожская.

Въ физическихъ кабинетахъ гимназій и одной шестиклассной прогимназіи состояло къ концу 1897 года 5.622 прибора и инструмента, въ числѣ коихъ 232 приобрѣтены въ отчетномъ году, на что затрачено 8.673 руб. 84 коп., (на 1.823 руб. 60 коп. меньше прошлагодняго). Пополняли свои кабинеты тринадцать гимназій, (Уманская, Острожская, Прилукская, Немировская, Кіевская 1-я, 2-я, 3-я и 4-я, Черниговская, Златопольская, Лубенская, Житомирская 1-я и Новгородсѣверская). Больше всего сдѣлано приобрѣтеній Уманскою гимназіею, (55 предметовъ на 1.009 руб. 29 коп.), и затѣмъ Острожскою гимназіею (45 предметовъ на 511 руб. 5 коп.). 12 гимназій имѣютъ кабинеты естественныхъ наукъ. Общее число предметовъ и пособій въ этихъ кабинетахъ выражается цифрою 12.540 (на 46 меньше прошлагодняго). Не имѣютъ такихъ кабинетовъ гимназіи: Кіевская 2-я, Кіево-Печерская, Уманская, Житомирская 3-я, Немировская, Прилукская и Глуховская.

Учебныхъ пособій, то-есть, географическихъ картъ, глобусовъ, моделей для рисованія, лексиконовъ и т. д., во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа было 17.571, то-есть, на 1.080 больше прошлагодняго.

Библиотеки учебниковъ для недостаточныхъ учениковъ существуютъ въ 10 гимназіяхъ и 2-хъ прогимназіяхъ: въ Киевскихъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й, Прилукской, Черниговской, Житомирской 1-й, Каменецъ-Подольской, Уманской и Златопольской гимназіяхъ и въ Черкасской и Стародубской прогимназіяхъ.

На содержаніе всѣхъ 23 гимназій и прогимназій поступило въ отчетномъ году 1.288.958 руб. 72 коп., менѣе чѣмъ въ прошломъ году на 486 руб. 42 коп. Изъ суммъ государственнаго казначейства отпущено 507.701 руб 74 коп. (39,4% общей суммы), сбора за ученіе поступило 339.991 руб. 36 коп. (26,4%), сбора за содержаніе воспитанниковъ въ пансіонахъ 191.692 руб. 76 коп. (14,9%), процентовъ съ капиталовъ и пожертвованій 165.887 руб. 15 коп. (12,9%), изъ суммъ земствъ 24.857 руб. 58 коп. (1,9%), изъ суммъ городскихъ обществъ 25.172 руб. 40 коп. (2%), изъ суммъ дворянства 758 руб. 47 коп., изъ прочихъ источниковъ 32.897 руб. 26 коп. (2,5%). На средства земствъ и городскихъ обществъ съ пособіемъ отъ казны содержатся гимназіи: Острожская, Полтавская, Черниговская, Лубенская, Прилукская, Глуховская, Новгород-Сѣверская и прогимназіи: Черкасская и Стародубская. На эти заведенія земства и общества отпускали 50.029 руб. 98 коп. (24,5%), а государственное казначейство 154.598 руб. 89 коп. (75,5%). Наибольшія цифры назначенія изъ суммъ государственнаго казначейства приходятся на гимназію Киевскую 2-ю—34.667 руб. 60 коп. за нею слѣдуютъ: Нѣжинская—34,542 руб. 80 коп., Киевская 1-я—31,762 руб. 5 коп., Бѣлоцерковская—28.748 руб. 80 коп., Киево-Печерская—28.410 руб. 22 коп., Златопольская—28.001 руб. 2 коп., Киевская 4-я—26.654 руб. 69 коп., Киевская 3-я—25.999 руб. 75 коп., Немировская—25.966 руб. 30 коп., Каменецъ-Подольская—25.840 руб. 30 коп., Новгород-Сѣверская—25.544 руб. 80 коп. и Полтавская—25.341 руб. 48 коп. Между прогимназіями наибольшія суммы назначены на Черкасскую—9.410 руб. 92 коп. и Стародубскую—6.854 руб. 81 коп. Наименьшія затраты казна дѣлаётъ, какъ и въ прежніе годы, на гимназію Глуховскую (7.845 руб.) и на прогимназію Луцкую (238 руб. 75 коп.).

Остатки содержанія составляли къ 1-му января 1897 года сумму въ 987.079 руб. 95 коп., то-есть, на 128,670 руб 55³/₄ коп., болѣе противъ предыдущаго года. Главную часть этой суммы составляютъ капиталы, пожертвованные разными общественными учрежденіями и частными лицами 742.095 руб. 20 коп. Наибольшія суммы въ этой рубрицѣ принадлежатъ гимназіямъ: Киевской 1-й (130.350 руб. 50 коп.),

Кіевской 2-й (118.701 руб. 20 коп.), Каменецъ-Подольской 71.709 руб. 17 коп.), Златопольской (59.588 руб. 26 коп.), Бѣлоцерковской (55.648 руб. 82 коп.), Черниговской (21.800 руб.), Нѣжинской (19.840 руб. 71 коп.) и Кіевской 4-й (16.994 руб. 86 коп.). Сбереженія гимназій и прогимназій по суммамъ сбора за ученіе составляли 124.120 руб. 25 коп., на 61,313 руб. 62 коп. мѣнѣе, чѣмъ въ прошломъ году.

Остатковъ отъ процентовъ съ разныхъ капиталовъ было 40.309 руб. 63 коп. Немзрасходованныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства оказалось 9.891 руб. 51 коп., на 502 руб. 70 коп. мѣнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Общая сумма расхода по всѣмъ 28 гимназіямъ и прогимназіямъ въ 1897 году составляла 1.152.201 руб. 25 коп., на 78.687 руб. 47 коп. болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Наибольшая сумма расходовъ падаетъ на содержаніе личнаго состава—596.627 руб. 68 коп. (51,8%). Расходы на наемъ помѣщеній, на ремонтъ и содержаніе зданій составляли 13,4%, на содержаніе пансіонеровъ—9,2%, на служителей—4,4%, на пособіе учащимся—2,5%, на содержаніе канцеляріи—2%, на пособіе служащимъ лицамъ—2%, на учебныя пособія—2%, санитарныя расходы—0,9%, на содержаніе церкви—0,8%. Кроме того 11% общей суммы расходовъ пошло на разнаго рода одновременныя затраты, на суммы, отчисляемыя въ доходъ казны, министерства и учебнаго округа, и на расходы переходящихъ суммъ.

Средняя стоимость обученія одного воспитанника 114 руб. 1 коп., на 2 руб. 68 коп. мѣнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ отдѣльности на гимназіи приходится 112 руб. 49 коп., а на прогимназіи 145 руб. 22 коп.

Плата за ученіе вѣзмалась въ отчетномъ году прежняя: въ Кіевскихъ 1-й и 2-й гимназіяхъ по 60 руб., въ Кіевской 3-й—56 руб., въ Кіевской 4-й, Кіево-Печерской, Уманской, Каменецъ-Подольской, Немировской, Полтавской, Черниговской—по 50 руб., въ Житомирской 1-й гимназіи—45 руб., въ остальныхъ—по 40 руб.

Въ отчетномъ году сдѣланы слѣдующія важнѣйшія пожертвованія въ пользу гимназій и прогимназій: 1) въ Кіевской 1-й: почетный попечитель гимназіи А. Н. Терещенко пожертвовалъ на нужды гимназіи 1.000 руб., внесъ плату за ученіе трехъ бѣдныхъ учениковъ, содержалъ на свой счетъ одного воспитанника въ пансіонѣ гимназіи и сдѣлалъ значительныя пожертвованія на удовлетвореніе разныхъ случайныхъ нуждъ гимназіи. Церковный староста тайный

совѣтникъ Н. А. Терещенко сдѣлалъ крупное и щедрое пожертвованіе для украшенія гимназическаго храма, и для церковнаго благолѣпія; 2) въ Бѣлоцерковской: почетный попечитель гимназій графъ Браницкій содержалъ на свои средства общую квартиру, въ которой бесплатно пользовались содержаніемъ 24 ученика. Главное управленіе графини Браницкой прирѣзало къ гимназической усадьбѣ около 200 кв. саж. Это пожертвованіе дало возможность расширить гимназическій садъ; 3) въ Златопольской: почетный попечитель гимназій графъ А. А. Бобринскій пожертвовалъ 300 руб. на нужды гимназій; 4) въ Немировской: пожертвовано графомъ Потоцкимъ 1.850 руб. на нужды гимназій; 5) въ Полтавской: Полтавская городская управа уплатила 500 руб. за право ученія 10-ти стипендіатовъ; 6) въ Лубенской: на содержаніе метеорологической станціи поступило отъ земства Полтавской губерніи 280 руб. и отъ Лубенскаго уѣзднаго земства 200 руб.; Полтавское губернское земство съ 1894 года ежегодно даетъ 1.000 руб. на ремонтъ зданія гимназій; 7) въ Новгород-Сѣверской: мѣстное городское общество пожертвовало 100 руб. на содержаніе приготовительнаго класса и Новгород-Сѣверское уѣздное земство 200 руб. для той же цѣли; мѣстное дворянство пожертвовало 100 руб. и городское общество—100 руб. на нужды бѣдныхъ учениковъ; 8) въ Глуховской: почетный попечитель гимназій тайный совѣтникъ Н. А. Терещенко пожертвовалъ 1.000 руб. на нужды гимназій и 100 руб. на нужды бѣдныхъ учениковъ; 9) въ Черниговской: Черниговское городское общество внесло 400 руб. на содержаніе приготовительнаго класса; 10) въ Житомирской: почетный попечитель баронъ И. М. де-Шодуаръ пожертвовалъ 300 руб. на нужды пансіона. 11) въ Черкасской прогимназіи: почетный попечитель прогимназіи графъ А. А. Бобринскій пожертвовалъ 300 р. на нужды прогимназіи. Затѣмъ слѣдующія лица сдѣлали пожертвованія на устройство церкви при означенной прогимназіи: тайный совѣтникъ Н. А. Терещенко—500 р., черкасскій купецъ Ѳ. И. Лысакъ колокола и 120.000 шт. кирпича, всего на сумму 2.500 руб., Н. А. Мирошпиченко—церковное облаченіе и двѣ хоругви, на сумму—500 руб., В. И. Кауровъ—4 чугунныхъ позолоченныхъ креста на церкви, М. Р. Гарковенко—паникадило, на сумму—300 руб., А. Г. Полторадня—серебряную дарохранительницу, цѣною—100 руб., И. А. Кириченко—Евангеліе цѣною—100 руб., П. С. Гуляницкій—разные священные предметы, на сумму до 350 руб.; 12) въ Стародубской прогимназіи: Стародубское уѣздное земское собраніе пожертвовало 200 руб. на уплату за право ученія

бѣдныхъ учениковъ; почетный попечитель прогимназій С. А. Ширай пожертвовалъ 600 руб., кунецъ И. Г. Юдовскій—200 руб. на нужды бѣдныхъ учениковъ.—Кромѣ того въ теченіе отчетнаго года утверждены положенія о слѣдующихъ стипендіяхъ и пособіяхъ ученикамъ гимназій Кіевского учебнаго округа, изъ процентовъ съ капиталовъ, пожертвованныхъ разными учрежденіями и лицами:

а) Стипендія имени бывшаго предсѣдателя Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда Н. В. Римскаго-Корсакова при Каменецъ-Подольской гимназій (капиталъ 1.200 руб.; стипендія выдается ученику названной гимназій, сыну присяжнаго повѣреннаго, безъ различія вѣрноповѣданія, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію).

б) Стипендія имени дворянина А. К. Ляховскаго при Житомирскихъ учебныхъ заведеніяхъ (капиталъ въ 50.000 руб.; каждая стипендія—по 200 руб. въ годъ—назначается для учениковъ—уроженцевъ Волинской губ. бѣднѣйшихъ родителей, отличнаго поведенія, римско-католическаго исповѣданія, безъ различія сословій).

в) Стипендія имени ксендза Алозія Шенаускаго при Каменецъ-Подольской гимназій (капиталъ въ 16.097 руб. 99 к.; стипендіатами (4 стип.) могутъ быть бѣднѣйшіе ученики названной гимназій, римско-католическаго исповѣданія, заслуживающіе стипендію по своему поведенію и успѣхамъ).

г) Стипендія имени тайнаго совѣтника А. Г. Баталіна при Кіевской 2-й гимназій (капиталъ въ 7.500 руб.; стипендія предназначается бѣднѣйшему воспитаннику гимназій изъ уроженцевъ Черниговской или Полтавской губерній).

д) Стипендія имени коллежскаго совѣтника А. И. Переяславцова при Кіевской 1-й гимназій (капиталъ въ 2.000 руб.; изъ процентовъ вносится въ гимназію плата за право ученія сиротъ изъ дѣтей православныхъ гражданскихъ чиновниковъ недостаточнаго состоянія).

е) Стипендія имени дворянина Ю. И. Зубковича при Кіевской 1-й гимназій (капиталъ въ 5.000 руб.; проценты съ капитала выдаются на содержаніе воспитанника польскаго происхожденія, католическаго исповѣданія, безъ различія сословія).

Для выдачи пособій завѣщено каждой изъ пяти Кіевскихъ гимназій коллежскимъ регистраторомъ Н. Д. Аммосовымъ по 5.285 руб.; проценты съ капитала обращаются на уплату денегъ за право ученія бѣдныхъ воспитанниковъ гимназій православнаго исповѣданія и Кіевской 1-й гимназій дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Н. Х. Бунге — 5.000 руб.; проценты съ капитала выдаются одному изъ

нуждающихся воспитанниковъ гимназій при окончаніи имъ полнаго курса.

Общества вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ существуютъ почти при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, но средства и расходы ихъ по прежнему весьма различны. Въ отчетномъ году, наибольшую помощь бѣднымъ ученикамъ оказали общества при гимназіяхъ и прогимназіяхъ: Кіевской 2-й—2.330 руб., Кіевской 1-й—1.460 руб.; Кіевской 3-й—1.420 руб., Кіевской 5-й—1.449 руб., Бѣлоцерковской—1.640 руб., Уманской—1.864 руб. 86 коп., Черниговской—1.155 руб. 1 коп., Черкасской прогимназій—270 р. и проч. Общая сумма пособій за 1897 годъ равна 16.623 руб. 60 коп. (въ 1896 г.—17.348 руб.).

Въ теченіе отчетнаго года выдано ученикамъ гимназій и прогимназій разныхъ стипендій—29.566 руб. 15 коп.; пособій изъ разныхъ учреждений—4.657 руб. 50 коп.; пособій изъ специальныхъ средствъ учебныхъ заведеній—1.006 руб. 37 коп.; пособій отъ почетныхъ преподавателей—7.460 руб., а всего—42.690 руб. 2 коп.

Изъ числа 23 гимназій и прогимназій Кіевского округа не имѣетъ собственнаго зданія попрежнему одна только Кіевская 4-я гимназія, которая помѣщается въ наемномъ домѣ съ платою въ годъ по 5.300 рублей.

Изъ 20 гимназій только четыре не имѣютъ своихъ церквей; Кіевскія 3-я и 4-я, Кіево-Печерская и Уманская; изъ прогимназій—двѣ: Стародубская и Луцкая. Въ отчетномъ году устроена церковь при Черкасской прогимназій. На устройство церкви выѣтъ съ иконостасомъ и церковною утварью израсходовано 8.399 руб. 35 коп. Всѣ церкви учебныхъ заведеній находятся въ отличномъ состояніи и богато снабжены церковною утварью.

Во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были произведены различные ремонты и улучшенія.

Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, съ разрѣшенія г. попечителя округа и по утвержденнымъ имъ программамъ, были устраиваемы музыкально-литературные вечера. Такіе вечера имѣли мѣсто въ гимназіяхъ: Кіевской 1-й и 2-й, Кіево-Печерской, Бѣлоцерковской, Житомирской 1-й, Каменецъ-Подольской, Черниговской, Прилуцкой, Глуховской, Новгородъ-Сѣверской, Острожской, Уманской и въ прогимназіяхъ Черкасской, Стародубской и Луцкой. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ удалось устроить загородныя прогулки для учениковъ. Военныя прогулки были устроены въ Житомирской 1-й;

Каменецъ-Подольской, Черниговской, Прилукской, Вѣлоцерковской и Уманской гимназіяхъ и Стародубской и Луцкой прогимназіяхъ.

Въ теченіе отчетнаго года г. попечителемъ округа были посѣщены и обревизованы, со стороны учебной и хозяйственной части, кромѣ Кіевскихъ, еще слѣдующія гимназіи: Житомирская, Каменецъ-Подольская, Полтавская, Нѣжинская, Новгородъ-Сѣверская, Острожская, Глуховская, Уманская и Черниговская.

Къ 1-му января 1898 года число лицъ, состоявшихъ на службѣ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа, было 581, въ томъ числѣ почетныхъ попечителей 14, директоровъ 21, инспекторовъ 19, законоучителей 45, учителей наукъ и языковъ 247, учителей чистописанія и рисованія 22, помощниковъ классныхъ наставниковъ 50, воспитателей и надзирателей 22, другихъ должностныхъ лицъ какъ-то: врачей, писмоводителей, учителей музыки и танцевъ и пр.—98. Въ теченіе отчетнаго года число служащихъ, сравнительно съ числомъ прошлаго года, уменьшилось на 2. Перемѣненій служащихъ лицъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое было въ теченіе года 11, новыхъ назначеній—13. Вновь назначены: 1 законоучитель, 2 учителя древнихъ языковъ, 3—математики, 2—русскаго языка и словесности, 3—новыхъ иностранныхъ языковъ и 1—искусствъ.

Изъ общаго числа 21 директора, 12 преподавали древніе языки; математику преподавали 3 директора, русскій языкъ—1 директоръ, исторію и географію—5 директоровъ. Всѣ инспектора четырехклассныхъ прогимназій преподавали древніе языки. Преподавателей, соединившихъ преподаваніе различныхъ предметовъ, было въ первомъ полугодіи 132, во второмъ—145.

Классными наставниками состояли въ первомъ полугодіи 20 директоровъ, во второмъ полугодіи—21 директоръ. Всѣ инспектора состояли также классными наставниками. Изъ числа преподавателей было 173 классныхъ наставниковъ.

Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ выражается въ отчетному году цифрою 8.364, то-есть на 1.223 урока больше противъ 1896 года. По болѣзни пропущено 6.246 уроковъ и по другимъ уважительнымъ причинамъ—2.118. Наибольшее число уроковъ пропущено въ гимназіяхъ: Житомирской 1-й (887), Кіевской 2-й (876), Уманской (631), Немировской (509), Златопольской (495), Прилукской (494), Каменецъ-Подольской (487) и Вѣлоцерковской (451). Въ большинствѣ гимназій и прогимназій принимаются мѣры къ замѣщенію пропущенныхъ уроковъ тѣмъ или инымъ способомъ. Наиболѣе распро-

страненнымъ способомъ замѣщенія уроковъ отсутствующаго преподавателя было назначеніе письменныхъ работъ, которыя исполнялись подъ надзоромъ помощниковъ классныхъ наставниковъ. Но эту мѣру нельзя считать цѣлесообразной даже въ смыслѣ сообщенія программныхъ свѣдѣній; она поэтому употреблялась только при случайныхъ пропускахъ уроковъ преподавателями. При продолжительной же болѣзни преподавателя директора гимназій, съ разрѣшенія г. попечителя, распредѣляли свободные уроки между наличными преподавателями.

Педагогическіе совѣты гимназій и прогимназій округа имѣли въ отчетномъ году 2.356 засѣданій, въ томъ числѣ было 753 засѣданій въ полномъ составѣ, 59 засѣданій предметныхъ комиссій, 462—классныхъ комиссій и 1.082 засѣданія хозяйственныхъ комитетовъ. Среднимъ числомъ на каждую гимназію приходится 103 засѣданія педагогическаго совѣта съ его отдѣленіями и на каждую прогимназію—94 засѣданія. Наибольшее число засѣданій имѣла Кіевская 1-я гимназія (182). При гимназіяхъ, Глуховской, Житомирской 1-й, Златопольской, Лубенской, Нѣжинской, Новгородъ-Сѣверской и Немировской существовали семь метеорологическихъ станцій. Станціями завѣдуютъ и производятъ въ нихъ наблюденія преподаватели математики въ этихъ гимназіяхъ, въ производствѣ же наблюденій имъ оказываютъ дѣятельную помощь учащіеся.

Общее число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ къ 1-му января 1898 года было 8.223 (въ 1896 года было 8.090, въ 1895 году—7.680, въ 1894 г.—7.506, въ 1893 г.—7.406, въ 1892 г.—7.352). Изъ этого числа въ гимназіяхъ состояло 7.811 учениковъ, въ прогимназіяхъ 412, что составляетъ среднимъ числомъ на гимназію 891 ученикъ и на прогимназію 137 учениковъ. Самыми многочисленными гимназіями остаются съ давнихъ поръ Кіевская 1-я (1.840 учениковъ), Житомирская (817) и Кіевская 2-я (708). Изъ прогимназій наиболѣе учениковъ въ Черкасской (162) и Луцкой (156). Наименьшее число учащихся въ гимназіяхъ: Острожской (171) и Новгородъ-Сѣверской (210), а въ прогимназіяхъ—Стародубской (94). Цифры распредѣленія учениковъ по гимназіямъ и прогимназіямъ въ отдѣльности остаются приблизительно тѣ же самыя, что въ прежніе года.

По вѣроисповѣданіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ 5.473 (66,6% общаго числа учащихся), римско-католиковъ 1.723 (20,4%), іудеевъ 811 (9,9%), лютеранъ 173 (2,1%), магометанъ и прочихъ исповѣданій 44 (0,5%). Число уча-

щихся римско-католическаго вѣроисповѣданія распредѣляется, въ связи съ этнографическимъ составомъ юго-западнаго края, крайне неравномѣрно между учебными заведениями праваго и южнаго берега Днѣпра. На гимназіи и прогимназіи Полтавской и Черниговской губерній приходится изъ общей цифры учащихся 1.723 римско-католическаго вѣроисповѣданія только 3,6%; остальные распредѣляются между гимназіями и прогимназіями правобережныхъ губерній. Число римско-католиковъ превосходитъ число православныхъ только въ одной Бѣлоцерковской гимназіи, гдѣ православныхъ—137 учениковъ (39,7%) и римско-католиковъ 208 (60,4%). Ближе къ равенству число ихъ въ гимназіяхъ: Немировской (46,3% и 37,4%), Житомирской 1-й (46,3% и 39,6%), Уманской (46,0% и 38,0%) и въ Луцкой прогимназіи (44,2% и 43%). Наибольшая цифра учащихся іудейскаго вѣроисповѣданія приходится на Стародубскую прогимназію, а именно 13,9% общаго числа учениковъ.

По сословіямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 4.674 (56,9%), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи 398 (4,9%), духовнаго званія 422 (5,1%), мѣщанъ и купцовъ 2 гильдіи 2.024 (24,6%), крестьянъ и казаковъ 538 (6,5%) иностранцевъ 167 (2%). Наибольшій процентъ дѣтей мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи, ремесленниковъ и крестьянъ приходится на Киевскую 3-ю гимназію (52,3%) и Черкасскую прогимназію (48,8%) наименьшій—на Киевскую 1-ю (16%) и Черниговскую гимназію (19,6%). Наибольшее число иностранцевъ обучается въ Бѣлоцерковской гимназіи (19); за нею слѣдуетъ: Каменецъ-Подольская (18), Киевская 1-я и 2-я (по 17) и Немировская (15).

Распредѣленіе учащихся по отдѣльнымъ классамъ къ концу отчетнаго года было таково: въ подготовительномъ классѣ—689 учениковъ (8,4%), въ I-мъ классѣ—1.296 (15,7%), во II—1.271 (15,4%), въ III—1.164 (14,2%), въ IV—1.053 (12,8%), въ V—879 (10,7%), въ VI—734 (8,9%), въ VII—595 (7,3%), въ VIII—543 (6,6%).

Всѣхъ подавшихъ прошенія о допущеніи къ экзамену по приему въ различные классы гимназій и прогимназій округа, было 2.914 (въ 1896 г.—2.933, въ 1895 г.—2.673). Не явилось на испытаніе 135 чел., не выдержало испытаній 459, не приняты за комплектъ или недостаткомъ помѣщенія 403. Выдержавшихъ испытанія и принятыхъ въ соотвѣтственные классы было 1.470; безъ экзамена, на основаніи § 27 устава гимназій, принято 447, 1.917, или 65,7% общаго числа подавшихъ прошенія (въ 1896 г. было 66,5%, въ

1895 г.—65,8%, въ 1894 г.—68%, въ 1893 г.—72%, въ 1892 г.—73,4%, въ 1891 г.—74,8%.

Выбыло изъ гимназій и прогимназій за окончаніемъ курса 503 ученика, что составляетъ 6,6% общаго числа учащихся ко времени выпускныхъ экзаменовъ (7.650). Число учениковъ, выбывшихъ въ теченіе отчетнаго года до окончанія курса, было 1.257 (въ 1896 г.—941, въ 1895 г.—1.064), то-есть, 15,2% общаго числа учащихся къ 1-му января 1898 года. Число выбывшихъ до окончанія курса въ отношеніи къ общему числу учениковъ соотвѣтственныхъ классовъ выражается въ слѣдующихъ процентахъ: для приготовительнаго класса 19,3%, для I класса—13,4%, для II—15,4%, для III—15,4%, для IV—15,6%, для V—19,5%, для VI—16,9%, для VII—14,1%, для VIII—5,3%. Наименьшій процентъ выбывшихъ до окончанія курса, какъ абсолютно, такъ и относительно, былъ въ VIII классѣ, — явленіе естественное, а потому обычное и повторяющееся ежегодно. Наибольшій процентъ выбывшихъ приходится, какъ-то случилось и въ пять предыдущихъ лѣтъ (въ 1896 г.—17,9%, въ 1895 г.—18,2%, въ 1894 г.—18,2%, въ 1893 г.—18,7%, въ 1892 г.—15,9%), на V классъ. Это явленіе, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ критическимъ переходнымъ возрастомъ учащихся въ гимназіяхъ, а потому требуетъ особаго къ себѣ вниманія ближайшимъ руководителямъ юношества. Болѣе половины числа выбывшихъ до окончанія курса предполагали поступить въ другія учебныя заведенія, а именно 894, то-есть 71,1%; для поступленія на службу выбыло 93 ученика, то-есть 7,4%; по разнымъ причинамъ выбыло 289 учениковъ то-есть 19%, умерло въ теченіе года 31 ученикъ, то-есть 2,5%.

Число учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій округа къ началу переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ 1897 г. было 7.987. Изъ этого числа имѣли переводныя отмѣтки по всѣмъ предметамъ 5.342 ученика, то-есть 66,9%. Всѣхъ переведенныхъ въ соотвѣтствующіе классы и удостоенныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса и аттестатовъ зрѣлости было 6.034 ученика, то-есть 75,6%. Средняя успѣшность учениковъ гимназій и прогимназій за девять лѣтъ составляетъ 77,3% и представляетъ колебанія въ предѣлахъ отъ 74,3% (въ 1889 г.) до 83,9% (въ 1896 г.).

Успѣшность учащихся за отчетный годъ близко подходитъ къ средній девятилѣтней успѣшности учениковъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ успѣшность учениковъ въ теченіе девяти лѣтъ имѣла періодическія колебанія въ предѣлахъ до 15%. (Кіевскія 1, 2, 3, Житомир-

ская 1-я, Черниговская, Каменецъ-Подольская, Глуховская и Новгород-Сѣверская), въ другихъ же учебныхъ заведеніяхъ колебанія эти были болѣе значительны; такъ, въ гимназіяхъ Златопольской достигли 19,8%, Бѣлоцерковской—22,1%, Полтавской—21,5%, Лубенской—27,1%, Житомирской 2-й—21,4%, Черкасской—23,1%, Острожской—29,2%, Уманской—22,6% и Новгородъ-Сѣверской—22,2%. Въ отчетномъ году, какъ и въ предшествованіе, процентъ переведенныхъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ былъ выше, нежели процентъ учениковъ, имѣвшихъ переводныя отиѣтки передъ наступленіемъ экзаменовъ. Такой результатъ объясняется точнымъ соблюденіемъ требованій § 25 правилъ о переводныхъ испытаніяхъ, утвержденныхъ 12-го марта 1891 года. Въ означенномъ параграфѣ правилъ на педагогическій совѣтъ гимназій возложено выражать заключеніе о каждомъ изъ учащихся не по среднему выводу изъ годовыхъ и экзаменаціонныхъ балловъ, какъ это дѣлалось прежде, а принимать во вниманіе четвертныя и экзаменаціонныя отиѣтки, а „равно и всѣ другія данныя“, и постановлять заключеніе о степени удовлетворительности успѣховъ каждаго ученика по каждому изъ тѣхъ предметовъ, по которымъ были произведены испытанія, и выражать такое заключеніе особыми баллами. Вотъ эта то окончательная оцѣнка успѣховъ и познаній учащихся и объясняетъ собою разницу между числомъ учениковъ, имѣвшихъ переводныя отиѣтки во второй половинѣ 1896—1897 учебнаго года, и дѣйствительно переведенныхъ въ слѣдующіе высшіе классы.

Процентъ успѣшности учениковъ по отдѣльнымъ классамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ, показывающихъ процентное отношеніе переведенныхъ къ общему числу учащихся въ классѣ. Въ пригготовительныхъ классахъ переведено 83,6%, въ I-хъ классахъ—77,7%, во II—78,8%, въ III—78,7%, въ IV—68,4%, въ V—67,2%, въ VI—72,7%, въ VII—84,6%, въ VIII—93,9%. Наибольшій процентъ успѣшности за отчетный годъ и въ среднемъ выводѣ за девять послѣднихъ лѣтъ представляетъ восьмой классъ—93,9% и 92,4%. За нимъ слѣдуютъ классы: VII (84,6% и 85,6%) и пригготовительной (83,6% и 83,2%). Наименшій процентъ—въ V классѣ (1896 г.—во II-мъ классѣ, въ 1895 г.—въ IV классѣ, въ 1892, 1898 и въ 1894 годахъ—V классѣ).

Успѣшность изученія главныхъ предметовъ выражается слѣдующими цифрами, въ процентахъ имѣли удовлетворительныя отиѣтки по русскому языку—80,7%, латинскому языку—76,7%, греческому языку 76,5%, математикѣ 79,4%. Успѣшность учениковъ по глав-

нымъ предметамъ въ теченіе отчетнаго года оказалось значительно ниже средней успѣшности за 9 лѣтъ. Обстоятельство это находится въ прямой зависимости отъ отрицны переводныхъ испытаній въ 1896 году для учениковъ, имѣвшихъ годичныя удовлетворительныя отиѣтки и отъ допущенія къ испытаніямъ безъ исключенія всѣхъ учениковъ, получившихъ неудовлетворительныя отиѣтки. По этой причинѣ въ 1896 году было переведено очень много учениковъ и это оказало вліяніе на пониженіе средней успѣшности учениковъ за отчетный годъ.

Во второй половинѣ отчетнаго года число учениковъ имѣвшихъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительныя отиѣтки, было 4,740, то-есть 57,6% общаго числа учащихся къ 1-му января 1898 года (средняя успѣшность за десять лѣтъ равна 58,1%). Въ отдѣльности въ гимназіяхъ число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ, было 4.782, то-есть 57,3%, въ прогимназіяхъ—258, то-есть 62,6%. Соотвѣтственныя цифры прошлаго года были: 57,1% и 60,6%. Въ отдѣльныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ процентъ успѣшности за вторую половину 1897 года выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: А. гимназіи: 1) Кіевская 1-я—66,7%, 1) Кіевская 2-я—49,3%, 3) Кіевская 3-я—53,3%, 4) Кіевская 4-я—57%, 5) Кіево-Печерская—42,6%, 6) Бѣлоцерковская—43,3%, 7) Златопольская—45,4%, 8) Уманская—65,5%, 9) Житомирская 1-я—68,4%, 10) Житомирская 2-я—53,3%, 11) Острожская—60,2%, 12) Каменецъ-Подольская—42,%, 13) Немировская—50,3%, 14) Полтавская—67,2%, 15) Лубенская—51,5%, 16) Прилукская—53,2%, 17) Черниговская—62,2%, 18) Нѣжинская—51,1%, 19) Новгород-Сѣверская—33,5%, 20) Глуховская—63,4%. Б. прогимназіи: 1) Черкаска—58,6%, 2) Луцкая—60,2%, 3) Стародубская—72,3%. Сравнительно съ соотвѣтствующими данными за предыдущія девять лѣтъ видно, что вообще колебанія въ успѣшности учениковъ были незначительны; исключеніе представили только гимназіи: Новгородсѣверская, процентъ успѣшности въ которой ниже средняго на 27,4; Бѣлоцерковская, въ которомъ отступленіе отъ средняго девятилѣтнаго процента составляетъ 19,0; Кіевская 4-я, успѣшность въ которомъ на 11,9% ниже средней. Наименьшая успѣшность къ концу отчетнаго года была въ гимназіяхъ: Новгородсѣверской—33,5%, Каменецъ-Подольской—42,3% и Кіево-Печерской—42,6%. Число учениковъ, получившихъ къ концу отчетнаго года удовлетворительныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ, распределяется по отдѣльнымъ классамъ слѣдующимъ образомъ: въ приготовительномъ классѣ—72,8%, въ I-мъ

классѣ—58,5%, во II—54,5%, въ III—50,0%, въ IV—51,9%, въ 52,4%, въ VI—56,5%, въ VII—68,9%, въ VIII—68,7%. Число учениковъ, имѣвшихъ удовлетворительныя отмѣтки по главнымъ предметамъ къ концу отчетнаго года, выражается въ слѣдующихъ числахъ, въ процентахъ: по русскому языку—81,9%, по латинскому языку—76,9%, по греческому языку—78,2%, по математикѣ—76,8%. Такимъ образомъ успѣшность по главнымъ предметамъ къ концу отчетнаго года была удовлетворительна.

Экзамены на аттестатъ зрѣлости начались въ отчетномъ году 1-го мая, а закончились къ 15-му іюня. Всѣхъ учениковъ VIII класса въ 17 гимназіяхъ округа и коллегіи П. Галагана къ началу испытаній состояло 557, на 50 больше, чѣмъ въ 1896 году. Изъ этого числа 8 не были допущены къ экзамену по малоуспѣшности, 2 не держали экзаменовъ по болѣзни и 1 умеръ до начала испытаній. Такимъ образомъ окончательному испытанію подвергались 546 учениковъ. Постороннихъ лицъ допущено къ экзамену вмѣстѣ съ учениками 78. По окончаніи испытанія признаны были выдержавшими оное 520 учениковъ и 18 постороннихъ лицъ. Кромѣ того, Государь Всемилюстивѣйше соизволилъ на выдачу ученику VIII класса Кіевской 1-й гимназіи Петру Чернухѣ аттестата зрѣлости безъ экзамена, по болѣзни, по годовымъ отмѣткамъ за учебный годъ. Результаты испытаній оказались менѣе благопріятными, чѣмъ въ предыдущіе годы: изъ числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію, не выдержали его почти 6,5% (среднее за 7 предыдущихъ лѣтъ = 5,7%). Изъ числа не допущенныхъ или не выдержавшихъ испытанія — 12 выбыли изъ гимназій со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ и 23 остались на второй годъ въ VIII классѣ.

Общее число учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ отчетномъ году (521), составляетъ 93,5% общаго числа учениковъ VIII класса къ началу экзаменовъ (557) во всѣхъ гимназіяхъ и коллегіи Павла Галагана и 6,5% общаго числа учениковъ всѣхъ гимназій и прогимназій. Признанные зрѣлыми распределяются во возрасту слѣдующимъ образомъ: 17-ти лѣтъ—15 (2,9%), 18-ти—102 (19,6%), 19-ти—141 (27%), 20-ти—112 (21-го года и болѣе—151 (29%). Изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ зрѣлости 62 ученика, то-есть 11,9% общаго числа, были награждены медалями: 27 — золотыми и 35—серебряными.

Къ поступленію въ университетъ предназначали себя 87,3% общаго числа удостоенныхъ аттестата зрѣлости, къ поступленію въ

вышія спеціальныя училища—11,9%, 4 человек (0,8%) изъявили желаніе поступить на службу и 1 умеръ. Предполагавшіе поступить въ университетъ распредѣляются по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическій—7,8%, на физико-математическій—29,8%, на юридическій—42,1%, на медицинскій—18,8% и на факультетъ восточныхъ языковъ—2%.

Число учениковъ, обучавшихся обоимъ новымъ языкамъ, было въ 1897 году 1.851 (въ 1896 году 1.770, въ 1895 году 2.202, въ 1894 году 1.548), что составляетъ 29,7% общаго числа учениковъ тѣхъ классовъ, въ которыхъ положено преподаваніе этихъ предметовъ. Одному французскому обучалось 2.149, то-есть 34,4%, одному нѣмецкому—2.239, то-есть 35%. Процентное число учениковъ, обучавшихся обоимъ новымъ языкамъ, въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ увеличивалось и въ отчетномъ году съ 21% дошло до 29,7%. Число учениковъ обучающихся рисованію было къ концу 1897 года 4.497. Въ тѣхъ классахъ, гдѣ рисованіе не есть обязательный предметъ, ему обучалось только 77 человекъ (въ 1896 году—115, въ 1895 году—56, въ 1894 году—111, въ 1893 году—80).

Пѣнію обучалось къ концу отчетнаго года 3.269 человекъ (въ 1896 году—3.117, въ 1895 году—2.943, въ 1894 году—2.736, въ 1893 году—2.986), то-есть, 39,7% общаго числа учениковъ. Въ большинствѣ гимназій и прогимназій пѣніе введено какъ обязательный предметъ, въ курсъ приготовительнаго, перваго и частью втораго классовъ. Въ гимназіи Глуховской, какъ и въ прошломъ году, пѣнію обучаются всѣ ученики. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ есть церкви, существуютъ гимназическіе хоры пѣвчихъ. Обученіе музыкѣ для желающихъ было въ 1897 году, какъ и въ предыдущемъ, предметомъ серьезныхъ заботъ со стороны начальниковъ многихъ учебныхъ заведеній. Ученическіе оркестры существовали въ гимназіяхъ: Кіевскихъ 1-й и 2-й, Кіево-Печерской, Златопольской, Житомирскихъ 1-й и 2-й, Каменецъ-Подольской, Лубенской, Прилукской, Черниговской, Новгородъ-Сѣверской, Глуховской и Острожской, а также въ Стародубской прогимназіи. Наилучше обставлены въ музыкальномъ отношеніи, по числу и разнообразію инструментовъ и по достоинству учителей музыки, Кіевскія гимназіи.

Гимнастикѣ обучалось 7.753 ученика (94%; среднее за 9 лѣтъ—92,3%). Отъ занятій гимнастикой освобождались лишь тѣ ученики, для здоровья коихъ она, по заключенію врача, могла бы оказаться вредною.

Въ отчетномъ году число всѣхъ уволенныхъ за безуспѣшность было 114 (въ 1896 г. — 87), то-есть 1,8% общаго числа учащихся къ 1-му января 1898 года. По отдѣльнымъ классамъ число ихъ распредѣляется такъ: на приготовительный классъ приходится 0% (въ 1896 году—2,3%), на I—6,1%, на II—26,3%, на III—15,8%, на IV—17,5%, на V—13,2%; на VI—14,9%, на VII—4,4%, на VIII—1,8%. Наибольшее число учениковъ уволено за малоуспѣшность изъ II класса, затѣмъ слѣдуютъ IV, III, VI и V классы. Изъ приготовительнаго класса въ отчетномъ году не было уволено ни одного ученика за малоуспѣшность (среднее за 9 лѣтъ 3%). Въ теченіе предыдущихъ восьми лѣтъ изъ приготовительнаго класса уволено по этой причинѣ 34 ученика (ежегодно—4), что составляетъ около 0,7% общаго числа учениковъ приготовительнаго класса за 8 лѣтъ (5.168). Въ виду небольшого курса приготовительнаго класса такой процентъ уволенныхъ необходимо признать очень большимъ и тѣмъ менѣе подлежащимъ оправданію, что въ этотъ классъ поступають дѣти по приемному экзамену. Наибольшее число уволенныхъ приходится въ отчетномъ году на Прилукскую гимназію (14). За нею слѣдуютъ: Кіевская 2-я—13, Кіевская 4-я—11, Каменецъ-Подольская—11, Кіевская 3-я—10, Черниговская—10, Полтавская—9. Наименьшее число приходится на гимназіи Кіевскую 1-ю, Кіево-Печерскую, Уманскую, Острожскую и Лубенскую (по 1—2 ученика). Ни одного ученика не уволено за малоуспѣшность изъ Златопольской и Глуховской гимназій и Черкасской, Луцкой и Стародубской прогимназій. Изъ общаго числа уволенныхъ учениковъ не оказали успѣховъ: по математикѣ—48, по латинскому языку—70, по русскому—50, по исторіи и географіи—40, по новымъ языкамъ—34, по греческому языку—34, по Закону Божію—11, по физикѣ—5. Неуспѣшность по тремъ предметамъ была оказана 21 ученикомъ. Наибольшее число уволенныхъ этой категоріи было въ гимназіяхъ: Прилукской—6, Кіевской—2, Бѣлоцерковской и Каменецъ-Подольской—по 3 ученика. Поведеніе учащихся въ отчетномъ году было вполнѣ удовлетворительно: баллъ 2 не былъ поставленъ ни одному ученику, баллъ 3 имѣли 49 учениковъ въ первомъ полугодіи и 55 во второмъ; баллъ 4 имѣли 7,6% общаго числа учащихся въ первомъ полугодіи и 7,8% во второмъ. Поведеніе остальныхъ (91,8%) было аттестовано балломъ 5. Всѣхъ взысканій въ теченіе отчетнаго года было 13.614 (среднее за 9 лѣтъ 16.015). На учениковъ младшихъ классовъ приходится 9.525 взысканій (70%), на учениковъ старшихъ классовъ—4.089 (30%). Случаевъ удаленія уче-

ника изъ гимназій съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія было 5, безъ права поступленія въ другія заведенія не былъ удаленъ, какъ и въ прошломъ году, ни одинъ ученикъ. Наибольшее число взысканій въ процентномъ отношеніи къ числу воспитанниковъ даннаго заведенія было въ отчетномъ году въ Кіевскихъ 4-й и 3-й и Прилукской (среднимъ числомъ—около трехъ взысканій на одного ученика). Меньше всего наказаній видимъ въ Кіевской 1-й и Нѣжинской гимназіяхъ.

Начальники гимназій и прогимназій даютъ въ своихъ отчетахъ вполнѣ благоприятные отзывы о поведеніи учащихся, а также о ревностной дѣятельности большинства классныхъ наставниковъ, которые являются ближайшими помощниками директора и инспектора въ воспитательной дѣятельности и въ надзорѣ за поведеніемъ учащихся. По примѣру прошлыхъ лѣтъ классные наставники вели свои классы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тѣсная связь, которая устанавливается такимъ образомъ между учителемъ и учениками, отражается благоприятнымъ образомъ какъ на ходѣ учебнаго дѣла, такъ и на воспитательной дисциплинѣ.

Въ санитарномъ отношеніи отчетный годъ нельзя назвать благоприятнымъ. Во многихъ городахъ, гдѣ находятся гимназій и прогимназій округа, во второй половинѣ отчетнаго года свирѣпствовали разные эпидеміи, поражавшія и воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Многіе изъ воспитанниковъ Кіевскихъ гимназій перенесли эпидемію кори. Въ Каменецъ-Подольскѣ были распространены эпидеміи scarlatina, дифтерита и проч. Въ Глуховѣ было четыре эпидеміи: сыпной и брюшной тифы, корь и инфлюэнца. Въ Полтавѣ—сильныя эпидеміи кори, свинки, вѣтреной оспы, краснухи и брюшнаго тифа, въ Стародубѣ корь, scarlatina, брюшной тифъ, вѣтренная оспа и инфлюэнца, въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи многіе ученики хворали корью; кромѣ того было нѣсколько случаевъ заболѣванія брюшнымъ тифомъ, ангиной и инфлюэнцей. Въ Черкасской прогимназіи болѣе всего пострадали отъ кори воспитанники младшихъ классовъ, въ Черниговской гимназіи было нѣсколько случаевъ заболѣванія брюшнымъ тифомъ, въ Уманской гимназіи было 142 случая инфекціонныхъ заболѣваній. Преобладающими болѣзнями были: инфлюэнца, корь, scarlatina, дифтеритъ, крапивная лихорадка, тифозная горячка и острый туберкулезъ. Въ Прилукской гимназіи преобладали болѣзни простуднаго характера. По мнѣнію директоровъ двухъ послѣднихъ гимназій, отсутствіе въ этихъ гимназіяхъ теплыхъ клозетовъ не могло не вліять на здоровье уче-

никовъ и на количество заболѣваній. Общее число пропущенныхъ учениками уроковъ было 380.515 (въ 1896 г.—314.080, въ 1895 г.—359.266, въ 1894 г.—345.939). Среднимъ числомъ на каждого ученика приходится 47 уроковъ. Смертныхъ случаевъ между учениками было 32 (въ 1896 г.—27; въ 1895 г.—24, въ 1894 г.—35), въ томъ числѣ 26 умерло отъ болѣзней, 6—отъ случайныхъ причинъ. Болѣе смертныхъ случаевъ было отъ туберкулоза (7), тифа (9) и отъ кори (2).

Пансіоны находятся при слѣдующихъ гимназіяхъ: Киевской 1-й, Полтавской, Бѣлоцерковской, Златопольской, Лубенской, Черниговской, Глуховской, Немировской, Острожской и Житомирской 2-й. Кроме того при Киевской 2-й гимназіи состоитъ общая ученическая квартира; нѣкоторые ученики Житомирской 1-й гимназіи живутъ въ пансіонѣ Житомирской 2-й гимназіи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число пансіоновъ увеличилось съ 3 до 11. Въ отчетномъ году учреждены пансіоны при гимназіяхъ: Полтавской и Немировской. Общее число пансіонеровъ къ началу переводныхъ экзаменовъ было 557, а къ концу отчетнаго года—649. Число пансіонеровъ съ каждымъ годомъ увеличивается и въ теченіе девяти лѣтъ возросло съ 317 до 649, то-есть увеличилось на 104%. Въ пансіонѣ при Киевской 1-ой гимназіи было—111 учениковъ, Киевской 2-ой—130, Златопольской—57, Бѣлоцерковской—41, Немировской—41, Житомирской 1-ой—13, Житомирской 2-ой—43, Острожской—38, Черниговской—52, Глуховской—38, Полтавской—41, Лубенской—41. Къ началу переводныхъ испытаній удовлетворительныя отиѣтки имѣли 378 пансіонеровъ, то-есть 66,1% общаго числа пансіонеровъ. Переведено въ соотвѣтствующіе высшіе классы 441, то-есть, 79,1%. Такимъ образомъ успѣшность пансіонеровъ въ отчетномъ году на 3,5%, больше общей успѣшности всѣхъ учащихся и—на 2,1% выше средней восьмилѣтней успѣшности пансіонеровъ. Въ теченіе отчетнаго года вышло изъ числа пансіонеровъ по окончаніи курса—32, то-есть 5,7% общаго числа пансіонеровъ; до окончанія курса вышло 65, то-есть 10,0%, изъ нихъ 39 для поступленія въ другія гимназіи, 8—въ другія учебныя заведенія, 2—поступили на службу, 14—выбыли по разнымъ причинамъ и 2—умерли. За малоуспѣшность уволено 9 пансіонеровъ или 1,4%. Поведеніе пансіонеровъ было вполне удовлетворительно: баллъ 3 имѣли 1 пансіонеръ въ первомъ и второмъ полугодіяхъ, баллъ 4 имѣли 54 (9,7%) въ первомъ полугодіи и 48 (7,4%) во второмъ, поведеніе остальныхъ свыше 90,1% (502—600) было аттестовано отиѣткою 5. Всѣхъ взы-

сканій произведено 719 (въ 1896 г.—884, въ 1895 г.—901), изъ коихъ 574 приходится на учениковъ младшихъ классовъ и 145 на учениковъ старшихъ классовъ.

Состояніе здоровья пансіонеровъ было вообще удовлетворительно. Они пропустили 21.878 уроковъ (въ 1896 г.—14.142, въ 1895 г.—15.137), среднимъ числомъ 33 урока на человѣка (на приходящаго приходится 47 уроковъ). Смертныхъ случаевъ между пансіонерами въ отчетномъ году было два.

Пансіоны содержатся главнымъ образомъ на суммы сбора съ воспитанниковъ, которыя взимаются въ прежнихъ размѣрахъ. Общая сумма сбора въ отчетный годъ достигла 191.692 руб. 76 коп. (въ 1896 г.—175.905 руб. 87 коп. въ 1895 г.—164.396 руб. 15 коп.). Общее число ученическихъ квартиръ въ отчетномъ году было попрежнему около 250. Самая большая частная квартира въ округѣ состоитъ попрежнему при Бѣлоцерковской гимназіи; ее содержитъ на свои средства графъ Браницкій; въ ней живутъ 24 ученика. Вообще же частныя квартиры малолюдны; рѣдко въ нихъ бываетъ 4—5 учениковъ, а обыкновенно 1—2. Почти во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ нѣкоторое число учениковъ живетъ у преподавателей или лицъ, принадлежащихъ къ штату даннаго учебнаго заведенія. Плата, взимаемая на такихъ квартирахъ, бываетъ обыкновенно выше, чѣмъ на остальныхъ, состоящихъ при той же гимназіи или прогимназіи. Частныя квартиры находятся подъ непосредственнымъ контролемъ педагогическаго персонала.

Реальныхъ училищъ въ 1897 году, какъ и въ предыдущемъ, состояло въ Кіевскомъ округѣ восемь: Кіевское, Ровенское, Кременчугское, Полтавское, Роменское, Новозыбковское, Винницкое и Кіевское св. Екатерины. Въ реальныхъ училищахъ состояло къ 1-му января 1898 года основныхъ классовъ 47 (въ 1896 г.—46), параллельныхъ — 8, коммерческихъ — 4 (въ Кіевскомъ и Кременчугскомъ; въ Новозыбковскомъ VI класса коммерческаго отдѣленія, существовавшій въ прошломъ году, въ отчетномъ закрытъ), дополнительныхъ — 6 подготовительныхъ — 5 (при Кременчугскомъ, Полтавскомъ, Роменскомъ, Винницкомъ и училищѣ св. Екатерины). Кіевское училище св. Екатерины, состоявшее въ 1896 году изъ 4-хъ основныхъ, 2-хъ параллельныхъ и подготовительнаго класса, въ отчетномъ году прибавило еще одинъ основной классъ, именно V.

Для фундаментальныхъ библіотекъ 1897 г. всѣми училищами приобретено 2.955 томовъ, на сумму 4.205 руб. 99 коп. (въ 1876 г.

1.443 тома на сумму 2.760 руб. 95 коп., въ 1895 г. 1.346 томовъ на сумму 2.302 руб. 57 коп., въ 1894 г. 1.190 томовъ на сумму 2.394 руб. 5 коп.). Всего къ 1-му января 1896 года въ фундаментальныхъ библіотекахъ училищъ числилось 50.365 томовъ.

Для ученическихъ библіотекъ въ отчетномъ году приобретено 2.413 томовъ, на сумму 2.471 руб. 13 коп. (въ 1896 г.—921 томъ на сумму 1.038 руб. 66 коп., въ 1895 г.—781 томъ на сумму 767 руб. 5 коп., въ 1894 г.—1.088 томовъ на сумму 962 руб. 8 коп.). Всего къ 1-му января 1896 года въ ученическихъ библіотекахъ числилось 15.220 томовъ. Такимъ образомъ къ 1-му января 1898 г. въ библіотекахъ реальныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа числилось всего 65.585 томовъ (50.365 томовъ фундаментальныхъ библіотекъ + 15.220 тома ученическихъ библіотекъ). По численности книгъ первое мѣсто занимаетъ библіотека Ровенскаго училища (16.193 тома); бѣднѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи Кіевское училище св. Екатерины (525 томовъ).

На учебныя пособія по физикѣ и естественной исторіи израсходовано въ 1897 г. всѣми училищами 4.952 руб. 68 коп. (въ 1896 году 1.622 руб. 45 коп.). Наибольшія приобретены сдѣланы училищами Кіевскимъ св. Екатерины и Ровенскомъ по физическому кабинету, а по кабинету естественныхъ наукъ—Кіевскимъ св. Екатерины и Полтавскимъ. Учебныхъ пособій по черченію и рисованію къ 1-му января 1898 г. числилось по всѣмъ училищамъ 3.585 предметовъ, по исторіи и географіи—1.079, по пѣнію и музыкѣ—1.172, по моделированію—883, по технологіи—331.

На содержаніе всѣхъ реальныхъ училищъ въ отчетномъ году имѣлось сумма 409.771 руб. 32³/₄ коп., сравнительно съ прошлымъ годомъ на 30.764 руб. 24 коп. болѣе. Ассигнованная изъ государственнаго казначейства сумма 116.106 руб. 34 коп. составляетъ въ этой цифрѣ около 28,5%, всей суммы, отпускаемая земствами и городскими обществами—61.085 руб. 64 коп., или 14,8%, сумма сбора за ученіе—154.722 руб. 45 коп., или 37,6%. Прочія поступления—77.856 руб. 89³/₄ коп., составляютъ около 18,93%. Всѣхъ расходовъ по училищамъ произведено на 297.278 руб. 95 коп., сравнительно съ прошлымъ годомъ на 32.899 руб. 53 коп. болѣе. Самый значительный расходъ составляетъ содержаніе личнаго состава—172.968 р., 9 коп., или около 58,2% всѣхъ расходовъ, затѣмъ на ремонтъ домовъ, наемъ ихъ и содержаніе пошло 32.900 руб. 88 коп. (около 11%), на жалованіе служащимъ—9.639 руб. 33 коп. (3,2%), на со-

держаніе канцеляріи — 5.754 руб. 98 коп. (1,9⁰/о), на награды служащимъ — 3.920 руб. (1,3⁰/о), на стипендіи и пособія ученикамъ — 3.352 руб. 95 коп. (1,1⁰/о), на жалованіе врачу и прочіе расходы по санитарной части—2.248 руб. 20 коп. (0,7⁰/о), на содержаніе параллельныхъ классовъ—14.432 руб. 88 коп. (4,8⁰/о), на содержаніе церквей—3.101 руб. 45 коп. (1,04⁰/о), на учебныя пособія, бібліотеки и кабинеты — 14.539 руб. 73 коп. (4,9⁰/о), на другіе расходы — 48.858 руб. 34 коп. 16,4⁰/о).

Средняя стоимость обученія одного ученика въ 1897 году равнялась 117 руб. 79 коп., на 3 руб. 42 коп. дешевле, чѣмъ въ предыдущемъ году. Плата за ученіе взимается слѣдующая; въ Киевскомъ, Ровенскомъ, Полтавскомъ и Винницкомъ по 50 руб., въ Кременчугскомъ 40 руб., въ Новозыбковскомъ 36 руб., въ Роменскомъ 25 руб., въ Киевскомъ св. Екатерины — въ приготовительномъ классѣ 40, въ остальныхъ классахъ 60 рублей. Наибольшая сумма отъ сбора за право ученія получилась въ Киевскомъ училищѣ — 27.015 руб., затѣмъ въ Киевскомъ св. Екатерины 17.012 руб.; самыя бѣдныя училища въ этомъ отношеніи — Роменское, имѣвшее 6.655 руб. и Новозыбковское — 5.898 руб. При большинствѣ училищъ существуютъ общества для вспомошествованія нуждающимся ученикамъ. Дѣятельность этихъ обществъ выразилось и въ отчетномъ году помощью учащимся во взносъ платы за ученіе, по снабженію книгами, одеждою, пособіями на лѣченіе и т. п. При Киевскомъ училищѣ существуетъ учебная бібліотека, изъ которой бѣдныя ученики получаютъ для пользованія необходимыя учебники.

Всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1898 г. состояло 162 (въ 1896 г. — 157), въ числѣ коихъ 5 почетныхъ попечителей, 8 директоровъ, 8 инспекторовъ, 16 законоучителей, 73 учителя наукъ и языковъ, 14 помощниковъ классныхъ наставниковъ, 10 учителей чистописанія и рисованія и 28 другихъ должностныхъ лицъ. Въ личномъ составѣ произошло 4 перемѣщенія и 8 новыхъ назначеній. Директора въ отчетномъ году преподавали слѣдующія предметы: математику—3, физику—2, естественную исторію—1 и рисованіе—1. Исполняющіе обязанности инспектора преподавали: исторію и географію—2, математику—3, естественную исторію—2 и физику—1. Преподаватели главныхъ предметовъ, а именно: математики, русскаго и иностранныхъ языковъ во всѣхъ реальныхъ училищахъ состояли классными наставниками. Преподавателей — классныхъ наставниковъ въ отчетномъ году было въ

первомъ и второмъ полугодіи по 54; въ томъ числѣ преподавателей главныхъ предметовъ было 32, что составляетъ 59,2% общаго числа классныхъ наставниковъ.

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями пропущено 3.344 уроковъ, на 500 уроковъ болѣе противъ прошлаго года. Болѣе всего пропущено уроковъ въ Кіевскомъ училищѣ (811), менѣе всего въ Ровенскомъ (262) и Винницкомъ (225). По болѣзни пропущено 2.404 урока, а остальные 940 по другимъ уважительнымъ причинамъ,

Засѣданій педагогическихъ совѣтовъ въ полномъ ихъ составѣ было 218 (въ 1896 г.—202), классныхъ и предметныхъ комиссій—41, засѣданій хозяйственныхъ комитетовъ—260. Наибольшее число засѣданій педагогическаго совѣта и его отдѣленій въ отчетномъ году было въ Кременчугскомъ (86) и Кіевскомъ (84) училищахъ, менѣе другихъ—въ Ровенскомъ (59) и Кіевскомъ св. Екатерины (16). Во всѣхъ реальныхъ училищахъ къ 1-му января 1898 г. было 2.380 учениковъ, на 111 учениковъ, болѣе, чѣмъ къ 1-му января 1897 года. По количеству учениковъ училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Кіевское (617), Кіевское св. Екатерины (364), Кременчугское (338), Винницкое (282), Полтавское (239), Роменское (140), Ровенское (178), Новозыбковское (177). Въ теченіе послѣдняго шестилѣтія произошло увеличеніе общаго числа учащихся въ семи реальныхъ училищахъ, которыя по наибольшему процентному отношенію располагаются такъ: Кіевское св. Екатерины, Винницкое, Роменское, Кіевское, Новозыбковское, Кременчугское и Полтавское. Въ одномъ только училищѣ Ровенскомъ послѣдовало уменьшеніе числа учащихся на 15,6%.

По вѣрноповѣданіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: православныхъ—1.443 (60,6%), католиковъ—542 (22,8%), евреевъ—210 (8,8%), лютеранъ—146 (6,1%), прочихъ исповѣданій—39 (1,6%). Католиковъ больше всего въ Винницкомъ (56,74%) и Ровенскомъ (44,4%) училищахъ; выше 20% католиковъ въ училищахъ: Кіевскомъ (23,17%) и Кіевскомъ св. Екатерины (26,9%), а въ остальныхъ этотъ процентъ колеблется между 7,9% и 4,6%. Наибольшій процентъ евреевъ въ Роменскомъ училищѣ (12,1%), затѣмъ въ Новозыбковскомъ (11,9%) Ровенскомъ (10,7%), Кременчугскомъ (10,2%), Винницкомъ (9,93%), Полтавскомъ (9,6%), Кіевскомъ св. Екатерины (7,96%), наименьшій—въ Кіевскомъ (5,3%).

По сословіямъ ученики реальныхъ училищъ распредѣляются такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—1.028 (43,2%), мѣщанъ и ремеслен-

никовъ—890 (37,3%), крестьянъ—267 (11,2%), иностранцевъ—101 (4,2%), почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—79 (3,3%), духовнаго званія—15 (0,6%). Такимъ образомъ преобладающимъ сословіемъ въ реальныхъ училищахъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, были дѣти дворянъ и чиновниковъ. Въ частности по каждому училищу преобладающимъ сословіемъ также было дворянское, за исключеніемъ Киевскаго св. Екатерины, Киевскаго и Новозыбковскаго, въ которыхъ преобладалъ элементъ другихъ городскихъ сословій. Всѣхъ подавшихъ прошенія о поступленіи въ реальные училища въ 1897 году было 916, на 15 прошеній меньше противъ 1896 года. Изъ нихъ не явились на испытаніе 49 (5,3%), не выдержали испытаній 217 (23,6%), не приняты за комплектомъ 84 (9,1%); приняты въ училища 486, или 53% всѣхъ подавшихъ прошенія; приняты безъ экзамена изъ другихъ реальныхъ училищъ 65, или 7%, изъ классическихъ гимназій 15, или 1,5%. Такимъ образомъ вновь принято въ реальные училища въ отчетномъ году 562, или 64,8%, сравнительно съ прошлымъ годомъ на 4,6% больше.

Выбывшихъ по окончаніи VI и VII классовъ было 93 человѣка, до окончанія курса выбыло 322, или 13,9%, на 0,4% болѣе прошлаго года. Въ частности, по проценту выбывшихъ до окончанія курса реальные училища распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ Киевскомъ—71 (11,7%), Ровенскомъ—21 (11,8%), Кременчугскомъ—43 (13,3%), Подтавскомъ—45 (19,4%), Роменскомъ—24 (13%), Новозыбковскомъ—19 (10,8%), Винницкомъ—40 (14,4%), Киевскомъ св. Екатерины—59 (17,4%).

Учениковъ, имѣвшихъ къ концу 1896—1897 учебнаго года переводныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ, было 1.127 (на 107 меньше предыдущаго года), то-есть, 50,5% всѣхъ бывшихъ къ концу этого года учениковъ (2.230).

Удостоены перевода въ высшіе классы, а также аттестатовъ объ окончаніи VI и свидѣтельствъ объ окончаніи VII классовъ 1.542 (на 114 меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году), или 69,1%. Получили аттестаты объ окончаніи шести классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленій 37 учениковъ и свидѣтельствъ объ окончаніи VII класса—88. Такимъ образомъ окончили курсъ реальныхъ училищъ 211 человѣкъ. Постороннихъ лицъ окончательнымъ испытаніямъ подвергалось 4 изъ курса шести классовъ и 11 изъ курса седьмаго класса; изъ первыхъ выдержали экзаменъ 3, изъ вторыхъ—5.

По проценту успѣвшихъ въ среднемъ за шесть лѣтъ отдѣльныя

училища располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Кіевское—68,7⁰/₀, 2) Ровенское—61,6⁰/₀, 3) Кременчугское—69,4⁰/₀, 4) Полтавское—67,3⁰/₀, 5) Роменское—69,3⁰/₀, 6) Новозыбковское—72,5⁰/₀, 7) Винницкое—67,1⁰/₀, 8) Кіевское св. Екатерины—79,6⁰/₀. Классы по числу успѣвшихъ въ отчетномъ году идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: дополнительные классы имѣли успѣвшихъ 85,4⁰/₀, пригготовительный классъ—85,7⁰/₀, I классъ—69,9⁰/₀, II—69,1⁰/₀, III—62,3⁰/₀, IV—58,4⁰/₀, V—66,6⁰/₀, VI—50,8⁰/₀, V коммерческій—51,9⁰/₀.

Всѣхъ учениковъ, имѣвшихъ во второй половинѣ отчетнаго года удовлетворительныя отиѣтки по всѣмъ предметамъ, было 1.149, или 48,2⁰/₀, а имѣвшихъ таковыя по главнымъ предметамъ 1.358, или 57⁰/₀. При сравненіи этихъ данныхъ съ подобными же за предыдущій годъ (50,7⁰/₀ и 56,8⁰/₀) оказывается въ первомъ случаѣ уменьшеніе успѣшности на 2,5⁰/₀, во второмъ же увеличеніе на 2⁰/₀. По проценту успѣвшихъ во второмъ полугодіи училища располагаются такъ: 1) Кіевское—49,2⁰/₀ и 51,2⁰/₀ (по главнымъ предметамъ), 2) Ровенское—30,9⁰/₀ и 45,5⁰/₀, 3) Кременчугское—43,8⁰/₀ и 57⁰/₀, 4) Полтавское—38,9⁰/₀ и 46,4⁰/₀, 5) Роменское—56,8⁰/₀ и 64,7⁰/₀, 6) Новозыбковское—50,8⁰/₀ и 56,5⁰/₀, 7) Винницкое—47,5⁰/₀ и 53,5⁰/₀, Кіевское св. Екатерины—63,2⁰/₀ и 78,3⁰/₀. За безуспѣшность въ 1897 году уволено 42 ученика (въ 1896 году—38 учениковъ, въ 1895 году—57 учениковъ). Уволенные относительно средняго числа учениковъ, бывшихъ въ отчетномъ году, составляютъ 1,8⁰/₀ и были во всѣхъ классахъ, кромѣ VI коммерческаго класса. Между отдѣльными классами они располагались въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ пригготовительнаго класса уволено 0,3⁰/₀, изъ I класса—1,2⁰/₀, изъ II—1,7⁰/₀, изъ III—2,1⁰/₀, изъ IV—3,9⁰/₀, изъ V—0,5⁰/₀, изъ VI—2,9⁰/₀, изъ V коммерческаго—5⁰/₀, изъ VII—1,9⁰/₀. Наибольшее число уволенныхъ за безуспѣшность было въ Полтавскомъ училищѣ (3,8⁰/₀), меньше же всего—въ Винницкомъ (0,7⁰/₀) и Кіевскомъ (1,65⁰/₀). Изъ Роменскомъ училищѣ совсѣмъ не было уволенныхъ за безуспѣшность.

Поведеніе учащихся въ отчетномъ году можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Всѣхъ взыскаій было произведено 6.385 (въ 1896 г.—5.510, въ 1895 г.—4.506). На cadaго ученика приходилось среднимъ числомъ около 2,7 взыскаій въ годъ, при чемъ на cadaго ученика низшихъ классовъ—2,9, а на cadaго ученика старшихъ классовъ—2,2 взыскаій.

Что касается оцѣнки поведенія учащихся на основаніи получен-

ныхъ ими отиѣтокъ, то въ первомъ полугодіи удовлетворительныя отиѣтки (5 и 4) получили 2.200, а во второмъ—2.347.

Всѣхъ уроковъ, пропущенныхъ учениками реальныхъ училищъ, было 107.708 (на 32.952 болѣе, чѣмъ въ прошломъ году); изъ нихъ по болѣзни 99.470 на 30.649 уроковъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Среднимъ числомъ на каждаго учащагося приходится по 46,7 уроковъ, на 12,5 болѣе противъ прошлаго года.

Смертныхъ случаевъ въ отчетномъ году было 9: 2 ученика застрѣлились, 1 умеръ отъ случайнаго отравленія, 1 отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, остальные 5 отъ разныхъ болѣзней.

При реальныхъ училищахъ Кіевскаго округа пансіоновъ нѣтъ; ученики живутъ у родителей и родственниковъ, либо же на ученическихъ квартирахъ, разрѣшенныхъ начальствомъ. Такихъ квартиръ въ 1897 году было 107 (въ 1896 г.—90, въ 1895 г.—88) и въ томъ числѣ у лицъ, служащихъ въ училищахъ, 26. Всего на общихъ квартирахъ живутъ 315 учениковъ, или 13,6% общаго числа учениковъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ на 1,3% меньше. На большинствѣ квартиръ за содержаніе платится 270—350 руб. въ годъ. Высшая плата (въ Кіевѣ до 700 руб. въ годъ) взимается преимущественно на квартирахъ, содержимыхъ учителями. Надзоръ за квартирами порученъ всему вообще учебно-воспитательному персоналу.

Въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, устраивались небольшія образовательныя поѣздки учениковъ и литературно-музыкальные вечера, и т. п.

Женскихъ средне-учебныхъ заведеній въ Кіевскомъ округѣ было въ 1897 году 25 (въ 1896 г.—24), а именно: 15 гимназій, 9 прогимназій и Острожское графа Д. Н. Блудова училище. Всѣхъ учащихся въ 15 гимназіяхъ къ 1-му января 1898 года было 4.986 (на 592 болѣе предыдущаго года), въ прогимназіяхъ—1.135 (на 110 болѣе) и въ Острожскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ—146 (на 19 менѣе прошлаго года), а всего 6.267 ученицъ, на 683 ученицы болѣе чѣмъ въ предыдущемъ отчетномъ году.

Цифра учащихся распредѣлялась между отдѣльными заведеніями такъ: А. гимназій: Полтавская—712, Кіевская—591, Кременчугская—508, Черниговская—393, гимназія г-жи Бейтель—343, Ровенская—390, Новозыбковская—315, Нѣжинская П. И. Кушакевичъ—279, Бѣлоцерковская—273, Глуховская—259, гимназія г-жи Дучинской—240, Прилукская—232, Лубенская—216, Кіевская при лютеранской

церкви—167, Острожское женское училище—146, Новгородъ-Сѣверская—128; Б. прогимназіи: Кролевецкая—185, Немировская—163, Хорольская—155, Зѣнковская—131, Кобелякская—118, Переяславская—105, Златопольская—99, Золотоношская—99, Сосницкая—80. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что одна изъ гимназій, именно Новгородъ-Сѣверская, имѣетъ меньшее число, чѣмъ даже большинство прогимназій округа. Это объясняется: 1) слишкомъ высокою платою за ученіе: 50—80 руб. и 2) близостью Глуховской женской гимназіи и прогимназій Кролевецкой и Сосницкой.

По вѣроисповѣданіямъ ученицы женскихъ учебныхъ заведеній распредѣлялись такъ: православнаго исповѣданія—4.095, римско-католическаго—264, лютеранскаго—147, іудейскаго—1.624, другихъ исповѣданій—34. Въ частности слѣдуетъ отмѣтить, что евреекъ болѣе всего въ гимназіяхъ: Роменской (45,2%), Кременчугской (44,5%), Черниговской (38,7%), Бѣлоцерковской (36%), г-жи Бейтель (35,8%), Прилукской (30,7%) и въ прогимназіяхъ: Златопольской (48,4%), Переяславской (49,6%), Кролевецкой (38,5%), Немировской (29,6%). Въ Острожскомъ училищѣ всѣ ученицы православнаго исповѣданія.

По сословіямъ или происхожденію ученицы распредѣлялись по слѣдующимъ категоріямъ: потомственныхъ дворянокъ—983, личныхъ дворянокъ—1.791, духовнаго званія—199, купческаго сословія—810, мѣщанскаго—1.873, крестьянскаго—380, непомнящихъ родства—2, иностранокъ—83.

Въ теченіе отчетнаго года выбыло изъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній 1.406 ученицъ, въ томъ числѣ по окончаніи курса 740. Изъ окончившихъ 69 выбыли со званіемъ домашнихъ наставницъ и 273 со званіемъ домашнихъ учительницъ. До окончанія курса выбыло 666 ученицъ. Наибольшая цифра выбывшихъ приходилась на первые четыре класса.

Вновь поступило въ 1897 году 2.063 воспитанницы, на 458 ученицъ болѣе чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ приготовительные классы поступило 626 ученицъ (30,3% всѣхъ поступившихъ); значительная часть поступившихъ приходится на 1 классъ, а именно 559 ученицъ (27,2%).

Число переведенныхъ въ высшіе классы составляетъ 4.348 (въ 1896 году было 4.279), въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 3.647 и въ прогимназіяхъ 701. Въ Острожскомъ женскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ, вслѣдствіе существующаго въ первыхъ трехъ классахъ двухгодичнаго курса, перевода изъ класса въ классъ въ отчетномъ

году не было. По отношенію къ общему числу воспитанницъ, бывшихъ къ 1-му января 1898 года (6.267), количество переведенныхъ изъ класса въ классъ воспитанницъ въ гимназіяхъ было 73,1% (въ прошломъ году 78,9%) и въ прогимназіяхъ 61,7% (въ прошломъ году 67,2%). Для каждаго учебнаго заведенія въ частности процентъ переведенныхъ изъ класса въ классъ выражается въ нижеслѣдующей градаціи: Бѣлоцерковская гимназія—86,8%, Нѣжинская П. И. Кушакевичъ—85,6%, Полтавская—82,8%, Прилукская—82,7%, Черниговская—80,8%, Кіевская А. Т. Дучинской—78,3%, Кременчугская—77,7%, Роменская—73,3%, Кіевская г-жи Бейтель—71,7%, Златопольская прогимназія—70,7%, Сосницкая—68,7%, Кобелякская—68,6%, Кіевская гимназія—68%, Лубенская—67,1%, Ново-зыбковская—66%, Немировская прогимназія—65,6%, Глуховская гимназія—64%, Златопольская прогимназія—63,6%, Переяславская—61,8%, Хорольская—58%, Кролевецкая—54%, Новгородъ-Сѣверская гимназія—53,9%, Зѣньковская прогимназія—53,4%. Средній годовоі балль для гимназій былъ въ отчетномъ году 3,73 (въ прошломъ году 3,81), для прогимназій 3,53 (въ прошломъ году 3,54) и для Острожскаго графа Блудова училища 3,79 (въ прошломъ году 3,65).

Въ теченіе отчетнаго года преподавателями и преподавательницами было пропущено 7.095 уроковъ (въ 1896 году—6.955). Наибольшій процентъ пропущенныхъ уроковъ былъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе годы, въ IV классѣ вообще и въ Острожскомъ графа Д. Н. Блудова училищѣ въ частности. Всѣ пропущенные уроки объясняются уважительными причинами.

Поведеніе воспитанницъ за отчетный годъ было вполне удовлетворительно. Средній годовоі балль за поведеніе былъ 4,98 для гимназій, 4,99 для прогимназій и 5 для Острожскаго училища. Вызсканій было произведено 617, въ томъ числѣ 506 въ гимназіяхъ и 111 въ прогимназіяхъ. 9 женскихъ гимназій помѣщались въ собственныхъ домахъ. Изъ 9 прогимназій 3 имѣютъ собственные дома. Острожское училище также имѣетъ собственное зданіе.

Въ библіотекахъ женскихъ гимназій и прогимназій къ 1-му января 1898 года состояло 56.115 томовъ на сумму 74.958 руб. 48 коп., въ томъ числѣ приобрѣтенныхъ въ отчетномъ году 4.902 тома на сумму 5.875 руб. 90 коп. Въ частности, на гимназіи приходится 37.102 тома на сумму 48.381 руб. 41 коп., на прогимназіи—15.960 томовъ на сумму 23.860 руб. 63 коп. и на Острожское училище—3.053 тома на сумму 2.716 руб. 44 коп. Первое мѣсто по количеству томовъ и

цѣнности библиотекъ занимаетъ Кіевская министерская гимназія и самая бѣдная въ этомъ отношеніи въ отчетномъ году Кременчугская гимназія.

Физическихъ приборовъ и снарядовъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа къ 1-му января 1898 года было въ 13 женскихъ гимназіяхъ 1.837 приборовъ на сумму 19.048 руб. 46 коп., а изъ прогимназій только въ Переяславской имѣется 2 номера физическихъ приборовъ на сумму 80 рублей. Остальныя прогимназіи, а также гимназіи Бѣлоцерковская, гимназія при Кіевской лютеранской церкви и Острожское женское графа Влудова училище учебныхъ пособій по физикѣ не имѣютъ и пользуются ими въ случаѣ надобности изъ физическихъ кабинетовъ мѣстныхъ гимназій и реальныхъ училищъ. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число физическихъ приборовъ и снарядовъ увеличилось въ отчетномъ году 141 номеромъ на сумму 1.808 руб. 60 коп., при чемъ пріобрѣтенія сдѣланы слѣдующими гимназіями: Полтавскою на 542 руб. 20 к., Черниговскою на 362 р. 35 коп., Глуховскою на 248 руб. 77 коп., Кременчугскою на 190 р. 70 к., Новгородсѣверскою на 185 руб. 75 к., Роменскою на 155 р., Прилукскою на 123 руб. 50 коп. Кіевскою г-жи Бейтель на 5 руб. 38 коп.

Пособій по естественной исторіи въ женскихъ гимназіяхъ къ 1-му января 1898 года состояло 1.959 номеровъ на сумму 5.360 руб. 16 коп. и въ прогимназіяхъ 69 номеровъ на сумму 823 руб. 54 коп., а всего 2.028 номеровъ на сумму 6.183 руб. 70 коп. Въ теченіе отчетнаго года отдѣлъ естественно-историческихъ учебныхъ пособій пополнился пріобрѣтеніемъ 23 номеровъ на сумму 188 руб. 96 коп., при чемъ пріобрѣтенія сдѣланы слѣдующими гимназіями: Глуховской (11 номеровъ на сумму 96 руб. 25 к.), Новгородсѣверской (10 номеровъ на сумму 69 руб. 21 коп.) и Новозыбковской (2 номера на сумму 23 руб. 50). Вовсе не имѣли пособій по естественной исторіи въ отчетномъ году: гимназіи—Кіевская при лютеранской церкви и Бѣлоцерковская, прогимназіи—Златопольская, Золотоношская, Кролевецкая и Острожское женское графа Д. Н. Влудова училище. Болѣе или менѣе достаточныя коллекціи имѣются только въ гимназіяхъ: г-жи Дучинской (679 номеровъ), Кіевской (162 номера), Полтавской (118 номеровъ), Кременчугской (262 номера), Лубенской (314 номеровъ) и Прилукской (121 номеръ). Въ остальныхъ гимназіяхъ естественно-историческіе кабинеты неудовлетворительны.

Глобусовъ, географическихъ картъ и другихъ учебныхъ пособій

къ 1-му января 1898 года въ гимназіяхъ состояло 910 номеровъ на сумму 4.700 руб. 67 коп., въ прогимназіяхъ 368 номера на 1251 руб. 98 коп. и въ Острожскомъ училищѣ 112 номеровъ на сумму 465 руб. 96 коп.

Въ Золотопошской прогимназіи и въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, вовсе не было учебныхъ пособій по географіи. Въ теченіе отчетнаго года отдѣлъ этотъ увеличился въ гимназіяхъ 63 номерами на сумму 311 руб. 19 коп. и въ прогимназіяхъ 16 номерами на сумму 65 руб. 35 коп., а всего 79 номерами на сумму 376 руб. 54 коп.

Общій итогъ прихода суммъ по женскимъ средне-учебнымъ заведеніямъ доходилъ въ 1897 году до 519.719 руб. 98¹/₂ коп. (больше на 64.449 руб. 37 коп., чѣмъ въ 1896 году), въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 42.187 руб. 20 коп., сбора за ученіе 233.386 руб. 26 коп. отъ городскихъ обществъ 20.350 руб., земствъ 36.968 руб. 20 коп., процентовъ съ пожертвованнаго капитала 9.397 руб. 20 коп., пожертвованій разныхъ лицъ 28.481 руб. 27 коп., другихъ источниковъ 2.871 руб. 52 коп., остатокъ отъ 1896 года 145.478 руб. 33¹/₂ коп. Сумма расходовъ достигала 326.699 руб. 64 коп. (въ 1896 году—311.189 руб. 40 коп., въ 1895 году—293.715 руб. 90 коп.). Изъ нихъ на гимназіи израсходовано 276.147 руб. 27 коп. (въ 1896 году—262.223 руб. 78 коп.), на прогимназіи—50.552 руб. 37 коп. (въ 1896 году—48.465 руб. 62 коп.), на Острожское училище 25.167 руб. 38 коп. (въ 1896 году—24.620 руб. 49 коп.). Отсюда видно, что сравнительно съ предыдущемъ 1896 отчетнымъ годомъ въ настоящемъ 1897 отчетномъ году расходъ на содержаніе женскихъ гимназій и прогимназій увеличился. Такимъ образомъ каждая ученица гимназіи обошлась въ 55 руб. 38 коп. (въ 1896 году—65 руб. 1 коп.), а каждая ученица прогимназіи—44 руб. 78 коп. (въ 1896 году—49 руб. 21 коп.); стоимость годичнаго содержанія пансіонерки въ Острожскомъ графа Д. П. Влудова училищѣ обошлась въ 172 руб. 37 коп., то-есть, на 6 руб. 2 коп. дороже противъ прошлаго года.

Всѣ упомянутыя учебныя заведенія расходуютъ въ общей сложности на жалованье служащимъ 236.984 руб. 53 коп., на наемъ помѣщеній—13.816 руб., на содержаніе помѣщеній—41.769 руб. 71 коп., на учебныя пособія—10.637 руб., на стипендіи и пособія—8.540 руб. 73 коп., на прочія потребности—40.117 руб. 33 коп.

Къ 1-му января 1898 года служебный персоналъ въ женскихъ

гимназіяхъ состоялъ изъ 431 лица (въ прошломъ году 403), въ прогимназіяхъ изъ 126 (въ прошломъ году 136) и въ (Острожскомъ училищѣ изъ 28 лицъ (въ прошломъ году 25), а всего изъ 585 лицъ, въ томъ числѣ: начальниковъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ 24, попечительницъ 18, начальницъ и главныхъ надзирательницъ 28, законоучителей 50, учителей наукъ 142, учительницъ наукъ 104, преподавателей искусствъ 39, преподавательницъ искусствъ 30, надзирательницъ 107 и прочихъ служащихъ (врачей, преподавателей и преподавательницъ музыки, пѣнія и проч.)—20 (16 мужчинъ и 4 женщины). Среднимъ числомъ въ каждой женской гимназіи состояло 28, и въ каждой прогимназіи 14 служащихъ лицъ.

Глуховскій учительскій институтъ помѣщается въ собственномъ зданіи. Средства на содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища въ отчетномъ году поступили изъ слѣдующихъ источниковъ: остатокъ отъ суммъ 1896 года—777 руб. 95 коп., изъ суммъ государственнаго казначейства—28.456 руб., платы съ своекоштныхъ пансіонеровъ—500 руб., сбора за ученіе въ городскомъ училищѣ—462 руб. 50 коп. Всего поступило въ 1897 году 29.768 руб. 50 коп., а съ остаткомъ отъ 1896 года—30.646 руб. 45 коп. Всего въ отчетномъ году израсходовано на содержаніе института и состоящаго при немъ городского училища 30.053 руб. 88 коп., а въ частности на содержаніе института 26.978 руб. 58 коп., и на содержаніе городского училища 3.075 руб. 30 коп. Къ 1-му января 1898 года образовался остатокъ въ 492 руб. 57 коп. Въ отчетномъ году институтъ продовольствовалъ пищею и одеждою въ первомъ полугодіи 55 воспитанниковъ, а во второмъ 57. Расходъ на полное содержаніе воспитанниковъ составилъ 7.844 рублей, или среднимъ числомъ на каждого воспитанника 140 руб. (въ 1896 году—150 руб.).

Библиотека института къ 1-му января 1898 года состояла изъ 6.215 томовъ на сумму 8.763 руб. 59 коп., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 205 томовъ на сумму 416 руб. 2 коп.

Разныхъ учебныхъ пособій къ тому же сроку состояло 1.078 названій (въ томъ числѣ 126 томовъ) на сумму 4.895 руб. 73 коп., въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 50 названій на сумму 103 руб. 20 коп.

Всѣхъ служащихъ въ институтѣ и училищѣ при немъ состояло 14 лицъ, въ томъ числѣ 8 съ высшимъ образованіемъ, 4 окончившихъ курсъ учительскаго института и 2 лица, окончившихъ курсъ учительской семинаріи.

Изъ общаго числа 2.246 положенныхъ по росписанію уроковъ преподавателями въ отчетномъ году пропущено по болѣзни 144. За-сѣданій педагогическаго совѣта было 8, конференцій—12.

Всѣхъ учащихся въ учительскомъ институтѣ къ началу учебнаго года состояло 55; въ теченіе года окончилъ курсъ 14 воспитанниковъ; вновь принято въ институтъ 18; такимъ образомъ къ 1-му января 1898 года состояло на лицѣ 59 воспитанниковъ, въ томъ числѣ въ I классѣ 22 (18 казенныхъ пансіонеровъ, 3—своекоштныхъ и 1 приходящій), во II классѣ—20 (17 казенныхъ пансіонеровъ, 2 своекоштныхъ и 1 приходящій), въ III классѣ—17 (всѣ казенные пансіонеры). Означенные воспитанники раздѣлялись: а) по сословіямъ: дворянъ—14 (23,7%), духовнаго званія—1 (1,7%), купцовъ и мѣщанъ—14 (23,7%), крестьянскаго и казачьяго сословія—23 (49,2%), иностранцевъ—1 (1,7%); такимъ образомъ въ отчетномъ году, какъ и въ прежніе годы, наибольшій процентъ воспитанниковъ института составляли юноши сельскаго сословія, дѣти крестьянъ и казаковъ; б) по предварительной подготовкѣ: изъ гимназій—1, изъ духовной семинаріи—2, изъ учительской семинаріи—17, изъ городскихъ училищъ—38 и домашняго образованія—1. Средній возрастъ воспитанниковъ въ отчетномъ году былъ: въ I классѣ—около 21 года, во II классѣ—около 20 лѣтъ, въ III классѣ—около 21 года. Успѣхи воспитанниковъ были вполнѣ удовлетворительны; уволенныхъ по безуспѣшности не было; на повторительный курсъ оставлено 7. Средній баллъ по всѣмъ предметамъ составилъ 4,2 (въ 1896 году—4,1, въ 1895 года—4,1, въ 1894 года—4,1, въ частности въ I классѣ 4,08, во II—4,23, въ III—4,3. По поведенію всѣ воспитанники имѣли высшій баллъ—5. Состояніе учебно-воспитательнаго дѣла въ отчетномъ году было вполнѣ удовлетворительно. Что касается до санитарной части, то въ отчетномъ году среди воспитанниковъ было 88 заболѣваній (въ 1896 году—64). Изъ общей цифры заболѣваній наибольшее число выпало на долю болѣзней дыхательныхъ органовъ (19%). Серьезныхъ заболѣваній дыхательныхъ органовъ въ отчетномъ году не было; всѣ случаи относились къ числу легкихъ катарровъ. Ангина, благодаря эпидемическому распространенію въ городѣ, дала довольно большое число больныхъ (15,2%); но изъ всѣхъ случаевъ бывшихъ ангины только одинъ былъ довольно серьезный—гнилостной ангины или дифтерита, окончившійся благополучно, однимъ мѣстнымъ лѣченіемъ. Въ общемъ отчетный годъ прошелъ для здоровья воспитанниковъ благоприятно; если число болѣвшихъ сравнительно и велико, но

характеръ заболѣваній настолько легкій и скоро проходящій, что годъ можетъ быть причисленъ къ весьма удачнымъ.

Въ училищѣ при институтѣ къ началу 1897 года состояло 100 учениковъ; въ теченіе года окончило курсъ 13 человѣкъ, вышло до окончанія курса—16, вновь поступило 36, такимъ образомъ къ 1-му января 1898 года состоитъ на лицо 107 человѣкъ, которые раздѣляются: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—94, католиковъ—3 и евреевъ—10; б) по сословіямъ: потомственныхъ дворянъ—10, дѣтей личныхъ дворянъ—9, духовнаго званія—7, дѣтей купцовъ—8, мѣщанъ—44 и крестьянъ—29.

Успѣхи учащихся были удовлетворительны: средній годовой баллъ для всѣхъ учащихся былъ 3.8 (въ 1896 году—3.9, въ 1895 году—3.8); перешло въ высшія отдѣленія 67 человѣкъ и окончило курсъ 13 человѣкъ. Поведеніе учащихся было весьма удовлетворительно. Средній годовой баллъ былъ по поведенію 5. Подвергавшихся высылкѣ было 23 ученика.

На училище израсходовано было изъ суммъ государственнаго казначейства 2.456 руб. 25 коп., изъ специальныхъ средствъ и сбора за ученіе 872 руб. 12 коп.; къ 1-му января 1898 года остается специальныхъ средствъ 253 руб. 7 коп.

Библиотека училища къ тому же сроку состояла изъ 601 названія въ 891 томѣ на сумму 769 руб. 78 коп., въ томъ числѣ въ 1897 году приобрѣтено 34 названія въ 45 томахъ на сумму 45 руб. 37 коп. Разныхъ учебныхъ пособій къ 1-му января 1898 года состоитъ 359 на сумму 527 руб. 37 коп.

Училище помѣщается въ наемномъ домѣ; состоитъ оно изъ двухъ классовъ и имѣетъ 2 штатныхъ учителей, а также одного помощника, содержимаго на специальные средства училища. Законъ Божій въ училищѣ преподаетъ законоучитель института, пѣніе—учитель пѣнія института, гимнастику—учитель городского училища.

Въ Киевскомъ учебномъ округѣ имѣются двѣ учительскія семинаріи: одна—въ мѣстечкѣ Коростышевѣ, Радомысльскаго уѣзда, Киевской губ., другая—въ селеніи Большіе Дедеркалы, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи. При обѣихъ семинаріяхъ состоятъ образцовыя, одноклассныя училища. Обѣ семинаріи помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ. Средства на содержаніе семинаріи поступили въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: остатковъ отъ 1896 года—9.887 руб. 50 коп., изъ суммъ государственнаго казначейства—30.817 руб. 50 коп., изъ суммъ министерства народнаго

просвѣщенія—5.450 руб., изъ другихъ источниковъ—1.520 руб. 20 коп., а всего 51.949 руб. 63 коп. Изъ этихъ суммъ израсходовано на жалованье служащимъ—14.876 руб., на содержаніе помѣщеній—3.122 руб. 94 коп., на содержаніе воспитанниковъ—9.907 руб. 92 коп., на бібліотеку и учебныя пособія, на обученіе гимнастикѣ и ремесламъ, на содержаніе канцеляріи и больницы—3.212 руб. 79 коп., на другіе предметы—7.337 руб. 24 коп., а всего израсходовано 38.456 руб. 89 коп. За симъ къ 1-му января 1898 года оставалась 8,819 руб. 31 коп. Къ тому же сроку въ бібліотекѣ Коростышевской семинаріи состояло 7.690 томовъ при 3.679 названіяхъ на сумму 8,533 руб. 43 коп. (въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 355 томовъ при 263 названіяхъ на 362 руб. 37 коп.), а въ Дедеркальскомъ 6.321 томъ при 3.477 названіяхъ на сумму 7.819 руб. 9 коп. (въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 40 томовъ при 18 названіяхъ на 66 руб. 90 коп.). Всѣхъ учебныхъ пособій по различнымъ предметамъ къ концу отчетнаго года состояло въ обѣихъ семинаріяхъ 5.393 номеровъ на сумму 10.087 руб. 14 коп. (въ 1896 году—5.338 номеровъ на сумму 10.027 руб. 89 коп.).

Всѣхъ служащихъ въ семинаріяхъ было 16, а именно: 2 директора, 2 законоучителя, 6 наставниковъ, 2 учителя пѣнія, 2 учителя начальныхъ училищъ, 1 врачъ, 1 лѣкарскій помощникъ и 1 фельдшеръ.

Всѣхъ положенныхъ по росписанію уроковъ было 5.439 (въ 1896 году—4.993), изъ коихъ пропущено преподавателями 98. Учащихся состояло къ началу 1897 года—160 (въ Коростышевской семинаріи 113 и въ Дедоркальской—47); въ теченіе года вновь поступило 64 воспитанника, окончило курсъ—44, выбыло до окончанія курса—5; такимъ образомъ къ 1-му января 1896 года въ учительскихъ семинаріяхъ состояло 175 воспитанниковъ (въ 1876 году—160), въ томъ числѣ 123 въ Коростышевской семинаріи (изъ нихъ 40 казенныхъ стипендіатовъ, 8 частныхъ и 75 своекоштныхъ) и 52 въ Дедеркальскомъ (41 казенныхъ стипендіатовъ, 2 частныхъ и 9 своекоштныхъ). Всѣ воспитанники православнаго вѣроисповѣданія; по сословіямъ они распредѣляются такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—7, дѣтей потомственныхъ почетныхъ гражданъ—3, духовнаго званія—18, мѣщанъ—15, крестьянъ—28, казаковъ и солдатскихъ дѣтей—36, другихъ сословій—8. Успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ и по всѣмъ классамъ выражаются среднимъ балломъ 3,78 (въ прошломъ году 3,79). Поведеніе учащихся въ обѣихъ семинаріяхъ было удовлетворительно.

Помимо обязательныхъ предметовъ, въ обѣихъ семинаріяхъ вве-

дены занятія ремеслами, а также работы въ саду и огородѣ. Изъ ремеслъ попрежнему преподавались въ Коростышевской семинаріи—перешлетное, а въ семинаріи Дедеркальской—перелетное и столярное; къ сожалѣнію недостатокъ средствъ препятствуетъ правильной и широкой постановкѣ этихъ полезныхъ занятій; за то вознагражденіе, которое могутъ предложить семинаріи, трудно найти знающаго мастера; по недостатку средствъ нельзя приобрести вполне удовлетворительные инструменты, матеріалы и пособия; въ Коростышевской семинаріи до сихъ поръ не можетъ быть введено правильное обученіе столярному мастерству, вслѣдствіе того, что помѣщеніе для мастерской тѣсно и холодно. Довольно уснѣшно поставлено въ Дедеркальской семинаріи обученіе садоводству, огородничеству и пчеловодству; практическія, упражненія по садоводству и огородничеству, шли подъ руководствомъ наставниковъ Яворовскаго и Маневича. Санитарное состояніе Коростышевской семинаріи попрежнему нельзя признать благоприятнымъ; особенно выдающихся болѣзней со смертельнымъ исходомъ въ отчетномъ году не было, но значительное число заболѣваній—571 (на 148 болѣе чѣмъ въ 1896 году) и преобладаніе заболѣваній простудныхъ (74%) вновь указываютъ на неоднократно упоминавшіяся въ прежнихъ отчетахъ неудовлетворительныя санитарныя условія семинаріи, которыя могутъ быть устранены лишь соответствующими ремонтными работами. Въ Дедеркальской семинаріи благодаря хорошимъ условіямъ мѣстности и помѣщенія цифра заболѣваній значительно ниже (99).

Въ начальныхъ училищахъ при семинаріяхъ къ началу отчетнаго года состояло 141 учащихся; въ теченіе года вновь поступило 56 учащихся, выбыло до окончанія курса 6, а окончило курсъ 29 (въ томъ числѣ 23 мальчика и 6 дѣвочекъ); такимъ образомъ къ 1-му января 1898 года состояло на лицѣ 162 учащихся, изъ нихъ въ Коростышевскомъ училищѣ 102 (72 мальчика и 30 дѣвочекъ), а въ Дедеркальскомъ—60 (51 мальчикъ и 9 дѣвочекъ). Учащіеся въ начальныхъ училищахъ распредѣляются: а) по вѣроисповѣданію: православныхъ—151, католиковъ—11, б) по сословіямъ: духовнаго званія—5, мѣщанъ—38 и крестьянъ—119.

Ремесленныхъ училищъ въ Киевскомъ округѣ состоитъ 5, а именно: одно—въ городѣ Киевѣ, другое въ городѣ Черниговѣ, третье—въ городѣ Нѣжинѣ, четвертое—въ пос. Клинцахъ Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи и пятое—въ городѣ Полтавѣ (бывшее раньше въ селѣ Дегтярахъ). Такимъ образомъ только въ двухъ губерніяхъ

Кіевскаго учебнаго округа нѣтъ пока ремесленныхъ училищъ — въ Подольской и Волинской.

Въ Кіевскомъ Александровскомъ ремесленномъ училищѣ къ концу 1897 года состояло 132 ученика. Училище имѣеть мастерскія: слесарно-кузнечную, столярно-токарную, шорную (во 2-мъ полугодіи за недостаткомъ учащихся закрыта), сапожную. Общій расходъ училища въ 1897 году составлялъ 34.179 руб. 69 коп., приходъ 35.818 руб. 95 коп.: къ 1-му января 1898 года, слѣдовательно, получился остатокъ въ 1.639 руб. 26 коп.

Полтавское ремесленное училище располагало суммою въ 34.560 руб. 75 коп., изъ коихъ 24.942 руб. 11 коп. ассигновано губерпскимъ и уѣзднымъ земствомъ. Училище имѣеть свои мастерскія: слесарно-кузнечную, столярно-токарную и литейную. Всѣхъ служащихъ при училищѣ къ концу отчетнаго года состояло 20. Учащихся къ 1-му января 1898 года состояло 107.

Черниговское Александровское ремесленное училище содержится на средства городского общества. По смѣтѣ 1897 года было назначено 3.522 руб. 75 коп., каковыя всѣ и израсходованы. Служащихъ въ училищѣ 11 лицъ. Изъ ремеслъ преподаются: слесарно-кузнечное и столярно-токарное, при чемъ послѣднее не имѣеть самостоятельнаго значенія, а служить только вспомогательнымъ средствомъ для перваго. Общее число учащихся къ 1-му января 1898 года составляло 42. Нѣжинское ремесленное училище имени А. О. Кушакевича учреждено на капиталъ, завѣщанный покойнымъ коллежскимъ совѣтникомъ А. О. Кушакевичемъ въ 1877 году. По завѣщанію капиталъ состоялъ изъ 77.953 руб., который къ 1895 году посредствомъ наращения % возросъ до 159.642 руб. Основаніемъ ремесленному училищу послужилъ общій уставъ ремесленнаго училища, утвержденный 27-го сентября 1889 года. Въ отчетномъ году Нѣжинское ремесленное училище помѣщалось въ собственномъ зданіи. Служащихъ въ училищѣ 10 лицъ. Въ этомъ году училище существовало въ составѣ трехъ классовъ; учащихся было 57 (27 человекъ въ I-мъ классѣ, 22 во II-мъ и 8 въ III). Плата за право ученія положена по 12 руб. въ годъ. Въ отчетномъ году на содержаніе училища поступило 20.238 руб. 99 коп., изъ коихъ 10.817 руб. 25 коп. падаетъ на государственное казначейство, отъ городского общества 1.000 руб., % съ основнаго капитала 4.000 руб., платы за ученье остатокъ отъ прежнихъ лѣтъ 894 руб. Израсходовано 18.098 руб. 7 коп.

Клинцовское ремесленное училище, также по уставу 27-го сен-

тября 1887 года, открыто 6-го сентября 1885 года, въ обновленныхъ, расширенныхъ и приспособленныхъ зданіяхъ, въ которыхъ до сего времени помѣщалось двухклассное городское училище. На содержаніе училища въ 1897 году отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 10.845 руб. 75 коп., платы за ученіе 550, изъ коихъ израсходовано 11.279 руб. 59 коп. Плата за ученіе опредѣлена въ 10 руб. Въ настоящее время въ училищѣ открыты 3 класса. Всего учениковъ къ 1-му января 1897 года было 58 (въ I-мъ классѣ—30, во II-мъ—22, въ III-мъ—6). Служащихъ въ училищѣ 7 человекъ. Приведенныя данныя показываютъ, что изъ 5 входящихъ въ составъ Кіевскаго учебнаго округа губерній Полтавская и Волинская, не имѣя ни одного ремесленнаго училища, вовсе лишены возможности удовлетворить возрастающей нуждѣ населенія въ специально-ремесленномъ образованіи. Министерство народнаго просвѣщенія, въ заботѣ о возможно широкомъ распространеніи прикладныхъ знаній, выработало проектъ школъ ремесленныхъ учениковъ и нижнихъ ремесленныхъ училищъ, какъ наиболѣе соответствующій современнымъ потребностямъ типъ. По представленію г. министра народнаго просвѣщенія, государственный совѣтъ постановилъ по сему дѣлу Высочайше утвержденное 24-го апрѣля 1895 года мѣненіе, которымъ признано желательнымъ открытіе возможно большаго числа низшихъ ремесленныхъ школъ съ достаточными пособиями отъ казны. Въ числѣ мѣстностей, особенно нуждающихся въ открытіи ремесленныхъ училищъ и общества которыхъ изъявили согласіе участвовать въ семъ дѣлѣ единовременными и постоянными на будущее время затратами, слѣдуетъ отмѣтить: Кіевъ, Бердичевъ, Житомиръ, Могилевъ, Подольскъ, деревня Дитятки (Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи), мѣстечко Кагарлыкь (Кіевскаго уѣзда), Радомысль и многіе другіе пункты во всемъ учебномъ округѣ; а такъ какъ открытіе училищъ одновременно во многихъ мѣстахъ было-бы слишкомъ обременительнымъ для государственнаго казначейства, то министерство народнаго просвѣщенія, предполагая осуществить эту задачу постепенно, намѣтило пока болѣе населенные и промышленные пункты—города Житомиръ и Бердичевъ. Въ настоящее время есть полное основаніе надѣяться, что открытіе ремесленныхъ школъ въ этихъ двухъ городахъ весьма близко къ осуществленію. Кромѣ указанныхъ пяти ремесленныхъ училищъ, существуютъ еще ремесленные классы при нѣкоторыхъ низшихъ школахъ, а именно: въ Кіевской губерніи—при 5 школахъ, въ Подольскѣ—при 7, въ Волинской—при 6, въ Черниговской—при 3, въ

Полтавской—при 8, а всего при 24 школахъ. Изъ этихъ классовъ наиболѣе удовлетворительно поставлены слѣдующіе: 1) при Бердичевскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ, гдѣ имѣются столярно-токарный и слесарно-кузнечный классы; 2) при Бердичевскомъ двухклассномъ начальномъ еврейскомъ училищѣ, гдѣ состоитъ столярно-токарный классъ; 3) при Смѣлянскомъ частномъ двухклассномъ начальномъ училищѣ, состоящемъ при сахарорафинадномъ заводѣ графовъ Бобринскихъ, гдѣ существуютъ классы техническихъ и конторскихъ знаній, а также мастерскія для ремесленного отдѣленія; воспитанники обучаются мастерствамъ: слесарному, столярному, переплетному, рѣзачицкому, кровельному, токарному и выпиловочному.

Въ Подольской губерніи: 1) при Мурафскомъ двухклассномъ сельскомъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія преподаются кузнечно-слесарное и столярно-токарное ремесла, для занятій коими имѣется отдѣльная кузница и теплое зданіе для слесарныхъ и столярно-токарныхъ работъ. Кромѣ вышеприведенныхъ ремеслъ выдѣляется еще какъ бы третье самостоятельное ремесло-экипажное. Производство мастерскихъ состоитъ изъ предметовъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту.

Въ Волынской губерніи преподается при 1 школѣ столярное и слесарно-кузнечное ремесла, при 1—столярно-токарное, при 2—переплетное, при 1—сапожное и башмачное, при 1—слесарно-кузнечное.

Въ Черниговской губерніи при одной школѣ преподается столярное ремесло, при одной сапожное и при одной-столярное и переплетное ремесла.

Въ Полтавской губерніи при одной школѣ преподается столярно-токарное ремесло и при двухъ—портняжное.

Всѣхъ народныхъ училищъ въ Кіевскомъ округѣ къ 1-му января 1898 года состояло 2.289 (въ 1896 г.—2.209, въ 1895 г.—2.153, въ 1894 г.—2.115), учащихся въ нихъ 196.231. Сравнительно съ прошлымъ годомъ число училищъ увеличилось на 80, а число учащихся—на 12.857. По различнымъ типамъ училища распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

6	город.	трехкл.	учил.	по полож.	31 мая 1872 г.	съ	1.071	учащ.
21	"	двухкл.	"	"	"	"	2.658	"
1	"	однокл.	"	"	"	"	80	"
5	уѣздн.	трехкл.	"	по уставу	8 дек. 1828	"	405	"
87	гор.	двухкл.муж.	"	по полож.	26 мая 1869	"	5.822	"
36	"	женск.	"	"	"	"	3.909	"

8 приход. двукл. „	по уставу 8 дек. 1828	„	1.293	„
126 „ однокл. „	„ „ „ „	„	10.597	„
68 двукл. сельск. „	по инстр. 4 іюня 1875	„	12.674	„
23 однокл. „ „	„ „ „ „	„	2.577	„
38 городск. начал. „	по полож. 25 мая 1874	„	3.818	„
1302 сельск. начал. „	„ „ „ „	„	105.601	„
618 однокл. сельск. „	„ 26 мая 1869	„	45.726	„

Ремесленныхъ и руководѣльныхъ классовъ при означенныхъ училищахъ состоитъ 154, классовъ для взрослыхъ 177. Въ собственныхъ зданіяхъ помѣщалось 2.130 училищъ, въ наемныхъ 159. Сравнительно съ 1896 годомъ число собственныхъ школьныхъ зданій увеличилось на 53. Всѣхъ учащихся въ народныхъ училищахъ въ отчетномъ году состояло 6.418; они раздѣлялись: а) по занимаемымъ должностямъ: штатныхъ смотрителей, учителей-инспекторовъ и завѣдывающихъ городскими училищами—70, законоучителей—3.184, учителей—1.860, учительницъ—1.453, отдѣльныхъ учителей пѣнія—249, отдѣльныхъ учительницъ руководящихъ—70, учителей ремеселъ (при народныхъ общеобразовательныхъ училищахъ)—18, учителей военной гимнастики—514; б) по вѣроисповѣданію: православныхъ—6.896, католиковъ—17, протестантовъ—5; в) по образованію: окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній—38, (0,6%) среднихъ—3.353 (52,2%), учительскихъ институтовъ и семинарій и вообще получившихъ специальную подготовку—793 (12,4%), окончившихъ низшія учебныя заведенія и выдержавшихъ испытаніе на званіе учителя или учительницы—1.472 (22,9%); г) по получаемому содержанию: обучающихся бесплатно—184 (2,9%), не имѣющихъ правъ на преподаваніе—764 (11,9%); получающихъ менѣе 50 руб. въ годъ—975 (15,2%), отъ 50 до 100 руб. въ годъ—1.409 (21,9%) отъ 100 до 150 руб.—455 (7,1%), отъ 150 до 200 руб.—714 (11,1%) отъ 200 до 300 руб. и выше—2.681 (41,8%).

Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1898 года состояло 196.231 (въ 1896 г.—183.374, въ 1895 г.—175.110) человекъ; они раздѣлялись: а) по поламъ: мальчиковъ—164.440 (83,7%) и дѣвочекъ—31.791 (16,3%); б) по вѣроисповѣданію: православныхъ—182.870; католиковъ—4.884, протестантовъ—701, евреевъ—6.694, прочихъ исповѣданій (караимовъ, мусульманъ, и друг.—1.082; в) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—3.989, духовнаго званія—1.952, городскихъ сословій—23.350, сельскихъ сословій—165.905, другихъ сословій—1.035.

На содержаніе всѣхъ училищъ поступило 1.880.692 руб. 1 коп., въ томъ числѣ: изъ суммъ государственнаго казначейства — 885.236 руб. 26 коп., отъ городскихъ обществъ — 206.608 руб. 18¹/₂ коп., отъ сельскихъ обществъ — 407.921 руб. 17 коп., отъ земствъ — 523.583 руб., отъ удѣльнаго вѣдомства — 6.487 руб. 24 коп., изъ сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ — 23.013 руб. 22 коп., платы за ученіе — 148.933 руб. 77³/₄ коп., разныхъ пожертвованій — 136.665 руб. 84¹/₄ коп., проц. съ капиталовъ — 42.296 руб. 36¹/₂ коп. Израсходовано въ отчетномъ году 1.685.909 руб. 88¹/₂ коп. Въ остаткѣ къ 1-му января 1898 года 194.780 руб. 12¹/₂ коп. Къ тому же сроку въ училищахъ состояло книгъ и брошюръ 1.611.922 тома, въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 186.563 тома на сумму 51.455 руб. 91 копѣекъ. Разныхъ учебныхъ пособій состояло 225.454 предмета, въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобрѣтено 16.086 предметовъ. Для болѣе подробнаго обзора школы Киевскаго округа раздѣляются на двѣ группы: 1) училища юго-западнаго края (губерніи Киевская, Подольская и Волинская) и 2) училища губерній Черниговской и Полтавской. Всѣхъ народныхъ училищъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края къ началу отчетнаго года состояло 799, въ томъ числѣ: въ Киевской губ. — 207, въ Подольской — 283 и въ Волинской — 309. При училищахъ было 114 ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ и 97 классовъ для взрослыхъ. Общее число народныхъ училищъ въ отчетномъ году увеличилось на 16 училищъ. Такимъ образомъ къ 1-му января 1898 года состояло 815 народныхъ училищъ, 117 ремесленныхъ и рукодѣльныхъ классовъ и 98 классовъ для взрослыхъ.

При нѣкоторыхъ училищахъ въ виду переполненія ихъ учащимися устроены параллельные классы; всѣхъ параллельныхъ классовъ въ отчетномъ году было 21. Наличное число школъ не вполне удовлетворяетъ потребности городского населенія юго-западнаго края; довольно богаты школами Киевъ, гдѣ имѣется 42 нижнихъ учебныхъ заведеній; затѣмъ по порядку идутъ города: Каменецъ - Подольскъ (6 школъ), Житомиръ (5), Бердичевъ (5) и Каневъ (3). Въ 31 городѣ имѣется, по одному двухклассному училищу мужскому и по одному женскому. Что касается уѣздовъ юго-западнаго края, то наибольшимъ количествомъ школъ располагаютъ уѣзды: Балтскій (33) и Новоушицкій (33) Подольской губерніи, Житомирскій Волинской губ. (35) и Каменецкой Подольской губ. (31); затѣмъ 4 уѣзда имѣютъ по 29—26 школъ, 9 уѣздовъ по 24—21 школъ, 6 уѣздовъ — по 19—16

школъ, 8 уѣздовъ—по 14—10 школъ, наконецъ менѣе 10 школъ имѣютъ 4 уѣзда Кіевской губерніи: Бердичевскій (9), Сквирскій (7), Таращанскій (6), Улеанскій (5). Въ Кіевской губерніи 1 школа приходится среднимъ числомъ на 28.387 человекъ, въ Подольской—на 17.456, въ Волынской—на 17.697. Въ частности по уѣздамъ эта цифра варьируется слѣдующимъ образомъ: бѣднѣе всѣхъ школами 3 уѣзда Кіевской губерніи: въ Уманскомъ 1 школа приходится на 56.002 человекъ, въ Таращанскомъ—на 39,095, въ Сквирскомъ—на 33.287. Затѣмъ въ 7 уѣздахъ на каждую школу приходится по 25—20 тысячъ человекъ, въ 11 уѣздахъ—по 16—10 тысячъ, въ 4 уѣздахъ—свыше 9 тысячъ, въ 4 уѣздахъ—свыше 8 тысячъ, въ 2 уѣздахъ—свыше 7 тысячъ, въ 5 уѣздахъ—свыше 6 тысячъ. Не менѣе краснорѣчивы цифры, показывающія отношенія числа сельскихъ училищъ къ пространству отдѣльныхъ губерній; въ Кіевской губерніи 1 школа приходится на 311,1 квадр. верстъ, въ Подольской—на 146,5 квадратныхъ верстъ, въ Волынской—на 219,9, а среднимъ числомъ во всемъ юго-западномъ краѣ приходится по одной школѣ на 212 квадратныхъ верстъ. Въ значительномъ числѣ волостей нѣтъ ни одного училища министерства народнаго просвѣщенія; такихъ волостей въ Кіевской губерніи 102 изъ 204, въ Подольской—18 изъ 153 и въ Волынской—25 изъ 203, а въ общемъ изъ 560 волостей юго-западнаго края министерскихъ школъ нѣтъ въ 145. Изъ наличнаго числа училищъ въ собственныхъ зданіяхъ 740, а въ наемныхъ—75. Большинство собственныхъ училищныхъ зданій можетъ быть названо удовлетворительнымъ.

На содержаніе народныхъ училищъ юго-западнаго края въ отчетномъ году поступило изъ разныхъ источниковъ 913.860 руб. 30 коп.; изъ нихъ израсходовано 764.682 руб. 82¹/₂ коп., въ остаткѣ въ 1-му января 1898 года состояло 149.177 руб. 48¹/₂ коп. Въ частности приходъ, расходъ и остатокъ по каждому типу учебныхъ заведеній представляется въ слѣдующемъ видѣ: городскія двухклассныя училища мужскія и женскія—приходъ 343.216 руб. 84¹/₂ коп., расходъ—223.718 руб. 58 коп., остатокъ—119.498 руб. 26¹/₂ коп.; приходскія училища двухклассныя—приходъ 14.318 руб. 92 коп., расходъ—10.882 руб. 44 коп., остатокъ—3.436 руб. 48 коп.; одноклассныя—приходъ 114.122 руб. 39 коп., расходъ—111.059 руб. 86 коп., остатокъ—3.062 руб. 53 коп.; сельскія двухклассныя—приходъ 72.394 руб. 90¹/₂ коп., расходъ—68.349 руб. 4¹/₂ коп., остатокъ—4.045 руб. 86 коп.; одноклассныя—приходъ 369.807 руб. 24 коп.,

расходъ—350.672 руб. 90 коп., остатокъ—19.184 руб. 84 коп. Средства на содержаніе народныхъ училищъ поступили въ отчетномъ году изъ слѣдующихъ источниковъ: изъ государственнаго казначейства 278.272 руб. 21 коп., отъ городскихъ обществъ 116.977 руб. 21 коп., отъ сельскихъ обществъ 282.098 руб. 80 коп. и т. д. Такимъ образомъ, какъ и въ прежніе годы, главными источниками средствъ содержанія народныхъ училищъ являются государственное казначейство и сельскія общества. Средняя стоимость содержанія одного училища каждаго типа выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: городскія двухклассныя 3.064 руб. 68 коп., приходскія двухклассныя 1.818 руб. 74 коп., приходскія одноклассныя 1.247 руб. 86 коп., сельскія двухклассныя 2.356 руб. 86 коп., сельскія одноклассныя 567 руб. 43 коп.

Во всѣхъ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края къ 1-му января 1898 года состояло книгъ и брошюръ 709.984 тома и учебныхъ пособій 106.228, предметовъ; въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобретено книгъ и брошюръ 42.639 томовъ на сумму 20.308 руб. 22 коп. Въ частности при 37 городскихъ двухклассныхъ мужскихъ училищахъ состояло книгъ и брошюръ 92.308 томовъ и учебныхъ пособій 12.012 предметовъ; при 6 двухклассныхъ приходскихъ училищахъ—11.959 томовъ и 1.608 предметовъ; при 89 одноклассныхъ приходскихъ училищахъ—60.820 томовъ и 10.825 предметовъ; при 29 сельскихъ двухклассныхъ—37.351 томъ и 4.191 предметъ; при 618 сельскихъ одноклассныхъ 507.546 томовъ и 77.592 предмета. Въ приходскихъ одноклассныхъ и въ сельскихъ училищахъ бібліотеки состоятъ какъ изъ книгъ для чтенія, такъ изъ учебниковъ; учебники особенно преобладаютъ въ сельскихъ одноклассныхъ училищахъ, гдѣ они выдаются бесплатно всѣмъ учащимся.

Ближайшій надзоръ за народными училищами Юго-Западнаго края порученъ инспекціи, которая въ отчетномъ году состояла изъ 14 инспекторовъ (4 для Кіевской губерніи, 4 для Подольской и 6 для Волынской). Затѣмъ, почетныхъ служащихъ при школахъ состояло 42 лица, а именно: 8 почетныхъ смотрителей и 34 почетныхъ блюстителя и блюстительницы.

Всѣхъ учащихся въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края къ 1-му января 1898 года состояло 2.509 лицъ, въ томъ числѣ: законоучителей—789, штатныхъ смотрителей городскихъ училищъ—37, учителей—823, учительницъ—264, отдѣльныхъ учителей пѣнія—148, отдѣльныхъ учительницъ руководѣнья—54, учителей ремеслъ—13, учителей военной гимнастики—381. Изъ нихъ 2.491 лицъ православнаго

исповѣданія, 16—римско-католическаго и 2—протестанскаго; къ учащимъ инословныхъ исповѣданій принадлежатъ учителя военной гимнастики. По образованію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ: окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній 26 (1%), окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій, институтовъ и вообще получившихъ специальную подготовку 499 (19,9%), окончившихъ курсъ средн. учебн. заведеній 1.083 (43,2%), окончившихъ низшія учебныя заведенія и выдержавшихъ специальное испытаніе на званіе учителя или учительницы 374 (14,9%), не имѣвшихъ правъ на преподаваніе 527 (21%). По разиѣрамъ получаемаго содержанія учащіе распредѣляются на слѣдующія группы: получающихъ въ годъ менѣе 50 рублей—401 (16%) лицо, получающихъ отъ 50 до 100 рублей—533 (21,2%), отъ 100 до 150 рублей—273 (10,9%), отъ 150 до 200 рублей—108 (4,1%), отъ 200 до 300 рублей и свыше—1.097 (43,7%), обучающихся бесплатно—102 (4,1%). Необходимо замѣтить, что въ число лицъ, получающихъ менѣе 100 рублей, входятъ преимущественно лица, для которыхъ это содержаніе не представляетъ единственныхъ средствъ къ жизни (законоучителя, учителя гимнастики и т. п.). Если же принять во вниманіе только учителей и учительницъ, которые должны довольствоваться исключительно получаемымъ на службѣ въ училищахъ содержаніемъ, то окажется, что 91,1% ихъ получаютъ свыше 200 рублей въ годъ. Тѣмъ не менѣе окладъ въ 200—250 рублей нельзя признать достаточнымъ, ибо для семейнаго человѣка прожить на такія средства крайне трудно.

Къ началу отчетнаго года въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края состояло всѣхъ учащихся 65.024, въ томъ числѣ 52.219 мальчиковъ и 12.805 дѣвочекъ. Въ теченіе года поступило 25.591 (19.781 мальчикъ и 5.810 дѣвочекъ); вышло до окончанія курса 13.967 (10.569 мальчиковъ и 3.398 дѣвочекъ), окончило полный курсъ 7.446 (6.099 мальчиковъ и 1.347 дѣвочекъ). Такимъ образомъ къ 1-му января 1898 года въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края состояло всѣхъ учащихся 69.202, въ томъ числѣ 55.332 мальчиковъ и 13.870 дѣвочекъ (болѣе, чѣмъ всѣхъ учащихся въ 1897 году на 3.8:4). Удостоено свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности 6.220 человѣкъ, въ томъ числѣ 3-го разряда—1.100 и 4-го разряда—5.120. Наличное число учащихся въ народныхъ училищахъ Юго-Западнаго края по училищамъ отдѣльныхъ типовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ двухклассныхъ городскихъ училищахъ—9.731 (5.822 мальчиковъ и 3.909 дѣвочекъ), въ

двухклассныхъ приходскихъ—1.11 (887 мальчиковъ и 280 дѣвочекъ), въ одноклассныхъ приходскихъ—6.645 (4.581 мальчикъ и 2.064 дѣвочекъ), въ двухклассныхъ сельскихъ—5.984 (4.807 мальчиковъ и 1.176 дѣвочекъ); въ одноклассныхъ сельскихъ—45.726 (39.285 мальчиковъ и 6.441 дѣвочка); по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—59.509 (86%), католиковъ—4.785 (6,9%), протестантовъ—266 (0,4%), евреевъ—4.391 (6,3%), другихъ вѣроисповѣданій (караимовъ, мусульманъ и проч.)—301 (0,9%); по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—1.988 (28%), духовнаго званія—812 (1,2%), городскихъ сословій—12.507 (18,1%), сельскихъ сословій—53.082 (76,6%), другихъ сословій—883 (1,3%). При сравненіи числа выбывшихъ изъ училищъ до окончанія курса и числа окончившихъ курсъ съ общимъ числомъ учащихся, получаютъ слѣдующія отношенія, которыя до извѣстной степени могутъ служить показателями успѣшности обученія.

Училища.	Выбыло до окончанія курса.			Окончили курсъ.		
	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.	Мальч.	Дѣвоч.	Всѣхъ.
Городскія двухклассн.						
мужскія	13,4%	—	13,4%	12,5%	—	12,5%
Городскія двухклассн.						
женскія	—	13,4%	13,4%	—	10,2%	10,2%
Приходскія двухклас.	14,5%	21,5%	16,3%	7,7%	2,8%	6,5%
" одноклас.	13,7%	17,3%	14,8%	14,4%	14,1%	14,3%
Сельскія двухклассн.	13,5%	15,6%	13,9%	7,9%	4,4%	7,2%
" однокласн.	15,1%	21,4%	16%	10,8%	9,1%	10,4%

Въ постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ Юго-Западнаго края слѣдуетъ отмѣтить усиленное преподаваніе Закона Божія и русскаго языка—этихъ двухъ главныхъ рычаговъ въ дѣлѣ обрусенія края и культурнаго закрѣпленія его за русскою народностью. Церковное пѣніе съ каждымъ годомъ дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Обученіе сельскому хозяйству и его отраслямъ, а также ручному труду и ремесламъ, понемногу начинаетъ вступать въ обиходъ народной школы края, но быстрому развитію этого обученія препятствуетъ недостатокъ средствъ, а также и малый возрастъ учащихся, неспособныхъ еще къ тяжелой физической работѣ.

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской къ 1-му января 1898 года состояло 1.476 народныхъ училищъ (въ Черниговской губ.—675, въ Полтавской—799), въ томъ числѣ въ непосредственномъ вѣдѣніи

дирекціи народныхъ училищъ 134, въ вѣдѣніи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ 1.390. Къ училищамъ первой категоріи относятся слѣдующія: 28 городскихъ по положенію 1872 года (6 трехклассныхъ, 21 двухклассное и 1 одноклассное), 5 уѣздныхъ по уставу 1828 года, 39 приходскихъ по уставу 1828 года (2 двухклассныхъ и 39 одноклассныхъ), 62 сельскихъ по инструкціи 1875 года (39 двухклассныхъ и 23 одноклассныхъ). Къ училищамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ, относятся слѣдующія: 38 городскихъ начальныхъ и 1.302 сельскихъ начальныхъ. Въ отчетномъ году число сельскихъ начальныхъ училищъ увеличилось на 64; изъ этихъ цифръ видно, что количество школъ по лѣвую сторону Днѣпра гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ.

Изъ общаго числа 1.474 училищъ къ концу отчетнаго года въ собственныхъ зданіяхъ помѣщались 1.390, а въ наемныхъ—84. Въ отчетномъ году число собственныхъ школьныхъ помѣщеній увеличилось на 42. На содержаніе народныхъ училищъ Черниговской и Полтавской губерній въ 1897 году поступило изъ разныхъ источниковъ 966.829 руб. 71 коп., больше чѣмъ въ прошломъ году на 56.938 руб. 81¹/₂ коп.; изъ этихъ суммъ израсходовано 921.227 руб. 6 коп.; къ 1-му января 1898 года образовался остатокъ въ 45.602 руб. 65 коп. Въ частности приходъ, расходъ и остатокъ суммъ по каждому типу училищъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ городскихъ училищахъ: одноклассныхъ—приходъ 2.659 руб. 74 коп., расходъ—2.659 руб. 74 коп., двухклассныхъ—приходъ 85.347 руб. 49 коп., расходъ—65.585 руб. 40 коп., остатокъ—19.762 руб. 9 коп., трехклассныхъ—приходъ 37.387 руб. 76 коп., расходъ—28.459 руб. 68 коп., остатокъ—8.928 руб. 8 коп.; б) въ уѣздныхъ училищахъ: приходъ—14.414 руб. 4 коп., расходъ—12.870 руб. 50 коп., остатокъ—1.543 руб. 54 коп.; в) въ сельскихъ: двухклассныхъ—приходъ 69.113 руб. 24 коп., расходъ—66.823 руб. 55 коп., остатокъ—2.289 руб. 69 коп., одноклассныхъ—приходъ 18.967 руб. 39 коп., расходъ—18,550 руб. 28 коп., остатокъ—417 руб., 11 коп.; 2) въ приходскихъ училищахъ: двухклассныхъ—приходъ 3.139 руб. 75 коп., расходъ—3.139 руб. 75 коп., одноклассныхъ—приходъ 39.155 руб. 70 коп., расходъ—38.326 руб. 95 коп., остатокъ—828 руб. 75 коп.; д) въ городскихъ начальныхъ училищахъ—приходъ 39.761 руб. 59 коп., расходъ—38.984 руб. 57 коп., остатокъ—687 руб. 2 коп.; е) въ сельскихъ начальныхъ—приходъ 656.973 руб. 1 коп., расходъ—645.826 руб. 64 коп., остатокъ—11.146 руб. 37 коп. Общая цифра прихода сла-

глась изъ слѣдующихъ поступленій: изъ суммъ государственнаго казначейства 105.800 руб. 78 коп. (10,9%), отъ городскихъ обществъ—63.743 руб. 26 коп. (6,6%), отъ сельскихъ обществъ—156.220 руб. 37 коп. (16,1%), отъ земствъ—523.533 руб. (54,2%), плата за учене—60.303 руб. 68¹/₄ коп. (6,2%), разныхъ пожертвованій—53.206 руб. 59³/₄ коп. (4,5%), процентовъ съ капиталовъ—14.522 руб. 7 коп. (1,5%).

Въ библиотекахъ народныхъ училищъ лѣвобережныхъ губерній къ 1-му января 1898 года состояло 901.938 книгъ и брошюръ и 119.226 разныхъ пособій, въ томъ числѣ въ отчетномъ году приобретено 93.924 тома на сумму 31.152 руб. 69 коп., и разныхъ учебныхъ пособій 10.397 предметовъ. Въ частности по училищамъ различныхъ типовъ указанныя цифры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ 28 городскихъ училищахъ 106.618 томовъ и учебныхъ пособій 12.420 предметовъ, въ 5 уѣздныхъ училищахъ 15.834 тома и 973 предмета разныхъ пособій, въ 39 приходскихъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищахъ 17.760 томовъ, учебныхъ пособій 2.337. въ 62 одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищахъ 96.674 тома, учебныхъ пособій 10.637, въ 38 городскихъ начальныхъ училищахъ 15.557 томовъ, учебныхъ пособій 2.471, въ 1.302 начальныхъ сельскихъ 666.329 томовъ, учебныхъ пособій 91.660. Какъ въ отношеніи книгъ, такъ и въ отношеніи учебныхъ пособій школы въ Полтавской губерніи нѣсколько лучше обставлены, чѣмъ въ Черниговской. Учебная администрація состоитъ въ Черниговской губерніи изъ 1 директора и 5 инспекторовъ народныхъ училищъ, а въ Полтавской—изъ 1 директора и 7 инспекторовъ. Въ Черниговской губерніи имѣется 1 губернский училищный совѣтъ и 15 уѣздныхъ, въ Полтавской—тоже количество. Всѣхъ учащихся въ обѣихъ губерніяхъ въ отчетномъ году было 3.909, на 158 болѣе сравнительно съ прошлымъ годомъ. Это число раздѣляется: а) по должностямъ: законоучителей—1.395, штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, учителей—инспекторовъ и завѣдывающихъ городскими училищами—33, учителей—1.027, учительницъ—1.189, отдѣльныхъ учителей пѣнія—101, отдѣльныхъ учительницъ рукодѣля—16, учителей ремеслъ—5, учителей военной гимнастики—133; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—3.904, католиковъ—1, протестантовъ—4; в) по образованію: окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній—10 (0,26%), среднихъ—2.270 (58,07%), окончившихъ курсъ учительскихъ семинарій, институтовъ и вообще получившихъ спеціальную подготовку—294

(7,52%), окончившихъ курсъ вышшихъ учебныхъ заведеній и выдержавшихъ испытаніе на званіе учителя или учительницы — 1.098 (28,09%), не имѣющихъ правъ на преподаваніе—287 (6,06%); г) по размѣрамъ содержанія: обучающихся бесплатно—82 (2,1%), получающихъ въ годъ менѣе 50 руб.—574 (14,4%), отъ 50 до 100 руб.—876 (22,6%), отъ 100 до 150 руб.—182 (4,7%) отъ 150 до 200 руб.—611 (15,7%), отъ 200 до 300 руб. и свыше—1.584 (40,5%).

Къ началу отчетнаго года всѣхъ учащихся въ школахъ обѣихъ губерній состояло 118,310, въ томъ числѣ 102.205 мальчиковъ и 16.105 дѣвочекъ. Изъ нихъ выбыло до окончанія курса 26.517, (21.005 мальчиковъ и 5.512 дѣвочекъ). Поступило въ теченіе года 47.339 (38.607 мальчиковъ и 8.732 дѣвочекъ). Окончило курсъ 12.103 (10.699 мальчиковъ и 1.404 дѣвочекъ). Состояло къ 1-му января 1898 года 127.029 (109.108 мальчиковъ и 17.921 дѣвочекъ). Общая цифра 118.310 учащихся распадается: а) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—128.361 (97,2%), католиковъ—149 (0,1%), протестантовъ—435 (0,3%), евреевъ—2.308 (1,8%), другихъ исповѣданій (раскольниковъ, караимовъ, магометанъ и др.)—781 (5,6%); б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—2,021 (1,6%), духовнаго званія—1.140 (0,9%), городскихъ сословій—10.843 (8,5%), сельскихъ сословій—112.873 (88,9%), другихъ сословій—152 (0,1%).

Вопросъ о томъ, какая часть населенія проходитъ черезъ начальную школу, выясняется изъ слѣдующаго расчета: общее количество населенія въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ составляетъ 5.016.627; изъ нихъ обучаются 127.029, или 2,58%, а въ частности въ Черниговской губерніи 2,57% и въ Полтавской 2,41%. Принимая, приблизительно, что число дѣтей школьнаго возраста составляетъ 10% наличнаго населенія, мы найдемъ, что при современномъ положеніи дѣлъ народная школа вмѣщаетъ менѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Такой результатъ нельзя назвать удовлетворительнымъ. Въ маѣ мѣсяцѣ отчетнаго года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о даровомъ отпускѣ лѣснаго матеріала изъ казенныхъ дачъ для ремонта и постройки школьныхъ зданій. Эта Высочайшая милость особенно важна для Черниговской губерніи, въ которой находится много казенныхъ лѣсовъ.

Въ отчетномъ году оба двухклассныя министерскія училища въ селѣ Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, были удостоены посѣщеніемъ Ихъ Высочествъ Герцоговъ Георгія Георгіевича и Михаила Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкихъ. Пресвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій и Переяславскій, при

обозрѣніи своей епархіи посѣтилъ Гадячское уѣздное училище и сельскія начальныя училища Гадячскаго уѣзда: Вельбовское, Хитцовское и Рымаровское; Полтавскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бельгардъ при ревизіи губерніи посѣтилъ Глинское (Роменскаго уѣзда) и Борисноявское (Переяславскаго) сельскія начальныя училища.

Всѣхъ частныхъ училищъ въ Киевскомъ округѣ къ 1-му января 1898 года состояло 73, въ томъ числѣ мужскихъ—4, женскихъ—21, для дѣтей обоого пола—48. Наибольшее число частныхъ училищъ приходится на городъ Кіевъ и Кіевскую губернію (48). Пансіоновъ при училищахъ состояло—6, ремесленныхъ классовъ—3. Всѣхъ содержателей и содержательницъ, а также учителей и учительницъ было 287. Учащихся, къ 1-му января 1898 года насчитывалось 2.537 въ томъ числѣ 1.046 мальчиковъ и 1.491 дѣвочка. Учащіеся распредѣлялись: а) по вѣроисповѣданію: православныхъ—2.178 (75,1%), католиковъ—281 (9,7%), протестантовъ—88 (3%), евреевъ—338 (11,7%), другихъ исповѣданій—15 (0,5%); б) по сословіямъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ—897 (30,9%), духовнаго званія—61 (2,1%), городскихъ сословій—1.446 (49,9%), сельскихъ сословій 496 (17,1%).

Плата за ученіе устанавливается по соглашенію содержателей училища съ родителями учащихся, и смотря по мѣстности и разряду училищъ колеблется отъ 6 до 60 руб. въ годъ за уроки, и отъ 150 до 450 руб. въ годъ за содержаніе въ пансіонѣ. Нѣкоторымъ училищамъ, дѣятельность которыхъ успѣшно восполняетъ недостатокъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и которыя, поэтому признаются учрежденіями общепользыми, выдаются субсидіи изъ особой, назначенной въ распоряженіе окружнаго управленія суммы кромѣ того училище г-жи Кулицкой получаетъ ежегодно пособіе изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, а также отъ Киевскаго городского управленія; училище г-жи Летцъ получаетъ субсидію отъ Черкасскаго городского управленія, а училище г-жи Ладыгиной въ городѣ Годячѣ, Полтавской губерніи, получаетъ ежегодное пособіе отъ земства.

Еврейскихъ училищъ въ Киевскомъ округѣ къ 1-му января 1898 г. состояло 3,062 (въ 1896 году—3.468), а именно: начальныхъ по положенію 24-го марта 1873 года—17, частныхъ, открытых на основаніи положенія 13-го ноября 1844 года—115, школъ для обученія закону вѣры—2.930. Въ частности, въ Киевской губерніи находится 745 еврейскихъ школъ, въ Подольской—741, въ Волинской—920, в Черниговской—278, въ Полтавской—378. Еврейскія училища

по большей части помѣщаются въ наемныхъ зданіяхъ. Одноклассныя и двухклассныя еврейскія училища по положенію 24 марта 1873 года содержатся на счетъ суммъ свѣчнаго сбора, отпускаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; кромѣ того, на содержаніе этихъ училищъ расходуются остатки отъ суммъ коробочнаго сбора, а также пожертвованія еврейскихъ обществъ, еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Изъ суммъ свѣчнаго сбора въ отчетномъ году на содержаніе двухклассныхъ и одноклассныхъ еврейскихъ училищъ поступило всего 56.910 руб. 39 коп. Всѣхъ учащихся въ еврейскихъ школахъ къ концу отчетнаго года состояло 3.359, въ томъ числѣ мужчинъ 3.277 и женщинъ 82.

Всѣхъ учащихся къ 1-му января 1898 года сстояло 50.522, въ томъ числѣ 48.831 мальчикъ и 2.221 дѣвочка. По различнымъ типамъ училищъ, учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ двухклассныхъ училищахъ — 760 мальчиковъ, въ одноклассныхъ — 1.580 мальчиковъ, въ частныхъ мужскихъ—1.940, въ частныхъ женскихъ—2.024, въ талмудъ-торахъ—2.679 мальчиковъ, въ Хедерахъ—41.872 мальчика и 197 дѣвочекъ. Всѣ учащіеся іудейскаго вѣроисповѣданія.

По постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла лучшими изъ еврейскихъ училищъ являются одноклассныя и двухклассныя начальныя училища по положенію 24-го марта 1873 года, устроенныя по образцу городскихъ училищъ по положенію 1872 г., но съ значительно сокращеннымъ учебнымъ курсомъ; на практикѣ въ большинствѣ начальныхъ еврейскихъ училищъ Юго-Западнаго края выполняется болѣе обширная программа, близко соответствующая курсу мѣстныхъ двухклассныхъ городскихъ училищъ; трудную задачу свою: научить еврейскаго мальчика говорить по-русски и вывести его изъ замкнутости и обособленности маленькихъ еврейскихъ центровъ—начальныя еврейскія училища выполняютъ съ полнымъ успѣхомъ; при этомъ дѣти получаютъ достаточно свѣдѣній какъ изъ общеобразовательныхъ, такъ и изъ специально-еврейскихъ предметовъ. Лучшіе представители еврейскаго общества съ полнымъ довѣріемъ относятся къ правительственной школѣ для своихъ единовѣрцевъ и лично заботятся о ея благосостояніи; чуткое къ пользѣ школьнаго ученія еврейское общество на мѣстныхъ средства устроило при многихъ училищахъ ремесленные классы; въ такомъ видѣ профессиональное образованіе не можетъ создать мастера или даже ремесленника, но облегчаетъ и сокращаетъ для учащихся дальнѣйшее обученіе въ частныхъ мастерскихъ.

Другой видъ еврейскихъ училищъ есть талмудъ-торы и хедеры. Талмудъ-торы представляютъ соединеніе благотворительнаго учрежденія съ дѣтскимъ садомъ и начальной школы. За послѣднее время въ связи съ болѣе продолжительнымъ пребываніемъ учащихся въ талмудъ-торѣ замѣчается стремленіе мѣстныхъ еврейскихъ обществъ придать этимъ учебнымъ заведеніямъ характеръ промышленный (при талмудъ-торахъ Полтавской и Кременчугской устроены столярные классы); такое направленіе этихъ соединенныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній нельзя не признать весьма полезнымъ, такъ какъ учащіеся въ талмудъ-торахъ почти исключительно принадлежатъ къ семьямъ бѣднѣйшихъ ремесленниковъ. Что касается постановки общеобразовательныхъ предметовъ въ талмудъ-торахъ, то въ этомъ отношеніи эти учебныя заведенія руководствуются примѣромъ правительственныхъ еврейскихъ училищъ и изъ года въ годъ совершенствуются.

Въ совершенно иномъ видѣ представляются хедеры; и по языку преподаванія, и по легкимъ условіямъ ихъ возникновенія эти школы на дѣлѣ находятся внѣ дѣйствительнаго надзора учебнаго начальства; содержатели хедеровъ весьма часто сами мало знакомы съ русскою рѣчью и по большей части состоятъ изъ лицъ, не получившихъ никакого образованія.

Всѣхъ иновѣрческихъ школъ въ Киевскомъ округѣ къ концу отчетнаго года было 340 (въ 1896 г. — 349), въ томъ числѣ въ Киевской губерніи 14 школъ, въ Подольской — 8, въ Волынской — 324, въ Полтавской — 5.

Центромъ иновѣрческихъ школъ служатъ уѣзды Волынской губерніи: Житомирскій, Новоградъ-Волынскій, Владиміро-Волынскій, Луцкій и Ровенскій; въ этихъ мѣстностяхъ иновѣрческія школы значительно превосходятъ пародныя училища не только абсолютною численностью, но и по отношенію къ количеству населенія, какъ видно изъ слѣдующаго расчета:

У Ѣ З Д Ы.	Населе- нія	Школъ	Населе- нія на 1 школу		Населе- нія	Школъ	Населе- нія на 1 школу	
			православные.				иновѣрческіе.	
Житомирскій.	203.382	35	5.823		45.993	71	647	
Новоградволынскій . .	190.723	23	8.292		22.101	76	290	
Ровенскій.	159.058	23	6.915		16.758	51	327	
Луцкій	135.679	29	4.678		23.002	67	343	
Владиміро-Волынскій .	178.827	24	7.451		11.518	31	371	

Помѣщенія иновѣрческихъ школъ различны, смотря по средствамъ населенія; на ряду съ прекрасными школьными зданіями, часто встрѣчаются помѣщенія тѣсныя и неприспособленныя къ нуждамъ школы, въ которыхъ классная комната соединена съ помѣщеніемъ для молитвенныхъ собраній.

Всѣхъ учащихся было въ 1897 году 326 человекъ. Изъ числа учащихся 283 не имѣли правъ на преподаваніе и только 43 лица имѣли установленныя учительскія званія; по отношенію къ общему числу учащихся первые составляютъ 86,8%, а вторые—13,2%. Православныхъ учителей было 4 (1,2%) протестантовъ—321 (98,5%), католиковъ—1 (0,3%).

Учащихся къ началу отчетнаго года было 10.620, въ томъ числѣ 6.595 мальчиковъ и 4.025 дѣвочекъ; выбыло въ теченіе года до окончанія курса 2.857 (1.691 мальчикъ и 1.166 дѣвочекъ); окончило курсъ 90 (71 мальчикъ и 19 дѣвочекъ); поступило вновь 4.257 (2.273 мальчика и 1.984 дѣвочекъ). Къ 1-му января 1898 года состояло 11.980 (7.106 мальчиковъ и 4.824 дѣвочки). По вѣроисповѣданію среди учащихся преобладали протестанты (11.711 или 98,7%), а по сословію—крестьяне (11.409 или 95,6%).

Число дѣтей, получившихъ льготныя свидѣтельства по отбыванію воинской повинности, въ отчетномъ году было 67 (въ 1896 г. — 64); по отношенію къ числу мальчиковъ, окончившихъ полный курсъ ученія въ школахъ, получившіе льготныя свидѣтельства составили въ отчетномъ году 94% (въ 1896 г.—90%, въ 1895 г.—69%, въ 1894 году — 50%). Тѣмъ не менѣе постановка учебнаго дѣла въ иновѣрческихъ школахъ еще далеко не соответствуетъ требованіямъ учебнаго начальства: всѣ учителя иновѣрческихъ школъ понимаютъ русскую рѣчь, но не всѣ правильно выражаются по-русски устно и въ особенности письменно.

Законъ Божій во всѣхъ иновѣрческихъ школахъ преподается на нѣмецкомъ языкѣ, и на этотъ предметъ посвящается по одному часу въ день; всѣ остальные предметы преподаются по-русски; дѣти при поступленіи въ школу обыкновенно не знаютъ по-русски ни слова, и первый годъ обученія проходитъ въ накопленіи извѣстнаго запаса словъ и выраженій; читать дѣти начинаютъ уже съ перваго года обученія; къ концу третьяго года учащіеся обыкновенно выучиваются понимать разговорную русскую рѣчь, объясняться по-русски, читать, писать и рѣшать по-русски же простѣйшія ариметическія задачи; къ сожалѣнію такіе результаты достигаются не во всѣхъ

школахъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учительскія должности въ теченіе продолжительнаго срока остаются незамѣщенными вслѣдствіе трудности присканія подходящаго лица.

Въ отчетномъ году въ городѣ Луцкѣ, какъ центрѣ расположенія иновѣрческихъ школъ на Волини, было устроено подъ предѣдательствомъ г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа особое совѣщаніе для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствія по отношенію къ иновѣрческимъ школамъ. Вышеупомянутое совѣщаніе остановилось на слѣдующихъ желательныхъ мѣропріятіяхъ:

1) Въ тѣхъ смѣшанныхъ населеніяхъ, гдѣ пѣмецкія колоніи расположены рядомъ съ русскимъ селомъ, слѣдуетъ постепенно учредить общія народныя училища для дѣтей крестьянъ и колонистовъ съ тѣмъ, чтобы въ такихъ школахъ состояли православные священники-законоучители, кистеръ для обученія Закону Божию протестанскаго вѣроисповѣданія и учитель; на содержаніе законоучителя и учителя слѣдуетъ испрашивать пособіе отъ казны, содержаніе же кистера должно быть отнесено на средства колонистовъ;

2) Въ большихъ населенныхъ колоніяхъ, въ которыхъ все населеніе состоитъ изъ иновѣрцевъ, существующія иновѣрческія школы могутъ быть постепенно преобразованы въ народныя училища; для содержанія особаго учителя слѣдуетъ каждый разъ испрашивать казенное пособіе; преподаваніе Закона Божія можетъ быть поручено пастору или кистеру съ познагражденіемъ изъ мѣстныхъ средствъ;

3) Въ небольшихъ колоніяхъ, расположенныхъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, слѣдуетъ склонять колонистовъ вмѣсто отдѣльных, бѣдно обставленныхъ школъ устраивать одно общее народное училище, съ отнесеніемъ содержанія учителя на счетъ казны, а кистера на счетъ колоніи;

4) Въ большихъ колоніяхъ, разбросанныхъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой, настоящія и несовершенныя школы должны быть сохранены, равно какъ и вызываемое экономическими соображеніями соединеніе должностей учителя и кистера, но при этомъ дать этимъ лицамъ возможность усвоить русскій языкъ и лучшіе приемы преподаванія;

5) Для достиженія этой послѣдней цѣли слѣдуетъ возобновить бывшіе ранѣе, въ 1892 году, временныя курсы русскаго языка для учителей иновѣрческихъ школъ; курсы эти подъ руководствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ слѣдуетъ устраивать при городскихъ

или сельскихъ двухклассныхъ училищахъ въ центрѣ расположенія иновѣрческихъ школъ.

Въ основѣ вышеприведенныхъ мѣропріятій лежитъ необходимость постепеннаго раздѣленія, тѣсно связанныхъ между собою, должностей учителя и кистера и подчиненіе перваго исключительно вліянію учебнаго начальства; единственнымъ способомъ для достиженія этой цѣли является отнесеніе содержанія учителей и иновѣрческихъ школъ на средства казны.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ РЕКОНСТРУКЦІЙ ТРЕХЪ АНТИЧНЫХЪ ФРОНТОНОВЪ.

(Посвящается И. В. Помяловскому.)

Со времени Велькера, посвятившаго часть I тома своихъ „Alte Denkmäler“¹⁾ разсмотрѣнію фронтонныхъ композицій на основаніи данныхъ античной литературы и тѣхъ немногочисленныхъ памятниковъ декоративной пластики этого рода, которые были извѣстны въ его время и которые, на самомъ дѣлѣ, состояли лишь изъ фрагментовъ фронтонныхъ группъ Эгинскаго храма и Пареепона (отнесенные Велькеромъ сюда же пресловутые Ніобиды, какъ давно уже извѣстно, никогда не украшали собою фронтона), матеріалъ по этому вопросу настолько увеличился, что насъ не можетъ удивлять, если, отъ времени до времени, ученые посвящаютъ свои изслѣдованія композиціи того или другаго фронтонаго рельефа, той или другой фронтоной группы.

Въ сравнительно короткій промежутокъ времени классическая археологія обогатилась тремя новыми опытами реконструкцій трехъ различныхъ античныхъ фронтоновъ²⁾. Эти опыты имѣютъ право тѣмъ

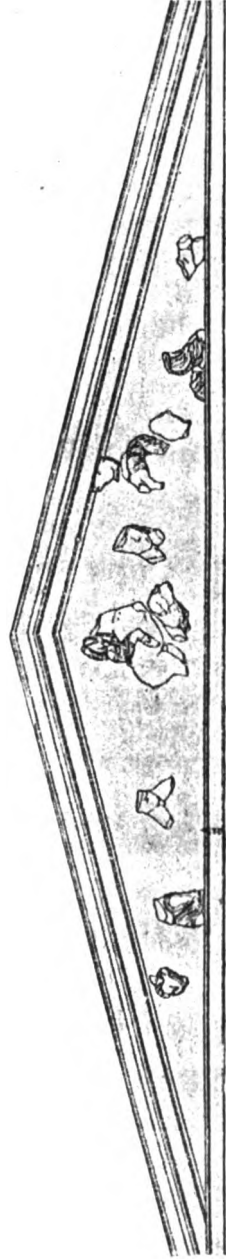
¹⁾ Die Giebelgruppen und andre griechische Gruppen und Statuen, erklärt von F. G. Welcker, Göttingen 1849 (стр. 3—208).

²⁾ Когда эта статья была уже почти окончена, въ Jahrbuch des Kais. deutsch. arch. Instituts за 1897 г. стр. 169 и слѣд. появилась подробная статья Вернике о композиціи восточнаго фронтона храма Зевса въ Олимпіи съ приложеніемъ 14 рисунковъ. Такъ какъ различныя мнѣнія, высказанныя объ этомъ фронтонѣ, составили обширную литературу, то вопросъ о композиціи его группъ не можетъ быть разрѣшенъ на нѣсколькихъ предоставленныхъ мнѣ здѣсь страницахъ; упомяну только, что и новый проектъ разстановки фигуръ, предлагаемый авторомъ статьи, не разубѣдилъ меня въ моихъ взглядахъ на композицію, которые высказаны были въ томъ же журналѣ на стр. 95.

2 О НОВЫХЪ РЕКОНСТРУКЦІЯХЪ ТРЕХЪ АНТИЧНЫХЪ ФРОНТОНОВЪ.

болѣе разсчитывать на вниманіе не только изслѣдователя, занимающагося вопросомъ о композиціи фронтоновъ древне-греческихъ храмовъ, но и каждаго археолога, вообще всякаго, кто интересуется декоративною пластикою, въ виду того, что они исходятъ, такъ сказать, изъ трехъ различныхъ лагерей — авторы ихъ являются представителями разныхъ специальностей: одинъ архитекторъ, другой скульпторъ, третій археологъ. Соответственно специальностямъ и опыты реконструкцій исполнены различно: первый авторъ предлагаетъ изящно исполненный рисунокъ, второй такъ называемыя модели, то-есть пластически воспроизведенныя въ уменьшенномъ видѣ фигуры фронтона, третій только маленькій эскизный рисунокъ, сдѣланный рисовальщикомъ по его указаніямъ.

Западный фронтонъ храма Асклепія въ Эпидаврѣ. Реконструкция Дефрасса и сохранившіеся фрагменты.

Западный фронто́нъ храма Аскліпія въ Эпидаврѣ. Реконструкція Дефрасса.

Съ рисунка архитектора помѣщена отличная гелиография въ „Epidauré, restauration et description des principaux monuments du sanctuaire d'Asclépios, relevés et restaurations par Alphonse Defrasse, texte par Henri Lechat. Paris 1895“, роскошномъ изданіи, представляющемъ увражъ, быть можетъ, длинной серіи ¹⁾. Если текстъ настоящей книги и нѣсколько лучше текста первой—„Restauration d'Olympie, l'histoire, les monuments, le culte et les fêtes par Victor Laloux et Paul Monceaux, Paris 1889“ — то все же въ своихъ реставраціяхъ архитекторы въ томъ и другомъ случаѣ ясно доказываютъ ту же неподготовленность, то же непониманіе классической древности. Это сказывается у нихъ, какъ въ полномъ пренебреженіи античными литературными свидѣтельствами ²⁾, положительно дискредитирующими ихъ реконструкціи, которыя могутъ вызвать лишь негодованіе посвященнаго и ввести въ заблужденіе непосвященнаго ³⁾, такъ и въ несоблюденіи стили въ передачѣ скульптуръ ⁴⁾ и ни на чемъ не основанномъ испещреніи архитектурныхъ частей ⁵⁾, наконецъ, выражаясь мягко, въ

¹⁾ См. первые слова предисловія: „Cet ouvrage est le deuxième d'une série qui pourra être longue“.

²⁾ Такъ напримѣръ, для Лалу подробное описаніе „Зевса Олимпійскаго“ у Павсанія (V 11) совершенно не существуетъ. Если архитекторъ Лалу, взявшійся за воспроизведеніе самой знаменитой статуи древней Греціи въ рисунокѣ, не зналъ этого описанія, то ученый Монсо долженъ былъ бы ему на него указать (см. таблица послѣ стр. 76), не допуская обезображенія своего труда такимъ дилетантскимъ вымысломъ.

³⁾ Ника (см. упомянутый въ предыдущемъ прим. рис.) представлена на шарѣ. Это въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр.?!

⁴⁾ Полагаю, что даже совершенно неопытный глазъ замѣтитъ, что между фигурами, зарисованными во фронто́нѣ на таблицѣ послѣ стр. 92, по описанію совершенно нѣтъ сходства съ остатками фигуръ, такъ прекрасно изданныхъ тамъ же на таблицѣ послѣ стр. 74 и стр. 76, 77. Тронъ Зевса росписанъ по произвольно избраннѣмъ образцамъ, заимствованнымъ изъ черно-фигурной вазовой живописи, а рядомъ съ этими памятниками архаическаго искусства на спинкѣ трона помѣщены „Оры и Хариты“ въ видѣ *обнаженныхъ* женщинъ.

⁵⁾ См. Restauration d'Olympie таблицу послѣ стр. 70 (основаніе имѣетъ только мозаика пропоеа's) и рисунки на стр. 72 и 92 (особенно неумѣстимъ здѣсь громадная архаическія фигуры на стѣнахъ за колоннами), стр. 94 (задняя стѣна);

4 О НОВЫХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ ТРЕХЪ АНТИЧНЫХЪ ФРОНТОНОВЪ.

легкомысленномъ отношеніи къ скульптурнымъ фрагментамъ при реставраціяхъ ¹⁾).

Пребываніе въ Афинахъ въ 1894 году, давшее мнѣ возможность изучить фрагменты западнаго фронтона храма Аскліпія (отъ восточнаго сохранилось очень мало), перевезенные въ „Національный или Центральный Музей“ и изданные Каввадіею ²⁾, а также посѣщеніе святилища въ Эпидаврѣ, гдѣ въ сараѣ, въ различныхъ мѣстахъ, находится еще рядъ фрагментовъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ фронтоннымъ скульптурамъ, позволяетъ мнѣ судить о реконструкціи архитектора Дефрасса, которой, насколько мнѣ извѣстно, критика почти не касалась. Въ текстѣ на страницѣ 72 этого изданія помѣщена группа эпидаврскихъ фрагментовъ, снятыхъ французами въ 1890 году и впервые тамъ изданныхъ. Въ бытность въ Эпидаврѣ я, съ помощью товарища по путешествію Я. И. Смирнова, тоже собралъ обломки, которые, конечно, въ иной группировкѣ, такъ какъ они валялись по разнымъ угламъ сарая, сфотографировалъ Я. И. Смирновъ, при чемъ наши результаты, какъ я теперь убѣдился, оказались, въ сравненіи съ результатами французовъ, нѣсколько богаче.

На таблицѣ III, какъ уже упомянуто, въ гелиографію помѣщенъ богатый деталями, но безстильный рисунокъ фасада храма (см. верхній рисунокъ на приложенной таблицѣ). Предлагаемая на этой таблицѣ реконструкція фронтона, по свидѣтельству текста, опирается на рисунокъ, занимающій 55 страницу (у насъ нижній рисунокъ), гдѣ въ поле фронтона, то-есть тимпанъ, зарисованы фрагменты фронтон-

накоонецъ, ср. еще таблицу передъ стр. 157 съ общимъ видомъ святилища. Въ томъ же духѣ представлена и реставрація святилища въ Эпидаврѣ: Epidaurge, таблица XII.

¹⁾ Въ реставраціи восточнаго фронтона храма Зевса—*Restauration d'Olympie*, таблица послѣ стр. 92—изъ двухъ фигуръ, принимаемыхъ Курциусомъ за возницъ, замѣчается только одна, а именно юноша передъ лошадью праваго крыла, другой фигуры, то-есть мужчине, *нѣтъ совсѣмъ*; зато мальчикъ или юноша, фрагменты котораго найдены между старцемъ и такъ называемымъ Кладеемъ, на рисункѣ помѣщенъ дважды: 1) на второмъ мѣстѣ отъ праваго угла и 2) передъ четверней лѣваго крыла, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ головѣ приданъ другой оборотъ, нежели въ первомъ; однако такой поворотъ совершенно исключается, благодаря остаткамъ этой фигуры, которые ясно свидѣтельствуютъ о невозможности такой реставраціи. Какъ пользуется фрагментами архитекторъ Дефрассъ, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

²⁾ 'Εφημερίς ἀρχαιολογική 1885 стр. 41 и слѣд. съ табл. I, II; затѣмъ полнѣе въ *Fouilles d'Epidaurge*, vol. I Athènes 1893; наконецъ см. еще описаніе въ каталогѣ Каввадіи *Γλυπτά τοῦ Ἐπιδαύρου Μουσείου ἐν Ἀθήναις*, 1890 — 1892.

ныхъ изваяній. Нельзя не отмѣтить, что, къ сожалѣнію, ни архитекторъ, ни археологъ не указываютъ на то, какіе именно фрагменты помѣщены на стран. 55;—предоставляется самому читателю отождествлять зарисованные остатки скульптуръ съ наличными. Обратясь къ этой работѣ, не трудно убѣдиться, что большая часть зарисованныхъ фрагментовъ представляетъ наличные въ искаженіи или прямо противорѣчить описанію въ текстѣ.

Середину фронтона, несомнѣнно, занимала амазонка на конѣ, приподнявшемся на дыбы (сохранились еще слѣды подпорки подъ животомъ коня). Амазонка эта обозначена № 1 (см. фототипію на страницѣ 64 и описаніе въ текстѣ, страница 68 и слѣдующія). Всадница нѣсколько приподнялась, правая рука ея была поднята: она, очевидно, готовилась нанести смертельный ударъ врагу, лежащему у ногъ коня—мотивъ извѣстный изъ цѣлаго ряда памятниковъ. Въ своей реставраціи Дефрассъ въ правую руку далъ амазонкѣ сѣкиру. Кажется, что поворотъ правой руки художникомъ представленъ не вѣрно: рука, по нашему мнѣнію, была нѣсколько выгнута въ сторону и, по своему положенію, скорѣе держала копье, которымъ, конечно, было удобнѣе поразить полулежащаго противника¹⁾. Врядъ ли можно сомнѣваться, что и Леша раздѣляютъ это мнѣніе, такъ какъ въ текстѣ, послѣ правильнаго замѣчанія, что посадка нашей амазонки легче посадки юнаго Дексилея, она, по словамъ Леша, во всемъ остальномъ представляетъ „поразительную аналогію“ съ нимъ (стр. 66). Но Дексилей, какъ доказываютъ сохранившіеся пальцы, несомнѣнно, былъ вооруженъ копьемъ.

Подъ конемъ этой амазонки на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 55. зарисованъ торсъ, который всего болѣе напоминаетъ № 8 на стр. 69. Въ текстѣ (стр. 70) онъ описывается такъ: „Корпусъ согнувшагося или скорѣе припавшаго впередъ воина, готоваго нанести противнику ударъ снизу. Правая нога была вытянута назадъ, лѣвая сильно согнута; лѣвая рука поднимала щитъ, правая рука—оружіе, готовое поразить. Все положеніе фигуры надежно воспоставляется на основаніи одного этого фрагмента, и настолько же несомнѣнно, что его мѣсто было сосѣднее съ лѣвымъ концомъ“²⁾.

¹⁾ Копье предполагаетъ и Каввадія, *Ἰλιπτά τοῦ Ἐθν. Μουσ. № 186*: *παρίσταται δὲ μαχόμενῃ, κρατοῦσα ἰσχυρῶς διὰ τῆς ἀριστερᾶς τὰ ἤνια σὺν τῇ χεῖρὶ τοῦ ἵππου καὶ ἔχουσα τὸν δεξιὸν βραχίονα ἠνωρθωμένον, ἐξ οὗ δῆλον ὅτι ἐν τῇ ἀκρᾷ χειρὶ θα ἐκράτει ἀκόντιον, δι' οὗ προσέβαλλε τὸν πολέμιον.*

²⁾ Ср. *Ἰλιπτά 148*: *Κορμὸς γυμνοῦ πολεμιστοῦ (Fouilles d'Épidaure πιν. X, 20*

вѣтствующая часть описанной выше. Дефрассъ снабдилъ лѣвую руку амазонки щитомъ; однако эта реставрація ни на чемъ не основана, такъ какъ слѣдовъ щита не сохранилось. Коню амазонки онъ приписываетъ отдѣльно найденную голову. Леша по поводу этой головы говоритъ слѣдующее (№ 7, см. стр. 68): „Лошадиная голова, которая можетъ относиться лишь къ коню амазонки. Если положеніе, которое придано ей здѣсь (т. е. въ рисунокѣ на стр. 68) вѣрно, она могла принадлежать коню раненой амазонки № 2. Но нѣкоторая небрежность въ обработкѣ лѣвой стороны указываетъ, что она была представлена скорѣе съ другой стороны; такимъ образомъ она могла относиться къ коню амазонки № 1. Возможно также, что она не принадлежитъ ни той, ни другой, и что во фронтонѣ было три верховыхъ амазонки, одна въ центрѣ, а двѣ другія соотвѣтственно по обѣ стороны первой; такого рода симметричное расположеніе было бы весьма мыслимо“. Архитекторъ не обратилъ вниманіе на сомнѣнія, высказанныя археологомъ. Между тѣмъ эти сомнѣнія весьма вѣски; но и Леша ихъ высказалъ недостаточно рѣшительно и въ одномъ случаѣ сдѣлалъ даже крупный промахъ: лошадиная голова, которая, по его мнѣнію, въ виду небрежной обработки лѣвой стороны врядъ ли можетъ быть относима къ правой половинѣ фронтона (прибавлю отъ себя еще, что бѣлая извѣтренность правой стороны указываетъ на то же обстоятельство, то-есть, что голова когда-то была обращена къ зрителю правой стороной), никоимъ образомъ не можетъ быть приписана коню амазонки № 1: дѣло въ томъ, что у головы подъ челюстями сохранилась еще незначительная часть шеи, между тѣмъ какъ у коня амазонки № 1 не только сохранилась вся шея, но и незначительныя признаки правой челюсти; слѣдовательно данная голова не можетъ быть соединена съ данною шею¹⁾). Такимъ образомъ, остается только третья возможность, то-есть что во фронтонѣ была еще конная ама-

¹⁾ Этого обстоятельства не замѣчаетъ и Кавнадія. *Гλυπτὰ 143: Κεφαλὴ ἵππου* (Fouilles d'Épidaure πίν. IX, 12 и 'Αρχ. Ἐφημ. 1884 πίν. 4, 5—6), οὗ τὰ ἦνια ἦσαν χαλκῆ, ὡς δηλοῦται ἐκ τῶν πρὸς προσάρτησιν αὐτῶν χρησιμευσουσῶν πέντε σωζομένων ὀπῶν. Αὕτη δὲν εὐρέθη ἐν ταῖς ἀνασκαφαῖς, ἀλλ' εὐρέθη πολὺ πρότερον, ὅτε εἶχον γαίνοι λαθραῖαι ἀνασκαφαὶ ὑπὸ χωρικοῦ ἐν τῷ ἱερῷ, καὶ ἠγοράσθη ὑπ' ἐμοῦ παρὰ τοῦ εὐρόντος χωρικοῦ ἀντὶ δραχμῶν 15. ἀνήκει δὲ καταφανῶς εἰς ἵππον Ἀμαζόνος, εἰς σύμπλεγμα δηλ. τοιοῦτον, οἷον τὸ ὑπ' ἀρ. 70, ὡς ἐκ τοῦ μεγέθους, ἐκ τοῦ μαρμάρου καὶ ἐκ τῆς ἐργασίας δηλὸν γίνεται. Ἦτο δὲ ἐστραμμένη πρὸς δεξιὰν τοῦ θεατοῦ, ὡς φαίνεται, διότι τὸ ἀριστερὸν πλάγιον αὐτῆς δὲν εἶνε ἐντελῶς ἐξεργασμένον· τοῦτο ἄρα ἦτο ἐστραμμένον πρὸς τὸ τύμπανον τοῦ ἀετώματος.

зонка. Это наблюдение было мною сдѣлано еще въ Афинахъ во время изученія оригиналовъ. Лошадиный задъ, найденный нами въ Эпидаврѣ, тоже, по видимому, судя по обработкѣ, скорѣе стоялъ въ лѣвой половинѣ фронтона, то-есть принадлежалъ той же лошади, къ которой относилась и голова № 7. У Дефрасса этотъ же задъ, не скрывшійся отъ вниманія французовъ (см. рисунокъ на стр. 72), относится къ коню амазонки № 2. Въ текстѣ (стр. 72) только сказано: „un arrière-train de cheval (Centauré ou monture d'Amazone?)“.

Нагѣво отъ середины, на рисунокѣ стр. 55, помѣщена нижняя половина мужскаго корпуса съ остатками обѣихъ ногъ почти до колѣнъ. Среди обломковъ опять не находимъ фрагмента, вполнѣ соответствующаго рисунку. Все же можно догадаться, что Дефрассъ имѣлъ въ виду средній изъ фрагментовъ, помѣщенныхъ на стр. 72, такъ какъ остальные три мужскіе корпуса сохранились съ частію груди, отъ ногъ же осталось у нихъ меньше, чѣмъ у средняго. Если тщательно присмотрѣться къ имѣющемуся въ виду фрагменту, то даже на фотографіи легко замѣтить, что правая нога воина была настолько согнута, что икра плотно прилегала къ яшкѣ, слѣдовательно этотъ фрагментъ никакъ не могъ принадлежать къ стоящей, хотя бы широко шагающей фигурѣ, какъ это показано въ реставраціи Дефрасса, а навѣрное относился къ воину, припавшему на правое колѣно и вытянувшему лѣвую ногу, подобно гиганту, поражаемому Аенною на знаменитой Луврской вазѣ.¹⁾ На такое положеніе указываютъ и гениталии, прилегающіе къ правому паху²⁾. Неужели мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ недосмотромъ со стороны Дефрасса?

Для амазонки, лежащей у ногъ этого воина, и другой, нападающей на него, Дефрассъ не приводитъ никакихъ скульптурныхъ остатковъ.

¹⁾ Monuments grecs publiés par l'Association pour l'encouragement des études grecques en France, 1875. Табл. 1. Wiener Vorlegeblätter, seria VIII, табл. VII.

²⁾ Эта деталь въ трактовкѣ фигуры, склонившейся на одно колѣно, хорошо видна у воина съ острова Делоса, см. Bulletin de corr. hell. 1889, табл. II или Brunn-Bruckmann Denkmäler griech. u. röm. Sculptur № 9. Тотъ же мотивъ тщательно соблюденъ и у венеціанскаго галла, занимающаго аналогичное положеніе, лишь съ той разницею, что онъ опустился на лѣвое колѣно; къ сожалѣнію, въ этомъ можно твердо убѣдиться только на оригиналѣ или слѣпкѣ, такъ какъ въ публикаціяхъ этого памятника гениталии почти не видны, ср. Monumenti inediti IX, XIX, 2 или Baumeister Denkmäler des klass. Altertums рис. 1414.

Для слѣдующей на-лѣво амазонки онъ пользуется фрагментомъ № 4 (см. рис. на стр. 68). Кажется, лѣвая нога представлена не-вѣрно: вѣроятно же, что амазонка опустилась на оба колѣна¹⁾). Наконецъ, въ этой половинѣ фронтона мы видимъ у Дефрасса еще амазонку, для которой, по видимому, онъ воспользовался верхнею частью корпуса № 14 (см. рис. на стр. 69); но положеніе плечъ, направленіе рукъ и шеи фрагмента врядъ ли оправдываютъ реставрацію автора.

Между двумя верховыми амазонками на рисункѣ на стр. 55 помѣщенъ мужской торсъ, напоминающій, по нашему мнѣнію, всего болѣе фрагментъ, помѣщенный на стр. 72 рядомъ съ лошадинымъ задомъ, хотя у этого фрагмента и не замѣтно слѣдовъ плаща и отъ правой ноги сохранилось меньше. Въ основу реставраціи послѣдней фигуры правой половины фронтона взять, по видимому, торсъ, помѣщенный крайнимъ на лѣво въ рисункѣ на стр. 72. Въ какомъ мѣстѣ былъ найденъ этотъ фрагментъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ, такъ какъ Каввадія, производившій раскопки въ Эпидаврѣ, о немъ не упоминаетъ. Все же есть основаніе думать, что торсъ относился къ одной изъ фронтонныхъ группъ; по крайней мѣрѣ, какъ французы, такъ и мы, независимо другъ отъ друга, признали въ немъ фрагментъ этихъ украшеній. Однако, сколько мнѣ помнится, торсъ не сохранилъ никакихъ признаковъ того, что фигура, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ, лежала, такъ что помѣщеніе его въ данномъ мѣстѣ весьма сомнительно.

Гораздо болѣе права на это мѣсто имѣетъ другой фрагментъ, а именно № 9 (см. рис. на стр. 69 и описаніе на стр. 70). „Фрагментъ № 9 заполняетъ собою также уголъ одного изъ фронтоновъ. Лѣвая рука его лежитъ на ляшкѣ, бессильно, ладонью вверхъ; лѣвая нога также, по видимому, потеряла всякую силу и опустилась на другую ногу: нужно думать, что дѣло идетъ о воинѣ, не только раненомъ, но мертвомъ. Трактовка его обѣихъ ногъ настолько же мягка и тонка, какъ трактовка соответствующихъ обнаженныхъ частей амазонокъ, которыхъ мы описали выше“. Каввадія приписываетъ этотъ фрагментъ именно угловой фигурѣ²⁾), притомъ, конечно, правой поло-

¹⁾ Γλυπτά 139: Το ἀπὸ τοῦ μέσου τῆς κοιλίας κάτω μέρος γονοκλινοῦς ἐπὶ τοῦ ἰσθμοῦ μαχομένης Ἀμαζόνος, ἐνδεδυμένης τὸν συνήθη χιτῶνα. Fouilles d'Épidaure XI 5.

²⁾ Ibid. 152: Ἐπιμάχιον ἀπὸ τῆς κάτω κοιλίας μέχρι τῶν γονάτων ἐπὶ τοῦ ἰσθμοῦ κεμένου τεθνεώτος ἢ θνήσκοντος πολεμιστοῦ, ὅστις θὰ ἔκατο ἐν τινὶ τῶν γωνιῶν τῶν ἀετωμάτων ἐπὶ τοῦ ἀριστεροῦ σκέλους σώζεται καὶ ἡ ὁμώνυμος ἀτρα χεῖρ.

винѣ, такъ какъ, очевидно, передняя сторона ногъ была обращена къ зрителю, а лежалъ воинъ головою влѣво, какъ ясно видно изъ положенія гениталій. Правда, мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ относить его къ западному фронтому, онъ могъ также принадлежать и къ восточному, такъ какъ мѣсто его нахождения не позволяетъ вывести никакого заключенія—фрагментъ найденъ замурованнымъ въ стѣну болѣе поздней постройки.

Позади угловыхъ фигуръ Дефрассъ для заполнения свободнаго пространства помѣщаетъ справа плащъ, шлемъ и копье, слѣва щитъ и мечъ, не указывая, имѣлъ-ли онъ для этого какое-либо основаніе. Среди фрагментовъ въ Эпидаврѣ, дѣйствительно, находится такъ называемый коринскій шлемъ, за которымъ видѣются складки плаща. На основаніи матеріала и обработки мы отнесли это изваяніе тоже къ числу украшеній изъ фронтона и сфотографировали его.

Позади падающей всадницы помѣщенъ, очевидно, фрагментъ № 3 (стр. 66). Въ текстѣ этотъ обломокъ описывается слѣдующимъ образомъ: „третій фрагментъ въ теченіе слишкомъ долгаго времени подвергался вліянію воздуха и дождя; поверхность мрамора (эпидерма) вся изъѣдена настолько, что нельзя больше судить о качествѣ фактуры. Можно догадываться, что эта амазонка, благодаря щиту, прилегающему къ лѣвой ногѣ, со стороны противоположной зрителю, вѣроятно, раненная, упавъ на колѣна, поднимаетъ еще грудь вверхъ. Она одѣта въ хитонъ, который спускается у нея до середины ляшекъ; на ней кромѣ того хламида, скомканныя складки которой на землѣ; позади ея спины представленъ большой пучекъ ¹⁾, предназначенный для укрѣпленія ея сидѣнія“. Если Леша понимаетъ эту фигуру въ томъ смыслѣ, что амазонка въ изнеможеніи отъ раны опустилась на колѣна, то онъ врядъ-ли угадалъ художественный мотивъ—амазонка, какъ легко убѣдиться, вовсе не касалась колѣнами земли—тяжесть ея корпуса лежитъ на пяткахъ, вслѣдствіе чего утраченные теперь пальцы ея ногъ были, навѣрное, какъ можно еще судить по

¹⁾ Ср. Πλοκά 188: Τὸ ἀπὸ τοῦ μέσου τῆς κοιλίας κάτω μέρος ὀκλαζούσης· καὶ διὰ μόνων τῶν δακτύλων τῶν ποδῶν ἐπὶ τοῦ ἰδάφους στηριζομένης Ἀμαζόνο· (Fouilles d'Épidaure πιν. IX, 6; XI, 3 и Ἀρχ. Ἐφημ. 1884 πιν. 4, 11). Εἶνε ἐνδεδομένη τὸν συνήθη χιτῶνα, καὶ ἔχουσα ἐν τῇ ἀριστερᾷ τὴν μηχανοειδῆ αὐτῆς ἀσπίδα κεραιώτατα καταφανῶς ἀμυνομένη κατὰ ὑπερβαίμενου πολέμου. Τὸ ἀριστερὸν κλάδιον ἐν εἶνε ἐντελῶς ἐξυργασμένον, ἐξ οὗ φαίνεται ὅτι τοῦτο ἦτο ἐστραμμένον πρὸς τὸ τέμπενον τοῦ ἀετώματος. Ἐν τοῖς ὀπισθίοις δὲ, ἐν τῇ ὑπὸ τοῦ χιτῶνος κεκαλομένη κλίνῃ τοῦ ἀγάλματος ὑπάρχει ὀπή, ἣτις ἢ ἀ ἐχρησίμευε πρὸς προσάρτησιν ἐτέρας μορφῆς.

фрагменту, выгнуты впередъ. Только при такомъ положеніи становится понятною мраморная глыба позади ея, которая трактована въ видѣ плаща. При томъ условіи, что колѣна ея не доходили до земли ¹⁾, подобный противовѣсъ былъ необходимъ для устойчивости фигуры; при положеніи же, принимаемомъ французскимъ археологомъ, въ немъ не было бы никакой нужды: такая неудобная и крайне утомительная посадка фигуры, конечно, указываетъ не на обезсиленіе ея, которое не находитъ подтвержденія и въ прямомъ положеніи корпуса, а скорѣе на постороннюю силу, которая противъ воли заставила принять амазонку такую позу. Совершенно не упоминается французскимъ ученымъ и о томъ, что въ складкахъ плаща сдѣлано замѣтное даже въ рисунокѣ (см. стр. 66) четырехугольное отверстие, снабженное въ глубинѣ цѣлымъ рядомъ небольшихъ круглыхъ дырочекъ. Отверстіе и дырочки, несомнѣнно, доказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ былъ вставленъ мраморный предметъ; они залиты для прочности свинцомъ. Такъ какъ врядъ-ли мы имѣемъ основаніе думать о существованіи какого-либо атрибута въ данномъ мѣстѣ, то остается только предположить, что непосредственно за амазонкою находилась другая фигура, связанная съ нею ²⁾, конечно, и по смыслу композиціи. Нога предполагаемой фигуры и была укрѣплена при помощи описаннаго отверстія. По моему мнѣнію, возможны только двѣ комбинаціи: за нашею амазонкою стояла или подруга, помогавшая ей встать, или врагъ, наносившій ей съзади смертельную рану въ плечо или грудь. Оба мотива, неизвѣстные еще архаическому искусству, мы встрѣчаемъ на памятникахъ, начиная приблизительно со второй половины V вѣка до Р. Хр. ³⁾. Такъ какъ со временемъ второй мо-

¹⁾ Можетъ быть, и конецъ серповиднаго щита касался гисона. Ср. Fouilles d'Erédaure VIII, 6.

²⁾ См. примѣч. на стр. 10.

³⁾ На росписномъ сосудѣ (Gerhard, Auserlesene Vasenbilder CCCXXIX — CCCXXX) амазонка, схвативъ юнаго грека за волосы, поражаетъ его съзади. Вазовый рисунокъ относится къ серединѣ или началу V вѣка и, должно быть, не находится въ зависимости отъ фриза Пареенона, какъ думаетъ Вивтеръ (Die jüngeren attischen Vasen und ihr Verhältniss zur grossen Kunst, стр. 35). Первый мотивъ нѣсколько разъ встрѣчается на Фигалійскомъ фризѣ, а оба на стѣнныхъ изваяніяхъ героона въ Гельбамии, см. Das Heroon von Gjölbvaschi-Tryva, табл. VIII В, 5; XIV В, 14; XXIV В, 3 и IX В, 3; X А, 5; XXIII А, 3; XXIV А, 3. То же самое видимъ и во фризахъ памятника съ перендами. Mon. ined. X, XIV фиг. 44—45 и XIV, 54—55; сюда же можно отнести и фиг. 38—39 на томъ же памятникѣ; близка и группа фиг. 176—177 на табл. XVI. Въ гигантомахіи изъ Пер-

тивъ встрѣчается значительно чаще перваго, то я склоненъ предложить здѣсь именно второй, тѣмъ болѣе, что, по видимому, судорожно выпрямленный корпусъ говоритъ въ пользу такой композиціи. Не спорю, однако, что во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ группахъ подобнаго рода поражаемый поднимается вверхъ в лѣвую руку ¹⁾, здѣсь же рука со щитомъ была опущена. Но такое измѣненіе мотива могло быть вызвано стѣсненіемъ архитектурной рамки.

У Дефрасса фигура амазонки является изолированной, поставлена на колѣна, что не вѣрно, и реставрирована съ круглымъ щитомъ, между тѣмъ какъ изъ фрагмента ясно, что она была вооружена характернымъ для амазонокъ серповиднымъ щитомъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что реконструкція Дефрасса въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо противорѣчитъ несомнѣннымъ фактамъ, въ другихъ опирается на крайне шаткія основанія — однимъ словомъ, едва-ли имѣетъ какое-либо значеніе для послѣдующихъ попытокъ восстановленія фронтовой композиціи. Спрашивается: насколько удовлетворительна реконструкція въ эстетическомъ отношеніи? По нашему мнѣнію, композиція, сравнительно съ предшествующими подобнаго рода, нѣсколько жидка, то-есть, слѣдуетъ предположить большее число фигуръ. Врядъ-ли можно считать удачной главную фигуру воина, который правою рукою собирается нанести ударъ одной верховой амазонкѣ, а лѣвою стаскиваетъ за волосы другую, между тѣмъ какъ у четырехъ угловыхъ фигуръ противниковъ нѣтъ. Эти фигуры кромѣ того значительно больше среднихъ, особенно крайнія. Нельзя, кажется, не замѣтить въ этомъ желаніе какии-нибудь образомъ заполнить углы. Къ такимъ приемамъ прибѣгаютъ, правда, архаическое искусство, какъ это особенно ясно сказывается въ недавно составленной гигантомахіи, украшавшей, по всей вѣроятности, нѣкогда доперсидскій храмъ Аѳины ²⁾, въ развитомъ же искусствѣ, напротивъ, мы привыкли видѣть, что фигуры по мѣрѣ удаленія отъ центра уменьшаются.

гама второй мотивъ представленъ былъ, по крайней мѣрѣ, дважды, см. Die Gigantomachie des pergamenischen Altars, entworfen von A. Tondeur, erläutert von A. Trendelenburg, табл. III и IV. Очень часто второй мотивъ встрѣчается на саркофагахъ.

¹⁾ См. примѣръ, приведенный въ предыдущемъ примѣчаніи.

²⁾ Athenische Mittheilungen 1897, рис. на стр. 74 и табл. V. Эти фигуры теперь вошли и въ изданіе Brunn-Bruckmann, Denkmäler griech. und röm. Sculptur, продолжаемое Arndt'омъ, табл. 471, 472.

По ходу развитія фронтоновыхъ композицій мы въ IV вѣкѣ до Р. Хр., пожалуй, и не въ правѣ требовать вполне строгой симметріи въ обѣихъ половинѣхъ фронтона; однако, думаю, этой симметріи все же можемъ требовать въ большей степени, чѣмъ это замѣчается въ рисункѣ Дефрасса: у французскаго архитектора падающей амазонкѣ праваго крыла на лѣвомъ соотвѣтствуетъ ни на чемъ не основанная, какъ мы видѣли, группа воина и лежащей у его ногъ умирающей женщины; между тѣмъ увѣренно можно ожидать, что въ этомъ мѣстѣ нѣкогда находилась всадница, на что указываютъ голова и задъ коня (см. выше, стр. 8). Далѣе, на правомъ крылѣ у Дефрасса только четыре фигуры (воина подъ конемъ средней амазонки слѣдуетъ, конечно, причислить вмѣстѣ съ нею къ центральной группѣ), а на лѣвомъ пять; наконецъ, воиновъ всего четверо, амазонокъ же семь.

Обратимся еще разъ къ найденнымъ въ Эпидаврѣ фронтоновымъ фрагментамъ. По свидѣтельству Каввадіи, открытые остатки распадаются на три группы: одни, по мѣсту ихъ нахождения, относятся къ западному фронтоу, другіе—къ восточному, а третьи, замурованные въ позднѣйшія стѣны, могли принадлежать къ тому или другому изъ фронтоновъ ¹⁾. Былъ-ли представленъ на восточной сторонѣ, какъ полагаетъ Каввадія, бой съ кентаврами, по моему, кажется, еще рѣшить нельзя; лишь объ одномъ свидѣтельствуютъ несомнѣнно къ этой сторонѣ принадлежащіе фрагменты, а именно, что фигуры этого фронтона были нѣсколько крупнѣе; а изъ этого слѣдуетъ, что, по видимому, большая часть фрагментовъ, найденныхъ замурованными, должна быть причислена тоже къ западному фронтоу. Исходя изъ этого положенія, мы на таблицѣ Каввадіи XI имѣемъ указанія на шесть амазонокъ: №№ 1, 2, 3, 5, 13, 14; кромѣ того, французы помѣстили верхнюю часть женскаго торса. Итакъ, если этотъ послѣдній кусокъ и всѣ головы, принадлежавшія амазонкамъ, распределять между торсами, то мы получимъ число шесть; но это минимумъ числа амазонокъ; можетъ быть, ихъ было и больше. Труднѣе опредѣляется число воиновъ, хотя и въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, можно придти къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ ²⁾. Несомнѣнно, что описанный выше торсъ воина № 8 былъ вкомпонованъ въ лѣвый уголъ фронтона; правда, намъ неизвѣстно, принадле-

¹⁾ Fouilles d'Epidaure, стр. 19—21 и 117—118.

²⁾ Ср. примѣчаніе 1 на стр. 6.

жалъ ли онъ именно къ западному фронтому, но размѣры говорятъ въ пользу этого; сюда же нужно отнести, по всей вѣроятности, фрагменты №№ 9 и 10 и описанный выше торсъ, которымъ Дефрассъ невѣрно пользуется для фигуры шагающаго впередъ воина на лѣвомъ крылѣ фронтона. Если сюда же отнести еще три фрагмента воиновъ, сфотографированныхъ какъ французами, такъ и нами, то мы получимъ семь мужскихъ фигуръ. Сверхъ этихъ фрагментовъ нами былъ снятъ еще мужской задъ, опустившійся на складки плаща, который, можетъ быть, соединенъ съ верхнею частью торса № 10 на стр. 69; однако, это трудно констатировать, такъ какъ первая часть находится въ Эпидаврѣ, а другая въ Афинахъ.

Попробуемъ прослѣдить теперь, что даютъ предыдущія разсужденія для возстановленія композици. Несомнѣнно, что верховая амазонка № 1 стояла подъ самымъ конькомъ фронтона; подъ ея конемъ былъ повергнутый воинъ; ему, какъ я полагаю, принадлежала верхняя часть корпуса № 10 (стр. 69), что я заключаю изъ складокъ подъ ребрами, указывающими на насильственный перегибъ верхней части по отношенію къ нижней ¹⁾); лѣвой рукой воинъ, навѣрное опирался на землю или на какой-либо предметъ, а въ правой держалъ мечъ. По ту и другую сторону, послѣ нѣкотораго промежутка, помѣщались еще двѣ всадницы, изъ которыхъ одна падала съ лошади, положеніе же другой намъ остается неизвѣстнымъ. Несомнѣнно далѣе, что на правомъ крылѣ находилась присѣвшая амазонка № 3 съ фигурою, приподнимавшей ее или, вѣрнѣе, наносившей ей смертельный ударъ. Эта группа, по высотѣ фигуръ, не могла быть крайнею — за ней направо слѣдовало, навѣрное, не менѣе двухъ фигуръ, часть одной изъ которыхъ, а именно крайней, мы въ правѣ признать въ фрагментѣ № 9. Въ другой половинѣ фронтона, въ лѣвомъ углу, помѣщался нѣкогда воинъ № 8, изъ положенія котораго слѣдуетъ, что онъ оборонялся противъ врага, — въ данномъ случаѣ, конечно, противъ амазонки. Затѣмъ, по моему мнѣнію, слѣдовалъ воинъ, опустившійся на правое колѣно (торсъ, упомянутый на стр. 8). Итакъ, мы имѣемъ уже двѣнадцать фигуръ; но въ виду ряда аналогичныхъ примѣровъ, въ которыхъ верховая амазонка прикалчиваетъ лежащаго врага, мы, согласно Дефрассу, должны предположить воина, готоваго нанести ей ударъ. Рядомъ съ

¹⁾ Ср. воина въ соответствующемъ положеніи на Фигалійскомъ фронтѣ — Overbeck Geschichte der griech. Plastik, 4 изд., I томъ, первая группа на рис. 132.

такую группой мы постоянно встрѣчаемъ другую, представляющую амазонку сзади стаскиваемую за волосы съ коня. Такую группу мы предполагаемъ на лѣвомъ крылѣ. Былъ ли еще вопль, поразившій верхнюю амазонку на правомъ крылѣ, неизвѣстно; полагаю, что его могло и не быть — достаточно было греку, обратившемуся къ центральной амазонкѣ, дать въ лѣвую руку лукъ, чтобы было понятно, что она пала его жертвою и что воинъ-предводитель обратился теперь къ главной вонтельницѣ. Такимъ образомъ выходитъ, что всего было, не считая лошадей, 14 фигуръ—семь воиновъ и семь амазонокъ.

Предложенная здѣсь реконструкція, конечно, совсѣмъ не выступаетъ съ претензіями на несомнѣнную вѣрность; все же, какъ я думаю, она ближе къ композиціи, нѣкогда украшавшей западный фронтонъ храма Асклипія въ Эпидаврѣ, нежели реконструкція, предложенная Дефрассомъ. Болѣе надежный результатъ появится лишь тогда, когда разбѣянные въ Эпидаврѣ обломки будутъ перевезены въ Аѳины и рассмотрѣны вмѣстѣ съ фрагментами, выставленными въ тамошнемъ Центральномъ музеѣ.

Въ извѣстныхъ ранѣ храмовыхъ фронтонныхъ группахъ, какъ-то: во фронтонахъ храма Аѳины на островѣ Эгинѣ, храма Зевса въ Олимпіи и Паронопона въ Аѳинахъ, центръ группы компанованъ иначе: во фронтонахъ первыхъ двухъ храмовъ подъ самымъ конькомъ представлена болѣе или менѣе спокойная фигура, обращенная еп face къ зрителю; во всѣхъ четырехъ случаяхъ это божество значительно превышаетъ своими размѣрами человѣческія фигуры того и другаго крыла фронтоновъ. Такъ какъ эти центральныя фигуры, въ силу своей божественности, отличаются отъ всѣхъ окружающихъ, то ихъ сравнительно колоссальный ростъ не нарушаетъ художественности композиціи, тѣмъ болѣе, что съ точки зрѣнія древняго грека, какъ это мы знаемъ еще изъ эпоса, боги были гораздо больше людей.

Въ западномъ фронтонѣ Паронопона, о центральной композиціи котораго мы можемъ судить благодаря дошедшему до насъ рисунку Каррея ¹⁾, сами боги выведены дѣйствующими лицами; согласно этому центръ занимали Аѳина и Посидопъ. И въ данномъ случаѣ центральныя фигуры больше остальныхъ, но эта разница уже не бросается настолько въ глаза—боги здѣсь, такъ сказать, въ своей средѣ. Композитору нашей фронтонной группы, а это, какъ видно изъ Эпидаврской

¹⁾ См. факсимиле въ *Antike Denkmäler*, табл. 6 и 7.

надписи, былъ Тимоеей ¹⁾, извѣстный намъ уже какъ участникъ декоративныхъ скульптуръ Мавсолея, предстояло изобразить бой среди простыхъ смертныхъ — увеличить центральную фигуру, конечно, было бы неудобно: для этого мѣста онъ избралъ конную фигуру. Такая конная фигура, представляющая воина или амазонку на поднявшемся на дыбы конѣ, подъ которымъ лежитъ раненый врагъ, извѣстна изъ цѣлаго ряда памятниковъ. Съ декоративной точки зрѣнія такая группа не вполне пригодна для центра, такъ какъ она должна быть обращена или вправо или влѣво, а этимъ даетъ перевѣсъ или тому или другому крылу композиціи. Однако, такое свободное отношеніе композиціи въ декоративной пластикѣ врядъ ли можетъ насъ удивлять; въ своей работѣ о метапахъ греческихъ храмовъ я старался показать, что съ теченіемъ времени художники не соблюдаютъ требованій декоративной пластики, диктуемыхъ имъ архитектурой, столь же строго, какъ это имѣло мѣсто въ лучшихъ декоративныхъ произведеніяхъ V вѣка до Р. Хр. ²⁾. Впрочемъ, мы въ нашей композиціи не впервые встрѣчаемся съ конною фигурой, занимавшею центръ фронтона: приблизительно середину задняго фронтонаго рельефа памятника съ переидами занималъ нѣкогда всадникъ, какъ это можно заключить изъ сохранившейся на лѣвой половинѣ фронтона конской ноги. Конечно, плохая декоративная работа фронтонаныхъ рельефовъ памятника съ переидами не можетъ равняться съ изящно исполненными скульптурами храма Аскліпія; все же, какъ мнѣ кажется, этими центральными фигурами устанавливается нѣкоторая связь между обоими памятниками. Но этимъ еще не кончается сходство между ними: какъ разъ наиболѣе характерная фигура нашей фронтонаной группы — амазонка, падающая съ лошади, имѣется въ большомъ фризѣ того же памятника съ переидами — здѣсь въ совершенно аналогичномъ положеніи представленъ юный воинъ; странно, что въ томъ и другомъ случаѣ одинаково принужденно дежитъ лѣвая рука вдоль корпуса ³⁾. Это обстоятельство, полагаю, ясно доказываетъ, что нашъ скульпторъ былъ знакомъ съ декоративными изваяніями памятника съ переидами.

Археологи, какъ было упомянуто, не сомнѣваются въ томъ, что

¹⁾ *Cavvadiae, Fouilles d' Epidaurae, № 241, стр. 79_а, 80_а.*

²⁾ *См. стр. 139.*

³⁾ *Annali, табл. DE, II. Brunn-Bruckmann, Denkmäler, табл. 214.*

скульпторъ нашихъ фронтонныхъ фигуръ — Τιμόθεος тождественъ съ тѣмъ Тимоѳеемъ, который, по свидѣтельству Плинія, работалъ надъ декоративными скульптурами Мавсолея вмѣстѣ со Скопасомъ, Вріаксидомъ и Леохаромъ. Правда, памятникъ съ черепицами находится въ Ликии, Мавсолей въ Карии; но разстояніе между этими мѣстностями невелико и возможность знакомства художниковъ, работавшихъ надъ сооруженіемъ втораго памятника, съ первымъ весьма вѣроятна; можно, пожалуй, идти еще дальше и предположить, что Тимоѳей въ молодости принималъ какое-либо участіе и въ изваяніяхъ памятника съ черепицами.

Если во всадникѣ этого фронтонаго рельефа мы, съ одной стороны, имѣемъ центральную фигуру композиціи на памятникѣ, предшествовавшемъ по времени сооруженію Эпидаврскаго храма, то мы можемъ указать, съ другой стороны, на аналогичную композицію памятника нѣсколько болѣе поздняго: въ южномъ фронтонѣ такъ называемаго саркофага Александра Македонскаго, найденнаго въ Сидонѣ ¹⁾ и нынѣ представляющаго собою одно изъ роскошнѣйшихъ украшеній Оттоманскаго музея въ Константинополѣ, въ серединѣ помѣщается тоже всадникъ; вторая фигура слѣва компанована приблизительно такъ, какъ мы представляемъ себѣ грека на третьемъ мѣстѣ въ лѣвой же половинѣ нашего фронтона. На сѣверномъ фронтонѣ того же саркофага въ серединѣ представленъ воинъ, поражаемый сзади — мотивъ, который мы признали во второй группѣ, считая отъ угла правой половины Эпидаврскаго фронтона. Подъ только что упомянутымъ фронтономъ саркофага, на короткой сторонѣ, описанный выше мотивъ повторяется еще разъ, а центръ композиціи занимаетъ опять всадникъ, подъ конемъ котораго на этотъ разъ мы видимъ и воина, защищающагося щитомъ. Отмѣчу еще одну особенность во фронтонахъ саркофага: въ первомъ правый уголъ занятъ щитомъ, шлемомъ и конемъ, во второмъ лѣвый уголъ, по видимому, занятъ однимъ только щитомъ. Такого рода заполненіе мѣста военными атрибутами даетъ, кажется, право отнести упомянутые выше шлемъ и плащъ, найденные нами въ Эпидаврѣ къ нашей фронтошной композиціи. Въ лѣвомъ углу послѣ воина, нагнушагося впередъ, должно было оставаться еще достаточно мѣста для подобнаго предмета.

Если я привелъ здѣсь для сравненія саркофагъ Александра, то я этимъ вовсе еще не хочу сказать, что скульптуры его находятся въ

¹⁾ Hamdy-Bey et Th. Reinach, Une nécropole Royal à Sidon, табл. XXVI.

непосредственной зависимости отъ нашей фронтонной группы; я хотѣлъ только указать, что примѣненіе верховой фигуры въ качествѣ центральной, очевидно, все болѣе и болѣе прививается, особенно, навѣрное, въ небольшихъ композиціяхъ; начинается и болѣе широкое пользованіе различными атрибутами для болѣе легкаго заполнения угловъ, чѣмъ такъ широко пользуется искусство нашего времени, чего однако античное искусство на высшей ступени своего развитія, по видимому, старательно избѣгало.

Вл. Мальмбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСІЙ МАКРЕМВОЛИТЪ.

Ниже впервые нами печатаемый греческій текстъ является произведеніемъ XIV вѣка. Въ немъ объясняется съ христіанской точки зрѣнія пресловутый разказъ Лукіана подѣ заглавіемъ Λούκιος ἡ ὄνος. Объясненіе написано Алексіемъ Макремволитомъ. Послѣдній извѣстенъ по нѣкоторымъ четырехстишіямъ съ его именемъ ¹⁾; но о времени, когда онъ жилъ, мы не знали. Одна счастливая находка наша въ библіотекѣ лавры Саввы Освященнаго въ Іерусалимѣ сдѣлала намъ его достаточно извѣстнымъ. Въ названной библіотекѣ мы нашли одну рукопись XIV вѣка (№ 417), гдѣ содержатся исключительно сочиненія (въ числѣ 13) Алексія Макремволита и его стихотворенія ²⁾. Сочиненія его богословскаго и правоучительнаго характера, хотя содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ чисто историческое, какъ, напримѣръ, сочиненіе о колоніи генуэзцевъ въ Перѣ, въ Константинополѣ, помѣщенное нами въ I томѣ 'Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας, стр. 144 — 159. Изъ этого меньшаго его сочиненія видно, что Алексій Макремволитъ жилъ въ Константинополѣ при императорѣ Іоаннѣ Кантакузинѣ и принадлежалъ той партіи, которая поддерживала этого именно императора. Нынѣ мы печатаемъ любопытное его объясненіе на указанный выше разказъ Лукіана. Въ кодексѣ объясненіе занимаетъ 2½ листа и числится 11-мъ его трудомъ.

Τοῦ αὐτοῦ Ἀλεξίου τοῦ Μακρεμβολίτου ἀλληγορία εἰς τὸν
Λούκιον ἡ ὄνον.

Εἰ καὶ ἐν πᾶσι σχεδὸν τοῖς αὐτοῦ λόγοις Δουκιανὸς καταψεύδεται, λῆ-
ρος φαινόμενος σαφῆς καὶ τερατολόγος καὶ φληναφος, ἀλλ' οὖν ἐν τῇ κατ'

¹⁾ Fabricius-Harles, Bibliotheca graeca, т. XI, стр. 558. Manuelis Philae carmina, ed. E. Miller, т. I, стр. 215, 370, 449, 455, 457.

²⁾ Ἱεροσολυμιτικῆ βιβλιοθήκη, т. II, стр. 588—536.

αὐτὸν δραματούργια πάνυ μοι δοκεῖ ἀληθέστατος. πτήσεως γὰρ ἐραστὴν ἑαυτὸν φησὶ γενέσθαι μετὰ τὴν εἰς ἄκρον τῶν λόγων παιδεύειν, κἂν τῆ χάρις τῶν Θετταλῶν ἀφικόμενος τούτου χάριν καὶ ἐν οἰκίᾳ ¹⁾ καταλύσας τινὸς Στρατηγοῦ καλουμένου, ἀποδήμου δὲ τηνικαῦτα τυγχάνοντος καὶ ὑπὸ τῆς αὐτοῦ θεραπαινίδος, Παλαιστρας ὠνομασμένης, δελεασθεὶς διὰ τινος χρίσματος ἀντὶ πτερωτοῦ ὄνυφ γέγονεν ὁμοιος καὶ φωνὴν ἤμειψεν εὐθύς καὶ ἦθος καὶ δίαταν. εἶθ' οὕτως καὶ ὑπὸ ληστῶν σουλᾶται, καὶ φορτίον αἶρει, καὶ εἰς ἐρήμους τόπους μεθ' ἐτέρων κτηνῶν ἀνοήτων ἐλαύνεται καὶ εἰς σπήλαιον κρύπτεται, κάκειθεν ὑπὸ τινος παρθένου συναιχμαλώτου παρορμηθεὶς ταύτην αἶρει καὶ χρεῖται φυγῆ. ἀλλ' αὐθις ὑπὸ τῶν αὐτῶν ληστῶν ἀλίσκεται σὺν αὐτῇ καὶ εἰς τὸ πρῶτον ἄντρον συγχλείεται. ἀγχόνῃ δὲ καταστρέφει τὸν βίον ἢ τοῦτον φυλάττουσα γραῦς. οὐ χάριν θάνατον οὗτος καταδικάζεται τὸν ὠμότατον, ὃν ὁ ἀρχιληστής ἀπεφάνετο καὶ οἱ λοιποὶ συνήνεσαν εὐθύς, ἵνα τῆς γαστρὸς αὐτοῦ διαρραγαίσης ἢ παρθένος ἔνδον ἐμβληθῆ, τῆς κεφαλῆς αὐτῆς ἕξω μόνης καταλειφθείσης, καὶ ἐπὶ τοῦ ὑπαίθρου ῥιφῆ καὶ οὕτω σὺν αὐτῇ τὸ ζῆν ὀδονηρῶς ἀπορρίψιεν. ἐξ οὗ δῆτα θανάτου σφάζεται παρ' ἐλπίδα ὑπὸ τοῦ τῆς παρθένου νομφίου καὶ τοῦ ταύτης πατρὸς, ὅφ' ὧν καὶ δαψιλεστέρας ἀξιοῦται τροφῆς, ἣν ἀφαιρεῖται αὐθις παρὰ γραῖος τινος κακεργάτιδος, ὅφ' ἧς καὶ μύλωνι ὄνικῃ ζεύγνυται καὶ πίτυρα ἐσθίειν καταναγκάζεται. ὧν τὴν γεῦσιν ἀπαναινόμενος εἰς χόρτου νομὴν ἀπολύεται μεθ' ὁμοίων κτηνῶν καὶ εἰς διαφόρους μετέπειτα δεσπότης πιπράσκειται καὶ πᾶν εἶδος κακοπαθείας ἀνέχεται. μεθ' ὧν καὶ στυπτείου φόρτον ποτ' αἶρει καὶ φλεγόμενος εἰς ὕδωρ κυβιστᾶ καὶ τῆς φλογώσεως ῥύεται, ἀλλὰ καὶ ἐξενουχισθῆναι διὰ θηλομανίαν ἄκραν καταδικάζεται. ἐξ ἧς δῆτα καταδίκης ἱερεῖς αὐτὸν ἐξωνοῦνται καὶ θεοφόρος γίνεται, καὶ τροφῆς λογικῆς κρυφίως μεταλαμβάνει, καὶ ὡς ἄνθρωπος σκιρτᾶ καὶ ἐπικροτεῖ καὶ παρὰ τῶν θεωμένων θαυμάζεται. μετ' ὀλίγον δὲ κει ῥόδα ἐσθίει καὶ ὡς ἀληθῶς ἄνθρωπος γίνεται, κατὰ τὴν εἰς αὐτὸν ἐξ ἀρχῆς γενομένην τῆς Παλαιστρας εἰσῆγησιν.

Αὕτη μὲν οὖν ἡ τοῦ δράματος ὑπόθεσις, τὸν δὲ νοῦν αὐτῆς τοιοῦτον ἐγὼ λογιζομαι. μὴ γὰρ ἂν οὕτω μανείημεν, ὡς δεξασθαί ποτε τοῦτον ὄλωσ ἐπὶ τούτοις ἐπαληθεύοντα. ἄνθρωπον γὰρ εἰς ἀλόγου φύσιν μεταβληθῆναι ἀδύνατον, ἀλλ' οὐδὲ φύσιν ἄλογον λογικὴν γενέσθαι ποτέ. μένει γὰρ ἄτρεπτος εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον ἐκάστου γένους ἢ διαδοχῆ, τῷ δημιουργικῷ λόγῳ ὑπέκουσα. ἀλλὰ βούλεται δεῖξαι, οἷα σοφὸς ἀνὴρ, ὅποιον ἄρα ἢ ἡδονὴ τὸν καθόλου ποιεῖ ἄνθρωπον, καὶ ὡς παρասυμβλήθη τοῖς ἀνοήτοις κτήνεσι διὰ τὴν τῶν παθῶν κοινωνίαν, τὴν οἰκείαν ἀγνοήσας τιμὴν ²⁾, ὧν καὶ τὰς ἐπωνυμίας

¹⁾ Рус. ἐνοικία.

²⁾ Ψαλμ. μῆ', 18 „καὶ ἄνθρωπος ἐν τιμῇ ὧν οὐ συνῆκε, παρասυμβλήθη τοῖς κτήνεσι τοῖς ἀνοήτοις καὶ ὠμοιώθη αὐτοῖς“.

μόνον ἐκ τοῦ τρόπου ἀδέξιατο, τὰ πάθη παρατρέφας ἐκ παραχρήσεως, ἀλλ' οὐ τὴν φύσιν αὐτὴν· τὴν γὰρ κοινὴν αἰδοῦμενος ἐξουβρίσαι φύσιν, τὸ κοινὸν ἐξιδιώσατο πάθος. καὶ πρῶτον μὲν ἐμφαίνει τὸν ἔρωτα τῆς ψυχῆς, ὅπως περὶ τὸν ἐντελῆ τοῦ φρονήματος χρόνον ἐφίεται οἶονεϊ πτεροφυῆσαι καὶ διὰ τῆς ἀρετῆς εἰς οὐρανὸν ἀνελθεῖν, ἔνθα καὶ τὸ πολίτευμα τῶν κατ' ἀρετὴν ζώντων τιγγάνει ¹⁾). εἰσέρχεται τοίνυν εἰς τὸν οἶκον τοῦ Στρατηγοῦ, τοῦ αὐτοκράτορός φημι τῶν παθῶν λογισμοῦ. καὶ τοῦτον εὐρῶν αἰχμάλωτον συμπλέκεται τῇ τούτου θεραπευνίδι τῇ διψυχίᾳ πρὸς πάλιν καὶ τὴν νικῶσαν τῷ χεῖρονι ²⁾) δίδωσι καὶ ἀνόητος τμηκαῦτα γίνεται διὰ χρίσματος, τοῦ τὴν ὄσφρησιν ἐκθηλύνοντος καὶ τὸ βάπτισμα τὸ ἅγιον χραίνοντος, τὸ εἰς οὐρανοὺς ἀνάγον τὸν ἄνθρωπον, καὶ μεταμείβει φωνὴν εὐθύς καὶ ἤθος καὶ διαίταν. ἀντὶ γὰρ εὐχῶν καὶ λόγων σεμνῶν καὶ διηγημάτων ψυχοφελῶν φλοαρίας προφέρει καὶ ἀσέμνους λόγους καὶ αἰσχροὰ διηγήματα. ἀντὶ δὲ ἤθους ἡμέρου καὶ ἀνθρωπίνου θηρίου δείκνυσι μορφὴν καὶ ἀναΐδειαν. ἀντὶ δὲ λιτῆς διαίτης καὶ ἀνθρωποπρεποῦς τροφῆν διηνεκὴ καὶ ἀδδηφαγίαν καὶ μέθην ἀσπάζεται. συλᾶται δὲ καὶ παρὰ ληστῶν αὐτίκα, τῶν τῆς κακίας δηλαδὴ πνευμάτων ἢ τῶν τούτοις ὁμωνόμων λογισμῶν, καὶ εἰς ὄρη καὶ ἐρημίαν ἀπάγεται μεθ' ἑτέρων ὁμοίων αὐτῷ, ἔνθα τὰ τοιαῦτα ἐμφιλοχωρεῖ δῆθεν πνεύματα, εἰς τόπους, οὓς οὐκ ἐπισκοπεῖ κύριος ³⁾), φόρτον τὸν ἐκ πάσης ἁμαρτίας συλλεγέντα ἐπιφερόμενος· καὶ σπήλαιον αὐτὸν ὑποδέχεται, ἢ ἀδιέξοδος τῶν παθῶν ποικιλία, ἐξ οὗ πειρᾶται τάχα φυγεῖν, μετὰ τινα χρόνον τὴν παρθένον ἐπιφερόμενος, ἦτοι ἐκ τῆς τῶν παθῶν ἀτιμίας διὰ σφροσύνης αὐθις καὶ καθαρότητος. καταστρέφει ἢ τοῦτον φυλάττουσα γραῦς αὐτίκα τὸν βίον ἀγχόνῃ, ἢ παλαιὰ δηλαδὴ κακία· ἀλλ' αὐθις ἀλίσκεται φεύγων παρὰ ληστῶν τῶν αὐτῶν, καὶ εἰς τὸ αὐτὸ αὐθις ἀνθυποστρέφει σπήλαιον· συνήθειαν γὰρ ἢ ἁμαρτία λαβοῦσα εἰς τὰ πρῶτα πάθη ἔλκει τὸν ἄνθρωπον, καὶ μὴ θέλοντα διὰ τῶν ληστρικῶν λογισμῶν καὶ χεῖρονα τῶν πρώτων τὰ ἔσχατα αὐτοῦ ἀπεργάζεται. διὸ καὶ ὁ θάνατος αὐτοῦ τμηκαῦτα κεκύρωται, ὃν ὁ ἀρχιληστής, ἦτοι ὁ τῶν δαιμόνων ἔξαρχος, ἀπεφάνητο καὶ αἱ ὑπ' αὐτὸν δυνάμεις ἐκύρωσαν, ἔν' ἢ παρθένος ἐν τοῖς ἐγκάτοις αὐτοῦ ἄχρι τραχήλου εἰσέλθη καὶ οὕτω σὺν αὐτῇ τὸ ζῆν ὀδυνηρῶς ἀπορρήξῃ· τὰ γὰρ τῆς ἀκαθαρσίας πνεύματα μιγνύει τὰ ἄμικτα καὶ τὴν ἀγνεῖαν ὑποφθεῖρει τῆς ἀσελγείας. πλὴν ἀλλὰ ρύεται τοῦ τοιοῦτου παρ' ἐλπίδα θανάτου ὑπὸ τοῦ τῆς παρθένου νομφίου καὶ τοῦ ταύτης πατρός· νομφίος γὰρ τῆς ψυχῆς ὁ τοῦ θεοῦ ἐστι λόγος, τῆς δὲ παρθένιας πατήρ ὁ θεός, παρ' οὗ μόνου καὶ παρθενία, ἦτοι σφροσύνη, ἀνακαλεῖ-

¹⁾ Φιλίπ. γ', 20 «ἡμῶν γὰρ τὸ πολίτευμα ἐν οὐρανοῖς ὑπάρχει».

²⁾ Рук. χεῖρωνι.

³⁾ Παροιμ. ιθ', 28 «ὁ δὲ ἄφοβος ἀλλοθιῆσεται ἐν τόποις οὐ οὐκ ἐπισκοπεῖται γνῶσις».

ται καὶ πᾶσα σώζεται ψυχὴ, ἡ τοῦτον ἔχουσα ἐραστὴν, καὶ εἰς τὴν πατρικὴν ἐστίαν αὐθις ὑπονοστεῖ· ἀνακαλεῖται γὰρ φιλανθρώπως τὸν πλανηθέντα θεὸς καὶ δέχεται ὡς τὸν ἄσωτον καὶ τῶν φονίων ἀκαλλάττει χειρῶν, εἰ καὶ ὡς τὸ ἀπολωλὸς ἀναζητεῖ πρόβατον ἐπὶ τὰ ὄρη καὶ τοὺς βουνοὺς ¹⁾, ἐφ' οἷς οἱ νοητοὶ λησται παρ' αὐτοῦ τὰς θεραπείας ἐδέχοντο. σαφιλεστέρας τοίνυν ἀξιοῦται τροφῆς μετὰ τὴν σωτηρίαν, ὡς ὁ ἄσωτος, τῆς θείας καὶ οὐρανίας φημί τοῦ μόσχου τοῦ σιτευτοῦ ²⁾, ἣν αὐθις ὑπὸ γραδὸς τινος ὑφαίρειται, τῆς παλαιᾶς φημι κακίας, ὑφ' ἧς καὶ μύλωνι ζεύγνυται ὄνικῳ, καὶ πίτυρα ἐσθίει, ὡς ὁ ἄσωτος τὰ κεράτια ³⁾. καταρραφθυμῆσας γὰρ ὁ εἰς μετάνοιαν ἐλθὼν καὶ μυστηρίων γευσάμενος, ὑπὸ τῆς μακρᾶς συνηθείας καθελκυσθεὶς, ἐπὶ τὸν πρῶτον αὐθις ἐπιστρέφεται ἔμετον, ὑποσυρεὶς ⁴⁾. φεῦ, τῷ βορβόρῳ τῶν ἡδονῶν ἐν τῇ τοῦ βίου τούτου ἀχλωῶδει περιφορᾷ, ἣν τῷ μύλωνι εἰκασεν. ἀλλ' αὐθις εἰς ἀγέλην ἀλόγων πέμπεται τούτοις συνδιαϊταῖσθαι· οὐ δύναται γὰρ τῆς συμμορίας τῶν φαύλων ἀπορραγῆναι ῥαδίως, τὰς συνήθεις διατριβάς ὑπομιμνησκόντων αὐτῷ τῶν ἀρχηγῶν τῶν παθῶν, ὑφ' ὧν καὶ δάκνεται, φησί, καὶ λακτίζεται καὶ ὡς δυσμενῆς ἀπελαύνεται· δάκνεται γὰρ ἡ ψυχὴ καὶ φλογίζεται τῇ μνήμῃ τῶν αἰσχυρῶν καὶ ἀτόπων πράξεων, ὅταν ἑαυτῆς καταγῆ. πιπράσκειται δ' οὖν αὐθις εἰς διαφόρους δεσπότας, καὶ φορτία φέρει ὑπὲρ τὴν ἑαυτοῦ δύναμιν· αἰχμαλωτίζεται γὰρ παρὰ παντὸς πάθους, ἐφ' οἷς ὑπέκουφε, καὶ τὸ βάρος αὐτῶν ἐπιφέρειται. ᾗ γὰρ τις ἤττηται, τούτῳ καὶ δεδούλωται· δούλοι γὰρ ἐσμέν τῶν ὧν ἐνεργοῦμεν παθῶν καὶ τῶν τούτοις ἐπιστατούντων δαιμόνων, καὶ τὸ τούτων βαρὺ φορτίον βαρτάζομεν. ἀλλὰ καὶ στυππειοφόρος φλογίζεται καὶ ἐφ' ὕδατος κυβιστᾷ, ὑφ' οὗ δὴ καὶ σφάζεται· στυππειὸν γὰρ ἡ κουφότης τῶν ἀκάρπων λογισμῶν καὶ ἔργων εἰκάζεται, ὧν τὴν φλόγα τὸ τοῦ θείου βαπτίσματος ὕδωρ ἀπέσβεσεν. εἶτα καὶ εὐνοχίαν καταδικάζεται διὰ τὴν εἰς τὸ θῆλυ καταφορὰν· καὶ γὰρ ἄμεινον εὐνοχισθῆναι, ἢ πρὸς συνουσίας ἐκνόμους λυττᾶν. σημαίνει δὲ καὶ τὸ τῆς φύσεως ἀσθενὲς διὰ τὴν ἄκραν θηλυμανίαν· τοιοῦτοι γὰρ οἱ ὑπὸ τοῦδε τοῦ πάθους ἀλισκόμενοι. φεύγει δ' οὖν ὁμοῦ καὶ τὸνδε τὸν κίνδυνον, ὑπὸ ἱερέων ἐξωνηθεὶς, καὶ θεὸν αὐθις ἐπὶ τῶν νώτων φέρει, καὶ ἄρτον κροφίως ἐσθίει, καὶ οἶνου μεταλαμβάνει. τοῦτο δὲ ὀρώμεν γενόμενον, ὅταν τις ἑαυτοῦ καταγῆ καὶ πνευματικοῖς ἀνδράσι προσδράμῃ, καὶ τὸν σταυρὸν ἐπ' ὤμων αἵρων τῷ Χριστῷ ἐπακολουθῇ. τότε γὰρ τῶν μυστηρίων μετέχει, καὶ θεοῦ οἶκος γίνεται καὶ ἐπικροτεῖ καὶ χαίρει κατὰ ψυχὴν, καὶ πάντα σχεδὸν ἐκπλήττει ἢ τούτου παρ' ἐλπίδα μεταβολή, ἄνθρωπος ἐξ ἀλόγου γενόμενος διὰ

¹⁾ τὸ ἀπολωλὸς — — βουνοῦς] Ματθ. ιη', 11. 12. Λουκᾶ ιε', 4.

²⁾ μόσχου τοῦ σιτευτοῦ] Λουκᾶ ιε', 28, 27, 30.

³⁾ κεράτια] Λουκᾶ ιε', 16.

⁴⁾ Ρυκ. ὑποσειρεὶς.

τῆς τῶν ῥόδων μεταλήψεως· ἡ γὰρ εὐωδία τῶν ῥόδων τερπνὴ, ὡς ἡ τοῦ Χριστοῦ, ἣν εὐωδιάζει ἡ ἀρετὴ, καθὼς φησιν ὁ ἀπόστολος, „ὅτι εὐωδία Χριστοῦ ἴσμεν“ ¹⁾, κατὰ τὴν πρὸς αὐτὸν ἐξ ἀρχῆς ²⁾ τῆς Παλαιστρας εἰσήγησιν, τοιούτου τοῦ παλαιόντος λογισμοῦ τῷ ἁμαρτάνοντι εὐσεβῆ εἰσήγησιν, καὶ τὴν δι' ἐλπίδος ἐπιστροφὴν. τοιοῦτον ἐγὼ νοῦν ἐντεῦθεν συνέλεξα καὶ με μηδεὶς ἐπιλήψεται ῥόδον ἐξ ἀκάνθης τρυγῆσαντα, ἢ ἐκ θαλάσσης ἄλμυρᾶς κότιμον ὕδωρ ἐντέχνως ἀποκιάσαντα.

Α. Παναδουλο-ΚεραμευεΪ.

¹⁾ Κορινθ. 2, 6', 15.

²⁾ Ρυκ. ἐξ αρχῆς.

КЪ АӨИНСКОЙ НАДПИСИ АТН. МПТ. XXIII 26.

На оборотной сторонѣ камня С. I. А. IV, 2, 813 в Цибартъ прочелъ слѣдующую надпись:

[ἐκί] Μηδείου τὸ δεύ-
τερον
ἀμφιθαλῆς
Φιλῖνος Φιλίνου
Εὐωνομεύς·
ἐκί Μηδείου
ἀντὶ τοῦ ἀμ-
φιθαλοῦς
Νικίας Καλλιμά-
χου Διραδιώτης.]

Относительно ἀμφιθαλεῖς καίδες отсылаемъ къ указаніямъ, сопоставленнымъ Штенгелемъ въ *R. E.* I, 1958 сл. Паули-Виссоны. Для насъ заданная Цибартомъ надпись представляетъ особенный интересъ вслѣдствіе упоминанія въ ней архонта Мидія, о хронологіи котораго см. наше „*Изъ исторіи Аѳинъ.* 229—31 гг. до Р. Хр.“ (стр. 318 сл.). Мидій былъ архонтомъ четыре раза; его второй архонтатъ приходится, по нашему предположенію, на 91—90 г. Тогда упомянутый въ надписи Φιλῖνος Φιλίνου Εὐωνομεύς былъ ἀμφιθαλῆς (καῖς). Цибартъ замѣчаетъ: „ein Φιλῖνος Φιλίνου Εὐωνομεύς ist Erhebe ἐκί 'Απολλοδώρου ἀρχοντος (45—44 vor Chr.) С. I. А. II 481, also nicht mit dem unsrigen identisch“. Напротивъ, мы не колеблемся отождествлять Филина ἀμφιθαλῆς приведенной надписи и Филина ἔφηρος надписи С. I. А. II 481. Архонтатъ Аполлодора, по на-

шему предположенію (стр. 307 сл.), падаетъ на время между 84—78 гг. Если Филинъ въ 91—90 г. былъ $\kappa\alpha\iota\varsigma$, то въ концѣ 80-ыхъ или въ началѣ 70-хъ годовъ онъ смѣло могъ быть уже $\epsilon\phi\eta\rho\omicron\varsigma$. Кажется, новый документъ мы можемъ считать говорящимъ, до нѣкоторой степени, въ пользу предложенной нами датировки архонтатовъ Мидія и Аполлодора. А если такъ, то мы были правы и въ нашихъ соображеніяхъ (стр. 293 сл.) относительно *времени* введенія реформъ въ государственномъ устройствѣ Аѳинъ въ римское время.

С. Жебелевъ.

О НАЧАЛЪ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ¹⁾.

ГЛАВА II.

Мнѣнія древнихъ о происхожденіи греческой письменности.

Вопросомъ о происхожденіи греческой письменности и въ частности греческаго алфавита интересовались уже въ древнія времена. Дошедшія до насъ многочисленныя свидѣтельства, однако, настолько разнообразны и даже противорѣчивы, что на первый взглядъ могутъ привести въ отчаяніе изслѣдователя, желающаго на основаніи ихъ придти къ какому-либо положительному выводу. Большая часть этихъ показаній принадлежитъ перу писателей *περί εἰρημάτων*, грамматиковъ и богослововъ, и лишь въ очень немногихъ случаяхъ можно разсматривать ихъ, какъ самостоятельныя изслѣдованія: мы имѣемъ здѣсь дѣло преимущественно съ выписками и компиціями, которыя подчасъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ повторяютъ сказанное раньше. Однако, сопоставляя подобныя свидѣтельства въ хронологическомъ порядкѣ, мы убѣждаемся, что первоначальные источники ихъ нерѣдко доходятъ до глубокой старины и теряются въ преданіяхъ народа. Мы можемъ разбить ихъ на нѣсколько группъ, сущность которыхъ приблизительно соответствуетъ историческимъ даннымъ. Это обстоятельство не можетъ не остановить на себѣ наше вниманіе, такъ что мы невольно должны допустить здѣсь смутное представленіе о настоящемъ ходѣ развитія греческой письменности. Дѣйствительность, однако, оказывается облеченною въ такую массу баснословнаго элемента, что лишь строгій критическій разборъ можетъ выдѣлить изъ него зерно истины.

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. августовскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1898 г.

Итакъ, займемся разборомъ упомянутыхъ свидѣтельствъ, располагая ихъ по группамъ, и притомъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

Прежде всего рассмотримъ свидѣтельства, касающіяся самаго алфавита.

1. *Аристотель* у *Плинія Старшаго* ¹⁾ насчитываетъ 18 буквъ въ древнѣйшемъ греческомъ алфавитѣ: „Aristoteles X et VIII priscae fuisse Α Β Γ Δ Ε Ζ Ι Κ Λ Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ et duas ab Epicharmo additas Θ Χ quam a Palamede mavolt“. Къ этому слѣдуетъ еще добавить изъ предыдущаго: „Simonidem melicum (scil. adiecisse) Η Ξ Ψ Ω“.

Подъ „древними“ разумѣли обыкновенно буквы доіонійскаго письма. Такъ въ рѣчи противъ *Неэры* (76), ложно приписываемой *Демосеену*, мы читаемъ: „καὶ αὐτὴ ἡ στήλη ἐστὶ καὶ νῦν ἐστῆκεν, ἀμυδροῖς γράμμασιν Ἀττικοῖς δηλοῦσα...“, къ чему *Арнократионъ*, *Лѣξεις ῥητορικαί*. s. v. *Ἀττικοῖς γράμμασιν* замѣчаетъ: „*Δημοσθένης κατὰ Νεαίρας ἀντὶ τοῦ παλαιοῦς*: τὴν γὰρ τῶν κδ' στοιχείων γραμματικὴν ὀφέ ποτε παρὰ τοῖς Ἴωσιν εὐρεθῆναι. Θεόπομπος δ' ἐν τῇ κε' τῶν Φιλιππηκῶν ἐσκευωρῆσθαι λέγει τὰς πρὸς τὸν βάρβαρον συνθήκας, ἃς οὐ τοῖς Ἀττικοῖς γράμμασιν ἐστῆλιτεῦσθαι, ἀλλὰ τοῖς τῶν Ἴώνων“. Ср. *Nesych.*: „Ἀττικὰ γράμματα τὰ ἀρχαῖα, ἐπιχώρια“. У *Дионисія Галикарнасскаго* (*Antiq. Rom.* I, 19, 3) говорится: „ὁ γὰρ ἐν Δωδώνῃ αὐτοῖς (т. ἔ. τοῖς Πελαγοῖς) γενόμενος χρησμὸς, ὃν φησι Δεύκιος Μάλλιος ἀνὴρ οὐκ ἄσημος αὐτὸς ἰδεῖν ἐπὶ τινος τῶν ἐν τεμένει τοῦ Διὸς κειμένων τριπόδων γράμμασιν ἀρχαίοις ἐγκυχαγαγμένον, ὡδὶ εἶχε“ к. т. л. Тотъ же авторъ IV, 26, 5 говоритъ о колоннѣ *Сервія Туллія* такъ: „αὐτὴ διέμεινε ἡ στήλη μέχρι τῆς ἐμῆς ἡλικίας ἐν τῇ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῷ κειμένη γραμμάτων ἔχουσα χαρακτῆρας, οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλὰς ἐχρῆτο“. *Pausan.* V. 22, 3: „καὶ δὴ καὶ ἐλεγείων γράμμασιν ἐστὶν ἀρχαίοις ὑπὸ τοῦ Διὸς τοῖς ποσὶ“. *Pausan.* VI, 19, 6: „καὶ ἐπίγραμμα ἐπὶ τῷ κέρατι ἐστὶν ἀρχαίοις Ἀττικοῖς γράμμασι“. *Syriani Commentar. in Hermogenis Στάσεις* ap. *Walz, Rhetores graeci* [1833], vol. VI, p. 43: „ἡ γοῦν κατὰ *Κάδμον* καὶ *Δαναὸν* γραμματικὴ ἐπὶ τε τῶν *Τρωϊκῶν* ἤσκειτο, ὡς *Δίκτυος* ἐν ταῖς ἐφημερίαι φησί, καὶ μέχρι τῶν *Εὐκλείδου* τοῦ μετὰ ταῦτα ἄρξαντος διέμενε χρόνων. *Suid.* v. *Σαμίων* ὁ δῆμος: „τοὺς δὲ Ἀθηναίους ἔπεισε χρῆσθαι τοῖς τῶν Ἴώνων γράμμασιν Ἀρχῖνος ἐπὶ

¹⁾ Nat. hist. VII 56; Aristot. fragm. 501 ap. Rose 2 ed. 1886.

ἀρχοντος Εὐκλείδου“ ¹⁾). На послѣднее же указываетъ схолиастъ Діонисія Θρακίησος ²⁾: „οἷς δὲ νυνὶ χρώμεθα (scil. χαρκτηῖρον), εἰσὶν Ἴωνικοί, εἰσενέγκαντος Ἀρχίνου παρ' Ἀθηναίους (см. παρὰ Θηβαίους!) ψήφισμα τοὺς γραμματιστὰς ἤγουν τοὺς διδασκάλους παιδεύειν τὴν Ἴωνικὴν γραμματικὴν ἤγουν τὰ γράμματα“. Что послѣднимъ обстоятельствомъ руководились при опредѣленіи древности того или другаго памятника, мы ясно видимъ изъ Плутарха (Aristid. 1), гдѣ приводится мнѣніе Панэтія о времени жизни Архестрата на основаніи надписи: „ὡς ἐλέγχει τὰ γράμματα τῆς μετ' Εὐκλείδην ὄντα γραμματικῆς“ ³⁾).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что „παλαιὰ γράμματα“ или „ἀρχαῖα“ означало доіонійскую письменность. Здѣсь, однако, мы не можемъ опредѣлить строгой границы, такъ какъ іонійское письмо стало входить въ Аѣнахъ въ употребленіе гораздо раньше архонтства Евклида (40³/₂, = ол. 94, 2), когда оно было *официально* признано господствующимъ. Начиная уже съ половины V столѣтія, мы имѣемъ не малое число общественныхъ и частныхъ памятниковъ, доказывающихъ, что іонійская письменность еще задолго до архонтства Евклида стала проникать въ Аттику ⁴⁾. Интересенъ, между прочимъ, декретъ относительно постройки храма Аѣины-Побѣды ⁵⁾ въ которомъ первыя 5 строкъ написаны аттическимъ письмомъ, а затѣмъ, вѣроятно, вслѣдствіе смѣны рѣзчика, іонійскимъ ⁶⁾. Надпись относится, вѣроятно, ко времени вскорѣ послѣ 446 года ⁷⁾.

Изъ этого слѣдуетъ, что, говоря о γράμματα ἀρχαῖα или παλαιά, греки не имѣли въ виду именно ту письменность, которая была въ употребленіи *тогда* до архонтства Евклида, но вообще *аттическое* письмо, изъ котораго исключались буквы η (ѣ), ξ, ψ и ω. А такъ какъ съ именемъ Симонида Кеосскаго (556 — 468), котораго и слѣ-

¹⁾ Объ этомъ мѣстѣ подробно говоритъ Уэенеръ, Rhein. Mus. XXV, 1870, p. 590 sqq.; ср. также Pauly-Wissowa, Real-Encyclopaedie II, 1, s. v. Archinus p. 541.

²⁾ Bekk. An. II, p. 783, 28=Cramer, An. Ox. IV, p. 818, 26.

³⁾ Ср. Voss. Art. Gramm. p. 44; Boeckh, Corp. Inser. Graec. I, p. 41 (ad № 25); Franz, Elem. epigr. gr. p. 26; W. Schmid, Philologus, 1893, p. 374—375.

⁴⁾ См. Meisterhans, Gramm. der att. Inschriften, 1885, S. 2—3.

⁵⁾ Καββαδίας, Ἐφημερίς ἀρχαιολογική 1897, σελ. 174—194.

⁶⁾ Σελ. 181 - 4, cf. πίναξ XI, ἐπιγραφὴ Β.

⁷⁾ Ср. рефератъ барона Гиллера-фонъ-Гертрингена въ апрѣльскомъ зазданіи Археологическаго общества въ Берлинѣ.

дуетъ разумѣть подъ „melism“¹⁾ связывалось преданіе объ изобрѣненіи новыхъ буквъ²⁾, то ему и были приписаны тѣ буквы, которыя составляли существенную разницу между новымъ (іонійскимъ) и древнимъ (мѣстнымъ) алфавитами.

Такимъ образомъ теорія Аристотеля была, по видимому, порождена сравненіемъ древняго аттическаго алфавита съ іонійскимъ. Изъ 24 буквъ α β γ δ ε ϑ ζ θ ι κ λ μ ν ξ ο π ρ σ τ υ φ χ ψ ω онъ выдѣляютъ, стало быть, η ξ ψ ω, приписывая ихъ Симопиду. Изъ остальныхъ 20 онъ исключаетъ, однако еще двѣ, а именно ϑ и χ, что не можетъ не показаться страннымъ въ виду того обстоятельства, что φ (по Плинію) Аристотель считаетъ въ числѣ „litterae priscae“. Правда, въ сосѣдней Віотіи Χ обозначало въ до-іонійской письменности ξ, тогда какъ Φ употреблялось тамъ такъ же, какъ и въ Атикѣ. Однако, если Аристотель руководился этимъ именно обстоятельствомъ, причисляя φ къ „litterae priscae“, то непонятно, почему онъ исключаетъ ϑ, которая съ раннихъ поръ вездѣ въ одинаковомъ употребленіи, тогда какъ φ, равно какъ и χ, не входило въ составъ первоначальнаго греческаго алфавита. По всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искаженіемъ первоначальной редакціи текста: вмѣсто φ у Аристотеля стояло, безъ сомнѣнія, ϑ. Переписчикъ, не разобравъ въ точности подлинника, по ошибкѣ написалъ Θ (вм. ϑ), которое затѣмъ было перенесено на соответствующее ему мѣсто. Такъ какъ критяне еще въ V вѣкѣ писали С (то-есть π) и К вмѣсто φ и χ³⁾, а съ подобными надписями Аристотель могъ легко ознакомиться въ Олимпіи, то онъ легко могъ вывести заключеніе, что буквы эти не входили въ составъ „litterae priscae“. Онъ приписалъ ихъ Эпихарму, такъ какъ съ именемъ этого комика также связывалось преданіе объ изобрѣненіи новыхъ буквъ⁴⁾. Итакъ, по теоріи Аристотеля, древній алфавитъ состоялъ изъ слѣдующихъ 18 буквъ: α β γ δ ε ζ θ ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ υ, при чемъ подъ „priscae litterae“ слѣдуетъ разумѣть ту ступень развитія алфавита, на которой послѣдній находился, по мнѣнію Аристотеля, до Эпихарма и Симопиды.

¹⁾ См. Franz, *Elementa epigraphicae graecae*, p. 13.

²⁾ Собственно, здѣсь слѣдуетъ думать о введеніи іонійскихъ буквъ въ литературу, что, между прочимъ, справедливо замѣчаетъ Krenmer, *De catalogis heurmatum* [Lpz. 1890], pag. 82.

³⁾ Ср. Kirchhoff, *Studien*, S. 78.

⁴⁾ Время Эпихарма опредѣляется на основаніи словъ Свида, по которымъ поэтъ жилъ за 6 лѣтъ до Персіа, то-есть около 486 года до Р. Хр.

Методъ Аристотеля является, стало быть, съ нашей точки зрѣнія, очень поверхностнымъ, будучи основанъ лишь на бѣгломъ сравненіи греческихъ алфавитовъ ¹⁾).

2. Въ *Glossar. graeco-lat. Laudun.*, cod. 444 saec. IX, ed. E. Miller: *Notices et extraits XXIX*, 2, Paris, 1880, p. 181 [ср. Rose, *Aristot. fragm.* 688, 2 ed. 1886] подъ заглавіемъ ΕΧ ΠΕΠΛΟ ΤΕΟΦΡΑΣΤΙ ²⁾ приводится слѣдующее свидѣтельство: „Primi quidem „invenerunt (*sup.* s. apud quosdam Caldei) litteras Aegyptii. Secundi „Foenices (*sup.* 1. Afri), unde foeniceae (*sup.* i. rubicundae) litterae „dicuntur. In Graeciam autem Cathmos Sidonius, Agenoris filius, detulit litteras. Sunt autem hae numero XVI: ΑΒΓΔΕΙΚΑΜΝΟΠΡΣΤΥ. „Post vero Cathmum Palamidis filius Naucli grecus (*sup.* proprium) „invenit ΖΘΧΦ. Deinde Simonidis filius Leopreppi ΠΕΨΩ. Fiunt omnes XXIII. De inventione litterarum sic accerimus“.

Е. Wendling ³⁾, признавая это свидѣтельство дѣйствительно почерпнутымъ изъ приведеннаго сочиненія, доказываетъ, что Пѣпλος Теофраста служилъ источникомъ для послѣдующихъ писателей, между прочимъ, для Стратона, ученика Теофраста ⁴⁾. W. Schmid ⁵⁾ не придаетъ никакого значенія приведенному мѣсту изъ глоссарія, въ виду

¹⁾ Ср. François Lenormant, *Dictionnaire de Daremberg et Saglio I*, p. 206 и W. Schmid, *Philologus* 1893, S. 375. Иначе думалъ объ этомъ Моимзенъ (*Unteritalische Dialekte* 1850, 11A. 5): „Mit Aristoteles' XVIII priscas litteras hat es „seine völlige Richtigkeit, was die Zahl betrifft: es sind die 22 phöniciſchen nach „Abzug der zu Aristoteles' Zeit verschwundenen 4: Van, Samech, Koph, Schin“. Однако, если Аристотель дѣйствительно сравнилъ съ греческимъ древній финикійскій алфавитъ, онъ могъ убѣдиться, что буквы Η (𐤇) и Ξ (𐤆 или 𐤆) существовали уже раньше: см. Schmid, *Philologus* 1893, S. 374).

²⁾ Этотъ ΠΕΠΛΟΣ упоминается еще въ схолияхъ на Марціана Капеллу, находящихся въ одной бернской рукописи XI вѣка, и еще въ другомъ, тоже бернскомъ манускриптѣ (№ LVI, saec. IX; см. Usener, *Rhein. Mus.* XXV 606).

³⁾ De populo Aristotelico, Argentorati 1891.

⁴⁾ Плиній, упоминая его въ *Index libri VII*, прибавляетъ: „qui contra Ephori σύρματα scripsit“; Диогенъ Лаэртскій V 8 (60) приводитъ подъ именемъ его σύρματων ἄλλοιους δύο; Климентъ Александрійскій (*Стρωματεῖς I*, cap. 16, pag. 361 Potter) говоритъ о немъ: *Стράτων ὁ περικατητικός ὁ ἐν τοῖς περὶ σύρματων*. Тѣмъ же „пенлосомъ“, по мнѣнію Wendling'a, пользовался и Аполлодоръ, явные слѣды котораго мы находимъ въ схолияхъ къ Діонисію Фракійскому (B. A. II 785, 4 sqq. = *Gram. An. Ox.* IV 320, 12 sqq.) и у Діодора V, 57 (см. Wendling, p. 46 и Erich Bethe, *Untersuchungen zu Diodors Inselbuch—Hermes XXIV*, 402 sqq.), а также Порфирій, схолиастъ Гомера (Wendling, p. 48). См. Wendling, pag. 6 и 61—68).

⁵⁾ *Philologus*, 1893, pp. 377—378.

того, что свидѣтельство это относится ко времени каролинговъ. Кроме того, Шмидъ указываетъ на то обстоятельство, что теорія о 16 буквахъ предполагаетъ дѣленіе ихъ на *dasáa*, *ápláa*, *paárá*, послѣднее же не встрѣчается до александрійскаго времени, причемъ Шмидъ ссылается на своего однофамльца К. Е. А. Schmidt'a ¹⁾. Далѣе W. Schmid думаетъ, что если бы Теофрастъ дѣйствительно написалъ трактатъ о буквахъ, то схолиастъ къ Діонисію Фракійскому, не скупящійся на приведеніе именъ авторовъ, упомянулъ бы его непременно. Наконецъ, можно было бы прибавить еще одинъ вѣсскій аргументъ, говорящій, по видимому, въ пользу мнѣнія Шмида: Плиній, приводя въ указателѣ къ VII книгѣ имена авторовъ, послужившихъ ему въ качествѣ источниковъ, вовсе не упоминаетъ Теофраста, а между тѣмъ въ 56 главѣ онъ говоритъ именно объ изобрѣтеніи письма.

Если, стало быть, исключить приведенный документъ, то самое древнее свидѣтельство о составѣ древняго греческаго алфавита изъ 16 буквъ мы должны видѣть въ схоліяхъ къ Діонисію Фракійскому; мѣсто это относится, какъ мы увидимъ немного ниже, ко времени около начала нашей эры. По мнѣнію Шмида, происхожденіемъ своимъ упомянутая теорія обязана всецѣло Варрону, которому, несомнѣнно, принадлежитъ теорія о 16 буквахъ первоначальнаго латинскаго алфавита ²⁾. Возникнуть эта теорія могла, по мнѣнію Шмида, лишь въ головѣ римскаго грамматика, сравнившаго съ латинскимъ алфавитомъ греческій, и притомъ убѣжденнаго въ одинаковой древности обоихъ. Вѣра въ мнѣніе объ изобрѣтеніи латинскихъ буквъ матерью Евандра Карментою, встрѣчающійся впервые у Ливія ³⁾, дала право судить о первоначальномъ составѣ греческаго алфавита на основаніи латинскаго, и древнѣйшій видъ послѣдняго могъ быть разсматриваемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и древнѣйшій видъ греческаго. Итакъ, *terminus ante quem*—время, когда Ливій началъ писать свою исторію ⁴⁾, *terminus post quem*—введеніе въ латинскій алфавитъ Z.

¹⁾ Beiträge zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und des Lateinischen, Halle, 1859, S. 80 ff.

²⁾ См. Pompeii Commentum Artis Donati, ed. Fridericus Lindemann, Lips. 1820, 8°, pp. 9 et 27.

³⁾ I, 7, 8; ср. Hygin. fab. 277.

⁴⁾ Такъ какъ I 19, 8 онъ упоминаетъ первое закрытіе храма Януса, случившееся въ 29 г. до Р. X., втораго же [въ 25 г. до Р. X.] не приводитъ, то начало исторіографіи Ливія слѣдуетъ отнести ко времени между 29 и 25 гг. до Р. X. Ср. Schanz, Röm. Litt.-Gesch. II, 178.

при чемъ, по мнѣнію Шинда, слѣдуетъ скорѣе приблизиться къ послѣднему, чѣмъ къ первому, именно въ виду того обстоятельства, что теоріей о 16 буквахъ Z исключается изъ состава первоначальнаго греческаго алфавита. Теорія Варрона была, стало быть, по мнѣнію Шинда, слѣдующая: Кадмъ перенесъ въ Грецію 16 буквъ; Паламидъ прибавилъ къ нимъ въ эпоху Троянской войны еще 4; до этого времени, однако, первоначальныя 16 буквъ были перенесены Евандромъ, современникомъ Геракла и Энея ¹⁾, или матерью его изъ Аркадіи въ Италію ²⁾.

Все это, конечно, весьма правдоподобно, однако, не исключаетъ еще возможности, что теорія о 16 буквахъ греческаго алфавита могла появиться независимо отъ латинскаго и до Варрона. Отвергать положительно подлинность теоріи Теофраста мы не имѣемъ права. Имя философа все же упоминается у Плинія въ слѣдующихъ за 192—193 параграфахъ четыре раза и, стало быть, сопоставляется съ именами писателей *καὶ σοφιστῶν* ³⁾. Если же нѣтъ основанія отрицать принадлежность ему „пенлоса“, то нѣтъ особенно вѣсскихъ причинъ отвергать и принадлежность ему теоріи о 16 буквахъ, представлявшей такимъ образомъ какъ бы исправленіе теоріи Аристотеля. Последнее подтверждается слѣдующими мѣстами изъ Плинія: VII 195: „turres (scil. invenerunt), ut Aristoteles, Cyclopes, Tiryntii, ut Theophrastus“; 196: „aes conflare et temperare Aristoteles Lydum Scythen monstrasse. Theophrastus Delam Phrygem putant“; 205: „picturam Aegyptii et in Graecia Euchir Daedali cognatus, ut Aristoteli placet, ut Theophrasto—Polygnotus Atheniensis“. Отсюда видно, что Теофрастъ не слѣдовалъ рабски мнѣнію своего учителя, но старался быть самостоятельнымъ. Если схолиастъ къ Діонисію Фракійскому не упоминаетъ въ данномъ мѣстѣ Теофраста, то это весьма понятно: многочисленныя имена авторовъ приводятся лишь въ отдѣлѣ, касающемся вопроса объ *изобрѣтателяхъ* письма вообще, а также о *происхожденіи названія* *φωνίχαα*; оригинальность же ученія Теофраста заключалась въ томъ, что онъ признавалъ не 18, а 16 буквъ въ древнемъ греческомъ алфавитѣ. Конечно, схолиастъ могъ присвокупить имя Теоф-

¹⁾ Liv. I, 7, 8; Vergil. Aen. VIII, 185 sqq.

²⁾ Ср. O. Froehde, Die Anfangsgründe der röm. Gramm., Leipzig, 1892, pag. 74 sqq.

³⁾ Ср. Kremmer, De catalogis heuromatum, 1890, p. 103; Wendling, De Peplo Aristotelico, 1891, p. 8; Clem. Alex. Strom. I, cap. 16, pag. 361 Potter называетъ его на второмъ мѣстѣ въ числѣ авторовъ, писавшихъ *καὶ σοφιστῶν*.

- ской дружинной Руси. *Е. Барсова*. Два тома. М. 1887.—Рец. И. Э. Ашкенозаго. 1888, ч. 266, апрѣль, отд. II, стр. 501—512.
5070. „Слово о Полку Игоревѣ“, какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Исслѣдованіе *Е. В. Барсова*. Т. III. Лексикологія Слова. А. М. М. 1890.—Рец. А. С. Вудловича. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 172—187.
5071. „Слово о Полку Игоревѣ“, какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Исслѣдованіе *Е. В. Барсова*. Т. I и II. М. 1887.—См. статью О. Э. Миллера: Капитальный трудъ по древней русской литературѣ.
5072. Странствованія Василья Григоровича-Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 гг. Изданы Правосл. Палестинск. Обществомъ по подлинной рукописи подъ ред. *Н. Барсукова*. Три вып. Спб. 1884.—См. статью Л. Н. Майкова: Старинные русскіе паломники въ изданія Православн. Палестинск. Общества.
5073. Библиографич. очеркъ П. М. Карамзина и развитіе его литерат. дѣятельности. *П. Булича*. Казань. 1866.—См. ст. А. Д. Галахова: Библиогр. и литерат. замѣтки о Карамзинѣ.
5074. Мои досуги. Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія *Федора Буслаева*. М. Два тома. 1886.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1886, ч. 246, июль, отд. II, стр. 151—168.
5075. Бумаги В. А. Жуковского, поступившія въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1884 году. Разобраны и описаны *Иваномъ Бичковимъ*. Спб. 1887.—Рец. А. С. Архангельскаго. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 183—197.
5076. Пензенскія Губернскія Вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1839—1887. Составилъ *И. И. Василевъ*. Пенза.—Рец. 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 561—562. (Кн. новости).
5077. *С. А. Венеровъ*. Критико-библиографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. I. Спб. 1886—1889.—Рец. А. О. К. 1890, ч. 267, февраль, отд. II, стр. 346—352.
5078. Житіе и хоженіе Данила Русьскыя земли игумена. 1106—1108 гг. Издано подъ ред. *М. А. Веневитинова* (Православный Палестинскій Сборникъ, т. I, вып. 3. Спб. 1883).—См. статью Л. Майкова: Старинные русскіе паломники въ изд. Православнаго Палестинскаго Общества.
5079. Православный Палестинскій Сборникъ. 9-й вып. Спб. 1885. (Хоженіе игумена Данила, изд. *М. А. Веневитинова*).—Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 255. (Книжныя новости).
5080. Западное вліаніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки *Алексыя Веселовскаго*. М. 1883.—Рец. А. Соболеваго. 1883, ч. 228, июль, отд. II, стр. 138—143.
5081. Великое Зерцало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. Исслѣдованіе *П. В. Владимірова*. М. 1884.—Рец. И. М. Волдажова. 1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 132—147.
5082. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XII ст. *П. В. Владимірова*. Кіевъ.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 217. (Кн. новости).
5083. *Вѣстникъ* западной Россіи. 1867.—1868, ч. 137, мартъ, отд. II, стр. 928—944.

- 5084.** Исторія русской словесности древней и новой. Соч. *А. Д. Галахова*. Спб. 2 т. 1863—1875. — См. Отчет о девятнадцатомъ присужденіи награды графа Уварова.
- 5085.** Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. *А. Галахова*, т. II, первая половина. Спб. 1868. — Рец. *Я. Е. Грота*. 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 476—496.
- 5086.** *Критическіе Гиршма*. Критическіе опыты. Спб. 1887. — Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 533. (Кн. новости).
- 5087.** Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725—1825. Сост. *Гр. Гстади*. т. I. *А. Е. Берлинъ*. 1876. — Рец. *В. Сажтова*. 1877, ч. 189, январь, отд. II, стр. 127—140.
- 5088.** Русскіе писатели. Изданіе *И. И. Глазунова*. Сочиненія, письма и избранные переводы *Д. И. Фонвизина*. Съ портретомъ автора, со статью „О жизни и сочиненіяхъ Фонвизина“ *А. П. Пятковского*, съ пояснительн. примѣчашіями къ тексту и съ библиографич. объясненіями. (Редакція *П. А. Ефремова*). Спб. 1886. — См. статью *Л. Майкова*: Новое изданіе сочиненій Фонвизина.
- 5089.** Сочиненія *Гвѣдича*. Три тома. Первое полное собраніе. Съ біографіей *Гвѣдича*, составленною *Н. М. Виленкинмъ*. Спб. 1884. См. статью *А. Д. Галахова*: *П. И. Гвѣдичъ*.
- 5090.** Сочиненія *Н. В. Гоголя*. Изданіе 10-е. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Николаемъ Тихонравовымъ*. Т. I, III, IV и V. М. 1889. — Рец. *Е. Н. Вестушева-Рюмина*. 1890, ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 409—414.
- 5091.** Сочиненія *Н. В. Гоголя*. Изда-
- ніе 10-е. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній *Николаемъ Тихонравовымъ*. Т. II. М. 1890. — Рец. 1890, ч. 270, июль, отд. II, стр. 187—188. (Кн. новости).
- 5092.** Запѣтки и дополненія къ статьямъ *г. Пыпина*, напечатаннымъ въ *Вѣстникѣ Европы* за 1885 и 1886 года. Сочиненіе *Якова Головацкого*. Вильна. — Рец. 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 255. (Кн. новости).
- 5093.** Хожденіе архим. Греченя въ Св. Землю. Изд. *Я. П. Горюжанинъ*. (Русскій Филологич. Вѣстн. 1884, № 4, 1885, № 1). — Отзвѣтъ въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго*: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.
- 5094.** Сочиненія князя *Д. П. Горчакова*. VII+180. М. 1890. — Рец. *А. Д. Галахова*. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 447—450.
- 5095.** Сочиненія *Аполлона Григорьева*. Т. I. Спб. 1876. — Рец. *А. Д. Галахова*. — 1877, ч. 189, январь, отд. II, стр. 115—127.
- 5096.** Древнія Россійскія стихотворенія, собр. *Кириемъ Даниловымъ*. Изд. III, Комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при московскомъ главн. архивѣ *М. И. Д.* по 2 полному изданію съ нотами. М. 1878. — Рец. *Л. Н. Майкова*. 1878, ч. 199, октябрь, отд. II, стр. 326—329.
- 5097.** Разказъ и путошество *Даніила митр. Эфесскаго*, изданные, переведенные и объясненные *Г. Дестунисомъ*. (Правосл. Палестин. Сборн., вын. 8. Спб. 1884). — Отзвѣтъ въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго*: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.
- 5098.** Сочиненія *Державина*, съ примѣч. *Я. Грота*. 2 изд. Акад. Т. I,

- ч. 1. Сиб. 1868.—Рец. М. И. Сухомяшнова. 1869, ч. 144, июль, отд. II, стр. 170—184.
5099. Второе хождение Трифона Коробейникова, съ предисловіемъ С. О. Домова. („Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ“ 1887, кн. I).—См. статью Жр. М. Дюпареа: Второе хождение Трифона Коробейникова.
5100. Матеріалы для исторіи русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. Сиб. 1867. — Рец. Л. Н. М. 1867, ч. 135, июль, отд. II, стр. 256—263.
5101. В. А. Жуковскій и его произведенія. II. *Зазарина*. Изданіе второе, дополненное. Л. *Полыанова*. М. 1883.—Рец. А. Галахова. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 346—363.
5102. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. I. 1840—1864. Составилъ В. *Зелинскій*. М. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, сентябрь, отд. II, стр. 189. (Кн. новости).
5103. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. II. Составилъ В. *Зелинскій*. М. 1887.—Рец. 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 184. (Кн. новости).
5104. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Собралъ В. *Зелинскій*. Ч. I. М. 1887.—Рец. 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 184. (Кн. новости).
5105. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. II. Составилъ В. *Зелинскій*. М.—Рец. 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 255. (Кн. новости).
5106. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Два вып. Составилъ В. *Зелинскій*. М. 1884.—Рец. 1886, ч. 241, сентябрь, отд. III, стр. 9—14.
5107. Православный Палестинскій Сборникъ. Просквинтарій Арсенія Суханова. Подъ редакціей Н. Н. *Ивановскаго*. Слб.—Рец. 1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 180—181. (Кн. новости).
5108. Блпгя глаголемя *Козмы Индиколова*. Изъ рукописи Московск. архива мин. иностр. дѣлъ. Издан. Имп. Общества любителей древн. письменности. Слб. 1886.—Рец. 1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 403—404. (Кн. новости).
5109. Матеріалы до русской литературы апокрифичной. Собралъ Д-ръ О. М. *Калитовскій*. Львѣвъ. 1884.—Рец. А. И. Соболевскаго. 1886, ч. 241, сентябрь, отд. II, стр. 157—161.
5110. Chefs d'oeuvre du théâtre russe. La Chicane (Jabieda), comédie en cinq actes et vers par V. V. *Karntze*. Traduit par A. *Legrelle*. Gand. 1886.—Рец. 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 416—417. (Кн. новости).
5111. Письма *Ник. Мих. Карамзина* къ И. И. Дмитріеву, съ примѣч. и указателемъ, составл. Я. *Гротомъ* и П. *Лекарскимъ*. Слб. 1866.—См. ст. А. Д. Галахова: Библиографич. и литературныя замѣтки о Карамзинѣ.
5112. Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. *Карамзина*. Ч. I. Слб. 1862.—См. ст. А. Д. Галахова: Библиографич. и литературныя замѣтки о Карамзинѣ.
5113. *Karamzine*. Voyage en France. 1789—1790. Traduit du russe et annoté par A. *Legrelle*. P. 1885.—Рец. Д. Н. Д.—ва. 1885, ч. 241, октябрь, отд. II, стр. 327—332.
5114. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Адмиралъ Шинковъ и канцлеръ Румянцевъ. Соч. проф. А. А. *Кочубинскаго*. Одесса 1888.—См. Присужденіе премій митрополита Макарія въ 1889 году.

5115. *Н. О. Красносельцевъ*. Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей“. Одесса. 1890.—Рец. 1891, ч. 273, февраль, отд. II, стр. 435—436. (Кн. новости).
5116. Посмертныя чудеса святителя Николая архіепископа Муръ-Линкійскаго чудотворца. Памятникъ древней русской письменности XI вѣка. Трудъ Ефрема, епископа Переяславскаго (по пергаменной рукописи XIV вѣка библиотеки Троице-Сергиевской лавры № 9). Сообщилъ архимандритъ *Леонидъ*. Сиб.—Рец. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 507—508. (Кн. новости).
5117. Хоженіе гостя Василья. Издаѣно подъ ред. архим. *Леонида*. (Правосл. Палестин. Сборн., т. II, в. 3; 1884).—См. статью *Л. Майкова*: Старинныя русскія наомники въ изданіи Палестин. Общества.
5118. Die Pilgerfahrt des russischen Abtes Daniel ins Heilige Land. 1113—1115. Uebersetzt von *A. Leskien*. (Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins. B. VII. Lpz. 1884).—Отамъ въ статьѣ *М. Вехенкинова*: Нѣмецкій переводъ хожденія игумена Данила.
5119. Хоженіе купца Василія Познякова по святыхъ мѣстамъ востока, подъ редакцію *Х. М. Ломарева*. Сиб. (Православный Палестинскій сборникъ, т. VI, вып. 3-й).—Рец. *А. Н. Веселоваго*. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 504—509.
5120. Православный Палестинскій сборникъ. Вып. 27-й. Хоженіе Трифона Бородейникова. Подъ редакціей *Хр. М. Ломарева*. Сиб.—Рец. 1889, ч. 265, сентябрь, отд. II, стр. 181—182. (Кн. новости).
5121. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 24-й. Хоженіе инока Зосимы. Подъ редакціей *Х. М. Ломарева*. Сиб.—Рец. 1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 563. (Кн. новости).
5122. Слово о вѣкомахъ старца. Вновь найденный памятникъ русской наомнической литературы. Сообщение *Хрисанова Ломарева*. Сиб.—Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 217—218. (Кн. новости).
5123. Два мира, лирич. драма *А. Н. Майкова* (Стихотв. *А. Н. Майкова*, т. III. Сиб. 1872).—Рец. *А. В. Никитенко*. 1874, ч. 172, апрѣль, отд. II, стр. 389—409.
5124. Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность. Ст. *В. В. Макушева* въ Слав. Сборникѣ, т. III. Сиб. 1876.—Рец. *С. Пташницкаго*. 1877, ч. 191, май, отд. II, стр. 126—162.
5125. Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“, соч. *Всес. Миллера*. М. 1877.—Рец. *А. Н. Веселоваго*. 1877, ч. 192, августъ, отд. II, стр. 267—306.
5126. *П. О. Морозова*. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII столѣтій. Сиб. 1888.—Рец. *А. Н. Веселоваго*. 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 252—266.
5127. *В. Мочульскій*. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887.—Рец. *С. Н. Вранковскаго*. 1888, ч. 259, октябрь, отд. II, стр. 344—355.
5128. *М. Ю. Лермонтова*. Его личность и поэзія. Составилъ *М. А. Орлова*. Сиб. 1883.—Рец. *С. О.—ша*. 1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 119—125.
5129. Памятники древней письменности. LXXV. Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ. Сообщилъ *М. Петровскій*. Сиб.—Рец. 1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 234. (Кн. новости).
5130. Библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ *В. К. Тредья-*

- ковскаго. *М. Петровскій*. Казань. —Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 265. (Кн. новости).
5131. Записки *Кс. Ал. Полевскаго*. Съ двумя портретами. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1888.—Рец. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 286. (Кн. новости).
5132. *И. Порфирьевъ*. Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отд. I. Отъ Петра I до Екатерины II. Казань. 1881.—Рец. А. И. Соболевскаго. 1882, ч. 221, июнь, отд. II, стр. 273—282.
5133. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изд. *Льва Поливанова* для семьи и школы. Т. I—IV. М. 1867.—Отзывъ о немъ въ статьѣ К. Вестужева-Грюмина: Пушкинъ въ изданіи Поливанова.
5134. Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики. Изданіе *Льва Поливанова* для семьи и школы, т. V. Прозанческія сочиненія и пьесы. М.—Рец. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 510—511. (Кн. новости).
5135. *Léon Sichler*. Histoire de la littérature Russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris. 1886.—См. статью П. О. Морозова: Иностранныя сочиненія о русской литературѣ.
5136. Книга Еноха. Историко-критическое изслѣдованіе, русскій переводъ и объясненіе апокрифической книги Еноха. Сочиненіе свящ. *Александра Смирнова*. Казань. 1888.—Рец. А. И. Соболевскаго. 1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 213—214.
5137. Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Статья А. И. Соболевскаго (Библиографъ, 1891 г., № 3—4).—См. статью Л. Н. Майкова: О началѣ русскихъ виршъ.
5138. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *Матемъ Соколова*. Выпускъ 1-й. М. 1888.—Рец. А. Н. Веселоваго. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 452—469.
5139. *Н. Страховъ*. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1885.—Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 259. (Кн. новости).
5140. Къ исторіи южно-русской литературы XVII стол. *Н. Ф. Сумцова*. Кіевъ и Харьковъ. 1884—1885.—Рец. Н. И. Петрова. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 307—326.
5141. Туръ въ народной словесности. *Н. Ф. Сумцова*. Кіевъ. 1887.—Рец. 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 354—355. (Кн. новости).
5142. А. А. Титовъ. Житіе и подвиги преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ. (По рукописи XVII вѣка). Изданіе И. А. Вахрамѣева. М.—Рец. 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 439. (Кн. новости).
5143. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены *Н. С. Тихомировымъ*. Два тома. Спб. 1874.—Рец. П. О. Морозова. 1888, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 270—282.
5144. Пушкинъ въ русской критикѣ (1820—1880). *С. С. Трубачева*. Спб. 1889.—Рец. К. Н. Вестужева-Грюмина. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 195—204.
5145. *Съ. Edw. Turner*. Studies in Russian literature. Lond. 1882.—См. статью П. О. Морозова: Иностранныя сочиненія о русской литературѣ.
5146. Первое полное собраніе сочиненій *Д. И. Фонъ-Визина*, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. 1761—1792. М. 1868.—Рец. 1888, ч.

- 257, июнь, отд. II, стр. 469—470. (Кн. новости).
5147. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игум. Волоцкого *И. Хрущова*. Спб. 1866.—Рец. въ статьѣ О. Э. Микшера: Вопросъ о направленіи Иосифа Волоколамскаго.
5148. Исследование о сочиненияхъ Иосифа Санина, игумена Волоцкаго *И. И. Хрущова*.—См. Отчетъ о двѣнадцатомъ присудовіи награды графа Уварова.
5149. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Подъ редакціей *И. А. Шляпкина*. Изданіе И. П. Варгунина. Спб. 1889. Два тома, съ приложеніемъ 3-хъ портретовъ А. С. Грибоѣдова, факсимиле его почерка и нотъ.—Рец. А. О. К. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 251—256.
5150. Слово Данила Заточника (по всѣмъ известнымъ спискамъ) съ предисловіемъ и примѣчаніями *И. А. Шляпкина*. Спб. 1889. (Памятники древней письменности XXXI).—Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 263—264. (Кн. новости).
5151. Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Исследование *И. А. Шляпкина*. Спб. 1891.—Рец. А. И. Невелехова, 1891, ч. 275, май, отд. II, стр. 192—198.
5152. *Е. С. Шумиловскій*. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб.—Рец. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 379. (Кн. новости).
5153. Отзвмы о Пушкинѣ съ юга Россіи. Собралъ *В. А. Яковлевъ*. Одесса. 1887.—Рец. 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 183. (Кн. новости).
5154. Домострой. Издалъ *В. А. Яковлевъ*. Одесса. 1887.—Рец. 1887, ч. 254, ноябрь, отд. II, стр. 147. (Кн. новости).
5155. Опера Комическая—С.-Петербургскій гостинный дворъ, Михаила Матинскаго. Перепечатано съ изданія 1791 г. Одесса. [Предисловіе *В. Я(ковлева)*].—Рец. 1890, ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 274. (Кн. новости).
5156. Иеродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка. Исследование прот. *И. Яхонтова*. Спб. 1884.—Рец. Н. Петрова. 1884, апрѣль, ч. 232, отд. II, стр. 351—358.
5157. Русскій проповѣдникъ XVII вѣка и нѣсколько статей изъ его сочиненія „Статирь“. Изложилъ и издалъ протоіерей *И. Яхонтовъ*. Спб. 1883.—Рец. Н. Петрова. 1884, апрѣль, ч. 232, отд. II, стр. 351—358.

б) Народная словесность.

А. Статьи.

5158. П. А. Веземовъ. О славянскомъ народномъ писнотворествѣ. Рѣчь въ публичномъ собраніи общества любителей Россійской словесности, при славянахъ, 20-го мая 1867 года. — 1867, ч. 134, июнь, отд. II, стр. 785—793.
5159. Э. И. Вуслаевъ. Опыты г. Ве-
селовскаго по сравнительному изученію древне-итальянской литературы и народной словесности славянской и въ особенности русской (отзвѣвъ о сочиненіяхъ. 1) *Novella della figlia del re di Dacia*. Testo inedito del buon secolo della lingua, con prefazione del Dott. Alessandro Wes-

- selofsky. Pisa. 1866. 2) La tradlzioni popolari nel poemil d'Antonio Pucci, ст. Веселовскаго въ Ateneo Italiano. 1866—1868, ч. 137, февраль, отд. II, стр. 495—528.
5160. А. Н. Веселовскій. Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. — 1878, ч. 196, апрѣль, отд. II, стр. 183—238.
5161. А. Веселовскій. Исполнитъ Илья Муромецъ у Лунса де-Кастильо. (Замѣтка къ исторіи русскаго эпоса) — 1883, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 216—220.
5162. А. Н. Веселовскій. Молкія замѣтки къ былинамъ. I. Побывальщины объ Алешѣ и смежныя сказочныя схемы. II. Нерушимая стѣна и Волшебное зеркало въ Киево-Софійскомъ соборѣ. — Конь Владимиръ. III. Былины о „гибели богатырей“ и о „боѣ Ильи съ сыномъ“. IV. Wisinnus Саксона грамматика и Соловей Разбойникъ. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 166 — 198. V. Золотыя врата въ Киевѣ и Царьградѣ. VI. Сумочка Микулы Селяниновича и византийская *flaxia*. VII. Готы и Гунны и русская мѣстность Негвагагад'и. — 1888, ч. 257, май, отд. II, стр. 74 — 90. VIII. Владимиръ-богатырь. IX. Киевскія пещеры. X. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разказъ изъ житія Юсифа Волоцкаго. XI. Жидовинъ-богатырь. XII. Къ сербской легендѣ о Константиѣ Вел. — 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 31 — 46. XIII. Къ былинѣ о Садкѣ. XIV. Финскіе варианты былины объ Ильѣ Муромцѣ. XV. Кто такой Бравлинъ въ житіи Стефана Сурожскаго. XVI. Былны о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвущкѣ — воинѣ. — 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 1 — 55. XVI. Няня шахъ.
- XX. Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ. — 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 56—73.
5163. А. Н. Веселовскій. Былина о Садкѣ. — 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 251—284.
5164. Л. Н. Майковъ. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсень и былинь. — 1880, ч. 212, ноябрь, отд. II, стр. 197—216.
5165. О. Э. Миллеръ. Сборники по народной русской словесности за 1866 г. Статья первая. (1. Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсень, составилъ А. Савельевъ. Спб. 1866. — 2. Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленакаго Вѣстника, вып. I. Вильно. 1866). — 1867, ч. 133, январь, отд. II, стр. 173—217. Поправки (опечатки). Ibid., февраль, отд. II, стр. 298. Статья вторая. (1. Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собр. Я. Э. Головацкимъ. 2. Губернскія Вѣдомости за 1866. 3. Труды Ярославск. Статистич. Комитета; в. I, 1866. 4. Памятн. книжка Олонекъ. губер. на 1866. 5. Памятн. книжка Тамбовск. губери. на 1866. 6. Новгородск. сборникъ, в. IV. 7. Записки Имп. Географич. Общества по отд. этнографіи, ч. I. Спб. 1867), — 1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 618 — 676.
5166. О. Э. Миллеръ. Опять въ вопросу о былинахъ. (Отзывъ о сочиненіи М. Халанскаго. Великорусскія былины Киевскаго цикла. Варшава. 1885) — 1888, ч. 258, июль, отд. II, стр. 175—191.
5167. М. П. Погодинъ. Замѣчаніе о нашихъ былинахъ. — 1870, ч. 152, декабрь, отд. II, стр. 155—171.
5168. А. И. Соболевскій. Къ исторіи русскихъ былинь. — 1889, ч. 264, июль, отд. II, стр. 15—19.

В. Рецензиі.

5169. Историческія пѣсни Малорусскаго народа съ объясн. *В. Антоновича* и *М. Драгоманова*, т. I. Кіевъ. 1874. — См. Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова.
5170. Причитанія Сѣвернаго края, собр. *Е. В. Барсовымъ*, ч. II. Плачи завоенныя, рекрутскіе и солдатскіе. М. 1882. — Рец. *Л. Н. Майкова*. 1882, ч. 223, октябрь, отд. II, стр. 415—424.
5171. Народная поэзія. Историч. очерки ординарнаго акад. *Ф. И. Буслаяна*. Спб. 1887. — Рец. *А. И. Кириччинова*. 1887, ч. 251, июнь, отд. II, стр. 401—407.
5172. *Wollmer Wilhelm*. Untersuchungen über die Volksopik der Grossrussen. Leipzig. 1879. — Рец. *П. О. Морозова*. 1879, ч. 206, декабрь, отд. II, стр. 223—233.
5173. Угро-русскія народныя пѣсни. Собраны *Г. А. де-Волланомъ*. Спб. 1885.—1886, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 256—257. (Кн. новости).
5174. Пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе составл. проф. русс. яз. и словесн. во Львовскомъ унив. *Я. Ф. Головацкимъ*, и над. *О. М. Бодявскимъ*. — См. ст. *О. Э. Миллера*. Сборники по русс. нар. словесности за 1866 г., ст. 2-ая.
5175. Онежскія былинны, записанныя *Алек. Федор. Гильфердитомъ*. 1871 г. съ 2-мя портретами и напѣвами былинъ. Спб. 1873. — Рец. *Л. Майкова*. 1873, ч. 168, августъ, отд. II, стр. 446—469.
5176. *Губернскія Выдам.* за 1866 г.: Волинскія, Минскія, Воронежскія, Симбирскія, Рязанскія, Новгородскія, Олонецкія, Тобольскія. — См. ст. *О. Э. Миллера*: Сборники по русскаго народа. словесности за 1866 г., ст. 2-ая.
5177. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ. 1881. — Рец. *А. Н. Веселозоваго*. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 359—396.
5178. *Записки Имп. Географич. Общества*, по отдѣленію этнографіи, ч. I. Спб. 1867. — См. ст. *О. Э. Миллера*: Сборники по русской народной словесности за 1866 г., ст. 2-ая.
5179. Сравнительно - критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское, проф. *О. Э. Миллера*. Спб. 1870. — Рец. *Ф. И. Вуслаева*. — 1871, ч. 154, апрѣль, отд. II, стр. 203—239.
5180. *Новгородскій Сборникъ*, в. IV. Новгородъ. 1866. — См. ст. *О. Э. Миллера*: Сборники по русской народн. словесности, за 1866 г., ст. 2-ая.
5181. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской г. *Н. Пальчиковымъ*. Изданіе *А. Е. Пальчикова*. Спб. 1888. — Рец. *Ф. М. Истомина*. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 512—526.
5182. *Памятная книжка* Тамбовской губерніи на 1866 г. — См. ст. *О. Э. Миллера*: Сборники по русской народной словесности за 1866 г., ст. 2-ая.
5183. *Памятная книжка* Олонецкой губ. на 1866. — См. статью *О. Э. Миллера*. Сборники по народной русскою словесности за 1866 г., ст. 2-ая.
5184. Вліяніе церковнаго ученія и древне-русск. духовн. письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древней до-Петровскій

- периодъ. Соч. *Алексыя Погова*. Казань. 1883.—Рец. *Н. И. Петрова*. 1884, ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 227—233.
5185. *А. А. Потебня*. Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсень. II. Колядки и щедровки. Варшава. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 532—533. (Кн. новости).
5186. *La Russie épique. Etude sur les chansons héroïques de la Russie*, traduites ou analysées pour la première fois par *Alfred Rambaud*. Paris. 1876.—Рец. *Е. Востужева-Рюмкина*. 1876, ч. 187, сентябрь, отд. II, стр. 85—89.
5187. *Е. Романовъ*. Бѣлорусскій Сборникъ. Т. I. Губ. Могилевская. Вып. 3. Сказки. Витебскъ. 1887.—Рец. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 283—285. (Кн. новости).
5188. Пѣсни, собран. *И. Н. Рыбникова*. Ч. IV. Спб. 1867.—Рец. *Л. Н. Майжова*. 1868, ч. 138, май, отд. II, стр. 611—630.
5189. Пѣсни, собран. *И. Н. Рыбникова*. Ч. IV. Спб. 1867.—Рец. въ ст. *П. А. Давровскаго*: Памятники русскаго народнаго творчества въ Олонеккомъ краѣ.
5190. Сборникъ Донскихъ народныхъ пѣсень, составилъ *А. Савельевъ*. Спб. 1866.—См. ст. *О. Э. Миллера*. Сборники по народн. русской словесности за 1866 г., статья I.
5191. Пѣсни о дѣвущѣхъ—воинѣхъ и былины о Старѣ Годиновицѣ. Исслѣдованіе по исторіи развитія славяно-русскаго эпоса. *И. Сазоновича*. Варшава. 1886.—Рец. *Э. Д. Ватюшкова*. 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 132—150.
5192. Сборникъ памятникоевъ народнаго творчества въ сѣверо-западн. краѣ. Изд. ред. „*Вил. Вѣст.*“. Вып. I. Вильно. 1866.—См. ст. *О. Э. Миллера*. Сборники по народн. русской словесности за 1866 г., статья 1-ая.
5193. Труды Ярославскаго Губерн. стат. ком., вып. I. Ярославль. 1866.—См. ст. *О. Э. Миллера*: Сборники по русск. народн. словесности за 1866 г., статья 2-ая.
5194. *М. Халанскій*. Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава. 1885.—Рец. 1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 443—444. (Кн. новости).
5195. *М. Халанскій*. Великорусскія былины Кіевскаго цикла. Варшава. 1885.—См. статью *Ор. Э. Миллера*: Опять въ вопросу о былинахъ.

3. ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Статьи.

5196. *Н. М. Влаговищенскій*. О характерѣ и значеніи Римской литературы.—1867, ч. 134, апрѣль, отд. II, стр. 77—86.
5197. *Н. М. Влаговищенскій*. Объяснительныя замѣтки къ письму *В. Модестова*.—1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 643—648.
5198. *Н. М. Влаговищенскій*. Прологъ къ сатирамъ Персія.—1872, ч. 161, май, отд. II, стр. 123—134.
5199. *Н. М. Влаговищенскій*. Сатиры Персія (Сатира I).—1870, ч. 151, сентябрь, отд. II, стр. 74—118. Сатира II.—1871, ч. 153, январь, отд. II, стр. 76—95. Сатира III.—1871, ч. 155, май, отд. II, стр. 113—138. Сатира IV.—1871, ч. 156, июль, отд. II, стр. 46—61. Сатира V.—ч. 158, декабрь, отд. II, стр. 270—314. Сатира VI и послѣдняя.—1872, ч. 160, мартъ, отд. II, стр. 71—98.

5200. Н. М. Влаговъщенскій. Третья сатира Ювенала.—1884, ч. 232, апрѣль, отд. II, стр. 242—281.
5201. Н. М. Влаговъщенскій. Седьмая сатира Ювенала.—1886, ч. 237, январь, отд. II, стр. 35—76.
5202. Н. М. Влаговъщенскій. Восьмая сатира Ювенала.—1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 193—232.
5203. Н. М. Влаговъщенскій. Десятая сатира Ювенала.—1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 35—71.
5204. И. Воронжиковскій. Сравненія изъ Энеиды Вергилия.—1876, ч. 185, май, отд. V, стр. 40—78.
5205. А. И. Вышковъ. Оней Итальякъ.—1886, ч. 244, апрѣль, отд. V, стр. 1—48; ч. 245, май, стр. 49—81.
5206. А. Д. Вейсманъ. О нѣкоторыхъ мѣстахъ въ сатирахъ Ювенала.—1879, ч. 206, сентябрь, отд. V, стр. 317—334.
5207. Э. А. Вертъ. De Horatii satirarum II, 2, 29, 30.—1874, ч. 171, февраль, отд. V, стр. 69—77.
5208. Э. Вертъ. De coemptione, matrimonii Romani forma, uter vir an femina emissae videatur.—1875, ч. 180, июль, отд. V, стр. 1—27.
5209. Э. Вертъ. По поводу Juvenal. sat. VII, 88—89.—1880, ч. 210, июль, отд. V, стр. 301—302.
5210. С. Вѣховъ. Латинская комедія Quercollus и новѣйшая обработка ея текста.—1881, ч. 215, май, отд. V, стр. 211—268.
5211. С. Вѣховъ. Сочиненіе Цицерона „О Государствѣ“ (De Republica). Опытъ историко-литературнаго анализа.—1881, ч. 217, сентябрь, отд. V, стр. 405—468, октябрь, стр. 479—554; ч. 218, ноябрь, стр. 555—602.
5212. И. Вульфъ. De Quintae Heroidis Ovidianae Fontibus. Oenone.—1891, ч. 273, январь, отд. V, стр. 1—15.
5213. Л. Ш. Римская эпопея во времена имперіи.—1873, ч. 169, октябрь, отд. V, стр. 122—142.
5214. Л. Ш. Римская эпопея во времена послѣ Августа.—1874, ч. 175, сентябрь, отд. V, стр. 67—78.
5215. В. Шришгедтъ. Критическія замѣтки на Светонія.—1876, ч. 187, октябрь, отд. V, стр. 57—78.
5216. Л. Г. Римскій эпосъ во времена императоровъ.—1875, ч. 178, апрѣль, отд. V, стр. 102—115.
5217. Ю. П. Жуламовскій. Русскій ученый трудъ о Горациѣ (Гр. Зенгоръ. Критическій комментарий къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горация. Варшава. 1886).—1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 50—74.
5218. Н. Лопаткинскій. Который изъ Цицероновъ былъ надателемъ поэмы Лукреція? Какъ отзывался М. Цицеронъ объ этой поэмі.—1877, ч. 198, октябрь, отд. V, стр. 90—98.
5219. Jeanes Lusak. Vergilianae. (Aen. II, 108 sqq.; II, 261 sqq.).—1878, ч. 200, ноябрь, отд. V, стр. 151—156.
5220. J. Lusak. De Homericis similitudinibus apud Vergilium.—1881, ч. 214, апрѣль, отд. V, стр. 206—210.
5221. И. Мейеръ. Замѣтка къ Саз. В. G. VII.—1875, ч. 180, августъ, отд. V, стр. 84—85.
5222. И. Мейеръ. Критическія замѣчанія къ Вергилію на основаніи Пражской рукописи.—1877, ч. 191, май, отд. V, стр. 16—30.
5223. И. Мейеръ. Замѣтка къ Горацию. Carm. II, 12.—1877, ч. 194, ноябрь, отд. V, стр. 46—48.
5224. И. Мейеръ. Критическія замѣтки. Verg. Aen. I, 8.—1881, ч. 216, июль, отд. V, стр. 361—362.
5225. А. Меосъ. Замѣтка къ 1-ой одѣ 1-ой книги Горация, ст. 29—36.—1879, ч. 202, мартъ, отд. V, стр. 87—94.
5226. А. Меосъ. Замѣтка къ одѣ Горация. Lib. II, car. VII, v. 9—14.—

- . 1879, ч. 206, октябрь, отд. V, стр. 858—862.
5227. А. Меосъ. Insequar или inferar въ Vergili Aeneid. lib. IV. 545? —1881, ч. 213, январь, отд. V, стр. 1—23.
5228. Л. Миллеръ. Жизнь и сочиненія Гаія Луцилія.—1878, ч. 169, сентябрь, отд. V, стр. 11—47.
5229. Л. Миллеръ. De Horatii saturgarum. II, 2, 29, 30.—1873, ч. 170, декабрь, отд. V, стр. 75—79.
5230. Л. Миллеръ. De Phaedri et Aviani fabulis.—1874, ч. 173, май, отд. V, стр. 20—49.
5231. Л. Миллеръ. Phaedri (ut videtur) Fabulae XX, ex pedestri sermone translatae in versus.—1875, ч. 178, апрѣль, отд. V, стр. 59—74.
5232. Л. Миллеръ. De Publili Optatiani Porfyrii carminibus.—1876, ч. 183, февраль, отд. V, стр. 98—107.
5233. Л. Миллеръ. De emendandis Phaedri fabulis.—1876, ч. 184, апрѣль, отд. V, стр. 53—65.
5234. Л. Миллеръ. De Virgillii Aeneidos I, 390—401.—1876, ч. 185, май, отд. V, стр. 1—6.
5235. Л. Миллеръ. По поводу Энеиды Виргилія VI, 882—887.—1877, ч. 194, декабрь, отд. V, стр. 49—51.
5236. Л. Миллеръ. Орывокъ изъ исторіи литературы позднѣйшаго періода Римской имперіи.—1878, ч. 200, декабрь, отд. V, стр. 177—209.
5237. Л. А. Миллеръ. Объ основахъ критики въ стихотвореніяхъ Горация.—1879, ч. 201, февраль, отд. V, 65—74.
5238. Л. А. Миллеръ. Жизнь и сочиненія Горация. — 1880, ч. 208, мартъ, отд. V, стр. 61—142.
5239. Л. А. Миллеръ. Новое изданіе Авла Геллія. (1) A. Gellii Noctium Atticarum libri XX. Ex recensione et cum apparatus critico Martini Hertz. II volumina. Berolini. MDCCCLXXXIII — MDCCCXXXV. 2) Opuscula Gelliana. Lateinisch und deutsch. Von Martin Hertz. Berlin. 1886).—1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 362—374.
5240. L. Müller. De Varronis loco quodam.—1880, ч. 210, августъ, отд. V, стр. 349—350.
5241. L. Mueller. De Q. Ennii Annalibus.—1883, ч. 228, августъ, отд. V, стр. 27—43.
5242. L. Mueller. Gelliana.—1884, ч. 233, май, отд. V, стр. 16—17.
5243. L. Mueller. Quaestionum Naevianarum capita tria.—1884, ч. 231, январь, отд. V, стр. 1—26.
5244. L. Mueller. De Livi Andronici et Cn. Naevi fabulis.—1885, ч. 239, май, отд. V, стр. 227—288; июль, стр. 289—296.
5245. L. Mueller. De Pacuvii fabulis.—1889, ч. 283, май, отд. V, стр. 52—80, июль, стр. 81—101.
5246. L. Mueller. De Accii fabulis.—1890, ч. 267, январь, отд. V, стр. 1—64, февраль, стр. 65—67.
5247. L. Mueller. De Horatii epistolarum II, 1, 50—62. — 1890, ч. 269, май, отд. V, стр. 59—74.
5248. В. Модестовъ. Письмо въ редакцію. (По поводу рецензіи Н. М. Благовѣщенскаго). — 1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 640—643.
5249. В. Модестовъ. Вліяніе водворенія въ Римѣ имперіи на литературу.—Римская литература при Тиберіѣ.—1878, ч. 198, августъ, отд. II, стр. 273—322.
5250. В. И. Модестовъ. Римская литература при Калигулѣ, Клавдіѣ и Неронѣ.—1878, ч. 200, ноябрь, отд. II, стр. 130—172. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 287—331.
5251. В. И. Модестовъ. Плавтъ и его значеніе въ университетскомъ преподаваніи.—1878, ч. 200, декабрь, отд. II, стр. 323—339.

5252. В. И. Модестовъ. Вступительная лекція по исторіи римской литературы.—1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 212—231.
5253. В. И. Модестовъ. Отвѣтъ на рецензію г. Эйлинскаго.—1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 212—230.
5254. Д. Нагуевскій. Отто Риббекъ, декламаторскія сатиры Ювенала вообще и четырнадцатая въ особенностях.—1872, ч. 161, май, отд. II, стр. 1—73.
5255. Д. Нагуевскій. Сатиры Ювенала.—1876, ч. 178, мартъ, отд. V, стр. 1—47.—1876, ч. 188, февраль, отд. V, стр. 57—97. — 1878, ч. 195, январь, отд. V, стр. 1—58.
5256. Д. Нагуевскій. О жизнеописаніи Ювенала.—1880, ч. 209, май, отд. V, стр. 181—218.
5257. Д. И. Нагуевскій. О рукописяхъ, схолахъ и изданияхъ Ювенала.—1888, ч. 255, январь, отд. V, стр. 30—56.
5258. И. Н. Негушкинъ. Экзегетическія замѣтки къ Катуту.—1889, ч. 266, декабрь, отд. V, стр. 33—44; 1890, ч. 268, апрѣль, стр. 41—48; ч. 269, май, стр. 49—58.
5259. Гр. А. В. Олоуфьевъ. Марціалъ. Біографическій очеркъ.—Приложеніе при 1891, ч. 273, январь, стр. 1—32, февраль, стр. 33—80; ч. 274, апрѣль, стр. 81—109.
5260. С. Опацинъ. О сатирахъ Ювенала. Разборъ мѣтній Отто Риббека.—1874, ч. 172, мартъ, отд. V, стр. 3—48, апрѣль, стр. 95—124; ч. 173, июль, стр. 53—74.
5261. Е. Павловичевскій. Liv. XXII, 23, 1.—1876, ч. 184, апрѣль, отд. V, стр. 66—67.
5262. Е. Павловичевскій. Quaeritur, cui inscripta sit Catillinae epistola, quae apud Sallustium de conjuratione Catillinae libri capite XXXV legitur.—1873, ч. 169, октябрь, отд. V, стр. 148—146.
5263. В. Сахаровъ. Обѣдъ у Назидаена. (Nogatii satir. II, 8).—1877, ч. 191, июнь, отд. V, стр. 53—75.
5264. А. Фогель. Критически-экзегетическія замѣтки. Ad. Ovid. Trist. III, 12, 24.—Ad. Ovid. Trist. I, 3, 8 sq.—1888, ч. 229, сентябрь, отд. V, стр. 83—88.
5265. А. Е. Фогель. Vergilianae. (Aen. I, 8 sqq., 39 sqq., 46)—1884, ч. 233, май, отд. V, стр. 18—27.
5266. А. Е. Фогель. Нѣсколько замѣтокъ къ критикѣ текста XXX книги Ливія.—1889, ч. 268, ноябрь, отд. V, стр. 1—12.
5267. Н. Э. Фомковъ. P. Vergillii Maronis Bucolica. Ecloga I. Tityrus.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. V, стр. 48—58.
5268. Р. А. Фохтъ. Критическое замѣчаніе къ Cic. Tusc. 1, 2, in.—1875, ч. 180, августъ, отд. V, стр. 86—88.
5269. Р. А. Фохтъ. О годѣ ссылки Овидія.—1876, ч. 183, февраль, отд. V, стр. 108—113.
5270. Ричардъ Фохтъ. О связи мыслей во второй книгѣ Цицероновыхъ Тускуланскихъ бесѣдъ.—1879, ч. 206, декабрь, отд. V, стр. 421—439.
5271. И. Ф. Замѣтка къ Цицерону: „De amicitia“, Гл. XXIV, 88.—1878, ч. 199, октябрь, отд. V, стр. 142—146.
5272. И. И. Холодникъ. Нѣсколько критическихъ и объяснительныхъ замѣтокъ къ „Agricola“ Тацита.—1886, ч. 246, июль, отд. V, стр. 1—24.
5273. И. И. Холодникъ. Марціалъ въ изданіи Фридендера. (Отзывъ объ изд.: M. Valerii Marcialis Epigrammaton libri. Mit erklärenden Anmerkungen von Ludwig Friedlaender. B. I—II. Lpz. 1885).—1887, ч. 261, май, отд. II, стр. 185—200.

5274. О. Шеборъ. По поводу Verg. Bucol. Ecl. III, V, 109 sq.—1883, ч. 228, июль, отд. V, стр. 3—17.
5275. О. А. Шеборъ. Нѣсколько критическихъ замѣтокъ къ Плавту. (Замѣтки къ комедіи „Mercator“).—1884, ч. 234, августъ, отд. V, стр. 31—74.
5276. О. А. Шеборъ. Критическія замѣтки. I. Plaut. Capt. 201. II. Cautul. XLI, I. 8. III. Plaut. Curc. 329 sqq. IV. Ibid. 380 sqq. V. Ibid. 455. VI. Ibid. ч. 212 sq. VII. Prop. III (Laehm. IV).—1891, ч. 277, сентябрь, отд. V, стр. 77—85, октябрь, стр. 1—10.
5277. С. Шпрозь. Объясненіе одного мѣста въ Virg. Georg. II, 140—141.—1879, ч. 205, октябрь, отд. V, стр. 354—357.
5278. О. А. Шпрозь. Фрагменты Эния и Невія. (Отзывъ о Q. Enni carminum reliquiae. Accedunt Cn. Naevi Belli Poenici quae supersunt. Emendavit et adnotavit Lucianus Mueller. Petropoli. 1885).—1885, ч. 240, августъ, отд. II, стр. 246—255.
5279. E. Schütze. De nonnullis Valerii Maximi locis disputatio.—1876, ч. 186, июль, отд. V, стр. 1—11.

Б. Рецензии.

5280. Adam. Cicero's Orator und Horaz's Ars poetica nach ihrer inneren Verwandtschaft verglichen. Urach. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 457. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).
5281. Андрей Адольфъ. Сатиры. Д. Юлія Ювенала. М. 1888.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 528—529. (Кн. новости).
5282. Quinti Ciceronis reliquias, recognovit Franciscus Buecheler. Lipsiae. 1869.—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 149—150.
5283. Novus Avianus, herausgegeben von Dr. Emil Grosse. Königsberg 1868.—Рец. 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 394—395. Нов. Иностр. ученой литерат.
5284. Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate Charcoviensi habendas, aperuit A. L. Dollen. Charcoviae. MDCCCLXIX.—Рец. И. Цвѣтаева 1870, ч. 152, дек., отд. II, стр. 289—305.
5285. Ad. Ebert, Tertullians Verhältnisse zu Municius Felix. Leipzig. 1868.—Рец. (въ ст. Новости иностр. ученой литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 521.
5286. Macrobius. Franciscus Eussenhardt recognovit. Lipsiae 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. учен. литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 515.
5287. Apuleii Metamorphoseon libri IX. Franciscus Eussenhardt recognovit. Berolini MDCCCLXVIII.—Рец. 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 472—473.
5288. Гр. Зетеръ. Критическій комментарий къ Горацию.—См. ст. И. И. Турцевича: О субструкціяхъ Капитолія и объ aedes (templum) Vestae.
5289. Григорій Зетеръ. Критическій комментарий къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горация. Варшава. 1886.—Рец. 1886, ч. 246, июль, отд. II, стр. 196. (Кн. новости).
5290. Григорій Зетеръ. Критическій комментарий къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горация. Варшава. 1886.—См. статью Ю. Кулаковскаго: Русскій ученый трудъ о Горациі.
5291. Григорій Зетеръ. Замѣтки къ

- латинскимъ текстамъ. Вып. II. Варшава. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 261. (Кн. новости).
5292. *Gr. Zeinert*. Забѣтки къ латинскимъ текстамъ. Вып. IV. Варшава. — Рец. 1889, ч. 264, июль, отд. II, стр. 202—203. (Кн. новости).
5293. *Gr. Zeinert*. Забѣтки къ латинскимъ текстамъ. Вып. VI. Варшава. 1890.—Рец. 1891, ч. 273, февраль, отд. II, стр. 435. (Кн. новости).
5294. *Zingerle*, *Ant. Ovidius und sein Verhältniss zu den Vorgängern und gleichzeitigen römischen Dichtern*. I Heft. Innsbruck. 1869.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 412—413.
5295. *Antiphontis orationes edidit Victor Jernstedt*. Petropoli. 1880.—Рец. К. Лютеблин. 1890, ч. 212, ноябрь, отд. V, стр. 472—486, декабрь, стр. 536—550.
5296. *The Fourth Book of the Meditations of M. Aurelius Antoninus. Revised Text with translation and commentary... By Hastings Crossley*. Lond. 1882.—Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 343—344. (Учено-лит. новости по классич. филологіи).
5297. *Kahnast (Ludw)*. Ueber Livius als Schullektüre. I Th. Rastenburg. 1863. II, III Th. Marienwerder 1867, 1868. — 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 399—400. (Нов. иностр. учен. литер.).
5298. *Claudii Claudiani Carmina*. Vol. I, Carm. I—XXIV. Recensuit *Ludovicus Jesp.* Lipsiae. MDCCCLXXVII.—Рец. L. Mueller. 1877, ч. 191, май, отд. V, стр. 49—51.
5299. *P. Langen*. Beiträge zur Kritik und Erklärung des Plautus. Lpz. 1882.—Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 465—466. (Учено-литературныя новости по классич. филологіи).
5300. *P. Ovidii Nasonis ex Ponto libri quattuor ad codicum fidem emendavit, adparatu critico instruxit d-r O. Korn*. Lipsiae. 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. учен. литерат.), 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 514.
5301. *Ausgewählte Comoedien des T. Maccius Plautus. Erklärt von Aug. O. Fr. Lorenz*. Berlin. 1869.—Рец. ст. Нов. иностр. учен. литер., 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 396—397.
5302. *Quaestiones Sapphicæ. Scripsit philologiae magister Ioannes Luhák. Accedit corollarium criticum atque exegeticum ad Ovidianam Sapho's epistolam*. Kazaniae. 1888.—Рец. И. П. 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 238—239. (Кн. новости).
5303. *Q. Horatii Flacci Carmina*. Избранныя оды и эподы Горация. Съ примѣчаниями *Лукиана Миллера*. Спб. 1881. — Рец. Г. Вейгера. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 369—415.
5304. *Q. Enni carminum reliquiae. Accedunt Cn. Naevi Belli Poenici quae supersunt. Emendavit et annotavit Lucianus Mueller*. Petropoli. 1885. — Отзывъ въ статьѣ О. А. III—ра: Фрагменты Эннія и Невія.
5305. Римская письменность въ періодъ царей, послѣд *В. Модестова*. Казань. 1878.—Рец. Н. М. Благолюбова. 1888, ч. 139, августъ, отд. II, стр. 646—668.
5306. Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ *В. И. Модестовымъ*. Полное изданіе. Спб.—Рец. 1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 515. (Кн. новости).
5307. Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ *В. И. Модестовымъ*. Поцное

- изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. 1888.—Рец. *Ф. Ф. Зѣлинскаго*. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 188—248.
5308. *Д. И. Нагуевскій*. Римская сатира и Ювеналъ. Литературно-критическое изслѣдованіе. 1879.—Рец. *Н. М. Влаговѣщенскаго*. 1881, ч. 218, ноябрь, отд. II, стр. 158—187.
5309. Сатиры Ювенала (введеніе, текстъ, варианты, комментаріи и указатель). Объяснилъ и издалъ съ приложеніемъ снимка изъ рукописи Пяту и изслѣдованія о Ювеналѣ и его произведеніяхъ *Д. И. Нагуевскій*. Т. I. (Изслѣдованіе о Ювеналѣ и его произведеніяхъ и сатиры I—III). Казань. 1888.—Рец. 1888, 266, апрѣль, отд. II, стр. 537. (Кн. новости).
5310. Основы библіографіи по исторіи римской литературы. Пособіе для студентовъ филологовъ. *Д. И. Нагуевскаго*. Казань. Библіографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889. Издалъ *Д. И. Нагуевскій*. Казань. 1888.—Рец. *И. П.* 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 237—238. (Кн. новости).
5311. Sex Aurelii Propertii Cynthia cum libro quarto elegiarum, qui Propertii nomine fertur. Editio novum in ordinem digesta recensente *Dominico Carustti Hagae Comitum apud Martinum Nijhoff* M. DCCCLVXIX.—Рец. 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 469—470.
5312. Indices lectionum quae in Academia Marburgensi per semestrem hibernum a. 1875 — 1876 habendae proponuntur. Vitae Catonis fragmenta Marburgensia nuper reperta praemisit *Henricus Nissen*.—Рец. *Л. Миллера*. 1876, ч. 194, мартъ, отд. V, стр. 46—51.
5313. *Occioni*. Cajo Silvio Italico e il suo poema. Padova 1869.—Рец. см. ст. *Новости иностр. ученой литер.* 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 397—398.
5314. Андрианка (Andria) П. Теренція. Изъ академическихъ чтеній по кафедрѣ латинской словесности *Давида Подурскаго*. Кіевъ. 1874.—Рец. *Р. А. Фохта*. 1878, ч. 195, февраль, отд. V, стр. 75—90; ч. 196, мартъ, стр. 117—132.
5315. Мартъ Теренціи Варронъ Реатинскій и Мениппова сатура, *И. Помлоевскаго*.—Рец. *Н. М. Влаговѣщенскаго*. 1870, ч. 147, январь, отд. II, стр. 88—131.
5316. Scaenicae Romanorum poësis fragmenta secundis curis recensuit *Otto Ribbeck*. Lipsiae. Volumen I. Tragicorum fragmenta. 1871.—Volumen II, Comicoorum fragmenta 1873.—Рец. *О. Р.* 1874, ч. 171, февраль, отд. V, стр. 119—135.
5317. Geschichte der Römischen Dichtung. Von *Otto Ribbeck*. I. Dichtung der Republik. Stuttgart. 1887.—Рец. *Ю. Еулашовскаго*. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 170—183.
5318. Anthologia Latina sive poësis Latinae supplementum. Pars prior. Carmina in codicibus scripta. Recensuit *Alexander Riess*. Fasciculus I: Libri Salmasiani aliorumque carmina. Lipsiae. 1869.—Рец. 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 473—474.
5319. Cicero's Rede gegen C. Verres, non *Fr. Richter*. Leipzig. 1868.—Рец. см. ст. *Нов. иностр. ученой литер.* 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 400—401.
5320. Die Oden und Epoden des Q. Horatius Flaccus. Für den Schulgebrauch erklärt von *Dr. E. Rosenberg*. Gotha. 1893.—Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 342—343. (Учено-лит. новости по классич. филологіи).
5321. C. Valeri Catulli liber. Les poë-

- sies de Catalle. Traduction en vers français par *Eugène Rostand*. Text revue d'après les travaux les plus récents de philologie, avec un commentaire critique et explicatif, par E. Benoist. T. I. et. II. Paris. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 460—461. (Учено-литер. новости по классич. филологии).
5322. M. Tullii Ciceronis oratio pro Archia... Texte latin..., un commentaire critique et explicatif, une introduction par *E. Thomas*. Par. 1883. — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 839—840. (Учено-литерат. новости по классич. филологии).
5323. Scholla in Lucani bellum civile. Edidit *Hermannus Usener*. Pars prior. Commenta Bernensia. Lipsiae M. DCCCLXIX. — Рец. 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 470—472.
5324. M. Valerii Marcialis Epigrammaton libri. Mit erklärenden Anmerkungen von *Ludw. Friedländer*. Lpz. 1886. — См. статью И. Холодника: Марциалъ въ изданіи Фридендера.
5325. M. Fabii Quintiliani institutionis oratoriae libri duodecim. Recensuit *Carolus Halm*. Leipzig. 1889. — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 414—415.
5326. A. Gellii Noctium Atticarum libri XX. Ex recensione et cum apparatu critico *Martini Herts*. II volumina. Berolini. MDCCCLXXXV. См. статью Л. А. Миллера: Новое издание Авла Геллія.
5327. Censorini de die natali liber. Ad codicum denuo collatorum fidem recensuit *Johannes Chlodniak*. Petropli. 1889. — Рец. 1890, ч. 267, февраль, отд. II, стр. 388. (Кл. новости).
5328. Аврелий Пруденцій Клементъ. Исслѣдованіе *Петра Цеттшота*. М. — Рец. 1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 216—217. (Кл. новости).
5329. Древняя рукопись двустинный Катона. Статья *Карла Шенкля* (Жур. для австр. гимназій 1073). — Рец. Л. 1874, ч. 175, сентябрь, отд. V, стр. 85—96.
5330. C. Sallusti Crispi de bello Jugurthino liber, für den Schulgebrauch erklärt von *I. H. Schmalz*. Gothe. 1883. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 459. (Учено-литер. новости по классич. филологии).
5331. *P. Schmidt*. De Nonii Marcelli auctoribus grammaticis. Lipsiae. MDCCCLXVIII. — Рец. см. Новости иностран. ученой литер. 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 398—399.
5332. Boethiana vel Boethii commentariorum in Ciceronis Topica emendationes ex octo codicibus haustas et auctas observationibus grammaticis composuit *Thomas Stangl*. Gothae. Perthes. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 462—463. (Учено-литер. новости по классич. филологии).
5333. *Thomas Stangl*. Der sogenannte Gronovschollast zu elf Ciceronischen Reden. Prag. 1884. — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 340—341. (Учено-литер. новости по классич. филологии).
5334. Imperatoris Marci Antonini commentariorum quos sibi ipse scripsit libri XII. Recensuit *Joann Stich*. Erz. 1882. — Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 394—395.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на предприняемое, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія,
ИМПЕРАТОРСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ
СЪ ОКТЯБРЯ 1898 Г.

ежемѣсячное иллюстрированное изданіе въ 4-ку,

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. Собко

„ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ“

Цѣна въ С.-Петербургѣ: безъ доставки — 6 р., съ доставкой — 7 р. въ годъ (равно какъ во всѣхъ университетскихъ городахъ, при полученіи отъ главнѣйшихъ мѣстныхъ книгопродавцевъ); съ пересылкой во всѣ города Имперіи — 8 р., за границу — 10 р.

Допускается и разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ безъ доставки въ С.-Петербургѣ — со взносомъ по 1 р. въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, а при доставкѣ и пересылкѣ — со взносомъ, сверхъ того, всей пересылочной суммы впередъ.

Редакція и Главная Контора: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, 38, и Мойка, 83.

О Т В Е Р Ы Т А П О Д П И С К А
НА
ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО
Сельскохозяйственнаго Института.

Годъ V 1899.

Извѣстія выходятъ **ЧЕТЫРЬМЯ** книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8°.

ПРОГРАММА ИЗВѢСТІЙ.

Официальный отдѣлъ.

Неофициальный отдѣлъ.

I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ, а именно:

- а) *естественно-историческіе, сельскохозяйственные и*
- б) *статистико-экономическіе* (преимущественно касающіеся изучения русскаго народнаго хозяйства).

Сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на предлагаемой опытной станціи, пасѣкѣ, въ лѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр.

II. Критическія и библиографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ народно-хозяйственной и естественно-исторической литературы.

III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйственнаго Института и въ книжн. магаз. Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна: въ годъ, за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.; отдѣльные оттиски статей естественно-историческихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по расчету 20 коп. за листъ.

Редакторы: С. И. Ростовцевъ.
Д. Н. Приишкинъ.

Открыта подписка на 1899 годъ

(10-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Вышла декабрьская книжка. Содержаніе ея слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Первые воскресныя школы въ Россіи. (Окончаніе). Я. В. Абрамова; 3) Мытарства одного юнца на письменныхъ испытаніяхъ по русскому языку. (Окончаніе). Пав. Кремлева; 4) Страницка изъ исторіи высшаго образованія въ Англіи. М. Суеминникова; 5) Психологія перваго дѣтства. Перев. съ англ. соч. проф. Трэнн. П. Г. Ммуева. (Окончаніе); 6) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). Н. П. Яковлева; 7) Объ образовательномъ вліяніи нашей средней школы на учащихся. (Окончаніе). М. Иванова; 8) По поводу циркуляра Управляющаго Минист. Нар. Просв. попечителямъ учебныхъ округовъ. Н. Ф. Арельева; 9) Къ вопросу объ учительскихъ курсахъ-сѣздахъ. Д. Исанова; 10) Письменные самостоятельныя работы по родному языку въ начальной школѣ. (Окончаніе). О. Х. Павловича; 11) Труды Уманскаго сѣзда по низшему сельскохозяиственному образованію. (Окончаніе); 12) Критика и библиографія (10 рецензій); 13) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ. М. Суеминникова; б) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; в) Хроника народныхъ библиотекъ. Его-же; д) Хроника профессиональнаго образованія. В. В. Б—ча; е) Родительскій кружокъ. Е. М. и др. статьи и замѣтки; 14) Разныя извѣстія и сообщенія; 15) Объявленія.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ въ 1899 году будетъ выходить еженедѣльно книжками не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкой—7 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою **ВОСЕМЬ** руб.; за границу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ.

Но сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать по прежнему журналъ **ЗА ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ за 1896 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ.

Всѣ экземпляры «РУССКОЙ ШКОЛЫ» за 1898 г. разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

О ВЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

въ 1899 году.

(Годъ изданія сороковой).

Журналъ „ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“ будетъ издаваться и въ 1899 году по прежней программѣ.

Указомъ св. Синода отъ 2-го по 29-е февраля 1884 года подписка на „Труды“ и „Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р.

За прежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1898 гг. по прежней цѣнѣ, то-есть, по 7 р. съ перес. Экземляры „Трудовъ“ за 1867, 1868 и 1884 гг. распроданы.

Съ требованіями относительно журнала редація проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣдующему адресу: Въ редакцію журнала „ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“ въ г. Кіевѣ (Ильин. домъ № 5).

Редакторъ профессоръ *В. О. Пыльницкій*.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1899 году
(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1899 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія девятнадцать лѣтъ (1880—1898).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

Въ 1898 году предполагается издать подъ редакціей
И. П. Боголюбова, А. А. Кизеветтера, В. Н. Лунда,
Ө. Ө. Ольденбурга, кн. Д. И. Шаховскаго и В. Е.
Якушкина книгу:

„ВСЕОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ, ЕГО ЗАДАЧИ И СРЕДСТВА“

Сборникъ статей и матеріаловъ, касающихся школь-
наго и внѣшкольнаго образованія народа.

Въ программу сборника входятъ: по возможности всестороннее изученіе начальной школы, выясненіе положенія учительскаго персонала, вопросъ о всеобщемъ обученіи, школьная гигиена, воскресная школа, народныя чтенія, общедоступныя развлеченія, общественныя и народныя бібліотеки, вопросы самообразованія, книжное дѣло, дѣятельность обществъ распространенія народнаго образованія, бібліографическія указанія и пр.

Составители сборника хорошо сознаютъ, что выполнить столь обширную программу, при настоящемъ состояніи у насъ изученія школьнаго и просвѣтительнаго дѣла, для нихъ возможно лишь при живомъ содѣйствіи учреждений и лицъ, работающихъ на поприщѣ народнаго образованія. Придавая особенное значеніе общественной самодѣятельности въ этой области и желая съ наибольшею обстоятельностью разработать соответствующіе отдѣлы сборника, составители рассчитываютъ прежде всего на готовность земскихъ и городскихъ учреждений, частныхъ обществъ, комиссій, бібліотекъ и школъ, возникшихъ по частному почину, о результатахъ дѣятельности своей сообщить путемъ присылки имѣющихся печатныхъ отчетовъ и при помощи отвѣтовъ на тѣ вопросы, съ которыми редакторы позволяютъ себѣ обратиться къ названнымъ учреждениямъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Прося о присылкѣ по указанному выше адресу всякаго рода матеріаловъ по народному образованію, составители вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ благодарны за всякое указаніе по предмету сборника.

ГОДЪ III.

1899.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся до
благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Органъ Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ.

Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства
учрежденій Императрицы Маріи, подъ редакцію Е. С. ШУМИГОРСКАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе
трехъ печатныхъ листовъ.—Подписная цѣна за годовое изданіе, съ
доставкою и пересылкою, три рубля.—Доходъ отъ изданія, за по-
крытіемъ всѣхъ расходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ прію-
товъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.—Подписка при-
нимается въ редакціи (С.-Петербургъ, Казанская ул., 7).

ПРОГРАММА:

- I. *Официальный отдѣлъ.* Распоряженія Правительства.
- II. *Спеціальный отдѣлъ,* посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣт-
скихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учреждений.
- III. *Литературный отдѣлъ.* Разработка всѣхъ вопросовъ благотво-
рительности и общественнаго призрѣнія.
- IV. *Литературное обозрѣніе* и библиографія.
- V. *Современное обозрѣніе.*
- VI. *Замѣтки и сообщенія.*
- VII. *Хроника* русской и иностранной благотворительности.
- VIII. *Смѣсь.*
- IX. *Объявленія.*

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Казанская ул., 7.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1899 ГОДЪ.

ВЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ПОМѢЩАЮТСЯ:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнія преподаванія, распределенія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя, съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р.

Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 р.

Подписка принимается въ Привлеченіи Университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

О ВЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1899 году.

Въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются: 1. Протоколы за-сѣданій Университетскаго Совѣта. 2. Новыя постановленія и распоря-женія по Университету. 3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей. 4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ. 5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся. 6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческій ея отдѣлъ. 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части университета. 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній университета. 9. Го-дичные отчеты по Университету. 10. Отчеты о путешествіяхъ препо-давателей съ учеными цѣлями. 11. Разборы диссертаций, представляе-мыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, про venia legendi и т. п., а также и самыя диссертации. 12. Рѣчи, произноси-мыя на годовичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ. 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы пре-подавателей. 14. Ученые труды преподавателей и учащихся. 15. Ма-териалы и переводы научныхъ сочиненій.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить еже-мѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьде-сять копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обихнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Уни-верситета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изда-ніе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Уни-верситетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи под-писныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета П. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатику, въ книж-ный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Универси-тета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

1899 г. (Третій годъ изданія). 1899 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ,

выходящій два раза въ мѣсяцъ безъ предварительной цензуры

„Вѣстникъ Графическаго Дѣла“.

Въ истекшемъ 1898 году журналъ слѣдилъ за всѣми усовершенствованіями въ области графическаго дѣла; въ рисункахъ и подробныхъ описаніяхъ сообщалъ массу практическихъ свѣдѣній; далъ руководство по коллодіонному способу, по техникѣ печатанія и первую часть руководства по литографіи. Въ 1899 году даетъ окончаніе руководство по литографіи и подробныя руководства по цинкографіи и автотипіи (съемка черезъ сѣтку). Расширяя въ настоящее время техническія средства нашего заведенія, устройствомъ отдѣльныхъ мастерскихъ по литографіи, фото-цинкографіи, фототипіи и гелиографіи, мы будемъ имѣть возможность дать нашимъ читателямъ не одни только описанія, но приложимъ большое количество образцовъ по всѣмъ этимъ графическимъ процессамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб., на полгода 3 руб.

„ безъ доставки	4 „	„	2 „	50 к.
„ за границу съ пересылкой	6 „	„	4 „	

Для лицъ, служащихъ въ графическихъ заведеніяхъ, допускается разсрочка, а именно: при подпискѣ—2 руб. и по 1 руб. черезъ каждые два мѣсяца.

Выписывающіе одновременно 5 экземпляровъ—шестой получаютъ безплатно.

Оставшееся небольшое количество экз. полнаго изданія со всѣми приложеніями, за 1897 и 1898 года, продаются по 4 р. за годъ безъ пересылки, а за оба года 7 руб., а съ пересылкой: за одинъ годъ 5 руб., за два года 8 руб.

Пріемъ подписки и объявленій для иногороднихъ исключительно въ редакціи: СПб., Чернышевъ пер., д. № 14, а для городскихъ подписка принимается кромѣ редакціи и въ конторѣ журнала: СПб., Фонтанка, уг. Апраксина пер., д. № 71—21.

Редакт.-Изд.—бывшій главный мѣст. Экспед. Златовъ. Государ. Бумагъ М. Д. РУДОМЕТОВЪ.

О П О Д П И С К Ъ
НА
„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ“

въ 1899 году.

Въ 1899 г. „Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ“ будутъ выходить *еженедѣльно* по прежней программѣ:

1. Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.
2. Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству.
3. Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ.
4. Отчеты и донесенія Министерству.
5. Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п.
6. Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще.
7. Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій.
8. Метеорологическія свѣдѣнія.
9. Библиографическій Отдѣлъ.
10. Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го Января и съ 1-го Юля.

Подписная цѣна: Съ пересылкою и доставкою; на годъ— 4 р., на $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» за 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 годы можно получать въ Редакціи по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки; за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895, 1896, 1897 и 1898).

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ

ИЗДАНІЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ

въ 1899 году

будетъ выходить попрежнему *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой, и будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ.

Въ 1899 году къ одной изъ книжекъ Православнаго Собесѣдника бесплатно будетъ приложенъ второй выпускъ Твореній св. Ипполита, епископа Римскаго, въ русскомъ переводѣ.

Всѣ новые подписчики получаютъ также бесплатно уже вышедшій первый выпускъ Твореній св. Ипполита, представляющій переводъ недавно открытаго въ полномъ видѣ его „Толкованія на книгу пророка Даніила“.

Въ пособіе на изданіе журнала и въ 1899 году ассигнована особая сумма Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ. На средства Владыки будутъ печататься между прочимъ лекціи по Основному Богословію недавно почившаго преосвящ. Михаила (Грибановскаго), епископа Таврическаго, и др. статьи богословскаго содержанія.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою по нѣмѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библиографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) научные матеріалы, около 10 печатныхъ листовъ въ годъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	На годъ.
Съ пересылкою и доставкой . . .	10 р.
Безъ доставки и пересылки . . .	8 „ 50 к.
За границу	12 „ — „

Разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи:

(Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала „Кіевская Старина“ (Безаковская, 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель **Е. М. Гамалый.**

Редакторъ **В. П. Науменко.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1) „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“—ежемесячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ редація издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

на весьма льготныхъ для своихъ подлинниковъ условіяхъ.

Въ 1899 г. будетъ изданъ ПЯТЫЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ Бесѣды св. І. Златоуста на Псалмы. Новые подписчики, желающіе имѣть и ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ТОМА, могутъ получить ихъ по уменьшенной цѣнѣ.

Условія подписки

а) *За оба журнала*—8 (восемь) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“ безъ переплета—9 (девять) руб., въ переплетѣ—9 руб. 50 коп. съ пересылкой.

б) *Отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“—5 (пять) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“ безъ переплета—6 р. 50 к., въ переплетѣ—7 (семь) руб.; за „Христианское Чтеніе“—5 (пять) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“ безъ переплета—6 р. 50 к., въ переплетѣ—7 (семь) руб. съ пересылкой.

Цѣна за границей:

За оба журнала—10 (десять) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—11 р. 50 к.; за каждый *отдѣльно*—7 (семь) руб., съ приложеніемъ „ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА“—9 руб.лей.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редацію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

1899 г.

Годъ X.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей
В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи *Н. Я. Грота*, *Л. М. Лопатина* и *кн. С. Н. Трубецкаго* и при ближайшемъ участіи *В. А. Гольцева*, *В. Н. Ивановскаго*, *Н. А. Иванова*, *С. С. Корсакова*, *Вл. С. Соловьева*, *А. А. Токарскаго*, *Н. А. Умова*.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологін. Въ понятія философіи и психологін включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общие обзоры литературы поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библиографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами по мѣстѣ 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1899 г. по 1-е января 1900 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „*Новаго Времени*“ (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), *Карбасникова* (С.-Пб., Москва, Варшава), *Вольфа* (С.-Пб. и Москва), *Оглоблина* (Кіевъ), *Вашмакова* (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, ²/₃, кв. 28 (въ помещеніи журнала „*Русская Мысль*“). Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40) годы изданія продаются по 5 р. за каждый годъ съ пересылкой; экземпляры за 1898 г. (№№ 41—45) продаются за 6 р. съ пер.; подписчики на новый 1899 г. получаютъ журналъ, при выискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу по 4 рубля за каждый годовой экземпляръ. № 15-й журнала не входящій ни въ одинъ изъ годовыхъ комплектовъ, весь распроданъ. При выискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ надлежащимъ платежомъ взимается съ cadaго руб. по 2 к.

Редакторъ *В. П. Преображенскій*.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества *Н. Я. Гротъ*.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціей, приобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкой въ другіе города.

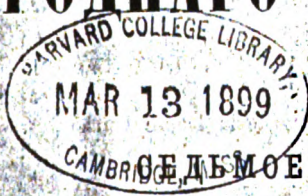

6th floor

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХІ.

1899.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашевъ и К^о. Наб. Фонтанки, д. 95.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	39
Ө. И. Леонтовичъ. Сельскіе чиншеники въ Литовско-русскомъ государствѣ	286
Графъ П. Банинскій. Историческій очеркъ развитія реального образованія въ Германіи до восьмидесятихъ годовъ на- шего столѣтія	308
А. С. Ланио-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка (окончаніе)	371
П. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ последнюю пору стараго порядка (продолженіе)	437
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
Ө. Ө. Зигель. Критическія замѣтки. I. La justice administrative en France, par Rodolphe Dareste, Deuxième édition avec la collaboration de Pierre Dareste. Paris. 1898. II. L'anne so- ciologique publié sous la direction de Émile Durkheim, professeur de sociologie à la Faculté des lettres de l'uni- versité de Bordeaux, Paris. 1898	466
А. Л. Погодинъ. Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ нидер- ландцевъ	493
Ив. А. Тихомировъ. В. П. Александренко. Русскіе дипломатиче- скіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣка. Тома 1-й и 2-й. Варшава. 1897	512
— Книжныя новости	517
— Наша учебная литература (разборъ 1 книги)	11
ОБРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.	
— Наши учебныя заведенія: Кавказскій учебный округъ въ 1897 году	63
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижя	72
В. Р. I. В. Н. Юргевичъ (некрологъ)	81
В. Р. II. А. А. Скальковскій (некрологъ)	84
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
Ф. Ф. Видеманъ. О началѣ греческой письменности	33
А. Векштремъ. Eberhardi Bethuniensis Graecismus	62
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.	
— Указатель статей, помещенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 года по 1891 годъ (л. 22)	337

О ВЪЯВЛЕНІИ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го февраля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ СССХІ.

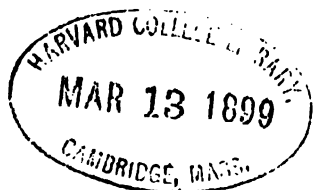
1899.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(8-го декабря 1898 г.). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: по Казанскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи *Штырлингъ*—съ 29-го мая 1894 г.; исполняющій обязанности инспектора Саратовской 2-й гимназій *Шумейко*—съ 1-го августа 1898 г.; учителя гимназій: Саратовской 1-й: *Переверзевъ*—съ 23-го іюля 1898 г. и *Гаддъевъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Вятской: *Бересневъ*—съ 1-го августа 1898 г. и *Генкель*—съ 1-го іюля 1898 г., Астраханской, *Внуковъ*—съ 31-го іюля 1898 г., Саратовской 2-й, *Ураевскій*—съ 1-го августа 1898 г., Самарской, *Ржановъ*—съ 22-го іюня 1898 г., Саратовской женской, *Соловьевъ*—съ 1-го августа 1898 г., Вятской женской, *Никоновъ*—съ 10-го августа 1898 г., реальныхъ училищъ: Вятскаго, *Богатыревъ*—съ 1-го августа 1898 г. и Астраханскаго, *Вальтеръ*—съ 10-го августа 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Екатеринбургскаго реального училища, *Ансеровъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; наставникъ Благовѣщенской учительской семинаріи, *Киртищиковъ*—съ 16-го августа 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: Владикавказской гимназій, *Кажидзе*—съ 1-го іюля 1898 г., реальныхъ училищъ: Владикавказскаго, *Чечелевъ*—съ 22-го іюня 1898 г. и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, *Яновскій*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: по

Казанскому учебному округу: учителя реальныхъ училищъ: Астраханскаго *Левитскій*—съ 27-го апрѣля 1898 г. и Камышинскаго, *Бочарниковъ*—съ 15-го октября 1894 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета *Бунинъ*—съ 5-го апрѣля 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Турьинскаго горнаго училища, *Дісовъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Пермской гимназіи, *Шкилевъ*—съ 22-го сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: Кутаисской гимназіи, *Дмитріевъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Тифлискаго реального училища, *Апостоловъ*—съ 1-го февраля 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Вятской, *Болотниковъ*—съ 1-го августа 1897 г. и Самарской, *Шифнеръ*—съ 10-го сентября 1897 г., Саратовскаго реального училища, *Гончаровъ*—съ 1-го августа 1897 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватель Троицкой гимназіи *Киселевъ*—съ 19-го октября 1896 г.; учителя: Кимбарской школы ремесленныхъ учениковъ, *Кушевъ*—съ 1-го іюля 1897 г. и Челябинскаго трехкласснаго городского училища, *Искосковъ*—съ 7-го іюля 1894 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисской 1-й, *Зданевичъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Ставропольской: *Соколовъ*—съ 15-го іюня 1897 г., *Рукавишниковъ*—съ 1-го августа 1897 г., *Фирсовъ*—съ 20-го іюля 1897 г., Екатеринодарской, городской, *Ларионовъ*—со 2-го сентября 1897 г. и Бакинскаго реального училища, *Царевскій*—съ 1-го іюля 1896 г., врачъ Ейскаго реального училища *Зенкевичъ*—съ 12-го сентября 1897 г.; смотритель Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища *Ларионовъ*—съ 1-го іюля 1893 г., изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Казанскому учебному округу: исправляющій должность астронома-наблюдателя Императорскаго Казанскаго университета *Грачевъ*—съ 3-го іюня 1898 г.; лаборантъ того же университета *Фолькманъ*—съ 1-го октября 1897 г.; врачъ Царицынской женской гимназіи *Шаровъ*—съ 31-го декабря 1895 г.; учитель Камышинскаго городского четырехкласснаго училища *Грязкинъ*—съ 9-го декабря 1895 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вятскаго реального училища *Капустинъ*—съ 4-го апрѣля 1898 г.; учитель приготовительнаго класса Астраханскаго реального училища *Ижумновъ*—съ 16-го февраля 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Екатеринбургскаго 1-го, *Хмелевъ*,—съ 1-го августа 1893 г., Белебеевскаго, *Акимовъ*—съ 15-го ноября 1897 г.; воспитатель Кунгурскаго техни-

ческаго, Губкина, училища *Пономаревъ* — съ 1-го іюля 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: помощники воспитателей пансіона Ставропольской гимназіи: *Ларионовъ* — съ 11-го сентября 1897 г. и *Борисовъ* — съ 17-го марта 1897 г.; учителя шестиклассныхъ городскихъ училищъ: Кутанскаго, *Росникъ* — съ 1-го августа 1898 года и Мингрельскаго, *Намченко* — съ 16-го іюня 1896 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные советники*: по Казанскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Малмыжскаго, трехкласснаго, *Ивнатъевъ* — съ 1-го іюля 1892 г., Уржумскаго трехкласснаго, *Равский* — съ 25-го апрѣля 1895 г. и Вятскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Панкратъевъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Астраханскаго реальнаго училища *Авровъ* — съ 1-го октября 1896 г.; учитель приготовительнаго класса Астраханской гимназіи *Гусевъ* — съ 22-го сентября 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Белебеевскаго четырехкласснаго городского училища *Сухарьковъ* — съ 19-го сентября 1897 г.; завѣдывающій Троицкимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Соснинъ* — съ 1-го августа 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 1-й гимназіи *Гроссъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Кутанской учительской семинаріи *Прокофьевъ* — съ 1-го іюля 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Батумскаго шестикласснаго, *Кононовъ* — съ 17-го августа 1896 г., Владикавказскаго Николаевскаго четырехкласснаго, *Толчаинъ* — съ 1-го августа 1896 г.; смотритель Прасковейскаго двухкласснаго начальнаго училища *Леденевъ* — съ 15-го ноября 1893 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Казанскому учебному округу: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Казанскаго университета *Евлампіевъ* — съ 12-го апрѣля 1898 г.; почетный смотритель Малмыжскаго городского трехкласснаго училища *Александровъ* — съ 21-го мая 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: исправляющій должность помощника воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Рогожинъ* — съ 1-го августа 1896 г.; учитель Георгіевскаго городского трехкласснаго училища *Шестаковъ* — съ 1-го августа 1896 г.; учитель-надзиратель Сухумской горской школы *Леонтьевъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; почетный смотритель Мингрельскаго городского шестикласснаго училища *Гасанъ-Джалаловъ* — съ 17-го ноября 1886 г.; исправляющій должность писмоподателя дирекціи народныхъ училищъ Терской области *Панкратовъ* — съ 20-го августа 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Казанскому учебному округу: помощникъ

классныхъ наставниковъ Вольскаго реальнаго училища *Григорьевъ*— съ 1-го января 1889 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель Пятигорскаго городского трехкласснаго училища *Джугушійа*— съ 21-го октября 1895 г.; письмоводитель Тифлисской 1-й гимназійи *Трифоновъ*— съ 1-го января 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Кіевскому учебному округу, письмоводитель Клишцовскаго ремесленнаго училища *Корзунъ*— съ 29-го апрѣля 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: смотрителя сельскихъ двухклассныхъ училищъ: Ланчутскаго, *Цитлидзе*— съ 1-го августа 1894 г., Чибатскаго, *Джорбенадзе*— съ 1-го августа 1897 г. и Нахухулевскаго, *Чимакадзе*— съ 1-го сентября 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежская советница*, по Казанскому учебному округу, инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, титулярный совѣтникъ *Кудрянецъ*— съ 8-го октября 1892 г.; *коллежская ассессора*: по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Саратовской 1-й, *Арбатскій*— съ 15-го сентября 1894 г. и Вольской женской, *Сныговой*— съ 22-го сентября 1892 г., реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Стадлинъ*— съ 19-го іюля 1894 г. и Сарапульскаго, *Беркутовъ*— съ 25-го мая 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: инспекторъ Оренбургскаго ремесленнаго училища *Витковскій*— съ 1-го іюля 1894 г.; преподаватели: Уральской женской гимназійи (бывшій), *Филеманъ*— съ 1-го іюля 1894 г., Оренбургскаго реальнаго училища, *Геймъ*— съ 1-го августа 1894 г., гимназій: Уфимской, *Фурреръ*, Перискаго, *Банель*, Екатеринбургской, *Юденичъ*, всѣ трое— съ 1-го августа 1894 г.; учитель-инспекторъ Оренбургскаго 2-го трехкласснаго городского училища *Лещенковъ*— съ 1-го іюля 1894 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Бакинскій Императора Александра III, *Авоонскій*— съ 1-го января 1894 г., Елисаветпольской, коллежскій регистраторъ *Виллинъ*— съ 1-го августа 1894 г.; реальныхъ училищъ: Тифлискаго (сверхштатный), *Стаховскій*— съ 18-го ноября 1891 г., Ейскаго, *Томекъ*— съ 16-го іюня 1894 г., Тифлисской 2-й Великой Княгини Ольги Θεодоровны женской гимназійи, *Шенбергъ*— съ 1-го сентября 1894 г.; *титулярнаго советника*: по Оренбургскому учебному округу: учителя Оренбургскаго ремесленнаго училища: *Кувшиновъ* и *Постниковъ*, оба— съ 1-го іюля 1894 г.; *коллежская секретаря*: по Кіевскому учебному округу лаборантъ геологическаго кабинета Императорскаго университета св. Владиміра *Радкевичъ*— съ 25-го мая 1890 г., по степени кандидата Императорскаго университета; по Казанскому учебному округу: сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго вете-

ринарнаго института *Лонинъ* — съ 1-го іюля 1894 г., по степени ветеринара; учителя городскихъ училищъ: Малмыжскаго трехкласснаго, *Бибисовъ* — съ 29-го октября 1891 г. и Котельничскаго трехкласснаго, *Крутиковъ* — съ 1-го іюля 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Симбирской гимназіи *Михайловъ* — съ 12-го мая 1894 г. и Саратовскаго реальнаго училища, *Врацкій* — съ 16-го августа 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи *Успенскій* — со 2-го апрѣля 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестикласснаго: *Ивановъ* — съ 6-го сентября 1893 г., *Алборашилинъ* — съ 1-го іюля 1893 г., Пятигорскаго трехкласснаго, *Буслаевъ* — съ 1-го іюля 1894 г.; бывший смотритель Екатеринодарскаго двухкласснаго начальнаго училища (нынѣ въ отставкѣ) *Юшко* съ 14-го апрѣля 1889 г.; *убернскаго секретаря*: по Казанскому учебному округу: бывший учитель Ядринскаго уѣзднаго училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовской 2-й гимназіи *Емельяновъ* — съ 1-го августа 1894 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель Бирскаго уѣзднаго училища *Куляевъ* — съ 20-го іюля 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель Прасковейскаго двухкласснаго начальнаго училища *Хечуевъ* — съ 24-го іюля 1892 г.; завѣдывающій Пашковскимъ двухкласснымъ сельскимъ училищемъ *Андреевъ* — съ 1-го октября 1889 г.

(15-го декабря 1898 года). *Назначаются*: адъюнкты-профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ, коллежскій совѣтникъ *Сидоровъ* — профессоромъ того же училища, по машиностроенію, съ 12-го ноября; привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Кудряевскій* — исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета, по каедрѣ нѣмецкаго языка и сравнительнаго языковѣднія.

Утверждается: окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени графъ *Уваровъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Бѣльскаго прогимназіи, согласно избранію, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія прозекторъ и привать-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Батуевъ* — профессоромъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по нормальной анатоміи.

Уволяется: отъ службы заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ философіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мейеръ*—за выслугою ерока.

Умершіе исключаются изъ списковъ: директоръ Ломжинской мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сергеевъ*, съ 14-го ноября, и директоры реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Раевскій*, съ 8-го ноября, и Винницкаго, статскій совѣтникъ *Нѣмецъ*, съ 18-го ноября.

(21-го декабря 1898 г.). *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владимира: докторъ химіи *Барзилоскій*—съ 24-го февраля 1890 г.; докторъ русской исторіи *Голубовскій*—съ 1-го сентября 1896 г., докторъ медицины *Высоковичъ*—съ 1-го января 1895 г. и докторъ физики *де-Метцъ*—съ 1-го января 1896 г. и Варшавскаго, докторъ русской словесности *Карскій*—съ 26-го іюня 1898 г.; причисленный къ министерству *Григорьевъ*—съ 22-го февраля 1898 г.; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Прозоровъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; правитель канцелярїи попечителя Казанскаго учебнаго округа *Жоховъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, доктора китайской словесности *Ивановскій*—съ 16-го іюня 1898 г.; доктора медицины: Казанскаго, *Каземъ-Бекъ*—съ 1-го августа 1898 г. и св. Владимира: *Орловъ*—съ 9-го января 1894 г., *Малиновскій*—съ 19-го ноября 1895 г., и *Образцовъ*—съ 20-го февраля 1897 г.; врачъ департамента народнаго просвѣщенія *Блюменау*—съ 11-го іюня 1898 г.; библиотекари Императорской публичной библиотеки: *Радловъ*—съ 3-го іюня 1898 г. и *Болдаковъ*—съ 8-го іюля 1898 г.; по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Мирошниковъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Омской гимназіи *Чудовскій*—съ 23-го іюня 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: рижскихъ реальныхъ училищъ: городского, *Пилеманъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Императора Петра I: *Мусиновичъ* и *Бастень*, оба—съ 1-го августа 1898 г., гимназій: Ревельской Александровской: *Рождественскій* и *Бейерле*, оба—съ 1-го августа 1898 г., Либавской Николаевской, *Вашуръ*—съ 1-го августа 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Центковъ*—съ 22-го августа 1898 г. и Калишской, *Реуттъ*—съ 1-го ав-

густа 1881 г.; штатный учитель Варшавской учительской семинаріи *Клима*—съ 27-го апрѣля 1883 г.; изъ надворныхъ съ коллежскіе советники: правитель канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа *Вилевъ*—съ 31-го іюля 1898 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ филологіи *Базинеръ*—съ 14-го іюня 1888 г.; адъюнктъ-астрономы Николаевской главной астрономической обсерваторіи: *Костинскій*, *Ивановъ* и *Серафимовъ*, всѣ трое—съ 1-го мая 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя гимназій: Рижской Императора Николая I: *Михалевичъ*, *Павловъ*, *Манжосъ*, *Юпатовъ*, Ревельской Императора Николая I, *Калнинъ*, Юрьевской, *Раевскій*, всѣ шестеро—съ 1-го іюля 1898 г., Рижской Александровской: *Смирнинъ* и *Мюленбахъ*, Митавской мужской: *Ожновъ* и *Тоховъ*, Рижской Императора Николая I. *Петровъ*, Ревельской Александровской, *Яблонскій*, Рижской городской *Ортенскій*, реальныхъ училищъ: Рижскаго Императора Петра I: *Виссоръ* и *Бояриновъ*, Рижскаго городского, *Вестбергъ*, всѣ десятеро—съ 1-го августа 1898 г., Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища *Гиренсонъ*—съ 1-го іюля 1897 г.; исполняющій обязанности инспектора Митавской мужской гимназіи *Томиловъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Александровъ*—съ 15-го августа 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Власовъ*—съ 3-го іюля 1898 г., Варшавской 6-й, *Неру*—съ 20-го февраля 1892 г., Петроковской, *Зайцевъ*—съ 1-го января 1897 г., Ченстоховской, *Михальскій*—съ 15-го сентября 1897 г. и Плоцкой, *Рутскій*—съ 13-го августа 1897 г., Варшавскаго реального училища, *Клима*—съ 1-го августа 1898 г., женскихъ гимназій: (штатные) Кѣлецкой (завѣдывающій) *Георіевскій*—съ 1-го августа 1898 г. и Ломжинской, *Калишевичъ*—съ 1-го января 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные советники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія *Авиловъ*—съ 30-го мая 1898 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ государственнаго права *Александренко*—съ 24-го мая 1898 г.; вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Моринъ*—съ 1-го мая 1898 г.; дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія: *Светловъ*—съ 5-го сентября 1898 г. и *Тропинъ*—съ 21-го іюля 1898 г.; членъ археографической комиссіи *Лихачевъ*—съ 10-го мая 1898 г.; младшій помощникъ бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки *Майковъ*—съ 22-го дека-

бря 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: бывший учитель Петропавловскаго пятикласснаго городского училища (нынѣ въ отставкѣ) *Желтшишевъ* — съ 13-го октября 1894 г.; учителя: городскихъ училищъ: Усть-Каменогорскаго трехкласснаго, *Домоховскій* — съ 15-го августа 1895 г. и Семипалатинскаго пятикласснаго, *Отановъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Томашевъ* — съ 1-го августа 1897 г.; по Рижскому учебному округу: лекторъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Германъ* — съ 1-го юля 1893 г.; учитель-инспекторъ Туккумскаго трехкласснаго городского училища *Юшко* — съ 1-го августа 1897 г.; штатный наставникъ Валкской учительской семинаріи *Шако* и учитель Вольмарскаго трехкласснаго городского училища *Сейманъ* (онъ же Симень) оба — съ 1-го августа 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: преподаватель и исправляющій должность инспектора Петроковской мужской гимназіи *Гроздовъ* — съ 23-го ноября 1897 г.; инспекторъ Сандомирской мужской прогимназіи *Токаревъ* — съ 29-го января 1898 г.; сверхштатный помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи и топографической анатоміи Императорскаго варшавскаго университета *Оржель* — съ 20-го августа 1898 г.; исправляющій должность младшаго астронома-наблюдателя при астрономической и метеорологической обсерваторіи того же университета *Эренфейхтъ* — съ 8-го марта 1898 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Лешевскій* — съ 1-го августа 1897 г., Петроковской: *Сиротининъ* — съ 8-го сентября 1894 г. и *Орловъ* — съ 18-го ноября 1895 г., женскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Бялковскій* — съ 1-го августа 1898 г., Радомской, *Цисаръ* — съ 5-го апрѣля 1898 г.; дѣлопроизводитель канцеляріи Лодзинской учебной дирекціи *Труневскій* — съ 18-го апрѣля 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощникъ бухгалтера департамента народнаго просвѣщенія *Хорошавинъ* — съ 19-го августа 1898 г.; старшій помощникъ бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки *Кайдоловъ* — съ 23-го марта 1898 г.; бухгалтеръ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Копоновичъ* — съ 20-го августа 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя городскихъ пятиклассныхъ училищъ: Семипалатинскаго, *Соловьевъ* — съ 15-го ноября 1898 г. и Петропавловскаго, *Шултовъ* — съ 1-го юля 1894 г.; лаборанты Императорскаго Томскаго университета: по кафедрѣ гігіены, *Бутлинъ* и по кафедрѣ діагностики, *Левашевъ*, оба — съ 1-го января 1897 г., при фармацевтической лабораторіи, *Ивановъ* — съ 12-го сен-

тября 1898 г.; журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя *Власовъ*—со 2-го іюля 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища, *Семеновъ*—съ 1-го октября 1894 г., Арсенбургскаго трехкласснаго городского училища, *Казикъ*—съ 1-го августа 1896 г., четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Рижскаго Императрицы Екатерины II, *Большетевъ* и Юрьевскаго, *Дависъ*, оба—съ 1-го августа 1898 г.; штатный наставникъ Юрьевской учительской семинаріи *Столяровъ*—съ 1-го августа 1897 г.; по Варшавскому учебному округу: сверхштатный ординаторъ при клиникѣ венерическихъ и кожныхъ болѣзней Императорскаго Варшавскаго университета *Улинскій*—съ 10-го декабря 1895 г.; учитель Петроковской мужской гимназіи *Гурновъ*—съ 1-го августа 1898 г.; штатный учитель Солецкой учительской семинаріи *Гусаренко*—съ 8-го сентября 1889 г.; лаборантъ при кафедрѣ физики Императорскаго Варшавскаго университета *Бернацкій*—съ 15-го сентября 1898 г.; штатный учитель Плоцкаго трехкласснаго городского училища *Соловьевъ*—съ 16-го мая 1898 г.; сверхштатный учитель Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городского училища *Антосюкъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ варшавской 6-й мужской гимназіи *Ящукъ*—съ 15-го сентября 1898 г.; пѣзъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтъники*: профессора Императорскаго Варшавскаго университета: ординарный, докторъ славянской словесности *Гротъ*—съ 1-го іюня 1879 г.; и экстраординарный, магистръ финансоваго права *Горь-Ромашкевичъ*—съ 22-го декабря 1885 г.; дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами департамента народнаго просвѣщенія *Георгиевскій*—съ 8-го сентября 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Акмолинскаго трехкласснаго, *Псаревъ*—съ 15-го августа 1891 г. и Пржевальскаго двухкласснаго, *Куценко*—съ 15-го октября 1892 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Федоровъ*—съ 1-го іюня 1896 г.; бывший провизоръ клинической аптеки Императорскаго Томскаго университета (нынѣ въ отставкѣ) *Штромбергъ*—съ 4-го сентября 1896 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Подкорбунскій*—съ 22-го августа 1898 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: трехклассныхъ городскихъ училищъ: Вольмарскаго, *Вомпсонъ*—съ 1-го мая 1895 г., Вейсенштейнскаго, *Зандбергъ*, Виндавскаго, *Воробьевъ*, Газенпотскаго, *Вольмеръ*, Арсенбургскаго, *Брутанъ* всѣ четверо—съ 1-го

августа 1895 г., Видавскаго, *Генортъ*—съ 15-го сентября 1895 г., Илукстскаго, *Шевко* и Юрьевского четырехкласснаго (сверхштатный) *Ворби*, оба—съ 1-го сентября 1896 г., приготовительнаго класса Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I, *Куштиневъ*—съ 6-го февраля 1896 г.; по Варшавскому учебному округу: дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя *Мельниковъ*—съ 24-го іюня 1898 г.; лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Михайловъ*—съ 22-го февраля 1895 г.; учителя: Петроковской мужской гимназіи, *Жемайтисъ*—съ 1-го октября 1890 г. и Варшавской 2-й мужской прогимназіи, *Протоповичъ*—съ 28-го іюня 1898 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: причисленный къ министерству *Раевскій*—съ 18-го мая 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Акмолинскаго трехкласснаго городского училища *Куминовъ*—съ 1-го мая 1892 г.; по Рижскому учебному округу, сверхштатный учитель Митавскаго Александровскаго городского училища *Щорсъ*—съ 1-го ноября 1898 г.; по Варшавскому учебному округу: штатный учитель Радомской женской гимназіи *Вьлинскій*—съ 1-го августа 1894 г.; сверхштатные учителя: Варшавской 5-й мужской гимназіи, *Окозмовъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и Радомской женской гимназіи, *Свишчкій*—съ 1-го августа 1896 г.; письмоводители мужскихъ гимназіи: Маріампольской, *Стальскій*—съ 1-го августа 1898 г. и Плоцкой, *Бордюговскій*—съ 28-го апрѣля 1898 г.; учитель образцоваго начальнаго училища при Андреевской учительской семинаріи *Михайловъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: по Рижскому учебному округу, учитель-завѣдывающій и надзиратель начальнаго училища при Ясманскомъ сиротскомъ домѣ въ гор. Митавѣ *Дункеръ*—съ 4-го ноября 1896 г.; въ коллежскіе регистраторы: почетный попечитель Бакинскаго реальнаго училища *Мирзоевъ*—съ 28-го октября 1875 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Омскаго Ильинскаго, *Киолицинъ*—съ 1-го іюля 1897 г., Надеждинскаго, *Скударновъ*—съ 1-го августа 1897 г., Подгорнаго, *Комаровъ*—съ 15-го сентября 1897 г. и Омскаго Никольскаго, *Шмотинъ*—съ 15-го сентября 1897 г.; механикъ Императорскаго Томскаго университета *Вьлозеровъ*—съ 1-го октября 1898 г.; по Рижскому учебному округу, канцелярскій служитель канцеляріи попечителя *Ждахинъ*—съ 19-го іюня 1878 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго советника*: ординарные профессора Императорскаго университета св. Вла-

димира: докторъ римскаго права, коллежскій совѣтникъ *Гуллевъ*—съ 18-го мая 1895 г., докторъ ботаники, коллежскій ассессоръ *Навашинъ*—съ 5-го декабря 1896 г., докторъ политической экономіи и статистики, коллежскій секретарь *Ясинопольскій*—съ 9-го іюля 1897 г., докторъ греческой словесности *Сонни*—съ 26-го іюля 1897 г. и докторъ римскаго права *фонъ-Зелеръ*—съ 27-го октября 1897 г.; профессоръ Рижскаго политехническаго института *Глазенанъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; *коллежскаго совѣтника*, экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, докторъ теории и истории искусствъ *Шавлуцкій*—съ 6-го марта 1898 г.; *надворнаго совѣтника*, по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Оствальдъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Кунфберъ*—съ 1-го ноября 1897 г.; *коллежскаго ассессора*: по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Семипалатинской мужской прогимназіи *Березниковъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; по Рижскому учебному округу: врачи: Ревельской женской гимназіи, *Кузникъ*—съ 1-го іюня 1890 г. и Либавской Николаевской гимназіи, *Веберъ*—съ 20-го февраля 1894 г., оба по степени доктора медицины; учителя гимназій: Рижской Александровской, *Кузнецовъ*—съ 18-го августа 1893 г., Либавской Николаевской, *Берманъ*—съ 26-го апрѣля 1894 г., Рижской городской, *Осткевичъ-Рудницкій*—съ 1-го августа 1894 г., Рижской Императора Николая I, *Цариковъ*—съ 6-го сентября 1894 г.; по Варшавскому учебному округу; учителя: Сосновицкаго реальнаго училища: коллежскій регистраторъ *Молоденковъ*—съ 1-го марта 1892 г. и *Рейхвальдъ*—съ 3-го октября 1891 г., Сѣдлецкой мужской гимназіи, *Коровицкій*—съ 15-го ноября 1893 г.; *титულлярнаго совѣтника*, по Варшавскому учебному округу, штатный ординаторъ при госпитальной хирургической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Коцяткевичъ*—съ 15-го февраля 1893 г., по степени гѣ каря; *коллежскаго секретаря*: причисленный къ министерству свѣтлѣйшій князь *Волконскій*—съ 14-го декабря 1897 г. и дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: *Бялевъ*—съ 9-го іюля 1897 г. и *Смирновъ*—съ 16-го января 1898 г., изъ нихъ первые двое—по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета, а третій—по степени кандидата духовной академіи; по Рижскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Юрьевской гимназіи *Карцовъ*—съ 1-го іюля 1890 г.; учителя городскихъ училищъ: Александровскаго эстонскаго трехкласснаго, *Рійкманъ*—съ 1-го сентября 1891 г., Юрьевскаго четырехкласснаго, *Сироткинъ*—

съ 15-го августа 1894 г. и Ревельскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Шейко*—съ 25-го августа 1894 г.; *зубернскаго секретаря*: по Рижскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Полапгенской мужской прогимназіи *Образцовъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; по Варшавскому учебному округу: сверхштатный помощникъ бібліотекаря Императорскаго варшавскаго университета *Будима*—съ 1-го октября 1897 г., учитель Сосновickaго реальнаго училища *Орловъ*—съ 12-го іюля 1898 г., штатный учитель Сувалкской женской гимназіи *Трошчій*—съ 1-го сентября 1896 г., всѣ трое—по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; *коллегскаго регистратора*, по Западно-Сибирскому учебному округу, помощникъ учителя Петропавловскаго пятикласснаго городского училища *Отиманъ*—съ 13-го іюля 1882 г.

(1-го января 1899 года). *Производятся*, за отличіе: изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные советники*: членъ совѣта министра Николай *Веселъ*; ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Михаилъ *Александренко* и директоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Иванъ *Аристовъ*; изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе советники*: директоръ департамента народнаго просвѣщенія Василій *Рахмановъ*; ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета Григорій *Земеръ*; чиновники особыхъ порученій V класса при министрѣ Михаилъ *Андриановъ* и Александръ *Никифоровъ*; главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири Александръ *Дядовъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, заслуженный Викторъ *Богословскій* и Алексѣй *Постоловъ*, С.-Петербургскаго, Орестъ *Хвольсонъ*, Казанскаго, Василій *Разумовскій*, Харьковскаго, Николай *Кульчицкій*, Николай *Куплеваскій*, Ирнархъ *Скворцовъ*, Кипріанъ *Ярошъ*, Людвигъ *Рейнгардъ* и Михаилъ *Остроумовъ*, Св. Владиміра: Павелъ *Морозовъ*, Оттонъ *Эйхельманъ* и Леонидъ *Бьлюрицъ-Котляревскій* и Томскаго, Владиміръ *Великій* и Иванъ *Грамматикати*; помощникъ директора и профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Иванъ *Пономаревъ*; бывший инспекторъ студентовъ Императорскаго Московскаго университета, нынѣ въ отставкѣ, Василій *Давыдовскій*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Яковъ *Никитинскій*; директоры гимназій: Житомирской второй, Яковъ *Гадзинскій*, Симферопольской, Семенъ *Коропочинскій*, Кутаисской, Іосифъ *Чебышевъ*, Гомельской, Василій *Роменскій*, Иркутской, Иванъ *Румовъ* и Ташкентской, Николай *Остро-*

умогъ; директоры реальныхъ училищъ: Смоленскаго Александровскаго, Николай *Давиденковъ*, Тамбовскаго, Владиміръ *Елоровскій*, Кіевскаго, Александръ *Гольдерекеръ*, Бѣлостокскаго, Михаи́ль *Павловскій*, Могилевскаго, Ива́нь *Лавровъ* и Томскаго Алексѣевскаго, Гаври́ль *Тюменцевъ* и директоры народныхъ училищъ губерній: Калужской, Дмитрій *Унковскій*, Витебской, Дмитрій *Тихомировъ* и Минской, Николай *Акоронко*; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: архитекторъ при управленіи Рижскаго учебнаго округа Алексѣй *Кизельбаазъ*, со старшинствомъ съ 3-го ноября 1898 года; въ коллежскіе реестраторы: исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя особаго отдѣленія департамента народнаго просвѣщенія для заведыванія промышленными училищами Михаи́ль *Сунцовъ*.

Награждаются орденами: *Благо Орла*: тайные совѣтники: члены совѣта министра Ива́нь *Ренаръ* и Вильгельмъ *Лемонюсъ* и попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа Васи́лій *Флоринскій*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени—ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Николай *Бекетовъ*.

Св. Анны 1-й степени—ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Игна́тій *Яичъ*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: товарищъ министра народнаго просвѣщенія Николай *Зепревъ*; вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Николай *Добольскій*; дѣлопроизводитель V класса сего департамента: Алексѣй *Камчатовъ*, Александръ *Талантовъ* и Владиміръ *Фармаковскій*; чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ Александръ *Кочетовъ*, заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Ива́нь *Стченовъ* и Харьковскаго, Александръ *Кузнецовъ* и Алексѣй *Дудукаловъ*; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Дарій *Нагуевскій*; директоры гимназій: Коломенской, Евгеній *Виссъ*, Царицынской Александровской, Дмитрій *Третьяковъ* и Мариампольской, Павелъ *Моссаковский*; заведывающій гимназіею при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, наставникъ-руководитель сей гимназій Михаи́ль *Акилоновъ*; директоръ частнаго реальнаго Воскресенскаго, въ г. Москвѣ, училища Константи́ль *Воскресенскій*; директоръ Московскаго учительскаго института Теодоръ *Елоровъ* и директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи Андрей *Поповъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени: дѣйстви-

тельные статскіе совѣтники: попечитель Московскаго учебнаго округа Павелъ *Некрасовъ*; ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ *Владиміръ Заленскій*; ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Александръ *Судаковъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Иванъ *Тарасовъ* и Николай *Жуковскій*, Харьковскаго, Александръ *Брандтъ* и Митрофанъ *Поповъ*, Св. Владиміра, Ѳеодоръ *Борнауитъ* и Варшавскаго, Петръ *Шиловъ*; директоры мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: четвертой, Владиміръ *Ваккеръ* и шестой, Спиридонъ *Эльмановичъ*, Лодзинской, Михаилъ *Рождественскій* и Эриванской, Владиміръ *Бражнниковъ*; бывшій директоръ Сѣдлецкой мужской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ *Абрамовичъ*; директоры реальныхъ училищъ: Астраханскаго, Владиміръ *Виноградскій*, Оренбургскаго, Михаилъ *Зерновъ* и Пермскаго, Михаилъ *Дмитріевскій* и директоры народныхъ училищъ губерній: Кутанской, Филиппъ *Левитскій* и Ставропольской, Михаилъ *Красновъ*; статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Эдуардъ *Ленцъ*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Карповъ* и Казанскаго, Николай *Заюскинъ*; инспекторъ студентовъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I-го Михаилъ *Смирновъ*; директоры гимназій: Архангельской, Дмитрій *Щетинскій*, Симбирской, Евгенийъ *Котовицковъ*, Корочанской Александровской, Романъ *Миrotровичъ*, Митавской, Ѳеодоръ *Тихомировъ* и Холмской, Николай *Несскій*; директоръ Орловской прогимназіи Иванъ *Пликинъ*; директоры реальныхъ училищъ: Скопинскаго, Дмитрій *Гика* и Пинскаго, Николай *Циклинскій*; директоръ Красноуфимскаго промышленнаго училища Семенъ *Туржеевъ*; директоръ Воронежской учительской семинаріи Сергій *Картинскій*; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Михаилъ *Сергеевъ*; исполняющій обязанности инспектора гимназіи Императора Александра III-го въ Болградѣ Григорій *Сokolовскій*; инспекторъ училищъ города Варшавы Иванъ *Савенковъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской Ларинской, Михаилъ *Поллинскій*, Московской третьей, Емилианъ *Черный*, Казанской второй, Николай *Сухотинъ*, Виленской первой, Арсеній *Турцевичъ* и Варшавской третьей мужской, Генрихъ *Гольдбергъ* и законоучитель лютеранскаго исповѣданія Варшавской шестой гимназіи Оттонъ *Мединъ*; почетный попечитель Елатомской гимназіи, коллежскій секретарь князь Владиміръ *Кудашевъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владимира 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Варшавскаго учебнаго округа *Петръ Руденскій*; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: заслуженные, *Петръ фанъ-деръ-Флитъ* и *Христофоръ Гоби* и *Алексѣй Соболевскій*, Московскаго: *Александръ Фохтъ*, *Алексѣй Остроумовъ* и *Александръ Бобровъ*, Казанскаго, *Николай Феноменовъ* и Новороссійскаго, *Евѣмій Клименко* и директоры: Владивостокской гимназін, *Николай Вознесенскій* и Повоторжской учительской семинарін, *Владиміръ Флеровъ*; статскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскаго Казанскаго университета: *Николай Любимовъ*, *Александръ Васильевъ* и *Николай Поповъ*; директоры гимназій: Олонецкой, *Иванъ Діомидовъ*, Вяземской Императора Александра III, *Отто Дрейеръ*, Саратовской второй, *Анатолій Казариновъ* и Шавельской, *Александръ Рубцовъ*; директоры реальныхъ училищъ: Зарайскаго, *Петръ Никумцевъ*, Вольскаго, *Василій Іонинъ-Батемировъ* и Калишскаго, *Николай Алатитовъ*; директоры учительскихъ семинарій: Алферовской, *Митрофанъ Маккаевъ* и Дедеркальской, *Павелъ Миловскій*; инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа *Василій Катаринскій*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, *Константинъ Леонтьевъ* и Варшавскаго, *Александръ Блокъ*; директоръ Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища *Николай Утѣхинъ*; инспекторы гимназій: Харьковской второй, *Иванъ Гоуштинцій* и Саратовской первой, *Оедоръ Рождественскій*; исполняющіе обязанности инспектора гимназій: Смоленской, *Степанъ Блажевецскій*, Кіево-Печерской, *Пареній Константиновъ* и Гродненской, *Каллистратъ Добровольскій* и реальныхъ училищъ: Казанскаго, *Иванъ Ленсъ* и Пермскаго, *Никодимъ Стеминевскій* и *Василій Смирновъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Тульской, *Козьма Елевневскій* и Харьковской, *Николай Бѣлокопытовъ*; юридическій дѣлопроизводитель канцелярін Варшавскаго учебнаго округа *Иванъ Кинель*; инспекторы-руководители учительскихъ семинарій: Вымыслинской, *Аванасій Балицкій* и Холмской, *Романъ Юркевичъ*; учитель въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Торъ Ламе*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ, первой, *Алексѣй Кондратьевъ* седьмой, *Николай Карновичъ*, Тульской, *Геннадій Глаголевъ*, Рязанской, *Вячеславъ Рейнеръ*, Кіевской четвертой, *Николай Козловскій*, Житомирской первой, *Сергій Весинъ*, Черниговской, *Виталій Рабце-*

омъ, Прилукской, Іосифъ Шарко, Вѣлоцерковской, Александръ Коркушко, Кишиневской первой, Оскаръ Шперлингъ, Сувалкской, Казимиръ Вишницкій, Тифлисской второй, Александръ Боголюбенскій и Череповецкой Марининской женской, Фѣдоръ Лавровъ; воспитатель при пансіонѣ гимназіи Императорскаго человеколюбиваго общества Василій Ереминъ; учителя реальныхъ училищъ: частнаго Воскресенскаго въ г. Москвѣ, Николай Золотницкій, Харьковскаго, Никифоръ Шевченко, Ловичскаго, Гавриилъ Яворскій и Виленскаго, Иванъ Дядькинъ; наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ г. Тамбовѣ, Виталій Артюховъ и учитель-инспекторъ Тульскаго городского училища Александръ Бекетевъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Левъ Малиновскій; дѣлопроизводитель VII-го класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Владиміръ Дьяковъ; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, немѣющій чина Николай Зининъ.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Павелъ Георгіевскій и Варшавскаго, Дмитрій Цептаевъ; помощникъ директора С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I, Николай Гезехусъ и директоры гимназій: С.-Петербургской седьмой, Николай Невзоровъ и Тифлисской третьей, Александръ Козюлькинъ; статскіе совѣтники: старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Александръ Ковальскій, начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, Иванъ Недумовъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго: Алексѣй Соколовъ, Георгій Колоколовъ и Витольдъ Церасскій; Казанскаго: Фѣдоръ Мищенко, Петръ Кротовъ, Гавриилъ Шерпаевичъ и Петръ Назимовъ, Харьковскаго, Владиславъ Бузескулъ и Иванъ Осиповъ и Томскаго, Николай Кащенко и Эрастъ Салищевъ; директоры гимназій: Московской пятой, Андрей Адольфъ, Старобѣльскаго Александровской, Николай Бѣлевъ, Ченстоховской, Иванъ Хабаровъ, Томской, Викторъ Щепетевъ и Тифлисской второй, Великой Княгини Ольги Фѣодоровны, женской, Фридрихъ Крейбертъ; директоры реальныхъ училищъ: частнаго Богинскаго въ С.-Петербургѣ, Николай Ботинскій и Тульскаго, Павелъ Ивановъ; директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Людвигъ Глазеръ; директоры прогимназій: Рославльской, Отто Ниландеръ, Ахтырской, Владиміръ Покровский и Енисейской, Николай

Ленартовичъ; директоръ Московскаго промышленнаго училища Александръ *Крыловъ*; директоръ Глуховскаго учительскаго института, Иванъ *Андреевскій*; директора учительскихъ семинарій: Пензенской, Андрей *Остроумовъ* и Иркутской, Павелъ *Тереховскій*; директора народныхъ училищъ губерній: Псковской, Иванъ *Красовъ*, Нижегородской, Сергѣй *Брызгаловъ* и Воронежской, Александръ *Комаровъ*; помощникъ директора Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая Сергѣй *Любомудровъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Александръ *Губаревъ* и Варшавскаго, Михайль *Васильевъ*; директоръ Брянскаго низшаго Механико-техническаго училища Александръ *Докторовъ*; правитель канцеліи попечителя Московскаго учебнаго округа Платонъ *Богдановъ*; инспекторы гимназій: Сумской Александровской, Никодимъ *Грековъ*, Воронежской, Михайль *Высоцкій*, Пензенской первой, Дмитрій *Захаринъ* и Немировской, Иванъ *Волкобой*; исполняющіе обязанности инспектора: гимназій: Самарской Николай *Спасскій* и Виленской второй, Иванъ *Бельювскій* и Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, Генрихъ *Салинъ*; инспекторы: Кутаисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, Александръ *Колянковскій*, народныхъ училищъ губерній: Архангельской, Михайль *Ломбергъ*, Казанской, Гурій *Вишневскій*, Черниговской, Дмитрій *Никольскій* и Ставропольской, Антонъ *Твалчрелидзе* и Донской области, Александръ *Кирилловъ*; врачъ департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Блюменау*; адъюнкты-астрономы Николаевской главной астрономической обсерваторіи: Ѳедоръ *Витрамъ* и Францъ *Ремъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго университета св. Владимира Павелъ *Юсевичъ-Красковскій*; заслуженные преподаватели нижегородскаго дворяцкаго института Императора Александра II: Михайль *Чохъ* и Николай *Костырко-Стоцкій*; учитель Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая Казиміръ *Добровольскій*; преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ гор. Нѣжинѣ Андрей *Шнукъ*; учителя гимназій: Могилевской, заслуженный, Николай *Тыминскій*, Московскихъ: первой, Николай *Орлинъ* и четвертой, Петръ *Писаревъ*, и Михайль *Боголюбовъ*, Смоленской, Вячеславъ *Мясопустъ*, Калужской, Ѳедоръ *Штифтаръ*, Нижегородской, Егоръ *Бережковъ*, Царицынскій Александровской, Михайль *Власовъ*, Кіевскихъ: второй, Борисъ *Яковлевъ* и третьей, Мануиль *Дивинскъ*, Одесскихъ: второй, Иванъ *Тищенко* и третьей, Яковъ *Симменъ*, Николаевской Александровской, Антонъ *Пелчевскій*, Кишиневской первой, Николай *Шиломъ*

и Александръ *Шимановскій*, Елисаветградской, Мелетій *Кривжановскій*, Тифлисскаго: первой; Аркадій *Орловъ* и третьей Ипполитъ *Пламеневскій*, Юрьевской, Христіанъ *Лундманъ*, Варшавскаго: второй, Степанъ *Околовъ* и шестой, Эдуардъ *Глясъ*, Ковенской, Степанъ *Чикилевскій*, Благовѣщенской, Александръ *Кирилловъ* и Иркутской, Иванъ *Чарноцкій* и Арнольдъ *Керберъ* и женскихъ: Кронштадтской Александринской, Левъ *Плещинскій*, Донской Маріинской, Алексѣй *Кузнецовъ*, Одесской Маріинской, Павелъ *Ладновъ* и Елисаветградской, Аполлонъ *Руденко* и Иванъ *Ивановъ*; бывший учитель Сувалкской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ *Смирновъ*; воспитатель пансіона Московской второй гимназіи Николай *Смирновъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, Іосифъ *Винцманъ*, Московскаго, Моисей *Владиміровъ*, Казанскаго, Христофоръ *Пашковскій*, Елабужскаго, Иванъ *Кентманъ*, Кременчугскаго, Эдуардъ *Гольдфретеръ*, Екатеринославскаго, Петръ *Окуловъ*, Оренбургскаго, Михаилъ *Галамиевъ*, Перискаго, Николай *Оловягинъ* и Тифлисскаго, Эдуардъ *Гропиусъ* и прогимназій: С.-Петербургской второй, Евгений *Борисовъ*, Московской, Василій *Васильевъ*, Азовской, Иванъ *Морозовъ* и Херсонской, Ѳедоръ *Индра*; учитель училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Фердинандъ *Мазинъ*; учитель Виленскаго еврейскаго учительскаго института Емельянъ *Правосудовичъ* и штатный учитель Лончицкой учительской семинаріи Константинъ *Кулаковъ*; коллежскіе совѣтники: инспекторъ школъ Тургайской области Александръ *Алекторовъ*; дѣлопроизводитель VII класса канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Николай *Николаевъ*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго университета св. Владиміра Іосифъ *Гавриленко* и врачъ училища при реформатскихъ церквяхъ въ С.-Петербургѣ Эдвинъ *Моссинъ*; надворные совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія Михаилъ *Авиловъ*; почетный попечитель Вологодской гимназіи Александръ *Іозефовичъ*; начальникъ отдѣленія канцеляріи попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александръ *Степановъ*; столоначальники канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: Московскаго, Петръ *Кудрявцевъ*, Харьковскаго, Александръ *Шитковскій* и Оренбургскаго, Владиміръ *Копонасевичъ* и учитель-инспекторъ Архангельскаго городского училища Павелъ *Черноруцкій*; учитель Керченской гимназіи, коллежскій ассессоръ Павелъ *Успенскій*; исполняющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета,

коллежскій секретарь Сергій *Възовъ*; почетный попечитель Кіевской первой гимназіи, корнетъ запаса гвардіи Александръ *Тереженко*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: исполняющій обязанности инспектора Корочанской Александровской гимназіи Александръ *Воиновъ*; инспекторы народныхъ училищъ губерній: С.-Петербургской, Вячеславъ *Введенскій*, Костромской, Сергій *Пернаткинъ*, Саратовской, Александръ *Кузнецовъ* и Эриванской, Константинъ *Перевозниковъ*; преподаватель Харьковскаго Технологическаго института Императора Александра III Николай *Дорофьевъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Юрьевскаго университета Эммануэль *Храбровъ*; учителя гимназій: Гельсингфорской Александровской, Иванъ *Дамбергъ*, Московскихъ: первой, Августъ *Корде* и седьмой, Викторъ *Котюсъ*, Владимирской, Карлъ *Рейхардтъ*, Тверской, Александръ *Петровъ* и баронъ Вильгельмъ *Энгельгардтъ*, Курской, Александръ *Кандауровъ*, Борисоглѣбской Александровской, Павелъ *Греве*, Кіевской первой, Тимофей *Косоноговъ* и Николай *Лятошинскій*, Прилукской, Иванъ *Россоптовскій*, Немировской, Филиппъ *Веровскій*, Ршешельевской, Алексѣй *Суворовъ*, Одесской второй, Эмилій *Озецкій*, Николаевской, Дмитрій *Архиповъ*, Павлоградской, Евеншій *Сребницкій*, Ялтинской, Павелъ *Рено*, Θεодосійской, Валеріанъ *Треубовъ*, Митавской, Николай *Новиковъ*, Ковенской, Петръ *Должанскій* и Гродненской, Евстафій *Орловскій* и Юлій-Матвѣй *Марти* и женскихъ гимназій: Евпаторійской, Карлъ *Госъ* и Екатеринославской Маріинской, Иванъ *Невскій* и Зенонъ-Иванъ *Стефанскій*; учителя: реальныхъ училищъ: Зарайскаго, Николай *Коваленковъ*, Астраханскаго, Георгій *Энде*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго, Василій *Коноваловъ*, Кіевскаго, Яковъ *Врублевскій*, Пермскаго, Альбертъ *Фюреръ*, Варшавскаго, Владиміръ *Красницкій* и Ейскаго, Поликарпъ *Крачковскій* и прогимназій: Аккерманской, Гавріилъ *Степановъ* и Бобруйской, Александръ *Смирновъ* и наставникъ Череповецкой учительской семинаріи Никифоръ *Ахутинъ*; коллежскіе совѣтники: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Иванъ *Стижарный* и Николай *Земинскій*, Казанскаго, Иванъ *Савченко*, Юрьевскаго, Виссарионъ *Александровъ* и Томскаго, Алексѣй *Смирновъ*; адъюнкты-профессоръ С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I Александръ *Яковкинъ*; исполняющіе обязанности инспектора: Либавской Николаевской гимназіи, Илья *Васильковъ* и Винницкаго реальнаго училища, Анатолій *Анцимо-Чикунскій*; инспекторы: Семипалатинской прогимназіи, Иванъ *Ремезовъ* и народныхъ училищъ Харьков-

ской губерши, Александръ *Бородавскій*; старшій наблюдатель Константиновской магнитной и метеорологической обсерватори, въ гор. Павловскѣ Сергѣй *Ежоровъ*; младшій помощникъ библиотекаря Императорской Публичной библиотеки Сергѣй *Бумаковъ*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: Императорскаго Человѣколюбиваго общества, Александръ *Антоновъ*, Гуревича, Константиновъ *Фелы* и доктора Видемана, Иринархъ *Половинкинъ*, Кронштадтской, Николай *Никольскій*, Псковской, Владиміръ *Клембровскій*, Московскихъ: второй, Сергѣй *Иванцовъ*, шестой, Георгій *Кельбереръ* и Юлій *Вильоме* и седьмой, Ѳеодоръ *Бремеръ*, Коломенской, Александръ *Стельмаховичъ*, Орловской, Иванъ *Борисовъ*, Рыбинской, Дмитрій *Куборскій*, Казанской третьей, Петръ *Черняевъ*, Вятской, Карлъ *Генкель*, Сумской Александровской, Бертольдъ *Гедрихъ*, Тамбовской, Василій *Аннинскій*, Кіевской второй, Михаилъ *Базаревичъ*, Немировской, Василій *Естушенко*, Острожской, Павелъ *Федоровъ* и Андрей *Еременко*, Одесской четвертой, Павелъ *Шумахеръ*, Мариупольской, Василій *Ефремовъ*, Павлоградской, Василій *Благодѣежинъ*, Херсонской, Николай *Щеловъ*, Перновской, Николай *Шляковъ*, Прагской, Андрей *Вилима-Шастерниковъ*, Холмской, Александръ *Свидерскій*, Сѣдлецкой, Алексѣй *Ивановъ*, Владивостокской, Ѳеодоръ *Зарницкій* и Ташкентской, Дмитрій *Назаровъ* и женскихъ гимназій: Радомской, Яковъ *Липкинъ*, Плоцкой, Василій *Зубовскій* и Ташкентской, Александръ *Николаевъ*; воспитатели при пансіонахъ С.-Петербургскихъ гимназій: Императорскаго человѣколюбиваго общества, Александръ *Бажинъ* и Гуревича, Павелъ *Филоновъ*; врачъ Мариупольской гимназиі Сергѣя *Гамперъ*; учителя: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго, *Шенбергъ*, Орловскаго-Александровскаго, Александръ *Шумаевъ*, Тверскаго, Камиллъ *Фуксъ*, Саратовскаго-Алексѣевского, Петръ *Вазинъ*, Сызранскаго, Эммануилъ *Вильковисскій*, Кременчугскаго, Семень *Голятовскій*, св. Павла въ гор. Одессѣ, Валеріанъ *Жуковскій*, Николаевскаго, Иванъ *Денисчукъ*, Екатеринбургскаго, Эммануилъ *Фуксъ* и Владиміръ *Аносовъ*, Владикавказскаго, Николай *Чечелевъ*, и Бакинскаго, Александръ *Шрамченко* и прогимназій: Харьковской, Михаилъ *Постоевъ* и Подлапгенской, Михаилъ *Преображенскій*; врачъ Бѣлозерской женской прогимназиі, Василій *Строгановъ*; учитель приготовительнаго класса Поневѣжской учительской семинари Андрей *Пойденисъ*; инспекторъ Ростовскаго-на-Дону ремесленнаго училища Николай *Прасоловъ* и учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ейскаго, Александровскаго, Лонгинъ *Сакварелидзе*, Шемахинскаго, Тарасій *Мамаладзе* и Троиц-

косавскаго, Венедиктъ *Поповъ*; надворные совѣтники: сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Алексѣй *Оваторскій*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Сергѣй *Богучевскій*; исполняющій обязанности инспектора Тифлисской третьей гимназіи Константинъ *Шиллеъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Костромской губерніи Василій *Веселовскій*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища Павелъ *Панинъ*; лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Сергѣй *Соловьевъ*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: второй, Сергѣй *Варницкій* и пятой, Сергѣй *Архательскій*, Олонецкой, Василій *Ивановскій*, Елатомской, Иванъ *Созонтьевъ*, Оренбургской, Дмитрій *Михайловскій*, Перскаго, Николай *Шкилевъ*, Тифлисской третьей, Аонасіи *Джварішвейшвили*, Юрьевской, Дмитрій *Золотаревъ*, Перловской, Генрихъ *Якоби*, Варшавской первой, Павелъ *Покровскій*, Прагской, Александръ *Аванасьевъ*, Холмской, Петръ *Романовъ*, и Могилевской, Евгений *Жотиковъ* и женскихъ гимназій: С.-Петербургской Покровской, Иванъ *Малыренко*, Гельсингфорской Маріинской, Владиміръ *Бубрихъ*, Люблинской, Александръ *Гиляровскій* и Благовѣщенской, Владиміръ *Ершовъ*; учителя: реальныхъ училищъ: Тифлискаго, Леонидъ *Апостоловъ* и Митавскаго, Петръ *Васильевъ*, С.-Петербургской первой прогимназіи, Николай *Яковлевъ* и училищъ въ С.-Петербургѣ, при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, Николай *Большевъ* и при Реформатскихъ церквахъ, Иванъ *Барбеца*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Михайловскаго, Яковъ *Синевубкинъ*, Нерехтскаго, Федоръ *Собаченко*, Вышневолоцкаго, Дмитрій *Исаковъ*, Сызранскаго, Николай *Снѣжницкій*, Слободскаго, Алексѣй *Делекторскій*, Кременчугскаго, Павелъ *Матвѣевъ*, Нухинскаго, Василій *Емельяновъ*, Грозненскаго, Василій *Ивановъ*, Митавскаго Александровскаго, Александръ *Подачинъ*, Виндавскаго, Александръ *Ивановъ*, Самаркандскаго, Николай *Благодаревъ*, Читинскаго, Василій *Харчевниковъ* и Ачинскаго, Николай *Федоровъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Слонимскаго, Петръ *Батуричъ*, Вилейскаго, Евстафій *Клетицкій*, Чериковскаго, Степанъ *Товстикъ* и Сѣвненскаго, Иванъ *Рыжковичъ*; лаборантъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, Иванъ *Жуковъ*; казначей Императорскаго Харьковскаго университета, Яковъ *Зборомирскій*; сверхштатный помощникъ Главной физической обсерваторіи, Вильгельмъ *Фридрихсъ*; учителя приготовительнаго класса: Ярославской гимназіи, Михаилъ

Завьяловъ и Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, Николай *Личкусъ*; помощники воспитателей пансіоновъ гимназій: Тифлисской первой, Михаилъ *Стеценко* и Кутаисской, Иларіонъ *Гузовъ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: С.-Петербургской седьмой, Адрианъ *Разумовъ*, Новгородской, Василій *Севрюгинъ*, Тульской, Петръ *Глушковъ*, Тамбовской, Яковъ *Гранатовъ*, Лубенской, Иванъ *Филанскій*, Θεодосійской, Григорій *Чернобаевъ*, Елисаветградской, Николай *Кожинъ* и Маріупольской, Алексѣй *Соловьевъ* и реальныхъ училищъ: Харьковскаго, Павелъ *Демьяненко*, Елисаветградскаго, Владиміръ *Кропивянский*, Мелитопольскаго, Дмитрій *Кузминъ*, Екатеринбургскаго, Александръ *Миловзоровъ* и Темиръ-Ханъ-Шуриискаго, Θεодоръ *Дунинъ*; учитель, завѣдывающій Повѣнецкимъ городскимъ училищемъ, Александръ *Щедровъ* и учителя: городскихъ училищъ: Вологодскаго, Христофоръ *Пахолковъ*, Ташкентскаго, Михаилъ *Морозовскій* и Минусинскаго, Иванъ *Бычковъ-Подьяковъ* и приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища Ипполитъ *Кутурцевъ*; коллежскіе ассессоры: экстраординарные профессоры: Императорскаго Юрьевскаго университета, Николай *Бяляскій* и Казанскаго ветеринарнаго института, Иванъ *Поповъ*; адъюнктъ-профессоръ института Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Орловъ*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета Врониславъ *Этимахъ-Штилло*; учителя гимназій: Московской третьей, Александръ *Лановой* и Варшавской пятой, Карлъ *Антель*; наставникъ Новинской учительской семинаріи Дмитрій *Левченко*; учитель татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи Фиридунъ-бекъ *Кочарлинскій*; почетный смотритель Холмскаго уѣзднаго училища Николай *Микляевъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Петергофскаго, Алексѣй *Гуляевъ*, Путивльскаго, Иванъ *Ермаковъ* и Славянскаго, Никаноръ *Воронковъ*; штатные смотрители городскихъ училищъ: Каменецкаго, Иванъ *Александровъ* и Барскаго, Моисей *Крашмальный*; хранитель зоологическаго музея Императорскаго Московскаго университета Григорій *Кожеевниковъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Карсунскаго, Иванъ *Архангельскій*, Кишиневскаго втораго, Филиппъ *Строй-Столяновъ* и Ишимскаго, Владиміръ *Куминовъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Харьковской первой, Алексѣй *Батровъ* и Варшавской четвертой, Григорій *Прудентовъ*; письмоводитель Ставропольской гимназій Θεодоръ *Постыловъ*; завѣдывающій Клинцовскимъ городскимъ училищемъ Ипполитъ *Яснопольскій*; учителя гимназій: Кур-

ской, Иванъ *Малтеевъ* и Благовѣщенской, Николай *Рождественскій* и женскихъ гимназій: Тверской Маріинской, Яковъ *Соколовъ* и Кременчугской, Николай *Пафнутьевъ* и учителя училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, Германъ *Брандтъ* и св. Петра и Павла въ городѣ Москвѣ, Александръ *Ляпуновъ*; титулярные совѣтники: учителя: гимназій: Лодзинской, Александръ *Голушикевичъ* и Плоцкой женской, Петръ *Ковалевскій* и армянскаго начального училища при Закавказской учительской семинаріи Соломонъ *Теръ-Арутюновъ*; врачъ Елисаветградскаго начального еврейскаго училища Юсифъ *Заторскій*; помощники классныхъ наставниковъ: Кутанской гимназій, Николай *Зайцевъ* и Бакинскаго реальнаго училища, Николай *Ивановъ* и писмоподатель Харьковской первой гимназій Яковъ *Карташевскій*; коллежскіе секретари: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Θεодосій *Горбъ-Ромашкевичъ*; адъюнктъ-профессоръ института Сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Иванъ *Калужинъ*; учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Иванъ *Кувшиновъ* и учитель, завѣдывающій Спасъ-Запрудненскимъ двухкласснымъ училищемъ министерства народнаго просвѣщенія при Костромской льнопрядильнѣ товарищества братьевъ Зотовыхъ, Николай *Китаевъ*; немѣющіе чина: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Григорій *Павлуцкій*; адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института Джонъ *Кларкъ*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Петръ *Лебедевъ*; сверхштатный учитель Калишской гимназій Сильвестръ *Поровскій* и преподаватель Варшавскаго рисовальнаго класса Иванъ *Киуцикъ*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, Сергій *Бубновъ* и Михаилъ *Мензбиръ*, Казанскаго, Ливерій *Даркшевичъ*, Петръ *Никольскій*, Евгений *Будде* и Алексій *Панормовъ*, Варшавскаго, Иванъ *Филевичъ* и Юрьевскаго, Адольфъ *Кнейзеръ*; сверхштатный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Карлъ *Гольцманъ*; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища Михаилъ *Прокушинъ*; директоры: Слуцкой гимназій, Михаилъ *Ивановскій*, реальныхъ училищъ: при реформатской церкви въ гор. Москвѣ, Иванъ *Фидлеръ* и Барнаульскаго Императора Николая II, Константинъ *Рябининъ* и учительскихъ семинарій: Киржачской, Григорій *Смирновъ* и Красноярской, Ѳедоръ *Говоровъ*; экстраординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Московскаго,

Михаилъ *Никифоровъ* и Николай *Голубовъ*, Казанскаго, Иванъ *Праксинъ* и Томскаго, Павелъ *Буржтинскій* и Ѳеодоръ *Романовъ*; директоръ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Петръ *Исаевъ*; инспекторы гимназій: С.-Петербургской второй, Евгений *Герасимовъ* и Московской четвертой, Дмитрій *Корольковъ*; исполняющіе обязанности инспектора: Архангельской гимназіи, Александръ *Ерштинъ* и реальныхъ училищъ: Вологодскаго, Иванъ *Павловъ*, Псковскаго-Сергіевскаго, Николай *Кусовъ*, Ростовскаго-Надону Петровскаго, Яковъ *Колмановскій*, Уральскаго, Павелъ *Сезьминковъ*, Ловичскаго, Всеволодъ *Лаврентьевъ* и Ревельскаго, Григорій *Барзовъ*; инспекторъ Врестской прогимназіи Павелъ *Якушевичъ*; инспекторы народныхъ училищъ: губерній: Новгородской, Николай *Рамзевичъ*, Вологодской, Афанасій *Знаменскій*, Московской, Константинъ *Кноблохъ*, Вятской, Василій *Чемодановъ*, Тамбовской, Иванъ *Путелинъ*, Екатеринославской, Яковъ *Теодоровичъ*, Таврической, Григорій *Руденко*, Оренбургской, Михаилъ *Даниловъ*, Пермской, Александръ *Поповъ*, Уфимской, Яковъ *Ивануха* и Донской области, Василій *Имякинъ*; исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея Маріанъ *Литвинскій*; преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Николай *Чернай*; постоянный ординаторъ Императорской Екатерининской больницы въ гор. Москвѣ, Андрей *Заболотскій*; учитель и воспитатель при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Александръ *Флинкъ*; учителя гимназій: Омской, заслуженный, Сергій *Версиковъ*, С.-Петербургскихъ: первой, Ѳеодоръ *Видеманъ*, Ларинской, Ѳеодоръ *Шубинъ* и восьмой, Петръ *Филоновъ* и Николай *де-Жоржъ*, Гельсинфорской Александровской, Рене *Лемерсье*, Владимірской, Николай *Мухинъ*, Елецкой, Александръ *Кедринскій*, Калужской, Сергій *Благовещенскій*, Костромской, Карлъ *Дотцауеръ*, Орловской, Эммануилъ *Маршевскій*, Рязанской, Иванъ *Юрасовъ*, Шуйской, Семень *Шевнинъ*, Самарской, Александръ *Павловъ*, Харьковской первой, Николай *Чекановъ*, Бѣлгородской, Ѳеодоръ *Аврамовъ* и Иванъ *Стефановскій*, Тамбовской, Георгій *Війчукъ*, Пензенской первой, Владиміръ *Ситсаревъ*, Новочеркасской, Иванъ *Автократовъ*, Кіевской четвертой, Андрей *Сертовскій* и Карлъ *де-Боккаръ*, Житомирскихъ: первой, Алексій *Преображенскій* и Василій *Бумаковъ* и второй, Андрей *Клименко*, Полтавской, Константинъ *Павловскій*, Бѣлоцерковской, Николай *Архангельскій*, Златопольской, Фридрихъ *Гебгардтъ*, Одесской четвертой, Владиміръ *Георгиевъ*, Анапьевской, Ѳеодоръ *Шпа-*

ковскій, Николаевской, Карлъ *Демардтъ*, Симферопольской, Арсеній *Маркевичъ* и Фердинандъ *Штисель*, Троицкой, Константинъ *Секундовъ*, Пермской, Александръ *Зетревъ*, Екатеринбургской, Александръ *Истоминъ*, Виленской второй, Николай *Крестинскій*, Минской, Василій *Созоновичъ*, Гомельской, Иванъ *Максимовъ*, Калишской, Карлъ *Брамманъ*, Кѣлецкой, Брониславъ *Беньковский*, Бѣльскою, Николай *Козачекъ*, Тифлискихъ: первой, Александръ *Приселковъ* и Иванъ *Соловьевъ*, второй, Василій *Храпко* и третьей, Артуръ *Медеръ*, Кутаисской, Тимошей *Дзюбинскій*, Тобольской, Николай *Никольскій*, Вѣрненской, Павелъ *Бенько*, и Вячеславъ *Крачмеръ*, и Иркутской, Адамъ *Франковскій*; женскихъ гимназій: Казанской Ксеніинской, Александръ *Ивановъ*, Царицынской-Маріинской, Александръ *Ацеровъ*, Таганрогской, Михаилъ *Жуковский* и Тифлиской второй, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, Сергѣй *Шульгинъ*; учителя реальныхъ училищъ: Новгородскаго, Василій *Голубевъ*, Великолуцкаго, Ѳедоръ *Билевъ*, Московскаго, Ефремъ *Балъи* и Фердинандъ *Гресе*, Калужскаго, Робертъ *Крюмеръ*, Костромскаго, Ѳедоръ *Францисци* и Антонъ *Юрченъ*, Нижегородскаго Владимирскаго, Юсифъ *Шиховскій* и Ѳедоръ *Невскій*, Тверскаго, Александръ *Кузьминъ*, Астраханскаго, Владиміръ *Ломанъ* и Антонъ *Визманъ*, Вольскаго, Аркадій *Соловьевъ*, Изюмскаго, Николай *Льсковичъ*, Полтавскаго, Александръ *Вельяръ*, Св. Павла въ г. Одессѣ, Иванъ *Юрченко*, Варшавскаго, Маркъ *Заменовъ*, Рижскаго городскаго, Густавъ *Бюинеръ*, Александровскаго Смоленскаго, сверхштатный Василій *Ивановъ*; учителя прогимназій: Рославльской, Карлъ *Кизминъ*, Карачевской, Дмитрій *Евреиновъ*, Рязанской, Николай *Дешевой*, Острогожской, Владиміръ *Тепляхъ*, Рыльской, Мартинъ *Хостникъ*, Воронежской, Андрей *Мокренскій*, Бобровской, Тимошей *Масловъ*, Одесской, Николай *Ивановъ* и Василій *Волковъ*, Варшавской второй, Осипъ *Радзюкинасъ* и Сандомирской, Иванъ *Каунъ*; учитель главнаго пѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Германъ *Гулеке*; учителя-воспитатели Александровскаго учительскаго института въ г. Тифлисѣ, Иванъ *Городенскій* и Александръ *Вересовъ*; наставники учительскихъ семинарій: Новочеркасской, Василій *Аврамовъ* и Коростышевской, Михаилъ *Кудрицкій* и воспитатель Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта въ г. Москвѣ, Николай *Козиревъ*; коллежскіе совѣтники: ординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: Евоимій *Карскій*, Алексѣй *Щербановъ*, и Александръ *Колосовъ*; исправляющій должность ординарнаго профессора Импера-

торскаго Юрьевскаго университета Иванъ *Комдановъ*; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Петръ *Землячичскій* и Казанскаго, Алексѣй *Казалъ-Бекъ* и Томскаго, Василій *Самозваницкоу*; исправляющіе обязанности инспектора: Минской гимназіи, *Коссовскій* и реальнаго училищъ: въ г. Москвѣ, при реформатской церкви, Павелъ *Андреевъ* и частнаго Воскресенскаго, Василій *Вомовъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, Александръ *Покровский*; библиотекарь с.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, Владиміръ *Иссерсъ*; учителя гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, Федоръ *Сахаровъ*, Воронежской, Гавриилъ *Новоцадоу*, Кіевской второй, Леонидъ *Сахаровъ*, Полтавской, Михаилъ *Андріевичъ*, Николаевской, Михаилъ *Толмаковъ* и Юрьевской, Николай *Скрябинъ* и женскихъ гимназій: Варшавской второй, Лука *Дьяковъ* и Иркутской, Яковъ *Прейма*; врачъ Воронежской гимназіи, Евгений *Валлеъ*; учителя: Моршанскаго реальнаго училища, Августъ *Лейбманъ* и главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, Рудольфъ *Штейманъ*; наставникъ Тотемской учительской семинаріи, Николай *Обицеровъ*; инспекторы городскихъ училищъ: Шушинскаго, Григорій *Тузовъ* и Ставропольскаго, Иванъ *Кривинъ*; врачъ Лодейновольскаго городского училища, Давидъ *Иссерсъ* и адъютантъ главной физической обсерваторіи Павелъ *Зимковъ*; надворные совѣтники: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, Владиміръ *Есиковъ*; правитель канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа, Николай *Зимовновъ*; дѣлопроизводитель VI-го класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Сельмоу*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Иванъ *Скалковскій*; помощникъ библиотекаря Императорскаго университета св. Владиміра Константинъ *Щебровъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета Павелъ *Буникъ*; учителя: Вѣльской гимназіи, Романъ *Киричичскій*, Изюмскаго реальнаго училища, Святополкъ *Степанскъ* и Лянчицкой учительской семинаріи, Андрей *Бурневскій*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Лужскаго, Семень *Шнаковскій*, Минскаго, Николай *Голубевъ* и Оршанскаго, Осипъ *Хуромичъ*; штатный смотритель и учитель Владиміровольскаго городского училища Феофанъ *Шкалунайда*; учитель Варшавской первой женской гимназіи Алексѣй *Кривинъ*; учителя: приготовительныхъ классовъ гимназій: Псковской, Александръ *Смирновъ* и Владикавказской, Іосифъ *Винаевъ* и Ку-

банскаго Александровскаго реальнаго училища, Петръ *Котляровъ*; помощники классныхъ наставниковъ: Иркутской гимназіи, Аванасій *Нелюбинъ*, реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго, Николай *Черновскій*, Выборгскаго, Александръ *Бородавкинъ* и Псковскаго Сергіевскаго, Иванъ *Знаменскій* и Александръ *Альбрехтъ* и Серпуховской Александровской прогимназіи Александръ *Успенскій*; учитель городскаго училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Владиміръ *Дубленко*; учитель низшаго отдѣленія приготовительнаго класса татарскаго отдѣленія при Закавказской учительской семинаріи Константинъ *Гараканидзе*; надзиратель Бирской иногородческой учительской школы Николай *Боголюбовъ* и учитель приготовительнаго класса и помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской первой гимназіи Петръ *Здановичъ*; коллежскіе ассесоры: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Викентій *Хмельевскій*; инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Иванъ *Введенскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Киевскаго учебнаго округа Антіохъ *Луцкевичъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ *Слонимскій*; почетный смотритель Тихвинскаго городскаго училища Сергій *Березниковъ*; штатный смотритель Тобольскаго уѣзднаго училища Николай *Харченко* и учитель Ревельской женской гимназіи Николай *Вальхъ*; коллежскіе секретари: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Владиміръ *Шкателовъ* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета Владиміръ *Тимофеевъ*; почетный попечитель Костромской гимназіи, отставной поручикъ Владиміръ *Лушинъ*; неимѣющіе чина: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра, князь Евгенийъ *Трубецкой* и Вильгельмъ *фонъ-Зелеръ* и Юрьевскаго, Михаилъ *Кратешинниковъ*; директоръ реальнаго училища св. Екатерины въ гор. Кіевѣ Эмиль *Крейцманъ*; исправляющій должность инспектора и экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Григорій *Халатьянъ* и учитель Варшавской первой гимназіи Францъ *Брунъ*.

Св. Станислава 3-й степени: доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, статскій совѣтникъ Федоръ *Молинъ*; коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Николай *Горданскій*; преподаватель С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I Сергій *Терешинъ*; учителя

гимназій: Саратовской первой, Петръ *Мюльбергъ*, Ростовской-на-Дону, Артуръ *Эжъ*, Екатеринославской, Николай *Цимбалитовъ*, Ягтнинской, Митрофанъ *Соболевъ*, Екатеринбургской, Андрей *Шереметевскій*, Митавской, Огюстъ *Мареръ*, Читинской, Николай *Веснинъ* и Херсонской Маріинской женской, Емельянъ *Емельяновъ*; учителя реальныхъ училищъ: Тульского, Петръ *Бонне* и Минскаго, Карлъ-Матвѣй-Фридрихъ-Вильгельмъ *Пимеръ*; учителя прогимназій: Рославльской, Александръ *Рапчинскій* и Ахтырской, Егоръ-Карлъ *Котанъ*; преподаватели промышленныхъ училищъ: Красноуфимскаго, Павелъ *Любченко* и Иркутскаго, Артуръ *Кельчевскій*; учитель Вейверской учительской семинаріи Михаилъ *Пажоко*; врачъ Екатеринбургскаго перваго городского училища Владиміръ *Падучевъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ частнаго реального училища Мазинга въ гор. Москвѣ Василій *Бьялинъ*; надворные совѣтники: младшій зоологъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ Николай *Книповичъ*; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета Александръ *Придики*; прозекторъ Императорскаго Харьковскаго университета Иванъ *Чуевскій*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Маевъ*; преподаватели Императорскаго Московскаго техническаго училища: Николай *Марковъ*, Александръ *Артари* и Владиміръ *Зворыкинъ*; механикъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III Аполлонъ *Комаровъ*; прозекторъ Юрьевскаго ветеринарнаго института Эрнестъ *Шредеръ*; младшій помощникъ бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки Сергѣй *Измайловъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета Платонъ *Фелицинъ*; экзекуторъ Императорскаго Томскаго университета Вячеславъ *Ржеускій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Осипъ *Дубровскій*; учителя гимназій: С.-Петербургской седьмой, Карлъ *Реха*, Московской пятой, Михаилъ *Смирновъ*, Коломенской, Целестинъ *Бартъ*, Ярославской, Георгій *Попперкъ*, Симбирской: Александръ *Воробьевъ*, Александръ *Аринскій* и Яковъ *Ламбергъ*, Пензенской второй, Николай *Виноградовъ*, Новочеркасской, Иванъ *Генераловъ*, Таганрогской, Владиміръ *Фонсовъ*, Кіево-Печерской, Алексѣй *Каптуревъ*, Каменецъ-Подольской, Анатолій *Шекунъ*, Глуховской, Степанъ *Живаго*, состоящій при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ городѣ Нѣжинѣ, Эмилій *Рихманъ*, Аваньевской, Дмитрій *Финаковъ*, Варшавской третьей, Рихардъ *Бауеръ* и Чеславъ *Логиевскій*, Радомской, Петръ *Истринъ*, Люблинской, Богданъ *Чихановъ*, Рижскихъ:

городской, Владиславъ *Печуль-Листаровичъ* и Владиславъ *Якубовскій*, Императора Николая I, Иванъ *Розиницковъ* и Алексѣй *Андреевъ* и Александровской, Викентій *Корвинъ-Коссаковский*, Ревельской Александровской, Карлъ *Кауженъ*, Виленской первой, Георгій *Шотто*, Витебской, Андрей *Воскресенскій* и Владиміръ *Тумасовъ*, Тифлисской первой, Сергій *Цатуровъ*, Эриванской, Рудольфъ *Герцъ*, Екатеринодарской, Евгенийъ *Брокъ* и Константинъ *Некрасовъ*, Владикавказской, Григорій *Гризоровичъ* и Омской, Николай *Молочниковъ* и женскихъ гимназій: Брянской, Эдмундъ *Яковицкій*, Орловской Николаевской, Василій *Маклашинъ*, Ростовской-на-Дону Екатерининской, Борисъ *Яковичъ*, Кіевской, Робертъ *Вольтнеръ*, Николаевской Маріинской, Константинъ *Чернышевъ*, Симферопольской, Василій *Щиченковъ*, Уральской, Эдуардъ *Галлеръ* и частной, Перепелкиной, въ гор. Москвѣ, Сергій *Манковъ*; учителя реальныхъ училищъ: Новгородскаго, сверхштатный, Петръ *Маленьковъ*. при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ гор. Москвѣ, Петръ *Шварковъ*, Ливенскаго, Карлъ *Венстремъ*, Ровенскаго, Павелъ *Долушинъ*, Винницкаго, Иванъ *Сokolоторскій*, Новозыбковскаго, Вольфгангъ *Ретшеръ* и Александръ *Лефевръ*, Роменскаго, Семенъ *Денисьевскій*, Кишиневскаго, Леонардъ *Зубаловъ*, Николаевскаго, Никифоръ *Терещенко*, Севастопольскаго, Эммануиль *Марцъ*, Либавскаго, Евгенийъ *Берманъ*, Пинскаго, Федоръ *Грудницкій*, Двинскаго, Александръ *Буйновъ* и Николай *Адамовичъ* и Ейскаго, сверхштатный, Валеріанъ *Михайловъ*; учителя прогимназій: С.-Петербургской второй, Сергій *Рункевичъ*, Московской, Иванъ *Гевеновъ*, Бѣльской, Иванъ *Казачковъ*, Орловской, Павелъ *Федоровъ*, Рыльской, Сергій *Череповъ* и Черкасской, Валеріанъ *Дашкевичъ*; учителя учительскихъ институтовъ: Глуховскаго, Михаилъ *Тростниковъ* и Виленскаго еврейскаго, Михаилъ *Соколовъ*; учитель Казанскаго промышленнаго училища Николай *Порфирьевъ*; руководитель практическихъ работъ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Михаилъ *Скручаевъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, Александръ *Городскій*, Мценскаго, Павелъ *Смирновъ*, Ольвіопольскаго, Георгій *Грудницкій*, Оханскаго, Алексѣй *Семеновъ* и Ренискаго, исполняющій обязанности Федоръ *Ворниковъ*; управляющій Красно-Уфимскою русско-башкирскою вышшею сельско-хозяйственною школою Константинъ *Оболенскій*; врачъ Кишиневскаго 1-го уѣзднаго училища Хаскельберъ *Мучникъ*; учитель Нижегородской школы ремесленныхъ учениковъ Владиміръ *Кролюницкій*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Шуйской,

Алексѣй *Радинъ*, Тамбовской, Андрей *Ситозаровъ*, Клевской первой, Михаилъ *Долженко*, Павлоградской, Николай *Кораблевъ*, Уфимской, Ипполитъ *Пономаревъ* и Гомельской, Михаилъ *Петрошицкій* и реальныхъ училищъ: Елабужскаго, Николай *Праистъ*, Саранульскаго Алексѣевского, Петръ *Постыловъ*, Сыранскаго, Михаилъ *Колыцовъ*, Св. Павла въ гор. Одессѣ, Карлъ *Вильгельмъ*, Екатеринославскаго, Фавій *Кармазинъ* и Поневѣжскаго, Иванъ *Алексеевъ*; учителя: завѣдывающіе городскими училищами: Волоколамскимъ, Георгій *Румянцевъ*, Киржачскимъ, Сергій *Юдинъ*, Галичскимъ, Петръ *Вичуговскій*, Хорольскимъ, Θεодосій *Несторовскій*, Армяно-Базарскимъ, Иванъ *Король* и Колыванскимъ, Михаилъ *Осининъ*; учителя городскихъ училищъ: Коломенскаго въ С.-Петербургѣ, Феодоръ *Четыркинъ*, Московскаго Солодовниковскаго, Николай *Вороновъ*, Рязанскаго, Яковъ *Максимовъ*, Спасскаго, Александръ *Бекечъ*, Дорогобужскаго, Григорій *Пановъ*, Тверскаго, Алексѣй *Върнословъ*, Самарскаго, Василій *Семеновъ*, Мамадышскаго, Яковъ *Бѣловъ*, Оргѣевскаго, Мартинъ *Здройковскій*, Александровскаго, Николай *Артамоновъ*, Θεодосійскаго, Артемій *Бакунъ*, Екатеринбургскаго втораго, Сергій *Виноградовъ*, Владикавказскаго Николаевскаго, Леванъ *Гварамадзе*, Кутаисскаго, Григорій *Кикодзе*, Ейскаго Александровскаго, Павелъ *Горбаневъ*, Баталпашинскаго, Сергій *Михайловъ*, и Барнаульскаго, Петръ *Орнатскій* и младшій надзиратель Коммиссаровскаго техническаго училища Павелъ *Оларевъ*; коллежскіе ассессоры: бібліотекаръ Императорскаго Юрьевскаго университета Вольфгангъ *Шлотеръ*; исправляющій должность прозектора Казанскаго ветеринарнаго института Сергій *Кирилловъ*; сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета Николай *Бойдановъ* и Геннадій *Матвеевъ*; физикъ главной физической обсерваторіи Сергій *Грибодовъ*; младшій помощникъ бібліотекаря Императорской публичной бібліотеки Хрисанфъ *Лопаревъ*; старшій помощникъ секретаря совѣта Императорскаго Варшавскаго университета Владиславъ *Турчиновичъ*; штатный помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета Караетъ *Власовъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, сверхштатный Яковъ *Макеровъ* и Московскаго, Степанъ *Жуковский* и сверхштатный Сергій *Орловъ*; сверхштатный ассиссентъ Императорскаго Казанскаго университета Всеволодъ *Столыпинскій*; учителя гимназій: Московской пятой, Алексѣй *Казаковъ*, Смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ, имени Императора Александра III, Николай *Якимовъ*, Рыбинской, Владиміръ *Бѣлоусовъ*, Вятской, Феодоръ *Болотни-*

ковъ, Самарской, Эрнестъ *Шифнеръ*, Харьковской третьей, Гервасій *Юханнсенъ*, Сумской Александровской, Михаилъ *Аваевъ*, Ростовской-на-Дону, Владиміръ *Ивановъ*, Кіевскихъ: первой, Николай *Петровъ* и второй, Владиміръ *Кротовъ*, Уфимской, Иванъ *Виноградовъ*, Лябавской Николаевской, Михаилъ *Аксеновъ* и Ставропольской, Леонидъ *Соколовъ* и женскихъ гимназій: частной Бессъ въ гор. Москвѣ, Константинъ *Высотскій*, Кіевскихъ: Николай *Домбровскій*, и А. Бейтель, Иванъ *Козловскій* и Тифлисской третій, Михаилъ *Каванъ*; учителя реальныхъ училищъ: Богинскаго въ С.-Петербургѣ, Василій *Семенчиковъ* и Николай *Филимоновъ*, Вологодскаго Александровскаго, Эрнестъ *Пецольдъ*, при реформатской церкви въ гор. Москвѣ, Семень *Алексеевъ*, Скопинскаго, Владиміръ *Мурашевъ*, Смоленскаго Александровскаго, Сергій *Петрунинъ*, Курскаго, Николай *Радкевичъ*, Новочеркаскаго, Теофілъ *Гротъ*, Севастопольскаго, Фердинандъ *Гримпе*, Рижскаго городского, Германъ *Гунъ*, Вакинскаго, Иванъ *Самойловъ* и Шущинскаго, Иванъ *Даниловъ*; учитель Петергофской Императора Александра II прогимназіи Анатолій *Мамонтовъ*; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Череповецкаго, Александръ *Коровкинъ*, Новоржевскаго, Анатолій *Ильинскій*, Суздальскаго, Иванъ *Шафровъ*, Николаевскаго, Михаилъ *Шачаловъ*, Варшавскаго, Петръ *Баккановскій* и Везенбергскаго, Иванъ *Рижковъ*, учитель Иркутскаго промышленнаго училища Павелъ *Жаковъ*; почетный смотритель Коломенскаго городского училища Александръ *Бородинъ*; учитель Евпаторійскаго Александровскаго караимскаго духовнаго училища Степанъ *Чайкинъ*; хранители кабинетовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго геологическаго, Константинъ *фонъ-Фогтъ* и Казанскаго минералогическаго, Аркадій *Лаврскій*; бухгалтеръ правленія Императорскаго Томскаго университета Гавріилъ *Бядненко*; учителя Одесскаго городского ремесленнаго училища Федоръ *Воронцовъ* и Константинъ *Гончаровъ*; штатный смотритель Ахтырскаго уѣзднаго училища Ефремъ *Пріймукъ*; помощникъ воспитателей при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Степанъ *Теръ-Сергянцъ*; учитель Симферопольской гимназіи Иванъ *Гусевъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Московской второй, Александръ *Шокровскій*, Нижегородской, Василій *Кудряцевъ*, Черниговской, Николай *Должиковъ*, Новгородсѣверской, Михаилъ *Котляровъ*, Владикавказской, Фульвіанъ *Соколовскій*, Батумской, Константинъ *Минучицъ*, Виленской первой, Германъ *Тыминскій* и Шавельской, Егоръ *Козловскій* и реальныхъ училищъ: Елиса-

ветградскаго, Иванъ *Экъ*, Херсонскаго, Антоній *Изотовъ*, Калишскаго, Викторъ *Завадскій*, Рижскаго городскаго, Маріанъ *Гельднеръ* и шушинскаго, Евгений *Соколовскій*; учителя, завѣдывающіе городскими училищами: Тихвинскимъ, Иванъ *Преображенскій*, Жлядринскимъ, Михаилъ *Ильинъ*, Можайскимъ, Петръ *Науменко* и Лохвицкимъ, Иванъ *Шебета*; учителя городскихъ училищъ: Грязовецкаго, Николай *Писаревъ*, Повѣнецкаго, Василій *Кирсановъ*, Угличскаго, Петръ *Критскій*, Мологскаго, Михаилъ *Пустоваловъ*, Кашинскаго, Леонидъ *Шварбовичъ*, Самарскаго, Евгений *Соколовъ*, Бугульминскаго, Тимоѳей *Зайцевъ*, Эмievскаго, Анатолій *Желдаковъ*, Павлоградскаго, Игнатій *Иванченко*, Лодзинскаго, Александровскаго, Николай *Федоровичъ*, Мензелинскаго, Дмитрій *Пушковъ*, Ревельскаго, Александръ *Тамма*, Феллинскаго, Готфридъ *Зульке*, Сигнахскаго, Николай *Дзидзиковъ* и Майкопскаго Александровскаго, Николай *Меликовъ*; учителя приготовительныхъ классовъ: гимназій: Тамбовской, Федоръ *Замятинъ*, Периской, Петръ *Комаровъ* и Рижской Александровской, Иванъ *Ивановъ*, Вологодскаго Александровскаго реальнаго училища, Константинъ *Кречетовичъ* и Варшавской второй прогимназій, Киприанъ *Лебединскій* учителя уѣздныхъ училищъ: Суджанскаго, Владиміръ *Лашкаревъ*, Лебедянскаго, Иванъ *Лоцаковъ*, Воронежскаго, Данилъ *Ткаченко*, Павловскаго, Андрей *Краснокутскій* и Томскаго, Иванъ *Чукреевъ*; учителя городскихъ училищъ: Заславскаго, Феофанъ *Яхновъ* и Брацлавскаго, Семень *Борковскій* и исправляющій должность директора народныхъ училищъ Забайкальской области Иванъ *Михайловскій*; титулярные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи Иванъ *Кудряковъ*; сверхштатные ассистенты Императорскаго Московскаго университета Мирза - Али - Шейхъ *Вагановъ* и Алексѣй *Мартиновъ*; секретарь управленія Императорской публичной библиотекы Александръ *Башкировъ*; приватъ-доцентъ Императорскаго Томскаго университета, врачъ Томской гимназій Сергѣй *Тимашевъ*; секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Преображенскій*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Московскаго университета Иванъ *Жолчинскій*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Александръ *Стуковъ*; учитель Шавельской гимназій Николай *Климонтовичъ*; учитель Кунгурскаго техническаго, Губкина, училища Юрій *Ошанинъ*, учитель-инспекторъ Павловскаго городскаго училища Михаилъ *Ивановъ*; врачъ Гатчинскаго городскаго училища Николай *Колтаковъ*; почетные смотрители училищъ: Кременчугскаго городскаго, Василій *Устиновичъ*

и Уфимскаго уѣзднаго, Сергѣй *Елтышевъ*; младшіе наблюдатели Константиновской магнитной и метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ Сергѣй *Ганнотъ* и Александръ *Бойчевскій*; учитель Иркутской учительской семинаріи Василій *Болотовъ*; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Иванъ *Смирновъ*; ассистентъ клиники Императорскаго Юрьевскаго университета Александръ *Пальховскій*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Императорской Царскосельской Николаевской, Георгій *Фишеръ*, Рижской Императора Николая I, Терентій *Смирновъ*, Тобольской, Дмитрій *Ветохинъ* и Читинской Александръ *Даниловъ* и Бакинскаго реальнаго училища Евгений *Красноуховъ*; младшіе надзирателя Коммиссаровскаго техническаго училища Павелъ *Александровскій* и Сергѣй *Наумовъ*; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго, Андреевскаго, Иванъ *Ковшовъ* и Рижскаго Императрицы Екатерины II, Иванъ *Бьлтенецъ*; смотрители-учителя училищъ: Хонскаго начальнаго, Степанъ *Гагуа* и Дешлагарскаго нормальнаго, князь Давидъ *Леонидзе*; учителя приготовительныхъ классовъ: Старобѣльской Александровской гимназіи, Василій *Любарскій*, реальныхъ училищъ: Мелитопольскаго, Яковъ *Булашевъ* и Рижскаго Императора Петра I, Петръ *Говтъно* и Вобруйской прогимназіи, Гавріиль *Лышевичъ* и учителя училищъ: городскихъ Васильковскаго, Александръ *Ревякинъ* и Каменецкаго, Андрей *Зленко* и Цхинвальскаго сельскаго нормальнаго, Ясонъ *Химіевъ*; коллежскіе секретари: инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекція сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской Алексѣй *Штиковъ*; бухгалтеръ канцеляріи С.-Петербургскаго Технологическаго института Императора Николая I Константинъ *Александровъ*; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Михаилъ *Образцовъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Дмитрій *Кутневичъ*, сверхштатные: Московскаго, Алексѣй *Сабанинъ* и св. Владиміра, Яковъ *Михайленко* и Владиміръ *Караваневъ*; секретари Императорскаго Харьковскаго университета: правленія, Алексѣй *Габаевъ* и по студенческимъ дѣламъ, Аполлинарій *Сабо*; помощникъ бібліотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета Эрнестъ *Аменде*; учителя: С.-Петербургской пятой гимназіи, Николай *Гельвицъ* и реальныхъ училищъ: Муромскаго, Иванъ *Литперовъ* и Ташкентскаго, Дмитрій *Струнинъ*; наставникъ Кутаисской учительской семинаріи Владиміръ *Прокофьевъ*; почетные смотрители городскихъ училищъ: Архангельскаго, Иванъ *Анисимовъ*,

Одоевскаго, Рудольфъ *Герке* и Нахичеванскаго, Александръ *Тер-Микиртичъянцъ*; старшій наблюдатель Тифлисской физической обсерваторіи Иванъ *Фишуровскій*; помощники столоначальника канцелярій попечителей учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, Николай *Антоновъ* и Западно-Сибирскаго, Александръ *Борисолтбскій*; хранители кабинетовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: анатомо-гистологическаго, Константинъ *Сентъ-Илеръ* и минералогическаго, Павелъ *Отоцкий*; лаборантъ Харьковскаго ветеринарнаго института Никоноръ *Клякинъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Люблинской гимназіи Левъ *Назаровичъ*; учителя: Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, Лазаръ *Ханановъ*, городскихъ училищъ: Царицынскаго, Александръ *Короваковъ*, при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ, Федоръ *Тремко*, Екатеринославскаго, Петръ *Трандафиловъ*, Иллуктскаго, Иванъ *Шевко*, Ахалцыхскаго, Григорій *Бурчеладзе*, Бакинскаго Михайловскаго, Василій *Чикваидзе*, Дербентскаго, Константинъ *Казаровъ*, Екатеринодарскаго, Петръ *Воевода* и Стефанъ *Фатъяновъ* и начальнаго училища при татарскомъ отдѣленіи Закавказской учительской семинаріи, Абдулъ-Али *Мухтаровъ*; канцелярскіе чиновники канцеляріи правленія Императорской академіи наукъ Николай *Москалюкъ* и Александръ *Перцетскій*; учителя приготовительныхъ классовъ: Минской гимназіи, Константинъ *Фальковичъ* и реальныхъ училищъ: Сумскаго, Захарій *Циценко* и Либаваго, Владиміръ *Василевскій* и помощникъ смотрителя Тифлискаго Николаевскаго начальнаго училища Яковъ *Чинмаритовъ*; губернскіе секретари: исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Иванъ *Русановичъ*; учителя гимназій: Олонецкой, Александръ *Кириковъ* и Варшавской четвертой женской, Александръ *Истринъ* и сверхштатный Николай *Кудриковъ*; почетный смотритель Малмыжскаго городского училища Петръ *Александровъ*; помощникъ класснаго наставника Гельсингфорской Александровской гимназіи Илья *Стратовъ*; завѣдывающій Владикавказскимъ Константиновскимъ городскимъ приходскимъ училищемъ Василій *Панкратовъ*; учитель Петрозаводскаго перваго приходскаго мужскаго училища Владиміръ *Заводовскій* и учитель Григоріопольскаго городского приходскаго училища Филаретъ *Демковичъ*; коллежскіе регистраторы: дѣлопроизводитель канцеляріи Варшавской учебной дирекціи Андрей *Кривошикъ*; учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища Григорій *Михайловъ*; смотрители: главной физической обсерваторіи, Генрихъ *Пертъ* и Елисаветпольскаго нормальнаго училища, Акимъ *Гикаловъ*;

учительскій помощникъ Орловскаго городского училища Митрофанъ *Фивейскій* и учитель Мезенскаго приходскаго училища Иванъ *Васильевъ*; немѣющіе чина: помощникъ директора Рижскаго политехническаго института Бенедиктъ *Водзинскій*; исправляющій должность профессора того же института Константинъ *Владимировъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ г. Нѣжинѣ Алексѣй *Покровскій*; адъюнкты-профессоръ Рижскаго политехническаго института Брунонь *Доссъ*; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Предтеченскій*; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой - Александріи Макарій *Колоколовъ*; прозекторы ветеринарныхъ институтовъ: Харьковскаго, Сергѣй *Трофимовъ* и Варшавскаго, исправляющій должность Николай *Раевскій*; помощникъ прозектора Императорскаго университета св. Владиміра Петръ *Качковскій*; сверхштатный лаборантъ того же университета Евгеній *Гуринъ*, учителя гимназій: доктора Видемана въ С.-Петербургѣ, Генрихъ *Вебусъ*, Нарвской, Діонисій *Крулмн*, Костромской, Николай *Мурашовъ*, Ярославской, Рудольфъ *Кунце*, Казанскихъ: Императорской первой, Николай *Пермяковъ* и Василій *Аванасьевъ* и третьей, Николай *Кылдочиневскій*, Харьковскихъ: второй, Витольдъ *Вальтеръ* и третьей, Александръ *Лаврентьевъ*, Корочанской Александровской, Алексѣй *Полъевъ*, Кіевской первой, Станиславъ *Трабша*, Кіево-Печерской, Мартинъ *Бруненекъ*, Житомирской первой, Лаврентій *Батугевъ*, Керченской, Валентинъ *Ковальскій*, Варшавскихъ: первой, Василій *Куборскій* и второй, Андрей *Тредіановскій*, Петроковской, Густавъ *фонъ-Бокъ*, Рижскихъ: Императора Николая I, Константинъ *Цариковъ* и городской, Александръ *Черняевъ*, Ревельской Императора Николая I, Петръ *Маштаковъ* и Василій *Ястремскій*, Либавской Николаевской, Николай *Папиловъ*, Читинской, Михаилъ *Молчановъ*, и Сѣдлецкой, сверхштатные Андрианъ *Бѣлецкій* и Аванасій *Пясецкій* и женскихъ гимназій: Череповецкой Маріинской, Юсифъ *Балзукевичъ*, Казанской Маріинской, Владиміръ *Брюхановъ* и Николай *Серетинъ*, Вятской Маріинской, Геннадій *Щановъ*, учрежденной С. И. Видинской, въ гор. Одессѣ, Дмитрій *Погорлякинъ*, Варшавской третьей, Петръ *Добровъ*, Баквинской Маріинской, Константинъ *Истоминъ*, и Люблянской, сверхштатный Петръ *Васильевъ*; воспитатель пансіона при Харьковской первой гимназій Николай *Насльдмшевъ*; учителя реальныхъ училищъ: доктора Видемана въ С.-Петербургѣ, Вильгельмъ *Гаукъ*, Вольскаго, Августъ *Стадлингъ*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, Александръ *Варенцовъ*, Кіев-

скаго, Леонидъ *Добровольскій*, Херсонскаго, Флоріанъ *Бубаръ-Рунке*, Оренбургскаго, Эдмундъ *Геймъ*, Уральскаго, Францъ *Самсъ*, Ловичскаго, Олимпій *Ортенскій*, Сосновицкаго, Людовикъ *Утке* и Казиміръ *Зелинскій*, Рижскаго Императора Петра I, Петръ *Павлюковъ* и Николай *Осинъ*, Ейскаго, Іосифъ *Томекъ*, Шушинскаго, Николай *Захаровъ*, Ташкентскаго, Александръ *Вонсовичъ*, Юрьевскаго, Евгенийъ *Черносусовъ*, Митавскаго, Леонидъ *Невзоровъ* и Тифлисскаго, Игнатій *Стаховскій*; учителя прогимназій: Егорьевской, Петръ *Дуриковъ* и Полавангенской, Михаилъ *Байдалаковъ*; учителя училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ: главнаго нѣмецкаго Св. Петра, Альбертъ *Нусбаумъ* и Св. Анны, Владиміръ *Букъ*, при реформатскихъ церквахъ Александръ *Энеръ* и при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ гор. Москвѣ, Христіанъ *Зейцъ*, учитель Бѣлгородскаго учительскаго института Николай *Мильскій*; наставники учительскихъ семинарій: Эриванской, Алексѣй *Хранко* и Туркестанской, Николай *Мамуцкій*; учителя приготовительныхъ классовъ учительскихъ семинарій: Рязанской Александровской, Дмитрій *Шумовъ* и Свислочской, Данилъ *Цвѣтковъ*; учителя-инспекторы: Сейнскаго городского училища, Павелъ *Гринкевичъ* и школы ремесленныхъ учениковъ при Прохоровской въ Москвѣ мануфактурѣ Петръ *Терентьевъ*; учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Александръ *Смаридовъ*; лаборантъ Варшавскаго ветеринарнаго института Владиславъ *Жутовскій*; учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.Петербургѣ Владиміръ *Бейеръ*; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: С.Петербургской первой, Александръ *Уразовъ*, Московской первой, Алексѣй *Присовъ*, Воронежской, Василій *Абрамовъ*, Варшавской четвертой, Василій *Тарасюкъ* и Елисаветпольской, Вячеславъ *Годманъ*, реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маринскаго, Викторъ *Врацкій* и Курскаго, Иванъ *Амелинъ* и Касимовской прогимназій, Константины *Стенькинскій*; учителя приготовительнаго класса Асхабадской прогимназій Михаилъ *Эсмонтъ* и Григорій *Коротковъ*; учителя городскихъ училищъ: Суражскаго, завѣдывающій училищемъ, Лука *Манжосъ-Бѣлый*, Вольскаго, Василій *Каменскій* и Александровскаго эстонскаго въ Кардсгофѣ, близъ Оберпалена, Августъ *Рійкманъ*; учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Александръ *Мончарскій*; учитель Симферопольской татарской учительской школы Александръ *Лястребковъ* и помощникъ классныхъ наставниковъ и учитель приготовительнаго класса Юрьевскаго реального училища Густавъ *Готте*.

Удостоиваются награжденія: подарками съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Ея Императорскаго Величества: дѣйствительные статскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ Іосифъ *Оношковичъ-Яцина*; помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа Алексѣй *Бялецкій*; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Александръ *Иностранцевъ* и директоръ Минскаго реального училища Иванъ *Самойло*; статскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края Владиміръ *Наливкинъ* и заслуженный преподаватель Виленскаго реального училища Александръ *Полозовъ*.

Зачитается въ дѣйствительную государственную службу время вольнонаемныхъ занятій: письмоводителю и бухгалтеру при пансіонѣ Костромской гимназіи, титулярному совѣтнику Алексѣю *Дяшкевичу*— въ канцеляріи Смоленской гимназіи, съ 1-го декабря 1881 г. по 10-е мая 1884 года; помощнику столоначальника канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, коллежскому регистратору Власу *Рябо*— въ той же канцеляріи, съ 1-го января 1892 г. по 1-е января 1895 года; неимѣющимъ чина канцелярскимъ служителямъ: департамента народнаго просвѣщенія Дмитрію *Штейну* и канцеляріи попечителя Рижскаго учебнаго округа, исполняющему обязанности журналиста и архивариуса опой, Осипу *Новицкому*, первому въ томъ же департаментѣ, съ 1-го февраля по 12-е декабря 1895 г., и второму— въ той же канцеляріи съ 5-го іюля 1892 г. по 5-е іюля 1895 г.

Предоставляются права дѣйствительной государственной службы, съ причисленіемъ къ 3-му разряду канцелярскихъ служителей: исправляющему должность письмоводителя и бухгалтера Шуйской мужской гимназіи Константину *Смирнову*; исправляющему должность письмоводителя Камышинскаго реального училища Степану *Соломевичу* и занимающемуся письмоводствомъ по вольному найму въ департаментѣ народнаго просвѣщенія Александру *Филиппову*.

(6-го января 1899 года). Назначаются: ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица, докторъ каноническаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Суворовъ*— ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета, по кафедрѣ церковнаго права, съ 1-го января; директоръ С.-Петербургской восьмой гимназіи статскій совѣтникъ *Фогтъ*, директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, статскій совѣтникъ *Борзакосскій*, и преподаватель, исправляющій обязанности инспектора Кіевскаго реального училища, коллежскій совѣтникъ *Турчаниновъ*— директорами: первой—

С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, второй—Одесской четвертой гимназій, третій—винницкаго реальнаго училища, изъ нихъ Борзаковский, съ 1-го января; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Маврокордато* и коллежскій ассессоръ *Терещенко*—вновь почетными попечителями гимназій: Маврокордато — Одесской второй, а Терещенко—Кіевской первой, оба—на три года; дворянинъ *Донухинъ*—почетнымъ попечителемъ Златопольской гимназій, на три года; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея, магистръ уголовного права, коллежскій совѣтникъ *Пионтковский*—исправляющимъ же должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ уголовного права и судопроизводства.

Утверждаются: адъютантъ Императорской Академіи Наукъ, докторъ греческой словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ермишмедтъ*—экстраординарнымъ академикомъ той же Академіи по классической филологіи и археологіи, съ 5-го декабря 1898 г.; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ильинъ* и кандидатъ Императорскаго университета князь *Лисенъ* — почетными попечителями: первый — Моршанскаго реальнаго училища, а второй—Ирмлауской учительской семинаріи, оба согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Безобразовъ*, съ 1-го января, и директоръ Люблинской мужской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сяпалевичъ*, оба съ мундирами, занимаемымъ ими должностямъ присвоенными.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

12. (9-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Пинскомъ реальномъ училищѣ, учреждаемой на капиталъ, пожертвованной служащими и учащимися въ ономъ, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-ю мая 1896 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1.006 руб. 23 коп., пожертвованнаго служащими и учащимися въ Пинскомъ реальномъ училищѣ, учреждается стипендія въ память Священнаго Коронованія Ихъ Им-

ператорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища, и составляетъ неотъемлемую его собственность, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ государственнаго 5⁰/₁₀₀ налога съ дохода въ казну, составляютъ стипендію для взноса платы за ученіе одного изъ учениковъ училища, или, если онъ будетъ освобожденъ отъ означенной платы, выдаются стипендіату или родителямъ его на пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій и вообще въ пособіе на воспитаніе.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища изъ лучшихъ по поведенію и успѣхамъ бѣднѣйшихъ учениковъ Пинскаго реальнаго училища, православнаго исповѣданія, и пользуется стипендіею во все время своего ученія въ училищѣ; но, при неуспѣшности въ наукахъ, или неодобрительномъ поведеніи, онъ можетъ быть, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишенъ стипендіи до окончанія полнаго курса ученія въ реальномъ училищѣ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Пинскаго реальнаго училища, стипендіальный капиталъ его передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое среднее учебное заведеніе города Пинска, или другаго города Минской губерніи, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, по представленію г. попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязанностей.

13. (12-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени члена Нижегородской городской управы, архитектора Н. А. Фрелиха при среднемъ механико-техническомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память бывшаго члена Нижегородской городской управы архитектора Николая Адамовича Фрелиха Нижегородскимъ городскимъ обществомъ учреждается при среднемъ механико-техническомъ училищѣ, состоящемъ при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, одна стипендія имени названнаго лица на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно въ потребномъ количествѣ изъ городскихъ средствъ.

§ 2. На стипендію отпускается ежегодно сумма необходимая для уплаты за право ученія одного ученика. Сумма эта вносится въ городскія расходныя росписи и передается по требованію директора реального училища въ Нижегородское губернское казначейство, для зачисленія въ спеціальныя средства механико-техническаго училища, въ отдѣлъ пожертвованій различныхъ благотворителей.

§ 3. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ механико-техническаго училища, православнаго исповѣданія, заслуживающій того по своему поведенію и успѣхамъ, преимущественно изъ коренныхъ жителей Нижняго-Новгорода. Оставленіе стипендіата на второй годъ въ томъ классѣ, по уважительнымъ причинамъ, не лишаетъ его права пользоваться стипендіей.

§ 4. Избраніе стипендіата принадлежитъ Н. А. Фрелиху, а послѣ его смерти Нижегородской думѣ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки по стипендіи выдаются стипендіату по окончаніи полнаго курса въ механико-техническомъ училищѣ. Если стипендіатъ выйдетъ изъ училища до окончанія курса, то остатки выдаются тому изъ слѣдующихъ стипендіатовъ, который окончитъ полный курсъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (17-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ подъ названіемъ „стипендія имени Старовичъ-Никольскаго“.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ *девять тысячъ пятьсотъ руб.*, завѣщаннаго умершимъ кандидатомъ правъ Александромъ Федоровичемъ Никольскимъ учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія, которая, по желанію завѣщателя, именуется „стипендія имени Старовичъ-Никольскаго“.

§ 2. Стипендія назначается бѣднѣйшему студенту юридическаго факультета, оказавшему наилучшіе успѣхи спеціально по гражданскому или государственному праву.

§ 3. Назначеніе студенту стипендіи производится правленіемъ университета, на основаніи общихъ установленныхъ для сего правилъ.

§ 4. Свободные проценты съ капитала, почему-либо оставшіеся неизрасходованными, присоединяются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (18-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Нижегородскаго мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго Нижегородскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ивановичемъ Яшновымъ, учреждается при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ стипендіа имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ реальнаго училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, употребляются на уплату за право ученія стипендіата и на снабженіе его платьемъ и учебными пособиями.

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту училища предоставляется право выдавать стипендію или на руки родителямъ ученика, или же производить вышеуказанные расходы чрезъ хозяйственный комитетъ училища.

§ 4. Стипендіа предоставляется бѣднѣйшему ученику реальнаго училища, преимущественно младшихъ классовъ, православнаго вѣроисповѣданія, изъ Нижегородскихъ мѣщанъ, при чемъ стипендіа сохраняется за ученикомъ и въ случаѣ перехода его для продолженія образованія въ среднее механико-техническое училище, состоящее при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ. Преимущественнымъ правомъ на занятіе стипендіи пользуются родственники учредителя стипендіи И. И. Яшнова и при томъ независимо отъ сословія, къ которому они принадлежатъ. Выборъ стипендіата принадлежитъ учредителю, а по смерти его право это переходитъ къ педагогическому совѣту реальнаго училища.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей въ продолженіе всего курса ученія въ реальномъ училищѣ и въ механико-техническомъ училищѣ, въ случаѣ перехода ученика въ это послѣднее. Оставленіе на 2-й годъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ не лишаетъ ученика права пользоваться стипендіей.

§ 6. Могушіе образоваться какимъ-либо образомъ остатки отъ процентовъ выдаются стипендіату немедленно по окончаніи имъ шести-класснаго или семикласснаго курса въ реальномъ училищѣ, а въ случаѣ перехода ученика въ механико-техническое училище, только по окончаніи полнаго курса этого училища. При этомъ, если стипендіатъ выбудеть до окончанія курса, то остатки выдаются тому изъ слѣдующихъ стипендіатовъ, который окончитъ полный курсъ реальнаго или механико-техническаго училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (16-го декабря 1898 года). *Положеніе о единовременномъ денежномъ пособіи, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи рублей, пожертвованнаго вдовскою тайною совѣтника Варварою Ивановною Канановою.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала учреждается при Московскомъ университетѣ единовременное пособіе имени заслуженнаго ординарнаго профессора Владимира Ивановича Герье, въ ознаменованіе сорокалѣтія научной его дѣятельности.

§ 2. Проценты съ капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога, назначаются, по полугодіямъ: во-первыхъ, для взноса платы за слушаніе лекцій, и, во-вторыхъ, въ единовременную выдачу платы на приобрѣтеніе учебныхъ пособій одному изъ нуждающихся студентовъ, исключительно изъ армянъ на историко-филологическомъ факультетѣ, а если таковыхъ не окажется, то нуждающемуся студенту изъ армянъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета.

§ 3. Избраніе и назначеніе студента, за котораго должна вноситься плата за слушаніе лекцій и которому должно быть выдано пособіе на приобрѣтеніе учебныхъ книгъ, предоставляется, по соглашенію съ правленіемъ университета, В. И. Герье пожизненно, а послѣ его смерти профессору по кафедрѣ всеобщей исторіи.

§ 4. Пособіе, назначенное студенту для взноса платы за слушаніе лекцій, не выдается на руки студенту, а по полугодно деньги перечисляются правленіемъ университета въ соотвѣтствующій источникъ.

§ 5. Могушіе образоваться остатки отъ процентовъ съ капитала, въ случаѣ неимѣнія кандидата на пособіе или по какимъ-либо дру-

гимъ причинамъ, присоединяются къ капиталу, для увеличенія размѣра пособія.

§ 6. Полученіе пособія не налагаетъ на студента никакихъ обязательствъ.

17. (21-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Николая Андреевича Бѣлоголоваго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи* руб., вырученнаго отъ продажи 3-го изданія „Воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго“ и пожертвованнаго вдовою покойнаго г. Бѣлоголовою, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ одна стипендія имени „доктора медицины Николая Андреевича Бѣлоголоваго“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4%, государственной ренты, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. За вычетомъ изъ доходовъ съ капитала 5%, государственнаго налога, стипендія въ размѣрѣ *ста четырнадцати* руб., выдается одному изъ бѣдныхъ и способныхъ студентовъ всѣхъ факультетовъ университета по очереди, безъ различія происхожденія и вѣтронспоряданія.

§ 4. Избраніе стипендіатовъ предоставляется правленію университета, на общихъ основаніяхъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣровъ стипендіи.

18. (22-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени астраханскаго 1-й гильдіи купца Дмитрія Васильевича Прусова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *тысячу девяти* рублей, пожертвованнаго вдовою астраханскаго 1-й гильдіи купца Дми-

трія Васильевича Прусова, Екатериною Васильевою Прусовою, учреждается въ память ея мужа, одна стипендія его имени при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Проценты съ пожертвованнаго капитала назначаются на взносъ платы за ученіе одного бѣднаго ученика Астраханскаго реального училища, оказывающаго при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4%, государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность названнаго училища и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ этого училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 4. Право выбора стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, по соглашенію съ Е. В. Прусовой.

§ 5. Стипендіатъ, не перешедшій въ высшій классъ по прошествіи одного года по лѣности или слабымъ способностямъ, или по прошествіи двухъ лѣтъ по болѣзни, лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (30-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Платона Федоровича Симиренко при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ триста пятьдесятъ* руб. учреждается на историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владиміра одна стипендія въ *триста* руб. имени Платона Федоровича Симиренко, согласно духовному завѣщанію мѣщанина Ивана Васильевича Шеленговскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность университета и хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Стипендіатами имени Симиренко могутъ быть только студенты историко-филологическаго факультета, уроженцы юго-западнаго края, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 4. Назначеніе стипендіи производится правленіемъ универси-

тета на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 5. Остатки процентныхъ денегъ съ стипендіального капитала выдаются стипендіату, при окончаніи имъ курса университетскихъ наукъ, въ единовременное пособие, по усмотрѣнію правленія.

§ 6. Пользованіе стипендіею имени Смиренко не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

20. (30-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени Маріи Ивановны Шеленговской при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысячъ триста пятьдесятъ* рублей учреждается на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра одна стипендія въ триста рублей имени Маріи Ивановны Шеленговской, согласно духовному завѣщанію мѣщанина Ивана Васильевича Шеленговскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность университета и хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Стипендіатами имени Шеленговской могутъ быть только студенты медицинскаго факультета, уроженцы Юго-западнаго края, безъ различія вѣроисповѣданія.

§ 4. Назначеніе стипендіи производится правленіемъ университета на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 5. Остатки процентныхъ денегъ съ стипендіального капитала выдаются стипендіату, по окончаніи имъ курса университетскихъ наукъ, въ единовременное пособие, по усмотрѣнію правленія.

§ 6. Пользованіе стипендіею имени Шеленговской не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (22-го декабря 1898 года). *Положеніе о капиталѣ имени умершаю заслуженнаю профессора и почетнаго члена Императорскаго Новороссійскаго университета протоіерея Михаила Карповича Павловскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Капиталъ въ *три тысячи* рублей, заключающійся въ 4%.

государственной ренты, пожертвованный вдовою подполковника Варварою Михайловною Аносовою въ память своего отца, именуется капиталомъ бывшаго заслуженнаго профессора и почетнаго члена Императорскаго Новороссійскаго университета протоіерея Михаила Гарповича Павловскаго и составляетъ неотъемлемую собственность Императорскаго Новороссійскаго университета.

§ 2. Проценты съ оного капитала выдаются по постановленію правленія на уплату за слушаніе лекцій тѣмъ студентамъ православнаго исповѣданія Новороссійскаго университета, которые лишены на это средствъ.

22. (2-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени войсковаго старшины Василія Алексѣевича Леонова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ восемь тысячъ рублей, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою войсковаго старшины Донскаго казачьяго войска Александрю Александровною Леоновою, учреждается при семъ университетѣ стипендія имени покойнаго мужа ея войсковаго старшины Василія Алексѣевича Леонова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ снудѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Московскаго университета.

§ 3. Стипендія, за вычетомъ 5% государственнаго налога, назначается, согласно духовному завѣщанію Леоновой, студенту Московскаго университета недостаточнаго состоянія, по преимуществу изъ сиротъ, окончившему курсъ въ одной изъ гимназій Донской области.

§ 4. Назначеніе стипендіата предоставляется вдовѣ генералъ-маіора Ольгѣ Дмитриевнѣ Леоновой пожизненно; послѣ же ея смерти стипендія замѣщается правленіемъ университета изъ числа лицъ, рекомендованныхъ директорами Донскихъ гимназій, по жребію. До смерти Леоновой университетъ посылаетъ ей ежегодно къ 15-му іюня свѣдѣнія объ успѣхахъ стипендіата, а если студентъ-стипендіатъ оставитъ университетъ или будетъ уволенъ среди года, то университетъ увѣдомляетъ объ этомъ Леонову немедленно по увольненіи стипендіата. Послѣ смерти Леоновой университетъ объ открывшейся вакан-

сія на стипендію публикуеть въ Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ и сообщаетъ директорамъ Донскихъ гимназій для избранія стипендіата.

§ 5. Могущіе образоваться отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала остатки, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо инымъ причинамъ обращаются на увеличеніе размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

23. (7-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давыдовича Делянова при управленіи Оренбургскаго учебнаго округа.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи шестьсотъ рублей, пожертвованнаго служащими въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ учреждается стипендія имени графа Ивана Давыдовича Делянова для бѣднѣйшаго и наиболѣе услѣвающаго ученика въ одной изъ гимназій округа, при томъ условіи, что отецъ или мать учащагося состоятъ или состояли на учебной службѣ въ какомъ либо учебномъ заведеніи округа.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 3 $\frac{1}{2}$ % закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ специальныхъ средствахъ управленія Оренбургскаго учебнаго округа, составляетъ неотъемлемую его собственность и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала выдаются на содержаніе стипендіата, удовлетворяющаго требованіямъ, изложеннымъ въ § 1 сего положенія.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется попечителю Оренбургскаго учебнаго округа, къ которому директора гимназій округа входят съ ходатайствомъ о достойнѣйшихъ кандидатахъ.

§ 5. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ или неодобрительнаго поведенія стипендіата, педагогическій совѣтъ лишаетъ его стипендіи, донося о томъ немедленно попечителю, который замѣщаетъ стипендію порядкомъ, указанномъ въ § 4.

§ 6. Могущіе образоваться какимъ либо образомъ остатки отъ процентовъ выдаются стипендіату, изъявившему желаніе поступить въ университетъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

24. (8-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ Терскаго казачьяго войска при шелкоткацкомъ отдѣленіи Батумскаго ремесленнаго училища.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При шелкоткацкомъ отдѣленіи Батумскаго ремесленнаго училища учреждается восемь стипендій для лицъ войскаго сословія Терскаго казачьяго войска съ платою по *сто двадцати* рублей въ годъ за cadaго стипендіата.

§ 2. Означенные стипендіаты, по окончаніи курса подчиняются правиламъ, установленнымъ Высочайше утвержденнымъ 20-го января 1873 года положеніемъ Военнаго Совѣта объ обязательной выслугѣ опредѣленныхъ сроковъ за полученныя стипендіи (Высочайше утвержденное 10-го іюня 1898 года мѣніе Военнаго Совѣта).

§ 3. Впредь до полнаго замѣщенія сихъ стипендій ежегодно, начиная съ 1898—99 учебнаго года, опредѣлять по два стипендіата.

§ 4. Вызываемый на этотъ предметъ расходъ относится на общій войсковой капиталъ Терскаго войска, съ занесеніемъ въ подлежащее подраздѣленіе расходной сѣты въ 1-й годъ въ размѣрѣ 240 руб., во 2-й—480 руб., въ 3-й—720 руб. а въ 4-й и послѣдующіе по *двѣсти шестидесяти* рублей.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: *Г. Я. Юрьевичъ*. Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. Юрьевъ. 1898. Стр. IV+279, Цѣна 80 коп.—Часть II. 279 стр. Цѣна 80 коп.—допустить какъ руководство при прохожденіи алгебры.

— Книгу: „Русская педагогика въ главѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Составилъ *М. И. Демковъ*, авторъ „Исторіи русской педагогіи“. Изданіе К. И. Тихомирова. (Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). М. 1898. Стр. XI+480. Цѣна 2 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Дружба съ природой, Разказы *Элизы Брайтонъ* въ русскомъ изложеніи *Дж. Кайгородова*. Со многими рисунками въ текстѣ. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1897. Стр. 191. Цѣна 1 р. 50 к.“—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возрастовъ, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для ученическихъ библиотекъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книжку: „Уроки по электричеству *Джона Тиндала*, члена Лондонскаго Королевскаго Общества, доктора правъ, почетнаго профессора физики въ Британскомъ Королевскомъ Институтѣ. Съ послѣдняго англійскаго изданія перевелъ *Е. А. Предтеченскій*. Съ рисунками. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1898. Стр. 143. Цѣна 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „*В. Я. Стоюнинъ*. Педагогическія сочиненія. С.-Пб. 1892. Стр. II+567+36. Цѣна 3 руб.“—допустить въ фундаментальныя библиотeki среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Элементы геометрии. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ прибавленіемъ коническихъ сѣченій и способовъ рѣшенія задачъ на построеніе. Изданіе 2-о. Составилъ *Д. Гика*, директоръ Скопинскаго реальнаго училища. М. 1898. VII+267. Цѣна 1 р. 20 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*Дантъ Алигьери*. Божественной Комедіи часть вторая. Чистилище. Переводъ съ итальянскаго *М. А. Горбова*, съ объясненіями и примѣчаніями. М. 1898. Въ 4-ю д. л., стр. XIV+765+IV табл.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, и одобрить для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста тѣхъ же заведеній.

Книги: 1) „*В. П. Авенариусъ*. Гоголь студентъ. Вторая повѣсть изъ біографической трилогіи „Ученическіе годы Гоголя“. Съ 12 портретами и видами-фототипіями и автотипіями Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. С.-Пб. 1898. Стр. 334. Цѣна 1 р. 50 коп.“—2) „*В. П. Авенариусъ*. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи „Уче-

вѣческіе годы Гоголя". Съ 15 рисунками—фототипіями и автотипіями Ангерера и Гешля въ Вѣнѣ. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луконникова. С.-Пб. 1899. Стр. 374. Цѣна 1 р. 75 коп."—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и допустить въ безплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „*P. Isdera*. Отрывки изъ греческихъ писателей съ краткими примѣчаніями для классныхъ, псаломныхъ и устныхъ переводовъ съ греческаго языка на русскій въ VI, VII и VIII классахъ гимназій. Изданіе редакціи Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ. С.-Пб. 1898. Стр. 92+IV. Цѣна 60 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій.

— Книгу: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціею *Льва Георгиевскаго* и *Сергея Мамштейна*. Собраніе. Трагедіи. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 24 рисунками и ключомъ къ лрическимъ разнѣрамъ. Объяснилъ *Ө. Зьлинскій*, профессоръ Императорскаго С.-Пб. Университета. С.-Пб. 1898. Часть I: Текстъ II+77. Часть II: Комментарій. Стр. 149. Цѣна за обѣ части 1 р."—рекомендовать какъ весьма полезное учебное пособие по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, а также и для фундаментальныхъ библиотекъ тѣхъ же заведеній, какъ образецъ комментированнаго изданія классическихъ авторовъ.

— Книгу: „*Lectures choisies des meilleurs historiens français munies de notes et de résumés et appropriées à l'usage des établissements d'éducation par M-me Koschtine*, Inspectrice à l'Orphelinat de l'Empereur Nicolas I. Livre deuxième. Depuis Louis XI jusqu'à Napoléon I-er. Duruy, Michelet, Barante, Taine, Mignet, Guizot, Thiers, Zeller. St. Pétersbourg. 1898. 1 rouble."—одобрить для ученическихъ (старшаго возраста) библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, и допустить въ качествѣ учебнаго пособия для старшихъ классовъ тѣхъ же заведеній.

— Книгу: „*A. Serpé*. Курсъ ариметики перевелъ съ нѣкоторыми измѣненіями *Н. Юденичъ*, преподаватель Константиновскаго Межевого института и Комиссаровскаго Техническаго училища. Пятое изданіе. М. 1899. Стр. 355. Цѣна 1 р. 25 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „*Дм. Кайгородовъ. Черная семья* (птицы вороньяго рода). Чтеніе для народа. Съ хромолитографированной таблицей. Изд. 3-е. С.-Пб. 1899. Изданіе А. С. Суворина. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“— одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для публичныхъ народныхъ чтеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Брошюры: 1) „Способы обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. *В. Флерова.* Изданіе журнала „Русская школа“. С.-Пб. 1897. Стр. 30. Цѣна 25 коп.“—2) „Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ съ указаніемъ приемовъ обученія. Составленъ инспекторомъ народныхъ училищъ *Вс. Флеровымъ.* Рязань. 1898. Стр. 16.“—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжку: „Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1898. Стр. 62. Цѣна 15 коп.“—допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Разными дорогами. Повѣсть для юношества. *А. В. Крулова.* Въ 2-хъ частяхъ. Съ 5 отдѣльными картинами и 23 поли-типажами въ текстѣ. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1888. Стр. 186.“—допустить въ ученическія библиотеки, младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Брошюры: 1) „Василій Андреевичъ Жуковскій. Съ портретомъ. Изданіе Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 33. Цѣна 8 коп.“—2) „Лилли или рубиновый крестикъ. (Исторія Шварцвальдскаго лѣса). Съ нѣмецкаго. 5-е изданіе. М. 1895. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книжку: „Правда о хмельномъ зельѣ. Изданіе Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1898. Стр. 34. Цѣна 6 коп.“—

допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книжку: „Бабушка Марѳа или за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Съ приложеніемъ стиховъ и разказа для народа. Съ рисунками. Изд. 2-е. М. 1895. Изданіе А. Д. Ступина. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ.

— Брошюры, изданныя Постоянной Комиссіей по устройству народныхъ чтеній: „1) О Благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III. *И. П. Хрущова*. С.-Пб. 1894. Стр. 19. (Цѣна не обозначена). 2) Петръ Великій. Три чтенія. Съ тремя рисунками. С.-Пб. 1898. Стр. 128. Цѣна 25 коп. 3) Вѣлорусскій край. Составилъ *Г. П. Майковъ*. С.-Пб. 1898. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“— 4) Петербургъ. Съ планомъ г. С.-Петербурга. С.-Пб. 1898. Стр. 79. Цѣна 20 коп.—5) Татарскіе набѣги. (По Г. Э. Квиткѣ). С.-Пб. 1896. Стр. 71. Цѣна 8 коп.—6) Объ Индіи и индусахъ. Изданіе третье. С.-Пб. 1898. Стр. 84. Цѣна 8 коп.—7) О древнихъ египтянахъ и о землѣ египетской. Изданіе третье. С.-Пб. 1896. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“— допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ господиномъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *Л. Шаревича*: „Начала геометрическаго черченія и землеѣрія для епархіальныхъ женскихъ училищъ; женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства и второклассныхъ церковно-приходскихъ школь. Кіевъ. 1898. Изд. 2-ое. Цѣна 50 коп.“—допустить, въ качествѣ учебнаго пособія, для учениковъ низшихъ ремесленныхъ училищъ, въ которыхъ не проходитъ систематическаго курса начальной геометріи.

— Книгу *В. Корнакова*: „Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ“. С.-Петербургъ. 1898. 180 чертежей въ текстъ.

Стр. 106. Цѣна 70 коп.“—допустить, въ качествѣ учебнаго пособия, въ низшія профессиональныя школы и въ воскресные или вечерніе курсы для рабочихъ.

— Книгу *В. Чисанова*: „Учебникъ Ариметики. Курсъ средне-учебныхъ заведеній. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Люблинъ. 1897. Стр. 108. Цѣна 50 коп.“ — допустить, въ качествѣ учебнаго пособия, для низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу *М. Немыка*: „Руководство столярнаго ремесла. Москва. 1895. Изд. К. И. Тихомирова; съ 352 чертежами въ текстѣ; 266 стр. малаго формата. Цѣна 75 коп.“—одобрить, какъ учебное пособие, для всѣхъ типовъ ремесленныхъ училищъ и для библиотекъ ремесленныхъ классовъ по обработкѣ дерева и металла.

— Книгу *М. Немыка*: „Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Москва. 1897. Съ 232 полнотипажамы въ текстѣ; изд. К. И. Тихомирова; 234 стр. малаго формата. Цѣна 60 коп.“—одобрить для ремесленныхъ училищъ, по кузнечному ремеслу, школъ ремесленныхъ учениковъ и низшихъ ремесленныхъ школъ, и допустить въ качествѣ учебнаго пособия, въ ремесленныхъ училищахъ другихъ типовъ, а равно въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ.

ОТКРЫТІЯ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 12-го октября 1898 года состоялось открытіе Аракарагайской аульной школы, Тургайской области, при 12 учащихся, и 21 того же октября Вистюбинской таковой же школы, помянутой области, при 11 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 20-го октября 1898 г. состоялось открытіе Тулагайской аульной школы, Тургайской области, при 22 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 20-го октября 1898 года состоялось открытіе Темиръ-Астаусской аульной школы, Тургайской области.

— По сообщенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 25-го октября 1898 года открыто Нижне-Валыклейское, Царевскаго уѣзда, одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 37 учащихся, въ томъ числѣ 27 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа,

25-го октября 1898 года состоялось открытіе Саройской аульной школы, Тургайской области.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 1-го ноября 1898 года состоялось открытіе въ м. Снѣтнѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, при 105 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 9-го ноября 1898 года состоялось открытіе Карабаузской волостной русско-киргизской школы въ Уральской области, при чемъ въ новую школу принято 60 мальчиковъ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 9-го ноября состоялось открытіе русско-башкирскаго училища въ дер. Исянгальдиной, Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, при 27-ми учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ с. Раковщинѣ, Овручскаго уѣзда, Воынской губерніи, 23-го ноября открыто одноклассное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 40 учащихся.

— По сообщенію г. попечителя Виленскаго учебнаго округа, 7-го декабря 1898 г. открыто въ Ковенской губерніи второе Масловское (на проценты съ капитала, завѣщаннаго тайнымъ совѣтникомъ И. И. Масловымъ) народное училище въ деревнѣ Сувекахъ, Ново-Александровскаго уѣзда, при 47 учащихся (въ томъ числѣ 46 мальчиковъ и 1 дѣвочка).

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, 15-го декабря 1898 года состоялось открытіе Больше-Березниковскаго двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія Карсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи, при 280 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 20-го декабря 1898 года состоялось открытіе Затобольской аульной школы.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ минувшемъ году въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, открыты слѣдующія начальныя сельскія училища:

- 1) Сладко-Карасинское 1-го октября, при 25 учащихся,
- 2) Кишкинское 5-го октября, при 82-хъ учащихся,
- 3) Чесноковское 18-го октября, при 49 учащихся,
- 4) Калмыковское 1-го ноября, при 64 учащихся,
- 5) Шученское 11-го ноября, при 43 учащихся,
- 6) Жужговское того же числа, при 43 учащихся, и
- 7) Тумано-Маякское 16-го ноября, при 42 учащихся.

СЕЛЬСКІЕ ЧИНШЕВИКИ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Сельскіе чиншевики, встрѣчающіеся до нашихъ дней въ составѣ крестьянскаго населенія Западнаго края, представляютъ собой „обломокъ давняго общественнаго строя, уцѣлѣвшій вопреки историческому движенію“¹⁾. О чиншевикахъ, чиншѣ, чиншевомъ владѣніи чужою землею говорятъ самыя древніе памятники мѣстнаго права, дѣйствовавшаго въ литовско-русскихъ областяхъ бывшей Речи Посполитой до и послѣ Люблинской уніи. Чиншевыя отношенія существуютъ въ Западномъ краѣ на старыхъ основаніяхъ и послѣ присоединенія этого края къ имперіи. Изслѣдованіе чиншеваго вопроса въ томъ видѣ, какъ онъ ставился и рѣшался старымъ литовско-русскимъ правомъ, имѣеть, такимъ образомъ, не только историческій, но и современный, практический интересъ. Мы остановимся прежде всего на общихъ воззрѣніяхъ, установившихся по данному вопросу въ нашей литературѣ, а затѣмъ перейдемъ къ подробному разбору историческихъ данныхъ о чиншевикахъ по литовско-русскому праву.

Природа и происхожденіе чиншевыхъ отношеній въ Западномъ краѣ различно опредѣляются въ научныхъ изслѣдованіяхъ, ставшихъ появляться у насъ съ конца 60-хъ годовъ.

По вопросу о генезисѣ чиншевыхъ отношеній, какъ они сложились и практиковались въ Западномъ краѣ до новѣйшаго времени, господствуетъ въ литературѣ общее мнѣніе о томъ, что отношенія эти возникли въ Западномъ краѣ съ давнихъ поръ, еще при литовскомъ и польскомъ правительствѣхъ, подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ

---

¹⁾ См. проф. В. А. Незабитовскаго, „Собраніе сочиненій“, 1884, стр. 292.

началь средневѣковаго нѣмецкаго права, рецепированнаго въ старой Польшѣ и Литвѣ-Руси, въ видахъ колонизаціонно-экономическихъ,— ради усиленія населенія городского и сельскаго, содѣйствія развитію мѣстныхъ промысловъ, культуры непроезжихъ пустошей и пр. ¹⁾). Развитие чиншевыхъ отношеній изслѣдователи также ставятъ въ извѣстную связь съ существовавшей по нимъ мнѣнію въ старой Польшѣ и Литвѣ, по средневѣковымъ образцамъ, феодальной организаціей землевладѣнія, въ значеніи остатка формъ крестьянскаго землевладѣнія феодальной эпохи ²⁾). Чиншевое право, установившееся въ Западномъ краѣ съ XVII вѣка по системѣ „закупничества“, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей (С. Дыбовскаго), цѣликомъ входитъ въ сферу обычнаго права и развилось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, подъ воздѣйствіемъ русскаго и нѣмецкаго права съ одной стороны и литовско-польскаго законодательства съ другой. Средство развитія чиншеваго права въ Западномъ краѣ далъ старый нѣмецкій обычай „закупа“. Закупничество, весьма широко развившееся въ Польшѣ и съ XVI вѣка начавшее въ ней исчезать, продолжало практиковаться въ польской провинціи Пруссакъ, откуда оно распространилось позже (въ XVII и XVIII вѣкахъ) въ Великой и Малой Польшѣ, перешло затѣмъ въ юго-западный край, гдѣ оно насаждалось землевладѣльцами ради заселенія края, культуры пустошей и извлеченія доходовъ изъ заустѣвшихъ помѣстій (особенно въ пору казатчины, татарскаго разоренія и пр.) ³⁾).

По теоріи, принятой въ изслѣдованіяхъ большинства историковъ, природа и свойства чиншевыхъ отношеній опредѣлялись свободнымъ договоромъ землевладѣльца съ чиншевикомъ. По своему объему и свойствамъ чиншевое владѣніе землей имѣетъ характеръ особаго вещ-

¹⁾ См., напримѣръ, проф. *М. Ф. Владимірскаго-Вуданова*, „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, 1868, стр. 69 и слѣд.

²⁾ См. *И. П. Носицкаго*, „Чиншевое владѣніе въ юго-западной Россіи“, — въ Трудяхъ Кіев. юрид. общ. (Прибавл. къ Протоколамъ Общества, 1880), 1883, стр. 81. Статья эта первоначально, въ видѣ краткаго реферата („О чиншовомъ правѣ въ юго-западномъ краѣ до XIX столѣтія“), была помѣщена въ *Кіев. Унив. Извѣстіяхъ*, 1880, № 6 (Протоколы Кіев. юрид. общ.). Впрочемъ, и рефератъ, помѣщенный въ „Трудахъ“ общества, не окончилъ печатаніемъ и представляеть лишь общій обзоръ условій возникновенія чиншеваго права, безъ документальнаго анализа природы и конструкціи его, какъ праваго института.

³⁾ См. *С. Дыбовскаго*, „О чиншовомъ правѣ“, — въ *Журналѣ гражд. и уполн. права*, 1884, май, стр. 31 и слѣд.

наго и притомъ безсрочнаго права на землю ¹⁾). Природа вещныхъ поземельныхъ правъ, пріобрѣтавшихся чиншевиками по договору съ собственникомъ земли, опредѣляется, по мнѣнію изслѣдователей, то въ смыслѣ „ленной собственности вѣчной“ (дѣдны) ²⁾, то въ смыслѣ „договорнаго, гражданскаго института вѣчной possessiи“ чиншевика (паательщика чинша по договору), въ противоположность „чиншевой собственности“ землевладѣльца, получающаго чиншъ ³⁾,—то въ значеніи „спеціальнаго рода вещнаго, неполнаго владѣнія“ (а не владѣнія „по милости“ землевладѣльца) ⁴⁾, — то, наконецъ, въ значеніи „особаго рода договорнаго, вещнаго права поземельной собственности, пріобрѣтавшагося по частямъ (владѣніе, пользованіе, распоряженіе) на вѣчныя времена, безповоротно, на основаніи устныхъ или письменныхъ договоровъ“ ⁵⁾.

Вопросъ о правахъ и обязанностяхъ чиншевика въ отношеніи къ землевладѣльцу рѣшается изслѣдователями и сенатскою практикой въ смыслѣ общей теоріи „вещнаго“ чиншеваго права. По кассационнымъ рѣшеніямъ сената, чиншевикъ пріобрѣтаетъ вѣчное и потомственное владѣніе занятою имъ землею, съ правомъ извлекать изъ нея всѣ выгоды, переуступать ее другимъ (путемъ дара, продажи и пр.), закладывать, передавать по наслѣдству и пр. и съ обязанностію платить за землю разъ навсегда установленный чиншъ, остававшійся неизмѣннымъ, разъ землевладѣлецъ не выговаривалъ для себя права увеличивать чиншъ впоследствии ⁶⁾. За собственникомъ земли сенатская практика признаетъ, кромѣ полученія чинша, также право первенства покупки чиншевой земли при отчужденіи ея чиншевикомъ, право продажи чиншеваго имущества при неплатежѣ чинша, иногда и право увеличивать чиншъ (въ случаѣ увеличенія чиншевой земли) и пр ⁷⁾.

¹⁾ Изложенное позарѣніе о природѣ чиншеваго права лежатъ (въ основѣ) кассационныхъ рѣшеній сената по чиншевымъ дѣламъ 60—80-хъ годовъ. См. *Исабиговскаю*, „Собраніе сочиненій“, стр. 291; *Rcmbovski*, *Historya prawa wiecszynszowego*, 1886, стр. 25.

²⁾ См. проф. *Владимірскаю-Буданова*, „Нѣмецкое право“, стр. 69.

³⁾ См. проф. *Пизно*, „О чиншевомъ владѣніи“,—въ *Журналіи гражд. и упол. права*, 1877, № 5; 1878, № 4; *Кіев. Унив. Изв.* 1878, № 4; 1879, № 12.

⁴⁾ См. *Новицкаю*, „О чиншевомъ правѣ“, стр. 60.

⁵⁾ *С. Дыбовскаю*, „О чиншевомъ правѣ“, стр. 82. Ср. также „Записку (Воронина) о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западнаго края“, 1869, стр. 94.

⁶⁾ *Исабиговскаю*, „Собраніе сочиненій“, стр. 291.

⁷⁾ *Rcmbovski*, *Histor. prawa wiecz.-czynszowego*, стр. 25.

Тѣ же положенія о правахъ и обязанностяхъ чиншевиковъ находимъ въ изслѣдованіяхъ историковъ о чиншевомъ владѣніи въ смыслѣ вещнаго права, съ нѣкоторыми дополнительными разъясненіями. Таково, напримѣръ, положеніе о платежѣ чинша, „какъ бы въ знакъ признанія верховныхъ правъ собственника земли“ (Воронинъ), или положеніе о томъ, что чиншевое право съ прежнимъ феодальнымъ характеромъ сохранялось до позднѣйшаго времени лишь за свободнымъ населеніемъ и по большей части имѣло своимъ объектомъ нерасчищенные земли (Новицкій). Расчистка земли изъ-подъ лѣса, распашка и полевая обработка съ постройками, по общимъ обычаямъ закупничества XVII и XVIII вѣка, производятся чиншевикомъ на свой счетъ, за право же селиться на новомъ корнѣ чиншевикъ уплачиваетъ, по тѣмъ же обычаямъ, безвозвратно условленную сумму закупа, съ платой во все послѣдующее время ежегодной ренты-чинша обыкновеннаго, эмфитевтическаго, генеральнаго или гуртоваго, великаго, смотря по размѣру предоставляемыхъ правъ ¹⁾).

Иначе рѣшается вопросъ о генезисѣ, природѣ и свойствахъ чиншеваго права, практиковавшагося въ Западномъ краѣ до новѣйшихъ временъ, въ трудахъ изслѣдователей, не признающихъ за такимъ правомъ вещнаго характера. По теоріи покойнаго профессора В. А. Незабитовскаго, первоначальныя формы чиншевыхъ отношеній, ставшихъ слагаться въ старой Литвѣ-Руси по рецепированному въ ней нѣмецкому (магдебургскому) праву, устанавливались на дѣлѣ подъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ феодальныхъ началъ политическаго строя бывшаго литовско-русскаго государства. При сосредоточеніи всей суммы поземельныхъ правъ въ лицѣ единственнаго въ то время собственника земли — литовскаго господаря, для остальныхъ классовъ населенія была доступна лишь одна „прекарная“ форма землевладѣнія (*possessio precaria*, по милости); отсюда и поземельныя отношенія чиншевиковъ могли имѣть такой же прекарный, а не вещно-договорный характеръ. Эпоха Люблинской уніи, положившей новыя политическія основы шляхетской Речи Посполитой, развила соответственную постановку чиншеваго вопроса, но опять таки въ смыслѣ стараго прекарнаго, а не вещнаго права. Въмѣстѣ съ сосредоточеніемъ земскаго землевладѣнія въ державныхъ рукахъ поземельной шляхты, владѣніе земель, связанное съ платежемъ оброка или чинша въ пользу

¹⁾ См. Дибовскаго, „О чиншевомъ правѣ“, — въ *Журналъ гражд. и ул. права*, 1884, май, стр. 85.

верховнаго землевладѣльца, издавна представляло и до нашихъ дней представляетъ лишь одно изъ многообразныхъ видовъзмѣненій प्रकारнаго владѣнія (по милости), — „не сдѣлали его вещнымъ правомъ ни законы Речи Посполитой, ни русское законодательство“. Отношенія чиншевииковъ, такимъ образомъ, изъстари опредѣлялись не свободнымъ договоромъ сторонъ, но исключительною волей верховнаго собственника земли; сообразно съ этимъ и всѣ права и обязанности чиншевииковъ регулировались лишь по милости пана-землевладѣльца, могли поэтому подлежать измѣнениямъ по его же односторонней волѣ (напримѣръ, касательно размѣра чинша, отчужденія чиншевой земли и пр. ¹⁾).

Общія положенія той же прокарной (не договорной) теоріи высказываются въ рефератѣ Неймана ²⁾, но съ значительными видовъзмѣненіями. Здѣсь приводятся нѣсколько архивныхъ данныхъ (конца XVIII и начала XIX вѣка), подтверждающихъ воззрѣніе на чиншевое право, какъ на владѣніе по милости, а не договорно-вещный институтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывается новая бытовая форма чиншевыхъ отношеній, неизвѣстная прежнимъ изслѣдователямъ. По словамъ референта, въ разсмотрѣнныхъ имъ чиншевыхъ актахъ „безспорно право собственности на землю не чиншевое, а полное, считается за платящимъ чиншъ, а получающій чиншъ, если имѣлъ какія либо права на землю, то только верховныя, то-есть взималъ подати“. Обстоятельство это референтъ объясняетъ общими условіями политическаго строя, установившагося въ Речи Посполитой съ половины XVI вѣка, — тѣмъ, что своеобразныя польскія „ленна“ съ суверенными правами шляхтичей, подъ напоромъ могущества шляхты, съ XVI вѣка переходятъ въ „dziedzictwa“ съ усвоеніемъ дѣдичу (вотчиннику) всѣхъ правъ прежняго леннаго владѣльца по отношенію къ жителямъ. „Съ упадкомъ королевской власти Польша представляетъ массу государствъ, соединенныхъ подъ весьма слабою властію короля, который былъ только первымъ шляхтичемъ въ Польшѣ. Каждый шляхтичъ въ своихъ владѣніяхъ былъ государемъ; въ его ру-

¹⁾ См. *Незабитовскаго*, „Замѣчанія по вопросу о чиншевомъ владѣніи“, — въ *Кіев. Унив. Изв.*, 1879, № 10; 1883, № 1. Перепеч. въ „Собраніи сочин.“, 1884, стр. 289 и слѣд.

²⁾ См. *Ц. Г. Неймана*, „О чиншевыхъ актахъ графства Черныбыльскаго и о необходимости историческаго изслѣдованія чиншеваго вопроса“, — въ протоколахъ Кіев. Юридич. общества, за 1879 г., помѣщен. въ *Кіев. Унив. Изв.* 1880, № 1, стр. 25—33.

какъ была власть судебная, военная, административная; онъ собираетъ подати въ свою казну и Речи Посполитой; даже чеканить монету". Не удивительно послѣ этого, что „польскій шляхтичъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ король въ крулевщинахъ, пишетъ жалованныя грамоты и даетъ привилегіи". Разсмотрѣнные авторомъ чиншевыя акты имѣютъ въ существѣ дѣла такое же политическое значеніе, какъ и старыя господарскіе привилегіи: тамъ и здѣсь владѣтельное лицо даруетъ населенію извѣстныя права, какъ милость. Въ данномъ случаѣ чиншевое владѣніе возникало путемъ пожалованія земли на вѣчныя времена въ полную собственность, съ обязанностию ежегоднаго платежа чинша (собственно подати, иногда и съ другими повинностями), установленнаго общими инвентаремъ имѣнія, съ правомъ пользованія и распоряженія пожалованною землею, какъ своею собственностію, безъ всякаго препятствія со стороны владѣльца имѣнія и его наслѣдниковъ ¹⁾.

Въ польской литературѣ, сколько намъ извѣстно, имѣются по вопросу о чиншевицахъ въ Западномъ краѣ двѣ монографіи — Рембовскаго и Длугоша ²⁾. Въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ о происхожденіи

¹⁾ По чиншевому вопросу въ Западномъ краѣ имѣются въ русской литературѣ еще двѣ монографіи *Шимановскаго* „О чиншевыхъ правоотношеніяхъ“, 1886, и *Квачевскаго* „Уставъ о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевицъ“, 1888. Въ обѣихъ монографіяхъ догматически глоссируются русскіе законы о чиншевицахъ (изд. въ 1886 г.), безъ всякой попытки выяснить данный вопросъ детальнымъ изученіемъ исторіи чиншеваго права въ бывшихъ областяхъ Речи Посполитой. Кроме того, въ 1885 г. *Опасовичъ* издалъ монографію — „Источники права чиншеваго“; здѣсь сведены статьи стараго „Саксона“ (*Sachsenspiegel*), касающіяся чиншевицъ въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ, жившихъ по магдебургскому праву, съ глоссами польскихъ комментаторовъ послѣдняго (*Яскера*, *Гронцкаго* и *Щербача* — см. ниже), безъ подробнаго анализа исторіи чиншеваго права въ Польшѣ и Литвѣ-Руси.

²⁾ *А. Рембовскіи*, „Historya prawa wieczysto-czynszowego w guberniach Północno-i Południowo-Zachodnich Cesarstwa Rosyjskiego“, Warsz. 1886. — Въ русскомъ переводѣ „Исторія и значеніе чиншеваго владѣнія въ Западномъ краѣ“. С.-Пб. 1886. — *Г. Длугошъ*, *Prawo czynszowe*. Od. 1891. *Мацѣевскіи* (*W. А. Мацейковскіи*, *Historya włościan i stosunków ich polit. społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych*, Warsz., 1874, стр. 168, и слѣд.) излагаютъ, между прочимъ краткій очеркъ развитія крестьянскаго вопроса въ литовско-русскихъ областяхъ бывшаго польскаго государства и лишь мимоходомъ касается общаго положенія лит.-русс. чиншевицъ, безъ детальнаго разъясненія вопроса о чиншевомъ владѣніи, какъ оно установилось въ Польшѣ и Западномъ краѣ. Ниже будутъ приведены монографіи (*Мейера*, *Маркевича* и друг.) по исторіи чиншеваго права въ польскихъ областяхъ.

и природѣ чиншеваго права Рембовской придерживается теоріи договорно-вещнаго права, установившагося въ Польшѣ и Западномъ краѣ подъ преимущественнымъ воздѣйствіемъ началъ средневѣковаго нѣмецкаго права и частію также мѣстнаго общаго права. Длугошъ ограничивается въ своей монографіи лишь глоссированіемъ русскихъ законовъ (главнымъ образомъ, 1886 года) о чиншевикахъ въ Западномъ краѣ и вовсе не касается исторіи чиншеваго права въ этомъ краѣ въ пору принадлежности его къ Речи Посполитой.

Изъ сдѣланнаго нами обзора чиншевыхъ отношеній, практиковавшихся въ Западномъ краѣ въ старое и новое время, не трудно усмотрѣть, что отношенія эти на дѣлѣ далеко не укладывались по одному какому либо точно опредѣленному типу, но развивались въ разнообразныхъ формахъ и по несходнымъ между собой, правовымъ нормамъ. Это-то разнообразіе историческихъ типовъ чиншевыхъ отношеній не вполне ясно и отчетливо опредѣляется въ изслѣдованіяхъ русскихъ и польскихъ историковъ. Главное, а иногда и исключительное, вниманіе обращается на такъ называемое вѣчно-чиншевое владѣніе, какъ наиболѣе распространенную и типическую форму чиншевыхъ отношеній, развившуюся въ старой Польшѣ и Литвѣ подъ воздѣйствіемъ средневѣковаго нѣмецкаго права, и оставляется безъ разсмотрѣнія рядъ другихъ чиншевыхъ формъ, несомнѣнно практиковавшихся въ Западномъ краѣ въ старое и новое время по самостоятельнымъ типамъ, отличавшимся отъ вѣчно-чиншеваго владѣнія.

Затѣмъ, въ русской литературѣ не достаточно разъяснены историческая природа, генезисъ и система чиншевыхъ отношеній по средневѣковому нѣмецкому праву, несомнѣнно вліявшему на развитіе такихъ же отношеній въ старой Польшѣ и Литвѣ-Руси до XIV вѣка и позже. Нѣмецкія вліянія въ этомъ случаѣ признаются всеми русскими изслѣдователями; но ни одинъ изъ нихъ не пытался сколько нибудь обстоятельно выяснить генезисъ и систему чиншевыхъ отношеній по старому нѣмецкому праву. Попытку въ этомъ направленіи находимъ лишь въ цитированной выше монографіи Рембовскаго.

Намъ кажется также весьма сомнительною теорія литовско-русскаго феодализма¹⁾, по мнѣнію изслѣдователя квалифированнаго политическій бытъ Литвы-Руси почти вплоть до Люблинской уніи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени модифицировавшаго и чиншевыя отношенія, установившіяся первоначально по началамъ нѣмецкаго

¹⁾ Объ этой теоріи см. мои „Очерки по исторіи лит.-русск. права“, стр. 5.

права. Подъ вліяніемъ сказанной теоріи изслѣдователи намѣчаютъ въ старомъ быту Литвы-Руси такія черты, какія, какъ будетъ показано ниже, на дѣлѣ никогда въ немъ не существовали.

Большинство русскихъ изслѣдователей не достаточно также оцѣниваетъ квалификаціи, вносившіяся въ чиншевой вопросъ началами земскаго права польско-литовской шляхты XVI — XVIII вѣка, и потому не совсѣмъ вѣрно опредѣляетъ постановку чиншевыхъ отношеній въ законодательствѣ бывшей Речи Посполитой, какъ и въ русскомъ законодательствѣ со времени присоединенія Западнаго края къ имперіи ¹⁾.

Неразработанность вопроса о литовско-русскихъ чиншевникахъ и чиншевомъ правѣ зависѣла въ особенности отъ того, что изслѣдованія по этимъ вопросамъ основывались на анализѣ скуднаго документальнаго матеріала, не обнимали иногда весьма важныхъ источниковъ права по чиншевому вопросу. Такимъ образомъ, чиншевое владѣніе въ старой Польшѣ, а затѣмъ и въ Литвѣ-Руси, какъ уже замѣчено, опредѣлялось по началамъ нѣмецкаго (магдебургскаго) права. Сборники этого права дѣйствовали въ Польшѣ до и послѣ Казимира Великаго ²⁾. Затѣмъ, въ теченіе XVI вѣка появляется въ Польшѣ и Литвѣ рядъ самостоятельныхъ изданій сборниковъ магдебургскаго права (Ласкаго, Яскера и др.) и судебныхъ руководящихъ книгъ (Гронцкаго, Щербича, Кирштейна Церазина), съ особыми артикулами о чиншѣ, наймѣ земель и эмфитевзѣ. Въ трактатѣ Гронцкаго: „Artukulu prawa Magdeburgskiego“, (1558 и другихъ годовъ) есть особый артикулъ, относящійся къ чиншевому вопросу—„о наемникахъ и наймахъ“. Тотъ же авторъ издалъ въ 1558 году спеціальныя артикулы о чиншевникахъ, „Prawa między gospodarzem i komornikiem“ и „O najemnej roli“. Щербичъ, въ своемъ „Speculum Saxonum“ (Landrecht, 1581 и др. годовъ), глоссируетъ чиншевой вопросъ по магдебургскому праву въ артикулахъ, — „szynsz“, „najem“ и „emphiteuzis“. Наконецъ, Кирштейнъ Церазинъ въ своемъ очеркѣ основныхъ положеній магдебургскаго права („Enchiridion“ 1586), касается чиншевыхъ отношеній въ отдѣльномъ артикулѣ, — „De conducto et locato“ ³⁾. Обо всѣхъ этихъ основныхъ источникахъ дѣйствовавшихъ

¹⁾ Значеніе въ чиншевомъ вопросѣ началъ польско-литовскаго земскаго права намѣчается, и то не съ достаточной ясностію и полнотой, лишь въ рефератахъ Незабитовскаго и Неймана (см. выше).

²⁾ См. *Тарановскаю*, „Обзоръ памятниковъ магдеб. права“, 1897, стр. 22.

³⁾ Какъ замѣчено раньше, въ брошюрѣ *Спасоюмча*, „Источники права чин-

съ XVI вѣка на одинаковыхъ основаніяхъ въ польскихъ и литовско-русскихъ областяхъ, нѣтъ ни слова въ трудахъ русскихъ изслѣдователей по чиншевому вопросу въ Западномъ краѣ.

Еще болѣе скуднымъ представляется документальный матеріалъ по исторіи чиншеваго права въ позднѣйшія времена существованія Речи Посполитой; изслѣдователи могли руководиться лишь отрывочными данными, содержащимися въ „*Volamina legum*“ и разныхъ мѣстныхъ актахъ, появившихся въ разное время въ печати. Архивный матеріалъ по чиншевому вопросу лишь въ послѣднее время становится понемногу предметомъ научныхъ изслѣдованій¹⁾.

Замѣтимъ, наконецъ, что основныя положенія и выводы по исторіи чиншеваго вопроса въ Западномъ краѣ строятся иногда изслѣдователями и сенатскою практикой на такихъ источникахъ права, которые никогда не имѣли прямого примѣненія въ упомянутомъ краѣ. Таковы, напримѣръ, мѣстные источники Остзейскаго края, прусскій *Landrecht*, старыя польскіе статуты-Вислицкій 1847 года, Яна Альбрехта 1496 года, и пр.²⁾ Извлекавшіяся отсюда данныя, сами по себѣ, помимо мѣстныхъ источниковъ, весьма мало могли содѣйствовать выясненію изучаемаго вопроса въ томъ именно видѣ, какимъ онъ представлялся въ дѣйствительности.

Настоящій очеркъ не претендуя на полное и всестороннее раз-

шеваго“ (1885) статьи о чиншевникахъ, изложенныя въ Саксонскомъ Зеркалѣ, сведены съ глоссами его комментаторовъ—Яскера, Гроицкаго и Щербича. Нужно при этомъ замѣтить, что въ сводѣ Снасовича изложены далеко не всѣ положенія магдебургскаго права о чиншѣ и чиншевникахъ. Изъ Сакс. Зеркала взять только текстъ 7-ми артикуловъ (I, art. 54; II, 21, 53, 59; III, 45, 75 и 77), безъ глоссъ. Между тѣмъ, по чиншевому вопросу находимъ положенія, кромѣ того, еще въ двухъ артикулахъ Сакс. Зеркала (II, 58; III, 79) и въ 7-ми артикулахъ (7, 50, 62, 63, 69 и 140) *Juris Municip.* (пѣм. *Weichbild*), сборника магдеб. права, издавнаго Яскеромъ одновременно съ Сакс. Зеркаломъ.—*Дулюмъ*, въ прибалленіяхъ къ своей брошюрѣ о чиншеномъ правѣ (стр. 119—132), приводитъ по Снасовичу латинскій текстъ (съ польскимъ переводомъ) статей о чиншевникахъ по Сакс. Зеркалу и глоссамъ Яскера; въ текстѣ брошюры (стр. 57—85) приводятся также глоссы Гроицкаго и Щербича. Глоссы двухъ послѣднихъ комментаторовъ довольно подробно изложены также въ цитированномъ выше изслѣдованіи Рембовскаго по исторіи чиншеваго права въ Западномъ краѣ.

¹⁾ Цитированныя выше статьи Неймана и Дыбоскаго основаны, главнымъ образомъ, на архивномъ матеріалѣ.

²⁾ См. статью Дыбоскаго въ *Журн. гражд. и упол. права* 1884, май, стр. 32. *Rembowski*, „*Hist. prawa i wiesz. — szynsz.*“, стр. 18. *Długosz*, „*Prawo szynszowe*“, стр. 26, 28.

смотрѣніе чиншеваго вопроса въ западномъ краѣ въ старое и новое время, ограничивается лишь анализомъ доступныхъ въ настоящее время, документальныхъ данныхъ, специально относящихся къ *сельскимъ чиншевицамъ* въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ виду польско-нѣмецкихъ вліяній на развитіе чиншеваго права, предварительно остановимся на организаціи чиншевыхъ отношеній по средне-вѣковому нѣмецкому и польскому праву, въ связи съ римскимъ учениемъ объ эмфитевзѣ, до извѣстной степени вліявшимъ на исторію чиншеваго права на всемъ средне-вѣковомъ западѣ.

Census (*cens, zins, czynsz*) и *emphyteusis* — техническія понятія, обозначающія чиншевыя отношенія по средне-вѣковымъ памятникамъ права нѣмецкаго и польско-литовскаго, берутъ свое начало въ институтахъ римскаго права.

Римскій *census* имѣетъ общее значеніе подати (*tributum*) съ имущества ¹⁾ и специально земельного *оброка*, платившагося землевладѣльцу жившими на его земляхъ *сепситами* — зависимыми колонатами (*сепситами адскрипти, servi glebae*). Оброкъ этотъ, называвшійся также *annon, redditus, annuae functiones*, состоялъ обыкновенно изъ ежегодныхъ платежей хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства ²⁾. Зависимое положеніе римскихъ *сепситами*, какъ и средне-вѣковыхъ тяглыхъ людей и несвободныхъ чиншевицковъ, исключало всякую возможность съ ихъ стороны какихъ либо правъ на занятую ими владѣльческую землю. Земельные участки, бывшіе въ ихъ обработкѣ, составляли для нихъ не объектъ какихъ либо прекарныхъ или вещныхъ правъ, но лишь служебный фондъ, дававшійся имъ ради отправленія лежаваго на нихъ владѣльческаго тягла, въ формѣ ли полевыхъ работъ и разныхъ другихъ личныхъ повинностей, или въ формѣ оброчныхъ платежей.

Самостоятельную форму земельной ренты представляетъ древне-римскій *vectigal* ³⁾, стоявшій въ связи съ особымъ титуломъ земле-

¹⁾ l. 2. Cod. Inst. 11, 47.

²⁾ l. 16, 20. Cod. 1, 8; l. 4, 6, 7. Cod. 11, 47. О зависимыхъ колонатахъ по римскому праву см. *Caqueray, De l'esclavage chez les Romains, 1864; B. Terrat, Du colonat en droit romain, 1872; Heisterbergk, Die Entstehung d. Colonats, 1876; H. Campana, Etude hist. et jurid. sur le colonat et le servage, 1888.*

³⁾ *Vectigal* имѣетъ также общее значеніе государственной подати, какъ и *census*. Подъ титулъ *vectigal* въ древнемъ римскомъ правѣ подводятся вообще подати, пошлины и разные доходы въ особенности съ государственныхъ имуществъ (см. *B. Matthias, Die römische Grundsteuer u. das Vectigalrecht. 1882.*)

владѣнія временъ республики—*jus in agro vectigali*. Объектомъ такой ренты служатъ *agri publici* (*agri vectigales*, *fundi* или *praedii vectig.*)—земли государственныя, также городскихъ муниципій и корпорацій религіозныхъ. Земли эти давались во владѣніе свободнымъ лицамъ, не только изъ патриціевъ, но и изъ плебеевъ (коллоновъ); послѣдніе получали въ особенности мелкіе участки земель муниципій и духовныхъ корпорацій. *Agri non vectigales* могли сдаваться лишь во временное пользованіе и безъ платежа постоянной ренты, лежавшей на вѣчныхъ *agri vectigales*. Кромѣ *agri publici*, въ римскихъ провинціяхъ существовали *agri privati*, съ которыхъ по договорамъ съ землевладѣльцами также платился иногда *vectigal*. *Agri publici* республиканской эпохи, по старому обычаю, раздавались государствомъ въ видѣ особыхъ пожалованій, на основаніяхъ не столько частно-правныхъ, сколько административныхъ контрактовъ. На такихъ же основаніяхъ муниципіи и духовныя корпораціи, владѣвшія обширными земельными пространствами, изъ коихъ большая часть, по недостатку населенія и трудности обработки, лежала впустѣ, раздавали частнымъ лицамъ отдѣльные участки земли на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Надѣлы эти во всякомъ случаѣ служили для владѣльцевъ средствомъ извлеченія доходовъ изъ земель пустыхъ, остававшихся безъ населенія и обработки. Плебен безземельные, бравшіе въ надѣлъ обыкновенно мелкіе земельные участки, путемъ ихъ обработки сами добывали средства къ жизни и виѣсть съ тѣмъ доставляли доходы землевладѣльцамъ. *Agri vectigales* сдавались обыкновенно въ долгосрочную (многолѣтнюю) аренду или въ вѣчное (наслѣдственное) владѣніе, съ условіемъ платежа за то опредѣленнаго ежегоднаго оброка (*vectigal*, также *canon*, *pensio*, *reditus*); норма оброка, по обычаю, опредѣлялась въ количествѣ $\frac{1}{10}$ части дохода съ земли. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей ¹⁾, *jus in agro vectigali*, при всей обширности правъ арендатора, вообще было прекарнымъ владѣніемъ (*possessio precaria*), зависѣло отъ воли государства и временныхъ обстоятельствъ; но ограниченіе такое можетъ относиться только къ долгосрочной или многолѣтней арендѣ, а не вѣчной, которая по самой природѣ своей, подобно преемницѣ—зифитевзѣ, имѣла не прекарный (по милости), а вещный характеръ. По крайней мѣрѣ, преторскій эдиктъ признавалъ вѣчное владѣніе оброчными землями вещнымъ правомъ, *jus in re aliena*, подлежащимъ отчужденію

¹⁾ См. *Markiewicz*, *Uwagi nad własnością podzieloną* (*Ekonomista*, 1886, I).

и передачѣ по наследству, и давалъ владѣльцу интердиктъ противъ всякаго посягательства на его владѣніе ¹⁾). *Jus in agro vestigali* выходитъ изъ практики со временъ императора Константина, замѣняется однороднымъ съ нимъ, по своей общей природѣ, правомъ эмфитевтическимъ ²⁾).

Римскій *emphyteusis* ³⁾ императорской эпохи, смѣнившій собой старую систему надѣла *agri vestigales*, образовался на почвѣ новыхъ экономическихъ условій, развившихся въ римской жизни въ концѣ республики и началѣ имперіи и всегда оставался явленіемъ чисто экономическимъ, въ качествѣ института, содѣйствовавшаго колонизаціи и культурѣ земельной, безъ политическихъ квалификацій, внесенныхъ въ этотъ институтъ въ средніе вѣка условіями жизни новыхъ наро-

¹⁾ См. L. 71. § 5 и 6. Dig. de legatis. 1, 30.

²⁾ О *jus in agro, vestigali* см. *Puchta*, Instit. II, 715 и слѣд. его-же *Pandekten-Vorlesungen*, I, 375. *Troplong*, De l'échange et du louage, 77 и слѣд.

³⁾ Рим. *emphyteusis* = греч. ἐμφυτεύσις, отъ ἐμψύω, empsileo, insesere, implantere, засѣвать, прививать, садить,—въ примѣненіи къ нашему институту—содѣйствовать меліорации и культурѣ земельной.—О рим. эмфитевзѣ см. спеціальныя монографіи: *D. H. Becker*, Disputatio juridica inauguralis de jure emphyteutico. 1708. *Ch. Praeger*, Dissertatio jurid. de contractu emphyteuticario. 1711. *Glas-macher*, De potioribus differentiis inter emphyt. rom. et germ. 1760. *C. Anthewais*, Specimen inaug. jurid. de emphyteusi. 1825. *Thon*, Ueber die Bedeutung u. den Umfang der c. 25 Cod. de loc. et cond. (*Zeitschrift für Civilrecht u. Process*, 1828, I). *Hervestoff*, Versucheiner Erklärung der L. 18. § 11 et 14 D. loc. cond. (ibid. 1833, III). *C. Vuy*, De originibus et natura juris emphyteutici Romanorum. 1838. *Pepin de Halleur*, Hist. de l'emphytéose en droit romain et en droit français. 1843. *N. Uszo*, Trattato sull' enfiteusi. 1859. *E. François*, De l'emphytéose. 1863. См. также монографіи о рим. наймѣ, средневѣк. эмфитевзѣ и Erbpacht (location perpétuelle) и польской wieczystej dzierżawie: *Spengel*, De natura et indolae emphyt. german. 1771. *Troplong*, De l'échange et du louage. 1840. *Lefort*, Hist. d. contrats de location perpétuelle ou à longue durée. 1870. *Calomarinio*, Del contratto di locazione. 1876. *Garsonet*, Hist. de locations perpét. 1879. *В. Умовъ*, Договоръ найма имущества по рим. праву и новѣйш. иностр. законодательствамъ. 1872. *Гантмоверъ*, О происхожденіи и сущности вѣчно-чинш. владѣнія. 1884. *Карынецъ*, Вѣчно-наследственный заемъ земли. 1885. *Markiewicz*, Uwagi nad własnością podzieloną (*Ekonomista*, 1866, I). *Mejer*, O wieczystoj dzierżawie. 1873. *Rembowski*, Hist. prawa wieczysto-czynszowego. 1886. См. также общіе курсы рим. гражд. права: *Dabelow* (Handb. d. Pandek.-Rechts), *Puchta* (Pandekten и Vorlesungen üb. Instit. d. Röm. Rechts), *Savigny* (Syst. d. heut. Röm. Rechts), *Wangeroff* (Lehrb. d. Pandekt.), *Windscheid* (Lehrb. d. Pandek.-Rechts), *Arnds* (Lehrb. d. Pandekten), *Baron* (Pandekten), *Böckling* (Pandekten и Röm. Privatrecht), *Becker* (Précis d'institutions du droit privé de Rome), *Brins* (Lehrb. d. Pandekt.), *Dernburg* (Pandekt.).

довъ. Въ ряду условій римскаго быта, вызвавшихъ къ жизни новый институтъ, стоитъ на первомъ планѣ неравномѣрное распределение поземельной собственности, образованіе крупнаго землевладѣнія (*latifundia*) вмѣсто старой системы мелкой и средней поземельной собственности—типической основы общественнаго и экономическаго быта республиканскаго Рима. Подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ и внутренней неурядицы скоплялись громадныя земельныя владѣнія въ рукахъ немногихъ лицъ, путемъ захвата *agri publici* и земельных участковъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Остатки публичныхъ земель сливаются затѣмъ съ частною собственностью римскихъ императоровъ, — образуются обширныя владѣнія императорскаго *fisci*, пополнявшася также новыми владѣніями въ завоеванныхъ провинціяхъ, разнаго рода выморочностями, а съ христіанства и секуляризацией имѣній языческихъ корпорацій¹⁾. Рядомъ съ образованіемъ латифундій императорскихъ, церковныхъ, городскихъ и частно-владѣльческихъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же войнъ и внутренней неурядицы, въ особенности чрезмѣрнаго усиленія разнаго рода публичныхъ податей и повинностей, прогрессивно развивается обезлюденіе римскихъ провинцій, недостатокъ свободныхъ рабочихъ силъ и капиталовъ, въ какихъ въ особенности нуждалось обширное хозяйство латифундій. Нѣкогда цвѣтуція и обработанныя *agri publici et privati* обращались въ безлюдныя пустыри, оставшіеся безъ населенія и обработки и потому не приносяшіе никакого дохода владѣльцамъ. При такихъ условіяхъ старая система зависимаго колоната, истощавшагося въ постоянныхъ войнахъ, и надѣла *agri vectigales*, мало обезнечивавшаго общее положеніе владѣльцевъ, не только долгосрочной, но и вѣчной аренды, не могли сколько нибудь успѣшно содѣйствовать развитію культуры пустырей въ безлюдныхъ латифундіяхъ. Землевладѣльцы, силою вещей, должны были обратиться къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ ради колонизаціи, культуры и вообще меліораціи своихъ имѣній²⁾,—

¹⁾ См. *Laboulaye*, *Hist. de la propriété foncière en occident*, I, 120. *Troplong*, *Du louage*, 81.

²⁾ Мнѣніе о происхожденіи эмфитевиза подъ исключительнымъ вліяніемъ условій экономическихъ раздѣляется всѣми исследователями этого института. О меліораціонныхъ мотивахъ эмфитевиза говоритъ уже *Гроциусъ*, въ трактатѣ— „*Praha między gospodarzem u komornikiem*“ (1558): „*Emphiteusim zas' z greckiego nazywnią meliorationem aut insiccionem wslanie, a verbo in seculo zlepszenie albo naprawiani*“.—Въ сочиненіи *Pepin le Halleur* по исторіи эмфитевиза (*Hist. l'emphytéose*, 167) встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: „*ce fut la misère publique qui l'y introduisit*“. По словамъ *Lefort'a* („*Hist. d. contrats d. locat. perpét.*“, 70), рим-

должны были предоставлять свободнымъ колонистамъ самыя широкія и наиболѣе выгодныя для нихъ правомочія и привиллегіи въ отношеніяхъ личныхъ и поземельныхъ. Путемъ бытовой практики, въ силу экономическихъ условій императорской эпохи, постепенно выработалась, такимъ образомъ, система такъ называемаго эмфитевтического права, санкціонированнаго затѣмъ законодательствомъ въ рядѣ положеній объ установленіи и природѣ эмфитевзы, взаимныхъ отношеніяхъ эмфитевта и собственника земли и пр.

Иной вопросъ,—на сколько институтъ эмфитевзы содѣйствовалъ реализаціи намѣченныхъ при его введеніи культурныхъ задачъ въ самой жизни римскаго народа. Отвѣтъ дается однимъ изъ старыхъ римскихъ патриотовъ: „*Latifundia Romam perdidierunt*“ (Плиній). Эмфитевза въ дѣйствительности не привела къ желаннымъ результатамъ въ дѣлѣ прочной колонизаціи и культуры латифундій. „Зло оказалось непоправимымъ¹⁾; оно было слишкомъ глубокимъ, слишкомъ захватывающимъ все сферы тогдашней жизни для того, чтобы могло поддаться леченію. Условія, мѣшавшія развитію мелкой собственности, не давали покою и эмфитевзамъ. Последніе, точно также какъ и мелкіе собственники, принуждены были бросать свои участки, спасаясь большею частію подъ защиту колоната, то-есть добровольно подвергаясь худшему правовому положенію. Для уничтоженія этого зла понадобилась одна изъ величайшихъ въ исторіи человѣчества революцій, нашествіе варваровъ, положившее на развалинахъ римской имперіи начало новой жизни“²⁾. Эмфитевза имѣетъ историческое значеніе не столько по своимъ практическимъ результатамъ въ жизни римскаго народа, сколько по тому культурному воздѣйствію, какое этотъ институтъ несомнѣнно оказалъ на правовой и экономической бытъ чиншевиговъ средневѣковаго запада, въ томъ числѣ и польско-литовскихъ областей бывшей Речи Посполитой, вошедшихъ позже въ составъ русскаго государства. Мы и рассмотримъ главнѣйшія данныя касательно организаціи эмфитевзы по римскому праву.

ская эмфитевза создана, „pour remédier à une culture rendue vicieuse par le défaut presque absolue d'agriculture et le manque de capitaux“. См. также *Garsonnet*, „Hist. de locat. perpét.“, 151; *Halcel*, „Dawne prawo“, 160; *Markiewicz*, „Uwagi“, 108, 112; *Rombowski*, „Hist. prwicz.-szynsz“, 38, 60; *Ганювер* „О происхожденіи вѣчно-чинш. владѣнія“, 6, 39; *Карышева* „Вѣчно-наслѣдств. наемъ“, 39 и др.

¹⁾ *Pepin le Haller*, „Hist. de l'emphytéose“, 167: „Ce (эмфитевза) fut un expedient, ce ne fut pas un remède“.

²⁾ *Ганювер*, „О происхожденіи и сущности вѣч.-чиншев. владѣнія“, 9.

Раздача *agri emphyteuticarii* впервые появляется въ III столѣтіи по Р. Хр. въ Греціи, потомъ и въ другихъ римскихъ провинціяхъ, первоначально въ латифундіяхъ императорскихъ, городскихъ и церковныхъ, позже и частновладѣльческихъ. Эмфитевза получила опредѣленную организацію въ качествѣ особаго правоваго института (*proprium naturam habet*) сначала при императорѣ Зенонѣ (ок. 486 г. по Р. Хр.), окончательно при Юстиніанѣ ¹⁾. Отношенія эмфитевтической обозначались классическими юристами на первыхъ порахъ родовымъ титуломъ найма — *locatis conductio* ²⁾, какъ и встрѣчаются върѣдка въ источникахъ старыя *vectigal* и *ager vectigalis*, но всегда лишь въ общемъ смыслѣ *emphyteusis* ³⁾. Подъ своимъ собственнымъ именемъ эмфитевза впервые упоминается у Ульпіана ⁴⁾.

По римскому праву эмфитевза имѣетъ значеніе вещнаго, наследственнаго, отчуждаемаго права пользованія чужимъ поземельнымъ имуществомъ, подъ условіемъ платежа ежегодной ренты (*canon*) и общественныхъ налоговъ. Правовая природа римской эмфитевзы сводится къ понятію вещнаго права, ограничивающаго чужую собственность, какъ *jus in re aliena*. Старые римскіе юристы считали эмфитевзу особымъ видомъ отчужденія (*species alienationis*); вещный характеръ этого института окончательно выяснился въ законахъ императоровъ Зенона и Юстиніана. Какъ раньше преторскій эдиктъ признавалъ *jus in re* въ отношеніи къ *agri vectigales*, такъ позже, въ эпоху имперіи, было признано, что эмфитевза не есть ни право личное, ни собственность, но *jus in re aliena*, — право вещное, установленное особымъ договоромъ ⁵⁾.

Договоръ, имѣвшій значеніе основнаго акта установленія эмфитевзы, считается въ римскомъ правѣ особою частно-правною сдѣлкой (*contractus emphyteuticarius v. emphyteuseos contr.*), обоснованною на

10)

¹⁾ См. L. 1 Cod. de jure emphyt. 4, 66. Ср. *Puchta*, *Instit. d. Röm. Rechts*. II, § 245.

²⁾ *Gaji*, *Instit.* III, § 145.

³⁾ „*Si ager vectigalis id est emphyteuticarius petatur*“; „*vectigale vel patrimoniale sive emphyteut. praedium*“; „*vectigal praedio emphyteut. imposit*“ (l. 13. Cod. 5, 37; l. 18. Cod. 5, 71, l. 23. Cod. 5, 37. Ср. *Lefort*, *Hist. d. contrats d. locat. perpet.*, 68).

⁴⁾ См. l. 8, § 4. *Dig. de reb. cor.* 27, 9.—*Emphyteusis* или *jus emphyteuticum*—владѣніе земель на наследственно-арендномъ правѣ. Объектъ эмфитевзы—*fundus, praedium, ager emphyteut.* Владѣлецъ эмфитевзы: *emphyteuta, emphyteuticus, emphyteuticarius, emphyteut, possessor* и пр.

⁵⁾ См. l. 1. Cod. de jure emphyteut. 4, 66. *Puchta*, *Instit.* II, 718, 721, 724.

общихъ обязательныхъ предписаній римскаго права объ эмфитевзѣ. Всякія уклоненія отъ этихъ предписаній, имѣвшія мѣсто въ данныхъ сдѣлкахъ этого рода, для законной силы должны были всегда точно формулироваться въ письменныхъ договорахъ ¹⁾. Кромѣ договора, римская эмфитевза могла устанавливаться также путемъ завѣщанія и давности; послѣдняя, впрочемъ, могла быть только производнымъ источникомъ эмфитевзы, переходящей путемъ давности отъ перваго эмфитевта—приобрѣтателя къ третьему лицу.

Главнымъ объектомъ римской эмфитевзы служили земельные пустыри, лежавшіе безъ населенія и обработки и требовавшіе затраты рабочихъ силъ и капитала для ихъ колонизаціи, культуры и меліораціи—основныхъ задачъ, ради которыхъ, какъ замѣчено, и возникла римская эмфитевза. Позже установленіе эмфитевзы допускалось и въ недвижимыхъ имуществвахъ съ извѣстною обработкой, жидьемъ и пр., но всегда нуждавшихся въ меліораціи ²⁾. Вопросъ о меліораціи, какъ обязательномъ условіи эмфитевзы, различно рѣшается историками. Одни полагаютъ, что имѣніе, сданное въ эмфитевзу, должно только держаться въ надлежащей обработкѣ; другіе считаютъ обязательною не одну обработку земли, но именно ея улучшение (меліорацію), такъ какъ изъ законовъ видно, что меліорація предмета эмфитевзы была всегда главнымъ условіемъ, вытекавшимъ изъ самой природы этого института ³⁾. Первоначально предметомъ раздачъ на положеніи эмфитевзы служили земельные участки изъ состава старыхъ аггі рі-білісі—владѣній императорскаго фиска, также городскихъ и церковныхъ имѣній; позже возникаютъ эмфитевзы и въ частныхъ владѣніяхъ. Земельныя владѣнія императорскаго фиска, раздававшіяся въ частное пользованіе, раздѣлялись на *fundi emphiteuticarii* (или *f. juris emphiteutici*), *f. patrimoniales* и *f. rei privatae*. Послѣдніе два вида владѣній могли сдаваться въ временное или постоянное пользованіе (*fundi perpetuarii*); въ особенности практиковались долгосрочныхъ (многолѣтнихъ) эмфитевзы ⁴⁾, какъ и допускались другія видоизмѣненія

¹⁾ Формальности письменнымъ актовъ требовались также при установленіи церковныхъ эмфитевзъ (см. *Windscheid*, *Pandekt.* I, 638). По мнѣнію Пухты, римское право вообще допускало при эмфитевзахъ только письменные акты, что однако не совсѣмъ вѣрно (*Puchta*, *Institut. d. Röm. Rechts*, II, § 245).

²⁾ См. *Novel.* 7, cap. 8; l. 15, § 26 *Dig.* 89, 2. *Garsonet*, *Hist. d. contrats*, 151.

³⁾ См. l. 2. *Cod. de jure emph.* 4, 66; *Nov.* 7, cap. 3; *Nov.* 120, cap. 8. Ср. *Helcel*, *Dawne prawo*, 164.

⁴⁾ См. l. 3. *Dig.* 6, 3. *Novel.* 7, cap. 3.

въ отношеніяхъ сторонъ по взаимному ихъ соглашенію, лишь бы при этомъ не устанавливались условія, превращавшія данное конкретное отношеніе въ одинъ изъ другихъ институтовъ римскаго вещнаго права ¹⁾. Praedia emphyt. сдавались всегда только jure perpetuatio въ вѣчное владѣніе за опредѣленную годовую ренту (canon), такъ какъ только этимъ способомъ подобныя имѣнія (по большей части пустыри) могли становиться культурными, подвергаться меліораціи ²⁾. Касательно сдачи въ эмфитевзу церковныхъ имѣній существовали нѣкоторыя ограниченія въ римскомъ и каноническомъ правѣ, считавшемъ вѣчную эмфитевзу весьма близкою къ полной alienatio и потому не допускавшемъ ее въ церковныхъ имѣніяхъ ³⁾; дозволялась только сдача въ временное или пожизненное владѣніе, напримѣръ, перваго приобретателя и двухъ его наслѣдниковъ или мужа и жены ⁴⁾. Позже вѣчная эмфитевза была допущена и въ церковныхъ имѣніяхъ, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ виду особой въ томъ нужды или ради явной выгоды для владѣльца, и то только въ имѣніяхъ церквей провинціальныхъ, а не столичныхъ ⁵⁾.

Какъ уже замѣчено, римское право не признаетъ за эмфитевтомъ права собственности на эмфитевтическое имущество; ему усволяется лишь jus in re, вещное право на чужое имущество. Но право это было обставлено такими широкими правомочіями, что на дѣлѣ за собственникомъ оставался лишь одинъ титулъ собственности; всѣ реальныя ея элементы и атрибуты переходили почти полностью къ эмфитевту. Такимъ образомъ, ему предоставляется вѣчность владѣній объектомъ эмфитевзы, съ такими же правами пользованія и распоряженія, какія вообще присущи институту полной собственности. Таково право извлекать изъ эмфитевческаго имущества всевозможные доходы, передавать свои права по наслѣдству или завѣщанію, отчуждать ихъ всѣми способами, однако, съ вѣдома собственника и безъ ущерба его правамъ,—устанавливать на имѣнія сервитуты, дѣлать его предметомъ залоговаго права и пр. Эмфитевту предоставляется, въ видахъ культуры и меліораціи, измѣнять природу (substantium rei) объекта эмфитевзы, давать ему другое назначеніе, чѣмъ то, какое

¹⁾ См. *Gamsovera*, „О происхожденіи и сущности вѣчно-чинш. владѣній“, 28.

²⁾ См. *Helzel*, *Dawne prawo*, 159.

³⁾ *Novel.* 7, cap. 1, 3, 7.

⁴⁾ *Ibid.*, cap. 3.

⁵⁾ *Novel.* 120, cap. 1, 6.

онъ имѣлъ при установленіи эмфитевзы, если только это вообще согласуется съ общими условіями эмфитевзы, безъ цѣлостнаго поврежденія или уменьшенія объекта, особенно безъ его ухудшенія (*deterioratio*), что противорѣчило бы меліорациі—основной задачѣ римской эмфитевзы. Эмфитевтъ могъ оставлять (*derelinquere*) свою эмфитевзу не иначе, какъ лишь подъ условіемъ сдачи ея другому лицу на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ первоначально она была установлена. Отчужденіе эмфитевзы допускается съ вѣдома собственника: эмфитевтъ обязанъ увѣдомлять его каждый разъ о предполагаемомъ отчужденіи эмфитевзы, ждать его рѣшенія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и затѣмъ, по истеченіи этого срока (хотя бы и не полученъ былъ отвѣтъ собственника), могъ приступить къ исполненію самой сдѣлки; при этомъ собственнику предоставлялось преимущественное право покупки эмфитевзы по цѣнѣ, установленной при послѣдней сдѣлкѣ. Продажная сумма, обозначавшаяся въ актѣ продажи эмфитевзы, имѣла видъ вознагражденія, какъ за уступаемыя права эмфитевзы, такъ и въ особенности за произведенную въ ней меліорацию. При отчужденіи эмфитевзы третьему лицу, собственникъ имѣлъ право на полученіе отъ него особой платы, получившей въ средіе вѣка (впервые у глоссаторовъ) техническое названіе *laudemium*, въ количествѣ 50-й части (*quingagesima pars*, — 2%) продажной суммы, въ видѣ вознагражденія за уступку первенства кули. *Laudemium* имѣлъ мѣсто при всякой сдѣлкѣ, разъ владѣніе эмфитевзой путемъ *alienatio* (а не наслѣдованія) переходило къ постороннему лицу. Общая норма платежа *laudemium*, установленная закономъ могла и измѣняться, разъ это оговаривается въ самомъ актѣ установленія данной эмфитевзы.

Къ главнымъ обязанностямъ эмфитевта относится платежъ канона (*canon emphyteuticus, pensio, reditus*) и отправленіе разныхъ повинностей и налоговъ, лежавшихъ на эмфитевзѣ. Канонъ въ данномъ случаѣ ¹⁾ означаетъ ежегодную ренту, платившуюся эмфитевтомъ собственнику за пользованіе его имуществомъ ²⁾. Канонъ имѣлъ вообще незначительный размѣръ, опредѣлявшійся каждый разъ договоромъ эмфитевзы; его размѣръ сообразовался не съ доходностію имѣнія, но съ интересами культуры эмфитевзы, чтобы эмфитевтъ могъ

¹⁾ Canon упоминается въ источникахъ также въ общемъ значеніи подати (см., напримѣръ, l. 10, Cod. 10, 47).

²⁾ См. l. 3. Cod. 4, 46; l. 7. Cod. 11, 58.

безъ затрудненія развивать ея меліорацію. По общему правилу, канонъ, разъ установленный договоромъ эмфитевзы, не подлежалъ ни увеличенію, ни уменьшенію; отиѣна (*remissio*) канона могла имѣть мѣсто лишь при полномъ прекращеніи доходности эмфитевзы ¹⁾.

Собственникъ эмфитевзы, кромѣ права на полученіе за нее канона и *laudemium*. можетъ отчуждать свою собственность на общемъ основаніи, но безъ нарушенія правъ эмфитевта, и удерживаетъ за собою право запрещать всякія распоряженія эмфитевта, клонящіяся ко вреду для эмфитевтической собственности. Права собственника возобновляются полностью и эмфитевза прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ случаѣ смерти эмфитевта безъ наслѣдниковъ; б) въ случаѣ полного уничтоженія объекта эмфитевзы (наводненіемъ и пр.); в) давностію, когда третье лицо пріобрѣтаетъ *dominium plenum* надъ объектомъ эмфитевзы, или собственникъ присвоиваетъ непосредственное пользованіе и распоряженіе эмфитевзою, какъ и эмфитевтъ не платитъ канона и спокойно владѣетъ эмфитевзою, — во всѣхъ такихъ случаяхъ подъ условіемъ молчанія эмфитевта или собственника въ теченіи обычнаго (30-лѣтняго) давностнаго срока; г) консолидаціей, когда собственникъ, по особому соглашенію съ эмфитевтомъ, пріобрѣтаетъ отъ него всѣ эмфитевтическія права, или когда эмфитевтъ, по такому же соглашенію, становится полнымъ собственникомъ эмфитевзы; д) въ силу *privatio* (отобранія), принадлежащаго собственнику, при неисполненіи эмфитевтомъ лежащихъ на немъ обязанностей, — если эмфитевтъ не платитъ канона въ теченіе трехъ сроковъ годовыхъ (2-хъ лѣтъ въ эмфитевзахъ церковныхъ), допускаетъ ухудшеніе объекта эмфитевзы, отчуждаетъ ее безъ вѣдома собственника и пр. При прекращеніи эмфитевзы, имущество, составлявшее ея объектъ, переходитъ полностью къ собственнику, съ погашеніемъ всѣхъ обязательствъ, лежавшихъ на эмфитевтѣ по договору объ установленіи эмфитевзы. За эмфитевтомъ признается во всѣхъ такихъ случаяхъ право на *fructus perceptes* — плодъ, отдѣлимый отъ объекта эмфитевзы (*fructus pendentes*, не отдѣлимый, дѣлится между собственникомъ и эмфитевтомъ), также на всю движимость, бывшую въ распоряженіи эмфитевта, и на вознагражденіе за всякую меліорацію, въ эмфитевзѣ, не бывшую обязательною для эмфитевта по договору объ установленіи эмфитевзы ²⁾.

¹⁾ *Puchta*, Instit. II, 721, 724. *Windscheid*, Lehrb. d. röm. Rechts, §§ 219, 220.

²⁾ *Puchta*, Pandekt. (изд. 1863), стр. 267—269.

Римскому праву извѣстенъ особый институтъ, по своей общей природѣ, сходный съ эфитевзой и подобно послѣдней унаслѣдованный средневѣковыми правомъ. Таковъ институтъ *superficies* (суперficiумъ) ¹⁾ — особый видъ *jus in re aliena*, въ значеніи полного наслѣдственного и отчуждаемаго вещнаго права пользованія зданіемъ (домомъ и пр.), возведеннымъ на чужой землѣ, съ платежемъ ея собственнику поземельной ренты (*solagium*, *rentio*) ²⁾. *Superficies* не имѣетъ самостоятельнаго договора для своего возникновенія, стоитъ въ связи въ особенности со сдѣлками найма или купли; но, какъ институтъ вещный и притомъ вѣчный, *superficies* вызвалъ въ римскомъ правѣ особыя нормы, до извѣстной степени сходныя съ постановленіями объ эфитевзѣхъ. Впрочемъ, постановленія о *superficies* не вполне обнимаютъ этотъ институтъ; въ особенности отношенія владѣльца *superficies* (*superficius*, *superficiarius*) къ собственнику земли основывались, главнымъ образомъ, на договорахъ, изъ коихъ возникъ этотъ институтъ въ каждомъ данномъ случаѣ ³⁾.

На почвѣ новыхъ политическихъ и экономическихъ условій развились въ средневѣковомъ правѣ Германіи и другихъ европейскихъ государствъ самостоятельныя формы поземельныхъ отношеній сельскаго населенія, сложившихся по типамъ *чиншевого права* ⁴⁾ въ раз-

¹⁾ Въ римскихъ источникахъ подъ общимъ титуломъ *superficies*, помимо спеціального значенія *jus in re aliena*, разумѣется все, что находится на поверхности земли, надъ землею, напримѣръ, строенія, деревья, вообще все, связанное съ землею, *arsa, solum* (l. 3, 20. Dig. 8, 1; l. 71. Dig. 7, 1 и пр.).

²⁾ См. l. 73—74. Dig. 6, 1.

³⁾ *Puchta*, Pandekt., 265. Его же *Instit.* II, § 244. *Troplong*, Du louage, 76, 90.

⁴⁾ О средневѣковыхъ чиншевникахъ и чиншевомъ правѣ см. монографіи: *Carotii Tuderitini*, Tractatus locati et conducti. 1584. *Glasmacher*, De potioribus differentiis inter emphyt. rom. et germ. 1760. *Spengel*, De natura et indolae emphyt. german. 1771. *Westphal*, Vom Kauf—, Pacht—, Mieth—u. Erbzinscontract. 1807. *Sell*, Ueber die remissio mercodis bei dem Pachtvortrago (*Archiv f. d. civilist. Praxis* 1837, XX). *Troplong*, De l'échange et du louage. 1810 (исчрѣд. изданіе—1859). *Pepin le Halleur*, Hist. de l'emphytéose en droit romain et en droit français. 1843. *Dallos*, Louage (*Répertoire de législation* 1853, XXX). *Merlin*, Bail (*Répertoire de jurisprudence* II). *Iacobi*, Ueber Remission des Pachtzinses. 1856. *Clamagerau*, Du louage. 1856. *N. Usso*, Trattato sull' enfiteusi. 1859. *Pothier*, Traité du contrat de louage (Oeuvres, annotées par Bugnet. 1851, IV). *Degenkolb*, Platzrecht u. Mieth. 1867. *Wolff*, Der Hauseigentümer u. Miether. 1868. *Nosse*, Die wirthschaftliche Bedeutung von Erbzins u. Erbpachtverhältnissen (*Land. Jahrbücher*, VII). *Lefort*, Hist. des contrats de location, perpétuelle ou à

ныхъ его видахъ (Erbzins, Erbbracht и пр.), отличныхъ отъ римской эмфитевзы и superficies. Впрочемъ, римскіе институты сохранялись болѣе или менѣе долго и послѣ паденія римской имперіи, практиковались рядомъ съ новыми институтами средневѣковаго происхожденія. Туземное населеніе колоновъ въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ, завоеванныхъ германцами, первоначально оставалось на старомъ положеніи, продолжало сидѣть на своихъ эмфитевзахъ и причислялось вообще къ сельскимъ tributarii, платившимъ поземельную подать подъ общимъ названіемъ сапоп (sensus, tributum) съ разными дополнительными налогами и натуральными сборами. Съ теченіемъ времени (уже въ VI столѣтіи) римскіе законы постепенно примыкаютъ къ германскимъ, подчиняются одинаковымъ вотчиннымъ платежамъ и служебностямъ въ отношеніи къ земледѣльцамъ ¹⁾. Съ другой стороны, рецепція римскаго права въ средневѣковыхъ государствахъ повлекла за собой болѣе или менѣе значительныя вліянія римскихъ институтовъ, между прочимъ, и на поземельныя и личныя отношенія сельскаго населенія. Въ Германіи, подъ вліяніемъ рецепціи римскаго права не только практикуется римская эмфитевза, но и чисто туземные институты крестьянскихъ поземельныхъ отношеній (Erbzinsgüter, Bauerrechtsgüter и пр.) рассматриваются въ смыслѣ той же эмфитевзы, а иногда (какъ Erbgleihen или Precazia) и прямо называются ея именемъ. Такимъ образомъ, изъ актовъ IX столѣтія видно, что уже въ это время въ составѣ свободныхъ колоновъ числились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи такъ называемые libellarii—крестьяне, которымъ по договору (libellario nomine v. libellario titulo) раздавались владѣльческія земли на общемъ, эмфитевтическомъ правѣ. „libellario vel emfiteoticario jure“ ²⁾. Въ Саксоніи, Баваріи и другихъ мѣстностяхъ Германіи встрѣчались еще въ XIII

---

longue durée. 1870. Calomardino, Del contr. d. locatione. 1870. Sarsonet, Hist. d. location perpét. 1879. *De la Bigne de Villeneuve*, Du domaine congéable ou bail à convenant. Etude hist. et pratique. 1883. L. Gouillonard, Traité de contrat de louage. 1888. L. Jacobi, Miethe u. Pacht. 1889. Sauger, Du louage et des servitudes. Par. (v. a.). См. также цитированныя выше монографіи Гаммовера, Карпишева, Умова, Релбоексаго, Гельмсля и др., также общіе курсы нѣмецкаго и французскаго гражданскаго права — Eichhorn, Mittermaier, Bluntschli, Dieck, Gengler, Gerber, Gierke, Dernburg, Walter, Beseler, Aubry et Rau, Bernard, *De la Bigne de Villeneuve*, Aumaitre и др.

¹⁾ См. Maurer, Gesch. d. Fronhöfe, I, стр. 73, 385.

²⁾ См. Maurer, Gesch. d. Fronhöfe, I, стр. 31.

вѣкъ крестьяне, владѣвшіе землями на положеніи римской эфитевзы; въ одномъ актѣ 1262 г., напримѣръ, говорится: „concessimus sub iure emphyteutico sive hereditario, quod vulgo dicitur Erbrecht“ ¹⁾. Наименованіе римской эфитевзы въ средневѣковыхъ актахъ примѣняется не только къ однороднымъ институтамъ туземнаго нѣмецкаго права (какъ Erbzinsgüter, Erbrechtsgüter или Erbleihen), но иногда и къ бенефиціямъ, раздававшимся на простомъ прекарномъ правѣ ²⁾.

Легенда о римской эфитевзѣ, притомъ какъ институтѣ, практиковавшемся въ Германіи еще въ XIV вѣкѣ, записана средневѣковыми глоссаторами источниковъ магдебургскаго права: Sächsisches Landrecht (Sachsenspiegel) первой трети XIII вѣка и Sachs. Weichbild (Jus municipalis Magdeburgensis) конца XIII или начала XIV вѣка (глоссы въ обихъ—съ половины XIV вѣка) ³⁾. Въ глоссѣ къ седьмому артикулу Вейхбильда („De transmutationibus regnorum“) опредѣляется происхожденіе и природа римскаго jus emphyteoticum, установившагося путемъ контракта, или добровольнаго соглашенія о предоставленіи собственникомъ земли эфитевту въ обработку „agros rusticos ex radicibus, quae antehac inculta fuere“, за плату, опредѣлявшуюся договоромъ. По словамъ глоссатора, въ его время въ Германіи предметомъ эфитевзы могли быть также обработанныя земли (bona elaborata) ⁴⁾. Въ „Promptuarium juris Saxonici“ такъ опредѣляется римская эфитевза: „emphyteosis dictum esse melioratio vel proventus ex bonis conductis iuxta contractum“ ⁵⁾. Римскими же терминами „emphyteosis“ и „emphyteos“ глоссаторы Саксонскаго Зеркала обозначаютъ пустыри (praedia in radicibus desertorum), сдававшіеся въ ихъ время въ Германіи свободнымъ крестьянамъ (rustici) въ наслѣдственное пользованіе, ради культуры и меліорации, на основаніи такъ называемаго jus censuale или Erbzinsrecht (см. ниже) ⁶⁾. Съ

¹⁾ Ibid., III, 224.

²⁾ Ibid., IV, 485. Ср. также Eichhorn, Deutsche Staats—u. Rechtsgeschichte, III, § 448, 545. Laboulaye, Hist. d. l. propriété foncière, I, 337.

³⁾ См. Тарановскаго, Обзоръ источниковъ магдеб. права, 10, 13.

⁴⁾ См. также Troplong, Du louage, 172.

⁵⁾ См. Promptuarium Яскера, 1585, стр. 41.

⁶⁾ См. Яскера, Juris provincialis quod speculum Saxonum vulgo nuncupatur libri tres, 1585, lib. III, art. 79. Считаю не лишнимъ привести здѣсь дѣлкомъ подлинный текстъ глоссы къ VII артикулу Сакс. Вейхбильда, гдѣ изложена легенда о римской эфитевзѣ:

„Acceptisque nonnullis militaris ordinis viris et Romani etenim provincias subiugantes duces illis praefecerunt: agrisque illorum omnes erant. Ducem prop-

чисто римскимъ характеромъ эмфитевза удерживалась въ средніе вѣка больше всего въ церковныхъ имѣніяхъ и до нашихъ дней не совсѣмъ исчезла въ правѣ нѣкоторыхъ государствъ (въ кодексахъ итальянскомъ, португальскомъ, бельгійскомъ и др.). Въ Германіи эмфитевза держалась старыхъ римскихъ основъ до XIV вѣка, когда подъ вліяніемъ феодальныхъ отношеній она стала видоизмѣняться и въ концѣ концовъ слиялась съ мѣстнымъ чиншевымъ правомъ ¹⁾.

Ф. Леонтовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

terea praeficiebant, ut praesit subugaro populo. Dux enim dicitur, qui bellum sequitur, vel cui ducatus ab antiquo principe comittit, ducibusque huiusmodi seu principibus milites adiunxerunt pro defensa provinciarum, quos et expensis providebant, in recompensamque provisionis militum principes agros et possessiones occupabant: et quicquid ad locandum vel conducendum videbatur, sub determinato commodo et utilitate faciebant, et exinde milites fovebant, quicquid superfuerat Romanis tribuentes. Cum vero Romanis displiceret, milites continuis expensis fovere. Principibus ipsis provincias et castra in feudum dederunt, ut exinde obsequium impio praestarent, sub iure Emphyteotico seu feudali (*Щербичъ*, въ своемъ изданіи „Jus municipale“ (1610, стр. 37), переводитъ—„lennym albo zakupnym prawem“). Principes vero ulterius bona certa militibus conferebant sub eodem iure exindeque venit quod vasalli effecti sunt. Milites tandem consequenter locabant agros rusticis, sub determinato censu, et rustici huiusmodi qui ad talia bona nascebantur, ascriptitii dicebantur. Ne diutius iusque inter eos iuxta contractum mutuum super damno et super censu statuabatur, et quicquid inter eos conclusum fuit occasione huiusmodi bonorum pro iure habebatur. Unde Emphyteosis seu ius Emphyteoticum dicitur esse contractus quidam liber et voluntarius occasione bonorum, que dantur sub conditione hoc est sub certo censu vel aliquo obsequio, quod illa bona laborare debeat ex radicibus quae antehac inculta fuere, huiusmodi quae obligatio quae promittitur occasione bonorum fit ius virorumque et dicitur Emphyteosis (*У Щербича прибавлено: „Iakoby lenne albo zakupne Prawo“*). Nunc vero etiam bona elaborata tribuuntur sub contractu, et exinde census solvitur, et alia que in contractu exprimentur, conductam—Lenque illud pro iure per eos habetur. Emphyteosis secundam alios dicitur, cum alicui res conceditur mercede in pecunia vel in specie constituta a locatione et emptione differens“. (См. *Jaskori*, „Juris municipalis Magdeburgensis liber vulgo Weichbild nuncupatus. 1585, стр. 8 оборот.).

¹⁾ См. *Troplong*, De l'échange, 171, 172. *Nasse*, Die wirth. Bedeut. v. Erb-zins etc., 58.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ РЕАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ ДО ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Характерныя особенности реальной системы образованія, отличающія ее отъ гуманитарной (классической) системы; различіе ближайшихъ воспитательныхъ задачъ, къ разрѣшенію коихъ стремится каждая изъ этихъ системъ; различіе ихъ по выбору предметовъ, которые кладутся въ основу курса школы, и различіе методовъ, которыми наиболѣе свойственно пользоваться реальной и гуманитарной школою.—Первоначальныя проявленія реального направленія въ германской школо: Раткліп, Коменскій, Лейбницъ, Франке.— Учрежденіе Землеромъ школы, впервые получившей наименованіе „реальной“.—Характеръ школы Землера.—Реальное училище Гекера.—Участіе гуманистовъ въ организаціи реального образованія: Гедике и его представленіе о бюргерской школо (Bürgerschule).—Вступленіе Шнилке въ управленіе Гекеровскою школою и введеніе въ нее обязательнаго преподаванія латинскаго языка.—Покровительство, оказываемое прусскимъ правительствомъ реальнымъ школамъ, включавшимъ въ свой курсъ обязательное преподаваніе латинскаго языка.—Постепенное развитіе прусскихъ реальныхъ училищъ и Положеніе 1859 года.—Реформа 1882 года и новое дѣленіе реальныхъ училищъ на категоріи: реальныя гимназіи, высшія реальныя училища, бюргерскія школы.—Развитіе реального образованія въ Вюртембергѣ: четырехъ и шести-классныя чисто реальныя училища, и идея о реальномъ образованіи, какъ она осуществлялась въ этихъ училищахъ.—Связь вюртембергскихъ реальныхъ училищъ съ высшими техническими учебными заведеніями.—Учрежденіе д-мъ Дикманомъ Штутгартской реальной гимназіи.—Вюртембергское 9-ти-классное реальное училище.—Развитіе реального образованія въ Баваріи: промышленныя училища, реальныя гимназіи, чисто реальныя училища.

Въ наше время болѣе, чѣмъ когда либо, для должнаго пониманія положенія школьнаго дѣла столь же необходимо ясное и вѣрное представленіе о сущности и объ историческомъ развитіи реальной системы образованія, какъ и знакомство съ основными принципами

и съ исторіею гуманитарной школы. Между тѣмъ въ литературѣ нашей, касающейся школьнаго вопроса, лишь изрѣдка встрѣчаются, и то отрывочныя только свѣдѣнія объ историческомъ возникновеніи и о ходѣ развитія реального образованія, благодаря чему, въ спорѣ о различныхъ системахъ образованія, столь интересующемъ общество въ наши дни, изрѣдка встрѣчаются недоразумѣнія и неясности, затемняющія самую сущность вопроса и коренящіяся въ недостаточность знакомствъ, какъ съ существомъ, такъ и съ исторіею той или другой школьной системы.

Въ виду сего мы рѣшаемся сдѣлать въ настоящей нашей работѣ попытку,—представить нашимъ читателямъ, хотя краткій, но по возможности послѣдовательный и связанный очеркъ исторіи реальной школы въ Германіи, въ которой вопросъ о реальномъ образованіи подвергся за послѣднія сто лѣтъ наибольшей разработкѣ и получилъ наиболѣе определенную формулировку. Но, прежде чѣмъ приступить къ предпринимаемому очерку, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ, исторически сложившихся основныхъ принципахъ воспитанія и обученія, которые, составляя самую сущность реального направленія образованія, отличаютъ его отъ гуманитарнаго.

Прежде всего исторія педагогики показываетъ намъ, что еще въ самыя отдаленныя времена по отношенію къ воспитанію замѣчались два направленія, отличавшіяся другъ отъ друга тѣми особенностями пріемовъ и цѣлей, которыя и нынѣ составляютъ наиболѣе характерныя черты гуманитарнаго и реального образованія. Первое изъ этихъ направленій, на которомъ основана гуманитарная система, поставляетъ главною своею задачею развитіе логическаго мышленія и общее воспитаніе ума и духовныхъ силъ, безотносительно къ тому, какое поприще или положеніе учащійся можетъ занять въ будущемъ. Исходною точкою этого направленія служить мысль, что человѣкъ, логическія способности котораго получили возможно большее развитіе, приученный къ систематическому умственному труду и усвоившій себѣ правильный методъ научной работы, можетъ впоследствии легче всякаго другаго пріобрѣсти и усвоить себѣ всякія знанія, какія только понадобятся ему въ жизни, а потому всегда явится наиболѣе подготовленнымъ не только къ научной работѣ, но и ко всякой дѣятельности, требующей высшаго умственнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія въ первоначальномъ, то-есть, школьномъ воспитаніи важна не столько сумма пріобрѣтенныхъ знаній, сколько воспитательное ихъ

значеніе и способы, которыми они приобрѣтены, а потому система эта придаетъ особую важность вопросу о томъ, насколько учащійся усвоилъ себѣ, начиная съ самыхъ элементарныхъ приѣмовъ, методъ научной работы, насколько въ немъ развилась способность къ логическому мышленію и привычка къ систематическому умственному труду, безъ всякаго предрѣшенія того, на какой предметъ онъ въ будущемъ пожелаетъ обратить свои силы. Въ такомъ развитіи ума и духовныхъ силъ болѣе даже, чѣмъ въ самомъ усвоеніи знаній, гуманитарное воспитаніе видитъ истинное общее образованіе, подготовляющее къ высшей научной работѣ, а равно ко всякой дѣятельности, требующей высшаго научнаго образованія.

Второе направленіе, которому реальная система воспитанія обязана своимъ происхожденіемъ, хотя, само собою разумѣется, тоже не упускаетъ изъ вида развитія духовныхъ силъ воспитанника, но по самому основному своему принципу стремится подчинить это развитіе условіямъ житейскаго положенія, въ которомъ находится учащійся, и требованіямъ предполагаемыхъ будущихъ его занятій и поприща, къ которому онъ готовится, а потому вопросъ объ общемъ развитіи разума въ томъ смыслѣ, котораго требуетъ указанное выше гуманитарное направленіе, неизбѣжно отодвигается на второй планъ, первенствующею же цѣлью воспитанія становится развитіе способностей и умѣній, такъ сказать, *ad hoc*, а равно и сообщеніе знаній, необходимыхъ для успѣха на заранѣе болѣе или менѣе точно опредѣленномъ жизненномъ пути. Такимъ образомъ главною задачею образованія становится въ сущности не самое воспитаніе ума, а обработка его для опредѣленныхъ цѣлей. Этимъ и объясняется, что реальное образованіе на первыхъ ступеняхъ своего развитія не только близко подходитъ къ профессиональному воспитанію, но даже почти сливается съ нимъ. Только съ теченіемъ времени въ школахъ этого направленія постепенно возникаетъ потребность въ расширеніи своихъ воспитательныхъ задачъ, при чемъ потребность эта первоначально находитъ себѣ выраженіе въ желаніи готовить не къ одному, а къ самымъ разнообразнымъ поприщамъ, путемъ сообщенія воспитаннику возможно большаго разнообразія знаній, въ связи съ чѣмъ слагается мнѣніе, будто въ періодъ школьнаго ученія общее образованіе заключается въ приобретеніи всѣхъ свѣдѣній и умѣній, какія только могутъ понадобиться человѣку при какихъ бы то ни было будущихъ условіяхъ его жизни. Но затѣмъ по мѣрѣ того, какъ опытъ доказываетъ всю неосуществимость подобной задачи, характеръ реального образованія постепенно

измѣняется, и въ реальную школу проникаетъ сознаніе необходимости ограничить кругъ преподаваемыхъ предметовъ и хотя бы отчасти сблизить свое пониманіе существа общаго образованія съ тѣмъ представленіемъ о немъ, котораго держится гуманитарная школа, насколько это возможно, однако не отказываясь отъ первоначальной системы болѣе спеціальнаго развитія способностей учащихся. Въ виду такого характера своего основнаго направленія реальная школа сохраняетъ болѣе тѣсную связь съ высшимъ спеціальнымъ или профессиональнымъ образованіемъ, въ то время какъ гуманистическая школа, стремясь прежде всего къ общему развитію ума и къ развитію логическаго мышленія и подготавливая этимъ путемъ своихъ воспитанниковъ къ научнымъ занятіямъ, безотносительно къ будущей ихъ спеціализаціи, всегда имѣетъ ближайшею своею задачею приготовить къ университетскимъ занятіямъ, что, само собою разумѣется, не лишаетъ воспитанниковъ этой школы возможности съ успѣхомъ продолжать свое образованіе и въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, буде они того пожелаютъ.

Затѣмъ къ указываемому нами различію гуманитарнаго и реального образованія по воспитательной цѣли, которую они преслѣдуютъ, присоединяется еще различіе ихъ по выбору предметовъ, которыми они пользуются, какъ преимущественными средствами для образованія своихъ учениковъ. Человѣку во все время было свойственно съ одной стороны стремиться къ познанію внутренней, духовной жизни, какъ своей, такъ и человѣчества вообще, и къ развитію своего разума путемъ изученія проявленій этой жизни, находящихъ себѣ выраженіе въ языкахъ съ ихъ литературою, въ исторіи, философіи и т. д., а съ другой стороны ему столь же свойственно стремленіе къ наблюденію явленій внѣшняго міра и къ изученію этого міра, съ цѣлью, какъ познанія его законовъ, такъ и пользованія его силами. Эти два направленія, изъ коихъ первое по самому существу своему болѣе соответствуетъ цѣлямъ гуманитарнаго, а второе задачамъ реального воспитанія, понимаемыхъ въ только что указанномъ нами смыслѣ, присущи человѣку на всѣхъ ступеняхъ его культуры, но развиваются они далеко не одновременно и не въ равной мѣрѣ. Точность наблюденій и умѣнье производить научные опыты были чужды не только древнему міру, но и среднимъ вѣкамъ, а такъ какъ безъ этихъ пріемовъ изученіе природы и ея законовъ немислимо, то все знанія и науки, принадлежащія къ этой области, находились только въ зародышѣ и могли получить развитіе лишь вслѣдъ за эпохой возрожденія наукъ

и искусствѣ, когда, подъ вліяніемъ изученія культуры древнихъ грековъ и римлянъ, началась новая эра просвѣщенія, давшая между прочимъ и первый толчокъ возникновенію физическихъ и естественныхъ наукъ.

Только съ этого времени и могло наступить различіе направленія образованія по роду наукъ, полагаемыхъ въ его основу, и съ этого времени возникаетъ съ одной стороны представленіе о гуманитарномъ образованіи, какъ имѣющемъ своимъ предметомъ прежде всего языковѣдѣніе (и при томъ преимущественно изученіе древнихъ языковъ классическаго періода)¹⁾, исторію и философію, а съ другой стороны развивается понятіе о реальномъ образованіи, преимущественно направленномъ на изученіе физическихъ и естественныхъ наукъ, въ тѣснѣйшей связи съ математикой, безъ которой самое занятіе этими науками невысказуемо.

Наконецъ въ зависимости отъ различія гуманитарнаго и реального образованія, по ихъ цѣли и по выбору предметовъ изученія, постепенно присоединяется еще различіе научныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательныхъ методовъ, которыми каждая изъ этихъ системъ пользуется для достиженія своихъ ближайшихъ цѣлей.

Для гуманитарной (классической) школы, какъ по свойству наукъ, составляющихъ главную основу ея курса, такъ и по воспитательнымъ цѣлямъ, которыя она преслѣдуетъ, естественно пользоваться преимущественно тѣми методами, точкою отправленія которыхъ является непосредственная работа собственно мышленія, то-есть, разсужденіе и умозаключеніе, провѣряемая, поясняемая и дополняемая уже затѣмъ опытомъ и наблюденіемъ. Реальная же школа, основывающая свой курсъ преимущественно на наукахъ, имѣющихъ предметомъ изученіе внѣшняго міра и его законовъ, не можетъ не отдавать предпочтенія методу, признающему наблюденіе и опытъ источникомъ и основой всякаго знанія и допускающему умозаключенія только, какъ ихъ результатъ и послѣдствіе. Въ виду сего реальная школа несравненно болѣе гуманитарной стремится развивать въ своихъ воспи-

¹⁾ Мы не входимъ здѣсь въ разсужденіе о томъ, почему именно древніе языки,—латинскій и греческій,—съ ихъ литературою являются необходимою основою гуманитарнаго образованія, и какъ исторически сложилось значеніе этихъ языковъ для гуманитарной школы, такъ какъ мы посвятили этому предмету весь 1-й выпускъ нашего труда: „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“ (1891 г., Москва).

танникахъ вѣдшія чувства и разнаго рода умѣнія и ловкость приѣмовъ, хотя бы таковыя приобрѣтались путемъ механическихъ упражненій, и можетъ удѣлять несравненно менѣе времени на воспитаніе собственно мышленія и разума, въ виду чего даже при изученіи однихъ и тѣхъ же предметовъ способности учащихся обостряются въ реальной школѣ въ иномъ направленіи, чѣмъ въ гуманитарной¹⁾.

Мы видимъ такимъ образомъ, что различіе гуманистической (классической) и реальной системы образованія затрогиваютъ всѣ самыя существенныя основы школъ этихъ двухъ направленій, касаясь, какъ воспитательныхъ задачъ, которыя каждая изъ нихъ стремится разрѣшить, такъ и выбора предметовъ, на которыхъ курсъ ихъ основанъ, и наконецъ приѣмовъ и методовъ, которыми школа пользуется при обученіи. Всѣ эти особенности, развившіяся, впрочемъ, какъ мы уже упомянули выше, далеко не одновременно, въ концѣ концовъ столь рѣзко отличаютъ гуманитарную и реальную систему образованія, что дѣлаютъ совмѣщеніе ихъ въ одной школѣ совершенно невозможнымъ. Попытки же къ подобному совмѣщенію вносятъ въ воспитаніе такую сложность и путаницу приѣмовъ и педагогическихъ понятій, при которыхъ ни одна изъ задачъ серьезнаго образованія и воспитанія не могутъ быть достигнуты. Но изъ указываемой нами противоположности господствующихъ въ настоящее время двухъ системъ образованія вовсе не слѣдуетъ еще, чтобы онѣ относились другъ къ другу отрицательно; напротивъ не только желательно, но даже необходимо, чтобы школы обонхъ направленій, несмотря на существующее между ними различіе, никогда не упускали изъ вида, что онѣ обѣ одинаково имѣютъ передъ собой одну общую конечную задачу: расширеніе круга знаній юношества и общее развитіе просвѣщенія, и что поэтому обѣ онѣ обязаны равно работать на благо общества, служа дополненіемъ одна другой и не отказываясь отъ пользованія опытомъ и результатами, которые каждая выработала на своемъ особомъ пути. Въ виду сего, хотя правильность организаціи школы, прежде всего и обуславливается опредѣленнымъ и сознательнымъ выборомъ той или другой системы, но это вовсе не лишаетъ школу возможности включать въ свой курсъ дополнительные предметы, а равно и поль-

¹⁾ Смѣлѣе на прекрасное опредѣленіе, которое профессоръ Московскаго техническаго училища Лѣтниковъ давалъ различію преподаванія математики въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. (См. выписку, приведенную въ трудѣ нашемъ: Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія, стр. 66, Москва, 1891 г., выпускъ I).

зоваться въ извѣстной мѣрѣ приемами, выработанными школою другой системы. При этомъ, однако, само собою разумѣется, что значеніе предметовъ, составляющихъ основу курса, и тѣхъ, которые служатъ лишь дополненіемъ къ нему, не можетъ быть одинаково. Первыми школа посвящаетъ большую часть своего труда; пользуясь ими, она воспитываетъ умъ учащихся, вырабатываетъ въ нихъ привычку къ интеллектуальному труду и умѣнье справляться съ нимъ, а потому она естественно удѣляетъ имъ большую часть времени, сосредоточивая на нихъ тѣ занятія и упражненія, которыми она придаетъ наибольшее образовательное значеніе. Иначе школа и поступать не можетъ, безъ опасенія разсѣять вниманіе своихъ воспитанниковъ и тѣмъ самымъ ослабить ихъ умственные силы, отучить ихъ отъ сосредоточенной умственной работы, и въ концѣ концовъ, не давъ ему учащихся никакого воспитанія, въ сущности ничему не научить ихъ основательно. Задача, преслѣдуемая школою при включеніи въ свой курсъ дополнительныхъ, или, какъ мы предпочитаемъ называть ихъ, вспомогательныхъ предметовъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе весьма важную цѣль, а именно: расширеніе кругозора учащихся за предѣлы основнаго курса школы и возбужденіе въ немъ разнообразія интересовъ, что особенно важно въ видахъ облегченія имъ въ будущемъ сознательнаго выбора тѣхъ занятій, къ которымъ они могутъ возымѣть влеченіе по выходѣ изъ школы, и къ которымъ имъ придется примѣнять ту силу разсужденія и умѣнье справляться съ умственной работою, которыми снабдилъ ихъ воспитаніе¹⁾. Въ виду сего школа обязана признать за вспомогательными предметами важное значеніе и отнюдь не должна допускать послабленій въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ нимъ, но по объему преподаванія она можетъ удѣлить имъ лишь мѣсто, какое останется свободнымъ по выполненіи главной ея задачи. Такое значеніе имѣетъ, на примѣръ, включеніе въ курсъ классической школы естествовѣдѣнія, которое въ младшихъ классахъ служитъ превосходнымъ средствомъ развитія наблюдательности и можетъ вообще содѣйствовать развитію столь желательной въ воспитательномъ отношеніи любви къ природѣ и интереса къ ея явленіямъ; подобное же значеніе имѣетъ по отношенію къ развитію

---

¹⁾ Мы не входимъ здѣсь подробно въ разсмотрѣніе вопроса о значеніи вспомогательныхъ предметовъ, такъ какъ мы обстоятельно изложили нашъ взглядъ по сему предмету въ первомъ выпускѣ нашего труда (стр. 54—56, „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“, выпускъ I, Москва, 1891 г.).

внѣшнихъ чувствъ (вѣрности глаза и руки и т. д.) преподаваніе рисованія, ручнаго труда и т. д. Точно также и реальная школа, убѣждаясь, особенно въ послѣднее время, что воспитаніе не можетъ обойдтись безъ гуманитарныхъ элементовъ, принимаетъ въ свой курсъ нѣкоторые гуманитарные предметы, какъ, напримѣръ, изученіе главныхъ основъ языковѣдѣнія, литературы и т. п.

Такимъ образомъ спокойное и мирное развитіе реальной школы рядомъ съ классическою вполне возможно и желательно, подъ условіемъ, чтобъ каждая изъ этихъ школъ не упускала изъ вида особенности своихъ воспитательныхъ задачъ и, оставаясь вѣрною своимъ основнымъ принципамъ, не стремилась ни замѣнить, ни поглотить школу, основанную на другой системѣ. Когда въ общество глубже проникнетъ сознаніе необходимости существованія, въ интересахъ истиннаго просвѣщенія, обѣихъ системъ въ возможно чистомъ видѣ, и когда наконецъ исчезнетъ стремленіе (основанное по нашему мнѣнію, на отжившихъ предрассудкахъ и предубѣжденіяхъ)—сдѣлать классическую школу полуреальною, а реальную — полуклассическою, тогда только обѣ школы, дополняя другъ друга и оказывая одна на другую благотворное взаимодѣйствіе, выйдутъ на дорогу, обезпечивающую ихъ правильное развитіе и процвѣтаніе. Къ сожалѣнію, хотя жиянь уже многое сдѣлала въ этомъ направленіи, но по причинамъ, часто отъ школы и отъ воспитательныхъ задачъ не зависящимъ, время примиренія еще не наступило, и мы, какъ у насъ дома, такъ и въ другихъ странахъ, являемся еще свидѣтелями ожесточенной борьбы, которая становится тѣмъ пагубнѣе для правильного развитія школьнаго дѣла, чѣмъ болѣе обстоятельства втягиваютъ его въ сферу сложныхъ вопросовъ государственнаго, соціального и общественнаго характера, имѣющихъ весьма мало общаго съ интересами просвѣщенія. Но чѣмъ сложнѣе и опаснѣе становится борьба, тѣмъ необходимѣе становится внимательное изученіе причинъ ея возникновенія и развитія ея въ прошломъ и настоящемъ въ видахъ разъясненія, а быть можетъ, и рѣшенія вѣковаго спора. Нельзя забывать, что реализмъ, какъ воспитательное направленіе (насколько оно выражается въ выборѣ методовъ и предметовъ преподаванія), проникъ въ школу въ то время, когда гуманитарная (классическая) система уже получила полное право гражданства и успѣла окрѣпнуть, а потому первоначальнымъ полемъ дѣйствія этого новаго направленія могла явиться только существующая уже школа, въ которой оно не имѣло возможности получить полное развитіе и по необходимости могло перво-

начально занять лишь скромное положеніе, оказывая влияніе, и то только частичное, на измѣненіе приемовъ преподаванія и на нѣкоторое расширеніе курса старой школы. Такое положеніе, очевидно, не могло надолго удовлетворить педагогическое ученіе, которое не безъ основанія все болѣе и болѣе проникалось сознаніемъ, что оно призвано удовлетворять возникающія въ обществѣ многочисленныя новыя образовательныя потребности, во имя которыхъ ему необходимо завоевать себѣ самостоятельное положеніе и основать школу на новомъ матеріалѣ и на новыхъ принципахъ. При этомъ реализмъ, какъ всякое новое ученіе, по мѣрѣ своего развитія естественно искалъ все съ болѣею страстностью возможно широкаго и быстраго распространенія, что вызвало образованіе и умноженіе новыхъ самостоятельныхъ школъ съ реальнымъ направленіемъ, а затѣмъ повело сперва къ соревнованію этихъ школъ со старыми, и наконецъ перешло въ стремленіе вовсе замѣнить собою эти послѣднія. Но на дѣлѣ оказалось, что для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей жизни и истинныхъ интересовъ просвѣщенія сохраненіе гуманитарнаго образованія, а слѣдовательно и гуманитарной классической школы столь же, если не болѣе, необходимо, чѣмъ развитіе и процвѣтаніе самаго реального образованія, а потому, несмотря на то, что много силъ—и при томъ далеко не безъ таланта и умѣнія—было затрачено въ теченіе ста лѣтъ на попытки уничтожить классическую систему образованія, путемъ то полной его замѣны, то слиянія съ другими системами, гуманизмъ продолжаетъ тѣмъ не менѣе быть главною основою и лучшею подготовкою къ научному образованію и удерживаетъ свое положеніе, нисколько не мѣшая, однако, и не затрудняя въ то же время развитіе просвѣщенія въ другихъ направленіяхъ, вызываемыхъ вновь нарождающимися потребностями общества или государства.

Но, несмотря на несомнѣнно вредныя стороны борьбы реализма съ классицизмомъ, борьба эта все-таки дала въ настоящее время, какъ намъ кажется, тотъ полезный результатъ, что она способствовала выясненію основныхъ принциповъ обоихъ направленій, а жизнь, сохраняя и развивая обѣ системы, доказала необходимость существованія обѣихъ, что рано или поздно, мы надѣемся, вынуждены будутъ признать всѣ участники борьбы.

Высказавъ такимъ образомъ нашъ взглядъ на сущность и значеніе системы реального образованія и на отношеніе ея къ классиче-

ской системѣ, мы приступимъ къ историческому изслѣдованію возникновенія и развитія въ Германіи реальной школы.

Первыя проявленія въ школахъ реализма, въ объясненномъ нами выше смыслѣ, замѣчаются въ Германіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія, когда, вслѣдъ за быстрыми успѣхами гуманизма, наступила реакція противъ него. Наиболѣе замѣчательными изъ первыхъ представителей этой реакціи являются: Ратке (Ratilius, 1581—1635 г.) и Коменскій (Comenius, 1592—1671 г.), о которыхъ мы уже имѣли случай упоминать, говоря о разнообразныхъ вліяніяхъ, дѣйствию которыхъ въ эту эпоху подвергалась гуманистическая школа. Не входя въ разсмотрѣніе ученія этихъ двухъ дѣятелей во всемъ его объемѣ, такъ какъ оно во многомъ выходитъ далеко за предѣлы настоящаго нашего труда ¹⁾, мы коснемся тѣхъ только его сторонъ, которыя непосредственно относятся къ предмету нашего изслѣдованія, то-есть, къ развитію реального направленія, какъ противоположности тому направленію, которое было дано школахъ первыми гуманистами.

Какъ Ратке, такъ и въ особенности Коменскій, возставали противъ современной имъ гуманистической школы, главнымъ образомъ, потому, что считали несогласнымъ съ духомъ христіанства господствовавшее въ ней изученіе древняго языческаго міра. Въ виду этого, отвергая пригодность для школы большей части, если не всего, учебнаго матеріала, составлявшаго главную ея основу, они стремились къ возможно полной его замѣнѣ новымъ, а именно изученіемъ преимущественно священнаго писанія и христіанскихъ авторовъ, и требовали вмѣстѣ съ тѣмъ кореннаго измѣненія старыхъ методовъ преподаванія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи измѣненія касались прежде всего цѣли и способа изученія языковъ. Для первыхъ гуманистовъ произведенія литературы и науки древнихъ грековъ и римлянъ представлялись высшимъ совершенствомъ, столько же по формѣ, какъ и

¹⁾ Ратке имѣлъ въ виду не одно преобразование школы; обширные планы его касались пересосчитанія всего общества и даже всего человѣчества. Онъ суммъ своимъ послѣдователямъ: созданіе всемірной (каеволической, какъ онъ выражался) лютеранской церкви, водвореніе справедливости и правды во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и т. д.; что касается до Коменскаго (котораго мы вовсе не думаемъ ставить на одну доску съ Раткиемъ ни по уму, ни по талантамъ, ни по нравственнымъ качествамъ), то ученіе его входитъ болѣе въ область общей педагогикѣ, изученіе коей не составляетъ предмета нашего изслѣдованія. Дѣятельность же его въ области школы имѣетъ преимущественное отношеніе къ народному образованію.

по содержанию, въ виду чего, возможно полное и тщательное изученіе не только послѣдняго, но и языка, на которомъ писали классическіе авторы, являлось въ ихъ глазахъ конечною цѣлью образованія, при чемъ главную задачу средняго образованія составляло систематическое изученіе собственно языковъ, изученіе же авторовъ по содержанию входило преимущественно уже въ область высшаго образованія. Новое же направленіе, представителями котораго являлись Ратихій и Коменскій, отвергая точку зрѣнія гуманистовъ на воспитательное значеніе древнихъ классиковъ, клало въ основу школьнаго обученія матеріалъ (Священное Писаніе и связанную съ нимъ христіанскую литературу), по отношенію къ которому, по самому его существу, форма играетъ совершенно второстепенную роль, а вся суть сосредоточивается на содержаніи и его духѣ, а потому изученіе языка, которому придавалось значеніе только, какъ орудію для приобрѣтенія знанія, естественно отодвигалось на второй планъ. Понятно поэтому, что съ точки зрѣнія разсматриваемаго нами ученія тотъ медленный, систематическій методъ, которымъ по отношенію къ преподаванію языковъ пользовалась гуманистическая школа, представлялся нецѣлесообразнымъ и бесплоднымъ и долженъ былъ уступить мѣсто новымъ приемамъ преподаванія, имѣющимъ ближайшею цѣлью какъ можно быстрѣе и легче доводить учащихся до свободнаго владѣнія механизмомъ языка и, не останавливаясь на систематическомъ его усвоеніи, поскорѣе приступить къ изученію содержанія читаемаго, такъ какъ въ уразумѣніи этого содержанія — независимо отъ языка и формы изложенія — должна была заключаться вся сущность образованія. Такой взглядъ на значеніе языка въ школѣ естественно долженъ былъ повліять на совершенное измѣненіе постановки его изученія и послужилъ исходною точкою для оживленной разработки новыхъ способовъ и приемовъ обученія, оказавшихъ значительную пользу и старой гуманистической школѣ, которая, воспринимая отъ своихъ противниковъ то, что оказывалось примѣнимымъ къ ней, безъ протраворѣчія съ ея основными принципами и задачами (то-есть, безъ ущерба для *основательности* изученія языковъ), стала въ свою очередь обновлять и совершенствовать свои методы преподаванія и воспитанія ¹⁾).

¹⁾ Просимъ читателя имѣть въ виду, что, говоря о систематическомъ изученіи языковъ, какъ о главной основѣ средней гуманистической (классической) школы съ самаго начала ея возникновенія, мы вовсе не отождествляемъ взглядовъ первыхъ гуманистовъ съ тѣмъ пониманіемъ воспитательнаго значенія языковъ-

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ общемъ направленіи и объ особенностяхъ, которыми отличались методы, выработанные на основаніи ученія Ратихія и Коменскаго, мы считаемъ нужнымъ указать, во-первыхъ, на то, что первенствующее вліяніе въ этомъ отношеніи имѣли взгляды Бекюпа, столь тѣсно связанныя съ развитіемъ естественныхъ и физическихъ наукъ, что особенно ярко выразилось, какъ въ томъ преобладаніи, которое получилъ въ школѣ индуктивный методъ преподаванія, такъ равно и въ той слѣпой вѣрѣ во всемілие методовъ вообще, которая характеризуетъ, какъ Ратихія, такъ и Коменскаго.

Подобно тому, какъ Бекювъ утверждалъ, что всякій человѣкъ, лишь бы онъ прибѣгъ къ вѣрному и правильному методу, непременно дойдетъ до истины и правды, такъ и сторонники новой педагогической школы были убѣждены, что при помощи созданныхъ ими методовъ можно будетъ въ самое короткое время обучить юношество чему угодно столь же легко, какъ отпечатать тысячи листовъ при помощи печатнаго станка.

Такая вѣра въ силу метода во многомъ объясняется тѣмъ, что Коменскій, хотя и признавалъ въ человѣкѣ прирожденныя способности и склонности, но въ то же время смотрѣлъ на умъ и душу,

---

дѣнія, которое выработалось подъ вліяніемъ новаго гуманизма въ XVIII и въ нашемъ столѣтіи. Въ XVI и XVII вѣкѣ понятіе о языкѣ, какъ о результатѣ и отпечаткѣ характера, темперамента, нравовъ и исторіи народовъ, еще не существовало; напротивъ господствовало представленіе о языкѣ, какъ о чемъ-то придуманномъ людьми по ихъ произволу и хотѣнію (стоитъ вспомнить, напримеръ, попытки Лейбница и многихъ другихъ, сочинить новый, общій для всѣхъ культурныхъ народовъ языкъ), а потому гуманисты того времени не отдавали себѣ еще отчета *о образовательной силѣ* изученія языка въ томъ значеніи, которое оно получило въ новѣйшія времена, и въ томъ смыслѣ, въ которомъ силу эту понимаетъ не только современная классическая школа, но и лучшие представители реальной системы образованія. (Въ сущности принципъ, признающій необходимость систематическаго изученія языковъ для нормальнаго образованія ума, нынѣ составляетъ одну изъ главныхъ основъ и реального образованія и при томъ во всѣхъ видахъ реальныхъ учебныхъ заведеній въ Германіи.) Но хотя гуманисты XVI и XVII столѣтія несомнѣнно смотрѣли на необходимость воспитывать умъ на систематическомъ изученіи языковъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ смотритъ современная школа, но тѣмъ не менѣе по существу основа гуманитарной школы всегда оставалась одна и та же, и то обстоятельство, что на изученіи языковъ (хотя по различнымъ побужденіямъ) сложилась та школа, на которой выросли всѣ цивилизаціи новаго времени, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько вѣрны основы этой школы.

какъ на чистую доску, на которой, при помощи извѣстныхъ при-
емовъ, можно начертать, что угодно ¹⁾). Во-вторыхъ, нельзя не указать
на то, что ученіе, какъ Ратихія, такъ и Коменскаго проникнуто
утилитарнымъ принципомъ, въ силу котораго знаніе цѣнится по
степени его приложимости къ потребностямъ жизни и по возмож-
ности, такъ сказать, немедленно использовать его. Утилитарное на-
правленіе носитъ, однако, у Ратихія и Коменскаго далеко не одина-
ковый характеръ. Ратихій грубъ и узокъ; онъ желалъ бы приноро-
вить образованіе къ потребностямъ не только отдѣльныхъ профессій,
но даже отдѣльныхъ людей, и подчинить все обученіе самымъ узкимъ
практическимъ, по его мнѣнію, требованіямъ, такъ, напримѣръ, онъ
рекомендуетъ обучать будущаго юриста латинскому языку по рим-
скимъ институтамъ, а теолога по латинскому Евангелію; медику онъ
совѣтуетъ учиться греческому языку по сочиненіямъ Гиппократъ и т. д.,
ибо въ его глазахъ только то полезно, что практически примѣнимо
въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія. Стремленія Коменскаго
гораздо шире и возвышеннѣе, онъ имѣетъ въ виду удовлетвореніе
не потребностей отдѣльныхъ классовъ или профессій, а общихъ инте-
ресовъ общества, а потому онъ требуетъ отъ школы, чтобы она со-
общала своимъ питомцамъ въ возможной полнотѣ всѣ знанія, полез-
ныя не только имъ, но и обществу вообще. Но при этомъ Коменскій
смѣшиваетъ понятія объ общемъ образованіи съ всезнаніемъ, а по-
тому omniscіencia является у него идеаломъ воспитанія. Во всякомъ
случаѣ во взглядахъ Коменскаго замѣчается стремленіе къ болѣе
общей и широкой поставкѣ воспитанія, въ чемъ онъ стоитъ уже
гораздо ближе къ позднѣйшему представленію о реальномъ образова-
ніи. Въ-третьихъ, педагогическое ученіе Ратихія и Коменскаго (кото-
рое мы, по направленію его, позволяемъ себѣ назвать реальнымъ,
хотя оно въ то время еще не получило этого наименованія), нахо-
дятся въ ближайшей связи съ развитіемъ, какъ мы уже сказали выше,
„новыхъ наукъ“, естественно признавало наблюденіе и опытъ источ-
никомъ всякаго знанія, за исключеніемъ только того, которое дано
человѣку Божественнымъ откровеніемъ, а потому совершенно послѣ-
довательно основывало свои методы обученія на наглядности и воз-
дѣйствіи прежде всего на внѣшнія чувства. „Res ante verba dis-
cenda“ является въ виду этого девизомъ новаго метода. Видѣть, ося-
зать, слышать, прежде чѣмъ узнать наименованіе предмета или свя-

¹⁾ Didactica Magna (Коменскаго), cap. 9, 13 и 15.

занное съ нимъ представленіе, вотъ ходъ, которому должно слѣдовать обученіе, а потому признается необходимымъ, чтобы предметъ, котораго касается преподаваніе, всегда, по возможности, былъ передъ глазами учащагося, если же не возможно представить ему самый предметъ, то нужно пользоваться его изображеніемъ, то-есть, картинками, моделями и т. п. Эта мысль получила осуществленіе въ знаменитомъ „orbis pictus“ Коменскаго, который, найдя множество подражателей, представляетъ собою, если можно такъ выразиться, первообразъ современнаго нагляднаго обученія¹⁾. Въ-четвертыхъ, педагогическое ученіе, основанное Ратихіемъ и Коменскимъ, проникнуто благимъ стремленіемъ расширить кругъ знаній, входящихъ въ область школьнаго образованія, и ввести въ него элементы новыхъ наукъ, въ особенности физическихъ и естественныхъ. Но по условіямъ времени, въ которомъ жили Ратихій и Коменскій, они могли сдѣлать въ этомъ отношеніи еще очень немного, несмотря на то, что всѣ симпатіи ихъ тяготѣли въ эту сторону, и что въ ихъ глазахъ изученіе природы должно имѣть преимущество передъ всякими иными знаніями, за исключеніемъ познанія истинъ Вѣры и Слова Божія, которыми они, подобно первымъ гуманистамъ, отводили въ воспитаніи первое мѣсто. Наконецъ, въ-пятыхъ, одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Ратихія и Коменскаго несомнѣнно заключается въ томъ, что они едва ли не первые выступили съ горячею проповѣдью въ пользу введенія въ школахъ преподаванія на родномъ языкѣ, вмѣсто латинскаго, который до того времени безусловно и исключительно господствовалъ въ школѣ, какъ въ средѣ учащихся, такъ и учащихсяся. Правда, почва, какъ мы уже объяснили въ другихъ педагогическихъ статьяхъ²⁾, была уже косвеннымъ образомъ приготовлена ученіемъ первыхъ гуманистовъ, которые своимъ протестомъ противъ средневѣковой латыни безсознательно и даже противъ воли вызвали въ обществѣ по-

¹⁾ Вплоть признавая пользу и необходимость наглядности въ извѣстныхъ стадіяхъ воспитанія и по отношенію къ весьма обширной области знаній и отдавая полную справедливость заслугамъ Коменскаго, который одинъ изъ первыхъ указалъ значеніе нагляднаго обученія въ то время, когда этотъ важный педагогическій приемъ вовсе еще отсутствовалъ въ школѣ, мы не можемъ не напомнить, однако, нашимъ читателямъ о томъ, до какихъ неаппетитныхъ (напримѣръ, у Базедова) доходила погоня за наглядностью при примѣненіи ея ко всѣмъ ступенямъ воспитанія и даже къ понятіямъ и представленіямъ, которыя по существу своему не поддаются демонстраціи.

²⁾ См. *Русское Обозрѣніе* 1898 г., январь, стр. 220, статья наша подъ заглавіемъ „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“.

требность въ болѣе широкомъ употребленіи отечественнаго языка. Ратихій же, а за нимъ Коменскій вполне уже сознавали эту потребность и, идя ей навстрѣчу, оказали просвѣщенію, во всѣхъ его направленіяхъ, великую услугу тѣмъ, что положили первое основаніе преподаванію въ средней школѣ на отечественномъ языкѣ. Подъ ихъ влияніемъ и благодаря трудамъ ихъ послѣдователей, стали появляться всякаго рода учебныя пособия на родномъ нарѣчій, которое постепенно приобрѣло полное право гражданства и заняло, хотя уже много поздне, мѣсто, подобающее ему въ нѣмецкой школѣ и наукѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, хотя еще не наступило время возникновенія самостоятельныхъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ направленіемъ, и хотя курсъ школъ по составу предметовъ, входящихъ въ него, еще мало измѣнился, но, тѣмъ не менѣе, реализмъ уже въ первой половинѣ XVII столѣтія сталъ оказывать весьма замѣтное влияніе на обученіе и воспитаніе, вызвавъ потребность въ измѣненіи способовъ и приѣмовъ преподаванія. Затѣмъ дальнѣйшее его развитіе нашло себѣ почву во вновь возникающихъ потребностяхъ отдѣльныхъ сословій, въ связи съ условіями придворной жизни, къ которой высшіе классы стали все болѣе и болѣе стремиться.

Уже до тридцатилѣтней войны въ рыцарскомъ сословіи стала ощущаться потребность въ образованіи, что при существовавшей въ то время обособленности сословій породило мысль объ учрежденіи особыхъ сословныхъ заведеній¹⁾, получившихъ наименованіе рыцарскихъ школъ или академій. Стремленіе къ учрежденію подобныхъ сословныхъ школъ, временно приостановленное войною, проявилось съ болѣею силою по ея окончаніи, особенно въ половинѣ XVII столѣтія. При чемъ, въ виду все усиливавшася тяготѣнія высшихъ классовъ къ придворной жизни, рыцарскія академіи естественно стали воспринимать въ свой курсъ тѣ изящныя и, какъ тогда ихъ называли, „элегантныя“ науки (*die eleganten oder galanten Wissenschaften*), которыя считались принадлежностью придворнаго образованія. Къ числу этихъ наукъ принадле-

¹⁾ Еще въ первой половинѣ XVII столѣтія одинъ изъ послѣдователей Ратихія, довольно извѣстный писатель Шурпъ (*Schurrp*) оплакивалъ въ своихъ сочиненіяхъ отсутствіе школъ, соответствующихъ положенію и достоинству дѣтей благороднаго происхожденія, благодаря чему они должны или расти въ дѣвичьей— „*inter adulationes et delicias mulieribus*“, или учиться въ школахъ и *смиреннѣе* съ тѣмъ стремиться стать *magistri* или *doctores*, или же наконецъ воспитываться глухими домашними педагогами.

жали: новые языки, какъ средство общенія съ иностранцами; математика въ связи съ геодезією и астрономією въ примѣненіи къ военному искусству; основы юриспруденціи, полезныя будущему администратору; исторія въ связи съ геральдикой; физика, механика, технология, химія, естественныя науки и изученіе рѣдкостей (Raritätenkunde), которыя признавались „любопытными“ (curiosa) науками и служили лучшимъ украшеніемъ ума и разговора свѣтскаго человѣка¹⁾. Преподаваніе каждаго изъ этихъ многочисленныхъ предметовъ имѣло свою особую практическую цѣль и получало значеніе и цѣну по мѣрѣ предполагаемой его полезности и примѣнимости къ житейскимъ потребностямъ. Въ такомъ видѣ реальное направленіе получило осуществленіе въ сословныхъ школахъ XVII столѣтія и нашло наиболѣе полное выраженіе въ сочиненіяхъ Лейбница, уже упомянутыхъ нами ранѣе, когда мы говорили о нападеніяхъ, которымъ въ эту эпоху подверглась гуманистическая школа.

Наконецъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія реализмъ начинаетъ проникать и въ старую гуманистическую школу. Многія изъ такихъ школъ для привлеченія въ свои стѣны учениковъ изъ высшихъ классовъ общества начинаютъ, по желанію родителей, вводить преподаваніе новыхъ предметовъ, допуская его первоначально въ формѣ частныхъ дополнительныхъ уроковъ, даваемыхъ учителями за особую плату, а затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа желающихъ обучаться тѣмъ или другимъ предметамъ, постепенно включаютъ ихъ въ свой курсъ и въ составъ общаго преподаванія. Этимъ путемъ начинается, какъ выражаются нѣмцы, „модернизация“ старыхъ школъ, которыя тѣмъ не менѣе сохраняютъ въ общемъ свой прежній гуманистическій характеръ, расширяя только свой курсъ включеніемъ въ него преподаванія географіи, нѣкоторыхъ частей физики, усиленнаго изученія математики, исторіи²⁾ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ въ школы

¹⁾ Мы уже подробнѣе говорили о курсѣ рыцарскихъ академій въ статьѣ нашей „Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія“, *Русское Обозрѣніе* 1898 г., январь, стр. 234.

²⁾ *Paulsen* въ своей *Geschichte des gelehrten Unterrichts* (р. 379 и послѣд.) очень живо изображаетъ постепенную „модернизацию“ школы въ XVIII столѣтіи. Возможность этого явленія становится понятною, если вспомнить, что школы въ то время еще не имѣли обязательныхъ учебныхъ плановъ, и что курсъ ихъ, какъ по отношенію къ выбору предметовъ, такъ еще болѣе по отношенію къ объему преподаванія устанавливался обычаемъ и преданіемъ и, кромѣ того, находился въ прямой зависимости отъ наличности тѣхъ или другихъ педагогическихъ силъ, а равно отъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагала данная школа. Только

проникають и новыя приемы и методы обученія, которые, будучи, однако, не всегда согласованы съ ея основными требованиями и принимаемы нерѣдко неумѣлыми руками. часто вносятъ въ учебное дѣло смуту и сбивчивость понятій, но въ то же время въ обществѣ оказываютъ благотворное вліяніе тѣмъ, что порождаютъ въ средѣ старой классической школы оживленную педагогическую работу, которая къ концу столѣтія приводитъ ее къ возрожденію и торжеству на почвѣ новаго гуманизма.

Но независимо отъ вліянія, которое реализмъ оказываетъ на старую школу, и помимо господства своего въ сословныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ въ теченіе всего XVIII столѣтія прокладываетъ себѣ широкій и болѣе самостоятельный путь въ цѣломъ рядѣ новыхъ заведеній, возникавшихъ повсемѣстно въ Германіи подъ вліяніемъ все возростающей во всеѣхъ классахъ общества потребности въ образованіи.

Прежде всего реализмъ нашелъ благопріятную себѣ почву въ столь распространенномъ въ то время піэтизмѣ и получилъ значительное развитіе въ знаменитыхъ благотворительно-воспитательныхъ учрежденіяхъ Франке въ Галле.

Едва ли, однако, справедливо причислять, какъ то дѣлаютъ многіе, самого Франке къ числу основателей реальной школы въ Германіи, и еще менѣе правильно было бы видѣть въ немъ крайняго сторонника реального образованія; напротивъ, онъ на дѣлѣ доказалъ, какъ вѣрно онъ понималъ и какъ высоко онъ цѣнилъ классическое образованіе въ общеобразовательной научной школѣ: только благодаря его настоянію въ „Педагогіумѣ“ въ Галле сохранилось серьезное чтеніе древнихъ классиковъ, которыхъ болѣе односторонніе сотрудники его по школѣ хотѣли изгнать изъ преподаванія. Но тѣмъ, не менѣе, нельзя не признать, что какъ общій духъ піэтизма, убѣжденнымъ послѣдователемъ котораго онъ всегда оставался, такъ и обстоятельства, при которыхъ онъ началъ свою педагогическую дѣятельность, во многихъ отношеніяхъ располагали его въ пользу реального образованія.

Эта склонность піэтистовъ слѣдовать въ школьномъ образованіи реальному направленію, несмотря на кажущуюся противоположность реализма главнымъ основамъ ихъ ученія, объясняется, намъ кажется,

---

многими крупными учебными заведеніями, какъ, напримѣръ, Саксонскія княжескія школы, имѣли сколько нибудь опредѣленный курсъ, утвержденный высшею властью, но и въ нихъ, даже въ началѣ нашего столѣтія, нерѣдко происходили существенныя колебанія въ зависимости отъ взглядовъ педагогическаго персонала.

вполнѣ тѣмъ, что многое отдаляло ихъ отъ гуманизма еще болѣе, чѣмъ отъ реализма.

Піэтизмъ, исходя изъ мысли, что основою единенія людей можетъ служить только братство ихъ по вѣрѣ, признавалъ религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ своей общины единственнымъ вѣрнымъ источникомъ обще-человѣческаго развитія, а потому отождествлялъ его съ понятіемъ объ общемъ образованіи, въ смыслѣ подготовки къ какой бы то ни было высшей дѣятельности, какъ чисто умственной, такъ и практической; все же, что стояло внѣ этой главной основы воспитанія, представлялось съ точки зрѣнія піэтистовъ второстепеннымъ и не имѣющимъ общаго значенія, а потому допускалось въ школѣ только настолько, насколько оно оправдывалось необходимостію, въ видахъ удовлетворенія житейскихъ, практическихъ потребностей учащихся. Понятно, что подобный взглядъ на воспитаніе, доводимый при томъ до крайности, трудно совмѣщался съ гуманистическимъ ученіемъ, которое, рядомъ съ полнымъ признаніемъ первенства религіи въ дѣлѣ *нравственнаго воспитанія*, смотрѣло, однако, на произведенія и результаты работы человѣческаго духа и жизни человѣчества, какъ на лучшій матеріалъ для *образованія и развитія ума*.

Реализмъ же напротивъ находилъ себѣ, хотя подчиненное, но все-таки достаточно просторное мѣсто въ практическихъ стремленіяхъ піэтистовъ и уживался въ ихъ школѣ, благодаря тому, что по самому своему существу учебный матеріалъ, составляющій основу гуманистической школы (то-есть, древній классическій міръ), представлялся большей части піэтистовъ—за исключеніемъ такихъ выдающихся умовъ, какъ Франке—опаснымъ съ точки зрѣнія религіозно-нравственной, что неволью отталкивало ихъ отъ классической школы и тѣмъ самымъ сближало съ реальнымъ направленіемъ, какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и по отношенію къ приемамъ преподаванія.

Хотя лично Франке далеко не подчинился всѣмъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ средѣ современныхъ ему піэтистовъ, но, тѣмъ не менѣе, и онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ ихъ вліянія, тѣмъ болѣе, что и другія обстоятельства побуждали его дать реальное направленіе, если не всѣмъ, то во всякомъ случаѣ многимъ изъ учрежденныхъ имъ заведеній.

Благотворительно-педагогическая дѣятельность Франке, получившая впослѣдствіи столь грандіозное развитіе, началась, какъ извѣстно, со скромнаго воспитанія нѣсколькихъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей его прихода. Естественно, что воспитаніе это по необходимости должно

было получить преимущественно житейски-практическое направление, которое оно сохранило и тогда, когда основанный Франке сиротскій домъ обратился въ цвѣтущее и многолюдное благотворительно-воспитательное заведеніе. Очевидно тоже, что образецъ латинской школы, съ своимъ продолжительнымъ и медленнымъ ходомъ преподаванія, мало соответствовалъ цѣлямъ и намѣреніямъ Франке, а потому, пользуясь полною независимостью и свободою дѣйствій, онъ выработалъ для своихъ заведеній своеобразный учебный планъ и примѣнилъ къ нимъ новые методы обученія и воспитанія, во многомъ напоминающіе приемы позднѣйшихъ представителей реальной школы. Распирая затѣмъ начатое дѣло, Франке уже не ограничивался воспитаніемъ бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей и пришелъ къ убѣжденію о необходимости создать школу и для тѣхъ состоятельныхъ классовъ населенія, которые, не стремясь къ высшему университетскому образованію, желали, однако, дать своимъ дѣтямъ образованіе выше того, которое можно получить въ элементарной школѣ. Хотя эта мысль и не была вполне осуществлена Франке, но нельзя не признать за нимъ ту заслугу, что онъ едва ли не первый поинялъ эту жгучую потребность общества и высказалъ мысль, которая легла затѣмъ въ основу всего дальнѣйшаго развитія реального образованія.

Подчиняясь требованіямъ общества, Франке, рядомъ съ своимъ сиротскимъ домомъ, семинаріею и множествомъ другихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, принявъ на себя первоначально воспитаніе трехъ дворянскихъ дѣтей, занялся организаціею школы, предназначенной готовить къ поступленію въ университетъ. Въ этомъ заведеніи, которому дано было наименованіе „*pedagogium*“, Франке сохранилъ въ основѣ курса древніе языки ¹⁾ и математику, курсъ которой былъ усиленъ, но затѣмъ ввелъ новшество въ видѣ преподаванія французскаго языка и разнаго рода ручныхъ упражненій, а равно бесѣдъ и наблюденій по естествовѣдѣнію, что должно было замѣнить игры и другія забавы, принципіально не допускавшіяся пѣтистами въ школахъ. Но, несмотря на такое второстепенное положеніе реальныхъ предметовъ въ педагогіумѣ Франке, они, тѣмъ не менѣе, оказывали значительное вліяніе на общій характеръ заведенія и въ особенности на методы преподаванія, по отношенію къ которымъ принципъ „наглядности“ получалъ рѣшительное преобладаніе.

¹⁾ 14 часовъ въ недѣлю по латинскому языку.

Одновременно съ Франке и при томъ въ одноѣмъ съ нимъ городѣ былъ сдѣланъ еще другой опытъ учрежденія школы на новыхъ началахъ, причѣмъ къ ней въ первый разъ примѣнено наименование „реального училища“. То было „математическое и механическое реальное училище“ (Mathematische und Mechanische Realschule или Mathematische Handwerkschule) пастора Землера въ Галле. Первую попытку учрежденія этого училища Землеръ сдѣлалъ еще въ 1706 г., имѣя при томъ въ виду обученіе дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, съ цѣлью приготовленія ихъ къ ремесленнымъ занятіямъ¹⁾. Эта школа отличалась отъ другихъ тѣмъ, что въ ней, сверхъ обычнаго преподаванія, нѣсколько часовъ (для платныхъ учениковъ по часу ежедневно, а для даровыхъ 2 часа въ недѣлю) посвящалось демонстраціи моделей машинъ и другихъ интересныхъ и полезныхъ предметовъ, по поводу которыхъ давались объясненія, и велись поучительныя бесѣды. Но вскорѣ (черезъ 1½ года) Землеръ, за неимѣніемъ подходящаго преподавателя, отказался отъ своего предпріятія. Только почти черезъ 30 лѣтъ (въ 1738 г.) онъ возобновилъ свою попытку и открылъ школу, которой далъ нѣсколько болѣе полное наименованіе „математическаго, механическаго и экономическаго училища“, предназначая эту школу не только для обученія дѣтей ремесленниковъ, но и для дополненія образованія юношей, готовившихся къ высшему образованію. Но и эта попытка была лишь кратковременна, такъ какъ со смертію Землера школа закрылась въ 1740 году.

Несравненно большее значеніе для общаго развитія реального образованія имѣла дѣятельность Гекера (Hesker) въ Берлинѣ. Гекеръ началъ свою педагогическую дѣятельность въ сиротскомъ домѣ въ Галле и несомнѣнно многое заимствовалъ у Франке. Въ 1747 г. онъ открылъ въ Берлинѣ реальную школу, назвавъ ее въ подражаніе Землеру „Mathematische, Mechanische und Oekonomische Real-Schule“, долженствовавшую осуществить на практикѣ высказанную, но не исполнѣнную въ исполненіе мысль Франке: создать заведеніе, удовлетворяющее потребностямъ среднихъ классовъ населенія, ищущихъ просвѣщенія, но не стремящихся къ высшему образованію. Направленіе школы было чисто практическое, но въ нѣсколько иномъ

¹⁾ Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ понятіе о ремеслѣ было гораздо шире, чѣмъ въ наше время, и близко граничило съ тѣмъ, что въ наши дни принято относить съ одной стороны къ области искусства, а съ другой къ понятію о техникѣ.

смыслъ, чѣмъ у Землера. Гекеръ имѣлъ уже въ виду не однихъ ремесленниковъ, а всѣ вообще средніе классы, какъ-то: купцовъ, всякаго рода промышленниковъ, сельскихъ хозяевъ, чиновниковъ средней руки, офицеровъ и т. д. Въ виду этого его стремленія имѣютъ болѣе широкій и общеобразовательный характеръ, чѣмъ у Землера, но, тѣмъ не менѣе, Гекеръ, подобно старѣйшимъ реалистамъ, понимаетъ общее образованіе въ смыслѣ *omniscientia*, и при томъ преимущественно съ практической точки зрѣнія, то-есть, въ смыслѣ знанія *всего* непосредственно практически полезнаго и приложимаго. Такой взглядъ на значеніе общаго образованія имѣлъ естественнымъ своимъ послѣдствіемъ преобладаніе въ училищѣ Гекера стремленія сообщить учащимся въ самое короткое время возможно большую сумму знаній, чего онъ надѣялся достигнуть усовершенствованіемъ методовъ и приѣмовъ обученія и воспитанія, во всемогущество которыхъ онъ слѣпо вѣрилъ, уповавъ, что ими можно возмѣститъ недостатокъ времени и силъ, необходимыхъ для достиженія желаемаго всезнанія ¹⁾). По примѣру другихъ старѣйшихъ представителей реального направленія, Гекеръ положилъ въ основу своихъ методовъ прежде всего наглядность и непосредственное приложеніе приобретаемыхъ знаній къ практикѣ. Демонстрація самыхъ предметовъ или ихъ изображеній въ видѣ моделей или картинокъ составляла поэтому главную основу преподаванія и при томъ во всѣхъ областяхъ знаній. По мысли Гекера, школа его должна была бы представлять собою музей по всѣмъ отраслямъ всѣхъ человѣческихъ знаній, въ которомъ должны преподаваться по возможности всѣ прикладныя науки. Само собою разумѣется, что идея

---

¹⁾ Указывая на увлеченіе педагоговъ, возлагающихъ всѣ свои упованія на всемогущество усовершенствованныхъ методовъ обученія и воспитанія, мы, само собою разумѣется, далеки отъ мысли отрицать пользу и необходимость постоянного стремленія къ улучшенію этихъ методовъ, мы напротивъ думаемъ, что это составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей всякой благоустроенной школы, и возражаемъ только противъ тѣхъ, которые думаютъ, что усовершенствованіе методовъ можетъ замѣнять собою и трудъ и время, и которые поэтому сокращаютъ до минимума то и другое, при чемъ для достиженія первой цѣли (сокращенія труда) желаютъ обратить ученіе въ игру и забаву, забывая, что именно развитіе способности и привычки къ труду составляетъ едва ли не важнѣйшую задачу воспитанія, и что отсутствіе труда расслабляетъ и развращаетъ умъ. Или же въ видахъ сокращенія времени изобрѣтаютъ нитесивные способы обученія, при которыхъ ни одна минута, ни одна секунда не проходитъ непроизводительно, чѣмъ дѣйствительно сокращается время обученія, но настолько напрягаются силы, что въ концѣ концовъ достигается не развитіе ихъ, а разрушеніе.

эта за совершенною невозможностью ея выполнения, въ особенности при средствахъ, которыми располагалъ Гекеръ, не получила даже хотя бы приблизительно полнаго осуществленія, но, тѣмъ не мѣнѣе, она характеризовала все направленіе Гекера и положила свой отпечатокъ на его школу, въ которой нельзя не замѣтить нѣкотораго, хотя еще неопредѣленно выраженного, стремленія выйти изъ предѣловъ средняго образованія и стать чѣмъ-то въ родѣ университета прикладныхъ наукъ. Быть можетъ, въ головѣ Гекера бродила неясно еще сознанная мысль объ учрежденіи высшаго научнаго учрежденія, которое, по понятіямъ нашего времени, ближе всего подходило бы къ идеѣ о политехникумѣ. Въ такомъ предположеніи можно, намъ кажется, найти разъясненіе той поражающей на первый взглядъ легкости, съ которою Гекеръ включалъ въ курсъ своей школы немовѣрное разнообразіе предметовъ, изъ коихъ многіе требовали для своего изученія гораздо большаго времени, чѣмъ можетъ дать средняя школа, и большаго зрѣлости, чѣмъ то можно ожидать отъ ея учениковъ. Такъ, напримеръ, мы видимъ, что рядомъ съ преподаваніемъ основныхъ предметовъ, какъ-то: Закона Божія, языковъ:—роднаго, французскаго и латинскаго (обоихъ послѣднихъ съ чисто практическими цѣлями), греческаго и еврейскаго (для желающихъ), математики, географіи, исторіи, статистики и элементовъ законовѣдѣнія и естествознанія, Гекеръ вводилъ въ свою школу спеціальныя курсы по механикѣ, технологіи, горному дѣлу, строительному искусству (военному и гражданскому), по химіи, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и т. д. и, сверхъ всего этого, требовалъ рисованія, черченія, ручныхъ занятій по полировкѣ стекла и камней, по лакировкѣ дерева, по точенію и т. д. Нужно думать, однако, что за исключеніемъ основныхъ предметовъ остальные не были обязательны для всѣхъ учениковъ и предлагались имъ на выборъ ¹⁾, что является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ въ виду того, что въ школахъ Гекера строго проводилась система предметнаго преподаванія, при которой не только преподаваніе отдѣльныхъ наукъ ввѣрялось по возможности особымъ спеціалистамъ, но и успѣхи учениковъ оцѣнивались не по общему курсу того или другаго класса, а отдѣльно по каждому предмету.

¹⁾ Впрочемъ Раумеръ въ своей исторіи педагогики держится другаго мнѣнія и, предполагая, что всѣ занятія въ школахъ Гекера были обязательны для всѣхъ учащихся, насчитываетъ совершенно невѣроятное число ежедневныхъ обязательныхъ уроковъ, доводя его до одиннадцати и даже 12 часовъ въ день.

Несмотря на многіе недостатки своей организаціи, школа Гекера, соотвѣтствуя педагогическимъ взглядамъ, получившимъ въ то время значительное распространеніе, встрѣтила сочувствіе, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ: Фридрихъ Великій очень интересовался этою школою и, взявъ ее подъ свое покровительство, оказывалъ ей матеріальную поддержку. Сочувствіе же общества выразилось, какъ въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ, такъ и въ громадномъ наплывѣ учениковъ, число которыхъ очень скоро дошло до тысячи.

Къ своему реальному училищу, предназначенному для тѣхъ, которые не стремились къ высшему научному образованію, Гекеръ, сообразуясь съ требованіями общества, присоединилъ в гимназію или „*pedagogium*“ для приготовленія къ университету, но эта школа, по видимому, мало отличалась отъ другихъ заведеній, преслѣдовавшихъ ту же цѣль.

Какого бы мнѣнія мы ни держались относительно цѣлесообразности и разумности способовъ и приемовъ, которыми Гекеръ осуществлялъ свои педагогическія идеи, мы не можемъ не признать за нимъ той громадной заслуги, что онъ одинъ изъ первыхъ попытался осуществить на дѣлѣ мысль объ учрежденіи практической школы, удовлетворяющей образовательнымъ потребностямъ тѣхъ слоевъ общества, которые съ одной стороны не могутъ удовлетвориться курсомъ элементарной школы, а съ другой стороны не ищутъ научнаго университетскаго образованія. Гекеръ, угадавъ эту важную потребность своего времени, сдѣлалъ открытіемъ своего училища (несмотря на многія несообразности въ исполненіи) первый шагъ на томъ пути, на которомъ въ теченіе послѣднихъ ста сляшкомъ лѣтъ рядомъ съ классическою школою медленно, но вѣрными шагами развивается система реального образованія, преодолевая затрудненія, которыя ставятъ на ея пути старыя предрасудки и правительственныя ошибки. Школа Гекера надолго пережила его, неоднократно иѣняя свою организацію ¹⁾, пока, наконецъ, подъ управленіемъ извѣстнаго педагога Сия-

¹⁾ Уже при временникѣ Гекера, *Эмльбернлаге*, школа, оставаясь подъ однимъ общимъ управленіемъ, раздѣлилась на три самостоятельныхъ отдѣленія. Первое, то-есть, главнѣе отдѣленіе обратилось въ самостоятельную элементарную ремесленную школу. Другое отдѣленіе, получившее наименованіе *Kunstschule* (школа искусства), и предназначенное для кузцовъ, художниковъ, строителей (*Baubehelfer*), военныхъ и т. д., приняло болѣе общеобразовательный характеръ, сосредоточив преподаваніе на родномъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, на математикѣ, рисованіи, счетоводствѣ и товаровѣдѣніи. Наконецъ третье отдѣленіе образо-

леке (Spieleke), она получила окончательную организацію, послужившую образцомъ для наилучшаго устройства прусскихъ реальныхъ училищъ.

Нельзя не признать затѣмъ, что дальнѣйшему развитію идеи реального образованія несомнѣнно способствовалъ филантропинизмъ, о которомъ мы, однако, въ настоящее время распространяться не будемъ, какъ потому, что мы посвятили этому предмету другія наши статьи¹⁾, въ которыхъ мы подробно разсмотрѣли это ученіе, такъ и потому, что филантропинизмъ, хотя въ свое время и имѣлъ въ Германіи громадное вліяніе на общее направленіе умовъ по вопросамъ воспитанія и обученія, но не вызвалъ, тѣмъ не менѣе, возникновенія реальныхъ учебныхъ заведеній, сколько нибудь упрочившихся впоследствии.

Напротивъ. возникновенію такихъ заведеній могущественный толчекъ былъ данъ трудами цѣлаго ряда выдающихся сторонниковъ классической школы, которые, признавая съ одной стороны эту школу единственно истинною и лучшею подготовкою къ высшему научному образованію, съ другой стороны съ неутомимомъ ревностію проповѣдывали необходимость организаціи учебныхъ заведеній и для тѣхъ, которые не ищутъ этого вида образованія. Въ ряду такихъ дѣятелей одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Гедике, директору Фридрих-Вердеровской гимназіи, а затѣмъ гимназіи „Zum Grauen Kloster“ въ Берлинѣ.

Въ цѣломъ рядѣ сочиненій Гедике развивалъ свою мысль объ организаціи бюргерскихъ школъ (Bürgerschulen), то есть, школъ для бюргеровъ, или гражданъ, составляющихъ въ Германіи средній классъ, требуя для этихъ школъ болѣе рациональной постановки, чѣмъ та, которую въ свое время получили училища Землера и Гекера²⁾. Бюргерскія школы, по мнѣнію Гедике, не должны были состоять изъ агломерата прикладныхъ знаній или являться мастерскими для непосредственнаго обученія ремесламъ или инымъ профессиональнымъ умѣніямъ, а должны были давать своимъ ученикамъ практическое образованіе, въ смыслѣ общаго развитія и приобрѣтенія общихъ знаній, могущихъ сдѣлать ихъ болѣе способными преуспѣвать на житейскомъ

лось изъ *pedagogium*'а и, включая въ свой курсъ оба древнихъ языка, предназначалось для тѣхъ, кто готовился къ поступленію въ университетъ. Изъ младшихъ классовъ школы искусство допускался переходъ въ гимназическіе классы.

¹⁾ *Русское Обозрѣніе* 1898 г., февраль, стр. 776 и послѣд.

²⁾ Сочиненіе Гедике по этому вопросу, озаглавленное „*Ueber den Begriff einer Bürger Schule*“, читается съ интересомъ и въ наше время.

лоприщѣ, которому она имѣли въ виду посвятить себя въ будущемъ. Такимъ образомъ Гедике высказывала мысль, уже очень близко подходящую къ современной идеѣ реального образованія, насколько она не извращается соображеніями и обстоятельствами, ничего общаго съ интересами просвѣщенія не имѣющими. При этомъ Гедике, оставаясь всегда на практической почвѣ, настойчиво возражала противъ введенія въ бюргерскія школы (каковымъ наименованіемъ онѣ обозначалъ всѣ реальныя учебныя заведенія вообще) преподаванія латинскаго языка, справедливо признавая, что основательное, систематическое изученіе этого языка, столь необходимое въ научной школѣ (*Gelehrtenschule*), то-есть. въ гимназій¹⁾, не соответствуетъ требованіямъ правильной организаціи реальной школы, хотя бы уже потому, что школа эта не въ состояніи удѣлять на этотъ предметъ достаточно времени, не упуская другихъ, для нея важнѣйшихъ, своихъ задачъ, и можетъ дать своимъ ученикамъ одни лишь обрывки знаній, совершенно недостаточныя для достиженія той полноты развитія ума, которая составляетъ главную цѣль изученія древнихъ языковъ. Гедике считалъ безразсуднымъ столь распространенное стремленіе обращать всякую школу въ научную (то-есть, въ нѣчто сходное съ гимназією) и требовалъ поэтому, чтобъ реальное образованіе оставалось въ сферѣ знаній, наиболѣе свойственныхъ самому его существу, не пытаясь включать въ курсъ реальной школы такіе элементы гуманитарнаго образованія, которые не соответствуютъ ни основному ея назначенію, ни времени, ни средствамъ, которыми она можетъ располагать.

Здравые и ясные взгляды Гедике на реальное образованіе много способствовали умноженію бюргерскихъ школъ, хотя нѣкоторое замедленіе въ этомъ отношеніи произошло, благодаря тому значительному распространенію, которое въ началѣ нашего столѣтія получила мысль о возможности дать въ одной общей школѣ, только на разныхъ ея ступеняхъ, удовлетвореніе образовательнымъ потребностямъ всѣхъ слоевъ общества²⁾. Тѣмъ не менѣе число самостоятельныхъ

¹⁾ Вопросъ о значеніи, которое древніе языки имѣютъ для общаго гуманитарнаго образованія, то-есть, для гимназій, Гедике разработалъ въ нѣсколькихъ своихъ сочиненіяхъ, но съ особою опредѣлительностью онъ вынесилъ въліяніе, оказываемое на развитіе ума изученіемъ древнихъ языковъ, въ одномъ изъ послѣднихъ отчетовъ (или программъ, какъ принято выражаться въ Германіи) по вѣренной его управленію гимназій за 1802 годъ.

²⁾ Представителемъ этого направленія является извѣстный педагогъ Бергарди.

реальныхъ заведеній (которымъ въ то время преимущественно давалось общее наименованіе бюргерскихъ школъ)¹⁾ повсемѣстно возростало, получая, однако, далеко не одинаковое направленіе и развитіе въ различныхъ частяхъ Германіи, въ виду чего мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ ходомъ этого развитія отдѣльно по различнымъ государствамъ, при чемъ мы начнемъ съ Пруссіи, какъ страны пріобрѣтшей наибольшее вліяніе и значеніе.

Уже въ первой четверти столѣтія установленіе гимназическаго экзамена зрѣлости повліяло на сокращеніе числа прежнихъ латинскихъ школъ, изъ которыхъ многія, отказавшись отъ задачи приготовлять къ университету, превратились въ реальные и бюргерскія училища. Правительство въ первое время не предъявляло къ этимъ училищамъ никакихъ опредѣленныхъ требованій, въ виду чего они, существуя въ качествѣ предприятий частныхъ лицъ или отдѣльныхъ городскихъ обществъ, представляли большое разнообразіе, какъ по числу классовъ и продолжительности курса, такъ и по объему преподаванія и выбору предметовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ, по преданію, латинскій языкъ продолжалъ быть предметомъ постоянного преподаванія, хотя въ сокращенномъ объемѣ, въ другихъ онъ допускался въ видѣ необязательнаго предмета для учениковъ, желавшихъ впоследствии поступить на государственную службу, для чего за рѣдкими исключеніями знаніе латинскаго языка составляло *conditio sine qua non*; наконецъ, во многихъ училищахъ преподаваніе латинскаго языка было вовсе прекращено.

Къ второй категоріи, то-есть, къ числу реальныхъ училищъ съ необязательнымъ преподаваніемъ латинскаго языка принадлежала и Берлинская школа Гекера, когда въ 1820 году директоромъ ея былъ назначенъ Августъ Шпилеке, котораго не безъ основанія многіе признаютъ, такъ сказать, родоначальникомъ нынѣшней прусской системы реального образованія. Еще въ 1797 году *pedagogium* Гекера былъ превращенъ въ гимназію Фридриха-Вильгельма, съ сохраненіемъ, однако, еще нѣкоторой связи съ реальнымъ училищемъ (учителя и многіе уроки были общіе). Но затѣмъ съ 1811 года реальное училище окон-

¹⁾ До конца пятидесятыхъ годовъ, а мѣстами даже поздиѣ, терминологія для обозначенія реальныхъ заведеній разныхъ категорій была очень сбивчива, при чемъ наименованіе *Bürgerschule* примѣнялось къ школамъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, и только въ позднѣйшее время установилось определенное разграниченіе и понятій о бюргерской школѣ и о реальныхъ училищахъ различныхъ степеней.

чательно отдѣлилось отъ гимназій, какъ по самому преподаванію ¹⁾, такъ и по составу преподавателей и стало такимъ образомъ совершенно самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, хотя и продолжало находиться подъ управленіемъ одного директора съ вышепомянутою гимназіею. Какъ гимназія, такъ и реальное училище находились въ большомъ упадкѣ, когда Шпилеке принялъ директорскую должность. Со свойственною ему энергіею и жаромъ онъ приступилъ къ реорганизациіи обоихъ ввѣренныхъ ему управленію заведеній и въ короткое время достигъ блестящихъ результатовъ ²⁾.

Въ дѣятельности своей по отношенію къ реальному училищу Шпилеке пользовался полною свободою, такъ какъ никакого обязательнаго учебнаго плана или экзаменаціонныхъ требованій еще установлено не было, чѣмъ онъ и воспользовался, чтобы совершенно преобразовать учебное заведеніе. При немъ исчезли послѣдніе слѣды профессиональнаго направленія, которымъ до извѣстной степени отличалось училище Гекера, и курсъ реального училища получилъ вполне общеобразовательный характеръ. Предметами преподаванія стали: Законъ Божій, нѣмецкій, французскій и англійскій языки, математика, естествовѣдѣніе, исторія, географія и рисованіе. Что касается до латинскаго языка, то въ первое время своего директорства Шпилеке не находилъ возможнымъ вводить его въ курсъ реального училища и неоднократно настойчиво повторялъ въ своихъ отчетахъ (программахъ), что никакъ не могъ бы признать подобную мѣру цѣлесообразною и найдти для нея разумное оправданіе, въ виду чего онъ допускалъ лишь факультативное изученіе латинскаго языка для тѣхъ учениковъ, для которыхъ знаніе этого языка было необходимо для будущей ихъ профессіи. Впослѣдствіи, однако, взгляды Шпилеке измѣнились, и онъ не только ввелъ латинскій языкъ въ курсъ своей школы, но сдѣлалъ это съ такою настойчивостію, что его не безъ основанія считаютъ основателемъ нынѣшняго типа прусскихъ реальныхъ учебныхъ заведеній съ обязательнымъ, и при томъ довольно обширнымъ, преподаваніемъ этого предмета. Трудно съ достовѣрностію установить мотивы, которые побудили Шпилеке измѣнить свой взглядъ на значеніе латинскаго языка въ реальной школѣ. Биографъ его, зять

¹⁾ Das höhere Schulwesen in Preussen. I. Wiene, I. Berlin, 1864, p. 97—98.

²⁾ Гимназія Фридриха-Вильгельма насчитывала всего 146 учениковъ, когда Шпилеке вступилъ въ управленіе ею; въ реальномъ училищѣ было 276 учащихся. Въ годъ же смерти Шпилеке (въ 1841 г.) въ гимназіи было 372, а въ реальномъ училищѣ 706 учениковъ (Wiese, I, p. 98).

его, извѣстный Визе, объясняетъ перемѣну во взглядахъ Шпилеке тѣмъ, что съ годами онъ созрѣлъ, и что опытъ убѣдилъ его, съ чисто педагогической точки зрѣнія, въ необходимости латинскаго языка и для реалистовъ; но едва ли это объясненіе вполне точно. Шпилеке, вступивъ одновременно въ управленіе, какъ реальнымъ училищемъ, такъ и гимназіею, съ самаго начала доказалъ своею дѣятельностью въ послѣдней, какъ высоко онъ цѣнилъ воспитательное значеніе латинскаго языка, а потому трудно предположить, чтобы устраненіе этого языка изъ курса реального училища могло произойти отъ недостаточнаго пониманія важности этого предмета съ педагогической точки зрѣнія. Въ виду сего мы склонны думать, что рѣшающее вліяніе на измѣненіе взглядовъ Шпилеке имѣло то общее направленіе, котораго въ то время держались въ правящихъ сферахъ. Прусское правительство, уже вполне подчинившее себѣ школу, не переставало смотрѣть на знаніе латинскаго языка, какъ на необходимое условіе для допущенія не только къ государственной службѣ, но и ко многимъ видамъ общественной дѣятельности и соотвѣтственно сему всегда поощряло учебныя заведенія, сохранявшія въ своемъ курсѣ латинскій языкъ ¹⁾, и хотя не препятствовало возникновенію школъ безъ латинскаго языка, но не предоставляло имъ почти никакихъ правъ. Такъ, напри- мѣръ, можно было бы указать не малое число случаевъ предоставленія, начиная съ 20-хъ годовъ, отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ немаловажныхъ преимуществъ по воинской повинности, по принятію на службу въ разныя вѣдомства и т. д., подъ условіемъ включенія въ курсъ школы преподаванія латинскаго языка ²⁾. Въ этомъ же направленіи правительство сдѣлало рѣшительный шагъ установленіемъ, въ силу министерскаго распоряженія 8-го марта 1832 года, опредѣленныхъ экзаменаціонныхъ требованій для реальныхъ и высшихъ бур-

¹⁾ Напримѣръ, циркуляромъ отъ 16-го апрѣля 1828 года разъяснено, что распоряженія, распространяющія на учениковъ, окончившихъ курсъ бургерскихъ училищъ, нѣкоторыя льготы, равнѣ предоставленныя ученикамъ старшихъ классовъ гимназій (*Secunda* и *Prima*), относятся лишь къ тѣмъ бургерскимъ школамъ, которыя отличаются отъ гимназій только нѣкоторымъ сокращеніемъ классическаго преподаванія, взамѣнъ котораго усиливаютъ преподаваніе математики и естественныхъ наукъ (р. 244; *Röhlke*, *Die Verfassung und Verwaltung des Preussischen Staates*, B. II, Berlin, 1855).

²⁾ Въ томъ же сборникѣ (*Röhlke*, р. 310) приведено распоряженіе, предоставляющее обширныя права школъ въ Данцигѣ (*Petrisschule*) подъ условіемъ исполненія программы 1830 года, а изъ программы этой видно, что ею удостоивается усиленное преподаваніе латинскаго языка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

герскихъ училищъ ¹⁾. Въ этихъ требованіяхъ прямо указанъ и латинскій языкъ (§ 4 п. 6); но, повидимому, школы неохотно подчинялись этому распоряженію и часто уклонялись отъ него, что вызвало изда- ніе разъяснительнаго циркуляра 8-го сентября 1838 года ²⁾, катего- рически объявляющаго, что правами, предоставленными высшимъ бюр- герскимъ и реальнымъ училищамъ, наравнѣ съ воспитанниками стар- шихъ классовъ гимназій, могутъ пользоваться только тѣ ученики, которые окажутъ достаточные успѣхи въ латинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ въ зависимость отъ знанія этого языка была поставлена льгота по однолѣтнему отбыванію воинской повинности, право посту- пленія въ почтовое, лѣсное и строительное вѣдомство (Baufach), а равно даже и поступленіе на низшія должности по государственной службѣ (Subalterndienst). Одновременно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и другія вѣдомства принимали мѣры къ поощренію зна- нія древнихъ языковъ, такъ, напримѣръ, министерство торговли въ распоряженіи своемъ отъ 15-го марта 1854 года ³⁾ выражаетъ жела- ніе, чтобы лица, желающія занять высшія должности по строитель- ной части, были знакомы съ латинскимъ языкомъ, а въ 1837 году по- слѣдовало распоряженіе, чтобы лица, желающія занять должности зе- млемѣровъ, не были освобождаемы отъ занятія латинскимъ языкомъ ⁴⁾.

Не трудно себѣ представить вліяніе, которое подобныя мѣропрія- тія правительства имѣли на развитіе реального образованія въ Пруссіи, и при томъ въ такое время, когда вопросъ о правахъ уже начиналъ господствовать надъ всѣми интересами школы. Стремленіе получить права путемъ введенія преподаванія латинскаго языка и исполненія требованій положенія объ экзаменахъ получило рѣшительное преоб- ладаніе въ реальныхъ школахъ и надолго затормозило развитіе чисто реальныхъ заведеній, поставленныхъ въ столь невыгодныя условія, при которыхъ конкуренція со школами, принявшими подъ давленіемъ свыше, полуклассическое направленіе, становилась въ высшей сте- пени затруднительною.

Такимъ образомъ, благодаря искусственнымъ мѣрамъ, препятство- вавшимъ свободному развитію чисто реального образованія, въ кото-

---

¹⁾ Vorläufige Instruction über die an den höheren Bürgerschulen und Real- schulen anzuordnenden Entlassungsprüfungen. *Rönnne*, В. II, p. 308.

²⁾ *Rönnne*, В. II, p. 312.

³⁾ *Ibid.*, p. 217.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 350.

ромъ уже болѣе полустолѣтія ощущалась настоящая потребность, первоначальное назначеніе реальныхъ училищъ: служить ступенью къ поприщамъ, требующимъ болѣе специально-практической подготовки, и удовлетворять потребностямъ въ особенности промышленныхъ классовъ, подверглось существенному искаженію, и училища эти, вынужденныя сблизить свой курсъ съ курсомъ классическихъ гимназій, естественно наталкивались на мысль взять на себя хотя бы частичное выполненіе задачъ сихъ послѣднихъ, даже въ ущербъ собственнымъ своимъ основнымъ цѣлямъ и коренному своему направленію. На этой искусственной почвѣ возникло стремленіе реальныхъ училищъ открыть себѣ доступъ въ университеты и къ тѣмъ поприщамъ, для которыхъ установлено было требовать университетскаго образованія ¹⁾. Это стремленіе встрѣтило сочувствіе въ тѣхъ учрежденіяхъ и классахъ общества, которые приняли на себя содержаніе полуклассическихъ учебныхъ заведеній, и уже въ сороковыхъ годахъ получило значительное развитіе. Между тѣмъ прусское правительство,

¹⁾ Даже такіе горячіе защитники реальныхъ гимназій, какъ Паульсенъ, признають, что стремленіе реальныхъ училищъ добиться для своихъ воспитанниковъ права поступленія въ университеты было вызвано искусственно. Въ своей исторіи нѣмецкой школы (*Geschichte des gelehrten Unterrichts*, p. 749) онъ говоритъ: „man kann der Ansicht sein und sie wird vielleicht keinen Widerspruch finden, dass das alte Gymnasium seine Aufgabe für das Universitätsstudium vorzubereiten, bisher ausreichend erfüllt habe und also eine weite Gelehrtenschule nicht erforderlich gewesen sei; man kann auch der Ansicht sein dass eine gemeinschaftliche Vorbereitungsschule für alle Facultäten wünschenswert und also eine Verteilung der künftigen Studierenden an verschiedenen Arten von Vorbereitungsschulen nicht wünschenswert sei: dagegen scheint mir, kann man nicht der Ansicht sein, dass die realistische Gelehrtenschule, nachdem sie nun einmal, nicht durch ihren Willen, geworden ist, was sie ist, nicht einen, wenigstens für gewisse Zweige des Universitätsstudiums zureichenden und angemessenen Vorbildungskursus gewähre“. Такимъ образомъ Паульсенъ, признавая, что учрежденіе реальныхъ гимназій не было нужно, и что организація ихъ сложилась не свободно, а подъ посторонними влияніями, оправдываетъ существованіе этихъ заведеній только тѣмъ, что разъ они существуютъ, и не по своей волѣ обратились въ то, что они есть (то-есть, въ научную школу, имѣющую въ виду приготовить къ академическому образованію), то не справедливо было бы закрывать имъ доступъ, хотя бы на нѣкоторые факультеты. Какъ ни смотрѣть на такое признаніе одного изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ полуклассическаго образованія, оно весьма поучительно для насъ, въ Россіи, и должно было бы предостеречь насъ отъ ошибки, въ которую впала Пруссія учрежденіемъ школъ, вовсе не соответствующихъ задачамъ классическаго образованія и стѣсняющихъ только правильное развитіе реального направленія.

въ сущности само породившее это движеніе, повидимому, не отдавало себѣ яснаго отчета въ послѣдствіяхъ своей школьной политики, и въ то время, когда въ обществѣ начинались вызванные имъ же самими толки о допущеніи реалистовъ въ университеты, оно, постоянно повышая требованія образовательнаго ценза по разнымъ вѣдомствамъ, постепенно закрывало доступъ къ большей части изъ нихъ всѣмъ, кто не получилъ аттестата зрѣлости классической гимназій, а въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ поставило въ зависимость отъ этихъ аттестатовъ и право поступленія во многія высшія техническія и другія спеціальныя учебныя заведенія ¹⁾. Однако, въ концѣ пятидесятихъ годовъ отношеніе правительства къ реальному образованію стало, повидимому, измѣняться въ его пользу, но опять-таки только въ пользу реальныхъ училищъ, сохранявшихъ въ своихъ программахъ преподаваніе латинскаго языка. Взгляды правительства наши себѣ въ этомъ отношеніи совершенно опредѣленное выраженіе въ Положеніи о реальныхъ училищахъ, изданномъ 6-го октября 1859 года (*Unterrichts — und Prüfungsordnung der Real und Bürgerschulen*), которое впервые установило для реальныхъ училищъ обязательныя учебныя планы и соответственныя имъ экзаменаціонныя требованія, а равно распространило на нихъ большую часть административныхъ и дисциплинарныхъ порядковъ, дѣйствовавшихъ въ гимназіяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе это установило и точное распределеніе реальныхъ училищъ на категоріи, сообразно ихъ курсу: учебныя заведенія съ девятилѣтнимъ курсомъ и съ преподаваніемъ латинскаго языка получали наименованіе реальныхъ училищъ 1-го разряда (*Realschulen I Ordnung*), при чемъ права ихъ были нѣсколько расширены тѣмъ, что абитуриентамъ ихъ былъ открытъ доступъ въ горное и строительное вѣдомство, и предоставлена возможность дослуживаться до высшихъ должностей по почтовому, лѣсному вѣдомству и т. д. (болѣе подробное перечисленіе правъ, дарованныхъ училищамъ 1-го разряда, можно найти у Визе). Училища съ программами, тождественными съ программами училищъ 1-го разряда, но съ

---

¹⁾ *Paulsen*, p. 747. *Wiese*, B. I, p. 505. Въ 1855 году было ограничено право всѣхъ реалистовъ на поступленіе въ строительную академію и въ строительное вѣдомство (*Baufach*). Въ 1856 году послѣдовало подобное же распоряженіе по горному вѣдомству. Въ 1857 году для лицъ, получившихъ гимназическій аттестатъ, былъ сокращенъ срокъ, установленный для полученія штатныхъ мѣстъ.

неполнымъ числомъ классовъ, стали высшими *бюргерскими школами* ¹⁾ (*höhere Bürgerschulen*), являясь по отношенію къ реальнымъ училищамъ 1-го разряда тѣмъ же, чѣмъ прогимназіи представляются относительно гимназій, и наконецъ реальныя училища безъ преподаванія латинскаго языка получили названіе реальныхъ училищъ *второю разряда*; нормальнымъ числомъ классовъ для этой послѣдней категоріи учебныхъ заведеній признавалось шесть, при чемъ окончаніе послѣдняго класса давало нѣкоторыя, впрочемъ, весьма ограниченныя права, а затѣмъ хотя не возбранялось увеличивать число классовъ, но такое расширеніе курса уже не давало никакихъ новыхъ преимуществъ, если только училище не переходило при этомъ къ безусловному исполненію учебнаго плана заведеній 1-го разряда.

Такимъ образомъ положеніе 1859 года, возвышая значеніе реальныхъ училищъ 1-го разряда (то-есть, съ полуклассическимъ направленіемъ), окончательно узаконивало въ то же время привилегированное ихъ положеніе по отношенію къ чисто реальнымъ учебнымъ заведеніямъ ²⁾.

¹⁾ На практикѣ терминологія, установленная Положеніемъ 1859 года, плохо прижилась, и до 1882 года бюргерскими училищами называли самыя разнообразныя школы и даже такія, которыя въ сущности были городскія начальныя училища съ нѣскольکو только повышеннымъ курсомъ.

²⁾ По учебному плану 6-го октября 1859 года въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда полагалось слѣдующее число уроковъ, распределенныхъ на девять классовъ:

Закомъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и Географія.	Естественно-вѣднѣ.	Математика.	Чистописаніе.	Рисованіе.
20	29	44	28	20	30	34	47	7	20

Уроки же латинскаго языка распределялись между 9 классами слѣдующимъ образомъ:

1-й VI.	2-й V.	3-й IV.	4-й Unter III.	5-й Ober III.	6-й Ober II.	7-й Ober II.	8-й Unter I.	9-й Ober I.	Всего уроковъ.
8	6	6	5	5	4	4	3	3	44

Учебный планъ реальныхъ училищъ 2-го разряда не былъ особо устано-

Послѣдствія такого направленія правительства не замедлили обнаружиться: число полуклассическихъ училищъ 1-го разряда стало нормально быстро возрастать, а число училищъ втораго разряда, то есть, чисто реальныхъ учебныхъ заведеній, стало такъ быстро уменьшаться, что уже черезъ 8—9 лѣтъ послѣ изданія Положенія 1859 г. (собственно въ Пруссіи, не считая вновь присоединеннаго Ганновера, Нассау, и Шлезвигъ-Голштейна) такихъ училищъ оставалось всего 9 изъ 30 существовавшихъ до изданія Положенія, между тѣмъ какъ въ тотъ же періодъ времени число училищъ 1-го разряда возросло съ 29 на 60, благодаря чему создано положеніе, при которомъ одно училище 1-го разряда приходилось на 327.841 жителя, а училищъ 2-го разряда, долженствовавшихъ удовлетворять потребности массы среднихъ классовъ, оказывалось одно на 2.458.813 жителей ¹⁾).

Нельзя въ виду этого не признать, что если быстрый ростъ училищъ 1-го разряда далъ съ одной стороны Визе, представителю правительства на учебной конференціи 1873 года, поводъ горделиво заявлять объ успѣхахъ училищъ этой категоріи и о сочувствіи къ нимъ общества, выразившемся въ томъ, что Пруссія имѣетъ уже 80 цвѣтущихъ училищъ этого типа, содержимыхъ преимущественно на мѣстныхъ средства, то съ другой стороны то же обстоятельство дало профессору Лаасу не меньшее право указывать въ печати на ту цѣну, которую куплено процвѣтаніе покровительствуемыхъ правительствомъ учебныхъ заведеній. Въ превосходной брошюрѣ „Gymnasium und Realschule“ Лаасъ съ неотразимою ясностью доказалъ, насколько прусскія реальныя училища 1-го разряда развились искусственно и неестественно, будучи созданы не на основаніи дѣйствительныхъ потребностей времени и мѣста, а подъ вліяніемъ бюрократическаго давленія свыше — давленія, которое, во имя осуществленія предвзятыхъ взглядовъ на образованіе, лишило громаднаыя массы населенія той школы, въ которой оно наиболѣе нуждалось. Лаасъ, указывая на это, заканчиваетъ свои замѣчанія ироническимъ восклицаніемъ: „не все ли намъ равно, хорошо или худо приходится дѣтямъ

взлетъ, а соотвѣтствовали по числу уроковъ въ общемъ учебному плану училища 1-го разряда съ сокращеніями программъ, вызванными меньшимъ числомъ классовъ. Различіе экзаменаціонныхъ требованій въ училищахъ 2-го разряда по сравненію съ 1 указаны только въ общихъ чертахъ въ § 4 разряда III полож. 1859 года.—Латвискій языкъ не включенъ въ курсъ училища 2-го разряда, но можетъ преподаваться въ видѣ необязательнаго предмета.

¹⁾ *Wiese*, В. I, р. 442, и В. II, р. 566.

бюргерскихъ классовъ, разъ мы имѣемъ возможность съ гордостью указать на блестящее существованіе 80 реальныхъ училищъ 1-го разряда и съ волненіемъ въ голосъ поставить вопросъ: у кого хватить теперь дерзости сокрушить столь грандіозное созданіе?"¹⁾ Несмотря на кажущееся преувеличеніе такого взгляда Лааса на значеніе Положенія 1859 года для интересовъ школьнаго дѣла въ Пруссіи, онъ находитъ себѣ, однако, полное оправданіе во внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, о результатахъ, которыхъ реальныя училища перваго разряда достигли въ учебномъ отношеніи, и вопроса о томъ, насколько они въ дѣйствительности выполнили задачу, предназначенную имъ правительствомъ, вызвавшимъ въ свѣтъ самое ихъ существованіе.

По Положенію 1859 года реальныя училища всѣхъ категорій должны были имѣть цѣлью готовить путемъ общаго научнаго образованія къ тѣмъ поприщамъ, для которыхъ не требуется прохожденіе университетскаго курса. Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что новая организація реального образованія шла прямо въ разрѣзъ съ этимъ основнымъ требованіемъ закона, и что усиленіе полуклассическаго характера училищъ 1-го разряда и сближеніе ихъ тѣмъ самымъ съ гимназіями не замедлило вызвать въ этихъ заведеніяхъ настойчивое стремленіе открыть своимъ воспитанникамъ доступъ въ университеты. Такимъ образомъ реальныя училища 1-го разряда, уклоняясь отъ основной идеи реального образованія и переставая удовлетворять первоначальному своему назначенію, были вовлечены самимъ же правительствомъ въ искусственную конкуренцію съ классическою школою и стали тѣмъ дальше, тѣмъ больше увлечаться желаніемъ взять на себя выполненіе задачъ, составляющихъ по самому существу своему естественный удѣлъ гимназій.

Въ этомъ своемъ стремленіи реальныя училища, какъ мы уже видѣли, нашли главнымъ образомъ опору въ городскихъ обществахъ, затратившихъ громадныя средства на ихъ учрежденіе и содержаніе и обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ старшіе классы этихъ училищъ, не удовлетворяя потребностямъ тѣхъ, которые не стремились къ высшему академическому образованію, не давали въ то же время и достаточныхъ правъ тѣмъ, которые желали бы поступить въ университеты. Благодаря этому, къ концу шестидесятихъ годовъ началась буря петицій, требовавшихъ для реалистовъ доступа

¹⁾ P. 25 — 26, *Gymnasium und Realschule, von Ernst Laas*. Berlin. 1876.

на нѣкоторые факультеты, въ особенности на медицинскій. Въ то же время и правительство, вынужденное слѣдовать разѣ избранному имъ пути, и сознавая, мы думаемъ, падающую на него отвѣтственность за возникшее по школьному вопросу волненіе умовъ, само возбудило вопросъ о возможности, хотя бы отчасти открыть реалистамъ доступъ въ университеты. Когда же громадное большинство сихъ послѣднихъ отвѣтили на обращенный къ нимъ запросъ въ отрицательномъ смыслѣ, то правительство вопреки этимъ отзывамъ въ декабрѣ 1870 г. все-таки предоставило абитуриентамъ училищъ 1-го разряда право поступленія на философскій факультетъ для изученія математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ. Такимъ образомъ, уже черезъ десять лѣтъ послѣ изданія Положенія 1859 г., оказалось, что новая организація, данная реальнымъ училищамъ 1-го разряда, и путь, на который правительство ихъ поставило, вовсе не повели къ достиженію намѣченной для нихъ цѣли, а только вызвали болѣзненную конкуренцію и борьбу, крайне вредно отзывавшуюся на развитіи, какъ реальнаго, такъ и классическаго образованія.

Но независимо отъ несоотвѣтствія новой организаціи реальныхъ училищъ первоначальному ихъ назначенію, основанному на дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, организація эта и въ чисто учебномъ отношеніи страдала существенными недостатками, бросающимися въ глаза даже при бѣгломъ взглядѣ на учебные планы 1859 г. Составители этихъ плановъ, руководимые желаніемъ не лишить и воспитанниковъ реальныхъ училищъ того формальнаго образованія ума, которое лучше всего вырабатывается путемъ систематическаго изученія языковъ ¹⁾, сосредоточили большую часть уроковъ латинскаго языка (80 изъ 44) въ первыхъ пяти классахъ, въ которыхъ уже по самому возрасту и развитію учащихся возможно только изученіе собственно языка, а сколько нибудь основательное чтеніе можетъ еще только начаться. Въ старшихъ же классахъ, въ которыхъ изученіе авторовъ по содержанію получаетъ важное значеніе, число уроковъ было сокращено до минимума, при которомъ достиженіе сколько нибудь серьезныхъ результатовъ становилось невозможнымъ, что ясно указывало на совершенно второстепенное значеніе, которое придавалось этимъ занятіямъ ²⁾. Даже а priori такая постановка учебнаго

¹⁾ Изъ приведенной выше таблицы видно, что на латинскій языкъ было назначено большее число уроковъ, чѣмъ по всемъ остальнымъ предметамъ, кромѣ математики.

²⁾ Едва ли кто либо рѣшится утверждать, будто при 3-хъ урокахъ въ не-

дѣла не можетъ не возбуждать сомнѣнія относительно своей цѣлесообразности и неизбежно ведетъ къ возникновенію вопроса о томъ, насколько систематическое изученіе языка (несмотря на то, что оно несомнѣнно является лучшимъ средствомъ для воспитанія ума) можетъ принести ожидаемую отъ него пользу въ такой школѣ, въ которой по самому ея существу всѣ интересы и стремленія направлены въ другую сторону, и въ которой, какъ учащіе, такъ и учащіеся заранѣе знаютъ, что имъ придется остановиться на поддорогѣ и бросить дѣло въ ту именно минуту, когда могло бы начаться примѣненіе къ нему результатовъ прежней работы ¹⁾. Думаемъ, что на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ, а потому полагаемъ, что не ошибемся, утверждая, что учебные планы 1859 г. представляются несостоятельными, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Въ подтвержденіе такого взгляда мы могли бы привести цѣлую обширную литературу, но не желая утомлять вниманіе нашихъ читателей, мы сошлемся только на мнѣніе нѣсколькихъ выдающихся педагоговъ, въ особенности не прусскихъ, которые, слѣдя за развитіемъ прусской школы со стороны, въ состояніи были лучше другихъ оцѣнить ея достоинства и замѣтить ея недостатки. Такъ, напримѣръ, Дилльманъ, основатель Вюртембергской реальной гимназій и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей по реальному образованію въ Германіи, въ высшей степени интересномъ сочиненіи своемъ о реальныхъ гимназіяхъ, приводятъ весьма любопытный отзывъ о прусскихъ реальныхъ училищахъ 1-го разряда одного вюртембергскаго педагога, посланнаго въ 1868 г. правительствомъ для изученія прусскихъ школъ ²⁾. О результатахъ своихъ наблюденій онъ говоритъ: „миѣ

дѣлю возможно сколько нибудь серьезное по объему классное чтеніе въ особенности древнихъ авторовъ. Между тѣмъ требовать другаго чтенія отъ учителей реальныхъ училищъ, поглощенныхъ въ старшихъ классахъ совершенно инымъ, очевидно не возможно, а потому нельзя не признать, что назначеніе того многочислаго числа уроковъ, которое по учебнымъ планамъ 1859 г. положено въ старшихъ классахъ на латинскій языкъ, равносильно почти совершенному управленію чтенія произведеній классической литературы.

¹⁾ Нельзя смѣшивать занятій по латинскому языку въ младшихъ классахъ реального училища съ окончаніемъ, напримѣръ, курса латинской школы въ Вюртембергѣ и въ Баваріи. Въ этихъ заведеніяхъ изученіе древняго языка, составляющаго главный предметъ не только по числу уроковъ, но и самому существу учебной организаціи школы, даетъ совершенно иные результаты и служитъ прекрасною подготовкою для всякаго дальнѣйшаго образованія, хотя бы такого, изъ сферы всего древняго языка были совершенно исключены.

²⁾ P. 89. *D-r E. Dillmann. Das Realgymnasium. Stuttgart. 1884.*

стало вполне ясно, что преподаваніе латинскаго языка въ томъ видѣ, какъ оно ведется въ сѣверо-германскихъ реальныхъ училищахъ, не въ состояніи ни извлечь должной пользы изъ образовательной для юныхъ умовъ силы этого языка, ни достаточно ознакомить юношество съ мировоззрѣніемъ древняго Рима. При томъ затрудненія и несообразности, съ которыми учителямъ латинскаго языка приходится бороться и которыхъ они преодолѣть не въ силахъ, дѣйствуютъ на нихъ, удручающимъ образомъ, отымая у нихъ бодрость духа. Передъ урокомъ меня обыкновенно просили не забывать, что я буду присутствовать на урокахъ латинскаго языка именно въ реальномъ училищѣ, а послѣ урока мнѣ объясняли, что, несмотря на всѣ старанія, преподаваніе достигаетъ лишь ничтожныхъ результатовъ, что польза отъ него незначительная, и успѣхъ сомнительный⁴.

Съ баварскими взглядами на прусскія реальные училища насъ знакомитъ цѣлая литература, возникшая въ семидесятыхъ годахъ по поводу преобразования баварскихъ реальныхъ гимназій. Ограничимся ссылкой на одну изъ болѣе серьезныхъ и обстоятельныхъ работъ по этому предмету, появившуюся въ 1875 г. подъ заглавіемъ „Der Realunterricht in Preussen und Bayern“¹⁾. На страницѣ 13 авторъ, подводя итогъ своихъ соображеній по поводу преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда, говоритъ: „произведенныя до сихъ поръ наблюденія доказываютъ, что лучше было бы вовсе исключить латинскій языкъ изъ программы реальныхъ училищъ и реальныхъ гимназій, чѣмъ ставить этотъ предметъ въ то подчиненное положеніе, которое отведено ему въ прусской реальной школѣ“.

Позднѣе, послѣ уже переименованія прусскихъ училищъ 1-го разряда въ реальные гимназій, директоръ промышленнаго училища въ Гагенѣ Гольциоллеръ, — одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и серьезныхъ защитниковъ чисто реальныхъ учебныхъ заведеній въ Пруссіи, — излагая исторію реального образованія и касаясь возникновенія реальныхъ училищъ 1-го разряда (переименованныхъ затѣмъ въ реальные гимназій), говоритъ: „не потребности промышленныхъ и торговыхъ классовъ, а личные взгляды и интересы преподавателей, а равно погоня за правами, вызвали возникновеніе реальныхъ гимназій, являющихся искусственными созданіями, которыя, желая быть одновременно школою стараго и новаго времени, страдаютъ отсутствіемъ цѣльности организаціи (kranken an Halbheit) и чрезмѣрнымъ на-

¹⁾ Der Realunterricht in Preussen und Bayern. München. *Christian Kaiser*. 1875.

копленіемъ учебнаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ за шагомъ вынуждаютъ насъ (Гольцмюллеръ говоритъ о сторонникахъ реального образованія) къ сліянію съ гимназіями⁴. А затѣмъ Гольцмюллеръ, выражая надежду на ростъ и преуспѣяніе современныхъ чисто реальныхъ учебныхъ заведеній, высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы они убереглись отъ роковой ошибки, въ которую впала старая реальная школа, принявшая въ свой курсъ, ради пріобрѣтенія правъ, преподаваніе латинскаго языка ¹). Нельзя затѣмъ не указать на то, что сознаніе неудовлетворительности учебной организаціи реальныхъ училищъ 1-го разряда и непригодности въ особенности постановки, данной въ ихъ учебномъ планѣ латинскому языку, проникло даже въ среду самыхъ ревностныхъ ихъ защитниковъ. Такъ, на примѣръ, въ Обществѣ дѣятелей по реальному образованію (*Realschulmänner-Verein*), принявшемъ училища 1-го разряда подъ особое свое покровительство, уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ возникло разномысліе относительно значенія латинскаго языка для реального образованія. Одни требовали сокращенія преподаванія этого предмета, другіе—хотя немногіе—защищали *status quo*, третьи, напротивъ, настаивали на усиленіи въ реальныхъ училищахъ классическаго элемента и на увеличеніи числа уроковъ по латинскому языку. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ въ одномъ изъ засѣданій общества весною 1880 года было сдѣлано предложеніе, вызвавшее горячія пренія; вопросъ въ виду разпогласія остался открытымъ, но, тѣмъ не менѣе, не лишено значенія то, что подобное предложеніе могло быть сдѣлано въ такомъ обществѣ, каковымъ является *Realschulmänner-Verein* ²).

Наконецъ и само прусское правительство по простствіи немногихъ только лѣтъ послѣ изданія Положенія 1859 г., сознавъ всю его неудовлетворительность, уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ стало готовить преобразование реальныхъ училищъ, и если медлило съ осуществленіемъ своихъ намѣреній, то лишь потому, что иные, болѣе важные государственные и политическіе вопросы отвлекали въ то время его вниманіе въ другую сторону. Когда же давно ожидавшаяся реформа была наконецъ приведена въ исполненіе въ 1882 г., то оно въ извѣстномъ распоряженіи своемъ отъ 31-го марта слѣдующимъ образомъ мотивировало свой взглядъ на необходимость измѣне-

Р. 86, 50. *Holz Müller*. Errichtet Lateinlose Schulen. Hamburg. 1886.

²) Мы говорили о засѣданіи 1-го апрѣля 1880 г., отчетъ о которомъ помѣщенъ р. 505, *Central-Organ für die Interessen des Realschulwesens*, 1880, Heft VIII.

нія учебной организаціи реальныхъ училищъ 1-го разряда, переименованныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ реальные гимназіи: „Въ реальныхъ училищахъ перваго разряда (реальныхъ гимназіяхъ)“, говорится въ означенномъ распоряженіи ¹⁾, „результаты преподаванія латинскаго языка по большей части не соотвѣтствуютъ ни количеству затраченнаго времени, ни въ особенности тому значенію, которое преподаваніе этого предмета должно имѣть въ общей учебной организаціи подобныхъ заведеній. Недостаточная успѣшность замѣчается, при томъ, если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, преимущественно въ старшихъ классахъ, что по единогласному мнѣнію специалистовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ чрезмѣрнаго сокращенія въ этихъ классахъ числа уроковъ латинскаго языка. Съ другой стороны въ области естественныхъ наукъ распространеніе описательнаго ихъ преподаванія (*des naturbeschreibender Unterrichts*) на всѣ классы, не исключая и старшихъ, вызываетъ въ школѣ непреоборимое стремленіе выйти за предѣлы указанныхъ ей задачъ и увлекаться разсмотрѣніемъ теоретическихъ гипотезъ, изученіе которыхъ должно составлять предметъ специальныхъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Связанное съ сими дробленіемъ вниманія учащихся, въ особенности въ старшихъ классахъ, между тремя особыми отдѣленіями естествознанія, а именно описательнымъ естествовѣдѣніемъ (*Naturbeschreibung*), физикою и химіею, оказывается настолько вреднымъ, что успѣхи не соотвѣтствуютъ затраченному времени. Новое разграниченіе этихъ отдѣловъ между собою и новое распредѣленіе ихъ по курсу дадутъ возможность, съ одной стороны, нѣсколько (хотя и весьма незначительно) сократить число уроковъ по естествовѣдѣнію, сохраняя, однако, въ полной мѣрѣ за естественными науками подобающее имъ значеніе, а съ другой стороны дадутъ возможность усилить преподаваніе латинскаго языка, въ чемъ ощущается настоятельная необходимость“.

Вышеизложенное разъясненіе заключаетъ въ себѣ, какъ совершенно опредѣленное признаніе неудовлетворительности учебной организаціи реальныхъ училищъ 1-го разряда, такъ и точное указаніе на то направленіе, въ которомъ совершено было преобразование 1882 года. Прусское правительство, осуждая организацію, данную этимъ училищамъ въ 1859 году, не только не отступило отъ прежняго пути, веду-

¹⁾ Circular-Verfügung vom 31 März 1882, betreffend die Einführung der revidierten Lehrpläne für die höheren Schulen, § 3.

щаго къ сближенію реальныхъ училищъ съ классическими гимназіями, но, напротивъ, видитъ главный недостатокъ стараго устройства именно въ томъ, что классическіе элементы введены въ реальное образованіе не въ достаточной мѣрѣ, и потому усиливаетъ ихъ, обращая такимъ образомъ реальныя гимназіи еще болѣе въ полуклассическія заведенія.

Въ слѣдующей главѣ настоящаго нашего труда, рассматривая современное положеніе школьнаго вопроса въ Германіи, мы познакомимъ нашихъ читателей съ дальнѣйшимъ развитіемъ реальныхъ гимназій послѣ реформы 1882 года, теперь же скажемъ нѣсколько словъ о судьбахъ чисто реального образованія въ Пруссіи.

Несмотря на крайне невыгодное положеніе, въ которое, какъ мы видѣли, прусское правительство поставило чисто реальное образованіе постояннымъ покровительствомъ, оказываемымъ полуклассическимъ школамъ, развитіе этого образованія, составлявшаго все болѣе и болѣе насущную потребность громадной массы населенія, не остановилось и не замедлило найти новыя пути для упроченія своего существованія.

Благопріятную для сего почву представили провинціальныя промышленныя училища (Provincial-Gewerbeschulen), уже давно существовавшія во многихъ мѣстахъ, но не получившія еще сколько нибудь устойчивой организаціи, вслѣдствіе господствовавшей неясности во взглядахъ на правильную постановку профессиональнаго образованія.

Первоначально училища эти представляли собою чисто профессиональныя, годичныя или двухгодичныя классы, предназначенныя для расширенія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго образованія ремесленниковъ, низшихъ техниковъ и т. п., при чемъ для поступленія въ эти классы (въ возрастѣ 14 — 15 лѣтъ) требовалось почти только элементарное образованіе. Но по мѣрѣ того, какъ въ промышленные слои общества проникало убѣжденіе въ необходимости лучшей общеобразовательной подготовки, для успѣха какихъ бы то ни было профессиональныхъ занятій, стала измѣняться и организація провинціальныя промышленныя училища; курсъ ихъ былъ увеличенъ съ двухъ на три года, преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ было усилено, и новыя языки заняли въ программахъ почти что первенствующее положеніе. Въсѣтъ съ тѣмъ измѣнились и требованія относительно подготовки для прохождения курса промышленныхъ училищъ, въ виду чего при нѣкоторыхъ изъ нихъ стали устраиваться подготовительныя классы съ довольно обширными программами, дру-

гія же училища прикнули къ существовавшимъ уже реальнымъ училищамъ 2-го разряда или къ бюргерскимъ школамъ, и такимъ образомъ цѣлый рядъ промышленныхъ училищъ фактически обратился постепенно въ семи-восьми и даже девятиклассныя училища съ разнообразными учебными планами, основанными на изученіи математики, новыхъ языковъ и естествовѣдѣнія, но съ совершеннымъ отсутствіемъ преподаванія древнихъ языковъ¹⁾. Характерною особенностью этихъ новыхъ учебныхъ заведеній являлось стремленіе соединить достиженіе общеобразовательныхъ цѣлей, то-есть, общее развитіе учащихся, съ удовлетвореніемъ практическихъ потребностей тѣхъ классовъ общества, которые, не стремясь къ университетскому образованію, находили не только гимназическое образованіе, но и вообще изученіе древнихъ языковъ не соответствующимъ своимъ нуждамъ. Независимо отъ сего на учебные планы нѣкоторыхъ изъ этихъ училищъ оказывало свое вліяніе и желаніе согласовать свой курсъ съ требованіями специальныхъ учебныхъ заведеній, преимущественно съ курсомъ Берлинскаго технического института, въ который ученикамъ промышленныхъ училищъ доступъ былъ открытъ до преобразования этого института въ высшее техническое училище, занявшее среди учебныхъ заведеній мѣсто на ряду съ университетомъ²⁾.

Въ 1879 году прусское правительство нашло нужнымъ урегулировать положеніе этихъ училищъ, которымъ вмѣстѣ съ установленіемъ для нихъ общей учебной организаціи, въ знаменательныхъ для реального образованія засѣданіяхъ рейхстага 21-го и 25-го января, было предоставлено право поступленія на государственную службу по нѣкоторымъ вѣдомствамъ и въ большую часть высшихъ специальныхъ заведеній. Въ то же время типъ прежнихъ провинціальныхъ промышленныхъ училищъ былъ упраздненъ, а всѣмъ существовавшимъ въ то время заведеніямъ этой категоріи было предоставлено или быть преобразованными въ девятиклассныя общеобразовательныя школы безъ преподаванія древнихъ языковъ, или же принять организацію бюргерскихъ школъ (тоже безъ древнихъ языковъ), или реальныхъ училищъ 2-го разряда съ правомъ

¹⁾ Во II томѣ сборника *Vize* (Die höheren Schulen), на стр. 54—55, можно найти цѣлый рядъ учебныхъ плановъ восьми и девятиклассныхъ училищъ, очень близко подходящихъ къ курсу нинѣшнихъ высшихъ реальныхъ училищъ.

²⁾ Впрочемъ нѣкоторыя промышленныя училища (правда, очень немногія) продолжали давать своимъ воспитанникамъ право поступать въ высшее техническое училище и послѣ его преобразованія.

присоединять къ своему курсу одинъ или два специальныхъ дополнительныхъ класса. Такимъ образомъ, реформа 1882 года окончательно закрѣпила существованіе девятиклассныхъ училищъ безъ древнихъ языковъ, при чемъ имъ было дано наименованіе *висшихъ реальныхъ училищъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ былъ изданъ, общій, обязательный учебный планъ, въ основу котораго легло разсужденіе, изложенное въ пунктѣ четвертомъ циркулярнаго распоряженія отъ 31-го мая 1882 г., объясняющее необходимость изданія обязательнаго учебнаго плана для этой категоріи учебныхъ заведеній. „Реальные училища безъ латинскаго языка и съ девятилѣтнимъ курсомъ“, — говорится въ вышеприведенномъ распоряженіи, — „развились самостоятельно, не имѣя общаго учебнаго плана, которымъ было бы опредѣлено число уроковъ и объемъ преподаванія по отдѣльнымъ предметамъ, благодаря чему, вслѣдствіе чрезмѣрнаго преобладанія преподаванія математики и естественныхъ наукъ, имъ легко могла грозить опасность обратиться въ спеціальныя школы (den Charakter Fachschulen anzunehmen). Между тѣмъ, интересы самихъ этихъ училищъ требуютъ устраненія подобной опасности, такъ какъ предоставляемое имъ право занять мѣсто среди другихъ общеобразовательныхъ заведеній, на ряду съ гимназіями и реальными училищами 1-го разряда, можетъ принадлежать имъ только настолько, насколько они на дѣлѣ докажутъ, что и при занятіи одними только новыми языками они въ состояніи дать своимъ воспитанникамъ то формальное и этическое развитіе ума, которое достигается изученіемъ языковъ (das auch unter Beschränkung auf moderne Sprachen der Aufgabe der sprachlich formalen und ethischen Bildung Genüge geschieht).

Такимъ образомъ распоряженіе 31-го марта 1882 года, окончательно устанавливая организацію общеобразовательныхъ, чисто реальныхъ учебныхъ заведеній, требуетъ, чтобъ они, подобно гуманитарной школѣ, основали до извѣстной степени свой курсъ на языкознаніи. Но насколько въ этомъ отношеніи требованія, предъявляемые циркуляромъ 31-го марта 1882 года, нельзя не признать вполне разумными и правильными, настолько же непонятна та часть циркуляра, которая предостерегаетъ вновь организованныя высшія реальные училища отъ увлеченія спеціализаціею или профессиональными цѣлями, такъ какъ изъ тѣхъ разнообразныхъ учебныхъ плановъ, которыми подобныя учебныя заведенія руководствовались до 1882 года, вовсе не явствуется, чтобъ подобныя увлеченія дѣйствительно существовали. Намъ кажется напротивъ, что въ нихъ общеобразовательнымъ элементамъ образова-

нія (языкамъ, исторіи и т. д.) всегда отводилось достаточно просторное мѣсто, стремленіе же къ практическимъ цѣлямъ ограничивалось лишь вполне понятнымъ желаніемъ не терять съ одной стороны связи съ житейскими требованіями, предъявляемыми тѣми классами общества, для которыхъ собственно училища учреждались, а съ другой стороны согласовать свои программы съ требованіями тѣхъ специальныхъ заведеній, въ которыя доступъ реалистамъ былъ еще открытъ. Но и такая связь реальныхъ учебныхъ заведеній съ требованіями специального образованія не соответствовала, повидимому, взглядамъ составителей Положенія 1882 года, которые, намъ кажется, желали обратить и чисто реальныя учебныя заведенія въ научныя школы (Gelehrtenschulen) съ направленіемъ, возможно приближающимся къ гимназическому, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ Пруссіи связь между реальнымъ образованіемъ и высшими специальными учебными заведеніями всегда была менѣе тѣсна и менѣе непосредственна, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи.

Въ заключеніе мы считаемъ еще необходимымъ указать на то, что циркуляръ 31-го марта 1882 г. измѣнилъ, какъ наименованіе реальныхъ училищъ разныхъ видовъ, такъ и распредѣленіе ихъ на категоріи, при чемъ нельзя не обратить вниманія на значеніе, которое имѣло переименованіе реальныхъ училищъ 1-го разряда въ *реальные гимназій*, такъ какъ въ этой переимѣнѣ ясно выразилось желаніе подчеркнуть сближеніе этого типа реальныхъ заведеній съ классическими гимназіями и поставить обѣ категоріи учебныхъ заведеній до нѣкоторой степени на одинъ уровень. Виѣстъ съ тѣмъ и неполныя по числу классовъ реальныя училища, если только учебная организація ихъ согласовалась съ программами соответствующихъ классовъ реальныхъ гимназій, получали наименованіе *реальныхъ прогимназій*, виѣсто прежняго названія бюргерскихъ училищъ, въ чемъ выразилась мысль, что бюргерскія училища не должны являться подготовительною ступенью для другихъ школъ, а напротивъ предназначены занять самостоятельное мѣсто.

Вторую категорію реальныхъ училищъ составляютъ по Положенію 1882 г. девятиклассныя *высшія реальныя училища*.

Наконецъ къ третьей категоріи отнесены, подъ наименованіемъ *„высшія бюргерскія училища“*, учебныя заведенія съ шестилѣтнимъ курсомъ, которому предшествуетъ трехлѣтнее обученіе въ элементарной или начальной школѣ. Въ этихъ училищахъ положено преподаваніе двухъ новыхъ языковъ и, хотя учебный планъ ихъ очень

близко подходит къ курсу шести классовъ высшаго реального училища, но, тѣмъ не менѣе, законодательство признаетъ ихъ самостоятельнымъ типомъ школъ, и пунктъ пятый распоряженія 31-го марта настойчиво предостерегаетъ отъ стремленія къ расширенію курса этихъ училищъ и отъ обращенія ихъ въ подготовительныя учрежденія для другихъ учебныхъ заведеній. Но ближайшее разсмотрѣніе этого типа училищъ уже не входитъ въ рамки нашего труда, такъ какъ они являются скорѣе высшею ступенью начальной школы, чѣмъ средне-учебными заведеніями въ общепринятомъ въ настоящее время значеніи этого термина.

Инымъ путемъ, чѣмъ въ Пруссіи, съ бѣльшимъ спокойствіемъ и постепенностью развивалось реальное образованіе въ небольшомъ сравнительно Вюртембергѣ. Здѣсь съ одной стороны классическая система образованія пустила, пожалуй, болѣе глубокіе корни, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи, а равно наиболѣе сохранился типъ чистой классической школы, пользующейся и нынѣ общимъ уваженіемъ и авторитетомъ, но съ другой стороны, благодаря отсутствію непрестаннаго административнаго давленія, которому школа подвергалась въ Пруссіи, и чисто реальное образованіе завоевало себѣ самостоятельное и независимое положеніе равнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ, при чемъ правительство, удерживая общество и школу отъ поспѣшныхъ новшествъ и крайнихъ увлеченій, но относясь безпристрастно къ возникновенію новыхъ типовъ учебныхъ заведеній, не отказывало въ своемъ покровительствѣ и попеченіи всякому начинанію, которое на дѣлѣ доказывало свою жизнеспособность.

Въ Вюртембергѣ, какъ и въ остальной Германіи, потребность въ средне-учебныхъ заведеніяхъ для тѣхъ слоевъ общества, которые, не стремясь къ университетскому образованію, не могли, однако, удовлетворяться элементарною школою, стала ощущаться еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, а затѣмъ уже въ 1783 году было учреждено первое реальное училище, въ которомъ хотя и сохранилось преподаваніе латинскаго языка, но центръ тяжести учебнаго курса былъ перенесенъ на математику, естественныя науки и графическія искусства.

Но первоначально организація реальной школы плохо удавалась, учебный матеріалъ накоплялся въ ея курсѣ беспорядочно и безъ должной системы, методы преподаванія не были еще выработаны, и самая задача школы была опредѣлена недостаточно ясно.

Тѣмъ временемъ былъ предпринятъ рядъ опытовъ съ цѣлью удо-

влетворить потребность въ реальномъ образованіи, пользуясь для сего уже существующими классическими учебными заведениями. Въ однихъ мѣстахъ пробовали усиливать преподаваніе реальныхъ предметовъ въ латинскихъ школахъ, въ другихъ—устраивали особые дополнительные уроки для реалистовъ, наконецъ, пытались устраивать при старыхъ школахъ особыя реальныя отдѣленія, при чемъ ученики-реалисты обучались сообща съ классиками только нѣкоторымъ общимъ предметамъ, а затѣмъ пользовались отдѣльными, усиленнымъ преподаваніемъ по другимъ наукамъ; но опыты эти не удавались, не достигая въ должной мѣрѣ цѣлей реального образованія и нанося въ то же время вредъ классическимъ школамъ, вслѣдствіе чего изъ состава этихъ школъ постепенно стали выдѣляться самостоятельныя реальныя училища, мѣшшія сперва трехлѣтній, а впоследствии четырехлѣтній курсъ.

Первый примѣръ подобнаго выдѣленія мы встрѣчаемъ въ 1818 году въ Штутгартѣ, и съ этого времени число самостоятельныхъ реальныхъ училищъ постоянно возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываются и опредѣленные и твердые взгляды на ихъ значеніе и организацию, несмотря на то, что по мѣстнымъ условіямъ и въ силу практическихъ требованій жизни курсъ ихъ остается еще довольно долгое время весьма ограниченнымъ, и только медленно достигаетъ болѣе полнаго развитія.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ средѣ самой реальной школы и въ высшемъ бюргерствѣ стала вполне сознаваться невозможность ограничивать курсъ реальныхъ училищъ четырьмя классами и заканчивать реальное образованіе въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, какъ то было принято до того времени. Въ разныхъ мѣстностяхъ начали, въ видѣ опыта, открываться дополнительные (5-й и 6-й) классы; но опыты эти долго не удавались, благодаря тому, что въ промышленныхъ и торговыхъ классахъ твердо держался обычай считать воспитаніе законченнымъ въ годъ конфирмаціи (то-есть, въ 14—15 лѣтъ), тѣмъ болѣе, что этимъ возрастомъ заканчивался установленный закономъ срокъ обязательнаго обученія, послѣ чего общепринято было помѣщать дѣтей на мѣста и должности (*in ein Geschäft plassiren*) даже въ тѣхъ случаяхъ, когда родители желали, чтобъ дѣти до нѣкоторой степени продолжали образованіе, въ каковыхъ видахъ для нихъ выговаривались нѣкоторые свободные часы, которыми они пользовались, чтобъ брать частныя уроки или чтобъ посѣщать какіе либо спеціальныя курсы. Обычай этотъ держался такъ крѣпко, что еще въ концѣ

тридцатыхъ годовъ открытыя уже во многихъ мѣстахъ старшіе классы реальныхъ училищъ должны были закрыться за недостаткомъ учащихся ¹⁾. Но, тѣмъ не менѣе, идея о реальномъ образованіи въ полномъ его развитіи уже вполне созрѣла среди вюртембергскихъ педагоговъ, и мы находимъ совершенно определенное и точное выраженіе этой идеи въ только что приведенной книгѣ Нагеля, одного изъ лучшихъ представителей реальной школы того времени. Нагель, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ гуманизму и къ классическому образованію, какъ лучшей подготовкѣ къ университету, въ то же время съ большимъ талантомъ доказываетъ необходимость реальной школы и слѣдующимъ образомъ мѣтко характеризуетъ различіе направленія и цѣлей гуманизма и реализма ²⁾: „Говоря о божественномъ откровеніи, проявляющемся съ одной стороны въ насъ самихъ, а съ другой стороны во внѣшней природѣ“, пишетъ Нагель, „мы тѣмъ самымъ признаемъ, что для достиженія предопредѣленныхъ человѣку цѣлей высшая сила, правящая вселенной, даетъ ему двоякія средства воспитанія; она даруетъ, какъ внутреннему, такъ и внѣшнему міру всѣ свойства и качества, необходимыя для достиженія этихъ цѣлей и направляетъ ихъ такъ, чтобы они, пробуждая, укрѣпляя и стройно развивая въ человѣкѣ всѣ его духовныя силы, дѣлали его способнымъ достигать высшихъ ступеней разумнаго бытія. На этой идеѣ, вытекающей изъ самаго понятія о высшемъ совершенствѣ, зиждется и признаніе двухъ категорій предметовъ, могущихъ служить основой обученія. Можно избрать главнымъ предметомъ преподаванія или изученія произведеній человѣческаго духа, или же внѣшнюю природу, которая въ такомъ случаѣ и должна дать намъ тотъ матеріалъ, путемъ изученія котораго имѣется въ виду достичь формальнаго развитія силъ человѣка. Разумъ предоставляетъ человѣку выборъ между обѣими областями знаній, обѣ онѣ одинаково достойны вниманія, обѣ представляютъ собою съ разныхъ только сторонъ истинное откровеніе. А потому школа, подъ страхомъ власти въ крайнюю односторонность, не можетъ совершенно отказаться отъ котораго либо изъ этихъ элементовъ воспитанія, въ виду чего наиболѣе совершеннымъ образованіемъ слѣдовало бы признать то, кото-

¹⁾ Весьма интересныя свѣдѣнія по сему предмету можно найти въ прекрасной книгѣ Нагеля (р. 157—167. „Die Idee der Realschule“. *D-r Nagel*. Ulm. 1840).

²⁾ Ibid., р. 29 и 31.

рое, пользуясь при обученіи матеріаломъ, принадлежащимъ къ обѣимъ категоріямъ знаній, обнимало бы въ полной и равной мѣрѣ всѣ науки, соединяя такимъ образомъ величайшую всесторонность знаній съ высшимъ единствомъ цѣли⁴. Но возможна ли подобная школа? спрашиваетъ Нагель и, давая затѣмъ отрицательный отвѣтъ и указывая на безконечное разнообразіе и громадное развитіе современныхъ знаній, продолжаетъ: „уже съ научной точки зрѣнія нельзя не признать необходимости раздѣленія умственного труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость избрать для школьнаго обученія одинъ изъ двухъ путей: или тотъ, который ведетъ къ изученію проявленій духа человѣчества, или же тотъ, который направляетъ на изученіе дѣятельности природы. Развитіе и обоснованіе перваго направленія составляетъ задачу гуманизма, для котораго поэтому главнымъ предметомъ преподаванія является языкъ, какъ первый и главный продуктъ человѣческаго духа, составляющій необходимѣйшее средство для всѣхъ его проявленій. Реализмъ же, напротивъ, избираетъ себѣ предметомъ изслѣдованія природу, а такъ какъ пониманіе всѣхъ проявленій ея необходимо обуславливается вычисленіемъ и опредѣленіемъ пространства или объема, то основными предметами реального обученія становятся математика и естественныя науки. Но не слѣдуетъ забывать, что при дѣлаемомъ нами опредѣленіи двухъ важнѣйшихъ направленій, въ которыхъ развивается образованіе, мы имѣемъ въ виду только главныя основы этихъ направленій и признаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что подобно тому, какъ внутреннее и внѣшнее откровеніе пополняютъ другъ друга, такъ и каждый изъ указанныхъ нами видовъ образованія, во избѣжаніе свойственной имъ обонимъ односторонности, долженъ заимствовать у другаго то, что ему не достаетъ, насколько это возможно безъ ущерба для достиженія главной цѣли, а потому съ одной стороны гуманизмъ долженъ признать математику, хотя въ сравнительно ограниченномъ объемѣ, необходимымъ предметомъ преподаванія, а съ другой стороны реализмъ долженъ въ свою очередь признать необходимость изученія языковъ⁵. Затѣмъ Нагель, подробно разбирая вопросъ о томъ, какіе предметы и въ какомъ объемѣ должны входить въ курсъ реальныхъ училищ¹⁾, съ замѣчательною ясностью

¹⁾ Нагель совершенно исключаетъ изъ курса реальныхъ училищъ латинскій языкъ, находя, что та степень формальнаго развитія ума, которая необходима для реального образованія, можетъ въ достаточной мѣрѣ быть достигнута путемъ изученія новыхъ языковъ. Въ этомъ отношеніи Нагель является выразителемъ мнѣнія большей части сторонниковъ реального образованія въ Вюртем-

доказываетъ, насколько въ реальной и въ классической школѣ, въ силу самаго ихъ существа, способы и методы преподаванія, даже однихъ и тѣхъ же предметовъ, должны быть различны, и насколько поэтому необходимо самостоятельное и совершенно отдѣльное другъ отъ друга существованіе учебныхъ заведеній этихъ двухъ категорій.

Для правильной организаціи реального образованія Нагель находитъ необходимымъ, чтобы реальныя училища имѣли не менѣе шести классовъ, но въ то же время, въ виду существующихъ обычаевъ и экономического положенія края, онъ признаетъ, что мысль о такомъ развитіи реального образованія является пока только одною неосуществимую мечтою, а потому предлагаетъ рядъ паліативныхъ мѣръ, которыя, въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, дали бы реальному образованію возможность окрѣпнуть.

Но тому, что Нагель въ сороковомъ году (годъ появленія его книги) считалъ одною только мечтою, суждено было осуществиться гораздо раньше, чѣмъ онъ могъ ожидать. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ быстрое развитіе желѣзныхъ дорогъ дало торговлѣ, промышленности и въ особенности фабричному производству могущественный толчекъ, который совершенно измѣнилъ положеніе и значеніе реальныхъ учебныхъ заведеній. Спросъ на болѣе широкое и основательное реальное образованіе сталъ быстро возрастать, и въ нѣсколько лѣтъ не только число реальныхъ училищъ (4-хъ классныхъ) возросло, но въ шести мѣстахъ (что для небольшого сравнительно Вюртемберга уже очень много) открылись дополнительные классы съ двухлѣтнимъ курсомъ (Ober-Realklassen или Ober-Realschulen), которые на этотъ разъ имѣли блестящій успѣхъ и очень быстро переполнились учащимися. Но и эти высшія отдѣленія реальныхъ училищъ вскорѣ не въ состояніи были удовлетворить все повышающіяся требованія, предъявляемыя къ реальному образованію, что вынудило Штутгартскій политехникумъ, какъ высшее техническое учебное заведеніе въ Вюртембергѣ, открыть два подготовительныхъ класса, предназначенные для пополненія образованія (въ особенности въ области математики и естественныхъ наукъ) воспитанниковъ высшихъ реальныхъ классовъ, поступающихъ въ политехникумъ.

бергѣ, гдѣ уже въ тридцатыхъ годахъ преподаваніе латинскаго языка (и при томъ какъ обязательнаго предмета) сохранилось только въ немногихъ реальныхъ училищахъ, въ началу же пятидесятыхъ годовъ даже и такое преподаваніе всюду прекратилось.

*) Nagel. Idee der Realschule, p. 114 u. f.

Этимъ путемъ курсъ реального образованія, подготовляющій къ поступленію въ высшія техническія заведенія, фактически обратился въ восьмилѣтній, при чемъ шесть лѣтъ ученія протекали въ реальномъ училищѣ, а два высшихъ класса находились въ соединеніи съ политехникумомъ, но, будучи еще чужды всякой специализаціи, являлись прямымъ продолженіемъ курса средней реальной школы, благодаря чему между вюртембергскими реальными училищами и Штутгартскимъ политехническимъ институтомъ установилась непосредственная и тѣснѣйшая связь.

Связь эта усиливалась еще тѣмъ, что ученики, прошедшіе высшіе реальные классы, принимались въ приготовительные классы института не иначе, какъ по экзамену, который—особенно въ виду отсутствія въ Вюртембергскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ теченіе долгаго времени обязательнаго учебнаго плана—оказывалъ значительное вліяніе на всю постановку учебнаго дѣла въ реальныхъ училищахъ, естественно старавшихся согласовать свой курсъ съ требованіями высшаго заведенія. Наконецъ, существенное значеніе для сближенія средняго реального образованія съ высшимъ техническимъ имѣло то обстоятельство, что большая часть учителей реальныхъ училищъ принадлежала къ числу бывшихъ воспитанниковъ политехникума и была проникнута его духомъ и направленіемъ ¹⁾.

Съ теченіемъ времени организація реальныхъ училищъ еще измѣнилась, число классовъ было увеличено, при чемъ старшіе классы замѣнили собою приготовительное отдѣленіе политехникума и стали давать право поступать непосредственно на спеціальные его курсы ²⁾. Вмѣстѣ съ этимъ преобразованіемъ существенно измѣнился и общій

¹⁾ Р. 25—28. *Dillmann. Das Realgymnasium.*

²⁾ Высшее реальное училище въ Штутгартѣ обратилось внослѣдствіи въ десятиклассное (подобно Вюртембергскимъ гимназіямъ) чисто реальное учебное заведеніе съ слѣдующимъ учебнымъ планомъ:

Заковъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія.	Географія.	Математика.	Естественнѣдзіе.	Физика и химія.	Числоснавіе.	Рисованіе.	Начертаніе геометріи.	Философская пропедевтика
22	33	62	18	14½	13½	73	10	10	9	25	16	1

Примѣчаніе. Число уроковъ по каждому предмету показано вмѣстѣ за всѣ десять лѣтъ ученія.

характеръ реальныхъ училищъ (или, вѣрнѣе сказать, высшаго ихъ отдѣленія), которыя приняли болѣе общеобразовательный характеръ и стали удѣлять въ своихъ программахъ обширное мѣсто родному и новымъ языкамъ (въ особенности французскому), а также исторіи и географіи. Но, тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между реальнымъ и высшимъ спеціальнымъ образованіемъ сохранилась, что особенно выразилось въ томъ широкомъ развитіи, которое получило въ вюртембергскихъ реальныхъ школахъ преподаваніе математики.

Такимъ образомъ въ Вюртембергѣ установилась, неизмѣнявшаяся до конца шестидесятихъ годовъ, общая учебная организація, при которой, съ одной стороны, существовали чисто классическія учебныя заведенія (латинскія школы и гимназіи), открывавшія доступъ къ университету, и чисто реальные училища (низшія и высшія), тѣсно связанныя съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, полуклассическія же школы (каковыми являлись прусскія реальные училища 1-го разряда) вовсе отсутствовали.

Ознакомивъ нашихъ читателей съ тѣмъ, какъ чисто-реальныя учебныя заведенія постепенно организовались въ Вюртембергѣ, мы не можемъ въ дополненіе не указать на то, что и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Германіи реальное образованіе развивалось въ томъ же направленіи. Такъ, напримѣръ, въ маленькомъ Гессенъ-Дармштадтѣ реальное училище получило организацію, весьма сходную съ вюртембергскою. И здѣсь реальное училище долгое время существовало въ составѣ только четырехъ классовъ, къ которымъ впослѣдствіи, въ виду потребности въ болѣе широкомъ реальномъ образованіи, были присоединены два высшихъ класса, изъ которыхъ ученики преимущественно переходили въ мѣстное высшее техническое учебное заведеніе, то-есть, въ высшее промышленное училище въ Дармштадтѣ, представлявшее собою, какъ бы, маленькій политехническій институтъ, но и здѣсь, какъ въ Штутгартѣ, эти новички, прежде чѣмъ избрать спеціальность, должны были предварительно пройти двухлѣтній курсъ общеобразовательнаго характера, являвшійся дополненіемъ и расширеніемъ образованія, полученнаго въ реальномъ училищѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ брошюрѣ, изданной въ 1853 году по случаю возобновленія въ Дармштадтскомъ реальномъ училищѣ публичныхъ экзаменовъ, директоръ этого училища Кюльшъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе общихъ классовъ высшаго промышленнаго училища: „Die beiden allgemeinen Klassen, welche den Fachklassen gleichsam als gemeinsame Vorbereitungsschule dienen, sind theils als

Но не въ одной только организаціи выразилось сходство Дармштадтскаго реального училища съ подобными же вюртембергскими учебными заведениями, въ основаніе его легло одинаковое пониманіе значенія идеи реального образованія. Такъ директоръ дармштадтскаго училища Кюльпъ, въ брошюрѣ, на которую мы только что сослались, даетъ слѣдующее опредѣленіе цѣлей вѣреннаго ему учебнаго заведенія, подъ которымъ смѣло могли бы подписаться и руководители реальной школы въ Вюртембергѣ. „Назначеніе и задача ихъ (то-есть, реальныхъ учебныхъ заведеній) заключается въ томъ, говорить Кюльпъ, чтобы давать юношеству, которое предназначаетъ себя къ техническимъ и промышленнымъ занятіямъ, необходимое общее развитіе ума и достаточную научную подготовку. Они должны служить школами для тѣхъ многочисленныхъ классовъ, которые нуждаются въ образованіи высшемъ, чѣмъ то, которое можетъ дать народное училище, и должны готовить къ тѣмъ занятіямъ и промысламъ, для которыхъ требуется болѣе совершенное знаніе новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ. Въ виду этого, реальное образованіе имѣетъ цѣлью обобщеніе и распространеніе въ обществѣ научныхъ знаній; задача его заключается не столько въ непосредственной разработкѣ наукъ, сколько въ распространеніи ихъ съ цѣлью дать жизни возможность извлечь изъ нихъ наибольшую пользу“¹⁾. Далѣе Кюльпъ развиваетъ мысль о необходимости совершенно самостоятельнаго существованія реальныхъ училищъ, задачи которыхъ не совпадаютъ ни съ задачами народной школы (даже при повышеніи ея курса), ни съ задачами гимназій. Затѣмъ, отдавая полную справедливость классическому образованію, Кюльпъ отвергаетъ, однако, необходимость преподаванія латинскаго языка въ реальныхъ училищахъ и горячо стоитъ за сохраненіе въ возможной чистотѣ типа, какъ реальной, такъ и классической школы²⁾. По этому поводу Кюльпъ указываетъ на то, что

eine Erweiterung, theils als eine unmittelbare Fortsetzung der obern Realklassen zu betrachten. In diesen wie in den übrigen Klassen der Realschule ist nun Humanitätsbildung nebst angemessener Berufsbildung das vorgesteckte Ziel, in der Weise, dass die erstere die andere überwiegt. Die Schule will, wie schon oben gesagt wurde, in dem Jünglinge, wenn er zu seinem eigentlichen Berufe übergeht, eine edlere humane Bildung fest begründet wissen, die ihn bei seinen materiellen und industriellen Bestrebungen, das höhere nie aus den Augen verlieren, ein niederes utilitatisches Treiben ihn nie als den Zweck seines Daseins ansehen lässt“. (Die Realschule zu Darmstadt, nach Zweck und Einrichtung dargestellt. Dr. K. Kulp. p. 60. Darmstadt. 1852).

¹⁾ Die Realschule zu Darmstadt, p. 2.

²⁾ Ibid., p. 27—32.

изученіе древнихъ языковъ, приводя насъ къ возможно полному пониманію древняго міра, въ то же время развиваетъ въ насъ болѣе глубокое философское міросозерцаніе и тѣмъ самымъ дѣлаетъ насъ болѣе способными глубже вникать въ духовный міръ и вѣрнѣе понимать его проявленія, въ виду чего изученіе этихъ языковъ, наиболѣе соответствуя цѣлямъ гимназическаго образованія, должно составлять главную его основу. Реальная же школа, уже въ силу самой идеи, на которой она зиждется, должна преимущественно готовить къ работѣ, тѣсно связанной съ внѣшнимъ міромъ, почему въ основѣ реального образованія и лежитъ изученіе природы. Въ одномъ, говоритъ Кюльпъ, обѣ школы—реальная и классическая—должны сходиться, это въ томъ, чтобы не истощать силъ на безконечномъ разнообразіи предметовъ, а напротивъ, по возможности сосредоточивать ихъ на матеріалѣ, наиболѣе соответствующемъ идеѣ и задачамъ каждой изъ нихъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что идея о реальномъ образованіи получила во многихъ мѣстахъ Германіи осуществленіе въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ въ Пруссіи, при чемъ чисто реальныя заведенія, поставленныя въ тѣснѣйшую связь съ системою высшаго спеціального образованія, развились раньше и полнѣе, чѣмъ въ означенномъ государствѣ.

Но, несмотря на блестящій успѣхъ, который имѣли чисто реальныя учебныя заведенія, и несмотря на популярность, которою они пользовались, они не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ нимъ многими изъ тѣхъ, которые сознавали необходимость реального образованія и сочувствовали ему.

Въ особенности въ Вюртембергѣ, гдѣ старыя традиціи держались крѣпче, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи, значительная часть зажиточнаго и болѣе образованнаго населенія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно, по весьма разнообразнымъ побужденіямъ и причинамъ, желало для своихъ дѣтей реального образованія, неохотно отдавало ихъ въ реальныя училища, считая, что заведенія эти, за отсутствіемъ въ нихъ преподаванія латинскаго языка, не могли давать достаточнаго общаго образованія, а потому многіе сперва помѣщали дѣтей въ латинскія школы и только по окончаніи ея, или же по окончаніи младшихъ классовъ гимназій, то-есть, послѣ 5—6 лѣтъ ученія, считая, что латинскій языкъ достаточно усвоенъ, переводили ихъ въ старшіе классы реальныхъ училищъ. Реальныя же училища весьма дорожили такими учениками, считая ихъ лучшимъ контингентомъ учащихся, и всячески облегчали имъ переходъ изъ латинской школы, устраивая для нихъ

дополнительные уроки по предметамъ, по которымъ они отстали отъ своихъ товарищей реалистовъ, и т. п.

Съ другой стороны въ вюртембергскихъ гимназіяхъ съ давняго времени дѣйствовалъ порядокъ (не допускавшійся въ остальной Германіи и упраздненный въ Вюртембергѣ только послѣ 1870 года подъ вліяніемъ Пруссіи), въ силу коего ученики по желанію имѣли право уклоняться отъ изученія греческаго языка и посвящать освобождавшееся такимъ образомъ время на дополнительные занятія новыми языками (преимущественно французскимъ) и математикою, при чемъ, въ случаѣ накопленія достаточнаго числа такихъ учениковъ, для нихъ въ самой гимназіи устраивались дополнительные уроки по вышеуказаннымъ предметамъ.

Въ Штутгартѣ, въ виду многочисленности гимназій, уже давно вошло въ обычай выдѣлять учениковъ, не занимавшихся греческимъ языкомъ, въ особые параллельные классы, и такимъ образомъ въ самой гимназіи образовалось особое отдѣленіе, въ которомъ изучался одинъ латинскій языкъ, и въ старшихъ классахъ коего преобладаніе получала математика.

Ученики, не изучавшіе въ гимназіи греческаго языка, подвергались наравнѣ съ полными классиками испытанію зрѣлости, съ тою только разницею, что они должны были выдержать экзаменъ изъ французскаго языка вмѣсто греческаго и сдавали, сверхъ того, дополнительное испытаніе изъ математики.

До послѣдняго времени въ Вюртембергѣ испытаніе зрѣлости не производилось въ самыхъ гимназіяхъ, а ученики всѣхъ гимназій стекались въ Штутгартъ, гдѣ и подвергались экзамену въ особой комиссіи, при чемъ ученикамъ, не обучавшимся греческому языку, производилось, какъ указано выше, испытаніе изъ французскаго языка и нѣкоторыхъ дополнительныхъ отдѣловъ математики. Аттестатъ зрѣлости, получавшійся этими учениками, давалъ имъ право на поступленіе въ *Politechnicum*, а равно въ университеты на камеральный и философскій факультеты, для изученія на послѣднемъ новыхъ языковъ, математики и естественныхъ наукъ. Сверхъ того, имъ открывался доступъ къ высшей административной службѣ и къ службѣ въ почтовомъ и лѣсномъ вѣдомствѣ.

Такимъ образомъ съ своей стороны въ реальныхъ училищахъ Вюртемберга находилось значительное число учениковъ, получившихъ первоначальное образованіе въ классическихъ учебныхъ заведеніяхъ и довольно основательно знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ, а съ дру-

гой стороны въ классическихъ гимназіяхъ было не мало учениковъ, обучавшихся тоже одному только древнему языку—латинскому, и получавшихъ взаи́мнѣ греческаго языка болѣе солидное математическое образованіе.

Въ виду подобнаго положенія дѣла и въ связи съ имѣвшимися уже примѣрами въ Висбаденѣ¹⁾, естественно возникла мысль объ образованіи особаго учебнаго заведенія, во всемъ подобнаго гимназіи, но удовлетворяющагося изученіемъ одного только латинскаго языка.

Существованіе въ Штутгартѣ полнаго (10 классовнаго) параллельнаго отдѣленія, въ которомъ обучались исключительно ученики, занимавшіеся только однимъ древнимъ языкомъ, облегчало дѣло, такъ какъ это отдѣленіе въ сущности составляло цѣлое особое учебное заведеніе, связанное съ гимназіею только помѣщеніемъ и въ административномъ отношеніи. Въ 1867 году рѣшено было вывести параллельные классы изъ Штутгартской классической гимназіи и образовать изъ нихъ особое самостоятельное учебное заведеніе, которое и получило наименованіе Штутгартской Королевской реальной гимназіи.

Душею этой гимназіи сталъ д-ръ Дильманъ, уже ранѣе руководившій параллельными реальными классами до официальнаго выдѣленія ихъ изъ классической гимназіи и посвятившій всю свою жизнь (онъ и понынѣ состоитъ директоромъ основанной имъ школы) на организацію и развитіе созданнаго имъ учебнаго заведенія.

Искренняя вѣра директора Дильмана въ предпринятое имъ дѣло,

¹⁾ Въ Висбаденѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи, выработался типъ *реальной гимназіи*, то-есть, реальнаго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ латинскаго языка, но при томъ такого заведенія, которое образовалось не изъ чисто реальной школы, въ которую постепенно вводился латинскій языкъ, какъ это было въ Пруссіи, а выдѣлившееся изъ классической гимназіи и не только сохранившее въ своемъ курсѣ преподаваніе латинскаго языка, но удержавшее и большую часть методовъ и приемовъ преподаванія классическихъ гимназій, и поэтому имѣющее большее право на названіе „гимназіи“, чѣмъ прусскія реальныя училища 1-го разряда. Въ этой реальной гимназіи не было трехъ младшихъ классовъ, а принимались ученики, прошедшіе курсъ этихъ классовъ въ классической гимназіи. Затѣмъ и въ старшихъ классахъ преподаваніе по методамъ и приемамъ сохраняло гимназическій характеръ. Повидимому, организація этого учебнаго заведенія, а отчасти и организація баварскихъ реальныхъ гимназій, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, имѣли нѣкоторое вліяніе на устройство реальной гимназіи въ Штутгартѣ. Висбаденская реальная гимназія была учреждена въ 1844 году, затѣмъ послѣ присоединенія Наасау къ Пруссіи гимназія эта была преобразована въ реальное училище 1-го разряда. (*Dillmann. Das Realgymnasium*, p. 16; *Wiener*, B. II, p. 467.

блестящія его педагогическія способности и неутомимая его дѣятельность быстро доставили Штутгартской реальной гимназій общую извѣстность и привлекли къ ней симпатіи общества. Въ настоящее время она представляетъ собою цвѣтущее учебное заведеніе, переполненное учащимися и недавно отпраздновавшее съ необычайною для Германіи пышностью 25-ти лѣтній юбилей своего основанія.

Основная мысль, руководившая д-ромъ Дильманомъ при учрежденіи Штутгартской реальной гимназій, заключается въ томъ, что она должна быть настоящею гимназіею, а отнюдь не реальнымъ училищемъ, въ виду чего онъ признаетъ большее сродство своей новой школы съ классическою гимназіею, чѣмъ съ прусскими реальными гимназіями, которыя онъ рѣзко порицаетъ за утилитарное ихъ направленіе и неправильное отношеніе къ лингвистическому образованію, которому Дильманъ придаетъ первенствующее значеніе, непоколебимо вѣруя при томъ, что въ основу его должно непременно быть положено самое тщательное и серьезное изученіе хотя бы одного древняго языка. Въ виду этого въ низшихъ и среднихъ классахъ онъ ставитъ латинскій языкъ на первый планъ и переноситъ центръ тяжести на математику только въ старшихъ классахъ. Отъ изученія греческаго языка, образовательное значеніе котораго Дильманъ, однако, вполне признаетъ, онъ отказывается только по необходимости, во-первыхъ, въ виду невозможности совмѣстить все въ одномъ заведеніи и, во-вторыхъ, изъ желанія дать болѣе широкое развитіе математикѣ въ старшихъ классахъ, что, по мнѣнію профессора Дильмана, и должно составлять одну изъ главныхъ задачъ реальной гимназій ¹⁾.

¹⁾ После нѣкоторыхъ незначительныхъ колебаній и видоизмѣненій Штутгартская реальная гимназія получила слѣдующій учебный планъ, рассчитанный, какъ и во всѣхъ Вюртембергскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на десятилѣтній курсъ.

Законъ Бо- жій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и Географія.	Математика	Физика и Химія.	Естественн.- нѣннѣ.	Рисованіе.	Числосис- паніе.
17	20½	91	28	11	22	62	10½	12½	25	9

Подробныя свѣдѣнія о въ высшей степени интересной Штутгартской реальной гимназій наши читатели могутъ найти въ неоднократно указанномъ нами сочиненіи д-ра Дильмана „Das Realgymnasium“ и въ отчетѣ за 25-ти лѣтнее существованіе этого заведенія, появившемся въ Штутгартѣ въ 1892 году.

Сильная концентрація преподаванія на латинскомъ языкѣ и на математикѣ съ развитіемъ въ связи съ послѣднею физики и естественныхъ наукъ—вотъ основная мысль, на которой Дильманъ построилъ учебный планъ созданной имъ реальной гимназіи, между тѣмъ какъ прусскія реальныя гимназіи въ сущности являлись, какъ мы видѣли, отрицаніемъ концентраціи вообще и включаютъ въ свой курсъ латинскій языкъ только въ видѣ компромисса со старымъ направленіемъ и ради расширенія своихъ правъ.

Штутгартская реальная гимназія представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ опытовъ сліянія классическаго и реального образованія. Постепенное и, такъ сказать, естественное ея возникновеніе и развитіе, независимое отъ постороннихъ давленій, прекрасная организація учебнаго дѣла и наконецъ въ высшей степени симпатичная личность замѣчательнаго по уму и образованію ея директора, искренне вѣрующаго въ правильность созданнаго имъ дѣла, все это подкупаетъ въ пользу Вюртембергской реальной гимназіи. Но, несмотря на то сочувствіе, которымъ мы прониклись при изученіи исторіи этого учебнаго заведенія и при личномъ знакомствѣ съ его директоромъ, мы не можемъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ сомнѣній относительно долговѣчности этого учрежденія. Мы вполне признаемъ достоинства Штутгартской реальной гимназіи и отдаемъ ей положительное преимущество передъ прусскими училищами 1-го разряда и передъ нынѣшними сѣверо-германскими реальными гимназіями. Мы далеки отъ мысли отрицать за школою д-ра Дильмана право на существованіе, такъ какъ она несомнѣнно выросла и при томъ безъ всякаго искусственнаго поощренія на почвѣ дѣйствительныхъ потребностей вюртембергскаго общества, но самыя потребности эти представляются намъ только преходящими, намъ кажется, что источникомъ ихъ является то обстоятельство, что значительная часть общества, поддерживающая эту школу, несмотря на вполне созрѣвшее сознаніе необходимости новаго рода образованія, не можетъ въ силу стародавнихъ привычекъ отказаться отъ прежнихъ традицій, а потому старается какъ нибудь помирять новыя потребности, съ старыми воззрѣніями, результатомъ чего и явился компромиссъ, получившій осуществленіе въ учрежденіи Штутгартской реальной гимназіи. Но компромиссъ этотъ на нашъ взглядъ едва ли можетъ обезпечить прочное существованіе школы. Характерный принципъ, отличающій Штутгартскую реальную гимназію отъ другихъ сходныхъ съ нею нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, а именно то первенствующее значеніе, ко-

торое дается изученію латинскаго языка, осуществляется въ сущности далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, который можно было бы ожидать. Результаты преподаванія латинскаго языка, несмотря на громадное число уроковъ и невзирая на превосходный составъ преподавателей, далеко не соответствуютъ, по нашему мнѣнію, затрачиваемому времени. Уже въ среднихъ классахъ замѣчается уменьшеніе вниманія и интереса учащихся къ изученію латинскаго языка, а въ старшихъ классахъ оно доходитъ до полного равнодушія и ученики забываютъ то, что раньше знали. Повидному, въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ тѣ же причины, какъ и въ прусскихъ реальныхъ гимназіяхъ: общій духъ и направленіе школы увлекаютъ учениковъ въ другую сторону, порождаютъ въ нихъ иной строй мыслей и отвращаютъ отъ лингвистическихъ занятій и отъ научно-литературныхъ, если можно такъ выразиться интересовъ (отъ интереса къ *études des lettres*, какъ выразились бы французы).

Въ старшихъ классахъ Штутгартской реальной гимназіи преобладающее значеніе надъ всѣми предметами получаетъ математика, которая со всякимъ дальнѣйшимъ годомъ ученія все больше и больше поглощаетъ силы и вниманіе учащихся и естественно ослабляетъ тѣмъ самымъ интересъ къ предметамъ, входящимъ въ кругъ гуманитарныхъ знаний. Такое настроеніе воспитанниковъ старшихъ классовъ неизбежно отзывается на младшихъ (въ особенности на ученикахъ средняго возраста, которые во всякой школѣ стремятся подражать и походить на старшихъ). Этимъ путемъ складывается общій характеръ учебнаго заведенія,—характеръ, который настолько неблагоприятенъ занятіямъ гуманитарными предметами, а въ особенности изученію латинскаго языка, что имъ почти что уничтожается польза, которую изученіе это могло бы принести.

Не считая себя достаточно компетентными для разрѣшенія вопроса о будущности Штутгартской реальной гимназіи, которая, повторяемъ, имѣетъ большія достоинства, намъ невольно думается, однако, что наступитъ время, когда тѣ, которые желаютъ давать своимъ дѣтямъ реальное образованіе, отдадутъ предпочтеніе чисто реальному училищу, а сторонники гуманитарнаго образованія будутъ продолжать, какъ и нынѣ, посылать своихъ дѣтей въ классическія гимназіи. □□

Чтобы закончить предпринятый нами очеркъ развитія реального образованія въ Германіи, намъ остается еще только коснуться исторіи реальныхъ учебныхъ заведеній въ Баваріи.

Нигдѣ въ Германіи реальное образованіе не подвергалось столькимъ колебаніямъ, какъ въ этомъ государствѣ. Здѣсь еще въ 1774 году были организованы реальныя училища, двухлѣтній курсъ которыхъ служилъ продолженіемъ и дополненіемъ начальныхъ училищъ. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ нихъ было допущено преподаваніе новыхъ языковъ, а въ 1804 году была сдѣлана попытка ввести въ нихъ и преподаваніе латинскаго языка. Но уже въ 1809 г. реальныя училища подверглись коренному преобразованію и были превращены въ чисто реальныя учебныя заведенія (вовсе безъ преподаванія древнихъ языковъ) съ семилѣтнимъ курсомъ. Эти новыя училища распались на два отдѣленія, изъ которыхъ младшее (съ 3-хъ-лѣтнимъ курсомъ) носило названіе „реальной школы“, а старшее (съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ) именовалось „реальнымъ институтомъ“, который давалъ право поступать не только въ высшія спеціальныя заведенія, но и на нѣкоторыя факультеты университета. Но вскорѣ было признано, что подготовка, даваемая реальными институтами, недостаточна, а потому послѣднее изъ выше указанныхъ правъ было отнято у нихъ, а вслѣдъ затѣмъ и самыя институты были упразднены, реальныя же школы были преобразованы въ бюргерскія училища съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Это преобразование оказалось, однако, тоже неудачнымъ и вызвало ропотъ въ особенности въ большихъ городахъ, что повело къ ряду попытокъ разными частичными улучшеніями удовлетворить общественныя требованія, но затѣмъ въ 1838 году бюргерскія училища были въ свою очередь вовсе упразднены и замѣнены промышленными училищами. Такимъ образомъ баварское правительство вступило на совершенно новую дорогу, стремясь путемъ организаціи профессиональныхъ учебныхъ заведеній удовлетворить потребности въ реальномъ образованіи. Въ общемъ организація промышленныхъ училищъ была слѣдующая: приемъ въ нихъ допускался не ранѣе 12-лѣтняго возраста и производился по экзамену, при чемъ главнымъ образомъ требовалось основательное, хотя, разумѣется, элементарное, знаніе нѣмецкаго языка и ариметики, но, кромѣ того, принимались безъ испытанія ученики старшаго возраста, прошедшіе курсъ латинской школы. Курсъ промышленныхъ училищъ былъ 3-хъ-лѣтній и имѣлъ цѣлью непосредственно приготовить къ разнымъ техническимъ спеціальностямъ, какъ-то: строительному искусству, горному, фабричному и лѣсному дѣлу, къ сельскому хозяйству и къ купеческимъ занятіямъ; кромѣ того, окончаніе курса промышленнаго училища да-

вало право на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Училища эти дѣлились на двѣ главныя группы, на сельско-хозяйственныя и на собственно техническія. Первоначально обученіе въ промышленныхъ училищахъ было сосредоточено почти исключительно на изученіи точныхъ наукъ, но по мѣрѣ того, какъ всѣ отрасли техники и промышленности стали требовать болѣе высокаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкой общеобразовательной подготовки, направленіе этихъ училищъ въ учебномъ отношеніи измѣнилось, и преподаваніе языковъ, исторіи, географіи и т. п. было значительно расширено, что имѣло, однако, своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное обремененіе учащихся, а потому навело на мысль о необходимости не только продлить курсъ ученія въ промышленныхъ училищахъ, но и совершенно измѣнить всю постановку реального образованія.

Прежде всего обращала на себя вниманіе совершенная непригодность подготовки, даваемой промышленными училищами для продолженія образованія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ виду чего, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ приспособить къ ихъ требованіямъ курсъ промышленныхъ училищъ, въ 1864 г. были учреждены особыя реальныя учебныя заведенія, получившія названія реальныхъ гимназій, и предназначенныя главнымъ образомъ служить подготовительными школами для высшаго спеціальнаго образованія.

Реальныя гимназіи эти состояли изъ четырехъ классовъ, примыкавшихъ къ законченному курсу латинскихъ школъ, которыя, какъ, вѣроятно, помнятъ наши читатели, составляли въ Баваріи низшее пятиклассное отдѣленіе классическихъ гимназій. Такимъ образомъ была сдѣлана попытка примѣнить систему бифуркаціи и создать въ видѣ продолженія латинской школы реальное отдѣленіе, рядомъ съ уже существующимъ классическимъ. При этомъ въ виду того, что поступленію въ реальную гимназію предшествовало уже довольно продолжительное обученіе въ общеобразовательной гуманитарной школѣ, было признано возможнымъ сосредоточить курсъ вновь учреждаемыхъ реальныхъ гимназій преимущественно на математикѣ и на графическихъ искусствахъ, преподаваніе же языковъ (роднаго, французскаго и англійскаго) было доведено до минимума, а равнымъ образомъ было поставлено неудовлетворительно и изученіе физики, химіи и естественныхъ наукъ, такъ какъ преподаваніе cadaго изъ этихъ пред-

метовъ было ограничено однимъ годомъ ¹⁾). Независимо отъ такой совершенно неудовлетворительной постановки преподаванія почти всѣхъ предметовъ, реальныя гимназіи 1864 года страдали еще тѣмъ серьезнымъ недостаткомъ, что, требуя предварительнаго прохожденія полнаго курса латинской школы, онѣ принимали учениковъ, которые уже затратили довольно значительное время на изученіе элементовъ греческаго языка, каковая затрата являлась совершенно непродуцительною, такъ какъ преподаваніе этого предмета не продолжалось въ реальной гимназіи; съ другой стороны занятія латинскимъ языкомъ не могли принести въ реальной гимназіи желательной пользы, такъ какъ число уроковъ было такъ ничтожно, что преподаваніе этого предмета утрачивало всякое значеніе ²⁾). Совершенная непригодность учебнаго плана 1864 г. и неудовлетворительность общеобразовательной подготовки, которую давали учрежденныя въ этомъ году такъ называемыя реальныя гимназіи, дали себя почувствовать очень скоро. Учебныя заведенія эти оказались несоотвѣтствующими ни потребностямъ практической жизни, ни требованіямъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ виду чего въ 1874 году они подверглись коренному преобразованію и были превращены изъ четырехъ—въ шестилѣтнія школы, примыкавшія уже не къ окончанію латинской школы, а къ первымъ ея тремъ классамъ, въ которыхъ преподаваніе греческаго языка еще не начиналось. Эта новая организація реальныхъ гимназій дала возможность правильнѣе распредѣлить учебный матеріалъ по

¹⁾ Учебный планъ 4-хъ классовыхъ Баварскихъ реальныхъ гимназій представлялся въ 1864 г. въ слѣдующемъ видѣ:

Заковъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и географія.	Математика	Физика.	Химія.	Естественныя дѣнія.	Рисованіе и черченіе.
8	7 а)	14 б)	13 в)	4 д)	9	27	5	5	4	24

а) Въ старшемъ (4-мъ) классѣ преподаванія роднаго языка вовсе не было.

б) Въ 1-мъ классѣ 4.

в) Въ 1-мъ и 2-мъ классѣ по 4 урока, въ 3-мъ—3, а въ старшемъ 2 урока.

д) Въ одномъ старшемъ классѣ.

Физика преподавалась въ 3-мъ, химія въ 4-мъ, а естественныя дѣнія во 2-мъ классѣ.

²⁾ Вообще нельзя не признать, что самое наименованіе баварскихъ училищъ, основанныхъ въ 1864 году, „гимназіями“ совершенно не соотвѣтствовало общепринятому значенію этого термина.

классамъ, усилить преподаваніе языковъ, какъ новыхъ (въ особенности англійскаго), такъ и латинскаго, а равно значительно расширить преподаваніе исторіи и географіи.

Вообще отличительною чертою реформы 1874 года явилось стремленіе дать всѣмъ гуманитарнымъ элементамъ образованія значительно большее развитіе и тѣмъ самымъ совершенно измѣнить характеръ баварскихъ реальныхъ гимназій. Особенно ярко новое направленіе выступаетъ въ опредѣленіи тѣхъ требованій, которыя стали предъявляться относительно преподаванія латинскаго языка. „Преподаваніе латинскаго языка должно производиться въ реальныхъ „гимназіяхъ“, говорится въ § 7 Положенія 1874 года, съ тою же постепенностью и преслѣдовать въ общемъ ту же цѣль, какъ и въ гуманитарическихъ гимназіяхъ. Ученики должны не только знакомиться путемъ чтенія съ выдающимися классическими латинскими писателями, но независимо отъ сего должны пріобрѣтать твердыя грамматическія познанія и умѣніе писать по-латыни“!

Затѣмъ, хотя главною задачею реальныхъ гимназій попрежнему осталось приготовленіе къ высшимъ специальнымъ заведеніямъ, но, тѣмъ не менѣе, весь характеръ преподаванія, по приемамъ и методамъ, принялъ гуманитарное, то-есть, гимназическое направленіе, и во всемъ стало проявляться стремленіе обратить реальныхъ гимназій въ заведенія, по возможности сходныя съ классическими гимназіями только безъ преподаванія греческаго языка¹⁾.

Такимъ образомъ послѣ 1874 г. типъ баварскихъ реальныхъ гимназій сталъ значительно ближе подходить къ типу Штутгартской

¹⁾ Учебный планъ баварскихъ реальныхъ гимназій, со включеніемъ въ него трехъ младшихъ классовъ латинской школы, къ которымъ курсъ этихъ гимназій примыкаетъ, представлялся по положенію 1874 г. въ слѣдующемъ видѣ:

Законъ Божій.	Нѣмецкій языкъ.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Физика.	Естественныя науки.	Химія.	Исторія.	Географія.	Числительное.	Черченіе и рисованіе.	Математика.
18	26	66	20	13	6	4	5	16	10	8	24 *)	42

^{*)} 24 урока черченія, которые въ 1864 г. были сосредоточены въ четырехъ классахъ, были распределены въ 1874 г. между шестью классами реальныхъ гимназій.

реальной гимназіи, о которой мы говорили выше, чѣмъ къ прусскимъ заведеніямъ той же категоріи.

Уроки же латинскаго языка получили слѣдующее распредѣленіе по классамъ:

Классы латинской школы.			Классы реальной гимназіи.					
1	2	3	I	II	III	IV	V	VI
7 урок.	10	10	8	8	6	6	6	5 урок.

Въ то время, какъ въ Пруссіи реальныя гимназіи, несмотря на включеніе въ ихъ курсъ латинскаго языка, въ сущности остались по своимъ стремленіямъ и по характеру преподаванія отдѣльныхъ предметовъ реальными училищами, сближающими свой курсъ съ гимназическимъ только подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и ради расширенія правъ, на югѣ Германіи реальныя гимназіи, выдѣляясь изъ классическихъ гимназій или непосредственно примыкая къ нимъ, стремятся сохранить въ преподаваніи и во всѣхъ своихъ приемахъ гуманитарный характеръ. Въ Пруссіи реальныя гимназіи, противопоставляясь классическимъ, являются не только ихъ конкуррентами, но и антагонистами, на югѣ же Германіи эти два типа учебныхъ заведеній сохраняютъ между собою внутреннюю связь („Sie behalten“, какъ говорятъ нѣмцы, „miteinander Fühlung“) и мирно уживаются между собою.

Что касается до чисто реального образованія, то дальнѣйшее развитіе устройствомъ въ 1877 году (особыхъ отъ промышленныхъ школъ) шестиклассныхъ реальныхъ училищъ, курсъ конихъ очень близко подходитъ къ курсу прусскихъ бюргерскихъ школъ и къ программамъ шести классовъ высшихъ прусскихъ реальныхъ училищъ, въ томъ видѣ, какъ эти учебныя заведенія были окончательно организованы по положенію 1882 года ¹⁾.

Различіе между баварскими шестиклассными училищами и соотвѣствующими прусскими учебными заведеніями заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ первыхъ посвящается менѣе времени на

¹⁾ Въ настоящее время въ Баваріи поднятъ вопросъ о преобразованіи этихъ училищъ, и, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ по самому предмету периодическою печатью, правительство имѣетъ въ виду тѣснѣе связать ихъ съ высшими техническими училищами.

изученіе новыхъ языковъ и естественныхъ наукъ, курсъ же математики, а въ особенности преподаваніе графическихкихъ искусствъ, значительно усиленъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что чисто реальное образованіе достигло въ Баваріи меньшей степени развитія, чѣмъ гдѣ либо въ Германіи, что объясняется, намъ кажется, главнымъ образомъ тѣмъ консерватизмомъ въ области воспитанія, которымъ отличаются баварцы, несмотря на склонность правительства ко всякаго рода экспериментамъ въ области школьнаго дѣла. Классическая гимназія, съ тѣми особенностями, которыя отличаютъ ее отъ такихъ же учебныхъ заведеній остальной Германіи, всегда была особенно дорога баварцамъ, которые, крѣпко держась ея, не склонны увлекаться новыми системами образованія и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства заставляютъ признать необходимость учрежденія новыхъ типовъ школъ, они относятся къ нимъ съ тѣмъ большею симпатіею, чѣмъ ближе онѣ подходятъ къ образцу старыхъ заведеній. Этимъ объясняется тотъ успѣхъ, который имѣли въ Баваріи реальныя гимназіи въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ были организованы въ 1874 году.

Заканчивая этимъ очеркъ развитія реального образованія, какъ оно сложилось до восьмидесятыхъ годовъ, мы посвятимъ слѣдующую нашу статью разсмотрѣнію общаго положенія школьнаго вопроса и вообще школьнаго дѣла въ Германіи за послѣднія 15—16 лѣтъ.

Графъ Павелъ Кашинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЯ ПРОМЫШЛЕННЫЯ И ТОРГОВЫЯ КОМПАНИИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА ¹⁾.

IV.

Компанейскія предпріятія въ первой половинѣ XVIII вѣка ²⁾.

Материалы, которыми мы располагаемъ по исторіи компаній въ первой половинѣ XVIII столѣтіи, даютъ намъ возможность нѣсколько выяснитъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ капиталистическая эксплуатація сказалась въ компанейскихъ предпріятіяхъ, а также насколько она зависѣла отъ ихъ характерныхъ особенностей.

Опредѣленіе стоимости компанейскаго производства къ сожалѣнію, сопряжено съ слишкомъ большими затрудненіями для того, чтобы возможно было въ настоящее время прійти къ какимъ-либо общимъ и достаточно прочнымъ заключеніямъ. Поэтому и распределеніе доходовъ между компаніей и ея рабочими остается неизвѣстнымъ: мы имѣемъ свѣдѣнія не о прибыли предпринимателей компанейщиковъ, которая, разумѣется, могла достигать значительныхъ размѣровъ, а только о долѣ наемнаго труда. Положеніе его находилось въ прямой зависимости отъ условій общественнаго быта того времени ³⁾.

¹⁾ *Окончаніе*. См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1898 годъ.

²⁾ Въ виду того, что о многихъ проявленіяхъ хозяйственной дѣятельности компаній мы почти никакъ систематическихъ свѣдѣній не имѣемъ (ср. слѣд. прим.), въ предстоящей главѣ намъ пришлось ограничиться изученіемъ только тѣхъ отношеній, въ какихъ онѣ стояли къ производительнымъ классамъ русскаго общества въ первой половинѣ XVIII вѣка съ той точки зрѣнія, какая указана въ текстѣ.

³⁾ Прибыль предпринимателя, къ сожалѣнію, трудно опредѣлѣть по извѣстному до сихъ поръ матеріалу; только относительно горныхъ заводовъ встрѣчаются, на-

Отношенія компаній къ рабочимъ складывались, конечно, или на почвѣ крѣпостнаго права или путемъ договора вольнаго найма.

Не мѣшаетъ замѣтить, что правительство, само стоявшее во главѣ всякаго рода промышленныхъ предпріятій, стало первоначально приписывать крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые затѣмъ и передавало въ такомъ видѣ частнымъ лицамъ. Эта передача казенныхъ заводовъ съ приписанными къ нимъ государственными крестьянами въ руки „содержателей“, которые въ качествѣ таковыхъ продолжали владѣть и крестьянами, едва ли не играла роль переходнаго момента отъ владѣнія казною приписными заводскими государственными крестьянами къ владѣнію частнымъ заводчикомъ или фабрикантомъ прикрѣпленнымъ къ его заводу или фабрикѣ рабочимъ людомъ ¹⁾. Лишь этимъ путемъ, какъ намъ кажется, возможно естественно разъяснить и появленіе знаменитаго указа 18-го января

примѣръ, указанія на то, что эта прибыль въ 1738 г. могла достигать 76,58% (В. Розкошъ, *op. cit.*, стр. 104; ср. стр. 117). Въ самыхъ раннихъ извѣстіяхъ мануфактуръ-коллегіи иногда указаны издержки производителей, сопряженныхъ съ основаніемъ данной фабрики, а также послѣдующіе вклады членовъ компаній въ предпріятіе, но нѣтъ свѣдѣній о стоимости производства (за исключеніемъ маемной платы) (см. приложение); въ тѣхъ же документахъ нѣрѣдка означены и его размѣры; сдѣлана его оцѣнка; нѣтъ возможности, однако, на основаніи этихъ свѣдѣній выяснить не только какова продажная цѣна товаровъ, но и сколько въ действительности было продано, что въ виду вышеуказанныхъ условій сбыта становится вопросомъ далеко не вразумимъ. Можно было бы, пожалуй, обратиться съ этою цѣлью къ изученію книгъ таможенныхъ сборовъ, (а также кабацкихъ и съ продажи соли), сохранившихся въ дѣлахъ камеръ-коллегіи (Памятная книжка моск. арх. мин. юстиц., М. 1890 г., стр. 68), если только въ этихъ матеріалахъ есть достаточно подробныя записи о вѣзанныхъ пошлинахъ съ оборотовъ крупныхъ компанейщиковъ; но такая работа, вѣроятно, потребовала бы долговременныхъ изслѣдованій прежде чѣмъ привести къ какимъ-либо выводамъ о прибыли предпринимателей, тѣмъ болѣе что этотъ матеріалъ остается до сихъ поръ не изданнымъ.

¹⁾ Такъ наприѣръ „въ 1734 году апрѣля 2-го дня по привилегіи за подписаніемъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти вел. государыни императрицы Анны Иоанновны собственныя руки пожалована отписная Бѣлгородской губерціи Сѣвской провинціи въ Путивльскомъ уѣздѣ сумонная фабрика въ содержаніе Ивану Полуярославцеву съ принадлежащими къ ней деревнями съ людьми и со крестьянами съ землями и со всѣми угодьями, купленными прежнимъ содержателемъ Иваномъ Дубровскимъ и съ приписными къ той фабрикѣ отъ генерала-маіора Корчинна, не исключая изъ того ничего: со всякими заводскими дворовыми хороними и мельничными строеніемъ и инструментами и посудомъ по описанью управителей въ вѣчное и потомственное владѣніе, покаместъ онъ станетъ содержать въ добромъ состояніи“ (Г. А., XIX, 377: Переписка по мануфактуръ-коллегіи 1719—1733 гг.).

1721 г., надѣлявшаго „купецкихъ людей“ (а въ томъ числѣ и компаніи) правомъ покупать къ заводамъ и фабрикамъ населенныя деревни „подъ такою кондиціей, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“¹⁾). Слѣдуетъ, при этомъ, отмѣтить еще одно явленіе, аналогичное съ вышеуказаннымъ: казенныя фабрики попадали въ частное содержаніе нерѣдко вмѣстѣ съ фабричными мастеравыми. Такъ напримѣръ, въ 1711 и 1720 гг. компаніи Турчанинова и Цымбальщикова, а также Щеголина получили отъ казны заводы вмѣстѣ съ мастеравыми, не говоря о такихъ же льготахъ едиличнымъ предпринимателямъ²⁾). А между тѣмъ въ этомъ явленіи, можетъ быть, уже таились зародыши перенесенія крѣпостническихъ отношеній съ собственно прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ на такія лица, которыя первоначально могли стоять и внѣ ихъ дѣйствія. Во всякомъ случаѣ тенденція подобнаго рода уже довольно ясно сказалась въ прошеніи, поданномъ крупнѣйшими фабрикантами того времени, между прочимъ и компаніями Щеголина, Микляевой и Тамеса, въ 1736 г. Согласно ихъ челобитной вышелъ указъ, въ силу котораго всѣ мастеравыя, находившіеся во время его изданія на фабрикахъ и обученные мастерству, должны были вѣчно со всѣми своими семействами оставаться на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. За тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали дворцовому и синодальному вѣдомствамъ или казнѣ, фабриканты обязаны были заплатить прежнимъ владѣльцамъ, а мастеравыя, оказавшіеся безъ владѣльцевъ, отданы были фабрикантамъ безвозмездно³⁾). Эти мѣропріятія были согласны съ образомъ мыслей даже образованныхъ людей того времени, напримѣръ, В. Татищева, который также считалъ желательнымъ приписывать крестьянъ къ заводамъ, предоставляя ихъ въ полную власть компаніямъ, и да-

¹⁾ Кромѣ известнаго случая, приводимаго И. Кильбургеромъ (*I. Kiltburger, Kurzer Unterricht etc.*), можно указать еще на приписку нѣсколькихъ крестьянскихъ селеній къ Невьянскому заводу въ 1702 г., какъ случаи, предшествовавшіе указу 1721 г. II. С. 3., т. V, № 3711.

²⁾ II. С. 3., т. IV, № 2324; т. VI, № 3526; Ср. *М. Тузанъ-Барановскій*, *Op. cit.*, стр. 17—18. Де-Генинъ, въ своемъ доношеніи отъ 29-го марта 1731 г., предлагалъ при отдачи горныхъ заводовъ въ руки частныхъ лицъ на время оставить заводскихъ мастеровъ на заводахъ, до тѣхъ поръ, пока компанейщики не научатъ своихъ людей. Въ томъ же смыслѣ высказался и В. Татищевъ. (*В. Рожковъ*, *Op. cit.*, стр. 14 и 67). Возможно, что правительство имѣло иногда въ виду лишь „временную отдачу“, которую затѣмъ при обстоятельствахъ, благоприятныхъ для компанейщиковъ, имъ не трудно было препратить и въ вѣчную.

³⁾ II. С. 3., т. IX, № 6858 (указъ 1736 г. января 7-го), п. 14.

вать „лиъ мастеровыхъ, при чемъ за русскихъ учебныхъ денегъ не требовать“ ¹⁾). При такихъ условіяхъ въ числѣ мастеровыхъ, вѣчно прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ, могли очутиться даже вольные люди; и дѣйствительно случаи подобнаго рода бывали, въ чемъ убѣждаетъ любопытное дѣло посадскаго человѣка г. Валахны Г. Половинкина, попавшаго въ число „вѣчно отданныхъ“ мастеровыхъ ²⁾). Въ силу того же указа право наказывать своихъ рабочихъ распространено было и на мастеровыхъ. Такимъ образомъ, процессъ развитія крѣпостническихъ отношеній между компаніями и рабочими не трудно наѣти въ общихъ чертахъ, не прибѣгая къ голому перечисленію указовъ, утвердившихъ за ними право владѣть крѣпостными. Явленіе, аналогичное съ вышеприведеннымъ, можно усматривать въ извѣстномъ указѣ 1722 года, въ силу котораго на всѣ торговыя суда велѣно было давать „пятого человѣка матросовъ изъ новыхъ“; торговыя люди должны были содержать ихъ на своемъ иждивеніи.

На ряду съ крѣпостнымъ трудомъ въ разсматриваемый нами періодъ времени начиналъ развиваться и вольнонаемный. Едва ли въ этомъ отношеніи инициатива самихъ предпринимателей могла имѣть особенно важное значеніе: слишкомъ ужъ часто сами они жаловались на недостатокъ свободныхъ рукъ, который препятствовалъ развитію производства ³⁾ и слишкомъ настойчиво хлопотали о надѣленіи ихъ правомъ владѣть крѣпостными. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1760-хъ годовъ въ комиссію о коммерціи купечество разныхъ городовъ подало представленія между прочимъ и о томъ, чтобы ему владѣть крѣпостными; просьбы подобнаго рода послышались отъ жителей Костромы, Коломны, Переяславля Рязанскаго, Тулы, Твери, Новгорода, Нового Торжка, Торопца и Каргополя, Вологды, Сибирска и Царевококшайска, а также Вязмы ⁴⁾. Нѣсколько позднѣе, большинство депутатовъ отъ купечества повторило тѣ же самыя заявленія и въ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія 1767 — 1774 гг. Они жаловались на то, что очень трудно разыскать „охочихъ“ вольнонаемныхъ людей, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ и въ лѣт-

¹⁾ В. Розкопъ, *Op. cit.*, стр. 67.

²⁾ М. Туланъ-Бараноскій, *Op. cit.*, стр. 22 — 23. Впрочемъ, купцы иногда укрывались такимъ образомъ отъ рекрутской повинности; противъ этого обичая были направлены указы 1768 и 1769 годовъ.

³⁾ С. Соловьевъ, *И. Р.*, XXI, 8, 801.

⁴⁾ А. Д. Т. С., Дѣло комиссіи о коммерціи, тягостяхъ и требованіяхъ купечества, № 441, 1764 г.

нее время, когда сельскіе жители заняты полевыми работами; при этомъ „по указамъ безъ дозволенія самихъ помѣщиковъ никакимъ обязательствомъ, то-есть крѣпостями и контрактами крестьянъ обязывать не велѣно, а помѣщики ихъ находятся въ дальнѣйшихъ мѣстахъ“. Первое изъ этихъ обстоятельствъ (малочисленность свободныхъ для найма рабочихъ), по увѣреніямъ купцовъ, сильно возвышало цѣны на трудъ, а второе (отсутствіе прочно гарантированныхъ „обязательствъ“ между предпринимателемъ и рабочими) давало возможность „наемнымъ работникамъ и бабамъ столько своимъ хозяевамъ служить, сколько они захотятъ, и дѣлать то, что имъ угодно; а въ противномъ случаѣ оставлять всю работу и хозяйской домъ, не доживъ по найму своего срока и забравъ у хозяевъ напередъ деньги“, ибо такіе рабочіе рѣдко проживали спокойно годъ или два на мѣстѣ. Депутаты отъ купечества указывали также на то, что и въ теченіе пребыванія своего на работѣ, вольнонаемные будто бы не отличались ни исполнительностью, ни послушаніемъ и часто обнаруживали „своевольство“, а въ случаѣ притѣсненій со стороны хозяевъ бѣгали отъ нихъ, унося съ собою краденое добро. Купцы, лишенные такимъ образомъ „вѣрныхъ людей“, на которыхъ можно было бы положиться въ торговомъ дѣлѣ, заявляли, наконецъ, что и „сатисфакціи“ относительно этихъ бѣглецовъ „какъ черезъ владѣльцевъ наймывающихся работниковъ и работницъ, такъ и черезъ канцелярскую команду отыскивать не только не способны, но и совсѣмъ не могутъ, ибо владѣльцы какъ въ собственномъ собою разбирательствѣ, кольми же паче въ гражданскомъ навсегда сторону пріемлютъ защищать своего подвластнаго и приумножать приказнымъ теченіемъ слѣдствія дальнее продолженіе, предпочитая отъ крестьянина своего хотя самое недѣльное и затѣйное какое-либо объявленіе — всякой справедливости; а купечеству за приказными дѣлами первое по необычности, ходить отнюдь и никакъ не возможно; а второе, если въ приказное вступить дѣло, то принужденъ оставить все купечество и промыслы, отъ чего долженъ не иного ожидать жребія какъ всеконечнаго разоренія и самой бѣдности“; поэтому купцы, „хотя отъ таковыхъ работниковъ и работницъ и крайній претерпѣваютъ убытокъ, но, желая остаться въ купечествѣ и домовой экономіи безъ помѣшательства свободнымъ[и?], оставляютъ свои претензіи безъ пробы и челобитья“, нанимая взамѣнъ бѣглыхъ другихъ рабочихъ за „самую высокую рядную цѣну“¹⁾. Не

¹⁾ Сбор. Русск. Ист. Общ., т. VIII, стр. 40, 77, 85, 94, 99, 100 и 115; т.

смотря на всё эти жалобы купцовъ⁴ на промедленія выдѣлкою товаровъ и великую остановку, а также на напрасные многіе убытки въ передачахъ цѣвъ, принимаемыхъ вольнымъ наймомъ, чѣмъ они вовсе лишались купецкой коммерціи⁵, правительство придерживалось иного взгляда: и въ „генеральномъ указѣ о всѣхъ фабрикахъ“ 1736 г. и въ цѣломъ рядѣ частныхъ грамотъ, которыя выдавались разнымъ лицамъ на *заведеніе* фабрикъ оно не разъ наставляло на томъ, чтобы предприниматель пользовался вольнонаемнымъ трудомъ. Изъ известныхъ намъ 12 случаевъ подобнаго рода между 1720 — 1744 гг. два относятся и къ компанейскимъ предпріятіямъ. Такъ напримѣръ, 11-го марта 1735 г. московскимъ купецкимъ людямъ Григорію Ероѣеву вмѣстѣ съ нѣсколькими другими (всего 5 человекъ) разрѣшено было „завести“ кожевенную фабрику съ тѣмъ, однако, чтобы въ мастерские и работные люди принимать вольныхъ, а не крѣпостныхъ. Нѣсколько позднеѣ, въ 1740 іюля 14-го правительство дозволило московскимъ купцамъ М. Хилкову и К^о основать сургучную фабрику при соблюденіи тѣхъ же условій¹⁾. Такъ какъ означенныя фабрики „заводились“, а владѣльцы ихъ по своему состоянію не имѣли права владѣть крѣпостными, то и правительственныя настоянія этого рода, очевидно, направлены были къ развитію вольнонаемнаго труда. Такимъ образомъ известный указъ 1762 г. марта 29-го о томъ, чтобы фабрикамъ „довольствоваться вольными наемными по

ХСІІІ, стр. 86, 98, 186, 155, 160, 168, 173, 182, 200, 217, 229, 235, 242, 248, 263, 290, 306, 318, 332, 343, 358, 363, 378, 382, 389, 394, 410, 422, 430, 455, 473, 486, 502, 508, 515, 521, 531, 536, 565 и 573.

¹⁾ П. С. З., т. ІХ, № 6858. Г. А., ХІХ, 377: Переписка по мануфактурь-коллегіи 1719 — 1783 гг., ч. І. Приводимъ остальные десять примѣровъ, взятые изъ той же вѣдомости и касающіеся единоличныхъ предпріятій. Разрѣшенія подобныя вышеприведеннымъ въ текстѣ были выданы: въ 1720 г. марта 10-го И. Тамесу (о наймѣ изъ русскихъ людей свободныхъ лицъ въ мастерские и ученики); въ 1731 г. сентября 25-го московскому купцу О. С. Пестерову; въ 1735 г. мая 29-го — московскому купцу П. Васильеву; 1735 г. сентября 30-го угличскому купцу М. Переславцеву съ дѣтми; 1738 г. марта 13-го московскому купцу И. Петрову; 1738 г. декабря 14-го — тульскимъ содержателямъ М. Мосолову съ братьями; 1739 г. апрѣля 10-го московскому купцу П. Цывлинну; 1743 г. февраля 7-го — московскому купцу М. Евреиннову; 1743 г. октября 27-го — А. Семенову (мѣстность не указана); 1744 г. марта 10-го — московскому (?) сержанту оружейной палаты Е. Мощенинову. Другіе указы въ пользу употребленія вольнонаемнаго труда на фабрикахъ см. въ П. С. З., т. ХІІ, № 9954; т. ХІV, № 10709, т. ХV, № 11087; ср. В. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 106.

паспортамъ за договорную плату людьми¹⁾, имѣеть свою исторію. Результаты этого указа уже обозначились, повидимому, въ 1768 — 1765 гг., когда составлена была вѣдомость, въ которой упомянуты слѣдующія фабрики, довольствовавшіяся исключительно вольнонаемнымъ трудомъ:

Родъ фабрикъ.	Число фабрикъ.	Число вольныхъ наемныхъ рабочихъ.
Картная	6	22
„Трубы заливныхъ“	1	6
Шпалерная	1	20
Купоросная	3	18
Сафьянная ²⁾	1	3
Галантерейная	1	18
Мыльная ³⁾	1	8
Скипидарная	2	40 ⁴⁾ .

Такимъ образомъ лишь незначительное количество довольно бѣдныхъ фабрикъ пользовалось исключительно вольнонаемнымъ трудомъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, однако, что наше крупное производство XVIII столѣтія было въ сущности исключительно „крѣпостнымъ“, а не капиталистическимъ⁵⁾. По крайней мѣрѣ къ концу изучаемаго періода на ряду съ крѣпостными контингентами вольнонаемныхъ рабочихъ постепенно увеличился. Судя по даннымъ начала 1760-хъ годовъ рабочихъ и мастеровыхъ при всѣхъ фабрикахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ мануфактуръ-коллегіи, можно распредѣлить на слѣдующіе разряды:

Отданныхъ казенныхъ и приписныхъ по ревизіямъ	13.817 чел.
„ собственныхъ и купленныхъ	11.548 „
„ вольныхъ и наемныхъ	12.497 „
<hr/>	
Итого	37.862 чел. ⁶⁾ .

¹⁾ П. С. З., т. XIV, № 10285.

²⁾ Сафьянныхъ фабрикъ—2; на второй числится два рабочихъ изъ разряда „собственныхъ и купленныхъ“, и ни одного вольнонаемнаго.

³⁾ Мыльныхъ фабрикъ—2; но о другой нѣтъ свѣдѣній въ той вѣдомости, которую мы пользуемся.

⁴⁾ Г. А., XIX, 377: Переписка по мануфактуръ-коллегіи 1719—1788 гг. ч. II.

⁵⁾ М. Тузанъ-Барановскій, Op. cit., стр. 17, 22.

⁶⁾ Г. А., XIX, 377: Переписка по мануфактуръ-коллегіи 1719—1788 гг. ч. II.

Такимъ образомъ вольнонаемныхъ рабочихъ на большинствѣ частныхъ фабрикъ (а слѣдовательно и компанейскихъ) состояло вскорѣ послѣ изданія указа 1762 г. до 33% всего ихъ количества, величина, которую, очевидно, пренебрегать нельзя при характеристикѣ нашего производства этого времени.

Менѣе удовлетворительныя извѣстія имѣются у насъ по тому-же вопросу относительно купеческихъ предпріятій. Такъ какъ купцы не владѣвшіе фабриками, въ сущности, не могли имѣть крѣпостныхъ, то и главный контингентъ своихъ рабочихъ они должны были разыскивать въ другихъ слояхъ общества. Частные факты подтверждаютъ это предположеніе: въ Астрахани, напримѣръ, въ 1767 г. числилось 49 судовъ (въ томъ числѣ 11 судовъ купцы желали „вновь строить“) при чемъ изъ 681 „рабочихъ людей“, „употребляемыхъ“ на нихъ, оказалось всего 143 „покупныхъ дворовыхъ людей, російскихъ и вноземцовъ“¹⁾. Судя по такимъ примѣрамъ, можно думать, что торговля компаніи еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ фабрики, пользовалась услугами вольнонаемныхъ рабочихъ.

Изъ какихъ общественныхъ слоевъ набирали компанейщики этихъ людей, сказать довольно трудно, такъ какъ частныхъ свѣдѣній объ ихъ предпріятіяхъ (напримѣръ „рабочихъ“ книгъ), насколько намъ извѣстно, почти вовсе не сохранилось. На основаніи „росписи, какое число въ московской мануфактурѣ учениковъ и изъ какихъ чиновъ приняты и записаны въ приемной книгѣ“, можно, напримѣръ, составить слѣдующую таблицу, дающую понятіе о томъ, какіе рабочіе трудились на фабрикѣ гр. О. Апраксина и К^о въ 1720 году:

Дѣтей работниковъ ²⁾	10
Крестьянъ {	дворцовыхъ 8
	владѣльческихъ ³⁾ 11

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о коммерціи, № 449: донесеніе Астраханскаго губернатора Н. Бекетова 1767 г. Замѣчательно, что въ 1779 г. на 691 человекъ, приходилось еще менѣе „покупныхъ“ и мновѣрцевъ, а именно 18 мужчинъ и 8 женщинъ.

²⁾ Въ томъ числѣ: дворцоваго водошного сидѣнія сынъ—1; мануфактурнаго правленія сторожевы дѣти—8; царицы и вел. княгини Маріи Алексѣевны источника сынъ—1; печатнаго двора переборщиковъ сынъ—1; окужейной палаты живописцовъ сынъ—1; казенныхъ закройщиковъ дѣти—3.

³⁾ Въ томъ числѣ: Крутицкаго дому пѣвчій сынъ—1; Новодѣвичьяго монастыря казенныхъ влотниковъ дѣти—2; Спасо-Ипатскаго монастыря (Костромскаго) конюховъ сынъ—1; В. И. Волынскаго крестьянина—1; остальные—монастырскіе крестьяне.

„Бывшихъ людей“ разныхъ господъ ¹⁾ . . .	4
Слобожанъ и посадскихъ	41
Каменьщикъ	1
Подъяческій сынъ	1
Гостинной сотни торговый человекъ ²⁾ . . .	1
Неизвѣстнаго состоянія	4
<hr/>	
Итого	81 ³⁾

Разнообразіе состава рабочихъ, вѣроятно, еще болѣе увеличивалось въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство предоставляло компанейщикамъ право „набирать учениковъ изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни“... или надѣляло фабрики колодниками ⁴⁾.

Принадлежность рабочаго къ тому или другому изъ выше приведенныхъ разрядовъ (крѣпостныхъ или вольнонаемныхъ), повидимому, влияла и на его положеніе на фабрикѣ, сказывавшемся прежде всего въ родѣ и размѣрѣ вознагражденія, получаемаго имъ за трудъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій находился въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ предпринимателю, онъ едва ли всегда получалъ денежное жалованье. Такого порядка, по крайней мѣрѣ, держались на казенной полотняной фабрикѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ 1725 году на работѣ состояло между прочимъ „невольницъ 7, да невольникъ — 1; и онымъ дается на мѣсяць муки по 2 четверника, крупъ по малому четверику, соли по 1 фунту, да на мундиръ въ годъ по 2 руб.“. Указъ 1740 г. (8-го августа), повелѣвавшій приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ „зарабатывать при тѣхъ заводахъ токмо по окладу положенныя на нихъ подушныя и четырехгривенныя и раскольническія деньги, считая за работы припасы и проѣзды“... кос-

¹⁾ Напримѣръ: Семень Мандыревъ столяника Д. Домажирова бывший человекъ; въ число тѣхъ же „бывшихъ людей“ включенъ и „М. Ареевъ, умершаго князя Ѡ. И. Львова человекъ“.

²⁾ Это лицо вмѣстѣ съ 1 слобожаниномъ (Огородной слободы)—названо „управителемъ“; да для управленія при нихъ въ той же мануфактурѣ находились еще 4 жителя разныхъ слободъ. Всѣ они занесены въ соотвѣтствующую рубрику нашей таблицы.

³⁾ Гос. Арх., XIX, 440: Дѣло о мануфактурной компаніи гр. Ѡ. Апраксина съ товарищами. Къ рукописи 1720 года присоединены свѣдѣнія объ управителяхъ и мастерахъ, помѣщенные въ другой вѣдомости того же времени.

⁴⁾ II. С. 3., т. VI. № 4006; т. XIII, № 9695.

венно подтверждаетъ это мнѣніе; впрочемъ, за недостаткомъ наемныхъ рабочихъ предпринимателямъ разрѣшено было въ силу того же указа „употреблять приписныхъ къ тѣмъ ихъ заводамъ крестьянъ, хотя бы они означенныя деньги и заработали, однако-жъ за такія излишнія работы велѣтъ платить заработныя деньги по плакату, а безъ платежа заработныхъ денегъ оныхъ крестьянъ промышленникамъ употреблять не велѣтъ, чтобы они разорены не были“. Правительство обнародовало также указы, повелѣвавшіе выплачивать приписнымъ крестьянамъ опредѣленную плату (напримѣръ 4—10 коп. въ день), при чемъ по зачетъ таковой въ подушный окладъ, излишки ея превращались въ жалованье; сомнительно, однако, что бы это условіе всегда выполнялось на частныхъ фабрикахъ. Едва ли въ лучшемъ положеніи находились и тѣ „бѣдные и малолѣтніе, которые ходили по улицамъ и просили милостыни“ и услугами которыхъ компанейщики иногда должны были довольствоваться (см. выше). Такимъ лицамъ велѣно было оставаться „при томъ дѣлѣ до совершеннонаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ“¹⁾. Подобнаго рода отношенія легко могли превратиться въ тотъ родъ зависимости слуги отъ господина, которая въ старину носила наименованіе жилого холопства²⁾; и дѣйствительно изрѣдка встрѣчаются указанія на заключеніе рабочимъ жилой записи, по которой онъ и служилъ „компанейщикамъ“³⁾.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находились вольнонаемные рабочие. Сообщаемъ нѣсколько свѣдѣній для рѣшенія этого вопроса, почерпая ихъ главнымъ образомъ изъ вѣдомостей мануфактуръ-коллегіи за 1729 годъ по полотняному, суконному, шелковому и бумажному производствамъ, получившимъ, по свидѣтельству „меморіала о російской торговлѣ“, наибольшее значеніе (вмѣстѣ съ желѣзнымъ производствомъ) въ нашей фабричной промышленности прошлаго

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 4006; т. IX, № 6858, н. 8; т. XI, № 8198, н. 3.

²⁾ В. Ключевскій, Происхожденіе крѣпостнаго права, въ *Русской Мысли* за 1885, кн. VIII, стр. 30; ср. А. Лапко-Данилевскій, Введеніе къ записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ XV—XVI вв., въ *Русской Историч. Библи.*, т. XVII, стр. XIX—XX.

³⁾ Г. А., XIX, 440: Дѣло о мануфактурной компаніи гр. Ф. Апраксина съ товарищами. На одномъ изъ разрозненныхъ листковъ этого дѣла мы встрѣчаемъ слѣдующую записъ: „1720 г. декабря въ 28 день взялъ я, Алексѣй Коробовъ, на живулю записъ, которая взята на сидѣльца Соловьева, поминъ денегъ 4 рубля“. Ср. С. Р. И. О., т. XCVI, стр. 575; ниже стр. 394.

Ткачъ	—	—	10	—
”	—	—	12	—
”	—	—	14	—
Шпунельникъ	5,40	6	1/4	6
Бобинщикъ	10,00	6	1/4	6
	5,40	—	—	—
Бѣлильный мастеръ . .	—	27	—	27
” подмастерье . . .	—	22	—	22
Токарь	28	36	—	36
”	10,00	18	—	18
Столяръ	18	24	—	24
”	10,00	18	—	24
Кузнецъ	18	18	—	—
”	5,40	—	—	—
Слесарь	6 ¹⁾	—	—	—
Работникъ	—	16	—	16
Кузнечный работникъ .	—	—	—	18
Пряль вольная	10,00	—	съ фунта	съ фунта.
”	5,40 ²⁾	—	80,65 и 60к.	88,65 и 60к.

На казенной коломянковой мануфактурѣ въ С.-Петербурѣ выдавалась слѣдующая наемная плата:

РОДЪ ТРУДА.	Годовая заработная плата въ рубль: въ 1718 г.	Годовая заработная плата въ рубль: въ 1725 г. ²⁾	Задѣльная плата въ аршина въ копейка: въ 1725 г. ³⁾	Годовая заработная плата въ рубль: въ 1729 г.	Задѣльная плата въ аршина въ копейка: въ 1729 г.
Мастеръ инозем. . . .	180	—	—	—	—
” русскій	—	60	1 ⁴⁾	60	1 ⁵⁾
Мастерица ⁴⁾	180	—	—	—	—

¹⁾ „Да сверхъ онаго вышепоказаннаго, которымъ хлѣбнаго окладнаго жалованья не было давано, провіанту на мѣсяць: муки по 2 четверика, крупъ по малому четверику, соли мастеровымъ людямъ по фунту“...

²⁾ „Да имъ же давано муки на мѣсяць по 2 четверика да въ годъ на мундиръ каждой по 1 рублю“. Всего въ 1724 г. выходило провіанту: „муки 453 четверти по покупной цѣнѣ по 8 р. 20 коп. на 86 р. 40 коп.; соли 26 пуд. 20 ф. на 10 р. 60 коп.“. Такимъ образомъ, тогда какъ денежное жалованье достигало лишь 1197 р. 80 коп., провіанту приходилось выдавать на 1229 р. 50 коп.

³⁾ „А съ 725 году той коломянковой мануфактуры у всѣхъ мастеровыхъ людей прежнее денежное жалованье и провіантъ отрѣшенъ, а опредѣлено давать на годъ...“; дайте слѣдуютъ свидѣнія помѣщаемыя подъ этимъ годомъ.

⁴⁾ Остальные рабочіе—всѣ русскіе.

⁵⁾ Мастера получали эту плату съ аршина всѣхъ дѣлаемыхъ парчей.

Подмастерье	12	12	1	12	1
Ткачъ	6	6	6	6	6
Ученикъ	6	—	—	—	—
Шпуньякъ	3	6	$\frac{1}{2}$	6	$\frac{1}{2}$
Бобинщикъ	—	6	$\frac{1}{2}$	6	$\frac{1}{2}$
Переборщикъ	—	6	$\frac{1}{2}$	6	$\frac{1}{2}$
Бердъ дѣлатель	—	—	—	18	—
Чесальщикъ	3	—	—	—	—
Слесарь	12	—	—	24	—
Токаръ	6	18	—	18	—
Станочникъ	—	36	—	—	—
Столяръ	6 ¹⁾	—	—	—	—

На казенныхъ же суконныхъ и каразенныхъ фабрикахъ, жалованье рабочихъ достигало слѣдующихъ размѣровъ:

РОДЪ ТРУДА.	Казенная въ Москов. ок. 1714—1719 г.		Казенная суконная фабрика въ Сокольскомъ уѣздѣ до 1726 г.	
	Годовая заработная плата въ рубляхъ:	Задѣльная плата въ копейкахъ:	Годовая заработная плата въ рубляхъ:	Задѣльная плата въ копейкахъ:
Суконнаго дѣла мастеръ иноземный . .	240	—	480 ²⁾	—
Мастеръ ножницъ иноземный	216	—	—	—
Мастеръ иноземный ³⁾	88	—	—	—
„ „	60	—	—	—
„ „	48	—	—	—
„ „	36	—	—	—
„ „	34	—	—	—
„ „	7	—	—	—
„ „	6	—	—	—
„ „	4 ⁴⁾	—	—	—

¹⁾ „Да сверхъ того имъ же даванъ провіантъ противъ садатской дачи, а именно: мука и крупа, а также соль“.

²⁾ Эти цифры мы получаемъ, помножая приводимую въ источникѣ мѣсячную плату на 12.

³⁾ Родъ труда ихъ не означенъ.

⁴⁾ Вслѣдъ затѣмъ въ этой вѣдомости помѣщены нижеслѣдующія свидѣнія о провіантѣ: „Ржи въ годъ: 3 человѣкомъ по 7 чети съ осьминою; 9 человѣкомъ

Красильнаго дѣла ма- стера	—	—	60 ¹⁾	—
Красильнаго дѣла уче- никъ	—	—	—	4 съ арш.; 2 съ арш., 1 съ банки ²⁾ .
Ворсовальнаго дѣла мастеръ иноземный.	—	—	90 ¹⁾	—
Ткачъ	—	7 съ арш.	—	съ сукна по 4, съ банки по 2 коп. съ поло- винки.
Скребольщикъ (шхро- больщикъ)	—	1 ³ / ₄ съ арш., 2 съ фун. ³⁾	—	³ / ₄ съ фун.
Кардовщикъ, картон- щикъ и картоль- щикъ	—	1 ¹ / ₈ съ арш., 1 ³ / ₄ съ фун. ³⁾	—	1 ¹ / ₂ съ фун.; 1 съ фун. ³⁾ .
Скребольщикъ и кар- товщикъ	—	—	—	11 за пару скреблѣ, 9 за пару картъ ⁴⁾
Стригольщикъ	—	—	—	¹ / ₂ съ фун.
Прядильщикъ	—	2 съ фун., 4 [?] съ фун. ³⁾	—	2 съ пары пяти- нокъ; 1 ¹ / ₄ съ фун.
Бердникъ	—	—	—	50 к. за суконное бердо и пару ни- ченокъ; 25 за баечное бердо и (пару) ниченокъ.

6 чети, 17 человекѣмъ по 3 чети. Солоду: 29 человекѣмъ по пуду по полторы чети муки пшеничной, крупъ гороху проса по четверти, соли по 3 пуда, масла коровья 26 человекѣмъ по пуду, 29 человекѣмъ мяса свиного по 8 туми, говядины по стагу⁴⁾. (А. Д. Т. С., Дѣла ком. о коммерціи, № 502, л. 36 об.).

¹⁾ Эти цифры мы получаемъ, помножая приводимую въ источникѣ мѣсячную плату на 12.

²⁾ „8 человекѣмъ ткачей на малыхъ станахъ, давалось имъ съ банки по 1 коп., отъ каразей по 2 коп. съ аршина человекѣмъ“.

³⁾ Плату въ 4, 2 и 1¹/₂ к. получали за выдѣлку турецкой шерсти.

⁴⁾ Свѣдѣнія второго столбца относятся къ „кардовщику“; первая цифра четвертаго (1¹/₂ ф.)—къ „картонщику“, а вторая (1 ф.)—къ „картольщику“.

⁵⁾ Кроме того упоминаются еще 1 бобинщикъ, получавшій плату отъ основ-ныхъ учениковъ, и 1 бар.никъ, которому карговщики платили за работу.

Жомщикъ и ворсо- вальщикъ	—	—	—	за ворсованье 60 к., закладку въ жомъ по 4 по- ловинки сукна.
Толченого дѣла ученикъ	—	—	25	8 к. съ сукна, по 1 1/2 к. отъ банки съ половинки.
Дрогшердерь	—	55 съ поло- винки, 65 съ половинки ¹⁻²⁾	—	—
Столяръ	—	—	—	„съ суконнаго по 1 р., съ баечнаго по 50 к. съ стану“.
Основщикъ	—	—	—	12 съ суконъ, 8 съ каразей, и 6 съ баекъ, съ по- ловинки.

Свѣдѣнія о платѣ, выдаваемой не одному и тому же работнику, а разнымъ лицамъ, отдѣлены точкою съ запятой.

Кромѣ того сохранилось еще нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о частныхъ фабрикахъ, занимавшихся производствомъ суконъ; на примѣръ

¹⁾ Плату въ 6 к. получали за выдѣлку турецкой шерсти.

²⁾ Приводимъ эти свѣдѣнія отъ 1723 г. дѣлкомъ въ виду того, что здѣсь содержатся данныя о томъ, сколько производилъ каждый работникъ въ день: „На день человѣку за трудъ дается: шхробольщикъ начешетъ бѣлой шерсти по 10 фунтовъ по 1 3/4 коп. итого 15 коп.; сѣрой шерсти 5 фунт. потому-жь, итого 7 коп. и 2/3. Кардовщикъ—8 фунта по 1 1/2, итого 4 коп. 2/3. И оной шхробольщикъ съ кардовщикомъ заработныя деньги получаютъ ронче и дѣлятъ между собою. Прядильщикъ нарядетъ 2 фунт. по 3 коп., итого 6 коп.; ткачъ вытчетъ 4 аршина по 7 коп. Итого 28 коп. А изъ турецкой шерсти шхробольщикъ 6 фунт. по 2, коп. итого 14 копѣекъ, кардовщикъ—3 фунт. по 1 коп. 2/3. И тѣ шхробольщикъ съ кардовщикомъ заработныя деньги также дѣлятъ пополамъ. Прядильщикъ 1 ф. 2/3,—4 коп. Дрогшердеры 4 чел. сукна въ отдѣлку могутъ сдѣлать 4 половинки изъ русской въ четыре дни и въ пять дней по 55 коп. съ половинки, итого 2 р. 20 к. А изъ турецкой шерсти въ 6 дней по 65 коп. съ половинки, итого 2 р. 60 коп.—А иные, знатные по ихъ работамъ, что не имѣли прилежанія, а именно: въ 10-мъ стану сдѣлано 3 половинки въ 2 мѣсяца, 48-го стану—2 половинки въ 10 недѣль и т. п. А иные такіе находятся что въ полгода сдѣлали 1 половинку, за что и дача имъ была по ихъ работамъ...“

на фабрикѣ И. Микляева и К^о иноземный мастеръ красильнаго дѣла получалъ 200 рубл.; а на каразейныхъ фабрикахъ иноземцовъ М. Омбиха и Б. Прайга такіе же русскіе мастера должны были довольствоваться задѣльной платой по 3 коп. съ аршина; рабочимъ выдавалось здѣсь по 1 р. 20 коп. въ мѣсяцъ, слѣд. не болѣе 14 р. 40 к. въ годъ.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣются относительно рабочей платы на частныхъ и притомъ компанейскихъ фабрикахъ шелковыхъ издѣлій. Судя по тѣмъ же вѣдомостямъ, напр., рабочіе получали на такихъ фабрикахъ нижеслѣдующее вознагражденіе:

РОДЪ ТРУДА.	Фабрика гр. Фабрика С. Фабрика съ И. Памелова Ф. Апракси- Павлова съ тов. въ Мо- 1726 г. (лент- на съ тов. тов. (лентная сквѣ. нал). въ Москвѣ и платочная)		Годовая заработная плата въ рубляхъ:	Годовая заработная плата въ рубляхъ: [?]	Годовая заработная плата въ рубляхъ:	Задѣльная плата:
	1717 сл. въ Москвѣ 1726 г.	въ Москвѣ				
Мастеръ иноземный	600	—	—	—	—	—
„ „	400	—	—	—	—	—
„ „	204	—	—	—	—	—
„ „	200	—	—	—	—	—
„ „	160	—	—	—	—	—
„ „	65	—	—	—	—	—
„ русский	—	80	80	—	—	—
Подмастерье	—	2,50	18	—	—	—
Ткачъ	—	—	7,20	—	—	—
Работникъ (за троще- ніе шелковъ на мельницѣ)	—	—	3	—	—	2 р. съ нуда отъ крашенія шелковъ.

Кромѣ того о мѣсячной рабочей платѣ на фабрикѣ гр. Ф. Апраксина и К^о имѣются нижеслѣдующія свѣдѣнія за 1720 годъ:

	Мѣсячное жалованье:			
	Руб.	Алт.	Денегъ.	
Иноземные мастера	{ штофный	20	—	—
	{ тафтяный	20	—	—
	{ лентовый	20	—	—
	{ позументный	20	—	—
Рисователь мануфактурныхъ дѣлъ	3 ¹⁾	—	—	

¹⁾ Эти деньги названы кормовыми.

Ученики	въ красильнѣ	2	16	4
	" рисовальный	2	16	4
	лентовый	1	16	4
	убираетъ штофы места- ны и обучается сно- вать	2 ¹⁾	—	—
	снуетъ основы ¹⁾	1	16	4
	при станахъ наби- раетъ дессены	1	16	4
	при тафтяныхъ ста- нахъ	1	—	—
	у подъему у стана	1	—	—
	у становъ подвязы- ваетъ лаа	1	—	—
	въ конторѣ разби- раетъ шелки	1	—	—
	для навиванія ка- нетъ	1	26	4
	Работникъ	1	16	4

Приведемъ, наконецъ, нѣсколько извѣстій о размѣрахъ рабочей платы на бумажныхъ фабрикахъ; здѣсь трудъ рабочихъ оплачивался слѣдующимъ образомъ:

РОДЪ ТРУДА.	Кашенная (?)	Бумажная	Задѣльная плата (со стои):
	бумажная мельница фабрика В. Коротъ въ С.-Петербургѣ до каго въ Москвѣ 1727 г.	въ 1707 г.	
	Годовая заработная плата въ рубляхъ:	Годовая заработная плата въ рубляхъ:	
Мастеръ иноземный	360	350	10 к.
	240	200	10 к.

¹⁾ Одинъ изъ рабочихъ этой фабрики подалъ компанейщикамъ челобитную въ 1719 г. октяб. 29; здѣсь онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „раздѣляю пряжу сію, сырцовые шелки, на своемъ иждивеніи и за оныя работы дается мнѣ за работу: за основной шелкъ отъ всѣхъ работъ по 22 алтына съ фунта, за утонный отъ всѣхъ работъ по 15 алт. съ фунта; да на упаль шелковъ, которая бываетъ при навиваніи сырцовыхъ шелковъ и при мельницахъ въ усунки и въ другихъ тратахъ, также и на починку инструментовъ, на дрова, на свѣчи, на масло и на прочіе всякіе харчи по 4 алтына на фунтъ... А за вышесанную упаль вычитаютъ у меня деньги изъ заработныхъ денегъ все сполна...“ (Государ. Арх., XIX, 440: Дѣло о мануфактурной компаніи гр. Ѳ. Апраксина съ товарищами).

Подмастерье . . .	60
Ученикъ	21,76
"	18,16
"	10,00 ¹⁾

Не смотря на отрывочность всѣхъ этихъ свѣдѣній. изученіе ихъ даетъ возможность сдѣлать нѣсколько заключеній, характеризующихъ положеніе вольнонаемнаго фабричнаго рабочаго въ первой четверти XVIII вѣка. Такъ же, какъ и крѣпостные, вольнонаемные получали провіантъ, къ которому, однако, обыкновенно присоединялось еще денежное жалованье. Дачи мастерамъ были, конечно, значительнѣе тѣхъ, на какія имѣли право рабочіе; такъ, напримѣръ, на казенной „трухманной и пудреной фабрикѣ“ мастеръ получалъ въ 1720-хъ годахъ: 6 четвертей муки по 2 руб. за четверть, 3 четверти крупы по 4 руб. за четверть и 24 фунта соли по 40 коп. за пудъ, что въ общей сложности составляло до 24 руб. 24 коп. въ годъ. Между тѣмъ рядовые рабочіе должны были довольствоваться солдатскимъ раціономъ, который на одной изъ казенныхъ масляныхъ и крупяныхъ мельницъ подлѣ С.-Петербурга въ 1725 году оцѣненъ былъ въ 6 руб. 20 коп. въ годъ. Вообще, на казенной полотняной фабрикѣ въ 1724 году около половины расходовъ на рабочихъ погашалось выдачею провіанта, тогда какъ остальная требовала наличныхъ денегъ. Впрочемъ едва ли это отношеніе можно считать типичнымъ для всякаго рода фабрикъ; на пуговичной фабрикѣ И. Кузнецова, напримѣръ, тѣ же расходы на провіантъ составляли въ 1726 году лишь около трети (29%) его бюджета (то-есть, 277 руб. изъ 942 руб.); остальное выдавалось деньгами. Рабочій, какъ видно, въ двойномъ отношеніи зависѣлъ отъ фабриканта, злоупотребленія котораго могли оказаться такимъ образомъ, вдвойнѣ тяжелыми для него. Частью, въ виду собственныхъ выгодъ, частью, можетъ быть, и въ виду только что указаннаго соображенія казна съ 1725 года, по крайней мѣрѣ, на своихъ фабрикахъ „отрѣшила“ выдачу провіанта, который замѣнила задѣльною платою. Расходы этого рода на той же полотняной мануфактурѣ, о которой упомянуто было выше, судя по даннымъ 1724 и 1725 годовъ, составляли до 45% денежныхъ суммъ, получаемыхъ рабочими. Въ размѣрахъ рабочей платы, конечно, замѣтны большія колебанія. Трудъ иноземныхъ мастеровъ, какъ видно изъ выше приведенныхъ таблицъ, оплачивался

¹⁾ „да солдатскій провіантъ“.

гораздо лучше русских¹⁾, что объясняется впрочем отчасти теми короткими сроками, на какие заключались контракты съ иностранцами. Впрочемъ размѣры жалованья собственно русскимъ рабочимъ на одной и той же фабрикѣ и въ одно и то же время колебались довольно сильно: въ однихъ случаяхъ замѣтно пониженіе ихъ, въ другихъ—повышеніе въ разное время (стр. 381—388), но, къ сожалѣнію, хронологическіе предѣлы нашихъ наблюденій слишкомъ ничтожны для того, чтобы можно было прійти по этому поводу къ болѣе точнымъ выводамъ; сравнивая размѣры платы, какую получали рабочіе на суконныхъ фабрикахъ 1714—1726 годахъ съ теми нормами, которыя указаны въ „работныхъ регулахъ“ 1741 года, можно сказать, что послѣднія едва-ли не ниже цѣны 1714—1719 гг. и нѣсколько выше тѣхъ, какія намъ извѣстны по частнымъ примѣрамъ, относящимся къ 1726 году; но въ какой мѣрѣ соблюдали эти нормы, установленныя въ дѣйствительности, мы не знаемъ, а обобщать свѣдѣнія касательно суконныхъ фабрикъ, примѣняя ихъ и къ другимъ фабрикамъ, мы пока не имѣемъ основаній²⁾. Трудъ рабочихъ всего лучше, повидимому, оплачивался на шелковыхъ фабрикахъ, хуже на бумажныхъ³⁾, еще хуже на суконныхъ и всего менѣе на полотняныхъ. Вообще слѣдуетъ сказать, однако, что рабочая плата на казенныхъ фабрикахъ была, вѣроятно, нѣсколько выше чѣмъ на частныхъ, а слѣдовательно и на компанейскихъ. По этому поводу возникло любопытное дѣло на московской суконной мануфактурѣ В. Щеголина съ товарищами. Черезъ два года приблизительно по передачѣ ея изъ казны „въ эту компанію“ 15-го января

¹⁾ Это видно и изъ другихъ случаевъ; наприимѣръ, на казенной крупной мельницѣ въ С.-Петербургѣ работалъ иностранецъ А. Францовъ, получавшій по 25 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ; по смерти А. Францова „вмѣсто него до указа опредѣленъ изъ работниковъ К. Яковлевъ, а жалованья ему было по 36 руб. на годъ“.

²⁾ И. С. З., т. XI, № 8440. Повышеніе жалованья можетъ быть находилось въ зависимости отъ выучки мастеровыхъ. На той же крупной мельницѣ до 1726 г. одинъ изъ подмастерьевъ получалъ жалованья по 48 р., а съ 1726 г. по 60 руб. въ годъ, 4 ученика до 1727 г.—30 руб. каждый, а съ этого времени по 36 руб. Та же выучка могла дѣйствовать и въ обратномъ смыслѣ, если жалованье выдавалось иностранцамъ; ср. слѣд. прим.

³⁾ На шпалерной казенной фабрикѣ въ С.-Петербургѣ одинъ иностранный (?) мастеръ получалъ до 687 руб. 50 коп. въ 1718 г.; 1 „готелитъ“ по 500 руб., 1 красильный мастеръ по 216 руб. въ 1720 г., да квартиру, дрова и свѣчи; живописному мастеру выдавалось—800 руб. въ томъ же году за обученіе 3-хъ учениковъ. Въ 1724 г. шпалерный мастеръ уже получалъ 40 руб., красильный—300, а живописецъ всего 150 руб.

1722 года „всякихъ мастерствъ работные люди“ подали царю „челобитную“, въ которой жаловались на злоупотребленія компаніи. „Въ прошломъ 1704 году, писали рабочіе, за работу на суконномъ дворѣ давано имъ жалованья довольно. А въ бытности (въ) компаніи работы имъ прибавлено, а за работу не токмо имъ, работнымъ людямъ, (не) прибавлено, но дается съ убавкою и за шхроблы и карты, на которыхъ шерсть чешутъ, учинили компанейщики изъ работныхъ денегъ вычесть и уставиши имъ на суконномъ дворѣ стоять на караулѣ и быть въ дневаньяхъ и въ посылкахъ“. Въ виду этихъ служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ новыми владѣльцами фабрики, работные люди просили, чтобы царь пожаловалъ ихъ, указалъ за настоящую и за излишнюю покорную работу опредѣлить указное жалованье или кормовую дачу и задѣльные деньги давать постоянно, что его императорское величество укажетъ; „такоежъ и солдатской караулъ съ нихъ снять и за излишнюю работу за два года деньги имъ выдать“. По этому челобитію въ мануфактуръ-коллегіи учинено было слѣдствіе, послѣ чего по царскому указу и по „согласному государственной мануфактуръ-коллегіи приговору В. Щеголяну и К² велѣно было выдавать жалованье рабочимъ по прежнему, а караулъ и дневанья на суконномъ дворѣ и въ конторахъ и посылки, которыя прежде отправлялись тутошними всякихъ мастерствъ работными людьми, отставить и отправлять тотъ караулъ и дневанье и посылки (лицами) особо учрежденными отъ компанейщиковъ; а сколько человекъ у суконной фабрики для карауловъ и посылокъ и дневанья быть надлежитъ, о томъ велѣно имъ подать вѣдомость и требовать изъ военной коллегіи отставныхъ солдатъ для выполненія этихъ службъ, какъ и на протчихъ мануфактурахъ, а надлежащія имъ провіантъ, мундиръ и жалованье, давать компанейщикамъ изъ собственныхъ средствъ“. Кромѣ того въ указѣ 1728 года компанейщикамъ велѣно было объявить, „дабы всякаго мастерства работныхъ людей они содержали порядочно безъ всякихъ напрасныхъ нападковъ и показано бѣ было во всемъ справедливо (въ докладахъ мануфактуръ-коллегіи объ увольненіи нерадивыхъ?); а также, чтобы они и заработныхъ денегъ у рабочихъ „не задерживали и не больше, какъ скоро половинка изъ дѣла выйдеть, а другимъ смотря по задѣльямъ не больше бѣ мѣсяца, отчего бы рабочіе нужды не претерпѣли и охоту бѣ къ работѣ имѣли“; наконецъ тѣмъ же указомъ компанейщикамъ было внушено, чтобы они „у шхробольщиковъ за шхроблы и карты денегъ по прежнему не вычитали“... Такимъ

образомъ въ описанномъ столкновеніи В. Шеголина и К^о съ рабочими на ихъ фабрикѣ нельзя не видѣть одного изъ первыхъ примѣровъ эксплуатаціи труда капиталомъ уже въ самомъ началѣ XVIII столѣтія¹⁾. Что этотъ случай былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ, доказывается такими же (позднѣйшими) жалобами рабочихъ суконнаго фабриканта А. Дряблова на своего хозяина, удержавшаго у нихъ не малую сумму заработанныхъ денегъ „и чинившаго имъ разныя другія обиды“²⁾. Сущность ихъ заявленій состояла въ томъ, что „А. Дрябловъ противъ прежнихъ дачъ, когда та фабрика была въ казенномъ содержаніи, убавилъ у ткачей по 1¹/₂ коп. съ аршина, у прядильщиковъ— по 1 коп. съ фунта, а у шхробольщиковъ— по 10 коп. съ пуда, причемъ куски сукна приказалъ выдѣлывать шире прежняго“; къ тому же за инструменты, которые отъ дѣла изломаются, онъ вычиталъ деньги на приобрѣтеніе новыхъ и такими убавкою и вычетомъ весьма обижалъ и разорялъ рабочихъ. Челобитчики упоминали, наконецъ, что „А. Дрябловъ многимъ изъ нихъ чинилъ мученія, а нѣкоторыхъ сослалъ въ ссылку, гдѣ ихъ и содержали въ острогѣ безвинно“...³⁾

Работа на фабрикахъ, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, не была точно и обстоятельно установлена компанейскими „регламентами“. По крайней мѣрѣ такихъ документовъ намъ почти вовсе не попадалось въ компанейскихъ дѣлахъ, да и довольно значительная распространенность задѣльной платы косвенно подтверждаетъ это предположеніе. Тѣмъ цѣннѣе „регламентъ (или опредѣленіе) мастеровымъ людямъ, въ которые часы имъ работать“, составленный правленіемъ мануфактуры гр. О. Анраксина съ товарищами (1720 г.). Въ силу „регламента“ зною (съ 30-го сентября по 30-е марта) всѣ мастеровые люди должны были ходить на работу слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Всѣ выше приведенныя слѣдвія заимствованы изъ трехъ вѣдомостей мануфактуръ-коллегіи 1727—1729 г. въ Г. А. XIX, 877, ч. I; А. Д. Т. С., Дѣла Ком. о Коммерціи, №№ 501 и 502.

²⁾ Г. А., X, 471, ч. II: Прошенія, поданныя на имя имп. Екатерины II и находившіяся въ дѣлопроизводствѣ Г. Козницкаго.

³⁾ *С. Соловьевъ*, И. Р., т. XXI, стр. 156. До 1737 г. каждый рабочій получалъ по 6 коп. съ выдѣлки аршина сукна и по 3 коп. за приготовленіе фунта шерсти. Съ этого времени, въ виду того, что сукна стали фабриковать изъ болѣе толстой шерсти и рабочій будто бы могъ произвести вмѣсто 3—4 до 6—8 аршинъ сукна, Дрябловъ сбавилъ плату и сталъ выдавать по 5 коп. за выдѣлку аршина сукна и по 2 коп. за приготовленіе фунта шерсти; на это, вѣроятно и жаловались рабочіе. (Гос. Арх. XVI, 168, кар. 8). На этотъ фактъ указываетъ и г. Фирсовъ (стр. 188).

„въ полшеста часа по утру имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, дабы всѣ мастеровые люди въ 6 часовъ на работу шли; и работать имъ до полудни, а въ полдень имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, чтобы всѣ мастеровые люди шли обѣдать. По полудни въ 2 часа имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, чтобы мастеровые люди шли на свою работу до 7 часовъ въ вечеру, въ которое время караульной паки имѣеть звонить въ колоколь, дабы шли ужинать и во знакъ роспуску ихъ въ тотъ день“. Лѣтомъ этотъ порядокъ нѣсколько измѣнился. „Съ 30-го марта до 30-го сентября въ полпята часа по утру, читаемъ мы въ томъ же уставѣ, имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, чтобы мастеровые люди шли на работу, нмявно о пяти часахъ; и работать до полудни. А въ полдень имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, чтобы шли обѣдать. По полудни во 2-мъ часу имѣеть караульной солдатъ звонить въ колоколь, дабы мастеровые люди на работу шли и работали до 7 часовъ въ вечеру, въ которое время караульной солдатъ паки имѣеть въ колоколь звонить, чтобы они шли ужинать и во знакъ роспуску ихъ въ тотъ день“.—И чтобы, заключаютъ составители этого учрежденія, оно во всемъ исполнено было, того ради надлежить поставить одного солдата у выходу лавочного и повелѣть, дабы мастеровыхъ людей не выпускалъ никуда въ тѣ часы, въ которые они работать имѣють“¹⁾). Такимъ образомъ, рабочій день на мануфактурѣ графа Ѡ. Апраксина и К^о не превышалъ 11—12 часовъ съ довольно значительнымъ роздыхомъ между 12 и 2 часами дня. Другихъ постановленій частнаго происхожденія въ изучаемый нами періодъ времени мы пока не знаемъ; не знали ихъ и составители „работныхъ регулъ 1741 года; а законодательныя имѣры первой половины XVIII вѣка въ этомъ отношеніи не отличались ни обиліемъ, ни опредѣленностью; замѣчательны лишь только что помянутыя „работныя регулы“ 1741 года, установившія четырнадцатичасовой рабочій день“²⁾).

Вообще можно сказать, что фабричныя рабочіе въ значительной мѣрѣ зависѣли отъ произвола фабрикантовъ. Правда, въ законода-

¹⁾ Г. А., XIX, 440: Дѣло о мануфактурной компаніи гр. Ѡ. Апраксина. Регламентъ подписанъ барономъ Набергомъ (?) съ малозначительными поправками, сдѣланными рукою бар. П. Шафирова. Внизу приписка третьимъ почеркомъ; „И указъ посланъ въ Москвѣ 11 дня августа 1720 года“. Судя по другому отрывку рабочіе на этой фабрикѣ должны были производить не менѣе 3¹/₂—4 аршинъ гладкихъ тафтъ или штофовъ въ день.

²⁾ П. С. З., т. XI, № 8440.

тельствѣ того времени встрѣчаются общія требованія въ родѣ того, что „фабриканты должны порядочно содержать мастеровыхъ и учениковъ и чинить имъ награжденіе по достоинству“. Едва ли, однако, можно утверждать, чтобы такія правила соблюдались предпринимателями: они иногда, на примѣръ, приписывали крестьянъ къ заводамъ „по выбору, полныхъ работниковъ, такъ что въ волостяхъ оставались только старики, бабы и малолѣтніе, неспособные платить подушный окладъ“. Бывали также случаи, когда рабочимъ людямъ 3 — 4 мѣсяца подрядъ не выдавалось жалованья, такъ что они „приходили въ скудость и даже страдали болѣзнями“. Естественно, что при такихъ условіяхъ составители регламента 1741 г. отмѣтили, что „большее число мастеровыхъ и рабочихъ людей такъ ободраны и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насили и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ“. Встрѣчаются, наконецъ, извѣстія и о томъ, какъ предприниматели наказывали своихъ рабочихъ не одними только вычетами изъ жалованья въ видѣ штрафа, но и болѣе тяжелыми карами. Всѣ эти злоупотребленія заводчиковъ и фабрикантовъ были тѣмъ болѣе возможны, что законъ, требовавшій отъ нихъ, чтобы они ни въ чемъ не обижали и не оскорбляли рабочихъ, одновременно предоставлялъ право тѣмъ же фабрикантамъ наказывать ихъ до „битья батожемъ“ включительно, правило, которое даже образованные люди того времени считали вполнѣ рациональнымъ¹⁾. На это безправное положеніе фабричныхъ рабочихъ указывали и нѣкоторые изъ членовъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. „Если рассмотримъ самое употребленіе и жизнь работниковъ,— писалъ кн. М. Щербатовъ въ мѣнѣи, гдѣ онъ высказался въ пользу вольнонаемнаго труда на фабрикахъ,—то увидимъ, что, кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники,—кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ,—прочіе пребываютъ въ весьма худомъ состояніи. какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности“²⁾.

Въ довольно тяжеломъ положеніи находились, вѣроятно, и тѣ лица, которыя служили приказчиками и лавочными сидѣльцами у купцовъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ депутатовъ комиссіи о соста-

¹⁾ П. С. З., т. VII, № 4378, п. 24; т. IX, № 6858, п. 5; т. XI, № 8440. В. Татищевъ, Донесеніе 1724 г. у В. Рожкова, Op. cit., стр. 67, 123, 125 и 131.

²⁾ С. Р. И. О., VIII, 59.

вленіи проекта новаго уложенія довольно обстоятельно описалъ тотъ процессъ, въ силу котораго эти вольнонаемные слуги превращались постепенно чуть-ли не въ крѣпостныхъ людей своихъ хозяевъ. „У купцовъ,—писалъ депутатъ отъ однодворцевъ крѣпости св. Дмитрія, И. Букнѣвъ,—при торгахъ разными товарами бываютъ въ наймахъ по паспортамъ, а иногда и безъ паспортовъ или съ просроченными паспортами приказчики и лавочные сидѣльцы изъ купцовъ, изъ другихъ званій и изъ крестьянъ, по записямъ и безъ записей и по однимъ только домовымъ письменнымъ договорамъ; иные же и договоры вовсе не имѣютъ. По окончаніи срочныхъ своихъ терминовъ они подаютъ хозяевамъ своимъ счета, какъ въ продажѣ товаровъ, такъ и въ вырученныхъ за оныя деньги, и просятъ у нихъ расчета, договорной платы и въ счетѣ аттестата. Хозяева тѣхъ своихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ, однако, не считаютъ и говорятъ, что имъ для расчета съ приказчиками и сидѣльцами дается времени одинъ годъ. Благодаря такому приему они продерживаютъ у себя приказчиковъ и сидѣльцевъ немалое время и еще посылаютъ ихъ въ разные мѣста по своимъ дѣламъ, а платы имъ за то никакой уже не прикладываютъ и пищу не довольствуютъ, отговариваясь, что они живутъ у него для счета. Приказчики же и сидѣльцы ежедневно просятъ себѣ у хозяина расчета и ходятъ за нимъ мѣсяца по два, по три и по полугоду, но при всемъ томъ его не получаютъ. Видя отъ хозяевъ такое замедленіе въ выдачѣ расчета и будучи людьми небогатыми, приказчики не знаютъ, гдѣ взять денегъ для прокормленія своихъ домашнихъ, а также въ случаѣ требованій съ ихъ государственныхъ податей и другихъ поборовъ. Въ этомъ положеніи они, подавъ явочныя челобитныя (въ судебныя мѣста), вынуждены бываютъ наниматься къ другимъ купцамъ даже съ уменьшеніемъ той платы, которую получали у прежнихъ хозяевъ, и только такимъ образомъ исправляютъ свои надобности. Эти купцы оставляютъ ихъ при своихъ домахъ для исполненія купеческихъ дѣлъ или посылаютъ въ другіе города съ товарами. Прежніе же хозяева, видя, что бывшіе у нихъ приказчики и сидѣльцы за ихъ дѣлами не ходятъ и надобностей купеческихъ не исправляютъ, надѣясь на свое богатство и не прося нигдѣ въ присутственномъ мѣстѣ, означенныхъ приказчиковъ и сидѣльцевъ хватаютъ съ улицы своими людьми къ себѣ въ домъ, бьютъ ихъ плетью и держатъ въ цѣпяхъ и желѣзахъ мѣсяца по два и больше... Эти хозяева объявляютъ схваченнымъ ими приказчикамъ и сидѣльцамъ, что на нихъ будто-бы много начета, не

объявляя достоверно, за что именно¹⁾; просьбы такихъ заключенныхъ „на бывшихъ своихъ хозяевъ въ магистратахъ и ратушахъ“ остаются безъ отвѣта... „Приказчики и сидѣльцы, не находя себѣ удовлетворенія въ правосудіи, принуждены бываютъ, поэтому, давать на себя тѣмъ хозяевамъ другія кабалы года на три и на пять и на десять лѣтъ въ чайніи тотъ напрасный начеть какъ-нибудь зажить. Хозяева, однако, годъ отъ году насчитываютъ на нихъ въ продажѣ товаровъ; и такимъ образомъ, если эти приказчики и сидѣльцы изъ крестьянъ, то хозяева укрѣпляютъ ихъ за собою съ женами и съ дѣтьми...“²⁾). Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ матеріаломъ, на основаніи котораго можно было бы провѣрить и дополнить приведенный отрывокъ; но и въ немъ довольно ясно и правдоподобно изложено, вѣроятно, одно изъ наиболѣе распространенныхъ злоупотребленій купцовъ относительно ихъ приказчиковъ и сидѣльцевъ.

Всѣ эти лица, трудомъ которыхъ пользовались крупные предприниматели, могли, конечно, искать защиты на судѣ противъ ихъ злоупотребленій; но судопроизводство того времени отличалось чрезвычайною медлительностью. Такъ, напримѣръ, не позднѣе 1787 года возникло дѣло между А. Дрябловымъ и его рабочими (въ Казани). Сенатъ рѣшилъ взыскать съ А. Дряблова удержанныя имъ заработныя деньги на сумму болѣе 10.000 р. и въ 1742 г. послалъ указъ въ губернскую канцелярію объ исполненіи этого приговора; уплативъ всего лишь 1.375 р., А. Дрябловъ въ слѣдующемъ году подалъ прошеніе въ кабинетъ о томъ, будто бы это дѣло рѣшено въ сенатѣ не правильно. Расчѣты А. Дряблова на проволочку его оказались не напрасными: рѣшенія по нему не воспослѣдовало вплоть до 1763 года; одинъ изъ челобитчиковъ по этому дѣлу успѣлъ уже умереть, а другой, обязанный подпискою въ мануфактурь-конторѣ не съѣзжать до его рѣшенія, „живучи въ Петербургѣ и въ Москвѣ, пришелъ въ крайнее разореніе“ и просилъ отослать его обратно „на тягло“. Лишь послѣ подачи этой челобитной дѣло предположено было рѣшить указомъ самой императрицы въ пользу рабочихъ, но едва-ли ранѣе 1769 года: тянулось оно, какъ видно, очень долго, на что, вѣроятно, и расчятывалъ А. Дрябловъ, когда апеллировалъ на рѣшеніе сената въ кабинетъ³⁾). Рабочимъ, такимъ обра-

¹⁾ С. Р. И. О., XIV, 160—161.

²⁾ Г. А., X, 471, ч. II: Прошенія, поданныя на имя имп. Екатерины II и находившіяся въ дѣлопроизводствѣ Г. Козицкаго.

зомъ, приходилось не только подвергаться злоупотребленіямъ со стороны предпринимателей, но и опасаться, что, въ виду медлительности судопроизводства, они не скоро найдутъ защиту противъ нихъ въ судебныхъ установленіяхъ того времени.

Эксплуатація народнаго богатства компаниями сказывалась не только въ отношеніи ихъ къ рабочей силѣ, но въ столкновеніяхъ мелкихъ производителей съ крупными, а также „малочнаго“ купечества съ „мочнымъ“.

Мелкая промышленность уже въ первой половинѣ XVIII вѣка начинала чувствовать на себѣ давленіе крупнаго производства. Настойчивость, съ какою крестьянскіе депутаты въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія ходатайствовали о томъ, чтобы разрѣшить крестьянамъ продажу домашнихъ своихъ произведеній, показываетъ, что купцы дѣлали все зависящее отъ нихъ для пріостановленія этихъ отраслей производства; къ числу „предметовъ крестьянскихъ надобностей и собственнаго ихъ промысла“ депутаты относили, напримѣръ, не только ловлю рыбы, а также всякаго рода звѣрей и птицъ, поставку мяса и сала говядьяго, выдѣлку лопатъ, дугъ, лаптей, мочалъ и рогожи, но и простѣйшія ремесла, какъ то: плотничье, столярное, кирпичное и каменщицье, печное и выдѣлку колесъ; далѣе, къ числу занятій, которыми могли бы отправлять крестьяне, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ депутатовъ должны были принадлежать: приговленіе кожъ и овчинъ, шубъ и тулуповъ, сапоговъ, хомутовъ и сѣделъ; наконецъ сюда же причисляли „кузла, для своего надобства“ такихъ предметовъ, какъ гвозди, сошники, серпы, косы, кресты и иглы; изготовленіе веревокъ, холстовъ и крашенины, шерсти, сѣрыхъ суконъ и лентъ, а также солода, мѣла и бумаги. „Словомъ все, разсуждалъ одинъ изъ олонецкихъ крестьянъ, что принадлежитъ къ крестьянскимъ домашнимъ нуждамъ, не можетъ сдѣлать никакого подрыва и помѣшательства купеческому торгу; поэтому и слѣдуетъ дозволить крестьянамъ невозбранно торговать всѣми помянутыми предметами при торжкахъ и при погостахъ“¹⁾. Компанияскія предпріятія, конечно, принадлежавшія къ крупному производству, должны были стѣснять развитіе этой мелкой промышленности тѣмъ болѣе, что пользовались привилегированнымъ положеніемъ, обезпечивавшимъ ихъ отъ всякой конкуренціи. Въ какой мѣрѣ фабрика того

¹⁾ Сбор. Русск. Ист. Общ., IV, 94, 129—130, 309—312; VIII, 58, 82 и 244; XXXII, 466; ср. В. Рожковъ, *Op. cit.* 28, 29 и 53.

времени вызывала мелкое производство и пользовалась имъ для своихъ цѣлей, къ сожалѣнію, сказать трудно въ виду разбросанности рукописныхъ извѣстій и отсутствія опредѣленныхъ свѣдѣній въ названномъ матеріалѣ (ср. ниже).

Во всякомъ случаѣ явное стремленіе купцовъ не столько сузить размѣры крестьянской промышленности, сколько поставить ее въ прямую зависимость отъ скупщиковъ изъ купечества, вредно отзывалось на развитіи этой промышленности.

Гораздо рельефнѣе выступаетъ эксплуататорская дѣятельность „мочнаго“ купечества въ отношеніяхъ его къ „маломочному“, то-есть къ мелкимъ купцамъ изъ крестьянства и посадскихъ людей.

Развитіе благосостоянія каждаго мелкаго производителя было, конечно, едва ли желательно и съ купеческой точки зрѣнія. Согласно старинному московскому правилу русскій купецъ того времени предпочиталъ оставаться скупщикомъ, чѣмъ играть роль посредника между крупнымъ производствомъ и потребителями, тѣмъ болѣе, что злоупотребленія его въ первомъ случаѣ могли сойдти благополучно, тогда какъ во второмъ—онъ рисковалъ наткнуться на сильное и вліятельное лицо, которое могло причинить ему значительные убытки. Въ этомъ отношеніи довольно характернымъ является дѣло о сдачѣ бѣломорскихъ салыныхъ промысловъ А. Евреннову съ братьями. Въ своемъ „доношеніи 1730 г.“ сенату А. Евренновъ съ К^о указывалъ на вредъ, приносимый населенію Архангельскаго края скупщиками. „А когда тѣ промыслы, писалъ онъ, были въ разныхъ рукахъ по вольнымъ торгамъ, тогда вмѣсто пользы промышленникамъ и ловцамъ былъ великій убытокъ, ибо скупщики посадскіе люди бѣдныхъ ловцовъ въ цѣнѣ обижали, зговариваясь, между собой въ покушную цѣнѣ“ ¹⁾). Въ села, гдѣ бывали торги, всегда пріѣзжали и купцы изъ разныхъ городовъ. Крестьяне должны были продавать произведенія своего хозяйства не своему брату, крестьянину, а купцу; черезъ это всякій товаръ „по способности покупки и при маломъ количествѣ перекупщиковъ становился въ продажѣ дешевле“, что, разумѣется, выгодно было купцамъ ²⁾). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне „были допускаемы купцами въ города и на ярмарки для продажи своихъ припасовъ и домоисправленныхъ товаровъ“, они не были ограж-

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла комиссіи о коммерціи, № 221.

²⁾ С. Р. И. О., УШ, 118: Мнѣніе депутата Норской слободы Ярославской губерніи въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

дены отъ значительныхъ убытковъ. Купечество принуждало ихъ продавать свои издѣлія большою валовою суммою одному купечеству, а не розницею, „отъ котораго запрещенія купечество торгуютъ у крестьянъ ихъ товары, давая за то, въ надеждѣ той, что стороннимъ людямъ розницею продавать не допускается, самую малую цѣну; отъ чего крестьяне тѣ товары и припасы должны были отдавать купцамъ (вѣроятно въ виду ихъ стачекъ) по самымъ малымъ цѣнамъ и отъ того приходили въ несостояніе платежа не точію помѣщичьихъ оброковъ, но и податей государственныхъ; а кунцы, покупая малыми цѣнами отъ крестьянъ всѣ принадлежности, а особливо хлѣбъ и харчевые припасы, яко то само нужнѣйшую зависимость изъ своихъ рукъ продавали дорогими цѣнами и со всѣмъ несравненнымъ съ тѣмъ“ ¹⁾. „Бывали и такіе случаи, когда купецъ, увидѣвъ нужду крестьянина во время подушнаго платежа или какую другую, старался выторговать покупаемое имъ за самую низкую цѣну; ежели, при этомъ и случалось, въ томъ мѣстѣ съѣхаться нѣсколькимъ купцамъ, то всетаки для крестьянъ это не составляло выгоды, ибо купцы обыкновенно находились между собою въ стачкѣ“ ²⁾. Къ такимъ же злоупотребленіямъ прибѣгали, конечно, и компанейщики. Такъ, напримѣръ, вышеупомятая компанія А. Евренова, обвиняя скупщиковъ въ разореніи мелкихъ производителей, сама стремилась, повидимому, лишь къ тому, чтобы получить исключительное право распоряжаться этимъ торгомъ и такимъ образомъ господствовать на рынкѣ. А. Евреновъ предлагалъ дѣло это устроить слѣдующимъ образомъ: „кому будетъ потребно, читаемъ мы въ его доношеніи, изъ тамошнихъ обывателей на ихъ расходы (а не въ отвозъ и не для перепродажи сала и протчаго), изъ вышеозначенныхъ товаровъ, тѣмъ покупать отъ ловцовъ, гдѣ хотять...“; „кои же ловцы или промышленники похотять сала и протчаго продавать тамошнимъ обывателямъ для внутренняго расхода, и тѣмъ промышленникамъ привозить для продажи, къ портамъ, къ городу Архангельскому и въ Колу, а чтобы на берегу при промыслахъ тѣмъ скупщикамъ продавать не позволено было“; а которые будутъ покупать при портахъ у города Архангельскаго и въ Колѣ, гдѣ обрѣтаются таможни, а по берегамъ у ловцовъ, то бѣ покупать было запрещено, для того чтобъ безъ таможенныхъ пошлинъ прямо отъ береговъ

¹⁾ С. Р. И. О., IV, 892: Наказъ шуйскаго дворянства, ст. 2.

²⁾ С. Р. И. О., 96: Мнѣніе депутата отъ черносошныхъ крестьянъ Архангелогородской провинціи И. Чупрова.

не увозили и тайно бѣ между таможенъ въ чужестранные корабли не клали". Правительство, соглашаясь на сдачу бѣломорскихъ салныхъ промысловъ А. Евреинову съ братьями, предвидѣло, однако, возможность злоупотребленій съ ихъ стороны. Въ приговорѣ по этому дѣлу правительствующаго сената 1731 г. (27-го января) велѣно было между прочимъ „смотреть, чтобы, Евреиновы, ловцамъ и промышленникамъ; которые пропитаніе имѣютъ и подати съ себя однимъ тѣмъ своимъ промысломъ оплачиваютъ, ибо хлѣба за студеннымъ климатомъ не пашутъ, никакихъ обидъ и утѣсненій не чинили, а покупали бѣ повальной цѣною и деньги платили безволокидно и подѣ потерянїемъ за обиду и удержаніе денегъ данной привилегіи и сверхъ того платежа штрафа" ¹⁾. Насколько компаніи соблюдали такія „кондиціи“, видно изъ другихъ дѣлъ. „А кумпанщикъ Иванъ Григорьевъ, писалъ, напримѣръ, одинъ изъ казенныхъ промышленниковъ про члена компаніи князя А. Меншикова, промышленныхъ людей принудя, купилъ у нихъ треску сухую по 5 руб. по 26 ал. по 4 деньги и по 6 руб. по 10 ден. и по 6 руб. 25 ал. тысячу..., а на кораблѣ де тое треску онъ, кумпанщикъ, продалъ по 22 еемка тысячу“. И. Григорьевъ, какъ видно, получалъ, вѣроятно, до 300—400% барыша ²⁾. Аналогичныя свѣдѣнія имѣются и о дѣйствіяхъ другихъ компаній. Такъ напримѣръ, судя по документамъ Мезенской таможи 1739 г. самый большой отпускъ сала (моржоваго, бѣлужьяго, и ворваньего грѣтаго) изъ Мезени былъ въ Архангельскѣ; до 759 бочекъ отправлено было въ компанію салныхъ промысловъ А. Евреинова и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Шафирова, котораго по смерти его замѣнилъ бергъ директоръ фонъ-Шенбергъ. Съ этого сала по указу правительствующаго сената и по кондиціямъ пошлинъ не взимали; пудъ его стоялъ въ Мезени 25 к., а въ Архангельскѣ 35 к. Выгодно покупая этотъ товаръ, компанія, однако, не особенно аккуратно расплачивалась за него съ мелкими производителями: тѣ изъ нихъ, которые представили въ таможду выписи явчей или платожной (таковыхъ въ 1739 г. было, впрочемъ, только 4) мотивировали это тѣмъ, „что продажа сала умедлилась по случаю смерти дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла комис. о ком., № 221.

²⁾ Г. А., XXVI, 180: дѣло о компаніи кн. А. Меншикова. Покупная цѣна ефимка въ 1704 г. равна была 75 коп. (*Д. Прозорова*, Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII вѣка, въ Зап. Имп. Археол. Общ., т. XII, стр. 490); возможно, однако, что ефимокъ въ это время ходилъ даже по 1 руб., какъ видно изъ одного частнаго договора компаніи съ Аристомъ Мартиссеномъ.

Шафирова и немѣнія денегъ въ компаніи сальныхъ промысловъ¹⁾. Еще лучше, можетъ быть, вела свои дѣла другая компанія, семужная, также водворившаяся въ Архангельскѣ: она сильно богатѣла, покупая въ концѣ 20-хъ годовъ XVIII вѣка товаръ у города Архангельска по 20, 30 и 40 коп. пудъ, а продавая его по 60 — 80 коп. пудъ, не говоря о копченой семгѣ, которая ходила и по 1 р. 60 к.²⁾ Скупать при такихъ условіяхъ было, конечно, въ высшей степени выгодно; естественно, поэтому, что купцамъ не желательно было также развитіе производства, при которомъ и мелкій предприниматель могъ расширить свою дѣятельность, хотя бы, напимѣръ, участвуя въ болѣе крупномъ компанейскомъ производствѣ, что дало бы ему возможность лучше выдерживать цѣны на рынкѣ и входить въ непосредственныя отношенія къ потребителямъ. Все это, разумѣется, грозило убытками прежнему скупщику, во избѣжаніе которыхъ онъ и старался удержать своихъ продавцовъ въ прежнемъ ихъ стѣсненномъ положеніи.

Компаніи, обладавшія значительными по тому времени денежными капиталами, могли еще прибѣгать и къ другимъ, болѣе тонкимъ способамъ эксплуатаціи маломочнаго купечества. Въ счетахъ князя А. Меншикова съ товарищами сохранились длинныя перечни суммъ, розданныхъ по кабаламъ разнымъ лицамъ; въ числѣ ихъ немало было крестьянъ и посадскихъ людей разныхъ городовъ; среди компанейскихъ должниковъ встрѣчались даже маленькія общества; напимѣръ, двиняне Лисестровской волости „Сава Панахидинъ съ товарищи“, взявшіе 32 р. 40 ал. и каргопольцы „Матвѣй Мурашевъ съ товарищи“, одолавшіе на сумму въ 50 руб. Не мѣшаетъ замѣтить, при этомъ, что въ тѣхъ же счетахъ есть особня „росписи долговыхъ денегъ“, которыя надо было взять за „товаръ“ на разныхъ лицахъ. Суммы эти колебались между 5 и 850 рублями. Компанія, какъ видно, продавала свои товары маломочнымъ купцамъ въ долгъ. Такихъ суммъ (по кабаламъ и за товаръ) компанія насчитывала въ 1718 г. до 5.728 р. 19 ал. 4 д., не считая долговъ двухъ иноземцевъ, М. Барна и А. Матисена, въ размѣрѣ 685 р. 1 ал. 4 д.³⁾ Хотя долги всѣхъ этихъ лицъ были не велики (отъ 1 р. 30 ал. до 850 р.),

¹⁾ Б. Лилановскій, Очеркъ торговли въ Мезенскомъ уѣздѣ 1739 г., въ Арханг. Губ. Вид. за 1862 г., №№ 7—8.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 215.

³⁾ Г. А., XXVI, 180: Копія съ росписки, что отдано компанейскихъ (долговыхъ) писемъ прикащику Семѣну Ожухову отъ Козьмы Кузнецова, которые онъ, Кузьма, принялъ по описи господъ Баженовыхъ (1718 г.).

однако, все же компания оказывалась их кредитором и, вѣроятно, пользовалась своимъ положеніемъ для того, чтобы безконтрольно хозяйничать на бѣломорскомъ рынкѣ.

Замѣтимъ, наконецъ, что тѣ стачки, въ которыя „капитальные“ люди входили съ выборными органами городского управления, воеводами и даже важнѣйшими сановниками государства, приводили, конечно, къ еще большому притѣсненію „маломочныхъ убогихъ“ — „пожиточными“¹⁾.

„Маломочные“ люди въ свою очередь не могли питать дружелюбныхъ чувствъ къ капиталистамъ, состоявшимъ подъ сильнымъ покровительствомъ государственной власти, которая надѣляла ихъ разными привилегіями и монополіями. Мелкіе ремесленники, вѣроятно, сознавали вредъ, наносимый имъ этимъ покровительствомъ; не могли же они въ самомъ дѣлѣ безъ жалобъ подчиниться указамъ въ родѣ того, который запрещалъ крестьянамъ ткать узкіе холсты, отчего много тысячъ крестьянъ, кормившихся этимъ ремесломъ на сѣверѣ, разорилось; жалобы ихъ, вѣроятно, дошли до правительства, ссылавшагося на это обстоятельство въ концѣ 1726 года. Такое же настроеніе могли вызвать и указы 18-го ноября 1732 г. и 12-го марта 1734 г. воспрещавшіе крестьянамъ заводить сукольные и другихъ амуническихъ вещей фабрики²⁾. Раздраженіе маломочныхъ противъ привилегій слышится въ ихъ челобитныхъ того же времени. „А до сей компаніи, читаемъ мы, напримѣръ, въ „доношеніи“ Архангелогородскаго посада купецкихъ людей комиссія о коммерціи, оныя компанейщики у города Архангельскаго положенные подати платили, съ мірскими людьми въ равенствѣ, верстаяся съ другими по купечеству и своимъ иждивеніемъ покупая другихъ маломочныхъ людей и со своихъ полномочныхъ торговъ изъ службы поочередн съ ними служили; а нынѣ они, компанейщики, по вышеноказанному контракту податей въ подушной окладъ, по купечеству не платятъ и службъ не служатъ по примѣру мануфактурныхъ компанейщиковъ, а оная семужная компанія къ мануфактурнымъ компаніямъ не прилична, отчего имъ (посадскимъ людямъ) нынѣ въ податяхъ и въ служеніи и въ платежѣ по-

¹⁾ П. Искарскій, Новая извѣстія о В. Н. Татищевѣ, въ прил. къ IV т. Зап. Акад. Наукъ, стр. 31 и 89; В. Рожковъ, *Op. cit.*, стр. 72—73. Н. Оурсовъ, *Op. cit.*, стр. 193—201. Здѣсь собрано нѣсколько фактовъ подобнаго рода; насколько они типичны—сказать трудно въ виду случайнаго характера архивныхъ разысканій автора.

²⁾ С. Соловьевъ, И. Р., т. XIII⁴, стр. 291. II. С. З., т. IX, №№ 6262 и 6551.

душныхъ денегъ великая тягость и конечное разореніе“. Далѣе челобитчики просили, „чтобъ указомъ его императорскаго величества повелено было тѣмъ семожнымъ промысломъ торговать имъ, архангелогородскимъ посацкимъ людямъ, вольно попрежнему ради народной пользы и распространенія купечества съ платежемъ указанныхъ пошлинъ, а не однимъ онымъ компанейщикамъ, съ чево бы могли они подушные деньги платить“. „А ежели, заключаютъ свое доношеніе маломочные купецкіе люди города Архангельска, нынѣ оныя компаніи: сальная у города Архангельскаго и семужная по контракту на 4 года состоятъ будутъ за ними, компанейщиками, и отъ того имъ будетъ конечное разореніе, а наче что подушнаго окладу платить и службъ служить будетъ не съ чего, понеже, кромѣ оныхъ торговъ и промысловъ сальныхъ и семужныхъ, многіе изъ нихъ другихъ никакихъ не имѣютъ“.

Не менѣе опредѣленные отзывы маломочнаго купечества противъ этого зла раздавались и въ концѣ изучаемаго періода. „Многіе первостатейные купцы, жаловались Вологодскіе купцы въ 1764 году, получа привилегіи на нѣкоторые заводы и фабрики, хотя и отправляютъ не малые торги, не несутъ, однакожъ, никакихъ гражданскихъ тягостей, службъ и не подчиняютъ себя ни мало магистратскому вѣдомству по причинѣ упомянутыхъ привилегій“. Такимъ же образомъ рассуждало и Ярославское купечество: „отягощается же оно и въ разореніе приходитъ по причинѣ не подлежащихъ платежей разныхъ въ казну поборовъ и тягостей гражданскихъ за фабрикантовъ, изъ которыхъ первый Дмитрий Затрапезиновъ, хотя и великую производитъ торговлю внутренними російскими и заморскими товарами, не несетъ, однакожъ, не только въ гражданствѣ никакихъ купеческихъ тягостей, но и настоящихъ подушныхъ денегъ собственно за себя и за дѣтей своихъ не платитъ, а потому все оное платится за нихъ такъ, какъ и за прочихъ фабрикановъ оставшимъ ярославскимъ купечествомъ“; между тѣмъ этотъ платежъ производится лицами, „которые сами едва имѣютъ дневное пропитаніе“. Почти въ такихъ же выраженіяхъ говорили о положеніи своихъ дѣлъ и купцы города Тулы. „Первенствующіе изъ нихъ, какъ сами выходя изъ купеческаго общества въ заводчики и фабриканты, такъ и принятые ими въ прикащики, отъ всякихъ тягостей и службъ гражданскихъ увольняются и изъемяются отъ суда магистратскаго, отчего какъ всѣ тягости упадаютъ на оставшее число купцовъ, среднихъ и бѣдныхъ, такъ и притерпѣнныя иногда ими обиды отъ упомянутыхъ заводчиковъ и фабрикановъ безъ отвращенія, и обиди-

мыя безъ удовольствія остаются по той причинѣ, что оныя заводчики и фабрики въ случаѣ позова магистратскаго противными чинятся, и что, напротивъ того, обидимымъ возможности нѣтъ просить о удовольствіи въ бергъ и манufakturъ коллегіяхъ". Даже столичное купечество заявило, „что по малочислію своему яко въ резиденціи, и большою частію за бѣдностью, изъ унражняющихся въ коммерціи многіе избѣгая вспомошествовать обществу службами и тягостями, получили для разныхъ неважныхъ причинъ увольненія привиллегіями, за которыми оставшее бѣдное купечество приходитъ въ несостояніе отъ того" ¹⁾. Всѣ эти отзывы относятся къ первой половинѣ 1760-хъ годовъ и, разумѣется, въ значительной мѣрѣ могли бы быть пополнены однородными заявлениями въ наказахъ и голосахъ городскихъ депутатовъ, принимавшихъ участіе въ занятіяхъ большой комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія.

Благодаря правительственнымъ привиллегіямъ, ставившимъ компаніи въ выгодныя условія для дѣятельности, и тѣмъ способамъ, къ какимъ прибѣгали компанейщики для достиженія своихъ цѣлей, многія изъ компанейскихъ предпріятій уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія успѣли развиться и вели свои сбороты довольно успѣшно.

Количество компаній, возникшихъ за этотъ періодъ времени свидѣтельствуеетъ о томъ, что дѣла ихъ вообще шли довольно сносно. До 1760 года, напримѣръ, было основано не менѣе 9 полотняныхъ, 15 суконныхъ и 8 шелковыхъ компанейскихъ фабрикъ: о существованіи подобнаго рода предпріятій по бумажному производству точныхъ свѣдѣній не имѣется. Такія же компанейскія фабрики появлялись и по другимъ отраслямъ производства, менѣе развитымъ въ разсматриваемое время, чѣмъ вышеупомянутыя; минимальныя цифры оказываются здѣсь слѣдующими: кожаненныхъ—4, ситцевыхъ—1, набойчатыхъ—1

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 441. Иногда обнаруживались и болѣе частныя злоупотребленія. „При учрежденіи рекрутскихъ наборовъ, писали жители города Ярославля, претерпѣваетъ кунечество вредъ и разореніе отъ находящихся въ Ярославлѣ фабрикановъ, потому что большая часть такихъ праздныхъ и бесполезныхъ гражданству купцовъ, которые въ рекруты назначиваются убѣгаютъ къ нимъ, фабриканамъ, на фабрики; а ими фабриканами содержатся такъ какъ собственные ихъ работники до окончанія рекрутскаго набора, а между тѣмъ за убѣгательствомъ оныхъ канцелярія забирала и кунечество привуждено было въ рекруты отдавать доновитыхъ и капитальныхъ людей, которыхъ по отдалѣ дома и домашніе непобѣжно въ конечномъ развореніе, а упомянутые убѣгающіе праздные по причинѣ худого оныхъ состоянія, по окончаніи наборовъ въ тягость гражданству остаются" (ibid.).

и краповыхъ—1; вощаночныхъ—1, шляпныхъ—2 и пуговичныхъ—1; дагѣ, проволочныхъ—1, плащильнаго и сусальнаго золота и серебра—2, мншурныхъ—2 и позументныхъ—2, наконецъ, сахарныхъ—1, купоросныхъ—1 и сургучныхъ—1. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что возникновеніе всѣхъ этихъ компанейскихъ предпріятій нельзя относить лишь къ первой четверти XVIII столѣтія; и въ періодъ времени между 1725—1760 гг. ихъ основано было не мало ¹⁾). Косвенныя указанія о положеніи ихъ можно почерпнуть изъ вѣдомости мануфактуръ-коллегіи, составленной въ 1758 г. и содержащей свѣдѣнія о томъ, „сколько фабрикантами въ каждую фабрику съ самаго начала заведенія ихъ по нынѣшнее время всего капитала употреблено“. Нѣкоторыя изъ компаній, судя по этой вѣдомости, были довольно ничтожными предпріятіями, но другія достигали значительныхъ по тому времени размѣровъ, что не трудно усмотрѣть изъ нижеслѣдующей таблицы:

Годъ основанія.	Родъ фабрики.	Владѣлецъ фабрики.	„Капитала по поданнымъ отъ нихъ вѣдомостямъ показано въ употребленіи“: (Въ рубляхъ)
1720	Полотняная . . .	Е. Овопникова съ товарищемъ	45.000
1719	Игольная „ . . .	И. Комлехина съ товарищами	40.000
1748	Шляпная	М. Гусятникова съ товарищами	40.000
1753	Шляпная	К. Сабельщикова съ товарищами	26.000
1758	Сусальнаго листов. золота и серебра.	А. Федотова съ товарищами	18.000
1746	Полотняная (?) . . .	Д. Митрофанова съ товарищами	12.899
1749	Красочная	И. Шелковникова съ товарищами	9.000

¹⁾ Г. А., XIX, 377; А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., №№ 501, 502 и вѣдомость 1760 г. Въ текстѣ указаны только тѣ фабрики, которыми несомнѣнно владѣли компаніи; но, вѣроятно, къ тому же разряду можно было бы причислить и нѣкоторыя другія, находившіяся въ совладѣніи нѣсколькихъ родственниковъ.

1748	Мишурная . . . . М. Засѣкина съ това- рищами	9.000
1752	Бѣленія воску . . Г. Бѣлозерова съ то- варищемъ	до 4.000
1751	Шелковая . . . . И. Кружевникова съ товарищемъ	3.000 ¹⁾ .

Эти цифры, не могутъ, конечно, внушать полнаго довѣрія, такъ какъ показанія фабрикантовъ, повидимому, провѣркѣ не подвергались; впрочемъ, всѣ компанейскія фабрики (за исключеніемъ послѣдней) по свидѣтельству самой коллегіи оказались въ „добропорядочномъ состояніи“. Судить, однако, о степени его по такимъ даннымъ довольно трудно, ибо въ составъ вышеприведенныхъ капиталовъ вошли, кажется, лишь тѣ суммы, которыя были „употреблены на строеніе и на матеріалы“, о чемъ прямо заявили нѣкоторые изъ фабрикантовъ, такъ что приведенныя свѣдѣнія не могутъ дать вѣрнаго понятія о расходахъ фабрикъ въ полномъ ихъ объемѣ; сильныя колебанія ихъ въ маломъ количествѣ случаевъ, извѣстныхъ намъ изъ вѣдомости 1753 г., не даютъ также возможности вывести какого либо средняго, которое дало бы достаточно правильное понятіе о стоимости производства вообще; не мѣшаетъ замѣтить, наконецъ, что, судя по величинѣ „употребленныхъ капиталовъ“ компаніи не занимали уже въ это время перваго мѣста въ крупномъ производствѣ; самыя значительныя изъ „употребленныхъ капиталовъ“, (отъ 50.000 до 135.000 рублей) принадлежали единичнымъ предпринимателямъ, въ числѣ которыхъ, однако, могли быть и наслѣдники прежнихъ компанейщиковъ (см. приложение).

Болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія о развитіи компанейско-фабричнаго производства содержитъ другая вѣдомость, составленная въ мануфактуръ-коллегіи въ 1760 году. Судя по этимъ даннымъ многія изъ такихъ фабрикъ дѣйствовали довольно успѣшно; обороты ихъ или отличаются устойчивостью или замѣтно растутъ, можетъ быть отчасти подъ влияніемъ указа 1753 года объ уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, правда не доказывающихъ это положеніе, но во всякомъ случаѣ иллюстрирующихъ его цифровыми данными.

Полотняныхъ фабрикъ въ указанное время было сравнительно очень много, до 54-хъ, чѣмъ можетъ быть и объясняются не совсѣмъ

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., 1755 г., № 1722. Наименованія этихъ предпріятій въ самой вѣдомости не вполне однородны; см. приложение.

удачные обороты ихъ. На парусной фабрикѣ И. и Л. Лугвинныхъ въ Алексинскомъ уѣздѣ (съ 1748 г.) въ 1754—1757 гг. сдѣлано было, напримѣръ, кусковъ:

Г О Д Ы:	Число кусковъ:
1754 . . .	1.946
1755 . . .	1.020
1756 . . .	730
1757 . . .	3.726

А фабрика „надзирателей графа П. В. Шереметева, Григорія Бутрымова съ товарищи“ въ Суздальскомъ уѣздѣ (съ 1745 г.) поставляла кусками:

	Въ 1754 г.	Въ 1758 г.
Коломянки	343.305	279.641
Ревендуку	690	430
Фламскихъ	1.422	1.462

Шелковое производство находилось, повидимому, въ лучшемъ состояніи. Особенно удачно дѣйствовала по этой части компанейская фабрика Л. Ширванова и В. Хастатова, основанная въ 1740 г. въ Москвѣ. Размѣры ея производства представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ 1754 г.	Въ 1759 г.
	(въ аршинахъ)	
Бархата	200	1.000
Грезетовъ	2.169	8.100
Тафтъ	3.240	2.650
Кушаковъ	640	850
Платковъ	140	650

Выработка кожевенныхъ товаровъ успѣшно производилась на фабрикѣ, учрежденной въ 1744 г. (въ С.-Петербургѣ?); она первоначально состояла въ компаніи И. Соболева съ товарищами въ 1747—1757 гг., а затѣмъ перешла во владѣніе Ивана Бармина и К°. Производство кожъ на этой фабрикѣ въ 1750 — 1762 гг. было въ слѣдующемъ положеніи:

Г О Д Ы:	Сдѣлано:	П р о д а н о:		Въ о с т а т к ѣ:	
		Число кожъ.	Цѣна въ руб.	Число кожъ.	Цѣна въ руб.
1750 . .	3.100	3.100	4.620	—	—
1756 . .	8.000	8.000	12.800	—	—
1757 . .	6.400	6.400	10.515	—	—
1762 . .	14.000	13.050	19.961 р. 25 к.	950	1.168 р. 75 к.

Удачно дѣйствовали и другія предпріятія этого рода. Кожевенныя фабрики А. Ероѣева съ товарищами (съ 1735 г.) и В. Яковлева съ товарищами (съ 1753 г.) производили, на примѣръ, въ Москвѣ:

ГОДЫ:	Число кожъ:	
1754	16.950	28.300
1759	33.205	50.600

Вощаночная фабрика И. Чиркина съ товарищами, находившаяся въ первое время по своему основаніи въ 1754 г. (въ С.-Петербурѣ?) въ печальномъ состояніи, съ 1757 г. замѣтно поднимается; обороты ея въ 1757—1763 гг. достигали слѣдующихъ размѣровъ:

ГОДЫ:	Сдѣлано:	Продано:	
		Арш.	Цѣна.
1757	2.800	1.200	1.200
1762	5.100	4.900	1.600
1763	4.500	2.400	1.140

Въ общемъ довольно удачно дѣйствовала также шляпная фабрика М. Гусятникова и К°, основанная въ Москвѣ въ 1745 г. Эта фабрика въ 1754—1759 гг. производила нижеслѣдующее количество товара:

	1754 г.	1755 г.	1756 г.	1757 г.	1758 г.	1759 г.
<i>На полки:</i>						
на гарнизонныя	45.448	49.650	57.250	49.828	40.488	27.758
на армейскія	59.053	62.310	67.900	62.387	120.393	58.394
<i>На продажу:</i>						
Шерстяныхъ	29.805	43.825	39.100	34.985	45.023	45.125
Пуховыхъ	5.215	4.449	3.592	5.483	6.222	6.720
Полупуховыхъ	—	1.500	950	—	960	1.530
Поярковыхъ	—	450	—	34.000	26.400	?
Пуховыхъ съ шерстью	—	—	—	685	850	?

Приведемъ, наконецъ, два примѣра по мишурному и позументному производствамъ.

На мишурной фабрикѣ Е. Солодовникова съ товарищами въ Москвѣ (съ 1755 г.) выдѣлывалось слѣдующее количество вещей въ 1755, 1756 и 1759 гг.:

ГОДЫ:	Въсомъ:
1755	1.566 фунт. 72 зол.
1756	2.524 " — "
1759	7.423 " — "

На позументной же фабрикѣ, заведенной І. Рейнгольдомъ въ 1755 г., принявшими къ себѣ въ товарищество П. и И. Кукушкиныхъ, при чемъ послѣдніе уже въ 1757 г. стали единственными хозяевами предприятия, выдѣлывалось (въ С.-Петербургѣ?) вещей на вѣсь:

ГОДЫ:	Сдѣлано.			Продано:				Остатокъ:					
	н.	ф.	з.	н.	ф.	з.	Руб.	К.	н.	ф.	з.	Руб.	К.
1756 . .	3	27	80	1	84	54	1.938	76	2	32	72	2.443	54
1757 . .	4	11	77	3	10	61	3.490	48	1	1	16	1.025	28
1762 . .	5	31	—	5	81	—	6.653	60	—	17	(sic)	492	80
1763 . .	9	—	—	4	35	—	6.048	—	3	20	(sic)	11.181	—

Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ компанейскихъ фабрикъ, какъ, напримѣръ, полотняная И. Тамеса или шелковая М. Евреннова иногда (1744 г.) превосходили размѣрами своихъ оборотовъ единоличныя предприятия того же рода ¹⁾.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что многія компанейскія фабрики успѣли воспользоваться тѣми привиллегіями, которыя даны были имъ правительствомъ и удачно принимали вышеозначенные способы эксплуатаціи народнаго богатства.

Кромѣ фабричныхъ компаній, къ концу изучаемаго періода воз-

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія мы почерпнаемъ изъ любопытныхъ вѣдомостей, составленныхъ въ мануфактуръ, коллегіи, вѣроятно, въ 1760 г. и 1764 г. Первая (А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., вѣдомости 1754—1767 гг., св. № 294) содержитъ нижеслѣдующія свѣдѣнія за 1754—1759 гг.: 1) владѣльцы фабрикъ; 2) привилегіи и 3) ссуды, данныя имъ правительствомъ; 4) размѣры производства въ 1759 г. (количество матеріаловъ и товаровъ); 5) число станковъ по родамъ товаровъ; 6) „сколько позволено купить людей безъ земель и крестьянъ съ землями“; 7) „сколько и какихъ мастерствъ работныхъ людей“; 8) „сколько какихъ товаровъ сдѣлано въ 1754—1759 гг.“. Вторая вѣдомость (ibid., св. № 291) „была учинена въ мануфактуръ конторѣ въ силу правительствующаго сената указа (1764 г. февраля 13) о состоящихъ въ вѣдомствѣ оной конторы фабрикахъ, какія на оныхъ дѣлаются товары и какоежь предъ прежними годами въ дѣлаемыхъ товарахъ размноженіе учинено“. Здѣсь имѣются свѣдѣнія иногда отъ 1743 г. до 1763 г. Къ сожалѣнію фабрики, находившіяся въ вѣдомствѣ мануфактуръ конторы, были малочисленны и не имѣли большаго значенія по своимъ оборотамъ; важнѣйшія отрасли производства въ этой вѣдомости вовсе не представлены; это тѣмъ болѣе досадно, что вѣдомость 1743—1763 гг. составлена довольно подробно: здѣсь означены между прочимъ не только размѣры производства, но и размѣры сбыта, при чемъ они часто оцѣнены на деньги, что даетъ возможность для этого позднѣйшаго времени и по менѣе важнымъ отраслямъ производства опредѣлить и прибыль предпринимателя.

нико и нѣсколько собственно торговыхъ предпріятій, уже довольно близкихъ къ акціонернымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ такъ называемымъ командитно-акціонернымъ обществамъ; но о результатахъ ихъ дѣятельности, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣемъ достаточно систематичныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній; впрочемъ, въ виду поздняго возникновенія этихъ, преимущественно „морскихъ“, компаній, значеніе ихъ въ народномъ хозяйствѣ успѣло нѣсколько выясниться лишь во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, хотя уже въ 1711 году правительство хотѣло основать китайскую компанію, но она едва ли дѣйствовала и послѣ 1739 года; въ донесеніяхъ кяхтинской таможи 1755—1756 гг., кромѣ одного случая, если не ошибаемся, не упомянуто ни одного товарищества: купцы почти всѣ торговали или самолично, или черезъ посредство своихъ приказчиковъ и комиссіонеровъ, каждый въ отдѣльности, не вступая въ компаніи съ другими¹⁾. Точныхъ извѣстій о дѣятельности компаніи, которую велѣно было учредить для торга съ Испаніей въ 1724 году, мы также не знаемъ, что едва ли свидѣтельствуетъ въ пользу существованія или, по крайней мѣрѣ, успѣха этого предпріятія²⁾. На первыхъ порахъ и позднѣйшія компаніи: Астраханская (1752 г.), Персидская (1758 г.), Черноморская (1758 г.) и Каспійская (1760 г.), едва ли имѣли большое значеніе³⁾; по достаточно опредѣленныхъ свѣдѣній объ ихъ оборотахъ за изучаемый періодъ времени до сихъ поръ намъ не понадалось, что лишаетъ насъ возможности судить о результатахъ, какихъ достигли эти общества послѣ уничтоженія внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и до паденія системы монополій.

Дѣятельность компаній, какъ видно, далеко не всегда согласовалась съ интересами русскаго народнаго хозяйства въ первой половинѣ XVIII вѣка и часто превращалась въ эксплуатацію его со стороны крупныхъ капиталистовъ того времени. Это происходило, впрочемъ, не столько отъ естественнаго роста капиталистическихъ предпріятій, все еще довольно ничтожныхъ по объему, сколько отъ того

¹⁾ И. С. З., т. IV, № 2330. А. Д. Т. С., Дѣла Сибирскаго пр. 1757 года, № 124, 360 лл. Товарищество, упоминаемое въ этой книгѣ (№ 573), состояло изъ двухъ лицъ, купцовъ В. Зайцева и В. Елезова; товаровъ у нихъ было „по цѣнѣ“ на 148 р. 68 к.

²⁾ И. С. З., т. VII, № 4540; ср. П. Барановъ, Опись, ч. III, № 11682 и С. Соловьевъ, И. Р., т. XXI, стр. 50—51.

³⁾ А. Семеновъ, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ, С.-Пб., 1869 г., ч. I, стр. 172—176.

исключительно-привилегированнаго положенія, въ какое поставлены были предприниматели, и отъ чрезмѣрной свободы ихъ дѣйствій, не ограниченныхъ соответствующими нормами и санкціями законодательства. Развитіе подобнаго произвола, которому, конечно, немало способствовала и общая разнузданность отношеній, наступившая при спѣшной перестройкѣ государственнаго порядка въ началѣ XVIII столѣтія, не только вредило русскому хозяйству изучаемаго періода, но грозило и его будущему, порождая привычку къ быстрой и легкой наживѣ, не приобретаемой ни упорнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ, ни основательнымъ знаніемъ своего дѣла. Съ 1760-хъ годовъ это зло обратило на себя вниманіе русскаго правительства: оно значительно ограничило привилегіи капиталистовъ и такимъ образомъ поставило компаніи въ новыя условія дѣятельности, болѣе выгодныя для русскаго народнаго хозяйства, чѣмъ тѣ, какія порождены были русской правительственною политикою первой половины XVIII столѣтія.

ГЛАВА V.

Паденіе компанейскихъ привилегій во второй половинѣ XVIII вѣка.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ способствовалъ постепенному паденію компанейскихъ привилегій во второй половинѣ XVIII вѣка: частью внутренніе раздоры среди купечества, частью и новое направленіе правительственной политики измѣнили то привилегированное положеніе, въ какомъ находилось крупное производство въ началѣ столѣтія, что и даетъ возможность со второй его половины усматривать новый періодъ въ исторіи компанейскихъ предпріятій.

Интересы мелкаго производителя (ремесленника-кустара и т. п. плохо согласовались съ интересами „капитальных“ людей. При разрозненіи его дѣятельности, онъ долженъ былъ бы вступить въ конкуренцію съ фабрикантомъ, который, конечно, не могъ смотрѣть благосклонно на такое явленіе. Хотя рѣзкаго антагонизма и сознательной борьбы между кустарями и фабрикой, какъ двумя противоположными формами производства, можетъ быть, въ первой половинѣ XVIII вѣка еще и не существовало¹⁾, но столкновенія между кустарями и фабрикантами, первоначально даже удачно заканчивавшіяся въ пользу пер-

¹⁾ М. Туланъ-Барановскій, *Op. cit.*, стр. 52.

выхъ, а не вторыхъ, уже извѣстны отъ конца XVII столѣтія ¹⁾ и, вѣроятно, продолжали повторяться не разъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, такъ какъ мнѣнія и указы, поданные отъ купеческихъ обществъ, въ комиссіи о коммерціи и о составленіи проекта новаго уложенія, изобилуютъ жалобами купцовъ на развитіе мелкаго крестьянскаго производства, а такое явленіе должно было, конечно, складываться постепенно въ теченіе всего предшествующаго періода времени. Приведемъ нѣсколько мнѣній, поданныхъ купечествомъ разныхъ городовъ въ комиссію о коммерціи не позднѣе 1764 года и доказывающихъ, что оно все еще далеко не успѣшно для себя боролось съ кустарнымъ производствомъ. Купцы преимущественно сѣверныхъ городовъ, напримѣръ, Каргополя, Слободска, Соликамска, а также Уфы, жаловались преимущественно на то, что крестьяне „промышляютъ кожевенными заводами такъ точно, какъ и купцы“; въ Вологодскомъ уѣздѣ крестьяне содержали, кромѣ кожевенныхъ, еще мыльные и солодовенные заводы, такъ же какъ и въ Лухскомъ (кожи и мыло) и Костромскомъ (солодъ). Далѣе, въ Шуйскомъ уѣздѣ крестьяне, по заявленію купцовъ, завели юфтяные, скорняжные, шубные, крашенниные, мыльные и свѣчные заводы, а жители Павлова, Мурашкина, Катунюкъ, Лыскова и нѣкоторыхъ другихъ селъ Нижегородской губерніи давно уже занимались кожевеннымъ, мыльнымъ, солодовеннымъ и прядильнымъ производствами, чѣмъ принуждали купечество „покупать нужные припасы для выработыванія оныхъ товаровъ возвышенными цѣнами“. Наконецъ, крестьяне Старицкаго, Ярославскаго (Норская слобода) и Царево-Санчурскаго уѣздовъ, по увѣренію купечества, занимались „кузнечнымъ мастерствомъ“; при этомъ купцы (Норской слободы) обращали вниманіе правительства на то, что крестьяне, „наймуясь у купцовъ въ работу и обучась гвоздюному мастерству, размножаютъ оное въ селахъ и деревняхъ собою, сманиваютъ къ себѣ для онаго мастерства обязанныхъ задатками, которые по подговору ихъ бѣгаютъ, а какъ на таковыхъ бѣжавшихъ съ задатками прозбы чинить должны купцы формально въ канцеляріяхъ, то принуждены бываютъ отъ всего того отступаться и какъ особливо обучившіеся крестьяне въ цехъ никто не записываются, отговариваясь, что не позволяютъ имъ помѣщики, то купечество претерпѣваютъ самую нужду“ ²⁾. Множество показаній въ томъ же родѣ можно подыскать

¹⁾ J. Kilburger, Kurzer Unterricht etc., S. 327.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла Ком. о ком., № 441: Дѣло о тягостяхъ и требованіяхъ купечества 1764 г. Въ Царевококшайскій купцы жаловались еще на то, что кре-

и въ позднѣйшихъ городскихъ наказахъ, поданныхъ депутатами отъ купеческихъ обществъ въ комиссію о составленіи проекта новаго уложенія; здѣсь упоминаются иногда и другія отрасли мелкаго крестьянскаго производства, какъ, напримѣръ, пеньковаго въ уѣздахъ Воротынскомъ и Перемышльскомъ, а также холщеваго въ Костромскомъ¹⁾. Одною изъ наиболѣе любопытныхъ областей въ этомъ отношеніи являлась Нижегородская. Здѣсь, находилось много „знатныхъ“ селъ, а именно: Лысково, Работки, Павлово, Ворсма, Городецъ, Мурашкино и Княгинино съ приписными къ нимъ волостями. „Во всѣхъ этихъ селахъ подобно какъ и въ другихъ, во множествѣ находящихся въ государствѣ, бывали торги и ярмарки; въ нихъ также жили ремесленные люди и производилась продажа всякаго хлѣба, съѣстныхъ припасовъ и соли; равнымъ образомъ продавались выдѣланные кожи и овчины, холсты, всякое производство изъ мѣди и желѣза, кузнечная, слесарная и оловянная работа; крестьянскія мужскія и женскія платья, шапки и рукавицы; крестьянскія простыя сукна, мужская и женская обувь, сапоги, коты и башмаки; деревянная посуда, конская сбруя, хомуты, узды, шаен и прочій конскій уборъ“²⁾.

Еще болѣе опаснымъ для крупныхъ капиталистовъ былъ крестьянскій торгъ, на который они также постоянно жаловались правительству. Не приводя здѣсь многочисленныхъ свидѣтельствъ о мелкихъ торгахъ крестьянъ въ городскихъ лавкахъ или на ближайшихъ ярмаркахъ, отмѣтимъ только болѣе рѣзкіе факты, свидѣтельствующіе о томъ, что торговые обороты ихъ не рѣдко выходили за предѣлы мѣстныхъ рынковъ, чему, вѣроятно, не мало способствовало уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ³⁾. Сами купцы отчасти содѣй-

ствіемъ вырабатываютъ „жршенину“. Противъ крестьянскихъ ремеслъ высказались также купцы городовъ: Переяславля Рязанскаго, Сапожка и Вятки.

¹⁾ С. Р. И. О., т. ХСШ. Къ сожалѣнію городскіе наказы еще болѣею частью не напечатаны; ср. *М. Тулюкъ-Барановскій*, *Op. cit.*, стр. 87—89.

²⁾ С. Р. И. О., VIII, 230: Мнѣніе депутата отъ нахотаныхъ солдатъ Нижегородской провинціи И. Жеребцова.

³⁾ Въ 1764 г. на торги крестьянъ и разношницевъ жаловались купцы нижеслѣдующихъ городовъ: Архангельска, Бѣжецка, Бѣлоозера, Буя; Верей, Владиміра, Вологды, Вязьмы и Вятки; Каргополя, Каширы, Козельска и Костромы; Луха и Любима; Нижняго-Новгорода и Норской слободы; Пензы, Переяславля Рязанскаго и Плеса; Сапожка, Саранска, Самбирска, Слободска, Смоленска, Соликамска, Старой Русы, Старицы, Судиславля и Суздаля; Торонца и Тулы; Углича, Усолья, Устюжмы Желѣзнопольской и Уфы; Чебоксарь; Шун; Царевкошайска; жители г. Дорогобужа и Самары жаловались на торгъ разношницевъ (А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 441).

ствовали развитію крестьянскаго торгова. Такъ, на примѣръ, купечество одного изъ городовъ, подававшее мнѣніе о своихъ тягостяхъ въ комиссію о коммерціи въ 1764 году, жаловалось между прочимъ на указъ, изданный три года тому назадъ и запрещавшій „государственнымъ и духовнымъ крестьянамъ обязываться съ купцами векселями и письмами; ибо по сіе самое запрещеніе, продолжали купцы, торговля ихъ купеческая отправляема была нѣкоторымъ посредствомъ крестьянъ, потому что изъ оныхъ одни, бравъ отъ купцовъ напередъ деньги, доставляли за оныя разные продукты, другіе же изъ нихъ, будучи у купцовъ лавочными сидѣльцами и акредитованными прикащиками, составляли тѣмъ взаимную пользу“... ¹⁾ Бывали и другіе случаи, когда купцы нуждались въ помощи крестьянъ и готовы были поступиться нѣкоторыми изъ своихъ привилегій. „Сами купцы, по замѣчанію одного изъ членовъ комиссіи о коммерціи, будучи недостаточны капиталами, не могли никогда пробыть безъ помощи крестьянскаго торгова и всегда въ торговомъ соединеніи во внутреннихъ городахъ съ богатыми крестьянами сообщались такъ, какъ то нынѣ явнымъ образомъ въ Нижнемъ городѣ магистратъ не только не препятствуетъ крестьянскому торгова, но, будучи составленъ изъ бѣдныхъ купцовъ, самъ ищетъ и приглашаетъ крестьянъ, чтобы торговали, получая отъ каждаго по состоянію торгова его довольную плату, и тою одною себя содержать и платить подати“... „А то же самое, читаемъ мы въ томъ же разсужденіи, уповательно, и въ другихъ городахъ найдется, что не только купцы крестьянамъ свое имя для пожитку своего отдають, но и самыя магистраты. Жалобы же на крестьянскій торгова отъ таковыхъ только купцовъ изстари были и нынѣ приносятся, которые, живучи въ столичныхъ и ближайшихъ къ порту городахъ, о государственной пользѣ ни мало не думаютъ, но каждый о своемъ персональномъ прибыткѣ и якобы о своей собственной уцѣлго народа монополіи“ ²⁾. Нерѣдко, однако, крестьяне и помимо купческаго усмотрѣнія занимались торговами. Большинство изъ нихъ, вѣроятно, уклонилось отъ записки въ купческія общества: правда по первой ревизіи такихъ лицъ числилось до 1.000, но съ тѣхъ поръ и до 1765 года ихъ прибыло всего 412 человекъ ³⁾.

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣло ком. о ком., № 441: Мнѣніе Вятскаго купчества. С. Р. И. О., VIII, 291 и др.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла о ком., № 483: Г. Теплоузъ, Мнѣніе о торгѣ крестьянскомъ.

³⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 483: Г. Теплоузъ, *op. cit.*

Крестьяне предпочитали болѣе выгодные для себя способы фактически войти въ составъ купческаго класса, не принимая на себя отправления обременявшихъ его обязанностей. По увѣренію купцовъ, подававшихъ свои мѣнія въ 1764 году въ комиссію о коммерціи, крестьяне „не въирая на всѣ узаконенныя запрещенія, великой торгъ внутри Россіи отиравляютъ всякими товарами то-есть: всякаго рода хлѣбомъ и съѣстными припасами; мякотными и прочими разными продуктами и товарами. А сію торговлю производятъ они подъ разными видами; одни сдѣлавшись прикащиками у купцовъ, другіе подъ смѣже видомъ получаюмя у нѣкоторыхъ подлыхъ купцовъ, праздномя свое носящихъ, или и отъ дѣйствительныхъ, однакожь пользы общей не наблюдающихъ; нѣкоторые же, скуая сіи товары потаенно, и подъ видомъ якобы для господской надобности, продаютъ оныя также подъ видомъ помѣщичьихъ товаровъ, оставшихъ у нихъ за расходомъ“, остальные наконецъ торгуютъ „черезъ допущеніе казенныхъ мѣстъ въ подряды и въ поставки разныхъ товаровъ“¹⁾.. Естественно, что при такихъ условіяхъ нѣкоторые крестьяне сами являлись въ качествѣ скупщиковъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ купчества и вопреки его интересамъ. „Многіе крестьяне, жаловался одинъ изъ депутатовъ въ комиссіи 1767—1774 гг., скупаютъ ленъ, пеньку, медь, холстъ, сукна, овчины, скоть, шелкъ, бумагу и прочіе товары, которыми торговать надлежало бы только купцамъ, и, продавая все это въ городахъ по торжкамъ и ярмаркамъ въ розницу, тѣмъ причиняютъ купчеству подрывъ“²⁾. Купческія „мѣнія“ 1764 года содержатъ много жалобъ на развитіе этого крестьянскаго торга. Такъ, напримѣръ, жители городовъ Смоленска, Вязьмы, Каргополя и Устюжны Желѣзнопольской, Шун и Нижняго-Новгорода, а также Сибирска жаловались на то, что мѣстные крестьяне не только скупаютъ, но и перекупаютъ разные товары, которые вслѣдъ затѣмъ продаютъ въ такихъ городахъ, какъ Москва, С.-Петербургъ и Архангельскъ, не говоря о второстепенныхъ центрахъ. Въ числѣ этихъ товаровъ упоминаются не только „всякой хлѣбъ, сѣмя льняное и конопляное, пенька и кузю, но и шелковыя матерія, даже иностраннаго надѣлія, какъ это было, напримѣръ, въ Шуйскомъ уѣздѣ. Крестьяне принимали также довольно дѣятельное участіе и въ сибирской торговлѣ. „Имя до-

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 441: Мѣніе Вологодскаго купчества; ср. также мѣніе купчества Норской слободы и гор. Архангельска.

²⁾ С. Р. И. О., VIII, 92: Мѣніе депутата отъ гор. Сергійска Р. Глинкова.

статочные капиталы, они ѣздили на ярмарки къ Макарію и Ирбиту, (а оттуда?) провозили товаръ въ дальніе сибирскіе города, какъ сухимъ путемъ большими обозами, такъ и водными сообщеніями на судахъ отъ Тобольска черезъ Томскъ до Иркутска и за Байкальское море до Селенгинска и Якутска. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ они продавали и мѣняли товаръ на товаръ, а на вырученныя такимъ образомъ деньги покупали всякую мягкую рухлядь какъ то: соболей, бѣлку, горностаю, рысь, куницу, волка, корсака, ушканину, медвѣдей, песцовъ, всякаго рода бобровъ и лисицъ камчатскихъ и прочихъ тому подобныхъ; возвратившись съ этими товарами, они привозили ихъ на ярмарки и въ города, и снова продавали и мѣняли ихъ въ обширномъ количествѣ¹⁾. Бывали, наконецъ, крестьяне, которые по заявленію купцовъ, отправляли даже свои товары въ порты и пограничныя таможи для того, чтобы отсюда препроводить ихъ за границу. Подобнаго рода торгами, о существованіи которыхъ свидѣтельствовали также нѣкоторые изъ членовъ комиссіи о коммерціи и городскіе указы 1767 года, крестьяне причиняли убытки купечеству: оно жаловалось на уменьшеніе и вздорожаніе мѣстныхъ продуктовъ, годныхъ для продажи, а также на то, что конкуренты ихъ продаютъ свои товары „дешевле, нежели лавочникъ можетъ“ и притомъ иногда подрываютъ его кредитъ, спуская на рынокъ фальсифицированныя издѣлія²⁾.

Всѣ эти заявленія, сдѣланныя заинтересованными лицами, конечно, не внушаютъ полного довѣрія; тѣмъ не менѣе въ нихъ могла быть и доля правды. Во всякомъ случаѣ кустарная промышленность и крестьянскій торгъ оказывались явленіями, слишкомъ глубоко вкоренившимися въ народную жизнь для того, чтобы крупнымъ предпринимателямъ возможно было въ сравнительно короткій промежутокъ времени вырвать ихъ изъ ея нѣдръ. Это было тѣмъ труднѣе, что мелкое производство съ одной стороны находило поддержку въ дворянствѣ, которому выгодно было владѣть богатыми крестьянами³⁾, съ другой начинало вызывать сочувствіе правительства.

Уже нѣкоторые члены комиссіи о коммерціи рельефно указали на то, что положеніе крестьянина въ извѣстныхъ отношеніяхъ было

¹⁾ С. Р. И. О., VIII, 194. Возраженіе депутата отъ жителей Барнаульскаго завода И. Карышева.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о коммерціи, № 441.

³⁾ С. Р. И. О., IV, 125, 312 и 416; VIII, 62, 226, 31—284, 244—245; XXXVI, 325—326, 355, 399.

лучше такого-же положенія купца. Представимъ себѣ, писалъ одинъ изъ нихъ въ 1765 году, торгующихъ купца и крестьянина и рассмотримъ ихъ обстоятельства въ разсужденіи податей и образа ихъ житія. Купецъ платитъ подушнаго противъ крестьянина вдвое, а другіе чрезвычайныя поборы, какъ то рекрутъ, лошадей и прочее берется съ купцовъ такъ, какъ съ крестьянъ, безъ всякаго различія; крестьянинъ платитъ помѣщичьево доходу по 1 рублю по 50 копѣекъ, но купецъ отправляетъ не токмо городскія службы, но и всѣ общія купецкія, которыя безъ всякаго сомнѣнія, втрое крестьянскую помѣщичку подать превзойдутъ; слѣдственно купецъ несравненно противъ крестьянина податей платитъ больше. Крестьянинъ живетъ въ деревнѣ со всѣмъ своимъ домомъ, имѣетъ землю, а купецъ живетъ въ городѣ и оной совсѣмъ не имѣетъ; итакъ когда крестьянинъ торговать поѣдетъ, то жена дѣти и весь домъ отъ него никакой помощи не требуютъ или весьма малую, потому что они питаются плодами своей земли; мѣщанинъ, не имѣя у себя земли, долженъ удѣлить знатную часть прибытка на содержаніе своихъ домашнихъ. Домъ торгующаго крестьянина находится въ деревнѣ, гдѣ не отправляетъ конечно никакихъ службъ, налагаемыхъ иногда отъ полиціи, какъ для безопасности, такъ и для чистоты города; напротивъ того домъ мѣщанина, лежащій въ городѣ, всѣ оныя службы нести долженъ. Если жъ къ сему присовокупить протекцію помѣщиковъ, которые иногда и сами въ крестьянскую торговлю вмѣшиваются, то ясно, кажется, видѣть можно, что крестьяне не собственнымъ своимъ проворствомъ, ни преимущественнымъ предъ купцами знаніемъ, ниже лутчимъ поведеніемъ приобрѣли себѣ капиталы, но вышеописанными въ торгѣ въ разсужденіи купцовъ преимуществами, и мѣщанство не отъ худыхъ своихъ поступковъ, ниже отъ невѣжества во многихъ городахъ до основанія раззорились, но отъ неправильнаго и законамъ противнаго похищенія ихъ промысла людьми, которымъ въ оной входитъ запрещено законами¹⁾. „Протекція“ помѣщиковъ, какъ видно, немало значила въ развитіи крестьянскаго торга.

Само правительство, отчасти можетъ быть подъ вліяніемъ жалобъ мелкихъ производителей и малочныхъ купцовъ на привилегированныхъ предпринимателей, со второй половины XVIII столѣтія также стало склоняться въ пользу мелкаго производства: указомъ 1755 г. предписано было „не чинить запрещенія въ отпускѣ за границу уз-

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о коммерціи, № 483; ср. С. Р. И. О., VIII, 218.

каго холста, потому что простой народъ отъ этого запрещенія терпѣть убытки, а въ 1758 году, какъ извѣстно, всѣмъ дозволено было дѣлать пестряди и шляпы, при чемъ вышло даже запрещеніе учредить фабрики для этого мастерства¹⁾. Хотя случаи эти, можетъ быть и представляются скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ, однако, съ начала шестидесятыхъ годовъ замѣтны новыя попытки въ этомъ направленіи. Правда большинство членовъ дѣйствовавшей въ то время новой комиссіи (Шаховской, Муравьевъ и Клингштетъ) придерживались старой точки зрѣнія, по одинъ изъ нихъ, Теплоуъ, прямо и рѣзко высказался въ пользу допущенія „крестьянскаго торгоу“, между прочимъ на томъ основаніи, что согласно здравой политикѣ „государству весьма полезнѣе, когда капиталъ раздѣленъ во многія руки, ибо тогда весь оной въ обращеніи коммерческомъ“ и что всѣ попытки уничтожить этотъ торгъ законодательнымъ путемъ оставались безуспѣшными; при этомъ Теплоуъ не преминулъ сослаться и на примѣръ „чужихъ государствъ, гдѣ при великомъ множествѣ купцовъ никакому землевладѣльцу не воспрещено сдѣлаться купцомъ“...²⁾. Мнѣнія г. Теплоуа или отражали взгляды самой Екатерины II или повлияли на нихъ, такъ какъ и она иногда въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ отзывалась объ этомъ предметѣ.

Итакъ развитіе мелкаго производства, находившаго поддержку въ дворянствѣ и начинавшаго пользоваться сочувствіемъ правительства, ставило крупныя предпріятія въ менѣе благоприятныя условія, чѣмъ то было раньше; въ томъ же положеніи, вѣроятно, находились и компаніи; во всякомъ случаѣ точныхъ извѣстій о специфическихъ особенностяхъ его мы пока не имѣемъ.

Объединенію промышленно-торговаго класса мѣшали не только враждебныя отношенія между „маломочнымъ“ и „мочнымъ“ купечествомъ, но и разладъ среди самихъ „капитальныхъ“ людей. Каждый изъ нихъ, разумѣется, конкурировалъ съ остальными въ эксплуатаціи „маломочныхъ“ людей. Фабрикантъ въ глазахъ купца являлся именно тѣмъ крупнымъ производителемъ, который въ извѣстной мѣрѣ препятствовалъ ему, купцу, выступать въ роли скупщика по весьма многимъ отраслямъ производства.

Русскіе купцы, напримѣръ, уже въ 1727 году просили правительство о томъ, чтобы „нѣкоторые мелочные товары, которые имѣ-

¹⁾ П. С. З., т. XIV, № 10359; т. XV, № 10910.

²⁾ См. выше стр. 413, прим. 2; ср. С. Р. Н. О., VIII, 201.

ютъ искусство дѣлать крестьянство, а именно полотна, краски и прочее, онымъ бы дѣлать не было запрещенія отъ фабричниковъ и съ платежемъ пошлины для продажи обтомъ въ города привозить, чего ради и крестьянство для своей пользы будутъ обучатца, а фабриканты на свои товары излишнихъ цѣнъ накладывать будутъ опасатца“¹⁾. Приэтомъ, фабрики, пользовавшіяся покровительствомъ правительства, по крайней мѣрѣ въ первой трети XVIII столѣтія часто сбывали на рынокъ такіе товары, которые были не только хуже, но и дороже привозныхъ, иностранныхъ, о чемъ чуть ли не единогласно свидѣтельствовали московскіе торговцы въ 1727 г., когда правительство отобрало у нихъ показанія о степени доброкачественности русскихъ фабричныхъ издѣлій. На этомъ основаніи купцы просили правительство снова разрѣшить имъ ввозъ изъ заграницы такихъ издѣлій, какъ химическіе продукты (купоросъ, скипидаръ, краски и т. п.), сукна и чулки, а также пряденое золото и серебро²⁾. Наконецъ, фабриканты продавали свои издѣлія въ розницу, чѣмъ также вызывали неудовольствіе купцовъ; уже въ 1727 г., напримѣръ, эти послѣдніе жаловались на то, что фабриканты держатъ свои лавки въ рядахъ и продаютъ въ розницу свои произведенія, какъ то полотна, чулки, шелковыя издѣлія, бумагу писчую и карты, а также пряденое и кружевное золото и серебро³⁾. Дѣйствительно, полотняная фабрика И. Тамеса и К^о имѣла, напримѣръ, торговныя заведенія въ рядахъ, а шелковая мануфактура графа Ѳ. Апраксина съ товарищами владѣла лавкой, въ которой съ 1-го іюня 1721 года по 1-е октября продано было товару на 609 руб. 78 коп.⁴⁾; надо полагать, что указы, за-

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 500. „Въ торгахъ ихъ утѣшеніи и поимѣнительство слѣдуютъ, писали костромскіе купцы въ 1764 г., отъ того, что статскаго совѣтника и разныхъ фабрикъ содержателя Алексѣя Затрапезнова прикащика и особливо московскіе купцы по силѣ указовъ данныхъ Затрапезному изъ мануфактуръ-коллегии, а купцамъ изъ комиссаріата покупаютъ отъ крестьянства въ розницу разныхъ продуктовъ товары и особливо холсты для арміи“ (А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 411).

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 500.

³⁾ А. Д. Т. С., дѣла ком. о ком., № 500. Впрочемъ указомъ 1723 г. фабрикантамъ дозволено было держать свои лавки въ рядахъ подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы продавать въ нихъ лишь тѣ товары, которые остались у нихъ за распродажею купцамъ (И. С. З., т. VI, № 4057); фабриканты, вѣроятно, не соблюдали этого правила, на что и жаловались купцы.

⁴⁾ Г. А., XIX, 440: Дѣло о мануфактурѣ графа Ѳ. Апраксина съ товарищами.

прещавшіе фабрикантамъ держать лавки и заниматься розничною продажей, не имѣли дѣйствія, ибо жалобы купцовъ на это злоупотребленіе продолжали повторяться и въ заявленіяхъ 1764 г. и въ городскихъ наказахъ 1767 г. ¹⁾).

Фабриканты съ своей стороны также враждебно относились къ привилегіямъ и монополіямъ, какими пользовались купеческія компании, въ особенности, если эти монополіи распространялись на ввозъ какого нибудь сырья, нужнаго для фабрикъ. Въ такомъ именно положеніи находилось, напримѣръ, шелковое производство въ концѣ изучаемаго періода. Авторъ „меморіала о россійской торговлѣ“, написаннаго, вѣроятно, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, высказываетъ, между прочимъ, правило, въ силу котораго „если какой торгъ могутъ производить многіе, то не должно позволять производить немногимъ или одному человѣку“ и это правило иллюстрируетъ слѣдующимъ примѣромъ. „Шелкъ, пишетъ онъ, получаемъ мы большею частью изъ Персіи. Напредъ сего многіе армяне и россійскіе купцы имѣли вольность къ произведенію сея коммерціи и шелкъ въ то время продавался весьма дешево; а какъ предъ недавнимъ временемъ некто привилегированной непристойнымъ и живымъ своимъ представленіемъ уверилъ правительствующій сенатъ, будто въ Ліонѣ, гдѣ наилучшія въ свѣтѣ фабрики находятся, одинъ токмо или два человѣка имѣютъ право выписывать иностранные товары для довольствія тамошнихъ фабрикантовъ и чрезъ такой подлогъ исходатайствовалъ себѣ особую привилегію, то шелкъ несказанно сталъ дороже, такъ что нынѣ покупается уже по 130-ти рублей пудъ. Слѣдовательно вмѣсто чаемой пользы, обѣщанной (этимъ лицомъ) къ распространенію оной коммерціи, причинило оно одни токмо убытки и затрудненія нашимъ фабрикантамъ, которые несносною дороговизною сего продукта, а иногда недостаткомъ и худымъ качествомъ онаго крайне обижены. Если бы и прочіе имѣли такую же вольность, то не токмо шелкъ весьма бы былъ дешевле да еще перепродажою онаго иностраннымъ презнатная была бы прибыль, но, понеже не всякъ имѣетъ по примѣру одного такія преимущества, то я не разсуждая больше скажу только въ заключеніе, что всякой торгъ генерально отданной одному въ руки препятствуетъ несказанно приращенію коммерціи и многими непорядкамъ бываетъ причиною“ ²⁾. Дѣло

¹⁾ И. С. З., т. VI, №№ 3892 и 4057.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 25.

это еще лучше разъясняется въ другомъ „проектѣ“, составленномъ приблизительно въ то же время, какъ и вышеупомянутый „меморіалъ“.

„По указамъ императорскаго величества, читаемъ мы здѣсь, содержатъ российскіе и иностранные купцы шелковыя фабрики, на которыхъ уже производятся всякія шелковыя съ золотомъ и серебромъ матеріи и прочіе разные шелковые товары безъ нужды. А къ содержанію оныхъ вступили помянутые купцы во упованіе на высочайшее императорскаго величества блаженныя вѣчної славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго обильное въ регламентѣ мануфактуръ-коллегіи соизволеніе, вѣдая притомъ что шелку изъ Персіи вывозъ былъ свободной и продавался посредственными цѣнами, чего ради на произведеніе тѣхъ фабрикъ, остави довольно купеческихъ промысловъ, употребили не малые свои собственные капиталы. И чтобы тѣ фабрики отъ времени до времени размножаемы а товары дѣланы были лучшимъ мастерствомъ, о томъ послѣ императорскаго величества указовъ отъ мануфактуръ-коллегіи чинятца всегдшнія принужденія. И хотя для славы и пользы Россійской имперіи въ содержаніи тѣхъ фабрикъ (фабриканты) имѣютъ прилежнѣйшее стараніе, но точію нынѣ за дороговизною и за недостаткомъ шелку дѣланіе товаровъ умножить имъ не можно, ибо на тѣ фабрики персикій шелкъ до учрежденія персикій компаніи покупанъ былъ въ Москвѣ и въ Астрахани съ платежемъ въ годъ и далѣе сроку, нѣкоторыми же изъ фабрикановъ и въ Персіи покупанъ же и на товары вымѣниванъ былъ недорогогими цѣнами, отчего происходила государственная и общенародная польза и всегда того шелку изъ Персіи получали безъ недостатку. А въ прошломъ 1760-мъ году того шелку въ Москву российскими и иностранными купцами, которые обыкновенно тѣмъ шелкомъ торговали, изъ Персіи въ вывозѣ не было за тѣмъ, что кромѣ вышенисанной учрежденной по указу правительствующаго сената персикій компаніи товаровъ въ Персію возить никому не велѣно, и за положеніемъ вновь по просьбѣ оберъ-инспектора Шемякина несносной пошлины. Но и отъ оной персикій компаніи въ вывозѣ шелку въ Москву и повнѣ не было жъ, а покупали тѣ фабриканты у помянутыхъ торгующихъ тѣмъ шелк[омъ] купцовъ оставшейся отъ продажи прошлыхъ лѣтъ, и съ немалою въ цѣнѣ передъ прежнемъ передачею, а именно: у Гиланскаго и у шимахинскаго у пуда отъ сорока до сорока до пяти рублевъ, а впредь и не по какой цѣнѣ того шелку получить оныя не надежны, а самимъ бѣдствующимъ фабриканомъ оно въ Персіи покупать за объявленнымъ же правительствующаго

сената указомъ въ отпускѣ туда товаровъ запрещеніемъ не можно; а готовыя деньги указомъ императорскаго величества изъ Россіи вывозить запрещено, да хотя бѣ того запрещенія и не было то однако же въ этомъ никакаго фабриканомъ способу не состоитъ затѣмъ, что по проискамъ господина оберъ-инспектора Шемякина изъ Ытали шелкъ выписывать самимъ, но за дорогою цѣною много выписывать онаго не можно, о чемъ отъ фабрикановъ въ минувшемъ 1760-мъ году октября мѣсяца и манифактуръ коллегіи увѣдомленіи съ надлежащими обстоятельствами учинены [справки?] и отъ оной коллегіи съ показаніемъ тѣхъ ихъ невозможностей правительствующему сенату представлено⁴. А понеже тѣ фабриканы, продолжаетъ составитель проекта, даннымъ отъ его императорскаго величества блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго манифактуръ коллегіи регламентомъ снабжены крѣпко, что къ произведенію тѣхъ фабрикъ ниже малое въ ихъ потребностяхъ какое поврежденіе учинитца можетъ, а оныя въ вышеписанномъ потребномъ для фабрикъ своихъ и имѣютъ въ шелку крайней недостатокъ и претерпѣваютъ себѣ напрасныя невозвратныя убытки, отъ которыхъ они напередъ сего были свободны⁴. Въ самомъ дѣлѣ „когда въ Персію торгъ всѣмъ російскимъ и иностраннымъ купцамъ былъ не воспрещенъ, то оною шелку вывозили съ немалымъ довольствомъ и не точію російскія шелковыя фабрики и другія рукодѣлія были имъ удовольствованы лутчими шелками, но и за расходомъ въ Россіи и въ иностранныя государства отпускано было по не малому числу пудовъ съ платежемъ въ казну не малой суммы пошлины. А нынѣ вмѣсто того бѣдныя фабриканы принуждены видѣть въ томъ крайней и для однихъ фабрикъ своихъ недостатокъ и ежели еще впрядь черезъ нѣкоторое время сей недостатокъ въ шелку продолжитца, то шелковыхъ фабрикъ производить будетъ отнюдь не можно, но за ихъ къ произведенію фабрикъ усердія принуждены будутъ бѣдныя употребленнаго своего капитала безпачино вовсе лишитца и въ крайнее убожество прійти“⁴). Изъ изложенномъ дѣлѣ, какъ видно, столкнулись интересы фабрикантовъ и купцовъ, а примиреніе ихъ было возможно лишь въ томъ случаѣ, если правительство отказалось бы отъ тѣхъ принциповъ кровительственной политики, которыхъ оно держалось въ теченіе всего разсматриваемаго нами періода времени.

Кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ естественно подготовлявшихъ

⁴) А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 329.

постепенное паденіе компанейскихъ привилегій, дѣтельность самихъ компаній начинала повидимому разочаровывать правительство. Между ними, напримѣръ, было не мало такихъ, которыя вскорѣ по основаніи прекращали производство. Въ числѣ компанейскихъ предпріятій 1744 года уже не упоминаются, напримѣръ, суконныя фабрики компаній: С. Александрова въ Москвѣ (1720 г.), Фаддѣя Веневитинова (дворянина) въ Тавровѣ (1726 г.), и Гильтера въ Сокольскомъ уѣздѣ (1726 г.); исчезли также компанія Туленнинова съ Гордениными, С. Павлова и Плохово въ Воронежской губ. (1725 и 1727 гг.), занимавшіяся шелковыми и кожевными производствами ¹⁾ Въ вѣдомости мануфактуръ коллегіи едва-ли новднѣ 1760 года въ числѣ компанейскихъ фабрикъ уже не значатся предпріятія И. Тамеса, А. Гончарова, М. Затрапезнаго, Д. Плавильщикова и А. Овошникова по полотняному производству, В. Щеголина и Е. Болотина, И. Миклаева, Я. Бобровскаго, А. Еремѣева, И. Медовщикова и А. Третьякова по суконному дѣлу; въ такомъ же забвеніи находятся компанейскія шелковыя фабрики: М. Евреннова (она перешла къ И. Евреннову съ братьями), И. Панфилова, Г. Осипова (армянина) и В. Давыдова (армянина), а также бумажныя фабрики П. Филиппева и О. Турунтаевскаго, наконецъ мишурная фабрика М. Засѣкина ²⁾.

Едва ли возможно, однако, объяснять исчезновеніе всѣхъ этихъ компанейскихъ предпріятій однимъ разореніемъ. Въ этомъ убѣждаетъ хотя бы напримѣръ указъ 1744 г. августа 20-го, въ которомъ при перечисленіи разорившихся фабрикъ почти не встрѣчается компанейскихъ. „За неразмноженіемъ фабрикъ, и за худымъ мастерствомъ дѣланыхъ на тѣхъ фабрикахъ товаровъ, читаемъ мы здѣсь, изъ фабрикантовъ выключить и данные имъ о содержаніи тѣхъ фабрикъ съ прочетомъ указы отъ нихъ въ манифактуръ коллегію взять и отослать ихъ въ магистратское вѣдомство“. Приводимъ этотъ списокъ цѣликомъ, располагая его для удобства пользованія въ видѣ таблицы.

Родъ фабрикъ:	Мѣстность:	Владѣльцы фабрикъ:
шелковыя	Москва	Г. Ворнина.
		О. Бѣляева.
Ярославль	Ярославль	Ф. Жичина.
		Н. Иванова (армян.).
		М. Москотильникова.

¹⁾ Г. А. XIX, 379: Извѣстія о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1727 г.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., Вѣдомости 1754—1767 гг.

шелковыя	Москва	Е. Негонцовой (инозем.).
		Д. Пикифорова.
суриковыя и бѣлильныя	Ярославль	С. Полянскаго.
	Москва	А. Соловецкаго.
кожевенныя	Москва	А. Суроженинова.
	Ярославль	Ив. Мазина.
Полотнянныя	Боровскій уѣздъ	Дм. Зайцева.
	Суздаль	М. Микулина.
	Московскій уѣздъ	Анд. Боброва.
	Серпуховъ	Григ. Бутримова (крест.).
	Калуга	Мих. Головкина.
		Ө. Доронина.
	Серпуховъ	Ст. Золотарева.
		Өед. да Як. Ичкновскихъ.
	Калуга	Ив. Окорокова.
		Ив. Рукавшеникова.
	Переяславль-Рязан- скій уѣздъ	Ив. Рукавшеникова.
	Серпуховъ	Панкр. Рюмина.
		Г. Серебрякова.
	Переяславль-Рязан- скій уѣздъ	Ив. Солодовникова.
		Вас. Степанова.
Серпуховъ	Ст. и Ив. Сѣриковыхъ.	
	Леон. Хвасливаго.	
Серпуховъ	Аө. Шапошникова.	
Коломенскій уѣздъ	Григ. Шустова.	
Калуга	Өед. Өедорова (крест.).	
Бумажныя	Москва	Степ. Золотарева.
	Переяславль-Рязан- скій уѣздъ	Вас. Короткаго.
Серпуховъ	Понк Рюмина.	
	Аө. Шапошникова.	
Калуга	Мих. и Ив. Өалѣевыхъ.	
Стеклянныя	Пронской уѣздъ	Як. Бѣлого съ тов. (инозем.).
	Волоколамскій уѣздъ	Ив. Ивиѣвъ (асс.).
Пронской уѣздъ	Ос. Янкѣя Карпиля (инозем.).	
	Москва	В. Короткаго.
		И. Кузнецова.

Трубы залив- ныхъ	Архангел. губ. (?) . А. Шапошникова.	
Сургучная	} Вологда	} Е. Гоутманши (инозем.). И. Шапошникова. Д. и С. Щелкуновыхъ.
Полотняная		
Суконная и ка- разейная		

При первомъ взглядѣ на эту таблицу нельзя не замѣтить, что значительное большинство разорившихся фабрикъ принадлежало къ числу единоличныхъ предпріятій; компаніи, напротивъ, оказывались, повидимому, болѣе прочными, можетъ быть не только потому, что располагали болѣе крупными капиталами, но и въ виду своей организаціи, а также данныхъ имъ привилегій ¹⁾. Приходится поэтому кромѣ разоренія подыскивать еще другія причины, объясняющія быстрое исчезновеніе компанейскихъ предпріятій. Въ ихъ числѣ, кажется, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить раздоры самихъ компанейщиковъ, отсутствіе у нихъ достаточно развитой привычки къ организованнымъ предпріятіямъ и постоянное стремленіе ихъ при первомъ удобномъ случаѣ произвести раздѣлъ. Въ составъ компаній, дѣйствительно, входили, иногда, лица, интересы которыхъ мало имѣли общаго между собою. Этимъ можетъ быть объясняется почему компаніи, въ которыхъ принимали участіе дворяне и купцы, какъ напр. гр. Ѳ. Апраксина съ М. Евреиновымъ или Ѳ. Веневитинова съ купецкимъ человѣкомъ П. Гордонинымъ и другими, распались довольно скоро; возникающая сословная рознь побуждала дворянъ отдѣляться отъ купцовъ и основывать свои дворянскія фабрики, число которыхъ замѣтно увеличилось въ 1750-хъ годахъ, при чемъ онѣ гораздо чаще бывали единоличными, чѣмъ компанейскими ²⁾. Впрочемъ и въ средѣ самихъ „купецкихъ людей“ образовавшихъ компанію, обнаруживалась явная склонность къ раздѣламъ, которые иногда наступали очень скоро по возникновеніи предпріятія. Много случаевъ подобнаго рода можно встрѣтить въ исторіи организаціи полотнянаго производства. И. Тамесь и М. Золотаревъ, напримѣръ, подѣлили „зачатую“ ими въ 1722 году мануфактуру въ Ярославѣ по прошествіи трехлѣтняго срока;

¹⁾ Г. А., XIX, 379. Въ этой вѣдомости, составленной мануфактуръ-коллегіей, нѣтъ свѣдѣній о 3 суконныхъ, 2 шелковыхъ, 2 стекляннхъ и 1 кожевенной фабрикахъ, „состоящихъ въ Сибирской, Астраханской и Воронежской губерніяхъ“; „точного извѣстія“ объ этихъ фабрикахъ въ коллегіи не нашлось.

²⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., Вѣдомость 1760 г.

такіе же раздѣлы произошли: между И. Тамесомъ и его компанейщиками въ Москвѣ, между А. Овощниковой и Пастуховымъ въ Москвѣ и Владимірскомъ уѣздѣ, между И. Тамесомъ и И. Микляевымъ въ Ярославлѣ (?), А. Гончаровымъ и М. Затрапезнымъ, каждымъ со своими компанейщиками и т. д. Владѣльцы суконной мануфактуры "директоръ Ив. Медовщиковъ и Алексѣй Ивановъ, В. Тулениновъ съ А. И., А. и Я. Гордениными"—прибѣгли къ такой же операціи; компанейская лентовая фабрика въ Ярославлѣ И. Тамеса и И. Затрапезнаго просуществовала всего два года, послѣ чего полюбовно раздѣлена была на двѣ части. Наконецъ, кожевенная фабрика, которую велѣно было завести С. Яковлеву съ компанейщиками (въ С.-Петербургѣ?) въ 1744 г. подверглась той-же участи въ 1757 г. ¹⁾.

Не довольствуясь раздѣломъ, компанейщики, можетъ быть, иногда продавали свое предпріятіе единоличному предпринимателю. Полотняная фабрика Д. Плавильщикова и К^о или бумажная П. Филатьева съ товарищами, пожалуй, такимъ образомъ очутились въ 1744 г. во владѣніи А. Никанова и А. Гончарова. Иногда фабрика естественно переходила во владѣніе одного изъ бывшихъ компанейщиковъ. Напримеръ, въ Казани въ 1724 г. казенная суконная мануфактура передана была въ содержаніе И. Микляеву съ компаніей; по смерти его во главѣ предпріятія одно время стояли вдова И. Микляева и А. Дрябловъ, который еще позднѣе сталъ единственнымъ его хозяиномъ и передалъ мануфактуру своему наслѣднику И. Дряблову; за этимъ единоличнымъ владѣльцемъ фабрика и состояла въ началѣ 1760-хъ годовъ.

Итакъ не одно разореніе, но и раздѣлы и простой переходъ коллективныхъ предпріятій въ руки единоличныхъ владѣльцевъ слѣдуетъ принимать во вниманіе при разясненіи факта исчезновенія многихъ компанейскихъ фабрикъ.

Впрочемъ явленіе это находилось въ зависимости и отъ другихъ обстоятельствъ, въ виду которыхъ фабрично-компанейскія предпріятія становились не столь нужными къ концу разсматриваемаго періода, какъ въ его началѣ. Меньшій рискъ, сопряженный съ промышленными предпріятіями, болѣе развитый частный и государственный кредитъ, а также болѣе устойчивый вексельный курсъ виѣстѣ съ образованіемъ торговаго флота, конечно, облегчали зарожденіе единолич-

---

¹⁾ Г. А., XIX, 377: Переписка по мануфактуръ-коллегіи 1719—1788 гг. Стр. 424, прим. 2.

ныхъ предприятий, что разумѣется отвлекало свободные капиталы отъ компаній. Лишь примѣнительно къ морскимъ торговымъ предприятиямъ эта форма казалась все еще особенно желательной. „Трудно надежду имѣть можно, писалъ, напримѣръ, одинъ прожектеръ, К. Пономаревъ, въ 1760 г., чтобы вновь основанное караблеплаваніе и морское купечество въ состояніе привести можно было, ежели купеческихъ компаній къ тому учреждено не будетъ, понеже единственные купцы, черезъ вѣкоторые несчастливые случаи весьма скоро отъ новыхъ предприятий отстрашены бывають“¹⁾. Кроме того для удачи подобнаго рода предприятий считали нужнымъ также „начинать ихъ капиталомъ не скуднымъ“²⁾. Въ избѣжаніе такого страха и для образованія крупныхъ капиталовъ прожектеры повидимому и предлагали устройство компаній, вѣроятно, представлявшихся имъ скорѣе всего въ акціонерной формѣ. Само правительство въ половинѣ XVIII столѣтія содѣйствовало уже не столько „учрежденію“ фабричныхъ товариществъ, сколько основанію торговыхъ компаній, о чемъ свидѣлствуютъ и многіе изъ указовъ 1750-хъ и 1760-хъ годовъ³⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что общество, да и само правительство охладѣло къ „компанейской формѣ“ предприятий и въ виду тѣхъ привилегій, съ которыми обыкновенно связано было самое представленіе о подобнаго рода ассоціаціяхъ. Между тѣмъ противъ этихъ привилегій и монополій стали раздаваться энергичные протесты, какъ со стороны общества, такъ и со стороны самого правительства,

Негодование общества противъ привилегированныхъ компаній особенно съ того времени, какъ онѣ стали заниматься и откупамъ, сказывается напримѣръ въ нижеслѣдующихъ отрывкахъ изъ одного подметнаго письма императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ: „Нынѣ внутри великаго Россійскаго государства, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, между откупщиками и вѣрными присяжными людьми учинилось въ зборахъ великое помѣшательство и трата великая интересу: неусмотрѣніемъ высокаго сената продано все земледѣльство и купечество Россійскаго государства: первое на расхищеніе великаго интересу вашего высо-

¹⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком., № 440, К. Пономаревъ: Разсужденіе о причинахъ, препятствующихъ россійской коммерціи приходитъ въ дѣйствующее состояніе.

²⁾ Г. А., V, 1, № 119: Переписка Императрицы Екатерины II съ Г. Н. Тепловымъ; въ данномъ письмѣ Тепловъ излагалъ основныя „принципы“ для устройства компаній.

³⁾ С. Р. И. О., II, 278; XXVII, 180 и друг.

каго императорскаго величества, второе на разореніе и на великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и компанійщикамъ "... .... Тѣми вышеписанными выписями и прочими миру злодѣйственными притязаніи, продолжаетъ сочинитель письма, и оныя откупщики и компанійщики являются злодѣйственнымъ своимъ промысломъ якобы великія доброты и пополнители интересу вашего императорскаго величества, а оныя злодѣйствомъ своимъ и великимъ пронырствомъ дѣлають великія ущербы интересу вашего императорскаго величества, вникнули въ народъ яко ядовитыя змии, прельщающе лестію гоняще народъ къ великой нищетѣ и вѣчной погибели" ...¹⁾.

Менѣе наивно и болѣе опредѣленно высказалось общество противъ привилегій и монополій въ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. Не только депутаты отъ крестьянства, но и представители отъ купечества въ своихъ наказахъ не разъ писали о томъ, что „вольность есть главное къ распространенію коммерціи средство“; дворяне также думали, что „торгъ, жила государства, любить волю, а не принужденіе“. На этомъ основаніи и тѣ и другіе естественно приходили къ тому заключенію, чтобы „никакой казенной или партикулярный торгъ въ однѣ руки никому не повелѣно-бъ было отдавать, а оставить всѣ торговые промыслы въ вольности“²⁾. Общественное мнѣніе во второй половинѣ XVIII столѣтія, какъ видно, опредѣленно склонялось въ пользу уничтоженія привилегій и монополій, которыми правительство въ началѣ этого періода такъ щедро надѣлило компаніи.

Впрочемъ и само правительство не замедлило убѣдиться въ томъ, что крупныя предприниматели злоупотребляють данными имъ привилегіями и что его покровительство приводитъ къ вреднымъ послѣдствіямъ какъ для народнаго хозяйства, такъ и для казны. Уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія нельзя не замѣтить колебаній правительственной политики по вопросу о монополіяхъ. Въ этомъ отношеніи любопытна судьба бѣломорскихъ промысловъ (сапа, ворвань, моржеваго, кятоваго, тресковаго „и протчихъ“). По указу 1703 г. іюня 10-го и по письму А. Д. Меншикова велѣно было отдать морскія берега и угодья, которыми владѣлъ протопресвитеръ (Благовѣщенскаго собору съ 1701 г.) Иванъ Поборской изъ оброку въ „купанью А. Д.

¹⁾ Г. А., XVI, 183; 1780 — 1785 гг.: Подметное письмо императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ.

²⁾ С. Р. И. О., XIV, 336; XCIII, 107, 210, 260 и 391.

Меншикову съ прочими его компаніищиками и съ того жъ оброку впередъ безъ перекулки и людей протопресвитерскихъ съ норскихъ береговъ и съ угодей сослать для того, что люди протопресвитерскіе зѣрными промышленникомъ и ловцовъ чинять великие обиды и непосильные налоги и оброки на зѣрныхъ промышленникомъ и ловцовъ накладываютъ безъ указа собомъ и тѣмъ итъ зѣрныиъ промышленникомъ и ловцовъ отъ того промыслу отгоняють¹⁾. Правительство, какъ видно, выражало надежду, что компанія кн. А. Меншикова оградить „зѣрныхъ промышленникомъ и ловцовъ“ отъ злоупотребленій, но, если и шло въ виду нѣчто подобное, вѣроятно, разочаровалось въ нѣлесообразности этой иѣры. Въ 1721 году тѣ же промыслы велѣно уже было отдать „въ компанію купецкимъ людямъ, которые бы тѣ промыслы къ распространенію государственной прибыли могли унвожить; а прежнихъ компанейщиковъ, читаемъ имъ въ указѣ и ними никому кромѣ купечества въ той компаніи никакой части не нѣть“. Итакъ, компанія кн. А. Меншикова не удовлетворила фискальныхъ расчетовъ казны, почему дѣло и поручено было новымъ предпринимателямъ, болѣе знакомымъ съ торговлею предпріятіями. Несмотря на то, что согласно указу отъ 27-го февраля 1721 года опредѣленно было въ томъ же году отдать бѣломорскіе промыслы въ компанію гостинной сотни Матвѣю Евреннову и дѣтямъ его отъ 1-го числа января мѣсяца 1722 г., на 30 лѣтъ, однако „нѣ дѣйствительной отдачи никогда не было учинено“. Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что уже яланнымъ указомъ 1722 года января 26-го „велѣно было эти промыслы содержать и на нихъ норскихъ зѣрей промышленлять и рыбу ловить и сало топить и продавать и за море отпущать до новаго указа всѣмъ промышленникамъ невозбранно“. Не прошло, однако, и двухъ лѣтъ, какъ послѣдовало новое распоряженіе о томъ, чтобы „рекамъ, которыя отъ св. Носу къ Колѣ, быть въ компаніи“... Хотя по опредѣленію сената и было опубликовано въ 1725 году объ отдачѣ этихъ промысловъ въ компанію отъ коммерцъ-коллегии, но „за неявленіямъ ко вступленію охотныхъ людей тѣ промыслы содержались подъ смотрѣніемъ коммерцъ-коллегии во 1731 годъ на казенномъ коштѣ“. Только въ 1731 г. явился охотникъ, Андрей Евренновъ съ братьями; нѣ и отданы были промыслы, „кромѣ рыбы трески, которая по силѣ сенатскаго апрѣля 23

¹⁾ Г. А., XVI, 60: Дѣло о салныхъ промыслахъ кн. А. Меншикова съ компаніищиками.

дня 1780 г. опредѣленія уволена въ народъ". Конкуррентомъ А. Евреннова съ братьями въ 1784 г. выступилъ дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ баронъ П. Шафировъ; онъ просилъ объ отдачѣ ему въ компанію этихъ промысловъ, въ чемъ и получилъ удовлетвореніе вопреки указу 1721 года; ему „отдана“ была и треска, четыре года тому назадъ „уволенная въ народъ“. Отъ барона П. Шафирова (съ товарищами?) тѣ же промыслы въ 1739 г. мая 28-го были переданы барону Шембергу. Когда онъ въ 1742 году лишился ихъ, для пользованія ими снова выступило два конкуррента: Як. Евренновъ съ братьями и статскій совѣтникъ баронъ Исакъ Шафировъ. Въ силу указа 1721 г. сенатъ (осмылавшійся на этотъ указъ) отдалъ промыслы (кромя трески) Як. Евреннову съ братьями; но и этимъ дѣло не закончилось. Уже въ 1748 г. тѣ же салыные промыслы вопреки указу 1721 г. отданы были графу П. Шувалову, чему, содѣйствовали, повидному графъ А. Г. (Разумовскій?) и графъ А. П. Вестужевъ-Рюминъ ¹⁾.

Колебанія покровительственной политики правительства сказались не только въ этомъ рядѣ частныхъ распоряженій, но и въ другихъ указахъ того времени; бывали случаи, напримѣръ, когда оно предоставляло пользоваться привилегіями, лишь тѣмъ лицамъ, которыя поступили въ члены компаніи не позднѣе опредѣленнаго срока, (1½ года) или внесли въ нее не менѣе 1000 руб. вклада ²⁾. Наконецъ и общее направленіе законодательства, первоначально весьма склоннаго къ сильному покровительству, измѣнилось: въ регламентѣ мануфактуръ-коллегии 1728 г. ей было предписано выдавать привилегіи съ осторожностью, а учредителей новыхъ фабрикъ по такимъ отраслямъ производства, которыя уже существовали и ранѣе, „до того не допускать“ ³⁾. Во второй четверти XVIII столѣтія замѣтны новыя явленія, способствовавшія развитію этой тенденціи правительства къ ограниченію привилегій. Уже до изданія регламента мануфактуръ-коллегии возникали предпріятія, какъ напримѣръ полотняная фабрика Д. Затрапезнаго съ дѣтьми, безъ всякой помощи со стороны казны; позднѣе такіе случаи, вѣроятно, бывали еще чаще, особенно по тѣмъ отраслямъ производства, въ которыхъ само правительство не нуждалось. Развитіе

¹⁾ Г. А., XI, 307: Дѣло о пожалованіи гр. П. Шувалову салыныхъ и норванскихъ заводовъ.

²⁾ П. С. З., т. V, 3174; т. VI, №№ 3543 и 3710.

³⁾ П. С. З., т. VII, № 4378.

конкуренціи между фабриками также ставило казну въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ это было прежде. Въ 1744 г., напримѣръ, М. Гусятниковъ съ товарищами предложилъ ей взять на содержаніе казенный шляпный „заводъ“ со вкладомъ 80.000 руб. собственнаго капитала и съ просьбою выдать „фабрикѣ“ значительныя привилегіи. Конкурентомъ М. Гусятникова выступилъ Ив. Лихонинъ съ товарищами; онъ готовъ былъ внести до 40.000 руб. капиталу въ предпріятіе, которое предлагалъ казнѣ содержать на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, какія выговаривалъ себѣ М. Гусятниковъ и К^о. Послѣдній, очевидно, сейчасъ же сбавилъ свои требованія и получилъ фабрику на содержаніе, но безъ монополіи на производство и съ дозволеніемъ другимъ лицамъ вывозить такіе же фабрикаты изъ за границы¹⁾. При этомъ въ официальныхъ бумагахъ того же времени начинаютъ обнаруживаться и болѣе острые опасенія вредныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ монополіями. „Такія преимущества, читаемъ мы въ одной изъ нихъ, могутъ не только повредить торговлѣ, но и привести ее къ общему паденію“²⁾. Наконецъ, неудачныя для казны операціи привилегированной эксплуатаціи рудныхъ богатствъ также предостерегали правительство: баронъ Шембергъ остался долженъ казнѣ до 276.742 р. 88¹/₂, к., а выѣстъ съ ⁹/₁₀ по нимъ до 308.427 р. 88¹/₂ к., которыя онъ такъ и не возвратилъ ей обратно; а графъ П. Шуваловъ еще въ 1760 г. не внесъ въ казну числившихся на немъ 186.000 руб.; къ убыточнымъ для казны послѣдствіямъ приводила также и дѣятельность нѣкоторыхъ компаній: Симбирская компанія А. Воронцова съ товарищами, напримѣръ, задолжала казнѣ (въ 1740—1741 гг.) 129.015 руб., которыя пришлось взыскивать судебнымъ порядкомъ³⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XII, № 9071.

²⁾ Г. А., XIX, 252: Изъ бумагъ Бирона. Въ хранящейся здѣсь запискѣ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Und dadurch nicht nur ein geringer Schaden, sondern auch ein Generaluntergang der Negotie zu wachsen kann... Das das Monopolium sehr prejudicill der Negotie [ist], haben wir Exemple in diesem Lande: denn der Theer am Herman Meyer gegeben wurde gerithe Engellandt auf die Methode und ertheilte ein Recompence von der Kron demjenigen der das Theer von Carolina einführen würde, wovon man nun ein solches Quantum bringet, das man überflüssig genug hat und vorjetzo nicht ein Tonnen Teer von Archangel bedurft. Allein ich glaube es würde der Negotie weit ersprisslicher sein das Eysen und den Potaschen separate zu verkaufen und kein Monopolium zu dulden“...

³⁾ В. Розкошъ, Ор. cit., стр. 135—140; впрочемъ сенатъ опредѣлилъ, взять Гороблагодатскій заводъ обратно въ казну, не требовать съ Шемберга нѣдержекъ

Естественно, что при такихъ условіяхъ правительство хотя и продолжало предоставлять предпринимателямъ привилегіи ¹⁾, но выдавало ихъ не всегда охотно ²⁾ и постепенно въ тарифѣ 1781 г., а также въ указахъ 1742, 1748, 1747, 1749 и 1754 годовъ стало приходить къ отрицательному взгляду на монополіи. Такъ какъ, однако, въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны система монополій не ослабѣла, но временно усилилась ³⁾, то и можно сказать, что окончательный поворотъ въ правительственной политикѣ наступилъ лишь по воцареніи императрицы Екатерины II, хорошо сознавшей вредныя послѣдствія такого порядка.

Черезмѣрное покровительство, которымъ первоначально пользовалось крупное пропзводство въ это время стало излишнимъ. Въ течение первой половины XVIII вѣка русское производство сдѣлало замѣтные успѣхи. Число фабрикъ увеличилось въ нѣсколько разъ и обороты на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно возросли ⁴⁾, а „торгъ чуть не второе противъ прежняго отъ временъ Петра Великаго возвысился“ ⁵⁾. Если довѣрять цифровымъ показаніямъ, то придется еще болѣе отгѣнить это различіе: балансъ торговли Россіи съ одною Англіей съ 47.436 фунтовъ стерлинговъ въ 1700—1702 гг. достигъ 578.287 фунтовъ стерлинговъ въ 1760—1762 гг., а общій балансъ

на строеніе въ размѣрѣ 42.159 руб. 98½ коп. По другой вѣдомости (Г. А., XIX, 82: Дѣло о продажѣ англичанамъ казеннаго желѣза отъ барона Шемберга) Шембергъ остался долженъ казнѣ 254.588 руб. 24½ коп.; всѣ товары этого афериста (рыбою и желѣзомъ) оцѣнены были правительствомъ въ 280.013 руб. 54 коп.; а вѣдетъ съ другими суммами, которыя ему были должны разныя лица, его состояніе доходило, по увѣренію купца Мейера, до 864.057 руб. 29½ коп., что впрочемъ, едва-ли вѣроятно (*В. Розкозь*, *Op. cit.*, стр. 149 Г. А., XI, 817: Дѣло о предоставленіи гр. II. Шувалову во владѣніе Гороблагодатскихъ и другихъ заводовъ). Другіе примѣры „похищенія казеннаго интереса“ см. въ соч. *II. Ойрсона*, стр. 189—192.

¹⁾ И. С. З., т. VI, № 9467; т. XIII, № 10045.

²⁾ И. С. З., т. IX, № 6481.

³⁾ *Императрица Екатерина II*. Записка о первыхъ годахъ ея царствованія въ Русск. Арх. за 1865 г., стр. 477.

⁴⁾ Докладная записка о состояніи фабрикъ и заводовъ въ 1729—1762 гг. представленная императрицѣ Екатеринѣ II въ 1767 г. въ Сб. Ист. Общ., т. X. стр. 868; ср. *М. Туланъ-Барановскій*, *Op. cit.*, стр. 42—43. Впрочемъ едва ли можно вполне довѣряться этимъ цифрамъ. О размѣрахъ оборотовъ см. выше, стр. 404 и приложение.

⁵⁾ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о ком. № 483; *Г. Теллозь*, Мнѣніе о крестьянскомъ торгѣ.

внѣшней торговли съ 346.208 руб. въ 1702 г. дошелъ до 4.600.256 р. въ 1762 г. ¹⁾). При такихъ условіяхъ правительству можно было покончить съ системой монополій, въ то время вызывавшей противъ себя протесты и западно-европейской публицистики, вѣроятно извѣстной Екатеринѣ II ²⁾). Ея возраставшій интересъ къ мелкому производству и заботы объ образованіи болѣе или менѣе цѣльнаго класса „средняго рода людей“ также способствовали этой переизмѣнѣ. На томъ основаніи, что „торгъ есть дѣло вольное“ ³⁾, императрица Екатерина „съ самого начала своего царствованія уничтожила всѣ монополіи и всѣ отрасли торговли отдала въ свободное теченіе“ ⁴⁾). Между тѣмъ въ виду связи системы монополій съ компанейскими предриятіями паденіе ея должно было отразиться и на участи самихъ компаній. Въ послѣдней трети XVIII столѣтія общественное мнѣніе въ западной Европѣ стало довольно враждебно относиться къ этимъ фор-

¹⁾ Н. Storck, *Gemälde etc.*, В. V, а. 225 и. аа. 401—406; *Supplbd* а. 1. Этимъ показаніемъ нельзя конечно придавать вполнѣ точнаго значенія. Свѣдѣнія сообщаемыя Германомъ (*F. Hermann, Statistische Schilderung des Rus-Reichs, S.-Pt.*, 1790, аа. 452—453) объ оборотѣ 1758 г. вполнѣ сходятся съ официальными данными (см. Балансъ о провозныхъ и отпускныхъ товарахъ за 1758 г. кромѣ сибирскихъ таможенъ въ А. Д. Т. С., Дѣла ком. о коммерціи, № 440); а между тѣмъ у Германа балансъ за 1762 г. = 4.564.965 р. вмѣсто 4.600.256 р.; это можетъ быть объясняется тѣмъ, что Шторкъ воспользовался дополнительными свѣдѣніями, которыхъ Германъ не имѣлъ подъ руками. Ср. *М. Памлаевскій, Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 г.*, Од. 1868 г., стр. 64—113.

²⁾ *Th. Hobbes, Leviathan*, P. II, ch. 29 (*Works ed. by W. Molesworth, v. III, 1839, p. 330*). Такое же и притомъ болѣе рѣзко выраженное мнѣніе (не говоря о многихъ другихъ) можно было найти и въ *Encyclopédie des Sciences, des Arts et des Métiers*, t. III (1753), pp. 740—742; авторъ этой статьи определенно высказался противъ монополій и въ пользу свободной конкуренціи; ср. также t. X (1765), p. 668: „*Monopole est le trafic illicite et odieux que fait celui qui se rend seul le maître d'une sorte de marchandise*“... etc.; кромѣ того въ 1769 г. вышло сочиненіе А. Morellet, *Mémoire sur la situation actuelle de la compagnie des Indes*, враждебное началу исключительной привилегированности компаній и доказывавшее ихъ матеріальный вредъ для народа и нравственную несостоятельность. Такихъ же взглядовъ нѣсколько поздѣе держался и *Böckl, Über die öffentlichen Handelscompagnien* въ его *Handlungsbibliothek*. В. I, а. 9 ff.

³⁾ П. С. З., т. XIX, № 18886.

⁴⁾ Императрица Екатерина II, Записка и проч. въ Рус. Арх. за 1865 г., стр. 478. Окончательное уничтоженіе монополій можно отнести къ 1776 г., когда вышело извѣстный указъ 17-го марта (П. С. З., т. XX, № 14275); впрочемъ, сама императрица нѣсколько измѣнила свои взгляды по этому вопросу во вторую половину своего царствованія.

мамъ производства (особенно акціонернымъ), что, разумѣется, не замедлило отразиться на настроеніи русскаго общества и правительства, успѣвшихъ на дѣлѣ разочароваться въ безусловной пользѣ привилегированныхъ компаній. И дѣйствительно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка въ официальныхъ сферахъ „основательнымъ регуломъ“ считали тотъ, въ силу котораго „компаніи никогда такъ пространнаго коренія распространить не могли, чтобы онаго вырвать не можно было“; русское, правительство этого времени, отвергнувъ систему монополій, стало обыкновенно оказывать умѣренное покровительство лишь самымъ крупнымъ предпріятіямъ. сопряженнымъ съ значительнымъ рискомъ.

Приведенныхъ фактовъ и соображеній, кажется, достаточно для того, чтобы указать на то направленіе, въ какомъ, вѣроятно, слѣдуетъ рѣшать вопросъ, о жизнеспособности русскихъ компаній въ первой половинѣ XVIII вѣка. Съ экономической точки зрѣнія онѣ въ силу свойствъ, вообще присущихъ такимъ ассоціациямъ ¹⁾, повидимому, оказались довольно выгодной формой предпріятій, но еще слишкомъ мало согласовались съ нравами русскаго общества и отчасти были дискредитированы въ его глазахъ беззастѣнчивой эксплуатацией народнаго богатства, а также черезмѣрнымъ покровительствомъ государственной власти. Впрочемъ, со второй половины XVIII столѣтія само правительство стало убѣждаться въ томъ, что хозяйственные выгоды частныхъ лицъ далеко не совпадаютъ съ нуждами народнаго хозяйства и фискальными цѣлями; въ виду этихъ соображеній оно отказалось отъ прежняго покровительства компаніямъ и такимъ образомъ породило новыя условія для болѣе нормальнаго развитія не только однихъ компанейскихъ предпріятій, но и русскаго народнаго хозяйства вообще.

---

¹⁾ *R. van der Borcht*, Volkswirtschaftliche Bedeutung der Aktiengesellschaften в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-te Aufl., ss. 174—190.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Нижеслѣдующая таблица составлена на основаніи „вѣдомости мануфактуръ-коллегии о фабрикантахъ, уволенныхъ отъ платежа пошлинъ и о капиталахъ, употребленныхъ на заведеніе и содержаніе ихъ фабрикъ“ (А. Д. Т. С., Дѣла Ком. о Ком., 1755 г., № 1722); здѣсь можно найти свѣдѣнія лишь о тѣхъ фабрикахъ, которыя состояли въ вѣдомствѣ мануфактуръ-коллегии, а не ея конторы, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется отсутствіе извѣстій о нѣкоторыхъ изъ предпріятій этого рода; впрочемъ, не всѣ владѣльцы фабрикъ, подвѣдомственныхъ коллегіи, сообщили свѣдѣнія объ „употребленныхъ“ ими капиталахъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ коллегіи не могла составить полной вѣдомости: въ нее попали извѣстія, преимущественно о фабрикахъ поддѣльнаго происхожденія; въ ней также нѣтъ указаній ни на размѣры первоначальныхъ вкладовъ компанейщиковъ для образованія основнаго фонда, ни о ежегодныхъ расходахъ фабрикъ, что лишаетъ насъ возможности, при знаніи доходовъ нѣкоторыхъ изъ фабрикъ, воспользоваться этимъ матеріаломъ для вычисленія прибыли, какую получали предприниматели. Такимъ образомъ, приводимыя свѣдѣнія имѣютъ лишь косвенное значеніе для исторіи нашей промышленности въ первой половинѣ XVIII вѣка и важны главнымъ образомъ для того, кто сталъ бы изучать послѣдующее развитіе ея.

Фабрики расположены по родамъ въ томъ порядкѣ, какой принятъ въ самой вѣдомости; однородныя фабрики размѣщены нами хронологически по годамъ.

Годъ основаній.	Родъ фабрикъ.	Владѣлецъ фабрики.	„Капитала по поданнымъ отъ нихъ вѣдомостямъ показанно въ употребленіи“ (въ рубл.)
1753	Суконная	Ревизіон. Кол. вице-президентъ кн. Г. Шаховской	до 4.000
1742	Шелковая	Гостинный впускъ П. Филатьевъ . . .	10.000
1743	„	Московский купецъ М. Савинъ . . .	до 17.000
1744	„	Московский купецъ Д. Земской . . .	100.000
1751	„	Московскіе купцы И. Кружевниковъ и А. Петровъ	3.000
1753	„	Ив. Демидовъ	7.500
1752	Шелковая и бумажная	Вологжане Г. Туронтаевской съ дѣтьми	17.000
1720	Полотняная	Московскіе купцы Е. Овощниковъ и В. Чюрашевъ	до до 10.000+35.000

Годъ оснoваній.	Родъ фабрикъ.	Владѣлецъ фабрики.	„Капитала по поданнымъ отъ нихъ вѣдомостямъ показанно въ употребленіи“ (въ рубл.)
1721	Полотняная	А. Затрапезновъ	104.807
1722	”	Коллеж. ассесоръ А. Гончаровъ . .	135.000
1731	”	Московский купецъ Ив. Овощниковъ	15.000
1735	”	Г. Щоночкинъ	31.476
1737	”	Серпуховскій купецъ Г. Книшенинъ .	35.000
1737	”	Вдова В. Евреннова Прасковья: „нынѣ“ содержитъ М. А. Евренновъ	13.000
1738	”	Московский купецъ Г. Ключевъ . . .	35.000
1738	”	Московский купецъ П. Пастуховъ .	15.000
1740	”	Полковникъ А. Дохтуровъ	13.000
1745	”	Кн. М. Ю. вдова кн. А. М. Черкаскаго (бывшаго великаго канцлера)	51.505
1746	”	Московскихъ купцовъ Д. и М. Митрофановыхъ съ И. Баташевымъ .	12.899
1748	”	Тульского купца И. Лучинина съ сыномъ	10.000
1749	”	Рыбослободскаго купца И. Нечаева	15.000
1749	”	Гжатской пристани С. и Г. Сивохины	7.562
1750	”	Московский купецъ М. Гуситниковъ	до 30.000
1750	”	Стат. сов. П. Домидовъ	23.000
1750	”	Брянскій купецъ Т. Чамовъ	18.200
1750	”	Московский купецъ А. Бабушкинъ	11.000
1750	”	Рижскаго дворцоваго вѣдомства оброчный крестьянинъ М. Шигонинъ	8.000
1750	”	Ростовскій купецъ М. Серебренниковъ	1.450
1751	”	Костромской купецъ И. Угличаниновъ	9.000
1751	”	Порутчикъ Н. Масловъ	3.000
1751	”	Ревизионъ-коллегии секретарь В. Полевой	1.000
1751	”	Коллеж. сов. И. Телепневъ	500
1752	”	Московский купецъ И. Комаровъ .	5.500
1752	”	Крестьянинъ М. Шигонинъ	до 4.000
1752	”	Генералъ-аншефъ гр. А. И. Шуваловъ	до 3.000
1752	”	Дѣйств. камергеръ гр. Р. Л. Воронцовъ	1.500
1753	”	Дѣйств. камергеръ баронъ Строгановъ	1.700

Годъ оснo-ваній.	Родъ фабрикъ.	Владѣлецъ фабрики.	Капитала по поданнымъ отъ нихъ вѣдомостямъ показанно въ употребленіи* (въ рубл.)
1753	Полотняная	Коломенскій купецъ Д. Поповъ . .	до 2.000 ¹⁾
1724	Стеклоная	Гжатской пристани купецъ В. Мальцовъ; нынѣ сынъ его Якимъ . . .	9.520
1719	Игольная	Московский купецъ И. Комлекинъ съ товар.	болѣе 40.000
1743	Миншурная	Московский купецъ Г. Осиповъ . .	15.000
1749	Красочная	Московский купецъ Я. Шолковниковъ съ товарищами	9.000
1749	Сургучная, суриковая и бѣлильная	Вологодскій купецъ Г. Желтуцовъ съ сыномъ	1.454
1749	Красочная	Сѣвскіе купцы Л. Зайцовъ съ братьями	5.000
1743	Миншурная	Московскіе купцы Мих. Засекинъ, Фил. Шестаковъ и Титъ Зайцовъ .	9.000
1748	Шпалерная	Московский купецъ М. Гусятниковъ съ товарищами	40.000
1753	"	Московскіе купцы: К. Сабельщикова, В. Яковлевъ, Т. Шеколютинъ, Н. Сабуровской	26.000
1753	"	Города Тары купецъ В. Медовщиковъ	2.000
1750	Суриковая и бѣлильная	Красноярскій купецъ И. Тюренинъ	3.000
1740	Сургучная	Вологодскій купецъ Г. Туронтаевскій	1.454
1751	Шпалерная	Иновонецъ М. Ботлеръ	6.800
1752	Вѣшенія воску	Купцы Г. Бѣлозеровъ съ Г. Монатейниковымъ	до 4.000
1752	Каразейная и кушанная	Московский купецъ И. Кушанинъ	3.500
1748	Красочная	Новоторжскій купецъ А. Тавлѣвъ .	до 15.000
1753	Сусального листового золота и серебра	Компанейщики А. Оедотовъ съ товарищами	18.000

¹⁾ Всѣ эти фабрики въ вѣдомости помѣщены въ разрядъ полотняныхъ; но можетъ быть и не на всѣхъ производили полотна; слѣдующая фабрика В. Мальцова, тоже помѣщенная составителями нашей вѣдомости въ эту группу, была однако стекланой.

Примечаніе: Состояніе нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ фабрикъ въ вѣдомости не означено, почему они и попали въ настоящую таблицу безъ всякихъ квалификацій.

А. Ланше-Дампльсенскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНА АДМИНІСТРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ ПОСЛѢДНЮЮ ПОРУ СТАРАГО ПОРЯДКА ¹⁾).

КНИГА ПЕРВАЯ.

Учрежденія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе провинціального интендантства.

I.

Исторически французская монархія вышла изъ феодальной сеньоріи. Подобно тому какъ государственная территорія Франціи сложилась постепенно, путемъ собиранія феодальныхъ доменовъ вокругъ королевской вотчины, такъ и сама королевская власть выработалась мало-по-малу изъ власти феодальнаго сюзерена, путемъ постепеннаго превращенія феодальной *suzeraineté* въ государственную *souveraineté*. Сеньориальное управленіе королевскаго домена было тѣмъ зародышемъ, изъ котораго выросла мало-по-малу королевская администрація объединенной Франціи.

Указанная эволюція совершилась двумя путями: путемъ послѣдовательнаго внутренняго измѣненія существующихъ учрежденій — съ одной стороны, съ другой — путемъ послѣдовательнаго созданія новыхъ учрежденій на ряду съ прежними, при чемъ эти послѣднія продолжаютъ существовать, но утрачиваютъ мало-по-малу свое реальное значеніе въ пользу первыхъ.

---

¹⁾ Продолженіе. См. январскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Балли (baillis) и *сенешали (sénéchaux)*, съ подчиненными имъ *прévôts*, *баллами (bailes)*, *виконтами (vicontes)*, которыхъ мы встрѣчаемъ при Филиппѣ II Августѣ, это—агенты короля-сеньора въ предѣлахъ его сеньорій, королевскаго домена, хотя фактическое вліяніе ихъ, конечно, не останавливается на границахъ послѣдняго. Какъ бы то ни было, здѣсь нѣтъ еще провинціальной администраціи, какъ нѣтъ и самой провинціи: есть лишь большая сеньорія и агенты-управители короля-сеньора, сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ всю полноту феодальныхъ правъ послѣдняго — въ области хозяйственной, судебной, военной. Но мало-по-малу эти соединенныя въ однихъ рукахъ равнообразныя полномочія дифференцируются, и дифференцируясь, ускользаютъ постепенно изъ рукъ этихъ феодальныхъ агентовъ, переходя постепенно къ новымъ учреждениямъ, върастающимъ на почвѣ уже не феодальнаго, а государственнаго права. Балли остаются, но послѣдовательно теряютъ всѣ свои функціи, до такой степени, что въ концѣ стараго порядка званіе балли представляетъ не болѣе, какъ почетный титулъ безъ всякихъ реальныхъ функцій, — какъ привилегированное положеніе безъ всякой дѣйствительной должности ¹⁾. Судебныя функціи ихъ переходятъ къ ихъ *лейтенантамъ (lieutenants)*, предсѣдательствующимъ въ трибуналахъ, посящихъ названіе *бальяжей (bailliages)*, сенешальствъ (*sénéchaussées*), президіаловъ (*présidiats*), финансовыя функціи—къ такъ называемымъ *выборнымъ (élus)*, функція военныя—къ *генералъ-губернаторамъ (gouverneurs généraux)*, съ ихъ *генералъ-лейтенантами (lieutenants généraux)*. Всѣ эти учрежденія, подѣлившія между собою наслѣдіе феодальныхъ балли и сенешаловъ, просуществовали вплоть до ликвидаціи стараго порядка, но каждое изъ нихъ пережило болѣе или менѣе глубокія внутреннія перемѣны. Въ наибольшей цѣлости сохранились изъ нихъ до самаго конца бальяжи и сенешальства съ ихъ „лейтенантами“, — сохранившіе до конца, въ большей или меньшей неприкосновенности, свои первоначальныя функціи, тогда какъ генералъ-губернаторы, наоборотъ, утратили почти всякое реальное значеніе ²⁾, подобно своимъ предшественникамъ—балли и сенешаламъ. Что касается „выборныхъ“, то ихъ историческая судьба занимаетъ середину между указанными двумя крайностями; они пережили глубокую внутреннюю эволюцію, но донесли до 1789 года по крайней мѣрѣ часть своихъ бывшихъ полно-

¹⁾ *Brette*. „Recueil de documents“, etc., t. I, Introduction.

²⁾ Объ этомъ обстоятельстве—ниже.

мочій, между тѣмъ какъ другая часть перешла къ новому учрежденію, *финансовымъ присутствіямъ* (*bureaux des finances*), которые, въ свою очередь, должны были впоследствии поступиться изрядною долею своихъ полномочій въ пользу провинціальныхъ *интендантовъ* (*intendants*).

На „выборныхъ“ намъ необходимо нѣсколько остановиться, такъ какъ это учрежденіе, ведущее свое начало отъ генеральныхъ штатовъ 1355 года, содержитъ въ себѣ уже зачатки провинціальной администраціи въ собственномъ смыслѣ, — провинціальной администраціи въ противоположность феодально-сеньориальному управленію — съ одной стороны, въ противоположность военному командованію и суду — съ другой. Въ учрежденіи выборныхъ мы имѣемъ дѣло съ первою попыткой организаціи государственно-хозяйственнаго управленія, изъ котораго, въ свою очередь, вышла провинціальная администрація. Не военная и не судебная организація, а именно организація финансовая была тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросла французская провинціальная администрація, и слѣды этого своего происхожденія она сохранила до конца: вплоть до самаго конца стараго порядка государственное хозяйство было центромъ тяжести провинціального управленія. И въ другомъ еще отношеніи учрежденіе выборныхъ въ 1355 году является начальнымъ моментомъ въ исторіи провинціальной администраціи во Франціи, а именно: съ введеніемъ этого учрежденія было положено начало новому территориальному дѣленію Франціи, совершенно отличному отъ прежнихъ феодальныхъ дѣленій. Въ самомъ дѣлѣ, *выборные округа* (*élections*) — такъ назывались подвѣдомственные каждому изъ „выборныхъ“ (*élus*) участки — не совпадали ни съ бальяжами и сенешальствами, ни съ префектурами и подобными имъ дѣленіями, равно какъ не находились ни въ какомъ опредѣленномъ соотношеніи и съ дѣленіями церковными ¹⁾. Это новое территориальное дѣленіе королевскаго домена легло въ основу административнаго дѣленія объединенной Франціи. Самъ по

¹⁾ Вопреки утвержденію д'Арбуа-де-Жюбенвилля (*D'Arbois de Jubainville*. „L'Administration des intendants d'après les archives de l'Aube“, р. 3), принимаемому безъ проверки авторомъ „Децентрализація“ (*Lucay*. „La Décentralisation“), изслѣдованіе Леру по исторіи территориальнаго образованія лиможскаго генеральства устанавливаетъ вполнѣ тотъ фактъ, что подобнаго соответствія между указанными двумя категоріями территориальныхъ дѣленій не существовало, но крайней мѣрѣ, какъ общаго правила (*Leroux*. „La Généralité de Limoges“, р. XIV).

себѣ, „выборный округъ“, какъ округъ чисто *финансовый*, не былъ еще *административною* единицей въ собственномъ смыслѣ, но онъ послужилъ тою ячейкой, изъ которой развилась впоследствии настоящая административная единица — *генеральство* (*généralité*). Въ самомъ дѣлѣ, „генеральство“ образовалось путемъ группировки „выборныхъ округовъ“; впоследствии, когда центръ тяжести финансоваго управленія, находившійся первоначально въ „выборномъ округѣ“, перемѣстился въ „генеральство“, расширивъ вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ своей компетенціи за предѣлы чисто финансоваго администраціи, — „генеральство“ сдѣлалось настоящею административною единицей, по отношенію къ которой „выборный округъ“ снизошелъ на степень ея подраздѣленія.

Замѣтимъ, что „выборные“ были учреждены лишь въ тѣхъ областяхъ, гдѣ не было мѣстныхъ штатовъ: отсюда — различіе между двумя категоріями областей: *областей со штатами* (*pays d'états*) и *выборныхъ областей* (*pays d'élection*). Первое изъ этихъ названій потеряло вскорѣ всякій смыслъ, какъ и названіе „выборныхъ“ (*élus*), которые вскорѣ послѣ своего учрежденія превратились въ королевскихъ чиновниковъ (*officiers du roi*), получавшихъ свою должность уже не въ силу выбора, а въ силу назначенія отъ короны (въ 1372 году ¹⁾), что однако не помѣшало имъ сохранить до конца свое первоначальное наименованіе; а еще нѣсколько спустя (со времени Людовика XII ²⁾) „выборные“ уже не назначались, а покупали свою должность, и слѣдовательно изъ королевскихъ чиновниковъ превратились фактически въ собственниковъ своихъ должностей.

Число выборныхъ постепенно возрастало — правительству было выгодно увеличивать число должностей, продажа которыхъ была серьезнымъ подспорьемъ для королевской казны, — а такъ какъ соответственное умноженіе „выборныхъ округовъ“ представлялось практически неосуществимымъ, то правительство кончило тѣмъ, что единоличное управленіе послѣднихъ замѣнило управленіемъ коллегіальнымъ: вмѣсто одного „выборнаго“, въ каждомъ округѣ явилось по нѣскольку „выборныхъ“, которые были организованы въ каждомъ округѣ въ коллегію ³⁾, получившую то же наименованіе, что и подвѣдомствен-

¹⁾ Leroux, op. cit., p. XXXVI.

²⁾ Mauroy. „L'administration française avant la révolution de 1789“. „Revue des deux Mondes“, t. 107 (1873), p. 852.

³⁾ Тамъ упускается изъ вида эту метаморфозу, говоря о „выборномъ“ въ каждомъ выборномъ округѣ, что является политическимъ анахронизмомъ, когда

ный ей округъ: *élection*, — терминъ, который мы будемъ передавать по-русски выраженіемъ *выборная коллегія*, когда дѣло идетъ объ *élection*—учрежденіи, и *выборный округъ*, когда дѣло идетъ объ *élection*—территориальной единицѣ.

Замѣтимъ, что первоначально „выборные округа“ имѣли характеръ лишь временныхъ дѣленій; они подвергались частымъ передѣламъ, общая тенденція которыхъ была увеличеніе количества округовъ на счетъ ихъ размѣровъ. Окончательную устойчивость эти дѣленія приобретаютъ не ранѣе послѣднихъ лѣтъ XVII вѣка; съ этихъ поръ не замѣчается болѣе никакихъ крупныхъ перемѣнъ ни въ числѣ „выборныхъ округовъ“, ни въ ихъ территориальномъ составѣ.

Происхожденіе „генеральствъ“—правда, лишь въ эмбриональномъ состояніи—восходитъ къ тѣмъ же генеральнымъ штатамъ 1355 года, отъ которыхъ ведутъ свое начало и „выборные округа“ съ „выборными коллегіями“. Надъ „выборными“ въ провинціи генеральные штаты поставили *генераль-суперинтендантовъ* (*généraux superintendants*) въ центрѣ ¹⁾. Къ „выборнымъ“ восходятъ, какъ мы замѣтили, первые начатки провинціальной администраціи стараго порядка: вотъ почему мы не упоминали пока о „генераль-суперинтендантахъ“, отъ которыхъ ведетъ свое начало то учрежденіе, съ именемъ котораго—„финансовыя присутствія“—связанъ второй этапъ въ исторической эволюціи провинціальной администраціи до-революціонной Франціи.

Въ исторіи „генераль-суперинтендантовъ“ мы имѣемъ любопытный примѣръ постепеннаго превращенія центральнаго учрежденія въ учрежденіе областное.

Произошло это опять-таки не вдругъ, а постепенно. Первымъ шагомъ въ данномъ направленіи была происшедшая въ концѣ XIV вѣка дифференціація внутри коллегіи генераль-суперинтендантовъ. Въ силу королевскихъ ордоннансовъ 1388 и 1390 годовъ функции административныя и функции судебныя (по финансовымъ вопросамъ), находившіяся первоначально въ безраздѣльномъ обладаніи всей коллегіи,

---

рѣчь идетъ о XVIII вѣкѣ (*Taine*. „*Les origines de la France contemporaine. L'Ancien régime*“. Paris, 1896, p. 474: „*Le subdélégué et l'élu n'osent y regarder de trop près*“, etc. Дѣло идетъ о раскладѣ подати). Та же ошибка у Монне (*Monnet*. „*Histoire de l'administration provinciale*“, etc. Paris, 1885, p. 30: „*Le subdélégué remplissait vis-à-vis de l'intendant les mêmes fonctions que l'élu vis-à-vis du receveur général*“).

¹⁾ *D'Arbois de Jubainville*, op. cit., p. 4. Дѣло идетъ объ эдиктѣ 28-го декабря 1355 года.

были подѣлены: послѣднія были поручены тремъ изъ шести генераль-суперинтендантовъ, которые получаютъ въ XV вѣкѣ названіе *генеральныхъ советниковъ по судебной части* (*généraux conseillers pour le fait de la justice*); первые трое получали въ свое завѣдываніе собственно административную часть государственнаго хозяйства и стали называться, въ отличіе отъ первыхъ, *генеральными советниками по финансовой части* (*généraux conseillers pour le fait des finances*), или короче — *финансовыми генералами* (*généraux des finances*)¹⁾. Эта, вначалѣ, повидимому, чисто техническая дифференціація внутри генераль-суперинтендантской коллегіи, послужила исходнымъ пунктомъ для развитія двухъ совершенно новыхъ учреждений. Отъ „генеральныхъ советниковъ по судебной части“ ведутъ свое начало *палаты кассетныхъ налоговъ* (*cours des aides*), отъ „финансовыхъ генераловъ“ — такъ называемыя *финансовыя присутствія* (*bureaux des finances*). Историческія судьбы перваго изъ названныхъ учреждений выходятъ за предѣлы нашей задачи; напротивъ, „финансовыя присутствія“ представляютъ для насъ первостепенный интересъ, такъ какъ въ развитіи этого учрежденія лежитъ центръ тяжести дальнейшей эволюціи провинціальной администраціи во Франціи. Но чтобы не забѣгать впередъ, намъ необходимо заняться прежде „генеральствомъ“, которое, по своему происхожденію, старше „финансоваго присутствія“.

По раздѣленіи генераль-суперинтендантской коллегіи на двѣ, трое „финансовыхъ генераловъ“, для удобства выполненія своей миссіи, подѣлили между собою всѣ выборные округа на три группы: каждая изъ этихъ трехъ группъ составила округъ cadaго изъ трехъ „финансовыхъ генераловъ“²⁾. Таково происхожденіе „генеральствъ“. „Генеральство“ первоначально не что иное, какъ группа „выборныхъ округовъ“, составляющая территориальное вѣдомство одного изъ „финансовыхъ генераловъ“, хотя, надо замѣтить, самый терминъ „генеральство“ получаетъ право гражданства значительно позднѣе³⁾.

¹⁾ Ibidem, pp. 5—6.

²⁾ Ibidem, p. 5.

³⁾ Д'Арбуа-де-Жюбэвилль говоритъ, что ему удалось встрѣтить этотъ терминъ не ранѣе 1500 года; въ одномъ королевскомъ ординансѣ этого года упоминается „la charge et généralité d'Outre-Seine“. *D'Arbois de Jubainville. „L'Administration des intendants d'après les archives de l'Aube“*, p. 7. Изъ того обстоятельства, однако, что терминъ этотъ встрѣчается въ указанномъ ординансѣ безъ всякаго объясненія, слѣдуетъ заключить, что въ это время онъ былъ уже достаточно извѣстенъ, и что, слѣдовательно, начало его употребленія восходитъ ко времени болѣе раннему.

Число „финансовыхъ генераловъ“ постепенно увеличивается ¹⁾, при чемъ соответственно возрастаетъ и число „генеральствъ“, которыя, умножаясь, все болѣе и болѣе мельчаютъ. Эволюція генеральства представляетъ, въ этомъ отношеніи, полную аналогію съ эволюціею выборнаго округа. Подобно послѣднему, первое точно также долгое время сохраняетъ характеръ временнаго округа, съ крайне неустойчивыми размѣрами и границами, которыя подвергаются постояннымъ передѣлкамъ и перекройкамъ ²⁾.

Надо замѣтить, что въ XV вѣкѣ, рядомъ съ каждымъ изъ „финансовыхъ генераловъ“ является *казначей Франціи (trésorier de France)*, завѣдующій спеціально доманіальною частью въ тѣсномъ смыслѣ: королевскими дворцами, городскими укрѣпленіями, дорогами и т. д. Впослѣдствіи эти двѣ должности — „финансоваго генерала“ и „казначей Франціи“ — были слиты во-едино, соединены въ одномъ лицѣ. Реформа эта была произведена январскимъ эдиктомъ 1551 года ³⁾. Значеніе этого законодательнаго акта недостаточно оцѣнено въ исторической литературѣ. Леру даже совсѣмъ обходитъ его молчаніемъ, а д'Арбуа де-Жюбэвилья видитъ въ немъ лишь одну сторону произведенной имъ перемѣны, а именно — отмѣченное сейчасъ объединеніе двухъ должностей „финансоваго генерала“ и „казначей Франціи“. А между тѣмъ, значеніе эдикта 1551 года далеко не исчерпывается указанною реформой. Въ силу этого эдикта, каждый изъ новосозданныхъ *казначеевъ Франціи, финансовыхъ генераловъ (trésoriers de France généraux des finances)* былъ откомандированъ въ „свое“ генеральство ⁴⁾. Стало быть, дѣло не въ томъ

¹⁾ Три въ XIV вѣкѣ, четыре въ XV вѣкѣ, шесть въ началѣ XVI вѣкѣ, десять въ 1528 году; Францискъ I увеличилъ съ десяти до шестнадцати (ордонансъ 1542 года, у Изамбера, т. XII, стр. 796; д'Арбуа де-Жюбэвилья даетъ ошибочно цифру 17, цит. соч., стр. 9), Генрихъ II до 17, потомъ до 19; семнадцатый вѣкъ былъ временемъ частныхъ перетасовокъ генеральствъ; одни упразднились, другія учреждались, при чемъ число ихъ то увеличивалось, то уменьшалось, хотя въ конечномъ результатѣ тенденція къ увеличенію одержала верхъ; въ XVIII вѣкѣ было 25 генеральствъ („Encyclopédie méthodique, Jurisprudence“, t. IV, pp. 759 — 760. Ср. Leroux. „La généralité de Limoges“; d'Arbois de Jubainville. „L'Administration des intendants“; Lucay. „La Décentralisation“).

²⁾ Leroux, op. cit., pp. XVII—XXV.

³⁾ D'Arbois de Jubainville, op. cit., p. 9. Также: Archives nationales, série H 1481.

⁴⁾ „Recueil général des anciennes lois françaises“, t. XIII, p. 289 (N° 179): „...Lesquels trésoriers généraux ainsi établis par lesdites receptes générales...“

только, что двѣ должности слились въ одну, а также — и главнымъ образомъ — въ томъ, что носитель этой новой должности переноситъ свои функціи изъ центра въ область, изъ чиновника центрального вѣдомства превращается въ *провинціальнаго администратора*; вмѣстѣ съ тѣмъ и генеральство приобретаетъ совершенно новый характеръ, характеръ настоящаго *административнаго округа*, настоящей „провинціи“, благодаря появленію въ немъ *мѣстнаго* учрежденія.

Іюльскій эдиктъ 1577 года ¹⁾ довершилъ эту консолидацію начинавшейся провинціальной администраціи на почвѣ государственно-хозяйственнаго управленія. Объединивъ окончательно должности „казначеевъ Франціи“ и „финансовыхъ генераловъ“, раздвоившіяся было вскорѣ послѣ реформы 1551 ²⁾, эдиктъ 1577 года въ то же время увеличилъ число *генераль-казначеевъ* (*trésoriers généraux*), какъ стали называть болѣе коротко „казначеевъ Франціи, финансовыхъ генераловъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ организовалъ ихъ въ коллегіи: вмѣсто единоличнаго управленія одного „генераль-казначей“, во главѣ управленія каждаго изъ генеральствъ является коллегіальное учрежденіе (опять аналогія съ эволюціей „выборныхъ коллегій“), при чемъ это послѣднее получаетъ болѣе широкія полномочія, сравнительно съ прежними единоличными „генераль-казначейми“ ³⁾. Число должностей „генераль-казначеевъ“, подобно должностямъ „выборныхъ“, по примѣру которыхъ и первыя сдѣлались продажными, постепенно возрастало; вмѣстѣ съ тѣмъ возрасталъ и численный составъ новыхъ коллегій, получившихъ названіе *финансовыхъ присутствій* (*diverses des finances*). Первоначально каждое изъ „финансовыхъ присутствій“ состояло изъ пяти членовъ; впоследствии число ихъ возросло — изъ фискальныхъ соображеній главнымъ образомъ — въ различной пропорціи въ разныхъ генеральствахъ; въ 1789 году самое многолюдное изъ „финансовыхъ присутствій“, парижское, насчитывало 46 членовъ,

---

résideront chacun au siège de la recette générale où il sera establi“. Семнадцать генеральствъ, которыя въ это время назывались чаще „*recettes générales*“, о которыхъ говорится въ эдиктѣ 1551, были слѣдующія (по имени главныхъ городовъ): Paris, Châlons, Amiens, Rouen, Caen, Bourges, Tours, Poitiers, Ryon (Riom), Agen, Toulouse, Montpellier, Lyon, Nantes, Dijon, Aix, Grenoble.

¹⁾ *Archives départementales de la Marne* (Châlons), série C 2657.

²⁾ *D'Arbois de Jubainville*, op. cit., p. 12.

³⁾ *Archives nationales*, série H 1431. Mémoire sur les Bureaux des finances, 1787.—*Leroux*, op. cit., p. 39.—*D'Arbois de Jubainville*, op. cit., p. 12—13.

самое малочисленное, ошское — тринадцать ¹⁾). Таково было начало учреждения, которому, под именем „финансовых присутствій“, суждено было сыграть важную роль въ административной исторіи Франціи,—роль, замѣтнѣе къ слову, до сихъ поръ мало выясненную въ спеціальной литературѣ и не вполне оцѣненную въ общей исторической литературѣ.

Съ соединеніемъ въ однѣхъ рукахъ полномочій, первоначально раздѣленныхъ между „казначейми Франціи“ и „финансовыми генералами“, затѣмъ—съ перенесеніемъ ихъ резиденціи изъ столицы въ генеральство, наконецъ—съ замѣною единоличнаго управленія генераль-казначеевъ коллегіальнымъ учрежденіемъ съ расширенными полномочіями, центръ тяжести провинціального правленія перемѣщается изъ выборнаго округа въ генеральство. Последнее, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, эманципируется отъ перваго: изъ временной группировки выборныхъ округовъ генеральство превращается въ самостоятельную территориальную величину, имѣющую право на существованіе независимо отъ выборнаго округа; послѣдній — изъ *единицы*, образующей генеральство, превращается фактически въ *дробь*, въ подраздѣленіе генеральства. Первоначально не было генеральства безъ выборнаго округа, тогда какъ послѣдній могъ существовать и безъ генеральства; теперь, наоборотъ, нѣтъ болѣе выборнаго округа безъ генеральства, генеральство же можетъ существовать и безъ выборнаго округа ²⁾). Дѣйствительно, мало-по-малу входитъ въ правительственную практику учреждать финансовыя присутствія въ извѣстныхъ областяхъ, безъ предварительнаго (ни послѣдующаго) введенія въ нихъ выборныхъ коллегій съ подраздѣленіемъ на выборные округа: „учредить генеральство“ и „учредить финансовое присутствіе“ сдѣлались совершенно равнозначущими выраженіями въ официальномъ языкѣ ³⁾).

¹⁾ Парижъ — 46, большинство генеральствъ — отъ 30 до 37, Буржъ — 28, Туръ—24, Рюмъ—23, Дижонъ—20, Лилль—18, Безансонъ — 18, Ла-Рошелль—16, Ошъ—18. Последнія четыре генеральства были послѣдними по времени своей организаціи. *Daresté*. „La Justice administrative en France“, р. 27. *Beroux*, *op. cit.*, р. 89. *Lucay*, *op. cit.*, р. 125.

²⁾ Такими были генеральства: Aix, Montpellier, Toulouse, Dijon, Rennes, Metz: всѣ эти генеральства, имѣвшіе по „финансовому присутствію“ въ каждомъ изъ названныхъ городовъ, не имѣли ни „выборныхъ округовъ“, ни „выборныхъ коллегій“.

³⁾ „Encyclopédie méthodique, Jurisprudence“, t. IV, opp. 759—760.—*Archives nationales*, série H, passim.

Финансовыя присутствія мало-по-малу втянули въ кругъ своего вѣдѣнія, кромѣ финансоваго управленія и управленія доманіальнаго въ собственномъ смыслѣ, множество другихъ вопросовъ, имѣвшихъ лишь косвенное отношеніе къ финансамъ и домену. Въ качествѣ наслѣдниковъ полномочій „финансовыхъ генераловъ“ они производятъ раскладку „талей“ между выборными округами и отдѣльными общинами, соотвѣтственно экономическому состоянію каждаго и каждой въ данный моментъ, а для ознакомленія съ этимъ состояніемъ, члены финансовыхъ присутствій лично совершаютъ ежегодные объѣзды своихъ генеральствъ, собирая на мѣстѣ свѣдѣнія о количествѣ урожая или видахъ на урожай, о количествѣ засеянныхъ земель, о количествѣ скота, о различныхъ сельскохозяйственныхъ невзгодахъ, въ родѣ засухи, градобитій, наводненій, появленія различныхъ хлѣбоядныхъ наѣсковыхъ, скотскихъ надежей, и т. д. ¹⁾ Государственное хозяйство незамѣтно, такимъ образомъ, вводило финансовыя присутствія въ область хозяйства народнаго. Отъ „казначеевъ Франціи“ финансовыя присутствія унаслѣдовали полномочія по завѣдованію постройкой и починкой дорогъ и мостовъ, ремонтомъ королевскихъ замковъ и городскихъ укрѣпленій и разработкою каменоломень. Подъ ихъ административнымъ наблюденіемъ и судебнымъ контролемъ производятся торги на выполненіе различныхъ публичныхъ работъ по постройкѣ и ремонту дорогъ и проч. Они же производятъ раскладку специальныхъ и чрезвычайныхъ налоговъ для покрытія издержекъ, вызванныхъ тѣми или другими изъ подобныхъ работъ. Завѣдованіе дорожною частью втянуло въ кругъ вѣдѣнія финансовыхъ присутствій, съ одной стороны—дорожную полицію, съ другой—такіе вопросы коммунальнаго—фактически главнымъ образомъ городского—хозяйства, какъ мощеніе и очистка городскихъ улицъ и площадей, проведеніе и постройка новыхъ улицъ, урегулированіе и перестройка старыхъ, даже постройка и ремонтъ частныхъ домовъ. Разъ проникнувъ въ область городского хозяйства, финансовыя присутствія мало-по-малу подчиняютъ своему контролю городскіе финансы, ревизуютъ городское счетоводство касательно издержекъ на общественныя работы, и т. п. Финансовыя присутствія рѣшаютъ вопросы объ отчужденіи и оцѣнкѣ земель, нужныхъ для проведенія новыхъ дорогъ, ревизуютъ дорожныя и рѣчныя пошлины (*réages*) и провѣряютъ права на нихъ ихъ владѣльцевъ. Они имѣютъ право провѣрять права на

¹⁾ Archives nationales, série II 1431.

дворянское званіе лицъ, заявляющихъ на него притязаніе—право, вытекающее изъ ихъ полномочій относительно раскладки „талъи“, отъ которой освобождало дворянское званіе. Наконецъ, въ рукахъ финансовыхъ присутствій находилось завѣдованіе всѣми статьями, которыя такъ или иначе были приурочены къ „домену“¹⁾.

Такимъ образомъ, вѣдомство финансовыхъ присутствій расширилось мало-по-малу далеко за предѣлы финансоваго управленія въ собственномъ смыслѣ: въ лицѣ финансоваго присутствія, вопреки его названію, мы имѣемъ дѣло уже не съ чисто финансовымъ учрежденіемъ, какъ это имѣло мѣсто съ „выборными коллегіями“, а съ учрежденіемъ, которое уже можно назвать административнымъ въ широкомъ смыслѣ, хотя и съ несомнѣннымъ перевѣсомъ хозяйственныхъ функцій надъ всѣми прочими, а также съ значительною примѣсью компетенцій судебныхъ. Эти послѣднія были унаслѣдованы финансовыми присутствіями не отъ „финансовыхъ генераловъ“, которые не имѣли судебныхъ полномочій (послѣднія, какъ мы видѣли выше, составили удѣлъ „генеральныхъ совѣтниковъ по судебной части“, отъ которыхъ перешли по наслѣдству къ палатамъ косвенныхъ налоговъ), а отъ „казначеевъ Франціи“, которые съ административными полномочіями соединяли также и судебную компетенцію во всѣхъ тяжбахъ, связанныхъ съ подлежащими ихъ административному вѣдѣнію вопросамъ²⁾.

Можно сказать, что въ первую пору своего существованія финансовыя присутствія стигли въ свое вѣдомство большую часть тѣхъ предметовъ, которые потомъ образовали главное ядро интендантскихъ полномочій. Исторія финансовыхъ присутствій представляетъ два хронологически неравныхъ періода, изъ которыхъ первый, болѣе короткий, представляетъ картину „собиранія“ провинціальной администраціи въ рукахъ финансовыхъ присутствій, второй, болѣе продолжительный—картину прогрессивнаго „оскудѣнія“ этого учрежденія, послѣдовательно утрачивающаго всѣ свои существенныя полномочія въ пользу новаго учрежденія—провинціального интендантства.

Какъ бы то ни было, финансовыя присутствія можно назвать первымъ административнымъ учрежденіемъ. Балъи и сенешалы не были административнымъ учрежденіемъ уже по тому одному, что это было учрежденіе *феодалное*; „выборные“ и „выборныя коллегіи“ тоже не

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Archives nationales, série K 890.

были административнымъ учрежденіемъ, потому что представляли собою учрежденіе чисто *финансовое*. Въ финансовыхъ присутствіяхъ, которыя, вопреки своему официальному имени, не имѣли исключительно финансоваго характера, мы впервые имѣемъ дѣло съ учрежденіемъ, которое можно назвать *административнымъ*.

II.

Но разсматриваемый фактъ имѣетъ еще другую сторону. Когда финансовыя присутствія втянули въ кругъ своего вѣдѣнія всю область тогдашней провинціальной администраціи, королевская власть очутилась въ очень странномъ и во всякомъ случаѣ крайне неудобномъ положеніи, такъ какъ, благодаря этому, провинція ускользала изъ ея рукъ, и это въ то время, когда вѣковой идеалъ королевской власти, объединеніе Франціи вокругъ французской короны, сдѣлался, за исключеніемъ немногихъ деталей, реальною дѣйствительностью. Что изъ того, что члены финансовыхъ присутствій, забравшихъ въ свои руки провинціальную администрацію, носили на официальномъ языкѣ эпитетъ „королевскихъ чиновниковъ“ (*officiers du roi*), когда эти послѣдніе были фактически независимыми отъ королевскаго „усмотрѣнія“ собственниками своихъ должностей. Административные представители центрального правительства въ провинціи не были болѣе агентами королевской власти, не были болѣе органами центрального правительства.

Въ то же время политическіе представители королевской власти, генералъ-губернаторы, унаслѣдовавшіе въ XVI вѣкѣ ¹⁾ отъ бабьи командованіе военною силою въ провинціи, успѣли, въ особенности благодаря релягиознымъ войнамъ, приобрѣсти настолько независимое положеніе, что въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ нѣкоторые изъ нихъ разыгрывали въ своихъ провинціяхъ роль какъ бы владѣтельныхъ князей. Генрихъ IV принужденъ былъ вступать съ ними въ переговоры и выкупать у нихъ провинціи ²⁾, на которыя они начинали смотрѣть, какъ на свою вотчину. Въ моментъ вступленія во

¹⁾ Происхожденіе генералъ-губернаторовъ восходитъ, собственно говоря, къ болѣе отдаленному времени, но первоначально они „командовали“ лишь въ пограничныхъ областяхъ и не имѣли характера регулярнаго учрежденія: оно было урегулировано впервые Францискомъ I, который распространилъ его на всю территорію королевства. При немъ было двѣнадцать „генералъ-губернаторовъ“.

²⁾ *Chéruil*. „Dictionnaire des institutions“. Paris. 1884, t. I, p. 497.

власть кардинала Ришелье, „наиболѣе могущественныя изъ губернаторовъ вели себя — это собственныя слова кардинала — такъ, какъ будто бы были настоящими державцами“¹⁾).

Такимъ образомъ, Франція шла по пути административной децентрализаціи—въ лицѣ финансовыхъ присутствій, и децентрализаціи политической—въ лицѣ генераль-губернаторовъ. Децентрализація, въ которой — замѣтимъ мимоходомъ — провинція въ сущности не приобрѣтала ничего изъ того, что теряла центральная власть; ослабленіе послѣдней не сопровождалось развитіемъ провинціального самоуправленія: провинція оказывалась въ рукахъ учреждений, которыя такъ же мало были ея представителями, какъ и представителями центральной власти. Словомъ, это была децентрализація безъ провинціального самоуправления; начинался новый феодализмъ, начиналась новая феодальная дезагрегація только что объединенной послѣ феодальнаго раздробленія Франціи. Но на этотъ разъ движеніе это не могло рассчитывать на успѣхъ, въ виду достигнутыхъ уже королевскою властью результатовъ. При тѣхъ средствахъ, которыми владѣла послѣдняя въ XVI вѣкѣ, ей не трудно было остановить начинавшійся центробѣжный процессъ, и выѣсть съ тѣмъ самой выйдти изъ того ненормальнаго положенія, въ какое ее ставила фактическая независимость ея провинціальныхъ органовъ. Мѣры, путемъ которыхъ королевская власть пыталась рѣшить въ благоприятномъ для себя смыслѣ выдвинутый силою вещей вопросъ, свелись, въ своемъ конечномъ результатѣ, къ созданію того учрежденія, которому подъ именемъ *провинціальныхъ интендантовъ*²⁾, суждено было сыграть столь выдаю-

¹⁾ *Lucas*. „La Décentralisation“, р. 9.

²⁾ Замѣтимъ, что терминъ „провинціальный интендантъ“, „intendant de province“, никогда не употреблялся въ официальномъ языкѣ. Официальный титулъ провинціальныхъ интендантовъ былъ: „Intendant et commissaire départi“, иногда просто „commissaire départi“, рѣже просто „intendant“,—послѣднее, очевидно, по той причинѣ, что самъ по себѣ терминъ „intendant“, безъ эпитета, не имѣлъ опредѣленнаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ до-революціонной Франціи множество различныхъ чиновниковъ носили наименование „интендантовъ“, съ различными соотвѣствующими эпитетами: „intendants des postes“, „intendants de la marine“, и т. д. Были различныя „интенданты“ по управленію королевскими имѣніями, какъ были сюды „интенданты“ у каждаго изъ принцевъ королевскаго дома, у каждаго титулованнаго землевладѣльца. Въ послѣднюю пору стараго порядка терминъ „интендантъ“ начинаетъ демократизироваться, его начинаютъ давать своимъ управляющимъ простые помѣщики, даже и не титулованные. *Laudatores temporis acti* видѣли въ этомъ—„abus“. Что касается термина „intendant de pro-

щуюся роль въ историческихъ судьбахъ до-революціонной Франціи: въ исторіи ея „національнаго“ объединенія, въ дальнѣйшемъ развитіи политической централизаціи и въ созданіи централизаціи административной.

Не смотря, однако, на видную историческую роль этого учрежденія, происхожденіе его довольно темно. Одно лишь не подлежитъ болѣе сомнѣнію,—что учрежденіе это не было создано разомъ, путемъ какого-либо учредительнаго акта, какъ то долго думали ¹⁾, а что оно развилося мало-по-малу, путемъ частичныхъ мѣропріятій и правительственной практики, и что его первые начатки во всякомъ случаѣ значительно предшествуютъ эпохѣ Ришелье, которому долгое время приписывали въ исторической литературѣ „эдиктъ учрежденія интендантовъ“, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не существовало ²⁾.

вѣсьма“, то онъ представляетъ собою не болѣе, какъ литературное укромное слишкомъ длиннаго оффиціальнаго титула; онъ встрѣчается уже въ современныхъ эпохѣ сочиненіяхъ юридическаго и публицистическаго характера (напримѣръ, у Гюбо, у маркиза Мирабо), при чемъ терминъ „интендантъ“ безъ эпитета находитъ предпочтеніе вездѣ, гдѣ, по связи рѣчи, не можетъ произойти недоразумѣнія. Этого словоупотребленія придерживаемся и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

¹⁾ Лаферрьеръ, напримѣръ, приписываетъ учрежденіе интендантовъ канцлеру Л'Опиталу, въ 1664 году (*Laferrière*, p. 379). Большинство авторовъ приписывали учрежденіе ихъ кардиналу Ришелье. (Напримѣръ: *Chéruel*. „Dictionnaire des institutions“, 1884, p. t. I. p. XXII: „Établis d'abord en 1635...“—*Boyer de Sainte-Suzanne*. „Les intendants de la généralité d'Amiens“, p. 85: „Les intendants... dont les fonctions ne furent créées qu'en 1635...“). Послѣ изслѣдованій Буаля и Аното, не остается болѣе никакого сомнѣнія въ ошибочности этого воззрѣнія.

²⁾ Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ, въ извлеченіи, майскій эдиктъ 1635 года, въ „Сборникѣ Изамбера“ („Recueil général des anciennes lois françaises“, t. XVI, p. 442 suiv.): *Édit de création des intendants*. Этого неточнаго заглавія было достаточно для того, чтобы породить въ исторической литературѣ легенду объ „учрежденіи интендантовъ въ 1635 году“. Въ дѣйствительности, эдиктъ, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ ровно никакого отношенія къ провинціальнымъ интендантамъ. Подлинный заголовокъ этого эдикта (маленькій печатный текстъ его имѣется какъ въ Національномъ архивѣ (*Archives nationales*, serie X^a 8652), такъ и въ Національной библиотекѣ (*Bibliothèque nationale*, F^o 23. 611): „Édit portant création de quatre offices de présidents trésoriers généraux, un avocat et un procureur de Sa Majesté, en toutes les généralités de son royaume“. Въ текстѣ эдикта встрѣчается терминъ *intendants généraux*, — который, очевидно, и подалъ (да и до сихъ поръ еще не перестаетъ подавать) поводъ къ вышеуказанному ошибочному истолкованію эдикта въ сборникѣ Изамбера, а благодаря авторитету послѣдняго, и во множествѣ позднѣйшихъ историческихъ сочиненій: но достаточно простаго внимательнаго чтенія текста эдикта, чтобы убѣдиться въ

Буалиль и Аното доказали, что провинциальные интенданты существовали еще до Ришелье, который нашелъ въ нихъ готовое орудіе для своей централистической внутренней политики. Названные исследователи выяснили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настоящій характеръ происхожденія этого учрежденія. Провинциальное интендантство выработалось постепенно, путемъ частичныхъ мѣропріятій, путемъ, такъ сказать, правительственной практики. изъ двухъ, правда родственныхъ, но, несомнѣнно, различныхъ учреждений: съ одной стороны *королевскихъ комиссаровъ*, такъ называемыхъ *commissaires du roi, commissaires départis pour l'exécution des ordres du roi*, и т. п., съ другой—различнаго рода *интендантовъ* — *судебныхъ, финансовыхъ, полицейскихъ: intendants de justice, intendants de finances, intendants de police*. На это двойное происхожденіе провинциальныхъ интендантовъ указываютъ и полный официальный титулъ ихъ: *intendant de justice, police et finances et commissaire départi* (иногда съ прибавкою словъ: *pour l'exécution des ordres de Sa Majesté*).

„Королевскіе комиссары“.—Въ XVII вѣкѣ входитъ въ правитель-

товъ, что эти „генералъ-интенданты“ не имѣютъ ничего общаго съ провинциальными интендантами. Вотъ отрывокъ, въ которомъ встрѣчается названный терминъ: „Et icelles charges (то-есть „les quatre charges de présidents trésoriers généraux“) créons et érigeons en titre d'office, formé, avec la qualité de nos conseillers, intendants généraux et présidents au Bureaux de nos finances des généralités de notre royaume“. Ясно, что терминъ „intendants généraux“ фигурируетъ здѣсь въ качествѣ одного изъ титуловъ этихъ „présidents trésoriers“ (членовъ финансоваго присутствія), о которыхъ идетъ рѣчь въ эдиктѣ. Да и помимо этого соображенія, одного выраженія „érigeons en titre d'office“ вполне достаточно, для того чтобы устранить всякую возможность отождествленія этихъ „генералъ-интендантовъ“ съ провинциальными интендантами, должность которыхъ никогда не была „возведена en titre d'office“ и имѣла своею юридическою основой *срочное (provision)*, а не *порученіе (commission)*: два рѣзко отличныя правовыя понятія стараго порядка.—Мы сочли пужнымъ сдѣлать этотъ экскурсъ, въ виду того, что указанное недоразумѣніе продолжаетъ смущать даже такихъ солидныхъ изъ новѣйшихъ исследователей, какъ Бабо, который отказавшись отъ легенды учрежденія интендантовъ въ 1635 году, по какому-то непонятному противорѣчію, продолжаетъ все-таки видѣть въ „генералъ-интендантахъ“ эдикта 1635 года—провинциальныхъ интендантовъ. *Babeau. „La Province sous l'ancien régime“. Paris, 1894, t. I, 281: „Les trésoriers de France... virent leurs attributions fortement entamées par celles qui furent données aux intendants, notamment par l'édit de mai 1635“.* Слугавъ „казначей-предсѣдатель“ съ провинциальными интендантами, авторъ усмотрѣлъ „уменьшеніе полномочій финансовыхъ присутствій“ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ—*расширеніе* этихъ полномочій, въ лицѣ „казначей-предсѣдателя“ финансовыхъ присутствій.

ственную практику посылать время отъ времени, то въ тѣ, то въ другія области, *секретарей королевскаго совѣта (maîtres des requêtes)* ¹⁾. Ихъ миссія поразительно напоминаетъ „государевыхъ посланцевъ“ (*missi dominici*) Карла Великаго: и тѣ и другіе, это прежде всего— „очи и уши государевы“, а въ извѣстныхъ случаяхъ также и „десница государева“. Съ одной стороны, это—агенты осведомленія и наблюденія центральнаго правительства, съ другой—агенты-исполнители королевской воли. Начиная со второй половины XVI вѣка посылка этихъ агентовъ въ провинцію получаетъ регулярный характеръ ежегодныхъ „объѣздовъ“ („*chevauchés des maîtres des requêtes*“). Въ силу августовскаго эдикта 1553 года ежегодно шестеро изъ секретарей королевскаго совѣта должны были, въ качествѣ королевскихъ комиссаровъ, дѣлать объѣзды всего королевства, которое съ этою цѣлью было подѣлено на шесть частей, соотвѣтственно числу ежегодно командируемыхъ секретарей совѣта, — числу, которое съ тѣхъ поръ постепенно увеличивается ²⁾. Начиная съ 1555 года основой этого территориальнаго подраздѣленія начинаютъ служить генеральства: область, подлежащая „объѣзду“ каждаго изъ этихъ кочующихъ чиновниковъ начинается опредѣляться границами одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ генеральствъ ³⁾. Замѣтимъ, что окончательная организація этого учрежденія относится, именно, къ той порѣ, когда королевская власть, вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, очутилась безъ непосредственныхъ органовъ въ провинціи. Причинная связь между этими двумя фактами врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ бы то ни было, въ названномъ учрежденіи лежалъ одинъ изъ зародышей провинціального интендантства, хотя „королевскому комиссару“ еще далеко до интенданта: 1) королевскій комиссаръ не есть еще *должность*, а лишь нѣкоторое *порученіе*, временная миссія; 2) онъ—не *провинціальный администраторъ*, имѣющій осѣдность въ провинціи, а *чиновникъ центральною ведомства, находящійся во временной командировкѣ*.

„Интенданты юстиціи“, „полиціи“, „финансовъ“.—Независимо отъ ежегодныхъ „объѣздовъ“ провинцій секретарями королевскаго совѣта, правительство продолжало время отъ времени посылать специальныхъ агентовъ въ провинціи, по случаю различныхъ чрезвычайныхъ об-

¹⁾ *Boisjolie*. „Les Chevauchés d'un Maître des requêtes“. „Revue des Sociétés savantes“, 1881, pp. 164—191.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *D'Arbois de Jubainville*. „Administration des intendants“, etc., p. 14.

стоятельствъ, требовавшихъ непосредственнаго вмѣшательства королевской власти. Эти чрезвычайные агенты, которыхъ правительство назначало либо изъ числа тѣхъ же секретарей королевскаго совѣта, либо изъ числа „совѣтниковъ“ послѣдняго, либо, наконецъ, изъ числа членовъ парламента, не имѣютъ еще вполне установленнаго официального титула: обыкновенно они носятъ названіе *комиссаровъ*, но чаще *интендантовъ* или *суперинтендантовъ* съ различными въ обоихъ случаяхъ эпитетами, указывающими въ каждомъ данномъ случаѣ сущность ихъ спеціальной миссіи: *intendant de justice, intendant de police, intendant de justice et de police, commissaire des finances*, или *pour le fait des finances*, наконецъ — *intendant de justice, police et finances*¹⁾; изрѣдка встрѣчается титулъ „интендантъ“ безъ эпитета, но съ обозначеніемъ области, куда командированъ, наиримѣръ: „intendant en Touraine, Anjou et Maine”²⁾.

Эти „комиссары“ и „интенданты“ второй половины XVI вѣка являются вторымъ зародышемъ, изъ котораго развилось провинціальное интендантство. Отъ вышеупомянутыхъ „королевскихъ комиссаровъ“, эти „комиссары“ и „интенданты“ отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что, тогда какъ миссія первыхъ была регулярною (ежегодные „объѣзды“), миссія послѣднихъ носила чрезвычайный и временный характеръ; они являлись въ провинцію не для „объѣзда“, а для „пробыванія“ въ ней иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; во-вторыхъ — тѣмъ, что, въ противоположность „королевскимъ комиссарамъ“, они назначались не исключительно изъ секретарей королевскаго совѣта, а также изъ „совѣтниковъ“ послѣдняго и даже изъ членовъ парламента. Отъ провинціальныхъ интендантовъ они отличаются тѣми же признаками, что и королевскіе комиссары: они являются въ провин-

¹⁾ Такъ, въ 1576 году совѣтникъ парижскаго парламента Серге былъ командированъ въ Провансъ въ качествѣ „суперинтенданта юстиціи“, для умиротворенія области совмѣстно съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ (*Boisjols, loco cit.*); въ 1595 году Пьеръ Дамонъ отправленъ въ Шампань въ качествѣ „суперинтенданта юстиціи и полиціи городовъ провинціи“, главнымъ образомъ для организаціи сбора новой подати (*Vabien. „La province“, t. II, p. 4*); въ 1596 году Жанъ-де-Мемъ командированъ, въ качествѣ „финансоваго комиссара“, въ канское генералство (Нормандія), „vaquer au règlement des tailles et au soulagement des peuples“; Камюсъ-де-Жамбилль, въ 1590 году, въ Нормандію, въ качествѣ „интенданта юстиціи; Гю-дю-Шатле, въ 1629 году, въ Бургонь, въ качествѣ „интенданта юстиціи, полиціи и финансовъ“ (*Нанотаж. „Origine de l'institution des intendants“, pp. 118, 122, 163, 176*).

²⁾ Jean Aubery, 1618. *Нанотаж*, op. cit., p. 175.

цію не въ качествѣ администраторовъ, а въ качествѣ чрезвычайныхъ агентовъ правительства, для выполнения известной чрезвычайной миссіи; подобно королевскимъ комиссарамъ, у нихъ еще нѣтъ своей „провинціи“, нѣтъ никакого строго очерченнаго округа вѣдомства: иногда это—генеральство, иногда нѣсколько генеральствъ ¹⁾, иногда наконецъ—округъ одного изъ провинціальныхъ парламентовъ ²⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ первоначально разрозненныхъ званій „интенданта юстиціи“, „интенданта финансовъ“, „интенданта полиціи“, является лишь нѣсколько позднѣе; по крайней мѣрѣ, въ списокѣ „первыхъ интендантовъ“, составленномъ Аното, мы впервые встрѣчаемся съ этимъ титуломъ лишь въ 1629 году ³⁾.

Какъ и когда произошло сліянiе двухъ указанныхъ учреждений въ одно—провинціальное интендантство, это остается до сихъ поръ невыясненнымъ въ литературѣ, да врядъ ли и можетъ быть вполне выяснено; во всякомъ случаѣ, превращеніе это совершилось опять-таки не путемъ какого-либо законодательнаго акта, а путемъ постепенной и довольно сложной эволюціи. Общій ходъ послѣдней заключался, повидимому, въ томъ, что „интенданты“, которые первоначально отряжались въ провинцію каждый разъ по какому-либо чрезвычайному поводу, и всякій разъ на короткій, хотя и неопредѣленный срокъ, начали мало-по-малу утрачивать свой чрезвычайный характеръ. Чрезвычайная и исключительная вначалѣ правительственная мѣра начинаетъ мало-по-малу приобрѣтать характеръ регулярнаго и постояннаго учрежденія; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ постепенною утратой характера чрезвычайности, интенданты начинаютъ приобрѣтать, такъ сказать, осѣдлость въ провинціи, куда они являлись первоначально лишь наѣздомъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, то, что было вначалѣ исключи-

¹⁾ *Leroux*. „La généralité de Limoges“, p. 25.

²⁾ *Hanotaux*, op. cit., passim.

³⁾ Paul Hay du Châtelet, *intendant de justice, police et finances*, 1629—1632 (Bourgogne). *Hanotaux*, op. cit., p. 166.

⁴⁾ Въ 1626 году парламенты жалуются на то, что „нововведенные судебные интенданты (*intendants de justice*) остаются въ провинціи цѣлые годы и норовятъ превратить свои полномочія въ пожизненные“. *Chéruel*. „Histoire de l'administration monarchique en France“, t. I, p. 292. Было бы, однако, слишкомъ поспѣшно заключать отсюда, что „осѣдлое“ интендантство было въ это время уже общимъ явленіемъ. Что это было не такъ, видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1629 году мы встрѣчаемся съ чрезвычайнымъ „комиссаромъ для исполненія королевскихъ распоряженій“. *Boislisle*, loco cit. Во всякомъ случаѣ нельзя приурочивать къ эпохѣ Ришелье окончательную организацію провинціальнаго интендант-

тельно и чрезвычайною *правительственною мѣрой*, превратилось мало-помалу въ регулярное *учрежденіе*; временная *миссія* превратилась въ постоянную *должность*; чрезвычайный агентъ центрального правительства превратился въ постоянный органъ послѣдняго, *правительственный комиссаръ* превратился въ *провинціального администратора*. А разъ у правительства оказался въ провинціи постоянный органъ, ежегодные объѣзды королевства комиссарами изъ секретарей королевскаго совѣта становились, естественно, излишними; и дѣйствительно, въ началѣ семнадцатаго вѣка—примъ, когда начинается сформировываться осѣдлое провинціальное интендантство,—мы уже не слышимъ болѣе о ежегодныхъ объѣздахъ секретарей королевскаго совѣта. Провинціальные интенданты, естественно, унаслѣдовали функціи послѣднихъ, какъ унаслѣдовали и ихъ офиціальный титулъ: „*commissaires départis*“.

Осѣдность интенданта приурочивалась обыкновенно къ „столицѣ“ генеральства, то-есть къ резиденціи финансоваго присутствія. „Интендантство“, какъ территоріальная величина, обыкновенно совпадала съ „генеральствомъ“. Это мало-помалу сдѣлалось правиломъ, хотя, въ видѣ исключенія, случалось, что одно интендантство обнимало два или три генеральства,—исключеніе болѣе частое въ раннюю пору интендантства, чѣмъ въ позднѣйшее время; въ концѣ стараго порядка исключеніе это имѣло мѣсто лишь въ одномъ случаѣ, а именно относительно двухъ лангдокскихъ генеральствъ, объединенныхъ въ одно интендантство. Мало-помалу возникли также и „интендантства“, которыя не были „генеральствами“: это были области, въ которыхъ не было организовано управленія финансовыхъ присутствій; къ числу ихъ принадлежали нѣкоторыя изъ областей со штатами (*paus d'états*) и большинство такъ называемыхъ „завоеванныхъ областей“ (*paus con-*

ства, какъ общей для всего королевства учрежденія. Большинство интендантовъ продолжаютъ при немъ сохранять характеръ чрезвычайныхъ агентовъ во временной командировкѣ; если же иные изъ интендантовъ и начинаютъ засаживаться въ своей провинціи по нѣскольку лѣтъ, то это оформливается путемъ ежегоднаго возобновленія „порученія“ (*commission*). Послѣднимъ шагомъ на пути къ превращенію интендантовъ изъ чрезвычайныхъ комиссаровъ въ провинціальныхъ администраторовъ было появленіе безсрочныхъ „порученій“. Время перваго появленія послѣднихъ въ точности неизвѣстно, но по всякомъ случаѣ оно имѣло мѣсто уже послѣ Рихелье, и опять-таки не вдругъ, а мало-помалу, не въ видѣ общей мѣры, а путемъ одичичныхъ опытовъ правительственной практики и путемъ накопленія прецедентовъ.

quis). Въ этихъ областяхъ резиденціею интенданта служилъ или городъ, гдѣ собирались мѣстные штаты, или же главный городъ существующаго мѣстнаго финансоваго управленія.

Осѣдлое провинціальное интендантство водворилось не разомъ во всѣхъ областяхъ, а постепенно, при чемъ сначала интендантское управленіе было организовано въ однѣхъ лишь „выборныхъ областяхъ“ (pays d'élection), но затѣмъ, мало-по-малу, распространено было также и на „завоеванныя области“ и „области со штатами“. Процессъ этотъ завершился не ранѣе конца семнадцатаго вѣка. Вообще, можно сказать, что провинціальное интендантство, какъ учрежденіе, вырабатывается постепенно въ теченіе всего семнадцатаго вѣка¹⁾, и лишь начиная со второй половины этого столѣтія, со времени своей „реставраціи“ послѣ кратковременнаго уничтоженія въ 1648 году, приобретаетъ извѣстную устойчивость и начинаетъ организоваться на общихъ для всего королевства началахъ.

До этой поры, помимо чрезвычайной своей неустойчивости, зарождающееся учрежденіе поражаетъ еще и своею крайнею нестротою. Въ одной провинціи мы видимъ „комиссара въ командировкѣ“, въ другой „комиссара по части финансовъ“, въ третьей — „комиссара по части юстиціи и финансовъ“, въ четвертой — „комисара“ для исполненія какого-либо спеціальнаго распоряженія короля, либо „для исполненія королевскихъ приказаній“ вообще, въ пятой — „судобнаго“ или „финансоваго“ или „полицейскаго интенданта“, либо „судебнаго и финансоваго“, наконецъ „судебнаго, финансоваго и полицейскаго“, — при чемъ одни изъ этихъ правительственныхъ агентовъ начинаютъ приобретать характеръ осѣдлыхъ администраторовъ, въ то время какъ другіе продолжаютъ сохранять свой прежній временный, кочевой характеръ. Полномочія и функціи этихъ различныхъ правительственныхъ агентовъ также до крайности разнообразны; въ каждомъ данномъ случаѣ онѣ основываются на спеціальному „порученіи“ (com-mission) ad hoc и ad hominem. Единственное, что есть общаго между всѣми этими многочисленными и разнообразными „комиссарами“ и

¹⁾ Последніи интендантства были учреждены въ Руи (Беарнъ) и въ Rennes (Бретань), если не считать присоединенныхъ лишь въ послѣднюю пору стараго порядка Лотарингіи и острова Корсики, въ 1766 и 1768 годахъ. Въ послѣдней было организовано интендантское управленіе тотчасъ по ея присоединеніи въ Франціи; въ Лотарингіи же интендантство, хотя и отличавшееся нѣскольکو отъ французскаго, существовало еще при королѣ Станиславѣ.

„интендантами“ съ разнообразными и многообразными эпитетами и полномочиями, это то, что всё одни одинаково—непосредственные агенты центральной власти. Но въ этомъ „единственно общемъ“ элементѣ лежалъ въ то же время и центръ тяжести, или, употребляя выраженіе Тэна,—лежала „господствующая идея“ (*idée maitresse*) зарождавшася, подъ различными многочисленными видами, но въ основѣ своей *одного* учрежденія, именно того учрежденія, которое въ провинціальномъ интенданствѣ получило то, чего ему не хватало: послѣднее дало *единство формы* тому, что имѣло уже *единство сущности*, не смотря на многообразіе формъ.

Возникновеніе провинціального интенданства представляетъ, можно сказать, настоящую административную (не безъ политическаго отбѣнка) революцію; но благодаря постепенности, съ какою оно возникло и организовалось, эта революція свершилась настолько безшумно, что тѣ учрежденія, на счетъ которыхъ она осуществилась, спохватились лишь тогда, когда уже было поздно,—когда о „контръ-революціи“ нельзя было уже и думать. Королевская власть выказала въ данномъ случаѣ необычайный тактъ. Производя величайшую изъ административныхъ революцій, она дѣйствовала тихо и осторожно. поступая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ, какъ будто бы ни о какомъ нововведеніи и рѣчи не было. „Объѣзды“ секретарей королевскаго совѣта? Но они не были новостью, ново было лишь урегулированіе этихъ объѣздовъ. Различные „комиссары“ и „интенданты“? Но французскіе короли изстари имѣли обыкновеніе посылать въ провинціи различныхъ комиссаровъ подъ именемъ „слѣдователей“ (*enquêteurs*), „реформаторовъ“ (*réformateurs*) и т. д. Если командировки подобныхъ королевскихъ агентовъ сдѣлались болѣе часты, чѣмъ прежде, то въ этомъ случаѣ опять-таки король не вводилъ никакого новшества, а осуществлялъ лишь свое искони признанное право надзора и контроля за „администраціей юстиціи“ и „финапсовъ“ въ своемъ королевствѣ, какъ и за исполненіемъ своихъ распоряженій. „Осѣдлость“ интендантовъ въ провинціяхъ? Но, развѣ король, развѣ давши „порученіе“ извѣстному лицу, не былъ въ правѣ возобновить его черезъ годъ, и еще черезъ годъ, и т. д.? Безъ протестовъ, безъ оппозиціи со стороны заинтересованныхъ учреждений дѣло, конечно, не могло обойтись; но, при помощи своей тактики, королевской власти удалось, крайней мѣрѣ, разсрочить эту оппозицію на болѣе или менѣе продолжительное время, размѣнять ее на множество болѣе или менѣе мелкихъ протестовъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ каждый разъ какую-либо

отдѣльную, спеціальную правительственную мѣру, не имѣвшую, по-видимому, общаго и принципиальнаго значенія; множество отдѣльных мелкихъ ударовъ не могли повредить постройкѣ зданія, которое, пожалуй, не устояло бы противъ одного сильнаго толчка.

Но эта административная (или, пожалуй, административно-политическая) „революція“, связанная съ именемъ провинціальныхъ интендантовъ, была въ значительной мѣрѣ и „реставраціей“. Въ самомъ дѣлѣ, сущность интендантской „революціи“ можно выразить однимъ словомъ: централизація. Но въ централизаціи дѣло шло, въ концѣ второй половины шестнадцатаго и первой половинѣ семнадцатаго вѣковъ, не столько о созданіи новаго, сколько о возстановленіи стараго. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ реставраціей двухъ родовъ: реставраціей централизаціи политической—на счетъ генераль-губернаторовъ, реставраціей централизаціи административной — на счетъ главнымъ образомъ финансовыхъ присутствій.

Мы видѣли, какимъ образомъ, изъ орудія политической централизаціи, генераль-губернаторы превратились мало по малу въ разлагающее начало феодальной дезаггегации. Въ какомъ отношеніи къ этому факту стояло учрежденіе интендантства? Общераспространенное мнѣніе приписываетъ интендантамъ роль стѣнбитаго орудія, посредствомъ котораго королевская власть разгромила твердыню генераль-губернаторства. Мнѣніе это, однако, не выдерживаетъ очной ставки съ историческою дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, за рѣдкими исключеніями, интенданты, даже въ первыя времена своего существованія, не говоря уже о позднѣйшихъ, являются въ качествѣ чисто *гражданскихъ* чиновниковъ, почти всегда съ болѣе или менѣе сильнымъ оттѣнкомъ судебнымъ, но безъ всякаго прикосновенія къ *военному командованію*, къ которому къ тому же они и не были подготовлены по своему званію: интендантъ, это всегда либо секретарь королевскаго совѣта, либо членъ послѣдняго („совѣтникъ“), либо членъ парламента, слѣдовательно всегда изъ „штатскихъ“, никогда изъ военныхъ. Между тѣмъ серьезнымъ противовѣсомъ генераль-губернатору, человѣку всегда военному и державшему въ своихъ рукахъ военное командованіе, могъ быть серьезно противопоставленъ лишь военный же человѣкъ, облеченный подобными же военными полномочіями. Когда интендантъ, для выполненія извѣстнаго пункта своего „порученія“, имѣлъ нужду въ вооруженной силѣ, онъ обращался за ней къ губернатору, который и дѣлалъ соответственныя распоряженія, согласно королевской грамотѣ, которая обыкновенно

предписывала генераль-губернатору „*préter la main-forte*“ интенданту всякій разъ, какъ въ томъ окажется надобность. Затѣмъ интендантъ не могъ являться серьезнымъ противѣсомъ генераль-губернатору также еще и вслѣдствіе незнатности своего происхожденія, въ то время, какъ генераль-губернаторство считало въ своей средѣ привцевъ королевской крови: а это обстоятельство должно было имѣть немаловажное значеніе, принимая во вниманіе характеръ эпохи. Что, во всякомъ случаѣ, интендантство — даже и допуская, что королевская власть имѣла въ виду употребить, его какъ стѣннобитное орудіе противъ генераль-губернаторства — не успѣло сломить послѣдняго, это видно, относительно болѣе ранней эпохи, изъ того, что, какъ выше было замѣчено, Ришелье былъ вынужденъ входить въ переговоры съ генераль-губернаторами и выкупать у нихъ провинціи; относительно болѣе поздняго времени, — изъ того, что Людовикъ XIV не нашелъ другаго средства сломить жестоковѣйность генераль-губернаторовъ, какъ удерживал ихъ при своемъ дворѣ и даже запрещая уѣзжать въ свое генераль-губернаторство безъ особаго своего на то разрѣшенія, и командовать тамъ вооруженною силой безъ особаго королевскаго „порученія“ (*commission*), что практически было равносильно высылкѣ генераль-губернатора изъ своей „провинціи“. Позолоченная версальскою мишурой и умащенная королевскими милостями горькая пил. ля была проглочена легко и безъ гримасъ. Съ той поры практическое командованіе вооруженною силой и связанная съ нимъ полиція безопасности перешли изъ руки особыхъ, назначаемыхъ королемъ по своему усмотрѣнію и имъ же смѣняемыхъ *главнокомандующихъ (commandants en chef)*, — учрежденіе, окончательная организація котораго относится къ самымъ послѣднимъ годамъ стараго порядка ¹⁾).

Единственное приобрѣтеніе, которымъ воспользовались интенданты изъ послѣдія генераль-губернаторовъ, это *часть* политическаго представительства въ провинціи, которое ими было подѣлено съ „главнокомандующими“; но, во всякомъ случаѣ, не въ этой части полномочій лежалъ центръ тяжести значенія интендантства, а въ его адми-

¹⁾ Ордоннансъ 17-го марта 1788. Печатный экземпляръ его есть въ національной библіотекѣ; въ „Сборникѣ Изамбера“ имѣется одно лишь заглавіе этого королевскаго акта; это было, по всей вѣроятности, причиною, почему въ исторической литературѣ онъ оставался совсѣмъ неизвѣстнымъ, вплоть до самаго послѣдняго времени, когда на него обратилъ вниманіе А. Бреттъ (*Brette. „Recueil de documents“, etc., t. I, p. 424.*)

нистративной роли, которую онъ унаслѣдовалъ не отъ генераль-губернатора—потому что генераль-губернаторъ и самъ не былъ администраторомъ въ собственномъ смыслѣ,—а отъ финансоваго присутствія. Не даромъ „провинціей“ интенданта является обыкновенно *генеральство*, а не *генераль-губернаторство*, округъ финансоваго присутствія, а не округъ генераль-губернатора (это были, какъ увидимъ ниже, два совершенно независимыхъ ряда территоріальныхъ дѣленій, совпаденіе между которыми было лишь исключеніемъ). Стало быть интендантъ „командировался“ не къ генераль-губернатору, а прежде всего къ финансовому присутствію, и стало быть остріе этого учрежденія, интендантства, было направлено прежде всего противъ послѣдняго изъ этихъ учреждений, а не противъ генераль-губернатора. Твердыня генераль-губернаторства была сломлена рядомъ правительственныхъ мѣръ, совершенно независимыхъ отъ интендантства, и наслѣдниками полномочій генераль-губернаторовъ были прежде всего „главнокомандующіе“, а не интенданты, которые, какъ мы замѣтили, унаслѣдовали отъ генераль-губернаторовъ лишь часть „политическаго представительства“, да и это пріобрѣтеніе со временемъ потеряло значительную часть своего вѣса, такъ какъ вопросъ о „поддержаніи провинціи въ покорности“, представлявшій *ключевую* подкладку „политическаго представительства“, утратилъ мало-по-малу всякое практическое значеніе, но крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ провинціямъ—а онѣ составляли огромное большинство,—которыя не имѣли мѣстныхъ штатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, политическое значеніе интендантовъ постепенно все болѣе и болѣе отходитъ на второй планъ, и ихъ политическая роль, которая часто довольно отчетливо выступаетъ въ первую пору существованія этого учрежденія, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ступшевывается передъ ролью чисто административною. Эволюція интендантства слагается, можно сказать, изъ двухъ параллельныхъ, хотя и не связанныхъ взаимною причинностью теченій: *прогрессивнаго возрастанія его административнаго значенія, вмѣстѣ съ прогрессивнымъ уменьшеніемъ значенія политическаго*. Кромѣ факта постепеннаго практическаго устраненія вопроса о „покорности провинціи“, послѣднее явленіе находится въ связи также и съ „осѣдлостью“ интенданта, съ превращеніемъ его изъ наѣзжаго агента центральной власти, для котораго интересы провинціи такъ же чужды, какъ и самъ онъ чуждъ провинціи,—въ осѣдлаго администратора, сродняющагося съ „своею“ провинціей въ силу продолжительнаго пребыванія въ ней.—начинающаго входить въ ея ин-

интересы и нужды, и такимъ образомъ перестающего быть исключительно представителемъ центральной власти.

Рѣшительнымъ моментомъ въ эволюціи интендантства, какъ административнаго учрежденія, является эпоха Кольбера. Провинциальная администрація получаетъ при немъ первенствующее мѣсто среди правительственныхъ заботъ; благодаря дѣятельности этого министра, интендантство окончательно организуется, какъ административное учрежденіе, стягивая въ свои руки, прямо или косвенно, всѣ нити провинциальной администраціи, подобно тому какъ это ранѣе было сдѣлано финансовыми присутствіями.

Естественно, что это сосредоточеніе провинциальной администраціи въ рукахъ интендантовъ не могло совершиться иначе, какъ на счетъ финансовыхъ присутствій: такъ оно и было въ дѣйствительности. Дѣло, конечно, не обошлось безъ борьбы. Можно даже сказать, что вся исторія интендантовъ есть исторія непрерывной войны между ними и финансовыми присутствіями, хотя, будучи „разсрочена“, благодаря искусной тактикѣ королевской власти, на цѣлыя столѣтія, война эта вся разбилась на мелкія стычки, чѣмъ и объясняется ея сравнительная безшумность, благодаря которой она прошла незамѣченной въ исторіи. Финансовыя присутствія не переставали протестовать противъ „незаконныхъ захватовъ“ интендантовъ, противъ ихъ „вторженій“ въ область, которая „принадлежала“ имъ, финансовымъ присутствіемъ, на правахъ благопріобрѣтенной собственности; они „не находили достаточно сильныхъ словъ, для выраженія своихъ всепокорѣйшихъ и живѣйшихъ представленій противъ обезцѣненія (avilissement) ихъ должностей“¹⁾, доказывая въ предлинныхъ „представленіяхъ“ (remontrances) свои исконныя „привилегіи“ массою ссылокъ на такіе-то и такіе-то королевскіе эдикты, деклараціи, грамоты. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти королевскіе акты, какъ водится, допускали по крайней мѣрѣ два различныхъ толкованія, и королевскій совѣтъ всегда умѣлъ найти одно изъ нихъ въ свою пользу. Въ отвѣтъ на свои энергичныя и уснащенные цитатами „представленія“, финансовыя присутствія получали изъ Парижа не менѣе энергичныя и снабженные не менѣе солиднымъ „ученымъ аппаратомъ“ законодательныхъ ссылокъ, „постановленія совѣта“ (arrêts du Conseil), которыя часто болѣе походили, по

¹⁾ Remontrances du bureau des finances de Limoges, 1744. „Inventaire des archives départementales de la Haute-Veienne“. Limoges, 1891, p. 118.

своему стилю, на учено-полемицескіе трактаты юриста, чѣмъ на правительственные акты. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, быть отмѣченною эта черта: королевская власть крайне дорожила, если не сущностью, то по крайней мѣрѣ внѣшностью законности, и избѣгала всего, что могло походить на откровенный произволъ. Не даромъ королевскій абсолютизмъ во Франціи былъ созданіемъ „законниковъ“ (легистовъ). Въ крайнемъ случаѣ, когда королевскій совѣтъ не находилъ возможности противопоставить текстъ тексту и толкованіе толкованію, онъ всегда находилъ для себя твердую правовую опору въ общепризнанномъ королевскомъ правѣ контроля надъ всѣми существующими учрежденіями; а интендантъ былъ носителемъ этого права по отношенію ко всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ. Не трудно видѣть, какую широкую дверь отворяло оно вѣшателству интенданта во все, что касалось мѣстнаго управления. Всякій „захватъ“ интенданта въ области мѣстнаго финансоваго присутствія становился прецедентомъ какъ для него самого и его преемниковъ, такъ и для его товарищей въ другихъ генеральствахъ; а всякое новое приобретеніе становилось исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ „вторженій“ интендантства въ сферу „привилегій“ финансовыхъ присутствій.

Любопытно—и характерно для стараго порядка, — что нерѣдко спорные вопросы между интендантомъ и финансовымъ присутствіемъ рѣшались путемъ полюбовнаго соглашенія, сдѣлкою между обоими учрежденіями, при чемъ вѣшателство королевской власти ограничивалось лишь изданіемъ „постановленія совѣта“, одобрявшаго данное соглашеніе. Иногда эти соглашенія приводили къ довольно своеобразнымъ сдѣлкамъ, напримѣръ, къ территориальному разграниченію вѣдомствъ интенданта и финансоваго присутствія относительно той или другой спорной категоріи дѣлъ, въ предѣлахъ одного и того же генеральства.

Благодаря этой системѣ частныхъ сдѣлокъ, а также благодаря тому, что вообще многое въ борьбѣ за административное существованіе между интендантами и финансовыми присутствіями рѣшалось въ зависимости отъ мѣстныхъ условій каждаго изъ многочисленныхъ театровъ войны, генеральствъ, распределеніе административныхъ полномочій между этими двумя рядами учрежденій, въ концѣ концовъ, далеко не было одинаковымъ во всѣхъ генеральствахъ, хотя по существу взаимное положеніе интенданта и финансоваго присутствія было всюду одно и то же: рѣшительное преобладаніе интенданта въ общей администраціи, при чемъ на долю финансоваго при-

сутствія оставались лишь нѣкоторые спеціальные отдѣлы послѣдней (финансы, доменъ).

Итакъ, одна изъ существенныхъ частей административныхъ полномочій интенданта образовалась путемъ постепенныхъ захватовъ въ области вѣдомства финансовыхъ присутствій. Но и всѣ другія мѣстные учрежденія потерпѣли въ той или другой степени, хотя и въ гораздо меньшей, чѣмъ финансовыя присутствія, отъ „вторженій“ интенданта. Пострадали, прежде всего, низшія судебныя учрежденія, такъ называемыя „королевскіе“ и „сеньориальные“ суды“, которые мало-по-малу лишены были всякой активной роли въ дѣлѣ „административной опеки“ надъ сельскими общинами¹⁾. Но, въ большей или меньшей степени „захваты“ интендантства коснулись *еще* судебныхъ учреждений, начиная съ королевскихъ и сеньориальныхъ судей и до парламентовъ включительно, такъ какъ всѣ эти учрежденія, вѣстѣ съ судебными полномочіями, соединяли въ своихъ рукахъ и различныя функціи административныя, преимущественно въ области полиціи въ тѣсномъ смыслѣ. Съ другой стороны, кромѣ чисто административныхъ полномочій, интенданты съ самаго начала имѣли въ своихъ рукахъ широкій кругъ и чисто судебныхъ компетенцій. „Вторженіе ихъ въ эту область происходило двумя путями. Одинъ изъ нихъ, это—упомянутое уже выше широкое право контроля надъ всѣми мѣстными учрежденіями, не исключая и судебныхъ (собственно говоря, большинство мѣстныхъ учреждений были судебныя, или по крайней мѣрѣ съ извѣстною примѣсью судебныхъ полномочій), то-есть, начиная съ низшихъ королевскихъ и сеньориальныхъ судей и до парламентовъ включительно (хотя фактически интендантскій контроль никогда на парламенты не простирался). Другимъ путемъ были такъ называемыя *évocations*, которыя, за неимѣніемъ вполнѣ равносильнаго русскаго термина, мы будемъ переводить „изъятія“. Королевскій совѣтъ „вызывалъ“ (*évoquait*) къ себѣ извѣстную тяжбу или извѣстную категорію дѣлъ, и передавалъ ихъ въ вѣдѣніе интенданта, какъ своего комиссара. Вотъ этими двумя путями интенданты и создали себѣ довольно обширное судебное вѣдомство,—на счетъ существующихъ судовъ всѣхъ категорій. Это намъ объясняетъ тотъ антагонизмъ, который проявляется, съ самаго начала и до конца интендантства, между этимъ послѣднимъ и судебными учрежденіями, и въ частности — парламентами, которые въ этомъ случаѣ

¹⁾ *D'Arbois de Jubainville*, „Administration des intendants“, etc.

выступали въ качествѣ представителей всѣхъ судебныхъ учреждений, хотя при этомъ защищали главнымъ образомъ свои собственные интересы, которые въ сущности нарушались не только въ тѣхъ случаяхъ—сравнительно рѣдкихъ,—когда „изъятію“ подвергались дѣла, непосредственно подвѣдомственные парламентамъ, но также и въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное изъятіе касалось дѣла, подлежащаго юрисдикціи, скажемъ, какого-нибудь королевскаго судьи, баляжа, или финансоваго присутствія (не забудемъ, что эти послѣднія были также отчасти и судебными трибуналами). Въ самомъ дѣлѣ, апелліяція отъ интендантскаго суда допускалась лишь въ королевскій совѣтъ, между тѣмъ какъ апелліяція отъ большей части судебныхъ учреждений поступала въ парламенты ¹⁾).

Какъ бы то ни было, потери, понесенныя судебными учреждениями вообще и парламентами въ частности, отъ „вторженій“ и „захватовъ“ интендантовъ, были несравненно менѣе значительны, чѣмъ, тѣ, что понесли отъ подобныхъ захватовъ финансовыя присутствія. Это не мѣшало тому, что протесты парламентовъ раздавались все-таки несравненно громче, чѣмъ таковыя же протесты финансовыхъ присутствій, что и понятно: парламенты занимали одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на исторической сценѣ, въ то время какъ финансовыя присутствія ютились гдѣ то за кулисами.

Не вся, однако, совокупность полномочій интенданта сложилась путемъ „захватовъ“ въ областяхъ, находившихся ранѣе въ безраздѣльномъ владѣніи другихъ учреждений. Другой, быть можетъ, не менѣе обширный кругъ полномочій интенданта сложился въ силу прогрессивнаго расширенія сферы правительственнаго вмѣшательства, — послѣдовательнаго втягиванія въ сферу административнаго воздѣйствія такихъ категорій предметовъ, которыя до того стояли внѣ области вѣдѣнія администраціи, какъ-то сельское хозяйство, промышленность, торговля, общественное призрѣніе, народное здравіе, народное просвѣщеніе и т. д. А такъ какъ интендантъ былъ *единственнымъ* административнымъ органомъ правительства въ провинціи, то естественнымъ образомъ, всякое расширеніе круга правительственнаго вмѣшательства, возлагавшее новыя задачи на провинціальную

---

¹⁾ Исключенія не составляли и финансовыя присутствія, судебныя рѣшенія которыхъ или на апелліяцію въ парламентъ, хотя въ административномъ отношеніи названныя учрежденія зависѣли непосредственно отъ королевскаго совѣта и не имѣли никакого отношенія къ парламентамъ. *Archives nationales, série K 869.*

адміністрацію, шло безъ остатка на расширеніе круга административныхъ полномочій интенданта. Въ пользу интенданта-же шло и всякое новое приращеніе въ кругу уже существующихъ дѣлъ: такъ, всякій новый налогъ поступалъ обыкновенно въ вѣдѣніе уже не финансовыхъ присутствій, а прямо—интенданта.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, наиболѣе существенные пункты предыдущаго изложенія.

Финансовое управленіе, организованное генеральными штатами 1355 года, было тѣмъ зародышемъ, изъ котораго развилаь провинціальная администрація во Франціи. Болѣе специальнымъ образомъ послѣдняя ведетъ свое начало отъ финансовыхъ присутствій, которыя выросли на почвѣ отмѣченной финансовой организаціи. Сосредоточенная первоначально въ рукахъ финансовыхъ присутствій провинціальная администрація мало-по-малу переходитъ отъ нихъ къ интендантамъ, въ рукахъ которыхъ разрастается, захватывая въ свой кругъ новыя категоріи предметовъ. Съ полномочіями собственно административными, въ которыхъ лежалъ центръ тяжести интендантскаго вѣдомства, соединялся извѣстный кругъ полномочій судебныхъ, образовавшийся на счетъ существующихъ судебныхъ учреждений. Военныя полномочія были чужды интендантамъ, въ особенности въ позднѣйшую эпоху, когда они окончательно пріобрѣтають чисто-гражданскій характеръ. Политическій оттѣнокъ, которымъ отягчаются многіе изъ первыхъ интендантовъ, подъ конецъ все болѣе и болѣе ступшевывается. Въ общемъ, позднѣйшее интендантство имѣетъ характеръ административнаго учрежденія съ легкимъ судебнымъ оттѣнкомъ, но безъ всякаго военнаго характера и почти безъ всякой политической окраски.

III. Ардашевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Критическія замѣтки.

I.

LA JUSTICE ADMINISTRATIVE EN FRANCE PAR RODOLPHE DARESTE, MEMBRE DE L'INSTITUT, CONSEILLER À LA COUR DE CASSATION, VICE-PRÉSIDENT DU TRIBUNAL DES CONFLITS. Deuxième édition, revue et complétée, avec la collaboration de *Pierre Dareste*, avocat au conseil d'état et à la cour de cassation. Paris. 1898 XII+678.

Въ маѣ нынѣшняго года появилось вторымъ изданіемъ „Административная юстиція во Франціи“ извѣстнаго ученаго, члена корреспондента нашей Академіи Наукъ Родольфа Дареста. Первое изданіе 1862 года, доставившее имя автору. Сочиненіе это, по правильности метода, глубокой эрудиціи и массѣ переработаннаго чисто практическаго матеріала (судебныя рѣшенія), привлекло къ себѣ и въ первомъ изданіи 1862 г.—большое вниманіе; теперь оно появилось въ полной переработкѣ, которая дѣлала цѣлый рядъ дѣтъ и его значеніе еще значительно увеличилось, ибо автору, какъ „совѣтнику кассационнаго суда и вице-президенту трибунала пререканій о компетенціи“, прекрасно извѣстна судебная практика и процессъ въ обоихъ высшихъ судахъ Франціи.

Основной взглядъ автора можетъ быть опредѣленъ немногими словами. Государство, въ своей все болѣе и болѣе расширяющейся административной дѣятельности, приходитъ въ разнообразныя столкновенія со своими гражданами. Эти споры и препирательства могутъ быть оканчиваемы троякимъ образомъ: или непосредственно волею ад-

министративной власти, или разбирательствомъ обыкновенныхъ судовъ, какъ это дѣлается въ Англии и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, или созданіемъ административныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ изстари это велось во Франціи. Не упоминая о первой системѣ, какъ системѣ административнаго произвола, авторъ отдаетъ предпочтеніе административной юстиціи, какъ оправданной опытомъ исторіи и наиболѣе обезпечивающей интересы гражданъ. Крімъ того, она примѣняетъ къ судебно-административной сферѣ мировой законъ распредѣленія труда; административные вопросы требуютъ особыхъ, специальныхъ познаній которыя могутъ отсутствовать у членовъ обыкновенныхъ судовъ (стр. 189—197, 667—673).

Методъ автора, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ предисловіяхъ, историко-сравнительный. Вѣрный преданіямъ исторической школы, онъ уже въ первомъ изданіи признавалъ необходимымъ для пониманія даннаго учрежденія рассмотретьъ его зародышъ и дальнѣйшее развитіе. Учрежденіе съ теченіемъ времени измѣняется-де, но всегда остается извѣстная основа, которая представляется тѣмъ болѣе отчетливо, что она сохраняется при всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Къ исторіи необходимо присоединить сравненіе, ибо причины аналогій и причины различій тѣмъ глубже раскрываютъ намъ самую сущность административной юстиціи. Въ предисловіи ко второму изданію авторъ замѣчаетъ, что четверть вѣка, пропеденная имъ въ адвокатурѣ и въ гражданскомъ департаментѣ кассационнаго суда, убѣдили его болѣе чѣмъ когда-либо въ истинѣ такого метода. „Законодатель не выдумываетъ учреждений и не создаетъ ихъ; онъ ихъ беретъ вполне готовыми и измѣняетъ ихъ лишь на столько, чтобы приспособить ихъ къ новымъ обстоятельствамъ“.

Эти требованія метода въ связи со строго юридическою точкой зрѣнія автора на разрабатываемый имъ предметъ опредѣляютъ собою все распредѣленіе матеріала. Сочиненіе распадается на двѣ части: на часть историческую, дающую общій историческій очеркъ развитія административной юстиціи во Франціи и оканчивающуюся современною организаціей (стр. 1—197), и часть догматическую, однако также не лишешнюю историческихъ обзоровъ при данныхъ специальныхъ вопросахъ (стр. 198—673); особое приложение (стр. 675—678) было вызвано появленіемъ новыхъ законовъ въ теченіи марта 1898 г., пополняющихъ прежніе пробѣлы законодательства. И такъ, историческому методу удѣлено чрезвычайно видное мѣсто, а сравненіе ограничивается, какъ и слѣдуетъ, указаніемъ наиболѣе рѣзкихъ отличій французской

системы отъ системъ сосѣднихъ странъ, а также приведеніемъ жизненныхъ опытовъ, сдѣланныхъ тою или другою странюю (напримѣръ Италіей). Очевидно, подробное сравнительное изложеніе, значительно увеличивъ объемъ книги, только уменьшило бы прозрачную ясность сочиненія. Первая часть интересна для историка и теоретика, вторая—особенно важна юристу-практику. Авторъ въ послѣдней, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ общихъ замѣчаній (административныя дѣйствія, раздѣленіе властей, пререканія о компетенціи, общія характеристическія черты административныхъ спорныхъ вопросовъ), представляетъ свой чрезвычайно обильный матеріалъ въ системѣ Code Napoléon. То, что не помѣстилось подъ понятія лица, вещи, обязанности, нашло себѣ мѣсто въ концѣ книги, гдѣ авторъ останавливается на исполненіи рѣшеній, общиннѣ, департаментѣ, общественныхъ учрежденіяхъ, рѣшенія спорныхъ административныхъ вопросовъ въ колоніяхъ, административномъ процессѣ. Наконецъ въ заключеніи сведены общіе результаты изслѣдованія. Итакъ основное содержаніе второй части распадается какъ бы на два разряда; главы IV—XXIV заключаютъ въ себѣ изложеніе началъ гражданскаго права, насколько они видоизмѣняются въ приложеніи къ административнымъ вопросамъ, а главы XXV—XXXII—разнообразные отдѣлы публичнаго права (процессъ, административное дѣленіе и т. д.), насколько они подаютъ поводъ къ судебнымъ препирательствамъ.

Первая часть можетъ заинтересовать не однихъ специалистовъ особенно потому, что въ ней измѣненія административной юстиціи изложены на очень широкой исторической основѣ. Моментъ перехода римской республики въ принципатъ является временемъ возникновенія административныхъ судовъ. Римскіе императоры желали имѣть для административныхъ вопросовъ спеціальныя судебныя органы, находящіеся въ прямой и тѣсной отъ нихъ зависимости. Такъ появились *procuratores rei privatae Caesaris*, простые правители императорскаго имущества, въ началѣ только при нѣкоторыхъ императорахъ и только временно отправлявшіе судебныя обязанности. Со времени Септимія Севера мы уже постоянно находимъ въ областяхъ прокуратора, называемаго *rationalis*, какъ единственнаго судью въ дѣлахъ императорской казны. Отъ этихъ лицъ дѣла переносились къ императору, который ихъ рѣшалъ въ своемъ совѣтѣ, а со времени Діоклетіана къ двумъ высшимъ государственнымъ совѣтникамъ (*comes sacrarum largitionum* и *comes rei privatae*). Права и преимущества фиска и эти зачатки администраціи оказали большое вліяніе на Францію, хотя ни-

ковимъ образомъ не могутъ быть признаны началомъ исторіи французской административной юстиціи.

Во Франціи ни въ монархіи Карла Великаго, ни при полной силѣ феодализма не могло быть административныхъ судей. Они возникаютъ не ранѣе XIII вѣка, когда періодъ дробленія государственной власти прошелъ и началось ея возстановленіе. Такъ какъ основаніемъ финансовой системы не только Франціи, но цѣлой Европы въ средніе вѣка, были казенныя недвижимыя имѣнія, то, понятно, къ нимъ и относились первыя учрежденія. Прежде всего, изъ *curia regis*, судебно-административнаго королевскаго совѣта, этой клѣточки всей административной и судебной системы западно-европейскаго средне-вѣковаго государства, выдѣлилась „счетная палата“ (*Chambre des comptes*) и при помощи короля отстояла свою независимость отъ парламента. Всякій споръ относительно доходовъ короля, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, въ началѣ поступалъ въ нее; сперва онъ здѣсь рѣшался окончательно, но уже съ XIV вѣка допускался пересмотръ въ ней же, однако съ присоединеніемъ двухъ, трехъ или четырехъ членовъ парламента. Только въ XVII вѣкѣ пересмотръ вышелъ изъ употребленія, а стороны могли обращаться ради кассации въ государственный совѣтъ. Вслѣдствіе образованія новыхъ судебно-административныхъ учреждений съ XV вѣка въ счетной палатѣ сосредоточивается специально все счетоводство цѣлаго государства и общины, при чемъ бюджетъ составлялся въ государственномъ совѣтѣ, а палата только провѣряла его фактическое исполненіе. Но отъ юрисдикціи счетная палата сохранила право провѣрки и регистраціи всѣхъ законодательныхъ и административныхъ актовъ, касающихся недвижимыхъ имѣній короля (напримѣръ присяги королевскихъ вассаловъ и различныя финансовыя отношенія титулованныхъ земель къ казнѣ). Это право имѣло и важное политическое значеніе, такъ какъ заключало въ себѣ право дѣлать представленія (*le droit de remontrance*), то-есть дѣлать какъ бы увѣщанія государственной власти относительно рациональности отдѣльныхъ финансовыхъ мѣръ. Около половины XIV вѣка выдѣлился изъ счетной палаты „монетный дворъ“ (*cour des monnaies*). Главные монетчики (*les généraux des monnaies*) вѣдали окончательно вопросы о доброкачественности монеты, наблюдали за всѣми корпораціями, занятыми обработкою золота и серебра, а также разбирали предварительно и одновременно съ обычными судами преступленія поддѣлки и порчи монеты. Въ составъ старой счетной палаты входили и казначей Фран-

ціи (trésoriers de France), долженствовавшіе хранить и расходовать королевскія деньги, въ началѣ, какъ сказано, добываемыя исключительно изъ королевскихъ имѣній (domaine royal). Въ понятіе королевскихъ вотчинныхъ правъ тогда входили, кромѣ различныхъ взносовъ феодаловъ, крѣпостныхъ, рабовъ, и доходы, вытекающіе изъ правъ публичныхъ, напримѣръ пошлны за приложеніе печати, регистратуру, пени, конфискаціи. Всѣ эти стародавніе доходы, на которыхъ лежалъ вотчинный отпечатокъ, оказались недостаточными. Тогда королемъ, уже не какъ вотчинникомъ, а какъ главою государства, были установлены налоги, сперва временные, потомъ и постоянные. Они были ввѣрены спеціальнымъ чиновникамъ „généraux des finances или des aides“. Съ 30-хъ годовъ XV столѣтія казначей Франціи и 4 généraux des aides, хотя и жили въ Парижѣ, но дѣлали ежегодныя поѣздки по цѣлому королевству, почему оно и раздѣлено было на 4 „генеральства“ (généralités), число которыхъ увеличивалось одновременно съ увеличеніемъ государственной территоріи. Первоначально казначей и généraux des finances одновременно и управляли, и судили. Затѣмъ были отдѣлены вѣдавшіе администрацію отъ вѣдавшихъ судъ. Изъ généraux des finances, вѣдавшихъ судъ, составили „Cour des aides“. Судящіе казначей были вскорѣ замѣнены совѣтниками казначейства, разбиравшими спорныя вотчинныя дѣла отъ имени и подъ предсѣдательствомъ казначеевъ. Такъ возникла палата казны (Chambre du Trésor), судебная компетенція которой сначала охватывала все королевство и только съ XVI вѣка, вслѣдствіе открытія мѣстныхъ органовъ въ областяхъ, была значительно ограничена, пока наконецъ сама палата не была закрыта въ 1693 году, слившись съ мѣстными финансовыми органами (bureau des finances de la généralité). Въ первой половинѣ XVI вѣка появилась необходимость замѣнить ежегодныя объѣзды мѣстными учрежденіями въ областяхъ. Такъ возникли 16 генеральствъ, въ каждомъ изъ которыхъ были назначены одинъ общій сборщикъ и одинъ повѣренный казначеевъ Франціи и généraux des finances, а въ 70-хъ годахъ XVI вѣка, вслѣдствіе все увеличивающихся государственныхъ доходовъ, возникъ bureau des finances съ значительнымъ количествомъ лицъ. Эти измѣненія въ половинѣ XVI вѣка привели къ замѣнѣ прежнихъ лицъ (4 казначей Франціи и 4 généraux des finances, жившіе въ Парижѣ) четырьмя intendants des finances, сосредоточивавшими въ своихъ рукахъ дѣятельность мѣстныхъ бюро. Надъ ними стоялъ верховный интендантъ финансовъ (surintendant) и общій контролеръ, а подлѣ нихъ

„казначей сбереженія“ (trésorier de l'épargne). Bureaux des finances, въ составъ которыхъ вошелъ съ 1551 года *главный казначей* (trésorier général), сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ функціи старыхъ казначеевъ и généraux и потому имѣвшій доступъ и въ счетную палату и въ палату казны, вѣдали въ объемъ генеральства все управленіе государственными тягостями, то-есть казенными имуществами, финансами. путями сообщенія, общественными работами, и судъ по дѣламъ казенныхъ имѣній и путей сообщенія. Только съ учрежденіемъ интендантовъ (intendants) и посылаемыхъ комиссаровъ ихъ компетенція начала все болѣе и болѣе суживаться. Въ теченіи всего разбираемаго нами времени (съ половины XIII столѣтія до 1789 года) апелляція отъ казначеевъ Франціи шла то въ парламентъ, то въ королевскій совѣтъ, что не было точно выяснено до самаго 1789 года. Наконецъ необходимо замѣтить, что главнѣйшіе вассалы организовали управление и судъ по образцу короля, то-есть имѣли свои палаты счетовъ, казны и т. д. Съ присоединеніемъ ихъ феодальныхъ владѣній учрежденія эти постигла различная судьба. Они въ большинствѣ случаевъ сохранились въ значительно измѣненномъ видѣ. Только монетный дворъ былъ одинъ для цѣлой Франціи (стр. 1—29).

Вся изложенная мною юстиція была прежде всего юстиціей королевскихъ вотчинъ (juridiction domaniale), но войны съ Англійей, поглощавшія огромныя суммы, вызвали необходимость новыхъ налоговъ. Они и были установлены генеральными штатами въ половинѣ XIV вѣка и вскорѣ сдѣлались постоянными. Они состояли изъ прямого подоходнаго налога, вскорѣ получившаго характеръ поземельнаго (taille) и косвенныхъ налоговъ на паптки, преимущественно вино, на соль, на торговлю (таможенные пошлины). Только въ первые годы завѣдываніе ими было поручено особымъ выборнымъ чиновникамъ, но потомъ они перешли къ чиновникамъ по королевскому назначенію, хотя вѣдавшіе поземельный налогъ и налогъ на паптки и послѣ того назывались „выборными“ (les élus). Этимъ чиновникамъ принадлежалъ и судъ въ первой инстанціи; высшее завѣдываніе и судъ вѣдали „généralités des finances“, изъ которыхъ, какъ сказано, и составилась „палата вспомоствованій королю“ (Cour des aides) уже съ специальною юридическою компетенціей, распространявшеюся не только на дѣла о налогахъ, но и на преступленія по должности ея членовъ и лицъ палатъ подчиненныхъ, а также на обиды, нанесенныя всѣмъ этимъ лицамъ посторонними людьми. Наконецъ необходимо замѣтить, что cours des aides сохранились отъ временъ феодализма въ различныхъ

областяхъ Франціи, только постепенно присоединяемыхъ къ королевству. Подсудность „выборныхъ“ расширилась вслѣдствіе возникновенія новыхъ налоговъ, обыкновенно имъ подлежащихъ, и даже въ XVI вѣкѣ замѣчалось стремленіе подчинить выборнымъ спорныя дѣла и по соляному налогу, но съ конца XVII вѣка ихъ подсудность, какъ и другихъ судебно-административныхъ органовъ первой инстанціи (*les greniers à sel, les maîtres des ports et juges des traites*), все болѣе и болѣе суживалась вслѣдствіе расширенія подсудности интендантовъ. Существованіе феодаловъ и ихъ постепенное присоединеніе къ королевству и здѣсь было причиною многихъ мѣстныхъ отличій (стр. 30—44).

Кромѣ этихъ общихъ судебно-административныхъ органовъ существовалъ цѣлый рядъ специальныхъ учрежденій, наприимѣръ для людей военныхъ—судъ коннетабля, для всевозможныхъ дѣлъ, касающихся моря, — судьи адмиралтейства, для королевскаго двора важнѣйшимъ судомъ была *la juridiction du prévôt de l'hôtel*. Изъ этихъ специальныхъ юстицій самыми распространенными были *les maîtres des eaux et des forêts*. Эти лица отиравлиали свои судебныя обязанности въ началѣ при „мраморномъ столѣ въ судебной палатѣ Парижа“. Съ половини XIV столѣтія они были распределены по областямъ подъ названіемъ *de maîtres particuliers des eaux et des forêts*. Эти мѣстныя *maîtrises particulières* управляли и судили въ первой инстанціи; отъ нихъ аппелляція шла въ Парижъ къ „мраморному столу парламенту“, гдѣ засѣдалъ *grand-maître enquêteur et général réformateur des forêts de France*. Съ XVI столѣтія каждый парламентъ имѣлъ свой мраморный столъ, а въ 1675 году единый *grand-maître* былъ уничтоженъ, а все королевство было раздѣлено на нѣсколько *grandes maîtrises*. Съ этого времени первую инстанціей были *maîtrises particulières*, вторую—„мраморный столъ“ даннаго парламента (*grande maîtrise*) и наконецъ третью—самъ парламентъ, если онъ въ мѣстности существовалъ. Вѣдомство этихъ „начальниковъ водъ и лѣсовъ“ ограничивалось сначала казенными вотчинами, но съ XVI вѣка оно распространилось на всѣ дѣла о водахъ и лѣсахъ, если не было поставлено вопроса о правѣ собственности (стр. 45—52).

Переходя къ *государственному совѣту*, нашъ авторъ говоритъ, что описанныя имъ дотолѣ учрежденія были какъ-бы первымъ фазисомъ административной юстиціи Франціи съ ограничленною еще генеральными штатами монархіей; должности здѣсь еще были продажны, а слѣдовательно лица, ихъ занимавшія, несмѣняемы. Самодержавная

монархія устанавливается во Франціи въ XVII столѣтіи и желаетъ сдѣлать администрацію — величайшею силою государства, а административную юстицію — болѣе послушною и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе энергическою. Поэтому монархія эта создаетъ государственный совѣтъ интендантовъ. Жаль, что авторъ не пополнилъ этихъ своихъ общихъ замѣчаній указаніемъ на переворотъ, совершившійся во Франціи въ XVI вѣкѣ. Тогда феодализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ раздробленность территоріи исчезаютъ; предѣлы королевства расширяются; отсюда появляется необходимость замѣнить прежніе возможные объѣзды (*chevauchées*) учрежденіемъ мѣстныхъ органовъ, которые притомъ еще были въ значительной степени унаслѣдованы отъ прежнихъ феодаловъ (напримѣръ *cours des aides*). Это вызываетъ дѣленіе Франціи на 16 генеральствъ съ *bureau des finances* въ каждомъ и появленіе сначала *particulières*, а затѣмъ и *grandes maîtrises* въ областяхъ. Организация мѣстнаго управленія въ первой половинѣ XVI вѣка, очевидно, вызываетъ необходимость перемѣнъ въ центрѣ; и вотъ мы видимъ, что особенно вторая половина XVI вѣка проходитъ въ разнообразныхъ попыткахъ создать центральные органы (учрежденіе четырехъ *intendants des finances*) и приспособить старыя учрежденія къ новымъ потребностямъ (превращеніе счетной палаты въ палату занятую однимъ счетоводствомъ, ограниченіе компетенцій палаты казны). Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное паденіе феодализма приводитъ къ паденію прежнихъ чисто феодальныхъ установленій (нѣкоторые спеціальныя судебно-административныя органы, напримѣръ судъ констабля). Наконецъ, все болѣе и болѣе усиливающаяся королевская власть уже въ XVII вѣкѣ находитъ наиболѣе удобныя орудія для выраженія своей воли въ государственномъ совѣтѣ, какъ центральномъ учрежденіи, и въ интендантахъ по областямъ, а потому особенно на нихъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе. Дѣйствительно, по словамъ самаго же автора, продажность должностей окончательно установилась въ XVI вѣкѣ и все болѣе входила въ общественныя нравы, (стр. 390, 391), слѣдовательно несмѣняемость должностныхъ лицъ ограничивала отчасти королей и въ болѣе позднее время; что же касается несмѣняемости должностныхъ лицъ при феодализмѣ, то это вытекало не изъ продажности должностей, а изъ особаго свойства всего феодальнаго общественнаго строя. Наконецъ значительное упрощеніе французской администраціи съ XVII вѣка (вверху — государственный совѣтъ, внизу *intendants; cours des aides, maîtrises particulières* и *grandes* остаются, но видимо король предпочитаетъ имъ

интендантовъ) было вызвано также частою отдачею государственныхъ доходовъ или цѣлкомъ, или частично на откупъ.

Въ концѣ XIII вѣка началъ отдѣляться государственный совѣтъ, какъ учрежденіе совѣщательное при королѣ для управленія, отъ парламента, сосредоточившаго въ себѣ судъ. При всемъ томъ король, какъ источникъ всякаго правосудія съ самаго начала среднихъ вѣковъ, не лишилъ себя судебной власти, которую осуществлялъ частію самолично, а частію съ государственнымъ совѣтомъ. Эта судебная дѣятельность особенно была необходима въ дѣлахъ, подлежащихъ нынѣ кассационному суду, то-есть при спорахъ о компетенціи и при нарушеніи королевскихъ повелѣній. Съ расширеніемъ судебной компетенціи и государственнаго совѣта въ концѣ XV вѣка оказалась необходимость выдѣлить изъ него особое отдѣленіе подъ названіемъ „Большаго Совѣта“ (*grand Conseil*). Но такъ какъ силу рѣшеніямъ совѣта давало только присутствіе короля, то государственный совѣтъ всетаки сохранилъ за собою характеръ верховнаго судебного мѣста, а „Большой Совѣтъ“ постепенно превратился въ исключительный судъ, сохранный королями не смотря на видимую бесполезность только ради ослабленія значенія парламента. Такъ такъ государственный совѣтъ съ самаго своего выдѣленія специально предназначался для администраціи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, то понятно и судебная дѣятельность его неограничивалась только вопросами, подающими теперь поводъ къ кассации, а распространялась на всѣ спорныя дѣла по поводу управленія, особенно если они касались притязаній къ государственной казнѣ. Какъ верховный административный судъ, государственный совѣтъ рѣшалъ дѣла или по апелляціи, или въ первой инстанціи, но всегда окончательно. Опуская описаніе состава государственнаго совѣта, мы отмѣтимъ, что участіе его особенно въ XVIII вѣкѣ иногда было только номинально; хотя министры не имѣли сами по себѣ никакой власти, а должны были дѣлать одни предложенія королю и его совѣту, тѣмъ не менѣе фактически одни важнѣйшія дѣла они доводили до свѣдѣнія короля, а все остальное рѣшали сами со своими ближайшими помощниками. Такъ какъ король, по словамъ публицистовъ XVII столѣтія, обязанъ былъ удѣлять справедливость всѣмъ своимъ подданнымъ и притомъ самолично, то онъ могъ каждое дѣло вызвать для разсмотрѣнія въ совѣтъ. Г. Дарестомъ съ большою подробностію перечисляются важнѣйшіе роды дѣлъ, переносимые въ совѣтъ, напримѣръ повѣрка юридическихъ основаній заложенныхъ имѣній, мѣстныхъ и водныхъ сервитутовъ, правъ на содержаніе пло-

товъ и на внутреннія таможенныя пошлины, оцѣнка долговыхъ обязательствъ казны, вопросы продовольствія войскъ и т. д.; при этомъ авторъ, однако, замѣчаетъ, что эти начала подсудности были обычны, но никомъ образомъ не обязательны, такъ какъ король не желалъ стѣснять себя точнымъ опредѣленіемъ подсудности (стр. 53—93).

Во Франціи съ древнѣйшихъ временъ существовали чиновники, долженствующіе непосредственно представлять королевскую власть; первымъ общезвѣстнымъ примѣромъ такихъ лицъ были *missi domini* при Карлѣ Великомъ. Въ теченіи вѣковъ названія такихъ чиновниковъ мѣнялись, но всегда особенностію ихъ было то, что они должны были объѣзжать все королевство и давать отчетъ о несправедливостяхъ, незаконныхъ дѣйствіяхъ, злоупотребленіяхъ королю и его совѣту, а поздиѣ и парламенту. Въ половинѣ XVI вѣка была задана даже особая конструкция для такихъ объѣздовъ. Такъ какъ окрѣпшая королевская власть уже не боялась своихъ органовъ; а продолжительность пребыванія объѣзжающихъ чиновниковъ въ провинціяхъ вслѣдствіе умноженія дѣлъ все увеличивалась, то при Ришилье поступило одна изъ важнѣйшихъ перемѣнъ во французской администраціи, а именно превращеніе такихъ чиновниковъ въ постоянныхъ мѣстныхъ органовъ правительства подъ названіемъ *intendants de justice, police et finances, et commissaires départis dans les généralités du royaume pour l'exécution des ordres du roi*. Не смотря на сильнѣйшую оппозицію парламентовъ въ первой половинѣ XVII вѣка. интенданты остались, а ихъ компетенція была увеличена и ихъ энергической и добросовѣстной дѣятельности преимущественно слѣдуетъ приписать то единство дѣйствій въ цѣломъ государствѣ, которое проявлялось при Людовикѣ XIV и его преемникахъ. Эти интенданты, какъ комиссары короля, получившіе только въ первой половинѣ XVII вѣка опредѣленное мѣстопребываніе въ областяхъ, всецѣло сохранили своей прежній характеръ доверенныхъ лицъ короля; поэтому мы и не находимъ точнаго опредѣленія ихъ правъ и обязанностей. Ихъ права и обязанности были также обширны, какъ права короля, въ рукахъ котораго сосредоточивалась до 1789 года, вся полнота власти. Согласно этому своему назначенію имъ поручался надзоръ за всѣми уже существующими мѣстными судебными и административными учреждениями и ввѣрялся судъ по дѣламъ дотогѣ никому не подсуднымъ. Отсюда понятно, что ихъ судебныя обязанности носили на себѣ преимущественно характеръ административный; интенданты скорѣе должны были разслѣдовать дѣло, рѣшеніе котораго обыкно-

венно предоставлялось государственному совѣту. Необходимо, однако, замѣтить, что такъ какъ интенданты пользовались полнѣйшимъ довѣріемъ короля, то компетенціи различныхъ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ органовъ, какъ уже было замѣчено, все болѣе и болѣе суживались ради увеличенія компетенціи интендантовъ. Нашъ авторъ чрезвычайно подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла перечисляетъ главнѣйшіе предметы вѣдомства интендантовъ, а именно финансы, военное дѣло, завѣдываніе публичными работами, административный и судебный (предварительная оцѣнка оснований иска безъ чего не могло начаться дѣло) надзоръ за общинами и общепользовными учрежденіями, со второй половины XVIII вѣка подъ вліяніемъ экономистовъ забота о поднятій земледѣлія, промышленности и торговли, надзоръ за иновѣрцами и наказаніе перешедшихъ въ протестантизмъ, дѣла, возникающія по поводу отбирания въ казну ихъ имѣній и т. д. (стр. 94—149).

Оцѣнку утвердившейся съ Людовика XIV во Франціи системы мы находимъ у Неккера въ официальномъ докладѣ королю: „Если приносятся министру жалобы частнаго лица или цѣлаго прихода, то онѣ сообщаются интенданту, который въ своемъ отвѣтѣ или отрицаетъ факты, или объясняетъ ихъ притомъ всегда такимъ образомъ, дабы доказать, что все сдѣланное по его приказаніямъ, сдѣлано хорошо. Тогда пишутъ просителю, что опозданіе съ отвѣтомъ было вызвано необходимостью получить точныя свѣдѣнія о его дѣлѣ и ему передаютъ въ видѣ обдуманнаго рѣшенія Совѣта простой отвѣтъ интенданта... И такъ министръ смѣтритъ всегда глазами человѣка, котораго онъ долженъ былъ судить, а этотъ человѣкъ знаетъ, что иначе и быть не можетъ и что его рѣшеніе должно быть принято цѣлкомъ, если онъ только не нарушалъ правилъ подчиненности и не запуталъ движенія дѣла“ (стр. 150, 151). Очевидная несостоятельность такой системы, при которой административная юстиція принадлежала самымъ административнымъ органамъ и притомъ сама административная власть въ лицѣ короля сливалась съ властями законодательною и судебною, должна была привести къ реформамъ. Революція испровергла все дотогѣ существующее. При созданіи новаго строя прежде всего нашла себѣ примѣненіе мысль Монтескье о раздѣленіи властей, вслѣдствіе чего административные органы были строго отдѣлены отъ судебныхъ и самъ административный судъ былъ предоставленъ администраціи. Кромѣ того появилось желаніе возможно болѣе развитъ самоуправленіе. Съ момента уклоненія республики въ

сторону монархіи начинаютъ возникать въ значительно усовершенствованномъ видѣ старыя порядки, какъ въ центральномъ, такъ и въ мѣстномъ управленіи. Восстанавливается въ 1801 году *государственный советъ* для подготовки законовъ и административныхъ распоряженій и для разрѣшенія трудностей управленія, которому черезъ нѣсколько лѣтъ передается высшій административный судъ; назначаются въ департаменты *префекты* съ властію прежнихъ интендантовъ и въ округа *sous-préfets*, а генеральные совѣты, то выбираемые (окончательно съ 1833 года), то назначаемые, присоединяются къ префектамъ для распредѣленія налоговъ и распоряженія мѣстными средствами. Наконецъ подлѣ префектовъ появляются *советы префектуры* (*Conseil de préfecture*), состоящіе изъ 3, 4 или 5 членовъ съ обязанностію судить спорныя административныя дѣла. Но при своемъ учрежденіи совѣты префектуры не получили еще полного признанія; префектъ еще входилъ въ составъ совѣта и даже въ немъ предѣлительствовалъ, такъ что администрація не была строго опредѣлена отъ административнаго суда, а кромѣ того кругъ вѣдомства совѣта префектуры не охватывалъ собою всѣхъ предметовъ управленія. Въ 1807 году была учреждена *счетная палата* (*Cour des comptes*) съ несмѣняемыми членами, но исключительно предназначенная для счетовъ и безъ всякой судебной власти, которую она въ нѣкоторой степени получила только послѣ реставраціи. Жалобы, высказываемыя на административную юстицію, привели въ 1831 году къ введенію гласности и словесныхъ преній въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи административныхъ спорныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе совѣтъ и въ 1845 году не получилъ самостоятельной власти, а его рѣшенія пріобрѣтали обязательную силу только послѣ королевскаго повелѣнія. Въ 60-хъ годахъ была введена гласность и словесныя пренія и въ совѣтѣ префектуры, котораго компетенція была расширена еще въ 40-хъ годахъ (стр. 150—180).

Республика, установленная въ 1870 года, внесла не особенно много измѣненій въ прежнее устройство административной юстиціи. Государственный совѣтъ рѣшаетъ спорныя административныя дѣла окончательно и не нуждается въ утвержденіи главы государства; къ нему можетъ обратиться каждый съ просьбою объ отмѣнѣ дѣйствій административныхъ органовъ по случаю превышенія ими власти. Препирательства о компетенціи между административною и судебною властями рѣшаются специальнымъ судилищемъ, составленнымъ изъ членовъ государственнаго совѣта и кассационнаго суда. Современное

состояніе административной юстиціи во Франціи нашъ авторъ описываетъ такъ: „На верху — учрежденіе съ самостоятельною властію, государственный совѣтъ, организованный закономъ 24-го мая 1872 г., средоточіе, куда стекаются всѣ административные споры, или въ первой и послѣдней инстанціи, или по апелляціи въ случаяхъ, гдѣ существуетъ первая инстанція, или для кассации во всѣхъ случаяхъ превышенія власти, а въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ вслѣдствіе простаго нарушенія закона. Секція спорныхъ дѣлъ составляетъ докладъ дѣлъ, рѣшеніе постановляется собраніемъ государственнаго совѣта, засѣдающимъ надъ спорными дѣлами, то-есть секціей спорныхъ дѣлъ съ присоединеніемъ двухъ членовъ, взятыхъ изъ всѣхъ другихъ секцій. По исключенію секція спорныхъ дѣлъ судить одна и въ засѣданіи совѣта извѣстныя дѣла, а именно тѣ, для которыхъ стороны не назначили адвокатовъ. Всѣ остальные дѣла подлежатъ публичнымъ преніямъ и судебнымъ рѣшеніямъ по выслушанію заключенія прокуроровъ. На низшей ступени существуютъ для извѣстныхъ опредѣленныхъ дѣлъ суды первой инстанціи. Наиболѣе важныя — совѣты префектуры, созданные закономъ 28-го рѣвюлюсе VIII года и окончательно организованные закономъ 21-го іюня 1865 года. Въ нихъ тоже происходятъ словесныя и гласныя пренія и при нихъ учрежденъ прокурорскій надзоръ, но ихъ вѣдѣніе точно опредѣлено. Оно преимущественно распространяется на прямыя налоги, на муниципальные выборы и публичныя работы. Оно далеко не обхватываетъ общимъ образомъ всѣхъ спорныхъ административныхъ вопросовъ. Съ другой стороны совѣты префектуры никогда не судятъ въ послѣдней инстанціи. Ихъ постановленія въ дѣлахъ счетоводства могутъ быть перенесены въ палату счетовъ, а по всѣмъ другимъ предметамъ въ государственный совѣтъ, который окончательно рѣшаетъ одновременно какъ судъ апелляціонный, и какъ судъ кассационный“ (стр. 181—182). Общую оцѣнку нынѣшней французской системы г. Дарестъ дѣлаетъ въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ. До 1789 года административныя препирательства судилъ самъ администраторъ. Интендантъ, предпринявшій извѣстную мѣру, самъ и разбиралъ вызванныя ею возраженія. На высшей ступени министръ игралъ ту же роль, прикрываясь государственнымъ совѣтомъ, а самъ государственный совѣтъ не имѣлъ самостоятельной власти. Теперь административная юстиція передана самостоятельному государственному совѣту и ему подчиненнымъ совѣтамъ, которые не принимаютъ дѣятельнаго участія въ администраціи и составляютъ изъ себя спеціальныя судилища, занимающія

среднее мѣсто между обыкновенными судами и администраціей. Итакъ административная юстиція является гарантіей гражданъ противъ административнаго произвола. Нѣтъ смѣшенія между двумя средствами противъ административныхъ дѣйствій, одно—путемъ милости (простая жалоба по начальству), другое—путемъ спора (административный искъ), первое—передъ самимъ администраторомъ, второе—передъ судьей, установленнымъ закономъ; наконецъ существуетъ и третье еще болѣе широкое средство, а именно прошеніе о признаніи недействительности административнаго дѣйствія по случаю превышенія власти (стр. 188—189). Но и эта юстиція требуетъ исправленій, чѣмъ и занята теперь палата депутатовъ. Совѣтъ префектуры засѣдаетъ по прежнему подъ предсѣдательствомъ префекта, слѣдовательно не проведено еще строгаго различія между администраціей и судебными надъ нею органами; компетенція совѣта префектуры еще не обхватываетъ всего объема административныхъ дѣйствій; поэтому въ 30, 40 и 50 годахъ часто считали министровъ всеобщими судьями первой инстанціи по административнымъ дѣламъ, но эта невѣрная теорія теперь окончательно оставлена (стр. 181—189).

Мы передали довольно подробно первую часть сочиненія г. Дареста, ибо она даетъ прекрасный очеркъ развитія французской административной юстиціи, которая считается образцовою и уже послужила примѣромъ для Италіи, Испаніи, Германіи, Австріи. Вторая часть, какъ уже сказано, имѣетъ чрезвычайное значеніе для юриста—практика, особенно французскаго, но она не поддается передачѣ вслѣдствіе громаднаго разнообразія и разнородности предметовъ. Значеніе ея особенно важно тѣмъ, что авторъ устанавливаетъ нормы для рѣшенія спорныхъ вопросовъ не только путемъ теоретическихъ соображеній, но и изученія судебной практики, имѣющей въ этихъ вопросахъ особенную силу. Достаточно сказать, что самъ основной принципъ, разграничивающій судъ обыкновенный и судъ административный, не выраженъ въ законѣ; въ юриспруденціи опредѣляется, что вопросы гражданскаго состоянія и собственности подлежатъ судамъ обыкновеннымъ, а все, вытекающее изъ административнаго дѣйствія или даже административнаго договора, вѣдается административнымъ судомъ (стр. 204). Припомнимъ, что авторъ послѣ установленія общихъ понятій придерживается чрезвычайно удобнаго способа изложенія, а именно дѣлаетъ нормы частнаго и публичнаго права, находяція себѣ примѣненіе въ администраціи и могущія вызвать препрятельства, исходными точками разысканія, показывая

ихъ видоизмѣненія подъ вліяніемъ административныхъ потребностей. Эта часть важна для теоріи права въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Авторъ въ первыхъ главахъ разъясняетъ общетеоретическія понятія, какъ напримѣръ что такое административное дѣйствіе и когда оно можетъ подать поводъ къ спору (стр. 217—224). Далѣе по поводу даннаго вопроса, подлежащаго разбору французскихъ административныхъ судовъ, авторъ не разъ дѣлаетъ общія замѣчанія о немъ, разъясняя его сравнительнымъ путемъ (стр. 206—207, 520—527, 561—562). Наконецъ, имѣются цѣлыя историческіе очерки отдѣльныхъ, болѣе существенныхъ предметовъ, такъ напримѣръ налоги вызвали цѣлый весьма интересный историческій очеркъ (стр. 410—452). Жаль только, что почтенный авторъ не отиѣтилъ различія въ принципахъ французской и нѣмецкой теорій. Между тѣмъ какъ первая видитъ причину различія административной юстиціи отъ суда въ раздѣленіи властей; нѣмецкая теорія отдѣляетъ судъ отъ административной юстиціи на основаніи противоположенія частнаго и публичнаго права. Первая теорія не допускаетъ обсужденія судами административныхъ дѣйствій, ибо это противорѣчило бы самостоятельности административной власти; вторая, признавая содержаніемъ публичнаго права общественное благо и требуя соблюденія въ немъ началъ цѣлесообразности, считаетъ судъ, долженствующій исключительно заниматься примѣненіемъ законовъ, некомпетентнымъ рѣшать административные споры¹⁾.

---

¹⁾ Русская литература по этимъ вопросамъ не особенно богата; укажемъ слѣдующіе труды: Административная юстиція въ Западной Европѣ проф. Кулеаскаго, Харьковъ, 1879 и статьи проф. Коркунова: Очеркъ теорій административной юстиціи (стр. 144 и слѣд.) и Административные суды въ Пруссіи (стр. 219 и слѣд.) въ Сборникѣ статей Н. М. Коркунова 1877—1897 гг., С.-Пб., 1898 г. Проф. Коркуновъ, склоняясь на сторону нѣмецкой теоріи, высказываетъ, по моему мнѣнію, счастливую мысль, что надо искать отличительной особенности административнаго иска не въ свойствахъ нарушеннаго права, а въ свойствахъ и послѣдствіяхъ правонарушенія, и думаетъ, что отиѣну административнаго дѣйствія слѣдуетъ признавать своеобразнымъ послѣдствіемъ административной несправды въ отличіе отъ другихъ видовъ несправды.

II.

L'ANNÉE SOCIOLOGIQUE PUBLIÉE SOUS LA DIRECTION DE ÉMILE DURKHEIM, PROFESSEUR DE SOCIOLOGIE À LA FACULTÉ DES LETTRES DE L'UNIVERSITÉ DE BORDEAUX. Paris. 1898. VII + 563.

Широкий интерес, возбужденный социологіей, вызвалъ къ жизни не только Международный социологическій институтъ, основанный въ Парижѣ лѣтомъ 1893 года, и социологическіе конгрессы, но и цѣлый рядъ социологическихъ журналовъ. *Revue internationale de Sociologie*, издаваемое господиномъ Ворисомъ, появилось въ Парижѣ въ 1893 году; *Rivista di Sociologia* то возникала, то прерывалась въ Римѣ съ 1894 года; кратковременно было существованіе мадридской *Revista de Derecho y de Sociologia*; за то *American journal of sociology*, издаваемый съ 1895 года въ Чикаго, обѣщаетъ долгую и плодотворную жизнь ¹⁾. Къ этимъ изданіямъ присоединился съ начала нынѣшняго года во Франціи *L'Année sociologique* подъ редакціей единственнаго официального представителя этой науки во Франціи, Эмиля Дюркгейма, профессора социологіи на филологическомъ факультетѣ въ Бордо. Вниманіе, которое все сильнѣе и сильнѣе привлекаетъ къ себѣ социологія, положеніе и предшествующія научныя заслуги самаго редактора ²⁾, наконецъ большой интересъ изданія побуждаютъ меня охарактеризовать это новое ученое предпріятіе.

Въ предисловіи редакторъ высказываетъ поставленныя имъ цѣли. Еслибы, говоритъ онъ, ограничиться исключительно социологическою литературой, то „задача изданія была бы слишкомъ узка и посредственной пользы, ибо работы этого рода еще черезчуръ немногочисленны, дабы для труженниковъ на этомъ полѣ нуженъ былъ спеціальный библиографическій органъ“. Но социологи ощущаютъ чрезвычайную необходимость быть правильно освѣдомленными объ изслѣдованіяхъ въ спеціальныхъ наукахъ, исторіи права, религіи, въ экономическихъ наукахъ, ибо тамъ находятся матеріалы, изъ которыхъ должна быть построена социологія. *Социологическій годъ* прежде всего долженъ ускорить прогрессъ разработкы социологіи. Социологъ

¹⁾ См. о всемъ этомъ *Н. Карней*, Введеніе въ изученіе социологіи С.-Пб. 1897, стр. 369—374.

²⁾ Важнѣйшіе труды: *Elements de sociologie*. 1889. *De la division du travail social*. Paris. 1893. *Les règles de la méthode sociologique*. Bordeaux. 1895. *Le suicide*. *Etude de sociologie*. Paris. 1897.

долженъ обладать чрезвычайно обширными, разнообразными и многочисленными свѣдѣніями; ихъ трудно найти и всегда можно рисковать пропустить существенное; поэтому періодическій инвентарь всѣхъ этихъ изысканій—дѣло крайней важности, которое вмѣстѣ съ тѣмъ укажетъ публикѣ, какой подготовки слѣдуетъ искать въ соціологѣ, и сдѣлаетъ ее болѣе требовательною къ соціологическимъ доказательствамъ и сообщеніямъ. Крімъ того, новое изданіе можетъ послужить сближенію соціологіи съ нѣкоторыми специальными науками, которыя теперь держатъ себя въ дали отъ нея къ обоюдной невыгодѣ. Особенно это относится къ исторіи. Историки должны убѣдиться, что соціологи не отступаютъ даже передъ подробностями, но что факты имѣютъ для нихъ значеніе только, поскольку они сведены къ типамъ и къ законамъ. Историкъ долженъ сознать, что простое описаніе невозможно безъ сопоставленія, что „исторія можетъ быть наукою только, поскольку она объясняетъ, а нельзя объяснить безъ сравненія“.

Изъ опредѣленія цѣли естественно уже вытекаетъ содержимое новаго изданія. Оно распадается на два отдѣла; въ первомъ должны помѣщаться самостоятельныя изслѣдованія, „дабы показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ могутъ быть обрабатываемы эти матеріалы“. Здѣсь авторъ не требуетъ подтвержденія какой либо общей формулы, это относится къ „общей соціологіи“, а только методологическаго изслѣдованія опредѣленнаго предмета. Не отрицая значенія общей соціологіи, редакторъ будетъ стремиться вызывать работы о точно опредѣленныхъ предметахъ, входящихъ въ специальныя отрасли соціологіи. „Такъ какъ общая соціологія можетъ быть только синтезомъ частныхъ наукъ, такъ какъ она должна состоять въ сравненіи ихъ наиболѣе общихъ результатовъ, то она возможна только въ объемѣ успѣха ихъ самихъ. Поэтому слѣдуетъ прежде всего приняться за ихъ установленіе“.

Вторая и болѣе обширная часть посвящена анализамъ и библиографическимъ замѣткамъ. Вслѣдствіе неопредѣленности термина „соціологія“ редакторъ считаетъ необходимымъ очертить кругъ работъ, подлежащихъ передачѣ. „Въ извѣстномъ смыслѣ все историческое соціологично. Съ другой стороны умствованія философіи надъ правами, правомъ, религіей могутъ быть небезъинтересны для соціолога“. Отношеніе къ философіи опредѣлить нетрудно; теоріи о нравахъ, правѣ, религіозныхъ вѣрованіяхъ входятъ сюда, если только онѣ признаютъ необходимое условіе всякой соціологіи, „а именно существо-

ваніе законовъ, возможныхъ быть открытыми посредствомъ методическаго мышленія". Отношеніе къ исторіи не такъ ясно и, по всей вѣроятности, измѣнится съ развитіемъ науки. Тенерь, по крайней мѣрѣ, одно правило можетъ быть установлено: „Единственные факты, включаемые нами сюда, тѣ, которые могутъ быть въ достаточно близкомъ будущемъ усвоены наукою, то-есть, которые могутъ войти въ сравненіе". Отсюда понятно, что работы о роли историческихъ личностей и сочиненія, единственно касающіяся хронологическаго порядка отдѣльныхъ событій или изображающія вышнія явленія, составляющія видимую исторію опредѣленнаго народа, исключены. Другими словами, при настоящемъ состояніи науки все, заключающее въ себѣ одну біографію, какъ индивидовъ, такъ и союзовъ безъ пользы для социолога.

Установивъ содержимое новаго изданія, редакторъ опредѣляетъ, согласно поставленной цѣли, приемы критики. Они не будутъ состоять въ судѣ надъ произведеніями и въ классификаціи талантовъ, предоставляя это потомству. „Наша роль будетъ заключаться въ извлеченіи основныхъ результатовъ изъ изучаемыхъ трудовъ, то-есть, фактовъ, наводящихъ на мысль, плодотворныхъ взглядовъ, которые были бы интересны по ихъ внутренней цѣнности или по разсужденіямъ, какія они вызываютъ". Критикъ долженъ сдѣлаться сотрудникомъ автора и притомъ сотрудникомъ благодарнымъ, ибо какъ бы мало ни осталось отъ книги, всетаки оставшееся будетъ научнымъ приобрѣтеніемъ. При этомъ передачи сочиненій всегда должны будутъ имѣть въ виду успѣхи социологін и поэтому извлекать изъ разбираемыхъ трудовъ только то, что къ ней относится. Для большаго удобства сравненія эти анализы разгруппированы по предметамъ „дабы взаимно пополнять себя и объяснять себя". Наконецъ редакторъ думаетъ, что новое изданіе послужитъ объединенію научныхъ силъ. До сихъ поръ социологія была дѣломъ преимущественно личнымъ; теоріи были тѣсно связаны съ индивидуальностію ученыхъ и не могли быть отъ нея оторваны. Новое изданіе потребовало извѣстнаго количества работниковъ, „согласившихся относительно началъ, долженствующихъ быть излагаемыми", и можетъ поэтому послужить къ приданію социологін болѣе безличнаго, научнаго характера.

Мы подробно передали программу новаго періодическаго предпріятія. Она прекрасно опредѣляетъ существо изданія, въ нѣкоторой степени намекаетъ на понятія о социологін кружка выдающихся французскихъ ученыхъ, наконецъ раскрываетъ наиболѣе новыя на-

правления въ этой наукѣ. Поэтому она стоитъ того, чтобы на ней остановиться.

Сильныхъ сторонъ изданіе имѣетъ много. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить стремленіе придать социологіи положительный характеръ. Редакторъ даетъ понять, что, по его мнѣнію, время разъяснять законы общезитія при помощи законовъ, взятыхъ изъ механики, биологіи, психологіи, прошло безвозвратно, что прогрессъ можетъ быть ожидаемъ только отъ специальныхъ изслѣдованій. Далѣе редакторъ сознаетъ необходимость періодическаго сообщенія наиболѣе важныхъ работъ, соприкасающихся съ социологическими вопросами. Наконецъ онъ вѣрно отмѣчаетъ возможность сближенія социологіи съ другими науками и образованіе при помощи журнала кружка ученыхъ со сходными взглядами на нее.

Слабую сторону мы только видимъ въ недостаточномъ ознакомленіи читателей съ понятіемъ социологіи. Все сказанное объ отношеніи ея къ философіи нравовъ, права, религіи, а также къ исторіи, черезчуръ общее и недостаточно для публки, не освѣдомленной о развитіи этой науки и ея новѣйшихъ направленіяхъ. Между тѣмъ это важно и для лицъ даже болѣе компетентныхъ. Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ.

Названіе „социологія“ появилось впервые въ 1838 г. у Огюста Конта, творца этой отрасли знанія ¹⁾. Разсматривая всю громадную область человѣческаго вѣдѣнія, онъ прежде всего отдѣлилъ дѣятельность теоретическую (науки) отъ дѣятельности практической (практическія науки или искусства), которая должна была быть основана на первой. Первая въ свою очередь распадается на науки конкретныя съ описательнымъ характеромъ и науки абстрактныя, стремящіяся къ открытію законовъ. Такъ какъ человѣческому уму доступны только явленія, и даже причины явленій онъ уяснить себѣ не въ силахъ, законы будутъ только законами явленій, а бѣльшая или меньшая сложность явленій и можетъ послужить признакомъ для группировки наукъ. Такъ возникла у О. Конта знаменитая іерархія наукъ, начинающаяся наукою о явленіяхъ наиболѣе простыхъ, астрономіею, и кончающаяся наукою о явленіяхъ самыхъ сложныхъ, социологіей. Послѣдняя должна раскрыть законы общественныхъ явленій, то-есть, законы общественной жизни человѣчества, которая очевидно находится въ зависимости отъ законовъ астрономическихъ,

¹⁾ *Lester F. Ward. Outlines of Sociology. New-York. 1898, стр. 3 и 4.*

физическихъ, химическихъ, биологическихъ и потому требуетъ для своей разработки предварительныхъ знаній въ этихъ наукахъ. Сама социологія въ свою очередь распадается на статику, изучающую самый строй общества (общественный порядокъ), и динамику, изучающую законы прогресса. Далѣе О. Контъ опредѣлилъ и тотъ придатокъ, который дѣлаетъ явленія общественныя болѣе сложными, чѣмъ явленія непосредственно предшествующія—биологическія. Въ послѣднихъ стадіяхъ биологіи разсматривается и психическая жизнь человѣка, но только какъ индивида; для того, чтобы изъ разрозненныхъ индивидовъ сложилось общество, необходимо, чтобы присоединилось вліяніе отжившихъ поколѣній на настоящее и будущія. Это-то вліяніе и объединяетъ все человѣчество въ одинъ огромный организмъ, жизнь котораго въ нѣкоторой степени напоминаетъ жизнь отдѣльнаго человѣка. Въ ней О. Контъ отмѣчаетъ три фазиса развитія: періодъ теологическій, въ которомъ человѣкъ приписываетъ, по аналогіи съ собою, движенія въ природѣ дѣйствіямъ невидимыхъ существъ, метафизическій, когда онъ олицетворяетъ различныя силы природы, наконецъ позитивный, въ которомъ онъ опираетъ свою дѣятельность на знанія законовъ явленій. Очевидно, въ послѣднемъ фазисѣ общественный прогрессъ уже можетъ быть признанъ вполне обеспеченнымъ, ибо явленія, противодѣйствующія прогрессу, могутъ быть своевременно предусмотрѣны и устранены (*savoir pour prévoir*). Въ этомъ фазисѣ знаніе получаетъ глубоко практическій характеръ; оно дѣйствительно является силою, увеличивающею счастье человѣка на землѣ. Наконецъ, подъ вліяніемъ френологовъ (Галля и другихъ), О. Контъ отмѣчаетъ, что сфера головы, въ которой помѣщаются чувства, гораздо болѣе сферы, занятой умомъ. Отсюда у него вытекало особенное значеніе чувствъ, такъ что воспитаніе чувствъ цѣнилось имъ болѣе, чѣмъ развитіе ума, альтруизмъ ставился выше широкаго умственнаго преуспѣянія.

Изъ этихъ основныхъ положеній отца социологіи развилось все громадное разнообразіе современныхъ социологическихъ ученій. Такъ общества животныхъ были включены въ социологію Эспинасомъ, потому что О. Контъ указывалъ на возможность разъяснить нѣкоторыя человѣческія учрежденія, напримѣръ, бракъ, при помощи изученія нравовъ животныхъ. Такъ іерархія наукъ, при чемъ социологіи предшествуетъ биологія, а биологіи химія и т. д., привела къ мысли о сліяніи социологіи, биологіи и космологіи въ одно трудно различимое цѣлое (Фуллеръ). Такъ появился цѣлый рядъ ученыхъ, ухватившихся за мысль

Год	Рядъ фамиль	Указание о суммѣ	Сумма въ рублѣхъ съ копейками
1721	Богдановъ	А. Богдановъ	224.577
1722	"	Билликъ Александръ А. Губаровъ	135.000
1731	"	Московский купецъ За. Соловьевъ	15.000
1735	"	Г. Шорниковъ	31.475
1737	"	Серпуховскій купецъ Г. Елизаровъ	35.000
1737	"	Заводъ В. Елизарова Простоты . . . . . „наит“ заводъ М. А. Елизарова	13.000
1736	"	Московский купецъ Г. Елизаровъ	35.000
1738	"	Московский купецъ П. Пастуховъ	15.000
1740	"	Павловскій А. Елизаровъ	13.000
1745	"	Ле. М. Е. заводъ №. А. М. Черкасскій (заводъ въ заводъ въ заводъ)	51.505
1746	"	Московскія купцы Г. и М. Матрофановскія съ Я. Басмановъ	12.000
1748	"	Удѣльскій купецъ Н. Дунинъ съ сыновъ	10.000
1749	"	Умболовободскій купецъ Я. Елизаровъ	15.000
1749	"	Гавриловъ купецъ С. и Г. Савоскинъ	7.582
1750	"	Московский купецъ М. Гусевъ	до 30.000
1750	"	Стар. сов. Н. Дунинъ	25.000
1750	"	Брянскій купецъ Г. Чумаковъ	15.000
1750	"	Московский купецъ А. Кабушкинъ	11.000
1750	"	Рязанскаго дворянскаго гдѣчества оброчный крестьянинъ М. Шаголинъ	6.000
1750	"	Ростовскій купецъ М. Серебрянниковъ	1.450
1751	"	Костромской купецъ Я. Глазачевъ	2.000
1751	"	Поручикъ Н. Масловъ	3.000
1751	"	Ревизионъ-коллегии секретарь В. Полевой	1.000
1751	"	Коллек. сов. Я. Телешевъ	500
1752	"	Московский купецъ Я. Комаровъ	2.500
1752	"	Крестьянинъ М. Шаголинъ	до 4.000
1752	"	Генералъ-аншефъ г. А. Я. Шуваловъ	до 3.000
1752	"	Дѣйств. камергеръ г. Р. Я. Воронцовъ	1.500
1753	"	Дѣйств. камергеръ баронъ Строгановъ	1.700

Конта о развитіи челоѣчества по образцу отдѣльнаго челоѣка, и начали доказывать, что и въ народахъ можно различать дѣтство, юность, возмужалый возрастъ и т. д. Мысль о челоѣчествѣ, какъ организмѣ, оказалась особенно плодотворною, хотя и не плодотворною, ибо создала во Франціи, Англии, Германіи, Россіи массу ученыхъ, снѣющихся разъяснить жизнь племенъ и народовъ законами біологическими, особенно при помощи переноса въ сферу соціологіи законовъ Дарвина о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ. Указаніе Конта на возможность провѣрки историко-сравнительныхъ обобщеній при помощи данныхъ психологіи въ связи съ тремя фазами развитія челоѣчества привело къ открытіямъ въ логикѣ (Дж. Ст. Милль) и къ стремленію найти мѣрло прогресса въ развитіи ума и распространеніи знаній (Дж. Ст. Милль, Бокль, Дреперъ). Разъясненіе громадной пользы отъ открытія законовъ (положительный фазисъ челоѣчества съ возможностью предвидѣнія) привелъ даже къ дѣленію американскихъ соціологовъ на соціологовъ со статическимъ и динамическимъ характеромъ; первые, какъ послѣдователи Спенсера, открывшаго эволюцію и предполагающаго, что воля челоѣка не можетъ ускорить дѣйствіе закона эволюціи или устранить или по крайней мѣрѣ отсрочить разложеніе (диссолюцію), не ожидаютъ особой практической пользы отъ соціологіи; напротивъ соціологи съ динамическимъ характеромъ чрезвычайно налегаютъ на увеличеніе счастья на землѣ и въ этомъ отношеніи являются послѣдователями Конта ¹⁾). Наконецъ, самый выдающійся изъ американскихъ соціологовъ, Уордъ, попытался болѣе точно опредѣлить намѣченный уже Контомъ вопросъ объ отношеніи чувствъ уму и пришелъ къ весьма важному открытію, что желанія въ царствѣ, обладающемъ чувствами, и составляютъ общественныя силы; между тѣмъ какъ умъ является только дѣятелемъ, направляющимъ дѣйствіе силъ природы къ желанной цѣли.

Уже этотъ крайне бѣглый очеркъ соціологическихъ ученій указываетъ на все разнообразіе, даже противорѣчіе соціологическихъ теченій, такъ что обзоръ ихъ всѣхъ съ ихъ критическою оцѣнкою потребовалъ бы написанія цѣлаго обширнаго сочиненія и не могъ бы помѣститься въ предисловіи. Тѣмъ не менѣе имѣются, думается мнѣ, два признака, которые присущи всѣмъ соціологамъ, и которые можно было бы указать въ предисловіи къ изданію. Они слѣдующіе.

Всѣ соціологи предполагаютъ единство челоѣческаго рода, то-есть,

¹⁾ Тамъ же, стр. 191—197.

что человекъ съ момента своего появленія на земной поверхности обладалъ тѣми же самыми, вообще говоря, физическими и психическими качествами, какъ и теперь. Это предположеніе и позволяетъ пользоваться обобщеніями изъ жизни древнихъ народовъ и нынѣшнихъ дикарей для предсказанія будущихъ явленій. Эту мысль о единствѣ всего человѣчества впервые мы находимъ у Діогена; затѣмъ она сдѣлалась общимъ достояніемъ высшихъ слоевъ римскаго и греческаго общества; но особенно она распространилась подъ вліяніемъ христіанства, которое признало ее однимъ изъ религіозныхъ догматовъ.

Второе предположеніе, точно также раздѣляемое всеми соціологами всѣхъ школъ и направлений, болѣе ново и потому находитъ себѣ немало противниковъ, это—мысль, что жизнь человѣческихъ обществъ подлежитъ законамъ естественнымъ, то-есть, что въ ней отношенія между явленіями также неизмѣнны, какъ и во всей вселенной. Это предположеніе появилось не ранѣе конца XVIII вѣка подъ вліяніемъ громадныхъ успѣховъ естествознанія. Человекъ началъ находить законы тамъ, гдѣ онъ ихъ встрѣтитъ совсѣмъ не ожидалъ. Философія скоро воспользовалась этимъ положеніемъ и начала доказывать возможность предсказыванія дѣйствій даннаго человека, еслибы намъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ было извѣстно его прошлое (Кантъ). Кромѣ естествовѣдѣнія и философіи, эту мысль особенно сдѣлали популярною статистики (Кетлэ) и части германская историческая школа.

Дабы еще яснѣе представить эти оба признака соціологическаго направленія, мы приведемъ примѣръ изъ исторіи права. Первая историческая школа появилась на югѣ Франціи въ XVI вѣка подъ вліяніемъ гуманизма. Куяцій, ея самый блестящій представитель, желалъ очистить римское право отъ всѣхъ средневѣковыхъ налетовъ; онъ смотрѣлъ на него и любилъ его, какъ остатокъ древне-римской образованности. Поэтому и историческій методъ, вѣрный своему происхожденію, и примѣнялся съ особеннымъ усердіемъ къ римскому праву; онъ не замедлялъ распространиться по всей Западной Европѣ и предлагался иной разъ также къ предметамъ болѣе новымъ. Это первое историческое направленіе начало ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ очищенное римское право оказывалось несоотвѣтствующимъ глубоко измѣнившимся потребностямъ; къ историческимъ разысканіямъ начали обращаться только тогда, когда въ этомъ видѣли практическую пользу или ради любознательности. Вторую историческую школу можетъ быть признана знаменитая историческая школа Савинья. Она при-

знала право, какъ и нравы, обычая, языкъ, произведеніемъ духа извѣстнаго народа; право растетъ и выѣстѣ съ народомъ по закону внутренней необходимости и исчезаетъ выѣстѣ съ нимъ, когда онъ сходитъ съ исторической сцены. Эта теорія, по моему мнѣнію, явилась изъ сочетанія трехъ элементовъ: 1) чрезвычайно оживившагося подъ влияніемъ Наполеоновскихъ войнъ патріотизма въ Германіи; 2) глубокаго, такъ сказать, философскаго изученія источниковъ римскаго права, въ которыхъ говорилось о геніи римскаго народа, создавшемъ римское право, и о необходимости общаго согласія народа для возникновенія данной юридической нормы; 3) наконецъ, изъ распространеннаго въ тогдашнемъ обществѣ ученія объ анимизмѣ, то-есть, о существованіи одного принципа, какъ бы души, дающаго единство и жизнь отдѣльнымъ организмамъ, растеніямъ, животнымъ и т. д. При такомъ взглядѣ на право историческая школа, очевидно, не могла дойти до идеи міроваго права, которое въ ней дробилось на безконечное множество національныхъ правъ, каждое со своихъ національнымъ духомъ. Только съ 70-хъ годовъ начала возникать новая историческая школа, которая еще не успѣла создать своей теоріи. Въ ней замѣтно стремленіе разъяснить право даннаго народа при помощи сравненія съ бытомъ древнихъ народовъ и дикарей. Затѣмъ она доходитъ до обобщенныхъ положеній, которыя пытается раскрыть при помощи психологіи. Если, напримѣръ, право на первой ступени отличается вещнымъ характеромъ (для приобрѣтенія собственности требуется фактическое завладѣніе, понятіе государства замѣнено личностью даннаго князя и т. д.), то это явленіе, замѣчаемое повсюду на первыхъ ступеняхъ, разъясняется неспособностію первобытнаго человѣка къ отвлеченнымъ понятіямъ. Кромѣ психологіи, не разъ мы находимъ попытки объяснять историческіе факты законами эволюціи, открытыми Спенсеромъ преимущественно въ царствѣ неорганическомъ. Всѣ эти данныя указываютъ, что новѣйшіе историки права признаютъ единство человѣческаго рода и допускаютъ существованіе естественныхъ законовъ въ сферѣ общественнаго быта. Поэтому эта новая нарождающаяся на нашихъ глазахъ историческая школа можетъ быть названа социологическою.

Разобравъ предисловіе, переходимъ къ содержанію. Первый отдѣлъ (стр. 1 — 109), заключающій, какъ сказано, самостоятельныя изслѣдованія, состоитъ изъ двухъ статей—самого редактора о запрещеніи кровосмѣшенія и его причинахъ, и профессора Зиммеля о томъ, какъ поддерживаютъ себя общественныя формы. Болѣе интереса при-

влекаетъ къ себѣ работа Дюркгейма, ибо она разъясняетъ самую первобытную форму человѣческаго общенія. Авторъ, желающій на примѣрѣ показать примѣненіе методологическихъ приѣмовъ, указываетъ на необходимость для пониманія извѣстнаго учрежденія подойти возможно ближе къ его зародышамъ; поэтому и вопросъ о запрещеніи кровосмѣшенія слѣдуетъ раскрыть не съ помощью нынѣ ходящихъ взглядовъ о вредѣ кровосмѣшенія для потомства, а путемъ наблюденія надъ первоначальнымъ появленіемъ этого начала въ исторіи. Ключею, изъ которой развились всѣ общественные союзы, является „клянц“, или братство ¹⁾). Оно состоитъ въ томъ, что всѣ входящіе въ братство считаютъ себя родственниками, происходящими отъ какого либо одного опредѣленнаго существа, „тотемъ“ (животнаго, растенія и т. п.). Братство, по Дюркгейму, „это однородная и плотная масса, гдѣ не существуетъ, такъ сказать, расчлененныхъ частей, гдѣ каждый живетъ, какъ всѣ, похожъ на всѣхъ; такая группа представляется для себя самой тою слабою индивидуализаціею, которую она смутно сознаетъ, воображая, что ея члены суть воплощенія едва отличныя одного и того же принципа („тотемъ“), различные виды одной и той же дѣйствительности, одной и той же души въ нѣсколькихъ тѣлахъ“ (стр. 52). Поэтому это существо обоготворяется, а прикосновенія къ нему и ко всѣмъ предметамъ, съ нимъ имѣющимъ какую либо связь, признаются преступными. Такое преступленіе для первобытнаго человѣка имѣетъ значеніе чрезвычайное; оно до того поражаетъ его воображеніе, что влечетъ за собою не только болѣзнь отъ постоянного страха божественной казни, но даже иногда мгновенную смерть. Жизненнымъ принципомъ, оживляющимъ всѣхъ животныхъ и людей, считается первобытнымъ человѣкомъ кровь; поэтому пролітіе крови вызываетъ ужасъ; кровь вопіетъ къ небу. Итакъ, кровь считается тою священною жидкостію, которая устанавливаетъ единство, какъ всѣхъ членовъ братства, такъ и съ тѣмъ фантастическимъ существомъ, отъ котораго братство считаетъ себя происходящимъ. Вслѣдствіе этого женщины, какъ подверженныя періодическимъ кровозліяніямъ, особенно вызываютъ къ себѣ страхъ; ихъ чуждаются; прикосновеніе къ нимъ заражаетъ. Но все это относится только къ сородичамъ; пролітіе крови чужеродца дозволятельно; сближеніе съ женщиною чужаго братства не запрещено. Къ этому присо-

---

¹⁾ Это славянское слово употребляетъ самъ Дюркгеймъ для обозначенія первоначальной формы существованія человѣчества.

единялась еще способность только однихъ женщинъ рождать, то-есть, увѣковѣчивать „тотемъ“; отсюда кровь женщины считалась болѣе близкою къ „тотему“, а вслѣдствіе этого женщины одного братства были совершенно отдѣлены отъ мужчинъ. На основаніи этихъ отиженныхъ Дюркгеймомъ причинъ появились обычай, строжайше запрещавшіе бракосочетанія однородцевъ. Выяснивъ зародыши запрещенія кровосмѣшенія, нашъ авторъ останавливается на послѣдствіяхъ. Прежде всего, чрезвычайно рано отдѣляется половое чувство отъ родственнаго; послѣднее сосредоточивалось въ „кланѣ, то-есть, семьѣ“, этомъ очагѣ религіи и нравственности; „первое, вышнее для клана, приняло нравственный характеръ только придаточнымъ образомъ, по скольку оно затрагивало домашніе интересы“; оно получило отпечатокъ свѣтскій. Далѣе, чувственность, не находясь подъ подавляющимъ контролемъ родичей, могла со временемъ воспринять въ себя элементы эстетическіе и поэтическіе, нуждающіеся въ свободѣ. Такимъ образомъ опозтизировалась любовь, что никогда не произошло бы при возможности заключенія браковъ въ семьѣ. Когда тотемическія вѣрованія исчезли, „душевные состоянія, возбуждшія ихъ, сохранились. Привычки, установившіяся и дляція столѣтія, не могли также изгладиться, не только вслѣдствіе повторенія, которое ихъ укрѣпило и укоренило, но и потому, что, развиваясь, онѣ слились съ другими привычками, и что нельзя было прикоснуться къ одной, не прикасаясь къ другимъ, то-есть, ко всему“. Эти слова переведены мною потому, что они лучше всего выясняютъ поразительную устойчивость привычекъ, нравовъ и обычаевъ.

Статья профессора Зиммеля возбуждаетъ интересъ преимущественно вслѣдствіе оригинальнаго опредѣленія соціологіи и ея отношенія къ другимъ сферамъ вѣдѣнія. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ: „Формы, которыя принимаютъ человѣческія группы, соединенныя, чтобы жить одинъ возлѣ другихъ или одинъ для другихъ или одинъ съ другими, составляютъ сферу соціологіи. Что же касается цѣлей экономическихъ, религіозныхъ, политическихъ и т. д., ради которыхъ возникаютъ ассоціаціи, то онѣ должны быть отнесены къ другимъ наукамъ. Но какъ распознаемъ мы тогда формы и законы ассоціаціи, ибо каждая человѣческая ассоціація происходитъ ради такихъ цѣлей? Сопоставляя ассоціаціи, предназначенныя для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, и выдѣляя то, что онѣ имѣютъ общаго. Такимъ образомъ взаимно нейтрализуются всѣ различія, какія представляютъ спеціальныя цѣли, вокругъ которыхъ образуются общества, и выступаетъ

только одна социальная форма" (стр. 72). Для нагляднаго представленія этого метода и написана статья (стр. 108), долженствующая выяснитъ дѣйствіе силъ, сохраняющихъ общество въ противоположность силамъ, его разрушающимъ. Авторъ указываетъ на тожество общества съ самимъ собою при частой перемѣнѣ членовъ, какъ слѣдствіе жизни въ одной странѣ, родства, постепенности въ смѣнѣ поколѣній, на соединеніе людей при помощи то какого либо одного человѣка, то вещи, на результаты выдѣленія цѣлой группы, стоящей во главѣ общества... Все это является средствомъ приспособленія общества къ требованіямъ жизни, но постоянная смѣна поколѣній, допускающая разногласія, постоянныя столкновения общественныхъ группъ служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію жизненныхъ элементовъ въ самомъ обществѣ, ибо приводятъ въ сознаніе, и пользу, даже необходимость связи, и существо связующихъ элементовъ. Уже эти нѣсколько словъ о содержаніи статьи раскрываютъ ея нѣсколько отвлеченный, безжизненный характеръ. По моему мнѣнію, превращать социологию въ нѣкотораго рода общественную геометрію (стр. 108, 109) значило бы лишитъ ее всякаго практическаго значенія и превратить въ метафизику, отъ опасности чего такъ предупреждалъ знаменитый основатель социологіи.

Вторая, критическая часть, заключающая въ себѣ анализъ и библиографическія замѣтки, распадается на 6 секцій, на которыя и распредѣлены по своему содержанію разбираемыя сочиненія, а именно на общую социологию, социологию религіозную, нравственную и юридическую, уголовную, экономическую, наконецъ на все то, что не нашло себѣ мѣста въ предшествующихъ группахъ (антропологическая социологія, соціо-географія, демографія). Каждая изъ поименованныхъ группъ въ свою очередь состоитъ изъ раздѣловъ. Такъ въ общей социологіи помѣщены отдѣльно сочиненія по социологіи философской (I), биологической (II), психологической и специфической (III). Нечего и упоминать, что такая группировка особенно удобна для справокъ. Объемъ сдѣланныхъ оцѣнокъ весьма различенъ и поставленъ, какъ и слѣдовало, въ большинствѣ случаевъ въ зависимость отъ важности труда. Критики отнеслись къ своему дѣлу добросовѣстно; наконецъ передъ нѣкоторыми секціями—I, IV, V, VI, помѣщены введенія, весьма интересныя по общимъ взглядамъ, которые въ нихъ заключаются. Въ краткомъ замѣчаніи передъ общей социологіей Г. Бугле отличаетъ понимающихъ социологию въ смыслѣ философіи отдѣльныхъ социальныхъ наукъ или въ смыслѣ философіи исторіи, и понимающихъ

щихъ социологію въ техническомъ смыслѣ, какъ науку о специально-психическихъ явленіяхъ, возникающихъ изъ взаимодействія индивидуальныхъ сознаний, для чего нужно разсматривать сознания не каждое отдѣльно и насколько они индивидуальны, но въ самихъ взаимодействияхъ сознаний (стр. 111). Г. Ришаръ передъ уголовною социологіей считаетъ необходимымъ опредѣлить социологію вообще, какъ науку объ измѣненіяхъ, которыя группа заставляетъ испытывать своихъ членовъ. Такъ какъ изъ жизни группы происходятъ правила для дѣйствій, предписанныя индивидамъ, то и правила эти могутъ быть изучаемы, или генетически въ ихъ происхожденіи и послѣдовательныхъ постепенныхъ перемѣнахъ, что составляетъ генетическую социологію, или поскольку они дѣйствительно влияют на поведенія индивидовъ, поскольку они находятъ себѣ противодѣйствіе въ обычаяхъ, чувствахъ и вѣрованіяхъ индивидовъ, что уже составляетъ уголовную социологію. Уголовная социологія въ свою очередь является посредствующимъ звеномъ между социологіей генетической и социологіей прикладною. Изучая симптомы, раскрывающіе потрясенія и болѣзни, происходящія въ жизни опредѣленной группы, она указываетъ прикладной социологіи практическую цѣль, а именно—предупреждать болѣзни и устранять потрясенія. Наконецъ сама уголовная социологія распадается на двѣ отрасли, каждая со своимъ способомъ изслѣдованія, на нравственную статистику и на уголовную антропологію, то-есть, на науку о преступникахъ и средѣ, въ которой они находятся, науку, которая стремится раскрыть причинную связь между нарушеніями и состояніемъ, какъ индивидуальнаго организма или индивидуальнаго сознания, такъ и коллективнаго сознания или экономической организаціи. До новѣйшаго времени нравственная статистика и уголовная антропологія жили въ полномъ разобщеніи, но легко понять, какъ тѣсно онѣ связаны между собою. Уголовная антропологія безъ помощи нравственной статистики превратилась бы въ біологическое или психологическое вѣдѣніе, лишненное общественнаго интереса; наоборотъ чистый статистикъ, подмѣчая отсутствіе случайности въ колебаніяхъ преступности, видѣлъ бы безъ уголовной антропологіи въ этомъ или неизбѣжное, нормальное явленіе, или долженъ былъ бы прибѣгать къ чисто субъективнымъ соображеніямъ для его разъясненія. Напротивъ уголовная антропологія заставляетъ статистику видѣть въ увеличеніи преступности слѣдствіе нѣкотораго общественнаго разстройства, частичнаго или общаго (стр. 392—394). Какъ видно изъ приведеннаго содержанія введеній къ секціямъ, въ

нихъ даются общія понятія о социологін и ея подраздѣленіяхъ, то-есть, восполняется пробѣлъ (отсутствіе въ предисловіи опредѣленія социологін и ея подраздѣленій), отиѣченный уже нами. Вообще необходимо признать, что г. редакторомъ вполне добросовѣстно выполнена поставленная задача—,представить читателямъ полную картину всѣхъ теченій, проявляющихся въ различныхъ отрасляхъ социологін“ (стр. 519).

Ф. Зигель.

Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индо-германцевъ.

Отожествленіе культуры съ національностью, съ одной стороны, и смѣшеніе расы съ народомъ или національною группою, съ другой, привели къ цѣлому ряду гипотезъ, которыя не столько выяснили, сколько запутали древнѣйшую исторію Европы. Языковѣданіе давно уже признало несостоятельность своихъ попытокъ дать полную картину индо-германской древности и обратилось, въ лицѣ О. Шрадера и М. Муха, за подтвержденіемъ къ матеріальной археологін: какъ извѣстно, первый отождествилъ обще-индо-германскую культуру съ неолитическою эпохой, второй съ періодомъ мѣди, предшествовавшимъ бронзовому. Отлагая разборъ теорій обонихъ ученыхъ до другого времени, я ограничусь изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, безспорныхъ или очень вѣроятныхъ, для выясненія нѣсколькихъ хронологическихъ данныхъ о расселеніи индо-германскихъ народовъ. Употребляя слово *народъ*, я принимаю въ полной мѣрѣ замѣчаніе Штейнталя ¹⁾ о томъ, что народъ представляетъ собою уже весьма сложный агрегатъ; однако я вовсе не вижу надобности въ томъ, чтобы для образованія его были необходимы всевозможныя скрещенія, странствованія и т. под. процессы. По моему мнѣнію, говорить объ *одной* расѣ народа вполне возможно, разъ дѣло идетъ о глубокой древности, и разъ за это стоятъ многочисленныя и вѣскія данныя, собранныя трудами антропологовъ. Насколько я могу судить, ближе къ истинѣ старое мнѣніе

¹⁾ *Bastian-Festgruss*, 1896, стр. 52, „Dialect, Sprache, Volk, Staat, Rasse“. Ein Volk ist nicht eine bloss naturmässig durch Ueberschuss der Geburten angewachsene Menschen-Heerde, sondern ein schliessliches Ergebniss mannigfacher Verbindungen, Wanderungen, Trennungen und neuer Vermischungen. Von einer Rasse eines Volkes ist demnach schwer zu reden.

Л. Гейгера, утверждавшаго, что индо-германскій пранародъ (Ur-volk) былъ настоящимъ народомъ (ein wirkliches Volk) съ государственною организаціей (staatliche Organisation) и культурой, стоявшею выше уровня нѣкоторыхъ современныхъ внѣ-европейскихъ народовъ¹⁾. Къ такому же выводу, но инымъ путемъ пришелъ французскій лингвистъ, М. Бреаль. Правда, онъ отказывается говорить о древности расы индо-германцевъ (chose difficile à concevoir et à comprendre), но онъ признаетъ большую древность за нихъ культурой²⁾ „Для того, чтобы грамматика и морфологическая система достигли такой степени единства и стойкости (fixité), какую мы находимъ въ основѣ аріискіхъ языковъ, необходима извѣстная непрерывность традиціи. Эта непрерывность предполагаетъ, если не литературу, то по крайней мѣрѣ передачу изъ поколѣнія въ поколѣніе формулъ, пѣсенъ и священныхъ текстовъ“³⁾. Такимъ образомъ, утверждая à priori, что гипотетическій народъ стоялъ уже на извѣстной степени развитія, я думаю, что его распространеніе совершилось путемъ расхожденія племенами, а не отдѣльными группами и парами, путемъ колонизаціи, а не постепеннаго расширенія племенныхъ границъ. Возраженіе Пенки противъ мнѣнія, которое представляется мнѣ наиболѣе вѣрнымъ, сводится къ слѣдующему⁴⁾: „будь правильна теорія выселенія, мы должны были бы ожидать найти въ археологическихъ остаткахъ всѣхъ странъ, занятыхъ аріискими народами, остатки совершенно тождественной культуры, именно той культуры, которою обладалъ аріискій пранародъ въ то время, когда онъ еще составлялъ одно цѣлое по языку и культурѣ“⁵⁾. Но, во-первыхъ, культурное единство неолитической эпохи настолько велико, что даже такой обычай, какъ окрашивание костей въ красный цвѣтъ, былъ широко распространенъ чуть ли не по всей Европѣ (въ Киевской, Подольской, Полтавской и другихъ южно-русскихъ губерніяхъ, въ Бельгіи, Франціи, Чехии, Моравіи, Босніи и т. д.)⁶⁾, а, во-вторыхъ, разнообразіе культуры еще не говоритъ противъ возможности колонизаціи европейскихъ странъ отдѣльными индо-германскими племенами: связь могла быть порвана и въ

¹⁾ *L. Geiger*, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Stuttgart. 1878. Ss. 122—128.

²⁾ *M. Bréal*, Essai de sémantique. Paris, 1897, p. 98—99.

³⁾ *K. Penka*, Zur Paläoethnologie Mittel-und Süd-Europas. Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XXVII, стр. 25.

⁴⁾ *Индерле*, *ibid.*, 163—164. *Arcelin*. Comptes-rendu du III Congrès international des catholiques. 8 sect. Bruxelles. 1895, p. 68. *Nadasiac*, *ibid.*, 95.

томъ случаѣ, когда путемъ естественнаго распространенія племенныхъ границъ единство съ метрополіей было нарушено, а съ другой стороны она могла сохраниться и при условіи выселенія племени изъ метрополи, и, какъ показываютъ данныя археологін, она, дѣйствительно, сохранялась. Если въ палеолитическую эпоху, насколько мнѣ извѣстно, еще не общепризнано существованіе торговли, хотя множество странныхъ находокъ и количество найденныхъ издѣлій въ нѣкоторыхъ пещерахъ какъ бы указываютъ на нее (12.000 кремневыхъ орудій въ *Thaungen*'ъ ¹⁾, болѣе 1.200 въ пещерѣ *Gudenus* ²⁾, то въ эпоху неолитическую она стояла уже, несомнѣнно, на довольно высокой степени развитія ³⁾. Къ предметамъ этой торговли мнѣ придется вернуться ниже, теперь же только идетъ рѣчь о самомъ ея существованіи. За это говорятъ не только находки янтаря у Боденскаго озера или многочисленныя издѣлія изъ минераловъ, найденныхъ въ большомъ количествѣ въ Азін, но рѣдкихъ въ Европѣ (напримѣръ, изъ нефрита и хлоромеланита, при чемъ залежей послѣдняго въ Европѣ, кажется, еще не было найдено), и тому подобныя факты ⁴⁾, но и настолько значительное сходство культурныхъ издѣлій, что въ настоящее время удается даже указывать пути торговли ⁵⁾. Кроме того, индо-германской лингвистикѣ неизвѣстно состояніе культуры, чуждой торговли ⁶⁾, хотя ея данныя не совпадаютъ съ данными археологін: такъ, напримѣръ, въ то время, какъ археологін и исторіа говорятъ о трехъ путяхъ доримскихъ торговыхъ сношеній юга съ сѣверомъ, лингвистика, не зная о нихъ, раскрываетъ четвертый путь съ запада на востокъ, о которомъ, въ свою очередь, не знаетъ ничего уже археологін ⁷⁾. Отсюда слѣдуетъ, что данныя археологін не

¹⁾ *J. Hildebrand*, Человѣчество въ доисторическія времена, С.-Пб., 1898, стр. 147—148.

²⁾ *J. Hildebrand*, *ibid.*, 44, 60.

³⁾ *M. Hoernes*, *Die Urgeschichte des Menschen*, Wien, 1892, S. 207.

⁴⁾ Горячо отстаиваетъ палеолитическую торговлю Марк. де-Надальакъ: „*Moeurs et monuments des peuples préhistoriques*“, Paris, 1888, стр. 199. Въ *Таунгенѣ*, въ итальянскихъ стоянкахъ, предшествовавшихъ террамарамъ, были найдены жемчужныя раковины изъ Индійскаго океана, въ южнофранцузскихъ пещерахъ арктическія раковины. Не мало примѣровъ и болѣе близкаго объѣма. Множество примѣровъ приводитъ также *O. Schrader*, *Lingualistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde*. Jena. 1886, S. 65—66.

⁵⁾ *A. Götte*. Ueber neolithischen Handel. *Bastian-Festgruss*. 1896. S. 339—353.

⁶⁾ *O. Schrader*, *loc. cit.*, 10, 66—67.

⁷⁾ *O. Schrader*, *loc. cit.*, 81.

только не компетентны въ рѣшеніи вопроса о способѣ расселенія индо-германцевъ, но напротивъ указываютъ на глубокую древность культуры и культурныхъ сношеній, а этимъ самымъ даютъ все же больше вѣроятности мнѣнію, что въ эпоху расхожденія индо-германскій народъ достигъ такого развитія, что ему было уже доступно національное единство, и онъ могъ выселать, или могли выселяться колонія. При этомъ, однако, вовсе не для чего, по-моему, думать, что эти колонія уже развили значительныя діалектическія особенности; напротивъ, расселеніе, разумѣется, неодновременное, могло самымъ своимъ фактомъ положить начало образованію новыхъ языковъ, на которое требуется не мало времени, и которое могло совершиться уже на новой родинѣ племени и въ связи съ его внѣшними сношеніями съ чуждыми его расѣ обитателями колонизованныхъ мѣстъ. Переходя отъ этихъ гипотезъ, логическую возможность которыхъ мнѣ только и важно указать, къ фактамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, я замѣчу, что въ какой бы глубокой древности мы ни встрѣтили индо-германцевъ, мы всегда встрѣчаемся съ племеннымъ единствомъ и именемъ. Прочныхъ хронологическихъ данныхъ, какъ извѣстно, очень не много: данныя, которыя извлекаются изъ Веды, астрономическаго или историческаго характера ¹⁾ вовсе не отличаются несомнѣнностью, а археологическія выкладки, сколько требовалось времени на то или другое переселеніе, конечно, очень субъективны. Въ виду того, что египетскіе памятники упоминаютъ въ серединѣ XIII вѣка до Р. Х. о появленіи въ восточной части Египта среди другихъ племенъ и *Aquaiwaša*, отождествляемое съ гомеровскими ахеями (*Ἄχαιοί*), Пенка предполагаетъ ²⁾, что начало еллинскаго движенія (*Wanderungen*) должно быть отнесено къ XIII вѣку ³⁾. Подобнымъ образомъ Гернесъ думаетъ, что греки познакомились съ желѣзомъ черезъ скивовъ еще въ то время, когда вмѣстѣ съ илирійцами жили на сѣверѣ Балканскаго полуострова, обладая неразвитою бронзовою культурою; это время онъ относитъ къ XII вѣку до Р. Х. ⁴⁾. Кречмеръ, ученый вообще очень осторожный, признаетъ троянскую культуру фригійскою и на

¹⁾ Напримѣръ, завоеваніе Вавилона мидійцами въ 2458 году до Р. Х. *Brunnhöfer*, *Urgeschichte der Arier in Vorder-und Centralasien*. Leipzig. 1893. I, 217.

²⁾ *Penka*, loc. cit., 51.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ (стр. 36) Пенка выражается еще рѣшительнѣе: „von den Hellenen, die, wie später gezeigt werden wird, im XIII Jahrh. v. Chr. aus dem östlichen Deutschland nach Griechenland gekommen sind.“

⁴⁾ *Ausland*, 1891, стр. 285.

основаніи археологическихъ выкладокъ Дёрпфельда приходитъ къ выводу, что Троя была основана за 3 тысячелѣтіи до Р. Х., и что къ тому же времени надо отнести переселеніе европейскихъ племенъ въ малую Азію ¹⁾).

Таковы хронологическія опредѣленія, которыми переполнены сочиненія по археологii. Можетъ быть, взятыя всѣ вмѣстѣ, сопоставленныя и провѣренныя по какому нибудь *новому* методу, они могли бы дать что нибудь положительное, но пока эта сизиеова работа не сдѣлана, мнѣ представляется безопаснѣе обращаться къ фактамъ болѣе надежнаго характера. Въ этой области мы находимъ прежде всего чрезвычайно цѣнное хронологическое указаніе на приблизительную древность Ригъ-Веды въ египетской исторii. Въ 17 столѣтіи до Р. Х. египетскій флотъ привезъ на родину обезьяну, іероглифическое названіе которой *kafu* не только совпадаетъ съ именемъ обезьяны *kof*, встрѣчающимся въ Библии, но вмѣстѣ съ греч. *κῆπος* прямо сводится къ санскритскому *kari*. Земля, откуда Соломонъ доставалъ обезьянъ, называется *Ophir*. Это—страна *Abhira* на устьѣ Инда. Отсюда Веберъ заключалъ, что аріицы уже въ это время должны были жить на Индѣ, а Брунгоферъ ²⁾ развилъ его выводъ въ томъ смыслѣ, что къ этой порѣ сложеніе всѣхъ гимновъ Ригъ-Веды должно было завершиться: ни одинъ изъ 1.028 ея гимновъ не указываетъ даже приблизительно на знакомство съ устьями Инда. Этому же ученому удалось доказать присутствіе сильнаго иранскаго элемента въ Ригъ-Ведѣ и даже знакомство съ племенными названіями *персовъ* и *парянъ* (*Pṛthuraçavanah*) ³⁾. Такимъ образомъ древность образованія Ригъ-Веды и вмѣстѣ съ тѣмъ аріиской культуры отодвигается очень далеко, но ужъ и въ это время мы видимъ національныя единицы, а не беспорядочныя выселенія. Къ тому же выводу насъ приводятъ и нѣкоторыя другія хронологическія указанія: къ XI вѣку до Р. Х. отно-

¹⁾ *Kretschmer*, Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen. 1896. S. 181. „Indem Dörpfeld die mykenische Periode in die zweite Hälfte des II Jahrtausends v. Chr. verlegt und für die 3—5 Schicht einen Zeitraum von mindestens fünf Jahrhunderten in Anspruch nimmt, gewinnt er als ungefähres Datum für den Untergang der 2 Stadt 2.000 v. Chr., für die Gründung der Stadt also das III Jahrtausend“. Почему? Развѣ извѣстно, сколько времени прошло отъ основанія города до его разрушенія; всѣ эти вычисленія „самаго меньшаго“ также носятъ совершенно субъективный характеръ.

²⁾ *Brunnhöfer*, loc. cit., 3, X. Дальнѣйшія хронологическія вычисленія его опять-таки совершенно гадательны.

³⁾ *Brunnhöfer*, loc. cit., I, 37.

сятся выселенія сикуловъ въ Сицилію ¹⁾, къ 1147 г. дорійское нашествіе; наконецъ не позже VII вѣка армяне появляются около озера Ванъ, какъ объ этомъ можно судить по армянскимъ именамъ на персидскихъ клинообразныхъ надписяхъ ²⁾, въ томъ же вѣкѣ Кіаксаръ (634—594 или 625—585) подчиняетъ армянъ мидійскому царству ³⁾; къ болѣе раннему времени слѣдуетъ отнести поселенія армянъ на рѣкѣ Галисѣ, которая носитъ даже армянское названіе (алі—солоний).

Откуда же вышли народы, говорившіе въ историческое время на родственныхъ индогерманскихъ языкахъ? Географическое положеніе еракійцевъ и иллирійцевъ указываетъ на то, что первые появились на югѣ уже послѣ грековъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы двинуться на югъ Балканскаго полуострова, они двинулись на востокъ и хлынули цѣлымъ рядомъ племенъ за море, на малоазійскій берегъ (фригіицы, мизы и т. д.) ⁴⁾. Что касается иллирійцевъ, то они занимаютъ западный берегъ Балканскаго полуострова, а на сѣверо-западѣ его иллирійскіе венеты соприкасаются съ кельтскимъ населеніемъ, жившимъ здѣсь издревле подъ властью этрусковъ, занимавшихъ города ⁵⁾. Это можно объяснить тѣмъ, что въ своемъ стремленіи на западъ иллирійцы были задержаны уже смѣвшимися въ долинахъ По и Эча кельтами. Продолжая далѣе въ томъ же направленіи, мы находимъ, что кельтскія племена тянутся длиною цѣпью къ югу отъ Альпъ: къ сѣверу отъ иллирійцевъ ардизейвъ (въ нынѣшней Герцеговинѣ) были расположены яподы, народъ „одновременно кельтскій и иллирійскій“; къ сѣверу отъ нихъ, на верхней Савѣ, Latavici (Птолом. II, 15, 2), съ именемъ которыхъ можно сравнить гальскій эпитетъ Марса (litavis) ⁶⁾; къ западу отъ этого племени, въ теперешней Крайнѣ, жили Carni, а къ сѣверу на верхней Дравѣ и на Мурѣ (въ Каринтіи), а также на Энсѣ и Зальцбахѣ до Дуная—Norici и Taurisci. Это—цѣлая вереница племенъ, стремящихся на югъ, но онъ былъ уже занятъ италійцами, которые еще очень скоро добрались до юга Апеннинскаго полуострова, занятаго греками и иллирійскими высельниками съ

¹⁾ Penka, loc. cit., 30.

²⁾ Tomaschek, Die alten Thraker, I, Wien, 1893.

³⁾ H. Hübschmann, Armenische Grammatik, I Theil, Leipzig, 1895, S. 9.

⁴⁾ Kretschmer, loc. cit., 181.

⁵⁾ Bertrand et S. Reinach, Les celtes dans les vallées du Pô et du Danube, Paris, 1894, p. 46.

⁶⁾ Stokes u. Bessenberger, Wortschatz der Keltischen Spracheinheit, Göttingen, 1894, S. 249.

Балканскаго полуострова. Что касается германцевъ, то, вообще говоря, они жили сѣвернѣе и западнѣе кельтовъ, отъ которыхъ они получили названіе Рейна еще въ то время когда кельтское *ei* не переходило въ *e*, и съ которыми они уже въ очень древнюю пору находились въ культурныхъ сношеніяхъ¹⁾. Въ недавнее время указано на то, что древнѣйшее названіе Дуная, Истръ, тождественно съ постояннымъ кельтскимъ названіемъ рѣкъ: *Isara* и *Iser*. Одну изъ такихъ рѣкъ, *Iser*, притокъ Эльбы, мы находимъ и въ предѣлахъ нынѣшней Чехіи²⁾, а городъ Брюннъ еще во времена Птоломія носилъ кельтское названіе *Eburodunum*. Здѣсь то, по моему мнѣнію, и слѣдуетъ искать древнѣйшія мѣстожителства кельтовъ. Заключение Жюбенвила, что „древнѣйшее мѣстожителство кельтскаго племени находилось къ западу отъ средняго Рейна, въ бассейнѣ р. Майна и на берегахъ верхняго Дуная, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, королевствахъ Виртембергскомъ и Баварскомъ“³⁾, нужно расширить въ томъ смыслѣ, что сюда же входили Чехія и Моравія. Однимъ словомъ, мы подвигаемся къ Карпатамъ, какъ къ центру, около котораго были расположены оракійцы и славяне въ историческую пору. По отношенію къ грекамъ, германцамъ, италійцамъ и кельтамъ, мнѣ кажется, указалъ на настоящее положеніе вещей уже Гиртъ⁴⁾. „Если языкознание“, говоритъ онъ: „утверждаетъ относительно болѣе тѣсной связи четырехъ этихъ народовъ, то это явленіе вполне опирается на историко-географическіе факты. Древнѣйшія обиталища ихъ простираются отъ Остзее⁵⁾ черезъ Чехію на югъ, ихъ центръ лежитъ несомнѣнно на западномъ склонѣ Карпатъ; чисто механически можно принять за центръ Вѣну. Къ сѣверу отъ нея живутъ германцы, къ западу кельты, къ юго-востоку и юго-западу греки и италійцы“. Откуда же должна была выйдти эта народная масса? По моему мнѣнію, отвѣтъ одинъ: оттуда, откуда впоследствии, какъ это замѣчаетъ и самъ Гиртъ (стр. 658), распространилось подобное же народное движеніе, то-есть, съ Карпатъ. Къ востоку отъ Карпатъ Гиртъ находитъ прародину иллирійцевъ, позже врѣзавшихся клиномъ между греками, италійцами и кельтами, оракійцевъ, литовцевъ и славянъ. Итакъ, гдѣ же центръ выселенія индогерманскихъ племенъ?

¹⁾ *D'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe*, т. 2, изд. 2.

²⁾ *Rich. Much, Indogermanische Forschungen*, 1898, т. VIII.

³⁾ *Jubainville, loc. cit.*, 278.

⁴⁾ *Hettner's Geographische Zeitschrift*, I (1895), S. 657.

⁵⁾ Относительно этого Остзее позволю себѣ усомниться.

Западно-индогерманскіе народы расположены на западномъ склонѣ Карпатъ, восточные на ихъ восточномъ склонѣ. Всего естественнѣе предположить, что Карпаты и служатъ такимъ центромъ. Какъ известно, въ горахъ легче всего сохраняется и складывается индивидуальность племени. Однако, увлеченіе теоріями Пенки заставляетъ Гирта искать эту прародину гораздо сѣвернѣе Карпатъ¹⁾, потому что индогерманцы, по его мнѣнію, не знали бука. Но, во-первыхъ, даже становясь на точку зрѣнія Пенки относительно условій образованія такъ называемаго германскаго типа, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ типъ могъ бы развиваться и въ Карпатахъ. Если для этого нужны глетчеры²⁾, то самъ же Пенка допускаетъ, что въ дилувіальную эпоху глетчеры были и на Карпатахъ. Во-вторыхъ, слово *букъ* вѣроятно, родственно русскому *бузина* (рядомъ *базъ*, серб. *баз*). Не особенно вѣроятны и другія этимологіи, которымъ Гиртъ придаетъ большое значеніе, какъ постоянно въ области лингвистической археологіи субъективизмъ рѣшаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ, что надо считать позднѣйшимъ заимствованіемъ, и что слѣдуетъ отнести къ словарю первобытнаго обитательства. Изучая корень *mer*, *mr* (со значеніемъ *море*), Гиртъ приходитъ къ выводу, что индогерманцы должны были знать море. Между тѣмъ и въ финскомъ языкѣ мы находимъ названіе моря (*meri*). Конечно, его признаютъ заимствованіемъ позднѣйшимъ³⁾: и дѣйствительно финны сравнительно поздно (около VIII в. по Р. Х.) добрались до Балтійскаго моря. Но вѣдь они же знали *соль* (сл. общед.), которую называли такъ же, какъ индогерманцы. Нѣтъ ничего невозможнаго, что и финны, и индогерманцы познакомились и съ моремъ, и съ солью путемъ торговыхъ сношеній, которыя можно считать доказанными уже для неолитической эпохи. Чтобы иллюстрировать господствующій въ лингвистикѣ произволъ, приведу еще одинъ примѣръ: датск. *fil* (слонъ), несомнѣнно, родственно санскр. *pilu*⁴⁾; оно счтается заимствованіемъ изъ Индіи черезъ Россію (перс. *pil*, алб. *pilji*). Отчего же въ такомъ случаѣ изъ сходства др.-в.-нѣм. *mardar*, др.-сѣв. *mōrdr* съ лат. *martes* тотъ же Шрадеръ⁵⁾ (стр. 56) заключаетъ, что куница является „об-

¹⁾ Уже въ статьѣ, помѣщенной въ *Indogermanische Forschungen*, т. I.

²⁾ *Penka*, *Analand*, 181, стр. 174 (гдѣ не могли возникнуть аріацы).

³⁾ *Schrader*, *Lingu.-Histor.*, 58.

⁴⁾ *Schrader*, *loc. cit.*, 27—28.

⁵⁾ Впослѣдствіи онъ присоединилъ сюда еще лит. *martis* (перѣства). *Нельн*, *Kulturpflanzen und Hausathiere*, 6 изд., Berlin, 1894, S. 588.

шеевропейскимъ пушнымъ звѣремъ". Вѣдь самъ же Шрадеръ утверждаетъ, что „только путемъ торговли и постепенно дорогіе мѣха сѣверныхъ странъ стали извѣстны на югѣ". Подобнымъ образомъ гот. *aihsans* (быкъ) сопоставляется съ др.-инд. *ukśānas* и ново-кипр. *uchen* ¹⁾, лат. *ensis* (мечъ) съ др.-инд. *asis* и т. д. Интересно, какое упорное сопротивление среди ученыхъ встрѣтило предположеніе Паули о знакомствѣ индо-германцевъ со львомъ. Казалось, что при такомъ предположеніи придется опять возвращаться къ теоріи азиатской родины, хотя самъ Паули и замѣчалъ, что левъ водился въ древнѣйшія времена и въ Европѣ. Обходя важное замѣчаніе Паули, что названіе льва восходитъ къ корневому періоду индо-германскихъ языковъ ²⁾, критика обратила свое вниманіе на обиліе основъ въ этомъ словѣ, на что именно и указывалъ Паули. Въ цѣломъ рядѣ несомнѣнно индо-германскихъ словъ мы находимъ по нѣскольку основъ (напримѣръ, солнце: *sol*, *sāvelio: лит. *saule*, гр. ἡλίος; другіе корни: *si*, *sav*, *sū-r, *sv-ar) ³⁾. Такъ и въ словѣ *левъ* мы находимъ рядъ корней, которые нельзя свести одни къ другому, но нельзя также объяснить заимствованіемъ изъ семитскаго языка ⁴⁾. Однимъ словомъ, индо-германцы могли знать льва; это предположеніе подкрѣпляется равнозначительною этимологіей: арм. *in* (леопардъ) сопоставляется съ др. инд. *sihas* (левъ) ⁵⁾; какъ уже было сказано, армяне—ѣтоихо фригійцевъ, выходцы изъ Оракіи, а во Оракіи-то и водились львы еще въ историческую эпоху. Допуская, что родиной индо-германцевъ были Карпаты, мы поймемъ, почему они знали льва.

Какъ же объяснить появленіе нашихъ предковъ въ Карпатахъ. Я думаю, что за разрѣшеніемъ этого вопроса надо обратиться къ антропологіи. Какъ извѣстно, Вирховъ относится очень скептически, какъ къ измѣренію череповъ, такъ и къ возстановленію германскаго свѣтло-волосаго и голубогазаго долихоцефальнаго типа ⁶⁾. Однако, мнѣ кажется, изслѣдованія такъ называемой антропосоціологической школы, указавшей на то, что городское населеніе долихоцефальнѣе сельскаго, и что эмигрируютъ по преимуществу долихоцефалы ⁷⁾, говорятъ

¹⁾ *Brugmann*, Grundriss d. vergleich. Gram., I т., 2 изд., § 420, 2.

²⁾ *C. Pauli*, Die Benennung des Löwen. München, 1878, S. 20.

³⁾ *O. Schrader*, Sprachforschung und Urgeschichte, 2 изд., 1890, стр. 599.

⁴⁾ *O. Schrader*, *ibid.*, 362—363.

⁵⁾ *Brugmann*, *loc. cit.*, I, 581.

⁶⁾ *Bastian-Festgruss*, S. 16.

⁷⁾ *O. Ammon*, *Revue internationale de Sociologie*. Mars. 1898, p. 170—171.

противъ скепсиса Вирхова въ вопросѣ о значеніи длины черепа. Что же касается чистоты типа индо-германцевъ, то за это говорятъ слѣдующіе факты: 1) существованіе вполне чистыхъ расъ (долихоцефальныхъ—на рѣкѣ Пелѣ, въ губерніи Подольской, Минской, Полтавской и т. д. ¹⁾), 2) колебанія въ пользу брахицефалии въ долихоцефальномъ населеніи въ пользу женскихъ череповъ, что объясняется экзогаміей ²⁾, 3) переходъ долихоцефальнаго населенія въ брахицефальное по мѣрѣ приближенія на югъ къ Балканскимъ и Альпійскимъ горамъ ³⁾, и обратно: переходъ брахицефальнаго населенія въ долихоцефальное германскаго типа по мѣрѣ приближенія на востокъ къ Карпатамъ, различіе, которое бросалось въ глаза уже грекамъ, дѣлившимъ кельтское племя на кельтовъ около Массалии на Альпахъ и къ сѣверу отъ Пиренеевъ, и на *галатовъ* у сѣвернаго океана, въ Герцинскомъ лѣсѣ и до скинскихъ земель (Посидоній у Діодора, V, 32). Наконецъ, по изображеніямъ и описаніямъ древнихъ историковъ можно судить о замѣчательномъ, невѣдомомъ теперь однообразіи типовъ германскаго, славянскаго, скинскаго и т. д. Важное возраженіе Вирхова противъ единства индо-германскаго типа, заключающееся въ томъ, что индійцы приняты въ семью индо-европейскихъ народовъ не за свои физическія свойства, но только благодаря своему языку, устраняется, если оно только справедливо, замѣчаніемъ извѣстнаго краниолога Кольмана, что въ типѣ индійца изъ Пенджаба и примыкающихъ къ нему съ сѣверо-запада странъ замѣчается полное сходство съ типомъ южныхъ европейцевъ ⁴⁾: другими словами, одинаковыя условія, географическія и антропологическія, въ которыхъ очутились племена индо-германцевъ на западѣ Европы и въ Азіи, дали одинаковые результаты. Въ то время, какъ, подвигаясь въ неолитическую эпоху на западъ и на сѣверъ, мы находимъ рядомъ съ долихоцефалами смѣшанные или брахицефальные типы (за исключеніемъ Чехіи, Венгріи и Польши) ⁵⁾, идя на востокъ, антропологъ кон-

¹⁾ *A. Bogdanoff*, Congrès international. XI section à Moscou. 1892, t. I, прим., p. 20.

²⁾ *A. Bogdanoff*, loc. cit., 15.

³⁾ *Нидерле*, loc. cit., 183.

⁴⁾ C'est le type dolichocéphale leptorhinien, orthognathe; la taille est haute, la figure étroite et allongée. *Kolman*. Congrès... à Moscou, p. 257—258. Также два типа въ средней Азіи нашелъ и Ujfalvy. *S. Reinach*, L'origine des Aryens, Paris, 1892, p. 83.

⁵⁾ *Нидерле*, *ibid.*, 183.

стативируетъ поразительную чистоту типа. Это явленіе можно объяснить, какъ мнѣ кажется, только тѣмъ, что финны принадлежали антропологически къ тому же типу, что и индо-германцы. Интересно, что геродотовскіе будины, которые, какъ Томашекъ доказалъ по личному географическому названію будинскаго *καρίσκος*, принадлежали къ сѣверной группѣ финскаго племени¹⁾, были именно *ἔθνος γλαυχόν τε τῶν ἰσχυρότερον καὶ πορρόν*. При всемъ разнообразіи объясненій, которое давалось словамъ *γλαυχόν* и *πορρόν*, я предпочитаю толкованіе *сетломлазныи* и *рыжеволосый*, такъ какъ эти признаки встрѣчаются чаще всего вѣстѣ, а зыряне и вотяки, какъ указываетъ Тамашекъ, обладаютъ ими и теперь. Замѣчаніе Э. Мищенко, что совершенно такими же, какими описываетъ будиновъ Геродотъ, китайскіе источники изображаютъ первобытныхъ киргизовъ²⁾, не можетъ опровергнуть такое предположеніе, потому что раса и національность, какъ извѣстно, не совпадаютъ. Что касается возраженій антропологовъ, то Пѣше утверждаетъ, что финны и туркмены, среди которыхъ много блондиновъ, смѣшанные народы (*Mischvölker*)³⁾. Однако онъ самъ противорѣчитъ себѣ, утверждая въ другомъ мѣстѣ (стр. 63), что „современная физиологія доказала, что каждый видъ навсегда (*für immer*) сохраняетъ слѣды условій, при которыхъ онъ возникъ“⁴⁾. Пенка склоняется къ тому же выводу, что и Пѣше, доказывая на основаніи языка⁵⁾ долговременное сожитіе арийцевъ и финновъ въ одной странѣ⁵⁾. Однако другая часть ученыхъ безъ колебанія признаетъ расовое единство финновъ и индо-германцевъ: это—прежде всего Богдановъ.

Если принять указанное единство расъ, то нужно думать, что

¹⁾ *Καρίσκος*—верм. *Kar* (городъ), *Karys*, *Karyujók* (городокъ). *W. Tomaschek. Sitzungsber. d. Wien. Acad. d. Wissenschaften. Histor.-philol. Klasse. B. 17 (1889).*

²⁾ Э. Мищенко, „Извѣстія Геродота о вѣстекскихъ земляхъ Россіи“. Читано въ засѣданіи X археологическаго съѣзда въ Ригѣ, 5-го авг. 1896, стр. 114. См. также статью Н. А. Аристова, въ *Живою Старинѣ*, за 1896 г., стр. 322—323.

³⁾ *Th. Poesche, Die Arier, Jena, 1878, S. 41.* Такъ же думаетъ *Гейтца*, *loc. cit.*, 120.

⁴⁾ Между прочимъ, такихъ сопоставленій, какъ морд. *шандал* (подсвѣчникъ) — лат. *candela*.

⁵⁾ *K. Penka, Origines Ariacae, Wien, 1888, S. 68.* По теоріи Катрфажа „*Les têtes allongées dominant, depuis le IV siècle environ avant Jésus-Christ, sur le Danube, dans l'Allemagne du nord et la Scandinavie; à ce type appartiennent les Hellènes, les Persans et les Hindous des castes supérieures.*“ *S. Vei-nach, loc. cit.*, 100.

или языки ихъ произошли отъ одного предка, или явились позднѣйшими культурными изобрѣтеніями, или финны, герм. индогерманцы перемѣнили впоследствии свой языкъ. Наиболее вѣроятнымъ изъ этихъ трехъ предположеній является, по моему мнѣнію, первое, опирающееся на грамматическую и лингвистическую близость индогерманскихъ и финскихъ языковъ. Въ виду этого я склоненъ думать, что индогерманское племя образовалось изъ какого нибудь арійскаго племени, подразумѣвая подъ этимъ длинноголовый и свѣтловолосый типъ, племени, которое въ своемъ распространеніи на западъ остановилось въ Карпатахъ, а потомъ расселилось въ разныя стороны, какъ уже указано выше. Что же надо подразумѣвать подъ культурой индогерманцевъ, на возстановленіе которой было потрачено столько трудовъ лингвистами, юристами (напримѣръ, Лейстомъ и Герингомъ) и миеологами (Шварцемъ, Куномъ, Реньо и т. п.)? Методъ, при помощи котораго лингвисты возстановляютъ культуру еще не расселеннаго индогерманскаго племени, а въ данномъ случаѣ на сторонѣ лингвистовъ перевѣсъ, потому что самое представленіе о культурѣ индогерманцевъ возникло въ области языковѣданія, — методъ этотъ имѣетъ очень значительные недостатки: во-первыхъ, иногда одно и то же слово можетъ объясняться на разные лады, во-вторыхъ, существованіе слова въ нѣсколькихъ отдаленныхъ или даже во всѣхъ нарѣчіяхъ еще не говоритъ за исконность его въ пра-языкѣ. Въ примѣръ перваго я приведу кельтское названіе Ирландіи, *Erin*, которое Кречмеръ ¹⁾ сопоставляетъ съ авест. *aīruana* 'Ариāvн', а Рейнакъ съ гр. областью Пиріей ²⁾. Что касается втораго, то, не говоря уже о словѣ *кошка*, распространеннѣмъ у всѣхъ европейскихъ народовъ сравнительно поздно, такъ какъ первое надежное упоминаніе о домашней кошкѣ относится къ 6 в. по Р. Х. ³⁾, хотя уже у римлянъ была полудикая кошка ⁴⁾, достаточно привести въ видѣ аналогіи названіе *картофеля*, извѣстное у очень многихъ народовъ. Еслибы слѣды ознакомленія Европы съ этимъ растеніемъ затерялись, то черезъ большой промежутокъ времени его можно было путемъ лингвистики возводить къ „индогерманской“ эпохѣ. Въ области древнѣйшей исторіи мы постоянно встрѣчаемся именно съ этимъ явленіемъ. Другой фактъ, на который не

¹⁾ *Kretschmer*, loc. cit., 181.

²⁾ *Erin* изъ *Piverion. *S. Reinach*, loc. cit., 5.

³⁾ *O. Schrader* у *Hehn*, 6 изд., стр. 457.

⁴⁾ *Ed. Hahn*, *Die Hausthiere*. Leipzig, 1896, стр. 244.

лишне указать, заключается въ томъ, что изъ цѣлаго ряда синонимовъ переживаетъ въ разныхъ языкахъ тотъ или другой, влѣдствіе чего получается такой видъ, какъ будто предметъ, обозначаемый различными именами, былъ неизвѣстенъ въ глубокой древности; а между тѣмъ синонимы мы находимъ, кажется, во всякаго рода понятіяхъ, даже въ названіяхъ солнца и луны¹⁾). Такимъ образомъ, словарь восстанавливаемого пра-языка оказывается исполненнымъ противорѣчія: съ одной стороны, сличая названія родства, приходится согласиться съ Б. Дельбрюкомъ, что индогерманцы знали экзогамическій бракъ, такъ какъ общими являются только названія родства по мужу (свекръ, свѣха, свекры, дѣверь, злѣва, татры²⁾). Съ другой стороны сопоставленіе славянскаго *шуринъ* съ древне-инд. *suāla*. сдѣланное недавно и принятое Вругманомъ въ свой Grundriss, указываетъ на совершенно противоположный фактъ. Другой примѣръ мы находимъ въ названіи дома: рядомъ со словами, указывающими на довольно сложное строеніе (порогъ, дверь) такіа сопоставленія, какъ греческое γόκα (ἡ κατὰ γῆν οἴκησις) = древне-восточное *kofī* (хижина³⁾) и т. д. или греческое *καλία* (хижина)—древне-инд. *kulajam*, германское *hulundi* (пещера), говорить за то, что въ эпоху расселенія индогерманскихъ народовъ жилищами служили еще пещеры.

Для того, чтобы убѣдиться въ значеніи лингвистическихъ данныхъ, нужно было бы провѣрить ихъ при помощи чего либо болѣе достовѣрнаго. Но гдѣ найти его? Провѣрка лингвистики на самой же лингвистикѣ, которую предлагаетъ Кречмеръ, носить очень сомнительный характеръ. Властящее на видъ сопоставленіе его⁴⁾ существующаго древне-инд. *gāj* (латинское *gōx*, кельтск. *gix* и т. д.) съ глагольнымъ корнемъ *geg, который имѣетъ значеніе: *править* лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть слово *gēk-s (*правитель*), теряетъ свою доказательность, если мы обратимся къ другимъ примѣрамъ. Возьмемъ хотя бы слово *ager* (поле), которое связано съ глаголомъ *agere* (гнать), а въ санскритскомъ языкѣ и прямо значитъ выгонъ (*ajgā*). Казалось бы по теоріи Кречмера, слово *ager* должно было бы существовать въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть глаголъ *agere*.

¹⁾ *Brugmann*, I, § 456, алб. *hanë*—др. инд. *śandrá* (мѣсяць) и § 478, 5: арм. *arev*—др. инд. *ravis* (солнце) рядомъ съ общеизвѣстными *слѣнце и *лѣсакъ.

²⁾ *B. Delbrück*, Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen, Leipzig. 1889, Ss. 156—157.

³⁾ *Schrader*, Sprachvergl. в *Urgesch.*, 498.

⁴⁾ *Kretschmer*, loc. cit., 126.

На самомъ дѣлѣ это не такъ: ни въ армянскомъ, ни въ кельтскомъ языкахъ его нѣтъ, а глаголь *ag—естъ (арм. асеш, дрпр. agat)¹⁾; съ другой стороны, въ др.-сѣверн. глаголь *ag приобрѣлъ значеніе *лжати* (*ака*), а въ другихъ германскихъ языкахъ его и вовсе нѣтъ. Какъ ни близокъ переходъ значенія отъ *мать* къ *лжати*, Крѣчмеръ, не допускающій перехода значенія отъ *направлять* къ *управлять*, не долженъ бы и соединять непосредственно аскеръ съ ака.

Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, лингвистика должна искать критерія на сторонѣ. Гдѣ же именно? Какъ извѣстно, Ригведа ставитъ необыкновенно высоко цѣну мѣднаго сосуда сравнительно къ каменнымъ издѣліямъ²⁾; между тѣмъ ко времени сочиненія Шатапатха-Брахманы (между 800—1000 г.г. до Р. Х.) индусы уже хорошо знали мѣдь, блестящую, какъ золото³⁾. Не указываетъ ли этотъ фактъ на то, что при отдѣленіи отъ гнѣзда индо-германцевъ арійцы еще не вышли или развѣ еще едва вышли изъ неолитической культуры. Что это не была культура палеолита, явствуетъ изъ предполагаемой Пенкой, Тэйлоромъ и т. д. чистоты „арійскаго“ типа, а также изъ того, что палеолитическое населеніе распространялось, вѣроятно, не племенами, тогда какъ среди индо-германцевъ мы постоянно встрѣчаемся съ племенами. Между тѣмъ въ неолитическую эпоху по всей Европѣ и во всѣхъ частяхъ Азіи, гдѣ могли тогда жить арійцы, были распространены извѣстныя растенія, которыя, стало быть, должны бы были быть знакомы всѣмъ племенамъ, но названія которыхъ различны. Прежде всего, это пшеница, извѣстная въ Европѣ съ неолитической эпохи, и притомъ уже въ сравнительно развитой формѣ, какъ и ячмень, и просо⁴⁾. Названія этихъ злаковъ, какъ извѣстно, очень расходятся въ индо-германскихъ языкахъ: за исключеніемъ $\zeta\acute{a}$ —древне-инд. *уауа* и еще нѣсколькихъ сомнительныхъ или неважныхъ этимологій⁵⁾, мы не находимъ ничего достовѣрно говорящаго въ пользу знакомства индо-германцевъ съ просомъ, ячменемъ и пшеницей. Сказанное объ этихъ растеніяхъ въ полной мѣрѣ примѣнимо къ орѣху: по заключенію Вушана (*ibid.*, 104—105), онъ былъ излюбленнымъ лакомствомъ населенія свайныхъ построекъ. Орѣхъ встрѣчается уже въ культурныхъ находкахъ палеолитической эпохи

¹⁾ *Brugmann*, loc. cit., 175.

²⁾ *Гр. Уваровъ*, Археологія Россіи, I, 92.

³⁾ *Brunnhöfer*, loc. cit., II, 104—105.

⁴⁾ *Buschan*, Vorgeschichtliche Botanik, Breslau, 1895, S. 82.

⁵⁾ *Schrader*, *ibid.*, 411.

около Карпатъ (въ Ганотѣ) и принадлежить къ ископнымъ растеніямъ сѣверной флоры. Однимъ словомъ, наши предки непременно должны были знать орѣхъ. Между тѣмъ общее названіе его встрѣчается лишь у кельтовъ и германцевъ (др. ир. *spú*, др. сѣв. *hnót*), у кельтовъ, германцевъ и италійцевъ (лат. *coquylus*, ир. *coll*, др. в.-нѣм. *hasal*)¹⁾ и, можетъ быть, у грековъ, илирійцевъ и славянъ (греч. *ἄρα*, алб. *agë*, сл. *орѣхъ*)²⁾. Чтобы не нагромождать примѣровъ, достаточно сказать, что то же наблюдается по отношенію къ маку, къ черешнѣ, извѣстной въ Даніи и Чехіи уже въ палеолитическій періодъ³⁾, и цѣлому ряду другихъ растеній, въ родѣ бузины, боярышника, сливы и т. д. Съ другой стороны, передъ нами слѣдующій интересный фактъ: яблоко, какъ доказано Бушаномъ, относится по времени своего распространенія къ древнѣйшимъ ископнымъ растеніямъ всей умѣренной полосы Европы, и это подтверждается,—по крайпей мѣрѣ, подтверждается съ обычной точки зрѣнія — существованіемъ общефинскаго названія яблока. Однако это послѣднее было дикимъ: вотъ почему культурное яблоко вытѣснило по имени старое дикое. Какъ и всегда, мы видимъ, что культурное приобрѣтеніе переходить отъ народа къ народу со своимъ названіемъ: слово *рожь*, означающее растеніе болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ ямень, просо или пшеница, распространено во всей сѣверной группѣ индо-германскихъ языковъ и среди финновъ. То же случилось съ черешней, грушей и т. д. Далѣе, мы видимъ, что горохъ въ неолитическую эпоху былъ, вѣроятно, распространенъ очень мало (*Buschan*, 200): его родину относятъ (*ibid.*, 202) къ нижнедунайскимъ странамъ и полосѣ, которая тянется отъ нихъ до юга Кавказа. Общія названія для гороха (*Hehn*⁴⁾, 215) частичны и опять-таки указываютъ на культурныя сношенія⁴⁾. Разумѣется, находки еще не говорятъ за то, насколько было распространено растеніе: такъ, чечевица, составлявшая главную пищу бѣднаго населенія въ Египтѣ, найдена въ одной только могилѣ. Въ области гипотезъ только взаимной скрѣпкою матеріала можно выстроить домъ, который не разлетится при первомъ дуновеніи вѣтерка. Но вотъ что можетъ служить косвеннымъ указаніемъ на слабость лингвистическихъ данныхъ, на то, какъ въ цѣлой группѣ

¹⁾ *F. Kluge*, *Etym. Wörterb. d. deutsch. Sprache*, 5 изд., стр. 157.

²⁾ *Schrader* у *Hehn*'а. стр. 390.

³⁾ *Buschan*, *loc. cit.*, 181.

⁴⁾ Чечевица и бобъ извѣстны уже въ неолитическую эпоху. *Buschan*, 206—209.

языковъ можетъ быть забыто слово. Греческіе и римскіе писатели¹⁾ употребляютъ для обозначенія иберійскаго льна слово *karbasos*, которое сравниваютъ съ санскритскимъ *kaṅgrasam* (перс. *kirbas* или *koṅfas*). Это иберійское слово могло попасть къ иберійцамъ только путемъ сношеній съ индо-германцами, въ словарѣ которыхъ было, значить, слово, походящее на санскритское.

Все, что до сихъ поръ сказано о растеніяхъ, примѣнно и къ другимъ культурнымъ предметамъ, начиная съ огня, два названія котораго отмѣчены Кречмеромъ, и кончая домашними животными и украшениями. Уже въ древнѣйшую эпоху наши предки знали охоту и украшения, но ни слово *лось*²⁾, ни слово *монисто*³⁾ не извѣстны арійской группѣ индо-германскихъ языковъ. По отсутствію общаго названія нельзя заключить о незнакомствѣ съ предметомъ; изъ присутствія его можно заключить только о культурныхъ сношеніяхъ народовъ. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, надо въ значительной степени отказаться отъ надежды возстановлять культуру *единою* пра-народа. Дѣло въ томъ, что, едва мы соприкоснемся съ фактами, мы встрѣчаемся не съ этимъ гипотетическимъ пранародомъ, а съ народами, уже смѣшанными въ расовомъ отношеніи; другими словами, слившимися съ племенами, у которыхъ была уже культура, былъ уже языкъ съ собственнымъ обозначеніемъ предметовъ и явленій. Значить, эти племена или отдѣльныя лица, входя въ составъ какого нибудь индо-германскаго народа, привносили въ него собственное словарное и культурное добро, мутили первобытную чистоту индо-германскаго словаря. Культура индо-германскихъ народовъ еще долго оставалось почти однородною, но отличить, что въ ней новаго и что исконнаго, я думаю, возможно только въ единичныхъ случаяхъ. Сличая показанія древнихъ писателей, мы находимъ, что быть кельтовъ, еракійцевъ, илирійцевъ и другихъ народовъ средней Европы очень близко: они знаютъ общину, питаются тѣми же растеніями, пьютъ то же пиво. Разумѣется, мѣстами встрѣчаются частности, но общій фонъ тотъ же. А между тѣми численность этихъ народовъ была очень велика. Геродотъ утверждаетъ, что обычай у всѣхъ еракійцевъ совершенно одинаковы, хотя они и распадаются на множество пле-

¹⁾ *Buscham*, loc. cit., 238.

²⁾ гот. *laun*: гр. ἀκολάω, лат. *lucum*, др.-пр. *lōg*, сл. *лось*. *Brugmann* ¹⁾, I, § 490.

³⁾ пр. *minice*: лат. *monile*, др.-в.-пѣм. *mēnis*, сл. *монисто*. *Stocess*, S. 217.

мень (V, 3). По мнѣнію Геродота, еракійцы уступали численностью только индійцамъ, по словамъ Павзанія, только кельтамъ. И дѣйствительно, еракійцевъ было очень много: во вторую половину V вѣка до X. Р. одризскій царь Ситалкъ могъ выставитъ 1,150 тысячное войско, состоявшее въ одной трети изъ кавалеріи; даки при Буривистѣ имѣли 200 тысячъ воиновъ; по словамъ Страбона, еракійцы, жившіе къ югу отъ Дуная и раздѣлявшіеся на 22 племени, могли выставить тоже около 200 тысячъ солдатъ ¹⁾. Въ 310 году у еракійскаго (вѣроятно, гетскаго) князя Ариаферна было 40.000 воиновъ ²⁾. Что касается кельтовъ, то число ихъ также очень велико: въ гальскомъ движеніи на Грецію участвовало, по опредѣленіямъ различныхъ древнихъ историковъ, не менѣе 160 и не болѣе 400 тысячъ человекъ. Часть племени боевъ, уцѣлѣвшая отъ столкновенія съ царемъ Буривистомъ, насчитывала 32.000 человекъ.

Однако въ индогерманскихъ языкахъ есть очень много словъ, родственныхъ по корнямъ, словъ, которыя нельзя свести къ одному. Примѣровъ этого явленія очень много. Приведу нѣсколько словъ: слово жьлѣдъ (или желѣдъ) сравнивается съ лит. *gilė*, арм. *kalin*, гр. βάλανος, лат. *glans*. Къ какому слову можно свести названіе желудка? Разнообразіе именъ наблюдается здѣсь даже въ области славяно-литовской группы. Другими примѣрами могутъ служить слѣдующія слова: 1) *kūp*, *kūon*, *kuen*—собака ³⁾, 2) *uik*, *uoik*—весь, деревня, 3) *dhver-dhvog*—дверь (*Brugmann*, *ibid.*, § 319), 4) *vi-gas-vigas*—мужъ, 5) *kōnis-cinis*—пепель и т. д. Но есть въ индогерманскихъ языкахъ слова, совершенно сходныя: таковы, хотя бы, *mūs* (мышь), *uidheũ ā* (вдова) ⁴⁾, *nizdos* (гнѣздо), *sūr*—по (сожъ), *medhu* (медъ), *sū-s* (свинья), *senos* (старый,) названія родства и чиселъ до 10. Кромѣ того, очень много глаголовъ общихъ отвлеченнаго содержанія, которые трудно считать культурнымъ матеріаломъ, ходящимъ отъ народа къ народу. Далѣе, мы находимъ много сложныхъ абстрактныхъ словъ, родственныхъ въ разныхъ, отдаленныхъ группахъ индогерманскихъ языковъ: это греческій—ἀπόσις—др.-инд. *apacitis* (позмездіе, наказаніе), лат. *asper*—др. инд. *apasphuras* (суровый), латинск. *credo*—древне-инд. *ṣradhā* (кладу сердце, то-есть

¹⁾ *Tomaschek*, *Sitzungsber.* и т. д., т. 128, стр. 114.

²⁾ *Müllenhoff*, *Deut. Alterthumsk.*, III, 140.

³⁾ *Brugmann*, I², § 321.

⁴⁾ *Brugmann*, I², § 79.

вѣрю), арм. *luzavog*—гр. *λευκοφόρος* (свѣтоносный) и т. д. Какъ я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, общендогерманская культура до расхожденія племень должна была стоять уже высоко, какъ объ этомъ можно заключить по развитію общаго языка. Но въ этомъ отношеніи чрезвычайно важенъ отказъ Бругмана возстановлять этотъ послѣдній. Вотъ что говоритъ этотъ ученый (I², стр. 24): „Особенно слѣдуетъ отмѣтить, что построенныя нами прандогерманскія или отдѣльно-языковыя основныя формы, вмѣстѣ взятая, вовсе не даютъ языка, на которомъ въ определенное время говорило отдѣльное замкнутое языковое сообщество (*Sprachgenossenschaft*). Вѣрнѣе, эти формы принадлежали различнымъ временамъ и различнымъ мѣстностямъ“.

Такимъ образомъ, не имѣя возможности возстановлять по даннымъ языка культуру еще единого пранарода, не будучи въ состояніи указать даже на хронологическую послѣдовательность ¹⁾ культурныхъ вліяній въ эпоху близкаго сожителства индогерманскихъ племень, мы можемъ составить длиннѣйшій списокъ общендогерманскихъ корней и изъ разсмотрѣнія ихъ перейти къ заключенію о характерѣ языка и его близости къ общеславянскому языку, что можетъ служить подтвержденіемъ моему предположенію о происхожденіи нашего племени. Сличая индогерманскій словарь разныхъ языковъ, мы находимъ, что громадное большинство словъ образовано при помощи суффиксовъ: *to, go, po, vo, lo, so, bho, ti, pi* и т. д., *top, von, Ino, eg* и т. д. Эти суффиксы извѣстны во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ, но слова, образованныя при помощи ихъ, встрѣчаются то въ одномъ, то въ другомъ изъ нихъ. Возьмемъ нѣсколько корней: напримеръ, корень *ves со значеніемъ одѣваться, извѣстный въ языкахъ греческомъ (*εἶμα*), албанскомъ (*veš*), готскомъ (*gavasjan*) и франкскихъ (древне-персид. *vas*, древне-бактр. *vaich*). Отъ этого корня въ разныхъ языкахъ образованы слѣдующія существительныя ²⁾: 1) *ves+ti-s* (лат., гот., *vasti*, арм. *zgest*), 2) *ves+sh̄* (древне-индійск. *vashta*, греч. *εἶμα*), 3) *ves+apo-sh* или—*apo-s* (греч. *ἄποσ*, древне-инд. *vāsanam*), 4) *ves+dho* (греческ. *ἄσθος*) и т. д. Отъ корня *bhu (быть) извѣстны образованія *bhū-mis, bhutí, bhuri, bhu-n-* (алб. *bu*), *bhu-go* (алб. *bug-человѣкъ*) и много дру-

¹⁾ Такъ, по мнѣнію Hahn'a, коза приручена древнѣе овцы, тогда какъ Брюкнеръ не признаетъ возможнымъ судить по языку о знакомствѣ индогерманцевъ съ козой.

²⁾ Ср. *W. Prellwitz, Etymolog. Wörterbuch d. griech. Sprache, Göttingen, 1892, стр. 95.*

гихъ. Отъ корня *mē (мѣрять) образованы: *mēd* (ари. *mit*—умъ, *μῆδος*), *mēs* и *mēn* и изъ слиянія ихъ *mēns*¹⁾ (мѣсяць), *mēga* (мѣра), *mētis* (*μῆτις*, древне-инд. *mātis*), *mē+lo* (готск. *mēl*-время), *mē-trā* (древне-инд. *mātrā*, мѣра) и др. Отъ корня *kū образованы *kūgo* (древне-инд. *çūgas*-герой), *kūno* (древне-инд. *çūna*, вздутый), *kūto* (сытъ), *kūmōn* (*ἰχθύων*, беременный). Рядомъ съ корнемъ *mē стоитъ корень *mī*, какъ рядомъ съ *dhi* (*filius*) *dhē* (*femina*); корень *pi* или имѣеть самыя разнообразныя формы: *pī, *pīb (*Brugmann*, I², § 553), *po *pi* (пить). Теперь невольно приходитъ въ голову, слѣдуетъ ли возводить всѣ указанныя образованія отъ корней: *ves*, *kū* и т. д. уже къ пра-языку, или напротивъ нужно думать, что какъ корни, такъ и суффиксы были унаслѣдованы отдѣльными языками отъ ихъ общаго предка? Все указываетъ на то, что въ эпоху распаденія индогерманцы говорили уже настоящими словами въ нашемъ смыслѣ этого слова, но такъ какъ для образованія новаго слова при помощи суффикса какая либо часть этого слова должна чувствоваться корнемъ, и такъ какъ этотъ послѣдній совпадаетъ въ разнообразныхъ индогерманскихъ языкахъ (таковы корни *ves*, *bhu* etc.), то, по моему мнѣнью, можно думать, что связь между тѣмъ, что чувствовалось корнемъ, и суффиксомъ была еще менѣе тѣсна, чѣмъ въ нашихъ древнихъ и новыхъ языкахъ, еще болѣе приближалась къ финской. Такъ, пра-языкъ не зналъ еще, между прочимъ, носового инфикса (*Brugmann*, I², § 397,b), который мыслимъ только при тѣсномъ соединеніи различныхъ частей слова. Образованіе отъ одного корня, который еще чувствовался таковымъ, при помощи различныхъ суффиксовъ настолько вошло въ духъ индогерманскихъ языковъ, что въ греческомъ мы находимъ даже такія параллели, какъ *ἄβρος* рядомъ съ *ἄλλος* (икневмонъ)²⁾.

„Ослабленіе согласныхъ“, извѣстное явленіе финскаго языка, приписываемое проф. Сетэлой³⁾ уже финноугорскому языку, находитъ аналогію въ очень большомъ количествѣ примѣровъ смѣны глухихъ звонкими, оставившей свои слѣды въ нашей группѣ языковъ⁴⁾. Это—смѣна *t—d*, *p—b* и *k—g* не сохранилась въ чистотѣ въ нашихъ язы-

¹⁾ Примѣры у *Brugmann*'а, I², § 132.

²⁾ *Brugmann*, I², § 581,3.

³⁾ *E. N. Setälä*, Ueber Quantitätswechsel im Finnisch—Ugrischen. Helsing. 1896.

⁴⁾ Эти примѣры собраны *A. Noreen*, Abriss der urgermanischen Lautlehre, Strassb. 1894, стр. 181—185.

какъ такъ же, какъ и во всѣхъ финноугорскихъ языкахъ, за исключеніемъ западнофинскихъ и лашландскаго. Съ этимъ гармонируетъ и другой фактъ: наше чередованіе гласныхъ (Ablaut), въ которомъ теперь (*Brigitann* I², § 538) видятъ явленіе не морфологико-семасіологическое, а звуковое (lautgeschichtlich), повидимому, имѣетъ много общаго съ финскими рядами чередованій, въ существованіи которыхъ все болѣе убѣждается проф. Э. Сетэла (*ibid.*, 49).

Вотъ эти факты (смысла глухихъ и звонкихъ, чередованіе, отсутствіе тѣсной связи между частями слова) указываютъ, по-моему, болѣе, чѣмъ всякія сопоставленія финскихъ и индог. словъ и корней, сопоставленія, которыя, если даже они вѣрны, говорятъ прежде всего о культурныхъ сношеніяхъ,—указываютъ на то, что индогерманцы—отдѣлившаяся вѣтвь финноугорскаго племени, засѣвшая въ Карпатахъ и тамъ получившая свою индивидуальность. Возстановлять ея культуру въ моментъ распада по даннымъ языка, мнѣ кажется, пока невозможно. Это станетъ болѣе возможнымъ, когда придетъ время, предвѣщаемое проф. Богородицкимъ ¹⁾. „Когда этнографія будетъ располагать рядомъ возможно тщательныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ предметовъ культуры и ихъ видоизмѣненій ²⁾, она будетъ имѣть возможность устанавливать законы въ сферѣ этихъ явленій, и эти законы могутъ ³⁾ пригодиться для рѣшенія археолого-лингвистическихъ вопросовъ“.

А. Шегедшицъ.

В. П. Александренко, профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. Русскія дипломатическія агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. Тома 1-й и 2-й. Варшава. 1897.

Чрезвычайное посольство въ Голландію въ 1697 г. помимо участія въ немъ самого царя, замѣчательно еще и тѣмъ, что оно было послѣднимъ въ этомъ родѣ: въ XVIII ст. чрезвычайныя посольства были замѣнены постоянными резидентами. Къ исторіи развитія русскаго дипломатическаго представительства за границей и относится сочиненіе проф. Александренко, представляющее исторію возникновенія

¹⁾ „Изъ области лингвистической археологіи“. Извѣстія Общ. археол., исторіи и этнограф., т. XI, вып. 2, отд. отд., стр. 4.

²⁾ Прибавлю: а также социальной эволюціи.

³⁾ Вѣрнѣе: должны, потому что они будутъ единственнымъ критеріемъ.

и постепеннаго разширенія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей въ XVIII столѣтіи. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ исключительно сосредоточены матеріалы, заимствованные изъ лондонскихъ и русскихъ архивовъ, преимущественно дипломатическихъ; въ первомъ находится обзоръ самыхъ сношеній.

Первымъ русскимъ посломъ въ Англии былъ А. А. Матвѣевъ, назначенный туда въ концѣ 1706 г. Причина назначенія резидента была слѣдующая: царь рассчитывалъ найти въ Англии матеріальную поддержку во время своей борьбы со Швеціей, но Англія, съ одной стороны занятая войной за испанское наслѣдство, а съ другой вслѣдствіе нежеланія тратить средства за чуждые для себя интересы, не хотѣла вступать ни въ какіе союзы съ Петромъ; мало того, вопреки его желанію, признала въ Польшѣ королею Станислава Лещинскаго, союзника Карла XII. Это обострило отношенія Матвѣева къ английскому правительству, къ чему присоединилось личное оскорбленіе, нанесенное послу, и Матвѣевъ былъ отозванъ изъ Англии, хотя дипломатическія сношенія не прекратились. Они были прекращены только въ концѣ 1720 г. и возобновлены лишь въ царствованіе Анны Ивановны въ началѣ 1732 г. Съ тѣхъ поръ они не прерывались вплоть до царствованія Павла I. Недовольный обращеніемъ англичанъ съ русскими войсками во время совмѣстной борьбы противъ Франціи, а также разсерженный занятіемъ о. Мальты, императоръ Павелъ I прервалъ всякія сношенія съ Англіей, отставилъ отъ службы посла графа С. Воронцова, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ назначивъ священника посольской церкви Я. И. Смирнова—единственный случай, когда завѣдывать посольскими дѣлами было предоставлено духовному лицу. За общимъ очеркомъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей въ XVIII вѣкѣ идетъ разсмотрѣніе общихъ вопросовъ по исторіи дипломатіи вообще и въ частности о назначеніи и службѣ русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Лондонѣ. Вопросы эти разсматриваются съ слѣдующихъ сторонъ: акты, выдаваемые дипломатическимъ агентамъ при отправленіи, аудіенція и первая знакомства, преимущество пословъ, функціи ихъ въ мирное и военное время, дипломатическія сношенія, культурное вліяніе Англии на русскихъ дипломатическихъ агентовъ, лица и учрежденія, подчиненныя дипломатическому агенту, отношенія къ нимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Таково содержаніе означенной книги. Остановимся нѣсколько на нѣкоторыхъ сторонахъ дипломатической службы.

Прежде всего, конечно, возникаетъ вопросъ—удовлетворителенъ ли

былъ составъ русскихъ представителей при с.-джемскомъ дворѣ. На это слѣдуетъ отвѣчать утвердительно за немногими, впрочемъ, исключеніями, когда послами назначались не только не русскіе по происхожденію, но даже и не русскіе подданные, таковы были фонъ-деръ-Литъ, два брата Гросса, виртембергскіе подданные, баронъ Шакъ, датскій камергеръ. Печальнѣе всего, что само русское правительство не вполнѣ довѣряло своимъ иностраннымъ представителямъ; такъ напримѣръ, Петръ I наиболѣе важныя дѣла поручалъ вести въ Англіи помимо Шака князю Куракину, русскому резиденту въ Голландіи; а когда Шакъ оставлялъ постъ посла при с.-джемскомъ дворѣ, то ему велѣно было передать жалованье послѣ окончательной сдачи всѣхъ бумагъ (инструкцій, указовъ и т. п.), присланныхъ ему изъ Россіи, конечно изъ боязни, чтобы онъ не передалъ ихъ въ руки враговъ Россіи. Гроссу тоже не вполнѣ довѣряли. Впрочемъ, назначеніе представителями Россіи за границей иностранцевъ и иновѣрцевъ съ самого начала XVIII вѣка вызывало справедливыя нареканія со стороны наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ дипломатовъ, особенно Куракина и Воронцова, бывшихъ самыми сильными противниками допущенія иноземцевъ на дипломатическую службу; такъ кн. Куракинъ писалъ Головкину по поводу назначенія Шака въ Англію: „по должности своей доношу, что здѣсь лучше быть министру изъ русскихъ и потому, что иностранцы имѣютъ собственные свои интересы“. Еще рѣзче возставалъ противъ напыля иноземцевъ въ иностранную коллегію и на дипломатическую службу Воронцовъ. „Не позволю“ воскликнулъ онъ по одному случаю: „не только не принимать иностранцевъ въ это вѣдомство, но и очистить его отъ теперешняго наброда чухонцевъ и нѣмцевъ“. Въ другомъ мѣстѣ прося сына ходатайствовать о пенсіи одному чиновнику лондонской миссіи, онъ выражается такъ: „онъ имѣетъ несчастіе быть русскимъ, а не нѣмцемъ или чухонцемъ“. И они не ошибались въ своей ненависти, какъ это видно изъ дѣятельности консуловъ въ Англіи, которые, будучи всѣ иностранцами—(англичане и шведы), дѣйствовали вопреки интересовъ Россіи; такъ Бакетеръ, исполнявшій обязанности консула въ Гулѣ въ теченіи 28 лѣтъ „сознавался, что онъ во все время службы уважалъ свои обязанности по отношенію къ королю, а исполненіе законовъ „своей страны“ (то-есть Англіи) считалъ первымъ предметомъ своего вниманія; шведъ Линдегрень во время войны Россіи съ Швеціей тайно служилъ интересамъ послѣдней“¹⁾.

¹⁾ Кн. Кантемиръ тоже былъ противъ назначенія консуловъ изъ мѣстныхъ жите-

Проводя параллель съ прежними допетровскими дипломатическими обычаями, авторъ указываетъ, что вмѣсто наказовъ и памятей, которыя писались для одной какой-либо опредѣленной цѣли, дипломатическимъ агентамъ выдавались инструкціи болѣе общаго характера сравнительно съ первыми; въ нихъ иногда излагаются даже начала политической системы государства, которое отправляетъ посла, и — рѣже — которое принимаетъ. Замѣчается разница и въ отношеніяхъ къ представителямъ другихъ державъ: по наказамъ русскимъ посламъ предписывалось всячески избѣгать знакомства съ другими членами дипломатическаго корпуса; инструкціи, наоборотъ, рекомендуютъ дѣйствовать согласно съ другими послами, когда требуютъ того интересы, а съ нѣкоторыми поддерживать дружбу. Статейные списки замѣняются посольскими журналами и реляціями, въ которыхъ сообщаются разныя свѣдѣнія о событіяхъ въ государствѣ, при которомъ посолъ аккредитованъ, извѣстія о политическомъ и экономическомъ положеніи страны; слѣдовательно содержаніе реляцій шире сравнительно съ содержаніемъ статейныхъ списковъ, представлявшихъ изъ себя отчетъ объ исполненіи возложеннаго на посольство порученія.

Функции, возлагавшіяся на пословъ, были чрезвычайно разнообразны: какъ представители своего монарха, они должны были извѣщать о всѣхъ семейныхъ событіяхъ своего государя, заботиться о развитіи торговыхъ сношеній, такъ какъ консульскія обязанности лежали на нихъ же, наблюдать за молодыми людьми, посланными въ Англію для образованія, и вообще за русскими подданными, тамъ находившимися; наконецъ должны были разсѣивать всякими способами — путемъ официальнымъ, печатнымъ — небылицы, распускаемыя про Россію. Еще шире была дѣятельность дипломатовъ во время войны: они должны были вербовать полезныхъ въ военное время людей, выдавать каперскія свидѣтельства и т. п. Вообще же функции пословъ касаются главнымъ образомъ или интересовъ войны или практическихъ, интересы общечеловѣческіе стоятъ на заднемъ планѣ, изъ 8 т. реляцій, посланныхъ изъ Лондона въ Петербургъ въ XVIII вѣкѣ, нѣтъ ни одной, въ которой обстоятельно характеризовался бы судебный строй Англіи, судъ присяжныхъ и т. п. Слабъ былъ и интересъ къ вопросамъ общечеловѣческимъ, къ вопросамъ культуры.

лей; „потребна въ такой чинъ для злѣшняго города персона не изъ природныхъ англичанъ“, писалъ онъ въ 1736 г. Шафирову: „понеже отъ такого никогда приращенія ея императорскаго величества интересамъ ожидать неможно“. Матер. 74 стр

Насколько удовлетворительно выполняли свои функции дипломатическіе агенты, судить трудно, такъ какъ къ сожалѣнію авторъ совершенно не выясняетъ вопроса, что именно каждый изъ дипломатовъ сдѣлалъ полезнаго для своего отечества, находясь на своемъ посту въ Англіи. Нельзя, однако, не указать на нѣкоторыя обстоятельства, которыя препятствовали ихъ дѣятельности. Прежде всего англичане всѣ важнѣйшія негодіаціи старались выполнять въ Петербургѣ чрезъ своего повѣреннаго; только съ 1763 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ и обо всѣхъ дѣлахъ съ Англіей трактовалось чрезъ уполномоченныхъ при с.-джемскомъ дворѣ. Нерѣдко дѣятельность дипломатовъ парализовалась и своимъ ближайшимъ начальствомъ — коллегіей иностранныхъ дѣлъ, въ которой царилъ страшнѣйшій канцеляризмъ.

Всѣ грамоты къ англійскимъ королямъ (кредитивныя, извѣстительныя и т. п.) въ XVIII вѣкѣ писались преимущественно на русскомъ языкѣ, иногда съ приложеніемъ нѣмецкаго и со второй половины столѣтія чаще французскаго перевода. Нельзя не привести по этому поводу мудраго замѣчанія императрицы Елизаветы Петровны по одному случаю: „при такихъ грамотахъ переводы нѣмецкіе напрасно прилагаются, показывая имъ (то-есть иностраннымъ монархамъ) излишнее снисхожденіе, ибо взаимности отъ нихъ такой не бываетъ, чтобы при ихъ грамотахъ сюда, на собственныхъ ихъ языкахъ присылаемыхъ; русскіе переводы приложены были, чего ради надобно и отсюда грамоты просто только на російскомъ языкѣ безъ переводовъ отправлять“. Переводы все-таки были удержаны для кредитивныхъ грамотъ, а реляціи обыкновенно писались по-русски. Рескриптомъ 1787 г. было прямо приказано русскимъ подданнымъ донесенія императрицѣ и письма министрамъ писать по-русски. И только съ начала царствованія Александра I французскій языкъ изъ дѣловой переписки вытѣсняетъ русскій, и министерство иностранныхъ дѣлъ дѣлается въ полномъ смыслѣ иностраннымъ: бумаги пишутся на французскомъ языкѣ, въ числѣ министровъ встрѣчаются иностранцы, (Поццо-ди-Боргони др.), совершенно незнавшіе русскаго языка.

Говоря о дипломатахъ въ Англіи, нельзя не сказать и объ ихъ содержаніи. Слѣдуетъ замѣтить, что опредѣленныхъ штатовъ до 1779 г. не было, и каждый агентъ получалъ содержаніе по личному назначенію государя и крайне ограниченное, если принять во вниманіе дороговизну лондонской жизни. Влѣдствіе этого дипломатическіе агенты были почти постоянно въ долгахъ, изъ за которыхъ они неоднократно

подвергались крайне оскорбительнымъ не для себя только, но и для государства, представителями котораго они состояли, случаямъ; такъ первый русскій посолъ въ Лондонѣ Матвѣевъ изъ за ничтожнаго или, какъ онъ выражается „плюгаваго“ долга (50 ф. ст. = 200 р.) подвергся чрезвычайному оскорбленію. Разъ, когда онъ ѣхалъ вечеромъ, къ нему ворвались въ карету три полицейскихъ пристава, избили его, отняли у него шляпу, трость и шпагу, изорвали платье, а за тѣмъ отвезли въ арестный домъ, откуда, впрочемъ, на другой день его освободили. Этотъ фактъ и въ то время считался необыкновеннымъ и нисколько не согласовался съ принципомъ неприкосновенности пословъ. Прискорбный случай и тоже по поводу долга случился съ другимъ представителемъ Россіи—Литтой, о чемъ онъ такъ доносилъ графу Головкину: „единъ изъ моихъ замодавцевъ о заплатѣ долгу съ великою грубостью мнѣ напоминалъ, и чрезъ сей случай россійскую націю бранными словами поносилъ. Я принужденъ былъ въ томъ ему смолчать, понеже его претензія справедлива, а я оной заплатить не въ состояніи былъ“. Поэтому въ дѣловой перепискѣ неприятно встрѣчать жалобы на недостатокъ денегъ, запрашиваніе пособій—все эти lamentаціи сообщаютъ ей унижительный тонъ; а скудость средствъ дѣйствовала, безъ сомнѣнія, и на дипломатовъ удручающимъ образомъ, припнжала ихъ, а часто тормозила и ихъ дѣятельность. Помимо скудости содержанія матеріальныхъ затрудненія увеличивались отъ курса на русскія деньги, который, особенно во второй половинѣ XVIII вѣка, значительно понизился, отъ расходовъ при переводѣ денегъ, производившемся къ невыгодѣ получателей сначала по полугодно, а съ царствованія Анны Иоановны по третямъ года.

Заключительная XXV глава имѣетъ своимъ эпиграфомъ изреченіе Гладстона: „Факты прошлаго... служатъ урокомъ не только для настоящаго, но и для будущаго“. Надѣмся, что и нашему дипломатическому вѣдомству уроки прошлаго послужили на пользу.

Ив. Тихомировъ.

Испизжныя новости.

Фулле, Альфреда. Исторія философіи. Переводъ *И. Николаева*. 2-е изданіе *Д. П. Ефимова*. Москва. 1898, стр. 499 + XII, цѣна 2 р. 50 коп. Исторія философіи А. Фулле представляетъ собой цѣнный вкладъ въ учебную литературу; большинство учебниковъ по исторіи философіи писаны нѣмцами и благодаря этому въ нихъ изложена нѣмецкая философія съ излишней по-

дробностью, въ ущербъ общей картинѣ исторіи развитія философіи. Недостатокъ этотъ устраненъ въ талантливой книгѣ Фулье. Конечно, не всѣ части неложны у Фулье одинаково удовлетворительно; напримѣръ, неудачнымъ я считаю противуположеніе въ первомъ періодѣ греческой философіи школъ натурфилософскихъ—николамъ идеалистическимъ; не особенно удамевительно неложна система Фихте, при чемъ сравненіе Фихте съ Фурье (стр. 442) не основательно и даже обидно для Фихте, но въ общемъ слѣдуетъ сказать, что книга Фулье представляетъ очень хорошую учебникъ, по которому не только можно научиться исторіи философіи, по которой представляеть пріятное чтеніе (чего, напримѣръ, никакъ нельзя сказать о столь распространенной исторіи философіи Ибервега). Переводъ г. Николаева въ общемъ вполне удовлетворителенъ и, такимъ образомъ, можно было бы только радоваться появленію на русскомъ языкѣ этой книги, если бы не было одного обстоятельства, на которое слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе. Въ первомъ изданіи перевода авторъ названъ Альфонсомъ, хотя онъ всегда былъ только Альфредомъ; во второмъ изданіи переводчикъ восстановилъ права автора на его имя, но этимъ, кажется, ограничились поправки 2-го изданія между тѣмъ оно нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ иностранныя цитаты въ ужасномъ видѣ; нѣтъ почти ни одной греческой цитаты правильно приведенной; иногда даже трудно узнать настоящее греческое слово, напримѣръ когда вмѣсто *φύσις* напечатано *φωσι*, вмѣсто *κῆρ*—*κῆρ* стр. 50, вмѣсто *ἀφάνης*—*αφανис* (51), вмѣсто *αὐτοχρόνως*—*αυτοχρῆτως* и т. д. такихъ ошибокъ огромное количество. Ничѣмъ не лучше и латинскія цитаты: (стр. 236. *De homini* напечатано вмѣсто *De homine*, стр. 309. *Nihil ist in intellectu puod non pius fuerit in sensu*—стр. 309, стр. 92 *fia voluntas*). Итальянскія: (стр. 229. *Causa, principia e ipso* вмѣсто *Della causa principio ed ipso*) и под. Транскрипція именъ до того неправильна, что съ разу недогадаешься о чемъ или о комъ идетъ рѣчь, напримѣръ, о Декартѣ сказано, что онъ родился въ Ла Гай вмѣсто *La Haye*; Бруно вездѣ титуруется Жюрдано вмѣсто Джордано. Вильгельмъ изъ Шампо всюду названъ Вильгельмомъ *Шампо*, такъ, что можно подумать, что это его фамилія, а не городъ, по которому онъ названъ (стр. 245). На стр. 184 упоминается Григорій Назіанзенъ, на стр. 186 Тиціенъ; на стр. 57 говорится о „школѣ Абдеръ“, такъ что можно подумать, что Абдеръ былъ философъ и не было города „Абдеръ“. Филиппъ произведенъ въ короли македонскіе на стр. 125. На стр. 204 онтологическое доказательство бытія Бога названо антологическимъ. Николай Кузанскій постоянно именуется Николай Кусть. *Pierre la Ramée* называется то Раме, то Рамусъ, то Рамюсъ. На стр. 207 Бернаръ названъ Св., въ то время какъ онъ православной церковью признается только учителемъ церкви. Аркезилій названъ на стр. 152 Аркезлеемъ. На стр. 195 вѣсто Атепагоръ написанъ на французскомъ языкѣ „*Apologie*“. „Іоаннъ Скотъ Еригенъ“ неправильно названъ такъ на стр. 198 и др. вмѣсто Эригена. Авторъ исторіи схоластики названъ Горо вмѣсто Орео (стр. 200). Тома Аквинатъ написанъ на французскомъ языкѣ „*Somme*“ (стр. 209). Заглавіе известнаго сочиненія Фихте *Wissenschaftslehre* неправильно переведено „Ученіе о знаніи“ (стр. 441) вмѣсто „Наукословіе“. Не-

чего упоминать о томъ, что ударенія въ греческихъ и французскихъ словахъ разставлены такъ, что могутъ служить доказательствомъ свободы воли автора, или же незнанія имъ грамматики.

Е. Церетели. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Биографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. С.-Пб. 1898. — Личность великой княгини, Елены Иоанновны, дочери собирателя русской земли, Иоанна III, несомнѣнно, принадлежитъ къ интереснымъ и выдающимся, какъ по собственной дѣятельности, такъ и по историческимъ событіямъ того времени, въ которыхъ пришлось ей участвовать. Кромѣ общихъ историковъ, болѣе или менѣе подробно останавливавшихся на биографіи Елены Иоанновны, ей посвятили отдѣльныя статьи гг. Мордовцевъ и Бережковъ. Лучшей изъ нихъ, конечно, должна считаться статья проф. Бережкова, напечатанная къ 1897 г. въ „Трудахъ девятаго археологическаго съѣзда“ (во II т.). Несмотря на нѣкоторую краткость, она отвѣчаетъ почти на всѣ важнѣйшіе вопросы, которые ставились къ рѣшенію при изученіи жизни и дѣятельности Елены Иоанновны, и въ виду того, что вся основана на изученіи первоисточниковъ, даетъ на нихъ и наиболѣе точные отвѣты. Третій авторъ исторіи Елены Иоанновны, г-жа Е. Церетели, работавшая подъ руководствомъ проф. С. Ф. Платонова, рѣшилась дать наиболѣе полный очеркъ жизни и дѣятельности великой княгини, присоединивъ къ нему и исторію того времени по столько, по скольку ей казалось необходимымъ. Лежащая передъ нами ея книга (въ 366 стр. in 16°) состоитъ изъ 18 главъ. Небольшой „замѣтки“, приложений и примѣчаній. На сколько можно судить по содержанію ея и по библиографическимъ указаніямъ, она основана на хорошемъ изученіи почти всѣхъ матеріаловъ русскихъ и польскихъ; изложеніе и языкъ книги почти безукоризненны и поддерживаютъ неослабѣвающій интересъ читателя. Присутствіе научной критики, умѣлое пользованіе источниками и довольно вѣрная осѣщенія фактовъ дѣлаютъ ее не лишеною и научнаго значенія. Но при всемъ этомъ мы не можемъ не указать на извѣстную съ нашей точки зрѣнія, растянутость, многорѣчивость, которая, послужившая причиною того, что изъ всѣхъ 18 главъ непосредственно о самой Еленѣ Иоанновнѣ говорится только въ 10. Несмотря на то, что въ источникахъ нѣтъ почти никакихъ данныхъ о жизни великой княгини до 1493 года, г-жа Е. Церетели, тѣмъ не менѣе, посвящаетъ этому періоду три главы на 66 страницахъ. Въ одной изъ нихъ она даетъ описаніе Москвы XV вѣка, которое не лишено и нѣкоторой поэтичности (врядъ ли пужной), въ другой говорить о положеніи великихъ княгинь XV—XVI вѣковъ, и наконецъ только въ третьей—о дѣтствѣ и юности великой княгини; но этотъ послѣдній разказъ весь основанъ на сопоставленіяхъ и догадкахъ. Здѣсь кстати отмѣтимъ разногласіе въ показаніяхъ времени рожденія Елены Иоанновны у г-жи Е. Церетели и проф. Бережкова, трудомъ котораго, какъ создается сама составительница, ей не пришлось воспользоваться (стр. 314). По мнѣнію прежнихъ историковъ и проф. Бережкова Елена Иоанновна родилась въ маѣ 1476 года; г-жа же Е. Церетели считаетъ днемъ ея рожденія 18-е апрѣля 1474 года. Въ примѣчанія по поводу этого показанія она ссылается на то, что у Иоанна III было двѣ дочери: Елена и Осодосія, родившаяся въ 1475 году; на самомъ же

дѣлѣ Елена, великая княгиня литовская, была третьей дочерью, а первая Елена, родившаяся въ 1474 году, умерла въ годъ рожденія Θεодосіа (ср. ст. проф. Бережкова). Затѣмъ, отправивъ Елену Іоанновну въ Вильну, г-жа Е. Церетели находить нужнымъ распространиться о Литвѣ того времени, о самой Вильнѣ и о семьѣ Ягеллоновъ (все въ особыхъ главахъ). Мало того, что эти отступленія неволью заслоняютъ отъ читателя самый образъ великой княгини, но и врядъ ли являются вполне умѣстными; напр. подробная характеристика всѣхъ Ягеллоновъ, изъ коихъ нѣкоторые не имѣли во все время пребыванія Елены Іоанновны въ Литвѣ почти никакого къ ней отношенія. Любовь къ распространенности побудила автора также съ излишними подробностями говорить о войнѣ Москвы съ Литвой и вообще о политическихъ событіяхъ того времени, участіе въ которыхъ великой княгини было не особенно велико, несмотря на желаніе автора придать ему наибольшее значеніе. Все что лишнее найдется и въ главахъ, непосредственно посвященныхъ жизни Елены Іоанновны, въ ущербъ такимъ свѣдѣніямъ, которыя должны были бы имѣть наибольшее преимущество въ помѣщеніи ихъ, какъ, напр., извѣстные рѣчи посла Мышковскаго, представляющія какъ бы секретное признаніе по дѣлу о совращеніи Елены Іоанновны въ унию, — въ книгѣ нѣтъ даже его имени, — передъ описаніемъ одежды великой княгини, относящимся болѣе къ XVII вѣку, нежели къ концу XV или началу XVI вѣка, по сохранившимся о нихъ даннымъ. Относительно смерти Елены Іоанновны г-жа Е. Церетели вполне готова признать ея отравленіе, но врядъ ли не будетъ справедливымъ считать великую княгиню, согласно Карамзину, Бережкову и др., „жертвой горести, а не ада“: беззащитная вдова и лишенная при жизни многихъ своихъ богатствъ не могла быть опасной ни для кого. Несмотря на всѣ эти замѣчанія, мы должны признать, что книга г-жи Е. Церетели даетъ подробный и довольно правильный очеркъ жизни и дѣятельности Елены Іоанновны и точно опредѣляетъ ея значеніе, какъ тактичной и стойкой хранительницы „греческой вѣры“ въ Литвѣ, стротельницы храмовъ и монастырей, покровительницы русскихъ городовъ и русскихъ людей, и какъ „домовитой хозяйки“ въ московскомъ духѣ XV вѣка. Въ „приложеніи“ помѣщены: переводъ отрывка изъ „Monumenta Poloniae historica“ и извѣстное письмо Елены Іоанновны къ отцу, 1503 года.

Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патриарха Никифора. — 2) Лѣтописецъ Перислава Студальскаго. 3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) профессора И. Даниловича. По рукописи принадлежащей *Н. П. Никифорову*. Съ предисловіемъ *Сергія Блукурова*. М. 1898. — Вышеназванный трудъ, печатавшійся первоначально въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоитъ изъ довольно обширнаго предисловія г. *Блукурова*, представляющаго собою изслѣдованіе объ этихъ лѣтописяхъ по новымъ спискамъ, найденнымъ въ рукописномъ собраніи *Н. П. Никифорова* (въ гор. Горбатовѣ, Нижегород. губ.), и самаго текста „лѣтописцевъ“. — Въ рукописномъ собраніи *Н. П. Никифорова*, говоритъ *С. Блукуровъ*, находится „немало очень хорошихъ и старыхъ списковъ“ памятниковъ древнерусской литературы (до 800 лѣтъ), которые собирались имъ по различнымъ городамъ и весямъ нашего обширнаго отечества въ продолженіе четверти вѣка; среди

нихъ нашлись и названные въ оглавленіи три „лѣтописца“.—*Лѣтописецъ патріарха Никифора* заключаетъ въ себѣ краткія хронологическія извѣстія, начиная отъ обычнаго для лѣтописцевъ показанія: „Адамъ первый человекъ, бывъ лѣтъ 230, роди Сноа“..., и кончая разказомъ объ исцѣленіи Авимелеха Авраамомъ. Этотъ лѣтописецъ, извѣстный въ разныхъ спискахъ, какъ русскихъ, такъ и греческихъ, встрѣчается въ кормчихъ, хронографахъ, лѣтописяхъ и др. По списку XIII вѣка онъ издавъ въ приложеніи къ Лаврентьевской лѣтописи, а по списку XVI вѣка въ I томѣ Никоновской (IX т. Пол. С. Р. Д.). Находящійся же въ рукописномъ сборникѣ Н. П. Никифорова лѣтописецъ патріарха Никифора „отличенъ отъ издавнаго русскаго текста, представляетъ особую редакцію его, извѣстную только въ этой одной рукописи“. Отличіе состоитъ въ довольно значительныхъ вставкахъ изъ Амартола, изъ которыхъ одиѣ помѣщены въ самомъ началѣ общихъ лѣтописныхъ сводовъ (Лаврентьевскаго и Никоновскаго) но не въ лѣтописцѣ патріарха Никифора, а другія находятса исключительно только въ этомъ спискѣ. — Что касается *Лѣтописца Перелесала Судальскаго*, то Никифоровскій списокъ его послѣ списка (изданнаго кн. Оболенскимъ въ IX книгѣ „Временника“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ) является вторымъ изъ извѣстныхъ до-сихъ поръ, и хотя онъ менѣе полонъ (доходитъ только до 6415 г. (907),—тѣмъ не менѣе представляетъ большой интересъ по многимъ вставкамъ разказовъ о цѣлыхъ событіяхъ, фразахъ и выраженіяхъ, отсутствующимъ во всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. Текстъ его занимаетъ 11 страницъ. — Но гораздо большее значеніе имѣетъ третья издаваемая нынѣ рукопись изъ „Никифоровскаго собранія“—это „хроника русская“ или „Лѣтописецъ краткій“, Найдоная проф. И. Даниловичемъ въ 1820 г. „Хроника русская“ была издана на польскомъ языкѣ дважды: въ 1823 г. и 1827 г. по Супральской рукописи первой половины XV вѣка; въ настоящее время рукописи этой не существуетъ и такимъ образомъ Никифоровскій списокъ является *единственнымъ* притомъ писаннымъ на русскомъ языкѣ. Такъ какъ прежнія изданія весьма неудовлетворительны по массѣ ошибочныхъ чтеній, пропусковъ и т. п. и въ тоже время рѣдки, то издаваемая г. Бѣлокуровымъ „впервые русскими буквами“ „Хроника Русская“ составляетъ пріятное въ нашей исторической литературѣ явленіе. Кромѣ того это изданіе и самое полное, такъ какъ въ немъ имѣются всѣ мѣста, пропущенныя въ Супральской рукописи, и въ тоже время возстановлено по послѣдней все отсутствующее въ спискѣ Н. П. Никифорова.—„Хроника Русская“ въ рукописи Н. П. Никифорова очень близка къ списку XVI вѣка, по которому она издана проф. И. Даниловичемъ, мѣстами даже тождественна, но въ общемъ представляетъ болѣе краткую редакцію; г. Бѣлокуровъ тщательно собралъ всѣ отличія въ чтеніи и отиѣтилъ всѣ записи, отсутствующія въ томъ и другомъ спискѣ. Основываясь на томъ, что вставки въ Никифоровскомъ спискѣ особенно много касательно дѣйствій митр. Фотія за 6918—6936 гг. и затѣмъ событій, бывшихъ въ Смоленскѣ, къ которымъ у составителя замѣтно сильное пристрастіе, изслѣдователь полагаеть, что „Лѣтописецъ краткій“ составленъ въ Смоленскѣ, въ 6936—6938, (1428—1430 г.), лицомъ духовнымъ и близкимъ къ митрополиту Фотію, и именно митрополитомъ Герасимомъ въ бытность его въ 1426—1432 г. смолен-

скимъ епископомъ.—Въ изданіи г. Бѣлокурова „Лѣтописецъ краткій“ занимаетъ 60 стр.; конецъ съ 6939 г. до 6954 г. на 5 стр. напечатанъ по изданію проф. Даниловича. — Въ виду вообще „довольно интереснаго состава“ рукописнаго сборника конца XV вѣка, принадлежащаго Н. П. Никифорову, г. Бѣлокуровъ, давая упомянутые Лѣтописцы, знакомить въ то же время и съ остальными статьями, входящими въ этотъ сборникъ. Статьи эти слѣдующія: 1) Палея историческая (на 61 л.), заключающая лишь небольшія измѣненія и вставки сравнительно съ изданіемъ Андреемъ Поповымъ въ I кн. за 1881 г. „Чтеній“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 2) три листа изъ другой Палеи; 3) пять листовъ „Сборника о Возѣ по членамъ“, состоящаго изъ 39 статей, содержаниемъ которымъ служатъ, по преимуществу слова и поученія св. Василія, Козьмы, Евварія, Кирилла Туровскаго, Афанасія и др. 4) Сказанія, выдержки изъ житій, 5 описаній, и т. п. Рукопись писана нѣсколькими почерками XV—XIX вѣка, наибольшая часть ея принадлежитъ къ XV—XVI вѣкамъ.

К. Харламовичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. (Казань. 1898. XIII + 524 + LXII. Цѣна 3 рубля).—Сочиненіе г. Харламовича представляетъ изъ себя очень цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу: вопросъ, изслѣдованіемъ котораго занялся авторъ, конечно, очень важенъ и серьезенъ, а потому то добросовѣстное, научное освѣщеніе, какое онъ получаетъ въ работѣ г. Харламовича, заслуживаетъ большаго вниманія со стороны нашей исторической критики. Главный предметъ книги -- обслѣдованіе внѣшней и внутренней судьбы православныхъ школъ въ Западной Руси (XVI — XVII вѣковъ). Но, такъ какъ въ концѣ XVI столѣтія онѣ оказались подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ и протестантскихъ, — то авторъ привлекаетъ къ своему изслѣдованію исторію также и этихъ инославныхъ школъ. Не обходить молчаніемъ онъ и школъ униатскихъ, — такимъ образомъ все его сочиненіе состоитъ собственно изъ 4-хъ отдѣловъ, при чемъ центральною частью является глава, посвященная исторіи школъ православныхъ. Въ каждомъ отдѣлѣ прослѣжены условія появленія школы известнаго типа на территоріи Западной Россіи, описана ея внѣшняя судьба до той предѣльной эпохи, на которой останавливаетъ свою работу г. Харламовичъ, — затѣмъ, наконецъ, выяснена внутренняя сторона жизни этой школы, ея организація, учебная программа, система воспитанія. Содержаніе наиболѣе важнаго и самостоятельнаго отдѣла — главы о судьбѣ православной школы — заключается въ слѣдующемъ: сначала авторомъ обрисовывается положеніе православнаго просвѣщенія въ Западной Россіи до XVI вѣка и въ первой половинѣ его, выясняются тѣ условія, которыя способствовали оживленію его во второй половинѣ XVI столѣтія, являющаяся исторія острожской школы и, наконецъ, опредѣляется общій характеръ нашихъ братскихъ школъ, выясняется степень ихъ самостоятельности, говорится, наконецъ, о постановкѣ въ нихъ учебныхъ предметовъ и о тѣхъ педагогическихъ идеалахъ, которыя руководили ихъ жизнью. Г. Харламовичу для его труда пришлось познакомиться съ огромною историческою литературой, не только печатною, но и рукописною, — такъ при историческомъ очеркѣ инославныхъ школъ, какъ онъ самъ указываетъ, очеркѣ мѣстами

компилтанвномъ, онъ пользовался трудами иностранныхъ ученыхъ (большою частью, польскихъ); съ рукописными же источниками знакомился онъ въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ, (въ архивѣ Святѣйшаго Синода), въ библіотекахъ: Императорской Публичной, Софійской и Печерской въ Кіевѣ. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ послѣ краткой характеристики своей работы даетъ любопытный списокъ тѣхъ библіографическихъ трудовъ и „описаній рукописей“, которыя иногда замѣняли ему отсутствующіе оригиналы. Къ сочиненію приложенъ указатель личныхъ именъ и указатель географическихъ названій и школъ.

И. Усовъ. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій). Его жизнь и литературная дѣятельность. Съ 4-мя портретами и 5 рисунками. Цѣна 90 коп. 1898. 324 стр.—Любопытная книга г. Усова восполняетъ замѣтный пробѣлъ въ русской біографической литературѣ,—она даетъ намъ живое картинное изложеніе жизни одного изъ очень замѣтныхъ литературныхъ дѣятелей, уже 15 лѣтъ тому назадъ сошедшаго въ могилу. До сихъ поръ сочиненія Печерскаго читаются съ неумирающимъ интересомъ,—между тѣмъ о немъ самомъ знаютъ у насъ слишкомъ мало,—вотъ почему, думается намъ, работа г. Усова найдетъ и внимательныхъ, и благодарныхъ читателей. При составленіи біографическаго очерка авторъ пользовался не только печатными матеріалами, разбросанными по разнымъ журналамъ и сочиненіямъ, но и тѣми „богатыми и разнообразными“ данными, которыя, по словамъ г. Усова, сохранились въ бумагахъ Печерскаго, такъ, напримѣръ, былъ въ рукахъ его и тотъ дневникъ который веденъ былъ покойнымъ писателемъ; подробная библіографія разныхъ статей о Мельниковѣ или о его сочиненіяхъ, приложенная къ очерку, показываетъ, съ какимъ вниманіемъ относился авторъ къ своей задачѣ. Самый очеркъ представляетъ очень интересный, живой разказъ о жизни писателя и, параллельно, о его творчествѣ, а потому работа г. Усова очень полезна для пониманія сочиненій Печерскаго. Къ біографическому очерку приложена небольшая замѣтка А. П. Милюкова „Характеристика творческой дѣятельности П. И. Мельникова“ (извлеченіе изъ статьи А. П. Милюкова, помѣщенной въ „Интъ“ (1888, № 1).

Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи. I. Зависимость „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Квятки „Пріѣзжіи изъ столицы“. С.-Пб. 1899, цѣна 60 коп. 64 стр.—Работа г. Волкова очень цѣнна не только тѣми положительными фактами, которые въ ней собраны, но и тѣми общими, теоретическими соображеніями, которыя положены въ ея основу, прекрасно доказаны и, притомъ, доказаны спокойно, безъ всякихъ увлеченій и крайностей. Побольше такихъ работъ безъ страха передъ великими именами и безъ злорадства при какой-нибудь находкѣ, „компрометирующей“ авторитетъ,—и исторія русской литературы будетъ перестроена на новый ладъ, безъ ущерба для „великихъ людей“, но съ большою полнотою, съ бѣльшимъ пониманіемъ, съ глубокимъ проникновеніемъ въ процессъ художественнаго творчества. „Литературное произведеніе, говоритъ г. Волковъ, представляетъ собою явленіе, создаваемое двумя главными производителями: 1) самостоятельными творческими силами ума и художественной фантазіи, орудующими надъ матеріаломъ, добытомъ посредствомъ наблюденія и изученія, и 2) заимствованіемъ,

въ той или другой мѣрѣ, уже созданныхъ идей и образовъ, какъ и пріемовъ ихъ выраженія". Вполнѣ правильная точка зрѣнія, почему-то до сихъ поръ пугающая нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, которымъ слово „заимствование“ кажется чѣмъ-то ужаснымъ, въ особенности, когда его принимаютъ къ великому писателю! Насколько глубоко эта болѣзнь въѣлась въ нашу плоть и кровь видно хотя-бы изъ того, что самъ г. Волковъ, указавъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ заимствованій Гоголемъ у Квитки, оробѣлъ подъ конецъ до того, что обратился къ „памяти Гоголя“ (?) съ просьбой о прощеніи за обнаруженіе той тайны, которую скрывалъ авторъ „Ревизора“ даже отъ друзей. Начиная г. Волковъ свое маленькое изслѣдованіе съ указанія на то, что литературная сторона комедіи „Ревизоръ“ до сихъ поръ совсѣмъ не обращала на себя вниманія: все вниманіе свое критики и историки литературы обращали исключительно на ея общественное и художественное значеніе. Между тѣмъ, внимательное отношеніе къ литературной исторіи этого произведенія можетъ намъ раскрыть нѣсколько любопытнѣйшихъ фактовъ. Какъ объяснить, напримѣръ, недовольство Гоголя своимъ произведеніемъ?—Намъ кажется, что г. Волковъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что это недовольство произошло оттого, что Гоголь въ старые мѣды попробывалъ влить новое вино: „воспользовался старою, чужою формою и задумалъ вложить въ нее новое содержаніе, упуская изъ виду, что она никогда не въ силахъ передать его во всей полнотѣ и истинѣ“... Такой старой формою для „Ревизора“ было выше названное уже сочиненіе Квитки „Прѣѣзжіи изъ столицъ или суматоха въ уѣздномъ городѣ“. Далѣе идетъ въ работѣ г. Волкова очень старательное сравненіе „Ревизора“ съ комедіей Квитки, убѣждающее насъ, что и въ мелочахъ, и въ общемъ ходѣ дѣйствія сходство поразительно. Послѣ этого сравненія г. Волковъ выясняетъ въ чемъ Гоголь отошелъ отъ своего образца, указываетъ на цѣлый рядъ любопытныхъ фактовъ, доказывающихъ, что сходство между комедіей Гоголя и Квитки замѣчено было еще современниками, и, наконецъ, старается своихъ читателей удержать на той спокойной точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ онъ самъ, дѣлая соблазнительныя сравненія... И, еще разъ повторимъ, г. Волковъ правъ, говоря, что „созданіе Гоголя не умаляется отъ сравненія съ комедіей Квитки а усиливается“.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Д. Н. Толстой, какъ художникъ. Выпускъ первый. С.-Пб. 139 стр. Цѣна 60 к.—Почтенный авторъ настоящей работы уже хорошо навѣстенъ своими прекрасными очерками о Тургеневѣ,—теперь онъ свои пріемы и методы изслѣдованія литературныхъ произведеній приложилъ къ другому великому русскому художнику—Льву Толстому и, конечно, первый выпускъ начатаго труда настолько любопытенъ, что смѣло можно обѣщать русской публикѣ, что и дальнѣйшіе будутъ такъ же интересны. Задачи, поставленныя г. Овсяннико-Куликовскимъ при началѣ работы, заключались въ слѣдующемъ: онъ хотѣлъ разсмотрѣть: 1) ту сторону въ произведеніяхъ Толстого, которая можетъ быть названа художественными „мемуарами“ и „семейною хроникой“, 2) ту, которая, хотя и не подводится подъ первую рубрику, но родится съ нею въ томъ отношеніи, что основана на данныхъ субъективнаго опыта: сюда относятся всѣ тѣ образы, для созданія которыхъ Толстой черпалъ матеріалъ изъ богатой сокровищницы своей собственной

натуры; 3) образы, основанные на наблюдении и представляющие продукт свободного творчества, 4) фигуры историческія. Какъ видно изъ этой программы, вопросъ поставленъ авторомъ очень широко и интересно. Содержаніе же перваго выпуска заключаетъ въ себѣ, кромѣ небольшого введенія („Постановка задачъ“) слѣдующіе психологическіе очерки 1) художественная автобіографія въ произведеніяхъ Толстаго. Ник. Иртенъевъ, Неклюдовъ, Оленинъ, Левинъ (6—32). 2) Художественныя *открытія* Толстаго. Народные типы въ „Казакахъ“ (32—47). 3) Типы національныя—Каратаевъ“ (47—67; 4) Типы національныя. Кутузовъ (67—82). 5) Положительныя великосвѣтскіе типы. Кн. Андрей Болконскій“ (82—114). 6) „Положительныя великосвѣтскіе типы. Пьеръ Безуховъ. (114—139). Во второмъ выпускѣ почтенный авторъ обѣщаетъ дать характеристику „великосвѣтскихъ бытовыхъ типовъ (преимущественно въ „Аннѣ Карениной“), разборъ женскихъ типовъ Толстаго и общее заключеніе о Толстомъ, какъ художникѣ. Третья часть будетъ посвящена изученію тенденціозныхъ художественныхъ произведеній Толстаго. („Смерть Ивана Ильича“, „Крейцера соната“, „Власть тьмы“ и др.).

Н. Котляревскій. Мировая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. С.-Пб. 1898, XXX+360 стр. Цѣна 2 руб.—Работа г. Котляревскаго, несомнѣнно замѣтное явленіе въ нашей исторической литературѣ, вообще очень бѣдной изслѣдованіями по исторіи Западной литературы. Въ любознательномъ введеніи авторъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія на то литературное явленіе, которое его занимаетъ,—онъ, оказывается, смотритъ на него очень широко: для него это—„одна изъ очень характерныхъ страницъ въ исторіи развитія современнаго нравственнаго чувства“, страница изъ огромной книги, открытой на томъ мѣстѣ, гдѣ разказано, какъ „нравственное чувство, раскаливъ людское сердце и заставивъ его выступить борцомъ и мстителемъ за униженное достоинство человѣка, за свободу, любовь и справедливость,—измѣнило ему на время, такъ какъ само изнемогло въ борьбѣ“... Въ лицѣ самыхъ видныхъ представителей „мировой скорби“ въ литературѣ, г. Котляревскій охвативъ такимъ образомъ всю исторію литературнаго пессимизма: отъ слабыхъ первыхъ проблесковъ его въ литературѣ до могучаго расцвѣта его въ энергичной поэзіи Байрона, до окончательной смерти этого пессимизма. О своей книгѣ авторъ говоритъ, что это „разказъ о великой печали идеалиста, о мировой его скорби, объ его плачѣ надъ всѣмъ дорогимъ для него въ жизни, наконецъ объ его враждѣ и ненависти къ людямъ; это будетъ затѣмъ и исторія его воскресенія, его выздоровленія“. Творчество Руссо, Гете, Шиллера, французскихъ романтиковъ эпохи имперіи и Байрона — вотъ важнѣйшіе моменты въ исторіи пессимизма: авторъ ссылается намѣренно только на „свидѣтельство сильныхъ духомъ людей, отмѣченныхъ особю глубиною мысли, чувства и фантазіи“. Зародыши „мировой скорби“ видитъ г. Котляревскій въ „сентиментальной“ поэзіи середины XVIII вѣка (Руссо), второй моментъ въ этой интересной исторіи — энергичная вспышка нѣмецкаго Sturm und Drang, который на ряду съ энергіею духа допустилъ уже въ свою жизнь и разочарованіе (Гете и Шиллеръ). Французскіе романтики, ученики Руссо, внесли въ исторію скорби начало эгоизма, индифферентизма, элементъ пассивной вражды. Наконецъ, въ лицѣ Байрона эта скорбь нашла представи-

теля активной вражды: это индивидуальность съ рѣзко антисоціальною программой. Наконецъ, пятый и исключительный актъ этой великой драмы въ жизни человѣческаго сердца—примиреніе съ жизнью, служеніе ей во имя демократическихъ идей. Скорбникъ „нашего вѣка бывалъ и страстенъ, и горячъ, и ослобленъ, и минутами вновь разочарованъ, онъ бывалъ печаленъ и угрюмъ, но ни его гнѣвъ, ни его скорбь не доводили его болѣе до презрѣнія въ человѣку и не вызвали антисоціальныхъ чувствъ въ его сердцѣ. Онъ остался терпимымъ служителемъ своей гуманной демократической идеи“... Прекрасное знакомство съ произведеніями всѣхъ выше названныхъ выразителей „мировой скорби“, дало возможность исследователю блестяще обставить свою широко задуманную работу. Стиль г. Котляревскаго выразительнъ и блестящъ, иногда даже, надо признаться, чересчуръ: блестящая фраза порою даже затемняетъ мысль автора или извращаетъ ее; что, напримеръ, значать такіа слова: „исторія человѣческой жизни есть въ сущности исторія человѣческой печали“?

А. Лященко. Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ф. А. Энгеля. С.-Петербургъ. 1898 г. 18 стр.—Послѣ бѣлаго введенія, въ которомъ намѣченъ авторомъ нѣсколько характерныхъ явленій въ исторіи русской романтической литературы XVIII в., онъ сообщаетъ кое-какіа біографическіа данныя изъ жизни интересующаго его дѣятеля—Ф. А. Энгеля, а затѣмъ подробнѣе останавливается на вопросѣ о публицистическомъ элементѣ въ его романахъ. Конечно, такая постановка вопроса представляетъ интересъ: указаніемъ на то, что Энгель серьезно интересовался вопросами жгучими въ его время—вопросомъ о воспитаніи и о положеніи христіанскихъ—г. Лященко нашелъ такіа точки сближенія между литературною дѣятельностью Энгеля и современной ему жизни, которыя заставляютъ нѣсколько другими глазами глядѣть на его романы въ частности и на романы XVIII в. вообще: можетъ быть при внимательномъ къ нимъ отношеніи окажется, что эти романы вовсе не такъ свободны отъ живаго воздѣйствія настоящей жизни, какъ это принято думать... Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ интересовался Ф. Энгель и другими, болѣе мелкими идеями, жившими въ сознаніи общества его времени; анализъ его главныхъ романовъ позволяетъ автору довольно убѣдительно доказать свои мысли.

Въ теченіе января мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Карнетъ, Н.* Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ. Часть I. Реформаціонное движеніе и католическая реакція. Выпускъ III. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898.

— *Засоскинъ, Н. II.*, профессоръ Императорскаго Казанскаго университета. Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Томъ первый. I. Наука исторіи русскаго права. II. Форманія народа и государства. Казань. 1899.

— *Яцимирскій, А. И.* Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. (I. Слово Оеодосія о вѣрѣ варяжской. II. Житіе препод. Варвара-разбой-

ника охридскаго. III. Незвѣстныя произведенія славянской литературы въ Румыніи. IV. Славяно-молдавская лѣтопись 1512 г. V. Апокрифическое евангеліе ап. Фомы). М. 1898.

— *Никольскій, Николай*. Описаніе рукописей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленное въ концѣ XV вѣка.

— *Петрушкевича, А. М.* МАРГАРИТА АНГУЛЕСКАЯ и ея время. (Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи). Въ пользу общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсахъ. С.-Пб. 1898.

— *Волокозъ, Н. В.* Къ исторіи русской комедіи. I. Зависимость „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Квентки „Пріѣзжіи изъ столицы“. С.-Пб. 1899.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1898 г. Тома III-го книжка 4-ая. С.-Пб. 1898. Содержаніе: *В. В. Сиповскій*, Къ литературной исторіи „Писемъ русскаго путешественника“; *А. И. Яцимирскій*, Новый трудъ по старой славянской библиографіи; *М. В. Безобразова*, „Изреченія св. Кирилла“ и „Посланіе митр. Никифора“; *П. А. Ласаровъ*, Новое похвальное слово Климента Словѣнскаго; *В. К. Порожинскій*, Замѣтки по діалектологіи литовскаго языка; *С. М. Булбакимъ*, Замѣтки о языкѣ и правописаніи Вуканова Евангелія; *Б. М. Ламуновъ*, Замѣтка о союзѣ ть; *В. И. Щенкинъ*, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги; *А. И. Маркесичъ*, Замѣтка о псевдонимѣ Гоголя „Рудый Панько“; *Е. Ф. Будде*, О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губерніяхъ; *А. С. Архателъскій*, Два слова о словѣ *былина*; *А. И. Маркесичъ*, Невзданное письмо Г. Р. Державина къ А. Н. Титову; *П. А. Ласаровъ*, Дополнительная замѣтка къ статьѣ: „Новое похвальное слово Климента“).

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпускъ VI. 1898. С.-Пб. 1898. (Содержаніе: *Н. Матюнинъ*, Краткій обзоръ открытыхъ корейскихъ портовъ; *В. Темловъ*, Замѣтка о современномъ экономическомъ состояніи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; *С. Арсеневъ*, Русскіе рабочіе въ Сѣверной Швеціи; *Л. Ислаевичъ*, Новый сельско-хозяйственный и промышленный совѣтъ въ Австріи; Баронъ *А. Фитингофъ-Шель*, Гаврскій портъ; *А. Галманъ*, Ввозъ въ Швецію русскаго хмѣля; Баронъ *А. Унгеръ-Штернбертъ*, Замѣтка о всемірной добычѣ золота; *П. Поповъ*, Донесеніе изъ Фуцжоу; *А. Гамль*, Русскій керосинъ на германскомъ рынкѣ; *Н. Бруннеръ*, Рогатый скотъ въ Ньюкастльскомъ портѣ; Баронъ *А. Шлиппенбагъ*, Шелководство и хлопчатобумажная промышленность въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; *В. Вильеръ-де-Лиль Адамъ*, Замѣтка о коптахъ; *А. Вестманъ*, Германскія владѣнія въ Того; *П. Анисимовъ*, Сѣверо-норвежскіе промыслы; *Ю. Абсизъ*, Замѣтка о Кригѣ).

— *Пашутинъ, В. В.* Краткій очеркъ Императорской Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ ея существованія. Составленъ къ 100-лѣтнему юбилею Академіи. С.-Пб. 1898.

— Чтенія о Святой Землѣ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Чтенія XVII—XXI. (*В. С. Соловьева*, Священная исторія на Святой Землѣ. Вотхій Завѣтъ. IX—XIII). С.-Пб. 1898.

— Воспоминанія о Святой Землѣ и Аеонѣ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. С.-Пб. 1898.

— Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Руководство для самаритскихъ школъ въ шести чтеніяхъ д-ра *Фр. фонъ-Земарга*. Перевелъ съ 14-го изданія врачъ *Д. Н. Жаковъ*, съ 150-ю рисунками въ текстѣ. Второе русское изданіе. С.-Пб. 1899.

— Отчетъ о положеніи изслѣдованія народнаго образованія въ Россіи, производимаго Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ связи съ общимъ положеніемъ школьной статистики въ Россіи. С.-Пб. 1898.

— Отчетъ о состояніи Вятской губернской публичной библиотеки за 1897. Вятка. 1898.

— Отчетъ о состояніи Астраханской общественной библиотеки, состоящей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича за 1897 г. Астрахань. 1898.

— Отчетъ состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елизаветы Мавриковны общества поученія о бѣдныхъ и вольныхъ дѣтяхъ за 1897 г. С.-Пб. 1899.

— *С. Б.* Извлеченіе изъ годоваго отчета о кирпично-гончарномъ учебницѣ въ Лаванъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1899.

— *D-r Čeněk Zbrt.* LITERATURA KULTURNĚ-HISTORICKÁ A ETNOGRAFICKÁ. 1897—1898. 1898.

— *Masaryk.* PALACKÝ'S IDEE DES BÖHMISCHEN VOLKES. 1899.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

ГРАММАТИКА ДРЕВНЯГО ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА СРАВНИТЕЛЬНО СЪ РУССКОМЪ (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Составилъ *П. Красногорскій*. С.-Пб. 1898. IV + 88. Цѣна 60 к.

Эта книга заключаетъ въ себѣ: 1) небольшое предисловіе (2 стр.); 2) введение (стр. 1—7); 3) ученіе о дѣленіи звуковъ (часть фонетики, стр. 7—11); 4) часть морфологическую, въ которой за ученіемъ о склоненіяхъ именъ существительныхъ, мѣстоименій, прилагательныхъ и о спряженіяхъ глаголовъ слѣдуетъ ученіе объ именахъ числительныхъ, ихъ склоненіи, а потомъ о нарѣчіяхъ, предлогахъ, союзахъ и междометіяхъ (стр. 11—68); 5) ученіе объ измѣненіяхъ звуковъ (остальную часть фонетики, стр. 68—76); 6) „главныя особенности церковно-славянскаго синтаксиса“ (двѣ стр., 77—78); 7) отрывки изъ Остромирова евангелія (стр. 79—87), и наконецъ, 8) словарь 27 словъ подъ заглавіемъ „значеніе нѣкоторыхъ древнеславянскихъ словъ и выраженій“ (на послѣдней 88-й стр.).

Въ предисловіи г. Красногорскій излагаетъ свои соображенія, побудившія его, во-первыхъ, предпочесть катехизическую форму изложенія грамматическаго матеріала (въ вопросахъ и отвѣтахъ) формъ монологической; во-вторыхъ, помѣстить часть фонетики (объ измѣненіяхъ звуковъ) послѣ морфологическаго курса. И тѣ, и другія соображенія автора—неубѣдительны: они основаны, по моему мнѣнію, на неправильномъ, но, къ сожалѣнію, довольно распространенномъ пониманіи отношенія между преподаваніемъ и учебникомъ. Составители учебниковъ, какъ по русскому языку, такъ и по древнему церковно-славян-

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

скому, часто ставятъ себѣ главною задачею возможно близкое приращеніе учебника къ живому устному преподаванію въ классѣ, причемъ, конечно, каждый составитель исполняетъ эту задачу по своему излюбленному приему, или способу, считая его лучшимъ, чѣмъ всѣ другіе. Вслѣдствіе этого въ учебникахъ замѣчается особенная забота авторовъ о томъ, чтобы отличиться болѣе своими особыми приемами изложенія грамматическаго матеріала, нежели научною вѣрностью грамматическихъ положеній, ясностью и точностью ихъ выраженія. Авторы подобныхъ учебниковъ какъ будто-бы желаютъ сообщить имъ характеръ, такъ называемыхъ „самоучителей“, которые, принявъ на себя обязанность замѣнить живое, устное преподаваніе учителя, сами собою никогда не научаютъ тому, чему научить обязываютъ, а между тѣмъ не отличаются, болшею частію, ни научностью содержанія, ни строгою послѣдовательностію изложенія. Въ нихъ это послѣднее обыкновенно облекается въ форму или аналитическую, или катехизическую; другими словами, въ такую форму, которая представляется болѣе удобною для повтореній и уклоненій разнаго рода. Пора-бы, кажется, перестать сифшивать живое, устное преподаваніе грамматики древняго церковно-славянскаго языка съ изложеніемъ ея въ учебникѣ; потому что эти два дѣла — такъ же различны, какъ различны между собою два метода: *аналитическій*, свойственный преимущественно классному преподаванію предмета въ средней школѣ, и *синтетическій*, свойственный преимущественно научному изложенію предмета въ учебникѣ. Живое, устное преподаваніе допускаетъ не только неоднократное повтореніе одного и того-же въ классѣ, но и неоднократное возвращеніе къ тому, что прежде было уже пройдено. Въ учебникѣ же не должно быть ничего подобнаго: въ немъ изложеніе грамматическихъ положеній необходимо должно отличаться строгою послѣдовательностію, научною, такъ сказать, систематичностію, недопускающею ни повтореній, ни уклоненій отъ прямого логическаго пути въ какую-нибудь сторону. Только подъ условіемъ такого изложенія всѣ части учебника получаютъ ясное и правильное значеніе, и учебникъ можетъ принять, согласно съ требованіями программы, надлежащую мѣру въ своемъ объемѣ. Устное преподаваніе въ началѣ курса, конечно, можетъ быть ведено и не въ той системѣ, въ которой грамматика изложена въ учебникѣ, если преподаватель по какимъ-либо соображеніямъ найдетъ болѣе удобнымъ отступить отъ нея въ нѣкоторыхъ случаяхъ; но въ концѣ учебнаго года повтореніе пройденнаго курса должно быть ведено непременно по системѣ учебника.

Впрочемъ, по какой бы системѣ ни велось устное преподаваніе грамматики древняго церковно-славянскаго языка въ продолженіи года, оно нисколько не можетъ служить основаніемъ для уклоненія отъ научной системы изложенія грамматики древняго церковно-славянскаго языка въ учебникѣ; тѣмъ болѣе что она проходитъ въ IV классѣ гимназій съ учениками, уже знакомыми не только съ грамматикою своего отечественнаго русскаго языка, но отчасти съ грамматиками и другихъ языковъ, напримѣръ, латинскаго. Правда, синтетическій, строго систематическій, способъ изложенія научнаго предмета въ учебникѣ предпочтительно имѣетъ форму монологическую и несравненно труднѣе, чѣмъ избранный г. Красногорскимъ способъ катехизическій, къ которому вполне примѣняется поговорка „за деревьями лѣсу не видно“, такъ какъ за вопросами не видно системы, какъ-бы плоха она ни была; но зато синтетическій методъ изложенія избавляетъ книгу отъ повтореній и оставляетъ по себѣ въ умѣ учащихся болѣе ясное научное представленіе о предметѣ, чѣмъ масса отдѣльныхъ вопросовъ, со множествомъ отвѣтовъ, перемежающихся притомъ разными уклоненіями. Теперь посмотримъ, что представляетъ собою книга г. Красногорскаго съ точки зрѣнія научной и методологической.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что авторъ напрасно употребляетъ въ учебникѣ для обозначенія одного и того же предмета своей грамматики, именно, *древнюю церковно-славянскую* языка, три различныхъ термина, называя его языкомъ то *древнимъ церковно-славянскимъ*, то *древнеславянскимъ*, то *церковно-славянскимъ*. Эти термины—не тождественны по значенію; поэтому употребленіе ихъ одного вмѣсто другаго можетъ произвести лишь путаницу въ умѣ учащихся. Такъ, опредѣливъ въ отвѣтѣ на 1-й вопросъ, „какой языкъ должно разумѣть подѣ именемъ древняго церковно-славянскаго“, и сказавъ, между прочимъ, что онъ, какъ думаютъ, „былъ языкомъ древнихъ болгаръ, обитавшихъ на южной оконечности Балканскаго полуострова (въ Македонской области съ главнымъ городомъ Солунью)“, г. Красногорскій непосредственно предлагаетъ слѣдующій вопросъ: „Почему *древнеславянскій* языкъ называется *церковно-славянскимъ*“? Гдѣ древній церковно-славянскій языкъ признавъ, съ одной стороны, языкомъ *церковно-славянскимъ*, который можетъ быть не только древнимъ, но и новымъ; съ другой,—языкомъ *древнеславянскимъ*, то-есть языкомъ, бывшимъ въ древности, какъ бы, общимъ для всѣхъ племенъ славянскихъ. Очевидно, вопросъ формулированъ неясно и неточно, не смотря на то, что самъ авторъ признаетъ ясное и точное формулированіе вопросовъ

существеннымъ свойствомъ избранной имъ катехизической формы изложенія, выражаясь въ предисловіи, что „*при катехизической формѣ изложенія... ученикъ изъ ряда поставленныхъ ему вопросовъ, формулированныхъ ясно и точно, сразу видитъ сущность тѣхъ требованій и проч.*“. А далѣе, послѣ того, что было уже сказано въ отвѣтахъ на первые два вопроса, слѣдующія слова: „Не должно думать, что древній церковнославянскій языкъ есть не что иное, какъ *старинный русскій* и проч.“, заключающіяся въ отвѣтѣ на 3-й вопросъ: „Въ какомъ отношеніи къ древнему церковнославянскому языку стоитъ языкъ русскій?“ представляются совершенно лишними; а слова: „на немъ (то-есть на древнемъ церковнославянскомъ языкѣ) люди ученые писали свои поученія, лѣтописи и другія сочиненія“—не совсѣмъ вѣрны: и поученія, и особенно лѣтописи писались въ древней Руси на русскомъ языкѣ, но подъ вліяніемъ древняго церковнославянскаго; ученые того времени старались писать по древне-церковнославянски, но не могли отрѣшиться отъ своего роднаго языка и невольно внесли въ книжную рѣчь его свойства.

На стран. 2-й въ отвѣтѣ на 4-й вопросъ сказано, что „Славянское племя, по мѣсту поселенія, раздѣляется на двѣ вѣтви: *юго-восточную*, съ языками: русскимъ, болгарскимъ, сербскимъ, хорутанскимъ (или словенскимъ) и *западную*, съ языками — польскимъ, чешскимъ лужицкимъ“; а на стран. 3-й въ концѣ отвѣта на 6-й вопросъ: („Когда изобрѣтена была славянская азбука?“) говорится, что „Кромѣ кириллицы, у *югозападныхъ* славянъ была уже другая азбука, называвшаяся *маюлицею* и отличающаяся запутанностью очертаній“. Если все славянское племя дѣлится на двѣ вѣтви: *юговосточную* и *западную*; то какіе же славяне относятся къ *югозападнымъ*?

На стран. 6-й въ отвѣтѣ на 8-й вопросъ сообщается, между прочимъ, слѣдующее довольно странное свѣдѣніе, что „буква *ж* составлена изъ перечеркнутой по срединѣ латинской *x* (иксъ), которая въ *итальянскомъ языкѣ произносится какъ ж* на примѣръ *диж* читается *дож*.“(1)

На стран. 7-й ученіе о фонетикѣ прямо начинается слѣдующимъ вопросомъ (12): „Какъ дѣлятся церковно-славянскіе гласные звуки по свойствамъ произношенія?“ Авторъ почему-то не счелъ нужнымъ предварительно сказать, что звуки дѣлятся на гласные и согласные, и объяснить, что такое—*свойства произношенія* и какія именно свойства онъ самъ разумѣетъ, дѣля гласные звуки древняго церковно-славянскаго языка на слѣдующія пять группъ: а) *чистые*, б) *носовые*, в) *готованные*,

г) *долгий ѣ* и д) *короткіе з и ѡ*“, какъ будто бы всѣ эти группы—однородны! Очевидно, что для избранной авторомъ катехизической формы изложенія логика и система не имѣютъ важнаго значенія.

На той же страницѣ въ отвѣтъ на 18-й вопросъ положеніе, относящееся къ звукамъ древняго церковно-славянскаго языка, доказывается данными французской орфографіи; а именно, на вопросъ: „Чистые гласные звуки одинаковы ли по своему происхожденію“? дается такой отвѣтъ: „Нѣтъ, между ними есть гласные первичные или основные: *а, і, оу* и вторичные: *е, о*. Звукъ *е* есть переходъ отъ *а* къ *і*, а звукъ *о* отъ *а* къ *у*. Поэтому, напримѣръ, *аі* во французскомъ языкѣ даетъ *е* (*aïmer*), *аи* даетъ *о* (*animaux*)“. Здѣсь между прочимъ замѣчается явное смѣшеніе звуковъ древняго церковно-славянскаго языка *а, и, оу* съ тѣми краткими гласными *а, і, и* санскрита, которые по теоріи Фр. Воппа считались первичными гласными звуками для всѣхъ другихъ гласныхъ звуковъ въ языкахъ индо-европейской отрасли.

На 9-й стран. въ отвѣтъ на 18-й вопросъ говорится положительно, что, „произношеніе буквы *зи* было *двойственное*“; но дальнѣйшее объясненіе дѣлаетъ эту *двойственность* крайне сомнительною. Г. Красногорскій говоритъ: „Съ одной стороны, ею (то-есть буквою *зи*) обозначался чистый гласный звукъ, какой слышится и въ настоящее время въ русскомъ языкѣ, напримѣръ въ словѣ *крытъ* (*крьѣти*); съ другой, *можно предполагать* (?), что *зи* имѣла въ нѣкоторыхъ случаяхъ *носовое* произношеніе, такъ какъ въ *зи* могли переходить *ѣ* и *єи* на концѣ словъ, напримѣръ, именительный падежъ *камѣзи* получился изъ основы *каменъ*, *нссѣзи* изъ *нссѣщ*“. А на стран. 70-й внизу звукъ *зи* называется прямо *носовымъ* и притомъ такимъ, который разлагается подобно *ѣ* на *єи*. Тамъ говорится: „*Носовое зи* разлагается, подобно *ѣ*, на *єи*: *камѣзи* родительный падежъ *каменѣ* и проч.“. Все это виѣсть взятое представляетъ немалую путаницу. Во-первыхъ, то, что можно только предполагать,—не есть нѣчто положительно вѣрное. принятое наукою и годное для учебника; во-вторыхъ, въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ *ѣ* могъ замѣняться не только звукомъ *зи*, но и звукомъ *з*, какъ, напримѣръ, въ предлогахъ: *ѣ* и *вѣ*, *сѣ* и *сѣ*; и въ союзѣ: *иѣ* и *иѣ*. Слѣдуетъ ли отсюда, что *з* имѣлъ носовое произношеніе?

На стран. 9—10: „Какъ звуки короткіе (*з* и *ѣ*), эти гласные на концѣ словъ уже въ древности *скоро* перестали произноситься: *добръз*

произносилось *добр*, тварь произносилось *тварј*“. Во-первыхъ, что здѣсь значитъ выраженіе „уже въ древности скоро перестали произноситься“, то-есть какъ это „скоро“? Во-вторыхъ, почему въ словѣ тварь гласный въ концѣ ъ замѣненъ *j-томъ*?

На стран. 9-й, на 19-й вопросъ: „Какое значеніе имѣютъ буквы *ѣ* и *ѥ* въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ?“ данъ слѣдующій отвѣтъ: „Въ русскомъ языкѣ они (буквы?) не означаютъ никакого звука и проч.“... „Въ церковно-славянскомъ же языкѣ *ѣ* и *ѥ* были звуки гласные, но неопредѣленные неясные, а потому ихъ называютъ *музими* и проч.“ А на стр. 10-й непосредственно предлагается слѣдующій 20-й вопросъ: „Сохраняетъ ли русскій языкъ церковно-славянскіе глухіе *ѣ* и *ѥ*?“ и дается такой отвѣтъ: „Въ русскомъ языкѣ *ѣ* и *ѥ* на концѣ словъ *всегда сохраняются*, напримѣръ братъ—братъ, конь—конь. Но въ срединѣ словъ они сохраняются рѣдко и проч.“ Спрашивается: какъ согласить между собою вышеприведенные вопросы и отвѣты? Вѣроятно, это противорѣчіе между ними произошло вслѣдствіе отсутствія ясности и точности въ ихъ формулировкѣ. Но какъ бы то ни было, оно не говоритъ въ пользу избранной авторомъ катехизической формы изложенія, тѣмъ болѣе, что подобныя противорѣчія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ книги г. Красногорскаго. Такъ, напримѣръ, если сравнить то, что говорится объ окончаніи основъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, относящихся къ I и II склоненіямъ, въ вопросахъ 23-мъ и 24-мъ (стр. 12), 30-мъ и 31-мъ (стран. 14), съ тѣмъ, что говорится въ вопросахъ 29 (стран. 13), 35 (стр. 15), 77-мъ (стр. 31) и въ четвертомъ положеніи отвѣта на 91-й вопросъ (стр. 36); то окажется, что одиѣ и тѣ же основы оканчиваются и на гласные и на согласные звуки. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 12-й въ отвѣтахъ на вопросы: 23-й и 24-й говорится что къ 1-му склоненію относятся имена существительныя женскаго и мужскаго рода, а равно и имена прилагательныя и причастія женскаго рода краткой формы съ *основой на а*, слѣдовательно на гласный звукъ; а на 13-й стран. предлагается подъ № 29 вопросъ: „Какъ склоняются имена съ основами на свистящій *ц*—по твердому или по мягкому склоненію!“ то-есть въ немъ говорится объ именахъ существительныхъ 1-го склоненія съ основой на согласный звукъ *ц*! То же и въ остальныхъ вышеуказанныхъ мѣстахъ книги. Эта непослѣдовательность въ опредѣленіи окончаній основъ въ склоненіи именъ существительныхъ и прилагательныхъ, безъ сомнѣнія, можетъ породить въ умѣ учащихся лишь чрезвычайно сбивчивыя и смутныя представ-

ленія объ именныхъ основахъ. Но кромѣ того на стран. 12—13 вопросы: 26, 27 и 28-й формулированы не только неясно и неточно, но, можно сказать, крайне небрежно. Вотъ эти вопросы: „26. Какое отличіе отъ русскаго языка представляетъ склоненіе церковно-славянскихъ словъ *на основы съ гортанными*, напримѣръ нога, рѣка, соха?“ „27. По какому различію склоняются имена существительныя *на основы съ шиплящими*, напримѣръ страж-а, туч-а (тѣча), душ-а, свѣч-а (свѣща)?“ „28. Если слова *на основы съ шиплящими* мягкаго различія, то чѣмъ объясняется появленіе у нихъ въ нѣкоторыхъ падежахъ твердыхъ надежныхъ окончаній, напримѣръ, единственнаго числа именительный падежъ душ-а доуша, или винительный душ-у, доушѣ, или родительный падежъ двойственнаго падежа доушо-у?“ Спрашивается: какой смыслъ въ выраженіяхъ: „слова *на основы съ гортанными*“ или „*имена существительныя на основы съ шиплящими*“, или „слова *на основы съ шиплящими*“? Что разумѣлъ авторъ подъ *основой*, какую морфологическую часть слова, выражаясь такнмъ образомъ?... Выраженія, не имѣющія надлежащаго смысла, не должны входить въ языкъ учебника, особенно когда для бѣльшей ясности и точности ихъ избранъ авторомъ катехизическій способъ изложенія.

На стр. 16-й въ отвѣтѣ на 39 вопросъ: „Какъ объяснить окончаніе *я* въ именительномъ падежѣ множественнаго числа многихъ русскнхъ именъ существительныхъ, напримѣръ *мужья, колосья, друзья, деревья*?“ предлагается такое объясненіе: „Это окончаніе“, говорить г. Красногорскій, „*есть не что иное*, какъ видоизмѣненіе окончанія *иѣ*, которое нерѣдко встрѣчается въ церковно-славянскомъ языкѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа мягкаго различія мужескаго рода, напримѣръ *мѣжнѣ, царнѣ, людинѣ, родителнѣ*. Это же окончаніе встрѣчается въ церковно-славянскомъ языкѣ какъ суффиксъ именъ существительныхъ собирательныхъ, напримѣръ *връвнѣ, взылнѣ, трнннѣ* (въ русскомъ *-ье*: дубье, старье, платье и т. п.)“. Объясненіе неудовлетворительное: если бы окончаніе *-я* въ формахъ, каковы *мужья, колосья* и др., дѣйствительно было не что иное, какъ видоизмѣненіе древне-церковно-славянскаго окончанія именительнаго падежа множественнаго числа *-иѣ*; то въ русскомъ языкѣ не могло бы быть весьма употребительной формы *друзья*, потому что въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ никогда не существовало формы именительнаго падежа множественнаго числа *друсунѣ*. Какъ изъ этого объясненія, такъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ видно, что г. Красногор-

скій незнакомъ съ книгою проф. А. И. Соболевскаго „Лекціи по исторіи русскаго языка“. Тамъ можно было бы найти отвѣтъ и на 42-й вопросъ о формахъ именительнаго падежа множественнаго числа на *а* и *я* отъ именъ существительныхъ мужскаго рода, въ родѣ: *лѣса, лубъ, краѣ* и др.

На стр. 20-й въ отвѣтѣ на 54-й вопросъ г. Красногорскій объясняетъ особенность именительнаго падежа единственнаго числа именъ IV склоненія (разносклоняемыхъ съ основами на *мѣн-, лт-, ѳс-, зв-, ѳр-*), отличающую его отъ того же падежа въ другихъ склоненіяхъ, такимъ образомъ: „Въ именительномъ падежѣ единственнаго числа“, говоритъ онъ, „слова IV склоненія не только не прибавляютъ къ своей основѣ падежнаго окончанія, какъ это бываетъ въ другихъ склоненіяхъ (напримѣръ въ I склоненіи *вода* + падежное окончаніе *а=вода+а*, а по слияніи двухъ *а=вода*), но даже укорачиваютъ самую основу или отбрасывая въ ней послѣднюю согласную, напримѣръ, основа *осьллт-*, а именительный падежъ *осьлл*, основа *словѳс-*, а именительный падежъ *слово*, или стягивая конечный согласный съ предшествующимъ гласнымъ въ *сложный* гласный звукъ, напримѣръ, основа *нмѣн-*, а именительный падежъ *нмѣ*, основа *црькзв-*, а именительный падежъ *црькз*, основа *пламѣн*, а именительный падежъ *пламз*“. Здѣсь, во-первыхъ, невѣрно объясненіе образованія формы именительнаго падежа единственнаго числа *вода* изъ слиянія будто бы основы *вода* съ падежнымъ окончаніемъ *а*; потому что объ окончаніи *а*, какъ о падежномъ суффиксѣ, служащемъ для обозначенія именительнаго падежа единственнаго числа, до сихъ поръ нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не говорилось. Вѣроятно, г. Красногорскій вывелъ свое ученіе объ образованіи формы именительнаго падежа *вода* изъ того, что въ словахъ, какъ: *вода, жена, воевода, нуля* и др. окончаніе основы *а* въ склоненіи приняло на себя функцію падежнаго окончанія, то-есть стало обозначать форму именительнаго падежа единственнаго числа; но въ такомъ случаѣ основой уже считаютъ звуко сочетание *вод*, а не *вода*. Во-вторыхъ, звуки: *л* въ *осьлл* изъ *осьллт-*, *о* въ *слово* изъ *словѳс-*, *з* въ *црькз* изъ *црькзв-*, и *з* въ *пламз* изъ *пламѣн-* простые, а не сложные гласные.

Образцовъ для IV склоненія нѣтъ, хотя для всѣхъ другихъ склоненій есть. Авторъ замѣнилъ ихъ отвѣтомъ на 58-й вопросъ: „Почему слова съ основами на *мѣн-, лт-, зв-, ѳс-, ѳр-* называются разносклоняемыми?“ Но образцы для IV склоненія такъ же необходимы въ учебникѣ, какъ и для всѣхъ остальныхъ склоненій.

На стр. 21-й въ отвѣтъ на 55-й вопросъ подъ буквою *в* говорится, между прочимъ, что „въ Остромиров. еванг. весьма нерѣдко встрѣчается сходство винительнаго падежа съ родительнымъ падежемъ, напримѣръ *и҃с видѣ челоуѣка*, или *пилатъ поимѣтъ и҃са* и *ви его*; но эти случаи объясняются вліяніемъ русскаго языка (руссизмы)“. Это — невѣрно. Во-первыхъ, въ Остромировомъ еванг. нѣтъ формы челоуѣка, а есть форма члоуѣка; во-вторыхъ, употребленіе формы родительнаго падежа вмѣсто винительнаго встрѣчается и въ древнѣйшихъ памятникахъ глаголической письменности, въ которыхъ никакого вліянія русскаго языка и предполагать нельзя. Вотъ нѣсколько примѣровъ Зографскаго еванг. отъ Матв. IX, 9: *и҃ приходоуѣи отѣтѣдоу видѣ чѣа на мѣздыниці сѣдѣшта*; XV, 11: *не възходѣштее въз оуста сквръзнитѣ чѣа нѣ и҃сходѣштее из оустѣ сквръзнитѣ чѣа*; Марк. VII, 10: *чѣти оѣа твоего и҃ мрѣ твоѣмъ*; VII, 12: *ѣко всѣко еже из выноу възодитѣ въз чѣа*; Маріинск. еванг. Іоан. VIII, 19: *аште мѣ висте вѣдѣли и оѣа моего висте вѣдѣли*; или: Зографск. еванг. Матв. XXVI, 25: *штѣвѣштавѣ же іюда прѣдавѣи его рече*; Маріинск. еванг.: *отѣвѣщавѣ же нюда прѣданѣи его рече* и др. Подобныхъ примѣровъ употребленія формы родительнаго падежа вмѣсто винительнаго можно привести не мало изъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ глаголической письменности.

На стр. 30-й въ отвѣтъ на 73-й вопросъ подъ буквою *б* невѣрно объясняется образованіе косвенныхъ падежей единственнаго числа въ склоненіи полныхъ прилагательныхъ именъ женскаго рода посредствомъ „выпаденія гласнаго, окруженнаго гласными“, напримѣръ *добрѣ + ѣи = добрѣи*, *синѣ + ѣи = синѣи*, *добрѣ + ѣи = добрѣи*, *синѣ + ѣи = синѣи*. Въ памятникахъ древне-церковно-славянской письменности не встрѣчается выраженій подобныхъ: *добрѣи ѣи*, *добрѣи ѣи* и пр.; хотя встрѣчаются выраженія въ родѣ: *добра ѣго*, *доброу ѣмоу* и пр.; поэтому нѣтъ основанія и объяснять образованіе формъ косвенныхъ падежей единственнаго числа въ склоненіи полныхъ прилагательныхъ женскаго рода „выпаденіемъ гласнаго, окруженнаго гласными“. Вѣдь звукъ *ѣ* въ формахъ: *ѣи*, *ѣи* начинается *ј*-тоуъ, которымъ отдѣляется отъ предшествующаго гласнаго, слѣдовательно, звукъ *ѣ* не окруженъ гласными.

На той же страницѣ въ отвѣтъ на 74-й вопросъ: „Какія особенности въ сравненіи съ церковно-славянскимъ представляетъ русское склоненіе полныхъ прилагательныхъ?“ читаемъ и объясненія невѣр-

ныя и выраженія довольно странныя, какъ, напримѣръ „уничтоженіе подобія гласныхъ (диссимиляція)“. Что такое „подобіе гласныхъ?“... г. Красногорскій объясняетъ русскую форму *доброму* изъ формы древне-церковно-славянской *дѡроуоумоу* чрезъ форму *дѡроумоу*, а форму *доброу* вмѣсто древне-церковно-славянской формы *дѡбрѣмѣ* чрезъ форму *дѡбрѡемѣ*! посредствомъ сліянія (или стяженія) двухъ сходныхъ гласныхъ звуковъ въ одинъ! или: форму *дѡброу* вмѣсто *дѡбрѣмѣ*, форму *снѣмѣ* изъ формы *снѣнѣмѣ*(?) посредствомъ сокращенія конечнаго гласнаго! или, наконецъ: форму *дѡбрыѣ* изъ формы *дѡбрѣнѣ*, *дѡброу*—изъ *дѡбрѣнѣ*, а т. п. посредствомъ уничтоженія *подобія* (!) гласныхъ (диссимиляція!) Вѣроятно, г. Красногорскій полагаетъ, что всѣ русскія формы непременно образовались изъ соответствующихъ имъ формъ древне-церковно-славянскихъ и потому необходимо должны объясняться изъ послѣднихъ какимъ бы то ни было образомъ. Пишущему сравнительную грамматику древняго церковно-славянскаго языка съ современнымъ литературнымъ русскимъ языкомъ было бы полезно прежде всего познакомиться съ исторіею послѣдняго.

На стр. 37-й въ концѣ отвѣта на 100-й вопросъ говорится, что „глаголь *зрѣсти*, по церковно-славянски *грѣти*, имѣетъ основу *зрѣб*, конечное *б* которой измѣнилось въ русскомъ въ *с*, а въ церковно-славянскомъ вышло“. Звукъ *б* никогда не измѣняется въ *с*.

На стр. 41-й въ отвѣтѣ на 110-й вопросъ подъ буквою *а* читаемъ такое положеніе: „Настоящее время глагола *взѣти* перешло въ русскій языкъ *почти цѣликомъ*“. Подъ формами настоящаго времени глагола *взѣти* г. Красногорскій разумѣетъ слѣдующія: *вѣсмъ*, *вѣси*, *вѣсть*, *вѣсѣ* и т. д. Неужели въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ употребительны *почти цѣликомъ* эти формы?

На той же страницѣ въ концѣ отвѣта на 112-й вопросъ г. Красногорскій объясняетъ образованіе 3-го лица множественнаго числа настоящаго времени глаголовъ II спряженія такимъ образомъ: „Окончаніе *ѣтъ* свойственно II спряженію, гдѣ основа на *и* и соединительной гласной *ѣтъ*. Напримѣръ. отъ основы *люби*-, чрезъ прибавленіе окончанія *ѣтъ*, получается *любѣи-ѣтъ*; по ослабленіи *и* въ *ѣ*=*любѣи-ѣтъ*, и за тѣмъ *ѣи* даютъ носовой *ѣ*=*любѣѣтъ*“. А по поводу отрицанія соединительнаго гласнаго звука въ личныхъ формахъ настоящаго времени глаголовъ II спряженія г. Красногорскій говоритъ однако въ сноскѣ, что „только для объясненія образованія 1-го лица единственнаго числа необходимо предполагать и соединительную гласную, напримѣръ *любѣѣтъ*

образовалось изъ МОЛИ-О-МЪ=МОЛИ-О-М=МОЛИ-Ѧ=МОЛѦ-Ѧ“. Но почему же и въ основѣ ЛЮБИ- при образованіи формы только одного 3-го лица множественнаго числа передъ окончаніемъ НТЬ ослабляется въ Ъ?

На стр. 42 вопросъ 114: „Измѣняется ли коренной гласный звукъ основы неопредѣленнаго наклоненія при переходѣ въ основу настоящаго времени?“—даетъ поводъ думать, что основа настоящаго времени образуется изъ основы неопредѣленнаго наклоненія, что—невѣрно; а между тѣмъ отсюда происходитъ невѣрность и того объясненія, которое г. Красногорскій даетъ въ отвѣтѣ на 115 вопросъ относительно формъ глагола ГЪНАТИ. Онъ говоритъ: „глаголь ГЪНАТИ въ настоящемъ времени усиливаетъ коренную Ѧ въ € (а не въ о, какъ въ русскомъ языкѣ), передъ которой гласный Г смягчается въ ж: получается настоящее время: жѦн-Ѧ, жѦн-€-ШИ и т. д. (глаголь I спряженія), а по-русски: *июно, юни-шь* и т. д. (глаголь II спряженія“ 1). Но, во-первыхъ, Ѧ не усиливается въ €; во-вторыхъ, форма настоящаго времени: жѦн-Ѧ, жѦн-€ ШИ и т. д. образовались независимо отъ формы неопредѣленнаго наклоненія ГЪНАТИ; въ-третьихъ, и въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ есть формы: ГОНѦЖ; ГОНѦШИМЪ и т. д. при формѣ неопредѣленнаго наклоненія ГОНѦТИ; въ Остромировомъ евангеліи есть форма причастія ГОНѦМЪЗЪ въ выраженіи: ГОНѦМЪЗЪ БЪЗЪВАШЕ БЪСЪЗЪМЪ Лук. VIII, 29. Слѣдовательно, и въ русскомъ языкѣ формы: *июно, юнишь* и пр. стоятъ въ связи съ мало употребительною формою неопредѣленнаго наклоненія *юнишь*, а не *нать*.

На стр. 44-й въ отвѣтѣ на 117 вопросъ говорится, что повелительное наклоненіе въ церковно-славянскомъ языкѣ „образуется отъ основы настоящаго времени чрезъ прибавленіе къ ней суффикса повелительнаго наклоненія И, который въ глаголахъ II спряженія сливается съ конечнымъ И основы, напримѣръ *нес-и, сѣ-и, моли* (вмѣсто *моли-и*), *слѣши* (вмѣсто *слѣши-и*)“; что „въ двойственномъ и множественномъ числахъ прибавляются къ суффиксу личныя окончанія—тѣ же, что и въ настоящемъ времени; самый же суффиксъ И удерживается только при основахъ на гласную, а послѣ основъ на согласную переходитъ въ Ъ. При основахъ на шипящія Ъ переходитъ а, напримѣръ: *сѣвѣж-а-те, ищѣ-а-те*“. Этими и слѣдовало бы ограничиться; но г. Красногорскій пожелалъ объяснить самый переходъ суффикса повелительнаго наклоненія И въ Ъ въ формахъ двойственнаго и множественнаго чиселъ при основахъ настоящаго времени на со-

гласный звукъ и потому въ сноскѣ прибавилъ въ вышесказанному слѣдующее объясненіе: „Переходъ этотъ“, говорить онъ, „объясняется такъ: къ основѣ прибавляется соединительная гласная о (нес-о-), которая (то-есть буква!) вмѣстѣ съ суффиксомъ и даетъ оі (нес-ои=нес-оі), а это послѣднее стягивается въ *двусласную ѣ* (нес-оі-мѣ=нес-ѣ-мѣ, нес-оі-вѣ=нес-ѣ-вѣ и т. д.)“. Выходить, что въ формѣ повелительнаго наклоненія единственнаго числа нес-и суффиксъ повелительнаго наклоненія и присоединяется непосредственно къ основѣ настоящаго времени на согласный звукъ нес-, а въ формахъ повелительнаго наклоненія двойственнаго и множественнаго чиселъ суффиксъ повелительнаго наклоненія и присоединяется не къ основѣ настоящаго времени на согласный звукъ, а къ соединительному гласному звуку о. Какъ же согласить сказанное въ отвѣтѣ съ сказаннымъ въ сноскѣ? И почему звукъ ѣ въ формахъ нес-ѣ-мѣ, нес-ѣ-тѣ названъ *двусласнымъ*?

На той же 44-й страницѣ въ отвѣтѣ на 119-й вопросъ подѣ буквою а говорится, что „повелительное наклоненіе глагола *взѣти* имѣетъ только ту особенность, что образуется не отъ основы настоящаго времени, а *отъ основы будущаго простаго—вѣд*“. Это—невѣрно. *вѣд*- есть основа настоящаго, а не будущаго времени. Первоначально формы *вѣдѣ*, *вѣдѣши* и пр. имѣли значеніе настоящаго времени, но стали употребляться съ значеніемъ будущаго, когда глаголъ *взѣти* утратилъ свое первоначальное конкретное значеніе (вѣроятно „*рости*“) и получилъ значеніе отвлеченное („*существовать*“), и когда утрачена была форма будущаго времени: *взѣшѣ*, *взѣшеши* и пр. (Объ этихъ формахъ см. Миклошича *Vergl. Gram. III* ². Wien. 1876, стр. 89). Въ русскомъ языкѣ до сихъ поръ форма дѣпричастія „*будучи*“ употребляется съ значеніемъ настоящаго, а не будущаго времени. Поэтому нѣтъ основанія считать спряженіе глагола *взѣти* *архаическимъ*. Форма *вѣдѣ* не стоитъ въ этимологической связи съ глаголомъ *взѣти*, а отнесена къ нему въ грамматикахъ только по значенію. Далѣе, подѣ буквою б говорится, что „глаголы *дати*, *паст*, *вѣдѣти* сокращаютъ суффиксъ повелительнаго наклоненія и въ ѣ (то-есть въ *j*(?)), вслѣдствіе чего конечное а основы смягчается въ *д*: *даждѣ*, *паждѣ*, *вѣждѣ*. (Подобное же измѣненіе звуковъ есть еще въ повелительномъ наклоненіи глагола *видѣти—виждѣ*)“. Опять—невѣрно. Если бы суффиксъ повелительнаго наклоненія и въ предполагаемыхъ формахъ:

*аад-и, *іад-и, *вѣд-и и *вид-и, по учению г. Красногорскаго, *сокращались* въ *ь*; то этотъ *ь* не былъ бы равенъ *ъ*-ту, и слѣдовательно конечный звукъ *д* основы не могъ бы передъ нимъ (*ь*) смягчиться въ *жа* (Ср. русскія формы *ляди* и *лядь*; *пойди* и *подь* сюда!); получились бы формы: *аадъ, *іадъ, *вѣдъ и *видъ.—На стр. 45-й г. Красногорскій учитъ, что „Другая ихъ особенность слѣдующая: въ двойственномъ и множественномъ числахъ суффиксъ повелительнаго наклоненія *и* не усиливается въ *ѣ*, какъ это бываетъ при основахъ на согласную“.—Но, къ сожалѣнію, никакого усиленія суффикса повелительнаго наклоненія *и* въ *ѣ* не бываетъ и при основахъ на согласный звукъ!—На той же страницѣ къ 119 вопросу подъ буквою *в* читаемъ: „Глаголъ *имѣамъ* образуетъ повелительное наклоненіе отъ основы неопредѣленнаго наклоненія *имѣ-* и спрягается по II спряженію: *имѣ-и*, *имѣ-и-вѣ* и т. д.“. До сихъ поръ никто еще не объяснялъ образованія формъ повелительнаго наклоненія какого бы ни было глагола отъ основы неопредѣленнаго наклоненія. Что же касается до формъ повелительнаго наклоненія *имѣи*, *имѣи-вѣ* и пр. то онѣ настолько же относятся ко II спряженію, насколько и формы, напримѣръ *вѣроу-и*, *вѣроу-и-вѣ*, *вѣроу-и-те* и т. п.

На той же 45-й стр. къ вопросу 120 подъ буквою *в* читаемъ: „Сокращеніе суффикса *и*, наблюдаемое въ церковно-славянскомъ языкѣ только у четырехъ глаголовъ (*даждь*, *іаждь*, *вѣждь*, *виждь*), въ русскомъ повелительномъ наклоненіи бываетъ очень часто: если на суффиксъ *и* не падаетъ удареніе, то онъ послѣ гласной сокращается въ *й*, послѣ согласной—въ *ь*, и только въ случаѣ скопленія послѣднихъ—удерживается. Напримѣръ *по-й*, *чита-й*, *остав-ь*, *брос-ь*, *по: помн-и*, *умолкн-и*, *очист-и*“. Образованіе русскихъ формъ повелительнаго наклоненія: *оставь*, *брось* и имъ подобныхъ—повсе не тождественно съ образованіемъ древнихъ церковно-славянскихъ формъ: *даждь*, *іаждь* и др.; слѣдовательно, сопоставлять эти послѣднія формы съ русскими: *оставь*, *брось* нельзя. Если бы образованіе формъ повелительнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ отъ глаголовъ: *оставитъ* и *броситъ* было одинаково съ образованіемъ формъ повелительнаго наклоненія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ отъ глаголовъ: *вѣдѣти*, *дати*, *исти* и *видѣти*; то вмѣсто: *оставь* и *брось* формы повелительнаго наклоненія въ русскомъ языкѣ звучали бы: *оставль* и *брошь*, а не *оставь* и *брось*.

На стр. 46-й въ отвѣтѣ на 121-й вопросъ г. Красногорскій гово-

рять, что „Какъ церковно-славянскій, такъ и русскій языки, для образования причастія настоящего времени дѣйствительнаго залога, пользуются, въ качествѣ суффикса, личнымъ окончаніемъ 3-го лица множественнаго числа настоящего времени -иѣ (=иѣ), обращая его въ иѣ“. (!) и пр. Все это—невѣрно такъ же, какъ и отождествленіе ѣ съ j-томъ.

На стр. 47-й въ концѣ отвѣта на 124-й вопросъ читаемъ слѣдующую небылицу: „Глаголь имаамъ сливаетъ конечное а основы съ носовыми и и ѣ, какъ и въ 3 лицѣ множественнаго числа настоящаго времени: ии-зи, ии-ѣи, ии-зи (ви. ии-зи, ии-ѣи)“. (!).

На стр. 49-й въ отвѣтѣ на 129-й вопросъ объ образованіи аориста говорится, между прочимъ, что „суффиксъ χ въ 3 лицѣ множественнаго числа передъ окончаніемъ ѣ (въ которомъ ть отпало(!) переходитъ въ ш^с). Въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ 3 лицо множественнаго числа аориста (какъ сложнаго, такъ и простаго, о которомъ нѣтъ и помину въ книгѣ г. Красногорскаго) никогда не оканчивалось на ть, слѣдовательно ть не могло и отпасть отъ окончанія ѣ.

На стр. 61-й любопытно объясненіе образованія числительнаго *девяносто* къ 165 вопросу. Г. Красногорскій говоритъ: „слово *девяносто*, какъ думаютъ (кто же?), произошло изъ выраженія: *десять до ста*, такъ какъ, дѣйствительно, послѣ *девяностой единицы*(!) остается 9 единицъ до 100-й. Въ звуковомъ отношеніи переходъ *десять до ста* въ *девяносто* возможно (?) объяснить слѣдующимъ образомъ: *десять до ста* черезъ переходъ ж въ и вслѣдствіе *диссимиляціи* (!) даетъ *девяноста*, а затѣмъ чрезъ уподобленіе *д* звуку *и* *девяноста* и наконецъ *девяносто*“. (!) Посредствомъ такихъ диссимиляцій и уподобленій, дѣйствительно, возможно объяснить все, что угодно, въ словообразованіи. Жаль, что г. Красногорскій не указалъ — у кого онъ заимствовалъ это остроумное объясненіе

На стр. 67 на 179 вопросъ: „Соблюдается ли на письмѣ этотъ законъ (то-есть переходъ з въ с передъ отзвучными согласными) уподобленія согласныхъ?“ — дается слѣдующій отвѣтъ: „Не всегда. На письмѣ согласные разнородные большею частью оставляются безъ уподобленія. Напримѣръ, въ русскихъ нарѣчіяхъ: *идъ, здѣсь, вездѣ* правописаніе совпадаетъ съ произношеніемъ, такъ какъ звуки *з* и *ж* явились изъ *к* и *с* по уподобленію ихъ звучному *д*. Но въ соответственныхъ церковно-славянскихъ: *кѣдѣ, сѣдѣ, вѣсѣдѣ*, или въ словахъ: *сѣдлатъ, просьба везти, кружка, скобка* и многихъ другихъ

подобныхъ, письмо не совпадаетъ съ произношеніемъ“. Путаница! Развѣ древне-церковно-славянскія формы нарѣчій: кѣаѣ, сѣаѣ, вѣсьаѣ, могутъ въ данномъ случаѣ быть сопоставляемы по правописанію съ русскими формами *сѣлать, просьба* и др.? Вѣдь, въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ *э* и *ъ* были гласными звуками, слѣдовательно, они отдѣляли *ж* и *с* отъ *д* въ произношеніи. Но г. Красногорскій учитъ и въ другомъ мѣстѣ своей грамматики, что древне-церковно-славянскія нарѣчія: кѣаѣ и сѣаѣ произносились какъ: гаѣ, заѣ! (стр. 75, вопросъ 202, буква б).

На стр. 68-й отдѣлъ фонетики, заключающій въ себѣ „сводъ свѣденій объ измѣненіяхъ звуковъ“, начинается слѣдующимъ 183-мъ вопросомъ: „Какое важнѣйшее измѣненіе гласныхъ звуковъ?“ На него г. Красногорскій отвѣчаетъ такъ: „Важнѣйшее измѣненіе гласныхъ звуковъ есть ихъ усиленіе и ослабленіе (другими словами, чередованіе звуковъ). Это измѣненіе происходитъ всегда въ *корнѣ* слова и сопровождается образованіемъ *новыхъ* словъ или *новыхъ* формъ; поэтому, напримѣръ въ словахъ: сѣиѣ—*сонъ*, двѣрь—*дверь*, костнѣѣ—*костью* звуки: *о*, *е*, *и* не есть усиленіе звуковъ *э* и *ъ*, а простая замѣна глухихъ чистыми гласными“. Опять путаница! Имѣя въ виду говорить объ измѣненіяхъ звуковъ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, г. Красногорскій сопоставляетъ формы древне-церковно-славянскаго языка съ формами современнаго русскаго языка и на основаніи этого сопоставленія дѣлаетъ заключеніе о характерѣ измѣненія, о *простой замѣнѣ* гласныхъ звуковъ... но въ какомъ же языкѣ? Въ древне-церковно-славянскомъ или современномъ русскомъ? Сопоставляя, напримѣръ, древне-церковно-славянскую форму сѣиѣ съ современной русскою *сонъ*, онъ говоритъ, что *здѣсь* произошла *простая замѣна* глухаго гласнаго *ѣ* чистымъ гласнымъ *о*; но гдѣ же „здѣсь?“ въ какомъ именно языкѣ произошла эта простая замѣна *ъ-а* въ *о*?

На стр. 69 предлагается 185 вопросъ: „Въ русскомъ языкѣ будетъ ли *ослабленіемъ* измѣненіе гласныхъ въ *й*, *ь*, *ъ*, напримѣръ книгою—книгой, плести—плестъ, чтобы—чтобъ?“ И дается такой отвѣтъ: „Нѣтъ, это измѣненіе—не ослабленіе, а *сокращеніе* гласныхъ звуковъ, встрѣчающееся въ русскомъ языкѣ очень часто, преимущественно на концѣ словъ“... „Сокращенію подвергаются гласные *и*, *я*, *ю*, *ы*, напримѣръ пѣю вмѣсто пѣю, несешь вмѣсто несешь, добрый вмѣсто добрымъ, стань, сядь вмѣсто сядь, стани, молись вмѣсто молися, твой вмѣсто твоея (родительный падежъ) или твоею (творительный падежъ), душой вмѣсто душою“. Это объясненіе даетъ поводъ счи-

тать *й*, *э* и *э* гласными звуками въ русскомъ языкѣ, что—неверно. Явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется въ русскомъ языкѣ не *ослабленіемъ* и не *сокращеніемъ*, а *отпаденіемъ* гласныхъ звуковъ, оставляющихъ по себѣ слѣдъ твердости или мягкости на предшествующемъ согласномъ звукѣ, обозначаемый знаками *ъ* и *ь*; буквою же *й* обозначается *ј*, остающійся отъ йотованнаго гласнаго въ концѣ слова. Напримѣръ *книгой* (= *книгој* изъ *книгою*, то-есть *книгоју* отпалъ звукъ *у*), *плесть* изъ *плести* отпалъ звукъ *и* и оставилъ по себѣ слѣдъ мягкости на предшествующемъ согласномъ звукѣ *т*, обозначаемый на письмѣ знакомъ *ь*; *чтобъ* вмѣсто *чтоби* отпалъ въ концѣ звукъ *и* и оставилъ по себѣ слѣдъ твердости на предшествующемъ согласномъ *б*, обозначаемый на письмѣ знакомъ *ъ*, и т. п.

На стр. 70-й въ ученіи о разложеніи гласныхъ къ 186-му вопросу говорится, что „разложенію подвергаются гласные *ѣ* (а также родственный съ нимъ *оу*), *ѣ* и носовые: *ѣ*, *ѣ* — *перые три вслѣдствіе ихъ долготы*, послѣдніе вслѣдствіе присутствія въ нихъ согласнаго призвуча и пр.“. Итакъ, звуки: *ѣ*, *оу*, *ѣ*—*долгіе гласные* въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ. Почему же на 7-й страницѣ въ отвѣтѣ на 12-й вопросъ: „Какъ дѣлятся церковно-славянскіе гласные звуки по свойствамъ произношенія?“—къ долгимъ гласнымъ отнесенъ только одинъ звукъ *ѣ*? Кроме того непонятны слѣдующія выраженія: „*ѣ* разлагается на *ѣв*, а *чрезъ усиленіе* —*ов*, —*ав*, —*ва*; *оу* разлагается на *ов*, а *чрезъ усиленіе*—*ав*; *ѣ* разлагается на *ѣм*, *он*, а *чрезъ усиленіе* на *ѣм*; *ѣ* разлагается на *ѣм*, *ѣн*, а *чрезъ усиленіе* въ *ѣм*, *ѣн*, *им*, *ин*“. Что здѣсь подразумѣвается подвергающимся усиленію: звуки *ѣ*, *оу*, *ѣ* и *ѣ*, или тѣ звукосочетанія, на которыя они разлагаются?

На стр. 71 въ отвѣтѣ на 188 вопросъ, относящійся къ *русскому полногласію*, г. Красногорскій объясняетъ русскія полногласныя формы изъ неполногласныхъ древне-церковно-славянскихъ формъ посредствомъ разложенія древне-церковно-славянскаго звука *а* на два русскіихъ *о*, а древне-церковно-славянскаго *ю* на два русскіихъ *е* и размѣщенія русскіихъ гласныхъ по бокамъ плавныхъ *р* и *л* въ словѣ. Все это—неверно: если *полногласіе* есть исконное свойство русскаго языка и представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій его отъ древне-церковно-славянскаго, а этотъ послѣдній не есть основной, общеславянскій языкъ, то нѣтъ основанія объяснять образованіе русскіихъ полногласныхъ формъ изъ формъ древне-церковно-славянскихъ. Можно говорить о соответствіи между русскими полногласными формами и древне-

церковно-славянскими неполногласными; но не объ образованіи или происхожденіи полногласныхъ русскихъ формъ изъ неполногласныхъ древне-церковно-славянскихъ.

На стр. 72 изъ отвѣта на 198 вопросъ, гдѣ, между прочимъ, говорится, что въ формахъ: „град-ѣ, град-и; раб-ѣ, раби (смягченія нѣтъ), но: другъ—дрѹбѣ дрѹбѣ-и (смягченіе есть)“ видно, что авторъ грамматикки не признаетъ, такъ называемаго, *непереходнаго смягченія согласныхъ*.

Въ ученіи о смягченіи гортанныхъ звуковъ (къ 194 вопросу) не различаются случаи смягченія ихъ подъ влияніемъ j-та отъ случаевъ смягченія ихъ подъ влияніемъ узкихъ гласныхъ. Ненавѣрно также, почему смягченіе гортанныхъ въ *свистящія* представляетъ 1-ю степень, а смягченіе ихъ въ *шипящія*—2-ю. Последнее смягченіе—древнѣе, чѣмъ первое.

На стр. 74 на 198 вопросъ: „Какъ смягчаются зубные свистящія?“ въ отвѣтѣ г. Красногорскій не говоритъ, вслѣдствіе чего происходитъ смягченіе *свистящихъ*, а говоритъ только, что „свистящія представляютъ собой первую степень смягченія гортанныхъ, слѣдовательно (?)—ихъ собственнымъ смягченіемъ будетъ 2-я степень смягченія, то-есть *шипящія*“, какъ будто бы свистящія переходятъ въ шипящія при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ и гортанные. (Сравни, напримѣръ, дрѹбѣжъ—дрѹбѣжити и возжъ—возити).

На стр. 76 въ отвѣтѣ на 205 вопросъ г. Красногорскій говоритъ, что звукъ д въ словѣ *ноздрѣ*—*остающійся*. Навѣрно: онъ принадлежитъ суффиксу. (См. Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекцій А. И. Соболевскаго. Москва. 1891 г. стр. 129).

Вообще слѣдуетъ сказать, что часть фонетикки, заключающая въ себѣ „сводъ свѣдѣній объ измѣненіяхъ звуковъ“, изложена неполно и неудовлетворительно, несмотря на то, что помѣщена послѣ ученія объ измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи, то-есть, когда всѣ данныя для объясненія измѣненій звуковъ въ словахъ и ихъ формахъ предполагаются уже извѣстными. Въ немъ нерѣдко смѣшиваются между собою фонетическія явленія, происходящія отъ различныхъ условій, и не распредѣляются по различію морфологическихъ категорій; поэтому ссылки на него въ предшествующей ему морфологической части грамматикки невозможны, вслѣдствіе чего ихъ и нѣтъ въ ней. Словомъ, значеніе этого „свода“ въ учебникѣ—ничтожно: онъ повторяетъ только то, что говорилось прежде въ разныхъ мѣстахъ и не разъ объ одномъ

и томъ же по поводу образованія той или другой формы въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Помѣщеніе этого „свода“ послѣ морфологическаго курса въ грамматикѣ повело только къ тому, что одно и то же положеніе объ измѣненіи звуковъ повторялось нѣсколько разъ въ книгѣ, что, конечно, могло служить лишь къ напрасному расширенію ея объема, но не къ увеличенію ея достоинства. Такъ, напримѣръ, объ измѣненіяхъ гортанныхъ звуковъ говорится въ отвѣтахъ на вопросы: 26, 38, 68, 76, 98 и 118, кромѣ того, что находится еще въ отдѣлѣ фонетики. При систематическомъ изложеніи фонетики въ началѣ курса всѣ эти повторенія въ морфологической части грамматики могли бы быть замѣнены простыми ссылками на параграфы фонетики. Вообще отступленія, сдѣланныя г. Красногорскимъ, отъ общепринятой научной системы изложенія отразились на его трудѣ весьма невыгодно. Замѣчательно между прочимъ и то, что книга не имѣетъ даже оглавленія для своего содержанія, слѣдовательно дѣлать справки по ней относительно какого-либо грамматическаго вопроса затруднительно.

Что касается до „Отрывковъ изъ Остромирова Евангелія“, то, прочитавъ изъ нихъ одинъ первый отрывокъ, содержащій въ себѣ II главу евангелія отъ Матвѣя, и сравнивъ его съ текстомъ Остромирова евангелія по изданію Востокова и съ поправками опечатокъ къ этому изданію, сдѣланными г. Козловскимъ въ его „Исслѣдованіи о языкѣ Остромирова евангелія“ 1885 г., я нашелъ не мало отступленій отъ подлиннаго текста въ книгѣ г. Красногорскаго: Вотъ эти отступленія:

У г. Красногорскаго.

рождьшоусѣ
ноуденствѣ
нѣрслимѣ
взстоцѣ
сѣмѣтесѣ
вз виѣлѣми ноуденствѣ
виѣлѣме
вз виѣлѣмѣ
о отрочати
цѣра
врѣхоу
взрадовашасѣ
отврѣзше

Въ Остромировомъ Евангеліи.

рожьшоусѣ
ноуденствѣ
нѣрслимѣ
вѣстоцѣ
сѣмѣтесѣ
вз виѣлѣми ноуденствѣ
виѣлѣме
вз виѣлѣомѣ
о отрочате
цѣра
врѣхоу
взрадовашасѣ
отврѣзше

къмоу	към
гльн	гльн (неправильно).
гльнцсмь (творительный падежъ).	гльнцсмь
тлгда	тогда
въ нн-флѣсмѣ	въ нн-флѣсмѣ
отъ дзвюу	отъ дзвюу (неправил.).
рлхиль (опечатка).	рлхиль
оумьрзшоу	оумьрзш
матерь	матерь (винит. пад. един. числа).
въ зѣмльж	въ зѣмлю (неправильно).

Очевидно, г. Красногорскій замѣнялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ошибки писца правильными формами, а въ нѣкоторыхъ вводилъ однообразіе, напримѣръ, въ имени города Внелеема; но въ иныхъ случаяхъ неправильно уклонился отъ подлиннаго текста—предполагаю, что г. Красногорскій списывалъ отрывки съ изданія Востокова;—какъ, напримѣръ, ноуденстѣ вмѣсто ноуденстѣи; смлѣтсѣ вмѣсто смлѣтсѣи; о отрочѣти вмѣсто о отрочѣтѣ. Во всякомъ случаѣ отступленія отъ подлиннаго текста памятника, хотя бы они дѣлались въ пользу правильности формъ древняго церковно-славянскаго языка, сглаживаютъ, такъ сказать, всѣ неровности памятника и лишаютъ его такимъ образомъ присущихъ ему характеристическихъ особенностей. Выписывая отрывки изъ какого либо памятника древней письменности для образца, лучше держаться строго его правописанія, указывая замѣчаемыя въ немъ неправильности или непосредственно при нихъ же рядомъ въ строкѣ въ скобкахъ, или въ выноскахъ.

Опечатки въ книгѣ г. Красногорскаго—рѣдки. Мнѣ удалось замѣтить лишь слѣдующія:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать:</i>
21	17	сверху	человѣка
80	18	св.	синиѣ
48	21	сверху	сѣтан
58	9	"	слзшнма
62	1	св.	ромѣ

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНШЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

КАВКАЗСКІЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ ВЪ 1897 ГОДУ.

Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1897 годъ составленъ по новому плану: вмѣсто подробнаго описанія каждой категоріи учебныхъ заведеній въ отдѣльности, мы имѣемъ дѣло лишь съ общимъ обзорѣмъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа въ различныхъ отношеніяхъ. Сдѣлано такое измѣненіе потому, что за послѣдніе годы форма статистическихъ таблицъ установилась настолько прочно, что часто приходилось повторять тѣ данныя и выводы, которые приводились въ отчетахъ за прежніе годы. Поэтому отчетъ 1897 года до нѣкоторой степени составленъ на основаніи прочныхъ данныхъ, добытыхъ раньше, равно какъ и данныхъ 1897 года, а также и на основаніи статистическихъ сводовъ 1888 и 1893 годовъ.

Число учебныхъ заведеній. А) По разряду *среднихъ* учебныхъ заведеній произошли слѣдующія измѣненія: изъ числа среднихъ учебныхъ заведеній Кутаисская классическая прогимназія преобразована въ реальное училище, а Темиръ-Ханъ-Шурина женская прогимназія—въ полную женскую гимназію; кромѣ того, вновь открыты мужская гимназія въ г. Батумѣ (пока въ составѣ приготовительнаго, I и II классовъ) и женское учебное заведеніе Св. Нины въ г. Баку, съ правами женской гимназіи (раньше это учебное заведеніе существовало на правахъ частнаго).

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года общее число *среднихъ*

учебныхъ заведеній округа возросло до 47, увеличившись въ теченіе года на 2, или на 4,4%, а сравнительно съ 1878 годомъ почти вдвое (24 и 47).

Въ числѣ этихъ 47 заведеній было: 1) мужскихъ гимназій—11, изъ коихъ 3 находятся въ Тифлисѣ, 7 — по одной во всѣхъ почти губернскихъ и областныхъ городахъ края, и послѣдняя, открытая лишь въ отчетномъ году—въ г. Батумѣ.

2) Изъ бывшихъ въ началѣ года четырехъ мужскихъ прогимназій — Кутанская преобразована въ реальное училище (I и II кл.), хотя III и IV продолжаютъ пока существовать по программамъ классическихъ учебныхъ заведеній: Пятигорская прогимназія остается при 6 классахъ за недостаткомъ средствъ; Новороссійская (откр. въ 1894 году) продолжаетъ развѣртываться въ гимназію (уже открытъ V кл.); Асхабадская (открыта въ 1896 г.) пока состоитъ изъ двухъ классовъ.

3) Реальныхъ училищъ—9, считая въ томъ числѣ реальное отдѣленіе при Ставропольской гимназій и Кутанское училище.

4) Женскихъ гимназій—13; изъ общаго числа этихъ заведеній 4 находится въ Тифлисѣ, по 2—въ Ставрополѣ и Баку и по 1—въ Владикавказѣ, Екатеринодарѣ, Т.-Х.-Шурѣ, Кутансѣ и Ейскѣ.

5) Женскихъ прогимназій—6; пять изъ нихъ—четырекласснаго состава, а одна (Эриванская)—пятикласснаго.

6) Специально педагогическихъ учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для приготовленія учителей, — 5: Александровскій учительскій институтъ въ Тифлисѣ и 4 учительскія семинаріи: на Сѣверномъ Кавказѣ — Кубанская (въ станицѣ Ладожской), въ Закавказскомъ краѣ — Закавказская (въ г. Гори), Кутанская (въ м. Хони) и Эриванская.

В) По разряду *низшихъ* учебныхъ заведеній произошли слѣдующія перемѣны: открыто 2 новыхъ городскихъ училища (въ г. Ордубатѣ и г. Петровскѣ), Маріанское женское училище (въ г. Асхабадѣ) и 4 низшія ремесленные школы (въ г. Пятигорскѣ, Екатеринодарѣ, Темрюкѣ и Новороссійскѣ). Кромѣ того, 1 частное ремесленное училище (въ г. Закаталахъ) преобразовано въ низшую ремесленную школу нормальнаго типа.

Число всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній возросло до 66, увеличившись въ теченіе отчетнаго года на 7, или на 11,9%, а сравнительно съ 1878 г.—почти въ 2½ раза (27 и 66). Заведенія эти состоятъ изъ слѣдующихъ группъ:

1) Городскихъ училищъ—40 (шестиклассныхъ—9, четырехклассныхъ—5, трехклассныхъ—24 и двухклассныхъ—2); изъ нихъ въ Тифлисской губерніи (съ Закатальскимъ округомъ)—9, въ Кубанской и Терской областяхъ—по 6, въ Кутаисской губ.—5, въ Эриванской—4, въ Елизаветпольской—3, въ Бакинской губ. и Дагестанской области—по 2, въ Ставропольской губ. и областяхъ Карской и Закаспійской—по 1.

2) Горскихъ школъ—попрежнему 5 (окружная трехклассная—въ слоб. Нальчикъ, 3 начальныя двухклассныя въ гг. Грозномъ, Майкопѣ и Сухумѣ и одноклассная въ м. Назрань).

3) Маріинскихъ женскихъ училищъ—4 (въ Батумѣ и Карсѣ—съ 1890 г., въ г. Шушѣ—съ 1894 г., въ г. Асхабадѣ—съ 1896 г.).

4) Мореходныхъ классовъ—3 (въ г. Анапѣ, Потіи и Баку); съ 1 января 1898 года они перешли въ вѣдѣніе министерства финансовъ.

5) Промышленныхъ училищъ было къ концу года 14; изъ нихъ 11 могутъ быть признаны устроенными вполнѣ по нормальнымъ типамъ (Бакинское низшее техническое училище, ремесленныя училища Батумское и Елизаветпольское, школы ремесленныхъ учениковъ въ г. Ейскѣ и Боржомѣ и 6 низшихъ ремесленныхъ школъ—при Бакинскомъ техническомъ училищѣ, при Пятигорскомъ городскомъ училищѣ, и самостоятельно существующія—Закатальская, Екатеринодарская, Темрюкская и Новороссійская). Остальныя 3 учебныя заведенія (ремесленныя училища Владикавказское, Ставропольское и Тифлисское) продолжаютъ существовать на основаніи особыхъ для каждаго уставовъ, далеко не вполнѣ согласованныхъ съ нормальными.

С) Что касается до 3-го разряда учебныхъ заведеній, къ которому, кромѣ начальныхъ училищъ, присоединены и частныя учебныя заведенія, то въ этомъ разрядѣ произошли самыя значительныя измѣненія: число ихъ возрасло съ 1.216 до 1.373, то-есть на 157, или на 12,9%. Состоятъ эти учебныя заведенія изъ слѣдующихъ группъ:

1) Частныхъ учебныхъ заведеній было въ началѣ года 128,—въ концѣ—139 (открыто—28, закрыто—17). Изъ 139—одно относится къ I-му разряду (Тифлисская дворянская школа), 10—къ II-му (6 мужскихъ, 4 женскихъ частныхъ пансіона въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Ставрополѣ, Баку). Остальныя 128 училищъ (49—мужскихъ, 14—женскихъ, и 65 смѣшанныхъ) причисляются къ III-му разряду: одни изъ этихъ заведеній—простыя школы грамоты, другія—подготовительныя къ среднимъ. Число частныхъ заведеній очень измѣнчиво и неравно распредѣляется по мѣстностямъ края: въ Тифлисской губ.—44 (въ са-

момъ г. Тифлисѣ—35) и Бакинскою—25 (въ самомъ г. Баку—16); сравнительно съ 1878 годомъ общее число частныхъ учебныхъ заведеній увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое (68 и 189).

2) Число начальныхъ (народныхъ) училищъ за годъ возросло съ 1.038 до 1.234, увеличившись на 146, или 13,4% (открыто 154, закрыто 8). Больше всего прибавилось училищъ въ Кубанской области (40), затѣмъ въ губерніяхъ Тифлисской (22), Кутаисской (19), Ставропольской (18), Черноморской (16), Бакинской (11), Елизаветпольской (6), Эриванской (3) и въ областяхъ Закаспійской (8), Терской (2), Карсской (1). Изъ общаго числа 1234 начальныхъ училищъ—двухклассныхъ—235 (19,0%), и одноклассныхъ—999 (81,0%); городскихъ—176 (14,3%) и сельскихъ 1.058 (85,7%); мужскихъ—326 (26,4%), женскихъ—121 (9,8%) и смѣшанныхъ—787 (63,8%).

По источникамъ содержанія число училищъ округа распадается такъ: а) казенныхъ—86 (7,0%) (16 городскихъ начальныхъ училищъ, 7—образцовыхъ при учительскихъ семинаріяхъ, 63—сельскихъ, нормальныхъ); б) содержимыхъ на средства благотворительныхъ обществъ—25 (2,0%), на средства частныхъ лицъ—11 (0,9%), в) церковно-приходскихъ—56 (4,5%)—(39 протестантскихъ, 12—католическихъ, 5—армяно-григоріанскихъ); наконецъ, д) общественныхъ—1056 (85,6%) (102—на средства городскихъ обществъ, 66—на счетъ земскихъ сборовъ, 888—на счетъ сельскихъ обществъ).

По языку, на которомъ ведется преподаваніе: въ 1.045 училищахъ (изъ 1.234)—преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ (84,7%; въ 1878 г. число такихъ школъ было меньше 50%). Училищъ съ преподаваніемъ исключительно на туземныхъ языкахъ въ округѣ нѣтъ (еще въ 1879 г. ихъ было болѣе 1/6 всего числа училищъ).

По продолжительности существованія: изъ 1.234 начальныхъ училищъ открыты: въ 1897 г.—154; въ 1896—92; 1895—51, въ 1894—26; въ 1893—18; 1892—15; въ 1891—21; въ 1890—20; въ 1889—12; въ 1888—14, — слѣдовательно, за послѣднее десятилѣтіе—423 (34,2%), въ предшествовавшее десятилѣтіе (1878—1887)—264 (21,4%); въ 1868—1877 гг.—304 (24,7%); въ 1858—1867 гг.—193 (15,7%); въ 1848—1857 гг.—29 (2,3%); до 1848—21 (1,7%). По частямъ Кавказскаго края училища распредѣляются такъ: въ Кубанской области—364 (29,5%), въ губерніяхъ Ставропольской—190 (15,4%), Кутаисской—179 (14,5%) и Тифлисской—153 (12,4%), въ Терской области—124 (10,1%), въ губерніяхъ Бакинскою—52 (4,2%), Елизаветпольской—47 (3,8%), Эриванской—42 (3,4%) и Черномор-

ской—28 (2,8%) и въ областяхъ Закаспійской—35 (2,8%), Карсской—10 (0,8%) и Дагестанской—10 (0,8%).

Всего подчиненныхъ округу учебныхъ заведеній къ концу отчетнаго года числилось 1.486. на 166 болѣе числа учебныхъ заведеній, чѣмъ въ 1896 г., и вдвое болѣе числа учебныхъ заведеній, чѣмъ въ 1878 г. (743 и 1.486). На каждыя 10.000 населенія приходится въ Кавказскомъ краѣ 1,56 училищъ (для Черноморской губерніи—6, Кубанской области и губерній Ставропольской, Тифлисской и Кутаисской—около 2). Начальныхъ народныхъ училищъ приходится среднимъ числомъ одно на 7.700 душъ населенія (на Сѣв. Кавказѣ—на 5¹/₂ тыс.; въ Закавказьѣ—на 10¹/₂ тыс.). Русское населеніе имѣетъ по одной школѣ на 4,4 тысячи жителей, грузинское—на 5,9, армянское—на 14,9, а мусульманское—на 30 тысячъ.

Число пансіонеровъ. Число учебныхъ заведеній съ интернатами незначительно, хотя все-таки за послѣднія 20 лѣтъ увеличилось съ 37 до 69 (4,6% общаго числа заведеній округа). Интернаты были при 20 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (5 мужскихъ гимназіяхъ, 4 реальныхъ училищахъ, 5 женскихъ гимназіяхъ, 2 женскихъ прогимназіяхъ, учительскомъ институтѣ и 3 учительскихъ семинаріяхъ), при 13 низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (4 городскихъ училищахъ, 5 горскихъ школахъ и 4 промышленныхъ училищахъ), при 26 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и 10 начальныхъ училищахъ (5—Тифлисской губерніи и 5—Закаспійской области).

Число классовъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа число классовъ въ отчетномъ году возросло съ 2.513 до 2.815, то-есть, на 302, или 12,0%. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всего 487 классовъ (по 10,4 кл., среднимъ числомъ, на каждое), въ низшихъ—311 (по 4,7 на каждое), въ частныхъ и начальныхъ училищахъ 2.017 (по 1,5 на каждое). Велико число классовъ, благодаря существованію параллельныхъ отдѣленій и подготовительныхъ классовъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія. Библіотеки всѣхъ 47 среднихъ учебныхъ заведеній округа въ концѣ отчетнаго года заключали 125.173 названія (въ среднемъ до 2.663 на одно учебное заведеніе). въ 259.935 томахъ (въ среднемъ—5.531), стоимостью въ 392.195 руб. (въ среднемъ—8.345 руб.). Новыхъ приобретеній сдѣлано было на сумму 24.454 руб. (въ среднемъ 520 руб.); стоимость библиотекъ увеличилась къ концу отчетнаго года на 23.041 руб. (6,2%). Библіотеки 66 низшихъ учебныхъ заведеній состояли изъ 65.646 названій (среднее 795), въ 150.408 томахъ (2.279), на сумму 158.348 руб.

(2.899 руб.); новыхъ книгъ приобретено на 9.534 руб. (144 руб.), а стоимость библиотекъ увеличилась на 9.585 руб. (6,4%). Изъ 1234 начальныхъ училищъ имѣли школьныя библиотеки 1.061 (86%); эти библиотеки состояли въ общей сложности изъ 775.504 томовъ, стоимостью въ 489.184 руб. Итакъ, общая стоимость всего библиотечнаго имущества заведенія округа—989.727 рублей.

Физическіе кабинеты (включая сюда и химическіе и естественно-историческіе кабинеты) состояли къ концу года въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—изъ 26.836 приборовъ (среднимъ числомъ по 571 на одно учебное заведеніе), на сумму 205.216 руб. (въ среднемъ—4.366 руб.); приобретенъ сдѣлано на 6.504 руб. (въ среднемъ—188 руб.); въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—изъ 7.568 приборовъ (въ среднемъ—115), на сумму 43.309 руб. (656 руб.), приобретено на 2.753 руб. (41 руб.). Итакъ, стоимость кабинетовъ всѣхъ учебныхъ заведеній округа—248.525 рублей.

Собранія остальныхъ учебныхъ пособій (со включеніемъ инвентаря мастерскихъ при промышленныхъ училищахъ) заключали въ себѣ къ концу года: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—46.613 предметовъ (992), стоимостью—191.573 руб. (4.076 руб.); новыхъ приобретенъ сдѣлано на 11.546 руб. (267 руб.); въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—67.081 предметъ (1.016 руб.), на сумму 182.735 руб. (2.769 руб.); приобретено пособій на 16.553 руб. (251 руб.).

Итакъ, стоимость всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений при учебныхъ заведеніяхъ округа выражается: для среднихъ учебныхъ заведеній—цифрой 788.984 руб. (на 43.225 руб. больше, чѣмъ въ началѣ отчетнаго года (на 5,8%), и больше, чѣмъ было 18 лѣтъ тому назадъ (158.248), почти впятеро); въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—цифрой 384.392 руб. (на 27.629 руб. больше, чѣмъ въ началѣ года (7,7%), а сравнительно съ 1879 годомъ (56.139) почти въ 7 разъ). Изъ среднихъ учебныхъ заведеній богаче реальныя училища (28.198 руб. на каждое) и мужскія гимназіи (24.893 руб.), бѣднѣе всѣхъ—женскія прогимназіи (1.611 руб.). Въ среднемъ, каждое среднее учебное заведеніе имѣло учебно-вспомогательныхъ учреждений на 16.572 рубля. Изъ низшихъ учебныхъ заведеній богаче всѣхъ—промышленныя училища (9.745 руб.), бѣднѣе—Маринскія женскія училища (1.155 руб.) и мореходные классы (1.948 руб.). Средняя стоимость всѣхъ пособій для одного низшаго учебнаго заведенія—5.826 руб. (въ прошломъ году 6.047 руб.). Общая стоимость всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа выражается цифрой—1.612.560 рублей.

Матеріальныя средства учебныя заведеній. а) На содержаніе 1.486 учебныя заведеній округа поступило въ теченіе 1897 года 4.764.489 руб., что съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ составляетъ почти 6 милліоновъ рублей.

Новыя поступления по источникамъ содержанія распределяются (въ процентахъ) такъ: изъ суммъ государственнаго казначейства—25,8%, отъ казачьихъ войскъ—3,0%, изъ земскихъ сборовъ—2,5%, отъ городскихъ обществъ—10,9%, отъ сельскихъ обществъ—13,1%, отъ благотворительныхъ обществъ—0,4%, отъ церквей и монастырей—0,4%, изъ сбора за ученіе—20,1%, отъ платы за содержаніе частныхъ пансіонеровъ—6,7%, пожертвованій—0,8%, взносовъ почетныхъ попечителей, смотрителей и блюстителей—0,4%, процентовъ съ капиталовъ—1,3% и другихъ случайныхъ поступленій—13,7%.

Сумма, поступившая отъ казны, составляетъ 1.492.722 руб. (на среднія учебныя заведенія—63,6%, низшія—19,6%, начальныя—16,8%),—отъ городскихъ и сельскихъ обществъ—1.144.180 руб. (на начальныя училища—69,4%, среднія—15,2%, низшія—15,4%),—отъ взносовъ платы за право ученія—1.316.747 руб. (на среднія учебныя заведенія—66,8%, на частныя и начальныя—19,2% и низшія—7,8%).

Такимъ образомъ, общая сумма поступленія за истекшія 18 лѣтъ увеличилась почти втрое (1.681 и 4.764 тысячъ руб.); отпуска отъ казны увеличились почти на 80% (833 и 1.493 тысячъ руб.), ассигнованія городскихъ и сельскихъ обществъ—вчетверо (300 и 1.144 тысячъ руб.), сборъ за ученіе и воспитаніе—почти впятеро (275 и 1.317 тысячъ руб.).

б) Расходъ на содержаніе учебныя заведенія округа равнялся—4.297.138 руб.; изъ нихъ на среднія учебныя заведенія приходится—2.104.941 руб. (49,0%), на низшія—624.738 руб. (14,5%) и на частныя и начальныя—1.567.459 руб. (36,5%). По статьямъ расходы распадаются такъ: въ среднихъ учебныя заведеніяхъ,—на содержаніе личнаго состава—58,5%, на наемъ и ремонтъ помѣщеній и прочія хозяйственныя нужды—33,6%, на другіе расходы—7,9%; въ низшихъ учебныя заведеніяхъ, соответственно—52,1%, 31,8%, 16,1%. Средній расходъ на содержаніе одного средняго учебнаго заведенія равняется въ 1897 году—44.786 руб. (безъ расходовъ на пансіоны—34.403 руб. и на каждый пансіонъ—24.399 руб.), низшаго—9.466 руб. (безъ пансіоновъ—8.336 руб. и на каждый пансіонъ—5.736 руб.) и одного частнаго или начальнаго училища—1.142 руб.

Среднимъ счетомъ, содержаніе каждой мужской гимназіи—55.798 руб., реального училища—37.334 руб., мужской прогимназіи—33.067 руб., учительскаго института—32.443 руб., женской гимназіи—30.796 руб., учительской семинаріи—22.821 руб., женской прогимназіи—13.506 руб., промышленнаго училища—11.843 руб., городскаго училища—8.349 руб., Маріинскаго училища—6.328 руб., горской школы—5.538 руб., частнаго учебнаго заведенія—2.266 руб., мореходнаго класса—1.912 руб. и начальнаго училища—1.015 рублей.

с) Средняя стоимость обученія одного учащагося въ учебныхъ заведеніяхъ округа опредѣлилась за 1897 годъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ 95 руб., въ низшихъ—въ 45 руб., въ частныхъ—въ 43 руб. и въ начальныхъ училищахъ—въ 14 руб.; дороже всего обходится обученіе одного учащагося въ учительскомъ институтѣ (384 руб.) и учительской семинаріи (312 руб.), дешевле всего обходилось обученіе въ училищахъ городскихъ—34 руб., женскихъ Маріинскихъ—35 руб. и въ мореходныхъ классахъ—32 рубля. Содержаніе пансіонера въ среднемъ обходилось въ 206 руб. (въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—237 руб., въ низшихъ—127 руб.).

d) Размѣръ годовою платы за право ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ доходить до 80 руб., въ низшихъ—до 30 руб., въ частныхъ—до 240 руб., въ начальныхъ—до 45 рублей. За содержаніе въ пансіонахъ взимается въ годъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—отъ 80 до 300 руб., въ низшихъ—отъ 60 до 140 руб. и въ частныхъ—отъ 30 до 480 рублей. Освобождено отъ взноса платы за ученіе было: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—2.467 человекъ (16,6%—около $\frac{1}{6}$ всѣхъ приходящихъ учениковъ и ученицъ), въ низшихъ—2.322 (20,0% или $\frac{1}{5}$ всѣхъ приходящихъ) и въ частныхъ—2.241 (82,4%, то-есть, почти $\frac{1}{2}$); бесплатно содержалось въ пансіонахъ—среднихъ учебныхъ заведеній—1.140 (50,3%, то-есть болѣе $\frac{1}{2}$ пансіонеровъ), низшихъ—480 (81,5%), частныхъ—123 (32,9%, то-есть почти $\frac{1}{3}$). Сумма, которую должны бы внести за себя освобожденные отъ платы—свыше 385 тыс. рублей.

e) Разныхъ специальныхъ средствъ и запасныхъ капиталовъ было въ распоряженіи округа въ отчетномъ году—3.801.658 руб. (1.702.058 руб.—остатки отъ прежнихъ лѣтъ, а 2.099.605 руб.—поступленія отчетнаго года). Израсходовано въ теченіе года—1.900.337 руб., осталось къ концу года—1.901.321 руб. (612.113 руб.—наличными и 1.289.208 рублей въ процентныхъ бумагахъ). Сумма вновь поступившихъ специальныхъ средствъ слагается изъ слѣдующихъ по-

ступлений: а) сбора за право ученія (1.012.959 руб.), б) платы за частныхъ воспитанниковъ въ пансіонахъ (817.273 руб.) и с) другихъ спеціальныхъ средствъ, каковы взносы почетныхъ попечителей, проценты съ капиталовъ, пожертвованія (769.878 руб.).

г) Общество вспомошествованія нуждающимся ученикамъ было въ отчетномъ году—19 при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и 16—при низшихъ. Въ эти 35 учрежденія поступило въ 1897 году—61.461 руб.; израсходовано 47.037 руб. и оставалось къ концу года, вмѣстѣ съ остатками отъ прежнихъ лѣтъ, 114.121 руб. (въ среднемъ по 3.261 руб. на каждое учрежденіе). Большинство этихъ учрежденій имѣетъ цѣлью облегчить своею помощью тяжелое положеніе нуждающихся учениковъ, но имѣются учрежденія другаго типа, цѣль которыхъ вообще помогать учебному дѣлу: они приходятъ на помощь и учащимся и учебнымъ заведеніямъ (особенно плодотворно по своей дѣятельности „Общество соревнователей“ при Тифлисской 2-ой гимназій, которое, напримѣръ, израсходовало уже до 60 тысячъ рублей на постройку зданія для гимназій).

г) При 17 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и 5 городскихъ училищахъ имѣются ссудо-сберегательныя кассы; въ этихъ 22 кассахъ въ 1897 году членовъ было—739; выдано въ ссуду болѣе 300 тыс. руб., съ заемщиковъ взыскано 10.716 руб. процентовъ; сумма сбереженій къ концу года равнялась 168.517 руб. (въ среднемъ 7.660 руб. на каждую кассу и 228 руб. на каждого члена).

Помѣщенія учебныхъ заведеній. Болѣе $\frac{2}{3}$ учебныхъ заведеній округа имѣетъ собственныя помѣщенія; именно: изъ среднихъ учебныхъ заведеній—24 (51,1%), изъ низшихъ—24 (36,4%) и изъ начальныхъ училищъ—950 (77,2%), а всего 998 (67,2%). Стоимость всѣхъ этихъ помѣщеній въ общей сложности равна почти 7 милліонамъ рублей; средняя стоимость одного школьнаго помѣщенія—для среднего учебнаго заведенія—103 тыс. руб., низшаго—29 тыс. руб., начальнаго—4 тыс. рублей. Прочія учебныя заведенія пользовались наемными помѣщеніями: общая ихъ стоимость за годъ равна 170 тыс. руб.; средняя плата за годъ—для среднихъ учебныхъ заведеній—3.775 руб., для низшихъ—1.447 руб., для частныхъ—430 рублей. Сумма объемовъ классныхъ помѣщеній для всѣхъ учебныхъ заведеній округа—1.453.277 куб. арш.; на одно среднее учебное заведеніе приходится—6.037 куб. арш.,—на одно низшее—2.450, частное и начальное—734. на одинъ классъ въ среднемъ учебномъ заведеніи—583 куб. арш., въ низшемъ—520; въ частныхъ и начальныхъ—500. На одного уче-

ника въ среднемъ учебномъ заведеніи—16,9 куб. арш., въ низшемъ—18,8; въ частномъ и начальномъ—10,4. Въ среднемъ на одного ученика во всѣхъ заведеніяхъ округа приходится 11,5 куб. арш. воздуха.

Въ отчетномъ году по этой отрасли школьнаго хозяйства произошли слѣдующія улучшения: а) отстроены на правительственныя или общественныя средства собственные помѣщенія или покупкой приобрѣтены дома: для вновь открытой Батумской гимназій, для мужскихъ прогимназій Пятигорской и Асхабадской, для Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, для городскихъ училищъ Кизлярскаго и Закатальскаго, для Пятигорской ремесленной школы и для 86 начальныхъ училищъ. б) Улучшены и расширены собственныя помѣщенія: Эрванской женской прогимназій и Карсскаго городского училища. в) Продолжались работы по постройкѣ нѣкоторыхъ помѣщеній, (самое дорогое и обширное—помѣщеніе для Тифлисской 2-ой мужской гимназій). д) Начаты работы по постройкѣ собственныхъ помѣщеній для Новороссійской мужской гимназій, Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ, Асхабадскаго Маринскаго женскаго училища и многихъ начальныхъ училищъ.

Число и распределение служащихъ. а) Общее число всѣхъ служащихъ во всѣхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ округа опредѣляется къ 1-му января 1898 года приблизительно въ 6.800 чел., больше, чѣмъ въ началѣ отчетнаго года, на 569 чел. (9,1%), и болѣе, чѣмъ было въ 1878 году, въ 2½ раза (2.730 и 6.802). б) Въ отчетномъ году вновь назначено на разныя должности 1.468 лицъ (21,6%); начальствующихъ — 187, законоучителей, учителей и воспитателей—1.011 и прочихъ должностныхъ лицъ—270. Выбыло изъ личнаго состава—899 л. (13,2%); изъ нихъ умершихъ 43 (0,7%), перемѣщенныхъ на другія должности—481 (6,3%), уволенныхъ—425 (6,2%); вакантныхъ должностей къ концу года считалось 380 (5,3%); въ училищахъ низшихъ болѣе всего—7,4% и начальныхъ—6,8%.

Изъ общаго числа служащихъ — мужчинъ было 5.448 (80,0%), женщинъ—1.359 (20,0%); православныхъ—5.468 (80,4%), армяно-григоріанъ—589 (8,6%), католиковъ—197 (2,9%), протестантовъ—232 (3,4%), мусульманъ—292 (4,3%), иудеевъ—12 (0,2%), прочихъ вѣроисповѣданій 12 (0,2%). Въ управленіи округа и дирекціяхъ народныхъ училищъ служащихъ было—58, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—1.494, въ низшихъ—697, въ частныхъ—572 и въ начальныхъ—3.981. Почетныхъ попечителей, смотрителей и блюстителей и членовъ попечительныхъ совѣтовъ—1.022; директоровъ, инспекторовъ,

смотрителей, начальницъ и предсѣдателей педагогическихъ совѣтовъ—310, законоучителей—1.178, учителей и учительницъ, воспитателей и воспитательницъ—3.520, врачей—77 и проч. должностныхъ лицъ—700.

Образованіе служащихъ и получаемое ими содержаніе. а) Изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній значительное большинство получило образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ женскаго персонала большинство окончило курсъ въ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій Кавказскаго учебнаго округа. Преподаватели низшихъ и промышленныхъ заведеній по своему образовательному цензу тоже удовлетворяютъ требованіямъ устава. Въ начальныхъ училищахъ за 18 лѣтъ удалось достигнуть того, что число лицъ, имѣющихъ дипломъ на установленное званіе, поднялось съ 54% до 94%; изъ числа служащихъ въ этихъ заведеніяхъ окончило курсъ въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ—694 (58,3%), учительницъ, окончившихъ высшіе курсы или курсъ VIII класса было 236 (40,1%). б) Содержаніемъ пользовалось 5.402 чел. (79,4%). Общая сумма получаемого ими содержанія составляетъ 2.717.577 руб. (изъ нихъ 95.265 руб. прибавочнаго жалованья по привилегіямъ кавказской службы, которыми пользуются 288 лицъ (4,2%), и 104.210 руб. пенсіи за учебную службу, которая производится 129 лицамъ (2,0%). Среднее количество содержанія, получаемого однимъ лицомъ, въ центральныхъ управленіяхъ—2½ тыс. руб., въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—около 1 тыс. руб., а въ низшихъ—около 550 рублей.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя точно установленныхъ штатовъ не имѣютъ, содержаніе служащихъ въ среднемъ опредѣляется такъ: предсѣдатель педагогическаго совѣта получаетъ 426 руб. (въ гимназій—828 руб., въ прогимназій—92 руб.), начальница—879 руб. (998 и 622 руб.), врачъ—274 руб. (309 и 147 руб.), настоятель церкви—267 руб., секретарь педагогическаго совѣта—99 руб. Средній размѣръ годоваго содержанія штатнаго женскаго персонала (кромя начальницъ) опредѣляется въ 517 руб. на одно лицо (колебанія наблюдаются между 756 руб. (Тифлисская 1-ая гимназія) и 308 руб. (Сухумская прогимназія).

Въ начальныхъ училищахъ собственно Кавказскаго края средній размѣръ годового содержанія—для законоучителя—95 руб., учителя—390 руб., учительницы—330 руб. Изъ первыхъ получаютъ въ годъ не менѣе 200 руб.—7,6%, изъ вторыхъ—не менѣе 500 руб.—12,5%, изъ третьихъ не менѣе 500 руб.—18,4%.

Дѣятельность служащихъ. Оставляя въ сторонѣ энергичную дѣя-

тельность центральной администраціи округа, перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣятельности служащихъ по педагогической части:

а) въ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній состоялось въ отчетномъ году 3.863 засѣданія, или по 82, среднимъ числомъ, въ каждомъ заведеніи.

Постороннихъ лицъ, подвергавшихся въ совѣтѣ разнаго рода испытаніямъ, было въ отчетномъ году 246, изъ нихъ выдержали испытанія—194, или 78,9%. Процентъ пропущенныхъ преподавателями уроковъ не уклонялся отъ общепризнанной средней нормы 4% (4,15%); уроки были пропущены исключительно по болѣзни и другимъ законнымъ причинамъ (по причинамъ неуважительнымъ или неизвѣстнымъ пришлось отиѣтить—218 случаевъ, то-есть, не болѣе 1,4% общаго числа пропусковъ и 0,06% всего числа уроковъ). Кромѣ регулярныхъ занятій, въ теченіе года производились нѣсколько разъ классныя внешнія испытанія.

б) Педагогическіе совѣты низшихъ учебныхъ заведеній имѣли въ отчетномъ году 1.982 засѣданія, или по 30, среднимъ числомъ, на одно учебное заведеніе. Испытанію на право производства въ чинъ и на званіе учителя начальнаго училища подвергнуто въ педагогическихъ совѣтахъ городскихъ училищъ 74 лица, изъ которыхъ выдержали испытаніе 61, или 82,4%.

Процентъ пропущенныхъ уроковъ—4,53%, по неуважительнымъ причинамъ—496, то-есть, 5,1% относительно общаго числа пропусковъ, или 1/4% относительно всего числа уроковъ.

в) Итакъ, всего педагогическихъ засѣданій въ теченіе года было—5.842; постороннихъ лицъ подверглось испытанію—347 (выдержало испытаніе 277, или 79,8%); процентъ пропущенныхъ уроковъ во всѣхъ заведеніяхъ—4,26%. (Изъ общаго числа 25.078 пропусковъ—на болѣзнь преподавателей относится 64,0%, на служебныя обязанности—14,3%, на семейныя и домашнія обстоятельства—9,8%, на вызовы въ судъ—1,1%, на отпуска—8,0%, на причины неуважительныя—2,8%.)

д) О дѣятельности личнаго состава частныхъ и начальныхъ училищъ имѣется со стороны директоровъ общая аттестація: признано ведущими дѣло успѣшно—366, или 80%; въ начальныхъ училищахъ собственно Кавказскаго края признано таковыми: почетныхъ блюстителей и попечителей—349 (47,9%), законоучителей—618 (67,8%), учителей—927 (73,0%), учительницъ—484 (83,9%) и прочихъ должностныхъ лицъ—252 (63,2%). Изъ лицъ, занимающихся необяза-

тельными предметами, одобрены 176 учителей и учительниц пѣнія (9,5%), 60 (8,8%) учителей ремесль, 212 (11,5%) — садоводства и огородничества, 70 (3,8%) — шелководства, 65 (3,5%) — пчеловодства.

Число и распределение учащихся. а) Общее число учащихся возросло къ 1-му января 1898 года до 126.067 (больше, чѣмъ въ 1896 году, на 12.984, (11,5%) и болѣе, чѣмъ въ 1879 году, въ 2,1 раза). б) Распределение общаго числа учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа было таково:

1) приходящихъ учениковъ и ученицъ—122.528 (97,2%) и воспитанниковъ, живущихъ въ интернатахъ разнаго рода—3.544 (2,8%). 2) Учащихся мужскаго пола—95.838 (76,0%), женскаго—30.229 (24,0%), то-есть, на 100 учениковъ ученицъ приходится 31 (больше всего въ Тифлисской губерніи—53, и меньше въ Эриванской—16). 3) Въ мужскихъ гимназіяхъ—5.719 (4,5%), въ прогимназіяхъ—47 (0,4%), въ реальныхъ училищахъ—31,76 (2,5%), въ женскихъ гимназіяхъ—6.286 (5,0%), въ прогимназіяхъ—961 (0,8%), въ учительскомъ институтѣ—97 (0,1%) и въ учительскихъ семинаріяхъ—292 (0,2%). Итакъ, всего въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—17.008 (13,5%); въ городскихъ училищахъ—9.673 (7,7%), въ горскихъ школахъ—638 (0,5%), въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ—732 (0,6%), въ мореходныхъ классахъ 181 (0,1%) и въ промышленныхъ училищахъ—987 (0,8%), а всего въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—12.211 (9,7%), то-есть, больше, чѣмъ было въ началѣ года, на 1.402 (13,0%); въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ—7.304 (5,8%), больше, чѣмъ въ началѣ года, на 351 (6,0%), и, наконецъ, въ начальныхъ училищахъ—89.544 (71,0%), больше, чѣмъ въ началѣ года, на 9.683 (12,1%). 4) Въ Кубанской области учащихся—35.399 (28,1% всего числа учащихся), въ Ставропольской губерніи—13.690 (10,9%) и въ Терской области—13.285 (10,5%), а всего на Сѣверномъ Кавказѣ—62.374 (49,5%); въ губерніяхъ: Тифлисской—21.178 (16,8%), Кутаисской—18.298 (14,5%), Елизаветпольской—5.932 (4,7%), Эриванской—4.597 (3,6%), Бакинской—7.954 (6,3%) и Черноморской—1.481 (1,2%), и въ областяхъ: Карсской—1.239 (1,0%) и Дагестанской—1.226 (1,0%),—а всего въ Закавказскомъ краѣ—61.905 (49,1%) и въ Закаспійской области—1.788 (1,4%). 5) Изъ учащихся было: русскихъ — 66.848 (53,0%), грузинъ—23.134 (18,4%), армянъ—18.781 (14,9%), татаръ—4.118 (3,3%), горцевъ—3.526 (2,8%), евреевъ—1.415 (1,1%) и прочихъ народностей—8.245 (6,5%). Итакъ,

всего закавказскихъ туземцевъ въ заведеніяхъ округа—49.559 (39,4^o/о), при чемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ они составляютъ 40,8^o/о, въ низшихъ—55,4^o/о, въ частныхъ и начальныхъ—37,0^o/о. 6) Православныхъ между учащими было—89.805 (71,2^o/о), армяно-григоріанъ—17.595 (14,0^o/о), католиковъ—2.565 (2,0^o/о), протестантовъ—5.266 (4,2^o/о), іудеевъ—1.446 (1,2^o/о), мусульманъ—6.437 (5,1^o/о) и прочихъ вѣроисповѣданій—2.958 (2,3^o/о). 7) Между учащими было дѣтей князей дворянъ, чиновниковъ и офицеровъ—13.715 (10,9^o/о), духовнаго званія—2.279 (1,8^o/о), городскихъ сословій—27.927 (22,2^o/о), сельскихъ сословій—81.248 (64,4^o/о) и не русско-подданныхъ—898 (0,7^o/о).

с) Въ среднемъ на одно учебное заведеніе приходится почти 85 учащихся (въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—по 362, въ низшихъ—по 185; въ частныхъ—53; въ начальныхъ—73). Изъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній округа самыми многочисленными являются слѣдующія 15, имѣющія болѣе 500 учащихся: Тифлисская 1-я женская гимназія—931, Бакинская мужская гимназія—808, Тифлисскія мужскія гимназіи 1-я—790 и 2-я—708, женскія гимназіи Тифлисская 2-я—685 и Бакинская—632, мужскія гимназіи Кутаисская—611 и Тифлисская 3-я—609, Бакинское реальное училище—600, Владикавказская женская гимназія—584, Кутаисское заведеніе св. Нины—555, Тифлиское реальное училище—546, Ставропольская мужская гимназія—543 (не считая 233 учениковъ реального отдѣленія при гимназіи), Екатеринодарское шестиклассное городское училище—516 и Владикавказская мужская гимназія—500.

д) Среднее число учащихся на каждый классъ составляетъ почти—45 (точнѣе 44,8); въ средне-учебныхъ заведеніяхъ—34,9, въ низшихъ—39,3, въ частныхъ 30,8 и въ начальныхъ—50,8. Наибольшее число учащихся имѣютъ изъ многоклассныхъ учебныхъ заведеній мужскія гимназіи (38,9) и городскія училища (43,0), а наименьшее—промышленныя училища (26,0) и учительскія семинаріи (17,2).

е) Если къ числу учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ округа присоединить число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ (кроме еврейскихъ и мусульманскихъ), то общая сумма выразится числомъ—181.685 человекъ (мужскаго пола—137.936, или 75,9^o/о,—женскаго—43.749, или—24,1^o/о); число учащихся въ мусульманскихъ и еврейскихъ училищахъ—27.668 (мужскаго пола—23.140, или 83,6^o/о, женскаго—4.528, или 16,4^o/о). Итакъ, все число уча-

щихся во всѣхъ заведеніяхъ—209.353 (мужскаго пола—161.076, или 76,9%, женскаго—48.277, или 23,1%).

f) Если сопоставить съ числомъ населенія Кавказскаго края (9¹/₄ милліоновъ душъ) число учащихся въ округѣ, принявъ его за 126.067 (число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ округа), или за 181.685 (если прибавить число учащихся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ еврейскихъ и мусульманскихъ)—или за 209.353 (общее число учащихся), то на каждыя 10.000 душъ приходится въ первомъ случаѣ 134, во второмъ—194 и въ третьемъ—222 учащихся (число учащихся дѣвочекъ на 100 мальчиковъ выражается цифрами — 31, 32, 30). Наиболѣе благоприятные выводы въ отношеніи числа учащихся къ числу населенія получились для Черноморской губерніи (274, 362, 362), для Тифлисской (204, 269, 280), въ Кубанской области (184, 265, 266), губерніяхъ Ставропольской (156, 264, 274) и Кутаисской (170, 280, 355). Въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ находится губернія Елизаветпольская (68, 77, 86), Эриванская (57, 69, 73) и области Карсская (42, 81, 147) и Дагестанская (21, 24, 109), такъ какъ при обязательности обученія число учащихся на каждыя 10.000 человекъ должно равняться 1.500 человекъ, а это число въ Кавказскомъ краѣ меньше этой идеальной нормы приблизительно въ 7 разъ, то сдѣланные выше выводы относительно недостаточности учебныхъ заведеній въ краѣ еще разъ подтверждаются.

Число вновь поступившихъ и выбывшихъ. Прошеній о приемѣ въ среднія учебныя заведенія было подано — 7.136 (152, среднимъ числомъ, на каждое заведеніе), въ низшія—6.468 (98 на одно заведеніе); отказано въ приемѣ въ первыхъ—2.648, или 37,1% (по недостатку мѣстъ—506), во вторыхъ—1.842, или 28,5% (по недостатку мѣстъ—1.115); изъ подавшихъ прошенія приняты: въ первыя—4.488, или 62,9%, то-есть, по 95, среднимъ числомъ, на каждое среднее учебное заведеніе, и во вторыя—4.626, или — 71,5%, то-есть, по 70 на каждое низшее заведеніе. Легче всего поступленіе—изъ женскихъ учебныхъ заведеній: въ прогимназіи—90,2% (изъ всего числа желавшихъ поступить), гимназіи—73,1% и Маріинскія училища—69,5%, а изъ мужскихъ: въ мореходные классы—90,0%, городскія училища—74,5% и горскія школы — 68,0%. Значительно труднѣе приемъ—въ среднія мужскія учебныя заведенія: гимназіи—55,7%, реальныя училища—56,6% и въ промышленныя училища—54,0%, учительскій институтъ—36,6% и учительскія семинаріи — 20,5%. Изъ непринятыхъ по недостатку мѣстъ въ классахъ (1.621) болѣе половины при-

ходится на городскія училища (881). Въ частныя учебныя заведенія поступило—8.496.

Выбыло въ теченіе года изъ среднихъ учебныхъ заведеній: по случаю окончанія полнаго въ нихъ курса—785 (4,6% общаго числа учащихся) и до окончанія курса—1.939 (11,4%), а всего—2.724 (16,0%); изъ низшихъ учебныхъ заведеній: окончило курсъ—732 (6,0%), не окончило—2.492 (20,4%), а всего—3.224 (26,4%); изъ частныхъ учебныхъ заведеній—3.078 (42,3%); изъ начальныхъ—окончило—5.937 (6,6%), не окончило, но научилось грамотѣ—15.616 (17,6%).

Въ числѣ выбывшихъ уволено педагогическими совѣтами: за малоуспѣшность: изъ среднихъ учебныхъ заведеній—145, или 0,85% (изъ учительскихъ семинарій—7,88% и реальныхъ училищъ—2,05%), изъ низшихъ—94 (0,77%); за неодобрительное поведеніе: изъ среднихъ учебныхъ заведеній—23 (0,14%), изъ низшихъ—56 (0,46%), изъ начальныхъ—205 (0,23%). Больше всего уволено изъ учительскихъ семинарій—3,76% и мореходныхъ классовъ—9,39%.

Успѣшность учащихся. Изъ общаго числа учащихся, бывшихъ къ концу 1896—1897 учебнаго года изъ среднихъ учебныхъ заведеній округа (15.221), педагогическими совѣтами въ концѣ года удостоено аттестатовъ или переведено въ слѣдующіе высшіе классы—10.139 человекъ (66,6%), безусловно оставлено въ тѣхъ же классахъ 2.027 (13,3%) и назначена переэкзаменовка послѣ каникулъ 3.055 ученикамъ (20,1%); изъ послѣднихъ выдержали назначенныя имъ переэкзаменовки 1865 (61,0%), такъ что общее число успѣвшихъ за годъ увеличилось до 12.004, а успѣшность за годъ выразилась окончательно—76,9% (въ учительскомъ институтѣ—94,3%, въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—84,5% и 84,1%, въ учительскихъ семинаріяхъ—77,7%, мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—77,0% и 74,7%, въ реальныхъ училищахъ—69,9%). Такая средняя успѣшность (78,9%) ниже, чѣмъ въ 1895—1896 году (84,3%), но вполне достаточно сравнительно съ среднимъ выводомъ за десятилѣтіе (1884—1893 гг.) во всѣхъ заведеніяхъ (лишь 75,7%). Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ успѣшность была ниже, чѣмъ въ среднихъ, а именно: 73,9% (въ горскихъ школахъ—82,3%, въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ—76,1%, въ городскихъ—74,0%, въ промышленныхъ училищахъ—69,2% и въ мореходныхъ классахъ—43,3%). Успѣшность эта (75,7%) выше средней за 10 лѣтъ (67,9%).

Если для оцѣнки успѣшности учащихся въ среднихъ учебныхъ

заведеніяхъ взять выводы изъ донесеній, доставляемыхъ въ округъ въ концѣ каждой учебной четверти, съ указаніемъ числа учащихся, получавшихъ за истекшую четверть удовлетворительную аттестацію отъ своихъ преподавателей,—то окажется, что средняя успѣшность за тотъ же 1896—1897 годъ выражается цифрою—70,14%, что успѣшность вообще выше за 2-ую и 3-ью четверти и ниже за 1-ую и 4-ую. Изъ того, что эта цифра, добытая на основаніи аттестаціи учениковъ, значительно ниже той, которая получилась отъ наблюденія надъ числомъ учениковъ, переведенныхъ въ высшіе классы,—видно, что экзамены вообще повышаютъ успѣшность учениковъ.

Поведеніе учащихся было, въ общемъ, очень хорошее; число наказанныхъ было за годъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—790 (4,7% общаго числа учащихся, или по 17, среднимъ числомъ, на каждое учебное заведеніе) и въ низшихъ — 687 (5,6%) или по 10, среднимъ числомъ, на одно заведеніе). Наибольшій процентъ подвергшихся взыскаціямъ приходится на мореходные классы (15,4%), промышленныя училища (13,2%), мужскія гимназій (10,1%) и учительскія семинаріи (9,9%), и наименьшій—на всѣ женскія учебныя заведенія. Среднее число уроковъ, пропущенныхъ за годъ однимъ учащимся, было также незначительно: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—37,1, въ низшихъ—18,9 (изъ этого числа по болѣзни пропущено—въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—32,7, въ низшихъ—13,8).

Санитарное состояніе училищъ. Заболѣваній на каждые 100 учащихся приходится: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—по 220, въ низшихъ—по 96, въ частныхъ по 20 и въ начальныхъ—по 40, а во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вообще—по 68. Смертныхъ случаевъ въ отчетномъ году было: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 43, въ низшихъ—25, въ частныхъ—2 и въ начальныхъ—308, а всего—378. Такимъ образомъ процентъ смертности (0,30%) сравнительно съ среднимъ за 15 лѣтъ (0,42%)—не высокъ.

Заключеніе. Изъ наблюденій надъ жизнью Кавказскаго края и положеніемъ тамъ образованія г. попечитель Кавказскаго округа пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Для полнаго объединенія края съ Имперіей, равно какъ и для смягченія нравовъ края, надо расширить вліяніе русской школы; войска и земская стража оказываются безсильными тамъ, гдѣ непобѣдимо воздѣйствіе образованія. Результаты получились бы совсѣмъ иные, когда бы большая часть расходовъ на земскую стражу была употребляема на устройство и содержаніе школъ, но только школъ

правильныхъ, съ дополнительнымъ обученіемъ учащихся земледѣлію, садоводству, пчеловодству, шелководству и вообще тѣмъ профессіямъ, распространеніе конхъ въ населеніи способствовало бы улучшенію его матеріальнаго благосостоянія.

Исходя изъ словъ Высочайшаго повелѣнія 12-го августа 1898 г., г. попечитель предлагаетъ рядъ соответствующихъ мѣропріятій: такъ какъ многочисленное войско является тяжелымъ бременемъ для государства, пекущагося объ образованіи подданныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, отвлекаетъ большую часть доходовъ государства, а, съ другой стороны, лучшихъ людей отнимаетъ отъ образованія и дѣлаетъ ихъ въ этомъ отношеніи вполнѣ бесполезными,—потому полезнѣе было бы уменьшить число войска и увеличить его качества не только физическія, но и умственные и нравственные,—этого можно достигнуть только распространеніемъ образованія при неуклонной совмѣстной работѣ вѣдомствъ военнаго и народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью г. попечитель, между прочимъ, предложилъ съ своей стороны расширить военный элементъ въ образованіи подвѣдомственныхъ ему заведеній.

II. Признавая необходимость, по крайней мѣрѣ, въ 7 разъ увеличить число учебныхъ заведеній въ краѣ, г. попечитель указываетъ на цѣлый рядъ мѣстныхъ источниковъ, которые могли бы дать средства для образованія.

III. Съ цѣлью распространенія техническихъ знаній, г. попечитель находитъ желательнымъ постепенное открытіе при реальныхъ училищахъ двухъ и трехлѣтнихъ курсовъ техническихъ знаній (напримѣръ, архитектурнаго, механическаго, горнаго, химическаго, агрономическаго и пр.).

IV. Желательно объединеніе въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія завѣдыванія образованіемъ во *всѣхъ* мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыми теперь завѣдуютъ 8 министерствъ.

V. Необходимо улучшить матеріальное положеніе учителей и другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, такъ какъ штаты, постоянно увеличивавшіеся съ 1804 г. до 1864,—съ тѣхъ поръ, то-есть, болѣе, чѣмъ за 30 лѣтъ, не увеличивались.

VI. Желательно уменьшить количество канцелярской переписки, которая тяжелымъ бременемъ ложится на служащихъ.

Наконецъ, г. попечитель указалъ на желательность двухъ слѣдующихъ частныхъ мѣръ: 1) необходимо упорядочить выдачу жа-

лованья учителямъ начальныхъ училищъ, которые зависятъ отъ общества и отъ ихъ неакуратности по нѣскольку мѣсяцевъ не получаютъ жалованья,—для устраненія такого положенія дѣль общественный сборъ на содержаніе школъ должны взимать вмѣстѣ съ податями, 2) учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ, получившимъ надлежащее педагогическое образованіе, необходимо издавать служебныя права и права на пенсію.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1896 года.

I.

Политическія событія вызвали еще новую переи́мну министерства. Лейгъ замѣстилъ Буржуа. Онъ, какъ и Буржуа, былъ уже министромъ народнаго просвѣщенія, онъ, какъ и Буржуа, большой почитатель гуманнаго образованія, напечаталъ книжку прекрасныхъ стихотвореній и самъ принадлежитъ къ группѣ *félibres*, то-есть, современныхъ провансальскихъ поэтовъ, играющей въ нашей умственной жизни довольно значительную роль.

Въ общемъ за послѣдніе мѣсяцы въ сферѣ народнаго просвѣщенія не произошло ничего новаго; продолжаютъ заниматься преобразованиемъ средней школы. Жебаръ, профессоръ Сорбонны и одинъ изъ нашихъ лучшихъ преподавателей исторіи литературы, напечаталъ въ *Journal des Débats* серію статей, требующихъ облегченія программъ средней школы, программъ, передъ которыми отступилъ бы самъ Пикъ-де-ла-Мирандола. Было бы желательно собрать эти статьи въ одну книгу.

Я уже не разъ писалъ вамъ о походѣ, предпринятомъ противъ экзамена на бакалавра. Онъ все еще съ большею энергіей продолжается хорошо извѣстнымъ путешественникомъ Бонвало, который стремится развить въ нашей странѣ духъ колоніальной предпримчивости, находя, что нынѣшняя наша школа образуетъ изъ нашихъ сыновей преимущественно чиновниковъ, лишенныхъ склонности къ инициативѣ. Этотъ же взглядъ проводитъ выдающійся публицистъ Эмонъ Демолень въ сочиненіи: „Превосходство англо-саксонской

расы" (La supériorité de la race Anglo-Saxonne). Не довольствуясь своимъ сочиненіемъ, Демоненъ намѣренъ открыть въ будущемъ году частное учебное заведеніе съ примѣненіемъ къ нему англійскаго метода воспитанія. Я возвращусь еще къ этой попыткѣ. Бонвало приобрѣлъ цѣнныхъ союзниковъ изъ круга ученыхъ и литераторовъ: Жюля Леметра, журналиста, драматическаго писателя и члена Французской академіи, и Лависса, профессора Сорбонны и также члена Французской академіи. Недавно въ большомъ залѣ Сорбонны, подъ предсѣдательствомъ Бонвало, состоялось совѣщаніе, посвященное вопросу о бакалаврствѣ. Говорилъ Лависсъ, хорошо знающій нашихъ бакалавровъ, во множествѣ экзаменовавшихся у него въ теченіе двадцати лѣтъ. „Испытаніе на степенъ бакалавра“, заявилъ Лависсъ,—„въ сущности разрушаетъ духъ воспитанія. Однообразіе программ подрываетъ планы родителей, учениковъ, учителей и дѣлаетъ невозможною или безплодною всякую инициативу. Программы предписываютъ одинаково для всѣхъ одно и то же, слишкомъ много хорошаго и дурнаго. Слѣдовало бы порвать съ этимъ принужденіемъ, представить преподавателямъ и ученикамъ болѣе инициативы и свободы. Слѣдовало бы ввести новую систему образованія, хотя бы въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ, поставивъ воспитаніе во главѣ всего школьнаго дѣла“. Лависсъ повторяетъ нѣсколько иначе сказанное тридцать лѣтъ тому назадъ Дюрюи: „Надо образовывать людей, а не бакалавровъ“. „Такъ какъ“, говоритъ Лависсъ,—„содержаніе преподаванія не составляетъ самаго главнаго въ жизни школы, то можно и при системѣ „современнаго образованія“, и при обученіи живымъ языкамъ готовить только мертвецовъ. Скажите мнѣ: похожи ученики любой коллегіи на живыхъ дѣтей? Прямо ли стоятъ они на своихъ ногахъ, держа плечи назадъ и голову высоко? Ловки ли они, поворотливы ли, хорошо ли управляютъ тѣмъ полезнымъ орудіемъ, чтò называется тѣломъ? Любятъ ли они своихъ учителей? Любятъ ли трудъ? Сознаютъ ли они, чтò онъ дѣлаетъ ихъ лучше и благороднѣе? Есть ли въ домѣ душа, которой они сочувствуютъ? Чувствуютъ ли они, что воспитываются для жизни? Да и въ самую жизнь вводятъ ли ихъ съ отеческою осторожностью и скромностью? Я хочу сказать: знаютъ ли они, что они—дѣти свободной и демократической Франціи, которой скорая кончина такъ часто предсказывается? Знаютъ ли, какая понадобится сила, чтобы задушить эти предсказанія? Однимъ словомъ, если душа въ этомъ домѣ? Встревожена ли она? Да. Ну, такъ поговоримъ о томъ, чему учать въ домѣ. Но я знаю уже главное, что эта коллегія —

хорошая коллегія. Я желалъ бы прежде всего, чтобы гдѣ-либо была испытана система этой новой коллегіи, которая ставила бы себѣ цѣлью—вызвать увлеченіе подвигомъ жизни. Если призвать добровольныхъ участниковъ и сказать имъ, въ чемъ будетъ состоять ихъ дѣятельность, то они легко найдутся. Доброе желаніе въ кругу преподавателей средней школы очень велико. Тамъ, какъ и всюду, прощаются охочія руки, но некому взять ихъ“.

Замѣтимъ между прочимъ, что эта новая программа была принята нѣсколько лѣтъ тому назадъ одною частною альзаскою школою, но школа не имѣла успѣха и вынуждена была просить пособія у правительства для поддержки своего существованія.

Погоня за степенью бакалавра убиваетъ духъ инициативы у молодежи и вмѣсто того, чтобы воспитывать, только дрессируетъ ее. Печальный порядокъ вещей для бѣдныхъ дѣтей, которыя ѣдятъ, не чувствуя голода, пьютъ, не имѣя жажды, и никогда не перевариваютъ пища!

Лависсъ требуетъ, чтобы ученики сдавали окончательные экзамены въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ заявляетъ, что профессора факультетовъ должны исполнять другія обязанности, а не экзаменовывать учениковъ изъ предметовъ средней школы и приводитъ слова, сказанныя однимъ иностраннымъ профессоромъ Фюстель-де-Куланжу. Знаменитый ученый жаловался на то, какъ много приходится ему терять времени на экзамены. „У васъ“, сказалъ ему иностранный коллега,—„бритвой рѣжутъ камни“. Кто желаетъ ближе познакомиться съ рѣчью Лависсы, найдетъ ее цѣлкомъ въ *Revue de Paris*, въ номерѣ отъ 15-го декабря. Эта статья нѣсколько юмористическая, но достойная глубокаго размышленія.

Нѣкоторые изъ реформаторовъ нашей школы предъявляютъ гораздо болѣе радикальное направленіе, нежели Лависсъ, ограничивающійся требованіемъ объ уничтоженіи экзамена на бакалавра, или Леметръ, требующій уничтоженія классическаго преподаванія. Таковъ Алексій Бертранъ, авторъ книги „L'Enseignement intégral“. Онъ состоитъ профессоромъ философіи въ Лионскомъ университетѣ, членомъ-корреспондентомъ института и считается однимъ изъ лучшихъ профессоровъ психологій. Бертранъ причисляетъ себя къ ученикамъ Декарта и Конта; онъ требуетъ, чтобы средняя школа была подвергнута реформѣ, указывая на опасность ея нынѣшняго состоянія, порождающаго неудачниковъ, вызывающаго обезлюденіе деревень и пренебреженіе къ ручному труду. Онъ разказываетъ ис-

торию различныхъ попытокъ дать народу какъ можно болѣе знаний, требуетъ основанія институтовъ и коллегій съ полнымъ „интегральнымъ“ преподаваніемъ, уничтоженія интерната и бакалаврства и введенія переходныхъ экзаменовъ. Кромѣ постоянныхъ учениковъ, Бертрапъ совѣтуетъ допускать на уроки вольнослушателей всякаго возраста. Такимъ образомъ установится постоянный контроль общественнаго мнѣнія; да къ тому же люди разныхъ возрастовъ и даже съ образованіемъ могутъ чувствовать потребность въ пополненіи своихъ свѣдѣній. Бертрапъ допускаетъ къ преподаванію и женщинъ наравнѣ съ мужчинами; для лицъ, стоящихъ во главѣ учебныхъ заведеній, онъ требуетъ ученой степени доктора. Его программа, говоритъ онъ, — должна примирить школу съ жизнью и создать новыхъ людей. Это парадоксальное сочиненіе написано очень живо, но требуемая имъ нововведенія отзываются фантастичностью.

II.

Въ прошломъ году я писалъ вамъ о сочиненіяхъ ученаго еллинасти Вейля. Ему пошелъ 80-й годъ. По этому случаю нѣсколько ученыхъ изъ числа его сотрудниковъ и учениковъ задумали издать сборникъ ученыхъ статей въ честь его. Книга, украшенная портретомъ почтеннаго еллиниста, издана фирмой Фонтемуанъ. Она содержитъ въ себѣ статьи французскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Главныя статьи суть слѣдующія: Компаретти (изъ Флоренціи)—„Диерамбы Вакхилида“; Альфреда Круазе—„Освобожденіе рабовъ для войны“; Дилла (изъ Берлина)—„*Symbola Empedoclea*“; Гомперца (изъ Вѣны)—„Геродотъ и Софоклъ“; Оветта — „Надгробная рѣчь въ Афинахъ“; Гервердена (изъ Утрехта)—„*Ad tragicorum graecorum fragmenta*“; Омоля—„Дельфійскія жертвоприношенія“; Кеніона (изъ Лондона)—„Отрывокъ папируса“; Мартена — „Пинейскія игры“; Николая (изъ Женевы)—„Неизданный папирусъ изъ Желевы“; Омона—„Инвентарь ризницы и библіотеки въ Струмицѣ (въ Македоніи)“; Опперта — „Геродотъ и древній Востокъ“; Перро—„Скульптура въ греческомъ храмѣ“; Сенди (изъ Кембриджа) — „Статуя Демосеена“; Семитела (изъ Афинъ)—„Замѣтки о Пиндарѣ и Софоклѣ“; Вильямовица-Меллендорфа (изъ Берлина)—„*De Versu phalaco*“. Нѣкоторыя статьи написаны на латинскомъ языкѣ, другія на греческомъ. Этотъ сборникъ, изданный въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, будетъ со временемъ рѣдкостью для еллинистовъ.

Еллинисты не менѣе хорошо встрѣтятъ книгу Филиппа Леграна: „*Θεοκρίτης*“, изданную тою же фирмой. Она вошла въ составъ „Библиотеки Аѳинской и Римской школы“, напечатавшей множество прекрасныхъ сочиненій. Авторъ, бывший ученикъ нашей Аѳинской школы, читаетъ лекціи на словесномъ факультетѣ въ Лионѣ. Книга его не возбуждаетъ новыхъ вопросовъ, но основательно излагаетъ все, что извѣстно касательно лица, о которомъ она говоритъ. Авторъ старался собрать всѣ свѣдѣнія о жизни поэта, о томъ, какъ онъ сочинялъ, о его языкѣ, грамматикѣ, версификаціи и стилѣ. Это превосходное руководство для преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, читающихъ лекціи о *Θεοκρίτης*. Желательно имѣть подобныя монографіи о всѣхъ великихъ авторахъ классической древности.

Обращаю вниманіе еллинистовъ еще на два важныя изданія: „Защитительная рѣчь Исея“ въ переводѣ на французскій языкъ Родольфа Дареста и „Сборникъ юридическихъ греческихъ надписей“, изданный Дарестомъ, Госсулье и Рейнакомъ. Дарестъ — совѣтникъ кассационной палаты и членъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, выдающійся законовѣдъ и еллинистъ; его переводъ Исея снабженъ юридическимъ комментариемъ, который составляетъ цѣлый курсъ аѳинскаго гражданскаго права и драгоценный матеріалъ для исторіи еллинскаго общества и правовъ. Въ то же время, для облегченія изученія греческаго права, Дарестъ старался отыскать въ „*Corpus inscriptionum*“ и въ археологическихъ журналахъ и сгруппировать надписи, относящіяся къ юридическому быту Аѳинъ. Сотрудники его Госсулье и Теодоръ Рейнакъ — то же прекрасные еллинисты. Первый томъ этого сочиненія вышелъ въ 1894 году. Второй печатается. Въ настоящемъ случаѣ я только хотѣлъ заявить, какъ будетъ интересно это изданіе.

Жоржъ Перро, въ сотрудничествѣ съ Шипье, окончилъ недавно VII-й томъ своей „Исторіи искусства въ древности“. Этотъ томъ посвященъ первобытной Греціи. Онъ изучаетъ искусство эпической и архаической Греціи, архитектуру, скульптуру, художественную промышленность (керамику, металлическія издѣлія, ткани, одежду). Большая часть книги занята изученіемъ архитектуры храмовъ двухъ стилей — дорическаго и ионическаго. Нѣсколько сотъ изображеній приложено къ этому превосходному труду, небывалому въ нашей литературѣ.

Неутомимый Брюнетьеръ, по видимому, взялъ за правило: „*Nulla dies sine linea*“. Онъ только что выпустилъ въ свѣтъ шестой томъ

„Критическихъ этюдовъ по исторіи французской литературы“. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ этюды о теоріи эволюціи и о философіи исторіи литературы, о средневѣковыхъ стихотворныхъ сказкахъ, о Корнельѣ, Буало, Боссюэтѣ, Андре Шенье, наконецъ—о литературномъ космополитизмѣ. Этюды эти очень любопытны. Брюнетьеръ умѣетъ обновлять самыя обыкновенныя темы. Онъ прежде всего „эссенсть“. Если не считать его учебника исторіи французской литературы, то онъ не писалъ большихъ сочиненій. За то имъ напечатано много сборниковъ этюдовъ, которые составляютъ уже томовъ двадцать. Должно однако сказать, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ Брюнетьеръ не замѣнилъ Сентъ-Бѣва, остающагося первымъ нашимъ критикомъ и историкомъ литературы XIX вѣка.

Между тѣмъ какъ Брюнетьеръ любитъ литературную мозанку, профессоръ Сорбонны Ленъенъ предпочитаетъ, напротивъ того, произведенія обширныхъ размѣровъ, въ два или три тома. Вы уже знаете его прекрасныя сочиненія: „Сатира средневѣковой Франціи“, „Сатира во Франціи шестнадцатаго вѣка“, „Поэзія патриотическая во Франціи, среднихъ вѣковъ и нашего времени“, „Комедія во Франціи въ XVIII вѣкѣ“; въ видѣ продолженія послѣдняго сочиненія авторъ выпустилъ въ свѣтъ два тома о комедіи во Франціи въ XIX вѣкѣ, очень интересныхъ и для насъ, и для иностранцевъ, такъ какъ французская комедія блистала по всему міру. Полное сочиненіе составитъ четыре тома: первые два, уже вышедшіе, анализируютъ послѣдовательно произведенія Н. Лемерсье, Пикара, Александра Дювала, Этьенна, Дезожье, Скриба, Казимира Делавиня, Александра Дюма-отца, Бальзака, Жоржа Занда, Жюля Сандо, Альфреда де-Мюссе, славнѣйшей плеяды изъ когда-либо существовавшихъ. Ленъенъ объясняетъ исторію комедіи исторіей общественной жизни и нравовъ. Это сочиненіе составитъ важный вкладъ въ исторію литературы и нравственной жизни нашей страны.

Ваши читатели, интересующіеся исторіей религіозныхъ идей во Франціи, прочтутъ съ большимъ интересомъ только что появившуюся книгу Фортюна Стровскаго: „Св. Францискъ де-Саль“. Этюды по исторіи религіознаго чувства во Франціи въ XVII вѣкѣ“. Стровскій—полякъ, родившійся во Франціи и получившій вполнѣ французское воспитаніе. Онъ ученикъ Нормальной школы и особенно Брюнетьера. Его мощный и осторожный учитель развилъ въ немъ вкусъ къ анализу литературному и психологическому. Св. Францискъ (1567 — 1622), епископъ Женевскій, одинъ изъ знаменитыхъ духовныхъ лицъ XVII

столѣтія и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ духовныхъ писателей того времени. Его „Introduction à la vie dévote“ вышло въ свѣтъ въ 1608 году и выдержало еще при жизни автора не менѣе 40 изданій. Его „Трактатъ о любви къ Богу“ былъ признанъ твореніемъ, достойнымъ великихъ отцовъ церкви. Его проповѣди, письма, различныя сочиненія образуютъ 16 томовъ и донынѣ служатъ любимымъ чтеніемъ для набожныхъ людей. Въ рядѣ дѣльныхъ очерковъ Стровскій изучаетъ религиозное чувство во Франціи отъ 1560 до 1600 года, складъ умственный и духовный св. Франциска, его проповѣдь, его значеніе, какъ исповѣдника, набожность времени св. Франциска и написанное имъ „Introduction à la vie dévote“, наконецъ влияніе св. Франциска на свѣтскую литературу XVII столѣтія. Это тонкій психологическій этюдъ. Я думаю, что Брюнетьеръ остался доволенъ своимъ ученикомъ, да и Сентъ-Бѣву, историку Поръ-Рояля, эта любопытная книга доставила бы большое удовольствіе.

Я уже сообщалъ вамъ о любопытномъ сочиненіи для исторіи нашего времени, о запискахъ маршала Кастеллана. Издатель ихъ напечаталъ недавно, подъ заглавіемъ: „Походы въ Крымъ, Италію, Африку, Китай и Сирію“. любопытное собраніе военныхъ писемъ. Это письма, писанныя маршалу Кастеллану его товарищами генералами Барагэ д'Илле, Ніелемъ, Боскэ, Пелисье, Канроберомъ, Вальяномъ, Шангарнье, Меллине. Эти письма идутъ отъ 1848 до 1862 года и не имѣютъ ничего официальнаго: они вполне интимнаго характера. Письма, относящіяся къ Крымской войнѣ, занимаютъ собою почти половину книги; изъ нихъ между прочимъ видно, какого труда стоило англо-французскимъ войскамъ воевать, и съ какимъ уваженіемъ они относились къ своимъ противникамъ. Въ письмахъ встрѣчаются любопытныя данныя для будущихъ историковъ этой славной войны.

Появилось еще два труда, въ высшей степени любопытныхъ для исторіи политическихъ и военныхъ сношеній Франціи съ Россіей. Жерменъ Балстэ напечаталъ первый томъ большаго сочиненія о маршалѣ Канроберѣ. Онъ зналъ маршала старикомъ и слышалъ множество его разказовъ. Семейство маршала передало ему нѣкоторыя бумаги и письма, а самъ онъ произвелъ поиски въ архивахъ морскаго министерства; свое сочиненіе онъ началъ еще при жизни стараго война, лично просмотрѣвшаго и исправившаго нѣкоторыя главы о походахъ въ Африку, Крымъ и Италію. Эти главы имѣютъ интересъ настоящей автобіографіи. Маршалъ отличался необыкновенною па-

мятью и помнилъ имена всѣхъ лицъ, съ которыми имѣлъ сношенія. Первый томъ этого важнаго труда, пока появившійся, идетъ до декабря 1852 года; въ короткое время онъ выдержалъ уже три изданія. Въ другомъ родѣ любопытны „Воспоминанія генерала графа Флѣри“. Съ военной точки зрѣнія генераль Флѣри не имѣлъ почти никакого значенія. Начавъ службу въ Африкѣ простымъ солдатомъ, онъ еще въ 1837 году сблизился съ Наполеономъ III, въ 1850 году организовалъ его военную квартиру, сдѣлался полковникомъ знаменитаго полка колонновожатыхъ, довѣреннымъ человѣкомъ президента и потомъ императора и приближеннымъ въ Тюлеери. Онъ сообщаетъ весьма любопытныя подробности о подготовленіи государственнаго переворота 2-го декабря, о женитьбѣ Наполеона III, объ офіціальной и семейной жизни въ Тюльерійскомъ дворцѣ, о походѣ въ Италію и Мексиканской войнѣ. Къ сожалѣнію, эти интересныя записки оканчиваются 1866 годомъ и не даютъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о томъ времени, когда генераль Флѣри состоялъ посломъ въ Петербургѣ и имѣлъ сношенія съ императоромъ Александромъ II. Въ нихъ многое говоритъ въ пользу Наполеона III; авторъ называетъ его гуманнымъ, щедрымъ человѣкомъ, жертвой своего великодушія.

Знаніе русскаго языка распространяется понемногу во французской арміи. Онъ преподавался въ теченіе двадцати лѣтъ въ Школѣ главнаго штаба, и тамъ образовалось довольно большое число хорошихъ учениковъ, ѣздившихъ въ Россію; нѣкоторые изъ нихъ слѣдятъ за вашею военною литературой. Одинъ изъ нихъ Нессель издалъ книгу о „Казакахъ“. Онъ говоритъ объ исторіи различныхъ войскъ, о гражданской и военной организаціи и наличномъ составѣ казачьихъ полковъ и о ихъ экономическихъ условіяхъ. Книга написана офицеромъ и для офицеровъ, но достойна вниманія и не посвященныхъ; для французскихъ читателей она представляетъ любопытную страницу изъ общей исторіи Россіи.

Докторъ естественныхъ наукъ и директоръ лабораторіи физиологической психологіи въ Сорбоннѣ Бине и докторъ философіи Анри положили основаніе изданію „Библіотеки педагогіи и психологіи“. Оно имѣетъ цѣлью сообщать педагогамъ о недавнихъ успѣхахъ экспериментальной психологіи. Первый томъ посвященъ „Умственному переутомленію“ (*La fatigue intellectuelle*). Прежняя педагогія, говорятъ авторы въ своемъ предисловіи,—должна быть совершенно уничтожена; она исходитъ изъ апріорныхъ утвержденій и замѣняетъ факты доводами, почерпнутыми изъ классическихъ авторовъ. Новая педа-

гогія должна быть основана на наблюденіи и опытѣ; опыты могутъ быть производимы и въ психологическихъ лабораторіяхъ, и въ школахъ. Лабораторные опыты очень сложны, школьные проще. Но и тѣ, и другіе требуютъ тщательнаго вниманія. Нѣтъ необходимости тревожить всѣхъ учащихся; достаточно призывать нѣсколькихъ въ кабинетъ директора. Лѣтъ десять тому назадъ наша медицинская академія много занималась вопросомъ объ умственномъ переутомленіи; но задача эта осталась не разрѣшенною. Бине и его сотрудники изучаютъ послѣдовательно психологическія и физиологическія явленія, происходящія отъ умственнаго труда: вліяніе умственнаго труда на сердце, на кровообращеніе, на температуру крови, дыханіе, мускульную силу, продукты питанія. Пересказывать содержаніе этой книги очень нелегко, и я не берусь за эту задачу; скажу только, что книга написана очень дѣльно и можетъ принести много пользы психологамъ и педагогамъ.

Л. Л—ръ.

НЕКРОЛОГЪ

I.

В. Н. Юргевичъ.

24-го ноября 1898 г., скончался въ Одессѣ вице-президентъ одесскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, бывший профессоръ Новороссійскаго университета Владиславъ Норбертовичъ *Юргевичъ*.

Покойный родился въ 1819 г. въ городѣ Вильно, гдѣ отецъ его служилъ секретаремъ университета; первоначальное образованіе получилъ въ Виленскомъ и потомъ Ковенскомъ училищѣ. Четырнадцатилѣтъ отъ роду онъ лично подалъ Императору Николаю Павловичу, во время его пребывания въ Ковно, прошеніе о принятіи въ Педагогическій институтъ, куда и былъ зачисленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ историко-филологическое отдѣленіе, въ 1837 году. По окончаніи курса въ Педагогическомъ институтѣ въ 1841 г., съ званіемъ старшаго учителя и съ золотою медалью, В. Н. Юргевичъ былъ отправленъ „для усовершенствованія въ наукахъ“ въ Лейпцигскій университетъ; въ 1844 г., по возвращеніи изъ Лейпцига онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта-профессора по кафедрѣ греческой и римской словесности въ Харьковскій университетъ. Въ 1858 г. Юргевичъ былъ переведенъ въ Ришельевскій лицей профессоромъ римской словесности; по преобразованіи лицея въ Новороссійскій университетъ, онъ состоялъ въ послѣднемъ сначала экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ, до 1887 г., при чемъ послѣ пятилѣтней отставки, съ 1877 до 1882 гг., читалъ лекціи на правахъ „сторонняго преподавателя“. По отзыву одного изъ слушателей, В. Н. Юргевичъ отличался „требовательностью“, хорошо зналъ слушателей,

а его курсы римскихъ древностей и особенно римской литературы, при обиліи матеріала и нѣкоторой сухости изложенія, „наводили страхъ даже на трудолюбивѣйшихъ специалистовъ“.

Кромѣ двухъ диссертаций: магистерской — „De mundiciis veterum Graecorum et Romanorum (въ сборн. „Рѣчи и отчеты Харьковскаго университета“, 1847 г.) и докторской — „De Iovis Lycæi matura cognominisque hujus ratione“ (въ I т. *Записокъ* Новороссійскаго университета, 1866 г. — эта диссертация была написана и защищена на латинскомъ языкѣ), В. Н. Юргевичъ по предмету своей специальности, насколько намъ извѣстно, напечаталъ только одну статью: „О пожарахъ и предохранительныхъ противъ нихъ мѣрахъ въ древнемъ Римѣ“ (въ сборн. „Рѣчи и отчеты Харьковскаго университета“, 1854 года); остальные же его работы все относятся къ области археологій южной Россіи.

Вступивъ, немедленно по переѣздѣ въ Одессу, въ составъ членовъ мѣстнаго общества исторіи и древностей, онъ до конца своей жизни былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ или, какъ сказано въ адресѣ, поднесенномъ ему въ 1892 г. обществомъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности, „главнымъ работникомъ“ общества: съ 1875 г. В. Н. Юргевичъ былъ секретаремъ общества, а съ 1883 г. до дня смерти его вице-президентомъ, совершилъ множество раскопокъ, особенно много въ 1870-хъ годахъ и почти въ каждомъ томѣ *Записокъ* общества помѣщалъ свои статьи, посвященныя изслѣдованію находимыхъ на югѣ Россіи памятниковъ греческихъ, римскихъ и генуэзскихъ, преимущественно же надписей.

Вотъ перечень важнѣйшихъ статей, напечатанныхъ имъ въ *Запискахъ* одесскаго общества исторіи и древностей: 1) „Генуэзскія надписи въ Крыму“. 2) „Три отрывка ольвійскихъ надписей“. 3) „Уставъ для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ“, латинскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями. 4) „Разказъ доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ венгерцевъ и письма папы Бенедикта IV къ Узбеку, его женѣ и сыну“ (т., 1863 г.). 5) „Двѣ аморгійскія надписи“. 6) „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи“ (т. VI, 1867 г.). 7) „Новыя надписи генуэзскія“ (т. VII, 1868 г.). 8) „О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго побережья Евксинскаго моря“. 9) „О монетахъ, находимыхъ въ Россіи“ (т. VIII, 1872 г.). 10) „Новѣйшія археологическія открытія въ Крыму“. 11) „О двухъ мраморахъ съ эллиническими надписями, открытыхъ въ городѣ

Керчи" (т. IX, 1875 г.). 12) „Стравонова географія, книга седьмая и одиннадцатая“; греческій текстъ съ переводомъ; исполненъ вмѣстѣ съ Маркопуло (т. X, 1877 г.). 13) „Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонисѣ“. 14) „Двѣ генуэзскія надписи изъ Балаклавъ“ (т. XI, 1879 г.). 15) „Древнегреческія надписи, найденныя въ Керчи, Анапѣ и Херсонисѣ въ 1880 г.“ (т. XII, 1881 г.). 16) „Генуэзскія надписи, найденныя въ Θεοδοσίи, въ 1883 г.“. 17) „Объ археологическихъ розыскахъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей“. 18) „Краткій очеркъ дѣятельности одесскаго общества исторіи и древностей“. 19) „О надписи съ именами императора Зенона и комита Діогена, ложно считающейся принадлежащею Херсонису византийскому“ (т. XIV, 1886 г.). 20) „Монеты г. Тира, хранящіяся въ музеѣ одесскаго общества исторіи и древностей“ (т. XV, 1889 г.). 21) „Тирасская надпись, найденная въ 1893 г.“ (т. XVII, 1894 г.). 22) „Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныя въ Θεοδοσίи въ 1894 г.“ (т. XVIII, 1895 г.) и 23) „Объ археологии въ царствованіе Екатерины II“ (т. XX, 1897 г.).

Кромѣ того, В. Н. Юргевичъ печаталъ свои статьи въ *Revue Archéologique*, „Трудахъ“ VI и IX археологическихъ съѣздовъ, въ *Извѣстіяхъ* московскаго общества исторіи древностей, Циркулярѣ Одесскаго учебнаго округа за 1886 г., и др. Въ „Циркулярѣ“ онъ помѣстилъ имѣющій и до сихъ поръ значеніе „Каталогъ книгъ для предполагаемыхъ въ гимназіяхъ классическихъ библіотекъ“.

Отдѣльно имъ изданы: „Псефизмъ древняго города Херсониса о назначеніи почестей и наградъ Діофанту за покореніе Крыма и освобожденіе херсонисцевъ отъ владычества скиновъ“ (1880 г.; собственно оттискъ изъ XI т. *Записокъ*); „Краткій указатель музея одесскаго общества исторіи и древностей“ (первое изданіе 1887 г., второе 1890 г.) и „Историческій очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности одесскаго общества исторіи и древностей Россіи“ (1889 г.).

В. Н. Юргевичъ былъ почетнымъ членомъ Императорскаго московскаго археологическаго общества, Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей, Императорскаго русскаго археологическаго, Киевскаго общества Нестора лѣтописца и Ростовскаго церковныхъ древностей, и дѣйствительнымъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей, Таврической ученой археологической комиссиі, *Società di Storia patriae* въ Генуѣ, и др.

В. Р.

II.

А. А. Скальковскій.

28-го декабря прошлаго года Одесса понесла и другую чувствительную потерю: она похоронила Нестора Новороссійскаго края — Аполлона Александровича Скальковскаго.

Покойный происходилъ изъ дворянской семьи, родился въ 1808 г. въ Житомирѣ, гдѣ и учился въ гимназін; потомъ недолго изучалъ медицинскія науки въ Виленскомъ университетѣ и наконецъ окончилъ въ 1828 г. юридическій факультетъ Московскаго университета. По окончаніи послѣдняго онъ переехалъ въ Одессу и поступилъ въ канцелярію тогдашняго генераль-губернатора М. С. Воронцова. Состоя при новороссійскомъ генераль-губернаторѣ долгое время своей службы, Скальковскій былъ дѣятельнымъ участникомъ въ очень многихъ мѣрахъ, принимавшихся для благоустройства г. Одессы и всего края, особенно при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и учрежденіи парокходства. Затѣмъ онъ былъ директоромъ главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края и редакторомъ его „Трудовъ“ и наконецъ до самой смерти завѣдующимъ архивомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который онъ самъ и организовалъ въ Одессѣ.

Учено-литературная дѣятельность А. А. Скальковскаго началась вскорѣ по прибытіи въ Одессу¹⁾, подъ вліяніемъ гр. М. С. Воронцова и его ближайшаго помощника А. П. Левшина, обратившихъ его на изученіе исторіи и археологіи края, и выразилась въ громадномъ количествѣ отдѣльныхъ изданій и статей въ періодической печати. Къ числу наиболее крупныхъ изъ нихъ слѣдуетъ отнести: „Хронологическое обзорніе исторіи Новороссійскаго края“ (Одесса, 1835 г.; въ предисловіи къ этому труду онъ подробно описалъ свою археографическую поѣздку по Новороссіи и сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи частныхъ осмотровымъ имъ архивовъ); „Первое тридцатилѣтіе г. Одессы. 1793—1823 г.“ (Одесса, 1837 г.);

¹⁾ Впрочемъ, есть свѣдѣнія, что онъ, будучи еще студентомъ Московскаго университета и посѣщая салонъ кн. З. Волконской, печаталъ мелкія записки въ московскихъ журналахъ.

„Сношенія Запорожья съ Крымомъ. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края“ (Одесса, 1844 г.); „Исторія Новой Сѣчи и послѣдняго коша Запорожскаго“ (Одесса, 1846 г., 3 тома. „Исторія“ составлена на основаніи архивныхъ матеріаловъ, разысканныхъ имъ въ архивахъ Екатеринославской казенной палаты и Бессарабской, и выдержала три изданія,—послѣднее вышло въ 1885—1886 гг.); „Наѣзды гайдамаковъ на западную Украину въ 1738—1768 гг.“ (Одесса, 1845 г.; составлена на основаніи матеріаловъ, найденныхъ имъ въ конфискованныхъ архивахъ польскихъ магнатовъ-участниковъ возстанія 1831 г.); „Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ“ (Одесса, 1848 г.); „Сравнительный взглядъ на Очаковскую область въ 1790 г. и 1840 г. (*Записки* Одесскаго общества исторіи и древностей Россіи, т. I; по матеріаламъ Запорожскаго и Херсонскаго архивовъ); „Филиппъ Орликъ и Запорожцы“ (*Кіевская Старина*, 1882 г., т. II); „Къ исторіи Запорожья“ (ib., т. III и IV); „Дунайцы“ (ib., 1885 г., т. XI); „Русское посольство къ хану крымскому въ концѣ XVIII вѣка“ (*Записки* Одесскаго общества исторіи и древностей Россіи“, т. XVI), и „Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея“ (Одесса, 1889 г.). Въ 1850 г. появился увѣнчаный Демидовскою преміей двухтомный статистическій трудъ А. А. Скальковскаго, подъ заглавіемъ: „Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края“; третій томъ его печатался въ концѣ 1850 г. и началъ 1860 г. въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“. Изъ другихъ сочиненій этого рода наиболѣе крупнымъ былъ „Историко-статистическій опытъ о торговыхъ и промышленныхъ силахъ г. Одессы“ (Одесса, 1859 г.).

Во время Крымской кампаніи покойный написалъ много публицистическихъ статей въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, *Сѣверной Пчелѣ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

Кромѣ того, А. А. Скальковскій не былъ чуждъ и беллетристики. Изданныя имъ въ 1848—1850 гг., нынѣ забытыя повѣсти, во вкусѣ Вальтеръ-Скотта,—„Кагальничанка“, „Хрустальная балка“, „Братья искупители“ и „Мамай“,—разказываютъ исторію Новороссіи и содержатъ въ себѣ немало любопытныхъ свѣдѣній изъ жизни второй половины XVIII в., почерпнутыхъ изъ архивовъ и разказовъ современниковъ.

Покойный былъ однимъ изъ учредителей „Одесскаго общества исторіи и древностей Россіи“ и „Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи

Наукъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; ему принадлежитъ честь отысканія драгоцѣннаго архива запорожскаго казачьяго войска, — наконецъ отъ него остались: богатая коллекція архивныхъ матеріаловъ по исторіи Запорожья и многотомная рукопись веденнаго имъ въ теченіе 70 лѣтъ дневника.

В. Р.

раста въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ о Кадмѣ, перенесшемъ финикійскія буквы въ Грецію. Однако, въ этомъ случаѣ уже достаточнымъ могло показаться упоминаніе древнѣйшихъ писателей, Геродота и Аристотеля; впрочемъ, и переписчикъ могъ опустить имя Теофраста, такъ какъ обращеніе съ подлинникомъ схолий, какъ мы увидимъ ниже, было свободное.—Что касается до ζ и θ, то и поименованія буквъ на *δασα* и *διπλα* Теофрасту могла броситься въ глаза аналогія звука ζ (по составу!) съ ξ и ψ, а θ съ φ и χ. Притомъ, какъ показалъ приводимый Шмидомъ его однофамилецъ К. Е. А. Schmidt ¹⁾, уже Платонъ ²⁾ и Аристотель ³⁾ различаютъ звуки по органамъ произношенія. Выдѣленіе ζ и θ могло такимъ образомъ основываться прямо на этомъ ученіи. Остается такимъ образомъ лишь тотъ аргументъ, на который главнымъ образомъ наираетъ Шмидъ, а именно, что свидѣтельство о теоріи Теофраста появляется впервые въ эпоху каролинговъ. Однако, это еще не есть доказательство и приобретаетъ силу лишь въ связи съ другими вѣскими фактами, говорящими противъ подлинности теоріи Теофраста. Такимъ именно фактомъ могло бы послужить неупоминаніе Плиніемъ въ указателѣ къ VII книгѣ имени Теофраста въ числѣ источниковъ. Креммер ⁴⁾ объясняетъ это или случайностью, или, слѣдуя Eichholtz'у ⁵⁾, тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ не имѣлъ самъ въ рукахъ сочиненія Теофраста ⁶⁾. Последнее весьма правдоподобно, а потому мнѣніе Шмида теряетъ свою силу.

Такимъ образомъ мы не имѣемъ основанія считать непременно Варрона родоначальникомъ теоріи о 16 буквахъ въ первоначальномъ греческомъ алфавитѣ. Его теорія о 16 буквахъ въ латинскомъ алфавитѣ могла, напротивъ, представлять собою примѣненіе къ греческой. Во всякомъ случаѣ теорія о 16 буквахъ возникла еще до грамматика Люція Таррсаго, которому, какъ мы увидимъ ниже, приписывается интересное насъ мѣсто изъ схолий къ Діонисію Фракійскому.

¹⁾ Beitr. zur Gesch. der Grammatik des Griechischen und Lateinischen, 1859, S. 83.

²⁾ Tim. 76 DE.

³⁾ Poet. 20, p. 1456, 31: *σχημασί τε τοῦ στόματος καὶ τόποις, καὶ τὰ στοιχεῖα διαφέρει ἀλλήλων*

⁴⁾ P. 103.

⁵⁾ De scriptoribus perì eúrḡmatōv. Halis, 1867, p. 17.

⁶⁾ Наоборотъ, имя Стратона, которымъ Плиніи, какъ доказали Eichholtz (p. 24), Kremmer (p. 101 sqq.) и Wendling (p. 63), безъ сомнѣнія, пользовался, въ указателѣ упоминается, въ текстѣ же нѣтъ.

3. Въ *Anecdota Oxoniensia IV*, pag. 400, 12—15 у Стангега мы читаемъ: „Γράμματα εἶρον Φοίνικας καὶ Σύροι. Τῶν Ἑλληνικῶν γραμμάτων τὴν σύνταξιν Παλαμῆδης ἐκποίησατο. ἦσαν δὲ ὀκτώ. προσέθετο τοῦτοισι Συμωνίδης Κίος τέσσαρα η, σ, ο, ω. καὶ Ἐπίχαρμος Σαρακοῦσις δύο γ, ε“¹⁾.—Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ предъ собою аристотелевскую теорію. Вмѣсто η σ ο ω η γ ε, очевидно, слѣдуетъ читать η ξ ψ ω η φ χ. Къ какому времени относится это сообщеніе, сказать, конечно, трудно. Однако, ясно, что мы должны здѣсь видѣть источникъ плиніевой замѣтки объ Аристотелѣ, восходящій къ началу александрійскаго періода²⁾.

Перейдемъ къ свидѣтельствамъ, находящимся въ схоліяхъ къ Діонисію Θρακίϊскому.

4. Bekker. *Anecd. graeca II*, pag. 781:

27. Περὶ τῆς τῶν γραμμάτων εὑρέσεως διαφόροι οἱ ἱστορικοὶ καὶ ἱστορήσαν· οἱ μὲν γὰρ Προμηθεῖα λέγουσι τοῦτων
29. εὑρετὴν, ἄλλοι δὲ Φοίνικα τὸν τοῦ Ἀχιλλέως παιδαγωγόν,
30. ἄλλοι δὲ τὸν Μιλήσιον Κάδμον, ἄλλοι δὲ τὴν Ἀθηναίαν,
31. ἄλλοι δὲ ἐξ οὐρανοῦ ἐβρίθθαι τοῖς ἀνθρώποις πρὸς
32. ἀφέλειαν. Εὐδρῆνται δὲ οὐχ ὕφ' ἐνὸς ἅπαντα· ὁσάτερον

pag. 782:

1. γὰρ ἐπεινήθησαν τὰ δασεῖα καὶ τὰ διπλα. πρὶν γὰρ ταῦτα
2. τα ἐπεινήθησαν, τοῖς ἐναντίοις ἐχρῶντο, οἷον εἰ ἠθέλησαν
3. λησαν χ ποιῆσαι, ἐποίουν κ καὶ ε· εἰ δὲ θ, ἐποίουν τε
4. εἰ δὲ φ, πάλιν ὁμοίως π καὶ δασεῖαν, ὡς νῦν Ῥωμαῖοι.
5. καὶ τὰ διπλα δὲ, ἐξ ἧν σύγκειται. ἄλλοι δὲ λέγουσιν
6. ὅτι καὶ τὰ μακρὰ τελευταῖον ἐπεινήθησαν, τῶν βραχείων
7. τὸ πρότερον μετὰ μακρᾶς προστιθεμένης ἀναπληρῶντων
8. τὴν τάξιν· ἐποίουν γὰρ ἀντὶ τοῦ ω ο καὶ ἄνω μακρὰν,
9. καὶ ἀντὶ τοῦ η ε καὶ ἄνωθεν μακρὰν. Τινὲς δὲ φοινοῦσιν
10. καὶ ἐκάλεσαν τὰ γράμματα, παρὰ τὸ τῆς φωνῆς εἰκόνα
11. εἶναι τὰ γράμματα.

¹⁾ Мѣсто это почеркнуто изъ Cod. Canon. 28. Chart. form. 12. Saec. XIV.

²⁾ Страбонъ, Гераклидъ Понтійскій, Филостефанъ (см. Kremmer, pag. 104 sqq.).

5. *Cramer. Anecd. Oxon. IV, pag. 325:*

4. Εὐρέθη δὲ τὰ πρῶτα ις' ἐκφωνήσεις γὰρ τούτων κδ'. καὶ
5. γὰρ εἰ μῆπω εὐροντο οἱ χαρακτῆρες, αἱ ἐκφωνήσεις διὰ τῶν
6. ις' ἐπληροῦντο μετὰ τινὸς προσφθίας. φσι γὰρ πρὶν εὐρε-
7. θῆναι τὰ δασέα τοῖς ἐναντίοις ἐχρῶντο· οἶον, εἰ ἠθέλησαν
8. ποιῆσαι χ, ἐποίουν κ καὶ ς. εἰ δὲ θ, τ καὶ ς. εἰ δὲ φ π
9. καὶ ς, ὡς νῦν οἱ Ῥωμαῖοι· καὶ τὰ διπλᾶ δὲ ἐξ ὧν σύγκεινται.
10. ἀντί δὲ τῶν μακρῶν· ἀντί τοῦ ω, ο καὶ— ἀντί τοῦ η, ε
11. καὶ — .

6. *Villoison. Anecdota graeca [Venetis 1785] II, pag. 121:*

19. ...in Cod. Marciano 489. εὐρηνται δὲ οὐχ ὕφ' ἐνόσ ἅπαντα τὰ
  20. γράμματα· ὕστερον γὰρ ἐπενοήθη τὰ δασέα καὶ τὰ διπλᾶ· πρὶν γὰρ
ταῦτα
  21. ἐπινοηθῆναι τοῖς ἐναντίοις ἐχρῶντο. εἰ ἠθέλησαν Χ ποιῆσαι, ἐποίουν Κ
  22. καὶ δασεῖαν· εἰ δὲ θ ἢ φ, κάλιν ὁμοίως ἵτὰ ἀντίστοιχα μετὰ δασειῶν·
ὡς μὲν
  23. οἱ Ῥωμαῖοι· καὶ τὰ διπλᾶ δὲ ἐξ αὐτῶν(!) σύγκεινται. ἄλλοι δὲ λέγου-
σιν ὅτι καὶ
  24. τὰ μακρὰ τελευταῖον ἐπενοήθη, τῶν βραχέων ἀνωθεν ἀναπληροῦντων
τὴν τάξιν.
  25. τινὲς δὲ φοινίκεια ἐκάλουν τὰ γράμματα ἀπὸ τοῦ φωνῆς εἰκόνα εἶναι.
7. Θεοδοσίου γραμματικοῦ περὶ γραμματικῆς [Goettling, Lips. 1822],

pag. 11:

22. Εὐρέθησαν μὲν τὰ πρῶτα δεκαεξί· ἀλλ' αἱ ἐκ-
23. φωνήσεις τούτων εἰκοσιτέσσαρες ἦσαν, εἰ καὶ μῆπω
24. εὐρημένοι ἦσαν οἱ χαρακτῆρες. Καὶ γὰρ αἱ ἐκφωνή-
25. σεις ἐπληροῦντο τῶν δεκαεξί στοιχείων μετὰ τινῶν
26. προσφθιῶν. φσι γὰρ πρὶν εὐρεθῆναι τὰ δασέα,
27. τοῖς φιλοῖς ἐχρῶντο μετὰ τῆς δασείας, καὶ εἰ μὲν ἦτα-
28. λον ποιῆσαι Χ ἐποίουν ΚΗ, εἰ δὲ ἠθέλον ποιῆσαι
29. Φ ἐποίουν ΠΗ, εἰ δὲ ἠθέλον ποιῆσαι Θ ἐποίουν
30. ΓΗ, ὡσπερ καὶ νῦν οἱ παλαιοὶ Ῥωμαῖοι ποιοῦσι,

pag. 12:

1. μὴ ἔχοντες δασέα. Καὶ πάλιν τὰ διπλᾶ· ἀντί τοῦ Ζ
2. ἐχρῶντο τῷ ΣΔ, ἀντί δὲ τοῦ Ξ ἐχρῶντο τῷ ΚΣ,

3. ἀντί δὲ τοῦ Ψ ἐχρῶντο τῷ ΠΣ. Καὶ κάλιν ἀντί τῶν
4. μακρῶν ἐχρῶντο τοῖς βραχέσι φωνήεσι μετὰ τῆς μα-
5. κρᾶς. Καὶ εἰ μὲν ἤθελον ποιῆσαι ω μέγα ἐποίουν Ο
6. καὶ μακρὰν οὕτως Ὡ, εἰ δὲ ἤθελον ποιῆσαι Η ἐποί-
7. ουν Ε καὶ μακρὰν οὕτως Ἐ. Καὶ περὶ τούτων ἄλλοι.

8. Bekker. Anecd. graeca II, pag. 781:

5. Ἰστέον δὲ ὅτι τὰ ὀνόματα τῶν στοιχείων ἄκλιτά εἰσιν,
6. ὡς μὲν φασι τινες, ὅτι βαρβάρων ἐστὶν εὐρήματα.
7. πρὸς οὗς ἐστὶν εἰπεῖν, ὅτι πρῶτον μὲν πολλὰ τῶν βαρ-
8. βάρων κλίνονται, ὡς τὸ Ξέρτης καὶ Δαρεῖος· εἶτα ὅτι
9. ἀποκόν ἐστὶ τὸ θεμέλιον τῆς Ἑλληνικῆς διαλέκτου βαρ-
10. βάρων εὐρήματα λέγειν· τρίτον δὲ εἰ, διότι βαρβάρων
11. ἐστὶν εὐρήματα, διὰ τοῦτο ἄκλιτά εἰσιν, ὥφειλον ἐκείνα
12. στοιχεῖα ἄκλιτα εἶναι μόνον, ἅπερ λέγει βαρβάρους εὐρεῖν
13. — φημί δὴ $\bar{\alpha}$, $\bar{\beta}$, $[\bar{\gamma}]$, $\bar{\delta}$, $[\bar{\epsilon}]$, $\bar{\iota}$, $\bar{\kappa}$, $\bar{\lambda}$, $\bar{\mu}$, $\bar{\nu}$, $\bar{\omicron}$, $\bar{\pi}$, $\bar{\rho}$, $\bar{\sigma}$, $\bar{\tau}$,
14. $\bar{\upsilon}$ — , τὰ δὲ ἄλλα ὅκτὼ τὰ ὑπὲρ τῶν Ἑλλήνων εὐρεθέν-
15. τα ὥφειλον κλίνεσθαι, φημί δὴ τὰ δύο μακρά, τὸ $\bar{\eta}$
16. καὶ τὸ $\bar{\omega}$, καὶ τρία διπλά, $\bar{\zeta}$, $\bar{\xi}$, $\bar{\psi}$, καὶ τρία δασέα,
17. $\bar{\theta}$, $\bar{\phi}$, $\bar{\chi}$. κακῶς οὖν λέγει. ἀλλὰ κρεῖττόν ἐστιν εἰπεῖν,
18. ὅτι διὰ τοῦτο τὰ ὀνόματα τῶν στοιχείων ἄκλιτά ἐστὶν,
19. ἢ ἐπειδὴ ἀρχαί εἰσιν, αἱ δὲ ἀρχαὶ θέλουσιν ἀπλαῖ τε
20. εἶναι καὶ ἀποκίλοι ὥσπερ ἡνίκα διαλέκτου (?) οἱ δὲ θεμέ-
21. λιοι ἀμεταθέτως θέλουσιν ἔχειν· ἢ διὰ τὰ ἀρτυμαθῆ τῶν
22. παιδῶν οὐ κλίνονται, ἵνα μὴ πολλὰ γινόμενα δασατά-
23. ληπτα αὐτοῖς γίνωνται. παρὰ Δημοκρίτῳ δὲ κλίνονται·
24. λέγεται γὰρ τὸ δέλτατος καὶ θήτατος. Ταῦτα μὲν ἐν
25. τούτοις.

9. Cramer. Anecd. Oxon. IV, pag. 319:

6. τὰ δὲ ὀνόματα τῶν στοιχείων ἄκλιτα εἰσιν, ὡς φασι τινες
7. ὅτι βαρβάρων ἐστὶν εὐρήματα. Ἄλλ' ἐστὶν εἰπεῖν ὅτι
8. πολλὰ τῶν βαρβάρων κλίνεται οἷον Δαρεῖος, Ξέρτης. δεύ-
9. τερον δὲ, ὅτι ἀποκόν ἐστὶ τὸν θεμέλιον τῆν Ἑλληνικῆς δια-
10. λέκτου βαρβάρων εὐρημα λέγειν. τρίτον εἰ διὰ τὸ βάρβαρα
11. εἶναι οὐ κλίνεται, ὥφειλον τὰ ις' μόνον μὴ κλίνεσθαι· τὰ δὲ
12. ἄλλα, ἤτοι τὰ ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων εὐρεθέντα κλίνεσθαι· φημί
13. δὲ τὰ δύο μακρά, καὶ τὰ γ' διπλά, καὶ τὰ γ' δασέα. κρεῖτ-

14. τον οὖν λέγειν, ὅτι ἐπειδὴ ἀρχαὶ εἰσὶν αἱ δὲ ἀρχαὶ θέλουσιν
15. ἀπλαῖ εἶναι ὡσπερ ἡ λεοκότης αὐτῆ καθ' ἑαυτὴν νοουμένη,
16. ἀπλῆ ἔστι· ἢ ὅτι οἱ θεμέλιοι ἀμεταθέτως θέλουσιν ἔχειν· ἢ
17. διὰ τὸ ἀρτιμαθὲς τῶν παιδῶν οὐ κλίνεται· μήπως πολλὰ
18. γεγόμενα δυσκατάληπτα αὐτοῖς γένηται. παρὰ τῷ Δημο-
19. κρίτῳ ¹⁾ κλίνεται· λέγει γὰρ δέλτατος καὶ θήτατος.

10. Bekk. Anecd. gr. II, pag. 782:

25. εὐρεται (pro εὐρηγται Wendling. p. 62) δὲ τῶν
26. λοιπῶν τῶν χαρακτήρων, τουτέστι τῶν ὀκτώ, οἷον τῶν δύο μακρῶν
27. καὶ τῶν τριῶν διπλῶν καὶ τριῶν δασέων, δηλοῦνται (pro δηλοῦντες
Wendling ibid.) Σιμωνίδης μὲν ὁ
28. Κεῖος τῶν δύο μακρῶν καὶ τοῦ ξ̄ καὶ τοῦ ψ̄, Παλαμῆδης (δὲ) τῶν
29. δασέων καὶ τοῦ ζ̄, ἢ ὡς φασὶ τινες, Ἐπίχαρμος ὁ Σορακοῦσιος. ²⁾

11. Cramer. An. Ox. IV, pag. 319:

39. Εὐρε δὲ τὰ μὲν δύο μακρὰ Σιμωνίδης ὁ Κεῖος, καὶ τὸ ζ̄
30. καὶ τὸ ψ̄. Παλαμῆδης δὲ τὸ ξ̄ καὶ τὰ δασέα. τινὲς δὲ φασὶν
31. Ἐπίχαρμος ὁ Σορακοῦσιος.

12. Bekker. An. Gr. II, pag. 780:

32. Ἰστέον δὲ ὅτι βαρβάρων μὲν εἰσὶν εὐρέματα τὰ ἔκκαί

pag. 781:

1. δεκα γράμματα ταῦτα, ᾱ, β̄, γ̄, δ̄, ε̄, ῑ, κ̄, λ̄, μ̄, ν̄, σ̄,
2. π̄, ρ̄, σ̄, τ̄, ῡ. Σιμωνίδου δὲ τοῦ Κεῖου εὐρεμα τὰ δύο
3. μακρὰ, τὸ ἠ̄ καὶ τὸ ω̄, καὶ τὰ δύο διπλᾶ, τὸ ξ̄ καὶ
4. τὸ ψ̄.

¹⁾ K. E. A. Schmidt, op. cit. pag. 79, замѣчаетъ къ этому мѣсту: „Sowohl λέγεται, als τό ist verdächtig, bedauern aber muss man auch in diesem Betrachte, über Demokrit so wenig zu wissen“. — Pag. 52: „Demokrit μῶ ἰν λεξικῷ ῥητορικῷ ap. Eustath. II. I' et Phot. v. μῶ sub fin. lit. μ.“.—Pag. 53: „Demokr. γέμμα ap. Eustath. zu Anfang von II. I'“. — Photii lex. Naber (Proleg. p. 125): „Bis laudatur Democritus, nempe in vv. ᾄ et μῶ (cf. vv. παρίπηγμα et βερυμῶσθαι).—Филоσοфъ Демокритъ живъ въ 460 — 378 гг. до Р. Хр. и былъ одиакъ къ древнѣшнѣ лексикографонъ.

²⁾ Cf. Plin. H. N. VII, 192.

№№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 Hilgard ¹⁾ приписываетъ грамматику Люцію Таррскому, жившему около начала нашей эры. При этомъ онъ основывается на изслѣдованіи Ноегсшелманн'а ²⁾. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Hilgard не совсѣмъ вѣрно понялъ Ноегсшелманн'а, который вовсе не думалъ приписывать Люцію Таррскому всѣ тѣ мѣста, которыя приводитъ подъ его именемъ Hilgard. Напротивъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ на страницахъ 341—343 брошюры Ноегсшелманн'а, послѣдній высказывается объ авторѣ схолий весьма неопредѣленно. Только А) руд. 783,1—784,16; 781,5—25; 782,14—29 и В) параллельныя мѣста 786,1—788,15; 780,82—781,4; 782,80—783, 34 изъ Anecd. Bekk. II, какъ мы увидимъ ниже, можно смѣло приписать Люцію Таррскому (параллельныя мѣста, разумѣется, лишь постольку, поскольку они представляютъ сокращеніе первоначальнаго источника) ³⁾. Такимъ образомъ относительно №№ 8, 9, 10 и 11 мы соглашаемся съ Hilgard'омъ. №№ 4, 5, 6 и 7, однако, назовемъ скорѣе scholia adespota, восходящія къ одной и той же редакціи.—№ 12 Hilgard считаетъ adespotum ⁴⁾. Однако, какъ только что было упомянуто, эти строки принадлежать серіи Б, параллельной съ А, и восходятъ, стало быть, къ одному и тому же источнику.

Всѣ эти схолиі предполагаютъ извѣстнымъ дѣленіе буквъ на *dasáa*, *diáa*, *mahá* и, стало быть, представляютъ плодъ александрійской учености. Изъ обѣихъ выше приведенныхъ теорій о 18 и 16 буквахъ эти схолиі слѣдуютъ второй, хотя въ №№ 10 и 11 упоминаніе Эпихарма указываетъ на отдаленное знакомство съ теоріей Аристотеля. (Вмѣсто ζ, приписываемой въ № 11 Симонию, слѣдуетъ читать, конечно, ξ; съ другой стороны, вмѣсто ξ, приписываемаго Паламеду, должно принять ζ).

13. *Hugin. fab. 277* [ученикъ Александра Полистора, другъ Овидія и Вергилія] ⁵⁾, придерживаясь, очевидно, теоріи Аристотеля о 18 буквахъ, которыя онъ, однако, распредѣляетъ между парками (7) и Паламедомъ (11), говоритъ слѣдующее: „*Parcae Clotho, La-*

¹⁾ De Artis grammaticae ab Dionysio Thrace compositae interpretationibus veteribus [Beilage zum Programm des Grossherzogl. Gymnasiums zu Heidelberg 1880], Lips. [Tbhr.], 1880 4°, p. 48.

²⁾ Acta societatis philologiae Lipsiensis IV 1875, p. 383 sqq.

³⁾ Ср. Mauricius Schmidt, Philologus VIII 1863, pp. 247—248.

⁴⁾ P. 48.

⁵⁾ Ср. Eichholtz, pag. 11 sqq.

„chesis, Atropos invenerunt literas graecas septem † АВНТІУ †. Alii
 „dicunt Mercurium, ex gruum volatu: quae cum volant, literas expri-
 „munt. Palamedes autem Nauplii filius invenit aequae literas undecim
 „† Simonides literas aequae quatuor † ω ε ζ φ. Epicharmus Siculus
 „literas duas † π et ψ. Has autem Graecas Mercurius in Aegyptum
 „primus detulisse dicitur, ex Aegypto Cadmus in Graeciam, quas Euan-
 „drus profugus ex Arcadia in Italiam transtulit, quas mater eius Car-
 „menta in Latinas commutavit numero XV †“.

Мѣсто это, очевидно, испорчено ¹⁾. Wendling ²⁾ доказываетъ его подлинность. Во всякомъ случаѣ еще въ 207 г. по Р. Хр. имъ пользовался Досиеей ³⁾. Откуда заимствовалъ авторъ свидѣтельство о наркахъ-изобрѣтательницахъ 7 буквъ (какихъ?), неизвѣстно (Kremmer p. 78 sq. думаетъ о Fatis Scribundis) ⁴⁾. Что касается 11 буквъ Паламеда, то это невольно заставляетъ вспомнить слѣдующее мѣсто изъ грамматики V вѣка по Р. Хр. ⁵⁾ Помпея ⁶⁾: „Legimus apud „maiores nostros primas apud Romanos XI litteras fuisse tantummodo, „ut dicit Caesar libro analogiarum primo. In libro analogiarum Caesar hoc dicit XI fuisse“. Можетъ быть, это извѣстіе именно и оказало вліяніе на приведенное мѣсто изъ Гигина, такъ какъ изобрѣтеніе Паламедомъ 11 буквъ, кромѣ Гигина, нигдѣ не упоминается.— „Ex gruum volatu“ отнесено къ Меркурію, тогда какъ обыкновенно журавли приводятся въ связь съ изобрѣтеніемъ Паламеда ⁷⁾. Приписываемыя Симониду и Эпихарму буквы, очевидно, испорчены: вм.

¹⁾ Печерпнуто оно изъ Cod. Frisingensis, который впервые былъ изданъ въ 1585 года Micullus'омъ.

²⁾ P. 79.

³⁾ Ср. также Kremmer, p. 89 sq.

⁴⁾ Mart. Cap. I 65 p. 19, 8. Eysa.: „Clotho vero, Lachesis Atroposque, quoniam „sententias Iovis orthographiae studio veritatis excipiunt, utpote *librariae* superum „archivique, cum senatum curiamque contrahi et ipsum Tonantem exuviis indu- „sari publice cernerent, senatus in acta caelestiumque consultum *stilos acunt* „*scrasque componunt*“. Cf. l. l. I 89 p. 24, 19; Pacat. paneg. Theodos. 18 p. 287, 18 Baehrens; Ovid. Met. XV 808 sqq., гдѣ поэтъ говоритъ, что на головахъ 8 наркъ „incisa adamante perenni fata“ hominum. (Vid. Klausen, Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1840 p. 226 sqq.).

⁵⁾ См. Pauly, Reallexicon, pp. 1857—1858, s. v. Pompeia gens.

⁶⁾ Pompeii Commentum Artis Donati, ed. Fridericus Lindemann, Lips. 1828. 8°, p. 27.

⁷⁾ Philostrat. Heroid. X, 3; Auson. id. XII de litt. monosyll. 25; Martial. XIII, 76 [ср. LX, 13, 7]; Nemesian. fragm. de aucup. 15, p. 204 Baehrens; только Cassiodor. Var. VIII 12 слѣдуетъ Гигину.

ω ε ζ φ и π ψ слѣдуетъ читать ω η ζ φ и φχ ¹⁾). — „Mercurius in Aegyptum“—ср. Cic. De Natura Deorum III 22,56: „Mercurium — „quintus, quem colunt Pheneatae, qui Argum dicitur interemisisse ob „eamque causam in Aegyptum profugisse atque Aegyptiis leges ac „litteras tradidisse“ ²⁾). — „Ex Aegypto Cadmus in Graeciam“ —ср. „Diod. I 23: (φασί) Κάδμον ἐκ Θηβῶν ὄντα τῶν Αἰγυπτίων.....; Pausan. IX, 12,2: „τοῖς οὖν νομίζουσιν ἐς γῆν ἀφικέσθαι Κάδμον τὴν Θηβαίδα „Διγύπτιον καὶ οὐ Φοίνικα ὄντα, ἔστιν ἐναντίον τῷ λόγῳ τῆς Ἀθηναῖς, ταύτης τὸ ὄνομα, διὸ Ὀγγα κατὰ γλῶσσαν τὴν Φοινίκων καλεῖται καὶ οὐ Σαῖς „κατὰ τὴν Αἰγυπτίων φωνήν“. Schol. Dion. Thr. ap. B. A. II 788,6 sqq., гдѣ говорится 'ο Данаῖ, перенесшемъ письменность въ Грецію изъ Египта ³⁾). — „Quas Euandrus profugus ex Arcadia in Italiam transtulit“—ср. Dion. Halic. Ant. Rom. I 33; Liv. I,7,8; Tac. Ann. XI,14.— „Quas mater eius Carmenta in Latinas commutavit numero XVI ⁴⁾“.—ср. Ioann. Lyd. de mens. I 9 p. 5 B ⁵⁾): „ὁ Ἐβανδρὸς πρῶτος γράμματα „ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος, τὰ λεγόμενα Κάδμου, εἰς τὴν Ἰταλίαν ἐκόμισεν, οὐ τοσαῦτα μὲν ὅσα νῦν ἐστὶν....., μόνα δὲ ἕξ πρὸς τοῖς δέκα“; ср. Mag. Victorin. Art. Gramm. I 4 p. 28,14 K; Serg. Explan. in Donat. p. 519, 10 K.

Все это говорится, очевидно, на основаніи писателей περί εὐρημάτων; между прочимъ, свидѣтельство о Меркуріи отъывается эвгемеризмомъ ⁶⁾. Eichholtz p. 24 доказываетъ, что Гигинъ, равно какъ и Плиніи, черпалъ изъ Стратона, Гераклида Понтійскаго и Филостафана. Согласно Wendling'у ⁷⁾, Гигинъ при опредѣленіи состава первоначальнаго алфавита пользовался κείμενοις Аристотеля и Теофраста, причемъ скопировалъ обѣ теоріи въ одну. Какъ выше уже замѣчено, весь списокъ былъ цѣликомъ готовъ до 207 г. по Р. Хр., такъ какъ въ этомъ году Досифеи Магистръ экскерпировалъ и пере-

¹⁾ Такъ впервые исправилъ M. Schmidt въ изданіи Гигина 1872; ср. Kremmer, p. 81.

²⁾ Ср. Serv. Verg. Aen. IV 577; Lactant. De falsa relig. I, 6.

³⁾ Ср. Kremmer, p. 82.

⁴⁾ Такъ, конечно, слѣдуетъ читать вмѣсто XV, какъ уже исправилъ Muncker.

⁵⁾ Ed. Imm. Bekk. Bonn. 1837.

⁶⁾ Евгемеристы возводили на стень божества всѣхъ чѣмъ-либо отличающихся; ср. Cic. l. cit.; Euhem. ap. Lactant. de ira dei, cap. 11; Lactant. de falsa relig., cap. 11. [Kremmer, p. 4 sq.].

⁷⁾ P. 29 sq.

вель на греческій языкъ $\alpha\upsilon\chi\alpha\rho\acute{\iota}\delta\iota\omicron\nu$ Гигна, причемъ въ числѣ заглавий у него приводится „ $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\alpha\chi\upsilon\theta\acute{\iota}\nu\ \sigma\upsilon\rho\acute{\epsilon}\lambda\omega\varsigma$ “¹⁾).

14. *Плینیи, Hist. Nat. VII 56, 192*: „Litteras semper arbitror „Assyriis“²⁾ fuisse, sed alii apud Aegyptios a Mercurio, ut Gellius, „alii apud Syros repertas volunt. utique in Graeciam intulisse e Phoenice Cadmum sedecim numero, quibus Troiano bello Palamedem „adiecisse 4 hac figura Z Θ Φ X, totidem post eum Simonidem mecum H Ξ Ψ Ω, quarum omnium vis in nostris recognoscitur“.

Что такъ именно слѣдуетъ читать приписываемыя Паламеду и Симиониду буквы, ясно изъ слѣдующаго §³⁾, гдѣ приводится мнѣніе Аристотеля. Выше было показано, что Аристотель считаетъ „древними“ буквами $\alpha\ \beta\ \gamma\ \delta\ \epsilon\ \zeta\ \theta\ \iota\ \kappa\ \lambda\ \mu\ \nu\ \omicron\ \pi\ \rho\ \sigma\ \tau\ \upsilon\ \phi\ \chi$ склоненъ приписывать скорѣе Эпихарму, чѣмъ Паламеду, а $\eta\ \zeta\ \psi\ \omega$ вмѣстѣ съ другими удѣляетъ Симиониду. Такимъ образомъ, исключивъ $\eta\ \zeta\ \psi\ \omega$ (Симионидъ) и $\phi\ \chi$ (Паламедъ), мы должны на долю послѣдняго выдѣлить еще двѣ буквы. Это, однако, безъ сомнѣнія, ζ и θ , какъ видно изъ массы прочихъ свидѣтельствъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Итакъ, изъ Плинія мы узнаемъ, что первоначальный составъ греческаго алфавита, привезеннаго Кадмомъ изъ Финикіи, былъ, согласно принятому мнѣнію, слѣдующій: $\alpha\ \beta\ \gamma\ \delta\ \epsilon\ \iota\ \kappa\ \lambda\ \mu\ \nu\ \omicron\ \pi\ \rho\ \sigma\ \tau\ \upsilon$ (16); Паламедъ прибавилъ къ нему въ эпоху Троянскон войны $\zeta\ \theta\ \phi\ \chi$, Симионидъ въ послѣдствіи— $\eta\ \zeta\ \psi\ \omega$. Стало быть, Плиніи приводитъ здѣсь уже извѣстную намъ теорію о 16 буквахъ. Рядомъ съ нею, однако, упоминается вслѣдъ затѣмъ приведенная въ № 1 теорія Аристотеля о 18 буквахъ. Съ обѣими онъ могъ познакомиться у Стратона („qui contra Ephori $\sigma\upsilon\rho\eta\mu\alpha\tau\alpha$ scripsit“, какъ говорится въ указателѣ къ VII книгѣ), ученика Теофраста⁴⁾.

15. *Тацитъ, Annal. XI 14*: „Primi per figuras animalium Aegyptii sensus mentis effingebant—ea antiquissima monumenta memoriae humanae impressa saxis cernuntur—et litterarum semet inventores perhibent; inde Phoenices, quia mari praepollebant, intulisse „Graeciae gloriamque adeptos, tamquam reppererint quae acceperant.

¹⁾ Ср. Kremmer p. 89; Wendling p. 79.

²⁾ Такъ читаетъ Kremmer p. 102 см. Assyrias; ср. § 193: „ex quo apparet aeternus litterarum usus“.

³⁾ См. № 1.

⁴⁾ Ср. Eichholtz, p. 20 sqq.; Kremmer pp. 30, 101, 108 sqq.; Wendling, pp. 6, 61—63.

„quippe fama est Cadmum classe Phoenicum vectum rudibus adhuc Graecorum populis artis eius auctorem fuisse. quidam Cecropem Atheniensem vel Linum Thebanum et temporibus Troianis Palamedem Argivum memorant sedecim litterarum formas, mox alios ac praecipuum Simoniden ceteras reperisse“.

Итакъ, по Тациту оказывается, что, съ одной стороны, 16 буквъ приписывались финикійцамъ, и что въ Грецію привезъ ихъ Кадмъ, съ другой—Кекропсу или Лину и вмѣстѣ съ тѣмъ—въ эпоху Троянской войны—Паламеду; остальные 8 буквъ были, стало быть, прибавлены послѣ Паламеда, и притомъ лицами, имена которыхъ составляли спорный пунктъ, и среди которыхъ первое мѣсто принадлежало Симониду. Первая теорія намъ уже известна; вторая является отчасти новостью, отчасти напоминаетъ теорію, приводимую у Гигина, который также не признаетъ изобрѣтенія Паламедомъ *добавочныхъ* буквъ. Разница заключается, во первыхъ, въ томъ, что Гигинъ называетъ *нарокомъ* и Паламеда, Тацитъ—*Кекропса* или *Лина* и Паламеда; во вторыхъ, въ опредѣленіи состава алфавита изъ 16, а не 18 буквъ. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ предъ собою модификацію теоріи о 16 буквѣхъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Изъ какого источника Тацитъ позаимствовалъ послѣднюю—сказать трудно ¹⁾.

Съ исторіей о Линѣ онъ могъ лучше всего познакомиться у Діодора ²⁾, слѣдовавшаго киклографу Діонисію Милетскому. Паламеда, какъ изобрѣтателя буквъ первоначальнаго алфавита, приводитъ, какъ мы видѣли, и Гигинъ, приписывая ему, однако, лишь 11 буквъ. Ниже мы увидимъ, что здѣсь кроются слѣды болѣе древней теоріи, возникшей въ александрійскую эпоху. Casaubonus ad Suetonii Claudium 41 ³⁾ замѣчаетъ: „Lipsius ad Tac. Ann. XI 14 negat verum

¹⁾ Известіе о связи, существовавшей между населеніемъ Египта (Сауса) и Аттики, приводится, повидному, у Платона (Tim. III E) [Прокъ (ср. Τιμαίων Α 30 CD) замѣчаетъ, что Каллисены и Фаноденъ повѣствуютъ о колонизаціи Сауса аециями, что Теономъ наоборотъ считаетъ Саусъ метрополіей Аециѣ, а Платонъ называетъ саятанъ лишь „φιλαιήνας“, поводомъ къ чему послужило имя башни Νηϊδ (= Аеини)] и Теонома („ἐν τῷ Τριχαρίῳ“, какъ сообщаетъ Африканъ у Евсевія, Praer. Ev. X, 10, ср. Migne, vol. XXI, p. 816; ср. К. О. Müller, Orchomenos ed. Schneidewin, Breslau. 1846, p. 100 sq.); далѣе у Плутарха (Περὶ τοῦ Σωκράτους βαιμονίου) въ разказѣ объ Агесилаѣ (cap. 5 sqq.) упоминается найденная въ Египтѣ надпись съ „варварскими“ буквами: τοὺς δὲ τόκους εἶναι τῆς ἐκὶ Πρωτῆ βασιλείου γραμματικῆς. ἢ Ἐρακλῆα τὸν Ἀμφιτρόωνος ἐκραιβεῖν.

²⁾ III, 67.

³⁾ Argentorati 1691, 4°.

„esse Palamedem 16 literas invenisse, quare locum varie instituit
 „emendare. Nos scimus numerum litterarum a Palamede inventarum
 „varie tradi a veteribus: neque in verbis Taciti quicquam omnino esse
 „mutandum“.

16. *Πλυταρχῶ, Sympos. IX 3, 1:*

... „έννά γάρ δντων και έπτά (вместо неправиль-
 ного δκτώ; ср. ниже: „ή γάρ έννάς δήπου ταις Μού-
 „σαις, ή δέ έβδομάς τῷ Μουσηγέτῃ προσκεκλήρωται“).
 IX 3, 2: „και ό Έρμείας, Έρμῆς, έφη, λέγεται
 „θεῶν έν Αιγύπτῳ γράμματα πρώτος εύρειν διό και
 „τό τῶν γραμμάτων Αιγύπτιοι πρώτον ίβιν γράφουσι,
 „ώς Έρμεί προσήκουσαν, οὐκ όρθῶς κατά γε τήν έμῆν
 „δόξαν, άναύδῳ και άφθόγγῳ προεδρίαν έν γράμματι
 „άποδόντες. Έρμεί δέ μάλιστα τῶν αριθμῶν ή τετρας
 „άνάκειται· πολλοί δέ και τετραδι μηνός ίσταμένου
 „γενέσθαι τόν θεόν ιστοροῦσι. Τα δέ δη πρώτα και
 „Φοινίχαια δια Κάδμον όνομασθέντα τετραχίς ή
 „τετρας γενομένη παρέσχε· και τῶν αύθις έφευρε-
 „θέντων δέ Παλαμήδης τε πρότερος τέτταρα, και
 „Σιμωνίδης αύθις άλλα τσαῦτα προσέθηκε“...

Здѣсь приводится известная намъ теорія о 16 буквѣхъ, сопро-
 вождаемая оригинальнымъ объясненіемъ, которое, впрочемъ, подвер-
 гается въ слѣдующемъ § осмѣянію.

17. *Boissonade. An. gr. I, p. 415 (Cod. 1630, p. 48, 2):*

„Ότι τῶν κδ' στοιχείων, φοινίκων μόν εις τα
 „πρώτα ι', Παλαμήδους δέ δ', και Σιμωνίδου
 „τοῦ Καίου (cod. Χίου) έτερα δ'.“

Какъ видно, теорія эта вытекла изъ одного и того же источника
 съ № 16.

Иначе, чѣмъ въ выше приведенныхъ свидѣтельствахъ, распро-
 дѣляются дополнительные буквы у римскаго грамматика IV вѣка
 по Р. Хр.

18. *Max. Victorin, Keil VI, 194, 11 sqq.:*

„Qui primi litterarum inventores fuisse traduntur? Phoenices, quam-
 „vis alii Assyrios, alii Mercurium apud Aegyptios adserunt. in Grae-

„ciam certe Cadmum Phoenicem 16 attulisse constat. Quas? Α β γ δ ε ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ υ, isque Troiano bello Palamedem addidisse quattuor, η ψ χ φ, post eum Simoniden melicem totidem, ζ ξ ω θ. „hae auctore, ut quidam volunt, Euandro, ut alii, Hercule, in Italiam „a Pelasgis adlatae sunt“.

19. *Audax, Gramm. Satini* [ed. H. Keil] VII, p. 325 ¹⁾, говоритъ такъ же.

20. *Hesych. Miles. περί σοφῶν LIII* ²⁾ приводитъ слѣдующее свѣдѣтельство:

„Παλαμῆδης εὔρε τὸ ζ καὶ π καὶ φ καὶ χ στοιχεῖα“.

21. *Ceusa v. Παλαμῆδης* выражается такъ же.

22. *Schol. Greg. Nazians. Stelit. I, p. 66* ³⁾ говоритъ такъ:

„Πρώτους λέγουσι

„γράμματα τοῦσσι τοὺς Αἰγυπτίους, ἔπειτα συναγαγεῖν

„Φοινίκας, καὶ εἰς Ἑλλάδα κομίσει Κάδμου τοῦ

„Ἀθήνηρος ἀπὸ Φοινίκης εἰς τὴν Ἑλλάδα παρα-

„γενόμενον. διὸ καὶ φοινίκεια αὐτὰ προσαγο-

„ρευθῆναι. εἶναι δὲ τὸ παλαιὸν γράμματα ις’.

„α. β. γ. δ. ε. ι. κ. λ. μ. ν. ο. π. ρ. σ. τ. υ. ὕστερον δὲ καὶ

„προσαυρεθῆναι ὀκτώ. ὑπὸ γὰρ Παλαμῆδου τέτταρα,

„ξ. θ. φ. χ. ὑπὸ Σμωνίδου δὲ τοῦ μελοποιῦ τὰ ὑπό-

„λοιπα τέτταρα, η. ζ. ψ. ω“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что №№ 18—22, одногласно приписывая Паламеду и Симониду по четыре буквы, разногласятъ въ качествѣ этихъ буквъ; въ № 22, конечно, вмѣсто ξ Palam. и ζ Simonid. слѣдуетъ читать наоборотъ ⁴⁾; въ №№ 20 и 21, очевидно, по ошибкѣ помѣщено π вмѣсто θ; въ №№ 18 и 19 мы видимъ приводимую въ изданіи О. Iahn’a редакцію Плинія, ошибочность которой не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ право возстановить слѣдующее чтеніе: Cadmus—16 (α β γ δ ε ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ υ), Palamedes ζ θ φ χ, Simonides η ξ ψ ω. Интересно;

¹⁾ Audacis de Scauri et Palladis libris excerpta.

²⁾ De viris illustribus 1880, ed. Flach 8°, p. 41.

³⁾ Sancti Gregorii Nazianzeni in Iulianum invectivae duae cum scholiis primum editis ex bibliotheca clarissimi viri D. Henrici Savillii, ed. Montagu, Etenae 1610.

⁴⁾ Ср. № 11.

что φ χ, однако, во всехъ поименованныхъ мѣстахъ приписываются Паламеду. Ф вообще считалось буквою Паламеда, причеиъ изобрѣтеніе ея приводилось въ связь съ полетомъ журавлей:

Philostat. Heroid. X 3: „Ὀδοσεύς: „αἱ γέραναι
 „μαρτύρονται τοὺς Ἀχαιοὺς, ὅτι αὐταὶ γράμματα
 „εὐρον, οὐχὶ σύ“.—Παλαμήδης: „ἐγὼ γράμματα οὐχ
 „εὐρον, ἀλλ' ἕκ' αὐτῶν εὐρέθη, κάλαι γὰρ ταῦτα
 „ἐν Μοῦσῶν οἴκῳ κείμενα ἔδειτο ἀνδρὸς τοιοῦτου,
 „θεοὶ δὲ τὰ τοιαῦτα δι' ἀνδρῶν σοφῶν ἀναφαίνοσσι.
 „γέραναι μὲν οὖν οὐ μεταποιῶνται γραμμάτων, ἀλλὰ
 „τάξιν ἐπαινοῦσαι πέτονται“.

Auson. idyll. XII de litteris monosyll. 25:

„Haec gruis effigies Palamedica porrigitur φ“.

Martial, XIII, 75:

„Turbabis versus nec littera tota volabit,
 „Unam perdidideris si Palamedis avem“¹⁾.

Nemesian. fragm. de aucupio 15:

„Tarpeiae est custos non corpore maior,
 „Nec qui te volucris docuit, Palamede, figuras“²⁾.

Есть, однако, еще другая теорія о распредѣленіи 8 дополнительныхъ буквъ, источникъ которой слѣдуетъ искать въ эпоху александрийской учености. Уже въ №№ 4 и 6 не могло не броситься въ глаза распредѣленіе 8 буквъ, слѣдующее на принципъ 4, а скорѣе иному:

„ὑστερόν ἐπενοήθησαν τὰ δασεία (3) καὶ τὰ διπλά (3)...
 „ἄλλοι δὲ λέγουσιν ὅτι καὶ τὰ μακρά (2) τελευταῖον
 „ἐπενοήθησαν“.

23. Irenei (соврем. Адриана) *adv. haereses I 15, 4:*

„Ἕλληνας ὁμολογοῦσιν ἀπὸ
 „Κάδμου πρῶτον ἢ παρελήφεναι, εἶτα μετέπειτα
 „προβαίνοντων τῶν χρόνων αὐτοὶ ἐξευρημένα ποτὲ

¹⁾ Ср. Martial, IX, 13, 7:

„Quod (h. e. nomen) pinna scribente grues ad sidera tollant“.

²⁾ Ср. Bochart, Hierozoicon II, c. 11, p. 74.

„μὲν τὰ δασεία, ποτὲ δὲ τὰ διπλᾶ, ἔσχατον δὲ
 „πάντων Παλαμῆθην(!) φασὶ τὰ μακρὰ τοῦτοις
 „προσθετικῶν“.

24. *Servius ad Vergil. Aen. II, 81:*

„(Palamedes) secundum quosdam ipse repperit literas. Quae res
 „[sit] forte sit dubia, tamen certum est, θ φ χ ab hoc inventas cum
 „aspiratione“.

25. *Y Mar. Victorin. p. 2459 ¹⁾*

τὴ με δοκῶν πρῆπισμῶνται Σιμωνίδῃ:

„θ φ χ priusquam a Simonide inventirentur, exprimebant iuxta τ
 „et iuxta κ et iuxta Κ adspirationis notam Η ponendo“.

26. *Anonymus in Cod. Vatican. 711, Fol. 97 B ²⁾*:

„χρὴ εἰδέναι ὅτι πρότερον οἱ Ἕλληνας Φοινικοῖς ἐχρῶντο
 „γράμμασιν. ὕστερον δὲ ἐλθὼν ὁ Παλαμῆθης, ἀνὴρ εὖ
 „εἰδὼς καὶ πάσης ἐπιστήμης ἐμπλεῶς, ἀρξάμενος ἀπὸ
 „τοῦ ᾱ δέκα ἕξ μόνα στοιχεῖα εὔρε τοῖς Ἕλλησιν
 „α β γ δ ε ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ καὶ υ. Προσέθηκε δὲ αὐτοῖς
 „καὶ Κάδμος Μιλήσιος γράμματα τρία, θ. φ. χ.
 „Διὸ καὶ πολλῶ τῶ χρόνῳ τοῖς δέκα ἐννέα ἐχρῶντο,
 „ἔθεν οἱ ἀρχαῖοι μὴ ἔχοντες τὸ ψ τὴν φαλίδα
 „πασαλίδα(?) ἔλεγον. ἀλλὰ καὶ πολλὰ ὀνόματα ἄλλως
 „ἐξεφώνουσαν καὶ ἔγραφον. μετὰ ταῦτα Σιμωνίδης ὁ Χίος(!)
 „ἐλθὼν προσέθηκε δύο η καὶ ω μέγα. Ἐπίχαρμος δὲ
 „ὁ Σοφρακοῦσιος εὔρε τὰ τρία ζ. ξ. ψ. καὶ οὕτως ἐπλη-
 „ρώθη τὰ εἴκοσι τέσσαρα στοιχεῖα.

27. *Diomedes, Villoison. An. Gr. II p. 187:*

„οὗτε γὰρ γράμματα εἶχον οἱ Ἕλληνας, ἀλλὰ διὰ φοινικείων
 „γραμμάτων ἔγραφον τὰ αὐτῶν (αὐτῶν?) Ἕλλησιν γράμματα.
 „καὶ γὰρ αὐτὰ τὰ Φοινικεῖα τοῖς ὀνόμασιν, ὡς καὶ τὰ Ἑβρα-
 „ϊκά, κατὰ μίμησιν τῶν Ἑβραίων τοῖς Φοίνικιν εὐρέθη.
 „Παλαμῆθης δ' ὕστερον ἐλθὼν, ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ ἄλφα,

¹⁾ Keil VI., p. 12, 10.

²⁾ Walz, Arsenii Violetum. p. 463, 1882, 8°.

„δέκα δε μόνα τοῖς Ἑλλήσιν εὗρε στοιχεῖα· α β γ δ
 „ε ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ υ. προσέθηκε δὲ αὐτοῖς Κάδμοι
 „Μιλήσιος γράμματα τρία, θ, φ, χ. διὸ καὶ πολλῶ
 „τῶ χρόνῳ τοῖς δέκα ἐννέα ἐχρῶντο· ὅθεν οἱ ἀρχαῖοι,
 „μὴ ἔχοντες τὸ ψ, τὴν ψαλίδα παλίδα(?) ἔλεγον.
 „ἀλλὰ καὶ πολλὰ ῥήματα ἄλλως ἐξεφώνουν καὶ
 „ἔγραφον. μετὰ ταῦτα Σιμωνίδης ὁ Χίος(!) ἐλθὼν,
 „προσέθηκε δύο, η καὶ ω. Ἐπίχαρμος δὲ ὁ Συρακού-
 „σιος τρία, ζ, ξ, ψ. καὶ οὕτως ἐπληρώθησαν τὰ εικο-
 „σιτέσσαρα“.

28. *Cedrenus p. 125:*

„Ὁ αὐτὸς (τ. ε. Παλαμήδης) εὗρε καὶ τὰ ιε' γράμμα
 „τοῦ ἀλφαβήτου. α β γ δ ε ι κ λ μ ν ο π ρ σ τ υ. Πί
 „δὲ αὐτοῖς Κάδμος ὁ Μιλήσιος ἕτερα γράμματα
 „τρία, θ, φ, χ. Διὸ καὶ πολλῶ τῶ χρόνῳ τοῖς ιθ'
 „ἐχρῶντο· ὅθεν οἱ ἀρχαῖοι μὴ ἔχοντες τὸ ψ τὴν φα-
 „λίδα παλίδα(?) ἔλεγον, καὶ ἄλλα πολλὰ ῥήματα ἄλ-
 „λως ἐξεφώνουν καὶ ἔγραφον. Πρὸς ταῦτα Σιμωνι-
 „δης ὁ Χίος(!) προσέθηκε δύο, η καὶ ω, Ἐπίχαρμος
 „δὲ ὁ Συρακούσιος τρία, ζ, ξ, ψ, καὶ οὕτως ἐπληρώ-
 „θησαν τὰ κδ' στοιχεῖα“.

29. (*Pseudo*)*theodosius*, ed. Goetling 1822, pag.

16. „Ὅχι εἶχον
 17. „δὲ γράμματα οἱ Ἑλληνας ἐξαρχῆς· ἀλλὰ διὰ Φοινίκων
 18. „γραμμάτων ἔγραφον τὰ ἑαυτῶν. Πρῶτος τοῖνον ἦν
 19. „ὁ Παλαμήδης ὁ ἀρξάμενος εὐρίσκειν ὕστερον τὰ ἑλλη-
 20. „νικὰ γράμματα· εὗρε δὲ ἐκκαίδεκα μόνον στοιχεῖα·
 21. „τοτέστιν Α. Β. Γ. Δ. Ε. Ι. Κ. Λ. Μ. Ν. Ο. Π.
 22. „Ρ. Σ. Τ. Υ. Κάδμος δὲ ὁ Μιλήσιος μετὰ ταῦτα προσέ-

μυθ. 2.

1. „θῆκεν αὐτοῖς καὶ ἄλλα τρία γράμματα, τὸ Θ καὶ τὸ
 2. „Φ καὶ τὸ Χ· διὸ πολλῶ τῶ χρόνῳ τοῖς ἐννεακαίδεκα
 3. „στοιχείοις ἐχρῶντο· ὅθεν οἱ ἀρχαῖοι μὴ ἔχοντες τὸ Ψ
 4. „τὴν ψαλίδα παλίδα ἔγραφον καὶ ἔλεγον, ἄλλως δὲ
 5. „τε καὶ πολλὰ ἄλλα. ἔπειτα Σιμωνίδης ὁ Κεῖος εὐ-

6. „ρὸν τὸ Η καὶ Ω μέγα προσέθηκε τοῖς ἄλλοις· μετέπειτα
7. „τὸ Ζ, τὸ Σ, τὸ Ψ, καὶ οὕτως ἐκκληρώθησαν τὰ εἰκο-
8. „σιτάσσαρα γράμματα τῶν Ἑλλήνων, ἃ καὶ στοιχεῖα
9. „λέγονται“ ¹⁾.

30. Bekker, *Anecd. III, pag. 1169* ²⁾:

3. „οἱ Ἕλληνες οὐ γράμματα εἶχον, ἀλλὰ διὰ φοινίκων γραμμάτων
4. „ἔγραφον τὰ ἑαυτῶν Ἑλληνικά· πάντα γὰρ κατὰ μίμησιν τῶν
5. „Ἑβραϊκῶν τοῖς Φοινίκιν εὐρέθη. Παλαμήδης δὲ ὕστερον ἐλθὼν
6. „ὁ ῥήτωρ εὗρε τὰ δεκαεξὶ γράμματα ταῦτα α—ο. ἕτερος δὲ τις,
7. „Κάδμος ὀνόματι ὁ Μιλήσιος, προσέθηκεν αὐτοῖς τὰ τρία δασέα,
8. „καὶ πολλῶ χρόνῳ τὰ δεκαεννέα μόνα ταῦτα ἐχρῶντο οἱ Ἕλληνες,
9. „μὴ ἔχοντες δὲ τὸ ψ τὴν ψαλίδα σπαλίδα(?) ἔλεγον. Σιμωνίδης δὲ ὁ
10. „ἀπὸ τῆς Χίου(!) ἕτερα δύο ἐφεῦρε γράμματα, τὸ η καὶ τὸ ω. Ἐπί-
11. „χαρμος δὲ ὁ Συράκοσιος προσέθηκεν αὐτοῖς τὰ τρία διπλά, καὶ
12. „οὕτως ἐκκληρώθη τὰ κδ' γράμματα“.

31. Γω. Τζέτζου Ἐξηγήσεις εἰς τὴν Ἰλιάδα, p. 46:

„ὁ ποιητὴς γὰρ οὐκ ᾔδει τὰ κδ' γράμματα. ἐπὶ γὰρ
 „τούτου μόνα ἐκκαίδεκα ἦν, ἃ Παλαμήδης ὁ Ναυ-
 „πλίου ἐφεύρηκε· πολλῶ δὲ ὕστερον μετὰ Ὀμηρον
 „ὁ μελοποιὸς Σιμωνίδης ὁ Χίος(!) ἐφεύρηκε
 „τὰ δύο μακρά, η καὶ ω. Κάδμος τε ὁ Μι-
 „λήσιος τὰ τρία δασέα, θῆτα, φῖ τε καὶ χῖ·
 „Ἐπίχαρμος δὲ ὁ κωμικὸς κάλιν ὁ Συρακοῦσιος
 „τὰ τρία διπλά [pag. 47] τὸ ζῆτα, ξῖ, καὶ τὸ ψῖ·
 „καὶ οὕτω τὰ γράμματα εἰς κδ' περιέστησαν“.

То же самое повторяетъ Тζέτζης и на страницѣ 77 того же со-
 чиненія. Далѣе, въ *Χιλιάδες V* 804—812 и *XII* 45—60 повторяется
 то же самое, хотя въ дальнѣйшемъ Tzetzis полемизируетъ противъ
 того мнѣнія, будто Паламедъ—изобрѣтатель 16 буквъ.

32. Moschorulos, p. 18, ed. Titze:

p, 17: „Πρότερον μὲν Ἑλλήνων παῖδες Φοινικίους ἐχρῶντο
 „γράμμασιν· ἀλλ' ὕστερος ἐλθὼν Παλαμήδης ἐβουλό-

¹⁾ Ἐτα редакція, какъ видно, есть наиболѣе вѣрная.

²⁾ Cod. Vat. 1751, fol. 1.

„κατό τε φρωνύμως, ἃ πάλαι ποτε (sic!) τοὺς πρότερος ἔδει,
 „καὶ δόξαν, οὐδ' [p. 18] ὄσην φάναι, τῷ ἰδιῷ γένει, οἷα
 „κολοφῶνα. περιφανῶς φέρων ἀνέθηκε· φόσει γὰρ εὖ εἰ-
 „δῶς πάσης ἐπιστήμης τέχνην, τοῖς ἐς ὄσπερον τὰς τῆς
 „γνώσεως ὁμάς ἐποίησατο, καὶ δικάλλαν ἡμῖν οἶον τὴν
 „γραμμάτων στοιχειῶσιν παρέσχε· καὶ πῶτος παρα-
 „δοὺς τέτταρα πρὸς τοῖς δυοκαίδεκα (scil. ἑκκαίδεκα!)
 „ταυτί, α. β. γ. δ. ε. ι. κ. λ. μ. ν. ο. π. ρ. σ. τ. υ, καὶ τοὺς
 „ἄλλους ἀνέπεισεν ὁμοίως ἀπτεσθαι. Κάδμου δὲ
 „τοῦ Μίλησιου τὸ θ. φ. χ, καὶ χρόνος ἐξ ἐκείνου μακρός·
 „καὶ παλις ἢ ψαλις ἐκινδύνεσε λέγεσθαι, ὡς δὲ καὶ
 „ἄλλα ἄλλως ἢ ἔδει. Σχόντων δὲ παρὰ Σιμωνίδην
 „τὸν Χῖον(!) τοῦ η. καὶ ω. τέλος ἔσχεν ἢ ὄλη στοι-
 „χεῖως πρὸς Ἐπιχάρμου τοῦ Σορακοσίου, τεκόντος
 „δὴ τότε ζ. ξ. ψ“.

33. *Melampus, Bekk. An. II, p. 780, 6—31 =*

34. *Diomedes Villosion, An. Gr., II, p. 121—122* ¹⁾:

7. „Δεῖ δὲ προειδέναι καὶ τοῦτο ²⁾ ὅτι πάλαι οὐκ ἦν τὰ εἰ-
8. „κοσι τέσσαρα γράμματα, ἀλλὰ ἑκκαίδεκα· οὐκ ἦν δὲ τὰ
9. „τρία τὰ λεγόμενα δι(πλ)ᾶ, ζ̄, ξ̄, ψ̄ ³⁾, τὰ τρία δασέα, θ̄, φ̄,
10. „χ̄ ⁴⁾, τὰ δύο μακρά, ἠ̄ καὶ ω̄. ὅταν οὖν ⁵⁾ ἦθελον γράψαι ⁶⁾
11. „ἔχουσαν ἐκφώνησιν τοῦ ἠ̄ λέξιν ⁷⁾, ἔγραφον τὸ ε̄, καὶ ἐπα-
12. „νω τοῦ ε̄ τὸ σημεῖον τῆς μακρᾶς· ὅταν δὲ τὴν ἐκφώνη-
13. „σιν τοῦ ω̄, ἔγραφον τὸ ο̄, καὶ ἐπάνω τοῦ ο̄, ὡς προεῖρη-
14. „ται ἐπὶ τοῦ ε̄ ⁸⁾, τὸ σημεῖον τῆς μακρᾶς. ὅταν δὲ ἦθελον
15. „συγγράψαι λέξιν ἔχουσαν τὴν τοῦ ζ̄ ἐκφώνησιν, ἔγρα-

¹⁾ In duobus codicibus Marcianis.

²⁾ Vill.: καὶ τοῦτο προειδέναι.

³⁾ Vill.: οὐτε.

⁴⁾ Vill.: οὐτε.

⁵⁾ Vill.: δὲ.

⁶⁾ Vill.: συγγράψαι..

⁷⁾ Vill.: λέξιν ἔχουσαν ἐκφ. τοῦ ἠ̄.

⁸⁾ ὡς προεῖρ. ἐπὶ τοῦ ε̄ deest ap. Vill.

16. „φον τὸ ¹⁾ σ̄ και τὸ ²⁾ δ̄ ἀντί τοῦ ζ̄, ὡσπερ και νῦν εὐρίσχο-
 17. „μεν παρὰ τοῖς Διοριῦσιν. ἀντί δὲ τοῦ ξ̄ χ̄ και σ̄, ἀντί
 18. „δὲ τοῦ ψ̄ π̄ και σ̄. πάλιν ἀν ³⁾ ἤθελον γράφαι λέξιν ἔχου-
 19. „σαν τὴν ἐκφώνησιν τοῦ θ̄, ἔγραφον ἀντί τοῦ θ̄ τὸ τ̄, και
 20. „πρὸς τοῦτο ἐτίθεσαν ⁴⁾ τὸ παρ' αὐτοῖς σημεῖον τῆς δα-
 21. „σειας, ἐπιδεικνόμενοι ⁵⁾ ὅτι τοῦτο ⁶⁾ οὐκ ἔστι τ̄ ἀλλὰ θ̄ τῆ ἐκ-
 22. „φώνησι. ἀντί δὲ τῆς ἐκφώνησεως τοῦ φ̄ ἔγραφον τὸ
 23. „π̄, προστιθέντες, ὡς προεῖρηται, τὸ παρ' αὐτοῖς σημεῖον
 24. „τῆς δασείας. ἀντί δὲ τῆς τοῦ χ̄ ἐκφώνησεως τὸ χ̄ ἔγρα-
 25. „φον, τὸ σημεῖον τῆς δασείας προστιθέντες. [ἦν δὲ] τὸ
 26. „παλαιὸν σύμβολον τῆς δασείας τὸ παρ' ἡμῖν νῦν Η. διό- ⁷⁾
 27. „τι [ὅτε] ἐφευρέθη τὰ ὀκτώ γράμματα, ὧν τὸ ἔν ἔστι και
 28. „τὸ Η, ἡ τότε δασεῖα ἐτμήθη εἰς δύο κατὰ κάθιστον·
 29. „και τὸ μὲν πρῶτον αὐτῆς μέρος ⁸⁾ τῆς δασείας ἔστι τὸ ση-
 30. „μεῖον, τὸ δὲ δεῦτερον ⁹⁾ τῆς ψιλῆς. ἐφευρε δὲ τὰ ὀκτώ ¹⁰⁾
 31. „τοῦτα γράμματα εἰς τῶν λυρικῶν Σιμωνίδης“.

Hoerschelmann ¹¹⁾ доказалъ, что партія принадлежит неизвѣст-
 ному грамматикѣ Меламподу, который въ Anecd. Gr. Villosion'a на-
 зывается Diomedes. Жилъ этотъ грамматикъ послѣ Георгія Хиро-
 воска, то-есть, послѣ 600 г. ¹²⁾ L. Lang ¹³⁾ высказывается о схолияхъ,
 носящихъ у Villosion'a имя Диомеда, у Беккера же отчасти имя Ме-
 лампода или вовсе не имѣющихъ имени автора, слѣдующимъ образомъ:
 „Auf mich machen diese Scholien den Eindruck von Collegienheften.“

¹⁾ deest ap. Vill.

²⁾ deest ap. Vill.

³⁾ ἐάν Vill.

⁴⁾ Vill.: πρὸ τοῦ τ̄ ἐτίθεσαν (sic!).

⁵⁾ Vill.: ἐπιδεικνόμενης.

⁶⁾ Vill.: τοῦτο το τ̄.

⁷⁾ Vill.: „ἀντί δὲ τοῦ χ̄, τὸ χ̄, προστιθέντες τὸ παλαιὸν σύμβολον τῆς δασείας, τὸ παρ' ἡμῖν νῦν Η. διό, ὅτε ἐφευρέθη κ. τ. λ.“.

⁸⁾ † Vill.

⁹⁾ † Vill.

¹⁰⁾ Vill.: ταῦτα τὰ.

¹¹⁾ De Dionysii Thracis interpretibus veteribus. Part. I. Lips. Tbn. 1874, pp. 26, 28.

¹²⁾ Cf. Hoerschelmann, op. cit. p. 75.

¹³⁾ Ap. Hoerschelmannum, p. 29.

„Die Duplicität des Namens würde sich erklären, wenn man annähme, dass einer der Nachfolger des anderen sei und das Heft seines Vorgängers benutzt habe“ ¹⁾. W. Schmidt ²⁾ обращаетъ вниманіе на противорѣчіе, заключающееся въ приведенномъ свидѣтельствѣ: сначала говорится о 16 буквахъ ³⁾, къ которымъ прибавлены были впоследствии еще 8; въ концѣ, однако ⁴⁾, говорится о придыханіи Н въ древности. Изъ этого можно вывести заключеніе, что или у грамматиковъ не принято было считать придыханіе въ числѣ στοιχεῖα, или теорія о 16 буквахъ была настолько распространена, что даже въ виду указаннаго противорѣчія не рѣшались ее измѣнить. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что приведенное свидѣтельство слѣдуетъ выводить изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и №№ 4—12.

Къ этимъ показаніямъ, очевидно, примыкаетъ и свидѣтельство, которое намъ сообщаетъ

35. *Constantin. Lascaris* ⁵⁾:

„Пάντα δὲ συνέθηκε (т. э. Ὀρφεύς) μέτρῳ, ἐπειδὴ ἐκαίνοσ
 „Φιλόσοφος μέτρῳ καὶ ῥυθμῷ πάντα συντεθηκώς (sic!), καὶ
 „γράμμασι Φοινίκων, ὡς (sic!) δοξάσομεν (sic!), οἷς (sic!) ἐχρῶντο
 „μέχρι (sic!) Τρωϊκοῦ πολέμου, ἐν ᾧ (sic!) Παλαμῆδης ὁ Ναυ-
 „πλείου (sic!) ἰσ' ἡμέτερα γράμματα ἐκ τῶν Φοινίκων
 „μεταμορφώσατο (sic!). Διὰ τοῦτο καὶ Δίctος ὁ Γνώσιος (sic!)
 „τοῖς Φοινίκων [г. 99] γράμμασι τὸν Τρωϊκὸν πόλεμον,
 „ὡ (sic!) συμπάρην (sic!), συνέγραψε πέζον (sic!), ὡς αὐτὸς πολ-
 „λάκις μαρτυρεῖ ἐν τῇ ἑαυτοῦ Ἐφημερίδι, ἣν οἰσμοῦ
 „γενομένου πότε (sic!) ἐν Κρήτῃ, καὶ πολλῶν τάρων ἀν-
 „σωθέντων εὔρον (sic!) ἐν τινὶ (sic!) αὐτῶν, καὶ μετένεγκαν (sic!)
 „εἰς τὴν Ἀττικὴν γλῶσσαν (sic!), καὶ ἔπειτα εἰς τὴν Λατίνων
 „ἐπὶ Κλαυδίου Αὐτοκράτορος“.

Мѣсто это интересно особенно вслѣдствіе того, что даетъ намъ ясное представленіе о разницѣ, существовавшей, по мнѣнію грековъ,

¹⁾ Cf. Uhlig. Dionysii Thracis ars grammatica, Lips. 1884, pag. XXXIV.

²⁾ Philologus 1893, S. 379.

³⁾ V. 8 sqq.

⁴⁾ V. 26.

⁵⁾ Κωνσταντίνου τοῦ Λασκάρειος Προλεγόμενα τοῦ σοφοῦ Ὀρφέως in Marmoribus Taurinensibus dissertationibus et notis illustratis, Aug. Taurin. 1743, Pars, I, p. 98.

между γράμματα Φοινίκων и Ἑλλήνων: подъ первыми разумѣли просто буквы архаической письменности грековъ, то-есть, приблизительно до VI вѣка до Р. Хр.

Совершенно иной теоріи, повидному, придерживаются нѣкоторыя показанія, по которымъ первоначальный алфавитъ состоялъ изъ 17 буквъ. Однако, всматриваясь ближе, мы узнаемъ здѣсь видоизмѣненіе уже извѣстныхъ намъ теорій.

36. *Schol. Euripid. Orest. 432,*

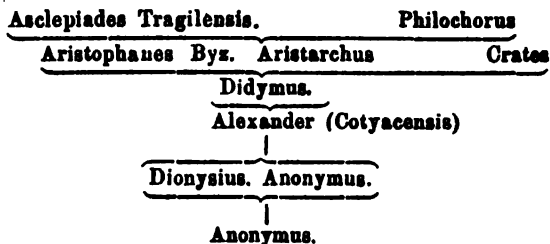
восходящія, какъ доказалъ Theod. Barthold¹⁾, до времени Асклепиада изъ Трагилы и Филохора и заключающія въ себѣ двѣ струи²⁾, сообщаютъ слѣдующее: „οὗτος ὁ Παλαμήδης λέγεται εὐρηξέναι ἡ γράμματα μῆκεν τότε εἶναι, ἀλλὰ Φοινίκων ἐχρῶντο γράμμασιν οἱ ἄνθρωποι, ἄλλοι δὲ ἄλλοι“. Эти слова настолько напоминаютъ приведенныя подъ №№ 26—35 свидѣтельства, что мы невольно должны признать вмѣсто ἡ' чтеніе α', тѣмъ болѣе, что сообщеніе схолиаста восходитъ ко времени александрийскихъ ученыхъ, безъ сомнѣнія, породившихъ выше приведенныя свидѣтельства.

Наконецъ 37. *Исидора Севиольскій* († ок. 636 г. по Р. Хр.), пользовавшійся при составленіи своихъ XX книгъ *Etymologicorum* или *Originum* очень древними источниками, приводитъ I 3, 6 слѣдующую теорію: „Cadmus Agenoris filius Graecus litteras a Phoenice in Graeciam septemdecim primus attulit: α β γ δ ε ζ ι κ λ μ ν ο π ρ ρ σ τ φ. His Palamedes Troiano bello tres adiecit: η χ ω. Post quem Simonides Melicus tres alias adiecit Θ Ξ Ψ. Υ litteram Pythagoras Samius ad exemplum vitae humanae primus formavit“.

Относительно состава древнѣйшаго алфавита мы видимъ здѣсь

¹⁾ Diss. de scholiorum in Euripidem veterum pontibus, Bonn. 1864.

²⁾ На стр. 63 приводится слѣдующая таблица:

теорію Аристотеля въ редакціи Плинія¹⁾, изъ которой, однако, исключается еще о. Чтобы понять, какимъ образомъ Исидоръ вздумалъ приписывать о Пинеогору, слѣдуетъ обратить вниманіе на *Serv. Verg. Aen. VI 136* [*latet arbore opaca*]: „novimus Pythagoram Samium vitam humanam divisisse in modum Y litterae, scilicet quod prima aetas incerta sit, quippe quae adhuc se nec vitijis nec virtutibus dedit: bivium autem Y litterae a iuventute incipere, quo tempore homines aut vitia, id est partem sinistram, aut virtutes, id est dexteram partem, sequuntur: unde ait Persius²⁾: „traducit trepidas ramosa „In compita mentes“.

Итакъ, это мѣсто оказало вліяніе на видоизмѣненіе аристотелевской теоріи. Откуда, однако, почерпнулъ Исидоръ странное распредѣленіе добавочныхъ буквъ — неизвѣстно. Можетъ быть, онъ пользовался ошибочною редакціей, подобно тому какъ и аристотелевская теорія передается имъ, очевидно, въ редакціи Плинія, искаженность которой доказана выше³⁾.

Итакъ, мы имѣемъ предъ собою въ сущности лишь двѣ теоріи: о 18 и 16 буквѣхъ, изъ которыхъ первая обязана своимъ происхожденіемъ Аристотелю, вторая, можетъ быть, Теофрасту, причемъ изложены онѣ были въ сочиненіяхъ, носившихъ, вѣроятно, заглавіе *τέκλος* и содержавшихъ перечень достопримѣчательныхъ изобрѣтеній. Такъ какъ эти теоріи не основаны на тщательномъ изученіи палеографическихъ памятниковъ, а преимущественно лишь на бѣгломъ сравненіи до-іонійскаго и іонійскаго алфавитовъ и другихъ комбинаціяхъ, то онѣ лишены для насъ особеннаго научнаго интереса. Какъ историческое зерно, мы можемъ выдѣлать воспоминаніе о финикійскомъ происхожденіи греческой письменности и о преобразованіи на греческой почвѣ финикійскаго алфавита и дополненіи его новыми буквами. Воспоминаніе это основано, конечно, на преданіяхъ, восходящихъ ко времени задолго до Аристотеля. На такихъ же преданіяхъ основаны, очевидно, извѣстія о Кадмѣ (изъ котораго въ александрійскую эпоху вышелъ

¹⁾ Ср. № 14.

²⁾ V, 35.

³⁾ У римскихъ грамматиковъ существовала, впрочемъ, тоже теорія о 17 буквѣхъ латинскаго алфавита: изъ 23 буквъ послѣдняго исключались по разнымъ причинамъ Н (какъ придыханіе, не означающее звука), К и Q (какъ лишніи въ ряду С), Х, Y, Z (какъ прибавленныя поздиѣ изъ греческаго алфавита). Cf. Pompeium, p. 33 и предшеств.; Sergii Art. Gramm. in Endlicheri. Annal. Gramm., p. 198.

Кадмъ Милетскій), Паламедъ (теорія объ изобрѣтеніи имъ 16 греческихъ буквъ стоитъ въ связи съ метаморфозой Кадма), Симонидъ, Эпихармъ и, можетъ быть, Пифагоръ. (См. таблицу).

Перейдемъ теперь къ разбору свидѣтельствъ о самомъ возникновеніи греческой письменности (отчасти и письменности вообще) и посмотримъ, не найдутся ли указанія на до-финикійскій періодъ письма, о которомъ была рѣчь въ I главѣ ¹⁾). Такъ какъ главная масса такихъ свидѣтельствъ собрана въ сколіяхъ къ Діонисію Тракіискому, изданныхъ Беккеромъ въ *Anecdota Graeca* ²⁾, то изберемъ ихъ исходнымъ пунктомъ нашего обзора. Приведемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они читаются въ *Cod. Vaticanus 14* ³⁾). Жирнымъ шрифтомъ отмѣтимъ тѣ мѣста, которыя близко касаются нашего вопроса.

Περὶ στοιχείων. [Bekk. An. II p.] 770,5 — 16; 781,27 — 782,11; 783,1 — 784,16; 781,5 — 25; 782,14 — 29.

Περὶ γραμμάτων. 784,18 — 785,12; περραυσα inedita (cf. *Cramer, An. Ox. IV* ⁴⁾ 320,19—23); 789,6—19; 777,27—779,30; 806,28—808,34; 815,10—816,9; 779,32—37.

Ἄλλως εἰς τὸ αὐτό. 786,1 — 788,15; παυσα inedita (cf. *Cramer, An. Ox. IV* p. 318,31—319,5); 780,32 — 781,4; 782,30 — 783,34; 790,21—25.

Выпишемъ по порядку отмѣченныя жирнымъ шрифтомъ мѣста съ приложеніемъ къ нимъ соответствующихъ мѣстъ изъ редакцій *Cramer's*, *Villoison's* ⁵⁾ и (Псевдо)еодосія ⁶⁾.

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за июль и июль сего года.

²⁾ II, 780—788.

³⁾ Беккеръ пользовался при изданіи *Anecdota* II pp. 647 — 972 преимущественно двумя рукописями: упомянутой ватиканской и гамбургской (C. 13); послѣдняя представляетъ собою списокъ съ ватиканской, сдѣланный въ XVII вѣкѣ L. Holstenius'омъ, и важна потому, что списана была еще въ то время, когда чтеніе ватиканскаго манускрипта было еще легче (ср. *Bekk. An. Gr. III* p. 1137; Hilgard, *De artis gramm. ab Dion. Thr. compositae interpretationibus veteribus*, Beilage zum Programm des Grossherzogl. Gymnas. zu Heidelberg 1880, Lips. T'bn. 1880, 4°, pp. 3, 12 — 13; Uhlig, *Dionysii Thracis ars gramm.*, Lips. 1884, pp. IX sqq., XXXIII sqq.).

⁴⁾ *Ex Cod. Mus. Brit. Add. 5118.*

⁵⁾ *Cod. Marcian. 489.*

⁶⁾ *Ed. Goettling.*

- I. 1. *Aristotel* quam Palamedes. η ε φ ω (correct.) Simonides.
 3. *Cram. A* η [σ] [φ] ω Simonides.
 13. *Hyginus* ω η [ζ] [φ] Simonides.
- II A. 2. *Theophr* η ε φ ω Simonides.
8. *Luc. Ta*
 9. *Luc. Ta* ἀπλῆ ζ ε φ, ὄμοια θ φ χ.
 10. *Luc. Ta* η ε φ ω Simonides.
 11. *Luc. Ta* η [ζ] φ ω Simonides.
 12. *Ex Luc* η ω ε φ Simonides.
 14. *Plinius* η ε φ ω (correct.) Simonides.
 15. *Tacitus* Simonides ceteras.
 16. *Plutarch* † Simonides.
 17. *Boissona* † Simonides.
-
- η ε φ ω Simonides

ΣΥΜΒΟΛ. Π. 107 Π. 108 Π. 109 ΣΥ. ΣΥΜΒΟΛΟΜΕΝΩΝ Π. 107.

1) Nitzsch.: χορών.
 2) P. 786,10: Δωσιάδης.
 3) Cramer 318,24: παρ' Ἀθηναίους.

IX sqq., XXXIII sqq.).

- *) Ex Cod. Mus. Brit. Add. 5118.
- *) Cod. Marcian. 489.
- *) Ed. Goettling.

Περὶ στοιχείων.

a) 781,27—781,11 ¹⁾).

b) 783,1—784,16 ²⁾).

1. „Τῶν στοιχείων εὐρετὴν ἄλλοι τε καὶ Ἐφορος ἐν δευτέρῳ
2. „Κάδμον φασί. τῆς δὲ ³⁾ Φοινίκων εὐρέσεως πρὸς ἡμᾶς
3. „διόσκορον ⁴⁾ γεγενῆσθαι, ὡς καὶ Ἡρόδοτος ἐν ταῖς ἱστο-
4. „ρίαις καὶ Ἀριστοτέλης λέγει· φασί γὰρ ὅτι Φοίνικας μὲν
5. „εὖρον τὰ στοιχεῖα, Κάδμος δὲ ἤγαγεν αὐτὰ εἰς τὴν Ἑλ-
6. „λάδα. Πυθόδωρος δὲ ὡς ⁵⁾ ἐν τῷ περὶ στοιχείων αφι-
7. „λητῆς ⁶⁾ ὁ Δῆλιος ἐν τῷ περὶ χρόνων ⁷⁾ πρὸ Κάδμου Δαναὸν
8. „μετακομίζει αὐτὰ φασιν. ἐπιμαρτυροῦσι τούτοις καὶ οἱ
9. „Μιλησιακοὶ συγγραφεῖς, Ἀναξίμανδρος καὶ Διονύσιος
10. „καὶ Ἑκαταῖος, οὗς καὶ Ἀπόλλοδωρος ἐν νεῶν καταλόγῳ
11. „παρὰτίθεται. ἔνιοι δὲ Μουσαῖον εὐρετὴν λέγουσι τὸν
12. „Μητίωνος καὶ Σταρόπης, κατ' Ὀρφέα γενόμενον. Ἀντι-
13. „κλειδης δὲ ὁ Ἀθηναῖος Αἰγυπτίους τὴν εὐρεσιν ἀνατίθη-
14. „σι. Δωσιάδης ⁸⁾ δὲ ἐν Κρήτῃ φησὶν εὐρεθῆναι αὐτὰ. Αἰ-
15. „σχύλος δὲ Προμηθεῖα φησὶν εὐρηκέναι ἐν τῷ ὁμωνύμῳ
16. „δράματι. Στυσίχορος δὲ ἐν δευτέρῳ Ὀρεστιάς τὸν Πα-
17. „λαμήδην φησὶν εὐρηκέναι, Μνασέας δὲ Ἑρμῆν, ἄλλοι δὲ
18. „ἄλλον. Πιθάνον δὲ κατὰ τόπον εὐρετὰς γεγενῆσθαι.
19. „διὸ καὶ ἄλλοι παρ' ἄλλοις εἰσι χαρακτῆρας τῶν στοιχεί-
20. „ων. οἷς δὲ νυνὶ χρώμεθα, εἰσὶν Ἴωνικοί, εἰσενέγκαντος
21. „Ἀρχίνου παρὰ Θηβαίους ⁹⁾ ψήφισμα τοὺς γραμματιστάς
22. „ἤγουν τοὺς διδασκάλους παιδεύειν τὴν Ἴωνικὴν γραμματι-

¹⁾ Ex Lucio Tarrhaeo putat Hilgard p. 48 [781,32—782,9=Cram. IV 325,4—11; 782,9—11=Cram. 820,19—23; cp. Vilhois. II 121,19—25 et (Pseudo)theodos. 11,22—12,7]. Мѣста эти приведены выше подъ №№ 4—7; Cram. 320,19—23, см. немного ниже.

²⁾ Ex Luc. Tarrh. putat Hoerschelmann p. 333 sqq., Hilgard p. 48 [=Cramer IV 318,18—319,5].

³⁾ Nitzsch: οἱ δὲ τῆς, C. Müller et Rose: τινὲς δὲ τῆς.

⁴⁾ Cramer: διάκονον, Nitzsch p. 80 ann. sec. Torchhamm.: διάκτορον, Eichholtz p. 25: διδάσκαλον.

⁵⁾ Nitzsch.: ὡς (*) p. 79.

⁶⁾ Nitzsch.: καὶ Φίλλης, C. Müller F. H. G. IV 476 item, Meineke Del. poet. Anthol. p. 134 n. item; cf. Hoerschelmann p. 337.

⁷⁾ Nitzsch.: χορῶν.

⁸⁾ P. 786,10: Δωσιάδης.

⁹⁾ Cramer 318,24: παρ' Ἀθηναίους.

23. „κὴν ἤγουν τὰ γράμματα. Διέταξε δὲ καὶ τὰ στοιχεῖα γρά-
 24. „φθεσθαι ὡς γράφομεν νῦν Προναπίδης ὁ Ἀθηναῖος. τῶν
 25. „γὰρ ἀρχαίων οἱ μὲν σποριδὸν ἔγραφον, οἱ δὲ κλινθη -

pag. 784:

1. „δόν, οἱ δὲ βουτροφηδόν, οἱ δὲ κιονηδόν, περι ὦν ἐν
2. „τοῖς ἐξῆς ἔχομεν μαθεῖν. ἔγραφον δὲ αὐτὰ καὶ διασχι-
3. δὸν ἤγουν στιχηδόν, ἣ γραφῆ καὶ ἡμεῖς νῦν χρώμεθα.
4. „διασχιδὸν δὲ λέγεται τὰ στιχηδὸν γεγραμμένα παρὰ τὸ
5. „ἔχειν διεσχισμένους καὶ διακαχωρισμένους τοὺς στίχους
6. „ἀπ' ἀλλήλων. Διὰ τοῦτο δὲ καὶ οὐκ ἄλλοις χαρακτηῖται
7. „χρώμεθα τῶν στοιχείων, ἀλλὰ τοῖς Ἴωνικοῖς, ὡς μὲν
8. „Ἀσκληπιάδης ὁ Σμυρναῖος λέγει, διὰ τὸ κάλλος καὶ ὅτι
9. „πλείστα τῶν συγγραμμάτων τούτοις ἀτέγραπτο τοῖς χα-
10. „ρακτῆρσιν' ὡς δὲ Διόδωρος καὶ Ἀπίων ἐν τῷ περὶ τῶν
11. „στοιχείων, ὅτι πλείστοι συγγραφεῖς καὶ οἱ ποιηταὶ ἀπὸ
12. „τῆς Ἰωνίας τούτοις τοῖς τύποις ἐχρήσαντο. Ἀπολλώνιος
13. „δὲ ὁ Μεσσήνιος ἐν τῷ περὶ ἀρχαίων γραμμάτων φησὶ
14. „τινας λέγειν, ὅτι Ποθαγόρας αὐτῶν τοῦ κάλλους ἐπαμε-
15. „λήθη, ἐκ τῆς κατὰ γεωμετρίαν γραμμῆς ρυθμίσεως αὐτὰ
16. „γωνίαις καὶ περιφερειαῖς καὶ εὐθείαις“.

Cramer IV 318,13—319,5:

13. „Τῶν στοιχείων εὐρετὴν τινὲς Κάδμου φασίν' οἱ δὲ οὐχ
14. „εὐρετὴν, τῆς δὲ Φοινίκων εὐρέσεως πρὸς ἡμᾶς διάκονον γε-
15. „νέσθαι' οἱ δὲ πρὸ Κάδμου Δαναὸν αὐτὰ φασὶ μετακομίσαι.
16. „ἔνιοι δὲ Μουσαῖον, τὸν Μητίονος καὶ Σταρόπης κατ' Ὀρφέα
17. „γενόμενον, εὐρετὴν γεγονέναι. οἱ δὲ τὸν παρ' Αἰγυπτίοις Θῶθ
18. „εὐρηκέναι, ὃν λέγουσιν Ἑρμῆν. οἱ δὲ ἐν Κρήτῃ εὐρεθῆναι
19. „αὐτὰ. Αἰσχύλος δὲ Προμηθεῖα φησὶ εὐρηκέναι αὐτὰ. Στη-
20. „σίχορος δὲ καὶ Εὐριπίδης Παλαμήδην. Μινασέας δὲ Ἑρ-
21. „μῆν' ἄλλοι δὲ ἄλλον' πιθανὸν δὲ κατὰ πάντα τόπον εὐρετὰς
22. „γεγενῆσθαι' διὸ καὶ ἄλλα παρ' ἄλλοις. διάφοροι γὰρ εἰσι
23. „χαρακτῆρες τῶν στοιχείων. οἷς δὲ νυνὶ χρώμεθα, εἰσὶν Ἴωνικοί,
24. „εἰδενέγκαντος Ἀρχίνου παρ' Ἀθηναίοις ψήφισμα τοὺς γραμμα-
25. „τιστὰς ἤγουν διδασκάλους παιδεύειν τὴν Ἴωνικὴν γραμματικὴν,
26. „ἤγουν τὰ γράμματα. διέταξε δὲ τὰ στοιχεῖα γράφεσθαι ὡς
27. „γράφομεν νῦν Προναπίδης ὁ Ἀθηναῖος. τῶν γὰρ ἀρχαίων, οἱ

28. „μὲν κιονηδὸν ἔγραφον, οἱ δὲ σπειρηδὸν ἔγραφον δὲ καὶ δεσχι-
 29. „δὸν [sic!] ἤγουν στιχηδὸν. ἡ γραφῆ νῦν ἡμεῖς χρώμεθα· παρὰ τὸ
 30. „ἔχειν δισχισημένους καὶ διακεχωρισμένους τοὺς στίχους ἀπ’
 31. „ἀλλήλων. διὰ τοῦτο δὲ τοῖς Ἰωνικοῖς χρώμεθα διὰ τὸ κάλ-
 32. „λος· εὐτρεπέστεροι [ροτίους εὐπρεπέστεροι!] γὰρ οὗτοι παρὰ τοὺς ἄλ-
 λους· καὶ ὅτι

rag, 319:

1. „πλεῖστα τῶν συγγραμμάτων τούτων γέγραπται· καὶ ὅτι
 2. „πλεῖστα συγγραφεῖς καὶ ποιηταὶ ἀπὸ τῆς Ἰωνίας τού-
 3. „τοις τοῖς τύποις ἐχρήσαντο. Φασὶ δὲ ὅτι Πυθαγόρας [sic!] ἐπε-
 4. „μελήθη τοῦ κάλλους αὐτῶν ἐκ τῆς κατὰ γεωμετρίαν γραμ-
 5. „μῆς ῥυθμίσας αὐτὰ γωνίαις καὶ περιφερειαῖς καὶ εὐθείαις“¹⁾.

c) 781,5—25²⁾.

d) 782,14—29³⁾.

14. „Φοινίχεια δὲ τὰ γράμματα ἐλέγοντο, ὡς φησὶν Ἐφορος ὁ Κυ-
 15. „μαῖος καὶ Ἡρόδοτος, ἐπεὶ Φοίνικες εὗρον αὐτά. Εὐφρόνιος δὲ,
 16. „ὅτι μίλτω τὸ πρότερον ἐγράφετο, ἡ ἐστὶ χρωμά τι φοινίκιον. Ἐτα-
 17. „ωνεὺς καὶ Μένανδρος, ἐπειδὴ ἐν πετάλοις φοινικοῖς ἐγράφοντο· ἡ
 18. „ὄπερ κρείττον ἐστὶν εἰπεῖν, ὅτι φοινίσσεται ὑπ’ αὐτῶν ὁ νοὺς ἤτοι
 19. „λαμπρόνεται. Ἄνδρων δὲ καὶ Μενεκράτης ὁ Ὀλόνθιος ἀπὸ Φοι-
 20. „νίκης τῆς Ἀχταίουος θυγατρὸς. Ἀπολλώνιος δὲ ὁ τοῦ Ἀρχιβίου,
 21. „ἐπειδὴ οἱ ἀντίγραφοὶ ἀπὸ φοίνικος ξύλον εἶχον καὶ μετ’ αὐτοῦ
 22. „ἔγραφον. Δουῖρις δὲ ὁ Σάμιος ὁ ἱστορικός, ἐν ὁγδότῃ τῶν Μακα-
 23. „δονικῶν, ἀπὸ φοίνικος τοῦ Ἀχιλλέως τροφοῦ. Ἀλέξανδρος δὲ ὁ
 24. „Ῥόδιος ἀπὸ φοίνικος τοῦ Προνώπου καὶ Εὐρώπης, εὐρόντος αὐτὰ
 25. „ἐν Κρήτῃ, ὃν ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθους φθονήσας“⁴⁾.

Cramer IV, 20—31.

20. „Φοινικά δὲ τὰ γράμματα ἐλέγοντο, ἐπεὶ Φοίνικες εὗρον
 21. „αὐτά· οἱ δὲ ὅτι ἐπαὶ διὰ μίλτου τὸ πρότερον ἐγράφετο, ὃ

¹⁾ Cf. B. A. 789,9—10: „καὶ γὰρ ὁ Πυθαγόρας (v. 10) ὡς φασὶ, τοῦ κάλλους αὐτῶν ἐπεμελήθη“.

²⁾ Ex Luc. Tarh. putat Hilgard p. 48 [=Cram. IV 319,6—19].
 Мѣста эти приведены уже подъ №№ 8 и 9.

³⁾ Ex Luc. Tarh. putat Hilgard p. 48 [=Cram. IV 319,20—31].

⁴⁾ Дагѣ см. выше подъ № 10.

23. „κὴν ἤγουν τὰ γράμματα. Διάταξε δὲ καὶ τὰ στοιχεῖα γρά-
 24. „φθεσθαι ὡς γράφομεν νῦν Προναπίδης ὁ Ἀθηναῖος. τῶν
 25. „γὰρ ἀρχαίων οἱ μὲν σκοριδὸν ἔγραφον, οἱ δὲ πλινθη -

pag. 784:

1. „δόν, οἱ δὲ βουτροφηδόν, οἱ δὲ κιονηδόν, περι ὦν ἐν
2. „τοῖς ἐτῆς ἔχομεν μαθεῖν. ἔγραφον δὲ αὐτὰ καὶ διασι-
 3. δόν ἤγουν στιχηδόν, ἣ γραφῆ καὶ ἡμεῖς νῦν χρώμεθα.
4. „διασιχιδόν δὲ λέγεται τὰ στιχηδόν γεγραμμένα παρὰ τὸ
5. „ἔχειν διασισιμένους καὶ διασεχωρισμένους τοὺς στίχους
6. „ἀπ' ἀλλήλων. Διὰ τοῦτο δὲ καὶ οὐκ ἄλλοις χαρακτῆροι
7. „χρώμεθα τῶν στοιχείων, ἀλλὰ τοῖς Ἰωνικοῖς, ὡς μὲν
8. „Ἀσκληπιάδης ὁ Σμυρναῖος λέγει, διὰ τὸ κάλλος καὶ ὅτι
9. „πλεῖστα τῶν συγγραμμάτων τούτοις ἐγέγραπτο τοῖς χα-
 10. „ρακτῆρσιν· ὡς δὲ Διόδωρος καὶ Ἀπίων ἐν τῷ περὶ τῶν
 11. „στοιχείων, ὅτι πλεῖστοι συγγραφεῖς καὶ οἱ ποιηταὶ ἀπὸ
 12. „τῆς Ἰωνίας τούτοις τοῖς τύποις ἐχρήσαντο. Ἀπολλώνιος
 13. „δὲ ὁ Μεσσήνιος ἐν τῷ περὶ ἀρχαίων γραμμάτων φησὶ
 14. „τινας λέγειν, ὅτι Ποθαγόρας αὐτῶν τοῦ κάλλους ἐπεμε-
 15. „λήθη, ἐκ τῆς κατὰ γεωμετρίαν γραμμῆς ρυθμίσας αὐτὰ
 16. „γωνίας καὶ περιφερείας καὶ εὐθείας“.

Cramer IV 318,13—319,5:

13. „Τῶν στοιχείων εὐρετὴν τινὲς Κάδμου φασίν· οἱ δὲ οὐχ
14. „εὐρετὴν, τῆς δὲ Φοινίκων εὐρέσεως πρὸς ἡμᾶς διάκονον γε-
 15. „νέσθαι· οἱ δὲ πρὸ Κάδμου Δαναὸν αὐτὰ φασὶ μετακομίσαι.
16. „ἔνοι δὲ Μουσαῖον, τὸν Μητίονος καὶ Σταρόπης κατ' Ὀρφέα
17. „γενόμενον, εὐρετὴν γεγονέναι. οἱ δὲ τὸν παρ' Αἰγυπτίας Θῶθ
18. „εὐρηκένας, ὃν λέγουσιν Ἑρμῆν. οἱ δὲ ἐν Κρήτῃ εὐρεθῆναι
19. „αὐτά. Αἰσχύλος δὲ Προμηθεῖα φησὶ εὐρηκένας αὐτά. Στη-
 20. „σίχορος δὲ καὶ Εὐριπίδης Παλαμήδην. Μνασῆας δὲ Ἑρ-
 21. „μῆν· ἄλλοι δὲ ἄλλον· πιθανὸν δὲ κατὰ πάντα τόπον εὐρετὰς
22. „γεγενησθαι· διὸ καὶ ἄλλα παρ' ἄλλοις. διάφοροι γὰρ εἰσι
23. „χαρακτῆρες τῶν στοιχείων. οἷς δὲ νυνὶ χρώμεθα, εἰσὶν Ἰωνικοί,
24. „εἰδενέγχαντος Ἀρχίνου παρ' Ἀθηναίοις ψήφισμα τοὺς γραμμα-
 25. „τιστὰς ἤγουν διδασκάλους παιδεύειν τὴν Ἰωνικὴν γραμματικὴν,
26. „ἤγουν τὰ γράμματα. διάταξε δὲ τὰ στοιχεῖα γράφεσθαι ὡς
27. „γράφομεν νῦν Προναπίδης ὁ Ἀθηναῖος. τῶν γὰρ ἀρχαίων, οἱ

28. „μὲν κιονηδὸν ἔγραφον, οἱ δὲ σπαιρηδὸν ἔγραφον δὲ καὶ δεσχι-
29. „δὸν [sic!] ἤγουν στιχηδὸν. ἢ γραφῆ νῦν ἡμεῖς χρώμεθα· παρὰ τὸ
30. „ἔχειν διεσχισμένους καὶ διακεχωρισμένους τοὺς στίχους ἀπ’
31. „ἀλλήλων. διὰ τοῦτο δὲ τοῖς Ἴωνικοῖς χρώμεθα διὰ τὸ κάλ-
32. „λος· εὐτραπέστεροι [rotius εὐτραπέστεροι!] γὰρ οὗτοι παρὰ τοὺς ἄλ-
λους· καὶ ὅτι

rag, 319:

1. „πλεῖστα τῶν συγγραμμάτων τούτων γέγραπται· καὶ ὅτι
2. „πλεῖστα συγγραφεῖς καὶ ποιηταὶ ἀπὸ τῆς Ἰωνίας τού-
3. „τοις τοῖς τύποις ἐχρήσαντο. Φασὶ δὲ ὅτι Πυθαγόρας [sic!] ἐπε-
4. „μελήθη τοῦ κάλλους αὐτῶν ἐκ τῆς κατὰ γεωμετρίαν γραμ-
5. „μῆς ῥυθμίσεως αὐτὰ γωνίαις καὶ περιφερείαις καὶ εὐθείαις“¹⁾.

c) 781,5—25²⁾.

d) 782,14—29³⁾.

14. „Φοινίεια δὲ τὰ γράμματα ἐλέγοντο, ὡς φησὶν Ἐφορος ὁ Κυ-
15. „μαῖος καὶ Ἡρόδοτος, ἐπεὶ Φοίνικες εὔρον αὐτά. Εὐφρόνιος δὲ,
16. „ὅτι μίλτω τὸ πρότερον ἐγράφετο, ἢ ἐστὶ χρωμά τι φοινίειον. Ἐτε-
17. „ωνεὺς καὶ Μένανδρος, ἐπειδὴ ἐν πετάλοις φοινικοῖς ἐγράφοντο· ἢ
18. „ὅπερ κρεῖττόν ἐστιν εἰπεῖν, ὅτι φοινίσσεται ὑπ’ αὐτῶν ὁ νοῦς ἦτοι
19. „λαμπρόνεται. Ἄνδρων δὲ καὶ Μενεκράτης ὁ Ὀλύμπιος ἀπὸ Φοι-
20. „νίκης τῆς Ἀκταίουος θυγατρὸς. Ἀπολλώνιος δὲ ὁ τοῦ Ἀρχιβίου,
21. „ἐπειδὴ οἱ ἀντίγραφοὶ ἀπὸ φοίνικος ξόλον εἶχον καὶ μετ’ αὐτοῦ
22. „ἔγραφον. Δουῖρις δὲ ὁ Σάμιος ὁ ἱστορικός, ἐν ὀγδόῃ τῶν Μακε-
23. „δονικῶν, ἀπὸ φοίνικος τοῦ Ἀχιλλέως τροφοῦ. Ἀλέξανδρος δὲ ὁ
24. „Ῥόδιος ἀπὸ φοίνικος τοῦ Προνώπου καὶ Εὐρώπης, εὐρόντος αὐτά
25. „ἐν Κρήτῃ, ἐν ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθυς φθονήσας“⁴⁾.

Cramer IV, 20—31.

20. „Φοινικά δὲ τὰ γράμματα ἐλέγοντο, ἐπεὶ Φοίνικες εὔρον
21. „αὐτά· οἱ δὲ ὅτι ἐπεὶ διὰ μίλτου τὸ πρότερον ἐγράφετο, ὅ

¹⁾ Cf. B. A. 789,9 — 10: „καὶ γὰρ ὁ Πυθαγόρας (v. 10) ὡς φασὶ, τοῦ κάλλους αὐτῶν ἐπεμελήθη“.

²⁾ Ex Luc. Tarrh. putat Hilgard p. 48 [=Gram. IV 319,6—19].
Мѣста эти приведены уже подъ №№ 8 и 9.

³⁾ Ex Luc. Tarrh. putat Hilgard p. 48 [=Gram. IV 319,20—31].

⁴⁾ Дагге см. выше подъ № 10.

22. „ἔστι χρῶμα φοινικοῦν· οἱ δὲ ὅτι ἐν πετάλοις φοινικεῖοις
 23. „ἐγράφετο· ἢ ὅτι ἐν πυρῶ [sic!] κηρῶ ἐγράφετο. ἢ ὅτι φοινίς-
 24. „σεται ὑπ' αὐτῶν ὃ ἔστι λαμπρύνεται. ἢ ἀπὸ Φοινίκης τῆς
 25. „Ἀκταίωνος. ἢ ὅτι ἀπὸ Φοινίκης ζύλον εἶχον ἀντὶ γραφείου.
 26. „οἱ δὲ ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Ἀχιλλέως τροφέως εὐρόντος αὐτά.
 27. „οἱ δὲ ὅτι ἀπὸ Φοίνικος τοῦ Προνόπου καὶ Εὐρώπης εὐρόντος
 28. „αὐτά ἐν Κρήτῃ, ὃν ἀπέκτεινε Ῥαδάμανθος φθονήσας“¹⁾).

Περὶ γραμμάτων.

e) 784,18—785,12²⁾).

18. „Ὅσοι τὴν τῶν γραμμάτων εὐρεῖσιν Σισύφῃ ἢ Παλαμῆ-
 19. „δει ἢ Φοινίκι ἢ Προμηθεὶ ἐφάπτοουσιν, ἢ ἐν Φοινίκι τό-
 20. „κῶ Ἐφέσου πεπτωκέναι φασίν, ἢ παρ' Αἰγυπτίους εὐρη-
 21. „κέναι Θεόδωρον ὡς³⁾ ἐρμηνεύουσαι· καὶ γὰρ ἡ φύσις ἡνίκα
 22. ἐδημιούργησε τὸν ἄνθρωπον, ἐχαρίσατο αὐτῷ τοιαύτην
 23. „ἐπιτηδεϊότητα, ὥστε τεχνήσασθαι ταῦτα τὰ στοιχεῖα.
 24. „Δείκνυνται δὲ ταῦτα καὶ πρὸ τῶν Ἰλιακῶν ὄντα, ὡς δῆλον
 25. „ἐκ τῶν Βελλεροφόντου. φησὶ γὰρ ὁ ποιητής·
 26. „γράφας ἐν πίνακι πτοκτῆ θυμοφθόρα πολλά.
 27. „ὁ δὲ Βελλεροφόντης πρὸ τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου· ἦν γὰρ
 28. „πάππος τοῦ Γλαύκου τοῦ ἐν τῷ Τρωϊκῷ πολέμῳ ὄν-
 29. „τος. ἀλλὰ καὶ ἐν Πυθοῖ ἦν λέβης ἐπιγεγραμμένος
 30. „Ἀμφιτρόων μ' ἀνέθηκε λαβῶν ἀπὸ Τηλεβοάων.
 31. „καὶ ἐν Πάφῳ⁴⁾ τῇ νήσῳ.
 32. „Ὤκεανῶ θυγάτηρ καὶ Τηθύος εἰμι Νόχεια
 33. „κρήνη· Τηλεβοάι γὰρ με τόδ' ὠνόμασαν.

pag. 785:

- 1—2. „νόμφαις μὲν προχέω λουτρόν, θνητοῖς δ' ὑγίειν,
 3. „θῆκε δὲ με Πτερίλας, οἶδς Ἐνοαλίω.
 4. „μετὰ δὲ τὸν ἐπὶ Δουκαλίωνος κατακλισμὸν οὐδεὶς τῶν
 5. „παραλειφθέντων Ἑλλήνων ἐφύλαξε τὴν μνήμην πλὴν τῶν
 6. „Πελασγῶν τῶν ἀφ' Ἑλλάδος εἰς βαρβάρους πλανηθέν-

¹⁾ Δαγῆε см. выше подъ № 11.

²⁾ Ex Luc. Tarrh. putat Hilgard p. 48 [=Cram. IV 319,31—320,19].

³⁾ Θεῶθ mihī visum est, tum κενῶς Dielsio.

⁴⁾ Cramer: Τάφῳ.

7. „των, οὗς καὶ ὁ ποιητῆς καλεῖ, φάσκων ἔθνος Παφλα-
8. „γονίας·
9. „καὶ Λέλεγες καὶ Καύκωνες διοί τε Πελασγοί·
10. „παρ' ὧν μαθόντες πρῶτοι Φοίνικες εἰς Ἑλληνας ἤγαγον,
11. „ἤττονές ¹⁾ τε βαρβάρων ὄντες καὶ συνεχεῖς ἐμπορίας ποι-
12. „οῦντες, ὅθεν καὶ φοινίκεια κτητικῶς ὀνομάζονται“.

Cramer IV 319,31—320,19:

31. „κρεῖττον δὲ ἐστὶ λέγειν, ὡς ἄμα
32. „τὸ δημιουργῆσαι ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον ἐχαρίσατο αὐτῷ τοι-
33. „αὐτὴν ἐπιτηδειότητι, ὥστε τεχνώσασθαι τὰ στοιχεῖα. δείκ-

pag. 320:

1. „νυται γὰρ καὶ πρὸ τῶν Ἰλιακῶν ὄντα· φησὶ γὰρ ὁ ποι-
2. „ητῆς,
3. „γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ ²⁾
4. „ὁ δὲ Βελλεροφόντης πρὸ τῶν Τρωϊκῶν. ἀλλὰ καὶ ἐν Πυθίᾳ
5. „ἦν λέβης ἐπιγεγραμμένος
6. „Ἀμφιτρόων μ' ἀνέθηκε λαβὼν ἀπὸ Τηλεβασῶν ³⁾
7. „καὶ ἐν Τάφῳ τῆ νήσῳ·
8. „Ὠκεανοῦ θυγάτηρ καὶ Τηθύος εἰμὶ Νυχία
9. „κρήνη· Τηλεβόαι γὰρ με τὸδ' ὠνόμασαν.
10. „Νύμφαις μὲν προχέων λουτρὸν, θνητῷ δ' ὑγίην·
11. „θῆκε δὲ με Πτερίλας οἶος Ἐνυαλίου.
12. „Μετὰ δὲ τὸν ἐπὶ Δευκαλίωνος κατακλοσμὸν, οὐδεὶς τῶν
13. „παραλείφθεντων Ἑλλήνων ἐφόλαξεν αὐτῶν τὴν μνήμην, πλήν
14. „τῶν Πελασγῶν τῶν ἀφ' Ἑλλάδος εἰς βαρβάρους κληνηθέν-
15. „των. οὗς καὶ ὁ ποιητῆς διούς καλεῖ, φάσκων
16. „καὶ Λέλεγες καὶ Καύκωνες Διοί τε Πελασγοί ⁴⁾
17. „παρ' ὧν μαθόντες πρῶτοι Φοίνικες εἰς Ἑλληνας ἤγαγον·
18. „γείτονές τε βαρβάρους ὄντες καὶ συνεχεῖς ἐμπορίας ποιού-
19. „μενοι, ὅθεν καὶ Φοινικικὰ κτητικῶς ὀνομάζονται“.

¹⁾ Cramer: γείτονες; cf. Euseb. Praep. Ev. X cap. 5, см. ниже.

²⁾ II. Z 169.

³⁾ Cf. Herod. V 59.

⁴⁾ II. X 429.

f) Cramer IV 320,19—23 ¹⁾).

19. „οὐκ ἐπιπέσει αὐτὰ, οἰονεὶ φωνήεσσα. ἐπεὶ φωνῆς ἐγγραμ-
 20. „μάτος θανάμει εἰκόνος εἰσὶ· μεταβολὴ δὲ γέγονε τοῦ ω εἰς
 21. „τὴν υἱ δίφθογγον, κατὰ τὴν τῶν Βουαιτῶν διάλεκτον· ὡσπερ
 22. „τὴν υἱ δίφθογγον, κατὰ τὴν τῶν Βουαιτῶν διάλεκτον· ὡσπερ
 23. „ἀγκόνη, ἀγκοίνη“ ²⁾).

Ἄλλως εἰς τὸ αὐτό.

g) 786,1—788,15 ³⁾).

1. „Τῶν στοιχείων ὁ Κάδμος εὐρετής ἐστιν, ὡς φησὶν Ἐφο-
 2. „ρος καὶ Ἀριστοτέλης. ἄλλοι δὲ λέγουσιν ὅτι Φοινίκων
 3. „εἰσὶν εὐρήματα, Κάδμος δὲ ταῦτα διεπόρθησεν εἰς τὴν
 4. „Ἑλλάδα. Πυθώδωρος δὲ φησὶ· καὶ πρὸ Κάδμου ὁ Δα-
 5. „νάος ἐκαίθη (ἦτοι ἀπὸ Φοινίκης) αὐτὰ μετεκόμισεν.
 6. „ἔνοι δὲ Μουσαῖον εὐρετὴν λέγουσι τῶν στοιχείων, τὸν
 7. „Μητίονος καὶ Σταρόπης, γενόμενον κατὰ τοὺς καιροὺς
 8. „τοῦ Ὀρφείου. Ἀντικλειδὴς δὲ τοῖς Αἰγυπτίοις τὴν εὐρε-
 9. „σαν ἀνατίθησιν. Αἰσχύλος δὲ Προμηθεῖα φησὶν εὐρη-
 10. „κέναι αὐτά. Δωτιάδης δὲ ἐν Κετήτῃ λέγει εὐρεθῆναι
 11. „αὐτά. Σπησίχορος δὲ Παλαμήδην εὐρετὴν αὐτῶν κωιῶ-
 12. „ται, ἧ συμφωνεῖ καὶ Εὐριπίδης. Μνασῆας δὲ κατὰ πάν-
 13. „τα τόπον εὐρετὰς γεγενῆσθαι τῶν στοιχείων. οἷς δὲ ἡμεῖς
 14. „χρῶμεθα νῦν, εἰσὶν Ἰωνικά, διὰ τὸ ἀρχαιοτέραν εἶναι
 15. „τὴν Ἰάδα τῶν ἄλλων διαλέκτων, καὶ αὐτὴν πρώτην τῶν
 16. „ἄλλων τοὺς Ἑλληνικοὺς εὐρεῖν τύπος. Διέταξε δὲ τὰ
 17. „στοιχεῖα γράφασθαι, ὡς γράφομεν νῦν, Προναπίδης ὁ
 18. „Ἀθηναῖος. τὸ γὰρ ἀρχαῖον οἱ μὲν σκυριδὸν ἔγραφον“ κ. τ. λ. ⁴⁾).

h) 780,82—781,4—см. № 12 ⁵⁾).

i) 782,30—783,34 ⁶⁾).

30. „Καλοῦνται δὲ τὰ στοιχεῖα φοινίκεια, ἐπεὶ ὁ Κάδμος, Φοῖνιξ ὢν,

¹⁾ Ex Luc. Tarrh. putat Hilg. p. 48 [=B. A. II p. 782,9—11; 782,31—783,29 Villois. II 121,25].

²⁾ Место изъ В. А. II 782,9—11 приведено выше подъ № 4; 782,31—783,29 см. ниже подъ (i); Villois. II 121,25 см. выше подъ № 6.

³⁾ Adespota putat Hilgard p. 48.

⁴⁾ 786,18 sqq.—cf. 783,24—784,6; III p. 1170 sq.; Cram. IV 322,29 sqq.

⁵⁾ Adespota—Hilgard p. 48.

⁶⁾ Adespota—Hilgard p. 48.

31. „εις Ἑλληνας ταῦτα μετήνεγκεν. ἢ ὡς φωνίκειά τινα ὄντα ἦτοι φωνί-
 32. „νῆς ἐγγραμμάτων δυνάμεις καὶ εἰκόνες, τοῦ ᾧ μεταβληθέντος εἰς
 33. „τὴν οἱ δίφθογγον κατὰ τὴν Βοιωτῶν διάλεκτον, ὡς τὸ ἀγκῶνη
 34. „ἀγκοίνῃ· τὴν γὰρ ἀγκάλῃν, ἢ τις ἐκ τοῦ ἀγκῶνος ἀγκῶνη λέγεται,
 35. „ἀγκοίνῃν οἱ Βοιωτοὶ λέγουσιν. οὕτως οὖν καὶ φωνίκεια φωνίκεια,

pag. 783:

28. „κατὰ τὸ εἶδος τὸ παράγωγον τὸ λεγόμενον κτητικὸν σχηματιζόμε-
 29. „να. Ἡ φωνίκεια, ἐπεὶ διὰ μίλτου, ὃ πέρ ἐστι χρωμα φωνικοῦν,
 30. „πρότερον ἐγράφετο· ἢ ὅτι πρότερον ἐν πετάλοις φωνικείοις ἐγρά-
 31. „φετο· ἢ ὅτι ἐν πυρώδει κηρῷ ἐτυποῦντο· ἢ ὃ πέρ ἐστι κρεῖττον,
 32. „ὅτι φωνίσσεται ὑπ' αὐτῶν ὁ νοῦς ἤγουν λαμπρύνεται. Τινὲς δὲ
 33. „λέγουσι κατὰ ἱστορίαν, ὅτι ἀπὸ Φοινίκης τῆς Ἀχταίονος θυγατρὸς.
 34. „ἄλλοι ἀπὸ Φοίνικος [τοῦ] Προνόπου καὶ Εὐρώπης“.

Φ. Видеманъ.

(Продолжение статьи).

EBERNARDI BETHUNIENSIS GRAECISMUS.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Бреславлѣ въ 1887 году въ изданіи д-ра Іог. Вробеля поэма грамматическаго содержанія, написанная, по его мнѣнію, въ XII или XIII вѣкѣ ¹⁾ и изданная имъ по 17 рукописямъ. Пять или шесть лѣтъ спустя послѣ этого изданія автору этихъ строкъ удалось наткнуться на слѣды погибшей рукописи второй четверти XIII в., которая, какъ оказалось, тоже содержала нѣкогда Грецизмъ Эбергарда и остатки которой въ видѣ 3 листовъ in 8° уцѣлѣли лишь благодаря тому, что были наклеены на переплетъ сочиненій Григорія Нисскаго, изданныхъ въ XVI вѣкѣ и приобретенныхъ авторомъ этой замѣтки на одномъ изъ заграничныхъ книжныхъ рынковъ.

Листки эти представляютъ изъ себя шесть страницъ пергамента, покрытаго такъ называемымъ готическимъ курсивомъ съ обычными XIII вѣку многочисленными сокращеніями, verso которыхъ на лѣвомъ верхнемъ полѣ стоятъ цифры 16, 18, 19, представляющія нумерацію листовъ погибшей рукописи, — нумерацію, начинавшуюся со второго листа рукописи, судя по числу кватерніоновъ. Первый листъ рукописи содержалъ, вѣроятно, заглавіе или былъ, какъ это часто бываетъ, оставленъ пустымъ ²⁾. Свободныя поля со всѣхъ сторонъ обрѣ-

---

¹⁾ Eberh. Beth. Graec. ed. D-r Joh. Wrobel. Vratisl. 1887. Praef. p. VIII.

²⁾ Въ каждомъ кватерніонѣ должно было быть по 4 листа in 8° (то-есть 8 стр. текста). Обозначая ихъ буквами получимъ A + B + C + D + E + ... - 4 + 4 + 4 + 4 + 4 + ... Наши отрывки и представляютъ именно кватерніонъ E, то-есть лл. 17—20, но такъ какъ нумерація кватерніона была 16 (17), 18, 19, то одинъ изъ предшествовавшихъ листовъ кватерніоновъ A, B, C, D, составляющихъ 16 листовъ, не долженъ былъ имѣть нумераціи, а это легче всего могло быть съ первымъ листомъ рукописи.

заны переплетчикомъ. Значительная часть текста смыта или стерта. Многія строки совершенно уничтожены временемъ и неосторожнымъ обращеніемъ. Въ началѣ и концѣ строкъ во многихъ мѣстахъ пергамень протертъ насквозь. На листѣ 19-мъ recto поперекъ текста поэмы надпись, сдѣланная рукою и чернилами XVII—XVIII в.

GREGORII
 NYSSENI
 oroga.

На лѣвомъ полѣ въ началѣ каждой фигуры находятся цифры параграфа: л. 16^r — F. 1) 3, F. 4, — л. 16^v — F. 5, F. 6, (F. 7) 2), — л. 18^r — F. 13, F. 14, — л. 18^v — F. 15, F. 16, — л. 19^v — F. 17, (F. 18, F. 19), — л. 19^v — F. 20, F. 21, F. 22.

Послѣ каждой фигуры слѣдуетъ прозаическій комментарий, содержащій, кромѣ поясненія, примѣры, заимствованныя изъ Священнаго Писанія, свѣтскихъ и духовныхъ писателей древнихъ и средневѣковыхъ. Повидямому авторъ комментарія былъ человѣкъ начитанный и очень образованный для своего времени, несмотря на свою варварскую монастырскую латынь. Это-же показываетъ и самый комментарий, во многихъ мѣстахъ (по крайней мѣрѣ въ III главѣ) представляющій изъ себя болѣе или менѣе дословное повтореніе IV книги риторики ad Herennium, иногда слегка сокращенное, иногда болѣе значительнымъ образомъ измѣненное вставками и собственными словами автора комментарія.

Интересно то, что значительная часть стихотворныхъ примѣровъ, находящихся какъ въ текстѣ Грецизма, такъ и въ комментаріяхъ къ нему, содержится также въ одной рукописи Гальберштадтской гимназіи (Domgymnasium) M. 69. Это пергамень малаго формата XII вѣка. нѣкогда liber sancti Pancratii in Hamersleve, гдѣ на л. 41^v — 61^r читается отрывокъ IV книги упомянутой риторики ad Herennium (отъ § 19: Repetitio — до § 42: cum quadam venustate oratio confertur), а на обратной сторонѣ листа 61-го начинается средневѣковая переработка того же отрывка, изданная Гауптомъ 3) и ускользнувшая отъ вниманія Вробеля. Впрочемъ и самъ Гауптъ не знаетъ ни объ

1) F. то-есть Figura, или T = titulus?

2) Въ скобкахъ тѣ нумера, которые стерлись.

3) См. Berichte über die Verhandlungen der Kön. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. 1849. Bd. II, S. 53—58.

Эбергардъ, ни объ изданіи его Грецизма ¹⁾, ни наконецъ о томъ, что публикуемый имъ текстъ Гальберштадтской рукописи былъ уже изданъ въ Appendix къ opera Hildeberti ²⁾ подъ именемъ Марбоды, что еще въ 1863 г. указалъ К. Гальмъ ³⁾.

Carmen Марбоды начинается стихотворнымъ введеніемъ въ 15 строкъ, послѣ чего идутъ прозаическія опредѣленія риторическихъ фигуръ, повторающихъ дословно риторикѣ ad Negonnum, съ присоединенными къ нимъ примѣрами, часть которыхъ содержится, какъ сказано, въ самомъ Грецизмѣ, часть въ комментаріяхъ къ нему.

Кромѣ упомянутой статьи Гаунта большую помощь при дополненіи погибшихъ листовъ въ принадлежащихъ намъ отрывкахъ Грецизма оказала намъ рукопись Императорской С.-Петербургской Публичной Библиотеки Lat. Q v. I n. 98, тоже неизвестная Вробелю. Рукопись эта состоитъ изъ 205 исписанныхъ листовъ; на первыхъ 115 листахъ находится Евангеліе отъ Луки съ постояннымъ комментариемъ того же Эбергарда, судя по замѣткѣ составителя рукописнаго инвентаря библиотеки:

98. Eberhardus Bethuniensis graecista. a) glossa super Lucam. b) Grammatica metrica. XIII s.

Источникомъ этой замѣтки является, повидимому, листочекъ, вложенный въ рукопись и покрытый письмомъ XVIII вѣка. Содержаніе его слѣдующее:

98. Eberhardus von Bethune oder Eberhardus Bethuniensis, genannt Graecista, weil er eine grammatic in versen, Graecismus genannt, verfertiget; daran aber nicht viel sonderliches ist. Er lebte in dem 12-ten seculo, und schrieb auch ein werk wider die Waldenser, des gleichen einen Tractat über die Worte Johannis etc. Gandav. de script. eccl. c. 60. Miraeus ⁴⁾.

¹⁾ Первое и единственное до Вробеля изданіе безъ обозначенія мѣста и времени (около 1480 г.) Drachii Spirensis videtur typis descripta esse. Eberh. ed. Wrobel Praef. p. X.

²⁾ Hildeberti opera. 1706. Paris. col. 1587 sqq. Къ сожалѣнію мы не могли ознакомиться съ этимъ изданіемъ, такъ какъ не нашли его ни въ Публичной, ни въ Академической, ни въ Университетской Библиотекѣ.

³⁾ Rheinisches Museum f. Philol. N. Folge Bd. 18 (1863) p. 463. Zwei rhetorische Abhandlungen des Boëtius. Marbodi carmen de figuris.

⁴⁾ Къ сожалѣнію и этого сочиненія не нашлось ни въ одной изъ упомянутыхъ выше библиотекъ.

На л. 1^р внизу на полях: *Luchas Glosat' liber' sc̄c̄....*¹⁾. На л. 116^р на верхнемъ полѣ написано:

assit principio sancta maria meo.

На л. 211/210^р рукой XIII в.: *leutcharius abbas sit fieri* (читай: *abbatus leutchariussit fieri*²⁾). Ниже рукой XIV в. вязью подписано *RATBERTVS* или *PRANTBERTVS* и той же рукой *leutcharius iussit* (выскобл. s.) *hunc facetu(m) scribere libru(m)*. Последнее предложение, повидямому, представляет испорченный гекзаметръ, первоначальная форма котораго приблизительно была слѣдующая:

(*Leutcharius*) *iussit* (*Johannem*) *hunc scribere librum*
или

(*Leutcharius*) *iussit me hunc sanctum scribere librum.*

Имена мы вставляемъ въ этотъ шаблонъ *exempli causa*.

На обратной сторонѣ листа незначительныя замѣтки позднѣйшихъ владѣльцовъ.

Текстъ Гречизма, окруженный двумя столбцами комментарія, начинается на л. 116^р, безъ всякаго заглавія: *Quoniam ignorantie publico etc.* Начало комментарія слѣдующее:

*Notandum quod*³⁾ *quoniam* et *quia* fere eodem sensu dicuntur, sed in hoc differunt, quod semper *quoniam* praeponitur et alligat sensum subsequentem, ut hic et in Prisciano de Moribus: *Quoniam* in ante expositis libris et cet. *Quia* uero semper supponitur et affirmat sensum praecedenti suppositum, ut in psalmo: *deduc me in semitam mandatorum tuorum quia ipse*⁴⁾ *uolui. cuius modi diversitas hiis uersibus continetur:*

dic suspensivo quoniam nullo praeeunte
sed quia si dicas, tunc praecedentia signes.

¹⁾ Стерты 5 буквъ.

²⁾ Эта записка оказывается очень интересной, такъ какъ въ нѣсколько мѣстѣннѣ видѣтъ: *Leutcharius abbas iussit hunc sanctum scribere librum* она читается въ рукописи VIII в. Lat. F. v. I № 6 *Ambrosius in Lucam. 211 foll.* Жаль, что не можемъ поговорить подробнѣе объ этой запискѣ, такъ какъ рукопись послана въ Вѣну, и намъ приходится положиться на достовѣрность инвентарной записки, которая притомъ рѣдко заслуживаютъ упреки въ неточности. Очевидно, что записка рукописи Эбергарда списана съ другой древнѣйшей рукописи, лишь для пробы пера и значенія для исторіи самой рукописи не имѣетъ.

³⁾ Такъ какъ почти всѣ слова писаны аббревіатурами, то мы раскрывали чтеніе, не указывая способовъ сокращенія, кромѣ 2—3 мѣстъ, гдѣ это указаніе необходимо, но сохраняя орфографію.

⁴⁾ *ipam cod.*

Далѣ авторъ комментарія говоритъ слѣдующее: *sequitur autem actor iste donatum in ordine partium, papuam ¹⁾, ysidorum et remigium in expositione. priscianum in pronomine. participio et aduerbio et huius modi. praeterea notandum quod actor ponit aliquas dictiones ualiter ²⁾ unde non est in talibus uis facienda. nec praesumo dicta tanti actoris uel opus corrigere, sed obscure dicta cupio iuuante sancti spiritus gratia declarare etc.* По поводу выраженія: *In undis apros piscantur* авторъ комментарія замѣчаетъ: *non debentur piscari et si deberent, tum non cum canibus, sed cum retibus et idcirco hic est soloecismus per partes et est quintum uitium, scilicet uariatio materiae ³⁾. lucios i. e. pisces illos. et ecce alia inproprietas, quum lucios uenantur in siluis, ubi non deberent uenari, et si deberent, non cum retibus sedcum canibus. idem est uitium siue soloecismus. de lucio papa et pisce hi uersus habentur:*

*lucius est piscis rex atque tyrannus aquarum,
a quo discordat lucius iste parum:*

*deuorat hic homines, hic piscibus insidiatur;
esurit hic semper, hic aliquando satur;
illorum uitas si laus aequata aequaret....*

Конецъ стиха испорченъ и повидному еще одинъ стихъ выналъ.

Въ этомъ родѣ комментарій объясняютъ почти каждую строку Грецизма.

Переходя къ нашимъ отрывкамъ, представляющимъ, какъ сказано, третью главу Грецизма, мы не находимъ въ нихъ начала главы. Вверху перваго листка читается комментарий къ первой и второй фигурѣ *teretio* и *conuersio* (Eberh. III ии. 3 и 6). Въ рукоисси Публичной Библиотеки, которую для краткости обозначимъ буквой П. предшествуютъ нѣсколько замѣчаній, относящихся къ началу главы, именно:

Sed quia praedictas. Tractata serie figurarum et generibus figu-

¹⁾ На верхнемъ полѣ двустиміе:

*ordine papie tractat documenta sophie,
donatum uenie postulat ordo uie.*

²⁾ *Vi* liter исправлено 1-ой рукой.

³⁾ Ранѣе авторъ сдѣлалъ краткій обзоръ *artis poeticae* Горація и замѣтилъ: *quintum est* (то-есть *uitium*) *inordinatio materiae, quod damnat, ubi dicit* (v. 29 sq.) *qui variare cupit rem prodigaliter unam delphini in silvis aut pingit fluctibus apros.*

rarum IIII-or assignatis actor consequenter de coloribus rethoribus enucleare proponit ostendens qui et quot sunt colores et exempla de quibusdam supponens. quare post figuras tractat de coloribus, debet esse ratio. figure enim ut praediximus vitiose sunt et tamen excusabiles. et immo tamquam spine et tribuli primo aratri uomere debuerant extirpari. colores uero rethorici tamquam bone eloquentie semina obserui non indignum iudicantur. alia est ratio quae figure cum coloribus et colores cum quibus figuris colligantiam habent et societatem. Unde quidam colores figure appellantur et eberhardus ¹⁾ unde non inmerito ad colores transit tamquam a similibus ad similia dicens: sed quia praedictas etc.

За этимъ вступленіемъ авторъ комментарія объясняетъ слова Principiis repete, которыя въ нашихъ отрывкахъ (N) истолкованы почти одинаково съ П, по крайней мѣрѣ въ началѣ:

Repetitio est [quidam П] ²⁾ color rethoricus qui fit ex eo quod eadem dictio in principiis plurium clausularum repetitur [rep. П старинъ послѣ dictio] ³⁾ ut in hoc: laudate dominum de celis. laudate et cet., et alibi:

te uolo, te cupio, te diligo, te peto Christe
et alibi:

te colo, te laudo, te glorifico, Tibi plaudo ⁴⁾.

et hic color concordat cum anaphora.

[Si circa finem П.] Conuersio est quidam color rethoricus qui fit ex eo quod eadem dictio repetitur in fine plurium clausularum [sese continue sequentium. frequens iteratio, ut patet in littera. П]. et dicitur a conuerto. tis. quia [fit П] repetitio est [om. П.] a principio in

¹⁾ eh'

²⁾ Въ прямыхъ скобкахъ заключены чтенія П, отличныя отъ N, въ круглыхъ—чтенія, дополняемыя въ N изъ П или M (Marbodi carmen).

³⁾ Послѣ clausularum П расходится съ нашимъ текстомъ. П даетъ: uel aliter repetitio est unius dictionis in principio diuersarum clausularum sese continue sequentium. frequens iteratio, ut patet in littera [то-есть въ текстѣ Эбергарда] et in psalmo: Laudate dñm de celis lau. eum. in ex. et alibi: te colo, te laudo, te glorifico, tibi plaudo. et alibi: Ieronimus hereses [читай hereseos] sectam adnihilauit. Ieronimus dogmata xpi confirmauit, Ieronimus archana diuina reuelauit. et ouidius. Tu dñs, tu [читай tu] uir, tu michi frater eras. Слова diuina archana reuelauit. Iero' dogmata xiana confirmauit предшествуютъ въ N словамъ Principiis repete.

⁴⁾ Эти два стиха, повидимому не находились въ текстѣ нашихъ отрывковъ

finem. Unde [ut ? N] Iob. memento mei domine [om. II, гдѣ читается: quaeso quod] sic [ut II] lutum feceris me et in pulverem me [etsic est contraria repetitio]. заканчивается II.]. N продолжаетъ: et alibi:

nam bonus es, deus es, timor es, uigil es, patiens es.

et alibi:

qui terram portas, mare portas, sidera portas,
quem nec terra, polus nequeunt portare nec aer.

Съ небольшими измѣненіями эти 2 стиха находятся въ текстѣ Грецизна, но въ N они, повидному были опущены.

Слѣдуетъ большими буквами написанная complexio, но безъ пригъровъ, находящихся у Вробеля и въ рукописяхъ:

Qui sunt qui pugnant audaciter? Andegauenses.

Qui sunt qui parcent superatis? Andegauenses.

Egregios igitur liuor negat Andegauenses.

Вробель напрасно опустилъ передъ qui sunt qui parcent стихъ, находящійся въ нѣсколькихъ рукописяхъ и между прочимъ въ II и въ carmen Marbodi

qui sunt qui superant iniucos? Andegauenses.

По поводу этихъ 4 стиховъ М. Гаунтъ правильно замѣтилъ, что авторъ его carminis, вѣроятно, былъ Andegauensis, но мы позволили себѣ не соглашаться съ тѣмъ, что эти 4 стиха выхвачены изъ поэмы, прославляющей Andegauenses. Скорѣе это versus ludicri и Марбодъ, какъ монахъ, ненавистникъ міра, легко могъ позаимствовать эти 4 стиха изъ какого нибудь памфлета на своихъ земляковъ. Что стихи эти выхвачены изъ памфлета, намъ кажется несомнѣннымъ и это станетъ вполне ясно, если только рѣшится на исправленіе negat или neget (у Гаунта) въ pesat. Смѣшеніе g и c въ словахъ peso и nego часто встрѣчается въ рукописяхъ и мы могли бы привести тому немало пригъровъ хотя бы изъ петербургской рукописи Орозія VIII в. Удивляемся, что ни Гаунтъ, ни Вробель не замѣтили, сколько соли прибавить такая поправка ¹⁾. Въ необходимости такой поправки убѣждаетъ насъ

¹⁾ Сдѣлавъ одну поправку, не можемъ удержаться, чтобы не указать на необходимость другой въ стихотвореніи Марбода: с. 15 (стр. 56), гдѣ Гаунтъ пишетъ: Commixtum est in quo duo supradicta conveniunt:

Criminis est formam componere, spernere famam.

Scortum sectari mira cum (?) non uocitari:

Вмѣсто mira cum надо, конечно, читать miraculum. Можетъ быть, наша оговорка является лишней, если въ первомъ изданіи Марбода (App. къ Hildeberti opp.)

и то, что вообще *Andegave* не очень высоко стояла въ глазахъ среднихъ вѣковъ, какъ показываетъ слѣдующій отрывокъ, найденный нами среди другихъ памфлетовъ въ рукописи Вѣнской Hofbibliothek Lat. № 840, s. XI, гдѣ послѣ трактата *De Sacramentis Neophitorum Ivon's episcopi Carnonensis* (л. 1—46 а) и *soliloquia* (*solisoquia* рукопись) *isidori ispaniensis* на л. 63 идутъ эпиграммы на папъ и духовенство. На л. 63 v мы читаемъ:

Sicut Pictavis nomen trahit ex aue picta
Sic est Andegavis uolucris de stercore dicta
Stercusavis sonat Andegavis, de stercore nomen
Urbs tua contraxit quia sic tibi contulit omen.

Вслѣдъ за *complexio* въ нашихъ отрывкахъ безъ промежутка идетъ *traducio* съ 2 примѣрами, читающимися у Вробеля и въ II., но къ нимъ въ N примыкалъ еще стихъ, почти совершенно стертый:

J... ita nte est. . . . . amoribis. . . . . trat

Въ виду недостаточной достовѣрности слѣдовъ погибшихъ буквъ мы не рѣшаемся предложить какое бы то ни было возстановленіе этого стиха.

Комментарій къ этимъ двумъ фигурамъ слѣдующій: *Complexio est* [quidam II.] *color* (rethoricus qui fit ex eo) quod eadem [altera N?] (dictio) [repetitur II] in principis plurium clausularum repetitur [om. II.] et altera circa finem earundem [uel aliter. *Complexio est* diuersorum uerborum unius in principio et alterius in fine frequens iteratio et.] ¹⁾ dicitur a complector. ris. quia [repetitionem II] complectitur repetitionem [om II] et conuersionem ut in hoc: *Benedicite angeli dño benedicite celi duo et alibi:*

Qui sunt qui pugnant audaciter? endegauenses (!)

Вмѣсто ut in hoc etc. II даетъ: ut in canticis: *Qui testamentum uetus transtulit? Jeronimus qui trium linguarum scilicet graece hebraice et latine fuit peritus? Jeronimus.*

[Miscellaneous per casus. Traducio est quartus color rethoricus cuius due sunt species. prima est eiusdem dictionis in eadem oratione et in eadem

чтеніе вѣрное, но такъ какъ мы книги этой не видали, а слѣдовательно не можемъ судить объ исправности или несправности даннаго текста въ первомъ гдашии, то и сочли не лишнимъ выразить наше недоумѣніе, что Гауиць не найдти исправленія, которое само напрашивается въ этомъ стихѣ.

¹⁾ Эти строки совершенно исчезли въ N, поэтому заключаемъ ихъ въ мыя скобки, такъ какъ не различаемъ даже слѣдовъ буквъ.

significatione aliis interpositis frequens iteratio ut patet hinc uersibus:

cur illam curas quae multas dat tibi curas

et alibi: Curia curarum m' t'. curia fuit proprium nomen cuiusdam meretricis. Sed obicitur cum traductio fiat ex repetitione cum ex additione eiusdem dictionis in fine unius et in principio alterius. Videtur quod non differat a complexione solutio. in hoc colore fit additio dictionis dicentis casualom habitudinem ad altam, cui additur, in complexione uero non. II.).

Далѣе II даётъ слѣдующій текстъ, сходящійся съ N въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, какъ можно судить изъ прилагаемаго сравненія.

II.

Traductio fit quum idem uocabulum sepius ponatur in eadem oratione dum tantummodo animum non offendat. Sed ut minorem reddat orationem ut patet in littera, cum dicit: Si nichil in uita et cet. Item: cur mundum curas qui multas dat tibi curas.

N.

Traductio est color rethoricus ta(lis qui) fa(cit) ut (i)dem uerbum saepius ponatur: non ut of(f)u(n)dam(us) animum (sed ut concinuiorem faciamus orationem) Tra(ductionem)si cum timore [ne] reddam(us dicta) ponen(ta)s hoc modo: Si nichil in uita iucundius est tibi uita, Indecorem h. e. turpem. uitam perages uirtute relicta et (alibi) po(tius): cur illum curas qui multas dat tibi curas? (Semper amare ue)llm (si quid non in)sit amari. Дополненія взяты изъ M.

Далѣе текстъ сходится: Uel traductio est cum aliquod uerbum [nomen II] uel aliquod nomen [uerbum II] uariatur [om. II] per similes casus pluries [uariatur II] et est

II.

Idem iste color cum figura que dicitur polisyntheton uel poliptheton

N.

eadem figura quae appellatur politheton uel quando una d(ictio) repetitur in una clausula in diuersis significationibus hoc modo: si nihil in uita h. e. mundo iucundius est tibi uita h. e. gaudio. Misce h. e. confunde non quod diuersa sit significatio, sed idem plitas uocis in principio.

Л. 16 г. начинается слѣдующей схемой, носящей название *contencio*, въ которой пропущенъ второй примѣръ; къ ней примыкаетъ—*exclamatio*; въ примѣрѣ къ этой фигурѣ вмѣсто *o quibus o* читается *o quibus es*. Въ комментаріяхъ N даетъ:

Contencio est cum ex rebus variis oratio efficitur hoc modo: слѣдуютъ, кромѣ 2 примѣровъ Грецизма Вробеля еще 3, часть которыхъ имѣется у Марбода, кромѣ стиха:

paх (est) arma petis; bellum (pro) pace precaris.

Послѣдній стихъ:

Urbem rure petis

займствованъ у Горация.

Ближайшаго опредѣленія, подобнаго тому, которое читается въ II. въ N нѣтъ. Комментарій II кончается стихами:

*res homo uana uiret florebit habundat egebit
floreit marcessit stat cadit est nec erit.*

Опредѣленіе *exclamationis* повидимому совпадаетъ въ II и N, (гдѣ большая часть стерта). Примѣръ взятъ изъ Марбода, но въ концѣ стихотворенія: *O asue flos troia potens etc.* въ II прибавлены слѣдующія 2 стиха, (которые, можетъ быть, были и въ N?) съ объясненіемъ:

*o quondam titulus urbs antea clara tropheis
troia facit o flos procerum cadit hector ab hoste.*

id est iste color idem cum figura quae dicitur prophonesis.

F. 7. въ N описывала, повидимому, схему, называемую *Sententia*. Сохранились лишь начальныя буквы примѣровъ и слѣды комментарія. Такимъ образомъ *ratiocinatio* въ N была опущена, если только не слѣдовала за F. 7 и слѣдовательно не находилась на погибшемъ листѣ 17 г, что вѣроятно, такъ какъ послѣ F. 7 должны быть пропущены 5 фигуръ — иначе передъ *subiectio* не могла бы стоять цифра 13; исчезнувшими, судя по II и тексту Вробеля, можетъ быть *contrarium*, *articulus*, *similiter cadens*, *agnominatio*. Не хватаетъ одной фигуры—или *ratiocinatio*, которая въ такомъ случаѣ шла за *sententiis*, или *similiter desinens* Марбода, которое однако не читается въ рукописяхъ Эбергарда.

Въ концѣ листка 17 г находилась *agnominatio*, комментарій которой мы приводили по В (въ N сохранилась лишь часть примѣровъ):

[*Agnominatio fit quum ad idem uerbum uel ad idem nomen additur uel acceditur cum mutatione uocum uel additione unius sillabe*

aut plurtum sillabarum. uel quum ad res dissimiles accommodantur uerba similia. uel fit quum due dictiones uel pluries iunguntur in principio uel in fine similes uoce (s eras.) tum sensu dissimiles ut patet in littera cum dicitur: curia curarum etcet. Item

Alcide (uirtus M., om. II) nullo superata labore
indomitas aditura domus inferna (-os infanda M.) profundi
defor]mes formas¹⁾ non formidauit et atra
atria cerbereo spreuit metuenda latratu (-um II).

на этомъ кончается опредѣленіе N и примѣры у Марбоды, но II продолжаетъ: Item

omnis amans amens, est omnis cura cor urons

vel potest dici quod agnominatio habet tres species: prima est de uocabulo ad idem uocabulum uel consimilium per leuem mutationem transitio et haec species dicitur in pluris, alia uero est ex additione ut quos homines alia uticit, alia ex subtractione²⁾ ut hic: uenit ad te, antiquam romam uenit. Secunda species uerborum similitum ad res dissimiles accommodatio. Verba consimilia dicuntur eiusmodi ut hic: quis³⁾ ueniam, qui sim, cur ueniam, cui prosim, quem postulem, in breui cognoscitis. Tercia constat ex illis duabus ubi unum nomen ponitur in diuersis casibus, i. e. prima species, ubi plura nomina ponuntur in diuersis casibus est secunda species.

F. B. Не представляетъ особенныхъ отличій отъ текста Вробеля⁴⁾; поврежденій не много, но зато комментарий погибъ совершенно, кромѣ 7 буквъ: въ началѣ 1 строки sub и въ серединѣ ея effi.

F. 14. Gradatio — представляетъ нѣкоторыя отличія отъ текста Вробеля; поврежденія легко исправляются:

Pon(e) gr(adus) uerbi(et des)cede—gradatio fiet
H(anc quaerensque) uiden(s)que de(us) quicumque cupiuit
Allicit, (a)lectam utciat, prodit utciatam⁵⁾

formas

¹⁾ Въ N наверху страницы читается: me. . . . formidauit.

²⁾ Subtractio eod.

³⁾ Qui rucoimse.

⁴⁾ Текстъ Вробеля и II даютъ слѣдующее:

De uoce in uocem descende gratio fiet

Hic quacumque uidet cupit et quacumque cupiuit

Allicit etcet. безъ уклоненій.

⁵⁾ Въ скобкахъ—дополненія.

Комментарій почти дословно совпадаетъ съ II, но II въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, non tam copiosior, quam verbosior est. Въ первой части N приведенъ примѣръ изъ Марбоды: Ni uirtus laudem etc.; во второй:

Quid leuius flamma? fulmen. quid fulmine? uentus.

Quid uento [leuius M.] mulier. quid muliere? nil ¹⁾ [est M.]

Unde ovidius fastorum (III, 21)

Mars uidet hanc uisamque cupit, potiturque cupita.

Комментарій слѣдующій:

N.

Diffinitio est quum aliqua breuiter distinguuntur, tum diffinitio est breuis demonstr(at)io rei persone sta(t)us pro(pri)as amplectens rerum potestates hoc modo: Prodigus (ut) lar(go etc.) uel diffundens (чѣтай diffiniens) est omnis quia breuiter rei potestatem complectitur. i. e. (ex.).

prodigus est consumptor opum, seruator earum

Pareus, qui r(it)e dispensat (sin)g(ul)a largus.

Листъ 18 v оканчивается фигурой 16-ой transitio, комментарий къ которой представляетъ слѣдующее:

N.

Transitio fit quum aliquod dictum b(reuite)r epilogamus. ut ad sequens propositum transeamus, hoc modo:

Dum plinxi, breuiter quod claruit iste triumphus uel transitio fit (fol. 19 a) quum post aliquid quod est euidenter dictum breuiter, se expedit qui sic d.....hoc modo: Audistis etc. (Dictum) est de praeno patre et filio ²⁾.

Слѣдующая фигура correctio отъ комментарія сохранила лишь на-

¹⁾ Nihil N.

²⁾ Въ lectio vulgata и II примѣръ чѣтается:

Audistis qualem se praestitit ille parenti

Nunc (Huic N и M) qualis fuit ipse parens, audite uicissim,

Ut dignus nec prole (matre N) queat nec patre (prole N) uideri.

чальныя строки: *Correctio fit quum (tollitur quod prius) dictum e(s)t et (pro eo id) quod magis uid(etur idoneum reponitur hoc modo): ueda...*; въ концѣ погибшаго гекзаметра читается: *et (alibi hoc) modo*: остальное исчезло, но по остаткамъ видно, что слѣдовало 5 стиховъ, взятыхъ изъ Марбоды и имѣющихся въ П.

Вслѣдъ за этими погибшимъ примѣромъ П прибавляетъ слѣдующее: *uel sic.*:

*oris te decorat recens color, immo decorat,
te gratam reddit oculo uenus immo uenustas*

et alibi:

*hic homo pars hominis; si pars, sed pars pedis. immo
pars ¹⁾ pro parte minor. non minor immo nichil.*

Item correctio ²⁾ est unius uocabuli quum per aliud quod

F. 18 стерта; примѣры состояли изъ 4 стиховъ, второй начинался съ *Se*, 4-й съ *Co*...

F. 19 стерта, но легко восстанавливается изъ Марбоды и Вробеля. Комментарій начинается наверху листа 19v и сохранился вполне:

Disiunctum. i. e. disiunctio talis color rethoricus est cum eorum de quibus dicimus aut utrumque aut unum quodque claudimus ordine: Romanus. uel disiunctum [i. e. disiunctio П, въ которомъ предыдущія строки опущены] est quum plures clausulae sub uno [uerbo П] clauduntur nominatiuo [et q П] unaquaeque habens [habet П] suum uerbum uel disiunctum. disiunctio [om. П] est partium [plurium П] atque distinctio [om. П] clausularum [disiunctio П] per certa uerba ad eadem representanda [— am П] illata [om. П] uel secundum [si? N] quosdam ad diuersas hoc modo [эти два слова П опускаетъ и продолжаетъ такъ: uel disiunctum est cum eorum de quibus dicimus aut uitam, aut unumquodque ordine excludimus uel certo claudatur uerbo etc.].

Haec ratione deus in nostra carne morari

Nobis conuenit, a culus labe notari

Non potuit tandemque suo nos sanguine lauit.

Hannibalis uires citionis (1) regis affricani qui Hannibalem (-le N) et suos uicit, unde post eum affrica regnauit.

Комментарій къ *F 20* стертъ; можно прочесть лишь нѣсколько

¹⁾ Partis П.

²⁾ Correctio 1-я рука.

словъ. Кажется онъ былъ заимствованъ изъ риторики ad Herennium, то-есть изъ Марбода. Къ слову *validudo* II замѣчаетъ i. e. *infirmitas quod dicebatur antiquitus ab infirmis laborantibus in extremis. unde senes validudinarii i. e. parum valentes.*

Въ F 21 N и II сходны съ другими рукописями, которыя прибавляютъ *Extinguit speciem seu morbus sine senectus.* Комментарій слѣдующій: *Adiunctum est quum uerbum (quo res) con(prehenduntur non interponimus [int^o рѳ II] (sed aut in principio) [fine II] au(t) in fine [p^on^o II] collocantur hoc modo.*

Далѣе текстъ расходится:

N:

morbo siue senio. exemplo descensa a fine extinguit speciem a principio.

II:

deflorescit forme dignitas hoc modo aut morbo aut uetustate forme dignitas deflorescit.—uel adiunctio est cum unum uerbum positum in principio et in fine utriusque duarum redditur clausularum ut patet his uersibus: morbo uel cuius uis [uel рукопись] tempore forma liquescit. effuscat speciem morbus uel forma uel etas.

F' 22. Последний стихъ находился въ началѣ л. 20 г, который, какъ сказано, погибъ съ остальными частями рукописи.

Заканчивая нашъ обзоръ комментарий въ N и II, мы должны замѣтить еще, что кромѣ II и N комментарий находится еще въ слѣдующихъ рукописяхъ:

Vind. 2393 (U¹) s. XIII; глоссы набросаны очень неразборчиво¹⁾.

Vind. 2441 (U²) s. XIV и XV. Вторая половина писана Каспаромъ Conamico Soliensi; кромѣ глоссъ мѣстами примѣчанія Метулина²⁾.

Vindob. 4995 (U⁴) s. XV. Глоссы писаны рукою 1439 г.³⁾.

Монах. 5536 (μ¹) s. XIV содержитъ подробный комментарий⁴⁾.

Paris. 8157 (p¹) s. XIV—толкованія на поляхъ и между строками⁵⁾.

¹⁾ Wrobel. praef. p. XIII sq.

²⁾ Wrobel. l. c. p. XIV.

³⁾ Ibid. p. XV.

⁴⁾ Ibid. p. XVII.

⁵⁾ Ibid. p. XV.

Paris. 8158 (p³) в. XV съ подробнымъ комментариемъ ¹⁾.

Остается указать еще cod. Melicensis (M) в. XIV, первый листъ котораго воспроизведенъ у Вробеля съ помощью фотолитографіи, благодаря которой мы скорѣе отнесли бы къ XIII вѣку и неизвѣстный Вробелю cod. Paris. 15183 в. XIII, начало котораго воспроизведено у Пру.

Такимъ образомъ изъ 20 рукописей 9 имѣютъ болѣе или менѣе обширныя примѣчанія, болѣе или менѣе другъ съ другомъ схожія схолиі, насколько это можно заключить изъ сличенія нѣсколькихъ мѣстъ четырехъ рукописей M, p¹, N и П.

Родство примѣчаній мы не затруднимся объяснить тѣмъ, что Грецизмъ, сдававшійся на экзаменѣ на званіе бакалавра ²⁾, объяснялся въ университетахъ и академіяхъ и отсюда изъ профессорскихъ лекцій возникли болѣе или менѣе подробныя, болѣе или менѣе схожія между собою комментаріи, составленные, судя по цитатамъ, на основаніи различныхъ источниковъ. Какъ мы видѣли, и самый текстъ Грецизма показываеъ большую общность съ стихотвореніемъ Марбода, слѣдовательно Эбергардъ заимствовался у Марбода также, какъ и у другихъ древнихъ и болѣе позднихъ грамматиковъ, что было указано и въ комментаріи ³⁾.

Заимствованія изъ Марбода имѣютъ для насъ еще то значеніе, что благодаря имъ можетъ быть твердо установлено время жизни Эбергарда. Хотя уже ранѣе большинство ученыхъ склонялось къ мнѣнію, что Эбергарда слѣдуетъ относить скорѣе къ XIII вѣку, чѣмъ къ XII, но доказать этого никому не удавалось.

Эпиграмма, свидѣтельствующая о годѣ изданія Грецизма,

anno milleno centenobis duodeno
condidit Ebrardus Graecismum Bethuniensis—

¹⁾ Manuel de Paléographie lat. et franç. du VI-e au XVII-e siècle p. M. Prou. Paris (s. a.) p. 115: Le manuscrit dont nous donnons un fragment, est conservé à la Bibliothèque Nationale sous le № 15183 du fond latin. Il provient de l'abbaye de Saint-Victor de Paris qui a fourni à la Bibliothèque nationale 1268 manuscrits.— Il a été écrit en mai 1270 comme en témoignent les quatre vers suivans écrits à la fin du volume (fol. 143):

Scriptorem siquis verbis reprobarit iniquis
Cerberus in Baratro flumine mergat atro
Anno milleno cum quodam septuageno
Et bis centeno maio liber hic sit ameno.

²⁾ Wrobel p. IX.

³⁾ См. стр. 66.

можетъ быть понята двояко, смотря по тому, къ какому слову мы отнесемъ *bis*, къ *septeno* или *duodeno*. По мѣсту легче отнести *bis* къ *duodeno*, ибо иначе автору эпиграммы ничего не стоило бы переставить слова *bis septeno*. Стихъ отъ такой перестановки ничево не потерялъ бы, а съ точки зрѣнія средневѣковой просодии даже выигралъ бы, такъ какъ яспѣе выдѣлялись бы *homoteleuta*. Ср. запись *cod. Paris.*, приведенную выше. Изъ этого сравненія мы видѣли, что стихотворныя записи составлялись по извѣстному шаблону, что впрочемъ уже давно извѣстно. Поэтому едва ли мы уклонимся отъ истины, предположивъ или неудачную контаминацію составителя эпиграммы или ошибку писца, сначала опустившаго *bis* и затѣмъ вставившаго это слово не на свое мѣсто. И въ томъ и въ другомъ случаѣ получается XIII вѣкъ, а что Эбергардъ долженъ былъ жить въ XIII вѣкѣ, а не въ XII—показываетъ и то, что ни одна рукопись Грецизма не можетъ быть датирована временемъ, ранѣшимъ половины XIII вѣка, а во вторыхъ то, что Эбергардъ при написаніи своего Грецизма пользовался Марбодомъ, умершимъ въ 1150 году. Оба произведенія находятся въ извѣстной связи, а слѣдовательно могло бы быть и то, что Эбергардъ жилъ въ началѣ XII вѣкѣ, и Марбодъ немного спустя сдѣлалъ извлеченіе изъ Эбергарда и кое-что прибавилъ отъ себя или позаимствовалъ у какого-нибудь другого автора, но *Andegavenses* положительно указываютъ на Марбода, который былъ родомъ изъ этого города; при томъ было бы странно дѣлать извлеченіе изъ сочиненія пережившаго слишкомъ 300 лѣтъ и изъ года въ годъ втеченіе этого времени не сходявшаго со сцены университетской жизни и преподаванія. Затѣмъ изъ большого труда, какимъ является *carmen Marbodi*, легче было сдѣлать заимствование, сокративъ его, какъ сокращаетъ и передѣлываетъ его Эбергардъ, чѣмъ наоборотъ.

Накопецъ *carmen Marbodi* не можетъ быть заимствованъ изъ III главы Грецизма, такъ какъ самое расположеніе схемъ и примѣры къ нимъ, не говоря уже о прозаическихъ опредѣленіяхъ, показываютъ, что эта поэма составлена цѣлкомъ по риторикѣ *ad Negennium* и именно по тому отрывку ея изъ III книги, которая читается въ упомянутой выше Гальберштадтской рукописи. Едва ли даже мы ошибемся, если самую идею Грецизма припишемъ вліянію если не прямо стихотворенія Марбода, то во всякомъ случаѣ какому-нибудь подобному же произведенію. Не Марбодъ составляетъ сокращеніе Грецизма, а Грецизмъ не удовлетворяется прозой, смѣшанной со стихами, а стремится объять всю науку въ одномъ трудѣ, дѣлаетъ послѣдній и круп-

ный шагъ въ томъ направленіи средневѣковой литературы, которому начало положилъ неизвѣстный авторъ стихотворенія *de figuris vel schematibus ad (Augustinum) Messium* еще въ IV вѣкѣ послѣ Р. X. Эбергардъ, совершенствуя Марбоду и другія ему подобныя произведенія, собирая въ одно цѣлое различныя поэмы различнаго же грамматическаго содержанія, придаетъ имъ въ новой и капитальной обработкѣ другой видъ со строго проведенной идеей и создаетъ въ своемъ стремленіи все знаніе уложить въ рамки поэзии (*sit venia verbo*), это *monstrum horrendum informe ingens, cui lumen ademptum*, каковымъ является для насъ Гречизмъ Эбергарда, особенно въ толкованіяхъ средневѣковыхъ ученыхъ и профессоровъ. Однако это *monstrum* втеченіе трехъ вѣковъ продержалось, какъ краугольный камень схоластической образованности.

Разъ зашла рѣчь о произведеніяхъ, подобныхъ стихотворенію Марбоду, то считаемъ кстати обогатить науку обнаруженіемъ еще одного такого же сокровища средневѣковой премудрости, и привести невзданное еще стихотвореніе *de syllabis*, списанное нами съ одной изъ рукописей той же Императорской С.-Петербургской Публичной Библиотеки. Это *Lat. F. v. VI, № 3 foll. 44, v. VIII*, гдѣ въ концѣ подшиты 7 листовъ разнаго формата изъ другихъ или изъ другой рукописи X вѣка Капетингскаго письма. На первомъ изъ этихъ листовъ (38-мъ листѣ рукописи) *verso* помѣщено слѣдующее стихотвореніе:

Rothb(er)tu(m) saluere iubent p(rae)conia metri
 Vita modum ¹⁾ sapiens laudabil(is) esse uidet(ur).
 Vos aut(em) scim(us) m(en)sura uiuere recta,
 Recte igit(ur) petitis metro(rum) lege doceri.
 Sed quia metrica uis nonnullis docta magistris
 Natura(m) retinet, qua(m) c(on)stituere p(ri)ores,
 Dicim(us) haud aliud, qua(m) Servius et Beda dicunt.
 Sic(et) hi ueteres dixer(unt) pauca secuti,
 Quap(ro)pt(er) tibi sufficiat de nomine solo
 Dicere nos post tot natis, q(uod) corde recondes ²⁾.
 Personas etia(m) uerbi c(um) te(m)p(or)e triplo
 Exigis adiungi, na(m) cetera pars patet ampla.
 Ergo p(ro)ti inflexus haec regula p(ri)ma tenenda est,

¹⁾ Исправлено изъ metri.

²⁾ recondet или recondes corr. m'. ex recondis.

Rectus ut unalis numeri cas(us) breuiet(ur).
 Consimilibsq(ue) uocatiuus censet(ur) ubiq(ue):
 Hoc apud Ausonios, na(m) Gr[aj]ecus dispar habetur.
 At ¹⁾ genitiuus ²⁾ adest p(ro)duct(us) sicq(ue) datiu(us),
 Ablatiuo etia(m) natura est concolor ipsi.
 Porro accusatiu(us) in hac corrept(us) habetur;
 Cuncti plurales longi p(rae)t(er) genitiuu(m) ³⁾,
 Qui flexu cuncto brevis est discrimine nullo.
 Deuteris inflexus rectu(m) breuiat cliticu(m)q(ue)
 Exceptis p(ro)p(ri)is i longa rite notatis,
 Ast alios longos om(n)es quarto fac(it) absq(ue).
 Sic ide(m) numerus pluralis longus habetur
 Castibus in cunctis dictu(m) p(rae)ter genitiuu(m) ⁴⁾.
 Tercia n(un)c sequit(ur) ia(m) declinatio lata,
 Clausula qua(m) reliquis polymorphis ⁵⁾ dat grauiore(m),
 Octon(a)e decies quae ferme ⁶⁾ uident(ur) ade(ss)e.
 Hinc recti diuersa potest tibi regula casus,
 Quae tam(en) in multis dinoscit(ur) ex genitiuo ⁷⁾.
 Ergo int(er)misso casu recto genitiuu(m) ⁸⁾
 Dicim(us) e(ss)e breuic(m) finali te(m)pore simplo ⁹⁾
 At ¹⁰⁾ longus se(m)per contrastat ¹¹⁾ iure datiuus.
 Sic se(m)per quartu(m) breuiat sibi sexus ut(er)q(ue),
 Na(m) neutri quartus primu(m) sectabit(ur) ipsum;
 Ablatiuus in e brevis, i p(ro)ductus habetur;
 Plurali primus quartus quintus q(uo)q(ue) longi
 Sub sexu gemino, qui tres neutro breuiant(ur)
 Hocce s(e)c(un)da tenet, hoc t(er)cia quartaq(ue) in illis.
 Tercius (et) sextus plurales corripiunt(ur).

¹⁾ Ad.

²⁾ genitiuus.

³⁾ genitiuu(m).

⁴⁾ genitiuu(m).

⁵⁾ poliformis.

⁶⁾ feruē.

⁷⁾ genitiuo.

⁸⁾ genitiuu(m).

⁹⁾ symplo.

¹⁰⁾ Ad.

¹¹⁾ contrastat an contra stat sit scriptum, non liquet.

Sic quartae quinaeq(ue) simul haec iura nident(ur),
 Sed du(m) prim(us) adest quartae quintus q(uo)q(ue) curt(us)
 Ide(m) sunt quinae p(ro)ducti p(er) rationem;
 Ast alios om(ne)s p(ro)ducunt ordine casus
 Exceptis illis, quos nos iam diximus ante.
 De verbis restat p(ro)missu(m) p(er)ficam(us).
 Prima igit(ur) brevis o p(er)sona notatur in om(n)i,
 Qua(m)uis hanc quida(m) p(ro)ducunt rite uolentes.
 As p(ro)ducta manet, nec n(on) es q(uae)q(ue) sec(un)da.
 Is n(un)c corripitur, n(un)c (et) product(ur) ipsa,
 Ut fuerit uerbu(m), culus p(er)sona sec(un)da est.
 Tercia t simpla ¹⁾ q(uae) desinit, haec breuiat(ur).
 Sic brevis m(ue)l t(ue)l re quae t(er)minat om(n)is.
 Tis q(uo)q(ue) curta manet uerbo pluralis in om(n)i.
 I se(m)p(er) longa e(st) uelut a ratione uetusta.
 Hoc (et) ubiq(ue) fac(it) p(rae)t(er) q(uta) ita (et) nisi sola.
 E semper brevis e(st), n(i) ²⁾ sit secunda
 Induperativo, instantis singularis artelimi ³⁾
 Tur. mus cunctimodis uerbor(um) corripiunt(ur).
 f.39r: Haec uobis p(rae)sul sapiens et spes sapientu(m)
 Israhel hic u(este)r de uerbo et nomine tantum
 Extremis libat primis mediisque relictis
 Sic(ut) u(este)r amor n(ost)ro deponit amore
 Si n(ost)ram ⁴⁾ lector festuca(m) tollere q(uae)ras
 Robora de p(ro)prio lumine tolle prius.
 Disce tuas iuuenes ut agat ⁵⁾ facundia causas,
 Ut sis defensa cura salusq(ue) tuis.
 Disce p(re)cor iuuenis motus moresq(ue) ⁶⁾ uenustos,
 Laudetur toto ut nomen in orbe tuum.
 Utere quisque legas librum felicibus annis
 Auctor(um)q(ue) memor dic: miserere ⁷⁾ d(eus).

¹⁾ sympla.

²⁾ nⁱ.

³⁾ Этот и предыдущий стихи испорчены.

пѣям

⁴⁾ totā той же рукой.

t

⁵⁾ agas испр. 1 рукой.

⁶⁾ moreq.

⁷⁾ miserere.

Только что приведенное нами стихотвореніе могло быть написано между пятидесятыми годами VIII и пятидесятыми годами X вѣка ¹⁾. Всего безопаснѣе отнести его къ IX вѣку. Кто былъ его авторъ, этотъ Израиль, обращающійся къ Ротборту, или правильнѣе Роберту, сказать трудно. Но какъ бы то ни было, памятникъ этотъ довольно интересенъ, такъ какъ у насъ немного подобныхъ грамматическихъ поэмъ до XI—XII вѣка.

Въ заключеніе, слѣдуя совѣту В. К. Ернштедтъ, скажемъ нѣсколько словъ о принадлежащихъ намъ другихъ отрывкахъ исчезнувшихъ рукописей главнымъ образомъ латинскихъ. Памятники эти слѣдующіе:

1. Два пергаменныхъ листа съ отрывками писемъ Сенеки; in 4°. XIV—XV вѣка, съ глоссами.

2. Prisciani Ars; два пергаменныхъ листка in 8°, XIV вѣка.

3. Отрывки юридическаго содержанія (cod. Justinianus?) числомъ отъ 8 до 10 разныхъ размѣровъ, съ комментаріями и глоссами. Остатки рукописи in fol. большого формата, пергамень XIV вѣка, хорошаго письма. Глоссы разныхъ почерковъ XV—XVI вѣка.

4. Два пергаменныхъ отрывка конца XIII вѣка in 8°—съ условіями о пользованіи водой и водоемами.

5. Отрывокъ каноническаго права. Пергаменный листъ большого формата XIV вѣка съ комментаріями на поляхъ и кругомъ текста.

6. Два бумажныхъ листа in 4°—XV—XVI вѣка, съ изложеніемъ Causae dictio domini Borlitz et domini Othoff и другихъ судебныхъ дѣлъ.

7. Два прекрасно писанныхъ пергаменныхъ листа XIV—XV вѣка in 4°. На л. 1г—французскія лиліи на снѣгъ щитѣ, verso—Ordo feria.

8. Два отрывка хроники, описывающей tempora tyberii. Пергамень, in 4°, s. XIV.

9. Небольшіе пергаменные отрывки сочиненія о крещеніи конца XIII вѣка.

10. Два отрывка Словъ; пергамень in 4° XIV—XV вѣка.

11. Missale. Одинъ пергаменный листъ in 4° XIII—XIV вѣка.

12. Тоже; перг. in 4° XIV вѣка.

13. Четыре небольшихъ отрывка Новаго Завѣта; перг. in 24 (?)—XIV вѣка.

¹⁾ Беда умеръ въ 704 г.

14. Два листа Посланий или писемъ (LXVIII—LXXII); перг. in 4° XIV вѣка.

15. Два листа in 4°; пергамень XV вѣка съ отрывками философско-богословскаго сочиненія de anima.

16. Большой листъ изъ Церковной книги съ Записями и поминаніями, пергамень XIV вѣка.

17. Ноты со словами, 1 листъ очень большого формата, пергамень XIV—XV вѣка.

18. Тоже, in 4°; полтора листа XIV—XV вѣка.

19. Тоже, часть пергаменнаго листа XIV—XV вѣка.

20. Два небольшихъ бумажныхъ отрывка изъ Славянской рукописи XV—XVI вѣка духовнаго содержанія.

21. Нѣсколько незначительныхъ пергаменныхъ и бумажныхъ клочковъ изъ рукописей разныхъ почерковъ и эпохъ (XIII—XVII вѣка), пѣмецкихъ и латинскихъ. Наконецъ, въ настоящее время находится у насъ въ рукахъ два пергаменныхъ листа крупнаго письма XV вѣка in fol., переданныхъ намъ академикомъ К. Г. Залеманомъ для прочтенія, полученныхъ имъ изъ Риги на переплетѣ Плинія; это остатокъ глоссарія ludo—manduco.

А. Вейнштремъ.

4. ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Статьи.

5335. Д. Э. Виллемъ, Возрѣнія Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и вѣшнюю политику Лемны.—1882, ч. 223, сентябрь, отд. V, стр. 355—377, октябрь, стр. 391—423. 1885, ч. 241, сентябрь, отд. V, стр. 459—464, октябрь, стр. 465—492.
5336. В. Г. Васильевскій. О Гилло. (Замѣтка по поводу статьи М. И. Соколова).—1889, ч. 263, июнь, отд. II, стр. 369—371.
5337. А. Д. Вейсманъ. Замѣтки къ Медеѣ Еврипида.—1883, ч. 228, августъ, отд. V, стр. 44—56.
5338. А. Д. Вейсманъ. Замѣтки къ трагедіи Еврипида *Тялолотос*.—1884, ч. 234, июль, отд. V, стр. 12—22.
5339. Э. А. Вертъ. По поводу *Sophocli Aiax*. 650—652.—1886, ч. 243, февраль, отд. V, стр. 68—86.
5340. Э. Вертъ. По поводу *Pind. Nem. II. 6—12*.—1877, ч. 191, май, отд. V, стр. 52.
5341. А. Н. Веселовскій. Греческій ромаль. (Отзывъ о книгѣ *Der griechische Roman und seine Vorgänger*, von Edw. Rohde. Lpz. 1876).—1876, ч. 188, ноябрь, отд. II, стр. 99—151.
5342. А. Н. Веселовскій. Византійскія повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. (Отзывъ о сочиненіи А. И. Кирничникова. Греческіе романы въ новой литературѣ).—1877, ч. 192, июль, отд. II, стр. 122—154.
5343. А. Веселовскій. Народныя пѣсни съ Олимпа. (Рец. книги: *Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, συλλεγμένα ὑπὸ Ἀθανασίου Κ. Οἰκονομητοῦ. Ἐν Ἀθῆναις*. 1881).—1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 446—456.
5344. В. Г. Новѣйшія изслѣдованія о Греческихъ національныхъ грамматикахъ-писателяхъ.—1873, ч. 170, ноябрь, отд. V, стр. 34—65.
5345. Л. Георгиевскій. *Hyperidis oratio funebris*.—1883, ч. 226, мартъ, отд. V, стр. 71—132.
5346. *Michael Georgievski. De chori in Aristophanis Ecclesiazusis partibus*.—1886, ч. 246, августъ, отд. V, стр. 49—65.
5347. А. Н. Деревницкій. Замѣтка къ тексту Стравона (*Strab. Geograph. XVII, p. 794*).—1890, ч. 272, декабрь, отд. V, стр. 151—152.
5348. Г. С. Дестунжскъ. Возстановленіе одного Плутархова сочиненія въ его первобытнотой послѣдовательности. (Трактатъ Плутарха о происхожденіи душъ).—1870, ч. 149, июнь, отд. II, стр. 435—442.
5349. Г. С. Дестунжскъ. Очерки греческой загадки съ древнихъ временъ до новыхъ.—1890, ч. 270, июль, отд. II, стр. 66—98, августъ, стр. 262—290.
5350. В. Ш. Къ Аристофану. (Лягушки, 1071).—1891, ч. 277, октябрь, отд. V, стр. 10.
5351. В. Е. Еришгедтъ. Къ Оукидиду. (III, 39).—1884, ч. 233, июнь, отд. V, стр. 78—82.
5352. В. Е. Еришгедтъ. Къ „Электръ“ Еврипида. (v. 333—335).—1886, ч. 245, июнь, отд. V, стр. 125—137.
5353. С. Ж. Къ Фотию.—1891, ч. 278, декабрь, отд. V, стр. 111.
5354. С. Н. Ждановъ. *Homeric*.—

- 1880, ч. 211, октябрь, отд. V, стр. 429—431.
5355. В. Зубовъ. *Novus Demosthenis orationum codex quantum valeat, quaeritur.*—1876, ч. 183, январь, отд. V, стр. 42—55.
5356. А. Неебе. *De Turtasi patria.*—1878, ч. 196, февраль, отд. V, стр. 59—74.
5357. V. Iornstedt. *Observationes anti-phontaeae.*—1878, ч. 198, июль, отд. V, стр. 1—29.
5358. А. Иксовицъ. Пиндаръ и его епипики.—1875, ч. 181, октябрь, отд. V, стр. 57—80.
5359. А. Н. Каргъевъ. Къ вопросу объ истолкованіи Поэтики Аристотеля. (Отзывъ о переводѣ Поэтики Аристотеля В. И. Захарова. Варшава. 1886).—1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 90—132.
5360. А. И. Киричкинъ. Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы.—1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 23—31.
5361. Вл. М. Краузе. Палатинская рукопись *Batrachomyomachiae.*—1887, ч. 252, июль, отд. V, стр. 137—142.
5362. Н. А. Лавровскій. Замѣчаніе о „гирѣ“ Константина Багрянороднаго.—1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 113—121.
5363. E. Leev. *Quaestiones theognidaeae.*—1887, ч. 253, сентябрь, отд. V, стр. 1—40, октябрь, стр. 41—74.
5364. И. Лукьянъ. Риторическіе этюды.—1881, ч. 217, октябрь, отд. II, стр. 288—345; ч. 218, декабрь, стр. 219—268.
5365. И. Лукьянъ. Къ вопросу объ отношеніяхъ Демосеева къ Исократу.—1890, ч. 267, февраль, отд. V, стр. 72—81.
5366. I. Luňák. *Miscellanea critica.* (Ad. Herodoti II, c. 79; ad Demosthenis or. XVIII § 2; ad Philochori *Atthidis I. III fragmentum; ad Argiani Anabas. I. I, c. 1 § 6; ad Castorionis fragmentum; ad Platonis Phaedri p. 267 C.*)—1883, ч. 230, ноябрь, отд. V, стр. 161—174.
5367. I. Luňák. *Observationes rhetoricae in Demosthenem.*—1878, ч. 196, мартъ, отд. V, стр. 91—109, апр., стр. 133—150.
5368. К. Любемилъ. Объясненіе одного мѣста въ первой рѣчи Исеа (§ 33).—1879, ч. 201, февраль, отд. V, стр. 75—81.
5369. К. Любемилъ. Еще нѣсколько словъ объ изданіи Антифонта г. Ериштедтонъ.—1881, ч. 213, февраль, отд. V, стр. 100—101.
5370. К. Любемилъ. Киклонъ Евривнда. (Ст. 558—565).—1881, ч. 216, июль, отд. V, стр. 355—361.
5371. К. Я. Любемилъ. *Homericæ.*—1886, ч. 245, июнь, отд. V, стр. 138—161; ч. 247, сентябрь, стр. 99—113.
5372. П. Н. Люперольскій. Что такое *Ἐλλυτες ἔκδοαι* у Геродота IV, 17.—1884, ч. 236, декабрь, отд. V, стр. 66—71.
5373. В. В. Майковъ. Пиндаръ.—1887, ч. 253, октябрь, отд. V, стр. 75—102.
5374. М. Мандесъ. Къ Гомеровскому гимну на Аполлона.—1891, ч. 277, сентябрь, отд. V, стр. 86—90.
5375. И. И. Мейеръ. *Homericæ.* (Od. S. 600 sqq.; II. Г. 11; II. Е. 584; II. Г. 176).—1886, ч. 246, июль, отд. V, стр. 37—38.
5376. В. Э. Миллеръ. Мнѣ о Нибѣ на Востока.—1877, ч. 193, октябрь, отд. V, стр. 59—71.
5377. Э. Г. Мищенко. Къ вопросу о Геродотовыхъ скеналъ. (По поводу трудовъ 1) Fr. Lenormant. *Les origines de l'histoire d'après la Bible.* Paris. 1882. II и 2) Herm. Vambéry. *Der Ursprung der Ma-*

- guagen. Lpz. 1882). — 1884, ч. 234, июль, отд. II, стр. 145—155.
5378. Э. Г. Мищенко. Легенды о царских сменах у Геродота. — 1886, ч. 243, январь, отд. V, стр. 39—47.
5379. Э. Г. Мищенко. Къ Полибию. — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. V, стр. 25—32; ч. 276, августъ, отд. V, стр. 45—52.
5380. А. Науъ. О нѣкоторыхъ вновь открытыхъ отрывкахъ греческихъ поэтовъ. — 1881, ч. 214, апрѣль, отд. V, стр. 177—205; 1882, ч. 219, январь, стр. 1—44.
5381. П. В. Никитинъ. О 527—531 стихахъ „Персовъ“ Эсхила. — 1876, ч. 187, октябрь, отд. V, стр. 79—84.
5382. П. В. Никитинъ. Къ „Медеѣ“. Еврипида, (ст. 234 и 596). — 1880, ч. 211, октябрь, отд. V, стр. 403—411.
5383. П. В. Никитинъ. Къ рѣчи Демосоена „Κατὰ Κόνωνος“ (§ 4). — 1880, ч. 211, октябрь, отд. V, стр. 412—413.
5384. П. В. Никитинъ. Обзоръ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы. — 1881, ч. 218, декабрь, отд. V, стр. 603—664.
5385. П. В. Никитинъ. Къ исторіи аэинскихъ драматическихъ состязаній. — 1882, ч. 222, августъ, отд. V, стр. 311—354.
5386. П. В. Никитинъ. Замѣтки къ текстамъ греческихъ писателей. I. Soph. O. R. 540 sqq. — II. Soph. O. C. 505 sq. — III — V. Aristoph. Thesm. 151 sqq., 257 sqq., 502 sqq. — VI. Plat. Eutyd. 274 C. — VII. Plat. Prot. 314 D. — VIII. Xen. Cyr. 8, 2, 25. — IX. Plut. De Alex. M. fort. or. I c. 9, p. 331 A. — X. Plut. De coh. ira, c. 10, p. 459 B. — XI. Plut. De exilio, c. II, p. 603 F. — XII (Plut.) X oratt. v. 4 § 29 p. 838 E.). — 1886, ч. 243, февраль, отд. V, стр. 49—63.
5387. П. В. Никитинъ. Замѣчанія къ тексту „Шестоднева“ Георгія Писидійскаго. — 1888, ч. 256, январь, отд. V, стр. 1—29.
5388. О. И. Пѣховскій. Разборъ „Эдипа царя“ Софокла. — 1870, ч. 150, августъ, отд. II, стр. 240—285.
5389. Э. Euripidea. — 1880, ч. 206, апрѣль, отд. V, стр. 143—170.
5390. М. Смоленскій. Архитъ Тарентскій, его жизнь и сочиненія. — 1877, ч. 192, июль, отд. V, стр. 85—56.
5391. Э. Э. Сомоловъ. Гомеровскій вопросъ. — 1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 360—442, декабрь, отд. II, стр. 834—886.
5392. А. И. Сошкин. Нѣсколько замѣтокъ къ Эсхилу Агамемнону. — 1887, ч. 251, май, отд. V, стр. 8—18.
5393. G. Schmid. Euripidea. — 1882, ч. 224, ноябрь, отд. V, стр. 433—458.
5394. Е. Н. С—овіа. Стихотворенія, приписываемыя Платону. — 1887, ч. 254, декабрь, отд. V, стр. 177—182.
5395. П. Тихоновичъ. Театръ у древнихъ грековъ. — 1869, ч. 146, декабрь, отд. II, стр. 267—327.
5396. П. Тихоновичъ. Медея трагедія Еврипида. — 1878, ч. 197, май, отд. V, стр. 165—210.
5397. Э. И. Успенскій. Исторія Византійской литературы. (По поводу книги Крумбахера: Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches). — 1891, ч. 274, мартъ, отд. II, стр. 199—218.
5398. О. А. Шеборъ. Къ Плавту. (Aul. 421 sqq.) — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. V, стр. 33—44.
5399. Д-ръ П. Шустеръ. Поэтика Аристотеля. — 1875, ч. 177, январь, отд. V, стр. 37—68.
5400. Th. Ziellnasky. De lege Antimachea scaenica. — 1884, ч. 232, мартъ, отд. V, стр. 1—25.

5401. Th. Ziönsky. Quaestiones comicae. (Quaestio I. De partitione comica epirrhematium. Q. II. De comoediae Palaesticae reliquiis. Q. III. De comoediae Doricae personis).—1886, ч.

248, ноябрь, отд. V, стр. 53 — 116. (Q. IV. De Menachmorum paramythio. Q. V. De Acca Larentia).—Декабрь, стр. 117—175.

Б. Рецензии.

5402. *Theodorus Bergk. Poetae lyrici Graeci. Editio IV, vol. III, poetas melicos continens. Lipsiae. 1882.* — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 448. (Учено-литер. новости по классич. филологии).

5403. *I. Bernays, Die Heraklitischen Briefe. Berlin.*—Рец. 1869, август, ч. 144, отд. II, стр. 394. (Нов. ил. учен. лит.).

5404. *Alfred Blass. Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen. Kiel. 1882.*—Рец. А. Воежовича. 1883, ч. 229, сентябрь, отд. II, стр. 105—112.

5405. *Hyperidis orationes quattuor cum ceterarum fragmentis, edidit Fridericus Blass. Leipzig. 1869.* — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 147—148.

5406. *Theopanis chronographia. Recensuit Carol. de Boeser. Vol. I, Lpz. 1883.*—Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 338 - 339. (Учено-литер. новости по класс. филологии).

5407. *Διωνυσίου ἢ Λογγίνου περί βφους. De sublimitate libellus in usum scholarum edidit O. Iaß. Bonn. 1867.*— Рец. (въ ст. Нов. иностр. учен. лит.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 514.

5408. *Isaei orationes cum fragmentis a Dionysio Halicarn. servatis. Ed. H. Buermann. Berlin. 1883.* — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 333. (Учено-лит. новости по классическ. филологии).

5409. *Burckhardt. Zum Verständniss des Homerischen Hymnos auf Her-*

mes. — Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 516—517.

5410. *Hymnus Cereris Homericus ed. Fr. Bücheler. Leipzig. 1868.* — Рец. (Нов. иностр. учен. литер.). 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 409.

5411. *Aristotle's psychology in greek and english with introduction and notes by Ed. Wallace. 1882.*—Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 333 — 334. (Учено-литерат. новости по класс. филологии).

5412. *Herm. Vambéry. Der Ursprung der Magyaren. Lpz. 1882.*—Отзывъ въ статьѣ Э. Мищенко: къ вопросу о Геродотовыхъ скивахъ.

5413. *Δημοσθένους αὶ δημοτορίαί. Les harangues de Démosthène. Texte grec... avec un commentaire critique et explicatif, une introduction générale et des notices sur chaque discours. Par H. Weil. Par. 1882.*— Рец. 1884, 233, июнь, отд. II, стр. 332. (Учено-литерат. новости по класс. филологии).

5414. *Galeni qui fertur de partibus philosophiae libellus. Primum edidit Ed. Wellmann. Berlin. 1882.*—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 450—451. (Учено-литерат. новости по класс. филологии).

5415. *Aristophanis Equites. Recensuit Adolphus von Velssn. Leipzig. 1869.*—Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 146.

5416. Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и исследования А. Н. Веселовскаго. Вып. I. Греко-визан-

- тійскій періодъ. Спб. 1886. — Рец. 1886, ч. 247, сентябрь, отд. II, стр. 187—188. (Кн. новости).
5417. *Rudolph Westphal*. Aristoxenus von Tarent. Melik und Rhythmik des classischen Hellenthums übersetzt und erläutert. Lpz. 1883. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 463. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).
5418. *Guttman Aug.* De hymnorum Homericorum historia critica particulae quatuor. Bamberg. 1869. — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 409—410. (Нов. ин. уч. лит.).
5419. Гомерическіе гимны. Анализъ памятника въ связи съ исторіей его изученія. Историко-литературный этюдъ *А. И. Дергачева*. Харьковъ. — Рец. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 262. (Кн. новости).
5420. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Опытъ переводнаго и объяснительнаго сборника *Гааріила Дестуниса*. Спб. 1883. — Рец. *А-ра Веселовскаго*. 1884, ч. 234, июль, отд. II, стр. 142—145.
5421. *H. Dunger D-r.* Die Sage vom Trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihre antiken Quellen. Leipzig. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 150—152. (Нов. ин. уч. лит.).
5422. Philogelos Hieroclis et Philagrii facetiae, edidit *Alfred Eberhard*. Accedit commentatio. Berlin. 1869. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 150. (Нов. ин. уч. лит.).
5423. *Rhode Erwin.* Ueber Lucians Schrift Λόγιος ἢ ὄνος und ihr Verhältniss zu Lucius von Patrae und den Metamorphosen des Apuleius. Leipzig. 1869. — Рец. (Нов. иностр. ученой лит.). 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 395—396.
5424. *Eyssenhardt Fr.* Historia miscella. Berolini. 1869. — Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 399. (Нов. ин. уч. лит.).
5425. Поэтика Аристотеля. *В. И. Захарова*. Варшава. 1885. — Рец. *В. X. Л.* 1885, ч. 240, августъ, отд. II, стр. 264—267.
5426. *D-r Ed. Kammer.* Die Einheit der Odyssee, nach Widerlegung der Ansichten von Lachmann, Steinthal, Koechly, Hennings und Kirchhoff dargestellt. Anhang: Homerische Blätter von Pr. D-r Lehrs. Leipzig. 1873. — Рец. *Ф. С.* 1875, ч. 177, январь, отд. V, стр. 69—73.
5427. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Юсафѣ *А. Курличникова*. Харьковъ. 1876. — См. ст. *Е. Н. Веселовскаго*. Византийскія повѣсти и Варлаамъ и Юсафъ.
5428. Xenophontis exeditio Cyri in usum scholarum edidit *C. G. Oobet*. Edit. III. Lugduni Batavor. 1881. — Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 331. (Учено-литерат. новости по классич. филологіи).
5429. *Krumbacher*. Geschichte der Byzantinischer Literatur von Iustinian bis zum Ende des oströmischen Reiches. München. 1891. — См. ст. *Э. И. Успенскаго*. Исторія Византийской литературы.
5430. *Emile Legrand*. Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française et des commentaires historiques et littéraires. Specimen d'un recueil en préparation. Paris. 1876. — Рец. *А. Н. Веселовскаго*. 1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 203—210.
5431. *Fr. Lenormant*. Les origines de l'histoire d'après la Bible. Paris. 1882. — Отзывъ въ статьѣ *Э. Мичежко*: Къ вопросу о Геродотовыхъ свѣдахъ.
5432. Плутархъ. Жизнь и дѣла зна-

- ментных людей древности. Издание Народной библиотеки (В. Н. Маракусса). М. 1889. Вып. I и II.— Рец. 1890, ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 269—272. (Кл. новости).
5433. Les scolies du manuscrit d'Aristophane à Ravenne. Etude et collation par *Albert Martin*. Paris. 1883.— Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 447—448. (Учено-литературныя новости по классич. филологин).
5434. *Machly*. Der Oedipus Coloneus des Sophocles. Basel. 1868.— Рец. (въ ст. Новости иностранной ученой литературы). 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 470—471.
5435. *Meyer*, *Osc.* Quaestiones Homericae. Bonn. 1868.— Рец. (въ ст. нов. иностр. ученой литерат.). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 516.
5436. *Arth.* *Milchhöfer*. Die Befreiung des Prometheus, ein Fund aus Pergamon. 42. Programm zum Winkelmannsfeste der archaologischen Gesellschaft zu Berlin. Berl. 1882.— Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 472—473. (Учено-литерат. новости по классич. филологин).
5437. *Lucianus Samosatensis*. Избранные разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ для употребленія въ гимназіяхъ издавъ *Нс. Млиаричъ*. Изданіе 3-е исправленное. М. 1890.— Рец. 1890, ч. 270, августъ, отд. III, стр. 69—71.
5438. *Cl. Ptolemaei geographia. E codicibus recognovit... Car. Muellerns*. Par. 1883.— Рец. 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 335—337. (Учено-литерат. новости по классич. филологин).
5439. *Lexicon Vindobonense. Recensuit et adnotatione critica instruxit Aug. Nauck.* Petropoli. 1887.— Рец. Е. Л. 1868, ч. 140, октябрь, отд. II, стр. 246—253.
5440. Къ исторіи аонскихъ драматическихъ составаній. Сочиненіе П. *Никитина*. Спб. 1883.— Рец. Э. Зѣлинковаго. 1883, ч. 228, июль, отд. II, стр. 123—138.
5441. *L' Iliado d' Homère, texte grec revue et corrigé d'après les documents authentiques de la récénsation d'Aristarque, accompagné d'un commentaire critique et explicatif, précédé d'une introduction et suivi des prolégomènes de Villoson, des prolégomènes et des préfaces de Wolf, de dissertations sur diverses questions homériques etc., par Alexis Pierron.* T. I. Paris. 1869. Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 143—144.
5442. Τὸ δημοτικὸν ἄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ. Ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου. Ἐν Ἀθῆναις. 1885.—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Воежовскаго. Къ народнымъ мотивамъ баллады о Лекорѣ.
5443. Ν. Γ. Πολίτου. Τὸ δημοτικὸν ἄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ.—Отзывъ въ статьѣ Г. Деотуниса. Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ.
5444. Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 20-й. Peregrinatio ad Loca Sancta saeculi IV exeuntis edita rossice versa notis illustrata ab Ioh. Pomialowsky. Паломничество по святымъ мѣстамъ конца IV вѣка, изданное, переведенное и объясненное Н. В. *Помлаоскимъ*. Спб. 1889.— Рец. И. И. Холодника. 1889, ч. 285, октябрь, отд. II, стр. 352—355.
5445. *I. Psichari*. La ballade de Lénone en Grèce.—Отзывъ въ статьѣ Деотуниса. Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ.
5446. *Jean Psichari*. La ballade de Lénone en Grèce (отгнокъ изъ Revue de l' Histoire des religions, t. IX).

- Р. 1884. — Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго. Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ.
5447. Der griechische Roman und seine Vorläufer, von *Erw. Rohde*. Leipzig. 1876. — См. ст. А. Н. Веселовскаго. Греческій романъ.
5448. *Rohde Erwin*. Ueber Lucians Schrift Λούκιος ἡ ὄνος und ihr Verhältniss zu Lucius von Patrae und den Metamorphosen des Apuleius, Leipzig. 1869. — Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 395—396. (Нов. нн. уч. лит.).
5449. *Heinrich Schrader*. Ueber die Porphyrinischen Ilias Scholien. Hamburg. 1872.—Рец. 1875, ч. 178, апрѣль, отд. V, стр. 116—117.
5450. П. *Сырку*. Византийская повесть объ убійствѣ имп. Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ. Спб. 1883.—Рец. въ ст. А. Веселовскаго. Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника.
5451. Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, συλλεγμένα ὑπὸ Ἀθανασίου Οἰκονομίτου. Ἐν Ἀθήναις. 1881.—См. статью А. Веселовскаго. Народныя пѣсни съ Олимпа.
5452. Православный Палестинскій (Сборникъ. Вып. 23-й. Иоанна Фоки сказаніе вкратцѣ о городахъ и странахъ отъ Антиохіи до Іерусалима, также Сиріи, Финикіи и освятыхъ мѣстахъ Палестины, конца XII вѣка, изданное въ подлинникѣ и рускомъ переводѣ И. Троицкиѣ. Спб. —Рец. 1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 355. (Кн. новости).
5453. Epicurca. Edidit H. *Usener*. Lipsiae. 1887. — Рец. 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 332. (Кн. новости).
5454. *Volkman, Dr. Rich.* Synesius von Cyrene. Berlin. 1869.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 411—412. (Нов. нн. уч. лит.).
5455. Der Raub und die Rückkehr der Persephone in ihrer Bedeutung für die Mythologie, Litteratur und Kunst-Geschichte, von *Richard Förster*. — Рец. Л. I. 1875, ч. 178, мартъ, отд. V, стр. 54—56.
5456. Lucianus Samosatensis. *Franciscus Fritschius* recensuit. Vol. III, p. II, Rostock. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 455—456. (Учено-литер. новости по классической филологіи).
5457. Ueber eine nachouripideische Antigone. Ein Beitrag zur griechischen Literaturgeschichte von *H. Heydemann*, mit zwei lithogr. Tafeln. Berlin. 1868. — Рец. 1870, ч. 150, июль, отд. II, стр. 148—149. (Нов. нн. уч. лит.).
5458. Aeschylus „Perser“, erklärt von D-r. *Lud Schiller*. Berlin. 1868. — Рец. (Новости иностр. ученой литерат.). 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 393—394.
5459. *Schlie Fr.* Die Darstellungen des Troischen Sagenkreises auf Etruskischen Aschenkisten, beschrieben und nach den poetischen Quellen untersucht. Mit einem Vorworte von H. Brunn. Stuttgart. 1868. — Рец. 1870, июль, ч. 150, отд. II, стр. 144—146. (Нов. нн. уч. лит.).
5460. Gallimachea edidit *Otto Schneider*. Vol. I. Hymni cum scholiis veteribus ad codicum fidem recensiti et emendati, epigrammata recognita; excursus additi. Lips. 1870. Vol. II. Fragmenta a Bentleio collecta et explicata, ab aliis aucta. Lipsiae. 1873. — Рец. М. 1875, ч. 180, августъ, отд. V, стр. 97—99.

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Статьи.

5461. Л. Миллеръ. Фридрихъ Ритчль. 1874. ч. 190. апрѣль отд. II. стр. 197—234.
5462. Л. Миллеръ. Philologische Wochenschrift. Unter Mitwirkung von Georg Andresen und Hermann Heller herausgegeben v. Wilhelm Hirschfelder. — Библиографич. замѣтка. 1882, ч. 224, ноябрь отд. V, стр. 458—460.
5463. Объ изданіи отдѣла классической филологіи въ видѣ приложе-
нія къ журналу *Мин. Нар. Просвѣщенія*.—1873, ч. 169, сентябрь, отд. V, стр. 1—9.
5464. Объ изданіи отдѣла классической филологіи—1877, ч. 189, январь, отд. V, стр. 1—5.
5465. Помяловскій. Переписка между А. Беккомъ и О. Миллеромъ.— Рец. изданія: Briefwechsel zwischen August Boeck und Karl Otfried Müller. Лpz., 1883. — 1884, ч. 231, январь, отд. II, стр. 90—139.

Б. Рецензии.

5466. *Blass Fr. D-r phil.* Die attische Beredsamkeit, von Gorgias bis zu Lysias. Leipzig. 1866. Рец.—1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 406—408.
5467. *O. Seyffert.* Lexicon der classischen Alterthumskunde. Culturgeschichte der Griechen und Römer. Mythologie u. Religion, Literatur, Kunst etc. Lpz. 1882.—Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 395—396. (Учено литературныя новости по классич. филологіи).
5468. *Otto Iahn.* Eduard Gerhard, ein Lebensbild. Berlin 1868.—Рец. см. ст.: Нов. иностр. ученой литер.—1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 406—406.
5469. *Hermann Köchly.* Gesammelte kleine philologische Schriften. Unter Leitung von Ger. Mart. Thomas herausg. v. Gottfr. Winke jun. u. Ernst Böskel. 2 Bd. Deutsche Aufsätze. Lpz. 1882.—Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 398—399. (Учено-литературныя новости по классической филологіи).
5470. *Otto Ribbeck.* Friedrich W. Ritschl. Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie. Lpz. 1879—1881.—Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 396—397.
5471. *Alazon.* Ein Beitrag zur antiken Ethologie und zur Kenntniss der griechisch-römischen Komödie nebst Uebersetzung des plantischen Miles Gloriosus von Otto Ribbeck. Lpz. 1882.—Рец. Э. Зѣлинковаго. 1884, ч. 236, ноябрь, отд. II, стр. 179—182.
5472. *Acta Societatis philologicae Lipsiensis, edidit Fridr. Ritschellius,* tom. I, Lipsiae 1872. t. II.—1872, t. III.—1873.—Рец. 1874, ч. 175, сентябрь, отд. V, стр. 79—84.
5473. *Hense, Dr. C. C.* Die röstische Personification in griechischen Dichtungen mit Berücksichtigung lateinischer Dichter und Schakespeares. 1-r Th. Halle. 1868.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 410—411.
5474. Сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности Н. М. Благовѣщенскаго. (1848—1888). *И. Цетмаевъ.* Спб. 1888.—Рец. 1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 234. (Кн. новости).

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РОМАНСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ И
КЕЛЬТСКИХЪ.

А. Статьи.

5575. Э. В. Валобажова. Кельтскія повѣсти. (Отзывъ о сочиненіи. *Les Mabinogion. Par I. Loth. Tome. I. (Cours de littérature celtique, tome III). Paris. 1889.*)—1889, ч. 266, декабрь, отд. II, стр. 541—550.
5476. Э. Д. Ватюшковъ. Французская гадальная книга. (*Jeu d'amour.*) Французская гадальная книга. Издаль по рукописи И.С.-Петербургской Публичной Библиотеки гр. А. Бобринскій. Сиб. 1886.)—1886, ч. 244, апрѣль, отд. II, стр. 426—437.
5477. Э. Д. Ватюшковъ. Новый трудъ Гастона Париса о французской литературѣ въ средніе вѣка. (Отзывъ о сочиненіи. *Gaston Paris: Manuel d'ancien français. T. I. La littérature française au moyen âge. Paris. 1888.*)—1888, ч. 258, августъ, отд. II, стр. 470—482.
5478. Э. Д. Ватюшковъ. Зачатки французской лирики. (Отзывъ о сочиненіи. *A. Jeanroy. Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge (études de littérature française et comparée). Paris. 1889.*) — 1890, ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 425—457.
5479. Графъ А. А. Бобринскій. Романъ о Фоволѣ,—1887, ч. 252, июль, отд. II, стр. 30—48.
5480. Э. И. Вуслаевъ. Опыты г. Веселовскаго по сравнительному изученію древне-итальянской литературы и народной словесности славянской и въ особенности русской. (Отзывъ о сочин.: 1) *Novella della figlia del re di Dacia. Testo inedito del buon secolo della lingua, con prefazione del Dott. Alessandro Weselofsky. Pisa—1866.* 2) *La tradizioni popolari nel poemi d'Antonio Pucci,* статья Веселовскаго въ *Ateneo Italiano. 1866*)—1868, ч. 137, февраль, отд. II, апрѣль. 495—526.
5481. А. Н. Веселовскій. Джузеппе Питрѣ и его библиотека народныхъ сицилійскихъ преданій.—1876, ч. 183, январь, отд. II, стр. 81—103.
5482. А. Н. Веселовскій. Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо.—1879, ч. 201, январь, отд. II, стр. 89—111. Поправки (опечатки). *Ibid.* стр. 173.
5483. А. Н. Веселовскій. Легенды о вѣчномъ жидѣ и объ императорѣ Траянѣ. (По поводу трудовъ *Gaston Paris.* 1) *Le juif errant. Paris 1880.* 2) *La légende de Trajan. Paris 1878.*) — 1880, ч. 210, июль, отд. II, стр. 85—97.
5484. А. Н. Веселовскій. Новая изслѣдованія о французскомъ эпосѣ. (Отзывъ о трудахъ: 1) *Kristoffer Nyrop. Den oldfranske Heltedigtning. Kobenhavn. 1883.* 2) *Pio Rajna. Le origini dell' epopea francese. Firenze. 1884.*)—1885, ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 239—285.
5485. А. Н. Веселовскій. Новости по изученію итальянской литературы. (*Журналъ: Giornale storico della letteratura italiana, diretto e redatto da Arturo Graf, Francesco Novati, Rodolfo Renier. 1883—1884.*) —1884, ч. 234, августъ, отд. II, стр. 428—440.
5486. А. Н. Веселовскій. Лорренскія сказки. (Отзывъ о сочиненіи: *Emmanuel Cosquin. Contes populaires de Lorraine comparés avec les contes des autres provinces de France et des pays étrangers et pré-*

- cédés d'un essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens. Paris.—1887, ч. 260, апрѣль, отд. II, стр. 285—303.
5487. А. Н. Веселовскій. Нерѣшенные, верѣшительные и безразличные Дантовскаго ада.—1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 87—116.
5488. А. Н. Веселовскій. Духва въ глѣвствѣ грѣховъ у Данте.—1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 262—272.
5489. А. Н. Веселовскій. Король—кинговій. (Отзывъ о сочиненіи Siragusa. L'ingegno, il sapere e gl'intendimenti di Roberto d'Angio. Torino—Palermo. 1891).—1891, ч. 277, октябрь, отд. II, стр. 551—568.
5490. И. М. Гаршинъ. Старофранцузскій романъ объ Окасиѣ и Николетѣ.—1887, ч. 262, августъ, отд. II, стр. 296—314.
5491. Изъ Некрасовъ. Новѣйшія изданія памятникъ древней италянскій литературы.—1887, ч. 134, май, отд. II, стр. 427—448.
5492. М. Пинто. Микель-Анжело Буонаротти, какъ поэтъ. (Изъ курса исторіи италянскій литературы).—1870, ч. 149, июнь, отд. II стр. 385—434.

В. Рецензю.

5493. *Fr. Aug. Arnstaedt*. Rabelais und sein Traité d'éducation, mit besonderer Rücksichtigung der pädagogischen Grundsätze Montaigne's, Locke's und Rousseau's.—Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 403—405.
5494. Histoire de la langue et de la littérature française au moyen âge, par M. Charles Aubertin. Tome I. Paris 1876.—Рец. А. Веселовскаго. 1876, ч. 187, сентябрь, отд. II, стр. 89—98.
5495. Jeu d'amour. Французская гадальная книга. Издаѣ по рукописи Императ. С.—Петербур. Публичной Библиотека гр. А. Бобринскій.—Отзывъ въ статьѣ Э. Валушкова: Французская гадальная книга.
5496. Novella della figlia del re di Dacia, testo inedito del Dot. Alessandro Vesolofsky. Piza. 1866. — Рец. въ статьѣ Э. Вулаева: Опыты г. Веселовскаго по сравнит. изученію древне-италиянскій литер. и народ. слов. славян., въ особенн. русскій.
5497. Volkamären aus Venetien, von G. Widter, A. Wolf und R. Köhler. Jahrbücher für romanische und englische Literaturgeschichte. VII, 1, 2, 3. 1866.—См. статью А. Веселовскаго: Запѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ наученіи средне-вѣковаго зноса (см. далѣе, статьи по литературѣ всеобщей).
5498. *Giuliano Fenaroli*. Dell' allegoria principale della Divina Comedia. Torino. 1880.—Рец. В. Качановскаго. 1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 169—174.
5499. Rabelais et son oeuvre, par J. Fleury. 2 vol.—Рец. 1877, ч. 193, октябрь, II, стр. 251—255.
5500. Les Mabinogion. Par I. Loth. Tome I. (Cours de littérature celtique, tome III). Paris. 1889.—См. статью Ш. В. Валобановой: Кельтскія повѣсти.
5501. Поэмы *Ossiana* *Джемса Макферсона* (I. Macpherson. Poems of Ossian). Изслѣдованіе, переводъ и примѣчаніе К. В. Валобановой. Спб. 1891.—Рец. И. М. Воддакова. 1891, ч. 275, июнь, отд. II, стр. 492—503.
5502. *Ludwig Geiger*. Petrarca. 1874. — Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 418.
5503. *Serafino-Amabile Guastella*. Can-

- ti popolari del circondario di Modica. 1876.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.
5504. *Atilio Hortis*. Scritti inediti di Francesco Petrarca. 1874.—Рец. 1875, ч. 179, июнь, отд. II, стр. 418.
5505. *Giornale storico della letteratura italiana*, diritto e redatto da *Arturo Graf*, *Francesco Novati*, *Rodolfo Renier*. 1883—1884.—Отзывъ въ статьѣ А. Веселовскаго: Новости по изученію итальянск. литературы.
5506. Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Историко-литературные очерки *Н. Дамаскевича*. I. Киевъ.—Рец. 1890, ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 273. (Кн. новости).
5507. История французской литературы. Составлено по *Demogeot*, *Ambertin*, *Gidel*, *Littre*, *Léniert* и другимъ. Вып. I (IX—XV столѣтія). Спб. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 264—265. (Кн. новости).
5508. *A. Jeanroy*. Les origines de la poésie lyrique en France au moyen âge (études de littérature française et comparée). Paris. 1889.—См. статью *Э. Д. Ватюшкова*: Зачатки французской лирики.
5509. *Italianische Märchen*, mitgetheilt von *H. Knust*. Jahrbücher für romanische und englische Literaturgeschichte VII, 4.—См. статью А. Веселовскаго: Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса.
5510. *Italianische Volksmärchen*, von *R. Köhler*. Jahrbücher für romanische und englische Literaturgeschichte. VIII, 3.—См. статью А. Веселовскаго. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса.
5511. *Emmanuel Cosquin*. Contes populaires de Lorraine comparés avec les contes des autres provinces de France et des pays étrangers et précédés d'un essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens. Paris.—См. статью А. Н. Веселовскаго: Лорренскія сказки.
5512. *Fanfani e Pesserini*. Opere di *Niccolo Machiavelli*. Firenze 1878.—Рец. 1873, ч. 169, сентябрь, отд. II, стр. 138—139.
5513. *Mélusine*, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages, dirigée par *H. Gaidos et E. Rolland*. Paris. 1877.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1877, ч. 189, январь, отд. II, стр. 151—156; 1878, ч. 195, январь, отд. II стр. 155—186.
5514. *Kristoffer Nyrop*. Den oldfranske Heltedigning. Kjöbenhavn. 1883.—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго. Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ.
5515. Восточныя сказки въ средневѣковой французской литературѣ. *Г. Париса*. Переводъ Л. Шепелевича съ предисловіемъ. Одесса.—Рец. 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 425—426. (Кн. новости).
5516. *Gaston Paris*. Manuel d'ancien français. T. I. La Littérature française au moyen âge. Paris. 1888.—См. статью *Э. Д. Ватюшкова*. Новый трудъ Г. Париса о французской литературѣ въ средніе вѣка.
5517. *Pitré*. Delle sacre rappresentazioni popolari di Sicilia.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.
5518. *Stanislao Prato*. La leggenda del tesoro di Rampenite nelle varie redazioni italiane e straniere. Como. 1882.—Рец. А. Веселовскаго: 1882, ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 160—165.
5519. Le tradizioni popolari nel poemі d'*Antonio Pucci*—статья А. Веселовскаго въ *Ateneo Italiano*, 1866, 15 Aprilej. — Рец. въ статьѣ *Э. Бу-*

- слава: Опыт г. Веселовскаго по сравнит. изученію древне-итальян. литер. и народ. словесн. славян. въ особенности русской.
5520. *Po Bajna. Le origini dell'eroica francese.* Firenze. 1884.—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго; Новые изслѣдованія о французскомъ эпосѣ.
5521. *Rivista Critica della Letteratura Italiana.*—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Е—ва: Новые иностранные критическіе журналы.
5522. *Scheffler. Die französische Volksdichtung und Sage.* 1884—1886.—См. статью А. Н. Веселовскаго; Новые книги по народной словесности.
5523. *Romanisches und Keltisches. Gesammelte Aufsätze von Hugo Schwardt.* Berlin. 1886.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 313—326.
5524. *Siragusa, L'ingegno, il sapere e gli'intendimenti di Roberto d'Angio.* Torino—Palermo. 1891. См. статью А. Н. Веселовскаго. Король-папгоцій.
5525. *Rivista di letteratura popolare, diretta da Francesco Sabbatini.* 1877. № 1.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1878, ч. 196, январь, отд. II, стр. 155—166.
5526. *Ad. Tobler. Die altvenetianische Uebersetzung der Sprüche des Dion. Cato.* Berlin. 1883.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 461—462 (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ГЕРМАНСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

А. Статьи.

5527. **Ө. Д. Ватюшковъ.** Сага о Финнбогѣ Сильномъ.—1886, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 217—277; ч. 240, июль, стр. 63—109.
5528. **В. А. Вильбасовъ.** Монахиня Росвита, писательница X в.—1873, ч. 167, май, отд. II, стр. 1—28. июль, стр. 211—259.
5529. **А. И. Браудо.** Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлору. (Библиографическая замѣтка).—1890, ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 336—396.
5530. **А. И. Веселовскій.** Новые отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарь Ладброкъ.—1871, ч. 154, апрѣль, отд. II, стр. 95—142.
5531. **А. Н. Веселовскій.** Славяно-германскіе отрывки (I. Rosmiföll и остевейскіе готы; II. Валькири—Welig, 'Hlöioon peðion, Вила-Viola; III. Сербскія вѣны)—1889, ч. 264, июль, отд. II, стр. 1—14.
5532. **П. Висноватскій.** О „Фаустѣ“ Гёте.—1871, ч. 155, июль, отд. II, стр. 269—296; ч. 157, сентябрь, отд. II, стр. 47—103.
5533. **П. Висноватскій.** Нисъмо изъ Берлина. (О сочиненіи Давида-Фридриха Штрауса „Ульрихъ фонъ Гуттенъ“).—1872, ч. 159, февраль, отд. W. стр. 210—229.
5534. **Л. Mueller.** Petrois.—1878, ч. 200, ноябрь, отд. V, стр. 147—150.
5535. **Л. А. Миллеръ.** Петренда Голландскаго поэта Гадзо Конманзія.—1880, ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 325—330.
5536. **П. И. Фейрцавъ.** Очеркъ мадлярской литературы.—1870, ч. 150, августъ, отд. II, стр. 266—311.
5537. **И. П. Хрущовъ.** Историческое изученіе отечественной лите-

ратуры въ Германіи отъ Готшеда до „историч. грамат.“ Ян. Гримма) — 1869, ч. 146, октябрь, отд. II, стр. 261—293.

5538. Кн. Н. Шаховской. Легенда и первая народная книга о Фаустѣ. — 1880, ч. 211, октябрь, отд. II, стр. 369—401.

Б. Рецензии.

5539. Allgemeine Oesterreichische Literaturzeitung. Litorarisches Centralorgan für die Oesterr.-Ungar. Monarchie.—Отзывъ въ статьѣ А. И. К—ва: Новые иностранные критическіе журналы.

5540. Г. Э. Лессингъ какъ драматургъ. *Г. К. Андерсона*. Спб. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 533. (Кн. новости).

5541. *Boyle*. Schakespeare's Wintermärchen und Sturm. 1885.—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Новые книги по народной словесности.

5542. *Boyle*. Ueber die Echtheit Heinrichs VIII von Shakespeare. St.Pbg.—Рец. въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Новые книги по народной словесности.

5543. Johann Rouchlin. Sein Leben und seine Werke, von Dr. *Ludwig Geiger*. Leipzig 1871. — Рец. А. Кирпичникова. 1871, ч. 158, ноябрь, отд. II, стр. 163—167.

5544. *Геримъ*. Islendzk Aeventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen. 1883—1884.—Отзывъ въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Новые книги по народной словесности.

5545. *Gothe's* Unterhaltungen mit dem Kanzler F. v. Müller. 1870.—Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 332—333.

5546. *R. Koser*. Der Kanzleistreit.—Рец. 1876, с. 187, октябрь, отд. II, стр. 218—220.

5547. Довъ-Жуанъ. Поэма лорда Байрона. Переводъ *Л. А. Козлова*. Двѣ частн. Спб. 1889.—Рец. П. И. Вейн-

берга. 1889, ч. 264, августъ, отд. II, стр. 437—451.

5548. Briefwechsel zwischen Goethe und Marianne von Willemer, von *Th. Creizenach*. Stuttgart, 1877.—Рец. 1878, ч. 195, февраль, отд. II, стр. 429—430.

5549. *Richard M. Meyer*. Alte deutsche Volksliedchen. 1885.—Рец. въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: Новые книги по народной словесности.

5550. Эразмъ Роттердамскій, какъ сатирикъ и значеніе его сатиры для современнаго ему общества. Историч. очеркъ гр. *А. А. Мусина-Пушкина*. Спб. 1886.—Рец. И. М. Волдамова. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 176—177.

5551. *Aus F. H. Jacobi's Nachlass*. Ungedruckte Briefe von und an Jacobi und Andere. Nebst ungedruckten Gedichten von Göthe und Lenz. 1869.—Рец. 1871, ч. 155, июнь, отд. II, стр. 382.

5552. Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. *И. Сазоновича*. Варшава.—Рец. 1889, ч. 262 апрѣль, отд. II, стр. 441—442. (Кн. новости).

5553. Ruodlieb, der älteste Roman des Mittelalters, nebst Epigrammen, herausgegeben von *F. Seiler*. 1882.—Рец. А. Веселовскаго. 1883, ч. 228, июль, отд. II, стр. 112—123.

5554. *Schaumburg*. Untersuchungen über das deutsche Spruchgedicht. Salomo und Morolf. 1875.—Рец. А. Н. Веселовскаго. 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.

5555. *Christian Schneller*. Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein Beitrag zur deutschen Sagenkunde. Innsbruck. 1867.—См. статью А. Веселовскаго: Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса.

5556. *Alwin Schults*. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Lpz. 1877—1880. Два тома. Рец. Александра Веселовскаго. 1882, ч. 221, июнь, отд. II, стр. 283—294.

8. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

А. Статьи.

5557. Ю. Анкезовъ. Чешскія сочиненія Гуса и время ихъ написанія. (Биографическія разысканія).— 1877, ч. 192, августъ, отд. II, стр. 253—266.

5558. П. А. Веселовъ. О славянскомъ народномъ пѣснотворчествѣ.—1867, ч. 134, июнь, отд. II, стр. 785—793.

5559. П. О. Вобровскій. Судьба Супрасльской рукописи.—1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 268—311; ч. 254, ноябрь, стр. 79—102.

5560. П. О. Вобровскій. Дополненіе къ статьѣ „Судьба Супрасльской рукописи“.— 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 307—315.

5561. П. О. Вобровскій. Еще замѣтка о Супрасльской рукописи.— 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 339—347.

5562. Э. Вуслаевъ. Объ одной славянской рукописи, находящейся въ Пармской Публичной библиотекѣ.— 1875, ч. 180, августъ, отд. II, стр. 238—244.

5563. А. Н. Веселовскій. Хорватскія пѣсни о Радославѣ Павловичѣ и италіанскія поэмы о гнѣвномъ Радо.—1879, ч. 201, январь, отд. II, стр. 89—111. Поправки (опечатки). Ibid., стр. 173.

5564. А. Н. Веселовскій. Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника. (По поводу 1) статьи II Сырку: Zur mittelalterlichen Erzählungs-

litteratur aus dem Bulgarischen—въ VII т. Archiv für slavische Philologie и 2) изданія II. Сырку: Византийская повѣсть объ убѣшеніи мш. Никифора Фоки въ старин. болгарск. пересказѣ. Спб. 1883).— 1884, ч. 231, январь, отд. II, стр. 76—90.

5565. А. Н. Веселовскій. Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителяхъ и сказаніе объ апостолахъ Андреехъ.—1885, ч. 239, июнь, отд. II, стр. 231—237.

5566. А. Н. Веселовскій. Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрин.— 1884, ч. 233, июнь, отд. II, стр. 149—197; ч. 235, сентябрь, стр. 16—85.

5567. А. Н. Веселовскій. Двѣ замѣтки къ вопросу объ источникахъ сербской Александрин.—1885, ч. 241, октябрь, отд. II, стр. 169—209.

5568. А. Н. Веселовскій. Баллада о Добрашанѣ и Франкѣ въ румынской народной поэзіи.—1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 21—27.

5569. А. Н. Веселовскій. Амфилохъ—Evalach. Эпизодъ Grand St.-Grald въ славянскомъ апокрифѣ.—1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 370—382.

5570. А. Н. Веселовскій. Славяногерманскіе отрывки. (I. Rosmuffjöll и остзейскіе готы. II. Валькирин.— Welis, 'Hλόαιον κεδίων, Вила - Viola, III. Сербскія вилы).—1889, ч. 264, июль, отд. II, стр. 1—14.

5571. В. Качановскій. Хорватскія летописи XV—XVI вѣковъ.—1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 68—76.
5572. В. Качановскій. Антоны-Маринъ Глеговичъ, неизданный дубровницкій поэтъ.—1882, ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 73—104, апрѣль, стр. 226—273; ч. 221, май, стр. 1—53.
5573. А. Кочубинскій. Историкъ литературы славянъ. (По поводу книги: 1) Пынина и Спасовича. Исторія славян. литературъ. Изд. 2. Слб. 1879, т. I. 2) В. И. Григоровича. Обзоръ славянскихъ литературъ. Воронежъ. 1879. 3) С. Courtière. Histoire de la littérature contemporaine chez les Slaves. Paris. 1879. 4) Р. Брадта. Историко-литературный разборъ поэмы Ив. Гупдулича Османъ. Кіевъ. 1879).—1880, ч. 209, май, отд. II, стр. 149—178.
5574. П. Кулаковскій. Лукіанъ Мушицкій. Очеркъ изъ исторіи новой сербской литературы.—1881, ч. 216, августъ, отд. II, стр. 243—280.
5575. Н. А. Лавровскій. О новомъ чешскомъ переводѣ слова о полку Игоревѣ (по поводу: „Dvě Zpěvy staroruských, totiž: o výpravě Igorově á Zágonština, vydal Karel Jaromír Erben. V. Praze. 1870).—1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 276—302.
5576. Н. А. Лавровскій. Очеркъ жизни и дѣятельности К. Я. Эрбена.—1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр. 1—19. (Съ Р. С. редактора—стр. 19—20).
5577. В. И. Ламанскій. Болгарская словесность въ XVIII в.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. II, стр. 107—123.
5578. Л. Н. Майковъ. Замѣтка для профессора В. В. Качановскаго.—1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 436—437. (По поводу его возраженія на критическую статью В. В. Макушева о сочин. „Неизданный дубровницкій поэтъ А. М. Глеговичъ“).
5579. В. Мажушевъ. Южно-русскія сказанія по рукописи библиотеки Оссолинскихъ во Львовѣ.—1881, ч. 217, сентябрь, отд. II, стр. 94—112.
5580. В. Э. Миллеръ. Замѣтки по поводу сборника Верховича—1877, ч. 193, октябрь, отд. II, стр. 110—132.
5581. Н. А. Поповъ. Иосифъ Юнгманъ (1773—1873).—1873, ч. 168, июль, отд. II, стр. 171—196.
5582. Н. А. Поповъ. Къ вопросу о Супрасльской рукописи.—1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 304—306.
5583. Никъ Поповъ. Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича. (Отзывъ о соч. П. Кулаковскаго: Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М. 1882).—1882, ч. 220, апрѣль, отд. II, стр. 162—225. Поправка (опечатки). Ibid., ч. 221, май, стр. 158.
5584. С. Пташницкій. О литературной дѣятельности Августа Бѣлевскаго.—1877, ч. 194, декабрь, отд. II, стр. 115—148.
5585. С. Пташницкій. В. А. Мацѣевскій.—1883, ч. 226, мартъ, отд. IV, стр. 51—60.
5586. П. Ровинскій. О современномъ состояніи письменныхъ памятниковъ въ Черногоріи.—1883, ч. 229, сентябрь, отд. II, стр. 56—65.
5587. М. Сомоховъ. Повеоткрытое сочиненіе Крижанича о соединеніи церквей.—1891, май, ч. 275, отд. II, стр. 1—56.
5588. П. Сържу. Остатки славянской литературы въ Молдавіи. (Ред. труда Note dintr'o excursiune in Moldova de I. Bianu).—1882, ч. 220, апрѣль, отд. II, стр. 300—306.
5589. П. А. Сържу. Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія

- Цамблаци. (Разборъ труда: Episcop Melchisedec. *Viéta si scrierile lui Grigorie Tamblaca. Bucuresci*. 1884). — 1884, ч. 236, ноябрь, отд. II, стр. 106—153.
5590. П. А. Сьмржу. Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія. (Отзывъ о журналѣ: *Buletenui Ministeriitii instructiunii publice si al cultelor. Anul. I, № 1—4. Bucuresti*. 1884, 1885). — 1885, ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 363—373.
5591. П. А. Сьмржу. Журналъ болгарскаго литературнаго общества. — 1882, ч. 232, августъ, отд. II, 355—371.
5592. П. А. Сьмржу. Къ вопросу объ исправленіи книгъ въ Болгаріи въ XIV в. По поводу одного малоизвѣстнаго литургическо-литературнаго труда послѣдняго Болгарско-Терновскаго патриарха Евеніи. — 1886, ч. 245, июнь, отд. II, стр. 308—348; ч. 247, сентябрь, стр. 29—57.
- Б. Рецензии.*
5593. Беседа на Рождество Христово, приписываемая Василію Великому (по сербской рукописи XV вѣка). Казань. 1889. — Рец. 1890, ч. 267, февраль, отд. II, стр. 389—390. (Кн. новости).
5594. Судьба Супрасльскаго рукописи, открытой М. К. Бобровскимъ. II. *О. Бобровскаго*. С.-Пб. 1887. — Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 532. (Кн. новости).
5595. *Buletenui Ministeriitii instructiunii publice si al cultelor. Anul. I, № 1—4. Bucuresti*. 1884. — Отзывъ въ статьѣ П. Сьмржу: Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія.
5596. *Верховскій Федоръ*. Христофоръ Варшавскій и его сочиненія (1543—1603 гг.). Историко-литературное изслѣдованіе. Варшава. 1885. — Рец. С. Л. Пташницкаго. 1886, ч. 246, августъ, отд. II, стр. 361—375.
5597. Древняя Болгарская пѣсня объ Орфѣѣ, открытая *Стеф. Верховичемъ*. Изд. В. А. Дашкова. М. 1867. — Рец. О. Э. Миллера. 1868, ч. 139, июль, отд. II, стр. 357—361.
5598. Изъ исторіи древне-болгарской церковной проповѣди. Константинъ, еп. Болгарскій. — Архимандрита *Антонія (Вадковскаго)*. Казань. 1886. — Рец. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 92—93. (Кн. новости).
5599. Bartłomieja Zimowicza *Hymny na uroczyste swięta Bogarodzicy*, изд. *Влад. Висловскій*. Краковъ. — Рец. 1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 106.
5600. *W. Wollner. Der Lenorenstoff in der slavischen Volksprosa*. — Отзывъ въ статьѣ Г. С. Десгуниса: Сказаніе о братѣ — мертвецѣ или женитѣ — мертвецѣ.
5601. *M. Gaster. Chester lectures on greco-slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages*. London. 1887. — Рец. А. Н. Веселовскаго. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 217—247.
5602. *Даничичъ*. Рукопись Владислава Грамматика 1469. (Starine I. A., j. 1). — Рец. (въ ст. А. Вуджловича: Славян. библиогр.) 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 365.
5603. *Даничичъ*. Индійскія сказки Стефанитъ и Ихилятъ. (Starine I. A. j. II). — Рец. (въ ст. А. Вуджловича: Славян. библиогр.) 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 366.
5604. Старине Хиландарске *Од Н. Дуцића, архимандрита*. У Београду. 1884. — Рец. П. А. Сьмржу. 1886, ч. 237, январь, отд. II, стр. 206—215.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1899 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему
 Сенату.**

	СТРАН.
6-го декабря 1898 года	3

Высочайшія повелѣнія.

1. (10-го іюня 1898 года). О возложеніи правъ и обязанностей попечительнаго совѣта Эриванской женской гимназій Св. Рипсиміи на правленіе Эриванскаго отдѣленія женскаго благотворительнаго общества св. Нины	3
2. (10-го іюня 1898 года). Объ измѣненіи рисунка крестовъ для награжденія воспитанницъ учебныхъ заведеній благотворительнаго общества св. Нины	4
3. (10-го августа 1898 года). Объ учрежденіи при Клинскомъ городскомъ училищѣ стипендіи имени Государя Императора Николая II	5
4. (16-го сентября 1898 года). О преобразованіи Одесской прогимназій въ полную гимназію	5
5. (16-го сентября 1898 года). О присвоеніи учреждаемому въ Охтенскомъ пригородѣ четырехклассному городскому училищу Имени въ Божѣ почившаго Императора Петра Великаго	6

6. (16-го сентября 1898 года). О принятіи Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ и учреждаемаго при ней попечительства подъ Августѣйшее Покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича . . . . . —
7. (15-го октября 1898 года). О присвоеніи Тифлисской 2 гимназій наименованія: „Тифлисская 2 мужская Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича гимназія“ . . . . . —
8. (16-го сентября 1898 года). Объ утвержденіи правилъ о вознагражденіи лицъ, нашедшихъ метеориты, за доставленіе таковыхъ въ правительственные естественно-историческіе музеи 7

**ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

11-го ноября 1898 года	9
19-го ноября 1898 года	—
1-го декабря 1898 года	10
8-го декабря 1898 года	39
15-го декабря 1898 года	43
21-го декабря 1898 года	44
1-го января 1899 года	50
6-го января 1899 года	75

**ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ 15**

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (10-го октября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Величества Государа Императора Николая Александровича при Клискомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ 18
2. (9-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ при Екатеринославской Маріинской женской гимназій имени умершей вдовы купца 2-й гильдіи Франциски Ивановны Петровой 19
3. (19-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Владимира Рѣшетовскаго при Новочеркасской гимназій 20
4. (20-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени покойнаго потомственнаго почетнаго гражданина города Елабуги Василія Григорьевича Стахѣева при Елабужскомъ реальномъ училищѣ 21
5. (23-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы штабсъ-капитана Елизаветы Ивановны Ижицкой при Житомирской 1-й мужской гимназій 22
6. (24-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Александровича Фодосѣева при Валуиской Маріинской женской прогимназій . . . . . —

7. (25-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Θεодоровны Ушаковой при Казанской 2-й гимназіи	23
8. (30-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи при С.-Петербургской 2-й гимназіи имени тайнаго совѣтника Якова Исаковича Утина	24
9. (30-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Степановича Крутикова при Новгородской мужской гимназіи	25
10. (1-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Θεодоровны Ушаковой при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	25
11. (2-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Θεолога при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	27
12. (9-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи при Пинскомъ реальномъ училищѣ, учреждаемой на капиталъ, пожертвованный служащими и учащимися въ ономъ, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая 1896 года	76
13. (12-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени члена Нижегородской городской управы, архитектора Н. А. Фрелиха при среднемъ механико-техническомъ Владимирскомъ реальномъ училищѣ	77
14. (17-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ университетѣ подъ названіемъ „стипендіи имени Старовичъ-Никольскаго	78
15. (18-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени нижегородскаго мѣщанина Ивана Ивановича Яшнова при Нижегородскомъ Владимирскомъ реальномъ училищѣ	79
16. (16-го декабря 1898 года). Положеніе о единовременномъ денежномъ пособіи, учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ четыре тысячи рублей, пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Варварою Ивановною Капановою	80
17. (30-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени доктора медицины Николая Андреевича Бѣлоголоваго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	81
18. (22-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени астраханскаго 1-й гильдіи купца Дмитрія Васильевича Прусова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ	—
19. (30-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени Платона Θεодоровича Смирненко при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра	82
20. (30-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени Маріи Ивановны Шеленговской при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра	83
21. (22-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго заслуженнаго профессора и почетнаго члена Императорскаго Но-	

вороссійскаго университета протоіерея Михаіла Карповича Павловскаго	—
22. (2-го января 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени воѣскаго станщины Васиіа Алексѣевича Леонова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	84
23. (7-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давыдовича Делянова при управленіи Оренбургскаго учебнаго округа	85
24. (8-го января 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Терскаго казачьяго войска при шелкоткацкомъ отдѣленіи Батумскаго ремесленнаго училища	86

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	28 и 86
---	---------

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ	33 и 89
--	---------

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому образованію	36 и 90
Открытіе училищъ	36 и 91

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. И. Сергѣевичъ. Русская Правда и ея списки	1
Ф. А. Витбергъ. Ревнители русскаго слова	42
П. П. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (продолженіе)	123 и 437
— Оскаръ Іегеръ, его педагогическая и литературная дѣятельность	199
А. А. Шахматовъ. Пахомій Логозеть и хронографъ	200
Ө. И. Леонтовичъ. Сельскіе чиновники въ Литовско-русскомъ государствѣ	285
Графъ П. Капнистъ. Историческій очеркъ развитія реального образованія въ Германіи до восьмидесятихъ годовъ нашего столѣтія	309
А. С. Лаппо-Данилевскій. Русскія промышленныя и торговныя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка (окончаніе)	372

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. В. Латышевъ. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 n. Chr.) hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von Ernst Bonnell. 2 Band. St. Ptersburg. 1897	208
---	-----

Н. А. Рожковъ. <i>М. Дьяконовъ</i> . Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб. 1898	232
П. С. Омировъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. <i>А. К. Бородинъ</i>	249
Ө. Ө. Зигель. Критическія замѣтки I. <i>La justice administrative</i> , par R. Dagest. II. <i>L'anne sociologique</i> publiée sous la direction de Émile Durkheim, professeur de sociologie à la Faculté des lettres de l'université de Bordeaux. Paris. 1898	466
А. Л. Погодинъ. Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индо-германцевъ	498
Ив. А. Тихомировъ. <i>В. П. Александренко</i> . Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. Тома 1-й и 2-й. Варшава. 1897	512
Книжныя новости	276 и 517

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература	1 и 11
-----------------------------------	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наши учебныя заведенія: Среднія и низшія школы Кіевскаго учебнаго округа въ 1897 году	1
Кавказскій учебный округъ въ 1897 году	58
Л. Л—ръ. Письмо Парижа	72
В. Р. I. В. Н. Юргевичъ (<i>некрологъ</i>)	81
В. Р. II. А. А. Скальковскій (<i>некрологъ</i>)	84

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. Б. Мальмбергъ. По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ	1
А. Пападопуло-Керамевсъ. Алексій Макренвольтъ	19
С. А. Жебелевъ. Къ аенской надписи <i>Ath. Mitt.</i> XXIII, 26	24
Ф. Ф. Видеманъ. О началѣ греческой письменности	26
А. Векштремъ. <i>Eberhardi Bethuniensis Graecismus</i>	62

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 по 1891 годъ (гл. 21 и 22)	321—337
---	---------

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1899 годъ
(10-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Содержаніе январской книжки, выходящей вытѣ 2-го февраля, слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 3) Сравнительные итоги современнаго положенія начальнаго народнаго образованія въ Западной Европѣ. М. И. Страховой; 4) Высшее женское образованіе въ Чехіи и Сербіи въ связи съ образованіемъ общинъ. (По личнымъ наблюденіямъ). М. А. Алашова; 5) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Виренуса; 6) Характеръ, способности его изученія и классификація его типовъ. (Этологическій этюдъ). Я. Е. Оболенскаго; 7) Мысли о воспитаніи и обученіи. (Продолженіе). М. П. Яковлева; 8) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. М. А. Шеремова; 9) Къ вопросу о приговореніи преподавателей. (Историческая справка). Н. С. Аральева; 10) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. М. П. Блещенскаго; 11) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. Прив.-доцента А. Н. Мечева; 12) Забѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія. В. И. Вахтерова; 13) Критика и библиографія (10 рецензій); 14) Педагогическая хроника: а) Изъ хроникки народнаго образованія въ Западной Европѣ. Е. Р.; б) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; в) Хроника народныхъ библиотекъ. Еге-же; г) Хроника воскресныхъ школъ. М. И. Салтыковой и Х. Д. Алчевской; е) Хроника профессиональнаго образованія. В. Б—ча и мн. др. статьи и замѣтки; 15) Разныя извѣстія и сообщенія; 16) Объявленія.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ въ 1899 году будетъ выходить семитомно книжками не менѣе шатнадцати печатныхъ листовъ каждая.

Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинокъ рубль. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ руб.; съ доставкой—7 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—ВОСЕМЬ руб.; за границу—ДЕВЯТЬ руб. въ годъ.

Но сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ ЗА ШЕСТЬ рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА“ за 1898 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библиотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель *И. Г. Гуревичъ.*

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе, могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, приобретать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

2067
1

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1995**

